Джеймс Дуэн
С.М. Стирлинг

БОРТИНЖЕНЕР

БОРТИНЖЕНЕР

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Джеймс Дуэн
С.М. Стирлинг

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

JAMES S.M.

DOOHAN STIRLING

THE RISING

THE PRIVATEER

THE INDEPENDENT COMMAND

ДЖЕЙМС С.М.

ДУЭН СТИРЛИНГ

БОРТИНЖЕНЕР

ВОСХОЖДЕНИЕ

КАПЕР

НЕЗАВИСИМЫЙ ОТРЯД

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д79

Серия основана в 1999 году

James Doohan, S.M. Stirling
THE RISING
1996
THE PRIVATEER
1999
THE INDEPENDENT COMMAND
2000

Перевод с английского М. Кондратьева

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Bill Fawcett & Associates и Александра Корженевского.

Подписано в печать 22.04.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 5000 экз. Заказ № 1256.

Дуэн Дж.

Д79 Бортинженер: Восхождение. Капер. Независимый отряд: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Дж. Дуэн, С.М. Стирлинг. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 763, [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-010032-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0074-6 (ЗАО НПП «Ермак»)

Он — герой галактической войны, потерявший в бою правую руку и вынужденный стать скромным бортинженером на элитном космическом линкоре... но это — ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ.

В реальности же элитный линкор «Африка» — старое корыто, толком не способное пролететь и пару-другую парсеков... а скромный бортинженер — лихой парень, весьма довольный новой непыльной работенкой и новой, приживленной рукой!

Но... знал бы он, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ!

А дальше — головокружительные космические приключения, пираты, негуманоидные чужаки, предатели, религиозные фанатики... и черт знает что еще.

И со всем этим предстоит разобраться Питеру Редеру — разудалому звездолетчику далекого будущего!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© James Doohan & S.M. Stirling, 1996, 1999, 2000
© Перевод. М. Кондратьев, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ВОСХОЖДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А что было потом? — с интересом спросила официантка, придвигаясь ближе и заманчиво сияя глазами.

— А потом я умер,— голосом низким и торжественным ответил ей коммандер Питер Эрнст Редер.

— Да ну вас! — Она шаловливо хлопнула его по плечу полотенцем.— Ладно, видик посмотрите. А мне стойку протереть надо.

Редер вздохнул и принялся тыкать пальцем по кнопкам.

Щелк.

— Я хочу тебя, Ворн!

— Но, Лирика, у меня жена, дети!

— Они тебе не нужны, Ворн... тебе нужна я! Только меня ты хочешь!

— Мне жаль тебя, Лирика! Ты даже не понимаешь всей пропасти между словами «любить» и «хотеть»!

Щелк.

— Подлинный антрацит с Земли. Сформировавшийся миллионы лет тому назад из настоящей живой материи, этот роскошный камень может стать вашим всего за...

Щелк.

— Грррехххх! Видит Всемогущий, мы пытались их спасти. Наших падших братьев и сестер. Мы взывали к ним, вразумляли и молили, но они нас не слушали. Тогда мы отвернулись от них и бежали с того карнавала ЗЛА. Они же за нами не последовали. Они продали нам место, которое считали пустыней. Но мы твердо знали, что сделаем из него рай!

И все же... все же нас подстерегало искушение. Да, даже здесь, где вокруг нас были только братья и сестры. В том самом месте, где мы искали искупления, лежал змий... мы слышали его подлое шипение о богатстве... о власти. Мы могли купить себе рай, нам уже не требовалось его строить. Именно этого мы возжелали, и средство было под рукой. Почти неограниченный запас горючего. И мы пали.

Они так хотели это горючее! Они заплатили бы любую цену... И мы пали. Мы продали наш драгоценный источник, позволили им построить промышленные платформы, где работали их специалисты. И мы помогли им распространить черное пятно греха по вселенной. Мы дали им средства к изнасилованию...

— Гм. Можно я переключу? А то когда Толкователи мокаков начинают вот так про изнасилование вещать, мне что-то не по себе становится.

Редер усмехнулся и отдал официантке пульт. Они самую малость заигрывали друг с другом с тех пор, как он присел к стойке. Похоже, ей пришлась по вкусу его чернявая ирландская привлекательность, а он ничего не имел против ее аппетитно-карамельного шарма. Кроме того, вряд ли он мог рассчитывать на лучшее времяпрепровождение в ожидании транзитных инструкций.

Он огляделся. Большая квадратная комната, свет как раз тот, что надо, повсюду интересные скошенные зеркала. Кабинки одновременно и уютные, и вместительные, а на столики можно не только выпивку, но и локти поставить; даже табуреты у стойки самые что ни на есть удобные. Сама стойка из золотистого дуба имела внизу настоящую латунную подножку — астронавты были в таких вещах ох как разборчивы. На дальней стене бара висели голограммы с подписями. Самые старые относились в основном к Топографической Службе; там были те, кто открывал новые системы или погибал при такой попытке. Более современные демонстрировали главным образом летчиков-истребителей, стрелков и десантников, брошенных на борьбу с мокаками. Расположенный в военном космопорте Кап-Гаттерас бар «Облатка» был своего рода жемчужиной.

«Интересно,— голосом Хамфри Богарта подумал Редер,— почему из всех распивочных на всех базах этого мира мне довелось именно в эту забрести? Ведь этот бар просто образцовый.— Он вздохнул.— Я тут всего раз побывал и уже наверняка знаю, что буду по нему скучать»,— грустно подумал он затем. Зато Питер точно не собирался скучать по госпиталю с его изнурительными часами физиотерапии и страстно желал вернуться к настоящей работе.

Официантка переключила видик на спортивную программу, и это разом вывело Редера из задумчивости. Стена превратилась в беспорядочную кутерьму мечущихся фигур, глухих ударов и стонов с ревом толпы на заднем плане.

Красочно разодетые чудища на полном ходу наскакивали друг на друга, испуская театральные охи и крехи вперемежку с низким рычанием. Игра представляла собой что-то вроде американского футбола, только без мяча. Здоровенные мужики толкали друг друга по полю к стойкам ворот, схватываясь и вырываясь. Изображение дергалось и мигало, пока режиссер переключался с одной нашлемной камеры на другую.

Редер с официанткой немного понаблюдали, после чего в обоюдном безразличии отвернулись.

— А почему мы вообще с этими фанатиками в войну ввязались? — раздраженным тоном спросила официантка, имея в виду ту программу, с которой она только что переключилась.— Я хочу сказать, если мокаки хотели от Содружества отделиться, почему мы тогда при первом же удобном случае раз и навсегда с ними не распрощались? Сказали бы им скатертью дорожка и все дела. Нет, правда, почему? — Она недовольно закатила глаза.

— Вижу, моя милая, вы никогда об антиводороде не слышали.— Питер глотнул еще пива.— Реальность такова, что без него Содружеству очень туго придется.

Хотя вопрос был вполне уместен. «Эти мокаки,— подумал Редер,— так омерзительны, что порой кажется — надо совсем с ума сойти, чтобы даже в бою с ними дело иметь».

Официантка сморщила курносый носик.

— Не надо мне про реальность, когда я про мокаков ворчу. Это просто невежливо. И почему они, кстати, мокаки? Если имеются в виду обезьяны, то они куда симпатичнее.

— МОКАК означает «Миссия, Осуществленная в Конгрегации Аскетизма и Кротости».— Редер понаблюдал, как официантка с трудом это усваивает; от неодобрения у нее аж уголки рта втянулись.

— Конгрегация...— пробормотала она.— Это что-то из физики. Или нет — это такая болезнь. Когда газы в желудке.

Питер прыснул, затем взял ее за руку и с серьезным видом произнес:

— Видите ли, милочка, должен с прискорбием вам сообщить, что у вас конгрегация. Выйдите, пожалуйста, из моего кабинета, а то вы сейчас ка-ак рванете.

Официантка взорвалась смехом. Она была просто очаровательна, когда смеялась. «Глаза так и искрятся»,— подумал Редер.

— А что это на самом деле такое? — поинтересовалась она, кокетливо выдвигая плечико.

— Конгрегация? Ну, это значит собрание или церковь...

Странным образом его очередной исчерпывающий ответ, похоже, вселил в официантку какую-то робость, и она смущенно отодвинулась. «Вот так всегда,— обреченно подумал Питер, наблюдая, как она уходит.— Нельзя раз за разом людям верный ответ давать». Было особенно досадно, когда у него так с хорошенькими женщинами получалось. Редер сжал губы. «А, ладно,— решил он затем.— Может, и к лучшему. Очень некстати было бы свою единственную и неповторимую в баре „Облатка" встретить. Да еще в такой момент своей военной карьеры».

Приказ о его новом назначении уже был подписан, и ему предстояло покинуть военный космодром Кап-Гаттерас, как только пилот челнока прибудет, чтобы ему этот приказ вручить. Один

Бог знал, когда он еще это место увидит — если вообще когда-то увидит.

Питер скорчил гримасу и левой рукой осторожно взял бокал с пивом, косо поглядывая на правую. «Ненавижу эту штуковину,— подумал он.— Пусть даже это и лучший протез, какой современная медицина может мне обеспечить». Кисть его правой руки выглядела совсем как настоящая. Вот почему с некоторых пор с каждого солдата в обязательном порядке делали трехмерную голограмму. Если ты по нечаянности терял какую-то часть своего тела, тебе железно обеспечивали механический дубликат.

Однако новая рука по-прежнему болела и оставалась практически немой. Спецы сказали, что когда он привыкнет к сигналам с нервного интерфейса, появится больше нюансов — больше восприятий тепла и холода, твердого и мягкого, хотя чувствительности настоящей руки протез никогда не достигнет.

И он все еще только учился им управлять. Питер посмотрел, как поблескивают крошечные стеклянные осколки на том месте, где он расколотил свой первый бокал пива в «Облатке». Стоило только задуматься, на что-то там рассердиться... хлоп! — и он уже осколки из ладони вынимал. Редер вздохнул и покачал головой, вспоминая, что ему тогда сказал физиотерапевт.

— Так или иначе, Редер, хотя бы первые несколько месяцев, если будете в гневе, в ванную комнату даже не заходите.

Впрочем, самым худшим в протезе, тем, за что он по-настоящему его ненавидел, было то, что он не мог как следует с компьютером «спида» состыковываться.

Пилот опускал руки в перчатках в специальные приемные лунки, которые напрямую подключали его к бортовому компьютеру. С внутренней стороны перчатки были напичканы датчиками, которые регистрировали каждое мышечное сокращение, непрерывно измеряли кровяное давление и анализировали химический состав пота, заставляя «спид» фактически становиться частью твоего тела. Машина нацеливала орудия и выбирала направление исходя из положения твоих глаз, но именно кисти твоих рук определяли, выстрелят ли эти орудия, а также куда и с какой скоростью ты полетишь.

Протезу недоставало необходимого тонкого контроля, а химическая составляющая здесь вообще отсутствовала, откуда вытекало, что добрая половина органов управления «спидом» на искусственную руку как надо не откликалась. Отсюда в свою очередь вытекало то, что отныне Редер был от полетов отстранен.

Его темные брови почти сошлись у переносицы, когда он нахмурился. Все это по-прежнему больно его кололо и ощущалось как ампутация чего-то куда более важного, чем кисть правой руки.

«И впрямь,— мрачно подумал Питер,— почему мы просто не отпустили мокак, когда они сказали, что отбывают?» Тут он покачал головой и печально улыбнулся. Даже самый яростный и

наивный противник войны знал на это ответ. «Потому что без антиводорода нет торговли между системами, а без торговли между системами от Содружества меньше чем через год одно лишь приятное воспоминание останется».

Содружество попыталось предложить мокакам планету-сад в обмен на ту пустыню, которую они когда-то купили, но их теократические правители, Толкователи Праведного Пути, отказались. «Представляю,— подумал Редер,— как они при этом с пеной у рта весь род человеческий обличали. До Адама включительно».

А все потому, что, словно подтверждая наличие у Бога недюжинного чувства юмора, сектор мокаков оказался единственным местом в исследованном человеком космосе, где содержались крупные запасы антиводорода, естественным образом заключенные в магнитный матричный материал. В последовавшее за этим столетие старые заводы физико-химического синтеза были закрыты, ибо их жалкая струйка дорогостоящего горючего затерялась в изобильном потоке дешевой энергии от платформ разработки природных ресурсов. Торговля переживала бум. Содружество сделалось как никогда сплоченным — и в высшей степени зависимым от поступления этого самого потока.

Питер представил себе, как Космический Отряд насильно выдворяет мокаков с их высохшей, пыльной планетки с ее слишком резким солнцем и наполовину отравленной водой, переселяя их в мир нежных ветерков, роскошной растительной жизни и вкуснейшей воды, в мир, доверху набитый всевозможными рудами и прочими прелестями. «То-то бы они нас возненавидели,— подумал он.— Мы бы у них где-то на уровне филистимлян или того хуже котировались».

И это при том, что нормальные люди — к примеру, жители какого-нибудь адского мира вроде Каттавасии, который был просто раем в сравнении с вотчиной мокаков,— продали бы своих бабушек, дедушек и лучшие зубы за возможность поменяться планетами. Да что там говорить — они бы за один приличный отпуск своих бабушек продали!

Разумеется, Содружество по-прежнему не было застраховано от падения. Если верить слухам, запасов антиводорода могло хватить только на восемнадцать месяцев активных военных действий, а запасы эти лишь спорадически пополнялись после отважных набегов на мокакские перерабатывающие заводы. Не так давно вновь запущенные заводы по производству синтетического антиводорода выдавали сущие крохи по цене в десять раз дороже.

— Затычку из ванны вынули, а из крана теперь только жалкая струйка течет,— выразился как-то один из знакомых Питера.

Редер поднял бокал в память об этом своем закадычном друге, убитом в том же самом сражении, что унесло руку, «спид» и славу Питера. Он тогда записал на свой счет четыре мишени, но

регистрирующий компьютер был уничтожен мощным пучком частиц, который и опустил его с небес на землю. Те четыре победы довели бы общий счет Редера до семи, делая его самым удачливым асом за всю войну.

«Пришла беда — отворяй ворота»,— не без юмора подумал Питер. Пока он выздоравливал в госпитале, ему по этому поводу даже сон приснился. Сварливый старик адмирал как раз собирался прицепить коммандеру Редеру медаль за славные подвиги. Питер стоял там гордый как павлин, но тут вдруг какой-то шибздик вскочил на сцену и ну орать:

— Стойте! Это ошибка! Мы проверили его записи, и по ним выходит, что он все время по одному и тому же мокаку палил!

— Чушь собачья! — воскликнул Редер.

— Дайте сюда,— прорычал адмирал и выхватил у шибздика голоснимки. Затем он бросил огненный взор на Питера.— А мы для вас торт приготовили,— сказал он.— Со всякими там фитюльками. Моя жена лично его заказала. Как же мне этого торта хотелось. А теперь я его есть не смогу.

— Но он лжет,— стал настаивать Питер.— Это не доказательство — это всего лишь семь идентичных голограмм. Пожалуйста, проверьте хотя бы сами записи,— взмолился он.

— Нет! Это уже неважно,— проворчал адмирал.— Все равно праздник испорчен.— Затем он повернулся и сошел со сцены бок о бок с тем шибздиком, который дал ему голоснимки и теперь явно хотел их себе вернуть. Генерал швырнул их вверх, и они запорхали в сторону сцены.

Питер стал озираться и понял, что оркестр уже пакует инструменты, а публика подбирает свои манатки и вдоль рядов откидных сидений проталкивается к выходу. Все это выглядело как абсолютно законный конец торжественной церемонии.

— Но я правда их сбил! — в отчаянии воскликнул Редер.

— Иди домой! — крикнул ему генерал.— И этот чертов торт с собой забери! — Затем свет на сцене погас, и через несколько мгновений какой-то невнятицы он проснулся.

Громкие, жизнерадостные голоса мигом привели Питера в чувство. В бар только что вошла шумная компания летчиков-истребителей. Глянув на Редера, они сразу отметили его инженерные нашивки, после чего явно решили не уделять ему внимания, расселись за столиком и принялись выкликать миловидную официантку.

Чувствуя себя ущемленным, Питер опять повернулся к стойке. «Черт побери,— подумал он.— Неужели и я так заносчиво на людях держался?»

Да, очень даже возможно.

Пилотируя «спид», ты был сама слава и изящество. Невероятная мощь лежала буквально у кончиков твоих пальцев. Жизнь летчиков-истребителей делилась на «спиды» и остальной мир.

Как бы ты с этим ни боролся, ты все равно чувствовал, что всему остальному чего-то отчаянно недостает.

«Цвета, рельефности, смысла»,— мрачно думал Питер.

Инженеры, к примеру, очень ценились и уважались за то, что они обслуживали тебя и твою машину, но с летчиками-истребителями они даже рядом не стояли.

«Ты просто переживаешь, что тебя в стороне оставили,— сказал себе Редер.— Скучаешь по энтузиазму, по духу товарищества. Ничего, стоит тебе только прибыть на новое место службы и снова почувствовать себя частью чего-то большего, как ты сразу перестанешь видеть оскорбление там, где его и в помине нет. А пока что, если не будешь за собой следить,— предупредил он себя,— станешь совсем как папаша». Его отец отлично умел находить причины для гнева, когда бывал пьян, хотя по трезвости был добрейшим из смертных.

За спиной у него вдруг раздался взрыв смеха, почти наверняка никак с ним не связанный. Но Редер все равно ощутил, как жар приливает к лицу, словно он и впрямь услышал насмешку над ним и его новым нелетным статусом. Тогда он с деланной небрежностью взял правой рукой бокал, и тот, разумеется, тут же лопнул как мыльный пузырь. С счастью, он был почти пуст.

— Извините,— сказал он официантке.

— Нет проблем,— отозвалась она.— Хотите еще?

— Конечно,— кивнул Редер.— Пластиковый стакан у вас есть?

— Есть кое-что получше.— Вытащив из морозилки большую ледяную кружку с бочковым пивом, она эффектно поставила ее перед клиентом.

— Вот это да,— обрадованно выдохнул он.— На вид эта роскошь даже вам мало в чем уступит.

Официантка рассмеялась.

— Первый раз меня с кружкой пива сравнивают.

— Но это не просто пиво, мэм,— заверил ее Редер.— Это подлинное сокровище.— «И вы, ручаюсь, тоже»,— сказал дьявольский блеск в его глазах.

Она прочла его мысленное послание так легко, как если бы оно высветилось неоновыми буквами над стойкой, и понимающе тряхнула головой, а на щеках у нее тут же мелькнули ямочки. Затем официантка открыла было рот, но прежде чем она успела заговорить, солидная ватага пилотов и механиков вломилась в бар, шумно требуя к себе внимания. Тогда она одарила Редера полной сожаления улыбкой и бросилась обслуживать радостную толпу.

Питер мысленно вздохнул. «Ладно,— подумал он.— Пусть это будет всего лишь легкий, приятный флирт».

Оглядев завсегдатаев бара, Редер задумался, сколько еще пройдет времени, прежде чем он опять станет членом такой вот компании. Его коллеги по курсу инженерной переподготовки разъехались двумя неделями раньше, но Питеру требовалось

закончить программу физиотерапии. До сих пор он был так занят, что даже не замечал, как он по ним скучает.

Редер немного поразмышлял о том, куда его пошлют и какими конкретно станут его новые обязанности. Наверняка где-то его ожидала важная работа, и Питер ни секунды не сомневался, что справится с ней не хуже любого другого флотского офицера. Переподготовку он атаковал так же вдумчиво, как и в свое время проклятых мокаков, и занятия ему очень даже понравились. Узнавать все больше и больше про свои любимые машины не было такой уж великой обузой. Больно было только думать о том, как они без него летают. Редер стал первым учеником в своем классе; лучше него были только те мужчины и женщины, которые обучали его профессии бортинженера. «Дайте мне только, ребята, немного опыта поднабраться,— подумал Питер.— Тогда я и вас за пояс заткну».

Так что он по-прежнему будет возле «спидов», останется частью военных действий. В конце концов, война уже вышла за рамки простого сражения с кучкой религиозных фанатиков. Тут взгляд Редера остановился на голографическом плакате за стойкой.

«ЗНАЙ СВОЕГО ВРАГА!» — требовал плакат, и на нем в агрессивной позе изображался повианский солдат. Да, на дальних окраинах исследованного человеком космоса мокаки нашли себе чужеродного союзника. Действовали они примерно так же, как древний ирландский король, который искал помощи у Англии для ведения своих баталий. И теперь мокакские Толкователи обнаруживали, что намерений мирно возвращаться домой у их союзников не больше, чем у норманнских рыцарей Стронгбау.

«По моему скромному мнению, повиане уже решили все горючее во вселенной себе заграбастать,— подумал Питер.— Отчего я порой себя представителем вымирающего вида чувствую».

На взгляд человека повиане были... как бы сказать? Вот если бы какой-то пропагандист специально решил бы придумать вид, безошибочно нажимающий на все человеческие «кнопки ужаса», получилось бы именно то самое. В целом повиане очень напоминали пауков, а их словно бы позаимствованные у скорпиона педипальпы развились в панцирные трехпалые «руки». Их тускло-красные тела покрывали кожистые чешуйки и редкие грубые волоски. У них было по восемь глаз-бусинок, два из которых могли видеть в ультрафиолете. Повиане также имели по восемь «ног», причем каждая заканчивалась трехпалой когтистой лапой. Их «рты» представляли собой острые, ороговевшие режущие приспособления, снабженные солидной парой клешней для удерживания добычи, пока ее разрезают на части и запихивают в полупрозрачный пищеварительный мешок в брюшке.

Редер аж передернулся. «Грязные твари»,— подумал он.

Повиане говорили через гибкую трубку, похожую на слоновий хобот и размещенную примерно там же, где у человека бывает

нос. Из самого конца брюшка тянулся длинный и тонкий хвост, увенчанный ядовитым жалом.

«Только психованная орава таких мизантропов, как эти мокаки, могла обратиться к подобным тварям за помощью в борьбе против себе подобных,— подумал Питер.— Сомневаюсь, что большинство мокакского населения понимает, насколько их Толкователи утратили над повианами контроль. Впрочем, если вдуматься, вряд ли и сами Толкователи это понимают».

Редер находил предельно жестокую иронию в том, что Содружество теперь проливало кровь, чтобы освободить мятежников от их союзников, тогда как мокаки убивали своих избавителей, которых они именовали «содругами», твердо веря в то, что тем самым они спасаются.

«Впрочем,— подумал Питер,— если уж ты мокак, это предполагает, что ай-кью у тебя как вот у этой кружки».

— Коммандер Редер?

Обернувшись, Питер обнаружил, что ему лучезарно улыбается совсем молоденькая челночная летчица. Ростом около метра семидесяти, с кудрявой шапкой светлых волос, она была очаровательна уже одной своей юностью и энтузиазмом.

— У меня для вас приказ, сэр.— Она поспешно вручила ему дискету и с традиционной пилотской небрежностью отдала честь.

Редер тоже отдал честь, показывая, как это вообще-то следует делать.

— Спасибо,— с улыбкой поблагодарил он девушку. «Поверить не могу,— подумал он затем,— что этот ребенок летает, а я от полетов отстранен». В юной челночной летчице вполне можно было заподозрить школьницу, прогуливающую уроки. Питер сунул дискету в наручный ридер. Ага. Прибыть на ККС «Непобедимый» так-то и так-то, и так далее и тому подобное. Название он не припоминал, что было довольно странно — даже сейчас флотские авианосцы были не так уж многочисленны. А цифровой код определенно указывал на авианосец.

«Ох, Бога ради, только не конвойный авианосец. Только не переоборудованный „купец", который только тем и занимается, что транспорты и грузовые суда пасет...»

— Старт назначен на семнадцать ноль-ноль, сэр.

«Еще три часа,— подумал Редер.— А делать особенно-то и нечего». Челночная летчица все еще перед ним стояла. И с надеждой улыбалась. «Ей что, намекнуть требуется? Напрямую это как-то делать не принято».

— Если у вас есть время, может, выпить присядете? — вдруг предложил Питер и тут же ужаснулся: «Господи, что я такое говорю?» — В смысле, кофе, сок и все в таком роде.— «Раз тебе, деточка, мою задницу на Луну везти,— подумал он,— ты у меня этанолом не побалуешься. Вообще-то некоторые инструкции очень даже разумны».

Девушка хихикнула.

— Мне уже двадцать один, сэр. Но я бы немного кофе выпила. Спасибо.— Она легко запрыгнула на соседний табурет.— Моя фамилия Гарднер. Мой брат в вашей эскадрилье служил.

— Вы сестра Бо Гарднера? — Она ничем его не напоминала.— И как он там?

— Гораздо лучше,— сказала Гарднер, и ее юное лицо сразу же посерьезнело.— Врачи говорят, к концу года он уже ходить будет.

— Если такое вообще возможно, он точно будет,— заверил ее Редер.— Ваш брат — просто золото.

— Он то же самое про вас говорил.— Ее улыбка совсем испарилась, и теперь девушка смотрела на него серьезно, что ей не очень шло.— Как думаете, почему так получилось? Почему мокаки оказались у Риги-Пять, да еще в таком количестве?

Питер скривился. Его левая ладонь стала слегка влажной.

— Хороший вопрос. Я и сам его себе не раз задавал.

«А если по правде, деточка,— подумал он,— то он мне даже снится. Причем без конца».

На самом деле планировался просто-напросто очередной набег на мокакские перерабатывающие заводы. Загрузить антиводород и убраться с минимальными потерями с обеих сторон.

— А Бо что говорит?

— Он говорит, было похоже, что нас там ждали.

— Точно.— Питер кивнул.— И они не успели бы так быстро окопаться и приготовиться, если бы первое предупреждение к ним пришло, когда мы только границу пересекли.

Мысленно Редер снова все это видел. Перерабатывающий завод представлялся большим серовато-голубым островом, что плавал над оранжево-бурым диском Риги-Пять. Пара грузовых кораблей была пришвартована у стыковочных труб завода, а больше, не считая двух спутников планеты, ничего не просматривалось.

— Наверняка они заблаговременно там расположились,— негромко продолжил он.— Датчики ничего не фиксировали. За предыдущую неделю — никаких транзитных сигнатур.— Питер покачал головой.— Место было тихое и холодное — в точности как и ожидалось. Капитан выслал нас по-быстрому разведать, и мы славно продвинулись, но тут вдруг мокаки ударили. Два судна Космического Отряда сразу в гору ушли. Такие дела.— Редер глотнул пива. Глаза его были далеко, а крики погибших месяцы назад астронавтов по-прежнему звенели у него в голове. Так бывало всякий раз, когда он об этом вспоминал.

— Бо говорит, в армии полно мокакских изменников,— прошептала Гарднер.— Он говорит, до границы вас засечь не могли, никаких случайностей, все у вас было как надо.

Питер взглянул на девушку; она явно бурлила гневом после того, что произошло с ее братом. «Черт побери, а я-то как

разгневан после того, что со мной случилось!» — подумал он. И она вполне могла быть права. На вид мокака от содруга было не отличить.

Конечно, мокаки могли вычислить, что из всех их заводов Рига-Пять представляет собой самый вероятный объект для удара, и устроить там засаду. Правда, Редеру очень не хотелось представлять их себе такими смышлеными. Но еще более неприятной была мысль о том, что они могли комфортно осесть в главнокомандовании Содружества. «Хотя,— подумал Питер,— при нынешнем уровне наших руководящих эшелонов нехватка мозгов у кого-то из их членов может быть не столь очевидна». Что было откровенной клеветой, и он это знал, однако подобный образ мыслей уже почти вошел в традицию.

В реальности же со времени начала войны ускоренное продвижение по службе привело в ряды высшего руководства немало превосходных, знающих офицеров, и теперь они далеко перевешивали накопившийся там шлак. Все реже и реже можно было встретить офицера, который получил повышение только за то, что ничего катастрофического не натворил.

— А знаете, Гарднер,— по-доброму обратился к девушке Питер,— Бо, возможно, прав. А потому не самым глупым решением будет вести себя осторожно и держать рот на замке. Но поскольку никто из нас в контрразведке не служит, то становиться на этот счет параноиком я тоже смысла не вижу. Ничего, кроме досады и раздражения, это не принесет.

Хмурясь, она немного подумала.

— Да. Пожалуй, вы правы.— Затем Гарднер постаралась привести себя в более радужное настроение и с улыбкой спросила: — А вы мне о брате не расскажете? И ваши новости не забудьте, чтобы я смогла их ему передать.

— Говорите, о вашем брате вам рассказать? — Питер Редер медленно расплылся в широкой улыбке.

«Вот где я отыграюсь»,— подумал он. Бо был одним из лучших его друзей, но старая армейская аксиома гласила, что другу можно доверить все, включая жизнь, но только не девушку и, разумеется, не бутылку. Однажды на танцах Питер вышел в туалет, а вернувшись, в полном согласии с указанной аксиомой обнаружил, что Бо успешно наплел оставленной Редером девушке про его внезапные приступы тошноты и уже эскортировал эту красотку куда следует...

— Расскажу-ка я вам про тот раз, когда Бо решил в воздуховоды «Непокорного» лабораторных крыс запустить...

Три часа до полетного «окна» прошли очень даже неплохо, и Редер отгрузил сестренке Бо Гарднера столько пикантных историй, что она теперь могла своего братца многие годы шантажировать. «Если она достойный представитель рода Гарднеров,— решил он,— она их с превеликим удовольствием реализует».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кап-Гаттерас был стартовой площадкой Космического Отряда Содружества уже очень давно, больше столетия; кроме того, экспансия военного времени заставила космодром работать в бешеном круглосуточном режиме. Там были пусковые столы буквально для всего на свете начиная от тяжелых грузовых кораблей с лучевой тягой и кончая миниатюрными челноками для личного состава. Еще там в изобилии имелись ремонтные доки, гигантские резервуары для хранения дистиллированной воды, бараки, пакгаузы. Вокруг служебных строений беспорядочно расползалось гражданское поселение. Однако из всего этого изобилия Питер толком разглядел только КПП, где у него проверили документы.

Радостью со слезами на глазах было для него вернуться на действующую базу Космического Отряда после госпиталей и центров физиотерапии. Темно-серые коридоры из синтетики почему-то казалось мягкими, хотя на самом деле были тверже стали; повсюду там попадались функциональные выпуклые формы, цветная кодировка на трубах и оборудовании, знаки различия на вездесущих форменных комбинезонах и в равной степени вездесущий запах озона. Меры безопасности, как заметил Питер, явно были усилены; у входов на стыковочные платформы стояли десантники в походном обмундировании, а перед тем, как лейтенант Гарднер села на борт своего похожего на громадную пулю челнока в глубокой синтокретовой шахте, оба они прошли сканирование сетчатки.

— Хотите впереди сесть? — спросила девушка.

— Разумеется.— «Мало того, что нож воткнула,— подумал Редер,— ты его еще и покрути. Ведь все и так как на ладони. Черт, пореже бы мне про ладонь вспоминать. Лучше тогда уж про нож».

Там по-прежнему были два сиденья, хотя вторые пилоты давно ушли туда же, куда и многие другие роскоши мирного времени, по крайней мере, в таких рутинных перелетах. Питер откинулся на удобную спинку и позволил голошлему соскользнуть ему на глаза.

Раздался щелчок, системы маленького кораблика ожили, и перед глазами Питера развернулась впечатляющая картина. Все выглядело так, словно передняя часть челнока исчезла, давая кристально-четкий всесторонний обзор. Планки статуса сверху и снизу предоставляли информацию о горючем (реакционные баки полны), реакторе (термоядерные системы в норме), а также о десятке других важных вещей; при желании пилот мог запросить любые дополнительные данные.

Стыковочные шланги отвалились от матово-синего корпуса челнока, добавляя капельки в воду на дне шахты.

— ...один. Старт.

Кораблик трепетал и тужился, пока вода подавалась в плазменную горелку из термоядерного реактора, мгновенно обраща-

ясь в ионизированный газ. Змеевики направляли этот ионизированный газ в хвостовую часть. Тряска усиливалась, а затем наступил тот долгий момент, когда корабль словно бы ощутил чуть тошнотворную легкость, сделавшись точно масло на поверхности воды. Наконец огни вокруг Редера поплыли вниз. Наружный наблюдатель смог бы увидеть мощный столб белого пламени, что поднимался в небо над пусковым столом, подобный огненному копью, которое некая исполинская рука швырнула с земли. Челнок поднимался плавно, и лишь растущая сила инерционной гравитации отмечала его восхождение. Стенки шахты уходили вниз — вначале медленно, но затем со все нарастающей скоростью. Еще раньше, чем его нос показался из шахты, челнок прорвал звуковой барьер, после чего выскочил в небо. Внезапно яркое солнце разлилось вокруг Редера, и он увидел, как к востоку от космодрома подобно бесконечной равнине чеканного серебра простирается Атлантика, а к западу — темно-зеленая земля, вздымающаяся к волнистым предгорьям Аппалачей.

Питер испустил мысленный вздох, когда воздух над головой перешел от темно-голубого к сине-фиолетовому, а затем сменился непроглядной чернотой космоса. «Вот мы и дома»,— подумал он.

Земля под ними обратилась в бело-голубой щит. Гарднер стала вводить информацию на приборную панель.

— Контроль Земля-Луна, челнок «Ариадна-ХХ» направляется на Лунобазу Главную по траектории — дана траектория,— разгон на одном «жэ».

Питер нахмурился.

— Мне только руку ампутировали,— сухо заметил он,— а не способность перегрузки переносить.— Вообще-то челнокам инерционные компенсаторы не полагались.

Гарднер слегка покраснела.

— Поправка, разгон на одном-запятая-семьдесят-пять «жэ». Полет сорок пять минут.

Гарднер в лучшем виде доставила Редера до Лунобазы, и даже существенно раньше стандартного времени полета. Голошлем давал круговой обзор, пока челнок скользил задом наперед уже на куда менее впечатляющем огненном копье. Пламя расплескивалось вокруг посадочного грейфера в форме клешни, а затем мгновенно погасло, стоило им только соприкоснуться с платформой. Металлические пальцы с колоссальной, но предельно деликатной силой сомкнулись вокруг корпуса маленького корабля, и они ощутили легкий крен, когда платформа под ними заработала и покатилась в сторону, унося с собой «Ариадну».

— А вы отличный пилот,— решил порадовать девушку Питер, дожидаясь, пока платформа переведет «Ариадну» на стоянку.— Странно, что вас на «спид» не пересадили.

— Спасибо, сэр,— поблагодарила она, рдея от удовольствия.— Но я живу, чтобы летать, а не чтобы драться. Бо обещал, что одолжит мне немного агрессивности, но так до сих пор и не выслал.

— Передайте ему мои наилучшие,— сказал Редер, пожимая ей руку.

— Непременно, коммандер.— Она порывисто отдала честь, когда Питер поднял свой вещмешок и вышел на пресный, профильтрованный воздух под герметичным колпаком базы.

В кораблях тоже так пахло. Редер сделал глубокий вдох и нырнул в толпу. На Лунобазе было еще более людно, чем на Кап-Гаттерасе; Питер предположил, что это из-за расположенных здесь военных верфей. Стены местных коридоров были из глазурованного лунного реголита пятнисто-кремовых тонов, на ощупь вроде мрамора. К одной шестнадцатой «жэ» он приспособился с привычной легкостью — это было как езда на велосипеде, навык ты на самом деле никогда не терял. В ряду перед тоннелем его ожидала тележка; она проецировала голограмму его имени и лица, стробируя несколько в иной частоте, нежели остальные в ряду. Питер прищурился от яркого зрелища, с интересом разглядывая свое средство передвижения.

— Коммандер Питер Редер,— сказал он и сунул дискету со своим приказом в читающее устройство тележки.

Затем он разместил свой вещмешок в багажнике и запрыгнул на мягкое переднее сиденье. Там ему пришлось приложить сперва правый, а затем, с недовольным ворчанием, левый указательный палец к идентификационной пластинке, которая распознавала рисунок капилляров под кожей.

— Добро пожаловать на борт, коммандер Редер,— произнесла тележка, устремляясь вперед.— Я запрограммирована доставить вас к грузовому кораблю «Африка» в секторе четвертом, уровень третий. Поскольку отбытие данного корабля состоится через пятнадцать минут, у нас будет право преимущественного проезда по станции. Пожалуйста, пристегните ремень.

Экран тележки соблазнил Питера получить полную информацию о своем приказе на передвижение.

— Быстрый авианосец «Непобедимый»? — вслух прочел он.

Как пить дать это был новый корабль; насколько знал Редер, в классе авианосцев были только категории Военного Флота и Конвоя. Ни там, ни там ничего подобного не имелось. Стало быть, «Непобедимый» либо был слишком новым, чтобы попасть в базы данных, либо засекреченным, либо и то и другое. Такой поворот событий выглядел очень даже заманчиво.

— База «Онтарио» в системе Антареса.

Губы Редера словно бы решили свистнуть, но передумали. Итак, на самой границе; последняя крупная база Космического Отряда Содружества перед территорией, которую контролировали мокаки.

Встречный ток воздуха от стремительной поездки откинул темные волосы с широкого, бледного после госпиталей лба Редера. Кучки попадавшихся на пути пешеходов быстро распугивала весьма впечатляющая сирена из звуковой системы тележки. Питер вдруг почувствовал себя заезжей знаменитостью, стал ухмыляться и благосклонно махать сильно раздосадованному личному составу базы у себя в кильватере.

Снова повернувшись вперед, он внезапно обнаружил себя на встречном курсе с десантным полковником. Полковник смотрел прямо перед собой, словно тележка Питера и сам Питер вовсе для него не существовали; примерно такой вид бывает у офицера-десантника, когда он пробивает себе дорогу сквозь стены, даже не думая обременять себя такой роскошью для штатских пижонов, как двери. Однако, чем больше они сближались, тем шире становились глаза полковника, а когда столкновение стало уже казаться неизбежным, костяшки его кулаков на поручне тележки заметно побелели.

— Ты что тут, в игрушки играешь? — возмущенно спросил Питер у тележки.— Давай сворачивай!

— Идет обработка,— загадочно отозвалось транспортное средство.

В тот самый момент, когда уже казалось, что они с полковником вот-вот станут неким четвероногим индивидом, тележка полковника вдруг свернула с дороги Редера, и они спокойно помчались дальше.

— Потребовалось некоторое время на установление того факта, что мой приоритет был выше,— объяснила тележка.

В механическом голосе Питеру вдруг почудилась нотка самодовольства. Затылком он буквально чувствовал жар огненного взора полковника, но не стал оборачиваться и проверять, так это или нет. Если бы он это сделал, полковник увидел бы на его лице радостную ухмылку, которую Редер не в силах был подавить.

Но он все-таки пробормотал:

— Обманули дурака на четыре кулака.

Сзади донесся глухой рев.

— Простите, сэр? — переспросила тележка.

«Какая жалость,— подумал Питер,— что детский юмор на машину тратить приходится». С другой стороны, аппаратура с запрограммированной в нее нервной сетью вполне могла... Пожалуй, стоило попытаться. Тем более что десантный полковник был впечатляющей особью с нависшими бровями и без всяких признаков шеи. Непосредственно к его ушам тянулись наклонные пласты дельтовидных мышц.

— Да это я так,— сказал он.— А знаешь, почему у десантников скошенные лбы и никаких шей?

— Простите, сэр? Вы хотите получить справку?

— Короче, ты показываешь им звездолет и спрашиваешь: «Что это такое?» А они вот так делают...— Питер преувеличенно

пожал плечами.— А потом ты говоришь им, что это звездолет, и они делают вот так.— Он звонко хлопнул себя по лбу.

Тележка немного помолчала. А потом вдруг выдала:

— Я ввела данную ремарку в свой архив. Раздел «Остроумные замечания». Подраздел «Неудачные попытки».

«Во критиков развелось»,— подумал Редер и откинулся на спинку сиденья. Впрочем, день все равно получался просто роскошный. Он был назначен на самый что ни на есть боевой корабль и направлялся туда, где его ожидала настоящая драка.

«Африка» оказалась коробчатым, утилитарным металлическим гигантом в форме старомодного ручного молотка, что висел на полярной орбите Луны. Вся обшивка грузового корабля была изрыта и истерта внесистемной пылью; на тех скоростях, которые суда достигали перед самым Транзитом, даже отдельные молекулы водорода могли представлять опасность. Питер внимательно его разглядывал, пока челнок Луна-орбита маневрировал для стыковки. Посередине ручки «молотка» виднелось кольцо новых на вид модулей, смонтированных на коротких осях. «Противокорабельные ракеты,— подумал он.— Судя по виду, их сюда с противовоздушной обороны перекинули». В открытом космосе подобное оружие было в целом более полезно, чем просто брошенный чей-то могучей рукой булыжник, но ненамного.

— Остается надеяться, что это будет мирный вояж,— пробормотал Питер себе под нос. «Особенно,— подумал он затем,— если защиту моих персональных розовых ягодиц придется стрелковым навыкам какого-нибудь недотепы-грузчика доверить».

Команда была так занята, что старший помощник, миниатюрная восточная женщина с измученным лицом, лично встречала пассажиров у переходного шлюза.

— Вы последний,— сказала она Питеру.— Коммандер,— добавила она затем; рядом со знаками различия Торгового Флота у нее имелись нашивки Военного Резерва.— Рада, что вы успели.

— Приказ в последнюю минуту пришел,— объяснил Редер, касаясь специальной пластинки, которую она протянула, чтобы установить его личность. Пластинка удовлетворенно загудела.

— Вот и хорошо. В конвойную колонну и без задержки у дока сущая головная боль пристраиваться.

Брови Питера удивленно приподнялись, когда он нырнул в узкую дверцу переходного шлюза и посторонился, пропуская двух членов команды с ремонтным поплавком.

— В конвойную колонну? — переспросил он.— От Лунобазы? — «Если нам уже в пределах Солнечной Системы нужно суда конвоировать,— подумал он,— то все гораздо хуже, чем мне казалось». Хотя большинство сторожевых кораблей все же находилось далеко на границах, где маршруты были длиннее, а мокак-

ские суда-ловушки и рейдеры творили черт знает что. Для внутренних маршрутов охраны оставалось совсем мало.

Старпом развела руками, словно подтверждая его мысли.

— В последнее время много потерь. Причем никаких вражеских акций — только стервятники. Они теперь куда энергичнее стали — или голоднее. С вами в каюте будут два наших человека. Извините, но здесь тесновато.

— Идет война,— отозвался Питер.

На случай отчаянной скуки у него в вещмешке имелась пара дискет. Учиться никогда не вредно, а здесь явно заняться было особенно нечем. «Африка» была большим кораблем, сто восемьдесят тысяч тонн с гаком, но большинство этих тонн относилось к трюмному грузу, который включал в себя все на свете от компонентов реактора до мешков «подлинного антрацита с Земли». Каюты экипажа были тесны даже по стандартам Космического Отряда; по пути к своему временному пристанищу Питер протиснулся через пару таких душегубок, где ему пришлось отчаянно пригибаться и держать перед собой вещмешок. Все там было из штампованного металла, что стоило дешевле синтетики и вполне годилось для не столь напряженных торговых перелетов. Там также было довольно холодно и туманно, а вибрация системы жизнеобеспечения создавала постоянный щебечущий пульс на самом пороге слышимости.

Итак, их ждали три недели обычного космического перелета, прежде чем «Африка» достигнет прыжковой точки Транзита, а затем трое суток в транзитном пространстве до самого Антареса. Путешествие могло стать очень скучным; впрочем, в случае атаки налетчиков о скуке можно было бы только мечтать. Космические пираты в основном использовали «сурдинки», маленькие и медленные, но в высшей степени неприметные кораблики с одной плазменной пушкой ближнего действия, какой обычно довооружали переоборудованные грузовые суда. Оружие не ахти, но если твой мотор был заглушен — самая обычная причина, почему ты становился их жертвой,— ничего сверх одной маленькой плазменной пушки и не требовалось. Несколько выстрелов в нужные места, и страховка тебе уже не светила.

Затем пираты высылали абордажную команду, и корабль просто исчезал — без лишних сомнений отправлялся на какую-нибудь свалку металлолома для вдумчивого разбора.

Да, твои наследники страховку, разумеется, получали, но это было слабым утешением.

Швырнув вещмешок на нижнюю койку, Питер постарался разглядеть тех, с кем ему предстояло почти три месяца делить жизненное пространство. Они подняли занавески на своих койках, чтобы бросить на него взгляд, кивнули, а затем опять скрылись за занавесками.

Один был средних лет, грузный, со слабыми шрамами от слухового имплантата у правого уха. «Понятно, почему он не на

военной службе»,— подумал Питер. Другой мужчина был куда моложе, рыжеволосый, и на командирские звездочки Редера он глянул со смесью зависти и смущения, его веснушчатое лицо тут же залил густой румянец. Несомненно, он был торговым моряком, по своей или не по своей воле освобожденным от воинской повинности.

«Чертовски слабый повод для уединения»,— подумал Питер, по-прежнему глядя на занавески, хотя ткань скрывала от него соседей не хуже любой стены. Затем он мысленно развел руками и подумал: «Раз такая теснота, значит, надо хотя бы не обижаться».

— Привет, ребята,— сказал он.— Я Питер Редер. Как тут у вас на «Африке» насчет поразвлечься?

— Поразвлечься? — недовольно отозвался молодой.— Сейчас военное время, и мы груз Космического Отряда тянем. Никаких увольнений. Сплошные Транзиты. У нас тут не развлечешься.

— Да брось ты, Вик,— вмешался пожилой.— Ты оттого бесишься, что с той официанточкой из кафе «Лунатик» не успел повидаться.

Молодой надул губы.

— Когда мы вернемся, ее уже как пить дать там не будет,— проворчал он.— С хорошенькими девушками всегда так. Вик Скиннер, кстати говоря,— сказал он Редеру.— Связист на этом ржавом корыте.

Питер пожал им руки.

— Джек Айерс,— ухмыляясь, представился пожилой.— Старший механик. Между прочим, как мой папаша говаривал, масштаб развлечений сильно от размера дохода зависит.

Питер медленно улыбнулся, в глазах у него мелькнула искорка неподдельного интереса.

— Кое-что есть,— осторожно сообщил он.

— Бросьте, коммандер, даже и не пытайтесь,— предупредил его Вик, отдергивая занавеску в сторону и лучась такой улыбкой, которая сильно противоречила его словам.— Мы вас начисто обстрижем. У нас богатая практика.

Пожилой мужчина с немым предупреждением глянул на своего приятеля.

— Звучит заманчиво,— подстегнул их Питер.

Старший механик сбросил ноги с койки. На лице у него было выражение волка из «Красной Шапочки».

— Идемте с нами,— поманил он за собой Редера.

— Вам понравится,— пообещал Вик.

Команда «Африки» была невелика — всего двадцать семь человек, и девять из них постоянно были на вахте. В небольшой кладовке где-то на отшибе, куда Айерс и Скиннер привели Питера, теснились шестеро свободных от вахты членов команды;

чтобы туда добраться, им пришлось спуститься по тоннелю ремонтного доступа. Все шестеро разом вскочили, когда люк открылся, и в него пролезли еще три искателя развлечений.

«Похоже, на азартные игры в Торговом Флоте и в Космическом Отряде одинаково косо посматривают,— подумал Питер.— И с тем же успехом с ними борются».

— Свежее мясцо прибыло,— с намеком сказал Джек Айерс, выразительно играя бровями.— Это коммандер Редер, и он поразвлечься желает.

Команда «Африки» посмотрела на Редера такими глазами, точно он был большой блестящей коробкой, какие обычно прибывают на Рождество.

— Мы в «динамику» играем,— сказал лопоухий парень с бескровной физиономией.— Начальная ставка двадцать.

Питер постарался не подать вида. Для тайной игры в «динамику» на такой посудине, как «Африка», двадцать было чертовски богато. Он почти расслышал, как Вик говорит «чик-чик». Тем не менее Редер достал денежный ордер и отдал его лопоухому. Тот сунул его в ридер, а когда он вернул его Питеру, одна из черных полосок стала на двадцать процентов белой.

Тут атмосфера заметно потеплела. Кто-то предложил Питеру фляжку, и он глотнул. После чего с трудом сдержал хрип. На вкус это был самый натуральный самогон, да еще похуже того, который подпольно по транспортам и по базам циркулировал.

— Спасибо,— просипел он.— Рад видеть, что у вас еще есть чем контакты зачищать.— Вокруг упаковочного ящика, который здесь использовали вместо стола, раздался дружный смех.

— Добро пожаловать в наше маленькое казино,— сказал лопоухий и с ухмылкой указал на ящик.— Вот кости. Попробуйте урвать свою долю.

Питер с ответной ухмылкой взял кости и на пробу их потряс, ожидая, пока другие сделают ставки. Кости были не совсем обычные — треугольные, и к тому же шесть штук. Игроки чередовали метание костей и сдачу карт. Самый неудачливый из бросающих становился сдающим, а самый удачливый возвращал свою ставку и забирал пятьдесят процентов всех остальных. Дальше, за картами, игроки обычно ставили понемногу из своего кармана, тогда как наблюдатели заключали групповые пари. Проигравший затем получал первую попытку с костями, а победитель забирал все, что было на столе.

В роду Питера все мужчины многие поколения служили либо в Космическом Отряде, либо в Торговом Флоте. И там, и там «динамика» считалась практически официальной игрой. Редер учился этой игре у своего отца, который был старшиной в Космическом Отряде, и у дядюшки Денниса, который был инженером в Торговом Флоте. Оба они со слепым упрямством настаивали на главенстве своих служб. И оба при этом знали и не

стеснялись использовать все шулерские трюки, какие только могли быть в «динамике».

«Что ж,— подумал Питер, тряся кости в ладонях,— насколько я понимаю, здесь играют честно». Впрочем, он ощущал невыгоду своего положения в том, что одна рука у него была протезной, а другая — не сильнейшей. Это должно было примерно уравнять шансы. Вдумчивые наставники научили его так управлять вращением костей, чтобы почти всегда выходило то, что нужно. Учитывая минутные изменения искусственной гравитации и силы Кориолиса, это было очень и очень непросто. А теперь он к тому же лишился части того тонкого контроля. Но только части. Вдобавок за картами он блестяще умел делать каменное лицо.

Однако, судя по волчьим усмешкам, которые его окружали, если желание как-то могло влиять на результат, Питер мог бы считать, что ему сильно повезло, если бы на нем после этой игры хотя бы трусы остались. В такие вот моменты чувство превосходства над Космическим Отрядом у Торгового Флота просто в глаза бросалось. И, разумеется, рождало аналогичное чувство в ответ.

Готовясь, Питер в мертвой тишине еще немного побренчал костями, стараясь с ним сдружиться. «Ну давай, Редер,— думал он,— не подведи. Сделай это для своего рода войск». Тут он почувствовал, как жар приливает к лицу, и ухмыльнулся. Он твердо намерен был выиграть.

Питер резко бросил кости к переборке, и они с грохотом заскакали обратно по пластиковой глади ящика. Выпало двадцать одно — как раз то, что нужно. Он сумел сдержать ликующее «нате!» и даже умудрился не прибавить ни единого ватта к улыбке, которой он обвел ошарашенные и безмолвные лица. «Ничего, ребята,— подумал он.— Это просто случайность. Или типа того. В следующий раз я наверняка проиграю».

Джек Айерс облизал пересохшие губы и с вымученной веселостью произнес:

— Вот приятная неожиданность. Удача новичка. Такая обычно не затягивается.

Худая физиономия Вика имела удрученный вид.

— Ага,— кивнул он.

Питер поднял темную бровь.

— Ну-ну, ребята, уж вы-то точно знаете, как славным выигрышем наслаждаться. Послушайте,— тут он встал и отряхнул колени,— я просто думал немного скуку развеять. Но я не хочу лезть туда, где меня видеть не жаждут. Вы только скажите, и я свою ставку заберу. А потом мы сделаем вид, что меня тут не было.— Он пожал плечами.— Дело ваше.

Сперва Питер хотел сказать «я свой выигрыш заберу», но затем решил, что все эти деньги не стоят досады от тех мрачных взоров и недружелюбных ремарок, которые были ему в таком случае на все последующие три недели железно гарантированы.

Жизнь была слишком коротка, чтобы делать из всего битву. «Это я по крайней мере усвоил»,— подумал Питер.

Его галантное предложение было встречено молчанием, благодаря которому стало отчетливо слышно, как в восьми черепных коробках вовсю толкутся разные мысли. Наконец женщина, вылитая статуя из индийского храма, если бы не вытянутое лицо и бандана на голове, сурово обронила:

— Играй.

Редер снова присел и без лишних слов бросил кости. Выпало девятнадцать. Храмовая статуя собрала кости и вернула их Питеру. Он немного ими побренчал, почувствовал, как краска приливает к лицу, и бросил. Опять выпало девятнадцать, что в точности совпало с его желанием и принесло ему сто двадцать как минимум.

Все взгляды впились в него; никто не улыбался.

«Похоже, я это сборище начисто радости лишил,— подумал Питер, одновременно посмеиваясь и тем самым опровергая свою мысль.— Случалось мне в более забавные катастрофы попадать».

Вслух он сказал лишь:

— Ну мне и везет!

Какой-то момент настроение в кладовке балансировало на лезвии ножа между мрачной враждебностью и игроцким лихорадочным возбуждением. В итоге победила простая человеческая жадность, когда члены экипажа «Африки» прикинули, что смогут выиграть, если Питер сольет следующий бросок.

— Играй! — снова потребовала статуя из индийского храма. Не на шутку возбужденная, она тяжело дышала, отчего с ее комбинезоном, особенно в определенных местах, происходило нечто в высшей степени интересное.

Редер бросил и получил пять, бросил снова и повторил. Пять раз он бросал, и всякий раз прилив крови к лицу безошибочно сообщал ему, что он выиграет.

— Эта рука протезная,— сказал кто-то.— Давай другой.

Питер с ухмылкой повиновался. Кости вылетели из его левой руки — и он опять выиграл.

— Эй, давай как раньше.

— Как скажете, ребята,— отозвался Питер и бросил правой.

Наконец он сказал: «Это уже мистика» — и передал кости своей соседке. Затем он сделал на нее ставку и выиграл. К концу смены он обобрал их до нитки и за свою первую ставку получил четыре полных денежных ордера.

Когда они вытряхивались наружу, лопоухий волком глянул на Редера и спросил:

— Когда дашь нам шанс отыграться?

— Когда угодно,— ответил ему Питер.— И где угодно.— «В конце концов,— подумал он,— как говаривал мой папаша дядюшке Дену, на кону уже честь Космического Отряда стоит».

Лопоухий кивнул.

— Джек тебя приведет.

Когда они добрались до своих коек, Питер обсудил вопрос с Джеком.

— Да, конечно,— сказал старший механик.— Это уже в другом месте будет.

— Народ от меня, похоже, не в восторге,— заметил Редер.

Джек ухмыльнулся. Впрочем, он всегда ухмылялся.

— Насчет этого не волнуйся,— сказал Вик.— Ведь это просто удача новичка. Завтра мы с тебя по всем правилам кожу сдерем.— При этой мысли его кислая физиономия посветлела почти до легкой меланхоличности.

«Проблема в том,— подумал Редер,— что если завтра я опять выиграю, они с меня в самом буквальном смысле кожу сдерут».

К тому же в следующий раз, зная, что он не новичок, они уже будут более осторожны. «Ладно,— подумал он.— Будем считать это расплатой за тех сопливых лейтенантов Космического Отряда, которых они тут как пить дать по всем правилам обули».

В конце концов, он же давал им шанс отыграться. Но даже при всем при том было очень неплохо, что база «Онтарио» находилась оттуда всего в транзитном прыжке...

Пятнадцать судовых дней спустя Редер с довольным видом лежал на своей койке, старательно избегая мрачных взоров членов команды «Африки», а пачка их денежных ордеров грозила разорвать ему задний карман брюк. То, что он стал на шестнадцать сотен богаче, делало их очевидное горе и немые укоры более сносными, хотя Питер был рад, что дядюшка Деннис не мог в этот момент его видеть. «Что я могу сказать, дядюшка? — мысленно оправдывался он.— Ведь я, как и отец, душой и телом Космическому Отряду принадлежу». Поскольку все уже вчистую разорились, предложение отыграться было бы воспринято как откровенный цинизм. Так что, несмотря на страдальческие взоры, Питер чувствовал себя вполне комфортно. Даже гул скверно заэкранированной системы жизнеобеспечения больше его не раздражал, не считая тех случаев, когда тон этого гула немного менялся, и получалось так, словно бы кто-то ножом по краю тарелки скреб.

— Знаете, Редер...— начал Вик.

«С вашей стороны это просто нечестно»,— закончил за него Питер. Ну да, нечестно — но ведь он их костями и картами играл.

— Все наверх. Все наверх.— Трое мужчин разом подняли головы, когда из судовой системы общественного оповещения донесся певучий персидский акцент капитана, на сей раз с толикой хрипотцы.— Все по своим постам.

Люди в темпе задвигались — стали натягивать скафандры на случай пробоины в корпусе и расходиться по тем местам, где они

могли принести наибольшую пользу, если вдруг корабль подвергнется нападению. Впрочем, вооружение у «Африки» было не ахти — всего лишь антиметеоритный лазер и несколько ракетных установок ближнего радиуса действия, поспешно установленных снаружи, да и то, скорее, просто для вида. Решив воспользоваться преимуществом своего ранга в Космическом Отряде и сравнительно неформальной атмосферой на борту грузового корабля, Питер направился к капитанскому мостику.

Конструкция мостика была вполне стандартной — три четверти круга с шахтой лифта в центре и экранами дисплеев по всему ободу. Войдя туда, Редер сразу заметил, что рядом с Виком есть свободное аварийное сиденье, скользнул туда и пристегнулся. Никто его, похоже, не заметил; изящные смуглые пальцы капитана Бетаб барабанили по подлокотнику ее сиденья, пока она что-то скупо говорила в межкорабельный интерком.

— Мы тормозим,— удивленно заметил Питер. Скверная практика; это сильно упрощало пиратам работу по наведению.— В чем дело?

— «Провинция Квебек» отделяется,— не поднимая взгляда, ответил Вик.

«Опять?» — подумал Редер.

— Почему? — спросил он.

— Проблемы с мотором,— кратко ответил Вик.

«Ох-хо-хо, ну и посудина»,— мысленно вздохнул Питер.

— Весь конвой тормозит,— сказала Бетаб.— Меня эта идея не вдохновляет, но мы не можем «Квебек» так просто на произвол судьбы бросить.

«Ну, так все говорят»,— подумал Редер.

— А как там с транзитными...— начал было он, но тут же смущенно осекся. Разумеется, здесь, в одной из главных прыжковых точек Солнечной системы, были транзитные сигнатуры. Именно в этом и состояла проблема; сигнатур было так много, и они так друг на друга накладывались, что ничего определенного сказать о них в результате было нельзя. Пират мог проскользнуть неделю назад и теперь с заглушенным мотором ожидать. Космос был чертовски велик.

— Вы могли бы его на буксир взять,— предложил он.— У «Африки» достаточно «дельта-вэ», чтобы оба судна как следует разогнались.

Бетаб мрачно прищурилась. В темных волосах этой невысокой и стройной женщины уже виднелись седые прожилки.

— Терпеть не могу кого-то позади оставлять, особенно когда пираты вот-вот ударят. А я определенно чувствую, что они вот-вот ударят.— Краем глаза она взглянула на Редера.— Но вы же знаете правила — наш сторожевой корабль буксировки не позволит.

— В случае атаки, да,— согласился Питер. Корвет Космического Отряда, сопровождавший конвой, в таком случае безус-

ловно бы не хотел, чтобы они у него на пути торчали.— Но я пока не вижу, что нас атакуют. Никакой атаки нет, не правда ли?

Бетаб пронзила его огненным взором.

— На данный момент,— ледяным тоном отчеканила она.— И в любом случае в Транзит я его буксировать не могу.

Питер покачал головой.

— Разные моторы, капитан,— возразил он.— Ничего с их транзитной способностью не случится.

Бетаб нахмурилась.

— Машинное отделение,— сказала она. Перед ней на панели тут же возникло новое лицо.— Как насчет буксира?

Грубоватая физиономия Джека Айерса сделалась печальной, отчего он стал сильно смахивать на бассет-хаунда в скафандре.

— Только не на таких скоростях, капитан,— сказал он.— Малейшее несоответствие, и установки буксирного поля нам прямо в корпус войдут. Я не шучу. Вдобавок там слишком много частиц большой энергии, чтобы это можно было при помощи датчиков проделать; нам нужно точное соответствие.

— А это будет означать работу в открытом космосе,— сказала Бетаб, после чего вздохнула и покачала головой.— Нет,— сказала она наконец.— Я никого не могу на эту работу отправить. Особенно сейчас, когда нас вот-вот могут атаковать.— Редер увидел, как она с трудом сглотнула. Наверняка у нее на «Квебеке» были друзья.— Надеюсь, Космический Отряд успеет вовремя корвет выслать,— закончила она.— Хотя буксир тоже бы очень не помешал.

Питер перевел дыхание. «Ну, давай,— подстегнул он себя.— Это вполне выполнимо, и нечего тут спектакль устраивать». Даже если конвоирующий колонну корвет Космического Отряда вовремя прибудет в самый ее конец, он не сможет просто болтаться там и ждать прибытия буксира. А тридцать человек на борту «Квебека» как пить дать не заслуживали смерти за то, чтобы какой-то кровожадный бандит смог купить себе шикарные шмотки и пару ночей буйного кутежа. Особенно когда все было так легко уладить.

— Я это проделаю,— сказал Питер. «Странно,— тут же подумал он,— сам только что слышал, как я это сказал, и все равно не могу поверить».

«Звездный Крест» у него уже имелся. «Не лезь в добровольцы, не лезь в добровольцы»,— эхом разносилось у него в голове, словно какой-то внутренний цензор вдруг пробудился, пытаясь бешеным повтором загладить свое прискорбное опоздание.

С другой стороны, Редер уже почти год был пассивным объектом, который все кому не лень тыкали, щупали и лечили. Летчики-истребители любили сами чем-то заниматься, быть в действии, а не испытывать чье-то действие на себе. Такая черта изначально входила в свод их личностных характеристик и профессиональных способностей.

Менее безумными его намерения от этого не становились, но Питер все же находил некоторое утешение в том, что все это находилось в согласии с его внутренней природой. Так он, по крайней мере, надеялся. А кроме того, он был убежден, что именно это и следовало предпринять. Если бы на том корабле был его дядюшка, ему бы точно хотелось, чтобы кто-то за ним прогулялся.

Капитан Бетаб качала головой.

— Нет, это невозможно. Вы приоритетный груз, коммандер. Я не хочу в дальнейшем быть вынужденной объяснять капитану Каверсу, почему я позволила вам покинуть корабль где-то между Луной и Антаресом. Вы, может быть, смерти ищете, но я вам тут не помощница.

— Да в чем проблема? — упрашивал Редер.— Мне всего-то и нужно, что протянуть кабель туда, где датчики не перекрываются корабельным выхлопом, прицелиться, отстрелить грейфер и пригнать тележку обратно к «Африке». Будь тут у вас обезьяна, даже она с этим бы справилась.

— Будь у меня на борту обезьяна,— раздраженно отозвалась Бетаб,— она бы уже имела свое задание и была бы слишком занята для подобных глупостей. А кроме того, вряд ли вы можете ожидать, что я пошлю кого-то, фактически голого, в открытый космос, где пираты кишмя кишат. Это слишком опасно!

— Вы там кого-то видите? — с вызовом бросил Питер.

Она исподлобья на него посмотрела.

— Они там, коммандер. Они все время там. И пока Космический Отряд что-то с ними не сделает, они так там и будут болтаться.

— Будь я Космическим Отрядом, я бы первым делом с ними разобрался.— Почему-то сопротивление Бетаб только укрепляло его решимость.

Капитан уткнула язык в щеку и внимательно его поизучала.

— Я слышала, вы лихой истребитель. Похоже, вы твердо намерены это доказать. Как говорится, навести тут шороху.

— Так точно, мэм,— с победной ухмылкой сказал Редер.— «Камикадзе» мой позывной.

— Охотно верю,— язвительно пробормотала Бетаб.— И если с вами что-то случится, мне предлагается сообщить капитану Каверсу, что вы погибли во славу Космического Отряда. Ведь вы именно это мне предлагаете?

— Я стопроцентно гарантирую, что капитан Каверс будет способен по достоинству это оценить.— Питер привстал с сиденья и подался к ней.— Но я вовсе не собираюсь погибать, мэм. Эта миссия предельно проста, и я не вижу причины, почему она не должна пройти как по маслу.

Бетаб немного пожевала нижнюю губу, затем резко кивнула.

— Ну что ж, коммандер, раз вы так твердо настроены проверить, удастся ли вам продолжить вашу знаменитую победную

серию — разумеется, мне известно про игру в «динамику», ведь это мой корабль, не так ли? — то я вам такую возможность предоставлю. Лейтон, проводите коммандера и помогите ему со скафандром.— Тут она повернулась к Редеру и протянула ему руку.— Удачи,— сказала она, обмениваясь с ним рукопожатием.

Питер был страшно горд тем фактом, что в приливе энтузиазма не сломал ей ни одного пальца.

Чистый восторг от грядущего противостояния, столкновения с опасностью, которого ему все последние месяцы недоставало не меньше утраченной руки, мигом вывел Питера на все десять десятых его боевой готовности. «Ну-ну, парень,— радостно подумал он.— Это все-таки ремонтная тележка, не „спид". Для начала пусть будут всего три десятых».

А у него за спиной капитан Бетаб словно бы в беззвучном свисте вытянула губы и потрясла сильно помятой ладонью.

Грейферная тележка хранилась в самом углу гулкого как пещера пускового бокса. Огромный бокс был рассчитан на челноки типа «поверхность-орбита», когда «Африке» приходилось доставлять грузы на планеты, не оборудованные обычными орбитальными мощностями. Резкие прожектора превращали его в ослепительную пещеру, где белые стены были исполосованы различными стыковочными принадлежностями и трубопроводами с цветной кодировкой. Сама тележка была простым универсальным механизмом без герметичной кабины. У нее были две ручки, а между ними располагался приборный щиток; Редеру она порядком напомнила виденные в далеком детстве фотографии древних мотоциклов. На внешней стороне колонки управления у нее имелся крошечный встроенный грейфер, который в неразвернутом состоянии чем-то смахивал на пупок. За колонкой находилось сиденье, с одного боку от которого имелась полка с инструментами, а с другого — лазерный сварочный аппарат. Еще ниже было шесть широких магнитных колес из мягкого пластика для езды по обширной поверхности грузового корабля. Пара небольших ракетных двигателей в самом низу, докомплектованных совсем крошечными движками корректировки в шести стратегически важных положениях, позволяла тележке перемещаться в пространстве.

Наряду с другими ее возможностями тележка была разработана с тем, чтобы доставлять грейферный кабель за пределы облака частиц большой энергии, где его можно было нацелить с той точностью, которой при управлении с капитанского мостика на корабле с работающими моторами достичь было нереально. Кабель этот, являясь сверхпроводником внутри жесткой синтетически-матричной оболочки, выглядел совсем как гигантский садовый шланг с облепленной галькой поверхностью. Сам по себе

он буксир не держал; он лишь служил проводником для того незримого силового поля, которое это делало.

«Наверное, как раз для таких оказий все это и было разработано,— подумал Питер, снимая через голову рубашку.— Весь фокус теперь будет в том, чтобы с „Квебеком" по скорости уравняться». Редеру предстояла одна из тех секундных операций, когда тебе хотелось, подобно навигаторам, воткнуться и взаимодействовать напрямую с машиной. «Вряд ли я когда-нибудь к такой операции по-настоящему буду готов,— с неловкостью подумал он.— Я люблю „спиды", но чувствовать себя таковым мне как-то не по нутру».

— Вы бы не переключили управление под левую руку, пока я переодеваюсь? — попросил он Лейтона.

— Конечно,— отозвался тот.— Сейчас, только за набором схожу.

Стягивая с себя брюки, Питер почувствовал, как ткань обвисает от тяжести денежных ордеров в заднем кармане. Тогда он помедлил и немного поразмыслил. Ему вдруг почудилось, что, оставляя свой выигрыш на корабле, он оставляет там и свою удачу. «Чистое суеверие»,— пожурил он себя.

Затем Питер принялся открывать один за другим все ближайшие шкафчики для хранения всякой всячины. Очень скоро ему повезло, и он с радостным восклицанием вытащил наружу моток изоленты. Карманным ножом он отрезал два куска и сделал из них крест, надеясь, что холод на эту ерунду не повлияет. Затем Питер, совсем как в сказке про репку, потянул из заднего кармана брюк пачку денежных ордеров, и так и сяк дергая проклятый пластик. «Ну, давай же,— умолял он.— Лейтон вот-вот вернется, и я тогда полным идиотом предстану. Вылазь оттуда, черт тебя подери!» Пачка внезапно подалась и, понятное дело, тут же рассыпалась по полу. «Вот спасибо,— мысленно пробурчал Питер.— Так уже лучше». Ползая на коленях и собирая ордера, он яростно клял себя за то, что перестать придуриваться и сдать их на хранение Лейтону просто выше его сил. Наконец он собрал все свое богатство и изолентой присобачил его к грейферной тележке чуть выше того места, куда должны были упереться его ноги.

«Ну вот,— подумал Питер, несколько раз на пробу дернув за пачку.— Похоже, годится. Надеюсь, он не заметит». Затем он с сомнением взглянул на достаточно очевидную нашлепку.

«Он как пить дать неверно меня поймет. Гм. С одной стороны, я не хочу, чтобы он ушел с мыслью о том, что я считаю его способным на воровство, а с другой, мне не по вкусу, чтобы он заподозрил, будто я в амулеты верю». Он еще немного поколебался. «Вот незадача. Вообще-то я чувствовал бы себя уверенней, если бы они со мной были. Своего рода гарантия безопасности из восьмисот пятидесяти кредиток». Остальной его выигрыш был засунут в шкафчик под койкой. «Так ты прикидываешь, одна половина другую к себе призовет? — саркастически спросил он

себя. И тут вызывающе упрямая, мальчишеская его часть вдруг отозвалась: — Ну да? А что в этом такого?»

Когда Лейтон вернулся, Питер только-только успел натянуть на себя нижнюю спецодежду и был далек от готовности.

Член команды удивленно заморгал, но медлительность Питера никак не прокомментировал.

— Извините, что так долго,— лишь сказал Лейтон.— Нам редко требуются эти наборы для левшей, и никто не мог вспомнить, где они хранятся.

Лейтон взялся налаживать приборный щиток. Если он и заметил пачку ордеров под крестом изоленты, то ни словом об этом не обмолвился.

Редер с трудом подавил ухмылку, залезая в нижнюю половину объемистого скафандра, который он должен был надеть для работы в открытом космосе. Тут у него возникла мысль.

— Вы мне блокнот не одолжите? — спросил он у Лейтона.

— Пожалуйста,— ответил тот, доставая из кармана блокнот и ручку.

— Я хочу, чтобы вы это капитану передали,— сказал Редер, нацарапав на листке краткую записку.— Если я не вернусь.— Записка уполномочивала Бетаб вернуть весь его выигрыш команде. «Что, Редер, еще амулетик?» — спросил он себя, получая наслаждение от собственного идиотизма. «Тебе от этого хуже не станет»,— тут же откликнулась другая часть его разума. Кроме того, весело было выигрывать. А хранение и накопление денег только разрушало все веселье.

Он вручил записку Лейтону, который сложил ее и кивнул.

— Все будет в порядке, сэр,— сказал молодой матрос. Он явно хотел произнести слова ободрения, но голос его нервно дрожал.

Питер поднял руки, и Лейтон опустил ему на голову массивную верхнюю часть скафандра. Затем матрос привел в действие автоматические затворы, которые скрепляли две половинки воедино. Питер провел ряд диагностических тестов, и в верхней части его лицевой пластины, где располагался многофункциональный дисплей, вспыхнул зеленый огонек. Тогда он поднял оба больших пальца кверху. Лейтон запустил лебедку, все еще прикрепленную к верхней половине скафандра, и она помогала Питеру, пока он волок себя и свое объемистое облачение к тележке.

«Терпеть не могу скафандры»,— горестно подумал Питер. Даже при нулевом «жэ» в них было неловко, но там, куда он отправлялся, особенно поблизости от моторов, высвобожденная энергия запросто могла проесть все менее солидное.

Зная, что это необходимо, он все равно ненавидел ощущение тяжести и скованности. А кроме того, тот, что использовал этот скафандр до Редера, жутко наелся чеснока.

Наконец Лейтон помог Редеру пристроить обтянутую фибросинтетикой задницу на крошечном сиденье и пристегнул его к

нему. Затем они провели быструю проверку систем тележки и по всем пунктам получили зеленые сигналы.

Редер провел свое средство передвижения в переходной шлюз, такой же огромный, как и весь пусковой бокс, и прикрепил к тележке кабель, который она должна была тянуть. Лейтон нагнулся, проверил надежность соединения, после чего постучал кулаком по шлему Питера, давая ему знак, что все в порядке, и удалился, задраивая за собой люк. Питер терпеливо ждал, пока шлюз начнет свой обычный цикл, наблюдая за тем, как индикаторы над наружным люком медленно меняют свой цвет на зеленый. В шлеме он никаких звуков не слышал, но точно знал, что снаружи должны раздаваться свист и шипение, пока воздух выкачивался из камеры. По мере того, как давление падало, окружающий свет менялся с бледно-зеленого на ярко-красный.

Сердце его забилось в радостном предвкушении опасности. Ни один выход в открытый космос никогда не получался рутинным, а если здесь действительно были налетчики и если они заметили попытки «Африки» помочь своему терпящему бедствие собрату, все могло существенно отклониться от нормы.

«Отклониться от нормы,— мысленно фыркнул Питер.— Нет, ты просто псих, Редер,— сказал он себе, когда наружный люк открылся.— И как у тебя только духу на такие безумные и беспочвенные прогнозы хватает?»

Он вывел маленькую тележку наружу, за край переходного шлюза, где она свободно поплыла, связанная с кораблем относительно тонким, но невероятно прочным кабелем, который волокся позади.

Как только Редер вышел из синтетической гравитации грузового корабля в космическую невесомость, кровь прилила к его голове, пока кровяное давление по всему телу выравнивалось; это было примерно как если бы тебя вдруг с ног на голову поставили. Поначалу кожа на лице неприятно натянулась; переход к невесомости также сопровождался временным головокружением и умеренной тошнотой. Тут, к счастью, еще один зеленый огонек загорелся на приборном щитке тележки, давая Питеру добро на запуск ракетных двигателей. Пилотирование дало ему возможность немного отвлечься от постепенного преодоления тех неприятных ощущений, которые пришли вместе с переходом на нулевое «жэ».

Редер также ощутил совершенно иллюзорный холод. Этому чувству он даже поэтичное название придумал: «черный поцелуй космоса». Но он никогда о нем никому не рассказывал, поскольку считал, что вполне нормально что-то такое чувствовать, когда ты вот так запросто выплываешь из безопасного убежища корабля в великую пустоту.

«Кроме того,— думал Редер, направляя тележку вдоль обширного, отдраенного космосом борта «Африки»,— не очень-то полезно иметь в своем личном деле слишком много, так сказать,

персональных пунктиков». Начальство традиционно давало летчикам-истребителям серьезную поблажку по части эксцентричности, и Питер не сомневался, что в его психологической оценке имеется солидный список всяких там вывертов. «Но теперь я бортинженер,— мрачно подумал он,— так что пусть лучше этот список длинней не становится». Это была еще одна причина, почему всякие «черные поцелуи космоса» лучше было держать при себе.

Какую-то секунду он позволил себе в очередной раз восхититься холодным, разноцветным великолепием звезд. Даже самое лучшее экранное воспроизведение и рядом не стояло с непосредственным обзором.

Другой корабль в открытом космосе представлял собой крайне необычное зрелище; расстояния были слишком велики. Имелось, правда, несколько исключений; операция, при который ты брал другой корабль на буксир, составляла одно из них. «Провинция Квебек» как раз появилась в поле зрения, когда Питер приблизился к хвосту «Африки». Корабль представлял собой просто темное пятно на фоне пестрой массы звезд. И секунду спустя Питер уже ошибочно воспринимал его как дыру в небе. Но затем начали медленно появляться красные и янтарные ходовые огни «Квебека», а от его бортов временами стал отражаться звездный свет.

Питеру показалось, что по мере дрейфа корабль вырастает; «Африка» по-прежнему тормозила.

А затем он уже оказался в стороне от «Африки», сам по себе двигаясь к многострадальному «Квебеку». Счетчики радиации на дисплее его скафандра застучали и затикали, когда он поплыл через облако частиц большой энергии, наведенное двигателями ведущего корабля. Поверх шума статики до Питера дошли слова капитана Бетаб, которая сообщила ему, что скорости «Африки» и «Квебека» скоординированы. Он к тому времени уже вовсю примерялся к заднему кораблю, то и дело производя интуитивные корректировки положения и стараясь, чтобы грейфер постоянно был нацелен на выбранную им точку.

«Пока все в ажуре,— подумал он.— Но если бы это шло по видику, кто-то наверняка бы уже заворчал: мол, слишком гладко, так не бывает». И Питер чувствовал, как растущая неловкость ползет вверх по позвоночнику, настраивая мозг на сверхбдительность. Он резко огляделся. Вроде бы ничего.

А потом он все-таки кое-что заприметил.

В числе тех исключений, когда ты мог невооруженным глазом видеть в открытом космосе другой корабль, было еще одно: когда тебя приходили брать на абордаж. Когда пираты прицеливались, делали пробоину в твоем судне и высылали абордажную команду, чтобы его захватить. Такое фактически было немыслимо на настоящей войне — даже сильно покалеченный военный корабль был слишком смертоносен, так что его либо окружали, либо сажали в него ядерную бомбу и разрывали на газопылевое облако.

Но что касалось грузового корабля, то ему вполне можно было проломить борт, а затем взять его на абордаж; вот почему космическое пиратство было возможно.

То, что явилось его глазам, было слишком мало, чтобы увидеть в этом что-то кроме назревавшей проблемы, а уж тем более — чтобы в точности это идентифицировать. Впрочем, особой идентификации Питеру и не требовалось. Наверняка это штуковина была максимально гладкая, скорее всего, клиновидной формы, и черная как сам космос. Вот они, обещанные пираты.

Или, раз уж на то пошло, пират. Ибо там, похоже, был всего один. Разумеется, еще несколько могло быть спереди; возможности индивидуального транспорта у Питера были весьма ограниченны. Ведущие корабли конвоя не были даже световыми точками на его лицевой пластине. Но он почему-то не сомневался, что враг там всего один.

— Одинокий налетчик,— прошептал он, вопреки всему на свете обрадованный.

Редер сразу сообразил, что капитан «Африки» еще пирата не видит. Эти корабли специально разрабатывались для максимального уклонения от фиксации. То, что прямому наблюдателю случилось оказаться в нужное время в нужном месте, было диким совпадением. И Питер не хотел информировать «Африку» прямо сейчас, хотя обязан был это сделать, ибо знал, что им сразу прикажут в темпе отчалить и бросить «Квебек» на произвол судьбы. Торговцам при первом же знаке опасности полагалось бежать, а ни в коем случае не оставаться, рискуя своими дорогостоящими и труднозаменимыми задницами. Личному составу Космического Отряда ставили задачу проявлять героизм, и именно за это платили; торговцам же — вовсе нет. Такую свою позицию Космический Отряд еще больше усиливал, когда считал нужным, посредством убийственных штрафов.

Политика немедленного бегства была крайне непопулярна, и ее ненавидели как в Космическом Отряде, так и в Торговом Флоте. Но какой бы драконовской она ни была, она также считалась необходимой. Естественное стремление помочь своим братьям-торговцам уже вызвало попадание в лапы пиратов множества грузовых кораблей, и больше о них ничего не слышали. Вот почему Космический Отряд стал сопровождать конвои, сообщил в свое время Редеру бортовой компьютер. Но обычно выслать удавалось только один сторожевой корабль.

Было два очень популярных места, чтобы взять грузовое судно на абордаж. Одно находилось на том конце транзитной точки, где команды испытывали усталость и раздражение от Транзита. Второе, как сейчас, было там, где конвой только-только входил в Транзит, и кто-то вдруг отставал. Это неизбежно ставило сторожевой корвет перед невозможной необходимостью находиться в двух местах сразу. А корветов было недостаточно, чтобы обес-

печить каждый конвой двумя, особенно в таких сравнительно «безопасных» местах, как транзитные точки Солнечной системы. Проблема была и в том, что в каждую транзитную точку имелся доступ из слишком многих других; эти пираты вполне могли заявиться через одну из не нанесенных на карту транзитных точек в незаселенной системе.

Но как бы то ни было, в этом вопросе существовала полная ясность: законным долгом каждого грузового корабля было доставить свой жизненно важный груз. Долгом сопровождавшего конвои корабля Космического Отряда было защищать их от пиратов. И вне зависимости от того, как тяжело сторожевому корвету было это выполнить или насколько безответственным казалось грузовому кораблю бросить своего ближнего хищникам на съедение, оказание помощи, особенно вопреки прямым приказам по конвою, могло в результате закончиться сроком тюремного заключения для капитана провинившегося судна и штрафом, в финансовом отношении совершенно разорительным для всей команды.

Так что приказ, так сказать, обрезать пуповину никак не отражал истинных чувств капитана Бетаб и ее подчиненных.

«Конечно,— думал Питер,— своим молчанием я подвергаю риску „Африку". И, между прочим, маленького сынишку миссис Редер, который сидит тут на шестиколесном велосипеде и дожидается, пока его поджарят и на стол подадут».

Тут погруженному в тревогу Питеру вдруг показалось, что «Квебек» уже достаточно близко для сцепки, и быстрый взгляд на приборный щиток это подтвердил. Задний корабль только-только вошел в радиус действия грейфера. Теперь все было делом совмещения скоростей, операцией весьма тонкой даже в беспроблемное время. Но когда все ожидали, что на них вот-вот нападут, она становилась... чуть-чуть тоньше.

— Блестяще,— пробурчал Питер себе под нос.— Вот я и традиционную британскую сдержанность освоил.

Он теперь яснее видел пирата и был убежден, что его мишенью является именно «Провинция Квебек». Так явно лишенная энергии и находящаяся в конце цепочки, она становилась идеальной жертвой. «Все-таки надо быть штатским,— подумал Питер,— чтобы вот так увидеть этого гада и тут же всем кораблям о нем доложить. Тогда печальная судьба „Квебека" сразу решится».

По его мнению, если бы все просто хранили молчание и сосредоточились на спасении отставшего, был бы полный порядок. Разумеется, Бетаб вправе была с ним не согласиться, но Питер считал, что два грузовых корабля, сцепленные вместе, могли показаться слишком крупной мишенью. В конце концов, пираты искали себе добычу, а не проблемы.

«Хотя, конечно,— с неудобством осознал Питер,— дело тут не просто в том, чтобы две эти штуки сцепить. Самым хитрым будет их потом в сцепке удерживать». А грейфер легко можно было

отпустить с капитанского мостика. Редер был здесь только за тем, чтобы его нацелить.

Тогда он ударил по рычагу, отпускающему зажимы, что притягивали его к сиденью, после чего сделал медленный кувырок через ручки тележки и оказался непосредственно перед грейферным механизмом.

Прямо сейчас механизм этот напоминал плотно сложенные лепестки засушенного бутона гигантских пропорций. При запуске этот бутон раскрывался, разворачивая обширную сверхпроводящую паутину, которая могла охватить даже массивный нос грузового звездолета. Сразу за «лепестками» располагался пульт управления, откуда можно было запустить механизм, указать грейферу, когда ему зацепиться и, что в настоящий момент становилось еще более важным, когда ему отцепиться.

Питер спереди пристегнулся к тележке, вытащил из футляра на рукаве скафандра нужный инструмент и вскрыл кожух, защищающий деликатные внутренности пульта от повреждений.

— Ну вот,— пробормотал он себе под нос.— Теперь я грубо нарушил приказ, злостно попрал процедуру и Священный Устав. Если все это не сработает, я точно козлом отпущения стану. Утешает только, что скорее всего мертвым козлом.

Но Питер никак не мог смириться с перспективой того, что «Провинция Квебек» будет брошена на поживу бандитам. «Мы слишком близко к транзитной точке, чтобы так просто этими людьми пожертвовать,— думал он.— А кроме того, это вообще плохая политика. Всякий раз, когда ты вот так кого-то бросаешь, ты пиратам новые силы придаешь. Хотя, конечно, не какому-то коммандеру политику ломать. Но черт побери, мужчина должен делать то, что он должен». А это, как уже давно подметил Редер, зачастую совпадало с политикой Космического Отряда.

Шлем его скафандра на какую-то секунду слегка завибрировал, всасывая пот со лба и тем самым не позволяя обзору замутниться. После быстрого осмотра Питер воспользовался крошечным кончиком инструмента, чтобы отковырнуть миниатюрную секцию пульта управления — предельно трудный маневр, учитывая, что на нем были толстые перчатки и что пользовался он левой рукой. Теперь, если он не ошибся, эта штуковина должна была как надо развернуться и зацепиться, но с капитанского мостика ее уже было не отцепить. Осмотрев кожух, Питер задумался, не бросить ли его просто куда-нибудь от греха подальше. Затем он все же приладил его на место, но так, чтобы он был чуть-чуть приоткрыт.

«Теперь это, пожалуй, может за несчастный случай сойти,— подумал он.— Допустим, мы чего-то не заметили, когда всю эту ерунду проверяли. Задницу прикрыть никогда не мешает».

Куда более неловко, чем он его покидал, Редер забрался обратно на сиденье и пристегнулся.

Затем он с предельной аккуратностью заново соотнес себя с мишенью, отмечая, что теперь пират уже хорошо виден. Это был иссиня-черный треугольник, формой очень похожий на те бумажные самолетики, которые Редер мастерил в детстве. Из его гладкой, почти оплавленной наружности можно было понять, что он задумывался как челнок для атмосферных транзитов. Судя по всему, у этих пиратов где-то болтался корабль-носитель, который также перевозил их к наземным целям. Борта пиратского истребителя были открыты, демонстрируя солидную щетину всевозможных датчиков и антенн, однако наступательное оружие там имелось только одно. Насколько понял Питер, направляющие змеевики, заметные вокруг носовой решетки вражеского корабля, выглядели совсем как у фазированной плазменной пушки на семь гигаватт — обычного орудия истребителя конвоев. Снаряжение более чем достаточное, чтобы принудить сопротивляющийся грузовой корабль к сдаче. Кроме того, там была легкая оборонительная батарея, стальные четырехгранники с направленной картечью, которая выпускалась навстречу налетающим ракетам, а также обычные лазеры.

— Капитан,— сказал Питер в микрофон скафандра голосом самым что ни на есть непринужденным.— Я расположился. Стрелять?

— Сейчас будем готовы, коммандер,— отозвалась Бетаб.

Теперь громада «Квебека» уже практически заслонила звезды и полностью скрыла пиратскую «сурдинку», которая к ней подкрадывалась. Бандит явно извлекал преимущество из облака частиц большой энергии, оставшегося в кильватере конвоя, чтобы как можно дольше прятаться.

«Пока его тактика играет мне на руку,— подумал Питер,— дай Бог ему здоровья».

— Огонь по моей команде, коммандер. Огонь.

Питер привел в действие грейфер, и тот стрельнул с такой силой, что вся тележка затряслась. Дальше он стал смотреть, как паутина расходится во все стороны, а затем стремительно падает к корпусу «Квебека». Ощутив рывок, когда механизм взял захват, Питер широко ухмыльнулся.

И тут же увидел, как пират, точно наконечник черной стрелы, поднимается над горбом «Провинции Квебек» и устремляется вперед, к той секции корабля, где находилась команда.

Питер наблюдал, как «сурдинка» зависает над «Квебеком» подобно бронированному кулаку. Пират легко сравнялся по скорости с большим кораблем, но больше пока делать ничего не стал.

«Сейчас они, надо полагать, свои требования выдвигают»,— подумал Питер. Затем он опять огляделся; никаких других пиратов в округе по-прежнему не наблюдалось. А этого, вопреки надеждам Редера, присутствие «Африки» совершенно не напугало.

«Основные их силы должны быть впереди»,— размышлял он. Имело смысл отрезать последние два корабля в цепочке, пока

самое ее начало уже было озабочено транзитом в гиперпространство. И кто знал, как сильно растянулась эта цепочка, пытаясь предоставить «Квебеку» хоть видимость защиты.

Питер старался считать, что его действия на такое развитие событий никак не повлияли. Ну, разве что самую малость. Отсюда вытекало то, что он должен был попытаться чуть-чуть склонить чаши весов в пользу грузового корабля. «Иначе,— подумал он,— получится так, будто я этим ублюдкам чуть ли не помог».

Редер направил тележку к «Квебеку», ведя ее по кабелю на малой, абсолютно безопасной скорости. Добравшись до тупого носа грузового корабля, он заглушил ракетные движки, потянулся вперед и отцепил тележку от кабеля. Дальше, задействуя широкие магнитные колеса у нее внизу, он повел тележку вверх по корпусу корабля, пока не оказался под крыльями «сурдинки».

«Теперь самое заковыристое»,— подумал Питер, поднимая взгляд. Широкое и плоское брюхо вражеского корабля заслоняло звезды; казалось, до него можно рукой дотянуться. К несчастью, это была только иллюзия. На самом деле «сурдинка» была и крупней, и дальше, чем казалось, паря там точно стервятник, ожидающий, когда его добыча сама ляжет и подохнет.

Редер прицелился в пирата собственным грейфером тележки. «Если я смогу ему датчики раскурочить, он сразу из боя выйдет»,— рассуждал он. Затем он попытался припомнить, случалось ли кому-нибудь в прошлом военный звездолет при помощи подручных инструментов атаковать.

Наконец он выстрелил, и грейфер ударил точно в центр его мишени. Питер включил магнитную лебедку и покрепче ухватился за руль своего шестиколесного велосипеда, стараясь не думать о том, что будет, если по какой-то причине грейфер отцепится. Случись такая неприятность, его бы отбросило по непредсказуемой траектории и он бы мелкой искоркой промелькнул на экранах у тех, кто был в настоящее время озабочен материями куда более важными. Затем Питер все же задумался о том, кончится ли у него вначале воздух или рециркулятор здесь такой эффективный, что ему придется от голода подохнуть.

Внезапно пилот «сурдинки», судя по всему, решил, что небольшой впечатляющий полет станет таким зубодробительно пугающим, что «Квебек» сдастся без единого выстрела, и привел свой корабль в движение. Тележка Редера тут же оторвалась от грузового судна и свободно повисла на конце привязи. «Черт побери,— лихорадочно подумал Питер.— Вид у меня сейчас, наверно, как у самой амбициозной лягушки во вселенной, которая пытается Матерью Всех Мух овладеть».

К сожалению, грейферные тележки не могли создавать полей инерционной компенсации; скафандры тоже. А потому свирепое ускорение и сила Кориолиса крутили внутреннее ухо Питера, как хотели, и он отчаянно сосредоточился на том, чтобы не дать

тошноте себя пересилить. О последствиях выбрасывания съеденного в собственный шлем даже думать было невыносимо. Яркие звезды сумасшедшими дугами носились у Питера перед глазами, и он изо всех сил цеплялся за руль. Твердые края тележки немилосердно продавливали его мясо.

Пират был хорошим пилотом и обладал впечатляющим набором опасных трюков. Питер не раз благодарил небо за то, что он надежно притянут к сиденью тележки. Дважды его отрывало от руля и отбрасывало назад. Тогда он беспомощно болтал ногами и силился привести себя в прежнее положение, пока «сурдинка» не выделывала какой-то фортель, который по случайности ему помогал.

«Если бы та лебедка работала чуть медленней,— думал Питер, скрипя зубами,— она бы задний ход дала». Вспомнив про задний ход, он тут же страстно пожелал снова оказаться в безопасности на носу «Квебека». А в данный момент жизнь его целиком зависела от тонкого кабеля и мощного, но совсем небольшого магнита. Он уже задыхался, и пот заливал ему лицо; скафандр постоянно приспосабливал свою внутреннюю температуру, пока не стал дьявольски холодным, но Питер все равно потел.

Наконец лебедка втянула весь кабель. Питер тут же воспользовался движками корректировки, чтобы привести магнитные колеса в контакт с черной поверхностью «сурдинки». При этом он испытал сильное, но мимолетное желание опуститься на колени и облобызать эту чертову поверхность.

Затем, выполнив последний изящный пируэт, «сурдинка» вернулась в свою прежнюю позицию над «Провинцией Квебек».

Сопя от облегчения, Питер навалился на руль. Самое время было подаваться назад, если, конечно, вся эта ерунда по-прежнему работала. Нацелив грейфер на «Квебек», он выстрелил. Питер даже не стал проверять, попал ли он в цель. «Если я не способен попасть в бандуру размером с Нью-Йорк,— подумал он,— я лучше вернусь домой и всю оставшуюся жизнь стану лимонадом вразнос торговать». Он знал, что если оставить контактный диск включенным, это опустошит батареи тележки. Сверившись со счетчиком, Редер выяснил, что уже растратил половину всей энергии. Но это была его единственная страховка; даже если дальше все пошло бы как надо, ему меньше всего хотелось вместе с пиратами к ним домой отправляться.

«Интересно, что там впереди происходит»,— подумал Питер. Теперь он уже наверняка знал, что если «Африка» хотела отцепиться от «Квебека», она уже попыталась это сделать. На счастье или на беду, но такой вариант для нее отсутствовал. Не устрани Питер эту возможность, «Квебек» уже отваливался бы от каравана, брошенный на поживу волчьей стае. И передние «сурдинки» уже должны были бы на всех парах к нему лететь.

Редера так и подмывало связаться с капитаном, но тогда пират бы узнал, что у него на колбасе пассажир едет. Нет, лучше уж было заняться тем, ради чего он сюда явился.

Итак, каким образом безоружная техническая тележка может повредить вооруженному пиратскому кораблю? Питер по-волчьи ухмыльнулся и выхватил с полки на боку тележки самый элементарный молоток. Некоторые вещи были только раз изобретены и уже не нуждались в дальнейшем усовершенствовании. К примеру, стулья в Древнем Египте и молотки в Каменном веке. Затем он направил тележку к блокам датчиков. Это был воистину пугающий комплекс тончайших антенн и мультифазных датчиков с плоскими панелями. Итак, как теперь вывести их из строя? Наверняка тут была возможность какой-то скрытной и тонкой операции. С другой стороны, излишняя скрытность до добра не доведет, и кто не рискует, тот не пьет шампанского. Кроме того, Редер торопился. Тогда он стал отоваривать блоки прямо на ходу, будто игрок в какой-то механизированный вариант поло.

Если человек при нулевой гравитации хочет хорошенько долбануть по чему-либо молотком, он должен быть надежно закреплен. Питер был превосходно закреплен; первый удар лишь откинул его навзничь, зато деликатные компоненты датчиков веером полетели в космос, сверкая, точно осколки зеркала. В вакууме все происходило беззвучно, но Редер тем не менее плечами, спиной и задом ощутил мощную вибрацию. Удар также чуть не вырвал у него из руки молоток. Тогда он переложил его в правую руку, активно работая левой, чтобы избавиться от колющей немоты. Вторая попытка ожгла ему руку аж до плеча, зато датчики просто роскошно смялись и полетели во все стороны.

«Конечно,— подумал Питер,— расколотить что-нибудь к чертовой матери при нулевой гравитации, может, не так уж скрытно и тонко, зато некое примитивное удовольствие это определенно приносит». Большая часть датчиков легко крошилась, а вот антенна держалась стойко и лишь гнулась. Питер снова взглянул на полку с инструментами. Ага! Ножницы по металлу. Он протянул руку и ухватился за новое оружие возмездия.

— Как же вам, коммандер, все-таки удалось этого пирата одолеть? — с дикой ухмылкой спросил себя Редер.— Простите, сэр, но я ему обрезание сделал!

В кабине «сурдинки» не на шутку встревоженный пилот наблюдал, как экраны с показаниями его датчиков один за другим гаснут. «Вирусная атака!» — решил он и зримо представил себе, как он остается здесь, в центре неизвестности, слепой и беспомощный. Затем пилот прогнал диагностическую проверку. Пять блоков вышли из строя. Тяжелое внешнее повреждение, сообщил компьютер. «Новое оружие»,— подумал бандит. Тут потемнел шестой экран, и он нервно провел языком по пересохшим губам. Что бы это ни было, он не собирался как последний дурак торчать

тут и ждать, когда оно по всем правилам с ним разберется. В других местах пожива была полегче. «В пираты идут не за тем, чтобы героями становиться,— подумал он.— Все кретины с такими наклонностями в Космический Отряд записываются».

— Я отваливаю,— передал он своим корешам-бандитам, тревожно поеживаясь.— У них тут какое-то типа оружие, и оно мне все датчики запороло.

Внезапно ускорение «сурдинки» так резко оторвало от нее магнитные колеса тележки, что Питера в очередной раз, теперь уже без всякой его вины, откинуло навзничь. «Мама родная,— подумал он.— И так уже синяк на синяке». Молоток все-таки вырвался из его руки и полетел по траектории, которая на следующие несколько миллиардов лет гарантированно обеспечивала ему полет в межзвездном пространстве заодно с разбитыми останками пиратских датчиков. Пока грейфер медленно тянул Питера к желанной поверхности «Квебека», к нему, оказываясь достаточно близко для визуального контакта, черными стрелами устремились еще четыре «сурдинки». У Питера аж сердце захолонуло, когда ему вдруг показалось, что ведущий пират вот-вот долбанет его прямо в грудь. Но затем они пронеслись мимо, на солидном от него расстоянии.

Тогда он повернулся посмотреть, как они улетают. Точечные вспышки света отмечали их отбытие; корвет Космического Отряда, единственный сторожевой корабль всего конвоя, наконец-то прибыл на место и принялся отоваривать их пучками частиц, а потом...

Потом что-то так полыхнуло белым светом, что лицевой пластине в его шлеме срочно пришлось задействовать защитные слои. Пластина резко потемнела, оставляя Питеру лишь призрачный образ расширяющегося светового шара. У одного из пиратов нарушилась герметичность бака реактора... а это попросту означало, что теперь он стал облаком субатомных частиц, распространяющихся чуть медленнее света.

Питер испустил восторженный вопль и победно замахал кулаком.

— Наша взяла! — заорал он.— Получите, ублюдки!

Можно было ощутить временный прилив профессионального сочувствия даже к мокакам — черт побери, им все-таки с самого рождения мозги промывали,— но только не к этим шакалам, что вечно болтались на войне где-то с краю и отхватывали себе беззащитные лакомые куски. На сей раз их корм сумел достойно огрызнуться.

Редер все еще с довольным видом посмеивался, когда тележка коснулась поверхности «Африки». Легкий толчок протрезвил его и напомнил о том, что за свои славные подвиги ему еще придется держать ответ. «Надо бы так все устроить,— подумал Питер,— чтобы Бетаб и ее ребятам за меня расплачиваться не пришлось».

Он задумался, как его примут на «Африке». «Эта Бетаб,— прикинул он,— дама крутая. И очень сообразительная». У Питера не было ни тени сомнений, что в глубине души она знала, кто несет

ответственность за поломку оборудования, которая не позволила им отцепиться от «Провинции Квебек». «Но я подозреваю,— подумал он,— что раз все как нельзя лучше вышло, она будет довольна. Если про капитана вообще когда-то такое можно сказать».

Редер прикидывал, что для развития подобных ситуаций и в Космическом Отряде, и в Торговом Флоте имелись два варианта. Если ты нарушал приказ и проигрывал, ты становился козлом отпущения и получал все, что тебе причиталось. Если же ты нарушал приказ и выигрывал, ты становился героем, проявившим ту самую инициативу, которую начальство ожидало от всего личного состава. Питер пожал плечами. «Ладно,— подумал он,— что сделано, то сделано. Лучше поскорей с этим развязаться».

Затем он повел тележку по истертым пластинам корпуса массивного грузового корабля, виляя мимо наружных блоков и на сей раз оставшихся без дела ракетных установок. Как знать, быть может, он сумеет убедить всех, что это был всего-навсего ряд в высшей степени маловероятных совпадений...

Бетаб уже его поджидала. Скрестив руки на груди, она одной ладонью задумчиво поглаживала подбородок.

— Довольно странно, что мы не смогли отцепить грейфер,— угрожающе тихим голосом начала она.

— Там, должно быть, поломка случилась,— охотно объяснил Редер.— Время военное... все запарились... техобслуживание проводится нерегулярно... на самом деле, такого просто не избежать... так что все как может, так и работает.

Невысокая женщина стояла не двигаясь, глаза ее странно поблескивали, а та ладонь, что поглаживала подбородок, теперь словно бы старалась опустить вниз уголки рта.

— Коммандер Холл приказал нам отцепить грейфер,— сказала она.— Его совершенно не порадовало, что мы не подчинились его приказу.— Тут Бетаб сжала губы и медленно опустила ладонь.— Вам известно, коммандер, каким наказаниям мы можем подвергнуться?

— Но это была простая поломка,— настаивал Редер.— Уверен, расследование покажет. Даже Космический Отряд, каким бы скверным он ни был, не станет вас за несчастный случай нака...

— Больше ни слова, Редер,— перебила его Бетаб.— А вы,— рявкнула она застывшим вокруг членам команды,— в темпе эту штуковину разберите, и чтобы каждый винтик был изучен.

«Да, мэм,— подумал Питер,— а в вас великая актриса пропадает».

Тележку стали разбирать у него на глазах, и тут он заметил, что крест изоленты исчез, а вместе с ним его кровные восемьсот пятьдесят в денежных ордерах. «Плавают теперь где-то в космосе,— удрученно подумал Питер,— и даже проклятым пиратам от них никакого толку. Столько денег у меня еще ни разу в жизни не было, а мне на них даже пачку резинки купить не удалось.

Интересно, обрадовалась бы команда, если бы она об этом узнала? Нет, вряд ли. Они бы, наверно, захотели и меня следом выкинуть. А, ладно. Забавно было в богачах побывать, пусть даже временно. И что я вообще ною? У меня же еще половина осталась!» Радость опять его переполнила. «Проклятье, да этот трюк стоил восьми сотен! — решил он.— И еще пяти десятков».

Разборка тележки продолжалась. Капитан Бетаб ожидала со сложенными на груди руками, лицо ее было словно из твердой оливковой древесины вырезано, но в темных глазах буквально плясали искорки.

— Пожалуй, я лучше пойду,— сказал Питер, бочком отодвигаясь в сторону.

«Черт побери»,— мысленно выругался он. До всех этих событий у них с Бетаб вроде как дружба налаживалась. Теперь же все должно было стать предельно официальным.

Все молчали, пока Редер забирался на свою койку и задергивал занавеску, вздрагивая от прикосновения одежды к свежим синякам и царапинам, которые он только теперь осознал. Кто-то, однако, оставил на покрывале банку с мазью для местного обезболивания, что было очень любезным жестом. Удары молотком по вражеским датчикам оборачивались все более сильной болью, буквально сковывая тело. Такие вещи всегда замечаешь только впоследствии. В тот момент Питер был предельно сосредоточен на работе, а кроме того, испытывал совершенно определенный восторг. Теперь же его желудок сжался и заурчал, заставляя Питера радоваться тому, что язвенные болезни остались далеко в прошлом. Его терзала мрачная уверенность, что, несмотря на результаты расследования, ему как пить дать предъявят счет.

«Как тяжело сделать что-нибудь героическое,— подумал Питер,— и даже не иметь возможности об этом поведать. Попробуй только рассказать, и ты тем самым всем намекнешь, что твой героизм их под угрозу полного финансового краха поставил».

Проблема заключалась в том, что в глубине души Редер по-прежнему был летчиком-истребителем. Показать ему только противника, и его реакция проявлялась почти так же наглядно, как у собаки Павлова. «Ладно, кончай рефлексировать»,— пробурчал Питер себе под нос. Не было никакого смысла в нервном одиночестве здесь валяться.

— Эй,— сказал он, ударяя по верхней койке,— может, в картишки сыграем?

— У меня денег нет,— прорычал Вик.

— Чтобы в карты играть, денег не надо,— сказал Питер. Последовало молчание. И тут его осенило.— У меня тоже денег нет,— признался он.

Молчание продолжилось. Очень многозначительное молчание, стремящееся к угрожающему крещендо. Затем две пары ног дружно грохнули по палубе, и Питер отдернул занавеску.

— Я ордера к тележке приклеил, а когда вернулся, их там уже не было.

Физиономия Джека Айерса сделалась такой озадаченной, словно Питер на каком-то полузнакомом для него языке говорил. А Вик пришел в ужас и явно готов был вот-вот взорваться.

— Так ты все деньги туда забрал? — недоверчиво спросил он.— С собой? Да как же тебе такая глупость в голову пришла?

Джек сперва захихикал, а затем расхохотался. Очень скоро ему пришлось доковылять до пустой нижней койки и сесть. Слезы бежали по его красным щекам, и он, похоже, никак не мог остановиться. Он ткнул пальцем в Питера и попытался что-то сказать, но лишь опрокинулся на спину, болтая ногами в воздухе. Питер с Виком переглянулись, впервые со времени их знакомства совершенно друг с другом солидарные.

— Ничего смешного! — дружно рявкнули они, а затем обменялись гневными взорами.

До их реплики Джек немного утихомирился, стараясь отдышаться, но она снова его уложила. В конце концов он опять угомонился, издавая только отдельные смешки, охи и крехи. Тогда старший механик сел и вытер глаза.

— Знаешь,— сказал он, качая головой,— будь я суеверным, я бы сказал, что именно это нас и спасло.

— Что? — недовольно переспросил Вик.

Питер только развел руками и ухмыльнулся.

— Это вроде жертвы,— объяснил Джек.— Знаешь, богов умилостивить.

— Каких богов? — возопил Вик.— Ты спятил, Джек! Богов! Черт, порой ты меня до смерти пугаешь. Да ты хоть знаешь, сколько на шестнадцать сотен можно пива купить? Боже мой, Боже! — И он принялся аккуратно биться головой о переборку.

Питер рассмеялся.

— Черт, ты только опять меня не заводи,— взмолился Джек.

Но Питер уже не мог остановиться, и когда он неудержимо захохотал, старший механик продержался, сколько смог, а потом присоединился. Вик возмущенно водил глазами с одного на другого.

— Я отсюда пошел,— прорычал он.— Вы оба психи!

Не в силах выдавить из себя хоть слово, Питер ему только рукой махнул. «Думаю, как ни крути, а этот корабль я спас,— подумал он.— Но я мог бы спасти и себя от кучи проблем, если бы сразу понял, что тут всего-навсего языческая жертва потребуется».

К тому времени, как они вошли в гиперпространство Транзита, тележка уже подверглась самому тщательному осмотру, а инженерное заключение было с такой же тщательностью изучено капитаном, а также, без всякого сомнения, коммандером Холлом.

— Редер, на рапорт в дежурку.

Объявление было менее формальным, чем аналогичное на корабле Космического Отряда, но столь же внезапным. Питер принялся червем пробираться по тесным коридорам «Африки», утилитарному лабиринту проходов, наполовину заполненному всевозможными кабелями и трубами. Дежурка была помещением, где находился дежурный офицер, а таковым в то утро была Бетаб. Сидя за обшарпанным столом, что занимал три четверти помещения, она выглядела совсем зеленой и больной. Транзит вызывал у большинства людей тошноту, и капитан вместе с остальной командой невольно постилась. Голограмма разобранной тележки вращалась над столом, и Бетаб так на нее глазела, словно именно эта голограмма была главной причиной ее тошноты.

«Неудивительно, что все они такие тощие»,— подумал Питер. Капитан и команда «Африки» проходили Транзит за Транзитом без перерыва. По-видимому, законы нарушались, а инструкции по технике безопасности полностью игнорировались из-за насущной необходимости поддерживать грузы в движении. «А для меня обратной стороной всего этого,— подумал Питер,— будет то, что вряд ли она в хорошем настроении». Впрочем, он также понимал, что ее настроение было бы еще хуже, знай она о том, что ему-то как раз во время Транзита желудок набивать удается. Порой Редер там даже вес набирал.

— Осмотр оказался безрезультатным,— сказала Бетаб, так и сверля своими черными глазами его карие.— И коммандер Холл хочет с вами об этом поговорить.— Она нажала на клавишу, и голограмму тележки сменила голограмма капитана сторожевого корабля.

— Коммандер Редер,— серьезным тоном начал Холл.— У меня есть к вам несколько вопросов.— Я так понимаю, довольно долгое время вы находились за бортом «Африки». Скажите, пожалуйста, не случилось ли за это время чего-то необычного?

— Необычного, коммандер? — переспросил Редер, принимая озадаченный вид.

— Да, чего-то необычного. С тележкой, к примеру.

— Что именно вас интересует, коммандер? Тележка функционировала в пределах нормы. А порой даже за пределами.— «Особенно тот крошечный магнитик,— подумал Питер,— пока я на конце привязи болтался. Непременно куплю себе акции той компании, которая такие чудеса производит».

Рот Холла плотно сжался, будто он лимона попробовал.

— Мне сообщили, коммандер, что капитан Бетаб не смогла отсоединить грейфер после того, как он был задействован,— резко сказал он.

— Но почему вы должны были приказывать им его отсоединить? — в притворном ужасе спросил Питер.— Ведь тогда бы «Квебек» остался пиратам на разграбление.— Бетаб быстро прикрыла ладонью рот и нахмурила брови, но Редер успел увидеть

ямочки у нее на щеках.— Неужели вы думаете, я поверю, будто вы хотели обречь тех людей на верную смерть?

Питер смотрел ему прямо в лицо, и коммандер, прикусив губу, опустил глаза первым.

— Об этом даже речи не шло,— мрачно произнес Холл и снова поднял взгляд.— Мы уже шли к «Квебеку», и мы оставались бы с ним до тех пор, пока он снова не запустил бы моторы. Никто не просит нас любить наши приказы, коммандер Редер. От нас лишь требуют, чтобы мы их исполняли.

Питер задумался. Слишком много людей в схожих ситуациях оказались брошены на произвол судьбы, чтобы у него не возникло подозрений. «Похоже, все мы тут кое-какие скверные привычки приобрели,— подумал он.— Один корабль потерян, и это, черт побери, очень скверно, но так уж получилось. Но два корабля, коммандер Холл... Ай-яй-яй. Ваше личное дело такой фактик никак не украсит».

— Если бы вы, капитаны грузовых кораблей, брали на себя чуть больше ответственности за свою защиту,— обрушился Холл на Бетаб,— таких ситуаций бы не возникало.

— Мы почти безоружны,— осторожно отозвалась та.— И потом грузовой корабль не такой маневренный, как корвет.— Она сверкнула глазами на изображение Холла.— На сей раз нам повезло.

Питер охотно кивнул.

— Да,— согласился он.— Вам повезло.

Холл постучал костяшками пальцев по столу, сжал губы и одарил коллегу по Космическому Отряду огненным взором. Но все это длилось лишь мгновение, а затем он шумно выдохнул.

— Да,— сказал капитан сторожевого корвета.— Вам повезло. Я склонен согласиться с тем, что это было всего случайное стечение обстоятельств, приведшее к удовлетворительному результату.— Он позволил себе тень улыбки.— Хорошо бы все несчастные случаи получали столь счастливую развязку. Удачного вам дня, капитан, коммандер.— И он исчез.

— Вы свободны,— проинформировала Редера Бетаб.— И примите мою искреннюю благодарность.— Ямочки на бледных щеках служили единственным намеком на ее подлинные чувства; очень было похоже, будто она пытается сдержать улыбку, но ей это не совсем удается.— В дальнейшем постарайтесь держаться подальше от беды.

Питер встал и отдал ей честь, стараясь вложить в этот жест все то уважение, которое он испытывал к капитану «Африки» и ее команде. Бетаб страшно устала; все они страшно устали, а конца их трудам не предвиделось. В один прекрасный день она может совсем до ручки дойти, и тогда ее удача закончится.

— Я напишу об этом рапорт, капитан,— пообещал Питер.— Сам по себе он вряд ли чем-то поможет, но если начальство

услышит о ситуации с конвоями из самых разных источников, это в конце концов может его пробудить.

Бетаб слегка улыбнулась и протянула ему левую руку. Редер удивился силе ее рукопожатия. Еще его очень порадовало, что она помнит, какую руку ему подавать.

— Была бы очень признательна вам, коммандер. Я склонна думать, что каждая крупица доброй воли всегда идет на пользу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

База «Онтарио» висела над Антаресом-Один точно гигантский паук. Безусловно, паук весьма необычный, со слишком многими лапками и ярко сияющими глазами, но тем не менее с такого расстояния сравнение вполне подходило. К стыковочным трубам округлой станции суда притыкались лишь по ее правому и левому борту. Носовые и кормовые отсеки были закрыты из-за уменьшения транспортных потоков в связи с нехваткой горючего. Большинство судов в доке были военными: собственно военные корабли, топливные транспорты и суда флотского пополнения. Судя по всему, львиная доля оставшихся находилась в реквизите Космического Отряда для конвоев, которые поддерживали перемещение жизненно важных грузов. Формы здесь были самые разнообразные; молотки с двумя головками, наиболее обычные для военных кораблей, предназначенных для работы в условиях вакуума, любопытные наборы шаров, коробок и всяких сочлененных штуковин, характерные для торговцев, а также тонкие ножевые лезвия, подразумевавшие приземление на поверхность планеты.

Что по-настоящему тревожило, так это количество поставленных на консервацию грузовых кораблей, что дрейфовали на парковочных орбитах вокруг Антареса-Один, начиная с тех, что были достаточно близко, чтобы их разглядеть, и кончая более далекими, которые представлялись лишь плывущими точками света. Несмотря на все военные успехи Содружества, ситуация с горючим становилась все более скверной. Война уже превратилась в настоящую гонку. Либо содруги сумеют наконец подчинить себе мокаков, либо они могут побеждать в каждом сражении, но все равно проигрывать войну. Несмотря на это, в доках судостроительного завода виднелось несколько силуэтов строящихся военных кораблей.

«Боже мой, как же я счастлив буду наконец с этой „Африки" убраться»,— думал Питер, наблюдая за тем, как база «Онтарио» все растет и растет на экране в кают-компании. Не то чтобы «Африка» была так уж плоха, особенно для «купца», да и команда теперь держалась с ним достаточно дружелюбно. Но все-таки это не было судно Космического Отряда. Питер просто до боли жаждал вернуться на борт военного корабля. Руки его сами собой

тасовали потрепанную колоду карт, раскладывая бесконечные пасьянсы. Впрочем, такое занятие было неплохой трудотерапией для его протеза. Он уже развил с ним куда большую сноровку. «Такое ощущение,— подумал Питер,— что я не три недели, а три года сюда полз».

Новость о том, что он лишился всех своих денежных ордеров, в считанные часы сделала его самым популярным человеком на корабле. Или, по крайней мере, самый популярной мишенью для того, что у команды «Африки» за остроты сходило.

— Эй, приятель, могу поспорить, что те пираты сейчас себе пивко за твои денежки покупают.

— Не-е, эти денежки еще там. Мы их на обратном пути подберем и сами себе пивка купим.

— Ха! Пивка! Шампанского и славных бифштексов! — Дальше они принимались добавлять к списку своих желаний всякую всячину — устриц, ананасы, виагру, педальных коней, пудру для мозгов и тому подобное. В конце концов набралось столько, что этим можно было два грузовых корабля доверху затарить.

А потом прошел слух, что капитан Бетаб заподозрила диверсию и теперь проверяет грейферный механизм. После этого Редер удостоился массы одобрительных хлопков по спине, ему то и дело заговорщически ухмылялись и подмигивали. Впрочем, несколько человек по-прежнему косо на него смотрели. Потому, наверное, что он рискнул их задницами, с ними предварительно не проконсультировавшись. А еще скорее — потому что за нарушение приказа их корабль могли оштрафовать. В сожалению, в числе тех, кто остался к нему враждебен, оказалась та статуя из индийского храма в своей неизменной бандане; а он было размечтался... «И между прочим,— думал Питер,— хоть я и рвусь на борт „Непобедимого", а малость портовых развлечений мне бы тоже не помешала».

Немигающим взором он смотрел на экран. К станции и к своему новому месту назначения Редер стремился с такой страстью, какой он сам от себя не ожидал. Тогда он нахмурился и заставил себя опустить взгляд в кофейную чашку. Помешал кофе, глотнул. «Как славно хоть чем-то заняться»,— угрюмо подумал он.

В родне Питера преимущественная ирландская кровь была перемешана с шотландской. Так что периодическую тягу к печальным раздумьям он склонен был объяснять тяжелым кельтским наследием. Даже учитывая то, что обеспечившие его фамилией немцы тоже слабаками по части меланхолии не считались.

Единственным верным средством от печальных раздумий была тяжелая работа. «Которая меня как пить дать на борту „Непобедимого" ожидает,— удовлетворенно подумал Питер.— Новехонький корабль, только что собранная команда, непривычные обязанности. Это должно меня железно от мрачных и тоскливых мыслей отвлечь».

Как бортинженер «Непобедимого» Редер отвечал за надлежащее функционирование тридцати шести «спидов» и семи «сурдинок». Под началом у него таким образом оказывались сорок три команды обслуживания, а также бригады ремонта, дозаправки и перевооружения, всего пятьсот человек.

Питер позволил себе мысленно присвистнуть. «Черт,— подумал он,— даже меня впечатляет». Если честно, он также был не на шутку удивлен. Он уже командовал эскадрильей и, если без ложной скромности, кое-чего добился. Но такое... Говоря откровенно, золотая полоска на его бортинженерских погонах пока еще не просохла.

Редер был прекрасно подготовлен и к тому же провел массу сверхурочных часов, обучаясь своему новому ремеслу. Наставников весьма впечатлило его рвение, и они отпустили его с целой пачкой в высшей степени восторженных характеристик. Но даже при всем при том такой должности для новичка он никак не ожидал.

«Должно быть, капитан Каверс любит сам своих офицеров в курс дела вводить,— размышлял Питер.— Устраивать им всякие каверзы...» В таком случае капитан вполне мог переоценить свои силы. Неопытная команда, ведомая неопытными офицерами, и все это на экспериментальном корабле. Питер аж передернулся.

Лучше было на этом не зацикливаться. Он снова поднял взгляд и заметил, что «Африка» уже маневрирует для подхода к станции. Из крутящейся в темноте яркой игрушки база «Онтарио» уже сделалась колоссальной площадкой всевозможных модулей и перемычек, напоминая гигантское металлическое растение, разросшееся в межзвездном пространстве. Растительная метафора, как хорошо знал Редер, была вполне уместна; станция увеличивалась путем разрастания с тех пор, как два поколения назад Космический Отряд сделал ее своей передовой базой.

Ему показалось, он даже разглядел манящие огни приготовленной для «Африки» стыковочной платформы. «Скорее всего, я просто желаемое за действительное принимаю»,— подумал Питер. И тем не менее он уже мог собирать барахлишко и спешить к пункту высадки. Возникла новая амбиция: он станет первым человеком, сошедшим здесь с «Африки».

К вящему удивлению Питера у стыковочной трубы его поджидала капитан Бетаб.

— Я подозревала, что вы при первой же возможности улизнете,— начала она, чуть приподняв бровь в легкой укоризне.

— Я, гм... вообще-то я спешу к исполнению своих обязанностей приступить,— с толикой грусти признался Питер. «Кажется, я ей нравлюсь,— подумал он.— И, разумеется, капитан всегда так одинок...»

— И спешите исчезнуть, будучи самым популярным человеком на борту,— откровенно сказала Бетаб.— Или самым непопулярным, если брать только некоторых.

Питер лишь нацепил на лицо одну из тех широких ухмылок типа «ах, оставьте» и понадеялся, что фальшь ее не будет заметна.

Капитан Бетаб громко рассмеялась и протянула ему свою маленькую ладошку.

— Спасибо вам, коммандер, за все, что вы сделали.— Она только раз крепко пожала ему руку и тут же отпустила.— Через неделю все мои люди будут чувствовать то же, что и я, и сожалеть о том, как они с вами обращались. Они очень хорошие люди, коммандер, просто они страшно устали и напуганы возможностью штрафа. Нам уже были продемонстрированы кое-какие жуткие примеры.

— Я знаю,— отозвался Редер и недовольно покачал головой.— Наказывать людей только за то, что они бесчеловечного равнодушия не проявляют, в высшей мере несправедливо.

— Да,— согласилась Бетаб.— Так или иначе, вы всегда будете желанным гостем на борту моего корабля.— Она поджала губы и бросила на него лукавый взор.— Если только сумеете кое от каких фокусов с моим оборудованием удержаться.

На сей раз ухмылка была совершенно искренней.

— Безусловно, мэм. В следующий раз я просто позволю вам везти меня туда, куда мне потребуется. Если вы, конечно, сможете меня внутри удержать.

— Придется вас к койке привязывать,— сказала она.— Другого способа это гарантировать я, честно говоря, не вижу.

Питер рассмеялся, а потом задумчиво уткнул язык себе в щеку, подражая Бетаб.

— Вот еще что,— начал он, заговорщически щуря глаза.— Вам не кажется, что после всего, что за этот рейс случилось, команда «Африки» небольшой премии заслуживает?

Бетаб тоже прищурилась.

— Пожалуй,— осторожно отозвалась она.— Но это зависит от того, что в бюджете имеется.

Редер порылся в заднем кармане брюк и достал оттуда пачку денежных ордеров, которую он затем отдал Бетаб.

— На самом деле это их деньги,— сказал он.— Велите им потратить их в порту или какую-нибудь вечеринку устройте. Только не говорите, откуда они у вас.

Бетаб одарила его удивленной улыбкой.

— Но ведь это ваш выигрыш в «динамику»!

— Да, но мне кажется несправедливым его с собой забирать — по крайней мере, весь. Половина-то у меня осталась. Все-таки я им столько беспокойства принес.

— Вы действительно не хотите, чтобы я им рассказала?

Питер покачал головой.

— Мне только жаль, что другую половину я потерял.

— Что ж,— сказала Бетаб, чуть приподнимая брови,— может статься, как раз благодаря вашей потере все так удачно обернулось.

«Черт побери,— с немалым удивлением подумал Редер,— до чего же все астронавты суеверные».

— Кто знает,— тактично отозвался он.

Наконец Редер кивнул и собрался уходить, но Бетаб торопливо спросила:

— Вы не забудете про тот рапорт, который написать собирались?

— Нет, капитан, не забуду.— Питер довольно неуклюже развернулся в узком проходе, обремененный к тому же личными вещами.— Это первое, что я намерен сделать.— Он посмотрел ей прямо в глаза.— Впрочем, никаких конкретных результатов не обещаю.

Бетаб задумчиво кивнула, машинально перебирая денежные ордера.

— Понимаю,— сказала она. Но ему показалось, что она все-таки на него рассчитывает.

— Возможно, когда-нибудь мы еще и встретимся. Я так думаю, эта война надолго.

Редер с серьезным видом кивнул.

— Был бы очень рад еще повидаться.— Его улыбка сделалась немного самодовольной, когда он пошел на выход. «Приятно,— подумал он,— что обаяние старины Редера по-прежнему как надо работает».

Только вот проклятая война все никак не давала ему задержаться на одном месте, чтобы попытаться из этого какие-то практические результаты извлечь.

База «Онтарио» не вполне соответствовала стандартам Лунобазы, но раз уж на то пошло, то здесь, на границе, ничего другого ожидать и не приходилось. База выглядела достаточно функционально, и все, что можно было сделать руками членов команд причаленных здесь судов, направленных на оформительскую работу во избежание губительного шалопайства, тоже было сделано. Тут даже фрески имелись, причем вполне симпатичные, для поставленных сюда убивать время любителей. Голые стены холлов и коридоров превратились в сосновые леса, скалы, озера и торфяные болота; кто-то явно воспринял название базы всерьез. Временами в рециркулированном воздухе начинал ощущаться аромат сосновых иголок, а откуда-то с далекого настенного озера доносился слабый щебечущий крик гагары.

«Передайте мне ток и макинау,— подумал Питер.— Мне надо местную атмосферу прочувствовать».

Опять к немалому удивлению Редера его там ожидала тележка. Он погрузил туда свой багаж и запрыгнул на сиденье. Затем он ввел в компьютер свой приказ, удостоверил свою личность при

помощи капиллярного сканирования и непринужденно расслабился на спинке сиденья, когда тележка стартовала. С любопытством озираясь, Питер подметил, что по крайней мере в том секторе преобладали представители Торгового Флота. Особой роскошью база «Онтарио» никогда не отличалась, но теперь у нее был откровенно ободранный вид. Киосков здесь стало меньше, зато людей даже больше, чем база была рассчитана обслужить, причем все эти люди выглядели загнанными и измотанными.

«Все война,— с горечью подумал Питер.— Это из-за нее мы позиции сдаем.— Тут он покачал головой.— Временно, приятель, временно. Ничто Содружество надолго в бутылку не загонит».

Тележка привезла его к контрольно-пропускному пункту в центре станции. Предупредительные полосы яркого света тянулись там от пола до потолка подобно прутьям опускной решетки средневекового замка, и этот видимый свет отмечал границы шокового поля. Лазеры, которые пресекли бы любую несанкционированную попытку туда пробраться, разрезав нарушителя на обугленные ломтики, внутри светящихся колонн не просматривались, но все прекрасно о них знали даже без мигающей впереди надписи «ОСТОРОЖНО! СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ БАРЬЕР! ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!» Питер представил свои документы для проверки и прижал левый указательный палец к портативному опознавательному модулю.

— Благодарю вас, коммандер,— сказала сотрудница военной полиции. Затем она отключила барьер, и белые полосы исчезли.

Редер такой вид ограды не любил и всегда проходил через него с некоторой толикой подозрения. В детстве, когда ему было пятнадцать лет, он как-то раз чистого любопытства ради коснулся одного из тех лучей. Счастье, что там был всего лишь шоковый барьер, без смертоносного лазерного дополнения. Очнулся он, лежа на спине и глазея на чьи-то ноги. Когда звон в ушах прошел, владелец тех самых ног настойчиво поинтересовался у парнишки, как он до такой отчаянной глупости додумался. Теперь, двенадцать лет спустя, у Питера по-прежнему не было на это ответа, и он всякий раз внутренне содрогался, когда проходил за этот барьер.

Тележка покатилась дальше. Однако вместо того, чтобы направиться к стыковочным платформам, она устремилась к административному комплексу. Промышленный металл сменился мягкими синтетическими полами, а любительские фрески, что намалевали обремененные кучей свободного времени астронавты, освободили место профессионально выполненным голограммам. Питер нашел их менее интересными.

— Куда мы теперь? — поинтересовался он.

— В сектор штаба контрразведки Космического Отряда,— ответила тележка.

«А, понятно,— подумал Питер.— Туда, где из кротовых кочек информации сооружают горы предположений, а потом эти горы

за неопровержимый факт выдают». Он вздохнул. Скорее всего, его там собирались допросить по поводу той пиратской атаки. Питер стал прикидывать, как долго его там задержат. «Впрочем,— тут же подумал он,— бесполезно на эту тему рассуждать. Все от их загруженности зависит. А мне про нее ничего не известно». Он покачал головой; это было как в одном из тех неприятных снов, когда ты все силишься куда-то добраться, но чем больше стараешься, тем дальше отодвигается цель.

«А, ладно,— подумал Питер, решая увидеть во всем этом светлую сторону,— по крайней мере, у меня появится возможность мой рапорт конкретному человеку представить. Хотя, может статься, это будет означать только то, что его напишу и передам. Но, черт возьми, даже это кое-что значит. По крайней мере, для меня». Тележка ссадила его у прохода, который больше напоминал коридор внутри здания, нежели улицу.

Редер доложил о себе секретарю. Тот удостоверил его личность и попросил подождать, пока кто-нибудь его не проводит. Усевшись на жесткий ультрасовременный диван, Питер стал медленно пролистывать какой-то журнал, пока наконец не наткнулся на интересную статью. Но в этот самый момент в вестибюль вошел молодой сотрудник военной полиции.

— Коммандер Редер? Прошу следовать за мной.

Он оставил Питера пролистывать журналы в белой комнате, где было всего два стула, явно родственных дивану в вестибюле, и приваренный к полу кофейный столик, который неприятно давил ему на голени.

Там Редер прождал полчаса, прежде чем миловидная молодая женщина открыла дверь и серьезным тоном предложила ему войти. Дальше он оказался в пустом зале заседаний, где на стенной экран было выведено что-то вроде футбольного поля. Никакого чтива там не имелось, зато на стене висел портрет премьер-министра. Питер немного поразглядывал его скуластое лицо и жесткие голубые глаза, а затем отвернулся. Казалось, эти глаза обвиняли его в том, что на прошлых выборах он за кого-то другого проголосовал.

Впрочем, так оно и было; Питер голосовал за Партию Носорогов, одним из предвыборных обещаний которой было сделать так, чтобы все дороги шли под гору.

Со вздохом усевшись на ближайший стул, Питер оглядел помещение. На подносе во главе стола стоял графин и шесть стаканов. Графин был пуст. Он опять вздохнул.

«Когда тебя вот так в пустом зале заседаний оставляют,— подумал Редер,— тебе всегда по-настоящему одиноко становится. Возможно, все дело тут в звукоизоляции,— рассудил он затем.— Ни дьявола не слышно, и начинает казаться, будто вся человеческая раса куда-то славно повеселиться отправилась, а тебя одного тут бросила». Время шло, и Питер уже начал нетерпеливо

постукивать пальцами по столешнице. «Если у этого дела такой низкий порядок срочности,— подумал он,— почему мне тогда не дали прямо на место назначения отправиться. Могли бы как-нибудь потом вызвать».

Наконец в зал заседаний торопливо вошел лейтенант, ничем не примечательный юнец с жесткими глазами и властными манерами.

«Для контрразведки — идеальный типаж»,— подумал Редер.

— Извините, сэр, что пришлось вас задержать,— монотонно произнес лейтенант.— Я был занят.

«Ну да, конечно,— раздраженно подумал Питер.— Почему-то нельзя просто признаться, что ты все это время рапорт Холла и мои показания читал. Интересно, в контрразведке вообще любая откровенность под запретом?»

— А теперь мы, может быть, к делу перейдем? — предложил Редер, похищая у лейтенанта очередную реплику.

— Пожалуйста, обратите внимание на регистрирующий модуль в центре стола, сэр,— все так же монотонно продолжил лейтенант.— Говорит лейтенант Ч.М.О. Кларк,— объявил он, а затем назвал время и число.

На самом деле и то и другое автоматически отмечалось на записи, а следовательно, их совсем ни к чему было упоминать. «Храни меня Господь от педантов»,— мысленно простонал Питер. Похоже, было в канцелярской работе что-то такое, что неизбежно привлекало туда людей, у которых, метафорически выражаясь, в заднице свербило. «И кстати говоря,— подумал Питер,— я уже давно заметил, что следует остерегаться того, кто себе вместо имени три инициала приписывает. Хотя вполне возможно, что эти инициалы у парня просто что-то очень тяжелое заменяют. Скажем, Чезлвит Мордекай Освальд. Если вдуматься, с подобным именем особого простора для маневра у тебя нет. Как, впрочем, и с кольцом Академии».

— Итак, коммандер, вы находились на борту грузового корабля «Африка», когда он был атакован бандитами, не так ли?

«Нет,— подумал Питер,— я с Леттой д'Амур на марсианском пляже кадриль танцевал».

— Да,— сказал он вслух. И добавил про себя: «О чем сожалею». Летта д'Амур была его любимой головидовой актрисой. Редер всегда мечтал с ней познакомиться, хотя ходили слухи, что в реальной жизни она всего лишь виртуальную реальность из себя представляет. Если это вообще можно реальностью назвать.

— Сколько их там было?

— Я видел пятерых,— сказал Редер.

— Гм. Видите ли, сэр, это очень важно. Мы перехватили замечание, сделанное одним из бандитов, касательно эффекта некого нового оружия, которое там использовалось.

Питер ухмыльнулся — просто удержаться не смог.

— Нового оружия? — переспросил он.

— Да, сэр. Он сказал, что оно ему, я цитирую, «все датчики запороло».

Питер рассмеялся. В таком аспекте это и впрямь было новое оружие. А в другом — тридцатитысячелетней давности.

— Ничего смешного, сэр.— Физиономия юнца посуровела.— Если компании Торгового Флота имеют в своем распоряжении некое неизвестное нам оружие и не желают вкладывать его в общие военные усилия, все это становится очень и очень серьезно.

— Вы предполагаете, они его могут против Космического Отряда употребить? — недоверчиво спросил Питер.

— Нет, сэр, конечно, нет. Но они могут его придерживать, а это, судя по всему, такое оружие, какое Космический Отряд наверняка смог бы использовать. Должен вам сказать, в Торговом Флоте в наш адрес много раздражения накопилось,— конфиденциально сообщил он.— И если они придерживают подобную жизненно важную информацию...— он аж подался вперед,— то это в лучшем случае безобразие. А в худшем... измена!

«Ну вот,— подумал Питер,— потекло дерьмо по трубам. Всем известно, что наличие паранойи — обязательное условие при приеме шпиков на работу, но это уже слишком».

— Это все я,— признался Редер.— Я молотком воспользовался. Конечно, не самым высокотехнологичным оборудованием, какое может под руку подвернуться, но, уверяю вас, очень действенным.

— Вы? — тупо переспросил Кларк. Во взгляде его читалась полная убежденность, что коммандер только что самым натуральным образом спятил.

Питер кивнул.

— Простите, сэр, а вас не затруднит рассказать мне, как вы это осуществили?

— Не затруднит,— отозвался Редер и все рассказал.

— Понимаю,— пробормотал Кларк, когда Питер закончил. Затем он оценивающе взглянул на коммандера.— Итак, вы ездили по поверхности пиратского корабля и долбали молотком его датчики.— Офицер контрразведки плотно сжал губы.

— Да, долбал. Причем именно молотком.

Питер вполне отдавал себе отчет в том, что Кларк сейчас прикидывает, что он от него скрывает и почему испытывает такую симпатию к Торговому Флоту. Какие зловредные планы были задуманы, какие безнравственные союзы заключены. Ясно было как белый день, что лейтенант не поверил ни единому слову из рассказа Питера.

— Благодарю вас, сэр,— внезапно сказал Кларк. Вставая, он забрал принесенный с собой блокнот.— Подождите минутку, сейчас кто-нибудь подойдет проводить вас обратно в вестибюль.

— Нет, лейтенант, мы еще не закончили,— ровным, негромким тоном произнес Редер — тоном, который достаточно ясно

подразумевал: «Сядь, недоносок».— У меня есть еще несколько слов по существу дела.— «Хотя можешь не сомневаться,— подумал он,— что я тебе и письменный рапорт представлю».— У Торгового Флота есть веские основания испытывать раздражение к Космическому Отряду. Они там фактически безоружны. Для пиратов это что-то вроде игры, в которой никаких наказаний, а одни только призы. Сколько мы за последний месяц из-за этих пиратов судов потеряли? — властно спросил коммандер.

— Эта информация засекречена,— огрызнулся Кларк. Вид у него стал сильно озадаченный. Он явно не понимал, зачем Питер констатирует очевидное.

— Без торговли Содружеству крышка,— сказал Редер.— Если мы не намерены защищать то, за что мы воюем, зачем мы тогда вообще воюем? — Вопрос был, конечно, глупый, но он не зря его задавал. Когда имеешь дело с человеком тупым или рассеянным, считал Питер, порой глупый вопрос может его пробудить.

— У нас нет достаточного число кораблей и объемов горючего,— осторожно заметил Кларк.— Поэтому мы не в силах обеспечить конвоям более весомый эскорт. Мы делаем все, что можем.

— Не согласен,— возразил Питер.— Мы не можем послать больше кораблей — тут вы правы. Но у нас на складах есть неиспользованное оружие, мы натренировали орудийные расчеты, только и ожидающие назначения. Сколько антиводорода потребуется, чтобы обеспечить этими ресурсами грузовые корабли? — спросил он.— Если посылать конвои тяжеловооруженными, никакого эскорта может вообще не понадобиться.

Лицо у Кларка так просветлело, будто он только что усвоил, что дважды два — четыре. Он медленно кивнул.

— Пожалуй, здесь есть смысл,— согласился он.

«Вот дубина! — подумал Редер.— Конечно, есть».

— Вы в самом деле так считаете? — спросил он вслух, изображая неподдельное удивление.

— Да. Такой вариант мог бы сработать.

— Тогда я оставляю это дело целиком на ваше попечение.— «Черта с два,— мысленно добавил Питер, вставая и протягивая собеседнику руку.— Чем больше источников, откуда мысль будет услышана, тем вероятнее, что ее вообще услышат». И какие-либо амбиции здесь у него отсутствовали. Слава, завоеванная за штурвалом «спида», была ему дорога, такой победой человек мог гордиться. А вот победа в потешном бюрократическом поединке никакой славы не приносила. «Конечно, бюрократы могут раз в год собираться и какую-нибудь „золотую селезенку" вручать,— подумал он.— Но только не мне, Боже упаси».

— Да, сэр,— сказал Кларк, глаза его еще больше посуровели, а нижняя челюсть выдвинулась вперед.— Я сделаю все, что смогу.

Питер с улыбкой кивнул. «У меня такое чувство,— подумал он,— что твое „все" вполне может „почти ничем" оказаться».

Затем он позволил себе удовлетворенную улыбочку за спиной у лейтенанта и сел в ожидании своего эскорта.

По мере приближения к стыковочной площадке «Непобедимого» сердце Питера билось все быстрее. Он в очередной раз убрал со лба непослушный локон и в темпе осмотрел свою форму, убеждаясь, что она по-прежнему в идеальном порядке.

Питер досадовал на то, что ему не удалось толком рассмотреть свой новый корабль, пока «Африка» приближалась к станции. Но в то время поскорее упаковаться и приготовиться к высадке показалось ему важнее.

Теперь же он жаждал узнать, каков «Непобедимый» на вид. Питер рисовал его себе изящным и щеголеватым, словно бы предназначенным для атмосферных полетов. Он уже почти влюбился в свой новый корабль, а потому то, что перед ним в итоге предстало не роскошное судно, а просто дыра в стене станции со светящимся названием наверху, сильно его раздосадовало. И все же сердце его забилось еще сильнее. От одного лишь вида названия.

Питер легко соскочил с тележки, не успела она даже остановиться, схватил свой багаж и быстро подошел к старшине, что стоял на страже у стыковочной площадки.

Заметив на плечах у Питера погоны коммандера, молодой старшина энергично отдал ему честь. Питер с удовольствием ответил, видя в этом признак порядка и дисциплины на корабле. Затем он отдал старшине дискету со своим приказом, и тот сунул ее в ридер.

— Добро пожаловать на борт, сэр. Капитан вас уже ожидает.— Он набрал у себя на пульте какие-то клавиши, и считанные мгновения спустя прибывший туда матрос уже машинально брал у Редера его вещмешок.

— Камель вас проводит, сэр,— сказал старшина и еще раз отдал ему честь на прощание.

Редер откозырял в ответ, а затем последовал за матросом на борт «Непобедимого». Какая-то энергия взбурлила в его жилах, стоило ему только ступить на палубу. Итак, он все-таки вернулся. Вернулся туда, где что-то происходило, пусть даже и не в кабину «спида». Питер помедлил и перевел дыхание, наслаждаясь ароматом новехонького корабля, свежим и чистым запахом, который безумно его порадовал.

Стены блестели, залитые ярким светом коридоры были удивительно просторными, помеченные цветной кодировкой кожухи кабелей и труб буквально лучились новизной. Все отсеки, в которые Питер заглядывал, пока они с матросом мимо них проходили, были опрятными и удачно распланированными. Попадавшиеся им по дороге члены команды были заняты делом, вид при этом имея вполне компетентный. Кроме того, они, похоже,

не меньше Редера были рады тому, что оказались на борту «Непобедимого». После грубого металла и тесных проходов «Африки» все здесь несло в себе неизъяснимую отраду.

«Этот корабль обустроен с большой любовью и массой прилежания,— подумал Питер.— А занимались всем этим люди, которые точно знали, чего они хотят и как этого добиться. Все здесь так безупречно, что даже не верится». Последнюю мысль он тут же отбросил, решив, что не стоит раньше времени каркать и портить себе настроение. Если тут имелся какой-то подвох, это вскоре должно было выясниться.

Они поднялись на лифте на несколько уровней, а дальше пошли по коридору; Редеру показалось, они пару километров протопали, прежде чем молодой матрос остановился перед дверью со скромной латунной табличкой. На табличке значилось: «Капитан Роджер Каверс».

— Для флотского авианосца «Непобедимый» не так уж велик,— заметил Питер.— Но внутри он довольно просторный. Разве тут соединительных лифтов не предусмотрено?

Авианосцу полагалось иметь большой корпус, чтобы служить базой для более мелких судов, что гнездились внутри него точно рой смертоносных ос. Это обычно означало также более объемные отсеки для команды, тогда как, к примеру, в истребителе капитан должен был радоваться, если ему между своей койкой и дальней стенкой худо-бедно развернуться удавалось. Поэтому авианосцы, как правило, имели внутри различные трубки и эскалаторы, быстро доставлявшие людей в нужное место в случае экстренной необходимости.

— Тут их достаточно, коммандер,— заверил его Камель.— Но капитан Каверс настаивает, чтобы эскалаторами в пределах одной и той же палубы пользовались только если время совсем поджимает. Он говорит, что это уменьшает заторы, а людей в надлежащей форме поддерживает.

Любезным кивком Редер поблагодарил молодого матроса за информацию, и тот постучал в дверь.

«А капитан, похоже, поборник строгой дисциплины»,— подумал Питер и приготовился к тяжелой баталии. С поборниками дисциплины у него обычно проблемы бывали.

— Войдите,— отозвался глухой голос.

Камель открыл дверь и отступил в сторону, пропуская Редера.

— Отнесите вещи коммандера в его каюту,— велел ему капитан.

— Есть, сэр,— буркнул Камель и удалился.

Редер отдал честь, вытянувшись по стойке смирно и разглядывая своего нового командира. То, что он видел, ему нравилось. Пока что. Каверс был примерно его роста, около метра восьмидесяти. Над его строгим лицом с орлиными чертами белел ежик седых волос. У него был загар астронавта — такой, какой обычно

получаешь на всю оставшуюся жизнь от многих выходов в открытый космос или высадок на планеты с горячим солнцем. На рукаве у него имелась маленькая серо-голубая нашивка бывшего офицера Топографической Службы.

Капитан изучал своего подчиненного с прямотой хищной птицы, которую он так напоминал, и от острого взгляда его серых глаз Питеру стало не по себе.

— Вольно, коммандер,— сиплым голосом произнес Каверс. Его акцент Редер определил как североамериканский, где-то ближе к западу.— Прошу садиться.

Пока Редер усаживался, он понял, что это личный кабинет капитана, составляющий часть его личных апартаментов. На стенах висели голограммы с изображениями кораблей. Был там и истребитель устаревшего типа, и исследователь дальнего космоса из Топографической Службы, неказистый и функциональный, и тяжелый крейсер. «Модели кораблей, которыми он раньше командовал,— подумал Питер.— Не столь уж необычная склонность для капитана». А затем он замер и привстал на стуле, увидев голограмму, что висела как раз у Каверса над головой.

— Это... ведь это «Непобедимый», сэр? — спросил Питер, не в силах оторвать глаз от изображения. Корабль был именно таким, каким он мечтал его увидеть. Разве что еще красивее.

Роджер Каверс улыбнулся. Так можно было назвать то смутное, почти тайное выражение, которое молнией промелькнуло по его суровому лицу. «Годишься, парень»,— подумал он. До этого он слегка тревожился; летчики-истребители обычно бывали очень замкнуты в своем кругу и испытывали преданность прежде всего к своей эскадрилье, а уж потом ко всему остальному. Но Редеру явно удалось от этого уйти; во взгляде молодого бортинженера на свой новый корабль безошибочно угадывалась любовь. Он душой и телом принадлежал «Непобедимому». «Ты отлично подойдешь»,— удовлетворенно заключил капитан.

— В контрразведке вас прилично задержали,— заметил он.

— Так точно, сэр,— кивнул Редер.

— Их, разумеется, тот инцидент с пиратами заинтересовал.

Каверс с интересом наблюдал, как лицо коммандера приобретает ту же кротость и невинность, что и мальчика-певчего из церковного хора.

— Так точно, сэр,— еще раз кивнул Питер.— У них сложилось впечатление, будто у Торгового Флота есть новое оружие, которым они с Космическим Отрядом не делятся.

— Правда? Расскажите подробнее.

Внезапно Питеру показалось, будто он на минное поле ступил. Инстинкт подсказывал ему, что Каверс знал все; поэтому лучше было все ему рассказать. Все? Вот ведь каверзное какое дельце.

— Итак, сэр, как я сообщил дознавателю...

Где-то на середине своей истории Питер начал слегка потеть. Досадно было рассказывать, видя на лице собеседника лишь неизменное выражение вежливого интереса.

Не подавая никакого вида, Каверс с удовольствием размышлял о растущем разочаровании коммандера. Внешне оно, впрочем, никак не проявлялось; Редер по-прежнему был сама кротость и невинность.

— А что там с грейфером? — после секундного молчание поинтересовался Каверс.

— С грейфером, сэр? Это который на тележке?

— Это который для буксировки «Провинции Квебек» использовался. Вы мне об этом расскажите. Обычная практика торговцев в подобной ситуации — отцепить грейфер и дать деру. Нет смысла рисковать другим кораблем ради того, который уже не спасти... если только где-то поблизости какого-нибудь психа с молотком не окажется.

Питер неловко кашлянул. Итак, его заложили. Очевидно, капитан Бетаб и капитан Роджер Каверс были в чертовски славных отношениях. Впрочем, прикажи Каверс напрямую, Питеру пришлось бы во всем сознаться. Даже если бы это означало неминуемую отставку. Но пока что он этого не сделал. А значит, можно было и дальше кругами ходить.

— Должно быть, кожух механизма не до конца закрылся или еще какое-то микроскопическое повреждение случилось. Так, во всяком случае, инженер «Африки» все это оценил. Мне именно так сказали.— Редер в одно и то же время пытался выглядеть и незаинтересованно, и профессионально, и невинно.

«А он молодчина,— думал Каверс.— Может, просто приказать ему всю правду выложить? Но я, по-моему, и так уже знаю, в чем там дело было. Кроме того, тогда мне придется как-то со всем этим разбираться, а никаких благ для „Непобедимого" я здесь не вижу». Благо «Непобедимого» шло у него на первом месте. В конце концов, он просил, чтобы ему дали кого-то умного, независимого, принципиального и отважного. «Как же я могу жаловаться, что именно такого и получил?» — спросил себя капитан. Даже если принципы Редера становились несколько эластичными, когда речь шла об отстаивании того, что он считал благом более высокого порядка. «Быть может,— прикинул Каверс,— не следовало тогда „независимого" просить?»

Положив подбородок на ладонь и теребя нижнюю губу указательным пальцем, капитан изучал своего нового бортинженера. «Нет, все было верно,— подумал он.— Это не линкор. „Непобедимый" не будет действовать как часть флота или даже атакующей флотилии. Мы будем сами по себе».

— Не желаете ли немного перекусить, коммандер? — наконец предложил он.

— Так точно, сэр,— отозвался Питер, несколько удивленный. Очевидно, капитан уже что-то насчет него решил. «И это несмотря на то, что про мое маленькое приключение с пиратами ему все рассказали,— подумал он.— Интересно, почему Каверс мою откровенную диверсию так запросто игнорирует?»

Капитан нажал кнопку на столе, и из внутренней двери вышел его личный адъютант.

— Что вы предпочитаете, коммандер? — спросил Каверс.— Чай? Кофе?

— Лучше кофе, сэр. Благодарю вас.

Капитан кивнул адъютанту, а затем начал обсуждать с Редером его биографию. Задавал вопросы, отпускал комментарии, расспрашивал про общих знакомых из офицеров.

Вскоре кофе прибыл, и когда адъютант ушел, Каверс откинулся на спинку кресла, потягивая роскошный напиток и поверх чашки изучая Редера.

Наконец он спросил:

— Скажите, коммандер, вы не задумывались, почему вас выбрали для данного конкретного назначения?

«Вот и каверзы начались,— подумал Питер.— Прекрати! — тут же приказал он себе.— Если не закончишь эту игру с капитанской фамилией — со всякими там „каверзными" проблемами,— рано или поздно это наружу выскочит. А хороший капитан вряд ли такой юмор оценит».

— Так точно, сэр, задумывался,— ответил он после того, как сделал глоток.— Уверен, были и другие кандидаты.

— Да, действительно,— согласился Каверс.— Люди старше вас по званию и куда более опытные.— И с такими фундаментальными проблемами в личных делах, что капитану даже на одной палубе с ними находиться не хотелось. В душе он был убежден в том, что вовсе не из-за срочности ему предложили такой откровенный список мазил. Но затем подвернулся сравнительно молодой и неопытный Редер. С превосходными служебными характеристиками и блестящим послужным списком. Возможный риск в данном случае, говоря откровенно, особенно большим не казался.— Но вот ведь в чем дело,— продолжил капитан, подаваясь вперед.— Ситуация здесь очень специфическая. И она потребовала специфического кандидата.

«Интересно, почему я вдруг пожалел, что меня не отвергли?» — спросил себя Редер.

— Ваш предшественник,— продолжил Каверс,— имел десятилетний опыт работы в качестве бортинженера. Он к нам с «Мерлина» поступил.

— Превосходный корабль,— осведомленно заметил Редер, чувствуя, что от него ожидается какая-то реплика.

— Да, корабль действительно превосходный. И коммандер Окакура был первоклассным офицером. Знающим, искренне пре-

данным своей работе и в разумных пределах осторожным. Вот почему я нахожу его гибель столь необъяснимой. Он был не из тех, кто допускает элементарные ошибки.

Редер почувствовал, как по спине у него поползли мурашки, и на мгновение горло его отказалось проглатывать очередной глоток кофе. «Так он погиб? — вспыхнуло у него в голове.— Тот парень погиб?» Как можно умудриться погибнуть на только что вышедшем с завода корабле, с палубы которого всего несколько дней, как инженеры подрядчика ушли?

— А как именно он погиб, сэр?

— Судя по всему, он в выхлопной раструб «спида» забрался.— Капитан сделал паузу, чтобы перевести дух.— И, как мне сказали, внезапный сбой бортового компьютера заставил его запустить мотор.

Питер почувствовал, как лицо его белеет.

— А коммандер...? — начал он.

— Да. А коммандер тогда как раз в выхлопном раструбе находился.— Каверс сжал губы. То же самое и Питер. «Его как пить дать пришлось звуковыми очистителями от металла отскребать,— подумал он.— Углеродные атомы его тела крепко-накрепко с материалом связались».

— Окакура был очень славным человеком,— мрачно сказал Каверс.

Редер некоторое время молчал, а мозг его бешено работал. «Итак, капитан собирается предложить, чтобы я до самой сути этого дела добрался,— думал он.— По-моему, все предыдущее именно к этому ведет. Он убежден, что коммандера убили.— От этой мысли Питер внутренне содрогнулся.— Если так, то тому, кто это проделал, придется весь этот опыт со мной разделить».

— Капитан,— осторожно начал он,— у меня создается впечатление, что вы видите здесь нечто большее, нежели просто несчастный случай.— Тут Каверс так резко на него глянул, что он невольно подался назад. Затем Питер продолжил: — Или, быть может, смерть коммандера была столь ужасной, что лично мне сложно считать ее простым стечением обстоятельств.

— Ну что ж,— сказал капитан и сделал паузу. Затем он снова взглянул прямо в глаза Редеру.— С тех пор, как мы приступили к работе, у нас была необычайно высокая частота поломки деталей и сбоев компьютеров. В результате людей ранило, даже убивало.— Каверс с удовлетворением понаблюдал за тем, как коммандер без малейшей паники воспринимает эту информацию.— Я думаю, среди нас есть диверсант — убийца на борту этого корабля. На борту моего корабля,— прорычал он.— Было выдвинуто предположение, что именно вы можете оказаться тем человеком, который сумеет помочь мне выяснить, кто этот диверсант.

«Кем выдвинуто?» — задумался Редер.

— Сэр, у меня нет опыта разведывательной или полицейской работы...— начал он.

— Я знаю. Но до получения каких-то достоверных доказательств я к ним обращаться не хочу. На данный момент у меня есть только высокий процент поломки деталей и несколько несчастных случаев, один из них со смертельным исходом. Но у нас тут новый корабль, новая команда, мы еще даже в первый рабочий рейс не выходили. В контрразведке мне скажут, что это вполне ожидаемо.

Питер кивнул. «Наверняка скажут»,— подумал он.

— Но я уже очень давно служу в Космическом Отряде и точно знаю, что на моем корабле что-то подгнило.— Каверс буквально сверлил глазами Редера.— Вы здесь новенький, и у вас нет уз, привязанностей или конфликтов, которые могут вам помешать. Кроме того, мне сказали, что вы обладаете недюжинным мужеством и первоклассным инстинктом. Не думаю, коммандер, что насчет диверсанта я ошибаюсь. Хотя очень хотел бы. И если я все-таки ошибаюсь, надеюсь, вы поможете мне с этим справиться. А если нет — постараетесь выяснить, кто это.

Редер расправил плечи. С таким вотумом доверия — как он мог хотя бы помыслить об отказе? «Но я очень хотел бы знать,— подумал он,— кто еще в мой фан-клуб входит».

— Я сделаю все возможное, сэр,— сказал он.

— Не сомневаюсь, коммандер,— отозвался Каверс, снова призывая своего адъютанта.— Сегодня вечером по случаю вашего прибытия на борт у нас состоится «обед». В девятнадцать тридцать я пошлю старшину проводить вас в офицерскую кают-компанию.— Когда адъютант вошел, капитан встал из-за стола.

Питер тоже встал и отдал честь. Капитан ему ответил, его серые глаза одобрительно потеплели.

— Проводите коммандера в его каюту,— велел он адъютанту.— Вечером увидимся,— сказал Каверс Редеру, после чего опять сел за стол. Тут же сосредоточившись на каком-то рапорте, он явно выбросил коммандера из головы.

«Проклятье,— думал Редер, следуя за адъютантом по коридору,— а помнишь, ты прикидывал, нет ли в этом замечательном назначении какого-либо подвоха? Разве не славное было время? Время невинности, полное радужных надежд на будущее. И когда был тот золотой век? Минут сорок назад? Да, где-то так. Понятное дело, это было до того, как я узнал, что моего предшественника убили. И что мне предлагается вывести его убийцу на чистую воду».

Питер был и польщен, и раздосадован. «Мне казалось, работа бортинженера сама по себе будет не сахар,— думал он.— А теперь я еще и частный сыщик. Знай я об этом раньше, я бы не технические руководства, а детективные романы читал».

Впрочем, это было несправедливо, и Питер знал, что излишне остро реагирует, но он всегда так реагировал и всякий раз, если находилось время, начинал ворчать и раздражаться. Все больше этим тяготясь, он решил занять свой разум какими-то более конструктивными мыслями. Например: кто его рекомендовал?

Пожалуй, когда-нибудь он напрямую об этом спросит.

Адъютант остановился перед какой-то дверцей и отпер ее контрольным кодом. Дверца скользнула в сторону.

— Здесь стандартный замок, сэр,— сказал старшина.

Это означало, что для защиты своих апартаментов Редер мог применить голосовой код, капиллярное сканирование или набор символов на клавиатуре. Или, будь он параноиком, все вышеперечисленное одновременно.

Питер вошел в свою новую каюту, и адъютант было за ним последовал.

— Замечательно,— сказал ему Питер, остановившись сразу за порогом.

— Так точно, сэр. Итак, в девятнадцать тридцать я за вами вернусь.

Редер учтиво кивнул и надежно запер дверцу. Затем он повернулся оглядеть обстановку.

Впервые в его военной карьере ему не нужно было ни с кем делить каюту, и Питер не мог этому не порадоваться. Следовало, правда, отметить, что теперь, благодаря гуманным нравам Содружества, тюремные камеры предоставляли куда больше места, но все же, все же... «Полное уединение»,— с наслаждением подумал Питер, глядя на единственную койку.

Каюта была распланирована с максимальной эффективностью в использовании пространства. Стол складывался к стене; в разложенном виде он открывал глазу встроенную в него клавиатуру и плоский многоцелевой стенной экран. Питер сунул руку под койку, откинул клапан и достал из специального отделения складной стул. Стоило ему лишь раз стукнуть им об пол, как стул буквально расцвел в новейшую эргономичную модель.

«Ух ты! — благоговейно подумал Питер.— Какое тут все новехонькое». Но тут он вспомнил про Окакуру, своего предшественника, и невольно скривился. «Почти новехонькое»,— поправился он.

Редер сдвинул на себя пластиковую полоску на столешнице, и под ней открылся ряд дискет с данными. Несомненно, личные дела его подчиненных, а также отчеты о функционировании его отдела. Он начал было подтягивать к себе стул, но затем остановился и бросил взгляд на свой вещмешок.

«Надо бы для начала форму распаковать, чтобы все морщинки разгладились,— подумал Питер.— Да что за черт! Я всю эту ерунду распакую. На это всего несколько минут уйдет, зато потом можно будет с чистой совестью в документацию погрузиться».

После внешне совсем короткого отрезка работы с личными делами Питер посмотрел на время и с удивлением понял, что уже семнадцать ноль-ноль. Надо же, он добрых три часа корпел. Тогда он потянулся и размял плечи, решив предпринять небольшую пробежку перед тем, как принять душ и одеться для обеда.

Даже на краткое знакомство с личными делами тех пяти сотен людей, которым предстояло работать у него в подчинении, Питеру требовались еще десятки часов, однако те немногие, кого он успел изучить досконально, дали ему немало пищи для размышлений.

В особенности его заместитель, второй лейтенант Синтия Роббинс. Специалистом она была первоклассным; по сути, некоторые ее рейтинги вообще шли на зашкал. Однако, если читать между строк в том, что про нее написали другие командиры, ей явно недоставало навыков человеческого общения. Причем очень недоставало.

Просмотрев в базе данных карту корабля, Питер направил свои стопы к ангару со «спидами». Он уже многие недели даже не приближался к этим изящным смертоносным птицам и теперь почувствовал резкое нетерпение, страстно желая увидеть их, услышать, обнюхать. Тот факт, что это означало более чем солидную пробежку, таил в себе определенные преимущества.

«Как раз то, что надо, чтобы кровь быстрей потекла,— подумал Редер.— Но недостаточно, чтобы меня измотать». Он чувствовал, что должен быть в форме для капитанского обеда. Особенно если ему предполагалось диверсанта найти. Проблема заключалась в том, что прошло уже очень много времени с тех пор, как Содружеству противостоял оппонент, обладающий какими-то реальными возможностями в сфере шпионажа. Разные твари с чешуей и щупальцами, понятное дело, испытывали серьезные проблемы с внедрением в ряды противника. Так что если с огневой мощью у Космического Отряда был полный порядок, то его контрразведка практически сошла на нет. К тому же мокаки внедрялись просто превосходно. Их религия позволяла им по хорошему поводу любую дозу двуличности.

Теперь Питер уже чувствовал запах «спидов», и запах этот выгнал из его головы все загадки и загвоздки. Влажный аромат смазки и обожженного металла исходил из двери расположенного впереди ангара. Питер прибавил ходу, а затем остановился в дверях. По лицу его, словно зарождающийся рассвет, медленно расползалась радостная улыбка. Внутри колоссального ангара впритык друг к другу было расставлено великое множество «спидов». Они тыкались мордами точно кони, что дремлют на пастбище, мирно ожидая, пока труба позовет их на бой.

Питер вошел в гигантское помещение и восхитился открывшимся ему зрелищем. Изящные черные силуэты возвышались над ним, надменно задирая головы. Он буквально чувствовал их

массу, их сдерживаемую мощь. Что-то в этих великолепных машинах взывало к нему, как если бы они были органическими или он был отчасти машиной. Между ними ощущалась неоспоримая связь, возникало чувство, что каждый из них — недостающая часть другого, и оттого сами по себе они неполны.

Редер потянулся вытереть пот, а в результате куда крепче, чем следовало, треснул себя по лбу немой механической ладонью. Этот удар резко вернул его к реальной действительности. Скорчив недовольную гримасу, он продолжил свою пробежку, а вместе с ней и свою тайную инспекцию.

Тут до него начал доноситься не на шутку раздраженный женский голос, но слов пока что было не разобрать. Впереди группа людей в испачканных комбинезонах кучковалась вокруг выхлопного раструба «спида». Питер по-тихому подобрался поближе, желая послушать, что там такое рычат.

— Если вас так бортовой компьютер беспокоит, просто вырубите его к чертовой матери и все дела. Тут вам не научная фантастика, где вещи сами собой врубаются и с ума сходят. И эту часть машины мы, черт побери, игнорировать никак не должны.

Редер стоял, сложив руки на груди, и наблюдал, как небольшая группка техников неловко переминается с ноги на ногу. Он соглашался с тем, что они не вправе прикидываться, будто у «спидов» задняя часть попросту отсутствует, но в то же время не мог винить их за то, что они испытывают такие чувства после того, что случилось с несчастным Окакурой.

— Вот, пожалуйста! — вскричала невидимая женщина, и из выхлопного раструба вылетел почерневший кусок металла. Питер мгновенно определил его принадлежность. Это была деталь аппаратуры волновой направляющей, расширитель поля, который регулировал выхлоп.

Взволнованная молодая женщина-техник, которая еле-еле сумела поймать деталь, теперь с мрачной тоской ее разглядывала.

— Вы что, хотели эту птичку с трещиной отослать? Да что с вами такое?

Питер придвинулся еще ближе, чтобы заглянуть женщине через плечо и получше рассмотреть механическую деталь выхлопной системы, которую она крутила в руках. На первый взгляд он в ней тоже ничего такого не приметил. Но затем свет упал под нужным углом, и все сразу стало понятно. Через весь диск шла тонкая как волосок трещинка. Женщина тоже ее увидела и повернула деталь; под новым углом трещинка опять стала незаметна, но когда она крепко сжала диск в ладонях, он разломился на две половинки точно кусок сухого печенья.

На какое-то время повисла мертвая тишина, а затем вся компания техников принялась взволнованно топтаться и перешептываться.

— Вот что я вам скажу,— продолжила незримая женщина в выхлопном раструбе.— Вам придется стать выше ваших эмоций.

Недопустимо, чтобы ваши чувства мешали исполнению вашего долга. Если бы этот «спид» вылетел, его пилот бы погиб. И это была бы ваша вина. Потому что вы все так на своих переживаниях в связи со смертью коммандера зациклились, так все перепугались...— Тут ядовитый голос прервался.

— Впрочем, вам, Элиза, я, пожалуй, много чести оказываю,— вскоре ледяным тоном продолжила женщина.— Лично вам для столь тонких переживаний, на мой взгляд, просто ума не хватает.

— Эй, полегче,— негромко произнес Питер. Это уже было слишком, особенно учитывая все обстоятельства. Да, молодую женщину, допустившую недосмотр, следовало распечь, но только не публично. И безусловно не в таких оскорбительных, недопустимых выражениях.

— Кто это сказал? — Женщина в выхлопном раструбе высунулась наружу, и Питер узнал второго лейтенанта Синтию Роббинс. Она презрительным взором окинула его потный спортивный костюм.— А вам, мистер, кем бы вы ни были, в такой экипировке на моей палубе делать нечего. Будьте любезны отсюда убраться, пока я на вас дисциплинарное взыскание не наложила.

«На моей палубе?» — мысленно повторил Питер. Здесь, на полетной палубе «Непобедимого», все, кроме боевого развертывания, находилось под его командой. С другой стороны, он бы тоже самую малость разозлился, если бы кто-то в схожей ситуации его перебил. А в том, что она его не узнала, ничего странного не было — на новом корабле с командой из нескольких тысяч человек неизбежно оказывалась масса незнакомых лиц.

И разве она не удивится, когда завтра он ей представится и втолкует, кому эта палуба на самом деле принадлежит...

«Ладно,— подумал Редер,— пусть она будет ее, пока я официально команду не принял. И все же она слишком круто берет. Впрочем, завтра времени хватит. Нельзя же вот так перед подчиненными ее огорошивать. Но с этой дамой серьезный разговор состоится»,— пообещал он себе. Одарив второго лейтенанта многозначительным взором, он развернулся кругом и через несколько шагов снова перешел на трусцу.

«Утверждать, что этой женщине навыков человеческого общения недостает,— подумал Редер,— значит сильно недоговаривать. С таким же успехом можно сказать, что от употребления в пищу ядерных отходов у вас несварение желудка случится».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Временами Редер бывал благодарен своей парадной форме за ту нематериальную броню, которой она его обеспечивала. Сейчас был как раз один из таких случаев. Он оглядел комнату, полную других офицеров, не менее блистательных в своей официальной

вечерней одежде, и насладился непередаваемым наслаждением выдержанного экзамена. В гражданской жизни Питер не любил официальных приемов и вечерних нарядов. Они казались ему фальшивыми и анахроничными. Но к своей форме, как рабочей, так и парадной, он никогда подобных чувств не испытывал.

«Скорее всего, это потому, что форма — элемент непрерывной традиции,— думал он, внимательно изучая окружающих.— И она связывает нас воедино, выводит за рамки личностей и личных предпочтений, позволяя нам вместе работать на благо великой цели, которой мы все служим». Тут Питер глотнул из своего бокала и скривился. «Интересно, почему я на вечеринках вечно о такой помпезной ерунде думаю?» — спросил он себя.

Скорее всего, это были последствия учебы в Академии; когда Редеру было восемнадцать, он подобные зажигательные речи просто обожал. «И раз уж на то пошло,— смущенно подумал он,— они мне и сейчас не противны. Эти речи мне много добра принесли».

Это была сущая правда. Они вдохновили его, дали ему четкое направление и наделили чувством локтя. Так что при виде парадной формы слова его наставников, бережно хранимые в подсознании, всякий раз оказывались по случаю вытащены наружу. «Наверно, я просто сентиментальный дурак,— с нежностью рассуждал Редер.— За Академию»,— мысленно провозгласил он, слегка приподнимая бокал, а затем делая хороший глоток.

Капитан выделил двадцать минут на коктейли и общение, но с Питером пока что никто особого желания общаться не проявлял. Не будь на нем безупречной парадной формы, он бы, пожалуй, задумался, все ли в порядке с его одеждой. После пробежки он принял душ, так что и здесь был полный ажур. Скуки ради он стал разглядывать висящую на стене картину с каким-то ничем не примечательным спутником или планетоидом на фоне газового гиганта.

На первый взгляд казалось странным, что все чувствовали такую сплоченность, проведя так мало времени вместе. Как догадался Питер, причиной тому была смерть Окакуры. Не столь уж редки были случаи, когда после подобных несчастий малознакомые люди быстро сближались. «К тому же наверняка было официальное расследование,— подумал Питер.— Оно тоже обычно людей объединяет».

В старшем офицерском составе были всего две женщины: Ван Чунь-мэй, старший помощник, и Ашли Люрман, астронавигатор. Для китаянки Ван была довольно высока, где-то за метр семьдесят. На вид ей было лет сорок, и веяло от нее спокойствием и компетентностью. Редеру она сразу понравилась. Он отошел от старпома и капитана, когда они затеяли какой-то конфиденциальный разговор с Айрой Голдбергом, судовым врачом, жилистым, энергичным мужчиной с самым ласковым голосом, какой Питер в своей жизни слышал. Люрман, невысокая блондинка лет двад-

цати пяти, была полна нервной энергии. Она с головой ушла в разговор с Хавашем Харткорпфом, начальником связи, который был еще моложе ее, но тем не менее уже обладал обвислой физиономией бассет-хаунда. Начальник тактической группы Труон Ле оживленно беседовал с высоким, смуглым и усатым командиром эскадрильи Берни Шелдоном — или просто «Бешеным». За ними бдительным оком приглядывал старший механик Оджи Скиннер.

Таким образом, оставался темноволосый и желтолицый шеф контрразведки Уильям Бут, который общался с лейтенантом Джоном Ларкином, квартирмейстером. Редер не позавидовал тяготам дружелюбного квартирмейстера, поскольку Бут оглядывался по сторонам с таким видом, словно подозревал, что все присутствующие, включая капитана, только и думают, как бы ему в карман залезть.

«Что ж, он шеф контрразведки,— подумал Редер.— Наверное, ему по должности подозрительность полагается». Впрочем, втайне он уже решил, что этот парень на поверку окажется одним из тех назойливых, несносных придурков, которым доставляет удовольствие каждого встречного оскорблять. А по тем ревнивым взорам, которые Бут кидал на старпома, Редер заключил, что он еще и классической формой «комплекса коротышки» страдает. Наверняка шеф контрразведки всеми доступными средствами себе недостающие сантиметры возмещал.

Ларкин же, напротив, имел цветущее как свежий хлеб лицо, увенчанное ангельскими светлыми локонами. Он, похоже, готов был любить всех своих братьев-офицеров, даже что-то мрачно бормочущего ему Бута.

Один из адъютантов капитана ударил в небольшой гонг, объявляя таким образом, что обед подан, и вся толпа двинулась к столу.

Питер был удостоен почетного места слева от Каверса. «Интересно,— подумал он,— станет это моим обычным местом, или капитан всех своих офицеров сюда по очереди сажает. За исключением, понятное дело, старпома».

Круглый стол был накрыт весьма элегантно, там имелась скатерть камчатного полотна, хрусталь ручной работы и фарфоровые тарелки с толстым золотым ободком. В самом его центре располагалась прелестная композиция из шелковых цветов.

Каверс заметил, что Редер ее изучает, и пояснил:

— Подарок моей жены. Слишком часто у нас живых цветов не оказывалось.— Он улыбнулся.— Она меня уверяла, что наша обстановка от этого немного культурнее станет.

— Она была права,— заверил его Редер.— Просто восхитительно.

Капитан кивнул в знак благодарности, а затем слегка сдвинулся вбок, когда дежурные по офицерской кают-компании начали подавать.

Беседа была приятно-непоследовательной, и вскоре Редер уже испытывал острое нетерпение, прикидывая, как бы ему рядом с командиром эскадрильи усесться. Им было что обсудить.

— Но если вы это сделаете,— сказал ему капитан Каверс,— вы уже больше ни с кем не познакомитесь. А ведь цель этого собрания именно такова.

Питер удивленно на него взглянул, а затем рассмеялся.

— Неужели на мне так все было написано? — спросил он.

— Вы прямо через стол были готовы перелезть,— уголком рта ответил ему Каверс. Затем он слегка двинул бровями.— Поймите меня правильно, коммандер. Я рад, что вы пылаете таким энтузиазмом в отношении ваших обязанностей. Но всему свое время. И прямо сейчас,— многозначительно подчеркнул он,— время знакомиться.

«Намек? — задумался Редер.— Неужели капитан кого-то из своего командного состава подозревает? — Он подавил недовольную гримасу.— Если так, тут предельная осторожность потребуется. И если у Старика есть какие-то мысли, лучше бы он ими поделился.— Радостное возбуждение Питера быстро таяло.— Хотя нет, ведь он искал кого-то, кто этих людей не знает. Кого-то, кто не станет отбрасывать Бута, потому что он тяжелый придурок, или Шелдона, потому что он весь как на ладони». Так что разумно было предположить, что Каверс не хотел с самого начала засорять своему следователю мыслительный процесс. Тут Питер подавил мучительный вздох. «Почему я? — подумал он.— Я даже понятия не имею, с какой стороны к этому делу подобраться. И мне это совсем не по вкусу. Но тогда экспертом здесь должен стать Бут, а этому парню я бы обеими руками собственную задницу отыскать не доверил, причем с картой, зеркалом и фонариком. И раз уж на то пошло, могу себе представить, что Старик это мнение разделяет». Бут казался здесь единственным офицером, который не был выбран с умом. Учитывая всю деликатность работы контрразведки, это был вопиющий недосмотр.

— Простите, коммандер,— вдруг обратился к Питеру доктор Голдберг.

Редер вопросительно на него взглянул.

— Вас не затруднит завтра заглянуть в лазарет, прежде чем вы на вахту заступите? — спросил он.— Я бы хотел вместе с вами просмотреть вашу историю и представить вас физиотерапевту.

Питер вздрогнул.

— Мне сказали, что физиотерапия мне больше не понадобится,— запротестовал он.

— Активная — нет,— заверил его доктор.— Но вам лучше периодически проверяться и удостоверяться, что все упражнения вы выполняете верно. А кроме того, у вас последняя модель. Я был бы вам очень признателен, если бы вы предоставили нам возможность ее осмотреть и проследить, как вы прогрессируете.

— Конечно,— быстро согласился Редер, желая его заткнуть. «Черт бы тебя побрал,— подумал он.— Ты даже еще не спросил, хочу ли я раздеться». В то же самое время его раздражал тот факт, что он не может относиться к своему протезу так же непринужденно, как доктор. «Но как я могу так к нему относиться? — спросил себя Питер.— Ведь это моя рука! И я совсем недавно ее потерял!»

Голдберг открыл было рот, чтобы продолжить, но тут вмешался квартирмейстер.

— В ближайшие несколько дней вы наверняка будете страшно заняты,— предположил Ларкин. Выражение его ангелоподобной физиономии ясно указывало Питеру, что он совершенно сознательно перебил доктора.— Ведь вам придется все рапорты почти за четыре недели осилить.

— Лейтенант Роббинс с этими рапортами на славу постаралась,— негромко заметил капитан.

Шелдон сверкнул глазами на капитана, затем на Редера, и сердце Питера упало.

— Согласно ее личному делу, она превосходный инженер,— дипломатично констатировал он.

— Превосходный,— рассудительно согласился старший механик.— А вот человек она не очень человечный.

Строго говоря, старшего механика это не касалось. Он нес ответственность за машинное отделение и силовую установку, а не за «спиды». И тем не менее...

Командир эскадрильи снова бросил тот же взгляд, и Питер буквально услышал его мысли: «Да рядом с ней даже гунн Аттила самый что ни на есть человечный».

— Так или иначе,— заметила коммандер Ван, поднимая бокал с вином,— команда у нас просто исключительная. Я счастлива служить со всеми, кто здесь находится.

Редер импульсивно поднял свой бокал.

— За «Непобедимый»! — провозгласил он.

— За «Непобедимый»! — дружно откликнулись все и немедленно выпили.

Вскоре после обеда они разошлись. Слишком много работы ожидало их до старта и слишком мало часов сна после.

Питер с лейтенантом Ларкином брел по гулкому коридору, все еще чувствуя слабый запах растворителей, которые использовались для окончательной чистки судовых помещений.

— Моя каюта рядом с вашей,— радостно сообщил Ларкин.— Надеюсь, мой храп вас не разбудит.

— Сомневаюсь, что я его поверх своего услышу,— похвастался Редер.— Его даже одно время думали как звуковое оружие использовать.

— Ха! — Ларкин шутливо хлопнул его по плечу.— Вижу человека с задатками.— Он покачал головой, когда Редер рассмеялся.— У вас уже был шанс здесь осмотреться?

— Я дал себе возможность на главной палубе побывать,— сказал Питер.— Взглянул на своего заместителя; пока что с ней, впрочем, не разговаривал.

Ларкин промолчал.

— Не это ли обычно «красноречивым молчанием» называют? — поинтересовался Редер.

Квартирмейстер кивнул.

— Пожалуй.

— Ну, давайте,— подстегнул его Редер.— Я же ваш брат-офицер.

— Гм... да вы уже слышали.

— Что человек она не очень человечный? Да, слышал.— «И видел тоже,— подумал он.— Похоже на правду».

— Зато в механике она просто Микеланджело, художница, чудо что за инженер.— Вид у Ларкина сделался предельно восторженный, руки его были подняты как у дирижера, словно бы он исполнял Синтии Роббинс хвалебный гимн. Затем он уголком глаза глянул на Редера и рассмеялся.— По крайней мере, так Оджи Скиннер, один из ее фанов, утверждает.

— Что ж,— с кривой улыбкой заметил Питер,— они оба инженеры. Песня одна и та же, только темп разный.

— К сожалению, она склонна со всеми так обращаться, как будто мы у нее на пути стоим,— со вздохом сказал лейтенант.— Я думаю, единственная причина, почему она так далеко продвинулась, это ее блестящая техническая одаренность. И она молода — все те острые углы со временем могут сгладиться. Но если честно, я очень рад, что мне с ней больше напрямую общаться не придется. Язык у этой женщины как нож острый.

— Что ж, завтра я сам все выясню,— бодро сказал Редер. «А мне-то показалось, тебе все на свете по вкусу,— подумал он.— Нет, верно моя бабушка говорила, что в тихом омуте черти водятся. Хотя, основываясь на уже увиденном, лейтенант Роббинс наверняка с полоборота заводится. И язык у нее действительно как нож острый».

Так или иначе, ему следовало извлечь для себя выгоду из конфиденциального настроения Ларкина.

— А Бут что за птица? — спросил Питер.— На вид он как скворец на съезде попугаев.

Лейтенант рассмеялся.

— Да, в самом деле. Уилла нам на замену, в последнюю минуту прислали.— Тут Ларкин вдруг посерьезнел.— С самого начала шефом безопасности у нас была Маргарет Лестер. Очень хорошая женщина.

Редер вздрогнул.

— Вы так говорите, как будто она умерла.

Ларкин поморщился.

— Нет, хотя лучше бы она умерла. Там был несчастный случай с неисправным переходным шлюзом. Тяжелое поражение мозга.

— И Бут был лучшим, кого в срочном порядке смогли найти?

— Моя матушка говаривала, что птица, которая на ветрах спешки летает, редко когда лебедь,— сказал Ларкин.

— Черт возьми, Джон, по-моему, я на этих самых ветрах сюда прилетел,— с улыбкой заметил Редер.

— Она говорила редко когда,— подняв руки, запротестовал квартирмейстер,— а не никогда. Что касается лично вас, сосед, то тут, я считаю, нам очень повезло.

Питер усмехнулся.

— Все-таки я не верю, что стенки здесь такие тонкие.

— Вы услышите, как я с бока на бок переворачиваюсь,— пообещал Ларкин.— Доброй ночи,— сказал он, направляясь к своей каюте.

— Доброй ночи,— отозвался Питер.

Редер был не в лучшем настроении, торопясь на совещание, которое сам же и созвал. Кроме него самого, принимать участие в совещании должны были Синтия Роббинс и главный старшина, ее заместитель. Прошлой ночью он до засиделся до неразумного поздно, изучая самый последний набор рапортов, и в результате чувствовал себя совершенно измотанным.

Его визит к доктору прошел лучше, чем он ожидал. А ожидал Питер, раз уж на то пошло, что он этого парня за ноги возьмет и о палубу хватит. К счастью, назойливые вопросы Голдберга в лазарете звучали более естественно, и в целом это оказалось совсем не то тяжкое испытание, к которому готовился Редер.

Ему также очень понравилась сержант Кедски, физиотерапевт. Эта девушка явно знала свое дело. К тому же, заметив, как раздражает Редера навязчивая завороженность Голдберга его протезом, она сумела устроить все так, чтобы вызволить коммандера из лазарета гораздо раньше, чем сам доктор бы его отпустил.

И все же Питер немного опаздывал. А потому, приближаясь к помещению для дежурных экипажей, перешел на трусцу.

За время своих ночных чтений он выяснил, что капитан, если уж на то пошло, преуменьшил проблему поломки деталей. Лейтенант Роббинс представила весьма солидную документацию на детали, не соответствующие стандарту, а также на те, которые она посчитала слишком ненадежными для использования.

С другой стороны, были там и протесты, представленные квартирмейстером, в которых о «навязчивом перфекционизме» лейтенанта Роббинс упоминалось как о серьезной проблеме. «Эти

детали были осмотрены и найдены годными к применению,— писал Ларкин.— Как производителем, так и моими людьми, каждый из которых является квалифицированным специалистом. Мелкие поверхностные недостатки не обязательно указывают на дефектность оборудования. Эти детали могут не быть красивыми, но они проходят все тесты. Я требую, чтобы второго лейтенанта Синтию Роббинс удержали от беспричинной траты времени с ущербом для ценного оборудования Содружества».

Люди порой производят совсем иное впечатление в своей переписке, и все же Редера удивил тон враждебности в рапортах Ларкина. «Странно,— подумал он.— А на вид этого парня надо совсем к стенке прижать, чтобы из него хоть какой-то протест вылетел. Впрочем, у Роббинс по этой части репутация хоть куда».

Питер вздохнул. В свое время ему довелось с несколькими гениями поработать, и он уже для себя уяснил, что такие люди редко бывают командными игроками. «Ладно,— подумал он,— очень скоро я выясню, что она за зверь».

Завернув за угол, Редер увидел, что его уже поджидает крепко сбитый мужчина с седыми волосами и шоколадной кожей. Несомненно, это был главный старшина Джомо ар-Рашид. Двадцать лет на службе Содружеству, твердая репутация и превосходный послужной список; одна благодарность кое за какую весьма хладнокровную работу с поврежденным баком реактора на штурмовом транспорте. Редер рад был иметь такого подчиненного и уже предвкушал дальнейшую с ним работу.

А вот признаков лейтенанта Роббинс не наблюдалось.

«Проклятье,— подумал Питер.— Как раз этого я хотел избежать. Теперь она изволит явиться, когда мы уже разговаривать начнем, и все это будет выглядеть как „мальчики против девочек". Неизбежно». Кроме того, его совсем не порадовал тот факт, что Роббинс решила не разменяться на пунктуальность.

— Главный старшина ар-Рашид? — с улыбкой спросил он.

Старшина браво отдал честь, и Редер ему ответил.

— Так точно, сэр. Коммандер Редер?

— Я, старшина. А лейтенант Роббинс задерживается? — негромко поинтересовался он.

— Так точно, сэр. В последнее время всегда так,— траурным тоном произнес унтер-офицер.

— Из рапортов я уже так и понял. Ну что ж,— продолжил Редер, опять улыбаясь,— быть может, нам следует пойти ее поискать? Если повезет, мы там чем-то поможем.

— Так точно, сэр.

Они направились к лифту, который должен был доставить их на главную палубу, и ар-Рашид то и дело краешком глаза поглядывал на Редера.

— Вы что-то хотите сказать, старшина? — спросил Редер, глядя прямо перед собой.

Старшина помрачнел и откашлялся.

— Я хочу сказать, лейтенант Роббинс просто чудо что за инженер,— сказал он и умолк, словно желая посмотреть, как будет воспринято его замечание.

— А вот человек она не очень человечный,— закончил за него Редер.— Это я уже слышал.

Старшина прикусил нижнюю губу, пряча улыбку, но лицо его заметно просветлело.

— Лично я, сэр, думаю, что у нее есть задатки превосходного офицера. Но лейтенант кое-каких дурных привычек нахваталась. Если мы сможем как-то ее смягчить и резкие углы сгладить, в один прекрасный день она настоящим золотом окажется.

— Надеюсь, этот прекрасный день будет сегодня, старшина. Потому что начиная с этого момента лейтенанту Роббинс придется действовать так, как нужно мне.— Он сдержал улыбку, увидев, как старшина опять помрачнел.— Я вам вот что скажу,— продолжил Редер.— Вы смягчайте, действуйте пряником, а я буду действовать кнутом. Вместе у нас, быть может, что-нибудь и получится.— Тут он повернул голову и посмотрел прямо в спокойные карие глаза ар-Рашида.

— Так точно, сэр,— согласился старшина.— Это может сработать.

— Просто неслыханно! — Разгневанный голос вырвался из просторного ангара и быстро рассосался по коридорам.

— Сэр. Повторяю, я не выпущу «спид», который должным образом не проверен. Это моя работа...

— Ваша работа их ремонтировать, а затем возвращать нам, лейтенант. Вот только у вас, похоже, небольшая проблема с тем, чтобы позволять пилотам их использовать. Но они именно для этого предназначены, если вам это еще неизвестно.

— Так точно, сэр. Мне это известно. Но этот «спид»...

— Вот-вот, этот «спид». У вас всегда «этот спид», лейтенант, и меня это уже утомило. Понимаете меня, лейтенант?

«Похоже, доля Бешеного Берни у командира эскадрильи Шелдона сегодня утром преобладает,— удрученно подумал Редер, глядя, как Шелдон, почти потеряв самообладание, вплотную приблизил свою красную физиономию к бледному лицу лейтенанта Роббинс, чтобы успешнее на нее орать.— Очень хорошо, что я вовремя сюда прибыл, а то у нас на „Непобедимом" еще одни похороны бы состоялись. Похороны карьеры Шелдона. Ведь он того гляди ее о палубу хватит».

— Утро доброе, Шелдон,— непринужденно поздоровался он.— Лейтенант Роббинс.— Он кивнул им обоим, а затем взглянул на молодого пилота, который, в равной мере разъяренный, стоял у командира эскадрильи под боком.

— Слава Богу, что вы здесь! — воскликнул Шелдон.— Вот эта... лейтенант,— начал он, вкладывая в звание Синтии Роббинс отчетливо нелицеприятный оттенок,— явно решила лейтенанта Гивенса преследовать. Она ему вообще летать не дает.— Глаза командира эскадрильи так выпучились, что чуть на палубу не упали, когда он бросил еще один огненный взор на Роббинс.— Четыре раза, коммандер, четыре раза она в самую последнюю минуту по винтику разбирала его «спид». Я уже начинаю думать, что для окончательного развала боевой подготовки мне нужно всего-навсего полный план полетов ей предоставить!

Редер улыбнулся.

— Ничего, Рон, сейчас мы что-нибудь придумаем. Какой «спид» у нас все-таки до полетов допущен, лейтенант? — спросил он у Роббинс.

— БИС два-семь-семь-шесть, сэр,— немедленно ответила Роббинс. На лице у нее ясно читалось мрачное упрямство.

— Он в вашем распоряжении, лейтенант Гивенс.— Редер сделал широкий жест в сторону истребителей, поскольку не знал, где именно находится БИС два-семь-семь-шесть.

— Но это не мой «спид»,— возразил Гивенс.

— Точно! — поддержал его Шелдон, не слишком смягченный компромиссным предложением.

— Я понимаю,— заверил их Редер.— Однако,— он указал на лежащий на палубе мотор разобранного «спида»,— на сегодня мы больше ничего сделать не в силах. По крайней мере, вы сможете всей эскадрильей полететь. А кроме того... возможно, я ошибаюсь, но мне казалось, эти корабли Содружеству и Космическому Отряду принадлежат.

Командир эскадрильи со скорбной удрученностью вздохнул.

— Да, разумеется.— Тут он опять вздохнул.— Но все-таки, Питер, можете вы что-то с этим поделать?

— Мы сделаем все, что в наших силах, Рон. Удачного полета.

— Спасибо.— Шелдон недовольно покачал головой и похлопал своего лейтенанта по плечу, а затем направился к выходу из ангара.

Гивенс бросил последний презрительный взор на Синтию Роббинс, а затем потопал искать свой временный «спид».

— Если теперь вы свободны, лейтенант, думаю, мы могли бы провести запланированное совещание,— мягко предложил Редер.

Роббинс взглянула на мотор, над которым работали ее люди, и на лице у нее выразилось откровенное желание в нем покопаться.

— Лейтенант,— подстегнул ее Питер.

— Так точно, сэр. Разумеется.

Редер, Роббинс и ар-Рашид направились к кабинету Питера. По дороге Питер украдкой изучал Роббинс.

Темные волосы девушки были подстрижены совсем коротко, да и угрюмое выражение лица, которое она носила практически

не снимая, тоже ей на пользу не шло. Но если присмотреться, она была довольно хорошенькая. Чудесный правильный профиль, аккуратный остроконечный подбородок, большие карие глаза... Одни эти лучистые глаза могли бы возместить массу других изъянов, но им этого не требовалось.

Было также совершенно очевидно, что уверенности в себе Роббинс не излучала. Движения ее были неловкими, почти неуклюжими, и хотя осанка оставалась достаточно прямой — об этом, несомненно, в свое время позаботились военные,— голова ее то и дело поникала точно умирающий от жажды цветок.

В кабинете они дружно молчали, пока Редер, подтянув свой стул поближе к столу, не предложил:

— Почему бы нам несколько минут этому недоразумению с командиром эскадрильи не посвятить?

— Гивенса мы специально не выбираем, сэр,— тут же заявил ар-Рашид.

— Сначала я хотел бы выслушать лейтенанта, старшина,— негромко заметил Редер.

Роббинс прикусила губу и помрачнела до невозможности. Костяшки ее пальцев, сцепленных на коленях, побелели от напряжения.

Питер взглянул на старшину, затем поерзал на стуле. Тогда, словно это движение ее подстегнуло, Роббинс сказала:

— Как старшина уже сказал, мы его не выбираем. Там есть проблемы.

— Всякий раз бывают,— добавил ар-Рашид.

Роббинс бросила на него такой взор, словно он ее беспардонно предал. Затем она выдержала паузу, кусая губы и по-прежнему не встречаясь взглядом с Редером, после чего пожала плечами и продолжила.

— Один раз это была трещина в подающей трубе, причем не так чтобы на волосок, а чертовски большая. Прошлый раз это была разбалансировка в одном из магнитных баллонов термоядерного генератора.

Питер подался вперед.

— Но ведь это не поломки деталей,— тихо произнес он.

— Так точно, сэр.— Она нервно заерзала на стуле.— Мы с разными проблемами сталкивались.

«Как же эта женщина до лейтенанта дослужилась? — спросил себя Редер.— Она может быть каким угодно талантливым технарем, но, судя по этому расспросу, с руководящей работой она вообще ничего общего не имеет».

Вслух он сказал:

— Будьте так любезны добровольно делиться информацией, лейтенант. Если мне придется обо всем вас расспрашивать, мы до вечера не закончим. Ни у кого из нас нет на это времени. Итак, с какими еще проблемами вы сталкивались?

— С теми, про которые я уже упомянула, и еще с перепутанной электроникой. Также у нас было несколько очень странных сбоев бортовых компьютеров. И все это совершенно неожиданно. Я понимаю, что боевая нагрузка, черт возьми, даже простой полет может некоторые из этих проблем вызвать. Но весь их объем просто поразителен.— Впервые за все время она взглянула на Редера, а затем быстро отвернулась, и щеки ее запылали.

— Скажите, а «спид» Гивенса более всех прочих склонен эти проблемы испытывать? — спросил он.

— Для полной уверенности, сэр, мне нужно свои записи просмотреть. Но вообще-то — да. В определенной степени.

— Стало быть, вы проверяете его более тщательно, чем любой другой?

На мгновение Роббинс, похоже, смутилась, а затем опять стала мрачнее тучи и взяла себе несколько секунд на раздумья.

— Да, возможно,— наконец признала она.

— Тогда, быть может, вы просто чрезмерную осторожность проявили? — предположил Редер.

Роббинс замотала головой, не успел он даже договорить.

— Никак нет, сэр. Проблемы действительно были. Проверьте мои рапорты, расспросите техников, они вам все подтвердят. Я не забавы ради лейтенанта Гивенса футболила.— Она сверкнула взглядом на Питера, в ее карих глазах пылал неподдельный гнев.— Я в эти игры не играю.

«Любопытно,— подумал Редер.— А с виду она как раз из тех, кто в эти игры играет. Кто может, к примеру, намеренно повредить деталь, а потом заявить о ее дефектности. Или сказать, что чей-то „спид" требует ремонта, а потом постараться, чтобы он и впрямь его требовал». Его предшественник мало что поведал ему о Роббинс, не считая того универсального наблюдения, что она сущий гений в инженерии и полная бездарность в работе с людьми. Хотя это можно было понять — ведь до его смерти они меньше месяца вместе проработали.

«А вот если бы Окакура был все еще жив,— подумал Питер,— написал бы он о ней что-то куда более критическое?»

Что-то здесь было не так. Ларкин утверждал, что его детали хорошие; Гивенс заявлял, что его птичка может летать. Все проходило через руки лейтенанта Роббинс — и внезапно оказывалось мусором. «Если она гениально чинит,— подумал Питер,— может, она гениально и ломает?»

Небольшое приключение Редера на «Африке» наглядно продемонстрировало ему, как легко подделать повреждение. И как легко потом от этого отбояриться. Конечно, у него имелся определенный репертуар в смысле лицедейства, и Питер был убежден, что вид «мальчика-певчего» очень в этом смысле ему помог.

«А вот у малышки Синтии весь репертуар гнев и возмущение составляют,— подумал он и почти мгновенно исправился, когда

выражение ее лица слегка изменилось: — Нет, она просто идеальная модель строптивой угрюмости. Хоть на выставке показывай». Редер вдруг ощутил почти непреодолимое желание свалить всю вину на эту несуразную молодую женщину. И тут же подавил это желание как недостойное. Кроме того, у Роббинс была поддержка ар-Рашида. А суждения этого человека Питер готов был уважать с того самого момента, как впервые его увидел.

— Ладно,— сказал он вслух,— нам слишком много всего надо обсудить, чтобы мы на несчастьях лейтенанта Гивенса зацикливались. Но в дальнейшем, если его «спид» снова будет задержан, необходимо, чтобы для него всегда был готов другой. Это понятно?

— Так точно, сэр,— дружно откликнулись Роббинс и старшина.

Они с энтузиазмом перешли к своей непосредственной работе, но где-то в затылке у Редера тоненький голосок продолжал настаивать, что лейтенант со старшиной вполне могут быть сообщниками.

«Будь оно все проклято,— ответил Питер этому голоску,— не могу же я всех подозревать. Так я никогда до сути не доберусь. Раз уж на то пошло, остаются только два человека, которым я могу доверять — я сам и капитан. Но могу ли я доверять капитану? А, ч-черт... Лучше держись доказательств,— посоветовал он самому себе.— Если бы у меня они были».

Хотя минутку! Кое-какие доказательства у него все-таки имелись. Документы о полученных дефектных деталях. «Само собой разумеется,— подумал Питер,— документы Ларкина покажут, что все они были в порядке. А это означает, что кто-то из людей квартирмейстера, или кто-то из моих людей, или сам Джон, или еще кто-то где-то... или вообще все и везде виновны. Полная безысходность,— раздраженно вздохнул он.— У меня просто талант к сведению всего на свете на нет. И я должен быть безумно благодарен капитану Каверсу за предоставленную возможность это выяснить».

— Сэр? — неуверенно спросил ар-Рашид.

— Прошу прощения, старшина, я в серых клетках заблудился.— Он постучал себя пальцем по голове.— Как нас уверяет лейтенант Ларкин, получаемые им детали в порядке. Но за то время, что проходит с того момента, как они из его рук попадают в наши, они почему-то становятся дефектными. Есть какие-то мысли на этот счет? — Редер перевел взгляд с ар-Рашида на Роббинс.

— Поначалу я думал,— сказал старшина,— что, быть может, какие-то неопытные люди подвергают их грубому обращению. И я надеялся, что со временем все исправится.— Он покачал головой.— Но все чем дальше, тем хуже. И теперь я точно знаю, что на этом корабле никаких неопытных людей нет.

Редер кивнул.

— Я тоже это заметил.— Он позволил себе мысленный вздох при взгляде на Роббинс, которая буквально оцепенела на стуле, явно находясь во многих милях отсюда. «Причем куда бы она ни отправилась,— подумал Питер,— она там страшно на кого-то

дуется. Что ж, это отвечает на мой вопрос. Она определенно не командный игрок».

— Лейтенант,— позвал он ее. Роббинс подняла взгляд.— А у вас есть по этому поводу какое-то мысли, которыми вам хотелось бы поделиться?

Она немного подумала, явно пытаясь сдерживать дыхание. А потом сделала нырок, выпаливая слова точно в лихорадке.

— Нет, сэр, никаких особенных замечаний, кроме того, что лейтенант Ларкин желал бы во всем обвинить меня. Я понятия не имею, где и когда наши детали становятся дефектными.

— Отрицая свою ответственность за дефекты, он вовсе не возлагает ее на вас, лейтенант. Впрочем, я учту вашу точку зрения.— «Какой бы параноидной она ни была»,— подумал Питер. Роббинс опять опустила глаза, и он еще раз ее поизучал. Синтии был двадцать один стандартный год — почти детский возраст с высоты его двадцати семи. И вид у нее был довольно побитый. «Еще бы,— подумал Питер.— Ведь все орут на нее и обвиняют в том, что все портится. А потом орут за то, что она старается все это починить. И ей, естественно, в кошмарном сне не могло присниться, что, помимо технической стороны дела, ей еще и за пятьсот человек придется отвечать. Так что бедный ребенок сейчас крутую полосу препятствий преодолевает».

Конечно, как офицер Космического Отряда Содружества, Синтия Роббинс должна была преодолеть массу всяких полос, прежде чем ее на эту поставили. С другой стороны, люди по самым разным причинам в вооруженные силы вступают. «И я сомневаюсь,— подумал Питер,— что ее причиной была быстрая дорога к славе и могуществу».

Несмотря на все ее старания добиться противоположного, Редер вдруг понял, что эта девушка ему нравится. Она явно старалась как-то справиться с тем тяжелым положением, в котором она оказалась. И единственной загвоздкой для Редера оставалась неотвязная мысль, что лейтенант Синтия Роббинс вполне могла сама создать ситуацию, которая ее в это положение поставила.

— Ну ладно,— сказал он, вставая.— Пожалуй, мне пора предпринять обход главной палубы и начать знакомиться с людьми.

Роббинс и ар-Рашид тоже встали.

— Вы не будете против, если старшина...— начала Роббинс.

— Отставить,— оборвал ее Редер.— Предполагается, что вы будете моим заместителем, лейтенант Роббинс. Мы должны научиться работать вместе. Кроме того, мне требуется кое-какая техническая информация о наших объектах, и я полагаю, что именно вы должны мне ее предоставить.

— Есть, сэр.

— Не беспокойтесь, лейтенант, все будет совсем не так страшно. Я только что школу закончил, и оценки у меня совсем неплохие.

Тут Редеру показалось, что на лице ее мелькнула улыбка, и он взглянул на ар-Рашида.

Глаза старшины просияли, и он губами обозначил слово «кнут».

«Ладно, старшина,— подумал Питер,— пусть будет кнут. А ты про пряник не забывай».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Редер уже привык питаться в одиноком великолепии офицерской кают-компании, пока «Непобедимый» находился в Транзите. Разумеется, такие роскоши мирного времени, как стюардессы, остались теперь только адмиралам и прочим большим шишкам, и все же кают-компания была чудесным местечком. Кто-то даже успел украсить ее серией фресок, милых старомодных вещиц с лунными пейзажами и видами колец Сатурна. На новом корабле ароматы еды и кофе только-только начинали преобладать над запахами сохнущей замазки и синтетики, в равной мере приятными для астронавта. Редер также привык запихивать в себя куда больше одной порции. Он улыбнулся, вспоминая вчерашний день — как он благожелательно кивнул стоящей на раздаче девушке, нагружая свою тарелку сосисками, яичницей с ветчиной, сияющей жареной картошечкой...

И как эта девушка закрыла глаза и постаралась задержать дыхание, а хлебный сухарик застыл на полпути к ее губам.

«Ужасно, должно быть,— подумал он тогда,— быть вынужденной готовить для сотен человек, когда тебя от одного вида еды тошнит». И особенно когда почти все, кроме Питера Редера, ничего, кроме хлебного сухарика, и не хотели.

Впрочем, не этим утром. Прошлой ночью они вышли из Транзита, и сегодня все уже хорошенько подготовились наверстать пропущенные трапезы. Питер припоздился на раздачу, и теперь там почти ничего, кроме сухарей, не осталось. Зато все столы были упакованы локоть к локтю.

Питер с горестным вздохом положил себе на поднос хлебный сухарик. Еще ему перепала маленькая сосиска в тесте, а также чайная ложка яичницы, которую он сумел наскрести с горячей сковороды. «Надо было пораньше прийти,— грустно подумал он.— Разумно было предположить, что все зверски проголодались. И очень сомнительно, что меня удостоят хоть капли сочувствия, если я пожалуюсь».

Он присел рядом с квартирмейстером, который посмотрел на его тарелку и самодовольно ухмыльнулся.

— Вообще-то я хотел и это забрать, но потом решил хоть что-нибудь вам оставить.

— А знаете, Ларкин,— начал Питер, неотрывно глядя на три сочных котлеты на тарелке квартирмейстера,— после поста много

есть вредно. Вот был у меня один знакомый, так он, царствие ему небесное...

— Уберите ваши бесстыжие глаза от моей тарелки, Редер! — прорычал Ларкин, отодвигая свой поднос подальше от Питера.— У вас последние двое суток было и первое, и второе, и пятое, и десятое. Теперь настала пора всем взять свое.

Тогда Питер посмотрел через стол на Ашли Люрман, которая поверх горы омлета ответила ему взглядом голодной волчицы, защищающей своего детеныша.

— У меня для вас те же пожелания,— процедила молодая женщина,— только в двойном размере.

— Доброе утро, лейтенант,— любезно поздоровался Редер.

Она лишь испустила какое-то кошачье шипение и снова обратила все свое внимание на омлет.

— Бросьте, ребята, да не собираюсь я прямо у вас с тарелок еду забирать! — широко раскрыв невинные глаза, воскликнул Питер. «Зато на ленч я приду первым»,— подумал он. Это не должно было стать проблемой, поскольку большинству офицеров «Непобедимого» предстоял напряженный день, тогда как Редеру требовалось только следить за всеми остальными и поддерживать свои «спиды» в идеальной готовности.

Двухдневный Транзит доставил их на главный полигон Содружества. Сегодня оружию «Непобедимого» впервые предстояло выстрелить по-настоящему, а учитывая необычайно высокие темпы поломки большей части оборудования, напряжение в кают-компании висело такое, что даже челюстями тяжело было шевелить.

«Хотя,— подумал Редер, скорбно наблюдая за работающими челюстями других офицеров,— лично мне ими и шевелить особенно незачем».

— Ну как,— бодро поинтересовался он,— все готовы?

— Как никогда,— лаконично отозвался Оджи Скиннер, даже не нарушая ритма работы своих челюстей.

— Тебе легко говорить,— с ухмылкой заметил Труон Ле.— Для тебя все самое сложное уже позади,— добавил он, имея в виду их высокоскоростной круиз по системе Антареса и транзитный прыжок к полигону.— Сегодня для тактической группы будет работенка.

Оджи погрозил начальнику тактической группы вилкой.

— Инженерам всегда работа найдется. Правда, Редер?

— Истинная правда, Скиннер.

— Если я когда-нибудь скажу, что моя работа закончена,— продолжил главный механик в адрес Труона Ле,— это будет значить, что я в отставку ухожу.

— Согласен,— с улыбкой отозвался Труон Ле.

— Порой мне кажется, этот парень откуда-то из другого измерения прибыл,— качая блондинистой головой, прошептал Редеру Ларкин.— То есть, я, по-моему, тоже своему делу предан,

но я иногда могу встать из-за стола и сказать: все, рабочий день закончен.

— Ну да,— негромко согласился Редер.— Но «Непобедимый» не окажется в опасности, если вы моржовые бобы забудете заказать.

— Хотел бы я с вами согласиться. Но если вы когда-нибудь с разочарованным фанатом моржовых бобов столкнетесь,— тут Ларкин выразительно развел руками,— будет такая бойня, что даже не описать.

— Я пошел,— сказал Труон Ле, вставая.— Всем удачи.

— Удачи,— дружно отозвались все. Один за другим они стали заканчивать свой сверхплотный завтрак и расходиться по рабочим местам. Наконец в кают-компании остались только Редер и Ларкин.

— Я чувствую себя виноватым,— сказал Ларкин.— Самая тяжелая часть моей работы уже закончена.

Он имел в виду титанические усилия по заказу и хранению многих тысяч предметов, требовавшихся для жизни и работы на корабле таких размеров, как «Непобедимый». Не считая боевой ситуации, их распределение происходило почти автоматически.

— А моя работа до завтра реально не начнется,— отозвался Редер.— Но нам обоим надо быть наготове.

Квартирмейстер иронически хмыкнул.

— Да уж. Никогда не знаешь, что Старику потребуется. Представить себе не могу, чтобы он даже в разгаре сражения аварийный инвентарь запрашивал.

— Служба у нас такая,— обтекаемо отозвался Редер. Затем он искоса глянул на квартирмейстера.— Я так понимаю, моржовые бобы у нас все-таки есть.

— У нас есть не просто моржовые бобы,— сказал Ларкин, вставая,— у нас есть новые, улучшенные, самонаводящиеся моржовые бобы с лазерным прицелом. Если такой боб рванет, все мокаки сразу на колени падут!

— Надо полагать, это наше спасительное оружие? — в деланном ужасе спросил Питер, прижимая к груди салфетку.

Ларкин с серьезностью посмотрел ему в глаза.

— Кто знает, что Старик еще мог запросить.

— Боже мой,— произнес Редер и залпом допил остатки кофе.— Тогда я, пожалуй, рад, что я на нашей стороне.

На главной палубе лейтенант Роббинс явно испытывала проблемы; потея и пританцовывая, она тянула за что-то у себя на комбинезоне. Редер сделал на своем служебном мониторе близкий план и ухмыльнулся. «Да,— подумал он,— это просто классика». Кто-то завернул немного специальной вакуумной замазки в тонкоплас и положил этот комочек на дно одного из инструментальных кармашков на рабочем комбинезоне лейтенанта. Стан-

дартная процедура — ярой сторонницей которой была Роббинс — заключалась в том, чтобы в самом начале вахты вынимать каждый инструмент из кармашка и вставлять его назад. Как только кончик многоцелевого манипулятора проткнул тонкоплас, инструмент оказался намертво прикреплен к ткани...

Теперь Роббинс придется сбегать в свою каюту и переодеться. Конечно, никакого реального ущерба. И, разумеется, ему придется ее поддержать. Редер ткнул кнопку на пульте.

— Ар-Рашид! Я хочу знать имена тех, кто это проделал, с тем чтобы наложить на них дисциплинарное взыскание. В военное время — никаких шалостей!

Но в действительности это был всего лишь необходимый жест хорошего тона.

Его кабинет над главной палубой в первую очередь обеспечивал подачу материала с капитанского мостика; Редер снова переключился туда и приклеился глазами к монитору, демонстрировавшему происходящее на мостике, тогда как его люди временно работали без его надзора. Он напряженно вглядывался и прислушивался, пока «Непобедимый» приближался к своей первой мишени, неправильной формы астероиду добрых двенадцати сотен метров в длину. «Формой он почти как корабль»,— подумал Редер. Затем он стал прикидывать, как именно они собираются его атаковать. Они были слишком близко, чтобы использовать ракеты без риска хотя бы частичного повреждения судовых датчиков. «Хотя взрыв был бы просто роскошный»,— подумал он.

— Цель обнаружена,— нараспев произнес Труон Ле.

— Огонь по моей команде,— сказал капитан.— Огонь.

Внезапно передний лазер корабля воткнулся в мишень. В вакууме луч был невидим, но когда никель и железо сублимировались в пространство, он засиял красным в рассеянной пыли. Даже несмотря на включенные фильтры, на луч было больно смотреть, пока он аккуратно прорезал себе дорогу к центру астероида. Две половинки медленно распались, оплавленный камень по всей их длине почти мгновенно охладился до серой массы.

— Дальнейший курс,— приказал капитан.

— Курс введен, сэр,— отозвался рулевой.

— Цели обнаружены,— снова сказал Труон Ле.

— Огонь по моей команде,— негромко произнес капитан Каверс.

Две половинки астероида теперь уже разошлись на сотни километров друг от друга, хотя на экране их словно бы несколько метров разделяли. Капитан держал паузу, явно ожидая более существенного размежевания, чтобы проверить, сумеют ли его люди удержать цель.

— Огонь! — наконец сказал Каверс. И все двенадцать противокорабельных лазеров по правому борту выпалили одновременно, ударяя два продолговатых куска астероида поперек. Двенад-

цать алых копий вонзились в холодный камень и разрезали его как масло. Сравнительно мелкие куски закувыркались прочь друг от друга, когда высвободившийся газ понес их по непредсказуемым траекториям вдоль орбиты прежнего астероида.

— Готовность к развороту,— приказал капитан.

— Есть, сэр,— отозвался рулевой.

Наблюдая за тем, как в уголке экрана показывается мишень, Редер предвкушал изменение точки обзора, когда «Непобедимый» крутанется, чтобы привести в действие лазерную пушку по левому борту.

— Разворот,— приказал Каверс.

— Есть разворот,— отозвался рулевой.

Редер заметил небольшое изменение фонового шума, производимого моторами корабля, когда они урезали энергию для всего, кроме маневровых двигателей, которым предстояло развернуть «Непобедимый». На экране он видел непрерывно смещающуюся перспективу разрезанного на куски астероида, пока наружные камеры компенсировали изменение положения корабля относительно его мишени. Наконец угол стабилизировался, но они продолжали отходить прочь от астероида, и он становился все меньше. Затем внезапный запуск моторов остановил задний ход «Непобедимого» и после самой краткой из пауз повлек его вперед.

«Я всегда думал, что должен что-то чувствовать, когда мы это проделываем»,— подумал Питер. В «спиде», которому недоставало гравитационных компенсаторов «Непобедимого», он бы прекрасно все чувствовал. «По части тактильных ощущений здесь явно досадная недостача»,— решил Редер и резко встряхнулся, чтобы эту недостачу возместить. С другой стороны, ничто достаточно большое для установки компенсаторов не способно было потягаться с тем соотношением мощности и массы, которым мог похвастаться «спид».

Пока они приближались к мишени, Каверс спокойно произнес:

— Лазерная пушка по левому борту, готовность к залпу. Огонь,— немедленно скомандовал он.

Редер усмехнулся. Он мог побиться об заклад, что по крайней мере один канонир ожидал длинной паузы. И действительно, один из выстрелов вышел таким диким, что показалось, будто тот, кто его произвел, при этом со стула рухнул.

— Похоже, у нас осечка,— протянул капитан.

«Как пить дать»,— мысленно согласился с ним Редер.

— Сэр,— произнес женский голос, при всем своем спокойствии заметно смущенный. Должно быть, это был кто-то из команды технического обслуживания орудий.— Мы обнаружили неполадку в лазере номер девятнадцать. Одна плата прицельного датчика была поставлена ошибочно. Она прошла имитацию огня и не проявилась на диагностике, потому что не вступила в противоречие с функцией орудия. Мы заменили эту плату.

— Почему бы нам еще раз ее не проверить? — после многозначительной паузы произнес капитан.— Выберите цель.

— Есть, сэр.— Последовала наикратчайшая пауза, а затем: — Цель обнаружена, сэр.

— Огонь! — рявкнул Каверс.

Алый огонь вспыхнул и в темпе разрезал кусок астероида пополам.

— Огонь,— еще раз сказал капитан. И лазер снова ударил точно в цель.— Огонь,— в третий раз повторил капитан. Еще от одного куска астероида остались две половинки.— Похоже, этого щенка вы на поводок взяли,— протянул капитан, в голосе его не было ни тени удовлетворения.— А теперь устройте проверку нашим ракетным батареям.

Эта проверка продолжалась до тех пор, пока астероид не превратился в мелкую пыль.

«Ну и ну! — подумал Редер.— Пленных не берем».

Он одобрительно ухмыльнулся. Весь длинный день они маневрировали, атаковали и палили, пока Питеру явственно не почудилось, будто весь корабль раскалился. «Ух ты, какие мы горячие,— подумал он и хлопнул ладонью по столу, опять улыбаясь.— Самые горячие по эту сторону галактики. По крайней мере, когда речь о беззащитных астероидах идет». Единственным недочетом всего занятия стал тот лазерный промах. Питер покачал головой. «У нас чертовски классная команда,— подумал он, и глаза его засияли.— А завтра и у меня появится возможность показать, из чего мои люди сделаны». Причем завтрашнее занятие должно было стать куда более важным. В конце концов, лазерные пушки и ракеты были на «Непобедимом» всего лишь резервом; его главную боевую силу составляли «спиды».

Хотя в ведомстве Редера не все было гладко. Смерть Окакуры и гневные тирады Синди уже привели его подчиненных на грань коллективного нервного срыва. Они становились нервозными и угрюмыми, когда она оказывалась поблизости, и нервозными и склонными к самому черному юмору, когда ее поблизости не наблюдалось.

К чести лейтенанта Роббинс, она казалась по-настоящему озабочена решением множества стоящих перед их отделом проблем, а не только бесцеремонные указания раздавала. Однако благие намерения не слишком успешно смягчали негативный эффект от ее постоянного критиканства. Правила хорошего тона в бортинженерном отделе то и дело отправлялись ко всем чертям, а ведь там работала десятая часть всей команды «Непобедимого»; причем, не считая пилотов, пожалуй, самая важная часть.

В первую свою рабочую неделю Редер сделал акцент на запоминании имен, лиц и функций своих подчиненных — к смущению и замешательству своего заместителя.

— Неужели вы со всеми этими людьми служили? — спросила Роббинс, когда он поприветствовал уже четвертого человека из тех, кого она пока еще лично ему не представляла.

— Нет, не служил,— с неодобрительным смешком отозвался Редер.— Я просто их личные дела просмотрел.

— Вы их имена запомнили? — воскликнула она, изумленная не меньше, чем если бы Редер ей сказал, что он их мысли читает.

Вспоминая об этом, Редер покачал головой. «Надо же,— подумал он.— Эта девушка все детали «спида» назубок знает. И в то же самое время из всех тех людей, которые с ней работают, она способна лишь к трем-четырем по имени обратиться». Насколько он мог судить, для Синтии Роббинс все члены команды представляли собой взаимозаменяемые детали, и каждый из них был не индивидуальнее фунта мелких гвоздей. «И не одушевленнее»,— со вздохом добавил Питер.

Впрочем, как ему казалось, прогресс уже намечался. Со времени его прибытия мораль в коллективе заметно поднялась, и даже сама Синди в целом стала менее ворчливой и замкнутой. Редер также заставил своих людей перебрать целую гору забракованных деталей и починить все, что только было возможно. Удручающе ничтожное число, если учитывать нынешнее состояние бюджета его отдела. Треснутые и загадочным образом покореженные компоненты стали главной проблемой, учитывая то, что многие подобные дефекты были практически незаметны.

«Еще одна причина уважать талант лейтенанта Роббинс,— подумал Редер.— Или сомневаться в ее честности, если так больше нравится». Но что ему больше нравится, он пока для себя выбрать не мог.

«Так или иначе,— решил Питер, выключая монитор,— эскадрилья готова как никогда. Все «спиды» проверены и перепроверены, все люди вымуштрованы так, что будьте-нате. Конечно, всегда нужно ждать неожиданности,— подумал он, стуча по деревянному брусочку, который он на счастье держал у себя на столе,— но все возможное мы точно сделали».

Успех сегодняшнего занятия превзойти было сложно, особенно учитывая то, что они шли следом. «Но я уверен,— подумал Редер,— мы тут кое-кого удивим. Мы их всех переплюнем и обштопаем».

Первый рабочий рейс «Непобедимого» был легкой прогулкой для Редера и его людей только до этого момента. С тревогой ожидавшийся приказ капитана о вылете эскадрильи был наконец дан, и полетная палуба так ощутимо оживилась, что, глядя на нее сверху, при желании там можно было различить гигантскую улыбающуюся физиономию. Мужчины и женщины на полном ходу сновали туда-сюда, создавая красочное смешение отшлифо-

ванной точности с полным хаосом, причем все вели себя так, словно были на палубе в одиночестве. И все же невесть каким чудом столкновений не происходило. Каждый благополучно добирался до нужного места и выполнял свою задачу, после чего двигался выполнять следующую, представляясь при этом в чем-то больше обычного человека. Тележки и краны вовсю рокотали, а в воздухе висел слабый запах озона и вакуумной замазки.

Тем не менее «спиды» были заправлены не за рекордно короткий срок, с неудовольствием заметил Редер, наблюдая за балетными прыжками членов команды, пока те закрепляли крепежные детали и шланги. Впрочем, вся работа была проделана более чем компетентно, пусть даже не так стремительно, как бы ему хотелось, и за нее определенно не было стыдно. Однако радовать этим известием ответственного за нее старшину Редер не собирался. В конце концов, учения для того и существовали, чтобы прогнать команду по всем этапам, а затем сопоставить реальные результаты с ожиданиями.

«И если честно,— с радостью подытожил Редер,— то мои ожидания оказались заниженными. У меня здесь чертовски классный народ подобрался». Но в следующий раз этот чертовски классный народ мог и обязан был справиться еще лучше.

Редер сидел у себя в каюте и надзирал за полетной палубой. Наблюдая за мониторами, прислушиваясь и временами выдавая советы, он с каждой минутой становился все более доволен собой. Это продолжалось до тех пор, пока на одном из мониторов перед ним с торжественным заявлением не возник командир эскадрильи.

— Редер, она опять за свое.

— Иду,— откликнулся Питер.

Не было нужды спрашивать, кто такая «она».

Через несколько минут, приблизившись к оку этой сравнительно небольшой бури, он услышал, как Роббинс ревет:

— Моя аппаратура откалибрована!

«Роббинс, кричать на офицера?» — в отчаянии подумал Питер.

— Что случилось? — спокойно спросил он затем.

Три красные физиономии и черное лицо ар-Рашида разом повернулись к нему. На всех в разной форме выражалась мольба.

— Ваш заместитель упорно Гивенсу летать не дает,— прорычал командир эскадрильи Шелдон.— И уверяю вас, никакой особой поломки тут нет. Просто у нее на мониторе какой-то подозрительный «пик» выскочил.

— Если спросите меня, коммандер, то этот пик у нее в голове выскочил. Потому что там и впрямь ситуация пиковая. Просто она по какой-то причине меня не любит.— Гивенс перевел огненный взор с Редера на Роббинс.

«Ого,— подумал Питер.— А я и не подозревал, что этот юнец умеет так словами жонглировать. И все же это прямое оскорб-

ление». Он бросил на Шелдона многозначительный взгляд, призывая его приструнить своего парня.

— Следите за своим языком, Гивенс,— без особой охоты пробормотал Шелдон.— Мы все здесь в Космическом Отряде служим.

— Прошу прощения, сэр,— вежливо откликнулся Гивенс и тут же скроил гнусную гримасу лейтенанту Роббинс, очевидно, считая, что ей и такая форма принесения извинений сойдет.— Но в те два раза, когда с моим «спидом» было что-то не так, на диагностике все было чисто. Всякий раз, как мне по какой-то загадочной причине не разрешали старт, все было совершенно нормально, даже после того, как мою машину по винтикам разбирали. Так что если инстинкты и всякие диагностические фокусы лейтенанта мало меня впечатляют, думаю, вы не вправе сильно меня винить.

Затем оба пилота обратили обвиняющие взоры на Редера, а Роббинс просто уперлась глазами в палубу, явно ожидая, что ее решение сейчас отменят.

«Вот здорово,— подумал Питер.— Я совсем как отец-одиночка, двое сыновей которого на свою сестренку окрысились. А раз Роббинс их игрушки на части разбирает, то тут, похоже, еще и проблема мужской психологии замешана. Ну и дела».

— Лейтенант поднял важный вопрос, коммандер,— сказал Шелдон.— В шести из восьми раз, когда Гивенсу было отказано в пользовании его «спидом», полный разбор машины не выяснил никаких неполадок ни в техническом, ни в программном обеспечении. И все это дело становится еще более странным, если вспомнить, что загадочные проблемы всякий раз возникают за полчаса до вылета на задание. Так что,— тут Шелдон расправил плечи, не спуская глаз с Редера,— я бы сказал, что здесь что-то не так. Могу лишь добавить, что вряд ли проблема тут механическая.

Редер оказался захвачен врасплох. Гивенс явно был ослом, но Шелдон представлялся ему нормальным человеком с устойчивой психикой. Таким, который не станет делать опрометчивых заявлений, да еще перед лицом ненужных свидетелей.

— Нам, безусловно, есть что обсудить,— согласился Редер.— Но я не думаю, что сейчас для этого подходящее время.

Командир эскадрильи медленно закрыл глаза, словно бы отчаянно стараясь взять себя в руки.

— Вы совершенно правы, коммандер Редер. Сейчас очень мало времени для дебатов. Так что я их устраивать не стану. Но если Гивенс сегодня с нами не летит, я не вижу, как мы вообще сегодня вылететь сможем.

— Что? — Редер не мог поверить своим ушам. Шелдон заходил слишком далеко; он не мог лететь всей эскадрильей только из-за того, что один «спид» был задержан. Это было все равно

как добровольно под трибунал идти! «Это что,— подумал Питер,— что-то вроде проверки?» Такого он тоже от Шелдона не ожидал — такой вот продиктованной мужским максимализмом глупости, которая вынуждала кого-то выбирать из двух зол.

— Я серьезно,— тихо произнес Шелдон. И вид у него был тоже серьезный. А вот Гивенс у него за спиной смотрелся как рыба на остроге.

— Ну что ж, командир эскадрильи,— начал Редер, делая шаг вперед,— я намерен устроить тщательную проверку этой машины. И если с ней хоть что-то не так, она не полетит. Что вы собираетесь по этому поводу предпринять, это уже ваше дело. А моя совесть будет чиста.— Шелдон сжал губы, но промолчал.— Покажите мне, в чем там неполадка, лейтенант,— попросил он Роббинс.

Та немедленно взобралась по узкому и крутому трапу, который вел внутрь «спида». При взгляде на то, как эти изящные, обтекаемой формы машины маневрируют в космосе, начисто забывалась та угрожающая громада, какой они казались вблизи. Этот «спид» был только-только с завода, и керметовую синтетику его обшивки еще не покрывали миниатюрные вмятинки, которые возникали от высокоскоростных маневров в «грязном» вакууме возле больших кораблей с их неизбежными множественными протечками.

— Это в кабине,— через плечо бросила Роббинс.

Редер последовал за ней вверх по трапу, присел рядом с сиденьем пилота, в котором она непринужденно устроилась, и постарался подавить острый приступ зависти. Этой боли вряд ли суждено было когда-то пройти.

— Похоже, это в главном бортовом компьютере,— продолжила Роббинс, доставая свой диагностический блок.— Когда я установила условную боевую ситуацию, какая в полете возникнет у Гивенса...— она продемонстрировала ему выбранную программу имитации и после одобрительного кивка ее запустила,— я получила вот это.

Редер взял протянутый ему блок, и на одном из его экранчиков возник пик в той области, где никаким сигналам быть не полагалось. Через весь экранчик прошла ровная линия, а пик выскочил в виде яркой искорки, которая исчезла чуть ли не раньше, чем он успел ее заприметить. Редер почти не сомневался, что пропустил бы ее, если бы Роббинс его не предупредила.

— А бортовой компьютер что говорит? — спросил он.

— Он никаких неполадок не фиксирует,— ответила Синтия.— Но вы ведь знаете, каковы эти компьютеры — разум у них только в узком смысле слова присутствует.

«Как у некоторых моих знакомых»,— мрачно подумал Редер.

— Честно говоря,— продолжила Роббинс,— я думаю, что здесь программная неполадка, которая должна проявиться при определенном наборе обстоятельств. Поскольку я не знаю, что может

значить этот пик, я склонна трактовать его как опасный.— И она выжидательно на него посмотрела.

«Такое ощущение,— подумал Редер,— что она почти забыла про осторожность. Ведь это самая длинная ее тирада за все время нашего знакомства. Или, быть может, это меня она старается заставить про осторожность забыть? Хотя она всегда ведет себя более уверенно, когда речь о «спидах» заходит. Что ж, уж кто-кто, а я это очень даже понимаю. И тем не менее. Это не та Синди, которую я до сих пор знал и пытался изучать».

— А ваш прибор вы проверили? — спросил он.

— Это не мой прибор,— ответила она, и в голосе ее снова прозвучала жесткая бдительность.— Это блок старшины. Я первым делом провела с ним перекрестную проверку.

Редер поморщился. Столько дел было на этой неделе. Он хотел распорядиться, чтобы машины, на которых калибровали диагностические блоки, были проверены, но времени уже не оставалось.

— Я вот о чем подумал,— сказал он Роббинс.— Если главный блок, на котором мы их проверяем, испорчен, тогда все они одинаково косят. Вполне возможно, то, что мы здесь наблюдаем, это сбой в наших блоках, а не в «спидах» или их деталях.

Девушка пару раз покачала головой, а затем вдруг застыла и уставилась на него. Явно собираясь заговорить, она все никак не могла начать.

— Если вы пошлете Гивенса на этом «спиде», сэр,— наконец разродилась Роббинс,— я требую записать в протокол, что это было сделано вопреки моему протесту.

Редер аж вздрогнул. «Круто забирает,— подумал он.— Это со всеми так сегодня? По всему получается, это решающий день в моей карьере, а меня даже никто не предупредил.— Тут по спине у Питера поползли мурашки.— А может, она что-то знает? Может, она даже что-то такое сделала? Вот теперь дело и впрямь серьезное. Будь у меня возможность послать Гивенса в другом „спиде“, я бы тут же это сделал и даже думать не стал, но у меня такой возможности нет. Взлет будет общий, и у каждого „спида“ есть свой пилот. Но только будет ли этот взлет? По тому, как все развивается, это еще вопрос».

— Принято к сведению,— резко сказал Редер.— Однако, основываясь на одном-единственном пике, который вроде бы ни к чему конкретному не ведет, я санкционировать задержку этого «спида» не могу. Будьте любезны прислать сюда ар-Рашида. Я хочу сам все проверить, причем вашим блоком.— С этими словами он неловко поднялся в тесноте «спида» и чуть-чуть отодвинулся в сторону, пропуская Роббинс. Как только она проскочила мимо, Питер мигом забрался в кресло пилота.

Ожидая старшину, он в темпе прогнал внутреннюю диагностику «спида», и даже его правая рука выполнила знакомые движения без единой помарки.

— Сэр? — вопросительно произнес ар-Рашид, пристраиваясь рядом с Редером на корточках в тесной кабине.

— Вы видели тот пик, который нашла лейтенант? — спросил Питер.

— Так точно, сэр.

— И что вы о нем думаете?

Старшина пожевал нижнюю губу, затем покачал головой.

— Честно говоря, не знаю, сэр. Как говорит лейтенант, возможно, здесь программная неполадка, но опасна она или нет...— С озадаченным лицом он развел руками.— Пока мы ее не проверим, мы так ничего и не узнаем.

Редер пристроил подбородок на левую ладонь и задумался. Не была ли эта предельная осторожность всего лишь проявлением той общей паранойи, которую он наблюдал со дня своего прибытия, особенно в отношении к компьютерам? Учитывая весьма прискорбную кончину его предшественника в результате ошибки бортового компьютера, это было вполне понятно, однако это уже чертовски мешало жить.

— Скажите, старшина, а раньше вы что-то подобное видели?

— Гм... так точно, сэр, видел.

Редер выжидательно на него посмотрел.

— И что? — вскоре пришлось спросить ему.

— И там оказался всего лишь мелкий дефект, который и давал сбой в диагностике,— признал ар-Рашид.— Это случалось всякий раз, как мы условную боевую загружали.— Тут он ухмыльнулся.— Вообще-то я думаю, это был адреналиновый пик,— добавил он.

— Старшина, но это уже...

— Наделение компьютера человеческими чертами. Да, я знаю. Но тот «спид» очень возбудимая девушка водила. И я вроде как думаю, что бортовой компьютер ее имитировал.

— Вы думаете, Гивенс настолько возбудим? — Питер с сомнением поднял бровь.

Шеф потер подбородок и покачал головой.

— Ну, он, конечно, не газель, но и не верблюд. И в любом случае это не значит...

— Что у этих пиков одинаковое происхождение,— докончил за него Питер.— И все же мы проверили его на двух диагностических блоках, мы проверили бортовой компьютер, мы прогнали внутреннюю диагностику машины — и по-прежнему у нас один только этот маленький скачок. Он нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику.— Кроме капитального осмотра, вы что-то еще можете предложить?

— Никак нет, сэр,— ответил старшина.

— Я тоже.— Редер сжал губы. Настала пора принимать решение.

Похоже, никаких существенных неполадок в этой машине не было. «Существенных, черт возьми,— подумал он.— Да в ней

вообще вроде бы никаких неполадок». С другой стороны, Синди явно чего-то опасалась. А с третьей стороны, было очень похоже на то, что вся эскадрилья взбунтуется, если он по этой причине не разрешит лейтенанту старт. И Питер практически не сомневался, что дальнейшие проверки никаких неполадок не выявят. Как, по словам Гивенса, всякий раз и бывало. Быть может, таким образом Роббинс показывала, что этот парень ей нравится? Редер подавил смешок. Вообще-то ему казалось, что у этой девушки вкус получше. Нет, ее интересовал не лейтенант, а его «спид».

— Пусть Гивенс его получит,— решил он и соскользнул с сиденья пилота.

Шелдон и Гивенс стояли у подножия трапа с вызывающе-угрюмыми лицами людей, намеренных поступить по-своему. Редер немного помедлил. «Ах, как хочется их разочаровать»,— подумал он.

— Итак? — ледяным тоном осведомился Шелдон.

— Там определенно что-то не в порядке,— сказал им Редер. В немом возбуждении Гивенс закатил не только глаза, но и всю голову.— Похоже, дефект в программировании бортового компьютера.— Питер буквально сверлил Гивенса взглядом.— Но без фундаментальной проверки мы не сможем сказать, что это значит.

— А-а! Проклятье! — возопил Гивенс.— Приятель, да она сама все это устроила!

— Не орите на меня, лейтенант! — рявкнул Редер.— И на тот случай, если вас никто не проинформировал, нет ни одного рода войск, где лейтенант мог бы обращаться к старшему по званию как к «приятелю».

Голова Гивенса дернулась словно от пощечины.

— Горячность,— пробормотал Шелдон.

— Недостаток дисциплины,— педантично возразил Редер.— То, что я тоже был пилотом, не означает, что я намерен забыть про свой чин. И прямо здесь и сейчас я вам обоим кое-что скажу. Будь у меня ниточка, за которую я смог бы ухватиться, я бы этот «спид» отсюда не выпустил. Но у меня ее нет. Однако даже в этом случае он вылетает вопреки протесту лейтенанта Роббинс. Я вам очень серьезно советую этот «спид» придержать,— сказал он командиру эскадрильи.

— Но это же смехотворно! — воскликнул Шелдон.— Вы, трое экспертов, его осмотрели и никакой поломки найти не смогли. Разве не так?

Редер неохотно кивнул.

— Ну, тогда вполне вероятно, что, как и во всех случаях мнимых неполадок у этого конкретного «спида», тщательная проверка ничего такого не выявит. Короче, он полетит,— сказал Шелдон и упрямо выдвинул вперед подбородок.

— Если что-то пойдет не так, это будет на вашей совести, Шелдон,— сказал Редер.— И на вашей,— добавил он, повернувшись к Гивенсу.

Шелдон лишь смотрел на него в ответ. Губы его были плотно сжаты.

— Все пойдет именно так, как надо, сэр,— ровным голосом отозвался Гивенс. Проходя мимо Редера, он ядовито ухмыльнулся Роббинс, которая стояла рядом с коммандером.

— С этим «спидом» действительно что-то не так,— импульсивно сказала девушка, и взгляд ее карих глаз умолял Редера ей поверить.

— С этим «спидом» и впрямь кое-что не так, лейтенант. Он летит, когда вы этого не хотите.— Гивенс на прощание наградил ее полным отвращения взором, после чего забрался внутрь своей машины.

— Не слишком достойно,— сверкая глазами от гнева, обратился к Редеру Шелдон,— бичевать своего брата-офицера в присутствии одного из его подчиненных.

«Верно,— подумал Редер,— хотя вряд ли я готов это признать».

— Это мы позднее обсудим,— холодно произнес коммандер и тут же подумал: «В тот день, когда у тебя дурь из башки вылетит».— Когда с работой будет посвободнее,— многозначительно добавил он затем.

Шелдон кивнул Редеру, удостоил Роббинс огненного взора и припустил к своему «спиду».

— Спасибо, что поддержали меня, сэр,— явно смущаясь, сказала Роббинс.

Редер мгновенно сделал каменное лицо, не желая, чтобы там выразилось его потрясение.

— Будь у нас больше доказательств, лейтенант, я бы ему старт не разрешил,— сказал он и тут же с удивлением понял, что он это серьезно.— Тем не менее Гивенс был прав. Все время, кроме двух случаев легких неисправностей, когда вы, основываясь на чем-то смутном, его задерживали, осмотр ничего не выявлял. А учитывая его уверенность в том, что вы это делаете, чтобы его наказать...— Питер развел руками.— В таком виде дело уже для следственной комиссии созрело.

Оглядев деловитую суматоху в громадном ангаре, он покачал головой.

— Этот раунд мы проиграли, но здесь, безусловно, не ваша вина.

— Я очень надеюсь, что ошиблась,— с грустным видом пробормотала Роббинс.— Но только вряд ли я ошиблась.

От того, как она это сказала, у Редера чуть руки-ноги не затряслись.

— Так или иначе,— бодро сказал он,— прямо сейчас у нас масса другой работы. Но при первой же возможности мы диагностическими машинами займемся.

— Так точно, сэр.

Зазвучал клаксон, объявляя, что пора очистить палубу для старта, и все еще пуще засуетились, устремляясь к аварийным выходам и волоча за собой переносное оборудование.

Затем все исчезли, и громадное помещение словно бы затаило дыхание, а массивные машины, над которыми славно потрудились мужчины и женщины Космического Отряда, замерли перед стартом. Прозвучал еще клаксон, и гигантские ворота в борту «Непобедимого» медленно раскрылись, открывая главную палубу космическому пространству. Когда пилоты включили электропитание, стоящие рядами «спиды» задрожали в каком-то предвкушении, точно чистопородные кони у стартовых ворот.

Световые дорожки замерцали на палубе. Магнитные поля схватили и толкнули, и первая волна из трех «спидов» метнулась вперед так стремительно, словно выпущенная из катапульты. За какое-то мгновение все три машины уменьшились до размера светящихся точек, а затем и вовсе исчезли. Вторая волна, третья, четвертая... беззвучные и оттого еще более пугающие. Слезы стояли в глазах у Редера от всего этого великолепия, а еще от воспоминания об ускорении, вжимающем тебя в кресло, и о вселенной, что разворачивается перед тобой в холодном сверкании разноцветных звезд.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Питер наблюдал, как «спиды» стартуют. Был выбран условный режим атаки, запуск проходил на аварийных скоростях, и все должно было пройти просто идеально. О последствиях малейшего сбоя в последовательности аварийного запуска и подумать было страшно. На таких скоростях даже бортовые компьютеры не успели бы отреагировать вовремя, чтобы предотвратить катастрофу.

— Неплохо,— вслух прокомментировал Редер, позволяя команде это услышать.— Чертовски неплохо... для пробного прогона. В бою, разумеется, надо будет гораздо лучше работать.

«Черт, последний раз я так волновался, когда младшую сестренку в церкви по проходу вел»,— подумал он. Питер тогда замещал своего отца, с которым Дебби даже разговаривать отказывалась. Во всей церкви не было ни одного человека, которого бы он всю жизнь не знал; но он все равно трясся как осиновый лист. «Хотя,— подумал Питер,— тогда все могло быть просто из-за того, что мои тетушки явно к той жуткой речуге на тему „Яблоко от яблони" готовились».

Он вошел в кабинет инструктажа бортинженерного отдела. Все главы секторов уже были там, прикованные к событиям на экране. В комнате, которую заполнили тридцать человек, слышен был только голос диспетчера из отдела управления полетами да шумное дыхание.

Когда последний «спид» покинул полетную палубу и наружные ворота стали закрываться, все взорвались непроизвольными восторгами.

— Как будто вы сомневались,— с улыбкой заметил Редер.— Ладно, поработали на славу. И передайте мои поздравления войскам; они отменную работенку проделали.

Последовал краткий всплеск аплодисментов, и Редер оказался совершенно к этому не готов. Не привык он, чтобы его замечания с таким энтузиазмом встречали. «Ничего,— подумал он,— сомневаюсь, что они с таким же энтузиазмом мои дальнейшие замечания встретят».

— Но сегодня мы действовали слишком медленно, и нам определенно требуется над этим работать.— Все с серьезным видом закивали, и Питер рад был это увидеть. Теперь уже ему вдруг аплодировать захотелось. Хуже всего было, когда тебе приходилось убеждать твоих подчиненных в том, что они могут работать лучше, прежде чем ты мог реально начинать учить их работать лучше.

Перед тем, как вернуться на свои рабочие места и начать готовиться к возвращению эскадрильи, они провели небольшое совещание. Учения «спидов» должны были занять примерно четыре часа. Один час из этих четырех был отпущен на транзитное время, и Питер решил разобрать утреннюю работу, пока ее подробности были еще свежи у всех в головах. Так что первый час вынужденного простоя они провели в бурном обсуждении своих недавних действий.

По завершении плодотворного совещания Редер почувствовал себя страшно довольным и готовым ко всему.

Спешно прибыв в свой кабинет, Питер настроил аудиосистему и один из мониторов на учебную схватку эскадрильи. Вообще-то он не собирался этого делать. Он убеждал себя, что это будет чистой воды мазохизм. Он слишком хорошо себя знал, чтобы не понимать, что на каком-то подсознательном уровне ему будет больно там отсутствовать и не быть в гуще событий.

Но затем Питер решил, что просто должен узнать, каков Шелдон как командир эскадрильи. Он предположил, что Шелдон окажется блестящим командиром, основываясь на его стойкой поддержке Гивенса. Питер знал, что будь он под началом у командира, который так его поддерживает, он бы за этим человеком хоть на край света пошел. Но обоснованно ли было такое суждение? Так ли Шелдон хорош был в «спиде», как на земле? Между двумя этими вещами существовала колоссальная разница.

Эскадрилья уже улетела слишком далеко и была слишком разрознена, чтобы судовые мониторы реально ее демонстрировали. Компьютеры создавали имитационную карту, где с края указывалась скорость «спидов», их направление и расстояние от «Непобедимого». На капитанском мостике это была громадная голокарта, демонстрировавшая их передвижение в трех измере-

ниях, где изогнутые конуса показывали возможный курс каждого «спида». В тесном кабинете Редера этот комплексный дисплей был сжат под плоским экраном монитора, давая ему запутанную массу сигналов и их опознавательные номера.

Для обычного человека экран был почти неразборчив, но Питер давно набил себе руку по части распутывания всей этой сумятицы и извлечения из нее смысла. Для учений эскадрилья разбилась на две части, голубую и зеленую, и точки на экране были именно этих цветов.

Увидев эти точки, Редер ухмыльнулся. В свое время всем непременно хотелось быть в «красной эскадрилье». Отношения из-за этого так испортились, что в конце концов начальство решило вообще устранить красный цвет из подобных игр. «Нехарактерно мудрое решение»,— одобрительно подумал Питер. Впрочем, его всегда выбирали в красные, так что он мог позволить себе быть великодушным.

Внимательно наблюдая за экраном, Питер прислушивался к резким командам и откликам пилотов. В голове у него тем временем создавался тот самый трехмерный образ, на который экран только намекал. Его мысленное око видело искорки горящих на отдалении звезд, ощущало присутствие вокруг него братьев-пилотов точно так же, как это делали Шелдон и все остальные.

Тут Питер покачал головой. «Ну-ну, парень,— предостерег он себя,— не стоит так уж в это влезать». Тогда он заставил свой разум просто оценивать ползущие по монитору отметки. И был просто заворожен. Они блестяще работали! Шелдон был потрясающим командиром эскадрильи, а его люди — фантастическими летчиками. Даже Гивенс, к перспективам которого, основываясь на его излишней самонадеянности, Редер относился прохладно, оказался превосходным пилотом. «Неудивительно,— подумал Питер,— что Шелдон так хотел иметь его при себе».

Он устроился поудобнее, чтобы насладиться учениями со вкусом подлинного ценителя. В «спиде» ты был быстрее всех в космосе, или, по крайней мере, самым маневренным, не считая самонаводящейся ракеты, лазерного луча или плазменного разряда. Идущие на тебя ракеты ты еще мог зафиксировать, а вот гостинец из энергетического оружия прибывал раньше, чем датчик успевал дать тебе нужное показание. Тебе требовалось чуять, что должно случиться, делать то, чего не мог ни один бортовой компьютер; вот почему присутствие пилотов оправдывало дополнительный вес систем жизнеобеспечения, несмотря на тот факт, что столько «жэ», сколько бортовой компьютер, они, разумеется, не выдерживали.

Гивенс поглубже осел на сиденье, что было для него тайным знаком удовлетворения происходящим. Его привлекательное лицо

было почти безмятежным от сосредоточения, пока он выполнял плавный поворот на крыле своего партнера по звену. «И это меня они хотели до полетов не допустить»,— саркастически ухмыльнулся он.

С такой усмешкой лицо его стало менее привлекательным. Впрочем, видеть этого все равно никто не мог; в скафандре Гивенс представлял собой всего лишь продолговатую фигуру с плавными очертаниями, подобную глиняной модели человеческого существа, да и эта фигура была почти скрыта под похожими на лепестки ремнями безопасности.

Гивенс позволил своим мыслям самую малость задержаться на этом нелепом лейтенанте Роббинс. Пожалуй, она была очень даже мила в своей эксцентричности. «Может, она так мое внимание привлекает? — подумал он и самодовольно улыбнулся.— Напрасно, она совсем не в моем вкусе. А может, дать этой дурочке шанс? Или доложить куда следует о ее сексуальных домогательствах? — Гивенс осклабился.— Крутой выбор».

— Эй, братишка,— обратился к Гивенсу Апач, его партнер по звену.— Чего там такого смешного?

— Я просто лейтенанта Роббинс и ее невероятную сбой-машину вспомнил.

Апач рассмеялся.

— Ага, эта милашка на тебя ее навострила. Тишина по моей команде. Тишина.

Гивенс и Апач одновременно заглушили моторы, кладя свои машины в дрейф. План заключался в том, чтобы позволить «голубой эскадрилье» их обогнать, а потом ударить по голубым сзади; без включенного мотора, источающего ионизированные частицы, «спид» поразительно слабо распознавался на датчиках. Классический ход — и голубые наверняка будут его ожидать. Вот почему два «спида» держались так близко друг к другу, надеясь одурачить датчики «противника» и заставить их искать «другой» «спид» до тех пор, пока не будет уже слишком поздно. Гивенс лежал в зловещей тишине, и ничто, кроме звезд и светящихся графико-схематических проекций пассивного блока датчиков, не просачивалось через бортовой компьютер.

«А вот и они,— удовлетворенно подумал Гивенс.— Вперед, ребята, еще шажок к преждевременной отставке». Чистая мальчишеская радость пронизывала лейтенанта, пока добыча неслась к нему, совершенно не сознавая об опасности.

И тут его мотор вдруг завелся.

— Ты что, Гивенс? — проревел Апач, когда к ним с победными криками устремилась «голубая эскадрилья».

— Это не я! — Не веря своим глазам, Гивенс водил ими по приборному щитку, наблюдая, как там творится что-то совершенно невероятное, немыслимое. Выдернув пальцы из лунок, он принялся тыкать вспомогательные клавиши, но компьютер ока-

зался там раньше него и отключил ручное управление. Желудок его сжался в комок, когда Гивенс внезапно понял, что происходит.

— Боже мой! Он в автоматический боевой режим перешел! Апач, я отрезан от управления, а этот «спид» взбесился!

Гивенс наблюдал за монитором, пока там разворачивались «мысли» бортового компьютера, и то, что он там прочел, мигом повергло его в дикий ужас.

— «Голубая эскадрилья»,— закричал он,— мой «спид» неисправен. Повторяю, этот «спид» неисправен. Он опознает в вас мокакских истребителей. Выходите из боя, повторяю, выходите из боя.

Его пальцы порхали по пульту управления, снова и снова пытаясь обезвредить орудия, но его личный код раз за разом отвергался.

— Отличная попытка, Гивенс,— сказала командир «голубой эскадрильи».— Но сегодня твоя очередь пинок под зад получить.— Ее торжествующая улыбка мгновенно испарилась, когда компьютер сообщил ей о том, что орудия Гивенса уже наготове и нацелены на ее «спид».— Гивенс,— прорычала женщина, высылая маяк опознавательной системы «друг-враг».

Гивенс в ужасе наблюдал, как его сбрендивший компьютер без малейших колебаний отвергает маяк голубого командира.

— Он тебя не опознает! — завопил он.— Катапультируйся!

Было просто поразительно, как быстро может лететь самонаводящаяся ракета, когда два корабля разделяют не более четырех километров. Гивенс почувствовал, как его «спид» слегка тряхануло, когда магнитная установка с термоядерным приводом буквально с астрономической скоростью выпустила оружие. Голубой командир тут же поняла, что у нее уже нет времени на маневр, а потому последовала отчаянному совету Гивенса. Когда ракета нашла ее «спид», она уже была на достаточном от него расстоянии, стойко перенося стремительный полет, который обеспечила ей катапульта.

Гивенс в немом ужасе наблюдал, как его энергетическая пушка лениво отслеживает траекторию голубого командира. Затем на выпуклом голоэкране появился прицельный сегмент.

— Нет,— взмолился Гивенс к монстру, в нутре у которого он летел.— Пожалуйста, не надо.

Предательский «спид» дернулся; выстрелил он всего-навсего какую-то пригоршню атомов меди, но атомы эти были разогнаны до скорости света. От плазменного удара голубой командир вспыхнул как факел, сублимируясь в облако одноатомного водорода, кислорода и углерода плюс следовые примеси от катапультированного кресла. И обе эскадрильи разом вскрикнули от того ужаса, который у голубого командира уже не было времени выразить.

Редер сидел как громом пораженный, широко раскрыв рот и глаза от шока. По всему «Непобедимому» звенели сигналы тре-

воги, люди кричали... и никто ничего поделать не мог. Если «спид» не откликался на команды сидящего внутри Гивенса, он безусловно не стал бы реагировать на трансляцию. В тесном кабинете сильно пахло потом.

«Этого не может быть,— продолжал думать Питер.— Просто не может. Для таких вещей существует целая система мер безопасности при аварии. Их там больше дюжины. Гивенс должен быть способен что-то сделать,— с уверенностью заключил он.— По крайней мере один из вариантов обязан сработать». А где-то у него в затылке снова и снова продолжал вспыхивать фантомный пик Роббинс. Столь ничтожное предостережение о такой капитальной поломке.

Силясь вернуть себе управление «спидом», Гивенс с необычайной изобретательностью матерился. Как будто этими словами он мог принудить машину к подчинению.

— Нам выходить из боя, сэр? — спросил один из пилотов.

— Нет,— мрачно ответил Шелдон.— Я напомню вам, Конан, если вы об этом забыли, что следующим пунктом заранее запрограммированного меню боевых действий, загруженного в этот проклятый бортовой компьютер, является атака ближайшего боевого корабля противника. А раз компьютер Гивенса считает всех нас мокаками, могу себе представить, что этим кораблем должен стать сам «Непобедимый». Впрочем, всем нам здесь находиться смысла нет.— И он отбарабанил перечень имен, посылая двадцать семь пилотов своей эскадрильи домой.

Редер понял, что Шелдон оставил при себе лучших пилотов, тех, кто мог со своими «спидами» чудеса творить, кого бы ничто врасплох не застигло.

К несчастью, бортовые компьютеры были запрограммированы на обучение у пилотов. К своему загруженному набору они добавляли ходы человеческого фактора, которые лучше всего было использовать, если пилот был ранен или убит в бою. «А Гивенс один из лучших среди всех, кого я видел,— подумал Питер.— Он почти так же хорош, как я».

Он протянул руку к интеркому, желая обратиться к капитану, но Каверс нашел его первым.

— Коммандер,— произнес капитан голосом, похожим на замерзшую сталь,— вы уже в курсе сложившейся ситуации?

— Так точно, сэр. Я как раз собирался запросить капитанский мостик, чтобы узнать, нельзя ли связать меня с лейтенантом Гивенсом. Возможно, я что-то смогу ему предложить.

— Коммандер! — Темноволосый смерч ворвался в кабинет Редера и смущенно замер, когда тот поднял руку. Поняв, что опять нарушила протокол, Синтия побледнела.

— Судя по звуку, это лейтенант Роббинс,— сухо заметил Каверс.

— Так точно, сэр,— подтвердил Редер.— Это она.

— Тогда слушайте оба. Разберитесь с этим, если сможете. По вполне понятным причинам я хочу спасти этот «спид». Но с другой стороны, вечно держать под огнем людей я не могу. У вас есть десять минут, а потом нам придется его уничтожить.

— Все понятно, сэр,— серьезно ответил Питер.

— Хорошо, сейчас мы вас свяжем. Не разочаруйте меня, Редер.

— Попробую, сэр.

— Постарайтесь.

— Сэр! — сообщил Гивенс Шелдону.— Он себе задачу ставит.— Напрямую читая разворачивающиеся на экране «мысли» бортового компьютера, Гивенс имел ощутимое преимущество перед товарищами по эскадрилье.— Он намерен выйти из боя и направиться к «Непобедимому». Он собирается капитанский мостик долбануть! Вы были правы, сэр! Он думает, что «Непобедимый» — это вражеский корабль-носитель!

— Тогда нам просто придется хорошенько его занять, чтобы у него не было возможности нас покинуть. Так? — спокойно сказал Шелдон.— Продолжайте следить за ним, Гивенс,— добавил он.— А мы ему сейчас кое-что устроим.

— Есть, сэр.

Откровенно говоря, лейтенант был удивлен тем, что он по-прежнему мог поддерживать связь с товарищами. Бортовой компьютер должны был знать, что он это делает.

— А что, если компьютер мне рацию отключит? — нервно спросил он, ни к кому конкретно не адресуясь.

— Не волнуйтесь, Гивенс,— ответил ему Редер.— У этой системы тройная защита. А кроме того, ваш бортовой компьютер сейчас куда более важными вещами занят.

— Где вас, приятель, черти носят? Вы знаете, что тут творится? — От напряжения Гивенс только что не пищал.

— Именно потому я здесь,— сказал Редер, игнорируя жалобного Гивенсовского «приятеля» на месте «сэра».— Расскажите мне, что вы предприняли.

Лейтенант так и сделал. Большую часть этих ходов Питер как раз и собирался ему предложить, но пара вариантов все же осталась.

— Теперь нужно, чтобы вы набор инструментов вскрыли,— сказал Редер.

— А где он?

— Вытяните правую руку перед собой,— с легким возбуждением в голосе сказала Роббинс.— Она как раз такого выдвижного ящичка коснется.

— Понял,— отозвался Гивенс. Затем он потянул ящичек на себя, и тот раскрылся. Там было несколько инструментов и масса

пустого места.— И что мне с этой ерундой делать? — поинтересовался он.

— Достаньте лазерный резак,— проинструктировал его Редер.

— Тут его нет,— сказал Гивенс.

Редер оглянулся на нависшую у него над плечом Роббинс. Та лишь пожала плечами и горестно скривила губы.

— В диагностике указывалось, что весь набор инструментов на месте.— Она сняла с пояса диктофон и сделала заметку.— Отныне только непосредственные проверки.

— Тогда возьмите кусачки,— продолжил Редер.

— Их тоже нет,— отозвался Гивенс, и в голосе его ясно прозвучало растущее нетерпение.

— А что у вас там есть? — спросил Редер. «Теперь,— подумал он,— ты, наверно, уже понял, что нам режущий инструмент требуется».

— У меня есть набор ювелирных отверток и какая-то штука вроде миниатюрного ломика.

— И все? — хором вскричали Редер и Роббинс.

— Что вы, Гивенс, с вашими инструментами сделали? — гневно вопросила Роббинс. Глаза ее подозрительно сузились, как будто она решила, что он их за большие деньги спекулянтам загнал.

— Ничего! Я даже не знал, что они тут есть! А что вы с ними сделали, лейтенант? Что вы, кстати говоря, с моим «спидом» сделали?

— Успокойтесь, Гивенс! — рявкнул Редер.— Так мы далеко не уйдем. Теперь возьмите этот ломик и постарайтесь вскрыть панель, которая вашу электронику закрывает. Не спорьте, делайте, что говорят.

— Эти инструменты должны были там лежать,— злобно пробурчала Роббинс.

— Лейтенант, вы бы не заткнулись? — зашипел на нее Редер.

Гивенс не был на сто процентов уверен, к кому из них обращается коммандер, так что он молча просунул плоский конец инструмента в щель и нажал. Там были еще четыре щели, и панель слегка подавалась в каждой, после чего свободно отплыла вверх. Гивенс раздраженно ее оттолкнул.

— О Боже,— простонал он затем.

— Что там такое? — резко спросил Редер.

— Это я вас хотел спросить.— Перед Гивенсом развернулся головокружительно сложный набор лампочек, соединений и ярких разноцветных панелей примерно одного и того же устройства. Про все эти панели рассказывали на ознакомительных лекциях, но с тех пор Гивенс их и в глаза не видел. Он считал, что ими должны заниматься специалисты, а у него своя нелегкая работа имеется. В результате у него обо всем этом не было даже примерного представления, и паника тисками сжала ему грудь. Как же ему со всей этой мешаниной разобраться предполагалось?

— Ничего, лейтенант, не пугайтесь,— подбодрил его Редер.— Ничего там страшного нет.

— Вам легко говорить,— с толикой отчаяния в голосе отозвался пилот.— А я с такой неразберихой в жизни не сталкивался.

— Неандерталец,— пробормотала Роббинс.

Редер бросил на девушку ядовитый взор, и она, скрестив руки на груди, отвернулась.

— Не обращайте внимания на сложность,— посоветовал Питер Гивенсу.— То, что вам требуется проделать, проще пареной репы. Считайте панели справа налево, а когда дойдете до четвертой, остановитесь. Она должна быть красного цвета.

— Есть такая.

— Эта панель вашим оружием управляет. Выдерните ее.

— Есть, сэр! — Сердце Гивенса воспарило, когда он протянул руку к панели. Ему казалось, это будет несложно.

ТРЕСЬ!

— Ай! — Он отдернул руку и ухватился за кисть.— Ч-черт!

— Что там? — крикнул Редер.— Что случилось? Ответьте, лейтенант Гивенс!

Гивенс тем временем прикидывал, не горит ли его перчатка изнутри, поскольку ему явственно так казалось.

— Силовое поле,— наконец выдохнул он.— Эту дьявольскую панель чертово силовое поле защищает.

Редер и Роббинс переглянулись.

«Похоже, она не меньше моего удивилась»,— подумал он. Роббинс так прижимала руку к груди, словно ее сердце пыталось наружу выскочить, а глаза ее заметно выпучились от изумления.

— Могли бы предупредить,— прорычал Гивенс.

— Ситуация нестандартная, лейтенант. Этого поля там никоим образом быть не должно.— «Это откровенная диверсия,— подумал он.— А генератор этого поля как пить дать внутри и, следовательно, вне досягаемости».— Если до электроники не дотронуться, мы ничего сделать не можем.

— В таком случае, Гивенс,— произнес капитан голосом мучительно монотонным,— как мне ни жаль вам это приказывать, катапультируйтесь. Командир эскадрильи, как только лейтенант окажется в безопасности, этот «спид» должен быть уничтожен.

— Есть, сэр,— отозвался Шелдон.

Гивенс нажал пусковую кнопку, которая должна была сорвать крышку кабины и запустить его в космос. Никакого эффекта. Он снова нажал — и снова безрезультатно.

«Боже,— подумал Питер.— Этого не может быть. Но черт побери, эта мысль у меня уже рефреном идет!»

— Ничего,— сказал он вслух.— Есть вспомогательная система. Пошарьте правой рукой внизу. Там должен быть рычаг.

— Да, конечно,— в полном обалдении пробормотал Гивенс.— Вот он, нашел.

— Дерните его,— приказал Редер.

Гивенс прикусил губу и повиновался. *ЩЕЛК!* Отскочивший рычаг остался у него в руке.

— Черт, черт, черт! Будь оно все проклято! — В полном расстройстве Гивенс швырнул рычаг в переборку, и только когда тот отскочил назад и полетел прямо в него, до него дошло, что лучше бы он этого не делал.— Вот блин! — вскрикнул пилот и пригнулся.

— Он не сработал,— негромко заключил Редер. «Проклятье,— подумал он,— тот, кто это устроил, явно хотел Гивенса совсем из генофонда исключить».

— Что случилось? — крикнула Роббинс.— Прекратите ругань и объясните нам, что происходит!

— Да я швырнул этот чертов рычаг, и он теперь по всей кабине летает!

— Ну так поймайте его! — воскликнула девушка.— Вы должны его обратно приделать!

Гивенс горестно рассмеялся.

— От него все равно никакого толку,— с презрением отозвался он.— Даже если я идеально его присобачу, он работать не будет. До вас что, еще не дошло?

— Нет, будет! — рявкнула Роббинс.

— Лейтенант,— негромко вмешался Редер.— Вы уже заметили, что все наши аварийные меры отказывают?

Сначала девушке явно не по себе стало, но затем она кивнула.

— Что же нам делать? — тихо спросила она.

— Кому «нам»? — проревел Гивенс.

— Итак, лейтенант,— обратился к нему Редер,— у вас только один вариант остался. Надо, чтобы вы выбрались из кресла, подползли к люку и вручную его открыли.

— Вы с ума сошли? Вы хотите, чтобы я в боевой ситуации из «спида» выпрыгнул?

— Поймите, Гивенс,— терпеливо произнес Редер,— стреляет только ваш «спид».

— А вы видели, что он с голубым командиром сделал? — хрипло вопросил Гивенс.

— Поэтому не включайте поисковый маяк, пока эскадрилья о вашем «спиде» не позаботится.

На той скорости, с какой они перемещались, Гивенс должен был за считанные секунды остаться в сотнях километров позади. В горле у него от таких мыслей совсем пересохло. Он попытался заговорить, ответить коммандеру, но ничего, кроме каких-то сдавленных хрипов, не издал. Пока он реально с этим не столкнулся, Гивенс даже не представлял себе, как пугает его перспектива затеряться в бескрайнем просторе космоса.

— Коммандер прав, лейтенант,— вмешался капитан.— Это ваш единственный шанс. Другим вариантом будет остаться в машине и погибнуть. Ибо я не собираюсь позволять этому «спиду» нано-

сить удар по нашему кораблю. Сегодня я уже потерял одного пилота, лейтенант Гивенс. Не заставляйте меня терять еще одного.

Гивенс хрипло вздохнул и отстегнул ремни.

— Есть, сэр,— сумел вымолвить он и пополз к люку. Его заранее пугало то, что рычаг разблокирующего механизма тоже отвалится. Лейтенант почти видел, как это происходит, а его ладонь уже чувствовала вес сломанного рычага, хотя до люка ему еще оставалось ползти три метра. Гивенс был до глубины души потрясен, и не только жуткими событиями последнего часа, но и пониманием того, что кто-то из тех, кого он знал, ненавидел его и хотел его смерти. Вообще-то он всегда беспечно считал себя славным парнем и не сомневался, что все окружающие хотят с ним дружить. А те, кого он отвергал, понятное дело, ревновали Гивенса к его ближайшему окружению. Но он никогда не представлял себе, что кто-то действительно способен его ненавидеть.

Тут он не смог удержаться от мыслей о Роббинс. Вот кто не только обладал нужными знаниями и возможностями, но и никогда не делал секрета из своей неприязни к нему. Гивенс всегда считал, что эта женщина разочарована в жизни и способна на все. Но против голубого командира у нее ничего не было. Можно сказать, они даже ладили. В случае Роббинс это означало то, что она просто тебя игнорировала. А пуститься во все тяжкие и вот так замысловато попытаться его убить — это уже было чистое безумие! Но раз уж на то пошло, Роббинс всегда отличалась странностями. Возможно, ее странности представляли собой всего лишь тонкий покров над тяжелым помешательством.

Гивенс добрался до люка и, сорвав кожух разблокирующего механизма, пробормотал краткую, но предельно страстную молитву. Затем он ухватился за рычаг и осторожно его повернул. Рычаг сработал как положено, и будь там гравитация, Гивенс тут же рухнул бы на колени от огромного облегчения. Со вторым рычагом тоже все вышло как нельзя лучше. Однако успех только еще больше насторожил Гивенса, так что, переходя к третьему и последнему рычагу, он уже испытывал почти невыносимое напряжение. Если третий запор не откроется, он погиб.

Он стал поворачивать рычаг, и тот замер на полпути. Хотя он почти этого ожидал, Гивенс тем не менее ощутил приступ нелепого возмущения.

— Мать твою,— просто вымолвил он.

— Что там такое? — тут же спросил Редер и подумал: «Только не говори мне, что с люком тоже похимичили».

— С люком тоже похимичили, сэр,— сказал Гивенс.

Это уже было слишком! Питер устало прикрыл ладонью глаза.

— Третий запор заклинило,— пропыхтел Гивенс, давя на рычаг. Однако ему даже не удалось вернуть его в исходное положение.

«Ну и дела,— подумал Редер.— До этого механизма можно добраться, только если весь люк распатронить».

— Вернитесь и возьмите ломик,— предложила Роббинс.— Когда вы его возьмете, вы можете попытаться вскрыть...

— Отставить,— сказал Питер.

— Ломик? Вы хотите, чтобы я ломик взял? — заверещал Гивенс.— Да откуда я, черт побери, знаю, где эта чертова хреновина?

«По тому, как он изъясняется,— подумал Редер,— могу предположить, что если бы Роббинс и ломик были достаточно близко друг к другу, для Синтии это бы плохо кончилось».

— Разве вы его назад не положили? — В голосе Роббинс прозвучали нотки ужаса и отчаяния.

— Нет, не положил! Я заперт в сбрендившем «спиде», который через четыре минуты расстреляют, а вы хотите, чтобы я пошел и какой-то чертов инструмент поискал? — Гивенс орал как резаный. Чувствовалось, что у него уже пена у рта.

— Я сказал отставить,— рявкнул Питер.— Гивенс, возьмите себя в руки и пинайте этот сволочной люк, пока он не откроется.— «Валяй, парень,— подумал он.— Представь себе, что это задница Синтии Роббинс».

— Пинать? — Голос у пилота был какой-то странный, как будто не вполне знал, что это слово означает.— Ага, сейчас! — тут же прорычал он.

Ухватившись за торчащие по обе стороны от люка ручки, Гивенс обеими ногами долбанул его как раз над заклинившим запором. Его отбросило назад, но благодаря крепкой хватке за ручки у пилота ушла всего секунда на то, чтобы ударить ногами еще раз. И еще раз. И еще. С краю показалась тонкая полоска космоса, но дальше люк не пошел.

— Он... не... подается,— выдохнул Гивенс.

— Конечно, не подается! — возбужденно рявкнула Синтия.— Эти запоры из особого материала изготовлены...

— Мы знаем, лейтенант, из чего они изготовлены,— сквозь зубы процедил Редер.— Разве я вас не попросил...

— Заткнуться? Есть, сэр.— Роббинс ухитрилась принять что-то вроде сидячей стойки «смирно». Смотрела она прямо перед собой.

«Эх, Синди,— подумал Питер,— а наполовину у тебя ничего не бывает? Когда ты кого-то достаешь, то до упора; а когда удила закусываешь, то ты прямо как та формочка, в которой тебя отлили».

— У меня ничего не выходит,— отчаянно-жалобным голосом произнес Гивенс.— Он не подается.

— Подастся,— настаивал Редер.— Непременно подастся. Бейте еще,— ободрил он молодого пилота.

— Да-да. Надо бить,— пробормотал Гивенс и снова обрушился на люк.

Он был не на шутку потрясен, когда могучие удары наконец сломали непокорный запор. И изумленно воззрился на звезды.

— Ур-ра! — заорал Гивенс и прыгнул. Он тут же закувыркался в пустоте, и звезды вихрем закружились на его лицевой пластине; «спид» тоже закружился, сохраняя свое относительное положение, а затем исчез в газовой вспышке, когда свихнувшийся бортовой компьютер резко изменил курс, уклоняясь от своих оппонентов.

— Я выбрался! — крикнул Гивенс.

— Понятно,— прозвучал прямо у него в ухе голос Шелдона.

И где-то вдалеке вдруг расцвела яркая вспышка, которая затем так же внезапно и погасла. Тогда Гивенс включил поисковый маяк и стал дожидаться спасательной команды. Ему вполне хватило времени ощутить и грусть, и страх и сожаление — и растущий гнев.

Крошечная красная точка заискрилась на мониторе у Редера, и Роббинс радостно вскочила со стула.

— Ура, он спасен! — воскликнула девушка.

Неподдельный восторг в ее улыбке изумил Питера.

— А мне казалось, он вам не очень нравится,— заметил он.

Синтия остановила свою победную пляску и с разинутым ртом на него уставилась.

— Конечно, мы не друзья,— наконец сказала она,— но я бы не хотела, чтобы он умер или что-то в таком роде.

Редер лишь уставился на нее в ответ. «Не друзья,— подумал он.— Я так чувствую, сдержанность в выражениях — один из многих твоих талантов. А ведь прямо сейчас ты идеальной подозреваемой в явной диверсии смотришься. И когда Гивенс вернется, лучше бы тебе быть там, где он тебя не найдет».

— Теперь мне от вас, лейтенант Роббинс, вот что потребуется. Я хочу, чтобы вы пошли к себе в кабинет и написали обо всем этом инциденте подробный рапорт. Затем я хочу, чтобы вы прилежно освободили свой стол от всей бумажной работы, какая там могла накопиться. При этом вам следует запереть дверь кабинета и не выходить оттуда, пока я за вами не приду. Вы меня понимаете?

Девушка озабоченно нахмурилась.

— Никак нет, сэр, не понимаю,— возразила она.— Через двенадцать минут сюда поврежденные «спиды» прибудут. Мне нужно быть на главной палубе, а не у себя в кабинете.

— Видите ли, как только лейтенант Гивенс вернется, он обязательно станет искать, кого бы ему обвинить. А поскольку вы с ним не друзья, то на вас он, скорее всего, и ополчится.

Синтия оцепенела и медленно приняла стойку «смирно».

— Вы правда так думаете, сэр? Что я это сделала? — От изумления и недоверия ее карие глаза стали совсем огромными.

Редеру показалось, что по лицу ее промелькнула настоящая боль. «Хотя,— подумал он затем,— если она виновна, она хочет,

чтобы я ее невиновной считал. Быть может, она просто отличная актриса».

— Поймите, лейтенант,— сказал он,— дело не в том, что думаю я, а в том, что подумают Гивенс и все остальные. Предстоит расследование этот инцидента. И тогда выяснится, что у вас были и необходимые знания, и удобный случай, и возможный мотив для...

— Мотив? Какой у меня может быть мотив убить Гивенса? Людей не убивают только за то, что они самодовольные придурки! В этом случае их просто избегают.— Тяжело дыша, Роббинс взглянула прямо в глаза коммандеру.— Вы же слышали меня, сэр. Я просила не брать этот «спид». Я нянчила эту машину как больного ребенка, и все в эскадрилье это знают. Как вы могли обратить мою заботу в вину?

— Хороший вопрос,— признал Редер.— Не знаю, но...— Он немного помолчал.— Думаю, будет лучше, если вся команда, ответственная за этот «спид», будет допрошена отделом контрразведки, прежде чем мы еще чем-то займемся.

Синтия, если это только было возможно, еще больше оцепенела.

— Меня обвиняют, сэр?

— Нет,— терпеливо ответил Редер.— Но вы и вся команда обслуживания будете допрошены. Учитывая случившееся, это и неизбежно, и необходимо. Имейте в виду, лейтенант, что допуск на этот «спид» дал я, а следовательно, мне также придется ответить на некоторые тяжелые вопросы. Чем раньше мы позволим их задать, тем скорее сможем вернуться обратно к работе.— Он посмотрел девушке в глаза, пока она явно пробивала себе дорогу через трясину противоречивых эмоций.

— Так точно, сэр,— наконец сквозь зубы ответила Роббинс. Затем она развернулась и зашагала прочь из кабинета. Ее напряженная спина словно бы ожидала удара сзади.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Уже можно почувствовать разницу»,— думал Редер, обходя громадную светлую полость главной палубы, общаясь с командами обслуживания и всячески напоминая о своем присутствии.

— Впрочем, мое уверенное поведение поднятию морального духа моих людей, похоже, не очень способствует,— пробормотал он себе под нос.

— Как скоро мы с этим справимся? — спросил затем Редер у ар-Рашида.

— Вы про этот «спид», сэр? — Отвечая, ар-Рашид продолжал внимательно изучать участок крыла.— Минут через двадцать. Может, через полчаса.— Старшина пожал плечами.— А если вы, сэр, про то, как все себя чувствуют,— тут он взглянул на комман-

дера,— то понятия не имею. Я даже не знаю, можно ли вообще с этим справиться.

— Не темните, старшина,— сухо попросил Питер.— Скажите мне откровенно, как вы на самом деле себя чувствуете.

— Чертовски скверно, сэр.— Он серьезно взглянул на Редера.— Как будто меня предали, побили. И еще мне очень тоскливо. Вам не довелось знать лейтенанта Лонго, но она была чудесной женщиной и прекрасным пилотом.— Ар-Рашид покачал головой.— Это очень больно меня ударило, сэр. С тех пор, как вы сюда прибыли, все шло так хорошо, и людям уже стало казаться, что никаких «инцидентов» больше не будет.— В голосе старшины прозвучала неподдельная горечь.

Редер сжал губы. Он знал, что капитан Каверс рассчитывал на то, что он спасет их всех от напастей. Но он и представить себе не мог, что кто-то еще тоже видел в нем рыцаря-спасителя «Непобедимого». Питеру даже вообразить было страшно, что теперь скажет Старик.

«Впрочем, ему не придется ничего говорить,— подумал он.— Ему достаточно будет посмотреть на меня своими холодными серыми глазами, и я тут же почувствую себя трехлетним мальчишкой, который в штаны напустил».

— Коммандер Редер,— произнес Уильям Бут. Приближаясь к ним с ар-Рашидом, шеф контрразведки имел устрашающе-официальный вид.

— Будьте так любезны оставить нас наедине, старшина.— Глаза Бута с неприязнью и подозрением ползали по ар-Рашиду.— Нам с коммандером надо кое-что конфиденциальное обсудить.

— Простите, мистер Бут, но вы бы минутку не подождали? — неискренне заулыбался Редер.— Нам со старшиной нужно здесь кое-что закончить. Почему бы нам в моей каюте не встретиться?

— Безусловно, коммандер,— с застывшим лицом отозвался шеф контрразведки.— Я как раз собирался это предложить.— Бут отдал честь и, когда Редер ему ответил, круто развернулся и зашагал к выходу с главной палубы.

«У этого идиота так в заднице и свербит»,— подумал Редер. Затем он встретился взглядом со старшиной и не смог удержаться от улыбки, поскольку прочел в его глазах ту же самую мысль.

— А вы с шефом контрразведки, похоже, не очень ладите,— небрежно заметил Редер.

Старшина задумчиво сморщил губы.

— Скорее похоже на то, что мистер Бут считает своим долгом расценивать всех тех, кто ниже определенного ранга, как от природы подозрительных.

— То есть, он к вам придирается,— заключил Редер.

— Никак нет, сэр, я бы так не сказал. Я склонен думать, что мистер Бут просто сверх меры добросовестен.— Ар-Рашид иронично глянул на коммандера.

Губы Редера дернулись, но улыбку он все-таки сдержал. «Да,— подумал он,— нельзя сказать, чтобы Бут обладал блестящим умом или талантом, зато он сверх меры добросовестен. Даже страшно становится».

— Если между вами, старшина, какая-то история вышла, даже если это был спор по чьему-то еще поводу, мне лучше об этом знать.

Ар-Рашид кивнул.

— Историей, сэр, я бы это не назвал. Просто он пару наших людей за драку на гауптвахту посадил, а я подумал, что он слишком круто с ними обошелся.

— И,— подстегнул его Редер.

— И я ему об этом сказал, а он ответил, что это не мое дело. Но так получилось, что капитан со мной согласился и приказал этих людей отпустить. Нет-нет,— быстро добавил он, предвосхищая следующий вопрос Редера,— со Стариком я об этом не разговаривал.

— Но Бут об этом не знает,— задумчиво произнес Питер.

— Вообще-то ему бы следовало,— возмущенно заметил ар-Рашид.— Не очень похоже, что мы с капитаном в близких отношениях. Или что кто-то из нас станет так субординацию нарушать.

Тут Редер все-таки рассмеялся. Для кадрового военного из сержантского состава вроде ар-Рашида субординация была вещью священной... но, так сказать, регулируемой.

— Ладно, мне лучше выяснить, что ему нужно. Продолжайте работу, старшина.

— Есть, сэр.

Старшина вернулся к осмотру «спида», а Редер направился к своей каюте.

Бут расхаживал взад-вперед перед запертым кабинетом командера Редера. Такая роскошь была возможна лишь на крупном боевом корабле, хотя и тут ему временами приходилось уклоняться от тех, кто также был вынужден воспользоваться этим коридором. Бута в равной мере раздражало и само ожидание, и то, в какое невыгодное положение это ожидание его ставило. Важно было поддерживать определенный статус, определенный баланс. Особенно когда ты проводил расследование.

Если же, как сейчас, кому-то удавалось ставить тебя в подчиненное положение, подрывая тем самым твой авторитет, следовало в дальнейшем отплатить этому человеку той же монетой. «Око за око, зуб за зуб»,— пробормотал Бут себе под нос, прикидывая, ждать ему дальше или нет. Коммандеру наверняка очень пошло бы на пользу, если бы он в конце концов соизволил появиться и обнаружил, что шеф контрразведки уже ушел.

Бут собрался было уходить, но тут из-за угла вывернул Редер.

— Прошу прощения, мистер Бут,— стал извиняться он, качая головой и разводя руками.— Всякий раз, как я собирался идти, меня кто-то задерживал. Как вы легко можете себе представить, там сейчас порядочный хаос творится.— «Честно говоря,— думал тем временем Питер,— я хотел заставить тебя подождать, но не так долго». Его возмутило то, как Бут обошелся со старшиной, и теперь он хотел малость его помучить. Однако все это непредвиденно затянулось; прошло уже почти тридцать минут.

— Как вы легко можете себе представить,— холодно отозвался Бут,— в моем ведомстве тоже сейчас порядочный хаос творится.— Он понаблюдал, как Редер прикладывает большой палец к замку, отпирая дверь, а затем первым туда прошел. Сразу за дверью он оглянулся на коммандера, после чего снова двинулся вперед, чтобы все-таки впустить в каюту ее хозяина.

— Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Бут,— невозмутимо предложил гостю Редер, как будто только что чуть не наткнулся на этого психа, когда он вдруг замер в проходе.— Итак, что у вас ко мне?

— У меня к вам вопросы,— сказал Бут, исподлобья глядя на Редера.

«Отлично, черт возьми,— подумал Питер.— У меня тоже».

— Так вы уже действительно что-то выяснили? — спросил он.

— Я бы так не сказал,— скромно запротестовал шеф контрразведки.— Я сказал «у меня есть вопросы».

Внезапно до Редера дошло, что шеф контрразведки живет в детективном романе, являясь там к тому же обложенным со всех сторон врагами героем. «Отлично,— подумал он,— это именно то, что требуется. Разновидность твердолобого цинизма, согласно которой все на свете в чем-то виновны. Теперь дело пойдет. Кроме того, подобное отношение подразумевает, что все детали, не соответствующие текущей фабуле, должны быть отброшены в сторону. Этот парень бесед не ведет — он лишь готовые диалоги цитирует.— Тут Питер позволил себе мысленный вздох и откинулся на спинку стула.— Пожалуй, мы успешней продвинемся, если я в роль войду».

— Начнем,— предложил он.

Бут сузил глаза и небрежно закинул ногу за ногу.

— Расскажите мне все, что вы знаете о лейтенанте Роббинс,— напористо произнес он.

— Все, что я о ней знаю, достаточно полно представлено в ее личном деле. Если вкратце, она прекрасный специалист и не слишком человечная персона.— Редер развел руками.— Я здесь совсем недавно, мне нужно было массу всего нагнать, а лейтенант Роббинс откровенностью не отличается. В целом, однако, она произвела на меня благоприятное впечатление. Просто она не из тех, кто умеет с людьми обращаться.— «Про это тебе даже двое самых пылких ее приверженцев расскажут,— подумал он.— А я при этом ни в чьи ряды не встаю».

Так ему казалось уместным.

Внимательно изучая коммандера, Бут правым указательным пальцем постукивал по столешнице.

— А как насчет остальной команды обслуживания? — спросил он.

Редер пожал плечами.

— С ними я в том же положении. Просто не было времени по-настоящему кого-то узнать. Черт возьми, мне и с вами хотелось поговорить практически с тех самых пор, как я сюда прибыл, но шансы у меня были только на то, чтобы на капитанском обеде поздороваться.

Глаза Бута сверкнули, и он энергично подался вперед.

— Вы хотели меня видеть? — Он искоса глянул на Редера.— Зачем?

— У меня были вопросы в связи со смертью коммандера Окакуры. Например, что именно выявило расследование. Я слышал, что несчастный случай произошел из-за дефектного бортового компьютера.— Питер тоже подался вперед, уперев локти в стол и сложив перед собой ладони.— Учитывая этот последний инцидент, я был бы вам очень признателен, если бы вы поделились со мной той информацией, которой вы, возможно, располагаете. Мне нужно знать, чего именно следует опасаться!

Бут склонил голову, прищурился и поджал губы.

— Голые факты, которые вам изложили,— это, по сути, все,— сказал он и развел руками.— Бортовой компьютер вышел из строя. Случай, разумеется, был не такой серьезный, как сегодня.

«Уверен, что Окакура бы с этим поспорил»,— подумал Редер.

— А сбой был технический или программный? — спросил он вслух.

— Мне сказали, что программный,— ответил Бут, явно испытывая неловкость.— Хотя в этом, разумеется, пришлось положиться на слово лейтенанта, поскольку главным экспертом по делу была она. Нам вроде как пришлось вынести вердикт о несчастном случае. Понимаете, что я имею в виду?

Редер неуверенно хмыкнул. «Неудивительно,— подумал он,— что капитан захотел, чтобы я провел расследование. Этот обалдуй явно палец о палец не ударил».

— Так когда я смогу получить обратно своих людей? — спросил он.— Лишние руки мне бы сейчас не помешали.

— Мы все еще их допрашиваем. Команду обслуживания я, вероятно, завтра отпущу. Но лейтенанта я намерен оставить под арестом.

— Вы действительно кого-то из команды обслуживания подозреваете? — спросил Редер, морща лоб. «Даже если Роббинс отличной подозреваемой выглядит,— подумал он,— это ведь не обязательно должно распространяться на всех, кто того „спида" касался».

— Вовсе нет,— ответил Бут, и уголки его рта тронула самая что ни на есть снисходительная улыбка.— Но они могут что-то знать. Если мы подержим их в изоляции и хорошенько допросим, мы можем помочь им вспомнить такие подробности, которые могут стать ключом ко всей картине преступления.

— А что лейтенант Роббинс? — спросил Редер.

— А по поводу лейтенанта Роббинс,— Бут конфиденциально подался вперед,— я вам, коммандер, вот что скажу. Это не может стать достоянием гласности, но вчера поздно вечером ее видели возящейся в «спиде» лейтенанта Гивенса.— Шеф контрразведки сжал губы и многозначительно сдвинул брови.— Все это, на мой взгляд, не очень хорошо выглядит. Понимаете, что я имею в виду?

— Мне говорили, что в вечер перед вылетом она всегда последнюю проверку всех «спидов» проводит,— сказал Редер.— А кто ее видел?

— Это несущественно,— жеманно ответил Бут.

— Напротив. Для меня это очень существенно. И я настаиваю, чтобы вы мне сказали. Ведь вы задержали моих людей, и фиаско случилось в мою вахту. Мне совершенно необходимо знать все про этот инцидент и про предыдущий, чтобы я смог помочь вам до сути дела добраться.— «Потому что я вижу,— мысленно добавил он,— что ты даже собственный поход в сортир расследовать не сумеешь».

Шеф контрразведки неловко заерзал на стуле.

— Я не вправе,— пробормотал он.— Идет расследование.

— Вы хотите сказать, я под подозрением? — недоверчиво спросил Редер.— Даже несмотря на то, что данный персонал начал работать задолго до того, как я сюда прибыл, и на то, что я едва его знаю?

— Нет-нет, коммандер, конечно же нет.

— Тогда скажите мне то, что мне необходимо знать, чтобы вам помочь.— Редер уже едва сдерживался. «Могу себе представить, как сейчас Роббинс бесится,— подумал он.— По сути дела, у нас на гауптвахте сейчас не иначе как сверхновая зреет».

— Квартирмейстер был на главной палубе. Как он сказал, он вас там искал.

— Меня? — удивленно переспросил Редер.— И во сколько это было?

— В двадцать четыре ноль-ноль,— несколько раздраженно ответил Бут.

— Поздновато, не правда ли? — заметил Редер. «И что ему от меня понадобилось? — подумал он.— За завтраком он даже об этом не упомянул».

— Для лейтенанта тоже,— огрызнулся Бут.

— Как я уже сказал, она исключительно своей работе предана.— Теперь Редеру нужны были от шефа только две вещи. Во-

первых, чтобы он оставил его в покое, а во-вторых, чтобы он вернул ему всех его подчиненных.

— Вот что, мистер Бут,— сказал он, вставая.— Боюсь, мне придется настаивать, чтобы вы либо предъявили моим людям обвинение, либо всех их отпустили. Мы можем приказать им ничего ни с кем не обсуждать, но если вы всю ночь их продержите, это будет выглядеть так, как будто вы считаете их виновными. Учитывая нынешний моральный дух на главной палубе, я бы их такому подозрению подвергать не стал. Прежде всего, это несправедливо. А кроме того, я более чем уверен, что это незаконно, даже учитывая те разделы устава Космического Отряда, которые посвящены военному времени. И последнее, но не самое маловажное, это окажет в высшей степени вредное влияние на нашу работу. Как вам известно, этот корабль предполагается срочно довести до состояния боевой готовности.

Тут Бут, который уже готов был запротестовать, с громким хлопком закрыл рот.

— Пожалуй, вы правы,— мрачно пробурчал он.

— И капитану это вряд ли понравится.

— Вряд ли,— еще более мрачно согласился Бут.

— Так когда мне их ожидать? — спросил Редер, обходя вокруг стола.

Шеф контрразведки с тяжелым вздохом поднялся.

— Немедленно, полагаю. Если я не могу их задержать, я вполне могу прямо сейчас их отпустить. Однако,— тут он поднял палец и погрозил им Редеру,— не позволяйте им обсуждать это с кем-то, кроме меня.

— И меня, разумеется,— с улыбкой добавил Редер.

— Да,— угрюмо согласился Бут.— И вас.

— И лейтенанта Роббинс,— продолжил Редер. «Хотя гауптвахта для нее сейчас, пожалуй, самое безопасное место»,— тут же подумал он.

Но Бут помотал головой.

— Нет,— твердо возразил он и развернулся к двери,— сэр,— добавил он, уже уходя.

«Интересно, на этом корабле все такие эксцентричные? — задумался Питер.— Нормальные люди тут вообще есть?».

Внезапно дверь каюты распахнул лейтенант Гивенс, за которым виднелся командир эскадрильи. В глазах у обоих горел праведный гнев.

«Ага,— подумал Редер,— а вот и нормальные пожаловали».

Прекрасные карие глаза Синтии Роббинс буквально метали искры, пока она, выпрямив спину и аккуратно сложив руки на столе, сидела и в очередной раз отвечала на вопросы шефа контрразведки.

— Как я уже сказала, я провожу последнюю проверку каждого «спида», который подготовлен к полету. Я всегда так делаю.— Закрыв рот, она упрямо воззрилась на Уильяма Бута.

— И что вы...

— Я краткую диагностику прогоняю,— ответила Синтия, предвосхищая вопрос Бута.— Смотрю, все ли инструменты на месте, убеждаюсь в том, что все герметично — ну и все в таком роде. Возможно, мистер Бут, если бы вы это записали или еще как-то зарегистрировали, вам бы не стоило таких трудов это запоминать.

— Не считая «спида» лейтенанта Гивенса,— подчеркнул Бут, игнорируя ее саркастическое замечание и одаривая девушку предельно подозрительным взором.— С ним вы долго провозились.

— Так точно, сэр, провозилась. У нас с этим «спидом» была масса мелких неполадок, и мне казалось, что ему требуется особое внимание.

— Стало быть, именно так вам случилось обнаружить тот незначительный сбой в диагностике? — осклабился Бут.

— Обнаружить его, зарегистрировать и порекомендовать, чтобы «спид» лейтенанта Гивенса был отстранен от учений,— с обманчивым спокойствием произнесла Синтия.— Однако мое решение было отменено.

— Но разве вы этого не ожидали, лейтенант? — поддразнил ее Бут.— Разве вы именно это не запланировали?

— Что? — Роббинс подалась вперед, словно желая лучше слышать, и на лице у нее появилось озадаченное выражение.

— Всякий раз, как этот «спид» задерживали и разбирали, там ничего не находили. Все те ложные тревоги к сегодняшнему дню регулярно накапливались.— Теперь Бут уже явно набирал обороты, обвинения из него так и сыпались.— Кричи про волка почаще, и никто тебе не поверит. Не так ли, лейтенант? Ведь лейтенант Гивенс вам не по вкусу?

— Не в большей степени, чем я ему, мистер Бут. Возможно, он сам свой «спид» искалечил, только чтобы меня в плохом свете выставить. Об этом вы не подумали? — «Ты вообще когда-нибудь думаешь?» — мысленно спросила она.

— Лейтенант Гивенс сегодня чуть не погиб. Он, черт побери, оказался заперт в сбрендившем «спиде» и едва оттуда выбрался! — Бут аж весь раскраснелся от раздражения. Ему не очень нравилось, если его кормили новыми идеями, когда он уже свое мнение составил.

— Это он так говорит. А нам всего лишь приходится ему на слово верить. А все доказательства теперь до размера дрейфующих атомов уменьшены.— Роббинс взглянула шефу контрразведки прямо в глаза, требуя, чтобы он к ней прислушался.

— Так вы предполагаете, он умышленно убил старшего пилота Лонго? — Когда до Бута дошел весь смысл, глаза его стали большими.— Но зачем ему это понадобилось?

— Я понятия не имею, какие у него со старшим пилотом были отношения,— сдержанно произнесла Роббинс. «И ты, могу спорить, тоже»,— мысленно усмехнулась она.— Я только знаю, что мой категорический протест по поводу использования того «спида» был запротоколирован. Как было запротоколировано и категорическое требование лейтенанта Гивенса и командира эскадрильи не принимать мой протест во внимание.

— Вы теперь и командира эскадрильи готовы обвинить?

Бут сознавал, что теряет контроль над допросом, но ему уже было все равно. Новые идеи выглядели так заманчиво. Черт побери, он был совсем не прочь завалить зверя покрупнее. Несколько секунд он наслаждался глянцем, который это придаст его репутации. С другой стороны, Роббинс была нелюбима и одинока, тогда как командир эскадрильи и лейтенант Гивенс были харизматичны и очень любимы.

— Я, мистер Бут, никого не обвиняю. Я просто указываю на то, что есть и другие люди, кого вы могли бы обвинить.— «И обвинил бы,— подумала Синтия,— не будь ты таким олухом царя небесного».

— Да, но из всех членов команды «Непобедимого» именно у вас имелись и специальные познания, и широко известная нелюбовь к лейтенанту Гивенсу. Кроме того, вчера ночью вас видели таящейся на главной палубе. И эти три вещи делают вас идеальной подозреваемой, лейтенант. Именно поэтому я вас арестую.— От побуждения крикнуть «Взять ее!» у Бута аж губы задергались.

Подаваясь вперед, Роббинс процедила:

— Единственное, в чем я виновна, это в преданности своей работе! И я нигде не таилась,— сквозь зубы добавила она.

Бут встал и медленно прошел к двери.

— У меня на сей счет иное мнение,— мрачно сказал он. Прежде чем Синтия успела что-то ответить, он уже вышел из комнаты.

Мокак пристроил стальной прут на полу и, молитвенно сложив перед собой руки, опустился на него коленями.

— Помилуй меня, о Всемогущий, за мою неудачу. Сегодня я думал привести на Твой суд этого хвастливого прелюбодея. Прости мне мою гордыню, о Всемогущий, и позволь мне и дальше представлять себя Твоим орудием для приведения грешников к правосудию. Будь это так, та мерзкая свинья сегодня валялась бы пред Твоим троном, моля о милосердии, готовая к вечному пламени погибели. Помилуй меня, о Всемогущий, за мой своекорыстный гнев, который ослепил меня к моим обязанностям. Вместо того чтобы руководствоваться их невниманием и пренебрежением к Тебе, о Всемогущий, я гневался на их безразличие и презрение ко мне. Помилуй меня, о Всемогущий, а чтобы

загладить мое эгоистичное небрежение обязанностями, я предлагаю Тебе мою боль. Сегодня я заново посвящаю всего себя служению Тебе, о Всемогущий. На коленях я прошу Тебя услышать мою мольбу и принять мое недостойное приношение. Аминь.

Мокакскому лазутчику предстояло четыре часа оставаться в этой болезненной позе. Для Толкователей Праведного Пути — время совершенно недостаточное. Однако безусловным императивом здесь было то, чтобы агент не пострадал. Таким образом, это же самое наказание требовалось повторять еще четыре ночи подряд.

— Я слабый и ничтожный сосуд,— прошептал мокак, чувствуя, как руки его уже начинают дрожать от усталости,— и все же я добьюсь своего, ибо цель моя справедлива, а Всемогущий направит меня и защитит.

Агент попытался утешиться тем фактом, что диверсия достигла определенных успехов. Один из безбожных пилотов погиб, два «спида» были полностью уничтожены, и больше они никогда Конгрегацию не потревожат, а множество других «спидов» получили тяжелые повреждения. Вдобавок жалкие существа, чьи умы не укреплялись мыслями о Праведном Пути, претерпели серьезный моральный урон.

Агент стыдливо выложил эти успехи на алтарь искупления, надеясь сделать приношение более весомым.

— Пусть сердца их разорвутся,— нараспев произнес мокак,— пусть умрут они от отчаяния, пусть утонут в горечи.— Ненависть мощным потоком прорвалась сквозь оболочку стыда, точно кипящая лава сквозь треснувшую корку планеты. И мокак узнал помилование, понял, что приношение боли принято.

— Благодарю Тебя, о Всемогущий,— забормотал агент, когда его слезы, ничуть не холоднее горящего у него внутри гнева, закапали на пол.— Благодарю!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Неделей позже «Непобедимый» вернулся на базу «Онтарио» для дозаправки и неизбежного заседания следственной комиссии. Питер Редер стоял и смотрел, как могучая конструкция растет в головиде офицерской кают-компании, мрачно примечая роящиеся точки света, что ее окружали, сигнальные флажки роста и нового строительства. Новые корабли и новые команды. Содружество нешуточно снаряжалось к войне... а «Непобедимый» по-прежнему не являлся достойной частью этих усилий.

Прием у стыковочных платформ тоже поднятию настроения не способствовал. Вообще-то всякий раз, как Редер сходил с корабля, все это замечали и наблюдали за тем, как он проходит. Сейчас вышло то же самое. Но дело было вовсе не в нем. Вся команда уже нервничала от той трепетной тишины, которая

воцарялась везде, куда бы они ни направились. А офицеры вскоре обнаружили, что им трудно найти себе хорошую компанию, поскольку братья-офицеры с других кораблей или со станции держали их на расстоянии или, хуже того, донимали оскорбительными вопросами.

Мозг Питера лихорадочно работал, и то же самое происходило с его пульсом по мере приближения того часа, когда должно было состояться заседание следственной комиссии. Он не очень жаждал давать показания. Мысль о том, чтобы сидеть там перед братьями-офицерами, а также членами комиссии и прилюдно рассказывать им о том, как позорно он напортачил, сжимала ему сердце.

К тому же масса работы была на «Непобедимом», и оставалось еще немало мест, где Питеру следовало побывать. В тот же самый день у него была назначена встреча с квартирмейстером Базового склада, которого ему требовалось убедить в том, что потребности «Непобедимого» заслуживают приоритетного статуса.

Редер знал, что у него есть отличные доводы. Он также знал, что они имеют очень мало общего с тем, получит ли он в конечном итоге необходимые запчасти и запрошенные им «спиды». «Традиция»,— с горечью подумал Питер. А если заседание комиссии затянется, встречу придется отменить. Тогда уже ни Дева Мария и святые угодники, ни даже сам Господь Бог не помогут ему вытрясти из загребущих рук складского квартирмейстера что-то больше минимально положенной нормы. Так, по крайней мере, Питеру инстинкт подсказывал.

Чуть позже в тот же день должны были состояться похороны старшего пилота Лонго. Которых он так страшился. Питеру не слишком улыбалось приносить соболезнования ее мужу и десятилетней дочурке. Видеть их боль заранее казалось ему невыносимой тяжестью, и он бы лучше чем угодно другим занялся. «Особенно потому, что они будут меня в ее смерти винить,— подумал он.— И с немалыми на то основаниями».

Питер никак не мог выбросить из головы взгляд капитана, с которым он выслушивал его объяснения на предмет того, каким образом неисправный «спид» был допущен к учениям. Принимая тогда рапорт Редера, Каверс сделал только одно-единственное замечание: «Разумеется, будет следственная комиссия, коммандер Редер. Будьте готовы давать показания». Питер мысленно поежился от воспоминаний. Было очевидно, что ожиданий Каверса он не оправдал — и как следователь, и как бортинженер.

Кроме того, Питера, как и всю команду, крайне угнетала безвременная и ненужная смерть Лонго, однако его положение не позволяло ему это показывать. А для человека с такой эмоциональной кельтской кровью, как у Редера, сокрытие своих чувств означало предельное снижение функциональных способностей.

Но кто мог такое предположить... Тут Питер резко остановил поток тягостных мыслей. Из печального опыта он знал, что они

лишь могут ходить по кругу. И самобичевание ничего не решит. Так же как и не разрешил он до сих пор ни одной из загадок, что окружали два убийства на «Непобедимом». Но с Божьей помощью он непременно их разрешит. А сейчас было время подумать о текущих делах.

Питер уселся и оглядел залу суда, с легким удивлением думая: «Она именно такая, как я ожидал».

Стены были покрыты панелями или очень хорошей виртуальной панельной обшивкой — возможно, гологенерированным изображением роскошного красного дерева, резного, со множеством прожилок. Во главе залы стоял длинный дубовый стол, а за ним — шесть обтянутых зеленой кожей стульев.

На стене у него за спиной висела величественная картина, где изображалась битва при Чун-Кво, состоявшаяся после того, как группа излишне амбициозных горнорудных консорциумов призвала к себе на службу наемников и взбунтовалась против Содружества. Космический Отряд наголову их разбил, а также вызволил шахтеров и их семьи из фактического рабства, в которое их обратили консорциумы, обеспечивая наемникам и их хозяевам массу самых разных поводов для горького сожаления.

Усеянный звездами флаг Содружества висел справа от картины, сине-черный флаг Космического Отряда — слева. Перед столом комиссии располагался меньший стол с единственным стулом для свидетелей. Небольшая зала имела изящный и официальный вид. И пахло там восковой полировкой; наверно, это все-таки было настоящее красное дерево.

«Очень редко бывает, чтобы вещи оправдывали ожидания,— подумал Питер.— Почему же такой вещью должна была оказаться зала суда?» Он взглянул на свои сложенные на коленях руки, чувствуя угнетение и неловкость. «Все,— сказал он себе,— хорош. Хватит уже этой ерунды с бедным маленьким Редером».

И Питер выпрямил спину. «Подумай о Синтии,— сказал он себе.— Бедная девочка единственная из всех хотела этот „спид" в ангаре удержать. И теперь за это в тюрьме сидит. Кроме того, я просто не вижу, как она кого-то убивает. Зато я прекрасно вижу, как ее убивают за то, что она до смерти всех достала. На самом деле люди для нее не настолько важны. Что они говорят, что делают... все это для нее просто несущественно».

В самом первом ряду в одиноком великолепии сидели капитан Каверс и старпом Ван Чунь-мэй, мерцая медалями и регалиями. Редер сидел в следующем за ними ряду. Рядом с Питером расположился ар-Рашид, а через два свободных сиденья от него — Джон Ларкин. Вид у квартирмейстера «Непобедимого» был необычно торжественный. За ними сидели командир эскадрильи Шелдон, лейтенант Гивенс и вся остальная эскадрилья. Редер чувствовал на себе их обвиняющие взоры, но сопротивлялся искушению оглянуться.

В задней части залы послышалось какое-то шевеление, как будто вперед продвигалось немалое число народа. Оглянувшись, Редер увидел Уильяма Бута, лейтенанта Роббинс в наручниках, а также двух охранников.

— Прошу нас извинить,— хрипло сказал Бут, показывая, что Редеру со старшиной неплохо бы подвинуться, так чтобы они с пленницей могли занять два крайних сиденья.

Капитан обернулся, оглядел компанию шефа контрразведки и жестом подозвал Бута к себе. Когда тот к нему нагнулся, капитан что-то тихо шепнул ему на ухо. Редер наблюдал, как шея Бута медленно розовеет, затем багровеет, а затем становится такой красной, какой он еще никогда в жизни ни одну шею не видел.

— Есть, сэр,— вымолвил Бут. Когда он выпрямился, лицо его было мокрым от пота. Шеф контрразведки отдал честь, и после краткой паузы капитан ему ответил.

— Продолжайте работу,— прорычал Каверс.

Повернувшись к Роббинс, Бут завозился с ее наручниками. Наконец ему удалось нужным образом приложить туда большой палец, и наручники открылись. Тогда он отдал их своим подручным и угрюмо их отпустил.

Ар-Рашид сдвинулся на одно сиденье, и Редер затянул Синтию на свободное место рядом с собой. Бут сверкнул на него глазами, после чего перебрался через неподвижного ар-Рашида на сиденье между старшиной и Ларкином.

Тут из двери в передней части залы вышел судебный пристав.

— Встать, суд идет! — рявкнул он.

Все присутствующие как один встали по стойке «смирно». «Славное наследие Академии»,— подумал Питер. Шестеро мужчин и женщин тихо вошли и заняли места за дубовым столом. Трое членов следственной комиссии были бортинженерами, как Редер и Роббинс, один был командиром эскадрильи, один числился в администрации и еще один был квартирмейстером. Председателю полагалось быть старшим по рангу офицером.

— Дамы и господа, прошу садиться,— предложила всем привлекательная женщина с волнистыми седоватыми волосами и легким датским акцентом.— Я вице-адмирал Пола Андерсон, глава этой комиссии. Мы сегодня собрались здесь установить, имеются ли доказательства преступного небрежения обязанностями или диверсии со стороны коммандера Питера Редера и второго лейтенанта Синтии Роббинс, достаточные для того, чтобы отдать их под трибунал.— Она оглядела залу суда, и ее ледяные серые глаза задержались на Каверсе, Редере и Роббинс.— Выдвинутые обвинения весьма серьезны, и я заверяю вас, что данная комиссия изучит этот инцидент со всей тщательностью и оперативностью.— Тут вице-адмирал стукнула по столу молотком и сказала: — Заседание можно считать открытым.

— Лейтенант Адольф Гивенс, займите свидетельское место,— скомандовал судебный пристав.

— Адольф? — с недоверием пробормотала Синтия.

Редер скосил на нее глаза. «Пожалуй, лейтенант, я на твой счет заблуждался»,— подумал он, наслаждаясь ее сочувственной реакцией.

Гивенс так неуклюже подобрался к свидетельскому столу, словно вдруг до подросткового возраста омолодился. Там он долго валандался со стулом, и в конце концов вице-адмиралу лишь с легким намеком на суровость пришлось сказать:

— Будьте любезны сесть, лейтенант Гивенс.

— Есть, сэр,— выдавил из себя Гивенс и плюхнулся на стул как мешок с картошкой.

— Первоначально, лейтенант, в день инцидента ваш «спид» был исключен из списка. Будьте добры нам об этом рассказать.

Гивенс рассказал, а потом продолжил полным описанием самого инцидента: как его «спид» сбрендил, как произошло невероятное убийство старшего пилота Лонго, как он в итоге спасся. Поведал он и про то облегчение, которое он испытал по возвращении на «Непобедимый», узнав о том, что лейтенант Роббинс взята под стражу.

— Но согласно вашим же показаниям, лейтенант, она единственная твердо настаивала на том, чтобы этот «спид» на учения не брали,— заметил один из бортинженеров, пожилой мужчина с гладкими темными волосами и тяжелым подбородком.

Гивенс немного растерялся.

— Но не кажется ли вам это подозрительным, сэр? Два других квалифицированных эксперта ничего серьезного в этом маленьком сбое не находят, и все же лейтенант Роббинс настаивает на том, чтобы ее сомнения были запротоколированы.— Он нервно махнул рукой.— Для меня все это просто попахивает попыткой обеспечить себе прикрытие.— Он пожал плечами.— Это подозрительно, только и всего. По моему мнению.

— Спасибо, лейтенант, но нас больше интересуют ваши непосредственные наблюдения, нежели ваше мнение. Следующий свидетель.

— Как и лейтенант Гивенс,— заявил командир эскадрильи Шелдон, усевшись за стол,— я нахожу предусмотрительность лейтенанта Роббинс слишком странным совпадением, чтобы в него можно было поверить.— Он с сомнением покачал головой.— Нет, слишком уж это кстати. Кто знает, но если бы Гивенс улетел на том «спиде» в один из предыдущих разов, когда она решала его придержать, машина могла бы еще раньше выйти из строя. А если бы над плечом у Роббинс старший офицер не стоял, мы бы могли также и Гивенса потерять.

— Но зачем ей это понадобилось, сэр? — спросил входящий в состав комиссии квартирмейстер.— Чего она этим могла добиться?

Шелдон издал краткий смешок.

— Что до этого, сэр, то я понятия не имею. Человеческая психика — не мой конек. Однако тут много о чем задуматься можно.— Он развел руками.— Наши «спиды» для лейтенанта вроде суррогатных детей; возможно, чтобы добиться внимания и симпатии, она их «болеть» заставляет. Хотя персонаж она все равно не особенно симпатичный.

— Черт побери! — пробурчала Роббинс, обращаясь к Редеру.— Слава Богу, что он не фрейдист. А то он бы сейчас рассуждал о том, что «спид» очень на пенис похож и что я отождествила «спид» Гивенса с неверным любовником, у которого роман с лейтенантом. Тогда я в припадке ревности решила их обоих угрохать. Тьфу! — Уголком глаза глянув на Редера, она затем посмотрела еще раз, изучая его предельное изумление.

«Вот спасибо, Синди,— подумал Питер.— С такими мыслями в голове мне будет куда легче показания давать».

— Есть выбор,— вслух заметил он.— Медея или Клитемнестра.

Роббинс как-то странно на него глянула, и то же самое вице-адмирал Андерсон, так что Питер заткнулся, сел прямее и обратился лицом к комиссии.

— Что вы можете сказать в ответ на обвинения, выдвинутые против вас лейтенантом Гивенсом и командиром эскадрильи? — спросила вице-адмирал у Синтии, прежде чем спрашивать что-то еще у Шелдона.

Роббинс задумчиво опустила взгляд и заговорила, не поднимая его, словно читала по написанному.

— Полагаю, они теперь сожалеют о силе своих аргументов, которая имела результатом отмену моего решения о том, чтобы отстранить «спид» лейтенанта Гивенса от учений. И они хотят, чтобы это стало чьей-то еще виной, чьей-то еще ошибкой, а не их собственной.

Редер услышал свистящее шипение, когда вся эскадрилья разом втянула в себя воздух, то ли от ярости, то ли от изумления — он толком не смог разобрать. «А по-моему,— подумал он,— ответ чертовски толковый».

Когда настала очередь Редера, он сел за стол и постарался как можно четче и полнее отвечать на вопросы комиссии, при этом постоянно отбиваясь от чувства вины, которое не оставляло его со времени инцидента.

— Почему вы не поддержали своего заместителя? — спросила его Андерсон.

— Потому что, сэр, мы прогнали всю диагностику, какую только было возможно, и не получили никакого негативного отклика. Бортовой компьютер легко справлялся со всем, что мы ему подбрасывали. Там совершенно определенно не было никаких признаков серьезной поломки.

— Так там совсем никакого предупреждения не было? — спросил один из бортинженеров.

Глядя прямо перед собой, Редер покачал головой.

— Лишь легкая аномалия на одном из диагностических экранов и сверхъестественно острое чутье лейтенанта Роббинс, сэр.

Вице-адмирал Андерсон удивленно приподняла брови.

— Сейчас вы превозносите чутье лейтенанта, коммандер Редер, и тем не менее в тот день вы отменили ее решение.

— И сейчас я мучительно сознаю, как я тогда ошибался,— сказал Редер.— Я читал в личном деле лейтенанта Роббинс, какой сверхъестественно чуткой она может быть в ликвидировании подобных проблем. Но боюсь, тогда мне это показалось преувеличением.

Не было нужды спрашивать, раздражала ли его эта ошибка; всем присутствующим было очевидно, что раздражала.

День вышел долгий и трудный, и члены комиссии всех их подробно допросили. Вопросы были умными, глубокими и, к великому облегчению Редера, совершенно, как ему показалось, беспристрастными.

Однако, как обещала вице-адмирал Андерсон, они работали не только тщательно, но и оперативно. К 14.00 допросить осталось только Джона Ларкина.

«Хотя я не очень понимаю,— подумал Питер,— зачем они хотят еще и квартирмейстера допросить. К программам он никакого отношения не имеет. Он только запечатанную упаковку вручает, а ведь почти определенно неполадка здесь именно программная».

У членов комиссии тоже особых вопросов к Ларкину не нашлось. Формальности ради они все-таки о чем-то его спросили, после чего подробно узнали о том, какие идеальные детали выходили из его рук, становясь совершенно непригодными в руках лейтенанта Роббинс, и как он об этой аномалии не раз в письменном виде докладывал.

— Спасибо, квартирмейстер,— наконец сказала вице-адмирал.— Можете сесть на место.

— Вице-адмирал,— произнес Ларкин, и лицо его тут же стало образчиком беспокойства,— я бы хотел сделать заявление для протокола.

Брови Андерсон удивленно приподнялись, однако она кивнула.

— Я сожалею о том, что мне приходится это говорить,— продолжил Ларкин,— но чувствую, что долг повелевает мне воспользоваться этой возможностью высказаться.— Тут он сделал паузу и, не отрывая глаз от пола, немного пожевал нижнюю губу.— После приблизительно двух месяцев работы с лейтенантом Роббинс я пришел к глубокому убеждению, что она является весьма нестабильной и опасной личностью. Она способна таить обиду на самые невинные замечания, она угрюма и мстительна, она способна жестоко оскорбить человека только за то, что его

мнение не совпадает с ее мнением. И я определенно считаю, что она способна соответствующим образом оснастить чей-то «спид», чтобы преподать кому-то жестокий урок.

Тут Ларкин бросил быстрый взгляд на Редера, а затем покраснел и отвернулся.

— Таким образом, я призываю уважаемую комиссию отдать второго лейтенанта Синтию Роббинс под трибунал. Я допускаю, что эта молодая женщина остро нуждается в психологическом консультировании, а потому достойна сочувствия. Тем не менее ее поведение в целом указывает на то, что она потенциально опасна и способна на все. Я глубоко убежден в том, что ради безопасности всей команды «Непобедимого» она должна быть как можно скорее отстранена от исполнения своих обязанностей.

Андерсон вопросительно на него глянула, затем кивнула.

— Благодарю вас, квартирмейстер, за высказанное мнение. Уверяю вас, оно будет удостоено такого внимания, какого заслуживает.

Редер встал.

— Вице-адмирал,— сказал он,— могу я также сделать заявление для протокола?

Андерсон слегка поморщилась, будто чего-то кислого попробовала.

— Безусловно, коммандер,— ровным голосом ответила она.— Продолжайте.

— Я совсем недолго проработал с Синтией Роббинс, сэр. Но за это время я нашел ее необычайно компетентным бортинженером, страстно преданным своему делу. Откровенно говоря, сэр, я считаю, что если бы лейтенант Роббинс захотела на кого-то напасть, она при этом постаралась бы не причинить ни малейшего вреда «спиду».

Брови вице-адмирала опять немного приподнялись, а глаза стали еще более заинтересованными.

— Благодарю вас, коммандер. Мы, безусловно, примем во внимание и ваше заявление.— Тут она взглянула влево-вправо на своих коллег по комиссии. Когда каждый из них кивнул, она объявила: — Поскольку все свидетели выслушаны, комиссия удаляется на совещание. Мы встретимся в этом зале завтра в тот же самый час.— С этими словами он стукнула по столу молотком и встала, а все остальные встали лишь на секунду позже нее. Затем члены комиссии вышли, и судебный пристав закрыл за ними дверь.

Редер повернулся к Роббинс, желая ее ободрить, и был поражен, увидев на лице девушки взрывоопасную смесь гнева и изумления.

— Спасибо вам, сэр, за поддержку,— сказала Синтия.— Без нее меня бы, наверное, душевнобольной признали.

— Идемте, Роббинс,— сказал Бут, беря ее за руку.— Вам лучше пойти со мной.

Редер открыл было рот, но тут же его закрыл. «В ее словах есть смысл,— сказал он себе.— Но черт побери, меня тут совершенно врасплох застигли. Никогда бы не ожидал, что веселый, милейший квартирмейстер будет способен на такой резкий выпад. Впрочем, если это его глубокое убеждение...» Нет, все равно это ему категорически не понравилось. Редер огляделся, но Ларкин уже ушел.

— Неприятный сюрприз, не правда ли, сэр? — спросил ар-Рашид. На лице его словно бы застыла маска, под которой скрывался гнев.— Он так мало с лейтенантом общался, что мне просто интересно, когда у него такое резкое мнение успело сформироваться.

— Мне тоже,— отозвался Редер. «И раз уж на то пошло,— подумал он,— мне также интересно, что он так поздно вечером перед учениями делал на главной палубе».

— Питер!

Колебания Редера были скорее моральными, нежели физическими. Он не остановился, продолжая проталкиваться сквозь толпу матросов Торгового Флота, на лицах у которых ясно читалось, что это их первое увольнение после какого-то очень крутого рейса. Один из них пытался удерживать на бритой голове бокал пива, одновременно жонглируя тем, что сильно смахивало на яйца...

— Точно, яйца,— пробормотал Питер, когда одно из них с хлюпаньем разбилось о пол коридора рядом с его ногой.

— Эй, Редер, погодите!

Рука ухватила Питера за локоть; он замер и опустил на нее глаза. Его невозмутимое лицо лишь слегка помрачнело.

— Эй, приятель, зачем вы так? Позвольте, я все объясню. Ладно? — Серьезное лицо Ларкина выглядело еще невинней обычного.

Редер сжал губы и просто взглянул в голубые глаза квартирмейстера, сам не зная, что он там выискивает.

— Вы хотите мне что-то сказать? — ровным голосом осведомился он.

— Послушайте,— ломая руки, начал Ларкин,— я не мог вас предупредить, потому что сам не знал, что собираюсь это сделать.

— Очень проницательно с вашей стороны, Джон,— задумчиво склонив голову набок, отозвался Питер.— Вы сразу попали пальцем в одну из причин, почему меня от вас так воротит.

— Просто вы не так долго с ней работали,— вставил в свою защиту Ларкин.— Вы думаете, когда детали ко мне дефектными возвращаются, я просто их в коробку собираю и на полку кладу? Знаете, у меня тоже бюджет имеется. Я подошел к Окакуре и спросил: «Что нам с этим поделать?» А он предложил, чтобы мы

с его заместителем посмотрели, что нам удастся выяснить. Я пытался что-то делать, приятель, действительно пытался! Я совещания организовывал, я дважды весь свой персонал проверил, я всех своих людей допросил.— Теперь Ларкин уже выглядел воинственно и даже немного дулся.— А знаете, что она делала? Она или опаздывала, или вообще совещания пропускала, продолжала все от меня скрывать, жаловалась, что я ее преследую, и все в таком духе. Черт возьми, Окакура как-то на меня напустился, на меня, как будто мы с ним оба не офицеры, а все из-за какой-то ее дурацкой жалобы по поводу моей агрессивности. Моей агрессивности, Редер! Она четыре совещания пропустила! Ни объяснений, ни извинений, ничего. Я из кожи лез, а она со мной как с каким-то ничтожеством обращалась. А у вас на моем месте в конце концов терпение бы не лопнуло? — Он встал перед Питером, уперев руки в бока и тяжело дыша.— И никто, кроме меня, этого делать явно не собирался. Это было нелегко, и я вовсе этим не горжусь, но это было необходимо!

Редер переложил свой портфель из одной руки в другую.

— Так это извинения или как? — спросил он.

— Это не извинения за то, что я сказал то, что должен был сказать,— спокойно произнес Ларкин, глядя Питеру прямо в глаза.— Но это извинения за то, что я не смог по-честному вас предупредить.— После некоторых колебаний он протянул ему руку.

Питер посмотрел на нее, немного поразмыслил, затем пожал. «Черт с ним,— подумал он.— Конечно, я им недоволен, но если это его честное мнение, основанное на прошлом опыте, который мне не случилось с ним разделить, тогда мне будет не слишком комфортно зло на него таить. В конце концов, честный квартирмейстер — птица просто редчайшая. Пожалуй, такую породу следует всячески хранить и оберегать».

Ларкин заулыбался как ребенок, которому на день рождения подарили сверкающий велосипед.

— Я тут пришел свой голос к вашему прибавить,— сказал он, указывая на коридор, ведущий к Базовому складу.— Я также собираюсь рапорт по нашей проблеме с неисправными запчастями передать.

— Отлично! — от души порадовался Редер. «Только никаких неожиданных разоблачений на предмет моей натуры, ага?— мысленно добавил он.— Этого я уже не прощу». Его самого на Базовом складе, скорее всего, ожидал предельно холодный прием. Складские работники обычно не слишком прикипали сердцами к тем, кого вот-вот могли под трибунал отдать. «Если у них вообще сердца имеются»,— подумал Питер.— Ради всего святого, попробуйте их за вымя пощупать,— сказал он Ларкину.— У меня такое впечатление, что меня там совершенно не любят.

— Это потому, что вы тайного рукопожатия не знаете,— с ухмылкой объяснил квартирмейстер.— Я вас потом научу.

«Ну вот, хоть этот камень с души долой,— подумал Питер, шагая дальше.— Только сомневаюсь, что лейтенант Роббинс тоже этому порадуется».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Редер с поникшей головой вошел в ресторан Паттона. Он не заметил ни латунных горшков с неярко светящимися цветами, что сползали вниз точно живой огонь, ни фальшивого дерева и штукатурки, придававших этому заведению облик «старой доброй пивной». Так и не подняв головы, Питер просто доплелся до метрдотеля. Ресторан был полон, так что он оставил метрдотелю свою карточку и прошел в менее людный, роскошно-архаический бар. Там в глазах рябило от форменной одежды, и облаченные в нее люди в основном обменивались чем-то радостным и откровенно оптимистическим. Содружество выиграет войну — в этом мало кто сомневался,— а продвижения по службе станут тем временем более частыми и резкими.

Питер с тяжким вздохом устроился на табурете. «Терпеть не могу похорон,— подумал он, подзывая к себе бармена.— Даже когда кого-то знакомого хоронят. А уж когда незнакомого...» Чужое горе ощущалось острее, когда у тебя не было собственного, чтобы на него отвлечься. Питер всегда чувствовал себя таким беспомощным и пристыженным перед болью осиротевших незнакомцев.

«И ведь нет ни одной банальности,— подумал он,— которой ты можешь хоть как-то утешить родных абсолютно здоровой молодой женщины, которая погибла вот так, без всякой на то причины».

— Ich hatt ein kamerad,— пробормотал Питер себе под нос. Старинная армейская поговорка, много старше космических полетов: «Был у меня товарищ».

Ты скверно себя чувствовал, когда это случалось с кем-то из твоих приятелей, но уж такая у них была работа. В этом была своя логика, разумное зерно.

Редер даже не мог сказать: «Ну что ж, она не страдала» — или, того хуже: «Не волнуйтесь, она так ничего и не успела понять». Тут вышла даже не потеря в бою, а глупый несчастный случай... или подлое убийство.

Дочка Лонго вложила маленькую ладошку в его ладонь и с вызовом сказала:

— Я хочу стать пилотом. Как мама.

— Элли! — тут же предостерег ее отец. Затем он взглянул на Редера, и глаза его были мертвыми от усталости и боли утраты.— Мы ее в этом не поощряем,— твердо сказал он.

«Еще бы,— подумал Питер.— Очень даже понимаю». Затем он перевел взгляд обратно и понял, что смотрит прямо в серьезные и решительные глаза Элли. «Но только если бы вы пыта-

лись солнечный луч в консервной банке хранить,— тут же решил он,— вам бы и то больше удачи светило». Ибо если была на свете девочка, обреченная реализовать свою детскую мечту, то этой девочкой была Элли Лонго.

Затем вдовец, поняв, судя по всему, кто перед ним стоит, умышленно проигнорировал протянутую руку Редера и вместо этого обменялся рукопожатием с кем-то за спиной у коммандера.

Редер медлил ровно столько, чтобы вся эскадрилья успела облить его холодным презрением. Затем он ушел. «Ладно,— подумал он.— Это я тоже очень даже понимаю». Но радости от всего этого он, мягко говоря, не испытывал. Более того, это уже начинало его злить.

«Черт возьми,— думал Питер,— я знаю, что я невиновен. Я чертовски уверен, что Роббинс тоже невиновна и что ар-Рашид чист как стеклышко. Что оставляет мне весьма широкое поле выбора». К примеру, не было ли все это, как уже предположила Синтия, «жизнью втроем» или какой-то более простой формой вражды между Гивенсом и Шелдоном?

Тут Питер с отвращением поморщился. «Проклятье,— подумал он,— от таких мыслей все мозги грязными кажутся. Гивенс, конечно, фрукт еще тот, но на холодного убийцу он никак не тянет. Шелдон тем более. А марать репутацию Лонго вообще дело последнее. Пусть даже это только у меня в голове происходит. Итак, отбросим этих троих, и тогда останется... Ларкин. Ларкин?»

Редер сел прямее. «Точно,— подумал он.— Его имя нигде не фигурировало. Он все время был где-то с краю, ничего такого вроде бы не делая, но тем не менее постоянно присутствуя. К примеру, на полетной палубе в полночь...» Питер немного поиграл с этой идеей, находя в ней определенные перспективы. «Надо бы мне в связи с квартирмейстером небольшое расследование провести,— подумал он.— Вообще-то Джон мне нравится, но... Откровенно говоря, он единственный, кого мне подробно изучить осталось. А значит, с него вполне можно начать...»

— Боже мой! — сказала какая-то женщина бармену, садясь на табурет.— А здесь сегодня людно.

— Да, сегодня много работы,— отозвался бармен, протирая перед ней стойку в ожидании заказа.— Только что два штурмовых транспорта прибыли.— Вокруг действительно была масса народу в зеленой десантной униформе.

— Джин-тоник с лимоном,— сказала женщина.— Вообще-то я голодна. Надеюсь, долго ждать не придется.

Редер окинул ее взглядом. Высокая, стройная, с тонким интеллигентным лицом и кудрявыми рыжеватыми волосами, коротко подстриженными. «Где-то я ее видел,— подумал он.— Должно быть, на «Непобедимом». База «Онтарио» родной для нее не кажется». А на авианосце, с другой стороны, шесть тысяч с лишним человек находилось.

«Да, похоже на то»,— подумал Питер, слегка недовольный собой, после чего впервые взглянул на ее знаки различия. Женщина оказалась капитан-лейтенантом, пилотом, и имела нашивку разведки. «Скорее всего, она нашими „психами" командует»,— решил он. Название разведывательного подразделения ПСИХИ расшифровывалось как Проникновение, Слежение, Исследование и Хранение Информации. Более неподходящую аббревиатуру даже при желании придумать было сложно. И тем не менее всем очень нравилось их так называть. Возможно, потому, что пилоты «психов» на самом деле никакими психами не были. Напротив, они были исключительно выдержанными людьми, рядом с которыми пилоты «спидов» просто маньяками казались. И с их машинами тоже было куда меньше проблем. Прежде всего потому, что пилоты «психов» сами же их обычно и ремонтировали.

— Я уже довольно давно метрдотелю свою карточку оставил,— сказал Редер женщине.— Так что очень скоро столик получу. Если вы не против, присоединяйтесь.

Капитан-лейтенант обратила на него серьезные карие глаза и удивленно приподняла брови.

— Мои родители всегда меня насчет приглашений от незнакомцев серьезно предупреждали,— сухо отозвалась она.

Питер рассмеялся.

— Я вовсе не предлагаю вас угостить,— сказал он,— я лишь предлагаю разделить столик. Мне неприятно будет думать, как вы тут голодаете, пока я буду себе живот набивать. Особенно когда решение...— Тут он развел руками.

— Разделить столик,— подсказала она.

— Разделить столик,— согласился Питер,— такое простое и очевидное.— Обратив на нее свои синие глаза, он улыбнулся.

Капитан-лейтенант какое-то время просто на него смотрела, а затем вдруг тоже улыбнулась.

«Улыбка у нее просто убийственная»,— подумал Редер, совершенно очарованный.

— А что, этот взгляд потерявшегося ребенка обычно работает? — поинтересовалась она.

Редер вздрогнул и почти почувствовал, как щеки его заливаются краской. «Ого! — подумал он.— А она леди хоть куда. И язычок у нее острый». Тогда он положил искусственную руку себе на сердце.

— Но я и правда потерявшийся мальчик-певчий из церковного хора,— жалобно протянул Питер.— Один тут среди звезд. Таким вот верзилой вырос, но невинность так и не потерял.— Тут он выдал ей взгляд, который его матушка обычно «щенячьими глазками» называла.

Женщина прыснула, а затем махнула на него рукой.

— Прекратите! Перестаньте на меня так смотреть! Я не выдержу.— Смеясь, она отвернулась.

— А если я не буду на вас так смотреть, вы со мной столик разделите? — спросил Питер, принимая идиотично-умоляющий вид.

Закрыв глаза, она воскликнула:

— Да, конечно! Только прекратите! Хорошо?

— Хорошо,— сказал он, садясь прямее и ухмыляясь.

Капитан-лейтенант открыла один глаз, а затем, убедившись, что все в порядке, открыла другой и заметно расслабилась. Она глотнула джин-тоника, но стоило ей опять повернуться к Редеру, как на лице у него появилось выражение потерявшейся и страшно удрученной гончей. Брошенной под дождем. В глухую полночь. В свой день рождения.

— Не-ет! — простонала она, отворачиваясь и безудержно хохоча.

— Ладно,— сказал он, тоже смеясь.— Я больше не буду. Обещаю.

— Коммандер Редер,— вдруг объявил надменный голос.— Ваш столик готов.— Метрдотель в смокинге ожидал у двери, что вела в ресторан.

— Ну так как? — спросил Редер, соскальзывая с табурета.— Мы идем?

Но женщина теперь уже совсем по-другому на него смотрела, настороженно и почти шокированно.

— Идемте,— тихо сказал он.— Я не кусаюсь. И обещаю — никаких больше щенячьих глазок.

Тут она слегка улыбнулась.

— Вы так это называете? Знай про это мокаки, они бы нас за неделю раскатали.

— Да, но это бы от них чувства юмора потребовало, а они его начисто лишены.— Он подал ей руку.

Капитан-лейтенант сжала губы, тщетно пытаясь спрятать улыбку, и спрыгнула с табурета, чтобы вместе с Редером направиться вслед за явно нетерпеливым метрдотелем в ресторан.

Когда они остались наедине, капитан-лейтенант подалась вперед над столиком и негромко сказала:

— Послушайте, коммандер, вам кое-что следует знать.

— Что вы на «Непобедимом» служите? — спросил Редер и кивнул.— По-моему, я уже вас встречал. Но вот вашего имени я, к сожалению, не припомню.

Она подняла брови и задумчиво склонила голову набок.

— Я Сара Джеймс,— сказала она.— У меня под командой все семь «психов», которые у нас на борту.

— Мне так неловко,— отозвался Редер.— Я должен был это знать.— Тут он вздохнул и покачал головой.— Но на капитанском обеде вас не было.

— Верно,— кивнула Сара.— Меня в тот вечер вообще на борту не было. Я ускоренный курс по новому инфракрасному

визору заканчивала.— Она взволнованно подалась вперед.— Пока вы эту штуковину не увидите, вы просто не поверите. Какой диапазон! А чувствительность! — Сара восхищенно покачала головой.— Я ни с чем подобным никогда в жизни не работала.— Тут она вздохнула.— Но я понятия не имею, когда мне это чудо на борт поставят.

Редер улыбнулся ее энтузиазму.

— А вид у вас голодный,— заметил он.— Но не для обеда.

Сара уморительно оскалилась и зарычала, затем рассмеялась.

— Да я своего первенца отдам, только бы эту систему заполучить.

— Не будьте так уверены,— предостерег ее Редер.— К тому же я сомневаюсь, что здесь когда-то станут брать тех первенцев, которые еще из подгузников не вылезли. Здесь обычно берут лет девятнадцати или около того.— Она хихикнула, и звук этот необычайно Питера порадовал.— Впрочем, мы здесь на границе; возможно, высокое начальство как раз нам эту штуку и предназначило.

— Бросьте,— возразила Сара.— Когда высокое начальство такую классную игрушку получает, ему всегда приятно какое-то время самому с ней понаслаждаться.— Она добродушно пожала плечами.— Остается только надеяться, что к тому времени, как она ко мне в руки попадет, я не забуду все, что про нее узнала.

Инженерное образование Питера и непосредственно связанная с техникой работа Сары обеспечили им солидную общую почву, так что на протяжении всего обеда они от души наслаждались разговором. По обоюдному согласию они избегали обсуждать недавние неприятности, которые раньше времени вернули их на базу «Онтарио».

Когда обед был закончен, а счет оплачен, Редер спросил:

— Не позволите ли проводить вас на борт «Непобедимого», мэм?

Сара поежилась.

— Уже очень давно никто меня до дому не провожал,— с улыбкой отозвалась она.

— Вообще-то, как потерявшийся мальчик-певчий, на самом деле я вашей защиты ищу. Надеюсь, вы меня не бросите,— сказал он и предложил ей руку.

— Послушайте,— несколько озабоченно заметила она,— я не знаю, как капитану понравится, что мы с вами под руку идем.

«Вот те на»,— подумал Редер.

— Извините,— сказал он вслух.— Просто мне на мгновение показалось, будто я штатский. Так всякий раз бывает, когда я шоколадный мусс ем. Лучше мне от него воздерживаться.

— По крайней мере, пока вы в отставку не уйдете,— согласилась Сара. Затем она кивком головы предложила ему выйти на «улицу».

Ресторан Паттона располагался в гражданском секторе станции, в коридоре, который явно знавал лучшие времена и в процессе военного бума еще не был толком заново заселен. Превосходная еда и обслуживание Паттона по-прежнему привлекали клиентуру, в основном военных, однако яркие огни ресторана оставались единственным ярким маяком в ночи станции. Большая часть в прошлом шикарных и процветающих магазинов была закрыта или превращена в военные склады. Даже когда станция находилась в своей дневной фазе, эта зона была практически безлюдна.

Редер сдержал отрыжку. Каждое отдельное блюдо, от супа до десерта, было превосходного качества, но взятые вместе... Пожалуй, ему следовало заказать семь унций деликатесной грудинки, а не двенадцать. С другой стороны, с завтрашнего дня ему опять предстояло перебиваться корабельной пищей.

— Прогуляемся? — предложил он.

— Давайте,— согласилась Сара.

Так поздно «ночью» на станции даже их шепот гулко отражался от стен, пока они шли вперед, а шаги вообще звучали как продвижение небольшой армии. Время от времени мимо проплывали магнитные тележки — некоторые из них были пилотируемыми, но большинство автоматическими. Маленькая машинка всякий раз бесшумно их огибала и вскоре исчезала на отдалении. Чем дальше в сторону военного сектора они уходили, тем темнее становились коридоры.

— Что-то здесь совсем лампы не горят,— заметила Сара, глядя на потолок.— Пожалуй, нам стоило такси вызвать.

— Ага,— с неловкостью согласился Редер.— Не помню, чтобы раньше здесь так темнело.

Сара недовольно хмыкнула, и легкие морщинки отметили ее высокий лоб. Затем она с хрустом наступила на битый стеклопластик. По его форме было понятно, что это кусок колпака от неработающей лампы верхнего света. Хруст прилетел обратно откуда-то издали, но уже совсем на другой ноте, почти как рычание.

В одном из боковых коридоров послышалось какое-то шарканье. Похоже, там кто-то был.

— Как у вас с навыками самообороны? — спросил Редер, когда они с Сарой инстинктивно встали спина к спине. Затем они продолжили двигаться к контрольно-пропускному пункту, вглядываясь в темноту, которая словно бы сгущалась по мере их приближения к цели.

— Довольно неплохо,— небрежно бросила Сара.

«Это, полагаю, как „просто блестяще" переводится,— подумал Редер.— А вот как у меня — не знаю». В свое время он был очень хорош; реакция и координация у него были природные, и тренировками он всегда наслаждался. Но все это было до того, как он руку потерял. Теперь Питер даже не очень себе представлял, станет это

в драке преимуществом или помехой. У врачей он как-то забыл об этом спросить. Ему просто сказали, что рука «достаточно прочна для нормального использования». Питер представил себе, как он кого-то бьет, а рука взрывается искрами и огнем. «Порой я свое богатое воображение просто ненавижу»,— скорбно подумал он.

Слева, примерно с высоты двух метров послышался глухой смешок, а потом словно бы хлопок крепкой мозолистой ладони по куску водопроводной трубы, тогда как справа донеслось негромкое, но активное шарканье.

— Вы ведь безоружны, не так ли? — спросил он.

— Точно,— согласилась Сара.— Зато вы наверняка вооружены.

— Только в том смысле, что словарь у меня побогаче, чем у этих парней.

Наконец бандиты выступили из тьмы в мутный свет главного коридора. Их было четверо. Все они обладали такими выпуклыми мышцами, которые даже высокого мужчину заставляют казаться приземистым. Никакого энергетического оружия у них, похоже, не имелось. «И шей тоже»,— подумал Питер. В руках они держали полуметровые куски водопроводных труб, а один лениво крутил длинной цепью, явно намекая на то, что в совершенстве ею владеет.

«Черт побери,— подумал Питер,— где эти громилы такую оснастку раздобыли? Тут что, специальный магазин открылся? Лично у меня, когда надо, никогда под рукой хорошего куска трубы не оказывается».

— Плохи наши дела,— пробормотала Сара.

— Не так плохи, как я думал,— отозвался Редер.— Всего двое вам и двое мне.

— Так вы и их разделить хотите? — проворчала она.

— Мама меня всегда делиться учила,— ответил он.

Компания молча на них надвигалась. Ни угроз, ни насмешек, ни требования денег. Они подходили осторожно, но без малейших признаков того зловещего уголовного заигрывания, которое так часто по видику показывают.

На одно мгновение в голове у Редера мелькнула недостойная мысль о том, что этих людей могли нанять Гивенс или Шелдон. Но он тут же ее отбросил. Оба они были слишком прямодушны, чтобы таких качков нанимать. Если бы они захотели пересчитать Редеру ребра, они оставили бы эту привилегию себе.

«Так, быть может, это вовсе не направлено на меня? — подумал он.— Может быть, это просто случайность?»

Надвигающиеся на них бандиты приняли решение. Тот, что с цепью, и один с трубой явно выбрали Редера, а двое других стали подбираться к Саре, но один из них держался чуть позади, тоже поглядывая на коммандера.

Это была ошибка. Сара увернулась от мужчины, который стоял к ней лицом, а затем быстро шагнула вбок. Ее длинная нога резко взметнулась, и ботинок попал бандиту точно по горлу. Ударила

она не в полную силу, поскольку шея не сломалась, зато бандит, задыхаясь и отплевываясь, осел на пол.

— Сука! — рявкнул другой мужчина и замахнулся куском трубы.

— Плохо работаешь,— спокойно сказала Сара и еще раз ударила ногой, но уже пониже. Каблук ее ботинка мягко вошел ему в пах. Мужчина упал на колени, боль так его скрутила, что он даже ни звука не издал.

Редер наблюдал за своей парочкой, пока она приближалась. Бандит с цепью по-прежнему ее крутил, ловко перебрасывая из одной руки в другую. «Вот черт,— подумал Питер.— Хорошая цепь может даже тяжелого дегенерата опасным сделать. И раны от нее скверные. Надо бы мне оружие раздобыть».

— Привет, оружие,— сказал он, бросаясь на мужчину с куском трубы. Неловкий удар трубой дал Питеру возможность захвата, и его искусственная рука отлично с этим справилась. Даже лучше, чем отлично; тот самый приток силы, который нещадно бил стаканы, быстро размолол мелкие кости в кашицу. Физиономия бандита побагровела, и он онемел от боли. Продолжая движение, Редер упер подошву ботинка в подмышку раненому мужчине и резко толкнул, одновременно отпуская его запястье.

Обезоруженный бандит полетел прямо на своего товарища. Тот мигом бросил свои фокусы с цепью, попытался увернуться, но безуспешно — и они единой грудой покатились по полу, а цепь словно бы сама собой вовсю их хлестала.

Редер спокойно подошел к стянутой цепью парочке, схватил обоих бандитов за волосы и со всего размаха столкнул лбами. В коридоре аж посветлело от искр.

«По видику это всегда очень эффектно выходит,— подумал Питер, желая убедиться, как это в реальной жизни получится.— В точном соответствии с рекламой»,— радостно заключил он, когда двое мужчин вяло растянулись на полу.

Он повернулся посмотреть, что там поделывает Сара, и очень вовремя, ибо в тот самый миг носок ее ботинка изящно соприкоснулся с подбородком стоящего на коленях бандита. Глаза у того совсем потускнели, и он с красивой неспешностью опрокинулся навзничь.

— Блестяще, мэм,— от души похвалил Редер.

— Спасибо на добром слове,— отозвалась Сара.

Сара взглянула на лежащего перед ней мужчину, затем подошла к другому, которого она вырубила первым. Она склонилась к нему, затем ахнула и резко выпрямилась.

— О Боже! Он мертв! — в ужасе выдохнула она.

Редер присел и проверил пульс у мужчины на горле.

— Да, действительно,— сказал он, вставая.— И мы тоже будем мертвы, если в темпе отсюда не уберемся.— Живые бандиты уже начинали шевелиться.

Сара перевела дыхание и оторвала глаза от убитого ею человека.

— Да,— мрачно согласилась она.

Питер взял ее под руку и повлек за собой. По-прежнему хмурясь, Сара окинула всю сцену последним взором, покачала головой и позволила ему себя увести.

Она какое-то время молчала, затем сказала:

— На меня уже пару раз нападали.

— Прискорбный факт,— отозвался Редер, разглядывая ее задумчивое лицо.

— Но здесь было совсем по-другому. Обычно бывает масса всяких заходов типа «эй, крошка» и тому подобного. Они вроде как друг друга подначивают. Потом ты делаешь им бо-бо, и они отстают.— Она покачала головой.— А эти ничем таким не занимались. Они как будто работали. Словно бы им дали задание, и они его выполняли.— Сара взглянула на Редера, пытаясь понять, что он по этому поводу думает.

— У меня тоже такое впечатление создалось,— согласился он.— Вот только я не могу придумать никого, кто бы на это решился.

— А ведь они за вами пришли,— сказала Сара, подталкивая его в бок.— Вы тут главный злодей.

— Да, это мои позывные,— с удовольствием согласился Редер.— Как вы догадались?

— Так вы пилот? — Она явно удивилась.

«Очевидно, капитан-лейтенант до сегодняшнего вечера знала обо мне не больше, чем я о ней,— подумал Питер.— Надо бы как-то этот пробел восполнить».

— Ага,— подтвердил он.— Еще год назад я на «спиде» летал. Потом я был ранен.— Он показал ей искусственную руку.— Пришлось переквалифицироваться.

На лице у Сары появилось выражение человека, которому его знакомый только что свою любимую жабу представил.

— А что такое? — спросил Редер, чувствуя неловкость.

— Да нет, ничего,— быстро ответила Сара.— Просто мне... обычно я с пилотами «спидов» не лажу.

— В самом деле? — откликнулся Редер.

— Да,— сказала она, по-прежнему стараясь быть вежливой.— Они от нас, от «психов», очень отличаются. Совсем другая порода.

Все время, пока она говорила, Питер чувствовал ее отчуждение и был этим не на шутку смущен и раздосадован.

— Но, капитан-лейтенант,— осторожно возразил он.— Меня самым капитальным образом усмирили. Я физически неспособен на «спиде» летать. Чего вам еще нужно?

— Бросьте! — вдруг огрызнулась Сара.— Нечего приписывать мне слова и мысли, которых у меня и в помине нет. Если хотите себя пожалеть, я вам тут не помощница.

«Мои поздравления, Редер,— подумал он, глядя, как она уходит.— Твой мальчишеский шарм еще одно чудо сотворил».

Он пустился следом, и через несколько мгновений ее догнал. Но Сара смотрела прямо перед собой, и глаза ее искрились гневом. Да и Редер вдруг понял, что слишком устал для продолжения разговора. «День был длинный и напряженный,— напомнил он себе.— Возможно, ты просто что-то не то сболтнул».

Хотя глубинный инстинкт подсказывал ему, что молчание тоже может быть неверно истолковано.

«О Господи,— подумал Редер,— все это так запутанно. Я просто хочу лечь в постель. А мир с его проблемами пусть куда подальше катится».

Редер сбросил второй ботинок и ненадолго присел на край койки, слишком усталый, чтобы так сразу снять носки. Они с Сарой доложили о нападении на гражданской стороне КПП, после чего со всем подобающим сочувствием оказались втянуты в тот самый бюрократический кошмар с заполнением всевозможных бланков, который так часто в художественных фильмах о дегуманизации человечества показывают.

Сотрудники гражданской службы безопасности казались так искренне расстроены инцидентом, что без конца продолжали извиняться и восклицать. Однако Редер поверил в их искренность, только когда они сказали:

— Здесь такого просто не бывает. Сами подумайте, куда им отсюда сбежать?

«Действительно,— устало подумал Питер,— куда?»

Они с Сарой приняли любезное предложение проводить их до корабля, после чего расстались с измученными пожеланиями доброй ночи, кривыми улыбками и неловкими жестами. Спать им до очередной вахты оставалось совсем немного.

«Ладно,— подумал Питер,— она уже взрослая девочка. И наверняка не нуждается в моей помощи, чтобы свою койку найти». Но все же компания Сары очень ему понравилась. И он искренне сожалел, что между ними вдруг такая кошка пробежала. «А, к черту,— подумал он затем.— Мне что, больше подумать не о чем? — Тут Питер потер лоб.— Если бы я только мог думать».

Тут затрезвонил интерком. Он опустил стол и нажал на кнопку. На тонком стенном экране появилась одна из сотрудниц службы безопасности станции, и Питер подавил мучительный стон.

— Простите, что так поздно вас беспокою,— сказала она,— но я подумала, что вы захотите это узнать. Убитый человек работал здесь грузчиком. Его документы оказались очень хорошей подделкой, иначе, уверяю вас, его бы на станцию не допустили. Хотела бы я вам больше рассказать.— Женщина развела руками.— Но не похоже, что он с кем-то связан. Компания, на которую он работал, как раз должна была его уволить. А отсюда вытекает, что он автоматически отправился бы домой. Домой в

данном случае означает — на Каттавасию.— Холодный маленький аванпост, прежде всего известный своей заброшенностью.

— Когда ему предполагалось отбыть? — спросил Редер.

— Завтра,— с мрачным видом сообщила женщина.

— А вы не могли бы...

— Проверить, нет ли на борту кого-то из его компаньонов? Да, сэр, мы об этом подумали,— натянуто кивнула она.

— Извините,— сказал Редер.— Я слишком устал, чтобы кому-то советы давать.

— Доброй ночи, сэр. Надеюсь, завтра мы сможем больше вам рассказать.

Он лишь махнул рукой и нажал кнопку отмены. А потом боком повалился на койку и заснул раньше, чем его голова шлепнулась на подушку.

— Дебилы! — орал человек в маске.— Идиоты, кретины! Еретики! Что было в ваших жалких мозгах?

— Мы хотели как лучше, Приближенный,— сказал Ступс Грехобор. Он злился на себя за низкопоклонство, но его страх одолевал злость. Приближенный мог приказать ему покончить с собой, и он был бы вынужден это сделать — или вечно страдать от адовых мук.— Нам представлялось, что смерть этого офицера была бы в высшей степени деморализующей.

— Верно, была бы,— подтвердил Приближенный.— Но она также была бы в высшей степени подозрительной! — Последнее слово он уже просто проревел.— Наши враги далеко не такие безмозглые! — Подразумевалось, что Грехобор именно такой.— Когда они видят, что два офицера с одного и того же корабля, занятые на одном и том же посту, буквально один за другим встречают смерть, они об этом крепко задумываются. Не так ли, Ступс?

Высвеченная экраном фигура в маске и плаще с капюшоном сделала паузу, и Грехобор обиженно пробормотал:

— Так точно, Приближенный.

— Большое спасибо, что согласились,— оскалился Приближенный. Темная фигура взяла еще одну паузу, а затем прошипела: — Этот офицер — моя забота. Так же как и «Непобедимый» — моя задача, а не ваша. Эту задачу я должен выполнить так, как сочту нужным. Вам понятно?

— Так точно, Приближенный.

— Хо-ро-шо. Разумеется, об этом инциденте будет доложено Толкователям.

Грехобор лишь охнул и умоляюще поднял руки.

— Результаты, а не намерения — вот что приводит нас в рай,— наставительно заметил Приближенный.— Вы должны молиться, Грехобор. И если ваши молитвы будут услышаны, нака-

зание несомненно будет легким. Но отныне и вовек, Ступс, не попадайтесь мне на глаза.

Экран потемнел, а Грехобор остался стоять, весь дрожа, нижняя его губа неуправляемо дергалась. Наконец он не выдержал и упал на колени, горько рыдая о том наказании, которое теперь ему полагалось. В любом случае оно должно было стать ужасным. И куда большим, нежели он заслуживал.

— Покарай меня, о Всемогущий,— пробормотал он, проводя языком по вдруг пересохшим губам в смятении чувств, которое его разум отказывался распознавать.— Сделай меня достойным. Покарай меня, покарай!

Редеру казалось, что он дрожит, но когда он украдкой взглянул на свою левую руку, никаких признаков дрожи он там не увидел. Тем не менее под кожей ощущалось какое-то неприятное подрагивание. Он оглядел залу суда. Все здесь настолько не изменилось, что прошедшая ночь могла показаться кошмарным сном.

Не считая, правда, того, что теперь Питер узнал капитана-лейтенанта Сару Джеймс, которая встретила его взгляд с холодным профессионализмом и лишь едва заметно улыбнулась, прежде чем отвести глаза. Тогда он снова повернулся к передней части залы и со вздохом подумал: «Краткая идиллия закончилась».

— Встать, суд идет! — рявкнул судебный пристав. Все немедленно встали по стойке «смирно». Тренированные нервные системы откликались еще раньше, чем мозги распознавали команду.

Комиссия вошла в залу и торжественно расселась. Дальше последовала краткая пауза, как будто никто не хотел говорить. Затем вице-адмирал подняла на аудиторию холодные глаза.

— Ввиду недостатка неопровержимых доказательств какого-либо должностного преступления,— осторожно произнесла она,— настоящая комиссия вынуждена сделать заключение о существовании обстоятельств, неизвестных в связи с расследованием данного инцидента. Заключенную, второго лейтенанта Синтию Роббинс, приказывается освободить из-под стражи. Она может вернуться к исполнению своих обязанностей. Благодарим всех за данные показания.— Она стукнула молотком по столу.— В заседании настоящей комиссии объявляется перерыв.— Члены комиссии дружно встали, вид при этом имея такой, как будто только что смертный приговор вынесли, и молча вышли из залы.

Редер, как и все остальные, встал вместе с комиссией, но был во многих световых годах от всего окружающего. А до того момента он представлял собой почти идеальное записывающее устройство. Туманную фразу про «неизвестные обстоятельства» он перевел как «мы знаем, что вы виновны, но не можем этого доказать». И счел той черной меткой, которая ставила жирный крест на его карьере.

«То есть,— подумал он,— если только я не сумею выяснить, кто эту диверсию со „спидом" Гивенса провернул,— все, игра закончена». Он чувствовал на себе глаза Роббинс, но в данный момент ему было не до нее. А сзади на него давили враждебные взоры эскадрильи. «Невиновен, ваша честь,— мысленно воскликнул Питер.— И я это докажу. Или умру».

«Непобедимый» закончил свой пробный полет при обстоятельствах, которые в мирное время привели бы его обратно в док. Но теперь время было военное, и никто не собирался позволять готовому боевому кораблю стоять в бездействии. Так что Редер вполне мог попытаться кому угодно что-либо доказать. Он также запросто мог умереть — если только все его попытки отыскать тех людей или того человека, который решил стать для «Непобедимого» злым гением, оказались бы безуспешными.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Наша боевая задача, дамы и господа, ведет нас к системе ХНО-67,— сказал капитан Каверс, оглядывая сидящий за столом старший офицерский состав «Непобедимого».— А это означает, что данная система представляет собой непригодный для колонизации кошмар.

Места, которые топографические команды оставили без названий, в целом встречались. Даже внешне неисчерпаемая земная мифология и история не могла обеспечить названием каждую звезду.

Капитан тронул несколько клавиш, и в центре стола ожил голографический дисплей. Перед ними крутилась планета с восемью спутниками и тонким экваториальным кольцом, составленным из таких крупных кусков камня и льда, что некоторые казались крупнее отдельных спутников.

Планета представляла собой газовый гигант намного крупнее Юпитера. На самом деле она была пограничной протозвездой, затянутой ярко-алыми и оранжевыми облаками, где временами попадался кобальтово-синий грозовой центр, по краям светлеющий до цвета электрик.

«Не иначе пицца, про которую время забыло»,— подумал Редер.

— Система расположена между Содружеством и территорией мокаков. На самом деле она немного ближе к нам. Некоторое время тому назад нам стало известно, что это передовой подслушивающий пост, и, откровенно говоря, несколько сочных кусков дезинформации мы через него все-таки мокакам скормили.

Голос капитана ярко продемонстрировал достойную оценку успехов в этом деле контрразведки Содружества. Космический Отряд пока что выигрывал в этой войне все непосредственные

сражения, а вот в теневой шпионской войне удачи и провалы делились примерно поровну.

— Но, как говорится, хорошего понемножку. На этих проклятых кораблях прорыва блокады они запускали в наш космос своих агентов. Хуже того, есть серьезные основания полагать, что независимые пираты, которые грабят наши конвои, тоже там базируются.— Каверс снова оглядел всех сидящих за столом.— Можете себе представить, какое у кораблей прорыва блокады в таком окружении привольное житье.

«Да,— подумал Редер,— так они могут массы лишних транзитных прыжков избежать. А каждый избегнутый прыжок означает избегнутый таможенный крейсер. Хотя их там не так много и осталось. Ровно столько, чтобы заставить врага задуматься. Таможня никогда солидного бюджета не имела, а последний Конгресс Содружества урезал даже то, что она получала до войны. Идея была в том, что кратковременная строгость скорее к долгосрочному миру приведет».

— Вот тот спутник, который нас интересует,— сказал Каверс.

Компьютер тут же выбрал один из спутников и увеличил его в размере, тогда как весь остальной дисплей сжался. Ниже появился небольшой параграф текста, где констатировался размер спутника, его гравитация и примерный состав, а также давалась ссылка на разреженную атмосферу из азота, водорода и синильной кислоты.

«Мерзлый кусок грязи размером с Марс»,— подумал Редер.

— Разумеется, вся наша информация получена с весьма далекого расстояния,— объяснил капитан.— Однако в целом нам удалось зафиксировать расположение мокакской базы.— На серовато-коричневой поверхности спутника вспыхнул огонек.— Но это почти все. Мы зарегистрировали местные транспортные потоки, которые за последние несколько месяцев заметно возросли. Но поскольку мы никак с этими потоками не пересекались, мы не знаем, что идет туда, что наружу, а что остается на базе.

Сложив руки перед собой, он в очередной раз оглядел сидящих за столом, и глаза его скользнули по Редеру.

— Нам предписано сопровождать десантный транспорт «Неутомимый», капитаном которого является Марион Нил. Ее десантникам предстоит взять базу. Нас будут поддерживать два истребителя, «Радклиф» и «Метьюрин».— Он ухмыльнулся, заметив, как его подчиненные заулыбались при упоминании этих двух любимых имен из классической английской литературы.— Под командой капитанов Игоря Каминского и Терри Хьюза соответственно. Нашей задачей-минимум является нейтрализация вражеской базы и сбор разведданных. Нашей задачей-максимум является взять базу и сохранить ее для дальнейшего использования Космическим Отрядом.

Я хочу подчеркнуть, что данное задание станет решающим экспериментом по опробованию новых легких авианосцев класса

«Непобедимого». Содружество нуждается в этих кораблях, а потому жизненно важно, чтобы этот эксперимент удался. Мы быстроходнее флотских авианосцев, мы меньше подвержены риску, а также, что сейчас самое главное, мы потребляем меньше горючего. Следовательно, это задание должно быть выполнено идеально.

На сей раз его глаза намеренно нашли Редера и задержались на нем.

— Никаких несчастных случаев, никаких сбоев. Иначе эта программа будет закрыта прежде, чем у нее появится шанс.

«Ну вот,— подумал Редер,— теперь я знаю, что стоит на кону. И что все наши успехи во многом лежат на моих хрупких плечах. Вот спасибо, капитан. Но это также означает, что черная метка, полученная на базе «Онтарио», не только мне адресована. Я должен найти диверсанта.

Но как можно выделить одного человека из пятисот с лишним подозреваемых? Или здесь целая команда работает? Ох, прекрати, Редер, так и с ума сойти можно».

— Есть вопросы? — прорычал Каверс.

Все дружно замотали головами.

— Тогда идите и подготовьте ваших людей. Перед точкой Транзита будет еще одно совещание. Все свободны,— сказал капитан.

Внешне на главной палубе все шло как надо. Работа делалась, люди ходили туда-сюда, пусть даже с какой-то неловкой скованностью. В следующие двое суток два новых «спида», затребованные на базе «Онтарио», прошли тщательный осмотр. Их проинспектировали все соответствующие команды обслуживания, включая и те, что занимались «психами». Затем их заново осмотрели команды, которые уже знали, что другие команды их проверили. И, разумеется, после каждой нештатной инспекции Редер лично их изучал. Пока ему не пришла в голову блестящая идея поставить на каждый люк предохранительную печать, с большой неохотой предоставленную Уильямом Бутом. Эта печать гарантировала, что доступ туда дозволяется только коммандеру, лейтенанту Роббинс и пилоту.

Эта мера, похоже, несколько успокоила людей, поскольку, согласно самописцам печатей, никто больше не предпринимал попыток с этими «спидами» похимичить.

«Но мне очень не нравится тот факт, что все команды обслуживания друг другу не доверяют,— размышлял Редер.— Паранойя тут у нас просто невероятная. Целые романы можно писать».

Синтия оставалась все такой же блестящей и непостижимой, ар-Рашид — спокойным и деятельным, а Ларкин — шутливым и дружелюбным как никогда.

Когда Питер спросил квартирмейстера, что он делал той ночью на главной палубе, Ларкин ответил, что как раз его, Редера, там и искал.

— Мне показалось,— объяснил он,— что вы там совсем зарапортовались и что неплохо бы вас на кружечку пивка пригласить.

— На кружечку пивка? — недоверчиво переспросил его Питер.— В ночь перед учениями эскадрильи?

— Тогда на чашечку кофе. Идея была в том, чтобы вы прекратили так выматываться и смогли хоть немного отдохнуть.— И он с совершенно искренней улыбкой закивал своей блондинистой головой.— Я так прикидывал, что вы откажетесь от всего, что я предложу, но это поможет вам от стола оторваться. А то вы себе ни отдыху, ни сроку не давали.

«А он ни на что не намекал? — задним числом задумался Редер.— Скажем, что, в свете последовавшей катастрофы, я слишком уж от исполнения своего долга уклонялся? Или это просто встряска, чтобы мне уверенности в себе добавить? Которой у меня прямо сейчас не так чтобы в избытке,— с горечью подумал он и вздохнул.— Так или иначе, на поверхности у квартирмейстера никаких трещин не видно: он все такой же веселый, добродушный, отличный малый».

По крайней мере, проблема неисправных запчастей на данный момент практически отпала. Нет, разумеется, дефектные детали по-прежнему попадались, но в разумных количествах. «С этим уже можно жить»,— подумал Редер.

А вот с чем нельзя было продолжать мириться, так это с тем фактом, что все приказы лейтенанта Роббинс проходили перепроверку у ар-Рашида. Старшина посетовал на это Редеру, и он уже потихоньку начал намекать командам, что это против правил, процедуры и здравого смысла.

Те, с кем он переговорил, больше не отправлялись к старшине за подтверждением. Вместо этого они консультировались друг с другом, с другими командами или просто оттягивали выполнение приказов Роббинс до самого последнего момента. Добиваясь вполне предсказуемого результата в виде того, что работа все замедлялась и замедлялась.

«Это просто вопрос времени, когда у Синди по этому поводу пробки вылетят,— размышлял Редер, прикидывая, что же из упущенного им на курсах переподготовки могло привести к такому безобразию.— Не будь идиотом,— укорил он себя.— С тебя просто-напросто обвинений не сняли. И с Роббинс тоже.— Он сжал губы.— Ну ладно, в чистюль больше не играем».

Прежде чем он смог себя от этого отговорить, Редер нажал кнопку интеркома, и его голос заполнил весь гулкий простор главной палубы.

— Слушайте все! Говорит коммандер Редер. Я бы хотел сказать пару слов по поводу одной загвоздки, которую я заметил

и которая никак не исчезает. У нас на главной палубе существует проблема взаимоотношений. И я информирую нас, что начиная с этого момента с ней будет покончено. Итак, некоторые из вас подвергали сомнению приказы своего командира.

Редер выдержал длинную паузу.

— Кем вы, люди, себя возомнили? И где вы, раз уж на то пошло, по-вашему, находитесь? Лейтенант Роббинс — ваш командир. Она также командир старшины ар-Рашида. А вы — военнослужащие Космического Отряда. И сейчас военное время. Я не должен был вам на это указывать. Поймите, люди, это самые элементарные вещи. Далее, подвергать сомнению приказы надлежащим образом уполномоченного офицера при исполнении его служебных обязанностей в мирное время является серьезным проступком. А в военное время это бунт и государственная измена!

Далее, из-за тех страшных, трагических событий, о которых вам всем известно, я дал вам, люди, очень большую слабину. С этим покончено. Я больше не потерплю нарушения субординации и не потерплю разгильдяев. Советую вам меня в этом не испытывать.

Еще одна пауза.

— Лейтенант Роббинс — один из лучших инженеров всего флота. Она предъявляет к вам высокие требования, но сама делает вдвое больше, и вы это знаете. Вы также знаете, что она скорее откусит нос капитану, чем подвергнет диверсии «спид». Вы все это знаете. Я требую, чтобы вы вспомнили, что вы это знаете, и прекратили прикидываться. Всякий, у кого с этим проблема и кто хочет ее обсудить, запишитесь ко мне у старшины. Это все. А теперь опять за работу.

Он откинулся на спинку стула, чувствуя полное опустошение. «Я должен преодолеть этот комплекс публичных выступлений»,— подумал Питер. Отныне он намерен был постоянно вот так обращаться ко всем своим подчиненным и чувствовал, что это может его раньше времени состарить.

Затем Питер снова обратился к экрану и возобновил просмотр донесений. «Интересно, что Синди об этом подумает»,— мелькнула у него мысль.

Тут раздался стук в дверь, и Редер довольно нетерпеливо сказал:

— Входите.

Синтия Роббинс бочком проскользнула в кабинет — так, словно дверь дальше не открывалась.

— Спасибо, сэр, что вы этим занялись. Я пыталась выяснить, в чем проблема,— она пожала плечами,— но все это делалось так скрытно, что я никого не могла за этим застать. Когда шеф сказал мне, что происходит, я поговорила с соответствующими индивидами и объяснила им, что они нарушают субординацию. Они сказали, что они очень сожалеют и что они не хотели. Сказали, что они просто плохо поняли приказ и лишь все для себя

проясняли.— Девушка робко стояла перед столом, и вид у нее был слегка озабоченный.— Они откровенно лгали, сэр. Но я знала, что в прошлом моя прямота вызвала немало сложностей и обид, так что я попробовала... более мягкий подход.— Синтия нахмурилась.— Но это тоже не помогло.

Редер некоторое время просто сидел, положив подбородок на ладонь, а потом сказал:

— Сядьте, Роббинс.— Она села, и ее легкая озабоченность переросла в заметную тревогу.— Вид у вас немного встревоженный,— заметил он.

Роббинс выпрямилась на стуле, и лицо ее превратилось в застывшую маску, хотя слабый румянец все же окрасил ее щеки.

— Прошу прощения, сэр,— раздельно произнесла она.

«Черт,— подумал Редер,— как некстати я это заметил. Но мне вдруг показалось, что ты человек».

— Вот что, лейтенант,— начал он, сложив руки перед собой,— по моему глубокому убеждению, тот факт, что вы достигли вашего нынешнего ранга, это дань вашему таланту и работоспособности. Но насколько я понимаю, никаких командных навыков у вас нет. Будь они у вас, вы бы наверняка в таком положении не оказались. Не знаю, какие обстоятельства очертили стиль вашего поведения, Роббинс, но отныне вам придется обучиться иному стилю. Руководить людьми не значит просто рявкать направо-налево свои приказы. Вы должны понимать людей, которыми вы руководите, должны знать, как их мотивировать. Большая часть этих навыков приходит с опытом, определенный объем которого у вас уже есть. Я вижу вину ваших предыдущих командиров в том, что они позволяли подобному положению дел сохраняться. Но теперь этому будет положен конец. Нам с вами придется вместе над этим работать, потому что из-под моей команды вы не выйдете до тех пор, пока не получите хотя бы самое приблизительное представление о том, как работать с людьми.— Он повернулся к полке у себя за спиной и достал оттуда небольшой кожаный футляр.

— Вот превосходный учебник для начинающих,— сказал Редер, вручая его лейтенанту.— На следующей неделе, когда вы его прочтете, мы его обсудим.— Он сверился с календарем.— Пусть будет тот же день и час,— пробормотал он, делая пометку.— Если, конечно, чего-то непредвиденного не случится.— Питер одарил ее краткой ободряющей улыбкой. «Бедная девочка просто контуженной выглядит»,— подумал он.— А теперь нам обоим пора опять за работу.

— Есть, сэр,— сказала Роббинс. На лице у нее сложно было что-то прочесть, зато в голосе звучало откровенное изумление.— Еще раз спасибо вам, сэр,— добавила она и, приняв стойку «смирно», порывисто отдала честь.

Редер по такому случаю даже встал и как полагается ответил. Затем Синтия четко развернулась и вышла из кабинета.

«Пожалуй, она просто застенчива»,— подумал Редер. Он уже замечал, что люди, совершенно неспособные внятно выразить свои чувства, часто прибегают ко всяким экстравагантным и неловким жестам, чтобы все-таки дать окружающим понять, что они имеют в виду. Или хотя бы то, что они вообще имеют что-то в виду. Питер покачал головой. «Надеюсь, она не диверсантка,— подумал он.— А то мне даже подумать страшно о сглаживании ее острых углов, если она таковой окажется. С другой стороны, именно острые углы убеждают меня в ее невиновности. Ведь эта девушка просто как бельмо на глазу. Вряд ли успешный шпион обладает таким качеством. Хотя была Мата Хари... Но ее вряд ли можно успешной шпионкой назвать... Ладно, Редер, за работу!» — скомандовал он себе и снова сел, чтобы погрузиться в донесения.

После недельного перелета небольшой конвой уже приближался к точке Транзита. Возглавлял процессию истребитель «Радклиф».

Старшина Донна Ямарильо сидела за пультом, отслеживая сигналы в непосредственном окружении конвоя. Она с головой ушла в запутанные потоки данных, которыми в форме красочных сигналов и колонок текста кормил ее голоэкран. Внезапно ее внимание привлек один особенный эхосигнал, очень похожий на отправку капсулы с донесением через точку Транзита.

«Черт возьми»,— подумала Ямарильо, и пальцы ее заплясали на гладкой поверхности пульта, снова запрашивая данные.

— Сэр? — настойчиво обратилась она затем к своему непосредственному начальнику.

Лейтенант Барри Слейд тут же к ней подошел.

— Что у вас, Ямарильо? — спросил он.

Она воспроизвела для него сигнал.

— Не знаю, сэр. Похоже на капсулу с донесением. Но когда вокруг столько кораблей, это вполне могло быть разогревочным эхом Транзита... вот, видите?

— Да, похоже на капсулу. Можете сказать, откуда пришел сигнал?

Ямарильо виновато помотала головой.

— Никак нет, сэр. Могу только сказать, что он пришел откуда-то сзади.

— Ладно,— сказал Слейд.— Я доложу капитану. Продолжайте работу.— Он улыбнулся.— Она у вас ладится.

Затем лейтенант сделал четыре шага по узкому кругу капитанского мостика истребителя и нагнулся, чтобы шепнуть несколько слов в ухо своему командиру. Капитан Каминский озабоченно потер щеку, не отрываясь от своего дисплея; способность фокусироваться сразу на нескольких вещах входила в число необходимых командных навыков.

— Закодируйте эхосигнал и пошлите его капитану Каверсу лично,— велел Каминский, а затем пожал плечами.— Больше мы ничего сделать не можем.— «Если это действительно капсула с донесением,— подумал он,— и если она тоже направляется в систему ХНО-67, к тому времени, как мы туда прибудем, от нее уже никаких следов не останется. И если она несет в себе какой-то ущерб, там уже будут готовы нам его нанести».

Каверс молча вошел в кабинет для инструктажа и тихо сел у самой двери. Капитан-лейтенант Сара Джеймс при этом даже бровью не повела, но Каверс ни секунды не сомневался, что она все заметила. Его также порадовало, что ей хватило проницательности распознать его нежелание прерывать инструктаж.

— ...особое внимание, по возвращении на «Непобедимый», нужно будет уделить кольцу вокруг газового гиганта,— сказала Сара, очерчивая его лазерной указкой на голокарте.— Есть серьезное подозрение на то, что как минимум корабли прорыва блокады, а также некоторые пиратские суда попытаются скрыться именно здесь, пользуясь преимуществом того, как эти камни, льдины и прочее способны загрязнять детекторные лучи.— Она взглянула на часы.— В Транзит мы входим в одиннадцать сорок. Выходим в двенадцать ноль-ноль. Есть вопросы?

Никто не откликнулся. Тогда Каверс встал и прошел вперед.

— Капитан желает к нам обратиться,— сказала Джеймс. Все ее небольшое звено из двадцати одного человека разом встало по стойке «смирно». Затем Сара отдала капитану честь, и он ей ответил.

— Благодарю вас, капитан-лейтенант,— сказал Каверс, обращаясь лицом к аудитории.

Все сели, готовя свои блокноты на тот случай, если у капитана окажутся для них какие-то новые сведения.

— Я только что получил новую информацию от капитана истребителя «Радклиф» Каминского, которую вам, на мой взгляд, следует знать. Их компьютер зафиксировал эхосигнал, соответствующий сигнатуре капсулы с донесением, запущенной в Транзит.

Каверс оглядел помрачневшие лица своих подчиненных.

— Об этом эхосигнале они знают только то, что он пришел откуда-то сзади. А это означает, что он мог прийти с «Метьюрина», с «Неутомимого» или...— тут он сделал паузу, и гнев заискрился в его глазах,— с «Непобедимого». Отсюда я заключаю, что существует высокая вероятность того, что враг предупрежден о нашем приближении. Следовательно, вы должны действовать с предельной осторожностью. Сознавая при этом, что мы приближаемся не просто к грозному врагу, а к врагу, который предупрежден об опасности.

Оглядев сидящих перед ним мужчин и женщин, капитан перевел дыхание. «Психи» были так уязвимы. Они были факти-

чески безоружны, больше полагаясь на свою скрытность и маневренность. Посылать их такими беззащитными навстречу врагу всегда очень ему не нравилось. А сегодня Каверс чуть ли не палачом себя чувствовал.

— Выше головы,— приказал он разведчикам. И тут же ухмыльнулся.— Нет, лучше ниже. Вернитесь живыми и невредимыми.

Затем Каверс принял стойку «смирно» и отдал честь. Все встали, чтобы достойно ответить. Наступила одна из тех редких минут, когда и Каверс, и Джеймс, и все остальные в кабинете инструктажа в глубине души осознавали, что составляют часть чего-то неизмеримо большего, нежели просто они сами. Наконец Каверс резко опустил руку.

— Все свободны! — рявкнула Джеймс, разрушая волшебные чары.

Когда люди быстро задвигались, она добавила:

— В одиннадцать ноль-ноль всем быть на главной палубе для проверки машин.

— Есть, сэр! — хором откликнулись все.

Каверс поднял брови.

— Не рановато ли, капитан-лейтенант?

— Считаю, сэр, лучше помучить себя тщательной проверкой, чем думать об этом потом, когда надо будет о многом другом задумываться,— с улыбкой ответила Сара.

Капитан грустно кивнул, размышляя о том, как бедный Редер пытается в такой вот безнадежной ситуации поднять моральный дух своих подчиненных.

— Полагаю, вы правы,— согласился он. Затем он подал ей руку.— Удачи, капитан-лейтенант. Верните их домой живыми и невредимыми.

— Есть, сэр,— ответила Сара Джеймс, обмениваясь с ним рукопожатием.

— Привет,— произнес негромкий голос у нее за спиной, пока Сара расписывалась в ведомости. Обернувшись, она обнаружила, что коммандер Редер ей улыбается. «Что-то он застенчиво улыбается»,— подумала она.

— Вот, пришел вам удачи пожелать,— сказал Питер, подавая ей руку.

На секунду Сара задумалась, не правдив ли тот слух. Быть может, Редер и впрямь какой-то главный шпион, явившийся на помощь диверсантке Синтии Роббинс? Она обменялась с ним очень кратким рукопожатием.

— Спасибо, коммандер,— сказала она.

Питер с прищуром взглянул на свою ладонь.

— Я ее мыл,— с жаром произнес он.— Честное бортинженерское.

Сара улыбнулась — просто не смогла удержаться. Слишком уж убедительно этот человек оскорбленную невинность разыгрывал.

Тут вмешался механик:

— У меня здесь еще, капитан-лейтенант.— Он протянул ей ручку и блокнот.

— Хорошо, Хафф, я сам об этом позабочусь,— сказал Редер, забирая у него перо с блокнотом.

«Все равно пилоты „спидов" мне не по вкусу»,— мысленно проворчала Сара, когда он подал ей блокнот и она там расписалась. Редер не сказал ни слова, но она чувствовала, что он на нее смотрит.

— Ну что, коммандер, хотелось бы с нами полететь? — дерзко спросила она.

— Нет, мэм,— с жаром отозвался он.— Оказываясь лицом к лицу с мокаками, я бы хотел оружие иметь, а не просто набор датчиков. Чего мне по-настоящему хочется, это чтобы с вами можно было несколько «спидов» послать. Чтобы они вам, простите, тыл прикрыли.

— Нет уж, спасибо,— сказала Сара.— «Спиды» чересчур резкие. Меня вполне маскировка наших «психов» устраивает.— Возвращая перо, она подняла на него глаза.— Мы в полном порядке вернемся,— заверила она коммандера.

— Хорошо бы.— Редер энергично кивнул.

Пряча улыбку, Сара взглянула на часы.

— Ну что ж, мне пора идти готовиться.— Она снова подняла взгляд.— Спасибо за добрые пожелания, коммандер.— Затем Сара повернулась и пошла к помещению для дежурных экипажей, чувствуя, что он за ней наблюдает, и испытывая желание оглянуться и проверить свою догадку. «А если он уже ушел — что тогда с моим самолюбием станется?» — подумала она и мысленно хихикнула.

Так что Сара почти с вызовом смотрела прямо перед собой и так и не узнала о том, что Редер всю дорогу неотрывно за ней наблюдал.

Редер смотрел, как «психи» вихрем вылетают из стартового порта авианосца. В груди у него было очень странное чувство. Его сердце определенно билось быстрее, чем для него было предусмотрено.

«Что-то тяжело у меня от этой картины на душе,— подумал Питер.— После всего случившегося слишком мало надежды, что эта миссия пройдет без сучка и задоринки. Да и закон подлости еще никто не отменял. Но что касается моей палубы, то я просто не знаю, что там еще можно было поделать».

Последние несколько суток Редер зверски себя изматывал, по несколько раз проверяя все, что только можно было проверить.

Наложив предохранительные печати на все «спиды» и «психи» на главной палубе, он до самого последнего момента их не снимал. И черт побери, как же из-за всего этого ныл Бут, как он зудел про ненужные расходы, про дурацкие идеи, как без конца напоминал: «Мы все и так знаем, коммандер, кто преступник».

Пока наконец Редер ему не сказал:

— Что ж, этот запрос я вполне могу оформить и через капитана. Мне только кажется, что так проще.

После этого у всех необходимых печатей словно бы выросли крылья и они как бы сами собой прилетели на главную палубу.

«Вернись целой и невредимой, Сара Джеймс»,— в сотый раз пожелал Редер, прежде чем окончательно обратить свои мысли на подготовку «спидов» к старту.

Можно было забыться в работе. И наконец-то, наконец-то он вот-вот должен был снова ударить по врагу. Редер взглянул на свою искусственную руку и мрачно улыбнулся.

Сара вполне могла докладывать о чистом коридоре до базы мокаков. Никаких враждебных действий, никаких признаков перемещений судов... «Что-то здесь не так,—нервно подумала она.— Слишком тихо». Поняв, насколько это затасканное клише, Сара улыбнулась.

Руки ее вовсю работали в управляющих лунках. Огоньки и символы пробегали по голоэкранам, что поднимались перед ее перегрузочным креслом: нейтринные сигнатуры, термальные сигнатуры и все прочее включая оптику и радар.

— Что-то здесь не так,— сказал у нее за спиной Йот, стрелок, словно бы эхом откликаясь на ее мысли.

Отсек управления «психа» имел два узких прямоугольника для оператора датчиками и стрелка, оставляя совсем узкий клинышек для пилота. Все трое лежали, заключенные в лепестки своих кресел, которые могли подниматься и поворачиваться на магнитных подвесах, обращая своих седоков лицом к тому или иному прибору. Вокруг царила мертвая тишина, если не считать фонового гула силовых установок и вентиляторов; шлемы у всех троих на данный момент были расстегнуты.

— Да,— согласилась Сара.— На этой базе, похоже, ничего, кроме нескольких грузовых кораблей и пригоршни мокакских «спидов».— «С другой стороны,— подумала она,— здесь может быть такая наземная оборона, что чертям тошно станет. В таком случае они тут под непроницаемым колпаком сидят».

И Сара покачала головой.

— Пора лететь назад,— сказала она Дэвису, пилоту. Затем она нагнулась над приборным щитком, хмурясь так напряженно, словно только так она могла заставить приборы выдать ей необходимую информацию.

Питер Редер сидел в темноте, наблюдая за тем, как десантники с «Неутомимого» предпринимают штурм базы мокаков. Пользовался он при этом как общим видом, так и экранными врезками с их нашлемных камер. Строго говоря, это было против правил, но все же он сделал несколько модификаций. Взгляд его метался туда-сюда. На самом деле сигнал тревоги дал бы ему знать в тот самый момент, когда от бортинженерного отдела действительно бы что-то потребовалось, но это ожидание было просто невыносимо. Теперь он мог лишь наблюдать. Капитану Каверсу тоже оставалось только наблюдать — ждать и молча молиться, пока мужчины и женщины из Космического Отряда реально сталкивались с врагом. Оставалось следить за изображением...

...Медленно покачивающийся мокакский «спид» попал в прицел орудийной установки одного из «спидов» эскадрильи «Непобедимого», и та тут же его отоварила. Изображение было мутным от радиации, но все же достаточно отчетливым, чтобы увидеть, как обломки «спида» разлетаются в вакууме... а потом сгорают в сильно разреженной атмосфере спутника газового гиганта. «Пилот мертв или выведен из строя»,— подумал Питер. Руки его в бессознательном жесте сжали подлокотники кресла, словно даже сейчас под ними располагалась управление «спидом». «Бортовой компьютер накрылся,— мелькнула мысль.— Убрать блокировку... Господи!» Стремительно несущийся «спид» превратился в огненное копье; термоядерные движки работали на максимуме, за красной чертой. Такая работа должна была начисто сжечь сопла. Либо рванет бак реактора, либо вспыхнут сопла, либо его долбанет жуткое накопление «дельта-вэ».

Все эти три вещи случились одновременно. Огненное копье, летящее сквозь атмосферу спутника, обратилось в титанический болид, вздувающийся от беловатой поверхности, когда «спид» столкнулся с нею на скорости примерно в одну сотую «цэ». Кинетический эквивалент удара достиг мультимегатонного уровня, после чего камни, лед и замерзший метан жуткой рвотой выплеснулись к небесам. Изображение спутника завертелось, когда пилот Космического Отряда задал машине победную качку, а затем вовсе выскользнуло из поля зрения, когда эскадрилья потянулась обратно во тьму.

...Канонерки и штурмовые транспорты струились вниз с «Неутомимого». В их сторону вспыхивали лучи, розовато-лиловые и бледно-красные в разреженной атмосфере. Самонаводящиеся бомбы неслись вниз по ионизированным дорожкам, и невыносимо яркие вспышки пламени отмечали те точки, где сгорали зенитные батареи. Затем волна тяжелых антикорабельных ракет поднялась над горизонтом, устремляясь к приземляющимся десантным судам и кораблю-носителю по курсам, проложенным их встроенными компьютерами. Они входили в штопор, виляли и уворачивались, пока по ним барабанили тяжелые плазменные орудия и

лазеры, но все же одна за другой вспыхивали и гасли. Что-то завихляло перед глазами Питера, направляясь от «Неутомимого» к месту расположения ракетных установок. Что-то очень крупное, достаточно крупное, чтобы иметь свои собственные автоматические средства защиты, что попыхивали лучевым огнем, пока массивная штуковина направлялась к укрепленному пункту мокаков дальше на номинальном западе.

— Я и не знал, что у них такое имеется...— начал Питер, а затем вздрогнул, когда над западным горизонтом словно бы взошло солнце.

В определенном смысле это и впрямь было солнце; бомба «солнечный феникс», которая запускала самоподдерживающуюся термоядерную реакцию, длящуюся не одну минуту — скорее миниатюрная звезда, нежели взрыв. Питер надеялся, что в радиусе двух тысяч километров от нее ничего ценного нет.

«Неутомимый» со своим роем приземляющихся десантных судов пробивал защиту базы. Ему помогали «спиды», которые уже уничтожили все свои цели в космосе и теперь были свободны для заходов на бомбометание. Питер переключил точку обзора на нос штурмового транспорта, чьи трубчатые орудия сыпали огнем, а термоядерные движки работали на пределе, пока он уверенно шел вперед. Наконец изящная как капля слезы форма приземлилась и раскрылась точно цветок в ускоренной съемке. Орудия продолжали бить, пока люди и машины вытряхивались наружу. За точкой приземления располагался загадочный комплекс труб и скелетообразных башен. Оттуда начался ответный огонь, и десантники залегли. Металл сублимировался в пар, и башни падали. Команды саперов устремились вперед, безликие в своих скафандрах из керметной брони.

Рука Питера слегка дернулась, и теперь он уже получал обзор через нашлемную камеру десантного сапера. Картинка колебалась и прыгала, пока солдат топал вперед; перед Питером маячил ствол тяжелого штурмового ружья, которое с тренированной осторожностью ходило влево-вправо, минуя какие-то полурасплавленные силуэты, густые черные тени и тягачи с гигантскими колесами, брошенные прямо на дороге в самом начале штурма. Затем над сапером нависло здание, невыразительный каменный куб с большими дверями для грузовых рольгангов, теперь надежно закрытыми. Несомненно, это был пункт доступа к подземной базе. Фигура в разодранном мокакском скафандре свисала с края блокгауза рядом с тем местом, где что-то словно бы откусило здоровенный кусок каменной стены, которая все еще светилась красно-черным. Аудиоканал гудел от приказов и сообщений, в которых преобладал десантный жаргон, кодовые слова и позывные.

Десантники достали из своего боезапаса взрывпакеты и прикрепили их к двери.

— Круши ее! — выкрикнуло визгливое от напряжения сопрано.

Картинка дернулась и перекосилась, когда десантник отскочил в укрытие. Затем стало темно, когда он обхватил шлем руками и подтянул колени к груди. Затем все заколыхалось от взрыва. Наконец солдат вскочил и бросился вслед за саперной командой сквозь искореженный металл, который прежде был дверью. Навстречу им летели лучи и гиперскоростные дротики.

— Мы побеждаем,— пробормотал Питер Редер.— Но почему мне от этого не легче?

— Первая фаза завершена, повторяю, первая фаза завершена,— произнес чей-то голос, совершенно спокойный, если не считать легкой одышки.— Переходим к следующей.

Автосалазки стремительно заскользили назад, забирая раненых. Другие, напротив, устремлялись вперед, груженные амуницией, баллонами с воздухом, блоками питания. Питер переключил монитор на глазок робота. Тот проплывал по интерьеру блокгауза, мимо неисправных аэросаней и орбитальных челноков, затем мимо толстых дверей, смятых, точно виноградина, проткнутая ножом для колки льда. Дальше — вниз по идущему под уклон коридору под оболочку спутника, по лестнице без пролета. Один последний взгляд на что-то длинное и тонкое, что вращалось и следило, и эта часть экрана погасла.

Раздался тот же спокойный голос:

— Дайте уточненную диспозицию.

— Не имеется,— ответил кто-то.— Все еще под прикрытием. Вернем компьютерную экстраполяцию, как только вы нам данные обеспечите.

— Большое спасибо.— В голосе прозвучал тяжелый сарказм.— Ладно, мальчики и девочки. Давайте покажем, за что нам тут деньги платят.

Питер вздохнул.

— Черт, мы их бьем,— пробормотал он себе под нос.— Через пару часов база будет наша.

И он ощутил бешеную, мрачную гордость. Только покажите Космическому Отряду объект, а уж он так его возьмет, что будьтенате.

Тут подлокотник кресла не выдержал неистовой хватки его протеза и с резким щелчком сломался. Питер едва это заметил.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сара Джеймс внимательно смотрела на разворачивающиеся перед ней показания, игнорируя краткие приливы псевдогравитации, когда движки «психа» корректировали курс. Голошлем чуть ли не целиком состоял из показаний. Гистограммы, линии статуса, колонки цифр; за всем этим потерялось даже ледяное великолепие газового гиганта. Сара озадаченно нахмурилась.

— Просто не верится,— сказала она оператору на «Непобедимом»,— но все к тому, что множество льдин в этом кольце под оболочкой из обычного льда почти целиком состоит из дейтерия и трития. Это как шуга из тяжелой воды. Конфета с начинкой из термоядерного горючего.

— Вижу, о чем речь,— отозвался интерком.— Ко мне уже ваши показания приходят.— Последовал удивленный свист.— Такое редко где встретишь.

— Такое вообще нигде не встретишь,— сказала Сара.— Я даже не представляю, какой природный процесс мог это чудо создать.

— Ничего, Топографическая Служба в свое время разберется,— заметил голос с «Непобедимого». Вселенная была полна загадок. Этих загадок было куда больше, чем ученых, чтобы их разгадывать.— Что-то еще?

— Еще я нейтринные сигнатуры получаю,— добавила Сара. «И что-то наводит меня на мысль,— подумала она,— что они не естественного происхождения».

— Они фоновые? — спросил «Непобедимый».— Есть данные, что это солнце временами рыгает.

Слушая, Сара качала головой.

— Здесь не то,— сказал она.— По-моему, они больше на сигнатуры от силовой установки похожи.— «Но они слабые,— подумала она.— Может, они от выключенной силовой установки?»

— Передайте данные.

Зазвучало басовое чириканье, когда терабайты поплыли из одного компьютера в другой.

— Командир, они не соответствуют паттерну ни одной термоядерной установки из тех, которые есть в нашем досье. Но эта планета действительно ими плюется. Есть что-нибудь на микролуче или в глубоком сканировании?

— Ничего нет,— ответила Сара. «Ты ждешь, что я в такой куче мусора что-нибудь откопаю? — подумала она.— Чертовски сомнительно». Она снова обратила глаза к показаниям приборов и стала их изучать, временами добавляя свой комментарий к той информацию, которая пересылалась на «Непобедимый».

И вдруг...

— Я регистрирую резкий рост нейтринного выброса, асимптотическую кривую,— спокойным голосом сообщила Сара. «Боже мой!» — мысленно воскликнула она, пока ее пальцы машинально плясали по незримым клавишам, выдаивая нужную информацию из потока данных.

— Я определенно регистрирую корабельные силовые установки. Выключенные, но теперь активируемые. Быстро выходят на уровень. Высокомощные моторы.— Лоб Сары начал покрываться бусинками пота.— Это силовые установки военного корабля.— сообщила она затем.— «Непобедимый», вы это получае-

те? — поинтересовалась она, когда тишина стала действовать ей на нервы.

— Да-да, капитан-лейтенант,— с запинкой отозвался оператор «Непобедимого». Его молодой голос был так же напряжен, как и у нее.— Я передавал ваше донесение по инстанциям.

— Даю сигнатуры корпуса. Они ушли на активные датчики,— торопливо сообщила Сара, а затем нахмурилась.— Очень хитро замаскированные термальные сигнатуры,— пробормотала она.

Внезапно почти у нее под носом один из вражеских кораблей принялся вытряхиваться из окутывавшего его льда. По астрономическим стандартам это было совсем рядом; детекторы затуманились, когда кусочки льда полетели наружу, а водородная шуга сублимировалась в газ.

— Черт меня подери,— сквозь сжатые губы пробормотала Сара.

— Капитан-лейтенант?

— Тихо! Я занята!

«Псих» дернулся вбок, а затем поплыл в нулевом «жэ», когда пилот предпринял уклонный маневр и вырубил эмиссию. Боковая планка в голошлеме Сары вспыхнула красным; стрелок выбирал огневое решение.

— Отставить, Йот! — рявкнула Сара.

Все в разведывательной машине испугались и отреагировали именно так, как реагируют люди испуганные, но при этом отважные и тренированные,— они сосредоточились на поставленных перед ними задачах. Задачей Сары было скоординировать их действия. Однако оружие «психа» было просто хлопушкой по сравнению с тем, которое она отслеживала.

— Не думаю, что они могут нас видеть,— сказала Сара. «По крайней мере, пока»,— мысленно добавила она.

Три пары глаз расширились от напряжения. Бортовой компьютер «психа» сложил воедино сведения, поступающие от корабельных датчиков, и представил визуальную картину происходящего. Энергия забила ключом, и прямо перед ними появился корабль. Отдельные части отливали зеленью — так компьютер указывал на свои сомнения,— однако общий контур был вполне отчетлив. Форма его сильно отличалось от молотка с двумя головками, характерного для кораблей Космической Команды, а также и для мокаков, поскольку их флотская архитектура в точности копировала архитектуру Содружества. Здесь же был с одной стороны сплющенный, а с другой выпуклый диск, подобный механистической версии панциря черепахи, с двумя кривыми остроконечными выступами, тянущимися вперед точно жвалы у насекомого. Восемь тяжелых ракетных установок окольцовывали его корму, а вся поверхность топорщилась от датчиков, пусковых труб, фокусирующих зеркал и лучевых направляющих механизмов для плазменных орудий.

— Судя по силовой установке, класс эсминцев,— пробормотала Сара.— Две тысячи тонн. Примерная классификация вооружения прилагается.

— Считать задание выполненным, сэр? — тревожно спросил пилот.

— Пока еще нет,— ответила она.— Но я хочу, чтобы вы дали сигнал всей остальной эскадрилье возвращаться на базу.

Вновь переключив свое внимание на блок датчиков, Сара аж вздрогнула.

— «Непобедимый», у нас тут три, четыре... шесть корветов класса эсминцев. Все во льду прятались. Подчеркиваю — именно внутри. До сих пор высвободился только один. Неизвестной конфигурации.

Тут Сара в ужасе затаила дыхание. Что-то еще билось в ледяном астероиде дальше по кольцу, барабаня по нему изнутри. В очень крупном ледяном астероиде. Она отважилась на активное сканирование; теперь они уже и сами испускали массу частиц, производя краткие, четко отмеренные залпы из своих орудий, высвобождаясь при этом из маскировочной неволи, но зато не принимая на себя губительную энергию.

— Они сопровождают очень крупный корабль, ориентировочно пятьдесят килотонн, данные указывают на...— Сара сделала быструю прикидку. Нейтринная сигнатура дала ей общую мощность; если взять грубый эквивалент эффективности двигателя, то соотношение мощности и массы давало...— Линейный крейсер. Повторяю, они сопровождают линейный крейсер. Неизвестной конфигурации. Компьютер соответствия не находит.

— Принято, капитан-лейтенант. Возвращайте ваших людей на базу.

— Принято,— отозвалась Сара.— А вот теперь задание можно считать выполненным,— сказала она пилоту.— Домой, Джеймс.

— Уже летим, сэр.

— Слава Богу! — с жаром прошептал стрелок.

На капитанском мостике «Непобедимого» слегка попахивало старым кофе. Жидкость в чашке, которую сжимал в руке Каверс, была горькой и маслянистой как вычищенные из выхлопной трубы остатки сгорания, но он все равно раз за разом ее потягивал.

— Как дела, майор? — спросил он десантника, который в настоящий момент пробирался по коридорам мокакской базы на плывущей под кораблем планете.

Голос майора Хаджи был жестким и напряженным, хотя его нашлемная камера не показывала никакой активности в коридоре, по которому он стремительно продвигался.

— Все идет как запланировано, сэр. Кое-где было отчаянное сопротивление, но в основном мы его уже подавили. Нам удалось

захватить мокакские спиды и...— тут в его голос внезапно проскользнула веселость,— небольшую делегацию повиан.

— Повиан? — воскликнул Каверс.

— Так точно, сэр.— Хаджи повернулся вбок, и его камера нацелилась на четырех гигантских... нет, не то чтобы совсем насекомых. Насекомыми они людям только казались.

Цвета повиане были тускло-красного, со скудной растительностью и хитиновым панцирем из грубых чешуек. Восемь глаз образовывали ромбовидный узор на их лицах, тускло поблескивая в резком свете коридора подобно затянутым пеной прудам. От узких талий тянулись длинные и тонкие, увенчанные ядовитыми жалами хвосты. Концы гибких трубок, посредством которых они разговаривали, были закрыты, напоминая при этом сфинктеры.

«Возможно, я придаю этим чужакам человеческие качества,— подумал Каверс,— но мне кажется, вид у них сейчас не очень довольный». Вид у них также был абсолютно невозможный. Одно дело было знать, что они существуют в природе, но совсем другое — реально их видеть. Плавные движения их восьми «ног» просто завораживали. Где-то в затылке у Каверса упрямо сидела мысль, что повиане не существуют на самом деле, а лишь представляют собой какой-то блестящий спецэффект.

«Эти твари станут бесценным приобретением для контрразведки,— подумал он.— Они сами по себе всего этого рейда стоят».

— Любой целой доставьте этих пленников на «Неутомимый», майор.

Внезапный огонь вырвался из бокового коридора, и нашлемная камера майора запрыгала и закачалась, так что изображение, которое она выдавала нервным наблюдателям на капитанском мостике «Непобедимого», превратилось в какие-то смутные пятна. Все успокоилось, когда десантники вернулись в коридор, из которого они только что вышли.

— Мы тут уже, можно сказать, сцену подметаем, капитан,— сообщил майор. В голосе его чувствовалась легкая одышка, пока он трусил вперед.— Но есть еще несколько очагов упорного сопротивления.

«Или где-то под базой есть самоубийственная бомба,— с болью подумал Каверс.— Которую один из этих фанатиков счастлив будет взорвать. Или майора Хаджи гонят в засаду. Хотя мокаки достаточно безумны, чтобы просто уничтожить делегацию своих союзников, которой крайне нежелательно попасть в плен».

Датчики, размещенные на десантниках, позволяли компьютерам «Непобедимого» следить за их продвижением, сразу же нанося на карту коридоры, по которым они проходили. В данный момент майор Хаджи и его люди оторвались от своих и двигались взад-вперед в неразмеченном белом секторе.

— Можете вы вернуться назад тем же путем, которым пришли? — настойчиво поинтересовался Каверс.

— Перспективы туманные, сэр. Приличное число мокаков кружит позади нас, а все те, что на этой базе нами еще не охвачены, как раз впереди.

— Лейтенант Слейтер! — рявкнул Каверс. Назвав фамилию лейтенанта, он автоматически приказал компьютеру связать его с ней.

— Слушаю, сэр? — почти тут же отозвалась Слейтер.

— Майор Хаджи и его отряд находятся в шестнадцати градусах к северу от вас. Они окружены. Я хочу, чтобы вы со своими людьми их освободили. Майор Хаджи, вы слышали?

— Так точно, сэр.

— Если вам нужна еще помощь, запрашивайте. Ваши пленники являются высшим приоритетом. Вы слышите?

— Так точно, сэр.

Каверс повернулся к старпому, когда она к нему подошла.

— Что-то еще от «психов»? — спросил он. Отсутствие каких-либо кораблей прорыва блокады или хотя бы пиратов уже начинало его нервировать.

— Капитан-лейтенант Джеймс докладывает о нейтринном потоке,— ответила Ван, приложив изящный палец к наушнику.

— Ч-черт,— прорычал Каверс.— Это может быть от планеты. Она почти как солнце, и эти бури...

— Капитан,— перебила его Ван,— капитан-лейтенант докладывает...— Тут она словно оцепенела.— Шесть корветов класса эсминцев в эскорте... и линейный крейсер,— отчеканила она.— Неизвестной конфигурации, и компьютер не находит соответствия.

— Это наверняка повиане,— напряженно заключил Каверс.— Если только мокаки себе других союзников не нашли.

Мерзкая кислятина древнего кофе бурлила у него в желудке. Быстроходного авианосца и двух истребителей было вполне достаточно для обеспечения космического превосходства над небольшой базой с легкой обороной... но теперь на них целая боевая группа надвигалась.

Теперь, когда все «спиды» и «психи» вылетели, Редеру и его людям нечего было делать, кроме как готовиться к их возвращению, а что касалось самого Редера, наблюдать, что они там делают. Особое внимание он уделял приключениям Сары Джеймс, пока она обыскивала рассеянные камни и льдины в кольце газового гиганта. Он слушал, как ее ровное контральто докладывает о вражеских кораблях.

При этом известии кровь отхлынула от его лица.

«Боже,— подумал Питер,— и ведь я ничем не могу помочь». Ему просто требовалось быть в «спиде», хоть что-нибудь делать.

— Будь оно все проклято,— прошептал он.— Сидишь тут в конторе как привязанный.

Редер испытал лишь легкое облегчение, когда Сара доложила о том, что корабли чужаков почти наверняка их не видят.

«Пока что,— добавил предательский разум.— Дело плохо,— подумал Питер, более масштабно оценив ситуацию.— Есть только два варианта: бросить все и бежать — или сражаться. У нас всего два истребителя против их шести. Да у них еще и линейный крейсер». А это означало, что им противостоял корабль вдвое больший по размеру, более тяжеловооруженный и почти такой же быстроходный, как «Непобедимый». Дело действительно было табак.

— Думаю, они могли нас засечь,— спокойно произнес голос Сары.— Курс...— рявкнула она затем пилоту. А вскоре тем же спокойным голосом сообщила: — Да. Они нас засекли.

«Беги, Сара! — мысленно подстегнул ее Редер.— Беги! Не дай им тебя достать». Его самого удивила сила того покровительственного чувства, которое вдруг его обуяло. Еще более страстно он желал пристегнуться к сиденью «спида» и полететь к ней на выручку.

— Возвращайте ваших людей на базу,— говорил тем временем Каверс.

— Принято,— четко сказала Сара.

Тут ее голос внезапно оборвался, а на пульте у Редера вспыхнула красная лампочка. Затем загудел характерный сигнал, означавший, что капитан срочно созывает селекторное совещание.

Каверс сидел в своем капитанском кресле, а экран перед ним делился на квадратики, и они один за другим заполнялись лицами его старших офицеров.

— Итак, выбор прост,— начал он.— Мы можем бросить войска и бежать к точке Транзита. Или мы можем принять бой.— Глаза у Каверса были полузакрыты, точно у сонного ястреба.— Десантное командование прикидывает, что ему потребуется приблизительно два часа, чтобы вернуть всех людей обратно на «Неутомимый». Какие будут предложения? — негромко произнес он.

— «Непобедимый» гораздо меньше линейного крейсера, сэр,— заметил Труон Ле, начальник тактической группы.— Зато мы значительно быстроходнее и в обычном космосе, и в Транзите, и у нас есть поддержка «спидов». У повиан их нет, поскольку десантники захватили весь флот мокаков.

— Мы также гораздо слабее вооружены,— указал квартирмейстер.

— «Спиды» возместят этот фактор,— задумчиво произнесла Ван. Затем она покачала головой.— Если бы не те шесть корветов.

— Может ли кто-то из десантников на мокакских «спидах» лететь? — спросила Ашли Люрман, астронавигатор.

— Они еще не взяли контроль над базой,— отозвался Каверс.— Я бы не хотел уменьшать их ряды.

— Но если мы не сделаем этого, сэр, может статься, нам придется их бросить,— сказал Труон Ле. Взгляд его темных глаз был почти умоляющим.

Наполовину разум Питера по-прежнему оставался зациклен на улетающих от врага «психах» и Саре. Но в затылке у него сидело что-то еще. Сара что-то такое сказала. Что-то насчет...

— Капитан,— сказал Джон Ларкин.— Поверьте, сэр, я испытываю глубокое уважение к способностям наших людей. Но у нас два корвета, практически безоружный штурмовой транспорт и мы сами. Хотя у нас и есть «спиды»,— продолжил он, невзирая на протестующие возгласы остальных,— мы должны быть реалистами. Мы не чета линейному крейсеру и шести корветам класса эсминцев, пусть даже им очевидно поддержки «спидов» недостает. Думаю, нам следует отступить.

— А как насчет наших десантников? — спросил капитан. Голос его ничего не выдавал — ни согласия, ни осуждения.

— Сэр, десантники и их транспорт уже фактически потеряны,— скорбно произнес Ларкин.— Как мы можем их спасти, если мы даже себя не в силах защитить?

Лицо Каверса вдруг как-то заострилось, а взгляд стал как у орла.

— Если мы побежим,— прорычал он,— вся концепция легких авианосцев будет дискредитирована. Те, кто утверждают, что мы слишком легки для какой-то полезной работы и что наша скорость хороша только для отступления, получат все карты в руки. Не говоря уж о непростительных потерях в живой силе. Предлагайте еще, люди, вы способны на лучшее!

Питер ненавидел саму идею о том, чтобы вот так кого-то бросать, проверяя тем самым представления мокаков о милосердии.

Судя по выражениям лиц, глядящих на него с экрана, так же думали все остальные, включая Ларкина, который это предложил.

— Мы не можем позволить запугать себя до такой степени, чтобы забыть о тех тактических преимуществах, которые реально у нас есть,— высказался Труон Ле.

— Капитан! — с жаром вмешался Редер.— Наша главная трудность — линейный крейсер. А согласно донесениям капитан-лейтенанта Джеймс, он запакован в лед в кольце планеты. Так?

— К чему вы клоните, коммандер? — холодно поинтересовался Каверс.

— Почти весь тот лед, сэр, тяжелый, с дейтерием вместо водорода. Позвольте «спидам» атаковать, пока повиане все еще в него закованы. Если они будут наносить из своих орудий скоординированные удары пучками частиц, они смогут сжать дейтерий настолько, чтобы запустить термоядерную реакцию.

— Бога ради, Редер. Вы думаете, повиане будут просто так там сидеть и позволят нашим «спидам» это проделать? Вы с ума сошли! — воскликнул Ларкин.— Сэр,— обратился он к капита-

ну.— Я взываю к вашему благоразумию. Я понимаю, что очень тяжело отступить и бросить двадцать две сотни людей. Но у вас есть еще свыше шестидесяти шести сотен жизней, которые вы можете спасти. Прошу вас, не делайте эти жизни ставками в подобной безумной игре. В этом плане есть слишком много «если» и «может быть».

— Они смогут подойти ближе обычного,— настаивал Питер,— потому что орудия повиан будут затянуты льдом. Их капитан, скорее всего, посчитает, что лед защитит их от любого ущерба со стороны «спидов». Но мы будем бить прямо в лед! — Он умолк, но глаза его словно бы продолжали говорить, пока он глядел с экрана на Каверса. «Пожалуйста,— умоляли они,— позвольте нам попытаться».

— Это реально,— в своей неподражаемо-лаконичной манере заметил Оджи Скиннер.

Каверс внимательно изучил сосредоточенное лицо старшего механика.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Так точно, сэр,— твердо сказал Оджи.

— А чем в это время будут те шесть корветов заниматься? — с жаром спросил Ларкин.

— Изо льда выкарабкиваться! — рявкнула Ван, старпом. На ее тонком лице выражалась предельная свирепость. У Редера даже возникло впечатление, что, не будь совещание селекторным, квартирмейстеру бы прямо сейчас на орехи досталось.

— Если план Редера выведет из строя линейный крейсер,— медленно произнес Каверс,— тогда корветы уже такой проблемы не составят.— Капитан немного помолчал, дергая себя за верхнюю губу.— Мы это сделаем. Всем спасибо за участие. Командир эскадрильи...

Лица исчезли с экрана Редера, и он запросил диаграмму, которая должна была показывать перемещения «спидов», когда они устремятся к вражескому линейному крейсеру. Пока машины шли на первый заход, Редер слушал, как Шелдон обсуждает со своим заместителем возможные точки удара. Тогда он тоже одну-другую предложил, и Шелдон сказал:

— Так вы, коммандер, тоже в этом деле заняты?

— Еще как, командир эскадрильи. Идея была моя.

— Мне она чертовски по вкусу,— восторженно заметил Шелдон.— Был бы рад, если бы вы с нами полетели.

— Я бы тоже,— печально отозвался Редер.— Слишком близко не подходите,— предупредил он.— Взрыв будет нешуточный.

— Поучите бабушку щи варить.

Редер рассмеялся. «Интересно, что такое щи»,— задумался он.

Теперь у него нашлось занятие. Эскадрилье предстояла серьезная работенка, и ей требовалась вся поддержка, какую он мог ей обеспечить.

Последовало еще ожидание. На сей раз Редер решил держаться полетной палубы и пристроился за одним из крупных пультов — достаточно крупных, чтобы обеспечить ему полиэкран из целых тридцати восьми мониторов, по одному на каждый «спид». Он провел языком по пересохшим губам, не просто видя сквозь монитор Шелдона, а непостижимым образом чуя все, что он делает...

— Они не ожидали, что мы так быстро откликнемся,— сказал Шелдон.— Делай «альфу».

Ускорение давило на него, прижимая к сиденью. Повианские истребители вырывались из своих ледяных футляров, два из них уже приближались от кольца газового гиганта в ослепительном сиянии выхлопа. Эффектно, ничего не скажешь; впрочем, истребители всегда так выглядели. К ним отделилось звено «спидов», курсовые конусы накладывались друг на друга в дисплеях его голошлема. Слева и справа от него плавной дугой расходилась эскадрилья, а позади шли два истребителя Космического Отряда.

— Заглотим их с головы, как вепрь со змеей делает,— отрезал Шелдон.

Точки света поползли по дисплеям. Повианские истребители выпускали тяжелые ракеты, сами по себе небольшие автоматизированные корабли. Метки для «спидов» мигали в его голошлеме, пока они стреляли — как из лазерных, так и из скорострельных плазменных пушек. Затем слепящий белый свет засиял в голошлеме, мгновенно приглушенный системой всего лишь до раздражающей глаза серятины. Прочтя на планке статуса сигнатуру эмиссии, Питер мысленно присвистнул. Уничтоженная «спидами» ракета имела антиводородную боеголовку — так что тот белый свет порождался не обычным термоядерным взрывом, а полной аннигиляцией материи. «Черт возьми,— подумал Питер,— а эти сикарахи к нам со всем уважением».

Дистанция сокращалась с пугающей стремительностью. Из плавной дуги боевое построение эскадрильи превратилось в глубокую чашу, которая стремилась втянуть в себя повианские истребители. Плазменные разрывы искрились и пылали на фоне защитных полей. Бортовой компьютер прочертил курсы ракет, и огоньки беззвучно мигнули там, где взорвались боеголовки.

— Чересчур агрессивно,— с мрачным удовлетворением резюмировал Редер.— «Скверная тактика,— подумал он.— Не нужно было им втягиваться, пока все их товарищи не освободились».— Бейте их, парни!

Чаша превратилась в шар, который тут же начал сжиматься. «Спиды» двигались по высокоскоростным курсам, уклоняясь и выходя из радиуса обстрела.

— Страдай молча, Редер,— пробормотал Шелдон себе под нос, когда пришла его очередь.

Пальцы его шевелились в лунках, оставаясь едва ли не единственной его частью, которая в данных условиях могла шевелить-

ся. Ускорение давило на него, прижимая к сиденью точно мягкая, но невероятно сильная ладонь какого-то непостижимого гиганта. Случайные перемены курса тянули его в направлениях, которые его внутреннее ухо трактовало как вверх, вниз, вбок — и все это через случайные промежутки времени. Шелдон не обращал на это внимания, а лишь пристально наблюдал за диаграммой вражеского истребителя, растущей на дисплее голошлема. Теперь они быстро сближались. Будь у него время, он смог бы увидеть истребитель невооруженным глазом — как яркую точку, волочащую за собой плазменный выхлоп. Но времени у него не было.

— Огонь! — прохрипел Шелдон.

Целая россыпь паразитных бомб вырвалась с верхней палубы «спида», разлетаясь веером и устремляясь к истребителю. Шелдон резко развернул «спид» и загнал движок за красную черту, пока плазменные разрывы и лазерные лучи тщетно старались его нащупать. Паразитные бомбы были выпущены слишком с близкого расстояния, чтобы защитные системы повиан успели их остановить. Затем они взорвались, а перед этим каждая еще и вонзила в недра вражеского боевого судна острый шип лазерного луча.

На «Непобедимом» твердый пластик вовсю хрустел под искусственной ладонью Редера. Мысленным взором он видел результат: неудержимые сгустки энергии прорывают абляционные панели, вгрызаются в корпус, опаляют коридоры, сжигая членов команды, проникают в чувствительное электронное сердце истребителя.

— Трам-тарарам,— прошептал Питер.— Поле удержания прорвано.

Целостность термоядерных реакторов двигателя повианского истребителя оказалась нарушена, и противоаварийные системы уже не успевали погасить реакцию. Бортовой компьютер «спида» позволил Редеру увидеть последствия: сплющенный диск дергался, кувыркаясь в пространстве, от него ежесекундно отлетали сверкающие куски.

Другой повианский корабль отрывался от преследования, устремляясь к газовому гиганту в надежде затаиться там в фоновой неразберихе и подождать, пока остальные суда его флотилии смогут вступить в бой. Истребители Содружества «Радклиф» и «Метьюрин» только этого и ждали. Они были не так маневренны, как «спиды», зато невероятно быстры. Быстро зажав повианский корабль в клещи, они принялись хлестать его тяжелыми антикорабельными ракетами. Повианин еще резче ускорился, скользя к газовому гиганту...

— Слишком близко,— пробормотал Редер.

Вражеский корабль ворвался в наружную кромку атмосферы планеты на такой бешеной скорости, что мгновенно превратился в ослепительный болид. Этот болид затем нырнул в бури столь дикие и колоссальные, что он почти сразу же там затерялся.

Голос Шелдона с треском вырвался из интеркома, заглушая возгласы «Ур-ра!» и «Получи, гад!».

— Дальнейший курс,— рявкнул он.— А ну за работу!

— Слейтер! — воскликнул Хаджи.— Да где вы там, черт возьми?

— Мы идем к вам, сэр, но столкнулись с упорным сопротивлением. Эти люди, похоже, готовы любой ценой нас остановить.— Голубые глаза лейтенанта оторвались от груды трупов, наваленной поперек коридора. Мокаки использовали эту груду как баррикаду, прячась за ней и поминутно высовываясь, чтобы пальнуть в десантников.

Слейтер уже приказала своим людям перестать палить из лазеров, потому что живым мокакам вреда от этого почти не было, зато беспомощные трупы черт знает во что превращались. Не то чтобы метательное оружие было ей больше по вкусу, но оно по крайней мере трупы не поджигало.

Слейтер раздраженно покачала головой.

— Все без толку,— пробормотала она.— Давайте сюда залепушку,— приказала она своему заместителю.— Это должно быстро все упростить.

Майор Хаджи понимал, что выбор у него с каждой минутой становится все более ограниченным. Его отряд попал в безвыходное положение. Они оказались в открытом коридоре, а враги смыкались с обоих концов. Повсюду были двери, но их никак не удавалось открыть. Они не поддавались лазерному огню, оставаясь прохладными даже после длительного выплеска. Пули от них только отскакивали, а от пинков у всех уже ноги болели. Явно инопланетная технология.

Хаджи повернулся к повианам.

— Открой дверь,— велел он одному из них.

Чужак поднял хобот, что болтался между ромбовидным набором его глаз, и десантники вскинули оружие в автоматическом отклике на потенциальную угрозу. Чужак поколебался, затем произнес:

— Почему мы должны вам помогать? — Голос его был совершенно разборчивым, но очень высоким и странно вибрирующим.— Наши союзники скоро придут и всех вас убьют. Тогда мы будем свободны.

Майор поднял свой именной пистолет и нацелил его твари точно между глаз, почти касаясь тускло-красной головы.

— Будь уверен, когда они придут, ты будешь мертв. А теперь открой дверь.

— Ты меня не убьешь,— возразил повианин.— Я слышал, как командир приказал тебе любой ценой сохранить нам жизнь.

— К несчастью для тебя, его сейчас здесь нет,— сказал ему Хаджи.— Зато я есть.— И он приставил пистолет прямо к хитиновой голове твари.— А если ты эту дверь не откроешь, очень может быть, что кто-то из твоих приятелей откроет ее после того, как я тебя пристрелю. Трое пленных повиан почти то же самое, что четверо, а двое мало чем хуже троих. На худой конец нам и одного вполне хватит.

— Это бессмысленно,— заспорил повианин.— Сдавайся, и мы замолвим за тебя словечко. Наше слово для них закон.

— Ты очень плохо знаешь своих союзников, приятель, если так думаешь. Пойми одну простую вещь: если нам конец, тебе тоже. Мне определенно нравится идея, чтобы мы тут все вместе за правое дело полегли.— Хаджи наклонил голову, пряча мимолетную улыбку.— Это вроде как романтично. Тебе так не кажется? Так что чем успешней мы будем себя защищать, тем дольше ты проживешь. Ты хорошо меня понял? — спросил майор.

— Да,— сказала тварь и повернулась к двери. Четырежды она прикладывала свою странную трехпалую лапу к щели между дверью и косяком. Когда повианин закончил, дверь бесшумно скользнула в сторону.

Десантники и их пленники поспешили войти внутрь.

— Закрой ее,— приказал Хаджи, и повианин повиновался.

Майор оглядел помещение. Других дверей там не имелось. Очевидно, это была какая-то лаборатория. Там даже находился большой вентилятор для всасывания дыма. Хаджи подошел к нему и заглянул под зонт. Оттуда вела приличных размеров дымовая труба. Для него, разумеется, слишком узкая.

— Куда ведет эта труба? — спросил он у одного из повиан. Майор так и не смог понять, тот же это самый, которому он угрожал в коридоре, или нет.

— К установке для кондиционирования воздуха, полагаю,— ответил тот.— Мы такими мелочами не интересовались.

Хаджи мог бы поклясться, что в дрожащем голосе твари прозвучала толика обиды.

— Бенгер! — рявкнул он.— Выйди из строя.

— Есть, сэр! — отозвался совсем юный голос.

— Как думаешь, сможешь там пролезть? — спросил Хаджи.

— Так точно, сэр,— ответила девушка, и голос ее был полон незаданных вопросов.

— Сейчас мы тебя туда запихнем. Есть воздуховод достаточно широк, мне нужно, чтобы ты по нему проползла, нашла Слейтер и ее людей и привела их к нам.

— Но, сэр,— возразила Бенгер,— я не могу вот так уйти и вас бросить.

— Верно,— сказал Хаджи.— Ты можешь остаться здесь и погибнуть. Короче, сержант, лезь туда и приведи нам подмогу. Имей в виду, что наша жизнь и наша честь куда менее важны

в сравнении с необходимостью доставить этих пленников в контрразведку. Все ясно, Бенгер?

— Так точно, сэр! — откликнулась девушка и поставила ботинок в сложенные чашечкой ладони капрала Дэвиса.

Капрал подбросил ее как пушинку, и она с глухим кряхтением залезла в воздуховод.

— Я могу пробраться, сэр,— гулко сообщила девушка.— Здесь тесно, но я пролезаю.

— Тогда двигай! — рявкнул ей Хаджи. Ответом ему было тихое шуршание.

Затем он посмотрел на чужаков. «Что они знают такое, чего я не знаю? — задумался майор.— Или у меня просто воображение разыгралось?» И самом деле, что можно было прочесть на физиономии паука из белогорячечного кошмара? Тем не менее он мог поклясться, что повиане думают, будто у них есть какой-то туз в рукаве. В том, как они держали свои жвалы, определенно было что-то самодовольное.

— Марси подбит! — крикнул кто-то.

— Катапультируйся!

Редер вздрогнул, когда зеленый маячок запульсировал красным. Еще один «спид» пропал — то ли сразу превратился в облако ионизированного газа, то ли мертво закувыркался, рассыпаясь на части. «Радклиф» и повианский истребитель стремительно неслись к северному полюсу газового гиганта, кружа друг вокруг друга по бешеным спиралям и вовсю работая энергетическими орудиями. Ракеты у них давно кончились. «Метьюрин» парил невдалеке от все еще закованного в лед повианского линкора, отбиваясь от трех оставшихся вражеских истребителей; корабль терял воздух, и треть его отсеков, судя по планкам статуса, были уже задраены. Впрочем, опять-таки судя по показаниям, повианские корабли находились еще в более худшем состоянии. Один из них едва маневрировал, однако все три истребителя продолжали наседать, обращая свои орудия против «спидов».

А «спиды» теперь сделались более легкими мишенями, поскольку их траектории были четкими и регулярными, пока их энергетические пушки палили в одни и те же точки, как можно скорее наращивая там температуру и давление. Диаграмма повианского линейного крейсера показывала, что его уже окружала раскаленная почти как солнце плазма.

— Еще чуть-чуть,— прошептал Редер,— самую малость...

Сержант-десантник Рубин Коэн пристроил изящную залепушку у себя на плече и подождал, пока компьютер выберет опти-

мальную мишень. Объявляя о своей готовности, компьютер издал тонкий писк, и Коэн нажал на спусковой крючок.

— Жрите, фанатики,— пробормотал он.

С негромким пшиком залепушка выпустила крошечную ракетку, и другой конец коридора взорвался в пламени, потоках крови и густом дыму.

Они немного подождали, чтобы посмотреть, что предпримет враг. Затем, когда воздухочистки всосали дым, а никакого отклика так и не последовало, Слейтер дала команду двигаться. Сперва она сама сделала несколько шагов, а затем жестом послала вперед сержанта Баярд, своего заместителя.

Баярд настроила свою нашлемную камеру на полное увеличение и задала ей сканирование лежащего впереди коридора. Компьютер в ее шлеме начал интерпретировать визуальные данные, выискивая какие-либо аномалии или специфические объекты — такие, к примеру, как дистанционная камера, выглядывающая из одного из боковых коридоров. Заключение «проход свободен» оранжевыми буквами высветилось в левом верхнем квадранте ее визора. Тогда сержант размотала собственную дистанционную камеру, свернутую в виде съемной катушки под главной камерой, и аккуратно отпустила тонкий провод в конец коридора. Специальный объектив предоставил ей обзор проходов направо и налево.

— Ничего, кроме трупов,— сообщила Баярд в интерком.

Лейтенант Слейтер продвинулась вперед и встала рядом с ней. Оглядывая тела, она увидела, что там нет даже ни одного раненого.

— Мокаки,— горестно пробормотала она. Бывали случаи, когда слова «идиоты» оказывалось совершенно недостаточно и даже выражение «полные кретины» не вполне подходило. В таких случаях слово «мокаки» говорило обо всем.

Она выглянула в правый коридор, куда им предстояло идти, и увидела труп, лежащий перед закрытой дверью. Подойдя к нему, Слейтер внимательно его осмотрела. Судя по тому, что виднелось под обрывками его одежды, это был никакой не мокак. Под одеждой у этого человека имелись тончайшие нательные доспехи, тоже в лохмотьях. Примерно такие доспехи носили полицейские, однако в боевой ситуации, когда использовалось по-настоящему эффективное оружие, они были бесполезны. Носком ботинка Слейтер перевернула труп.

Перед изящного костюма с дорогой вышивкой остался нетронут. Толстая золотая цепь окольцовывала одно запястье, а на средних пальцах обеих рук имелось по массивному золотому перстню с самоцветом. В ухоженной ладони все еще был зажат крошечный игломет.

Люди Слейтер двинулись мимо нее по коридору. Баярд остановилась рядом с лейтенантом.

— Что этот в пух и прах разодетый бандюган на мокакской базе забыл? — спросила сержант.

— Не знаю,— медленно ответила Слейтер, глядя на запертую дверь, которую мертвец, очевидно, охранял.— Но если там что-то такое есть, мне бы хотелось кусочек.

Затем Слейтер ухватила за руку одного из своих людей и что-то шепнула ему на ухо. Мужчина подошел к закрытой двери и постучал.

— Сэр,— уважительным тоном произнес он.— Нам придется отсюда уходить.

Дверь открылась, и Слейтер тут же сунула свой пистолет под подбородок человеку, который за ней стоял. «Хотя он скорее на медведя похож»,— тут же подумала она. Одетый примерно как тот, что лежал на полу, мужчина был просто огромен. Но при этом совсем не мягок. Слейтер усилила давление на рукоятку своего пистолета.

— Руки за голову,— скомандовала она,— и без резких движений.

Баярд принялась обыскивать здоровяка, избавляя его от всевозможного оружия. Всю изъятую амуницию она бросала тому самому десантнику, который постучал в дверь. Затем она куском особого провода связала ему руки за спиной.

— Извините, сэр,— бросил пленник через плечо.— Они меня захомутали.

— Такого дуболома кто не захомутает! — ответил ему гневный голос.— Только я с этими людьми никуда не пойду.

— Это ваше законное право, сэр,— вежливо сказала Слейтер.— Но вам следует знать, что мы планируем взорвать базу, как только взломаем все компьютеры. Выбор за вами, но я рекомендую вам пойти с нами, сэр.

— Это еще кто? — Владелец гневного голоса оттолкнул своего тяжеленного телохранителя в сторону, точно мешающую ему занавеску, и уставил огненный взор на Слейтер. Мужчина был невысокий и пузатый, с аккуратным носиком, который как-то нелепо смотрелся на его жирной физиономии.— Сейчас я тебе, девочка, кое-что объясню,— выкрикнул он, агрессивно тыча в нее пальцем.— У меня есть влияние! У меня есть друзья! Лучше со мной не связывайся!

Застигнутая врасплох Слейтер удивленно заморгала. На мокака этот толстяк ни в малейшей степени не походил.

— Гм... а кто вы такой, сэр? — осведомилась она.

— Я Майк Флит, дура безмозглая!

Медленная улыбка расползлась по лицу лейтенанта, когда она припомнила, где она уже слышала это имя. Флит был одним из главарей преступного мира. Очень большой шишкой. И по слухам у него была самая тесная связь с пиратами.

— Ах, как замечательно,— сладким голосом протянула Слейтер.— А у нас для вас, сэр, уже и местечко приготовлено. Уверяю вас, вам там будет как дома. Не будете ли вы так любезны с нами пройти? — Затем она взяла его за руку и повела по коридору.

— Лейтенант! — раздался вдруг у нее над головой голос. Все они тут же вскинули оружие и прижались к стенам. Слейтер резко оттолкнула пленника, закрывая его своим телом и керметной броней. Пленник был необычайно ценный.

Флит затрепыхался у нее за спиной.

— Сука, ты меня толкнула,— заныл он.— Вот сука...

— Заткнитесь, сэр,— приказала ему девушка.

За решеткой воздуховода смутно виднелось чье-то лицо.

— Меня майор Хаджи послал,— быстро сказал голос.— Он приказал мне вас к нему проводить. Отряд заперт в комнате неподалеку отсюда. Отойдите, я себе дорогу прожгу.

Слейтер передала пленника Баярд и жестом велела ей догонять остальных. А сама она с другим десантником отодвинулась назад, по-прежнему внимательно наблюдая за воздуховодом.

Их лицевые пластины потемнели, когда они стали наблюдать, как лазер прорезает тонкий металл воздуховода. Затем пара маленьких рук в перчатках ухватилась за край, и девушка спрыгнула на пол.

— Рядовой Бенгер,— отрекомендовалась миниатюрная десантница и отдала честь.— Майор Хаджи приказал мне вас к нему проводить,— повторила она.

— А почему он свой маяк отключил? — спросила Слейтер, жестом веля ей показывать дорогу.

— Он решил, что мокаки используют этот маяк, чтобы за нами следить, сэр. У нас там четыре повианских пленника, и мокаки, похоже, намерены сделать все, чтобы не дать нам уйти.— Бенгер перешла на трусцу.— Сюда,— сказала она, направляя их в боковой проход.

Слейтер пришлось позвать своих людей обратно, чтобы все они последовали за молодой десантницей. После еще одного неожиданного поворота им стали попадаться мертвые тела — как мокаков, так и десантников. Затем Бенгер подняла руку, и вся колонна резко остановилась.

— Вот в этом коридоре,— сказала Бенгер и нахмурилась.— Но здесь тихо.

Тут, словно по команде, дальше по коридору раздался взрыв, за которым последовали легко узнаваемые вспышки лазерного оружия и пронзительное шипение сублимирующегося металла...

Слейтер набрала код на интеркоме.

— Полный ажур, только головы пониже,— сказала она.— Давай,— бросила она через плечо.

Короткое, неказистое оружие кашлянуло. На таком расстоянии оно было вполне безопасно; кристаллошрапнель быстро теряла скорость... а вблизи была точно мириады миниатюрных циркулярных пил. Слейтер и ее десантники высыпали в коридор, их оружие содрогалось, ловя атакующих мокаков в ужасающем перекрестном огне, поскольку осажденные во взломанной комнате десантники тоже стреляли.

— Бросайте оружие! — проревел Хаджи.— Сдавайтесь!

На самом деле никто не ожидал, что они сдадутся. Хотя последний мокак все же поднял руки, словно бы собираясь сдаться.

— Ложись! — рявкнула Слейтер, бросаясь на пол.

Весь отряд с заученным автоматизмом последовал ее примеру. Окровавленные куски мокака заляпали стены коридора. Что-то звякнуло по задней пластине керметных доспехов Слейтер, и она испустила тяжелый хрип...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На капитанском мостике началась бурная радость. Она распространялась по всему «Непобедимому», пока образ миниатюрного солнца, что расцветало на орбите газового гиганта, перескакивал с экрана на экран. По коридорам разносился волчий вой триумфа и облегчения.

Питер Редер мгновенно ко всему этому присоединился, причем его ликование было приправлено законной гордостью. «В конце концов, это была моя идея»,— с легким самодовольством думал он.

Тут Питер вдруг понял, что расцветающее солнце может значить для «спидов», которые довели плазму вокруг линейного крейсера повиан до температуры выше критической.

— Ведь это как рядом с бомбой «солнечный феникс» оказаться! — воскликнул он.

Редер влетел на полетную палубу в тот самый миг, когда завыли тревожные клаксоны. Оказавшись там, он пристегнул шлем своего дезактивационного скафандра; гигантская камера за переходным шлюзом уже приобрела ту яркость и отчетливость, которая означала, что оттуда выкачан воздух. Когда громадные ворота в космос распахнулись, воздуха там хватило лишь на то, чтобы запустить несколько случайных клочков бумаги и кусочков фольги в медленное межзвездное путешествие. Безымянный газовый гигант покачивался снаружи, прекрасный и жуткий в красно-сине-зеленых тонах, а его кольцо казалось мостом через небеса. Расширяющийся шар перегретого газа, в который теперь превратился повианский корабль, для невооруженного глаза был едва различим.

Редер и все его люди ожидали в дезактивационных скафандрах. Он провел языком по соленым от пота губам; туман частиц большой энергии расползался по всей округе от работы орудий и моторов, а также остатков боевых кораблей, что отправились в Эйнштейнов Рай. Как только последний «спид» притащился домой и громадные наружные ворота закрылись, Редер отключил предохранительный клапан, который держал бы всех в ожидании перед главной палубой до тех пор, пока не выровнялось бы давление воздуха. Системы его скафандра отозвались треском, когда поля сцепки отключились. Новая порция частиц большой энергии.

«Впрочем, мы все в скафандрах,— подумал Редер,— так что это неважно».

А вот что действительно было важно, так это как можно скорее вызволить пилотов из машин и доставить их в лазарет. «Спиды» могли подождать, хотя их истерзанный вид сжимал Редеру сердце. В абляционном покрытии были прожжены дорожки, которые ярко блестели в тех местах, где металл сплавился с керамикой под пульсирующими ударами плазменных разрывов или более острыми уколами лазерных лучей. Рамы были покорежены, заметно выгнуты там, где их повредили близкие промахи. Математически точные пунктирные повреждения от высокоскоростных кинетических снарядов маскировали расплавленный хаос под ними. А поверх всего шло зудящее предупреждение детекторов радиации. Тот чудовищный термоядерный взрыв выкачал в космос невероятное множество квантов большой энергии. Не остановленные на такой близкой дистанции защитными полями, они буквально исхлестали «спиды», прорываясь сквозь ткань и производя настоящую бурю вторичной радиации там, где они натыкались на металл.

Помогать были призваны все те, кто имел хоть минимальные навыки первой помощи, включая Редера. Потребность в неотложной медицинской помощи оказалась даже выше той, что планировалась в самых пессимистичных прогнозах, и оставались большие сомнения, хватит ли всем пострадавшим регенерационных резервуаров.

«Что ж,— подумал Редер,— не так сложно будет опознать тех, кому они больше всего потребуются. Тяжелые радиационные ожоги вроде как сами за себя говорят». Он оскалился в какой-то пародии на ухмылку, стоило ему только увидеть «спид» Гивенса. Половина правого крыла там вообще отсутствовала, и из-под растерзанного покрытия торчали детали; от правого сопла словно бы какой-то гигант зубами кусок отхватил. «Как он эту развалину вообще лететь заставил? — подивился Питер.— Этот человек — потрясающий пилот»,— с глубоким уважением подумал он, запуская вперед команду обслуживания.

Сам Гивенс, очевидно, не смог опустить трап, так что Редер набрал код у себя на пульте, а потом как можно скорее запрыгнул на борт.

Гивенс развалился в кресле, уронив облаченную в шлем голову на грудь. Питер стал аккуратно поднимать голову пилота, пока ему наконец не удалось заглянуть под лицевую пластину. И он тут же об этом пожалел. Гивенс медленно открыл глаза и секунду спустя понял, кто над ним стоит.

Лейтенант охнул.

— Убить меня хотите? — подозрительно вопросил он.

— Нет,— сказал Редер.— Я всего лишь хочу доставить вас в лазарет. Крепитесь. Двигаться будет больно, но мы как можно

скорей постараемся.— «Слава Богу, у нас теперь регенерационные резервуары имеются»,— от души порадовался он. Лет тридцать тому назад человек в состоянии Гивенса неизбежно умер бы через двое мучительных суток.

Гивенс потерял сознание раньше, чем его спустили по трапу. «Это даже к лучшему»,— подумал Питер. Ведь перед тем, как погрузить Гивенса в специальную ванну для транспортировки, его еще требовалось избавить от шлема и скафандра. Страшно было подумать, что ему при этом пришлось бы перенести, будь он еще в сознании. Вопил бы для начала как резаный. Клочья кожи отходили бы вместе со скафандром, а времени на особые нежности у санитаров уже не оставалось.

Ожоги были обширными. Редер быстро огляделся. Похоже, каждый «спид» принес в себе раненого, однако большинство из них все же были способны пусть с посторонней помощью, но идти. Они закончили с Гивенсом и закупорили емкость жизнеобеспечения, которой предстояло его поддерживать, пока пилота не перегрузят в регенерационный резервуар.

— Удачи, лейтенант,— пробормотал Редер, когда один из санитаров покатил ванну в лазарет. А затем он целиком переключил свое внимание на следующий «спид» и следующего раненого.

— В целом,— заключил капитан-лейтенант медицинской службы Голдберг,— все вышло не так скверно, как казалось вначале. Нам удалось использовать два наших подразделения для оказания помощи не столь тяжело раненным, никак не ограничивая при этом потребности тех, кто нуждался в более интенсивном уходе. У всех наблюдается нормальный прогресс. И несмотря на вполне понятную скорбь по погибшим товарищам, моральный дух в целом оказался гораздо выше, чем ожидалось. Я рассчитываю уже к концу этой недели выписать первых двоих.— Доктор сложил перед собой руки и одарил капитана лучезарной улыбкой, напоминая при этом смышленого школьника, точно знающего, что он заслуживает одобрительного хлопка по спине.

— Блестяще, доктор Голдберг. Благодарю вас и весь ваш персонал за превосходно выполненную работу,— с теплой улыбкой сказал Каверс, оказывая медикам ту поддержку, которой они, несомненно, заслуживали. Капитан не знал, какие именно материально-технические чудеса доктор Голдберг извлек из рукава, чтобы теперь сделать столь утешительно-обнадеживающий рапорт, зато он точно знал, что они случились. Спецификации с трудом допускали то число тяжелораненых, которое им реально пришлось лечить. Менее способный корабельный врач оказался бы попросту завален работой.

Голдберг определенно поднял настроение другим членам старшего офицерского состава. Теперь они даже выглядели не такими

усталыми, включая Редера, от которого капитан ожидал получить самый малоприятный рапорт.

Правда, было весьма прискорбно, что Голдберг не смог спасти последнего уцелевшего повианина.

— По чужаку вы что-то можете доложить? — спросил Каверс.

Доктор Голдберг покачал головой.

— Мне очень жаль, сэр,— со всей серьезностью произнес он,— но времени для вскрытия у нас пока не нашлось. Самой очевидной причиной смерти является рана в области грудной клетки.— Доктор указал на соответствующий участок своей груди.— Мы не сумели ее заштопать, и пока что мы не знаем, какой ущерб был нанесен внутренним органам.

— И он так ничего и не сказал, кроме...— Каверс сверился со своим блокнотом,— «вы меня убили, вам отомстят, вы за это заплатите»?

— По крайней мере, больше мы ничего не поняли,— ответил Голдберг.— Похоже, он порой на своем языке разговаривал. Звуки, которые он издавал, для стонов или еще чего-то такого кажутся слишком упорядоченными. У нас есть запись всех звуков, которые он произвел. Передать вам копию, сэр?

— Да, пожалуйста,— сказал капитан.

— Они искренне ожидали, что их спасут,— медленно произнес майор Хаджи.

Каверс бросил на него взгляд. Вообще-то майор должен был все еще оставаться в лазарете, но он настоял на том, чтобы ему позволили принять участие в совещании.

— Что заставляет вас так думать, майор? — спросил Редер.

— Когда мокаки взорвали дверь, повиане попытались сбежать. В конце концов они отбились от охранников и бросились к своим союзникам. Но мокаки их просто покрошили. По сути, я бы даже сказал, что именно за этим они там так долго и оставались. Им хотелось любой ценой убить повиан.— Хаджи покачал головой.— Они на них весь огонь сосредоточили. Наверно, только из-за этого я до сих пор жив.

Капитан задумчиво кивнул.

— А повиане это поняли?

— Тот, которого мы пытались спасти, понял,— уверенно ответил майор. Он слегка изменил позу, но больше никаких признаков неудобства себе не позволил.

— Раньше я склонен был считать сообщения о том, что Толкователи отдают «предателей Конгрегации» на корм повианам простой пропагандой,— сказал Редер.— Но если это правда, то очень в духе мокаков восставать по этому поводу против повиан, а не против своих вождей.

Было очевидно, что все сидящие за столом с этим согласны, и судя по задумчивым выражениям их лиц, они прикидывали, как этот инцидент может отразиться на отношениях мокаков с повианами.

Каверс сжал губы.

— Если повиане каким-то образом узнают, что произошло с их собратьями,— заметил он,— вполне вероятно, что они это одобрят. Вряд ли им хочется, чтобы мы кого-то из них в плен захватили.

— Но это действительно в духе мокаков, как верно заметил коммандер Редер, бояться этих тварей и одновременно их презирать,— сказал доктор.— Меня с самого начала удивляло, как мокаки вообще смогли с повианами в союз войти.

— Я к ним тоже любовью не проникся,— пробормотал майор Хаджи.

— Коммандер Редер,— произнес капитан.— Ваш рапорт, пожалуйста.

— Дезактивационные процедуры уже завершены,— объявил Питер.— И я рад доложить, что все прошло очень гладко. Никаких несчастных случаев, никто из моих людей не пострадал, все зараженные материалы надежно запечатаны и ожидают удаления. Мы с лейтенантом Роббинс разработали план, благодаря которому мы сможем спасти семь из одиннадцати наиболее тяжело поврежденных «спидов» путем утилизации четырех, которые ремонту не подлежат. Таким образом, в целом у нас остается двадцать шесть более или менее функционирующих машин, хотя наш резерв запчастей едва ли не исчерпан.— Редер сжал губы.— Эта победа дорого нам обошлась, сэр.

— И все же я убежден,— сказал Каверс, оглядывая сидящих за столом,— что начальство будет удовлетворено проведенной операцией.— Тут он улыбнулся майору Хаджи.— А в особенности его маленький триумф лейтенанта Слейтер порадует. Майк Флит имеет для нас ценность еще более непосредственную, чем могли бы иметь повиане.

«Ага,— подумал Питер.— Потому что он „бизнесмен". А с „бизнесменами" всегда можно договориться».

— Далее, сэр,— продолжил Редер.— Мокакские «спиды», захваченные десантниками, имеют несколько незнакомых компонентов. Мне нужно ваше разрешение на то, чтобы я или лейтенант Роббинс допросили взятых нами в плен инженеров.

— Разрешение дано,— сказал капитан.— Мистер Бут, вам предписано обеспечить коммандеру и лейтенанту приемлемый доступ к пленным.

— Есть, сэр,— отозвался Бут. Глаза его сверкнули, когда он взглянул на Редера.

— Еще вопросы имеются? — спросил Каверс. Все дружно помотали головами.— Тогда совещание можно считать закрытым.

Колени Комптона Духовидца вовсю дрожали, и он благодарил Духа Судьбы за то, что роскошная серая ряса скрывала их столь унизительное предательство. Впрочем, насколько он знал, жалкие

повианские выродки могли видеть все его голое тело под одеждой. Духовидец аж передернулся. Последняя казнь, на которой он присутствовал, была слишком свежа в его памяти, и в пищеварительных сумках повиан тогда что-то такое было. Он очень старался слишком пристально на них не смотреть.

Впрочем, для мокакских охранников, что стояли у входа в апартаменты повианского посла, лицо Толкователя несло на себе выражение надменного спокойствия, и весь его облик был для них совершенно непроницаем. Так что они распахнули для него двери, даже не удосужившись постучать. Все двери должны были открываться перед Толкователями Праведного Пути.

— Ну вот,— обращаясь к своему секретарю, сказал на повианском посол За'асат.— А я все думал, когда же они кого-то пришлют.

Двое повиан следили за приближением Толкователя, благодаря расширенному диапазону своего зрения видя, какой эффект страх мокака оказывает на температуру его тела.

— Непохоже, чтобы он нам добрые вести принес,— заметил секретарь по имени Д'рил.

— Да, действительно. По-моему, он ожидает, что мы его прямо сейчас на куски разорвем и съедим,— довольным тоном отозвался За'асат.— Знаешь, Д'рил, некоторые из наших братьев по клану на самом деле людей не любят. Но только не я! Я их просто обожаю. Несравненный деликатес!

В полном восторге от остроты посла, Д'рил аж хвостом по полу щелкнул, а человек резко остановился в нескольких метрах от них, и его причудливо раскрашенная плоть стала еще бледнее.

Духовидец едва сдержал свой мочевой пузырь, когда чужак, явно ему угрожая, зловредно щелкнул хвостом. «И все же,— напомнил он себе,— раз уж такова воля Духа Судьбы, что я должен страдать...— тут Толкователь с трудом сглотнул слюну,— то я должен все это вынести». Он поклонился монстрам — скорее из страха, нежели из уважения.

— Добро пожаловать, Толкователь,— сказал мокаку За'асат. Он понятия не имел о том, кто был этот курьер. Несомненно, кто-то не слишком значимый — или даже кто-то, заслуживающий наказания. Этим мокакам, похоже, ничто так не нравилось, как без конца друг друга унижать. За'асат просто не понимал, как вид, одержимый такой жизнеотрицающей чепухой, вообще мог выжить, не говоря уж о том, чтобы развиться до возможности выхода в космос. Конечно, повиане тоже друг с другом боролись. За территорию, за власть, за добычу, за возможности роста для своего клана. Но за такую... бессмыслицу? Нет, он решительно этого не понимал, и даже не мог найти в своем языке подходящее слово.

За'асат решил дождаться, пока курьер заговорит.

— Я... я принес скорбные вести, посол,— сумел наконец выдавить из себя Духовидец.

— Как вам не повезло,— сочувственно отозвался За'асат.

Духовидец закрыл глаза и мысленно прочел быструю молитву.

— Посол, четыре представителя, которых вы послали в наш передовой подслушивающий пост...— Толкователь умолк, явно неспособный продолжить.

— Слушаю вас, Толкователь,— подбодрил его За'асат.

— Они были убиты, а ту базу захватили наши враги,— закончил Духовидец. Испытывая отчаянную нехватку кислорода, он аж закачался.

— Да, я знаю,— сказал посол.— Подойдите ближе,— предложил он мокаку.— Я вам кое-что покажу.

Невесть как Духовидец заставил себя приблизиться к двум... тварям, которые так жадно за ним наблюдали. «О Дух Судьбы,— отчаянно взмолился он,— помилуй меня. Тогда я смогу послужить тебе и искупить мои ничтожные грехи».

Посол повернул к трясущемуся мокаку монитор и запустил просмотр.

— Это было снято одним из наших представителей,— объяснил За'асат.

Духовидец уставился на экран. Поначалу там трудно было что-либо различить. Цвета были совершенно не те, а камера двигалась слишком стремительно. Мокак увидел то, что напоминало мелькающие человеческие конечности, а также повианские «руки» и «ноги». Затем камера слегка повернулась и с невероятной быстротой понеслась к дверному проходу. Сквозь дым он различил мокакских солдат. «Нет!» — мысленно воскликнул Духовидец, слишком потрясенный, чтобы заговорить. Солдаты выстрелили, и запись оборвалась.

За'асат наблюдал за до смерти перепуганным человеком, наслаждаясь его неподдельным ужасом. Затем он все же решил снять напряжение и не дожидаться, пока это существо обделается. Это было, пожалуй, единственным, что ему в них не нравилось. Они так мерзко воняли. Хотя была у него одна знакомая повианка, которая это просто обожала. С другой стороны, она была столь же сумасбродна, сколь и красива.

— Они были разменной монетой, ничем больше,— пренебрежительно заметил посол.— Ваши люди очень правильно их убили. Мы не хотим, чтобы наших представителей забирали в плен.— Хотя За'асат сильно сомневался в том, что мокаки действовали в интересах повиан, когда открывали огонь.

— Всем нам суждено умереть,— с запинкой произнес Духовидец.— Но бомбы почему-то так и не взорвались. Те наши люди, кто был захвачен в плен, будут прокляты, их имена будут вычеркнуты из списка благословенных.

За'асат нашел предложение мокака довольно трогательным. И не смог удержаться от мысли, что эти существа просто обречены стать добычей. Очень скоро так и случится.

— Они до безумия суеверны,— сказал ему на повианском Д'рил.

— Зато невероятно вкусны,— ответствовал За'асат.

Хвост Д'рила задрожал, но он все же удержался от щелчка.

— Мы вполне удовлетворены,— вежливо сказал За'асат Толкователю.— Больше об этом инциденте сказать нечего. Хотя, разумеется,— вкрадчиво продолжил он,— забыть его тоже никак нельзя.

— Да,— прохрипел Духовидец, чей страх не уменьшился ни на йоту.

— Впрочем, мы слишком долго отрывали вас от исполнения ваших обязанностей, Толкователь. Пожалуйста, не позволяйте нам и далее вас задерживать.— Несомненно, где-то были подчиненные, которых следовало бить и унижать. Что казалось повианину главным времяпрепровождением этого странного народца.

— Благодарю вас, посол,— забормотал Духовидец, кланяясь и торопливо пятясь.— И... еще раз благодарю.

— Всегда рады вас видеть, Толкователь,— произнес За'асат в адрес захлопнувшихся дверей и белой от страха физиономии, которая за ними исчезла.

— Быть может,— заметил Д'рил,— нам следовало ему какую-либо закуску предложить?

— Быть может,— откликнулся За'асат,— нам следовало его самого нашей закуской сделать?

От восторга оба тут же хвостами щелкнули. Д'рил открыл буфет. Оттуда послышались писк и мяуканье. Биология людей и родственных им форм жизни таила в себе множество приятных сюрпризов. Эти мелкие хищники были почти так же вкусны, как и доминантный вид, но куда более проворны.

— Десерт! — воскликнул Д'рил, открывая дверцу клетки.— Давайте его поймаем!

«Это дело небольшое,— думал мокакский лазутчик.— Серьезного вреда никому не будет». Что было определенным поводом для сожаления. Но даже самый ничтожный шажок вперед на службе Конгрегации был очередным шагом к благодати. Так что даже эта мелочь ложилась приятным теплом на сердце. «Но дальше будет дело покрупнее,— подумал лазутчик.— День ожидается напряженный. И это станет хорошим его началом».

Мокак был облачен в дезактивационный скафандр. Лучшей маскировки ему и не требовалось. Она не только защищала его от токсичных веществ, которые здесь хранились, но и сохраняла его анонимность, поскольку все появлялись в этой зоне только в скафандрах. Толстые складки и непрозрачная лицевая пластина скрывали пол, телосложение и характерные черты носителя скафандра; оставался один только рост. Но даже он мог быть обманчив.

Лазутчик держал в руке небольшой тепловой пистолет, скрытый в объемистой перчатке скафандра. Этот пистолет он рассчитывал использовать для размягчения пломб на цилиндрах с за-

раженными отходами, что прибыли с главной палубы и теперь ожидали удаления. Сейчас здесь хранился поразительный объем опасных веществ. Идеи и мечтания проплывали в голове агента, лопаясь как мыльные пузыри, пока мокак оценивал соотношение риска и возможной выгоды.

«Этого вполне хватит,— со вздохом подумал агент.— Мелочи зачастую не менее полезны. Ага, вот где эти цилиндры — славно запечатанные, аккуратно составленные. Примерная работа. Какая жалость, что вся она теперь насмарку».

Стараясь поскорее с этим закончить, лазутчик потянулся и провел тепловым пистолетом по пломбе самого дальнего цилиндра. Затем агент двинулся дальше по ряду и обработал пистолетом еще два контейнера.

«Достаточно,— с неохотой подумал мокак.— Я не должен потворствовать своим желаниям. Это уже к реальному подозрению приведет». Которого, разумеется, и так следовало ожидать — по крайней мере, в некоторых отсеках. Однако целью здесь было заставить простых содругов сомневаться в себе и в своих товарищах. «Если эти маловеры так свои мысли к раю и не обратят,— подумал лазутчик,— пусть потом горько раскаиваются».

Второй лейтенант Синтия Роббинс шагала по коридору к кабинету, в котором ей предстояло допросить пленных мокакских инженеров. Кислое выражение ее лица вполне соответствовало той кислятине, что бурлила в ее желудке. Сегодняшний завтрак — яичница с ветчиной, анчоусы и то, что отдел гидропоники со смехом именовал зеленым горошком,— сидел у нее внутри как комок плохого титана в баке термоядерного реактора.

Синтия была очень недовольна тем, что ей поручили заняться этими допросами. Коммандер Редер очень хорошо знал, что она едва способна даже своих подчиненных разговорить. Как же ей тогда, черт побери, предполагалось вызвать на откровенность врага — мокаков то есть? С другой стороны, имелось в виду, что инженеров только инженер мог толково допрашивать.

«Надо было нашего идиота, шефа контрразведки, этим занять,— подумала девушка.— Пусть бы хоть раз, придурок, в чем-то помог. К тому же это бы его отвлекло, и нормальные люди, у кого работа есть, могли бы спокойно ее делать».

Но больше всего Синтия была недовольна недоумком-охранником, который тенью за ней следовал. Он был приставлен к ней «для ее защиты», как заверил ее назойливый офицер контрразведки, в ведомости у которого она расписалась. Кто знает, может, он ее и впрямь защищал. Но почему-то его присутствие казалось Синтии оскорбительным. Хотя под мудрым руководством Бута половина всех контрразведчиков так произносила «с добрым утром», что всех их после этого хоть на дуэль вызывай.

Наконец они добрались до двери кабинета, где должен был проходить допрос, и Синтия встала перед ней в ожидании. Ничего

не произошло. Коридор оставался нейтрально-серым в обоих направлениях. Эта серятина нарушалась только черными контурами дверей и легкими выпуклостями пультов управления у каждой. Тогда Синтия повернулась и посмотрела на Канси, своего охранника. Он тоже на нее уставился. Они смотрели друг другу в глаза, и девушке при этом не приходилось задирать голову. «Это, наверно, потому,— подумала она,— что у него шея напрочь отсутствует».

— Не будете ли так любезны ее открыть? — наконец спросила Синтия.

— У меня нет ключа, сэр.

«И мозгов тоже»,— мысленно добавила она. Впрочем, это была не вина охранника; она сама не потребовала ключ, а дежурный сержант выдать его не догадался. «Обычный недосмотр,— подумала девушка,— ничего больше».

— Тогда вы бы лучше сходили и взяли его у сержанта,— ровным голосом предложила она.

— Мне поручено быть возле вас, сэр. Это приказ.

— Если вы хотите сказать, что я должна идти обратно к дежурному сержанту, то вы зря время тратите. Вы пойдете и возьмете ключ, а я вас здесь подожду.— Она сделала паузу. Канси не двинулся с места.— У вас пять минут.— Лицо его так и осталось каменным. «В башке у него, наверное, тоже камень»,— заключила она.

— У меня есть приказ, сэр,— объяснил Канси, и в его светло-голубых глазах промелькнуло отчаяние.

«А я-то Гивенса неандертальцем считала»,— подумала Синтия.

— Я лейтенант, если вы не в курсе. Я рангом выше сержанта. А следовательно, мой приказ в данном случае имеет при..— она чуть было не сказала «приоритет»,— старшинство,— закончила она, подобрав более понятное слово.— Поэтому вы должны поступить так, как я вам приказываю.— Тут девушке показалось, что Канси вот-вот зарыдает.— Часы, между прочим, тикают.

— Но я... мне...

— Поймите, я здесь взаперти,— произнесла она так ласково, как только могла.— Мне тут просто нечего больше делать, кроме как вас дожидаться.— Охранник открыл было рот, словно собираясь заговорить, но тут же снова его закрыл.— А ну пошел, Канси, или я тебя живо на гауптвахту упеку! — заорала Синтия.

На тупой физиономии охранника выразилось чуть ли не облегчение, он тут же рявкнул «Есть, сэр!», откозырял и потопал прочь.

«Где они только такого откопали,— подумала девушка.— Хотя известно, какой там у них там отбор. Дышите, не дышите — наши поздравления, вы сотрудник военной полиции». Она была рада, что все-таки нашла верный способ его мотивировать. С некоторыми людьми ласка только все усложняла.

Он вернулся через добрых восемь с половиной минут. «Поскольку идти тут минуты две,— подумала Синтия,— надо пола-

гать, там много всякого шума и суеты поднялось». Честное лицо Канси сильно раскраснелось.

Он молча открыл дверь и отошел, чтобы ее пропустить.

— Вы войдете? — спросила она.

— Никак нет, я у двери посторожу.

— Тогда внутри сторожите,— прорычала Синтия, взглядом своих карих глаз вызывая его на спор.

Затем она села на специально поставленный там стул, а Канси принял стойку «вольно» у двери.

Кабинет оказался серый и маленький, что было вполне ожидаемо. Кроме того, его ровно пополам делила толстая пластиковая стенка. Там слабо пахло озоном, как, впрочем, и на любом звездолете, и еще слабее краской и вакуумной замазкой. «Непобедимый» по-прежнему оставался новым кораблем, хотя он стремительно обретал непропорционально богатый опыт. По эту сторону пластиковой стенки был стол и стул, а по другую — стол с тремя стульями. Причем по ту сторону ни души не наблюдалось.

Синтия решила подождать. Через пять минут она спросила:

— А где пленные?

— Не знаю, сэр.— Судя по его тону, Канси тоже об этом задумывался.

— Идите и скажите, чтобы привели пленных,— твердо приказала Синтия. Затем она оглянулась на Канси. Тот неуверенно заморгал.— Нет смысла торчать тут и наблюдать, как я на пустую комнату таращусь.— Он опять заморгал.— Капитан приказал мистеру Буту разрешить нам поговорить с пленными.

Это подействовало. Упоминание о капитане, да еще вкупе со словом «приказал», сработало безотказно.

— Пойду посмотрю, сэр, в чем там проблема,— сказал Канси и отдал честь.

Синтия энергично ответила, и он вышел. Тогда она повернулась, чтобы кисло воззриться на пустую половину кабинета.

Пеноплоть и парик вызывали у мокака непривычные ощущения; ему было немного душно и жарковато. Агент тревожился насчет пота; существовал предел тому, что могла впитать пена. Тогда это стало бы заметно, и могло сойти только в том случае, если никто не обратил бы внимания. Лазутчик был замаскирован под феноменально тупого военного полицейского по имени Канси.

«Надо ни на секунду не забывать, что ходить я должен как обезьяна»,— саркастически подумал мокак. Представляя себе весь комизм ситуации, когда настоящему военному полицейскому, практически лишенному и шеи, и головного мозга, придется отвечать на разнообразные вопросы по поводу того, что должно было вот-вот случиться, агент едва от смеха удерживался. «Да не впадешь в легкомыслие»,— тут же мысленно процитировал он, укоряя себя.

Попасть в зону гауптвахты оказалось удивительно легко, как только позади остался контрольно-пропускной пункт. А там дежурный сержант попросту проигнорировал «Канси», когда тот прошел мимо. Пальцевый сканер еще несколько недель назад был согласован с индивидуальным капиллярным образцом агента и включен туда как пропуск для «Канси». Позднее, когда дело будет закончено, останется только удалить имя и образец.

«Эти содруги глупы, слабы и недисциплинированы,— думал лазутчик.— Мы дадим им отпор. Мы их отбросим, и они с воплями и стонами полетят к своим жалким планеткам. Возможно, в изоляции они найдут дорогу к истинному пути». Агент в этом сомневался, и по тому, как все шло, никакой надежды на спасение у содругов не оставалось.

«Ага,— подумал агент.— Вот мы и на месте. Дверь номер тринадцать. Согласно суеверию,— мысленно усмехнулся он,— самое несчастливое число. И в данном случае так оно и есть». Агент пробежал пластиковой карточкой по ключевой щели. Дверь щелкнула и раскрылась. Войдя в комнату, фальшивый Канси прикрыл за собой дверь.

— Кто ты, черт побери, такой? — вопросил Майк Флит. Он лежал на койке, но, когда незваный гость вошел, тут же сел и скинул ноги на пол.

— Я ваш связник, мистер Флит. Вы не против, если я сяду? — Агент вытащил стул из-под небольшого столика у стены и сел, не дожидаясь приглашения.

— Чушь какая-то. Я тебя знать не знаю,— презрительно отозвался Флит.— Присылают сюда какого-то дуболома, который одну тарабарщину бормочет, и думают, что я на это куплюсь. Вы что, совсем за идиота меня держите?

Агент достал пачку сигарет и зажигалку. Положив их на столик, он сделал замысловатый жест.

Брови Флита мигом подскочили. Он ответил жестом еще более затейливым и получил надлежащий отклик.

— Будь я проклят,— пробормотал Флит.

«Это тебе гарантировано»,— подумал агент.

— Как вы сюда проникли? — изумленно поинтересовался агент.— И какого дьявола вам здесь нужно?

— Мне нужно только, чтобы вы знали, что мы по-прежнему печемся о вашем благополучии,— сказал агент.— В данный момент мы, очевидно, ничем помочь вам не можем, но будьте уверены — долго томиться в лапах содругов мы вам не позволим. Мы считаем ваши услуги слишком ценными, чтобы портить наши отношения.

Флит с довольным видом отвалился к стене.

— Так вы меня отсюда вызволите? — спросил он.

— Безусловно, мы не допустим, чтобы один из наших важнейших союзников гнил у содругов в тюрьме,— заверил его мокак и взглянул на часы.— Сейчас я должен идти. Может

статься, мы больше не увидимся. Но помните, я буду за вами присматривать.

— Нечего за мной присматривать,— раздраженно огрызнулся Флит.— За мной тут и так куча народу присматривает. Вызволите меня отсюда.— Его маленькие глазки сузились.— Или мои люди заставят вас, Толкователей, пожалеть о том, что вы вообще на свет родились.

— Поверьте, мы все сожалеем о том, что родились,— ласково отозвался мокак.— Низвергнуться из царства духа в царство плоти — великое наказание.— «Кто знает,— подумал он,— быть может, он прислушается и в конечном итоге поймет».

— Нечего меня всякой бредятиной потчевать,— презрительно рявкнул Флит.— Лучше сделайте так, чтобы я здесь не парился!

— Непременно. У ваших людей не будет повода для недовольства. А теперь я должен идти.— И агент привел свои слова в действие, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Флит буквально прыгнул к пачке в высшей степени нелегальных сигарет, которую мокак оставил на столике. Он уже много дней не курил, и тяга была почти неуправляемой. Закурив сигарету, он сделал глубокую затяжку, с наслаждением ощущая, как горячий дым заполняет легкие. «Ах, какой кайф! — радостно подумал Флит.— Эти чертовы содруги последнюю пачку у меня реквизировали, а эти вонючие мокаки на своей драгоценной базе тоже курить не давали. Даже в моей паршивой комнатенке». Тут Флит замер и взглянул на сигаретную пачку у себя в руке. «Дым какой-то не такой»,— подумал он.

Воротила преступного мира попытался выдохнуть — и не смог. Тогда он стал скрести ногтями глотку и бить себя в грудь, но тщетно. Немота волной покалывания распространялась по его телу, и Флит упал на колени. Он уже не мог даже руки поднять. От страшного удушья лицо его напряглось, а глаза выпучились.

«Помогите! — подумал Флит, но выговорить этого уже не смог.— Помо... гите...»

Один из самых опасных криминальных тузов Содружества упал ничком, несколько секунд подергался, а потом застыл. Глаза его были широко распахнуты, губы густо покраснели, и лишь тонкая струйка крови вытекла из раскрытого рта.

Дверь щелкнула, и мокакский лазутчик вошел. Проверив у Флита пульс и не найдя его, он забрал сигареты с зажигалкой и вышел. Дверь при этом он намеренно оставил распахнутой.

— Ты проститутка.

«Едва ли,— подумала Синтия.— На этом корыте ни с кем не переспать, даже если сама деньги заплатишь». Допрос был совершенно бесполезен. Не считая времени ожидания, она здесь уже почти час мучилась, а эти мокакские инженеры только тем

и занимались, что ее половую жизнь критиковали. «Если б она у меня была»,— с тоской подумала девушка.

— Пустая трата времени,— наконец заключила она.— Понятия не имею, зачем меня попросили с вами переговорить. Нам следовало знать, что вы все равно ничего дельного не поведаете.

— Тебе, блудница, мы очень много дельного можем поведать,— сказал самый главный мокакский инженер.— Но у тебя нет ушей это услышать.

— Это точно,— согласилась Синтия.— Я не так сексуально озабочена.

Челюсти инженеров мгновенно отпали, а глаза выпучились. Они вдруг на выводок совят стали похожи. Девушка едва от смеха удержалась.

— Всего хорошего, господа,— попрощалась она. Затем она встала и молча вышла из кабинета, а Канси держался позади.

Дальше по коридору была открытая дверь, и Синтия невольно туда заглянула. Она никогда не могла просто так мимо открытой двери пройти. Там лежало тело.

Девушка действовала без раздумья. Она мгновенно подлетела к лежащему мужчине, хотя по жуткому выражению его лица сразу поняла, что сделать тут уже ничего нельзя.

— Он мертв,— сказала она, оглядываясь на своего охранника.

Канси уже обращался к кому-то по наручному интеркому. Синтия услышала, как кто-то в ответ говорит: «Оставайтесь там и ничего не трогайте».

«Вот это номер,— подумала она.— Похоже, я никогда на главную палубу не вернусь».

Бут ворвался в дверь, грубо отталкивая беднягу Канси в сторону.

— О Господи! — в ужасе воскликнул он, глядя на Флита.— Голдберга сюда, Голдберга!

— Пульса нет,— заметила Роббинс.

— Вы! — проревел Бут.— Вы это сделали!

У Синтии аж челюсть отпала.

— Я это не делала! Зачем мне этого человека убивать? Я даже не знаю, кто он такой.

— Прекрасно вы все знаете,— осклабился Бут, сужая глаза.— Вы, деточка, мокакский лазутчик. Я понял это в тот самый миг, когда впервые вас увидел.

Идиотизм происходящего Синтию просто потряс, особенно после всех утренних передряг.

— Но рядом со мной почти все это время кто-то был,— запротестовала она, указывая на Канси.

— Почти все это время,— со значением повторил Бут.— Что она имеет в виду? — спросил он у охранника.

— Ну, сэр, мне пришлось сходить за ключом от кабинета, и меня минут восемь не было. А потом пленных не привели, и

лейтенант послала меня выяснить почему. На это еще минут десять-двенадцать ушло.— Вид у несчастного Канси был совсем жалкий.

«В муках вспоминать, что больше часа тому назад происходило, для него, наверное, просто кошмар»,— не без сочувствия подумала Синтия.

— Вот так! — театрально произнес Бут.— У вас был мотив и удобная возможность.

— Никакого мотива у меня не было.— «Ну ты и дубина»,— подумала она.— Я здесь только потому, что мне приказали сюда явиться. Вы с таким же успехом можете Канси обвинить.

Охранник явно был до глубины души потрясен.

— Нет-нет, сэр,— отчаянно запротестовал он.— Я этого не делал.

— Конечно, сынок, не делал,— успокоил его Бут.— Это все вот эта вот Мата Хари провернула. А потом вот так вот картину преступления исказила. Она ее с головой выдавала.

— Вы с ума сошли? — спросила Роббинс, в душе не сомневаясь, что так оно и есть.— Я увидела лежащего на полу человека, и моим естественным побуждением было подбежать к нему и помочь.

— То, что он мертвый, было за километр видать,— прорычал Бут.

— Ну да. Но это когда вы на него хорошенько посмотрите, а я действовала непроизвольно. Мне по роду работы не так часто трупы попадаются.

— В самом деле? — негромко произнес Бут, придвигаясь и буквально нависая над хрупким бортинженером.— Похоже, лейтенант, у нас тут все больше трупов накапливается. И все ниточки к вам ведут.

— От него ко мне ничего не ведет,— уверенно заявила Синтия, указывая на Флита.— Я его первый раз в жизни вижу.

— И тем не менее вы его убили,— сказал Бут.— Чертовски хладнокровно. Лейтенант арестована,— бросил он Канси.— Оформите ее и поместите в соседнюю камеру. Пусть она подальше от других мокакских пленных сидит.

— Я требую, чтобы вы коммандера Редера проинформировали,— сказала Синтия.

— О, разумеется,— осклабился Бут.— Лично.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Что? — недоверчиво переспросил Редер.— Что вы сделали?

— Я второго лейтенанта Синтию Роббинс арестовал,— самодовольно заявил Бут.

Питер в полном недоумении глазел на шефа контрразведки. Ему потребовалось отчаянное усилие, чтобы наладить работу мозгов,

до предела загруженных многотрудными задачами приведения в порядок «спидов» «Непобедимого». Слава Богу, они теперь шли прямиком к базе «Онтарио», но это все равно срочно требовалось проделать. Из-за постоянного недосыпа и перебора стимуляторов глаза у Питера были полны песка и страшно воспалены; существовал предел тому, как долго это могло продолжаться.

— А что она сделала? — осведомился он.— На кого-то из пленных набросилась?

— Можно и так сказать,— протянул Бут.

Редер зримо представил себе, как Синтия Роббинс с диким визгом перепрыгивает через стол и, подобно недоросшей валькирии, по всем правилам отделывает трясущихся от страха мокакских инженеров. «Просто класс, Синди,— подумал он.— Ты, наверно, просто-напросто решила этим фанатикам нравы средневековой инквизиции показать».

— Она Майка Флита убила.

— Она кого? Что? Что она сделала? — Питер ушам своим не верил. Пытаясь хоть как-то связать услышанное с реальностью, он оглядел беспорядок в своей каюте.

«Общаться с Бутом,— подумал он,— это всегда что-то за гранью реальности. То есть Синди криминального туза укокошила? Нет, это чистое безумие!» Тут Питер постарался вспомнить, с кем он разговаривает.

— Тому, разумеется, есть свидетели,— сухо сказал он.

— Святая правда,— уверенно кивнул Бут.— Нашему охраннику, который за ней присматривал, пришлось дважды ее покинуть. Времени у нее было вполне достаточно.

Редер сжал губы.

— Давайте напрямую. Кроме лейтенанта и этого охранника, там никого не было?

Бут подозрительно сузил глаза.

— Гм, да. Какое-то время, по крайней мере. Потом там был еще один охранник, который привел пленных в кабинет для допросов и сторожил снаружи, пока они не закончили.

— Так-так. А как долго лейтенант и тот первый охранник были по отдельности? — спросил Питер.

— В первый раз восемь минут, во второй — около двенадцати,— ответил Бут.— Как я уже сказал, время вполне достаточное. Если вы достаточно хладнокровны.

— Но разве тот факт, что охранник отсутствовал, а следовательно, не может сказать, чем в это время занималась Роббинс, не означает, что он вообще не свидетель?

Лицо Бута застыло, а потом он шумно вдохнул.

— Он свидетель того, что у нее было достаточно времени, чтобы действовать,— сквозь зубы процедил шеф контрразведки.

— Мне также интересно, мистер Бут, почему вы не подозреваете и охранника.

— Я его не подозреваю, потому что я нутром чую, что она виновна! — рявкнул Бут.

«В самом деле? — подумал Редер.— А вот я нутром чую, что в твоем нутре, кроме дерьма, никаких откровений».

— Кто обнаружил труп? — поинтересовался он и подумал: «Кажется, этот вопрос я должен был раньше задать».

— Так она и обнаружила. Они с охранником закончили допрос и уже уходили из зоны гауптвахты, но затем заглянули в открытую дверь и увидели Флита. Ваша Роббинс сразу к нему бросилась и исказила картину преступления. Вас до сих пор удивляет, что я ее подозреваю? — Бут удостоил коммандера сияющей ухмылки.

— А охранник заметил открытую дверь, когда шел назад к лейтенанту? — спросил Редер.

Улыбка шефа контрразведки исчезла, но удивленным он не выглядел. Скорее он выглядел так, словно не слышал вопроса.

— Мистер Бут? — Редер подался вперед.— Так заметил или нет? — Никакого ответа.— Если она была открыта...

— Он не сказал,— быстро и как-то виновато ответил Бут.

— Понятно. А спросил я об этом потому, что если, когда он там проходил, дверь была закрыта и если они с лейтенантом были вместе до тех самых пор, как вышли из кабинета для допросов и увидели открытую дверь, то...— тут Питер как бы наивно развел руками,— я бы сказал, это указывает, что тут кто-то третий работал.

— Соучастник,— задумчиво произнес Бут. Затем он кивнул.— Да, коммандер, возможно, в этом что-то есть.

Редер с подозрением на него взглянул. «Мать моя женщина,— мысленно вздохнул он.— Если в сценарии у Бута написано, что Синди виновна, стало быть, ничто на свете не может на ее невиновность указывать. Пожалуй, пока дело совсем далеко не зашло, пора к нему главного корабельного сценариста привлечь».

— А что по этому поводу капитан сказал? — спросил Редер.

— Я хотел Старику какие-то реальные результаты представить,— ухмыльнулся Бут.— А не плохие новости и массу вопросов.

— Так вы ему не сказали? — недоверчиво спросил Редер.— Вы мне раньше, чем капитану, об этом сообщили? — «Да ты совсем спятил»,— подумал он.

— Я же сказал — я хотел ему результаты представить.— Бут с какой-то надеждой воззрился на коммандера.

«О Боже,— подумал Питер.— Теперь он думает, что я мокакский лазутчик. Он рассчитывал, что я расколюсь, когда он мне сообщит, что мое „орудие" практически на месте преступления поймано. Или рядом с местом преступления. Что для него одно и то же».

— Вот что, мистер Бут,— твердо произнес он.— Мы должны проинформировать капитана. Таков порядок.— Прежде чем шеф контрразведки успел что-то сказать или сделать, Питер уже нажал

красную кнопку, которая обеспечивала ему немедленную связь с капитаном.

— Слушаю вас, коммандер,— сказал с экрана Каверс.

— Сэр, мистер Бут желает сообщить вам нечто, имеющее чрезвычайную важность.

Редер встал и поманил Бута в освободившееся кресло. Шеф контрразведки медленно поднялся, обошел вокруг стола и осторожно сел. Рот его образовал букву О, а желтоватое лицо чуть ли не позеленело.

«Мое бы тоже позеленело,— подумал Редер,— если бы мне предстояло Старику о чем-то таком рассказать. Хотя этому надутому полудурку сочувствовать ох как тяжело. Бедная Синтия. Ее репутации только этого не хватало».

Капитан сверкал глазами на экран и на изображенную там физиономию Бута, попеременно испытывая то страстное желание, чтобы Бут и впрямь от него на расстоянии вытянутой руки находился, то благодарность за то, что его там нет. Каверс задумывался, чем же он так прогневил Всевышнего, что ему вот этого вот Бута подсунули. Многие годы контрразведка была местом, где находили себе пристанище самые неспособные выпускники Академии с влиятельными связями. Именно там они могли причинить меньше вреда и уберечь генеральный штаб Космического Отряда от страшной мороки, связанной с выбрасыванием их со службы. Но теперь, когда им пришлось в дело вступить...

— Кто был тот охранник? — спросил капитан, потирая ладонью лицо. Он был измотан не меньше остальных офицеров «Непобедимого», у кого была реальная работа. А вот Бут... Бут смотрелся очень даже щеголевато.

— Канси, сэр,— ответил шеф контрразведки.— Очень честный сотрудник.

— Канси? А, понятно.

Человек из прежней команды Бута. Каверс всегда подозревал, что Бут настоял на том, чтобы притащить с собой этого конкретного сотрудника только по одной-единственной причине — рядом с ним шеф безопасности просто кладезем премудрости представлялся. Впрочем, Канси действительно был честен. Ни на что другое ему просто мозгов не хватало.

— Полагаю, мистер Бут, вы были вполне полномочны допросить лейтенанта Роббинс. Однако, учитывая явный недостаток доказательств ее причастности к убийству, вы были совершенно не вправе ее арестовывать. Я требую, чтобы вы немедленно ее отпустили.

— Но сэр! — запротестовал Бут.— Я убежден, что эта женщина опасна.

— Надо же, как вы с квартирмейстером солидарны,— мрачно произнес Каверс.

Можно было предположить, что после последнего фиаско Бут будет куда более осторожен с клеветой в адрес лейтенанта Роббинс. Пожалуй, у нее уже было достаточно оснований для капитального судебного процесса по поводу незаконного ареста и клеветы, и Каверс в таком случае непременно стал бы свидетелем в ее пользу. Но, разумеется, не в военное время. Теперь было не до подобных процессов.

— Подозреваю, она согрешила куда меньше, чем согрешили против нее,— добавил капитан.

Тревожный огонек вспыхнул у Каверса на интеркоме.

— Верните лейтенанта Роббинс на ее рабочее место,— велел он Буту.— И больше без моего особого разрешения ее не арестовывайте.

Затем Каверс прервал связь с каютой Редера, и Бута немедленно сменило другое лицо. Оно принадлежало меднокожему человеку примерно пятидесяти стандартных лет с черными глазами и волосами.

— Сэр, это старшина Манкиллер.

— Из отдела хранения токсических материалов. Да, я знаю вас, старшина. В чем дело?

Если Манкиллер и был удивлен, что капитан знает его по имени, то ничем этого не выдал; он лишь перешел к своему рапорту.

— В складском помещении номер восемь обнаружено нарушение герметичности,— сообщил старшина.— Никакого вреда не нанесено, мы вовремя это заметили и тут же все вычистили. Система фиксации на этом корабле просто изумительная,— с энтузиазмом заметил он.— Однако порядок таков, что я должен в срочном порядке вас проинформировать.

— В срочном порядке означает немедленно,— недовольно пробурчал Каверс.

— Я так и делаю, сэр. Мелкие утечки были надлежащим образом зафиксированы нашей системой аварийного предупреждения. Так что пока я с вами разговаривал, мои люди уже починили соответствующие пломбы и проверяют остальные. Как я уже сказал, сэр, с такой превосходно отлаженной системой я еще не работал.— Лицо старшины наглядно демонстрировало его неподдельное восхищение.

— Очень хорошо, старшина,— сказал капитан.— А какие контейнеры протекли?

— Те, что поступили с главной палубы, сэр. И это очень странно, потому что мои люди дважды их проверяли, прежде чем поставить на хранение, и тогда никаких признаков утечки обнаружено не было.

«Почему я даже не удивлен?» — возмущенно подумал Каверс.

— Спасибо за информацию, старшина. Благодарю вас и ваших людей за своевременные и быстрые действия. Я также считаю нужным приказать вам и вашим людям ни с кем этот инцидент не обсуждать. Вы также не вправе обсуждать его друг с другом за пределами вашего отдела. Вы меня понимаете?

— Так точно, сэр,— отозвался Манкиллер, хотя он не вполне понимал. Впрочем, понимать ему требовалось только то, что ему и его людям был дан приказ придержать языки и что его долг — обеспечить его выполнение.

— Выполняйте,— кивнул ему капитан. Отключившись от Манкиллера, он тут же соединился с Редером.— Вы там одни, коммандер? — спросил он, как только на экране возникло лицо бортинженера.

— Так точно, сэр. Мистер Бут ушел, как только вы отключились.

— Приходите ко мне в кабинет, коммандер. Надо поговорить.

От усталости и расстройства Редер чуть не плакал.

— Сэр,— медленно произнес он,— когда эти контейнеры покидали главную палубу, они были в порядке. Я сам каждый из них проверил. Лично. Если они протекли, к моим людям это отношения не имеет.

— А я и не думал, что имеет,— сказал Каверс.

«В последнее время я такие воспаленные глаза частенько наблюдал,— подумал Редер.— В зеркале. Всю эту неделю сплошные взлеты и падения. Мы победили мокаков, но потеряли повиан. Мы схватили крупного дельца в преступном мире, но он был убит на нашей же гауптвахте. А теперь еще и это. Пожалуй, я даже рад, что я всего-навсего коммандер».

— Когда вы только прибыли на борт, коммандер,— с непроницаемым лицом произнес Каверс,— я дал вам задание. Теперь я бы хотел услышать ваш рапорт.

— Сэр, пока что я по больше части подозреваемых исключал. К своему удовлетворению.

Капитан недовольно поморщился.

— Что ж, это тоже в своем роде прогресс.— Его серые глаза впились в Редера.— Так есть у вас подозреваемый?

Редер немного подумал.

— Так точно, сэр, есть. Но это всего лишь подозрение. И для этого подозрения у меня нет почти никаких реальных оснований. Так что на данный момент я бы предпочел больше ничего об этом не говорить.

Каверс поднял брови.

— Даже мне?

— Сэр, я не хотел бы предубеждать вас против кого-то, кто может оказаться совершенно невиновным. Не думаю, что я даже

наедине с собой решился бы вслух его имя назвать. Все это слишком туманно.

Капитан со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, коммандер. Я уважаю вашу прямоту. Но все же...— Он подался вперед, складывая руки перед собой.— Скажите мне по крайней мере, кого вы исключили из списка подозреваемых?

— Сэр, я не считаю, что наша проблема находится на главной палубе.

Каверс опять поднял брови.

— Что ж, поскольку это разом устраняет около пятисот подозреваемых, мне остается лишь сделать вам комплимент за столь быструю работу,— сказал он.— Но как вы к такому заключению пришли?

— Для начала я изменил порядок распределения запчастей. Всякий, кому требуется какая-либо деталь, за нее расписывается, и она тщательно осматривается при передаче. Если деталь после этого портится, мы знаем, с кем конкретно по этому поводу говорить. Я также стал бригады перемешивать. Ни одна бригада не работает в одном и том же составе больше недели, так что если кто-то недолжным образом исполняет свои обязанности, это гораздо скорее может привлечь внимание остальных. Но мои люди действительно делают свою работу как полагается, сэр. Они наблюдают друг за другом и дважды проверяют каждую мелочь. Они сознают важность того, чем занимаются, и горды за свою работу.— Редер развел руками.— Я просто не представляю себе шпиона, действующего в такой атмосфере.

Капитан кивнул.

— Да, основания у вас серьезные. Ну ладно. Я оставлю вас в покое... на какое-то время. Но все же подумайте, нельзя ли как-то ускорить процесс. Хорошо? Спасибо, что зашли, коммандер.

Редер встал и отдал честь. Капитан ему ответил, и Питер повернулся к двери.

— Да, кстати, Редер,— позвал его Каверс, когда коммандер уже закрывал за собой дверь.

— Слушаю, сэр?

— Постарайтесь мячик не уронить.

— Есть, сэр.

Протягивая руки перед собой и жалобно рыдая, мокак опустился коленями на стальной прут. Боль была велика, но он все равно чувствовал, что ее недостаточно.

— О Дух Судьбы, о Всемогущий, прошу Тебя, услышь мою молитву. Нижайше прошу у Тебя снисхождения за столь неразумный риск со столь ничтожными результатами.— Насколько он смог понять, никто даже не заметил поврежденных пломб на

контейнерах с зараженными отходами. Или они так быстро это обнаружили, что никакого вреда нанесено не было. По сути, вся его миссия, похоже, наносила очень мало вреда, учитывая приложенные усилия. Мокак сглотнул слюну. Эта мысль была для него крайне неприятна.

— О Дух, направь мои неверные стопы. Укрепи меня, чтобы я смог лучше Тебе послужить. Не дай мне поколебаться в моей решимости, не дай мне потерпеть неудачу с моей миссией.— Невозможно было воспользоваться хлыстом, хотя агенту страстно хотелось это сделать. К несчастью, хлыст наверняка оставил бы предательские следы.

Еще в Конгрегации агент славился своей строжайшей дисциплинированностью. Многие приближенные с гордостью носили на себе отметины от хлыста. Но никто не мог сравниться с агентом ни по глубине, ни по числу отметин. Те дни были по-настоящему славными.

Но задача агента казалась столь колоссальной. Еще бы — ему в одиночку предполагалось провалить программу Содружества по использованию легких авианосцев! Толкователи, в их беспредельной мудрости, страшились этих кораблей, чувствуя, что они могут склонить чаши весов в пользу ненавистного Содружества.

— О Дух, пусть же этого не случится. На их стороне столько всего. И судостроительные верфи, и военные заводы, и вся остальная промышленность. А на нашей стороне только истина.

«Истина и горючее». Агент поразился собственной мысли. Она была так нехарактерна, что мокак распознал в ней непосредственный контакт с самим Духом.

— О, я недостойный,— в благоговейном экстазе прошептал агент. Затем он упал ничком и снова зарыдал, но на сей раз уже от радости.— Мы их одолеем! О Всемогущий, с Твоей помощью мы победим!

Через двое суток, когда Редер и лейтенант Роббинс заканчивали одно из своих занятий по отработке командных навыков, Синтия нарушила уже привычный ритуал, когда она забирала подобранную для нее Редером литературу, смущенно его благодарила и вылетала из кабинета как пугливая лань, спасающаяся от лесного пожара. На сей раз она так и осталась сидеть.

Язык лица и тела девушки был таким откровенным, что Редер тут же понял — она или страшно нервничает, или чем-то очень расстроена.

— Как там у вас с мистером Бутом? — поинтересовался он.— Оставил он вас в покое?

Вопрос, похоже, Синтию удивил — брови ее слегка приподнялись.

— Да, сэр. Он меня совсем в покое оставил.

И она снова погрузилась в молчание, с некоторым ожиданием поглядывая на коммандера.

«Да говори же!» — подумал Питер.

— Лейтенант,— наконец сказал он вслух,— вам было бы совершенно позволительно задать вопрос или сделать заявление, не вынуждая меня их из вас клещами вытаскивать.— Он немного подумал.— Если, конечно, вы не собираетесь спросить что-то действительно личное или сказать что-то предельно жестокое. Но ведь вы же этого делать не собираетесь?

— Нет-нет, сэр,— сказала Синтия и доверительно подалась вперед.— Знаете, мне кажется, я могу найти способ разрешить вашу проблему, сэр.

— Мою проблему? — спросил Питер. «Какую проблему? — подумал он.— Целлюлит, дурной запах изо рта, раннее облысение? Так или иначе, я в серьезной беде, если мне помощь Синди потребовалась».

— Я имела в виду вашу проблему с пилотированием, сэр.— Сказав это, девушка, похоже, испытала великое облегчение.

А у Редера, напротив, внутри все сжалось. «Кажется, я тут что-то насчет предельной жестокости сказал? Нет, только не это»,— подумал он, заметив, что Синтия, не замечая его дискомфорта, собирается продолжать.

— Я больше не летаю, лейтенант,— лаконично заметил он.

— Только потому, что нынешнее оборудование не соответствует вашим потребностям,— с жаром откликнулась девушка.— Но оно может соответствовать, и этого будет не так сложно добиться.

— Лейтенант,— сквозь зубы процедил Редер,— мне сказали, что нет никакой возможности...

— Честно говоря, сэр, это потому, что на данный момент, быть может, вы один такой. Поэтому они просто не хотят тратить на эту проблему время и деньги. Но, сэр, эта война только еще разгорается, и в дальнейшем масса людей будет страдать от ранений, подобных вашему.— Синтия уже выглядела порядком разгоряченной.— А решение такое простое!

«Черт тебя подери,— подумал Питер.— Как же ты не понимаешь, насколько это болезненная для меня тема? Дерево бы уже сообразило, что я не желаю об этом говорить. Камень бы сообразил. Даже Бут бы сообразил!»

Он развел руками.

— Что вам от меня нужно? — спросил он чуть громче, чем следовало.

— Тут проблема обратной связи,— заметила Синтия, словно его не слыша.

«Я бы тоже так сказал»,— с горечью подумал Редер.

— Этот протез не может с компьютером «спида» взаимодействовать,— продолжила девушка.— Но с вашим запястьем это никак не связано! Сухожилия в вашем запястье почти так же чувствительны

к движениям, которые вам нужно делать, как и ваши пальцы, да и химический компонент безусловно там есть.— Синтия с надеждой посмотрела на коммандера, глаза ее горели энтузиазмом.— Все, что на самом деле нужно, это протяжение,— заключила она.

Редер беспомощно ощутил, как челюсть его отпадает. «Боже,— подумал он.— Она права. Решение должно быть совсем простое».

— Так что вам от меня нужно? — снова спросил он.

Девушка сжала руки у себя на коленях.

— Мне нужно четыреста долларов,— призналась она.— Для оплаты расходов на разработку.

Редер потер пальцем под нижней губой.

— Если я дам санкцию на выделение средств,— заметил он,— ваше изобретение будет принадлежать Содружеству.

— На самом деле, раз уж на то пошло, мне третья часть валовой прибыли причитается. И мне этого более чем достаточно.— Синтия пренебрежительно махнула рукой.— Я инженер, а не бизнесвумен.

Редер ушам своим не верил. Его наивная маленькая Синди совсем как настоящая бизнесвумен вещала. «А что до меня,— подумал он,— то я-то уж точно инженер, а не богатый спонсор. И все-таки мне этого страшно хочется. Но как я могу это оправдать?»

Питер машинально принялся выстукивать пальцами правой руки ритм, которому учил его физиотерапевт. Несколько секунд спустя он это понял и прекратил.

— Ладно,— сказал он Синтии.— Я дам санкцию на выделение средств.

Мрачнее тучи, Редер сидел в баре у Паттона, испытывая очень слабую жалость к себе. Он не обращал внимания на радостные голограммы, что покрывали почти все стены пляжами, пальмами и смеющимися людьми с прекрасным загаром и неправдоподобным минимумом одежды. Он даже не обращал внимания на шелест волн, накатывающих на пляж, а также на предельно реалистичный запах океана и водорослей. День вышел тяжелый. Вспоминая первую его половину, Питер аж зубами заскрипел.

— Семь «спидов»? — переспросил завскладом.— Вы говорите — семь?

У него был тот же певучий акцент, что и у капитана Бетаб, но на этом, если не считать цвета лица, их сходство заканчивалось. Мужчина был приземистый, очень пухлый, и всем своим обликом напоминал того, кем, собственно, и являлся: армейского бюрократа. Кабинет его тоже выглядел в точности как должен был выглядеть кабинет заведующего складом военного имущества. Не лишенный известной роскоши, со множеством сувениров. Ковер на полу напоминал настоящий кашмирский. «Мне за такой ковер три года ишачить»,— подумал Питер.

— Да,— подтвердил он, титаническим усилием воли выскребая из себя последние остатки терпения.— Знаете, лейтенант, там такая штука бывает — бой называется. Вещи в ней страшно изнашиваются. Мы только что крупное сражение с целой вражеской эскадрой провели. Это на тот случай, если вы не в курсе.

— Семь «спидов»,— снова заныл мужчина.— Ах, я полагаю, это в высшей мере избыточно.

Редер вздохнул и устроился поудобнее, собираясь поторговаться.

Складские работники почему-то всегда вели себя так, словно то, что они считали возможным выдать, использовать вообще не предполагалось. А что до потери «спидов»! Как будто «Непобедимый» только тем и занимался, что бессовестно «спиды» транжирил. А оружие, запчасти и горючее там щедрой рукой разбрасывались налево-направо без всяких мыслей о стоимости военного имущества или о том, что другие того же самого дожидаются.

Редер знал, что запросы «Непобедимого» имеют приоритет, и складские работники знали, что он это знает. Но даже при всем при том игра требовала того, чтобы он, метафорически выражаясь, со шляпой в руке на коленях к ним подползал и униженно клянчил то, что они и так без вариантов должны были ему выдать. А им полагалось вести себя так, словно каждая волновая направляющая или генератор поля из их личных пенсионных фондов поступали.

— Ладно, я получил, что хотел,— пробормотал Питер себе в стакан, стараясь изгнать из памяти свидание с завскладом, точно кошмарный сон.

Затем он позволил себе краткое мечтание, в котором он снова вел эскадрилью, а общение с гнусными скрягами на складе военного имущества не было даже легким облачком на его горизонте. Питер нежно улыбнулся.

«Может статься, это реально,— подумал он.— Как знать, быть может, Синтия все это провернет». По крайней мере, Питер в это верил. Ее идея имела определенные достоинства, а схемы, которые она ему набросала, выглядели многообещающе. «Как бы это было чудесно»,— подумал он.

Тут Питер взглянул в зеркало и увидел там вторую причину того, почему день сегодня вышел тяжелый. Он пригласил капитан-лейтенанта Сару Джеймс пойти с ним пообедать, а она ему отказала. Дескать, другие у нее планы имелись. И теперь она сидела позади него за столиком вместе с несколькими другими офицерами с «Непобедимого».

«Могла бы и меня пригласить»,— подумал Питер. Впрочем, он заметил, что в ее компании не было ни одного пилота «спида». «Интересно,— с неудовольствием подумал он,— как далеко у нее этот антиспидовский предрассудок заходит».

Питер также заметил, что их глаза довольно часто встречаются в зеркале. «По крайней мере, она помнит, что я существую»,—

подумал он и глотнул из стакана. Никак он не мог эту женщину понять. Его еще никогда не отвергали только на том основании, что он когда-то пилотировал «спид». Раз уж на то пошло, то, когда он летал на «спиде», это скорее было определенным социальным преимуществом. Слава, доблесть, «а я на таком черном летаю», «ух, как мы им вчера врезали» и все такое прочее.

«Хотя быть отвергнутым — тоже занимательный опыт,— подумал Питер.— Но только никому его не рекомендую». Снова поймав в зеркале глаза Сары, он подмигнул. Она тут же опустила голову и притворилась, что не заметила. «Эх-ма»,— вздохнул Питер и сделал еще глоток.

Сара так и не подняла глаза, и его внимание вскоре рассеялось. Еще одной причиной, почему день вышел тяжелый, была его перепалка с Джоном Ларкином. Тот радостно ему сообщил, что по станции ходит хохма, будто «Непобедимый» переименовали в ККС «Каверза» с позывными «Не бей лежачего!», после чего Редер устроил квартирмейстеру словесную порку, за которую теперь себя корил.

«И все-таки,— размышлял Питер,— офицеру следует сто раз подумать, прежде чем такую дурацкую шутку про свой родной корабль распространять. Это все равно как собственную мать публично позорить». Редер не горел желанием видеть Ларкина за завтраком. «Но будь я проклят,— подумал он,— если знаю, кому из нас теперь извиняться. А, черт с ним.— Он вздохнул.— Каждому дню свои заботы, как мой папаша говаривал».

Питер встал с табурета, кивнул Саре и прошел в ресторан. «Поесть, что ли, на радостях?» — мрачно подумал он.

В местном грибном меню даже лоханутые торчки имелись. Причем свежие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Ко мне идет торпеда с донесением,— холодным, профессиональным голосом сообщила Луиза Хайфер.— Транслируется тревожный код Космического Отряда «а-семь». Готовлюсь принять сброс данных. Принимаю.

Центр коммуникаций и транспорта базы «Онтарио» представлял собой большой круглый зал в самом сердце всей гигантской конструкции с пультами управления по всем стенам, кроме входных дверей в задней его части. Еще немалое число полукруглых пультов покрывало пол, смыкаясь вокруг дежурного старшины за столом в самом центре. Зал был неярко освещен голубым свечением многочисленных голоэкранов на пультах, а слышался там лишь негромкий шелест голосов.

В зале тут же появился вахтенный офицер. Торпеды с донесениями обычно посылались с кораблей, по той или иной причине

терпящих бедствие. Подойдя к центру, он встал рядом с рабочим местом старшины Хайфер.

— Военный код, сэр,— сказала Луиза.

Капитан-лейтенант Поттс стоял, нетерпеливо похлопывая по своему наушнику, пока запись наконец не прошла.

— ззз... ККС «Неу... ззз... уходим от мока... ззз...

— Очистить никак нельзя? — рявкнул капитан-лейтенант.

— Никак нет, сэр,— спокойно отозвалась старшина Хайфер.— Слишком далеко. И я не могу изменить законы физики, даже если мне этого очень хочется.

— Откуда оно идет? — спросил Поттс, обшаривая глазами ее пульт в поисках нужных ему ответов.

— Транзитная точка номер два, сэр.— Луиза повернулась к вахтенному офицеру.— Та, что на границе с мокаками.

Командующий базой Монтгомери внимательно слушал доклад капитан-лейтенанта, мысленно уже прикидывая, кого ему придется послать.

— Капитан Каверс,— сдержанно кивнул он человеку, стоящему перед ним по стойке «вольно».— «Неустрашимый» возвращается с рейда на перерабатывающие заводы мокаков, и у него полный трюм антиводорода. Его преследуют три мокакских истребителя и легкий ракетоносец повиан. В бою «Неустрашимый» потерял все свои «спиды» и потерпел серьезный урон. Как мы понимаем, наших товарищей так плотно преследовали на момент отправки торпеды с донесением, что они сомневались в том, что им удастся оторваться от врага даже в Транзите. Впрочем, не нужно быть гением, чтобы прикинуть, куда они направляются. Кроме как на базу «Онтарио», им деваться просто некуда. Надеюсь, вы поняли мою дилемму, капитан Каверс,— добавил Монтгомери.

— Я предлагаю послать «Дифенбакера» и «Маккензи», командующий,— уверенно сказал Каверс.— Мы еще толком не восстановились.

Монтгомери погрузился в раздумья. «Нам явно что-то посерьезней потребуется»,— решил он. К несчастью, все крупные боевые корабли эскадрильи Антареса были в космосе, упреждая возможную атаку мокаков — как теперь становилось ясно, ложную. Так что «Непобедимый» становился очевидным выбором. Но его «спиды» пострадали в последней стычке, и он еще только пополнял боекомплект...

— Очевидным выбором для этой операции, сэр, будет «Каверза»,— не долго думая, ляпнул капитан-лейтенант. А потом замер как вкопанный, когда лицо командующего стало наливаться краской, а глаза его засверкали. Что касалось лица Каверса, то оно было словно из стали вырезано.

— Я не потерплю подобных вольностей в своем присутствии, капитан-лейтенант! — проревел Монтгомери, привставая из кресла и стремительно подаваясь к столу.— Терпеть не могу кличек, в особенности столь неподобающих, а если вы и дальше будете ими злоупотреблять, то я дам вам хороший повод изменить ваше поведение. Я достаточно ясно выразился, капитан-лейтенант?

— Так точно, сэр.— Капитан-лейтенант стал искать спасения в стойке «смирно», этом армейском поведенческом эквиваленте защитного камуфляжа. «Просто не верится, что я такое сморозил!» — думал он.

— Капитан Каверс — один из лучших офицеров во всей армии, капитан-лейтенант. Нам повезло, что мы вместе с ним служим. И я не потерплю, чтобы какой-то нахальный младший офицер, который еще даже на палубу боевого корабля не ступал, не говоря уж о том, чтобы участие в настоящем бою принимать, пробавлялся шуточками на счет капитана Каверса или его команды. Это вам ясно, капитан-лейтенант?

— Так точно, сэр.— Вышло еще громче, чем раньше.

— Впрочем, так уж получается, что вы правы. «Непобедимый»...— тут Монтгомери сделал паузу, чтобы сверкнуть взором на теперь уже окончательно униженного капитан-лейтенанта,— представляется единственным кораблем, который мы можем послать. Мои извинения, капитан,— обратился он к Каверсу.— Других просто нет. Сделайте все от вас зависящее, чтобы как можно скорее их отправить,— рявкнул он несчастному капитан-лейтенанту.— Свяжитесь с «Дифенбакером» и «Маккензи» и оповестите их. А связь с «Непобедимым»...— еще одна ядовитая пауза,— оставьте мне. Все, вы свободны.

— Благодарю вас, сэр.— Пожалуй, никогда еще ни один подчиненный так не радовался тому, что командир его отпустил. Капитан-лейтенант отдал честь, четко развернулся и как на параде промаршировал за дверь кабинета командующего базой, до смерти обрадованный тем, что сумел пережить знаменитую вспышку гнева генерала Монтгомери.

— Еще раз мои извинения, капитан Каверс,— сказал командующий базой.— Это действительно не задание для легкого авианосца. Будь у меня пара крейсеров или, еще лучше, линейный корабль...

— Но их у вас нет, сэр. Так что «Непобедимый» будет рад с честью выполнить это задание.

Каверс решил сэкономить время и провести совещание по интеркому. Ознакомив своих офицеров с создавшимся положением, он перешел к получению ответной информации.

— Коммандер Редер,— сказал капитан,— что у нас на главной палубе?

— К полету готовы двадцать пять «спидов», сэр. Четыре были уничтожены в бою с повианами, четыре мы распатронили, поскольку они были слишком тяжело повреждены для ремонта, два ожидают запчастей, и у нас по-прежнему два пилота в лазарете.— Редер немного подумал.— Горючего у нас хватит, сэр. А вот запчастей явно недостает. Если что-то существенное выйдет из строя, еще один пилот окажется не у дел.

— Принято к сведению, коммандер.— Каверс повернулся к Ларкину.— Есть возможность исправить ситуацию с запчастями? — спросил он.— У нас только три часа, однако командующий базой заверил меня, что работники Базового склада будут как никогда готовы к сотрудничеству.

— С вашего разрешения я немедленно за это примусь? — Ларкин в ожидании приподнялся.

— Вам известны потребности коммандера Редера, квартирмейстер? — спросил капитан.

— В вашем компьютере, Джон, есть копия моего списка,— сказал Редер.— И, разумеется, Базовый склад тоже должен таковой располагать. Без списка в руках я вам с ними разговаривать не рекомендую.

— Не беспокойтесь, коммандер, их привычки мне знакомы,— слегка натянуто отозвался Ларкин.

Редер ладонью прикрыл лукавую улыбку. Квартирмейстер уже двое суток так дулся. «Совсем как школьник»,— подумал Питер.

— Нет нужды вам объяснять,— продолжил Каверс, отпустив Ларкина,— что нам придется нешуточно подсуетиться, чтобы подготовить «Непобедимый» к старту за тот короткий срок, который у нас есть. Так что, полагаю, самое время за это взяться.

— Капитан,— вмешался Редер, поднимая руку.— Раз нам не хватает «спидов» до полного комплекта, быть может, сделать запрос на небольшую эскадрилью из местных машин, которую мы бы у себя разместили?

— Отличная мысль, коммандер. А насколько небольшую?

— На главной палубе есть место для восьми «спидов», капитан,— сказал Редер.

— Но при этом,— вмешался командир эскадрильи,— у нас сидят без дела шесть пилотов, так что для дополнения эскадрильи нам придется только двоих занять.

«Если ты сможешь найти двух пилотов, желающих лететь в незнакомом «спиде» на боевое задание под командой человека, которого они первый раз в жизни видят»,— подумал Питер. С другой стороны, у «Непобедимого» теперь возникала постоянная нужда в четырех пилотах. Редер поежился при мысли о том, что именно его идея привела к их гибели. «Так или иначе, все это будет первым долгом расцениваться как практическая демонстрация их способностей,— подумал Питер.— Гнусно, но ничего не поделаешь». Между пилотами всегда существовало

жесткое соперничество, а «Непобедимый» был желанным местом службы.

— Я подумаю,— сказал Каверс.

Редер испытал облегчение. «Поначалу все будет очень тяжело,— подумал он.— Ожидаются бои за территорию между пилотами и даже между командирами эскадрилий. Но только до того момента, как они в настоящий бой вступят. А потом все они вдруг обратятся в самые безотказные военные машины, какие только на свете бывают». Он уже раньше такое наблюдал.

«Но будет столько пререканий,— подумал Питер,— что в тот момент, когда это случится, это покажется настоящим чудом. По крайней мере, так до сих пор бывало»,— мысленно добавил он, постукивая по своему деревянному бруску.

— Не понимаю, почему мои люди должны свои «спиды» передвигать,— пожаловался Шелдон, наблюдая, как одну из больших машин катят вперед.

— Ваши люди их не передвигают,— отозвался Редер, наблюдая за тем, как сигнальщик направляет «спид» на новую стоянку.— Этим техники занимаются.— «И весьма неуклюже»,— мрачно подумал он.

Поскольку все техники как можно тесней прижимались к «спиду», компьютеризированные направляющие механизмы, встроенные в пол главной палубы, были в данном случае бесполезны. В свое время, только еще обучаясь, все усвоили навыки старомодной работы, но поскольку с тех пор утекло много воды и никто не ожидал, что эту процедуру придется выполнять вручную, шла она мучительно медленно.

Шелдон нетерпеливо хмыкнул.

— Не цепляйтесь к словам, коммандер. Разумеется, меня интересует, почему те пилоты не могут свободные стоянки занять.

«Тебя, Шелдон, сейчас две вещи тревожат,— подумал Редер.— Во-первых, эта ерунда с территорией. Они еще сюда не прибыли, а ты уже опасаешься, как бы лицо не потерять. Что же до второй вещи, то это чистое суеверие. Никто из твоей эскадрильи, включая тебя самого, не хочет «стоянку мертвеца» занимать, потому что все до смерти сглаза, проклятия или еще черт знает чего боятся. Но я всей этой чепухе потворствовать не намерен». Хотя, чтобы быть до конца честным, если бы Редер все еще летал, он вполне мог бы испытывать совсем иные чувства.

— Прежде всего, командир эскадрильи, здесь вопрос уважения.— Не думаю, что вы и впрямь хотите незнакомым пилотам эти стоянки предложить.— Тут Редер заметил, как Шелдон неловко ежится. Такая мысль ему, очевидно, никогда в голову не приходила. «Один-ноль в мою пользу»,— удовлетворенно подумал Питер.— Во-вторых, мы еще не знаем, что именно мы

получим. А некоторые из старых моделей заметно крупнее современных. Я так прикидываю, что готовиться надо к худшему. Мы также не знаем, какой опыт посадки на авианосец будут иметь эти пилоты.— Он пожал плечами.— С этим можно будет при необходимости по ходу дела разобраться, но место нам нужно прямо сейчас освободить.

— Да, конечно,— задумчиво произнес Шелдон.— В таком ракурсе я об этом не думал.

Что касалось ракурса, то Редер прекрасно знал, что командир эскадрильи имеет в виду те четыре злосчастные стоянки, а вовсе не относительные размеры «спидов» разных поколений или возможную неопытность пилотов. «Но у меня уже на все это времени нет,— подумал он.— И терпения тоже».

— Где вы собираетесь тех людей разместить? — спросил Редер. Установка «спидов» была его проблемой, а вот все, связанное с пилотами, ложилось на Шелдона.

— Боже мой! — воскликнул Шелдон.— Я даже об этом не подумал!

Редер удостоил его взора, в котором ясно читалось: «Так иди и подумай». Затем, оглянувшись на оживленную палубу, он рявкнул в нашлемный микрофон:

— Голову ниже, Соуза!

Один из техников, что направляли «спид» к новому месту стоянки, резко пригнулся, едва не вписавшись головой в край припаркованной рядом машины.

Редер настроил свой интерком на общую трансляцию.

— Всем в оба смотреть. Машины сейчас не на своих местах, так что потом без претензий.— Тут он заметил, как ар-Рашид чуть ли не под руки провожает двух растерянных техников к их «спиду».

— Ладно,— проворчал Шелдон,— я лучше пойду. У меня масса работы.

«Быть не может»,— с насмешкой подумал Редер.

— Тогда не позволяйте мне долее вас задерживать,— сказал он вслух.— Благодарю вас, командир эскадрильи, что нашли время со мной поговорить.

— Ничего-ничего, коммандер. Был очень рад. Желаю успешно поработать.— И Шелдон все-таки поплелся заниматься своими делами.

Питер с искренней и доброй улыбкой посмотрел ему вслед. Непомерно высокое самомнение, которое даже помешало ему расслышать в голосе Редера явную иронию, только делало командира эскадрильи человечнее. А следовательно, и симпатичнее. Затем Питер развернулся обратно и с головой ушел в бурлящий на главной палубе водоворот, надеясь разобраться с ним до появления на борту «Непобедимого» новых членов команды.

Питер, Синтия и ар-Рашид бок о бок стояли у окна в стене кабинета Редера, оглядывая главную палубу. Наружные ворота были раскрыты, и голос компьютерного диспетчера направлял подлетающую эскадрилью.

Редер настоял на развертывании магнитных грейферов, прекрасно понимая, что прибывающих пилотов возмутит такой откровенный намек. «Но лучше лишняя предосторожность, чем горькие сожаления»,— сказал он себе.

Грейферы в основном использовались при обучении. Они обладали способностью хватать или отталкивать «спид», приводя его куда следует даже против воли пилота.

Первый из вновь прибывших летчиков явно в такой помощи не нуждался. Он сел с таким блеском, что ему даже сам Редер позавидовал. Особенно принимая во внимание древность той машины, на которой ему приходилось летать.

— О Господи,— негромко произнес ар-Рашид.— Это же вторая модель.

— Я думала, их теперь только в музее можно увидеть,— завороженно выдохнула Синтия.

Редер оценил выражение ее лица и улыбнулся. Девушка просто сияла. Она явно не могла дождаться того момента, когда эти машины можно будет руками потрогать. Формально они уже на вооружении не состояли, но фактически были допущены для работы с фиксированных баз и орбитальных оборонительных фортов.

— Помните,— негромко сказал он ей,— они к нам только с визитом.

— Так точно, сэр,— ответила Синтия, но было совершенно очевидно, что ни на чьи слова она уже никакого внимания не обращает.

Вторая, третья и четвертая машины прибыли без изящества первой, но вполне компетентно. Редер отвернулся от окна и принялся просматривать отчет о полученных запчастях. «Раз я их все-таки вытребовал,— подумал он,— могу на всякий случай и изучить».

— Семь штук есть,— сказал ар-Рашид.— Как удачно, что мы там гайки закрутили.

Синтия утвердительно хмыкнула.

— О Господи! — вдруг вырвалось у старшины.

Редер вскочил на ноги и развернулся к окну раньше, чем успел набрать воздуха для естественного вопроса, в чем дело.

Последний из вновь прибывших «спидов» шел по такой траектории, что неизбежно должен был врезаться в борт «Непобедимого». Компьютерный диспетчер это сознавал и пытался заставить пилота либо изменить траекторию, либо сделать новый заход.

— Ваши приборы дают ошибочные показания,— сказал диспетчер.— Опустите нос на два пункта.— Последовала пауза.

Никакого изменения траектории Редер не заметил.

— Отмените причаливание и зайдите снова,— сказал диспетчер.

Однако летчик все упорствовал. Либо упорствовал, либо оцепенел от страха и работал на автопилоте.

— Хорошо, что вы настояли на том, чтобы грейферы развернуть,— тихо произнес застывший, как статуя, ар-Рашид.

— Я приказала команде настроить их на максимальный охват,— сообщила Роббинс.

— Хорошо,— похвалил ее Редер.— А я приказал включать их при первых же признаках неувязки.

— Отмените причаливание,— настойчиво повторил диспетчер, хотя теперь было бы чудом, сумей пилот это проделать.

«Там, где любой нормальный человек уже от страха бы трясся,— подумал Питер,— компьютерный диспетчер лишь слегка голос повышает».

— Мы ведь сообщили диспетчеру, что магнитный грейфер задействуем? — спросил он.

Синтия и старшина переглянулись, затем посмотрели на Редера. И дружно помотали головами.

«Вот те на,— подумал Питер.— А „спид" совсем рядом».

— Я уже начинаю сомневаться, дали мы грейферной команде отмашку или нет,— пробормотал он затем.

Роббинс и ар-Рашид медленно повернули к нему головы, их широко раскрытые глаза были полны страха.

— Я думал... вы им сказали, сэр,— с запинкой произнес старшина.

— Я т-тоже,— еле-еле выдавила из себя Синтия.

— Ладно, не тряситесь,— успокоил их Редер.— Я сказал. Хотя... ага, вот теперь они его зацепили.

«Спид» по крайне опасной траектории уже подходил к самому борту «Непобедимого» — но тут вдруг словно бы на мягкую стенку наткнулся. Пилот попытался отвернуть и заскользил вбок, по-прежнему стараясь вырваться из грейферной хватки.

— Чем это он там, черт возьми, занимается? — в гневном изумлении вопросила Синтия.

— Сомневаюсь, что он хочет грейфер одолеть,— качая головой, отозвался ар-Рашид.

«Интересно,— хмурясь, подумал Редер,— сможем мы его потом назад отослать, а „спид" себе оставить?» Боевая машина по-прежнему вовсю силилась высвободиться, пока грейфер тащил ее на себя и разворачивал вбок, к главной палубе.

И тут из интеркома у себя за спиной Редер услышал нечто такое, чего он никогда в жизни услышать не ожидал.

— Выруби мотор! — вдруг проревел компьютерный диспетчер.

Все трое разом повернулись и в полном изумлении воззрились на панель. А когда они повернулись обратно, то увидели, что пилот наконец-то повиновался, и грейферная команда принялась аккуратно заводить его «спид» на посадку. Огромные ворота начали закрываться. Без единого слова все трое вышли из каби-

нета и с одинаковыми выражениями плохо сдерживаемой ярости на лицах торопливо направились к главной палубе.

Питер уже готов был зубами прогрызть себе дорогу, когда давление наконец выровнялось и внутренние ворота начали подниматься. Прошмыгнув под ними, они с Синтией и старшиной по четкой прямой устремились к той машине, что прибыла последней.

Пилот уже поднял верх кабины и как раз оттуда выбирался.

Лейтенант Роббинс вдруг остановилась как вкопанная, насупившись и уперев подбородок в грудь.

Редер же продолжал идти бок о бок со старшиной. К тому времени, как они добрались до «спида», пилот уже спустился на палубу и снимал шлем.

— Вы когда-нибудь на авианосец садились? — свирепо вопросил Редер.

— Много раз, коммандер,— отозвался невысокий, худощавый мужчина.— На тренажере.

— Паршивый это был тренажер,— прорычал ар-Рашид.

— Вы понимаете, лейтенант, что чуть было в этот корабль своим «спидом» не врезались? — ровным голосом поинтересовался Редер.

— Только в самом конце понял,— ответил пилот.— Я понятия не имел, что с моей машиной творится, когда вы меня прихватили, а приборы показывали, что все как нельзя лучше идет.

— Как нельзя лучше? И вы им поверили? Даже когда диспетчер приказал вам осадить назад и еще раз зайти? — изумленно спросил коммандер.

— Честно говоря,— сказал пилот, выглядя немного смущенным и порядком измотанным,— чем ближе я к «Непобедимому» подходил, тем хуже диспетчера понимал.

— Но ведь вы выключили мотор, когда он вам велел,— заметил Редер.

— Это потому что он заорал. Тогда я его мигом понял. А так мне его по пять раз переспрашивать приходилось.— Пилот сердито глянул на коммандера.— Во всей этой неразберихе «Непобедимый» виноват,— добавил он.

— «Непобедимый»? — Питер ушам своим не поверил.— Мы виноваты в том, что вы, черт побери, пилотировать ни хрена не умеете? — Он с огромным трудом сдержал свою ярость.— Не потрудитесь ли объясниться, лейтенант? — с пугающим спокойствием предложил он пилоту.

— Никто даже не упомянул о том, что вы магнитный грейфер развернете, коммандер,— ответил тот.— Если бы меня предупредили, я бы сразу же попросил его отключить. Он мне все приборы запорол и компьютер загадил.

Редер какое-то время просто на него смотрел, слишком ошарашенный, чтобы заговорить. Затем он привел в порядок свою осанку и в конце концов сумел вымолвить:

— Магнитные грейферы не могут на приборы влиять. Там защита от электромагнитного импульса работает.

— На первой модели не работает,— сказала Синтия.

Питер и ар-Рашид медленно переглянулись. Затем они так же медленно повернулись и посмотрели на «спид». Он был процентов на двадцать больше «спидов» четвертой модели, которыми был укомплектован «Непобедимый». Их опытные глаза тут же переметнулись к узлам датчиков и оружейным гнездам.

— Я должен был сразу это понять,— сказал старшина.— Ведь это последняя машина, из которой пилот должен был вот так выкарабкиваться.

— А что этот раритет за стенами музея делает? — в благоговейном ужасе спросил Редер.

— Вообще-то нам постоянно новые обещают,— оптимистично отозвался пилот.— Но пока что вы, ребята, все себе прикарманиваете.

Питер вздрогнул. «Да, похоже, так оно и выходит»,— подумал он. Оглянувшись, он увидел, что к ним торопливо приближается Шелдон. Остальные пилоты со станции уже кружком вокруг них собрались.

— Это командир эскадрильи Шелдон,— громко объявил Питер, когда тот подошел.— Он и его люди о вас позаботятся. А когда вы обустроитесь, я буду рад вас познакомить с командами обслуживания.— Широко улыбаясь пилотам, он от всей души надеялся, что все они сейчас умотают на долгий инструктаж и дадут ему, Роббинс и ар-Рашиду шанс вдоволь поползать по этой классике.

Питер всегда мечтал летать на первой модели.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Неустрашимый» вышел из Транзита в тридцати астрономических единицах от Антареса и базы «Онтарио». Капитанский мостик был сплошь залит сине-красным перемигиванием лампочек тревожной сигнализации и переливчатым мерцанием вышедших из строя компонентов; давление там по-прежнему было, но персонал командной палубы работал в скафандрах с открытыми лицевыми пластинами и без перчаток. Точно так же поступали и члены аварийных бригад контроля за повреждениями. Попеременно молясь и ругаясь, они выдергивали неисправные компоненты и ставили на их место запасные. Они также без конца латали, паяли и клеили, лихорадочно импровизируя в неистовстве организованного хаоса. В разреженном воздухе сильно пахло озоном, а от темных пятен на нескольких пультах тянулись менее приятные ароматы.

Индикатор скорости в нормальном космосе упорно держался на отметке в две сотых «цэ». Ровно столько же было перед тем, как они сделали последний отчаянный бросок в Транзит.

— Падди,— рявкнула капитан Монтойя в свой интерком.— Нам прямо сейчас эти моторы нужны!

— Ничего не выйдет, капитан,— отозвался инженер-механик. В его низком голосе с сильным новоирландским акцентом звучала неподдельная озабоченность. Вглядываясь в экран голодисплея, Монтойя видела у него за спиной, в обширных полостях машинного отделения, хаос еще почище, чем на капитанском мостике. Когда защитные поля получили перегрузку, они дали откат через системы поддержки; там предполагалось быть стопорам и механизмам аварийной работы, но они порой тоже перегружались. Массивные сверхпроводящие магистрали разлетались точно картечь, когда выбросы энергии давали зашкал за красную черту, сея разрушение в самом сердце корабля. В одному углу под какой-то рогожей лежал ряд тел, а судовой капеллан, чье лицо наполовину скрывала окровавленная повязка, совершал над ними похоронный обряд. К несчастью, в том ряду находились почти все офицеры машинного отделения. Уцелевшие члены команды были в белых изолирующих скафандрах, и дуговой разряд, то и дело мелькавший между кабелями, наглядно демонстрировал, почему.

— Третий и четвертый реакторы пришлось заглушить, сэр. Баки получили страшную трепку при последнем выбросе, когда нас плазменным разрядом долбануло. С работающими первым и вторым нам столько «дельта-вэ» из реакционной массы просто не выжать. И мне очень не нравятся флуктуации полей в первом баке. Он не сдюжит, если я еще хоть чуть-чуть тяги добавлю.

— Сотворите мне чудо, Падди. Меньшего я от вас не приму. Все, конец связи.

Прервав связь, капитан Монтойя откинулась на спинку кресла и стала наблюдать за тем, как работают ее люди. Урон был нанесен очень серьезный. Удивительно было, как они вообще через Транзит проскочили, но она знала, что мокаки и их союзники по-прежнему сидят у них на хвосте.

Внезапно интерком опять ожил.

— Сэр, я принимаю сообщение! — воскликнула молодая связистка. В ее хриплом от изнеможения голосе прозвучала надежда.

— Дайте, пожалуйста, послушать,— спокойно сказала Монтойя.

— ...капитан-лейтенант Сара Джеймс с ККС «Непобедимый» запрашивает ККС «Неустрашимый». Вы на приеме?

— На приеме, капитан-лейтенант. Говорит капитан Кэтрин Монтойя.

— Капитан, я передовой разведчик с «Непобедимого». Он в двух часах позади нас. Каков ваш статус, сэр?

Прежде чем ответить, Монтойя поморщилась, словно что-то очень невкусное попробовала.

— Как вы можете судить по той скорости, которую мы развиваем, капитан-лейтенант, наш статус очень скверный. Два мотора заглушены, полетная палуба не действует...— Она с трудом сглотнула.— Все наши «спиды» потеряны. Мы также потеряли девять лазерных гнезд. У нас серьезная пробоина в корпусе, и треть отсеков разгерметизирована. Еще у нас тяжелые потери в живой силе.

Это был один из способов сказать о том, что одна треть твоей команды мертва, а другая треть ранена.

— В последние несколько минут перед транзитным прыжком мы получили два прямых попадания из тяжелых плазменных орудий. Откат поля вывел из строя половину всей электроники на корабле. Кроме того, капитан-лейтенант, менее чем в двух часах позади нас идет слишком много вражеских судов.— Тут Монтойя перевела дыхание, сдерживая страх за своих людей и за свой корабль.— Мы также везем с собой шестимесячный запас антиводорода. Поэтому мы такая желанная мишень.

— Ясно, капитан,— четко сказала Сара.— Мы привели с собой два истребителя и тридцать шесть «спидов». Так что мы сможем дать им по рукам, если они слишком загребущими станут. Впрочем, уверена, сэр, вы их и сами уже по первому разряду обработали,— добавила она.

— Сделали, что смогли,— сухо сказала Монтойя.

— Я запросила у капитана Каверса эскадрилью для вашего сопровождения, сэр,— сообщила Сара.— Они доберутся до нас гораздо раньше, чем мы встретимся с «Непобедимым».

— Это хорошо,— отозвалась Монтойя.— А то те, что за нами, явно без тормозов. Они, судя по всему, любой ценой намерены наш груз уничтожить.

Она не стала добавлять, что если они сойдутся достаточно близко для серьезного боя и антиводород рванет, враг также будет уничтожен. Они тогда превратятся в небольшую, но очень активную звезду. Всем было известно, какие мокаки фанатики. Кроме того, насколько они знали, повианский корабль мог перенести взрыв.

— Вам лучше предупредить своих коллег, что эти повиане — первоклассные стрелки. И их орудия бьют дальше, чем можно ожидать.

— Принято, капитан. Благодарю вас. Конец связи.

— Добыча истекает кровью, Мастер Охоты,— сказал повианский техник своему командиру.— Она хромает и еле тащится.— В резком вибрирующем голосе звучала злобная радость.

— И все же она убегает,— мрачно заметил Мастер Охоты. Тва'амат был крайне недоволен тем, как все развивается. У него не было ни малейшего желания умирать, а их человеческие союзники явно вели дело к тому, чтобы все они дружно погибли.

— Мы должны предложить врагу условия сдачи,— высказался его заместитель.

Тва'амат утвердительно щелкнул жвалами. Если не считать чуда, для всех них это была единственная надежда на спасение.

— Я буду говорить с мокакским командиром,— сказал он.

У него на пульте тут же вспыхнула лампочка интеркома, показывающая, что звонок принят на мокакском корабле. Однако, прежде чем капитан мокаков ответил, повианину пришлось подождать несколько тревожных минут.

— Ну что там еще, Твоюмать? — недовольно вопросил капитан, прекрасно зная, что выраженное у него на лице презрение повиане различить не способны.— Мы заняты.

Тва'амат понимал, что его оскорбляют. Об этом ему говорило как намеренное искажение его имени, так и грубые манеры капитана мокаков. «Ладно, человек,— подумал он,— я тоже в эту игру сыграю». И Мастер Охоты так расположил свои педипальпы, чтобы они выражали четвертую степень уважения — гораздо ниже той, какую требовал статус капитана.

— Ваш народ понесет колоссальный урон от потери трех кораблей,— начал он.— Уничтожение того судна, которое мы преследуем, принесет вашему народу великую скорбь. Я почтительно предлагаю, чтобы мы объявили врагу условия сдачи.

— Условия? Той мрази?

— Нам вовсе не требуется предлагать столь отвратительным существам почетные условия,— стал успокаивать его Тва'амат.— Но безусловно лучше будет вернуть обратно нас самих и антиводород, чем погибнуть здесь и потерять все.

— Я не стану лгать даже ради спасения своей души! — выкрикнул мокак, настолько рассерженный, что это даже повианам стало заметно.— Не говоря уж о том, чтобы лгать ради спасения всей твоей ничтожной команды! Тебе приказано преследовать этот корабль и любой ценой его уничтожить. Не докучай мне больше своими трусливыми предложениями. Конец связи!

Какое-то время на капитанском мостике повиан царила мертвая тишина.

— Почему мы должны умереть из-за того, что они такие идиоты? — спросил наконец Тва'амата его заместитель.

— Мы должны умереть, потому что наша Владычица препоручила нас послу, чтобы он использовал нас, как сочтет нужным. И еще потому, что я скорее умру в бою, чем на столе у бюрократа.

Заместитель щелкнул жвалами в знак согласия. Такая смерть была куда более предпочтительной.

— Мы рождены, чтобы умереть,— заметил он.

— Таков закон,— согласился Тва'амат.— Так умрем же.

«Жми, Падди,— подумала Кэтрин Монтойя.— Делай все, что можешь».

Поврежденные внутренние компенсаторы «Неустрашимого» зловеще мерцали. Монтойя бесстрастно ждала; если компенсаторы сдадут, все люди на борту будут раздавлены до консистенции клубничного джема. «Как странно,— подумала она.— Мы тормозим, чтобы оторваться». Они должны были согласовать курс с «Непобедимым», который на полном ходу несся в их направлении; в какой-то точке, однако, два корабля должны были пойти с одинаковой скоростью и в одном направлении, иначе они бы лишь бессмысленно друг мимо друга промелькнули.

«Неустрашимый» тихо прошел сквозь целое облако «спидов», выпущенных наконец с легкого авианосца, и они поприветствовали его россыпью маяков опознавательной системы «друг-враг», после чего исчезли. Затем корабль проплыл между «Дифенбакером» и «Маккензи», направляясь к «Непобедимому» и долгожданной помощи.

— Транзитная сигнатура,— сообщил дежурный у панели датчиков. Этому младшему технику в данный момент приходилось выполнять работу десяти погибших товарищей.— Еще. И еще. Четыре. Тяжелые следы, капитан. Это вражеская тактическая группа. Прут за нами вовсю — семь сотых «цэ». Судя по столбу частиц, поднимаются.

Враг прошел Транзит и быстро приближался, но это уже была забота той тактической группы, что вылетела ему навстречу. А у капитана Монтойи и ее команды имелись свои заботы, более непосредственные.

— Машинное на связи.

— Давайте плохие новости, старшина.

— Тут с антиводородными баками проблема, капитан. Когда нам досталось, их направляющие механизмы набрали перегрузку. Один из них, гад, уже рвануть собирается,— сообщил инженер-механик Патрик Кейси — или попросту Падди. От страшного напряжения его акцент еще больше усилился.

— Спускайте его!

Это означало провести процедуру, обратную той, при помощи которой антиводород по специально подогнанным магнитным «трубам» закачивался в баки. Мера воистину отчаянная, ибо вещество это было невероятно опасным. Но если бак лопнет... впрочем, тогда все произойдет очень быстро. И разумные вещества на всем этом витке спирали увидят свет разрушения, пока он столетиями и тысячелетиями будет нестись среди звезд.

— Невозможно, капитан. Тот же самый перегрузочный выброс дренажную систему на этом баке запорол.

— Сколько у нас еще времени, старшина? — спросила капитан Монтойя. Обменявшись взглядом со старпомом, она жестом приказала ему подключиться к ее интеркому.

— Если я только не смогу найти какой-то способ это остановить, капитан, больше полутора часов мы вряд ли продержим-

ся.— Голос Кейси звучал рассеянно и нетерпеливо, ему сейчас явно больше хотелось работать, чем говорить. Глаза его то и дело поглядывали в сторону от экрана, снимая какие-то показания, а веснушки коричневыми маячками темнели на коже еще более молочно-бледной, чем обычно.

Монтойя прикусила губу.

— Дайте нам все время, какое только сможете, Падди. Я начинаю эвакуацию, а раненых у нас больше, чем здоровых, так что время нам точно понадобится. А моторы пусть работают, только внутрисистемный курс отмените. Теперь уже их беречь незачем.

— Есть, капитан. Я постараюсь. Конец связи.

Монтойя с тяжелым сердцем отвернулась от монитора и стала оглядывать продолговатый капитанский мостик корабля, из которого она выжала сто процентов его возможностей, и членов команды, которые отдали еще больше. Губы ее словно бы онемели, и лишь невероятным усилием воли ей удалось заставить их образовать слова.

— Приготовьтесь покинуть корабль.

По разбитым коридорам «Неустрашимого» завыли клаксоны. Бригады контроля за повреждениями бросили свой сизифов труд по восстановлению функций умирающего корабля и обратили ноющие мышцы и одурелые от усталости мозги на задачу проламывания по аварийному проходу к спасательным шлюпкам, расположенным вдоль стержня, что соединял две головки условного молотка. Офицеры и сержанты сбивали здоровых и ходячих больных в бригады для переноски тяжелораненых. Среди них сновали санитары, залатывая раны, раздавая анальгетики и стимуляторы, всеми силами стараясь поддержать жизнь в обожженных, избитых, облученных телах до тех пор, пока им не будет оказана настоящая помощь.

Капитан Монтойя дождалась, когда последние члены команды покинут капитанский мостик, затем церемонно подошла к главному компьютеру и извлекла оттуда пакет данных, который ей в дальнейшем предстояло представить следственной комиссии. Дальше последовала долгая минута молчания, после чего Монтойя захлопнула лицевую пластину своего скафандра и направилась прочь.

— Ого, кому-то они очень не по вкусу пришлись,— пробормотал пилот «спида», когда бортовой компьютер выдал ему данные о состоянии врага.

Утечка атмосферы; это означало торопливо залатанные пробоины в корпусе. Температура выхлопа значительно ниже оптимальной; это означало потери энергии. Визуал демонстрировал, что несколько размещенных на стабилизаторе у кормы повианского корабля гнезд либо вовсе отсутствуют, либо представляют собой светящиеся, оплавленные руины. Пустые орудийные уста-

новки на поверхности гантелеобразных мокакских судов показывали, что их дальнобойное оружие уже исчерпано.

Один Бог знал, какие условия были внутри, сколько систем было выведено из строя, какие пробелы зияли в блоках датчиков и узлах обороны с рубежа непосредственного соприкосновения.

— Давайте-ка мы, ребята, это выясним! — сказал он остальной эскадрилье.— Вперед!

Питер поднял голову из-за перегородки. Теперь, когда все «спиды» в полном составе вылетели на задание, полетная палуба «Непобедимого» выглядела совсем просторной и немного одинокой. Команды обслуживания напряженно ожидали, готовые к дозаправке и перевооружению, если боевые условия позволят.

— Коммандер Редер.— В ровном голосе калитана Каверса чувствовалось сдерживаемое напряжение.— Приготовьтесь принять спасательные шлюпки. Рабочие подробности направлены к вам вместе с санитарами для выноса раненых.— Дальше последовало быстрое и точное резюме упомянутых подробностей, которое загрузилось в потрясенный разум Редера, точно массив данных в компьютер.

— Есть, сэр,— четко произнес Редер. «Спасательные шлюпки? — подумал он.— Раненые?»

Это было первым указанием на то, что у «Неустрашимого» возникли такие серьезные проблемы. Впрочем, не совсем так. Проблемы возникли у команды. А корабль уже умирал.

Питер быстро подозвал к себе лейтенанта Роббинс и ар-Рашида.

— Спасательные шлюпки с «Неустрашимого»,— сообщил он.— Команда покидает корабль. Много раненых.

Ар-Рашид большими глазами на него посмотрел.

— Вся команда, сэр? — От волнения его низкий голос поднялся чуть ли не до писка.— Сэр, это же три тысячи человек.

— Уже меньше,— мрачно произнес Редер.— И половина из уцелевших ранены.— Затем они снова разошлись и проинструктировали команды обслуживания. Редер опять приставил бригаду к магнитному грейферу, а затем они подготовили палубу к приему спасательных шлюпок.

— Порядок, люди,— объявил он в командирский рупор.— Они будут прибывать в темпе, а управлять шлюпками будут дилетанты и компьютеры. Шлюпки будут прибывать одна за другой. Нам нужно будет как можно быстрее готовить полетную палубу для дальнейшей работы. Так что ушами не хлопать. Давайте все как надо проделаем.

В шкафчиках вдоль стен полетной палубы хранилась масса всякой всячины. В основном там были медицинские принадлежности: носилки, средства для оказания первой помощи. Редер прошел вдоль шкафчиков, открывая их пальцевым кодом, а команды обслуживания «спидов» тут же стали вынимать вещи и готовить их к эксплуатации.

— Отлично! — внезапно сказал за плечом у Редера начальник медицинской службы Голдберг.— Нам все это пригодится. По сведениям капитана, там немалый процент тяжелораненых.— Он бросил тревожный взгляд на Редера.— Похоже, по сравнению с этой работой наш последний аврал мирным чаепитием покажется.

— Радиационных ожогов там немного,— ободрил его Питер.

— Это правда,— сказал Голдберг тоном человека, который минуту назад потерял все, кроме именного пистолета.— Только обычные раны и декомпрессия.

Ожидалась сорок одна спасательная шлюпка.

— Диспетчер, мне нужна связь с прибывающими,— объявил Редер.— Общая трансляция на все спасательные шлюпки.

— Есть, сэр... уже готово.

— Слушайте меня все,— сказал он.— Места у нас хватит, но только-только. Поэтому постарайтесь с вашими судами не застревать.

Для посадки на авианосец спасательные шлюпки были, мягко говоря, неуклюжи. По сути они представляли собой снабженный самым примитивным мотором и направляющей системой пузырь, который почти все время оставался всего лишь структурным элементом на корпусе судна. А кроме того, некоторые из них наверняка были повреждены.

— Просто следуйте по курсу, который вам даст «Непобедимый», и предоставьте грейферному полю сделать все остальное. Помните, мы никого не сможем высадить, пока все не прибудут.

Пожалуй, для такой роскоши, как переходной шлюз, спасательные шлюпки вообще не годились.

— Мы всех вас примем. А теперь сделайте все как следует.

Включать насосы не требовалось; они уже держали полетную палубу безвоздушной. И вот створки громадных ворот медленно заскользили в специальные пазы в корпусе. За ними ярко засияли звезды. И на фоне бархатной черноты двигались точечки бледно-голубого пламени. Спасательные шлюпки старались так согласовать свою скорость со скоростью авианосца, чтобы грейферы «Непобедимого» смогли захватить их и втянуть на борт.

— Рискованная будет операция,— заметил Редер, облизывая соленые от пота губы.

Роббинс мрачно кивнула.

— Небольшая ошибка в расчетах — и они генераторы поля прямо из корпуса вырвут,— пробурчала она, лишь самую малость преувеличивая.

Наконец все они это почувствовали — легкую зыбь и крен под ботинками скафандров. Первые четыре бледно-голубых огонька развернулись и направились к ним, напоминая неподвижное созвездие, становящееся все ярче на фоне черноты. Выплески бело-голубого пламени быстро расширились от пятнышек света до продолговатых гало — а потом все они вдруг погасли.

— На этих спасательных шлюпках горючее строго ограничено,— прокомментировал Редер. Взгляд на планки статуса справа и слева в его шлеме заставил его облегченно вздохнуть.— Грейферные поля их уже зацепили.

Спасательные шлюпки росли, словно бы набухая, пока пятнышки света не выросли окончательно и не сделались даже больше «спидов» — безликие продолговатые штуковины, по форме вроде тыквенных семечек, лишь с несколькими вентиляционными отверстиями на корме, только благодаря которым и можно было сказать, что это в своем роде космические корабли. Яркие световые узоры вспыхнули на панелях полетной палубы, но не привычные ориентиры для «спидов», а новые, подогнанные под размеры спасательных шлюпок. Редер хмыкнул от удивления.

— Я с ними поработала, сэр,— сказала Роббинс.— Подумала, что это время сэкономит.

— Отлично, лейтенант,— похвалил Питер.

Спасательные шлюпки коснулись палубы — или, скорее, почти ее коснулись, удерживаемые грейферными полями над самой поверхностью. Фактически они были невесомы, но это не отменяло их многотонной инерции. Запуск их в движение требовал серьезной работы — то же самое и остановка.

— Ну, народ, за работу! — воскликнул Редер.

Мужчины и женщины бросились вперед с носилками и волокушами, а некоторые сидели в тягловых тележках. Самые предусмотрительные прихватили с собой стяжные крюки и эпоксидку. Стесненный скафандром, Редер тяжело проковылял вперед, схватил дозатор и принялся наносить мазки связующего реагента на «подбородки» спасательных шлюпок. Таким образом тягловые тележки могли прицепиться и тащить шлюпки дальше на борт.

— Рано! — крикнул Питер.— Сперва они остановиться должны!

Голос Питера по командному каналу заставил водителя тележки быстро поставить ногу на тормоз. И тележка из тягловой мигом превратилась в толкательную, когда многотонная инерция спасательной шлюпки неотвратимо поперла ее к дальней переборке полетной палубы. Редер вздрогнул, когда она боком уперлась в обшивку, слегка ее деформируя, а затем остановилась, переворачиваясь.

— Живей, живей!

Еще спасательные шлюпки, и еще — некоторые в такой тесноте, что они, садясь, аж друг о друга терлись, а одна вдруг перевернулась, точно большегрузная цистерна, и, лишенная трения, пошла крутиться колесом по просторной полости.

— Держи ее! — рявкнул Питер, хватаясь за дозатор со связующим.

Затем он как можно выше подпрыгнул с кабелем в одной руке и дозатором в другой, а вес скафандра тянул его вниз. Оба-на — и блямба реагента размером с кулак уже притягивала кабель к

корпусу спасательной шлюпки. Сразу полсотни рук схватили кабель, а одна необычайно умелая пара прикрепила другой его конец к пиллерсу на палубе, к которому обычно привязывали «спиды». Пиллерс держался, хотя Питер ступнями чувствовал, как стонет его композитный материал; будь на полетной палубе воздух, от этого звука могли бы барабанные перепонки полопаться. А так ему был слышан только нестройный гомон в интеркоме скафандра, свист системы жизнеобеспечения, обдувающей холодным воздухом его потный загривок, да его собственное затрудненное дыхание.

Наконец Питер заковылял дальше, следя за огромным окном в космос и чувствуя ужас, что предательски крался по его позвоночнику при виде того, как массивные спасательные шлюпки буквально расталкивают друг друга на скате у самого входа... а потом великое облегчение, когда он понял, им им там так тесно только потому, что все они уже внутри. Вся сорок одна штука.

— Давай, давай! — Питер не был уверен, чей голос он услышал, когда огромные створки наглухо захлопнулись и воздух ураганом ворвался на полетную палубу. Очень может быть, что и свой.

Благодарение Богу, спасательные шлюпки были сконструированы так, чтобы выгружаться как можно стремительней. Выпуклости их верхних палуб раскрывались точно цветки, а днища просто расщеплялись посередине, и две их половинки обвисали по бокам. Это мигом сгрузило раненую команду «Неустрашимого» на палубу. Люди с «Непобедимого» бросились вперед, загружая носилки и тут же волоча их к теперь уже открытым переходным шлюзам. Санитары бежали рядом с носилками, прилаживая дозаторы с кровью и делая инъекции. Временами кто-то из них останавливался, изрыгал проклятие или просто качал головой, после чего переходил к следующему пациенту. Питер открыл лицевую пластину шлема и тут же об этом пожалел. Множество ожогов и свежих ран даже огромную полость полетной палубы наполнили жутким запахом склепа.

Питер как раз направлял группу людей с носилками, которым, судя по их виду, самим бы носилки не помешали, когда Ван Чуньмэй, старпом, тронула его за плечо.

— Простите, вы капитана Монтойю не видели? — спросила она.

— Она была в номере сорок первом, сэр,— ответил ей один из санитаров.— В самой последней шлюпке.

— Тогда она должна быть вон там,— сказал Редер, указывая и сразу же направляясь к наружной двери.— А что случилось, сэр? — спросил он, когда Ван торопливо зашагала бок о бок с ним.

— Один из шести баков с антиводородом на «Неустрашимом» совсем плох,— сказала она.— Поле теряет.

— Ч-черт,— только и вымолвил Редер.

Его словно в поддых ударили. Предполагалось, что у «Неустрашимого» команда из трех тысяч человек. Если бы он вообще об этом задумался, на что у него, понятное дело, не было времени,

он бы сообразил, что означает такое множество раненых. «И капитан с ними,— подумал Питер, чувствуя себя идиотом.— Тысяча погибших».

Это было несправедливо. Несправедливо было терять все то, за что те люди погибли. «Должен найтись какой-то способ спасти тот антиводород»,— подумал он.

Капитан Монтойя, когда они до нее добрались, раздавала указания кучке своих подчиненных. Она сумела захватить с собой несколько регенерационных блоков. Все они, как заметил Питер, были заняты. И эти тяжеленные штуковины было чертовски неловко передвигать.

— Мы их сперва отсюда уберем,— как раз говорила Монтойя.— А уже потом позаботимся о том, куда их судовой врач захочет доставить.

— Капитан Монтойя? Я Ван Чунь-мэй, старпом «Непобедимого». Капитан Каверс посылает вам свой привет и приглашает присоединиться к нему на капитанском мостике, как только ваши люди будут устроены.

— Мой привет капитану Каверсу,— немного задыхаясь, сказала Монтойя.— Я почту за честь присоединиться к нему на мостике.— Тут она огляделась.— Но боюсь, в скором времени не получится.

— Понимаю, капитан. Это коммандер Редер, наш бортинженер. Когда вы будете готовы, он выделит вам сопровождающего.

— Очень приятно,— вставил Редер.

— Тогда до скорого, капитан, коммандер,— сказала Ван Чунь-мэй. Затем она отдала честь и торопливо направилась прочь.

— Мой старший механик, похоже, отсутствует,— сказала Монтойя.— Наверное, он пытается тот бак с антиводородом починить.— Она прикусила губу.— Спасательные шлюпки там еще есть, но он такой чертовски упрямый, что, боюсь, он вовремя до них не доберется.

— А что именно там случилось, капитан? — спросил Редер.

— Что именно? — Монтойя испустила короткий смешок.— Мне надо быть старшиной Кейси, чтобы вам рассказать. Я только знаю, что поле удержания в шестом резервуаре стало выдавать флуктуации.— Она покачала головой.— Нам очень серьезно досталось, коммандер. Вероятно, там что-то погнулось или закоротилось — после множества плазменных ударов чего не бывает. Я не знаю.— Она устало на него взглянула.

— Нам нужно поскорее эти блоки в коридор вынести,— быстро сказал Редер.— Мы должны очистить палубу на тот случай, если сюда прибудет поврежденный «спид».— Он подозвал одного из своих подчиненных.— Покажите этим людям, где пятый коридор,— приказал он.— А теперь прошу прощения, сэр,— сказал он капитану Монтойе, и та кивнула. Тогда Питер двинулся дальше.

Это было невероятно, но у выходов с полетной палубы никаких пробок не возникало. «Они как на тренировке это поде-

лывают,— подумал Питер, испытывая прилив отчаянной гордости за свой корабль.— ККС „Каверза", будьте-нате!»

Куда за меньшее время, чем он мог предполагать, спасательные шлюпки опустели.

— Проверьте их! — гаркнул Редер практически одновременно с дюжиной своих подчиненных, отдававших тот же самый приказ.— Не полагайтесь на индикаторы — все своими глазами осмотрите! Каждую спасательную шлюпку, черт бы их всех побрал!

«Славную мы работенку проделали»,— подумал Питер, когда несколько бессознательных тел — или просто трупов — было вынесено в переходные шлюзы. Он лично провел последний осмотр, убеждаясь, что никого, кроме его людей в скафандрах, там не осталось.

— Готовность к вакууму,— произнес приятный женский голос компьютерного диспетчера. Много лет назад какой-то теоретик решил, что люди будут уделять компьютеру куда больше внимания, если он будет разговаривать как мечта шестнадцатилетнего пацана.— Готовность к вакууму. Отмена аварийного доступа.

— Держитесь! — рявкнул Редер по своему командному каналу, засовывая ногу под скобу и хватаясь за верхний поручень. Насосы еще работали, но наружные ворота их ждать не стали.

Они начали открываться, как только компьютер перестал говорить, и пока они полностью не раскрылись, все происходящее очень напоминало взрывную декомпрессию через пробоину в корпусе. Легкие инструменты и сотни подушек из спасательных шлюпок закувыркались в сторону быстро расширяющейся щели, и туда же, оторванный от поручня, устремился было один из членов команды. Трое его товарищей мгновенно ухватили его за специальные зацепки на скафандре и стали удерживать. Мужчина парил, вытянув руки в ту сторону, куда уходил воздух. Когда же давление упало до нуля, он плавно и беззвучно опустился на палубу.

— Давайте их на пусковые дорожки,— сказал Редер.— Гоните со смещением и о центровке не беспокойтесь.

Это необходимо было указать. Пилот, чей «спид» запустили бы со смещением, вернулся бы потом, мягко говоря, разгневанным. Но сейчас им просто требовалось как можно скорее убрать с дороги весь мусор. Не прошло и двух минут с тех пор, как ворота раскрылись, а первые две шлюпки уже были запущены в чернильную черноту. Удалялись они медленней обычного — большинство пускачей было рассчитано на самоходные летательные аппараты, а не на мертвый и вдобавок немалый груз. Тем не менее к тому времени, как следующая четверка оказалась на дорожках и была прихвачена полями, те две шлюпки уже превратились в невыразительные пятнышки среди звезд.

— Последние две оставьте,— распорядился Редер.— И по местам. «Спиды» сейчас в бою, и возвращаться они будут подбитые или голодные. Всем внимание! Снимайте показания о

комплектах оружия, которые они будут запрашивать. По местам, по местам, не спать.

Активность медленно угасала. Все команды в полном составе ожидали у мониторов и заправочных точек, держа наготове свежие комплекты ракет, чьи смертоносные боеголовки с цветным кодом выглядывали из цилиндров. Наконец Редер перевел дыхание.

«Так-так,— задумался он.— Неисправность антиводородного бака. Но ведь только одного бака». Впрочем, этого могло оказаться достаточно. «Неустрашимый» вез с собой столько антиводорода, что его вполне бы хватило, чтобы на шесть месяцев весь флот Содружества энергией обеспечить. Столько им пока что за всю эту войну из мокаков выжать не удалось. Да, одного бака из шести будет вполне достаточно, и когда он жахнет, все остальные тоже рванут. Каждый грамм антиводорода встретится с граммом нормальной материи и со стопроцентной эффективностью превратится в энергию. Взрыв будет длиться до тех пор, пока все до единого атомы антиводорода не встретятся со своими противоположностями. Энергии примерно такого уровня требовались, чтобы корабли через Транзит проталкивать.

— Е равно эм цэ в квадрате,— пробормотал Питер.— Лучше и не скажешь.

Содружество нуждалось в этом антиводороде. Отчаянно нуждалось. Коммандер нырнул в переходной шлюз, а затем стал пробираться по коридорам, где на тюфяках лежали раненые с «Неустрашимого»; остальных либо направляли помогать, либо указывали им, где расположиться на отдых. Прижимаясь плечом к стене, Редер пробрался сквозь толпу к своему кабинету.

— Капитан Каверс, это бортинженерия беспокоит. Срочное дело.

«Ты опять, Редер, какую-то страшную глупость затеваешь»,— сказал ему рассудок. Голос рассудка почему-то был точной копией голоса его матери. Ладно, раз уж на то пошло, он и в прежние времена особого внимания подобным предупреждениям не уделял. «Надо попробовать»,— твердо решил Питер. План у него в голове все еще был крайне расплывчатый. Это могло оказаться попросту невозможным. Он лишь надеялся, что так не окажется.

— Слушаю вас, коммандер.— Каверс выглядел страшно занятым и измотанным. Ван Чунь-мэй нагнулась что-то сказать ему в ухо, и капитан отвернулся от экрана.

— Сэр,— начал Редер, перебивая старпома,— у меня есть идея по поводу одной новой процедуры, которая, вполне возможно, будет способствовать решению наших текущих проблем. Мне бы хотелось получить ваше разрешение эту идею развить.— Тут он перевел дух, дивясь собственной изворотливости.

Капитан нетерпеливым жестом попросил Ван подождать.

— Да-да, коммандер. Проявляйте инициативу. Конец связи.— И экран опустел.

— Есть контакт! — воскликнул Редер и пулей вылетел из кабинета. Теперь ему надо было найти Монтойю и узнать у нее кое-какие подробности.

«Минутку,— подумал Каверс через две секунды после отключения.— Ведь я только что Редеру полный карт-бланш предоставил».

— Сэр,— мягко, но очень настойчиво произнесла Ван Чунь-мэй.

— Да, слушаю вас,— отозвался Каверс, и тема Редера тут же вылетела у него из головы.

— Если капитан меня спросит,— сказал Питер Синтии и старшине,— просто скажите ему, что не знаете, где я.

Те только заморгали и закивали, бормоча: «Есть, сэр». Коммандер отсутствовал примерно двадцать минут и снова появился с герметичным ранцем и несколько виноватым выражением лица.

— Ну вот,— продолжил Редер.— Вы тут за главного, лейтенант, пока я не вернусь. А теперь уберите всех отсюда, чтобы грейферная команда могла проделать свою работу.

— Пока он не вернется? — прошептала Синтия ар-Рашиду, уходя от коммандера.

— Лучше не спрашивайте,— глядя прямо перед собой, отозвался старшина.

Синтия сильно помрачнела, но больше ничего не сказала и вернулась к своей работе.

Доставить спасательную шлюпку к одной из пусковых дорожек оказалось достаточно легко; грейферные команды теперь уже здорово насобачились. Изучая незнакомый для него пульт управления, Редер почувствовал резкий спуск и поворот. «В этих штуковинах явно защита от дурака предусмотрена,— подумал он.— Все предельно просто — всего несколько кнопок на панели. И я уверен, что эта спасательная шлюпка не маневренней бегемота в пустыне».

Тут Питер почувствовал, как грейфер хватает шлюпку и начинает легонько ее потряхивать. Внутри этого космического автобуса все казалось как-то не так. Питеру отчаянно не хватало привычной как собственная кожа защитной оболочки «спида». Считанные мгновения спустя жестокое ускорение вжало его в примитивное и не очень ему подходящее перегрузочное кресло. Во рту у него тут же появился соленый привкус крови, а в глазах потемнело. Никакой специальный костюм не сжимал ему конечности, никакой полужидкий гель не служил подушкой. «Или я просто практику потерял»,— подумал Редер.

Его ладони плясали на примитивном пульте управления. Рой брошенных спасательных шлюпок был далеко впереди, и в рав-

ной степени примитивная система датчиков показывала его лишь в виде секундных промельков на экране. «Непобедимый» тормозил, его корма и мощное облако сияющей плазмы тянулись в противоположную сторону. «Неустрашимый» тоже тормозил, его бортовой компьютер по-прежнему старался согласовать скорости с «Непобедимым». Ему это уже не требовалось, а вот спасательная лодка при определенной удаче еще могла попытаться.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Редер присвистнул, когда «Неустрашимый» приблизился на расстояние, достаточное для визуального наблюдения. Одно дело было услышать фразу «тяжелые повреждения», а совсем другое — воочию увидеть крупный боевой корабль, который выглядел как «спид», вернувшийся из ближнего боя с достойным противником. Целые секции корпуса были ободраны аж до шпангоута, а ведь обшивка сама по себе составляла важнейший структурный элемент корабля. Оставалось только гадать, как вся эта штуковина не сложилась подобно гармошке, когда они попытались врубить главные моторы. Местами Редер запросто мог заглянуть внутрь и увидеть каюты экипажа или машинные помещения, как будто это была модель или компьютерная имитация. В других секциях виднелись характерные звездчатые воронки и выжженные узоры от ядерных боеголовок направленного разряда, корявые оплавленные дыры от плазменных выплесков и длинные резаные отметины тяжелых лазеров. Когда он подобрался еще ближе, моторы как раз вырубились, и стало видно, как жутко ободраны выхлопные раструбы и как от них все еще отлетают куски, чтобы, крутясь и поблескивая, медленно отправиться в собственный полет по вселенной.

Тут Редер опять присвистнул — или, скорее, попытался. Во рту у него совсем пересохло, и не без причины — корабль мог в любую минуту взорваться. «Как же мне тогда не повезет,— подумал он.— Не говоря уж о том, что день окончательно будет испорчен». Как, впрочем, и вся его жизнь. Хотя, если вдуматься, никакой разумной причины пугаться больше, чем в любой другой опасной ситуации, у Редера не было. Если бы антиматерия все-таки рванула, он бы даже ничего понять не успел. Но подсознание все равно отчаянно сжимало некоторые его жизненно важные органы в предчувствии взрыва масштабов столь чудовищных.

Не отрывая глаз от приближающегося корабля, Редер поражался не столько степени нанесенных ему повреждений, сколько той невероятной удаче, которая держала его на ходу. Попади хоть один из пяти главных ударов, которые ему пришлось принять, на метр дальше или ближе, его бы сейчас тут не было. «И если мы не уладим ту маленькую проблемку с антиводородным баком,— подумал Питер,— его тут тоже вот-вот не будет».

Он направил спасательную шлюпку к открытым воротам полетной палубы, но тут же понял, что сесть там будет непросто. Сами ворота получили жуткие повреждения, толстый металл был покорежен и порван подобно дешевой игрушке. Местами он вообще испарился и снова частично затвердел, образовав причудливые узоры наподобие сплавившихся снежинок. «Прямое попадание из плазменной пушки,— понял Питер.— Похоже, и сама палуба тоже проломлена. Весело будет тут садиться». К счастью, он захватил с собой аварийные средства, так что вполне способен был здесь передвигаться.

Редер вырубил моторы, худо-бедно припарковал шлюпку и принялся надевать скафандр. Скафандр этот был ядовито-оранжевый и очень легкий. Но даже при всем при том неделю жизни в абсолютном вакууме он железно обеспечивал. «Только бы не пришлось в этом на него положиться»,— горячо пожелал Редер. Он быстро переоделся, пристроил катетер и все такое прочее, после чего аккуратно загерметизировал шлем и вернулся в кресло пилота. «Еще одна из многих оказий,— подумал он,— когда я благодарю Бога за то, что он меня мужчиной создал».

И «Неустрашимый», и маленькая шлюпка понемногу дрейфовали, так что Питер теперь оказался чуть дальше от того места, куда он прибыл. «Нет, так не пойдет,— сказал он себе, задумчиво оглядев открывшуюся перед ним гигантскую дыру в корпусе.— Надо на главной палубе счастья попытать. Вокруг любого из этих проломов все будет задраено. А вот если с внутренними воротами порядок, тогда я с главной палубы запросто куда надо доберусь». Зона хранения антиводорода располагалась одной палубой ниже, и туда легко было попасть при помощи лифта. Если же лифты не работали, Питер мог воспользоваться одной из аварийных лестниц.

Он поиграл пальцами над клавишами панели, точно пианист перед исполнением виртуозной симфонии. Внезапно раздался какой-то тонкий вой. Спасательная шлюпка начала опрокидываться — медленно-медленно, с легким покачиванием, она поворачивалась вокруг своей длинной оси. Редер недоверчиво посмотрел на главный экран. В левом верхнем углу вспыхивала красным маленькая иконка с гироскопом.

Тут голова у него кругом пошла. «Как кораблем без гироскопов управлять?» — задумался Питер. Ответ был поразительно прост: следовало использовать движки корректировки положения для уравновешивания основного мотора и одновременно удерживать нос на нужном тебе курсе... а эти две вещи друг другу противоречили.

Редер с трудом сглотнул слюну.

— А, ладно. Виртуозы мы. Ща исполним.

Его пальцы ловко и нежно застучали по клавишам. Движки корректировки испустили визгливый вой. Краем глаза Питер следил за уровнем горючего, который уже был низок и все

понижался. Спасательные шлюпки не обладали ничем таким капитальным, как плазменные токи от главного мотора; там попросту использовался сжатый газ. Причем очень ограниченный запас сжатого газа, который Питер расходовал весьма расточительно, пока маленькое суденышко дергалось, виляло и угрожало опрокинуться, судорожными рывками приближаясь к открытым воротам главной палубы. Сила Кориолиса терзала его внутреннее ухо, настойчиво убеждая Питера в том, что он на самом деле плывет на маленьком паруснике по бурному морю. И такое использование движков корректировки до предела затрудняло контроль за направлением... В чем он наглядно убедился, когда попытался увернуться от зазубренного куска металла, прямиком на который шла его шлюпка, и без всякого результата.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы без всякого результата. Результатом стало то, что громадный выступ в форме варежки отколупал от шлюпки хороший кусок крыши, после чего направил ее прямо на занесенное копье разодранной палубы.

«Мать моя женщина!» — раздраженно подумал Питер, чувствуя себя полным идиотом. Это была последняя мысль, что мелькнула у него в голове, прежде чем навык взял свое. Выключив два движка по правому борту, он зарядил на полную левый борт. Лодка нырнула вперед, поворачиваясь на ходу. Тогда он совсем отрубил энергию, понимая, что идет слишком быстро и что столкновение неизбежно. Зубы его рефлекторно издавали громкий скрип.

«Но если повезет, внутренние ворота я не проломлю»,— подумал Питер. Поскольку если бы он это сделал, корабль автоматически отреагировал бы на подобную пробоину задраиванием всей зоны главной палубы. «И отнял бы у меня много времени,— подумал он.— Не говоря о жизни».

Столкнувшись с одной из боковых стенок, суденышко отскочило, крутясь точно гигантская тарелка «фрисби». Привязные ремни, что притягивали Питера к креслу пилота, напряглись, но сдюжили, когда шлюпка врезалась в дальнюю стенку, после чего обрушилась на идеально ровный участок палубы и беспомощно заскользила к пролому. «Что ж,— подумал Питер,— вот и ответ на тот вопрос. Гравитация на корабле все еще есть». Тут тарелочное кручение перешло в беспорядочное кувыркание. Шлюпка словно бы головокружительно завертелась вокруг пилота. «По крайней мере, в некоторых местах корабля»,— добавил он к своему заключению о гравитации.

Наблюдая, как его несет назад к звездам, Питер мысленно проклинал даром потраченное время и прикидывал, как ему теперь развернуть чертову шлюпку и снова попасть на корабль. Кровь текла у него из носа и изо рта. Система жизнеобеспечения вовсю гудела, всасывая алую влагу.

Небольшая зазубренная кромка вокруг взорванного участка зацепила нос спасательной шлюпки и тем самым почти ее ос-

тановила, на тихом ходу отправляя ее в кучу какого-то непонятного мусора.

Редер немного подождал, убеждаясь, что маленькое суденышко и впрямь утихомирилось. Затем он отпустил привязные ремни. «Акции этой компании я тоже куплю»,— подумал он, отталкивая ремни в сторону.

Затем он схватил ранец и открыл люк. Подошвы ботинок скафандра липли к палубе, указывая на то, что гравитационная функция в этой зоне нарушена. «Ничего удивительного»,— подумал Редер. Картина вокруг него была просто сюрреальная. Казалось немыслимым, что люди сперва построили такую грандиозную конструкцию, а потом взяли ее и разрушили. Царящий кругом хаос был в своем роде прекрасен, как хорошие сценические декорации. Если люди здесь и погибли, никаких признаков этого не наблюдалось. А вот над самим «Неустрашимым» нависла отчетливая угроза немедленной гибели. Оторвавшись от созерцания величественного зрелища, Питер направился прочь от пролома.

Его не на шутку раздражало то, что люди ради какого-то эзотерического верования готовы разрушать, да еще в таких чудовищных масштабах. «Каково будет этим мокакам,— задумался Питер,— если мы, плохие парни, как они заявляют, совсем наплюем на райские перспективы, заявимся к ним и всех их к чертовой матери разбомбим? Впрочем, ничего другого они от „бездушной мрази", Космического Отряда то бишь, и не ждут. А, ладно,— подумал он затем,— „люди везде есть", как моя матушка выражалась». И он потащился к аварийному выходу; над этим переходным шлюзом все еще горели зеленые огоньки. Стало быть, по ту его сторону по-прежнему оставался воздух...

Сразу за переходным шлюзом Редер избавился от скафандра. «При гравитации в нем нормально работать не получится,— решил он.— И цвет этот меня уже до упора достал».

После жутких разрушений на главной палубе целехонький коридор казался почти зловещим; кроме низкого гула системы жизнеобеспечения, ничего примечательного там не было. Впрочем, не совсем так. Из-за угла тянулась широкая полоса подсохшей крови, где кого-то волокли к спасательным шлюпкам. Лифты не работали, а на их контрольных панелях мигали однообразные сообщения «ПОЖАЛУЙСТА, ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ АВАРИЙНОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ». Которая на самом деле представляла собой вертикальный трап в узкой трубе. Закинув ранец за плечо, Питер стал спускаться.

— А я еще думал, что я в приличной форме,— пробормотал он себе под нос. Когда он наконец добрался до подножия трапа и со вздохом облегчения зашатался на ровном полу, его колени ныли, икры горели, а левая рука только что не отнималась. «Пожалуй, мне стоит что-то подобное в свой моцион включить,—

подумал он, поднимая взгляд,— а то потом еще раз, да к тому же вверх... просто жуть».

У выхода с аварийной лестницы имелась общая карта зоны, которую данная шахта обслуживала. Обширный белый квадрат был обозначен как «ЗОНА ВЫСШЕЙ СЕКРЕТНОСТИ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Редер снял с плеча ранец и направился в ту сторону.

Он без труда эту зону нашел, но световой знак предупредил его о том, что без стерильной спецодежды туда никого не пропускают. При обращении с антиводородом любая пылинка могла представлять смертельную опасность. Питер поднял взгляд. В потолок были встроены датчики, которые легко определяли, кто стерильный, а кто не совсем.

Редер подосадовал на задержку. Впрочем, все было вполне разумно. Если бы хоть частичка его перхоти встретилась с молекулой антиводорода, результаты стали бы необыкновенно захватывающими.

Он устремился вдоль ряда шкафчиков, выдергивая оттуда белые комбинезоны и с досадой бросая их на пол. «Черт побери! — раздраженно думал Питер.— На этом «Неустрашимом» все техники какие-то недорослые». Наконец он нашел подходящий комбинезон и в темпе его натянул. Он был не таким объемистым, как скафандр, без катетера и тому подобного, но тоже покрывал его целиком, от темной макушки до мозолистых пяток.

Гладкая белая ткань спецодежды и прозрачная лицевая маска были изготовлены из материалов, к которым попросту ничто не липло. К тому времени, как Питер вернулся к двери, все, что он оставил на ткани, уже с нее соскользнуло. За этой дверью должны были последовательно располагаться еще четыре, и каждая из них вела в более чистую среду.

В конце концов он попал в зону хранения антиводорода. Это было одно длинное помещение, сплошь серовато-белого цвета, не считая труб с цветной кодировкой. Массивные силовые трубопроводы бежали под потолком, а сами баки тянулись вдоль одной стены, совсем как гигантские двухэтажные термосы. Высматривая бак номер шесть, Питер перешел на трусцу. «Интересно,— подумал он, в темпе продвигаясь по проходу,— здесь ли еще механик капитана Монтойи».

Он был там. Перед одним из антиводородных баков, скрестив ноги, сидел очень крупный мужчина. В руках он держал силовую муфту, соединенную с еще одной такой же. Редер проследил за электрическими шнурами. Один из них вел к баку номер шесть, другой забирал энергию из соседнего.

— Похоже, у вас тут неприятности,— заметил Питер.

Сидящий на полу мужчина вздрогнул и поднял взгляд.

— Кто вы, черт побери, такой? — вопросил он с сильным новоирландским акцентом. На Земле так уже много столетий не

говорили. Новая Ирландия была основана реликтовыми националистами, а общепланетным гимном там был «Восход Луны».

Питер поставил свой ранец на пол и нагнулся его расстегнуть.

— Редер моя фамилия, и я в инженера играю,— беззаботно ответил он.— Ну, и еще полетной палубой на «Непобедимом» командую,— продолжил он.— А вы кто?

— Падди Кейси,— представился мужчина.— Старший механик.— Кристально-голубыми глазами он внимательно разглядывал Редера.— Я бы отдал вам честь, сэр, но, как видите, это может небольшие проблемы создать. Так что, надеюсь, вы простите мне мою фамильярность, когда я скажу, что ваш цветущий вид для моих больных глаз — сущая отрада.

— Я тоже чертовски рад с вами познакомиться,— сказал Питер.— Я так понимаю, вы эту штуковину никак не можете отпустить?

— Не могу, сэр. Видите вот эту вот сцепочку между муфтами? — Падди постучал указательным пальцами по металлу.— Сломалась она, вот в чем загвоздка. И надо же — впервые за многие годы такая вот фигулечка прямо у меня в руках поломалась. Я даже ни о чем таком не задумывался и всех техников отсюда отослал. Прикидывал, скоро за ними последую. И только я ее закрепил, она возьми да и тресни.— От досады он аж языком прищелкнул.— Теперь все шаляй-валяй делают. Не то что в прежние времена.

Редер ухмыльнулся.

— Вы совсем как моя покойная матушка говорите,— заметил он.

— Значит, мудрая она была женщина, Господь ее благослови,— отозвался Падди.

— А почему вы туда другую сцепку не вставите? — поинтересовался Питер.

— Вся штука в том, сэр, что в детстве у меня только две руки отросли. И обе они, как видите, всю эту ерундовину держат. Если б я ее отпустил, чтоб за другой сцепкой потянуться, она бы мигом развалилась, шестой номер бы рванул, а я бы тут же выяснил, где на самом деле те небеса, про которые в книжках написано. И надевают ли там на тебя золотые короны за то, что ты овощи кушаешь, как меня матушка всегда уверяла.

— Теперь понятно,— сказал Редер. Затем он сунул руку в свой ранец и вытащил оттуда моток изоленты.

— Эй, это чего у вас там такое? — спросил Падди, удивленно приподнимая брови.

— Изолента,— подходя к нему, ответил Питер.— Та самая сила, на которой вся вселенная держится. Слышали про такое?

— Слышал,— без энтузиазма отозвался Падди.— Такая философия мне знакома. Только я не очень понимаю, как изолента в стыке с антиводородом будет работать. Хоть скажите, что я совсем из ума выжил.

— Вы, приятель, совсем из ума выжили,— любезно сообщил ему Редер, обматывая треснувшую муфту изолентой. Он так старательно этим занимался, словно растянутое сухожилие лечил.— Вот, теперь порядок.

— Господь да благословит вас, сэр! — воскликнул Падди и с кряхтением стал вставать. Он все вставал и вставал — пока Редеру не пришлось задрать голову чуть ли не к потолку.

«Ну и ну,— подумал он.— Вот это верзила». Падди был по меньшей мере два ноль пять — а может, и того выше. А поскольку Новая Ирландия была планетой с немалой гравитацией, 1,12 от стандартной, то в ширину он был ненамного меньше, чем в вышину. Руки у него были как деревья, а ладони как лопаты. Эти ладони заметно дрожали, пока он осторожно отпускал пальцы. Редер представил себе, каково здесь сидеть, сжимая в руках неисправное соединение и ожидая, когда слабеющее поле прорвется...

— Нам лучше отсюда уходить,— сказал Падди и направился было к выходу.

— А по-моему, рановато.— Редер опять нагнулся и залез в свой ранец. На сей раз он вытащил оттуда самопальный магнитный спускач, который он сварганил из акселератора «спида». «Будем надеяться, что наш диверсант хоть тут свинью нам не подложил»,— подумал он.

— Это еще что за хреновина? — поинтересовался Падди, морща курносый нос при взгляде на механического недоноска в руках у Редера.

— Вот этого вот урода,— объяснил Питер,— я намерен для опорожнения вон того бака использовать.— Он указал на номер шестой.

— Идея что надо,— похвалил механик.— А из чего вы его смастерили?

— Из спидовского акселератора.

— А! Теперь понятно. Просто блестяще! Нам всего-то и надо, что его опорожнить,— сказал Падди, кивая на бак.— Но только в темпе. Из номера пятого все время энергия сочится, и с ним уже тоже мало хорошего.

— Тогда за работу,— отозвался Редер. Переходя от слов к делу, он обогнул антиводородный бак и встал у того его бока, который был ближе к космосу.

— А, вижу, в чем тут проблема.

— Проблема тут мировая, не иначе,— заметил Кейси.

Никакой обычной материей антиводорода касаться было нельзя. К счастью, в его очищенной форме — ионизированной, ободранной до электронных оболочек — им некоторым образом можно было манипулировать. При этом использовались лазерные охлаждающие системы, чтобы поддерживать его плотность, и сильнейшие магнитные поля, чтобы тщательно контролируемыми потоками двигать его на аннигилирующую встречу с обычной мате-

рией. Резервуары, подобные этому, также имели аварийный шунт, чтобы в случае крайней необходимости выбрасывать антиводород в вакуум. Теперь Питер увидел, что именно произошло с этим конкретным шунтом. Впрочем, примерно это он и предполагал. Одна секция в форме колена почернела и покоробилась, ее внутренний направляющий механизм был выведен из строя тем же силовым выплеском, что повредил и сам бак.

— Давайте-ка мы эту секцию вынем,— сказал Питер, доставая ручной лазерный резак.— Моя замена должна подойти.— «Поверить не могу, что все будет так просто»,— подумал он, собираясь приладить импровизированную секцию.

Он попытался приладить ее. И не сумел.

— Она слишком большая! — изумленно воскликнул Редер.— Но, согласно спецификации, она должна идеально подойти.— Тем не менее она никак не подходила, хотя и на какую-то малую долю. Давить было бессмысленно и опасно. На металле могла остаться царапина, которая потом прореагировала бы с частичкой антиводорода. Или полевая направляющая просто не стала бы работать.

— Эта спецификация, про которую вы толкуете,— лениво произнес Падди,— она ведь для четверки, верно?

— Верно,— медленно отозвался Редер.

— Эх-ма. Новенький корабль, этот «Непобедимый». Все самое лучшее, самое современное. Тут тройки, а не четверки,— объяснил Падди, протягивая свою лапищу к детали в руках у Питера.— Мастерская тут рядом. Идемте.— И он направился к выходу из антиводородного хранилища. Редеру пришлось вприпрыжку его догонять.

— Откуда вы знаете, сколько надо будет снять? — спросил он.

— Да тут на волосок-другой всего-то и разницы,— сказал Падди.— Почти что и никакой. Просто чтобы детали взаимозаменяемы не были. Вам никогда не казалось, что парни, которые все это дело разрабатывают, с квартирмейстерами заодно? Они от этого нужными себя чувствуют. Получается добрый десяток разных деталей, которые одно и то же делают. Только соединения у них разные.

Они вошли в небольшую мастерскую, и Падди вставил один конец штуковины из акселератора в зажим здоровенного станка. С беззаботной на вид торопливостью он настроил машину. Затем он запустил станок, и лазер с басовым гудением принялся отхватывать лишние слои молекул. Через считанные секунды процесс был закончен, после чего Падди перевернул деталь и обработал другой конец.

— Готова, родная,— подытожил он.— Пойдемте ее приладим.

Когда они вернулись в зону хранения антиводорода, там уже звучал тревожный клаксон. Бак номер пять громко протестовал по поводу утечки энергии из своего источника. Шестой бак,

дестабилизируясь, вытягивал ее все больше и больше, так что и пятый был уже у красной черты.

— Вот и отлично,— сказал Редер и выхватил свою самопальную деталь из могучих ладоней новоирландца. Затем он опять обогнул бак и вставил ее в пустую муфту.— Подошла! — воскликнул он, активируя магнитное поле.— Отличная работа, старшина!

— Спасибо,— поблагодарил его Кейси, но вид у него был такой, словно ему очень хотелось послать Редера зрителем куда-нибудь на галерку и самому, как старшему механику «Неустрашимого», довести дело до конца.

Редер пустил струю антиводорода.

— Какое сладостное чувство утраты,— заметил он, подключая свой переносной диагностический блок. Этот блок по крайней мере прекрасно с любым интерфейсом совмещался. Затем Питер стал наблюдать, как стремительно набегают показания.— Я сейчас каждую минуту валовой национальный продукт целой планеты выбрасываю.— И он тут же почувствовал себя сказочно богатым.

— А вы сюда подойдите,— предложил ему Падди. Затем он подвел Редера к экрану и нажал кнопку.

Они стали наблюдать, как антиводород вытекает колоссальным огненным столпом. Реагируя по пути с обычной материей, утечками воздуха с «Неустрашимого» и его обломками, он создавал мощный хвост плазмы. Инерция уносила его прочь от корабля, и громадная истерзанная масса корпуса скрипела и стонала под боковым нажимом.

«Спиды», «Дифенбакер» и «Маккензи» должны были находиться где-то далеко на обратном пути к «Непобедимому», так что истекающий антиводород никак им не угрожал.

«Надеюсь, впрочем, что они его видят,— подумал Питер.— Он сейчас как символ победы».

Затем коммандер склонил голову набок. «Или как хвост кометы без кометы»,— подумал он.

— Подозреваю, Рождественская звезда могла примерно так выглядеть,— пробормотал Падди.

«Если так,— подумал Питер,— то она чью-то большую беду означала». Но вслух он говорить этого не стал. Падди был слишком велик. А что еще важнее, он был человеком, способным шутить, сидя возле антиводородного бака с неисправной муфтой в руках.

Редер вздохнул, чувствуя, как напряжение во всем теле начинает спадать.

— У нас все получилось. Когда шестой бак опустеет, со всеми остальными будет полный п...

Тут громко и настойчиво зазвучали клаксоны. Один за другим остальные баки замигали красными тревожными лапочками.

Питер взглянул на Падди, вид у которого был такой, словно он только что лучшего друга лишился.

— Он умирает,— скорбно произнес новоирландец.— Последний термоядерный мотор глушится.

— Почему? — быстро спросил Питер.— Повреждение в бою?

Падди покачал головой.

— Перегрев,— сказал он.— Кристаллизация в фокусных витках. Последние несколько часов два мотора за шесть работали. Больше им было не вынести.

— Тогда закачаем энергию от транзитных моторов,— предложил Редер.

— Там нет горючего. Мы использовали последнее, прорываясь через Транзит, чтобы сюда добраться. Рассчитывали на базе «Онтарио» дозаправиться.

— Горючего у нас навалом,— сказал Редер, обводя рукой ряд антиводородных баков.— Пока еще,— оговорился он, бросаясь к шунту на номере шестом.

Быстро перекрыв поток, он крикнул Падди:

— У вас есть переноска?

— Еще бы у меня переноски не было,— пробурчал старшина и побежал ее доставать.

Когда Редер выбрался из-за бака, Падди уже исчез, так что Питеру осталось только переминаться с ноги на ногу и слушать вой клаксонов. «Чудесный одноконный фаэтон,— подумал он, припоминая прочтенный в далеком детстве рассказ.— Превосходно сработанный, не хуже любого боевого корабля Космического Отряда. Ничто там не барахлило. А потому, когда напряжение достигло определенной точки, все разом к чертовой матери полетело».

Падди вернулся через считанные мгновения, волоча за собой что-то очень похожее на трубу от старинного парохода. Питер ухватился за ручку на другом конце и помог механику завести переноску в узкое пространство позади бака. Это было трудновато, но вполне осуществимо; в конце концов, переноска и была рассчитана как раз на такие моменты, когда требовалось откачать из бака аварийную порцию антиводорода. Хотя, разумеется, как и столь многие другие системы «Неустрашимого», она тоже могла получить повреждения...

Питер отсоединил свой с таким трудом сымпровизированный шунт. Падди одной рукой поднял переноску повыше, освобождая коммандеру место для работы, и тот с бесконечной аккуратностью направил ее куда следует. Сбоку тут же загорелась панель. Показания подтверждали, что система работает и что она надлежащим образом совмещается с вентиляционными полями.

— Поехали,— сказал Редер.

Клаксоны продолжали свой злонамеренно надсадный вой. Краем глаза он видел, как один индикатор за другим на дисплеях антиводородных баков меняет свой цвет с красного на янтарный. Панели верхнего освещения замерцали; им вот-вот предстояло перейти на аварийное питание, энергия для которого хранилась

в сверхпроводящих змеевиках. Для поддержания работы этих панелей ее вполне хватало, но бакам требовалось гораздо больше. Редер предпринял непривычную попытку помолиться. Кейси тем временем пробегал весь список святых угодников.

Закачав емкость до упора, они побежали к лифтам, двигаясь при этом так ловко, как будто годами тренировались аварийные переноски таскать.

— Минутку,— вдруг сказал Питер.— Минутку! — гаркнул он, когда Падди не остановился.— Это на другом уровне?

— На другом,— подтвердил Падди, подтягивая к себе переноску.— Это на один ниже.

— Лифты не работают.

Какое-то мгновение Падди тупо смотрел на Редера. Затем он так же тупо положил свой конец переноски, повернулся и прошел несколько шагов в обратную сторону.

— Ничего, это поправимо,— вдруг осенило новоирландца. Он вернулся и снова подобрал свой конец.— Лестница-то на что?

Питер представил себе, как они спускают не слишком тяжелую, но страшно неудобную переноску по вертикальному трапу, и аж передернулся.

— А веревки никакой нет?

— Веревки, говорите? — переспросил Падди.— На черта мне тут веревка. Альпинизмом, что ли, заниматься?

— Тогда шнур. Или хоть леска какая-нибудь.

— Коммандер Редер,— нежно произнес Падди,— мы тут не рыбу ловим. И времени лазать по кладовкам уже нет. Ситуация аварийная, сами понимаете.

Редер щелкнул пальцами и побежал назад. Он вернулся с радостной ухмылкой на физиономии и мотком изоленты в руке. Падди тоже заулыбался.

— Еще немного, и у теории изоленты на одного сторонника больше станет,— сказал он.

Новоирландец держал моток на верху лестницы, пока Питер тащил вниз висящую на изоленте переноску. Так было медленней, чем ему хотелось, но намного быстрей, чем того требовала безопасность. «А стало быть,— подумал Питер,— темп как раз тот, что нужно». Предположительно переноску было намного здоровее вот так вот сдавливать, чем просто сбрасывать в шахту. Проверять, так это или нет, Питер никоим образом не собирался. Запах собственного пота бил ему в ноздри. «По крайней мере, это всего лишь пот,— подумал он.— Пробу на сухость подгузника я пока что выдерживаю».

Когда Редер вытянул переноску из шахты, Падди только что не слетел вниз, попадая примерно лишь на каждую десятую ступеньку.

«Кожа у него на ладонях, наверно, как у слона на подошвах,— подумал Питер, наблюдая за верзилой и четко зная, что его ладони мигом стерлись бы до мяса от подобного обращения.

Когда они добрались до транзитных моторов, все превратилось в такой вихрь стыков, шунтов и перекрестных соединений, что наблюдай за этим инспектор по технике безопасности, он бы дико завопил, вырвал на себе все волосы и подал в отставку. Тем не менее все вышло как нельзя лучше.

— Жаль, пришлось систему жизнеобеспечения отключить,— посетовал Падди.— Мне эта старая дева вроде как нравилась.

— Да, вообще-то она была ничего,— с ухмылкой согласился Редер.— Но в последние несколько минут руки то и дело не туда совала.

Падди лишь хмыкнул в знак согласия.

— Нам лучше какие-нибудь скафандры найти, прежде чем отсюда воздух уйдет и зима наступит,— предложил он.

— Если тут под рукой спасательная шлюпка найдется, скафандры нам ни к чему,— заметил Редер.

— Да нет тут под рукой никаких спасательных шлюпок,— отозвался Падди.— Все, до которых можно было добраться, как пить дать ушли. В задраенных зонах какие-то наверняка остались, потому что там некому было их забрать. Но что толку? — Он развел своими огромными ручищами.— Нам тоже туда не залезть.— Тут Падди нахмурился.— А вы как сюда попали? И почему нам тем же путем не отбыть?

— Вообще-то я в спасательной шлюпке прилетел,— с неловкостью ответил Редер.— Но она, гм... разбилась.

— Вы спасательную шлюпку расколотили? — недоверчиво спросил Падди.— А я думал, там защита от дурака стоит.

— Я не дурак,— прорычал Редер.— И вообще я тут ни при чем. Стабилизаторы полетели, понятно?

Падди поднял руки и расплылся в примирительной улыбке.

— Но рация там есть,— сказал Питер.— Давайте все-таки скафандры найдем.

Закончив аккуратное скольжение, «псих» замер рядом с пробоиной в наружных воротах главной палубы, и Редер поежился от такого зрелища. «Господи,— подумал он.— Нет, только не она».

У них на запястьях имелись маленькие магнитные диски для аварийной сцепки, опять-таки с защитой от дурака. Нужно было всего-навсего прицелиться и выстрелить. Диски вылетали, схватывались с мишенью и автоматически начинали подтягивать тебя как рыбу на крючке.

Они с Падди выстрелили, дождались, пока диски надежно зацепятся, а потом хорошенько оттолкнулись, не желая ждать, пока мотовила сделают всю работу. В конце концов, они же были астронавты, не кто-нибудь. А кроме того, по другую сторону корабля по-прежнему тянулся гигантский огненный столп реагирующего антиводорода.

— Коммандер Редер,— сказал ему в ухо голос Сары.— это вы там с таким шумом сюда ползете?

— Так точно, капитан-лейтенант,— устало ответил он.— Я это.— «А еще,— подумал Питер,— я только что пятимесячный запас антиводорода, крупный боевой корабль и почти такого же крупного механика для Содружества спас. Хотя и не особенно ожидаю, что на вас, капитан-лейтенант, это хоть какое-то впечатление произведет».

— Обычно мы, господа, попутчиков не берем, но для вас, так и быть, исключение сделаем. Держитесь крепче, коммандер,— звонким от сдерживаемого смеха голосом сказала Сара.— Мы вас в лучшем виде домой доставим.

— Премного благодарен, капитан-лейтенант. Ничего другого я от вас и не ожидал.— «Ничего другого, кроме издевательств,— мысленно добавил Питер.— И ведь как все это унизительно! Липнешь тут как морская уточка к ее изящному кораблю, руки-ноги по сторонам болтаются...» Затем он задумался, не произведет ли он и на капитана Каверса такое же впечатление, как на Сару Джеймс. Еще его интересовало, кто же все-таки Сару такой стойкой неприязнью к пилотам «спидов» обеспечил.

Еще более по-дурацки Редер себя почувствовал, когда они вернулись к «Непобедимому» и его гравитационному полю. Как только наружные ворота стали закрываться, он отключил магнитный диск и камнем грохнулся на пол. Падди дал поработать мотовилу и опустился куда грациознее. Индикаторы давления воздуха просигналили зеленым, и новоирландец открыл шлем.

— Что, не хотелось и дальше рядом с этой зловредной гарпией болтаться? — спросил он, кивком указывая на «псих».

— Да, не особенно,— ответил Питер.

— Так-так, а это что за маленький ангелочек? — поинтересовался Падди, указывая на стремительно несущуюся к ним Синтию Роббинс.

«Вид у нее просто безумный,— подумал Редер.— И счастливый».

— Это мой заместитель,— сказал он Падди.— Второй лейтенант Синтия Роббинс.

— Лейтенант,— вздохнул тот.— Вот незадача.

— Сэр,— выговорила Синтия, останавливаясь перед Редером и отдавая честь.— Вы нам не сказали.

— Да, лейтенант, не сказал,— ответил Редер, в ответ отдавая ей честь.— Не хотел вас в неприятности впутывать.— Тут ар-Рашид тоже прибыл и встал рядом с Роббинс.— Вас обоих.

— Капитан желает вас видеть, сэр,— с мрачным видом сообщил ар-Рашид.

«Вообще-то,— подумал Питер,— я и не ожидал, что меня на руках понесут. Но все-таки очень бы хотелось, чтобы все прекра-

тили вести себя так, словно я только что первую леди нашего государства изнасиловал».

— Это Падди Кейси,— сказал он Синтии и ар-Рашиду.— Старший механик «Неустрашимого» в чине главного старшины. Вы бы его тут где-нибудь не пристроили, Роббинс?

Синтия вздрогнула и подняла взгляд на улыбающуюся красную физиономию огромного старшины.

— Есть, сэр,— отозвалась она.— Добро пожаловать на борт,— сказала она Падди.

Тот, еще пуще лучась улыбкой, отдал ей честь.

— Благодарю, лейтенант.

Губы Синтии дернулись, словно бы в ответ на его улыбку, но затем она нахмурилась.

— Будьте любезны следовать за мной,— сухо сказала она и направилась к выходу с главной палубы.

— По-моему, я малышке нравлюсь,— шепнул Падди Редеру.— Сэр,— добавил он с небольшой задержкой, после чего подмигнул и устремился вслед за Роббинс.

Питер и ар-Рашид смотрели, как они уходят. А затем переглянулись и снова обратили взоры на колоритную парочку. Падди что-то сказал, и Синтия, глядя ему прямо в глаза, ответила.

— Очень может быть, что он прав, коммандер,— задумчиво пробормотал ар-Рашид.

— Вот и хорошо,— отозвался Редер.— Настоящий друг ей не помешает.

— Вы бы лучше к капитану пошли, сэр,— сказал ар-Рашид.— На главной палубе мы еще какое-то время управимся.

«Без вас»,— мысленно вставил за него Редер.

— Ладно,— сказал он вслух. Трап Сариного «психа» опустился. «Куда угодно,— подумал Питер,— только бы подальше от ее острого язычка. Хотя у Каверса вряд ли язык тупее».— Пожалуй, самое время за все ответить.

Каверс заставил Редера подождать. Что было совершенно неудивительно и, скорее всего, вовсе не рассчитано на то, чтобы хорошенько его промариновать и дать дозреть. Просто они только что вышли из боя, и капитан был феноменально занят.

«Пожалуй, я должен быть рад, что он нашел время со мной повидаться»,— думал Редер, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Хотя он бы предпочел поскорее вернуться к работе. Питер знал, что Синди и старшина способны отлично со всем справляться. Но дело было не в этом. Дело было в том, что он не занимался своей работой в тот самый момент, когда каждая пара рук была на счету.

— Коммандер Редер, капитан готов вас принять,— негромко объявил секретарь.

Редер вошел, отдал честь и встал по стойке «смирно».

Капитан отдал ему честь в ответ, а затем окинул коммандера огненным взором.

«Классно у него этот огненный взор выходит,— подумал Редер.— Надо будет долго практиковаться, пока у меня такой получится».

— Коммандер Редер,— негромко начал Каверс, и голос его был подобен рокоту далекого грома.— Не потрудитесь ли рассказать мне, какой такой дьявольщиной вы все это время занимались?

— Сэр, я увидел возможность действовать и тем самым спасти «Неустрашимый».

— Ваш пост здесь, сэр, и ваш долг быть на «Непобедимом». Пока этот корабль находится в бою, вы не вправе его покидать.— Каверс понемногу раскочегаривался, и рокот грома становился все громче.

— Сэр, вы сами велели мне проявлять инициативу,— напомнил ему Редер.

Тут Каверс вскочил на ноги и подался вперед над столом.

— Не пытайтесь подлаживать мои приказы под свои потребности, коммандер! Имей я хоть малейшее представление о том, что вы собираетесь покинуть корабль... короче, вы прекрасно знаете, что я бы ничего подобного не сказал. У нас на корабле недостаточно проблем, а теперь я даже не могу ожидать от своих офицеров разумного поведения, не говоря уж об ответственности! — Капитан обошел вокруг стола и встал вплотную к Редеру, глядя ему прямо в глаза.— Я должен доверять своим офицерам, коммандер. Я должен наверняка знать, что когда я призову их к выполнению долга, вдруг не окажется, что они отправились выкидывать один из самых дурацких и безответственных фортелей, какие мне в жизни довелось наблюдать!

Вконец разъяренный, капитан тяжело дышал, и Редер почувствовал, как его шея тоже наливается кровью. «Черт побери,— с тоской подумал он,— да что же тут нужно такое сделать, чтобы тебя по достоинству оценили?»

— Что вы имеете сказать в свою защиту, коммандер? — тихо-тихо прошипел Каверс.

— Сэр, я спас пятимесячный запас антиводорода, «Неустрашимого» и его старшего механика.

— Только по этой причине я вас немедленно под трибунал не отдал! — проревел капитан.— Почему вы не рассказали мне, что у вас на уме? — гневно вопросил он.

— Я подумал, что вы мне откажете, сэр!

— Конечно, черт побери, я бы отказал,— согласился Каверс.— Я бы лично вам этим заниматься отказал. Но совсем не обязательно кому-то менее ценному.

Редер удивленно заморгал.

— Вы ведь об этом не подумали, коммандер? — спросил Каверс.— Да, таково бремя ранга. Порой вам приходится посылать кого-то еще проделать то, что вы сами наверняка проделали бы гораздо лучше. Если эта реалия, коммандер Редер, до вас не доходит, можете считать, что вы занеслись слишком высоко и выше уже не подниметесь. Все, вы свободны.

Редер с трудом сглотнул слюну, затем встряхнулся и как полагается откозырял.

Каверс отступил назад за свой стол, отдал ему честь в ответ, затем сел и сразу же взял в руки блокнот.

Редер круто развернулся и зашагал к двери.

— Коммандер! — прорычал Каверс.

— Слушаю, сэр,— гаркнул Редер, развернувшись обратно.

— Отличная работа. А теперь вон отсюда.

Редер с улыбкой вышел.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Кряхтя от удовольствия, Питер Редер поднял к губам бокал. Пиво было холодное, мелкие капельки заманчиво туманили ледяное стекло. Он улыбнулся в радостном предвкушении. А потом ему еще и долгожданное свидание с одним знакомым пилотом «психа» предстояло...

Зеркало за стойкой в действительности было куда хитрее, чем казалось на первый взгляд. Прежде всего потому, что компьютерная обработка заставляла всех, кто в нем появлялся, выглядеть моложе, симпатичней и счастливей, чем на самом деле. Хотя нельзя было сказать, что собравшаяся в баре толпа смотрелась недостаточно счастливой; за спиной у Питера непрерывно гудела восторженная болтовня, а какое-то неблагоразумное контральто, жутко перевирая мотив, пыталось спеть что-то этакое из классики. Как только губы Редера коснулись ободка бокала, зеркало вдруг полыхнуло красным, а затем на нем загорелась эмблема Космического Отряда.

Дружный хор стонов и проклятий стал раздаваться из всех уголков бара, с табуретов, из-за столов, из кабинок, из коридора, ведущего в туалет, и из уютной комнаты отдыха, где играли в дротики и на бильярде. Эта эмблема могла означать только одно — чрезвычайные обстоятельства, причем такие чрезвычайные обстоятельства, которые железно отменяли увольнение на берег. Расстроенными и озабоченными в такой ситуации не выглядели разве что уцелевшие члены команды «Неустрашимого», которым назначение еще не пришло. Их корабль стоял в гравитационном доке и еще много месяцев должен был там простоять.

— Всему личному составу ККС «Непобедимый» немедленно прибыть на борт. Повторяю, немедленно. Всему личному составу...

Еще стоны — искренние от членов команды авианосца, насмешливо-сочувственные от персонала станции и экипажей других судов. Пока люди, спешно допивая свою выпивку и выкрикивая слова прощания, двигались к выходу, кто-то из зевак пробормотал: «Давай-давай, „Каверза", нечего тут волынить». Тут же двое мотористов схватили своего приятеля, невысокого крепыша, заводного на вид, и вывели его за двери раньше, чем он успел выдать насмешнику на орехи. Редер воспользовался своей офицерской привилегией и поймал первый же мотор, который проплывал мимо.

— Почему опять мы? — пробормотал он.— Это же просто несправедливо.

— Жизнь вообще штука несправедливая,— радостно и без малейшего сочувствия к подчиненным заявил капитан Каверс, оглядывая сидящих за столом членов своего офицерского состава.— И служба тоже, особенно в военное время. А награда за славно проделанную работу — новая работа.

Офицеры негромко погудели, но согласились. Затем капитан включил на голостене карту звездного неба — схему, где показывались транзитные точки и маршруты.

— «Неустрашимый» там не только антиводород подобрал,— сообщил Каверс.

Вид у капитана был самую малость самодовольный. Примерно так же выглядели и некоторые офицеры за столом для совещаний; это было чем-то вроде пера в шляпе «Непобедимого». Редер позволил себе слегка понежиться под одобрительными взорами. К своим многочисленным подвигам он добавил приглашение на борт «Непобедимого» главного старшины Падди Кейси. Человека таких достоинств грех было не использовать. «Неустрашимый» определенно мог какое-то время без него обойтись.

— Он также принес с собой кое-какие разведданные,— продолжил Каверс.— Мокаков явно начинает не на шутку тревожить тот факт, что мы регулярно, гм, реквизируем антиводород с отдельных перерабатывающих заводов в их секторе.

Раздалось несколько смешков. Пока что, особенно учитывая тот груз, который при активном содействии «Непобедимого» доставил «Неустрашимый», Космический Отряд получал почти столько же антиводорода, сколько он покупал у энергетических компаний до войны... а мокаки от всех своих трудов праведных ничего, кроме расквашенных носов и отбитых задниц, не заимели.

— Поэтому они консолидируют свои действия, перемещаясь в ряд лучше защищенных точек. А как вам известно, перемещение антиводорода — задача для специалистов.— И чертовски при этом опасная; десятая часть полностью автоматизированных кораблей не завершала своей миссии.— Разумеется, им значительно

дороже будет переправить его в ограниченное число перерабатывающих заводов, зато, как они рассчитывают, нам он тогда будет еще дороже обходиться.

Верховное главнокомандование,— продолжил Каверс,— считает, что мы должны вывести их из этого досадного заблуждения... и что если мы нанесем удар сразу же после вторжения «Неустрашимого», то сможем захватить мокаков врасплох. Их собственная тактика достаточно консервативна, так что они не будут ничего ожидать.

Какое-то время все молчали. Одну существенную причину этого молчания составляло то, что у мокаков было меньше крупных кораблей и они могли позволить себе потерять их исключительно в наиважнейших или неизбежных стычках. У Космического Отряда Содружества был простор для риска, потому что у него имелось больше кораблей... но для команд этих самых кораблей потеря каждого из них была страшно досадной и убийственно окончательной.

— Таким образом, мы направляемся к одному из новых, лучше защищенных перерабатывающих заводов, чтобы наглядно продемонстрировать мокакам, что это не очень удачная мысль. Как и в прошлый раз, нас будут сопровождать «Радклиф» и «Метьюрин». Я загружаю в ваши компьютеры первоначальный план операции, но это всего-навсего шаблон. Мы стартуем от базы «Онтарио» завтра в девять ноль-ноль, и через тридцать шесть часов после этого проходим в Транзит. Итак, дамы и господа, давайте всерьез за работу приниматься. Нам очень много чего предстоит сделать.

— Готовность к Транзиту. Готовность к Транзиту.

Питер Редер откинулся на спинку кресла в своей каюте, потирая воспаленные глаза. Во рту у него словно бы сгнило кофейное дерево, в корнях у которого несколько крыс запуталось.

— Мы готовы,— пробормотал он.— Мы и правда готовы. Только что после крупной операции, еще одной чертовски крупной операции — и опять в рейс. Но полетная палуба готова.

— Сэр...

Редер поднял взгляд. «Тут тебе сразу и длинное, и короткое»,— подумал он. В дверях каюты стояли лейтенант Роббинс и старшина Кейси с чем-то вроде сервировочного столика.

— Сэр, вот он,— сказала Роббинс.— Па... а-а, старшина Кейси мне тут кое-какую серьезную помощь оказал. С микроманипулятором он просто артист.

Глядя на могучие лапы Кейси, Редер недоверчиво прищурился; они казались куда более подходящими для завязывания узлом древних подков. А затем вся его усталость мигом улетучилась, стоило ему только заметить на сервировочном столике рядом с

какими-то электронными устройствами искусственную руку. Выглядела она не так изощренно, как та, которую он носил; на корабле просто не было тех суперсовременных пластиков, которые в точности имитировали вид и структуру человеческой кожи, а также ногти и волоски. А вот что было под этой бежевой гладью, внутри...

Падди выразительно кашлянул.

— Э-э, лейтенант, почему бы нам не дать коммандеру самому попробовать? А мы потом вернемся и все тесты прогоним,— со слоновьим тактом предложил он.

Роббинс непонимающе на него посмотрела. Тогда Падди еще раз кашлянул, затем подмигнул со значением. Наконец слегка коленом ее подтолкнул.

— Ах, да, старшина, конечно,— сообразила девушка.— Сэр, мы скоро вернемся.

Дверь с шипением за ними захлопнулась. Редер тут же про это забыл. Забыл он и про свое отчаянное смущение при мысли о том, чтобы прямо на глазах у кого-то снимать свой протез. Он медленно к нему потянулся, но затем отдернул левую руку. Вместо этого он мысленно подал команду, которой его обучили за битую неделю занятий по обратной биосвязи. Все ощущения в правой руке тут же пропали, не считая фантомного зуда у основания большого пальца. Даже после долгих и нудных регулировок врачи и инженеры так и не сумели его устранить. Питер подал еще одну мысленную команду — это было все равно как приказывать мышцам сокращаться — и волосяная трещинка появилась на его правом запястье, как раз над тем местом, где должен был быть сустав. Раздался глухой щелчок.

Редер взял правую кисть в левую и закрыл глаза, стараясь при этом уменьшить всю причудливость ощущения, когда хватаешь одной рукой другую и чувствуешь при этом только одну. Быстрый рывок — и искусственная рука отсоединилась. Культя имела гладкую поверхность с четырьмя разъемами для подключения и двумя крепкими зубчатыми выступами, которые поддерживали кисть, когда она оказывалась под нагрузкой. Он положил первую руку на столик и взял оттуда ту, которую разработала и вместе с Кейси изготовила Роббинс. Она была чуть тяжелее первой — вероятно, к самым лучшим материалам у них просто не было доступа,— но четыре разъема выглядели абсолютно идентичными. Еще один негромкий щелчок — и кисть встала на место.

«Пока полный порядок»,— подумал Редер и снова дал ту же самую мысленную команду. По кисти мгновенно разлилось тепло, и чувствительность с легким покалыванием вернулась. Он пошевелил пальцами, коснулся каждого из них по очереди, затем погладил ими поверхность клавиатуры. Ощущения были...

— Сложно сказать,— пробормотал он.

Затем Редер поднес кончики пальцев к губам.

— Да, определенно более чувствительна,— заключил он.— Впрочем, лакмусовая бумажка под рукой.

На столике среди прочей аппаратуры имелся дубликат панели управления «спидом», тестовый блок, используемый для калибровки бортовых компьютеров. Редер потянул к себе столик и сунул обе ладони в углубления. Затем подождал...

Считанные секунды стоящие неподалеку от двери Роббинс и Кейси уже наблюдали, как Питер Редер выталкивает столик в коридор.

— Она работает! Работает! — восклицал коммандер.

— Транзитные сигнатуры. Недавние. Данные прилагаются...

Услышав трансляцию с капитанского мостика, Редер изрыгнул глухое ругательство. Схожие звуки раздавались по всей полетной палубе, где пилоты уже загерметизировали свои «спиды».

— Да сколько же у этих восьмилапых сикарах всего кораблей? — возмутился Кейси, вытаскивая голову из панели доступа к «спиду».— На этой плазменной пушке, сэр, вторичная волновая направляющая барахлит, ручаюсь.

— Дело не в кораблях, а в горючем,— отозвалась лейтенант Роббинс, спускаясь по трапу.— Это из-за него они могут держать больше постоянно барражирующих патрулей, чем мы,— даже там, где это не слишком необходимо.

— Ну что, разве я неправ? — спросил Падди.

— Верно, это волновая направляющая. Проклятые штуковины вечно сдают.

— Еще бы, ведь они плазменный поток направляют,— философски заметил старшина.— Там без конца через край.

— Ладно, давайте вытащим весь блок и пока что запасной вставим. С волновыми направляющими проще на верстаке работать.

Они пригнали туда подъемник и прихватили им всю массивную плазменную пушку по левому борту «спида». Тут по просторным недрам полетной палубы зазвенел усиленный динамиком голос:

— Готовность к Транзиту. Общая готовность к Транзиту.

— Еще чуть-чуть, и нашему начальнику в офицерской столовой лафа настанет,— ухмыльнулся Падди.— Потом опять назад, откуда пришли, двухдневный Транзит, и будем новый маршрут пробовать. Вот только горючее у нас скоро кончится.

Мотор подъемника взвыл, и затейливой формы пушка стала приподниматься. Падди мысленно изготовился к нелегкой задаче. Ему предстояло просунуть свою мощную ручищу в сравнительно небольшую щель и отсоединить рукав подачи топлива, что тянулся к орудию от плазменного бака «спида».

— Давайте я,— предложила Роббинс.

Падди кивнул, а потом удивленно заморгал, когда девушка подтянулась к щели и просунула туда весь свой торс. Нижняя ее половина очень увлекательно ходила из стороны в сторону, пока она работала с соединением.

— Готово!

Падди включил подъем, и пушка свободно закачалась; затем могучий новоирландец непринужденно отвел ее чуть в сторону, опуская на тележку. Та тут же затарахтела и устремилась к верстаку в одной из мастерских полетной палубы. Другая тележка тут же подкатила с запасной пушкой, свеженькой, только-только с конвейера, и услужливо приподняла ее до уровня рабочей платформы, что окружала боевую машину. Негромко гудя себе под нос, Кейси зацепил новую пушку и подвел ее к «спиду».

— Сейчас я ее подсоединю,— сказала Роббинс.

— Знаете, лейтенант,— заметил Падди, наблюдая за ее работой,— я еще ни одной живой души не встречал, которая могла бы это вот так, не вслепую делать. Вы первая. Знай об этом разработчики, уверен, они бы все волосы на себе выдрали.

— Да, самые важные детали они почему-то всегда как можно дальше засовывают,— согласилась Роббинс.— Чтобы с этой линией работать, надо быть или очень маленьким, или руки как у гиббона отрастить.

Они закрыли панель доступа и дружно посмотрели на Редера.

— Сэр, вы контрольную проверку не проделаете? Чтобы члена эскадрильи лишний раз не разыскивать?

Редер охотно кивнул. «Надо же, как тактично,— подумал он.— Она ведь не «настоящего пилота», а «члена эскадрильи» сказала. Пожалуй, наша Синди совсем человеком становится».

Он сжал на пробу свой новый кулак и поднялся по трапу; гидравлика с шумным вздохом закрыла за ним дверцу, после чего раздалось негромкое чпоканье, когда пломбы встали на место. «Спид» нежно сомкнулся вокруг него, до боли знакомый. Устраиваясь в синеватом полумраке за панелью управления, Редер ухмыльнулся себе под нос от удовольствия с привкусом горечи. Заботиться о ремнях он не стал, а просто сунул руки в специальные перчатки, и голошлем сам опустился, накрывая его голову и плечи.

— Магистральное электропитание отключено,— сказал он.— Включить бортовое питание.

Планки статуса зазеленели справа и слева, а прямо перед глазами возник полный обзор палубы.

— Три-шестьдесят.

Наружный обзор тут же сжался до сектора в сто двадцать градусов. Непривычному наблюдателю такая картинка показалась бы причудливо искаженной, но для пилота это была вторая реальность, едва ли не реальнее первой.

— Пробный прогон, плазменная пушка, левый борт,— четко произнес Редер. Бортовой компьютер дал ему иконку, кольцо с красной полоской, показывая, что орудие на самом деле стрелять не будет. Оно и так не могло стрелять без подачи от главного термоядерного бака, который в данное время был отключен от

электропитания... но лучше лишняя предосторожность, чем горькие сожаления. Особенно на людной полетной палубе.

— Лейтенант Роббинс, Кейси, прошу прямое подтверждение на пушку.

Редер наблюдал, как сплюснутые на вид фигурки возятся с плазменной пушкой, напрямую загружая туда данные. Затем Кейси проделал непосредственную проверку, засунув маркер между двумя компонентами, которые должны были соприкасаться, чтобы орудие функционировало.

«До чего же этот парень толковый»,— подумал Редер. Такой же толковый, как Роббинс, которая тем временем что-то ему говорила. Падди сделал это не глядя, как если бы навязчивым неврозом страдал. Было просто удивительно, как человек с его способностями за десять лет так слабо продвинулся по службе. Впрочем, удивление это быстро пропадало, стоило только в его личное дело заглянуть. Незаменимый в рутинной работе, блистательный в экстремальных ситуациях, Падди обладал весьма странными понятиями о том, как человеку следует развлекаться. Чаще всего он просто заходил в бар, облюбованный по большей части Торговым Флотом, бросал на пол свой форменный китель и подначивал кого-нибудь на него наступить. То, что происходило дальше, никакому описанию уже не поддавалось. Постоянно слетая в самые низы служебной лестницы, он все-таки дважды добирался до чина главного старшины. «Черт побери,— подумал Питер,— и как ему только удалось кенгуру из Лунапортского зоопарка вызволить, а потом еще чуть ли не до самого корабля его дотащить?» А когда береговой патруль все-таки эту парочку задержал, оказалось, что в дым пьян не только Кейси, но и кенгуру.

— Скажите, Кейси, как вам удалось кенгуру напоить?

На какое-то время повисла неловкая тишина.

— Честно говоря, сэр,— отозвался затем Падди,— я ему виски предложил. С пивом. Оказалось, кенгуру ерш предпочитают.

«Может статься,— подумал Редер,— Роббинс даст ему стимул на офицерские курсы пойти». Космический Отряд отчаянно нуждался во всех лидерах, каких только можно было собрать, особенно учитывая потери в живой силе и новые расширенные программы.

— Подтверждаю статус имитации на плазменную пушку по левому борту, сэр,— сказала Роббинс, украдкой поглядывая на Кейси. По ее вопросительно шевелящимся губам Редер ясно прочел слово «кенгуру».

Голошлем выдал орудийную панель. Руки Редера машинально сунулись в перчатки, и он ощутил едва ли не торжество, когда пушка вышла из углубления и плавно заскользила на турели. Визир поплыл по сводчатому интерьеру полетной палубы, пока пушка выполняла полный разворот на триста шестьдесят, а затем выходила на вертикаль.

— Отлично,— прошептал Редер. И тут же явственно услышал голос инструктора летного училища, жуткого солдафона с холодными серыми глазами по имени Арнольд Швайн. Величайшим триумфом было получить от него хоть слово одобрения — до тех пор, пока Редер его в учебной схватке не одолел. Арнольд потом подошел к Редеру и сказал ему всего два слова: «зер гут». В данном случае они как нельзя лучше подходили.— Просто отлично.

— Плазменная пушка в норме,— сказала Роббинс.— Спасибо вам, сэр.

— Это вам спасибо,— отозвался Редер.— Вам обоим.

— Настал момент принятия решения,— сказал Каверс, глядя на стол перед собой.— Мы наконец-то нашли транзитный маршрут, который враг не проверяет и не патрулирует. К несчастью, запасы антиводорода у нас уже на критическом уровне. Если операция пройдет успешно, все будет в порядке. Если же она провалится, мы можем попасть в ловушку за пределами контролируемого Содружеством космоса, и совершить транзитный прыжок обратно на базу нам уже не удастся. Дамы и господа, жду ваших комментариев.

— Это важный объект, но он не стоит корабля,— с энтузиазмом высказался Джон Ларкин, рассеянно постукивая перстнем Академии по столу. У Каверса был такой же.— Сэр, я бы рекомендовал, чтобы мы вернулись для дозаправки, а потом снова попробовали найденный нами маршрут.

Шелдон нахмурился.

— При всем уважении к квартирмейстеру, сэр,— начал он голосом, который сразу же выдавал полное отсутствие этого самого уважения,— должен заметить, что окошко у нас здесь очень узкое. Враг бдительно патрулирует транзитные маршруты к зоне нашего объекта и в любой момент может их перекрыть. Таким образом, мы потеряем две недели без всякой гарантии, что прямо здесь, когда мы сюда вернемся, нас не будет поджидать тактическая группа или по крайней мере разведывательный корвет. Следует также учесть расход горючего.

Каверс удостоил его того же учтивого кивка, какой у него нашелся для Ларкина. Военный совет военным советом, но никакой демократии на «Непобедимом», разумеется, не было; капитан мог поинтересоваться чьим-то мнением, но вся ответственность лежала на нем.

Он взглянул на капитанов истребителей. Один из них развел руками.

— Мы бы, конечно, лучше уж за горючим отправились бы, сэр.

Редер откашлялся.

— Сэр, даже если горючее упадет ниже критического уровня, мы всегда сможем совершить транзитный прыжок в какую-то промежуточную точку и там дождаться заправщика. Таким образом, приоритет нашего задания по-прежнему сохраняется.

Шелдон одобрительно кивнул Редеру. После инцидента с «Неустрашимым» он был уже к нему куда более расположен. «Никуда тут не денешься,— лукаво подумал Редер.— Можно вынуть пилота из „спида", но нельзя вынуть „спид" из пилота». И пилотское братство брало свое.

Теперь уже Ларкин нахмурился.

— Наш приоритет, коммандер...— тут он сделал паузу, подыскивая эвфемизм,— реквизировать антиводород.

— Вовсе нет, квартирмейстер,— вмешался капитан.— Наш приоритет — захватить или уничтожить антиводород. Или в любом случае разрушить новую, лучше укрепленную перерабатывающую мощность, прежде чем враг начнет строить другие подобные. И это задание имеет чрезвычайно высокий приоритет. Оно должно опровергнуть тот факт, что горючее и мощности для врага так же важны, как их захват для нас.

Все поняли, что это означает. Сперва задание, потом товарищи, а уж потом ты сам. Неписаный девиз Космического Отряда Содружества.

— Транзитный прыжок к системе объекта назначен...— Каверс взглянул на часы, вшитые в его форменную манжету,— на одиннадцать ноль-ноль. Прошу вас, старпом.

Ван Чунь-мэй прошла к стене; там тут же вспыхнул дисплей.

— Наше первоначальное тактическое построение будет следующим...— начала она.

Редер почувствовал, как кровь его быстрей потекла по жилам. Скоро тактическая группа двинется в неведомое — вероятно, навстречу еще одному смертоносному сюрпризу. Тут он почувствовал, как на лице его расцветает улыбка, и быстро ее подавил. Негоже было выглядеть как ребенок под Рождество, когда речь не иначе как о жизни и смерти шла.

«Пилота из „спида" вынуть можно»,— напомнил себе Питер, сосредоточиваясь на инструктаже.

— Ну что,— сказал Падди,— разве не славно, что они пустились во все тяжкие, только бы достойно нас поприветствовать?

Разглядывая тот же самый тактический дисплей на своем ручном блоке, Редер хмыкнул. В этой системе не было никаких нормальных планет; только куча всякого мусора, но мусора, богатого антиводородом. Так часто бывало. То, что обогатило этот сектор антиматерией, было с ней довольно расточительно, и результаты всего этого стали довольно красочными. Все, что осталось, было тщательно перемешано, и на орбитах, где в ином случае находились бы планеты, красовались пояса астероидов. Звезда была спектрального класса F5, довольно горячая и переменная — так что тумана из солнечных частиц здесь тоже хватало. Короче, кошмар пилота и мечта партизана.

— Но пасаран,— пробормотал Редер, запрашивая спецификацию перерабатывающего завода, которую во время своего потайного полета составили «психи».

Сам завод представлял собой обычную неразбериху всевозможных модулей, приблизительно в центре которой располагались жилые здания и конторские блоки. Все это было снабжено солидной броней — тысячи метров сплава железа с никелем, добытого на в изобилии имевшихся вокруг астероидах, а сверху еще и слой силикатного реголита. Такую защиту можно было пробить ядерным оружием, но это отнимало много времени, а для лучевого оружия, которое высвобождало всю свою энергию на поверхностных слоях, она была практически неуязвима. Огромная масса также служила превосходным поглотителем тепла для установки по-настоящему крупных лучевых защитных орудий — куда крупнее тех, что можно было установить на корабль. Вся зона вокруг перерабатывающего завода также была напичкана минами-ловушками, замаскированными под дрейфующие осколки камня и льда. Они оставались таковыми, пока ты не попадал в радиус действия, а потом взрывались, давая такой рентгеновский лазерный выплеск, что мало не казалось.

Все это само по себе было достаточно скверно. А кроме того, к условному северу и югу от завода находились два форта с таким же вооружением, только еще более изобильным,— а также, на закуску, с целыми роями противокорабельных ракет и чудовищной мощности «рельсовыми пушками». Поскольку вся эта роскошь располагалась совсем рядом с заводом по переработке антиводорода, вряд ли можно было сомневаться в том, что энергии ей хватает.

— Что ж, по крайней мере, тут никаких вражеских боевых кораблей нет,— стоически заметила Роббинс.

«С таким арсеналом они им без надобности»,— подумал Редер.

— Это точно,— сказал он вслух.

Командир эскадрильи Шелдон явно пытался сдерживать свои эмоции, но выглядел при этом так, словно ему страшно хотелось сорвать с себя шлем и зафутболить его куда подальше. Редер вполуха прислушивался к его разговору со старпомом; девять десятых его внимания по-прежнему оставались сосредоточены на командах обслуживания, которые в этот самый момент лихорадочно работали с вернувшимися «спидами». Два не вернулись, но одного пилота удалось подобрать. Другой пилот разделил участь своей машины, превратившись в ионизированный газ.

— Сэр, это все равно как свою жо... простите, как свою руку под лазерный резак совать,— горячо объяснял Шелдон.— Вот, пожалуйста...

Он коснулся своего нашлемного монитора. Кейси не так давно специально для Редера очень классную пиратскую оснастку достал. Она давала превосходную картину первого захода «спидов» на цель, а Шелдон тем временем комментировал запись из своего голошлема.

— Эта часть отлично прошла...

Корабль радиолокационного дозора был переоборудованным торговцем; орудия и блоки датчиков выглядели откровенно туда пришпандоренными. А секунду спустя они уже вместе со всем кораблем выглядели как расширяющийся шар белого света. Редер без труда расшифровывал сложное переплетение курсовых конусов и дисплеев с данными; половина «спидов» отделилась, чтобы занять работой орбитальные форты, остальные, виляя и покачиваясь, отправились позаботиться о перерабатывающем заводе, а истребители, выбрав защитное построение типа «солнце-планета», обеспечивали их дальнобойной поддержкой в виде ракет широкого радиуса действия и огня из мощных лучевых установок.

— А вот тут все к черту полетело,— с негодованием вымолвил Шелдон.

Один «спид» взорвался, рассыпаясь на молекулярный порошок после удара мультигигаваттного пучка частиц. Мины-ловушки рвались по всему сектору, который проходили силы Космического Отряда. Затем картинка в голошлеме стала ухудшаться, планки статуса дошли до янтарного цвета неопределенности, а отмеченные позиции «спидов» эскадрильи Шелдона сделались совсем смутными.

— Капитан, мы справились с дозорными кораблями; мы справились с базировавшимися в фортах «спидами». Но для самих этих фортов нужна целая боевая группа — дюжина дредноутов, пять флотских авианосцев и грузовые корабли, чтобы постоянно подпитывать их бомбами «солнечный феникс» и тому подобным. Тут одни меры электронного противодействия уже убийственны; их глушители выкачивают слишком много ватт, а врубить маркерный лазер равносильно смертному приговору, если те мины-ловушки его зацепят. Точный удар мы нанести не можем, а просто швыряться в них всей этой ерундой бесполезно. Они от этого, похоже, только крепчают.

Капитан Каверс нахмурился.

— А может, они все-таки немного размягчились и второй заход сработает? — спросил он.

— Сэр, теперь нас там уже ждут. Если эскадрилья пойдет на второй заход и мы начнем шуровать там по округе, пытаясь что-то важное долбануть, они угрохают всех нас до одного, а мы так ничего существенного и не раздолбаем. Нам, быть может, удастся один-единственный проход через зону мишени на действительно высоких скоростях, потому что их датчики не так хороши, как их огневая мощь. Но это все — и наши шансы, черт бы их побрал, поднимутся от нуля сотых до нуля десятых. Такие дела, сэр.

Редер взглянул на суровое лицо командира эскадрильи. «Это классический парень типа „могу",— подумал он.— Если он считает, что не стоит и пытаться, тогда точно не стоит.

Хотя... минутку. Шелдон такой храбрец, какими вообще-то львов считают. С другой стороны, мыслит он довольно прямолинейно. Он делает то, что должен, делает это просто идеально, но всегда одним и тем же старым способом.

Сложим-ка вместе две вещи, про которые он упомянул,— решил Редер.— Сложим их так, как он этого не делал».

— Думаете, это сработает? — спросила Роббинс.

— А чего ради я тогда этим, по-вашему, занимаюсь? — поинтересовался в ответ Редер.— Давайте номер седьмой.

Силовой кабель был тяжеловат. Забравшись под оболочку ракеты, где вообще-то располагались направляющие системы и боеголовка, Питер пытался подключить туда трансляционный секвенсер. Заковыристая задачка — развернуться в такой тесноте, да еще с оборудованием, абсолютно для этого не предназначенным. К тому же...

— Ни хрена не годится! — выругался Редер.— Падди! Ну что в конце концов за дела? Не стыкуются эти муфты, хоть тресни!

— Конечно, сэр, но разве они от этого плохи? — отозвался Падди. Затем его похожая на массивный металлический захват рука сунулась внутрь ракеты и изъяла у Редера муфту.— Мы ведь не обращаемся с ним так, как хотели бы Великие Боги запчастей, вот они нам и мстят. Вы мне только размеры предохранительного кольца скажите, и я вам все в лучшем виде организую. А лейтенант Роббинс потом все смонтирует. Для вас, сэр, больше умственная работа подходит. Вы бы лучше ей занялись.

Вытирая потные ладони о комбинезон, Редер с неохотой повиновался. Ракета сидела в люльке специального поплавка, чтобы можно было подстраивать высоту... но способ забраться в нутро «ястреба» четвертой модели был только один. Снаружи ракета выглядела как яйцо в комнате смеха — в тот самом зеркале, где все предметы раз в пять растягиваются и легкими канавками покрываются. Еще она выглядела как зеркало — идеально отражающее и в то же самое время абсолютно черное. Казалось бы, вещи несовместимые, но Содружество вкладывало в подобные штуковины уйму денег как раз для таких оказий.

— Должно сработать, будь оно все проклято! — прорычал Редер.

Капитан Каверс стоял неподалеку, всем своим видом выражая полное спокойствие. Но когда Редер внимательней пригляделся к коже под его правым глазом, то заметил там легкий тик. «В конце концов, я ведь здесь только свой номер с песнями и плясками проделываю,— подумал он, внезапно посрамленный.—

А вот Каверс здесь начальник. Это его ответственность. Тысячи людей, корабли, задание... кто знает, как эта стычка может ход войны повернуть?»

Если все пойдет не так, никто не обвинит коммандера Питера Редера, бывшего пилота «спида», едва ли не первого аса Мокакской войны, малоизвестного и безответственного бортинженера с полетной палубы «Непобедимого».

Обвинят Каверса. И самым худшим здесь было то, что Каверс с высокой вышки плевал на то, что про него кто-то где-то подумает; он тревожился исключительно за свой корабль, своих людей и свое задание.

— Сэр,— сказал Редер капитану,— мы делаем все, что можем, и это, черт побери, должно сработать. Я не выделываюсь.

Каверс лукаво ухмыльнулся, и тонкие морщинки у его глаз протянулись почти до ежика седых волос.

— Мистер Редер, черта с два вы не выделываетесь. За время нашего краткого и волнующего знакомства я пришел к определенной уверенности, что вы только тем и занимаетесь, что такие вот возмутительные номера откалываете.— Затем, уже не таким формальным тоном: — Как идут дела?

— Знаете, сэр, поначалу я думал, что здесь кому-то в скафандре придется проехать,— с энтузиазмом сказал Редер.— Но потом Падди.... старшина Кейси то есть... припомнил одну старинную методику. Нужное оборудование у нас есть. Это хорошие новости.

Каверс вздохнул.

— Не томите.

— А плохие новости в том, что такой вот импровизированный план вполне может...

Сара Джеймс подвела «псих» еще ближе. Длинная медленная траектория из внешних пределов этой не вполне солнечной системы привела к тому, что ее комбинезон под скафандром пах достаточно скверно. Скверно пахла и вся маленькая треугольная кабинка; для таких дальних полетов разведывательный корабль попросту не предназначался. Разумеется, они могли бы гораздо скорее сюда примчаться... но даже самый замаскированный корабль в мире не сумел бы этого сделать без выброса квантов энергии. И эти кванты даже несовершенные датчики мокаков запросто бы обнаружили.

Внутри голошлема пучок тянущихся через корпус микролучей казался крылом какой-то упорно рыщущей птахи, что с нежной смертоносностью махало перед лицом у Сары. Даже для самого лучшего пилота все это было слишком тонко. Зато моторы «психа» работали в точной синхронизации с пятнами, роящимися на горячем солнце спектрального класса F5, прикрываясь также выбросами радиации и отходов с мокакского завода по перера-

ботке антиводорода. Позади нее тише мыши сидел Редер. Он молчал всю дорогу, то проводя имитационные проверки, то погружаясь в тревожную дрему.

«Быть может, он все-таки не такой уж пилот „спида", как вся эта публика»,— подумала Сара.

— Подходим,— едва слышно сообщила она. Особой разницы это не составило, но она ничего не могла с собой поделать.— Пока никаких признаков, что их активные датчики нас застукали.

Редер одарил ее улыбкой — вовсе не безжалостной улыбкой пилота, а просто улыбкой — и вложил пальцы в пару импровизированных перчаток управления, размещенных на подлокотниках кресла, где обычно сидел стрелок.

Если Сара ошиблась или если мокаки засекли их пассивными сканерами, первым признаком этого станет плазменный разряд или лазерный луч, который их долбанет. И если им очень не повезет, у них даже будет время понять, что случилось.

— Готово,— без выражения произнес Редер. Пока он натягивал шлем, Саре бросился в глаза черный локон, мокрый от пота, что прилип к его высокому лбу. Затем он обратил лицо к ничего не отражающему шару.— Даю отсчет. Три. Два. Один.

Внутри корпуса «психа» раздался слабый звон. Сара переключила свой голошлем, и корабль вокруг нее исчез. Модифицированная ракета «ястреб» уплывала от корабля-разведчика подобно любому другому куску космического мусора, которые обильно наполняли окрестности звезды вместо планет. Она еще больше приглушила моторы «психа», доводя их до минимальной эмиссии, холодной и невыразительной пылинкой дрейфуя среди множества световых крапинок, что ползли меж неподвижных звезд. Одной из этих крапинок был орбитальный форт, который и представлял собой их мишень...

Ну вот. Краткий десятисекундный поджиг, и двигатель «ястреба» на мгновение заполнил поле зрения лучистым туманом — бортовой компьютер переводил эмиссию в видимый свет. По дуге уходя от «психа», ракета тянула за собой незримый отрезок волоконно-оптического кабеля. Это давало ей связь с кабиной «психа», неразрывную и нераспознаваемую; на войне подобная методика уже многие поколения не использовалась. Скорости в современном военном конфликте бывали слишком высоки, стычки слишком скоротечны, чтобы что-то столь громоздкое и неуклюжее могло работать. Если не считать вот этого, одного-единственного, уникального случая.

«Похоже, идея все-таки хорошая»,— мысленно проворчала Сара. Благодаря шлему она могла наблюдать за питанием ракеты. Час за часом проходил, и лишь периодический подсос из водяной трубки отмечал их прохождение. Редер включал двигатели ракеты почти на минимальный уровень сигнатуры и через случайные промежутки времени. Наконец «ястреб» согласовал свою ско-

рость с мишенью. А ею служил искусственный спутник из сплава меди с никелем и кремнезема, все еще зазубренный и пенящийся от конструкционного процесса, в котором для расплавления материала и придания ему формы использовалась термоядерная энергия. Поверхность из камня и шлака вполне могла бы показаться естественной, не будь она такой свежей... и не будь она густо усеяна различными установками. «Рельсовые пушки» торчали наружу, плазменные орудия высились на турелях, а в черных пещерах таились противокорабельные ракеты. Вот он, форт.

Сара восхищалась деликатностью, с какой «ястреб» выдвинулся на позицию в считанных километрах от критически важных точек. «Интересно, а другой так же прекрасно справился?» — спросила она себя. С уверенностью об этом судить было сложно. Никакой суматохи не фиксировалось — только это и можно было сказать.

— Готово,— произнес Редер. Голос его был грубовато-хриплым от усталости и напряжения.— Отсоединяю линию. Перехожу на автоматику.

— Даю сигнал,— отозвалась Сара, посылая закодированную вспышку жесткого излучения. Рискованно, но необходимо.— Сигнал пошел.

— Теперь несите нас отсюда подальше! — воскликнул Редер, буквально корчась под ремнями, что притягивали его к сиденью стрелка. «Ага,— подумала Сара.— Вот оно, его долготерпение».

Она с легким сочувствием улыбнулась.

— Прошу прощения, коммандер Редер. У нас, у «психов», все по-другому. Мы сначала дожидаемся отвлекающего удара, а уж потом ускользаем.

— Но...— Тут он с трудом заставил себя замолчать и осел на спинку сиденья.— Ладно, лейтенант, это ваша птичка.

— Лиха беда начало,— пробормотал сидящий рядом навигатор.

При дрейфе с нулевым «жэ» конические дорожки, прочерченные на схематике голошлема, выглядели обманчиво мирными. На самом же деле они изображали то, как целая эскадрилья «спидов» на полном ходу несется к вражеским опорным пунктам, причем с максимальным уклонением — такими маневрами, которые напрягали пилотов и их машины на все сто процентов их возможностей. Позади них «Радклиф» и «Метьюрин» тоже вовсю разгонялись. Намного тяжелее «спидов», разгонялись они, разумеется, медленней, зато их мощные моторы и инерциальные компенсаторы гарантировали им более высокую скорость в дальнейшем. Впрочем, удары лучевых орудий никто из них перегнать не мог.

Внезапно картинка в шлеме расплылась в хаос, туман, статику. Руки Сары напряглись на панели управления. Все «спиды» запускали контрмеры: визжачи, генераторы ложных сигналов опознавательной системы «друг-враг», бомбофуки, маяки, мнимые корабли. Все поле роилось призрачными судами, голосами, выкрикивающими команды с мокакскими кодами и тому подобным.

Информационные капсулы несли с собой вирусы, которые должны были посеять панику в системах управления и контроля, если им удалось бы прорвать оборону мокаков.

— Лейтенант, это ваша птичка, но я все же предлагаю вам поскорее нас отсюда уносить. Мы не узнаем, сработало ли оно, пока оно не сработает, а тогда лучшее прикрытие и придумать будет сложно.

— Вас поняла, будет исполнено,— отозвалась Сара.

В конце концов, она не была пилотом «спида», который мог рисковать своей шкурой без хорошей на то причины. Хорошей причины у нее уже не имелось; так что Сара запустила моторы «психа» и в осторожном, но достаточно быстром темпе начала удаляться от орбитального форта мокаков. Форт бил почти наугад, и огонь был таким бешеным, что ее детекторная система пылала и переливалась как рождественская елка. Однажды все лампочки на корабле вспыхнули, когда мимо проревел тяжелый плазменный удар, а сразу за ним последовал буквально сантиметровый промах рентгеновского лазера от мины-ловушки. Оставшийся позади них модифицированный «ястреб» должен был проделать то же самое, что и мины — выстрелить одномегатонную термоядерную боеголовку, чтобы генерировать чудовищной мощности лазерный укол. Этот укол, однако, должен был иметь другую длину волны и нести с собой нечто большее, нежели обычное разрушение на том конце. Причем в неразберихе разрывов большой энергии и обманных контрмер этот ущерб должен был пройти незамеченным.

«Спиды» не несли с собой ничего, кроме целого вороха помех и всевозможных уловок. Истребители были затарены огневой мощью под завязку, но они приближались слишком стремительно для точного прицеливания. Впрочем, при определенной удаче их ракеты «солнечный феникс» могли оказать определенный эффект...

Голошлем отключился после мига чистейшего белого света, ярче тысячи солнц. Сара сорвала его; фиксированные дисплеи на пульте демонстрировали то, как защитные экраны выжигаются под воздействием облака частиц и гамма-радиации, которое не уменьшалось, как это бывает после взрыва обычной боеголовки. Это воздействие все длилось и длилось, подобно излучению с поверхности новорожденной звезды.

— Газовая оболочка,— напряженно пробормотал Редер.

В условиях, минимально похожих на нормальные, они бы беспокоились о радиации, что пронизывала «псих» и их тела. Но теперь у них были более непосредственные заботы. Бомба типа «гостинец» преобразовывала миллионы тонн массы в стремительно расширяющуюся газовую оболочку. Не считая очень близкого радиуса, взрывы в космосе ударного эффекта не оказывали. А вот самоподдерживающаяся термоядерная реакция с такой колоссальной массой для толчка создавала свою собственную, хоть и

скудную, но все-таки атмосферу, и если они были в пределах досягаемости...

Кромешный мрак.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Синтия Роббинс проверяла весь контрольный список вместе с одним из старших пилотов, прежде чем дать добро на вылет его отремонтированного «спида». Пилот, мягко говоря, был не в восторге от того, как нешуточно она в этот процесс погрузилась, и всячески ей это демонстрировал. На самом деле лейтенанту Роббинс вовсе не требовалось этим заниматься. Это была работа для простого техника.

Но Синтия логично рассудила, что если она не заставит этих пилотов как-то с ней взаимодействовать, они легко приобретут привычку совсем ее игнорировать и работать мимо нее, что наверняка понизит ее эффективность. «А мою эффективность,— размышляла она,— ничто понижать не должно». Кроме того, Синтия получала массу удовольствия от того, что она вынуждала пилотов это делать. Пусть даже мелкая месть за их гнусные подозрения была теперь отложена в сторону. Впрочем, не для таких дуболомов, как этот Фридрих. Небольшой, но приятный триумф на мокакской базе очень всему этому поспособствовал.

Задача проверки контрольного списка также могла проделываться компьютером, но коммандер Редер решил, что, занимаясь ею непосредственно, пилоты смогут избежать лишней самоуспокоенности. «А кроме того,— мысленно добавила Синтия,— так они меня не смогут избежать».

— Магистраль главного блока датчиков? — спросила она.

— Ажур,— усталым, раздраженным голосом отозвался пилот. Затем он кашлянул.

— Готовность орудий,— продолжала Синтия поверх кашля пилота, который теперь уже стал постоянным.— Дозиметрический контроль.— Теперь пилот заходился громким сухим кашлем, практически ее заглушая. Именно это, как ей казалось, он и пытался делать.— Подсистемы?

— Аж-жур,— выдавил он между приступами.

— С вами все хорошо? — спросила она.

— Помогите,— вымолвил пилот, совсем задыхаясь. Затем наступила тишина.

Трап был поднят, так что Синтия воспользовалась своим пультом, но безрезультатно. Тогда она подбежала к аварийной панели и набрала код. Трап неохотно опустился. Синтия подняла взгляд на «спид». Не увидев там никаких движений, она поднялась по трапу.

Пилот обмяк в кресле, а лицевая пластина его шлема помутнела от влаги. Синтия сломала пломбу и сняла с него шлем.

— Боже ты мой,— выдохнула она затем и сделала невольный шаг назад. Каким бы газом ни кормила его система жизнеобеспечения, чистым воздухом он определенно не был. У нее и у самой глаза заслезились, и Синтия вырубила подачу. Затем она проверила его пульс. Пульс казался слегка ускоренным, но главное, он там был. Кроме того, лицо пилота было совсем не того цвета, какой можно было в подобной ситуации ожидать.

Тут трап начал подниматься.

— Эй! — заорала Синтия, бросаясь к выходу, но слишком поздно.— Эй! — крикнула она снова, уже в закрывающуюся дверцу. «Надеюсь, хоть кто-то меня услышал»,— подумала она, когда дверца наглухо захлопнулась.

В ушах у нее загудело. Это могло означать только то, что «спид» откачивает воздух, готовясь к старту. «Вот те на,— подумала Синтия, кидаясь к панели управления.— В системе жизнеобеспечения только слезоточивый газ, а в кабине вообще ничего». Она попыталась заставить «спид» прекратить откачивать воздух, но он на ее команды не откликался. Он вообще ее игнорировал. «Остался только один вариант»,— подумала Синтия. Припомнив прошлый раз, когда со «спидом» случилась подобная заморочка, она даже не попыталась добраться до его внутренностей. У нее не было никаких сомнений, что от ее вмешательства они будут защищены. Натянув себе на голову шлем пилота, она включила рацию и дунула в микрофон.

— Внимание, помогите,— сказала она. Уже становилось трудно дышать.

— Роббинс.— Это был голос Редера.

— Сэр, я заперта в «спиде» Фридриха. Воздух откачивается, а трап не открывается.

— Уже иду,— откликнулся Редер и ткнул кнопку интеркома.— Весь персонал на полетной палубе, кто ближе к «спиду» Фридриха, ситуация аварийная. Опустите его трап.— Затем он рванулся к двери.

Синтия ухватила пилота за подмышки и поволокла его к трапу. Хорошо, конечно, что коммандер уже на подходе, но и самой себе помочь тоже не помешает. Роббинс была девушка тренированная, но тащить тяжесть Фридриха оказалось труднее, чем она ожидала. Она стиснула зубы и поволокла, упираясь пятками во всевозможное оборудование. Кровь забарабанила у нее в ушах, и она почти сразу же стала задыхаться. Не одолев и полдороги, Синтия рухнула на колени, жадно хватая скудный воздух и чувствуя себя будто в дурном сне, когда со всех ног куда-то бежишь, но так никуда и не добираешься. Легкие работали вовсю, но воздуха почти не находили. «Так не пойдет»,— подумала она. Грудь ее все сильнее ныла, а перед глазами поплыли белые круги.

И тут Синтия кое-что придумала. Мера была довольно опасная, но могла сработать. Бездействие же равнялось смерти.

У нижнего края дверцы трапа имелся выключатель; дотянуться до него было очень тяжело, если только полностью обшивку не

отодрать, но ее миниатюрная ладонь вполне могла протиснуться туда и нажать... Синтия змеей корчилась на полу, пока не смогла привести руку в нужное положение. Это было страшно неудобно. Затем она надавила на небольшой затвор, и трап стал опускаться. Роббинс опускалась вместе с ним, стараясь не отпускать руку.

«Лучше всего скатиться с трапа,— подумала она.— Так я у спасателей Фридриха на дороге не окажусь, да и держать затвор будет удобней».

Люди протопали мимо нее и подняли пилота, а затем быстро вынесли его по трапу и положили на палубу.

— Дайте кислород! — крикнул Редер.— С вами все хорошо, лейтенант?

— Так точно, сэр, полный порядок.

— Отличная работа, Роббинс,— похвалил он.— Листер, давайте сюда носилки.

Синтия отпустила затвор, и трап резко пошел вверх. Она попыталась выдернуть руку, но не успела, и кисть застряла. Девушка выругалась и попыталась протолкнуть руку обратно к затвору. Найти его уже не удалось. Трап сомкнулся на ее запястье. Дальше все казалось уже совершившимся, словно в воспоминании; она наблюдала за происходящим, не веря своим глазам и в то же время четко понимая, что это абсолютно неизбежно.

— Нет! — воскликнула Синтия еще раньше, чем почувствовала боль. С жуткой неотвратимостью трап сломал мелкие кости ее запястья, и она закричала от шока, падая на колени. Самым худшим во всем этом показалось ей то, что больно не было — по крайней мере, в начале. Она почувствовала, как ломается кость, даже это услышала, ощутила, как натягиваются и рвутся мышцы и сухожилия. Трап наглухо захлопнулся, обрезая остатки плоти, которые держали ее в вертикальном положении, и Синтия без чувств распростерлась на палубе. Кровь била из обрубка ее запястья как из перебитого гидравлического шланга.

Все произошло так стремительно, что никто даже толком понять ничего не успел. Вообще-то трапы так быстро не поднимались.

Редер метнулся к ней, и один взгляд на кровь, струящуюся по борту «спида», все ему рассказал. Прямо на бегу он выхватил свой ремень. Затем он затянул его у нее на руке, используя как жгут.

— Голдберга сюда! — заорал он.— Живо!

Синтия очнулась в темноте, тишине и медицинском запахе лазарета. Она подняла веки, которые почему-то показались ей очень тяжелыми, и вздохнула.

— Вот вы и проснулись,— сказал низкий голос возле нее.

Роббинс удивленно вздрогнула и повернула голову. Ей улыбался Падди Кейси.

— Как вы, милая?

— Мм,— произнесла она, затем облизнула губы и попыталась снова.— Вы должны звать меня лейтенант,— велела ему Роббинс, стараясь выглядеть холодно и неприступно.

— Как вы, милый лейтенант? — повиновался Падди.

Как Синтия ни пыталась, улыбки она сдержать не смогла. А затем она кое-что вспомнила. Рука казалась слишком тяжела на подъем. Тогда она повернула голову и посмотрела. Культя была в повязке, но она различала контуры дооперационного блока нервной регенерации. Этот блок должен был заботиться о том, чтобы нервы ее запястья оставались функциональными и восприимчивыми, а также блокировать болевые импульсы. Без него такая синтетическая рука, как у коммандера Редера, была бы невозможна.

Глаза ее наполнились слезами. Тогда Синтия их закрыла, силясь взять себя в руки, но рыдания все-таки поднялись из ее груди и вырвались наружу. Падди мигом присел к ней на койку. Огромными лапищами он взял ее за плечи, а потом нежно погладил по волосам.

— Как славно поплакать,— сказал новоирландец.— Сейчас для вас самое то. Поплачьте, милая.— Он уронил поцелуй на ее макушку.— Вот и хорошо.

Синтия так удивилась, что даже перестала рыдать и вместо этого заикала. Затем она шмыгнула носом и жалобно произнесла:

— Вы не должны...

— Милый лейтенант,— тут же исправился Падди. Ослабив хватку, он широко ей улыбнулся.— Буря была, но недолгая,— добавил он.

Синтия сперва растерялась, затем взяла себя в руки.

— Не последняя, надо думать,— сказала она, отстраняясь. Тогда Падди встал с койки и сел рядом на стул.— Что вы здесь делаете, старшина?

— Падди,— поправил он.

— Старшина Падди,— с легким намеком на улыбку сказала Синтия.

Кейси ухмыльнулся.

— Вы потрясающая женщина, лейтенант. Я здесь вот почему. Просто мне показалось, вам сейчас может захотеться, чтобы рядом был друг.

Она какое-то время его поразглядывала. Полные надежды голубые глаза, кудрявые рыжие волосы, курносый нос, заразительная улыбка и... какой же он все-таки огромный!

— Да,— сказала Синтия.— Мне и правда этого хочется.

— У меня уже создается впечатление, будто наш диверсант сам желает, чтобы его поймали,— сказал Редер капитану.— Лейтенант Роббинс была его лучшей защитой. Пока все думали, что она диверсантка, он мог гораздо свободнее свои делишки обделывать.

Каверс сжал губы и сложил руки домиком.

— Кое-кто сможет вам возразить, что мокаки — фанатики, способные практически на все.— Он внимательно оглядел Редера; неделя в регенерационных резервуарах прекрасно позаботилась о радиационном заражении. Теперь он всего лишь выглядел лет на десять старше, чем ему полагалось, но это должно было скоро пройти.

— Калечить себя без необходимости и тем самым устраняться от возложенных на тебя обязанностей, сэр, никакой не фанатизм, а предельная глупость,— мрачно заметил Редер.— И я совершенно убежден, что если бы шпион знал о механизме открывания дверцы трапа, этот механизм тоже бы не работал. Нет, просто наш приятель все кровожаднее.

Каверс подался вперед.

— Похоже, вы знаете, кто это,— медленно заключил он.— Или так вам, по крайней мере, кажется.

Редер кивнул.

— Когда Синтия окончательно вышла из-под подозрения, осталась только одна персона. Но поймать эту персону с поличным будет непросто.

— И все-таки у вас есть план,— предположил капитан.

— Так точно, сэр. Проблема должна быть в ведомстве квартирмейстера. Мои люди слишком пристально друг за другом наблюдают; никто ни на секунду наедине ни с одной деталью не остается. А если и остается, то эту деталь потом берут на инспекцию. Следовательно, мои люди этих деталей не ломали.

— Так проблема с дефектными запчастями решена? — спросил Каверс, удивленно приподнимая брови.

— Сэр, уже довольно долгое время нам ни одной не попадалось.

— Тогда почему вы решили, что проблема в ведомстве Ларкина? Быть может, диверсант — кто-то из ваших людей, но он просто не хочет на какой-то мелкой проделке попадаться. Как вы уже сказали, наш приятель все кровожаднее.

— Верно. Но наши самые серьезные проблемы всегда были связаны с искаженными программами. Доступ к которым может быть получен только путем прямого подключения к компьютеру «спида».

— Но с камерами слежения...— начал Каверс.

— Сэр, их легко одурачить. По-настоящему толковый шпион, как этот, будет к ним готов.

Капитан кивнул. Более бдительный шеф контрразведки мог бы установить что-то лучше защищенное от постороннего вмешательства. Но Бут был слишком далек от служебного соответствия; он только и мог, что гоняться за теми, кого он с самого начала преследовал.

— Что у вас на уме, коммандер? — наконец спросил капитан.— Вы бы сюда не пришли, если бы чего-то от меня не хотели.

— Так точно, сэр. Мне нужно, чтобы вы собрали совещание всего персонала квартирмейстера, включая его самого.

— И что? — спросил Каверс, разводя руками.

— Зал заседаний будет оборудован прибором ультрафиолетового излучения. Он высветит порошок, который я распылил по всему компьютерному интерфейсу того самого «спида». В этом самая суть нашей проблемы. Когда ультрафиолетовый свет загорится, шпион будет у нас в руках.

— А как насчет ваших людей? — резонно спросил Каверс.— Они все это время должны были касаться тех же самых поверхностей. А кроме того, что, если диверсант просто руки помоет?

— Все поверхности, к которым нужно получить доступ, чтобы изменить программу, находятся внутри панели управления,— сказал Редер.— Для этого есть специальная клавиатура, и она находится под замком. Этот замок можно открыть отмычкой, я вас уверяю. Но все же доступ туда совсем не так прост. И законным правом этого доступа располагают всего четыре человека: я сам, лейтенант Роббинс, старшина ар-Рашид и Ларри Тоу, наш компьютерщик. Ни у кого из нас на руках этого порошка нет.

— Даже у вас? — недоверчиво спросил Каверс.

— Даже у меня, сэр. Я всякий раз перчатки надевал. Я также ни с кем этим планом не делился.

Каверс отхлебнул немного кофе.

— А откуда у вас такой порошок? — поинтересовался он.— Сложно себе представить, чтобы он в обычном порядке был квартирмейстером заказан.

Питер улыбнулся.

— Разумеется, сэр. Я его на базе «Онтарио», в «Шпионской лавке» приобрел.

Каверс сплюнул кофе обратно в чашку.

— Вы шутите! На базе «Онтарио» есть шпионский магазин?

— Лавка, сэр,— поправил Редер.— Она в основном для тех, у кого развилась паранойя в отношении своих супругов или коллег по работе и кто хочет по-тихому их на чем-то застукать. А товар там действительно первоклассный.

Каверс с кислым видом покачал головой.

— Сомневаюсь также, что у нас на складе прибор ультрафиолетового излучения имеется,— сказал он.

— Представьте, сэр, я тоже об этом подумал.— Редер поставил перед капитаном небольшой саквояжик.— Вот этот к любому стандартному разъему подойдет. Но он у меня только один...— Питер благоразумно решил дальше не продолжать.

— То есть, будьте с ним осторожны или готовьтесь тратить время на то, чтобы еще один такой смастерить.— Каверс улыбнулся.— Ладно, согласен.— Он открыл саквояжик и достал оттуда прибор, затем положил обратно.— И все-таки. Что, если он руки помоет?

— Порошок такой мелкий, что он впитается в кожу. Ни в чем, кроме ультрафиолетового света, он не проявится, и смыть его невозможно. Его можно только постепенно сносить.

Улыбаясь, Каверс покачал головой.

— Как-то все слишком просто,— сказал он.— Впрочем, ладно.— Тут капитан встал.— Я позабочусь об этом, коммандер. Вы хотите там быть?

— Если вы не против, сэр.

— Не против. Я прикажу секретарю в нужное время вас вызвать.

— Благодарю вас, сэр.— Редер отдал честь, и капитан ему ответил. Затем Питер повернулся и вышел из кабинета.

— Знаете что, коммандер,— заявил Падди,— по-моему, вы и все прочие о нашем милом маленьком лейтенанте очень неверно судили.

Редер чуть из штанов не выпрыгнул. Для здоровенного мужчины Падди двигался неслышно, как кот.

— О каком это вы милом маленьком лейтенанте? — поинтересовался Редер.

— Черт побери! Да знаете вы, сэр, о каком. Я о лейтенанте Роббинс толкую.

— И в чем же мы о ней неверно судили, старшина? — Лицо у Падди было очень серьезное и озабоченное, так что Питер перестал его изводить.

— Она ведь из Димонова Дома, сэр. Знаете, что это такое?

Питер немного подумал, затем покачал головой.

— Это ужас что за место, сэр. Если хотите знать, ошибкой было вообще его колонизировать. Люди там в битком забитых бараках теснятся. Единственный способ вести там хоть какую-то личную жизнь — это держать свои мысли при себе. Нет-нет, вы понимаете, о чем я, сэр,— подчеркнул он, хотя Редер и не думал возражать.— Лицо как маска, предельно ровный голос и сдержанные жесты. Не все так могут. Уровень самоубийств там очень высок.

— Стало быть, когда лейтенант такой холодной становится...— задумчиво начал Редер.

— Она просто вежливость проявляет. И я вам еще кое-что скажу, сэр. Она вас жуть как уважает.

— Правда? — Это его немного смутило. «Но как этот прямолинейно-агрессивный здоровила из Новой Ирландии все это выяснил? — мысленно подивился Питер.— Я тут о ее самообладание чуть башку себе не расшиб, и все без толку. А он здесь без году неделя, и она уже с ним вовсю откровенничает». С другой стороны, разве можно было поверить, что Падди настоящий артист с микроманипулятором, если просто взглянуть на его огромные лапищи со шрамами от матросских зубов на костяшках?

— Ну да. До этого никто не пытался ей помогать. У нее никогда много друзей не водилось, но с тех пор, как она на

военную службу поступила, у нее их вообще не было. Она такая одинокая была. Но вы ей помогли, и она вам жуть как благодарна.

— В самом деле? — спросил Питер, очень польщенный.

— Она чудесная девушка, сэр,— сказал Падди, и в глазах его появилась задумчивость.— Такая чудесная, что я из-за нее даже решил на офицерские курсы поступить.

Редер мысленно представил себе Падди в офицерском мундире. «Хотя вообще-то он может еще каким офицером сделаться,— подумал он.— И их дружба им обоим на пользу пойдет. Он сгладит ее острые углы, а она — его».

— Я попозже обязательно зайду с ней повидаться,— сказал Питер.

— Вот и хорошо,— отозвался Падди.

Он так и стоял там, глядя перед собой в палубу, пока Редер наконец его не спросил:

— У вас что-то еще, старшина?

— Так точно, сэр, Спасибо, что спросили. Я тут прикинул, пока «Неустрашимый» какое-то время в доке будет стоять, да и малышка-лейтенант тоже...— Он прикусил губу и перевел дыхание.— Как бы вы посмотрели, если меня тут придержать, чтобы я ее работу делал? — Падди с надеждой взглянул на Редера.— Я опытный,— заверил он коммандера.— И я тут особо распоряжаться не стану. А то ведь один дьявол знает, кого этот отдел личного состава из своей колоды выдернет и сюда пришлет.

«Да уж,— подумал Редер,— Бута какого-нибудь».

— Хорошо, Падди, я посмотрю, что тут можно сделать. Но никаких обещаний.

— Понятное дело, сэр,— лучась улыбкой, отозвался старшина.— Вы не пожалеете.

«Надеюсь, черт побери,— подумал Редер, провожая его глазами.— Хотя сущим наказанием ты тоже бываешь».

Нечаянно столкнув саквояж со стола, Стюарт Семпль тут же услышал досадный звон разбитого стекла. Капитан велел своему секретарю ценой собственной жизни этот саквояж охранять. «Ведь ничто никогда с моего стола не падало и не разбивалось,— горестно подумал Стюарт.— И надо ж такому случиться. Ну за что мне такое наказание?»

Был только один выход. Он нажал клавишу на интеркоме.

— Ларкин на связи. А, здравствуйте, старшина. Чем могу служить?

— Нет ли у вас такой вещи, как прибор ультрафиолетового излучения? — спросил Семпль.— Я только что капитанский разбил, и мне бы очень не хотелось, чтобы он об этом узнал.

— Даже не знаю,— медленно произнес Ларкин.— А зачем капитану этот прибор?

— Он не сказал, сэр. Он только велел мне ценой собственной жизни его сберечь.

Ларкин ухмыльнулся.

— Попробую вам помочь,— пообещал он.— Не хочу, чтобы вы за такую мелочь жизнью расплачивались.

— Благодарю, вас, сэр,— с глубокой признательностью отозвался Семпль.

Квартирмейстер отключил связь и не на шутку задумался. Зачем капитану прибор ультрафиолетового излучения понадобился? Кое-кто его во время очень своеобразного секса использовал, но с личностью Каверса это никак не вязалось.

«А как еще ультрафиолетовый свет действует? — спросил себя Ларкин. И тут его осенило.— В нем некоторые вещества светятся». Он встал из-за стола и вышел из кабинета.

Так уж получилось, что прибор ультрафиолетового излучения у него был. Квартирмейстер хранил его у себя в каюте, и именно туда он теперь направлялся. Войдя в каюту, Ларкин достал прибор из шкафа и настроил его. Затем он выключил верхний свет и включил ультрафиолетовую лампу. Его ладони тут же стали ярко-зелеными.

Да падет на них проклятие! После той славной работенки с компьютером Фридриха он уже несколько раз мыл руки. «Печать греха,— в тупом ужасе подумал Ларкин.— Их греха!» Все это не могло так закончиться. Он не мог допустить, чтобы его взяли как агнца, когда он был подлинным воителем за свою веру. Стыд его просто убьет. А провал навлечет на него вечное проклятие.

Ларкин упал на колени и опустил голову на ладони. «О Дух Судьбы,— мысленно простонал он,— испытание столь тяжело!» Впрочем, в его силах было позаботиться о своем спасении, даже ценой собственной жизни. Квартирмейстер перевел дыхание и выпрямился. «Что бренная жизнь рядом с вечной жизнью души? — спросил он себя.— Ничто, миг, мимолетный сон на пороге вечности». Он не мог снести жуткой платы за провал.

«Следовательно, провала быть не должно»,— решил Ларкин.

Сдача в плен считалась провалом.

Они по-прежнему были на обратном пути к базе «Онтарио», так что избегнуть содругов было никак невозможно. Ларкин знал, что как шпиона и диверсанта его ждет смертная казнь. «Следовательно,— подумал он,— победа лежит в выборе способа и момента смерти».

И, если будет возможно, приведении погрязших во зле тварей вместе с собой на суд праведный.

— Где квартирмейстер? — спросил Каверс.

— Не знаю, сэр,— ответил заместитель Ларкина.— Уже час его никто не видел.

Каверс нахмурился. Смысла ждать не было — они с таким же успехом могли продолжить. Хотя он подозревал, что никто из этих людей отметку Редера на себе не носит.

— Мистер Семпль, где прибор ультрафиолетового излучения? — спросил он.

Семпль громко сглотнул слюну.

— У меня его нет, сэр. Я... я его разбил.

Каверс пристально посмотрел на своего подчиненного. Семпль был хорошим секретарем, но у Каверса возникли сильные подозрения, что он только что совершил роковую ошибку.

— А вы случайно не попытались у мистера Ларкина другой прибор получить? — спросил Редер.

— Так точно, сэр, попытался,— ответил Семпль.

Ошибка секретаря так же безошибочно направила обвиняющий перст на Ларкина, как если бы все они сейчас видели пятна на его ладонях. Проблему составляло лишь то, что эта ошибка также развязала диверсанту руки.

— Выключите лифты, сэр,— сказал Редер,— и заприте все двери на аварийную лестницу.

Ларкин услышал надсадный вой тревоги. «Слишком поздно,— подумал он.— Я достигну своей цели. Я заберу этот корабль, это вместилище зла в кромешную ночь».

Он нырнул в колодец аварийной лестницы. Разумеется, они станут его здесь искать, но тогда уже будет слишком поздно. К тому времени он принесет бомбу в зону реактора и взорвет ее, обрекая пять тысяч врагов на ту позорную смерть, которой они безусловно заслуживают.

«Вот тогда они узнают, каково это на самом деле,— подумал Ларкин.— И будут бесконечно страдать».

Бомба была небольшая, но ей только всего и требовалось, что проделать небольшую пробоину в баке реактора. «Тогда украденный ими антиводород сделает свое дело»,— радостно подумал квартирмейстер. Впрочем, радость его улеглась так же быстро, как и возникла. Вообще-то он планировал взорвать антиводород, когда корабль будет поблизости от основных мощностей. «А, ладно,— подумал Ларкин,— даже этой малости наверняка хватит, чтобы избавить меня от вечных мук». Сунув адскую машину себе под китель, он приступил к длинному спуску.

Добравшись до подножия лестницы, Ларкин подумал: «Надо бы прямо сейчас запустить часовой механизм. Не стоит откладывать на потом; я не хочу, чтобы ее у меня отобрали и обезвредили». Опустившись на колени, он стал молиться, одновременно устанавливая таймер на самый короткий промежуток. Чтобы добраться отсюда до зоны реактора, требовалось всего две минуты — не больше. Ларкин был неплохим бегуном, а кроме того, уже несколько ночей ему не приходилось вставать коленями на железный прут.

Он представил себе взрыв. Это будет очень красиво и приятно Духу Судьбы. Возясь с таймером, Ларкин негромко напевал

псалом. Там преобладали слова вроде «бичевать» и «искоренять». Когда он закончил, таймер исправно затикал.

Тогда он встал и протянул руку к отпускному рычагу. Снаружи раздался щелчок, и когда он попытался повернуть рычаг, тот не двинулся с места.

Ларкин забарабанил по рычагу, но проклятая штуковина даже не шевельнулась. «Они меня заперли,— подумал он, все еще в это не веря и бешено стуча по клавишам панели рядом с люком. Та методично отвергала его коды.— Эти сукины дети меня заперли!» Что ему было делать — стучать в дверь, звать на помощь? Теперь все уже знали, что он шпион, так что это было равносильно сдаче. Ларкин взглянул на бомбу. Оставалась минута и тридцать секунд.

«Максимум, что я еще могу сделать, это забрать с собой несколько нечестивых подонков»,— разочарованно подумал он. Затем квартирмейстер вздохнул и постучал в дверь.

— Эй! — крикнул он.— Есть там кто-нибудь? Я заперт! Выпустите меня отсюда!

Кроме тревожной сирены, в ответ Ларкин ничего не услышал. Похоже, там никого не было. Тогда он стал дергать за ручку, пинать дверь и орать во всю глотку, стараясь перекричать сирену.

— Эй! Кто-нибудь! Откройте!

Осталось всего пятьдесят секунд, и верхняя губа квартирмейстера покрылась капельками пота.

— Мать твою за ногу! — смачно выругался он, а затем опустился на колени и осмотрел бомбу. Надо было как-то переставить таймер. «Не хочу умирать один»,— подумал мокак.

Он нажал на кнопку, которая вроде бы отключала часы. Но таймер продолжал отсчитывать секунды. Их уже оставалось всего тридцать девять.

— Эй! — завопил Ларкин на случай, что кто-то пройдет мимо.— Выпустите меня отсюда! — Затем он попытался вскрыть бомбу, чтобы добраться до источника питания, но это была современная бомба, цельная и неразъемная. А никаких инструментов он с собой не захватил, думая, что они не понадобятся.

«Дух Судьбы,— взмолился мокак,— помоги мне. Не дай мне как последнему идиоту погибнуть».

Найдя какое-то подобие шва, он стал за него цепляться, но вскоре зверски сломал себе ноготь, вскрикнул от боли и бросил бомбу. Снова ее подобрав, он увидел, что осталось всего пять секунд. Тогда Ларкин быстро вскочил и стал подниматься по лестнице. Когда бомба рванула, он даже на три метра от нее не ушел.

— Итак, все кончено,— грустно сказал Каверс.

— Так точно, сэр,— согласился Редер.

Урон судну был причинен незначительный. Колодцы аварийных лестниц сооружались достаточно капитально, особенно на

уровне реактора, так что взрыв лишь вынес дверь и покорежил металл.

А вот Ларкин практически испарился.

— Черт его побери,— выругался по этому поводу Каверс.

— Он потерпел крах, сэр,— сказал Редер.

— Я бы так не сказал,— кисло отозвался капитан.— Я бы скорее сказал, что он был чертовски удачлив. Ему чуть было не удалось расстроить программу использования легких авианосцев.

— И все-таки он провалился,— настаивал на своем Редер.— У мокаков всегда так. Неважно, сколько раз тебе что-то удалось. Они только провалы считают.

— Это псих убил немало славных людей, коммандер. Мне горько это говорить, но я надеюсь, что мерзавец очень страдал.

— Он страшно страдал, сэр. Он был уверен, что прямиком в ад отправляется.

— Хитроумно,— прокомментировала Сара, выслушав рассказ Редера о его плане поимки квартирмейстера.

— Сердечно благодарю,— отозвался Питер. Затем он помолчал, наблюдая за игрой света на ее лице. Стол освещала свеча. «Она ее немного смягчает»,— подумал он.

Сара схватила свечу и поднесла ее ближе к себе. Темные тени, которые появились под этим углом, заставили ее казаться вампиршей. Питер рассмеялся. Сара с улыбкой поставила свечу на место.

— Что же все-таки вынудило вас насчет моего приглашения передумать? — спросил он.

Сара огляделась.

— Просто мне у Паттона очень нравится,— ответила она.

— Какая жалость. А я было возомнил, что вы решили бывшему пилоту «спида» еще один шанс предоставить.— Питер многозначительно поднял бровь.

— А кто говорит, что вы бывший пилот «спида»? — парировала Сара.

Питер сначала не понял, затем ухмыльнулся. «Я ей нравлюсь! — торжествующе понял он.— Я ей и правда нравлюсь!»

Этого было вполне достаточно, чтобы забыть, что война еще далеко не окончена. Забыть хотя бы на время.

КАПЕР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Все это простая формальность,— убеждал себя коммандер Питер Эрнст Редер.— У нас тут полный ажур. Это даже не настоящая следственная комиссия и уж тем более не трибунал. Я герой, а не козел отпущения.— Тут он подавил отчаянное желание потереть себе диафрагму.— Почему же тогда живот никак не проходит?»

Да, разумеется, сказывался предыдущий визит Питера в эту же самую залу суда, визит не столь давний. Тогда второго лейтенанта Синтию Роббинс, его заместителя, подозревали в диверсии и убийстве, да и на самого Редера тоже косо поглядывали. Так что теперь и вид массивного дубового стола в дальнем конце залы, и аромат восковой полировки, и едва слышный шелест флагов Содружества и Космического Отряда у него за спиной — все это предупреждало его подсознание об опасности. В сущности, ощущение это мало чем отличалось от того, которое ты испытывал в «спиде», когда компенсатор начинал барахлить, а система автоматического слежения сообщала о том, что мокакский истребитель уже держит тебя на мушке...

«Это еще когда я руку не потерял»,— подумал Питер. Впрочем, с тех пор, как его сделали бортинженером «Непобедимого», стрессов меньше не стало. Коммандер неловко заерзал на стуле.

Всего несколько недель спустя зала по-прежнему щеголяла теми же глянцевитыми панелями красного дерева, той же впечатляющей картиной космической баталии на задней стене, по бокам от которой висели усеянный звездами флаг Содружества и сине-черный флаг Космического Отряда. Шестеро суровых на вид старших офицеров сидели в удобных кожаных креслах за крепким дубовым столом, обращаясь лицом к небольшому столику с единственным стулом для свидетелей. Все это слишком напоминало тот предыдущий раз.

Разве что действующие лица несколько изменились.

И на сей раз у Редера была личная причина для беспокойства. В конце концов, он действительно оставил свой боевой пост в самый разгар сражения с мокаками и их союзниками повианами.

«Никогда нельзя быть до конца уверенным в том, что начальство не решит сделать из кого-нибудь наглядный пример,— размышлял Питер.— Из меня, скажем, чтобы далеко не ходить». И ведь не то чтобы коммандер сознательно не хотел повиноваться приказам. Просто все складывалось так, что в какой-то момент он оказывался единственным, кому было ведомо то, чего не знали его начальники...

Тот факт, что физиономия Редера в точности соответствовала призывному плакату — квадратный подбородок, синие глаза, которые в видеоновостях упорно именовали «вулканическими», черные волосы, бледная кожа,— мало в чем ему помогал. Точно такую же внешность имели обычно и самовлюбленные позеры — это тоже следовало признать.

Свой боевой пост Редер, естественно, оставил из лучших побуждений; рискуя жизнью, он спас драгоценный пятимесячный запас антиводорода, который без его вмешательства наверняка был бы потерян. Ни для кого уже не оставалось секретом, что запас антиводорода у Содружества упал до опасной черты. А без этого горючего Содружество просто не могло существовать, и война с мокаками была бы закончена. Помимо ценного антиводорода, Редер спас «Неустрашимый», корабль, который его транспортировал, а также местного главного механика, чудо-инженера.

И в результате стал героем.

Последовал шумный успех.

Капитан представил его к «Звездному кресту».

Тут Питер поморщился.

«Знаешь, Редер,— подумал он,— порой ты явно не по делу переживаешь».

С другой стороны, существовало скверное подводное течение, которое заставляло Питера неуютно ерзать на стуле, как бы он себя ни ободрял. Кому-то в этой зале чертовски повезет выйти отсюда всего-навсего с выговором. В этом он был абсолютно уверен.

И не последней причиной для этой уверенности было то, с каким пристрастием прямо сейчас адмирал Эйнар Греттирсон допрашивал капитана «Неустрашимого» Кэтрин Монтойю. От одного тона адмирала у Питера шерсть на загривке вставала.

— Итак, ка-пи-тан Мон-той-я,— протянул Греттирсон, сверля ее голубыми как лед глазами из-под нависших седых бровей,— в целом вы потеряли в этой операции ты-ся-чу семь-сот ваших людей, а также двадцать пять «спидов». Не так ли?

— Так точно, адмирал,— сдержанно отозвалась Монтойя.

«И при этом никто не смог бы сделать больше для их спасения»,— с возмущением подумал Питер. Одного тяжелораненного члена команды капитан Монтойя собственными руками притащила к спасательным шлюпкам.

Впрочем, Греттирсон был известным солдафоном и ревнителем строгой дисциплины; ходили слухи, что он даже спит с уставом Космического Отряда Содружества под подушкой.

Монтойя сумела доставить свой изувеченный корабль к оборонительному рубежу базы «Онтарио», да еще с антиводородом.

«Для меня,— подумал Питер,— это говорит только о том, что таких командиров днем с огнем поискать».

— Как вы объясните столь катастрофические потери? — осведомился Греттирсон, чье худое аскетическое лицо было холодным как космос.

«Похоже, адмирал с моим заключением не согласен»,— подумал Питер и снова заерзал на стуле, привлекая к себе внимание главы комиссии. Тут он замер, точно горный баран под недремлющим оком голодного барса.

Не то чтобы адмирал являл собой какого-то запредельного монстра; просто он был твердо убежден в том, что его нынешние подчиненные появились из формочки куда более низкого качества, нежели он сам и ему подобные.

Питер внимательно изучал остальных членов следственной комиссии, пытаясь по непроницаемым выражениям их лиц прочесть их реакцию. Вице-адмирала Полу Андерсон он знал еще со слушаний по делу Синтии и считал абсолютно беспристрастной и справедливой. Коммодор Уэйн Грецки и коммодор Маргарет Трюдо из отдела контрразведки были совершенно ему незнакомы. А вот десантный генерал Кемаль Скарагоглу представлял собой фигуру известную и могущественную, хотя и довольно темную. Его повсюду сопровождали всевозможные слухи, сплетни и наговоры.

Скарагоглу был таким последовательным макиавеллистом, что даже внешне выглядел совсем как африканская копия знаменитого общественного деятеля шестнадцатого столетия. Те же плотно сжатые губы и пристальные глаза вкупе с длинной переносицей и острым подбородком; поговаривали даже, что это у него биоскульп. Редеру так не казалось; он скорее думал, что десантный генерал является реинкарнацией какого-то невероятно удачливого кондотьера.

— И как же так получилось,— продолжал тем временем адмирал Греттирсон,— что ни вам, ни вашему старшему механику не пришел в голову весьма простой способ решения проблемы с тем злосчастным антиводородным баком?

— Хочу вам напомнить, адмирал, что у меня нет инженерного образования,— негромко ответила Монтойя.— Что же касается главного старшины Кейси, то тут я ничего сказать не могу. Скорее всего, была слишком большая запарка. А кроме того, полетная палуба получила прямое попадание, действительно катастрофическое. Как вам известно, для опорожнения поврежденного бака коммандер Редер использовал шунт, изготовленный из мотора «спида». Старшине Кейси, даже реши он эту деталь использовать, она была бы попросту недоступна.

— Проверьте этот факт,— велел Греттирсон сидящему среди публики секретарю, и тот произнес несколько быстрых слов в свой наручный диктофон.

Допрос капитана Монтойи все длился и длился, а Редер мысленно ежился. «Интересно,— думал он,— если адмирал так обращается с людьми, который действовали в полном согласии с идеальным сценарием из учебника по ответственному и героическому поведению, что же он тогда собирается сказать мне?»

Как будто коммандер и так этого не знал.

Его непосредственный начальник, капитан Каверс, уже устроил Редеру первоклассную головомойку за этот, как он выразился, «один из самых дурацких и безответственных фортелей, какие мне в жизни довелось наблюдать!»

Наконец, следственная комиссия закончила с капитаном Монтойей — а точнее, адмирал Греттирсон счел, что достаточно над ней поглумился.

Следующим был вызван Падди Кейси, огненно-рыжий, а в данный момент к тому же неистово-краснолицый старший механик «Неустрашимого».

Вразвалку подтащив к свидетельскому столику двух с лишним метровую плиту твердокаменных мышц, Падди уселся и уставил на адмирала огненный взор своих голубых глаз. Взор этот наверняка способен был растворить все сильные и слабые связи молекулярной структуры Греттирсона. Огромные лапищи новоирландец сложил перед собой, костяшки его крепко сжатых кулаков побелели.

Греттирсон одарил его огненным взором в ответ, но почти без осуждения, явно не собираясь играть с ним в гляделки. Главный старшина сравнительно недолго оставался в центре событий — не в последнюю очередь потому, что каждый его негромкий, предельно вежливый ответ звучал странным образом угрожающе. А членам комиссии было прекрасно известно, что Падди — крайне вспыльчивый человек с прискорбно-длинным списком случаев физического насилия над старшими офицерами.

«Адмиралу не следует это забывать,— подумал Питер,— особенно учитывая, что он был непозволительно несправедлив к Монтойе».

К счастью для Греттирсона, Падди был по уши влюблен во второго лейтенанта Синтию Роббинс и для дальнейшего развития их отношений намеревался поступить на офицерские курсы. Иначе жестко связанная уставом Роббинс вечно оставалась бы для него недоступна.

— Что... вы... сделали? — осторожно переспросил Греттирсон.

— Я смастерил из акселератора «спида» магнитный спускач, сел в одну из брошенных спасательных шлюпок и привез его на «Неустрашимый»,— просто сказал Питер.

— Вы бросили ваш боевой пост? — в неподдельном ужасе спросил адмирал.— В разгар сражения?

— Я постарался расставить своих людей так, чтобы обеспечить себе замену,— заверил его Редер.

— Вы старший офицер, ответственный за главную палубу, коммандер! Никто не может служить вам заменой! — Синяя венка

на виске у Греттирсона буквально корчилась. Оторвав огненный взор от Питера, он устремил его в публику.— Мне следует спросить капитана Каверса, почему на вас не было наложено дисциплинарное взыскание.— Тут адмирал снова опустил глаза на Редера.— Можете занять свое место, коммандер. Но уверяю вас, последнего слова по поводу всего этого безобразия вы еще не услышали.

Редер кивнул и встал, бросая быстрый взгляд на остальных членов комиссии. Грецки и Трюдо смотрели на него в недоверчивом возмущении, Андерсон выглядела огорченной. А вот Скарагоглу... Скарагоглу казался заинтересованным.

Коммандер скованно вернулся на свое место среди публики, чувствуя, как глаза десантного генерала буквально сверлят ему затылок. «Это не тот человек,— подумал Питер,— чей интерес к моей военной карьере меня бы обрадовал. От таких лучше подальше».

Следующим свою долю острых вопросов и обвинений отправился получить капитан Каверс, а за ним — командир эскадрильи Шелдон. Последним блюдом стали капитаны истребителей «Дифенбакер» и «Маккензи». Но в итоге мучения все-таки закончились, и глава комиссии произнес заключительную речь. Завершил он ее ремарками, адресованными непосредственно коммандеру Питеру Редеру.

— Вот уж действительно персона, достойная «Звездного креста»,— осклабился Греттирсон, попутно отправляя пренебрежительный взор капитану Каверсу.— Если бы вы, коммандер, погибли, тогда мы действительно презентовали бы вашей семье кое-какие посмертные украшения. А так я буду настойчиво рекомендовать, чтобы вам объявили строгий выговор с занесением в личное дело и переподчинили для исполнения канцелярской работы на Земле. Причем считайте, что вы счастливо отделались. Ибо вы, коммандер, не что иное как постоянная угроза порядку и дисциплине!

С этими словами он встал, грохнул молотком по латунной тарелке и повел остальных членов комиссии к выходу из залы.

Их адъютанты отделились от публики и последовали за ними, а прочие «обвиняемые», ибо именно таковыми они себя ощущали, встали по стойке «смирно».

— Выпить охота,— пробурчал Падди, выражая общее желание как высших, так и низших чинов.

— К Паттону? — предложила Ван Чунь-мэй, старпом «Непобедимого». Все одобрительно закивали.

Краем глаза Питер взглянул на капитана Каверса, от всей души желая, чтобы они могли включить в свою компанию и Старика. Но протокол это запрещал. На какой-то момент Питер ощутил все одиночество капитанского положения. А потом в приливе поразительного ожесточения подумал: «Зато у высшего командного состава свои привилегии. Только вот мне их теперь, похоже, так и не доведется узнать».

— Интересный человек этот коммандер Редер,— заметил Скарагоглу. На смуглом лице десантного генерала выражалось безмя-

тежное спокойствие. Из комнатной аудиосистемы доносились звуки скрипичного концерта.

Капитан Сьярхир, адъютант генерала, лишь потянул из рюмки превосходный виски Скарагоглу и ничего не сказал. С тех пор, как Редер вышел на сцену, генерал явно обмозговывал какую-то идею, и в его мыслительный процесс лучше было не вмешиваться.

Они находились в личных апартаментах десантного генерала, расслабляясь после долгого и напряженного рабочего дня. Даже эти комнаты мало что говорили о персоне Скарагоглу. О них только и можно было сказать, что они приличествуют человеку его ранга и возраста. Абсолютно, даже как-то неестественно приличествуют — все они целиком, вплоть до голоснимков различных планет, в большинстве своем сильно поврежденных. Планет, разумеется, а не снимков.

Скарагоглу холодно рассмеялся.

— Этот парень в беде, капитан. Греттирсон всерьез намерен усадить его за канцелярскую работу.

— Там он, по крайней мере, жить будет,— сказал Сьярхир, встречаясь взглядом с генералом.

— Интересно,— произнес Скарагоглу, поднимая брови в учтивом недоумении.— Стало быть, вы так это называете? — Он подался вперед, и взгляд его темных глаз стал жестким.— По-вашему, для такого человека, как Редер, это жизнь? — Концовка генеральской фразы буквально сочилась пренебрежением.— Он воин, Сьярхир, а не бюрократ. Канцелярская работа станет бездарной тратой его талантов и его жизни в целом. Год упорного труда на ниве статистики — и он будет так же бесполезен для себя самого, как и для нас.

— Так это чистый альтруизм, сэр? — непринужденно осведомился капитан.— Давая ему задание, которое почти наверняка его убьет, вы тем самым его спасаете?

Не спуская глаз с лица Сьярхира, Скарагоглу медленно отклонился назад.

— Вот, значит, чем я, по-вашему, занимаюсь, капитан? Подбираю людей исключительно для того, чтобы их убивали? — Взгляд генерала стал еще острее, и несмотря на то что в эту игру они уже играли многие годы, во рту у Сьярхира вдруг пересохло. После недолгой паузы Скарагоглу снова заговорил, и хотя голос его оставался спокойным, он ясно давал капитану понять, что разгневан.— К нам постоянно поступают опасные, чрезвычайно рискованные задания,— неспешно произнес он.— Таков непреложный факт войны и нашей работы, капитан. Я подбираю тех мужчин и женщин, вероятность гибели которых на этих заданиях минимальна. Это мой особенный дар и мое проклятие. Вот вам факты,— продолжил он, снова подаваясь вперед.— Редер может жить и отчаянно рисковать — или он может стать еще одним зомби для тупиковой кабинетной работы. Я точно знаю, что бы я для себя

выбрал.— Тут он склонил голову набок.— И догадываюсь, что выбрали бы для себя вы. Так будете вы мне помогать или нет?

Сьярхир позволил себе принять удивленный вид.

— Зачем вам моя помощь, сэр? Когда речь заходит о вербовке, у вас и так полный карт-бланш.

Скарагоглу опять рассмеялся, на сей раз с истинным удовольствием.

— По тому, как коммандер Редер на меня смотрел, я понял, что до него дошло достаточно грязных сплетен про мои наклонности кукловода. Все по-настоящему независимые люди поначалу с этой проблемой сталкиваются. А вот если кто-то, кому он может доверять, намекнет ему, что мне доверять тоже можно...— Скарагоглу пожал плечами,— тогда все будет куда как проще.

— Но генерал, я вам вовсе не доверяю.

Скарагоглу недовольно поднял брови.

— Вы уже выполняли для меня подобные задания, капитан.

Сьярхир улыбнулся.

— Именно поэтому, сэр, я вам и не доверяю.

Десантный генерал ухмыльнулся.

— А кроме того, сэр, у Редера нет никакой причины мне доверять. Мы с ним даже не знакомы.

— Что ж,— Скарагоглу развел руками,— значит, придется познакомиться. И не сомневаюсь — ему вы тоже понравитесь. Обаяния вам, Сьярхир, не занимать.

— Благодарю вас, сэр.

Генерал милостиво ему улыбнулся, а затем несколько секунд просто посидел в задумчивости, правой рукой отстукивая такт скрипичного концерта.

Этот жест Сьярхиру кое о чем напомнил, и он сказал:

— У Редера протезная рука, сэр. От полетов на «спидах» он отстранен.

Генерал пренебрежительно отмахнулся.

— Едва ли это серьезная причина не поручать Редеру это задание,— сказал он.

— Не уверен, сэр.

— Вы у меня совсем как «адвокат дьявола», Сьярхир,— с язвительной улыбкой заметил генерал.— Но, полагаю, сам дьявол побольше вашего споров выиграл.

— Вам виднее, сэр.

Скарагоглу от души рассмеялся.

— Вы уже слишком давно со мной, сынок. Я собираюсь вам новое назначение устроить.

— Как вам будет угодно, сэр.— Но Сьярхир знал, что это будет очень нескоро.

Питер сидел в баре у Паттона; он не был пьян и не хотел напиваться, но за воротник все-таки немного закладывал. Так его настроение оставалось достаточно приподнятым, чтобы он в

свою кружку пива не разрыдался. Или, если уж по правде, в рюмку виски. «Весь фокус в том,— думал он,— чтобы держаться на самой грани эйфории, но не пытаться ее достичь — иначе я наверняка расчувствуюсь и заплачу».

Остальные по его же просьбе оставили коммандера одного.

— Мне тут кое о чем подумать требуется,— жизнерадостно заявил Питер. И с тех самых пор его мысли так и носились по кругу.

«Итак, меня опять приземлить намываются,— думал он.— Как раз теперь, когда я снова летать могу». Ничего хорошего Редеру все эти думы не приносили, но ничего тут поделать он не мог.

В зеркале за стойкой он увидел свою мрачную физиономию. Вообще-то это зеркало было устроено так, чтобы делать наблюдателей моложе, симпатичней и счастливей, чем в действительности.

«Со мной ему нешуточно поработать приходится»,— подумал Редер. Вид у него был предельно серьезный. Но серьезный в хорошем смысле, что совершенно не отражало его настроения типа «нажраться таблеток, перерезать вены, а потом с высокого утеса махнуть». Зато лицо Питера, в отличие от зеркала, прекрасно это настроение отражало. Тут он заставил себя улыбнуться. И почти расслышал облегченный вздох зеркала.

Редер огляделся. «А все-таки у Паттона самое то,— подумал он.— Славное местечко». Сейчас ему очень хотелось, чтобы рядом была Сара Джеймс. В роскошной компании капитан-лейтенанта не пришлось бы ему эту жидкую отраду сосать. Но Питер отстранил Сару вместе с остальными, и она, у его ужасу, без единого слова ушла. «А, ладно»,— горестно вздохнул он и добавил этот солидный кирпич к стенке своих невзгод.

Затем Питер сделал еще глоток виски и заставил себя поразмышлять о том, какую канцелярскую работу могут поручить человеку с его опытом и выучкой. От этих раздумий он вздохнул так горестно, что дальше уже было некуда.

— Ничего себе. Похоже, все горести мира с бока на бок переворачиваются.

Редер взглянул направо. На соседний табурет садился десантный капитан. У мужчины была приятная улыбка, золотисто-смуглое лицо и иссиня-черные волосы индонезийца.

— Не все так скверно,— с беспечной улыбкой откликнулся коммандер.

— Ясон Сьярхир,— представился индонезиец, протягивая руку.

Питер охотно ее пожал.

— Питер Редер.

Сьярхир погрозил Редеру пальцем.

— По-моему, я вас знаю, приятель. Ну да, конечно! Вы тот самый парень, который «Неустрашимый» спас! Разве не так?

— Не так. «Неустрашимый» спасла Кэтрин Монтойя. А я знатный механик, только и всего. Со мной никогда ничего особенного не приключается. Я всего-навсего маленький ремонтик проделал...

— Вы сами не знаете, что вы проделали! — воскликнул Сьярхир, после чего схватил Питера за руку и энергично ее затряс.— Позвольте вам руку пожать.

«Да на здоровье»,— подумал сбитый с толку Редер.

— Можно мне вас угостить? — Капитан поднял руку, подзывая бармена.— Я настаиваю,— подчеркнул он.

— А я и не отказываюсь,— отозвался Редер.— За чужой счет почему не выпить? — Когда выпивка прибыла, он поднял свой бокал и провозгласил: — За капитана Монтойю! Вот кто по-настоящему достойный офицер!

Сьярхир одобрительно кивнул.

— И весьма достойно с вашей стороны, коммандер, поднимать за нее тост.— Он тоже поднял бокал. Поверх его ободка капитан оценил состояние Питера и решил, что этот бокал станет сегодня для коммандера последним. Сьярхир вовсе не хотел быть впоследствии обвиненным в том, что воспользовался преимуществом трезвого над подвыпившим.

Затем капитан огляделся и пододвинулся к Редеру.

— Ходит слух, что Греттирсон хочет Монтойе выговор объявить.

У Питера аж челюсть отпала.

— Выговор? — недоверчиво переспросил он.— Не может быть! Она сделала все, что было в человеческих силах, чтобы этот корабль спасти.

Сьярхир развел руками и поморщился.

— Греттирсон всегда был фанатичным борцом за дисциплину. Но с тех пор, как погиб его корабль, да еще почти со всей командой, включая его сына, он совсем с цепи сорвался.

Редер нахмурился. Вообще-то ему нравился командир, который терпеть не мог, чтобы его людей убивали. Это было намного предпочтительней альтернативы — командира, который манипулировал своими подчиненными как неодушевленными игровыми фишками, видя в них заменимый товар, подобный всей прочей амуниции.

— И все-таки...— пробормотал Питер, качая головой.

— Впрочем, я сомневаюсь, что у него это получится,— утешил его Сьярхир.— Я слышал, что Андерсон чуть его из кресла за погоны не вытащила, когда он это предложил.— Он рассмеялся.— Лично я бы не рискнул к ней под горячую руку попасть.

— Но что она может сделать? Она всего лишь вице-адмирал,— заметил Редер.

— Верно. Она младше его по рангу, зато к ней больше уважения.— Сьярхир осведомленно кивнул.— Греттирсон всегда к ней внимательно прислушивается, пусть даже ему это и поперек горла.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Редер. «Как может скромный десантный капитан быть осведомлен о столь тонких деталях взаимоотношений в высших эшелонах Космического Отряда?» — мысленно подивился он.

— А у меня в штате вице-адмирала приятель,— непринужденно ответил Сьярхир. Затем он снова конфиденциально наклонился к Редеру.— Но еще больше меня беспокоит то, на что вас этот старпер хочет обречь.

Питер мрачно сгорбился над бокалом и ничего не ответил. Просто слов не нашел.

— А ведь вы знаете, что вы должны сделать,— сказал Сьярхир.

Редер поднял на него взгляд.

— Нет, не знаю,— отозвался он.— А что?

— Вы должны пойти добровольцем на какое-нибудь впечатляющее задание. Когда вы вернетесь, вас уже нипочем не посмеют за канцелярскую работу засадить.

Питер хмыкнул и невесело улыбнулся. Затем он поднял правую руку, невыразительную как резиновая перчатка.

— Во-первых, вот такая вот штуковина автоматически делает вас отвергнутым, когда вы пробуете подобное задание получить. А во-вторых, где мне найти такое задание и как вовремя на него зачислиться? Ведь Греттирсон уже завтра утром намылился козла отпущения из меня сделать.

Лицо десантного капитана медленно расплылось в улыбке, и в животе у Редера от этой улыбки почему-то похолодело. Он почти услышал, как индонезиец подумал: «Вот ты и на крючке!»

«Пожалуй, не стоит после третьей рюмки серьезные разговоры с незнакомцами вести»,— решил Питер.

— Если вы не против,— предложил Сьярхир,— я бы мог прямо сейчас отвести вас к тому, кто способен реально вам помочь.

— К кому именно? — спросил Редер, уже начиная подозревать, кто это должен быть.

— К десантному генералу Скарагоглу.— В темных глазах Сьярхира ничего было не прочесть, и все его лицо сделалось совершенно непроницаемым.

Хотя Редер и ожидал услышать именно эту фамилию, в животе у него вдруг сжался ледяной шар отчаянной паники. «Держись,— мысленно приказал он себе.— У тебя только два варианта. Первый: позволить Греттирсону с позором отправить тебя на Землю. Второй: сходить и посмотреть, что тебе эта гремучая змея предложит. Ведь если это что-то запредельное, ты всегда сможешь отказаться».

— Идемте,— поторопил его Сьярхир.— Что вы потеряете, если просто послушаете? А кроме того, виски у генерала намного лучше этой бурды.

— Тогда без вариантов,— сказал Питер, вставая.— Ведите меня, капитан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Капитан-лейтенант Сара Джеймс снова закинула одну длинную ногу на другую и нетерпеливо побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. Она понимала, что ее бесконечное ерзанье отвле-

кает секретаря, но ничего не могла с собой поделать — ожидание в различных конторах не составляло ее сильную сторону.

Что, если вдуматься, было довольно странно, ибо ее работа пилота разведывательного подразделения ПСИХИ (полное название — Проникновение, Слежение, Исследование и Хранение Информации) как раз требовала долгих часов ожидания в абсолютной неподвижности. А со своей работой Сара справлялась блестяще.

Но ожидание у дверей чьего-либо кабинета было попросту мертвым временем. Оно заставляло Сару виновато думать о рапортах, которые ей следовало бы написать, или недовольно вспоминать все то, что ей хотелось проверить в своей машине или вспомогательном оборудовании. Она поставила обе пятки на пол, немного пошевелила пальцами, потом опять закинула ногу за ногу. Наконец раздался приглушенный звонок, и голос капитана сказал:

— Лейтенант, пригласите капитан-лейтенанта Сару Джеймс.

Они с секретарем переглянулись, и на лицах у обоих выразилось великое облегчение. Сара встала, одернула темно-синюю парадную форму и провела ладонью по коротким рыжеватым кудряшкам, после чего открыла дверь и вошла в орлиное гнездо.

Резкие черты лица капитана Роджера Каверса и впрямь наводили на мысль об орле. А в особенности — пронзительный взгляд его бледных глаз и орлиный клюв носа. Саре в очередной раз пришлось по достоинству оценить его знаменитый огненный взор. На ее бравое отдание чести капитан ответил более небрежно и указал ей на стул возле стола.

— Садитесь,— сказал он.

— Благодарю вас, сэр.

Каверс немного ее поизучал. Перед ним сидела компетентная молодая женщина лет двадцати пяти с худощавым интеллигентным лицом и теплыми светло-карими глазами. Каверсу нравилась Сара Джеймс, он ценил ее работу, а потому причина, которая ее сюда привела, особо его не порадовала.

Обычно в такое позднее время капитан посетителей не принимал. Но сегодня ему требовалось отвлечься от кошмарного заседания следственной комиссии Греттирсона, а кроме того, он не видел смысла держать и себя, и капитан-лейтенанта в подвешенном состоянии относительно ее неожиданной просьбы.

— Все это так внезапно,— начал Каверс, похлопывая ладонью по документу, который был выведен на встроенный в столешницу экран.

— Я уже несколько недель об этом думала, капитан. И сейчас, полагаю, самое время для просьбы о подобного рода переводе.

Капитан с сомнением поднял брови и откинулся на спинку кресла.

— В самом деле?

— Так точно, сэр.— Сара подалась вперед.— В эскадрилье есть ряд вакансий, а я квалифицированный пилот «спида».

— Но вы уже четыре года не летали на «спиде», капитан-лейтенант,— возразил Каверс.

Сара кивнула.

— Однако, сэр, я эти четыре года в сухом доке не стояла. Я готова пройти имитационный экзамен.— Она спокойно встретила взгляд Каверса, а когда он кивнул, продолжила.— К тому же здесь, на базе «Онтарио», есть офицер, вполне квалифицированный, чтобы меня заменить. Мне бы хотелось рекомендовать вам лейтенанта Барри Ченга. Ему предполагалось возглавить звено «психов» «Неустрашимого».— Тут она сделала паузу.

У «Неустрашимого» уже ни звена «психов», ни эскадрильи «спидов» не имелось. Те из этих машин, которые не были разорваны на куски мокаками и их повианскими союзниками, поневоле оказались брошены на мокакской территории, когда «Неустрашимый» совершил свой отчаянный прыжок к базе «Онтарио». Дальнейшие разведывательные полеты в тот сектор ничего, кроме обугленных обломков, не выявили.

— Но «Неустрашимый» вполне может быть переведен в резерв,— продолжила Сара.— Да и в любом случае прямо сейчас он не в состоянии как-то функционировать. Очень многие члены его команды уже получили новые назначения. Но Ченг в особой ситуации. Представить приказ о своем назначении капитану Монтойе он так и не успел, а потому пока еще не может быть переподчинен.

Каверс позволил себе легкую улыбочку.

— Так вы рекомендуете, чтобы я дал запрос на его услуги?

— Причем незамедлительно, сэр. Он прекрасный специалист.— Сара уже начала надеяться, что Старик удовлетворит ее просьбу. Встреча с Барри Ченгом дала ей необходимый толчок, и теперь, когда она уже приняла твердое решение, ей не терпелось добиться своего.

Каверс взглянул на просьбу о ее переводе и недовольно сжал губы.

— А мне казалось, вы получали удовольствие от своей работы, капитан-лейтенант,— тихо произнес он.

— Так оно и было, сэр. Я очень многому научилась и наслаждалась каждой рабочей минутой.— Сара немного поколебалась.— Но я думаю, сейчас самая пора вернуть мою карьеру на скоростную трассу. Сомневаюсь, что мне хочется следующие двадцать лет водить «психи». Есть, сэр, еще очень многое, что я хочу узнать и чего я хочу добиться.

Откинувшись на спинку кресла, Каверс принялся задумчиво постукивать пальцами по столу. Он был не на шутку расстроен. После многих усилий почти на все посты «Непобедимого» он расставил именно тех людей, которых ему хотелось там видеть. Капитан с удовлетворением наблюдал, как они вместе работают,

как они друг друга любят и уважают. Разумеется, он хотел как можно дольше их сохранить; они должны были помочь ему доказать, что легкие быстроходные авианосцы вполне достойны использования в условиях нехватки антиводорода, а также в ограниченном пространстве. Каверс прилагал всяческие усилия, чтобы эту концепцию доказать, а сохранение при себе нужных людей было важной частью этих усилий.

Сара Джеймс зарекомендовала себя превосходным работником, и капитану вовсе не улыбалось переводить капитан-лейтенанта с ее нынешнего поста. Однако по той же самой причине, если он доверял ее суждениям, ему следовало поверить ей на слово, что лейтенант Ченг станет достойной заменой. Ему также следовало учесть мнение Сары о том, что в плане карьеры ей пора двигаться дальше. С ходу отбрасывать подобную просьбу даже чисто с воспитательной точки зрения ни в коем случае не следовало. Сара вынуждена была так поступить. Она делала шаг вбок, сдавая командную должность в узкоспециальной группе с тем, чтобы встать в очередь для двух шагов вперед к более высокому командному положению. Пилоты «психов» никогда капитанами кораблей не становились; а вот пилоты «спидов» — весьма нередко. Летая на «спиде», ты уже в ближайшем будущем мог на это надеяться.

Каверс посмотрел ей в глаза. Взгляд Сары был уверенным и спокойным.

— И в самом деле,— заметил он,— ведь пилоты «спидов» быстрее по служебной лестнице продвигаются.

Она улыбнулась в ответ.

— Так точно, сэр.

— Хорошо.— Капитан энергично кивнул.— Если вы согласны на имитационный экзамен и если вы его успешно пройдете, я одобрю вашу просьбу о переводе в эскадрилью.— Он встал и подал ей руку.— Удачи, капитан-лейтенант.

Они обменялись рукопожатием.

— Благодарю вас, сэр,— сказала Сара, едва сдерживая радость. Она браво отдала честь, и капитан ей ответил, на сей раз с предельной четкостью. Затем она ловко развернулась «кругом» и вышла из кабинета. Внутри у нее все пело.

Сьярхир предложил, чтобы они пошли пешком. Не требовалось быть гением, чтобы понять, почему.

— Это же добрых полпути по станции,— запротестовал Питер, скрывая удовлетворение.— Я, знаете ли, не настолько пьян.

Индонезиец едва заметно улыбнулся.

— Я вижу. Но когда вы имеете дело с десантным генералом, вашей голове лучше быть светлой настолько, насколько это вообще возможно.

Редер критически на него взглянул.

— В самом деле? Насколько я слышал, еще ни у кого голова не оказалось светлой настолько, чтобы Скарагоглу перехитрить.

— Это потому,— отозвался Сьярхир, пускаясь вперед,— что одного разума для этого мало.— Он остановился и обернулся через плечо.— Так вы идете?

Питер хмуро огляделся. Не то чтобы ему хотелось попасть в лапы к Скарагоглу хоть на секунду раньше положенного, но прогулка в добрых пять кэмэ просто бы удлинила страдания. Он скорчил гримасу. Свободных моторов в округе не наблюдалось. А Сьярхир уже уходил прочь. Редер наблюдал за тем, как он уходит, уверенный, что капитан вот-вот обернется. Но тот так и не обернулся.

Нетерпеливо фыркнув, Редер пустился следом. «Чего ради ему меня ждать? — подумал он.— Он прекрасно знает, что деваться мне все равно больше некуда».

Какое-то время они шли молча. Питер пытался свыкнуться с мыслью о том, что казалось ему отчаянным ходом, а Сьярхир обмозговывал те темные делишки, которые обычно обмозговывают шпионы.

— Ну ладно,— сказал наконец Редер.— Так что для этого еще, кроме разума, требуется?

Губы Сьярхира скривились.

— Вряд вам будет так уж полезно это узнать,— сказал он.— Но для этого требуется предельная жестокость и колоссальная воля. Генерал может сделать почти все, что хочет — и почти со всеми, с кем хочет.— Тут он бросил косой взгляд на Редера.— Я сказал «почти» только потому, что логично предположить наличие у его власти каких-то ограничений.— Он улыбнулся.— Но я вполне могу ошибаться.

Редер хмыкнул и ускорил темп.

— Кроме того, насколько я знаю,— продолжил капитан, легко этот темп поддерживая,— для этого может потребоваться нечто большее. Ибо по моим сведениям, которые, уверяю вас, весьма обширны, никто еще не заставлял генерала выкладываться на полную.

Редер взглянул на него и опять скептически хмыкнул.

— А почему высокое начальство мирится с подобным поведением самого что ни на есть обычного генерала?

— Потому что он берется за такую грязную работенку, какой больше никто заниматься не хочет, и проделывает ее... пока что вполне успешно.

— Тогда помоги ему Боже, если у него когда-нибудь крупный провал случится.

— Да, пожалуй. Но на вашем месте, коммандер, я бы за такой исход дела крепостью заклепок на моем судне ручаться не стал.

Редер немного об этом подумал. А затем решительно зашагал дальше по прохладным, смутным в ночи коридорам базы «Онтарио». Выглядел он скорее как человек, имеющий четкую цель,

а не как человек, в панике убегающий от одного смертного приговора к другому.

Буйное воображение Редера облачило Скарагоглу в бордовый атласный смокинг, усадило в глубокое кресло в залитой мутным светом, роскошно обставленной комнате и вручило ему округлый бокал с заманчиво кружащимся там бренди. Кроме того, где-то поблизости определенно должна была присутствовать трубка или сигара.

В реальности же это оказался довольно спартанский, хорошо освещенный кабинет, хозяин которого был одет в слегка помятую повседневную форму десантника.

И там было виски.

Редер отдал честь, и генерал ответил ему, даже не оторвав взгляда от документа, который он просматривал. Он кивком указал на стул возле стола, и Редер, переглянувшись со Сьярхиром, туда сел.

Вскоре Скарагоглу со вздохом выключил экран. Поднимая бокал, чтобы глотнуть немного виски, он не отрывал озабоченных глаз от стола. Затем он подался вперед и взглянул на Питера.

— Результаты получились отменные,— сказал генерал без всякого предисловия.— Примите мою искреннюю похвалу.— И он поднял свой бокал за коммандера.— Но вы слишком далеко вышли из строя.— Он ровным взглядом посмотрел на Редера.

Редер ничего не сказал, а лишь посмотрел на генерала в ответ.

— Лично я,— продолжил Скарагоглу,— считаю, что вам нужно чуть больше закалки, прежде чем вы сможете возложить на себя пост бортинженера такого корабля, как «Непобедимый». И я заинтересован в том, чтобы вы его на себя возложили,— добавил он после секундной паузы.

Редер опустил взгляд на свои сложенные на коленях ладони и собрался с мыслями. Он предполагал, что ему будет сделано какое-то предложение. Впрочем, с таким человеком, как Скарагоглу, опасно было что-либо предполагать. «Терпеть не могу,— подумал Питер,— когда кому-то от тебя что-то нужно, но он считает своим долгом первым делом устроить тебе проверку. Какого черта? Я чего-то хочу, он чего-то хочет. Мы могли бы уже начать торговаться».

— Очень может быть, что вы правы, сэр,— наконец сказал он.— Но вопрос этот спорный, поскольку утром я буду освобожден от занимаемой должности и отправлен на Землю.

Скарагоглу глотнул еще виски.

— Вот, значит, зачем капитан вас сюда препроводил? Чтобы вы сообщили мне, что возвращаетесь обратно за Землю?

Редеру пришлось сдержать улыбку. Какая-то шальная, взбалмошная его часть почти всегда обнаруживала, что в любой кризисной ситуации есть что-то юмористическое. Даже сейчас,

когда его карьера висела на волоске. Но Питер сильно сомневался, что генерал, как и любая другая авторитетная фигура в его жизни, этот юмор оценит или даже поймет.

— Я последовал сюда за капитаном, сэр, в надежде на то, что вы сделаете мне более привлекательное предложение.

Турецко-африканское лицо Скарагоглу могло с таким же успехом быть высечено из базальта, но Редеру показалось, что в легком сужении темных глаз он заприметил усмешку. Капитан Сьярхир сменил позу, словно бы от неловкости, и взор Скарагоглу тут же его нашел. Питер задумался, не побились ли они об заклад по поводу его реакции.

— Не думаю, коммандер, что я в данном случае выбрал бы слово «привлекательное». Из вашего личного дела следует, что человек вы в целом достаточно благоразумный. Тем не менее у меня действительно есть кое-какая альтернатива. Она вас интересует?

— Очень.

Генерал улыбнулся.

— То, что я должен буду вам показать, в высшей степени секретно. Ничто из тех сведений, которые я вам сообщу, независимо от того, возьметесь вы за это задание или нет, не должно выйти за пределы этой комнаты. Вы понимаете?

«Если только ты не планируешь использовать меня как ручную гранату в человеческом облике,— подумал Питер,— то я готов. Так что скрытность проблемой не станет».

— Так точно, сэр.

Скарагоглу бросил на него оценивающий взор, затем включил голодисплей. Свет в комнате автоматически погас, а на дисплее возникло четкое изображение поля астероидов.

В двадцати сантиметрах над поверхностью стола закувыркались всевозможные камни. Короткий индикатор шкалы в самом низу сообщил Редеру, что по размеру эти камни варьируются от бильярдных шаров до небольших лун. И это были только те, которые можно было разглядеть при данном увеличении.

Редер вздрогнул. «Паршивое местечко»,— подумал он.

— Это поле астероидов находится на мокакской территории,— объяснил генерал.— Никаких обитаемых планет, зато невероятное изобилие богатых всякой всячиной камней с мелкими гравитационными колодцами. Раньше эта зона принадлежала Консорциуму, но с тех пор, как Содружество выиграло ту войну, она оказалась заброшена.— Он развел руками.— Сами видите, почему — она в самом центре неизвестности. Подобные местечки обычно ищут немногие рудокопы-одиночки, но близость мокаков даже эту публику отсюда отпугивает.

Питер улыбнулся ненавязчивой шутке.

— Здесь по-прежнему можно собрать неплохой урожай палладия, но для этого нам придется дождаться конца войны.

Генерал на что-то такое нажал, и запись ускорилась, а затем остановилась. Лазерной указкой Скарагоглу коснулся одного конкретного астероида, и компьютер мигом придал ничем не примечательному камню увеличенный вид. Согласно шкале, он был примерно три километра в длину и метров пятьсот в ширину. Формой астероид смутно напоминал сосиску.

— Здесь был шахтерский бункер.— Генерал коснулся одного конца продолговатого камня указкой, и компьютер снова переключился, давая Питеру вид астероида спереди. Как это обычно бывало со сделанными в космосе голоснимками, никакого ощущения глубины в громадном черном круге на том конце не было.— Эта тень,— пояснил Скарагоглу,— указывает на вход в грубую, но вполне сносную базу.

Питер задумчиво кивнул. Подобной базе и полагалось быть грубой, ибо Консорциум вовсе не собирался нежить и лелеять шахтеров, которых он фактически поработил. Зато для тайных военных операций там должны были быть почти идеальные условия.

— Вы хотите устроить там шпионский пост? — попробовал догадаться он.

Скарагоглу покачал головой.

— В этой зоне мокакского космоса у нас уже развернуты все изощренные шпионские устройства, какие только известны человеку. Они предельно эффективны и практически не подвержены регистрации. С этой базы нельзя будет установить ничего такого, чего бы они не узнали. И присутствие человека ничем особенным здесь не поможет, ибо этот пояс находится поблизости от вращающейся нейтронной звезды. Она достаточно далеко от бункера, чтобы жесткая радиация существенной проблемы не представляла, но достаточно близко, чтобы выкидывать черт знает какие фокусы с датчиками. Как с нашими, так и с вражескими.— Его губы изогнулись в улыбке.— Нет, мыслите масштабней.

«Масштабней,— подумал Редер.— Спасательная миссия?» Он мысленно вернулся к пропавшим командам «психов» или, быть может, даже к кому-то из пилотов «спидов» «Неустрашимого». Но эту мысль Питер тут же отбросил, вспомнив, что речь идет о постоянно действующей базе. Причем на мокакской территории. И для корабля вроде «Непобедимого» этот бункер был слишком мал. Стало быть, он должен был сгодиться для...

— Вы рассчитываете изматывать противника. Вам нужна база для небольшой эскадрильи, которая вылетала бы оттуда на задания типа «ударь-и-беги».— Редер отвернулся от голограммы, чтобы встретиться с одобрительным взглядом Скарагоглу.

— Работа такой эскадрильи будет не так уж отличаться от действий каперов в древних Карибах,— подтвердил генерал.— Вы будете расстраивать их грузоперевозки. Рвать линии снабжения и в целом оказывать разрушительное влияние на их моральных дух. Помните, это дьявольски подозрительные люди, комман-

дер. Непонимание того, как корабли, лишенные возможности совершать межзвездные рейсы, способны перебивать их линии снабжения, должно их до еще большей паранойи довести. Вы заставите все это казаться делом рук их пиратских союзников. Мне бы очень хотелось вбить клин между злом и безумием.

Редер ухмыльнулся. Идея была необыкновенно заманчива. Затем лицо его протрезвело.

— А какова моя роль в этой миссии, сэр?

— Вы будете ее возглавлять.— Глаза десантного генерала искрились, но на смуглом лице ничего было не прочесть.

— А почему я, сэр? — спросил Редер. Очевидный и малоприятный ответ заключался в том, что им вполне можно было пожертвовать. А Питеру не особенно улыбалась перспектива стать субъектом человеческого жертвоприношения. Они еще даже не поговорили насчет того, как он и его люди будут оттуда эвакуированы. «Возможно,— подумал Питер,— после моего фортеля с «Неустрашимым» генерал считает, что я совсем того. Что я даже не стану задавать разумных вопросов и охотно соглашусь, чтобы о нас просто забыли, как забывают о выпущенной с корабля ракете».

— Потому что вы единственный герой, какой у меня в данное время под рукой имеется,— спокойно ответил Скарагоглу.— Вы доказали, что можете быстро соображать в крутых ситуациях. А также что вы готовы идти на риск и при этом не слишком задумываться о том, одобрит это какой-либо адмирал или нет.— Он скупо улыбнулся.— Но я вовсе не рассчитываю, что вы просто пойдете и отдадите свою жизнь. Или чью-нибудь еще, раз уж на то пошло. Мне нужен первоклассный вожак со светлой головой, который способен думать на ходу, а не просто какой-то берсерк. Поэтому я и выбрал для этого задания именно вас.

— Но я отстранен от полетов на «спидах»,— сказал Редер и подумал: «Вполне можно напрямую об этом сказать».

— Я знаю об этом, коммандер.— Скарагоглу глянул на капитана Сьярхира.

Капитан стоял так неподвижно, что Питер почти про него забыл.

— Я уже упоминал об этом в разговоре с генералом, коммандер,— сказал он.

Кивнув, Питер подумал: «Тогда очень кстати, что я тоже об этом упомянул».

— Однако благодаря изобретению моего заместителя, второго лейтенанта Синтии Роббинс, теперь я могу летать. Без всяких проблем.

Генерал нахмурился и взглянул на Сьярхира, который недоуменно пожал плечами.

— К несчастью, об этом изобретении мы ничего не слышали. Отсюда следует, что оно не было одобрено для использования Космическим Отрядом. Отсюда, в свою очередь, следует, что оно

с таким же успехом может не существовать,— натянуто произнес Скарагоглу, предостерегающе глядя на Редера.— А это означает, что на все обозримое будущее вы от полетов отстранены. Все это, впрочем, я отнес бы лишь к незначительным трудностям.

— Патент был соответствующим образом оформлен, сэр. А поскольку протез работает, я уверен, что он будет одобрен. В ином случае нам, вероятно, придется потерять слишком много высококлассных пилотов.— «Иначе говоря, дорогостоящих,— подумал Питер.— Пилотов, на обучение которых было затрачено слишком много средств. Космическому Отряду очень скоро отчаянно что-то такое потребуется».— А это означает, что мой допуск для полетов на «спидах», сэр, можно считать простой формальностью.

Впервые за много лет Скарагоглу почувствовал, как его нижняя челюсть расслабляется, почти готовясь отпасть. «Вот это парень! — подумал он.— Пожалуй, командовать таким бунтарем будет не сладко, зато и не скучно».

Подавшись вперед, он бросил на Редера стальной взор.

— Формальностью, говорите? — холодно переспросил он.

— Так точно, сэр. Если я буду назначен командиром для выполнения подобного задания, простая логика требует, чтобы я был допущен до полетов.

— Вы так считаете? — Брови генерала дошли почти до самого верха его высокого лба. Затем он откинулся на спинку кресла и со вздохом уставился в потолок.— Вижу, ваше недавнее приключение с «Неустрашимым» ничему вас не научило,— небрежно заметил он.

Редер внутренне содрогнулся.

Скарагоглу выключил голодисплей и, подтянув кресло к столу, опять подался вперед, пронзая Питера огненным взором так же умело и беспощадно, как коллекционер пронзает булавкой только что пойманную им бабочку.

— Командир... я хочу сказать, настоящий командир никогда не оставляет свой боевой пост, чтобы к черту-дьяволу оторваться сатана знает зачем. Именно в этом самая суть командования. Вот почему мы ставим задачи, даже когда мы куда скорее бы сами их выполнили.— Генерал сжал зубы.— Да, это не сделает вас популярным. Это будет неверно истолковано на каждом углу. Но именно это делает из вас подлинного вожака. Мне казалось, теперь вы этот небольшой урок уже усвоили.— Тут в его голове ясно зазвучала насмешка.— Или Греттирсон был в своем предписании прав?

Редер с трудом сглотнул слюну. На ум ему снова пришли злые слова капитана Каверса: «Если эта реалия до вас не доходит, можете считать, что занеслись слишком высоко и выше уже не подниметесь». «Но это не единственная причина,— подумал он,— почему я хочу летать».

— Сэр, я вовсе не настаиваю на том, чтобы регулярно летать на задания. Но мне представляется, что при осуществлении подоб-

ной миссии все должны иметь разностороннюю подготовку и быть допущены к выполнению любой задачи. Иначе любой отдельный член команды в какой-то момент может стать мертвым грузом. Лично у меня нет ни малейшего желания в такой ситуации оказаться.— «Выражаюсь я как будто предельно жалобно,— поздравил себя Редер.— Теперь посмотрим, купится на это Паук или нет».

Скарагоглу бесстрастно смотрел на Редера. Какое-то время спустя он перевел глаза на капитана, затем снова на Редера.

— Допущен летать на «спиде» в случае крайней необходимости,— наконец уступил он.

— Степень крайности которой будет определяться мной,— уточнил Редер.

Генерал позволил себе еще одну паузу. Не дело было позволять этому низшему по рангу офицеру думать, будто он тебя за жабры взял. «А кроме того,— подумал Скарагоглу,— было бы в высшей степени непрофессионально показывать Редеру, что он мне нравится. Насколько лучше обуздывать благородного жеребца, чем без конца подпихивать упрямого мула! Сущим наслаждением будет иметь Редера при себе — рискованно, зато интересно». Наконец он едва заметно кивнул в знак согласия.

— Когда мне будет позволено подобрать себе людей? — спросил Питер.

— Если вы не против, я бы порекомендовал вам пару десантных летчиков,— сказал Скарагоглу.— В случае успешного его завершения, это задание может оказаться весьма выгодным для дальнейшей карьеры.

— Так точно, сэр. Я бы приветствовал все предложения, какие у вас найдутся. Особенно поскольку в данном случае предельно важно сгладить все разногласия, связанные с совместным проживанием.— «И это,— с сожалением подумал Редер,— определенно исключает Падди». Здоровенный новоирландец десантников на дух не переносил.

Скарагоглу удовлетворенно потер ладони и мысленно признал, что замечание Редера было прекрасно сформулировано. Коммандер ненавязчиво дал генералу понять, что ожидает для себя права окончательного решения независимо от чьих-то предпочтений, на каком бы высоком уровне они ни формировались.

Скупо кивнув, он встал.

— Итак, мы договорились,— подытожил он.— Детали мы обсудим позднее. Но если вы работаете на меня, коммандер, вы должны четко понимать две вещи. Во-первых, я не потерплю никаких самодеятельных и эгоистичных трюков.— «Вроде того,— было им недосказано,— который тебя прежде всего ко мне и привел».— А во-вторых, вы выполняете мое и только мое задание. Как бы далеко вы от этой базы ни оказались, вы находитесь под моим прямым руководством, представляя там непосредствен-

но меня. Я ожидаю от вас соответствующего поведения.— Генерал долго смотрел Редеру прямо в глаза.— Это вам ясно, коммандер? — рявкнул он.

— Так точно, сэр!

— И это для вас приемлемо? — более мягким тоном спросил он.

Редер немного подумал, прежде чем ответить.

— Так точно, сэр.

Скарагоглу поморщился. «Мои погоны на него давят,— подумал он, слишком хорошо сознавая, насколько пугающим может быть его присутствие — особенно вкупе с его темной и сомнительной репутацией.— Интересно, сознает ли коммандер, что кое-какие из трюков Паука уже с ним работают?»

— Вы свободны,— сказал он. Редер браво отдал честь, и Скарагоглу с экономной точностью ему ответил.

Питер развернулся «кругом» и вышел из кабинета, впервые за последние несколько дней охваченный смутной надеждой. «Кажется, я за соломинку ухватился»,— радостно подумал он.

Тогда коммандеру даже в голову не приходило, какая предельная ирония заключалась в мысли об этом задании как о спасении от безопасной, комфортной канцелярской работы на Земле.

Едва только дверь за Редером закрылась, как Скарагоглу и Сьярхир обменялись долгим безмолвным взором.

— Он мне нравится,— сказал наконец Скарагоглу.

— Не потому ли это, что вам кажется, будто вы способны предугадывать его действия? — спросил Сьярхир.

— Нет, черт побери. Все как раз наоборот. Он мне нравится потому, что я понятия не имею о том, что он предпримет. Хотя, раз уж на то пошло, насчет его желания летать я был совершенно прав,— с легким самодовольством сказал генерал.

Сьярхир со вздохом сожаления кивнул и аккуратно приложил свою кредитную карточку к настольному ридеру, скорбно наблюдая, как устройство отсчитывает солидную часть его зарплаты за прошлый месяц.

— Почему я снова и снова предлагаю вам побиться в таких вещах об заклад?

— Вы тщетно пытаетесь сохранить нетронутой свою ложную самооценку,— с усмешкой отозвался Скарагоглу, скользя большим пальцем по настольному экрану и забирая выигранные деньги.

— Этот парень должен сработать как никто,— с энтузиазмом продолжил он.— Я уже предвкушаю, какая физиономия будет у адмирала Греттирсона, когда я ему славные новости сообщу,— добавил генерал.

— Пожалуй,— сказал Сьярхир,— такое зрелище даже проигранного пари стоит!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующее утро адмирал Эйнар Греттирсон вошел в залу заседаний следственной комиссии с таким видом, будто он всю ночь исключительно уксусную эссенцию употреблял.

«Или просто сам себя изводил,— с кривой усмешкой подумал Редер.— Что к одному и тому же сводится».

Адмирал сидел молча, руки его были сложены перед собой, точно он молился так неистово, как никогда в жизни не сражался.

Немая сцена тянулась до тех пор, пока кто-то из членов комиссии не принялся беспокойно ерзать. Голова Греттирсона медленно поднялась. Бледные борозды пролегли от тонкого носа до опущенных уголков рта; ледяные глаза вспыхнули холодным огнем. Тонкие губы адмирала на мгновение изогнулись, а затем лицо его опять застыло как камень.

— Касательно поведения капитана и команды «Неустрашимого»,— с холодной горечью произнес он,— комиссия обнаруживает, что их действия находились в полном соответствии с высочайшими традициями воинской службы. Комиссия постановляет, что об этом должны быть сделаны соответствующие отметки в личных делах каждого из них.

— Касательно поведения коммандера Питера Эрнста Редера...— Тут Греттирсон умолк, как будто ему было мучительно тяжело выдавливать из себя слова. Затем он перевел дыхание и продолжил.— Ввиду служебной необходимости настоящая комиссия откладывает свое заседание на неопределенный срок... и в будущем вновь соберется для обсуждения данного вопроса.

Тут адмирал грохнул молотком по латунной тарелке, вскочил из кресла и вылетел из залы суда раньше, чем кто-то успел должным образом отреагировать.

Неловкость, смешанная с равной долей удовлетворения, охватила собравшихся. Все они сумбурно поднялись по отбытии адмирала и в неуверенности остались стоять.

«Он этого добился, видит Бог! — с удивлением и облегчением подумал Питер.— Ему это удалось!»

Наконец вице-адмирал Пола Андерсон подалась вперед и сказала:

— Хочу адресовать мои личные поздравления капитану и команде «Неустрашимого». Отличная работа, дамы и господа!

— Правильно, присоединяемся,— высказались остальные члены комиссии, улыбаясь и постукивая своими академическими кольцами по столу в знак одобрения.

— В заседании настоящей следственной комиссии объявляется перерыв,— объявила вице-адмирал и еще раз стукнула молотком. Затем она с улыбкой повела своих коллег к выходу из залы.

У самой двери Скарагоглу обернулся и с коварной улыбкой на смуглом лице погрозил пальцем Редеру.

— Через двадцать минут у меня в кабинете,— изрек он и последовал за остальными.

Каверс тут же крутанул головой, бросая огненный взор на коммандера.

«У него все получилось,— радостно думал Редер, стараясь делать невинное лицо. Затем сердце его вдруг упало.— И теперь я у него в долгу»,— подумал он, размышляя о том, каково ему будет теперь, когда он вручил свою карьеру одному из самых безжалостных людей во вселенной. Пожалуй, это было все равно что продать душу дьяволу. Не зря же генерала Скарагоглу Пауком называли...

Каверс подошел к Редеру.

— Жду вас в моем кабинете в восемнадцать ноль-ноль, коммандер. Так у вас будет масса времени закончить ваши дела с Пау... гм, с генералом.

— Есть, сэр,— откликнулся Редер и отдал честь. Капитан внимательно на него посмотрел и покачал головой. Жест был немного отцовский. «Из-за него я себя маленьким мальчиком на ковре чувствую»,— подумал Питер. Затем Каверс откозырял в ответ и вышел из залы, оставляя Редера в тревоге за оба назначенных ему свидания.

Летать на «спиде» было совсем другое дело, чем на «психе». Пилот почти лежал на спине, пальцы его были размещены в лунках, оборудованных чувствительными датчиками, которые откликались на малейшее движение. Именно легкие движения пальцев умелого пилота заставляли машину выполнять всю головокружительную акробатику, а механизм визуального слежения, встроенный в лицевую пластину и сориентированный на положение глазных яблок, с убийственной точностью стрелял из мощных орудий.

Лицевой щиток также обеспечивал пилоту сто восемьдесят градусов разворота звездного поля, равно как и лобовой дисплей, который накладывался на общий обзор. Несколько раз моргнув, пилот мог довести объект до максимального увеличения. На тех скоростях, которые развивала боевая машина, с теми расстояниями, которые она покрывала, такая система оказывалась весьма полезна.

Сара Джеймс моргнула, снова доводя астероид, который она заприметила, до обычного размера. Кувыркаясь, астероид поблескивал — потому она в первую очередь его для себя и выделила. Ее заданием было рутинное сопровождение торгового конвоя, и Сара всеми силами старалась развеять тоску.

Хотя не так давно сопровождение конвоев не было таким уж рутинным занятием. Особенно в непосредственной близости от прыжковой точки. И все же ситуация заметно улучшилась, когда торговые суда начали оснащать настоящими орудиями и тренированными расчетами для их обслуживания. С тех пор ряды пиратов заметно поредели.

Впрочем, как и с естественным отбором, результаты порой оказывались не совсем такими, какие были желательны. Теперь человечеству противостояли самые что ни на есть смертоубийственные пираты — твари, способные дышать в вакууме и питаться инсектицидами.

Сара оглядела конвой грузовых судов. Рядом с самыми маленькими из ее подопечных ее «спид» смотрелся как воробей рядом с крокодилами. Впрочем воробей этот был предельно смертоносен. Несмотря на то что корабли конвоя были теперь в достаточной мере вооружены, маневренности «спида» им остро недоставало.

Грузовые суда там были самые разные. Некоторые — новенькие, сверкающие, только что с верфи, некоторые — старые, но ухоженные, а некоторые, раз уж на то пошло,— едва ли пригодные для космических полетов.

Сара нагнула голову и немного пососала трубку подачи воды. Приборы с легким свистом автоматически проверяли все небесные тела, какие только попадались по дороге. Пока что сплошь астероиды. Капитан-лейтенант нахмурилась. Слишком уж много астероидов.

— А что, компьютер, в этом коридоре всегда столько мусора? — спросила она.

— Проверяется,— откликнулся бортовой компьютер.— Поразному, капитан-лейтенант,— секунду спустя доложил он.— Однако у меня нет никаких предыдущих донесений о присутствии в данном поле астероидов такого крупного размера.

«Интересно»,— подумала Сара.

Поля астероидов так просто не возникали. Верно, тела как мелкие, так и крупные постоянно дрейфовали по космосу, но было крайне маловероятно, что ниоткуда вдруг появится конгломерат таких крупных камней и что никто его не заметит. Компьютер показывал, что в среднем они составляли не менее пятидесяти метров в длину и, в зависимости от угла, не менее тридцати в ширину.

«Прежде всего,— хмурясь, подумала Сара,— они представляют собой навигационную опасность, а значит, при инструктаже мне должны были в первую очередь о них рассказать. Кроме того, здесь явно мелких кусков недостает. Пожалуй, моя жизнь становится более увлекательной»,— подумала она, чувствуя, как ее подозрения крепнут.

Не могли же они тут ни с того, ни с сего на глаза попасться.

— Эскорт конвою,— сказала Сара, а затем произнесла кодовую фразу, после которой купцы должны были привести себя в боевую готовность: — Вас сносит. Скорректируйте ваш курс по отношению к ведущему на десять градусов.

— Конвой эскорту,— отозвался удивительно юный голос.— Это «Королева Мария-Хуана». О чем вы говорите? Мои приборы показывают, что мы идем абсолютно точно.

Сара изумленно раскрыла глаза. «Что еще за чертовщина?» — подумала она.

— Если вы, «Королева Мария-Хуана», сверитесь с документами инструктажа, оттуда вам станет ясно, что здесь командую я. И если я приказываю вам скоординировать курс на десять градусов, значит, вы должны скоординировать курс на десять градусов,— громко и выразительно произнесла она, надеясь, что кто-то поблизости от этого ребенка все-таки прочел инструкцию.

— Прос-ти-те, гос-по-жа! Если я изменю курс на десять градусов, мы станем большим серебристом пятном на одном из вон тех камней.

«Кто-нибудь, дайте мне силы»,— взмолилась Сара к тем, кто мог ее слышать.

После длинной паузы она рявкнула:

— Дайте мне с вашим капитаном поговорить.

Юнец оставил связь включенной, и она услышала, как он кричит:

— Па! Па-па!

«Боже милостивый»,— подумала Сара. Она знала о том, что купцы натаскивают своих детей, позволяя им помогать на судне. Но, безусловно, даже на самом паршивом корабле должны были понимать, насколько недопустимо, минуя опаснейший участок переправы, оставлять на капитанском мостике, судя по голосу, пацана лет двенадцати!

Капитан Папа пришел с недовольным ворчанием.

— В чем дело? — спросил он.

— Сэр,— произнесла Сара, буквально отчеканивая каждое слово.— Если бы вы в полном соответствии с документами инструктажа скоординировали ваш курс на десять градусов, я бы очень высоко это оценила.

— Да о чем вы толкуете? У нас абсолютно верный курс!

«А-а, черт бы тебя побрал!» — не выдержала Сара.

— Вы вообще-то документы инструктажа читали? — поинтересовалась она.

— Не-а.

— Так пойдите и прочтите! А я пока подожду! — «И если пираты где-то поблизости,— подумала Сара,— и если они ловят все эти бары-растабары про документы инструктажа, десять градусов и тому подобное, если они врубаются в эти толчки локтем, пинки под партой, то они сейчас с каждой минутой все сильней и опасней. И, черт побери, если я следующие двадцать минут переживу, то дайте мне только до этого парня добраться! Я ему так мозги прочищу, что мало не покажется!»

— Ах, простите,— со слоновьим тактом выговорил капитан «Королевы Марии-Хуаны».— Скоординировать курс на десять градусов. Есть, мэм! — И он прервал связь, даже своей фамилии Саре не сказав.

— Фиксируется нейтринный поток,— спокойно сообщил компьютер. Перемигивающиеся огоньки указывали на четыре самых

крупных астероида.— Сигнал соответствует запускаемым корабельным силовым установкам.

«Пошутили и будет»,— саркастически подумала Сара, машинально приводя оружие к бою.

— Определить, что идет первым, что вторым и так далее,— приказала она компьютеру. Перемигивающиеся огоньки сделались красными, желтыми, голубыми и зелеными соответственно. Дальше подошел тот момент, который Сара больше всего ненавидела.— Неизвестные корабли, прошу вас немедленно себя назвать, или я открываю огонь.

С одной стороны, глупо было предупреждать врага. А с другой — это было неизбежно. Люди вечно делали всякие глупости — например, прятались в кустах, когда отряд возвращался с охоты, трясли их и рычали. Схожим образом это могла быть группа бродячих купцов, надеющаяся присоединиться к конвою, а вовсе не пираты. Так или иначе, тот, кто сперва нажимал на спусковой крючок, а потом думал, мудрым в Космическом Отряде не слыл. Сара заставила себя досчитать до десяти, после чего решила, что уже достаточно.

Как только корабль, помеченный красным, вырвался из своего укрытия, Сара в него выстрелила. Пучок частиц из термоядерной пушки встретился с куском камня, обращая его в мелкую, но очень высокоскоростную шрапнель, которая врезалась в пирата прежде, чем он успел набрать достаточно «дельта-вэ» для бегства. Передняя часть фюзеляжа налетчика, выходя из управления, закрутилась и врезалась в массивный борт одного из грузовых судов, исчезая в тумане застывшего воздуха и летучих веществ с обоих кораблей.

Сара вздрогнула, надеясь, что жертв будет не слишком много. Впрочем, всю катастрофу она наблюдала лишь периферическим зрением. К тому времени она уже успела выстрелить в мигающий желтым астероид и, судя по всему, уничтожила скрывающийся за ним корабль. Но голубой и зеленый уже вышли из укрытия и теперь неслись прямо на нее.

«Приличные машины,— подумала Сара,— размером почти с корвет». Пиратские суда обычно строились как попало, и силовые установки у них часто оказывались слишком мощными для их массы. Им требовалось не только заниматься делом мародерства и разбоя, но и иметь возможность вовремя сбежать.

Голубой налетал агрессивно, тогда как зеленый отстал. Пальцы Сары слегка дернулись в наличканных датчиками перчатках, и небольшой огонек запульсировал в углу ее зрения — датчики ракеты брали зеленого на прицел.

— Пошла,— бесстрастно сообщил бортовой компьютер, и «спид» на мгновение дрогнул, когда ракета отлетела. Сара пустила машину в перекат и включила энергетическое лучевое заграждение для мистера Голубого...

«Осторожно,— напомнила она себе,— не теряй голову». Выйдя из круговерти, она обнаружила, что ее противники тоже прекрасно со всеми фортелями справились.

— А, ч-черт,— выдохнула Сара, увидев пропадающий нимб плазмы в том месте, где орудие ближнего боя перехватило ее ракету.

Теперь эти двое приближались уже с несколько большим к ней уважением. Но сражаться по-прежнему жаждали.

— Дальнейший курс,— сказала Сара бортовому компьютеру и нанесла кривую, которая должна была расположить пиратов между ее «спидом» и купцами с их недавно потяжелевшим вооружением. Но даже в тот момент какая-то часть ее разума думала о фоне неисчислимых звезд, чистым и ярким разноцветием горящих в вакууме.

«Отвлечем-ка мы мистера Голубого»,— подумала Сара и перевела плавную петлю «спида» в нырок, почти такой же резкий, как у крылатого корабля в атмосфере. Сделав ложный выпад в сторону голубого, она дала залп по зеленому. «Спид» слегка задрал нос, когда из него вырвался невидный для человеческого глаза пучок частиц, но четко отмеченный в обзоре ее шлема системами боевой машины...

Ого. Вот это уже было видно даже невооруженному глазу — корона света распространялась вокруг зеленой отметки, которую нарисовал в ее обзоре блок датчиков. Всякий, кто хоть раз видел бой в космосе, безошибочно узнал бы происходящее — бак реактора потерял герметичность, антиматерия пришла в контакт с обычной материей... и остальная часть пиратского корабля стала теперь расширяющимся шаром ионизированного газа.

Голубой промелькнул мимо по угловому курсу, а потом круто пошел вверх. Сара сбросила скорость и пошла в кильватере корабля; погоня была плотная, но «спид» развивал куда большую скорость в нормальном пространстве, чем корабль, обремененный способностью к межзвездным перелетам, даже такой компактный и мощный, как пиратский корвет.

Либо ты одолевал пиратов, либо они тебя, но этой швали ни в коем случае нельзя было позволить так просто сбежать.

«Огневое решение»,— подумала Сара. Для лучевой атаки здесь было слишком много полей и частиц большой энергии, а вот ракета...

— Неопознанный объект на хвосте,— с неприличным спокойствием объявил ей компьютер.

Сара охнула, и с резким приливом адреналина ее руки задергались в перчатках, стремительно переводя «спид» на случайный курс. Но тут она почувствовала жесткий удар, и машину затрясло как старый носок в пасти у добермана. Индикаторы вспыхнули, пошли от зеленой до красной черты и дальше, пока системы отказывали, а сквозь всю щитовую обшивку проносилась губительная вторичная радиация...

Панель управления опустела, а энергия с замедляющимся воем отключилась, оставляя Саре лишь мигающий сигнал «ВЫ УНИЧТОЖЕНЫ».

Сара сидела в темноте и дулась.

«Откуда, черт побери, взялся этот объект? — недоумевала она.— Почему компьютер мне не сказал, что рядом были свежие нейтринные сигналы?»

— Имитация закончена,— официальным голоском объявил компьютер.— И пилот, и «спид» полностью уничтожены. Вероятный результат упражнения — потеря одного торгового корабля.

Сара вздрогнула и стала прикидывать, в чем же заключались ее ошибки. «Во-первых,— припомнила она,— я не удостоверилась, что все команды на капитанских мостиках купцов ознакомлены с планом».

Наконец Сара устало оттолкнула вверх шлем и отстегнула ремни. Дверь в имитационную открылась, и туда, пустив внутрь волну прохладного, стерильного станционного воздуха, заглянул оператор. Поднявшись с сиденья пилота, Сара вышла наружу, готовясь снисходительно принять неизменную порцию беззлобного операторского юмора.

— Вы здесь и впрямь превосходно справились, капитан-лейтенант,— с улыбкой, но вполне уважительно похвалил ее специалист.— На этой имитации более высокие баллы были только у коммандера Редера.

Сара удивленно приподняла брови.

— Редер тоже эту имитацию проходил?

— Так точно, сэр. Он здесь почти каждый день. Новый протез, который ему лейтенант Роббинс изготовила, работает безотказно. Он теперь любого на борту запросто сможет обставить. Если, конечно, его до полетов допустят,— закончил оператор и развел руками.

Сара лишь хмыкнула в ответ и пошла прочь — писать рапорт по имитации. Рассказ оператора немного поднял ей настроение, поскольку она поняла, что Питер не сдается. Вообще говоря, пилота «спида» мало чем можно было всерьез расстроить. Одним из немногих способов это сделать было крылья у него оторвать. Твердый настрой Редера вернуться в «спид» Сару порадовал.

«Хотя почему бы это? — подумала она затем, качая головой.— Ведь это не мое дело». Тут она остановилась, задумчиво склонила голову набок и вернулась к оператору.

— Значит, у меня второй рейтинг по этой имитации на борту? — спросила она.

— Так точно, сэр.— Специалист ухмыльнулся.— Неофициально, разумеется, ибо только во власти капитана вам об этом объявить.

Сара ухмыльнулась ему в ответ и подняла вверх оба больших пальца. «Я принята! — радостно думала она, уходя прочь.— Те-

перь все, что мне нужно, это от передозировки тестостерона воздерживаться».

Питер беспечно гулял, время от времени отдавая кому-то честь. Теперь, когда он знал, что надолго здесь не останется, коридоры станции уже не казались ему такими уж узкими и тесными. Даже рециркулированный и «облаговоненный» воздух пах намного приятнее...

«С другой стороны,— подумал Питер,— я иду не куда-нибудь, а на встречу с Его Арахнидством десантным генералом Скарагоглу». Впрочем, даже этого было недостаточно, чтобы испортить ему настроение... но затем он завернул за угол и обнаружил, что прямо ему навстречу идет адмирал Греттирсон. Стоило Греттирсону заметить Редера, как зубы адмирала так резко оскалились, будто его за задницу ядовитыми жвалами хватанули.

Питер сбавил ход, но продолжал идти. Когда они сблизились, он браво отдал честь и отступил у сторону.

Адмирал тоже сбавил ход, а затем и вовсе остановился, стоя вплотную к Редеру. Отданием чести он ему не ответил. Редер упорно держал глаза долу, опасаясь нервного смеха, который бы сразу же его выдал. Примерно в таких ситуациях он обычно из него вырывался.

Как объяснить человеку, столь серьезно к себе относящемуся, что ты смеешься вовсе не над ним? «Я смеюсь не над вами сэр, а над ситуацией». «Так я и есть эта ситуация, Редер». «Но я смеюсь не над вами, сэр». «Тогда почему вы смеетесь, Редер?» «Я смеюсь, потому что... потому что... Просто, сэр, потому что потому». Ох, и сколько же раз ему приходилось подобные разговоры вести. «Но ведь ты не хочешь,— подумал Редер,— чтобы этот человек решил, будто ты над ним потешаешься».

Греттирсон подавался к нему все ближе, пока Редер не ощутил на своем лице его горячее дыхание.

— Мел-кий соп-ляк! — негромко произнес адмирал.

Редер резко вскинул голову и встретился со всей мощью гневного взора голубых, холодных как лед глаз Греттирсона.

— Ты ведь думаешь, что ты меня одолел, верно? — спросил адмирал, подаваясь еще ближе.— Ты, надо полагать, прямо сейчас надо мной потешаешься?

«Никак нет, сэр! Я над вами не потешаюсь!» — Но Питер чувствовал, как смех щекочет ему ребра. Он помотал головой, стараясь придать себе искренний вид. «Ох, Редер, Редер,— умолял он себя.— Только не улыбайся, не улыбайся». Пот выступил у него на лбу, пока он с трудом справлялся с собой.

— Вот, что я скажу тебе, щенок.— Зубы адмирала были стиснуты, а желваки так и плясали от напряжения.— Ты можешь

думать, что от чего-то здесь отделался, но тебя ждет огромный сюрприз. Я свой долг знаю. Ничто не может мне помешать в исполнении моего долга. А моим долгом является ставить жадных до славы проходимцев вроде тебя туда, где они хороших, настоящих людей убивать не смогут.

Тут Греттирсон сделал паузу, тяжело дыша через нос, его тонкие губы были плотно сжаты, а от щек отлила вся краска. Питер чувствовал, как напряжены все мышцы старика. Впечатление складывалось такое, что сделай коммандер хоть шаг, адмирал тут же на него набросится. После того, что показалось Редеру вечностью, Греттирсон, похоже, снова взял себя в руки.

— Если ты переживешь ту забаву, которую Паук для тебя запланировал...— Тут адмирал улыбнулся и кивнул.— Тогда я намерен отправить тебе приглашение, от которого ты отказаться не сможешь.

«Приглашение? — задумался Редер, лихорадочно пытаясь прикинуть, что конкретно имеет в виду адмирал.— Он просто хочет меня под трибунал отдать или у него есть задание еще более убийственное, чем то, которое может найтись у Скарагоглу? Приятно слышать». Любой вариант гарантированно обеспечивал ему жестокую бессонницу.

Указательным пальцем Греттирсон крепко ткнул коммандера в грудь.

— Ты, щенок, только что нажил себе врага, которого просто не можешь себе позволить.

«У меня в бюджете, сэр,— подумал Редер,— вообще никакие враги не значатся. Особенно адмиралы».

Греттирсон снова подался к нему.

— Так что следите за своим тылом, коммандер.— Он поколебался, а затем резко откозырял.

Редер опустил руку и стал наблюдать, как адмирал удаляется. Его слегка потряхивало.

«А этот старикан почти до ручки дошел»,— подумал он. Но даже при всем при том, отметила какая-то другая часть Редера, адмирал не смог заставить себя не отдать коммандеру честь. Хотя это дорого ему обошлось. И тут Редер ощутил к старику наверняка не слишком желанную для адмирала жалость. «Потерять корабль, почти всю команду, да еще и родного сына,— подумал он,— это, должно быть, худшее, что с человеком может случиться». Но это вовсе не означало, что коммандер имел намерение получать от кого бы то ни было по шее в отместку за безжалостное поведение безразличной вселенной.

«Следует ли мне упомянуть об этой... гм, встрече Скарагоглу? — задумался Питер.— Пожалуй, нет. Вряд ли десантный генерал оценит что-то, хоть отдаленно смахивающее на нытье. С другой стороны, он наверняка желает быть информированным. Тогда мне неплохо бы еще разок со Сьярхиром выпить».

Редер задумчиво продолжил свой путь, чувствуя себя уже куда менее беспечным.

К вящему удивлению Питера, когда секретарь Скарагоглу провел его во внутренний кабинет, перед столом десантного генерала, потягивая спиртное, сидел капитан Каверс, выглядя при этом так, словно он уже немало там посидел. Легкий аромат превосходного табака и солодового виски примешивался к неизбежному станционному запаху рециркулированного воздуха, металла и синтетики.

Редер отдал честь, и старшие по рангу офицеры ему ответили. Теперь он чувствовал на себе их до неловкости острые взоры, подобные прицельным лазерам самонаводящейся ракеты. У него было ощущение, что они ожидают от него какого-то очень умного поступка.

Но какого?

— Сядьте, коммандер.— Откинувшись на спинку кресла, Скарагоглу понаблюдал, как Питер садится. Затем он подался вперед и подтащил кресло поближе, ставя локти на стол.— Я тут очерчивал капитану Каверсу самые контуры плана,— сказал он, указывая на капитана «Непобедимого».— А теперь, когда вы здесь, мы можем и некоторую специфику затронуть.

Общий срок задания составит тридцать дней. «Непобедимый» войдет в мокакский космос ради того, что будет выглядеть как разведывательно-рейдовая миссия. Мы располагаем кое-какой достоверной информацией, и она позволит вам сесть на хвост одному пирату, которого мы выслеживаем.— Он передал капитану дискету.— Вот его досье. У него там три настоящих «спида», четыре сработанных мокаками копии и одно самопальное чудище, которое тем не менее умудряется наносить колоссальный ущерб. Главный корабль — это давным-давно построенный на Земле крупный транспорт с форсированными моторами. Наши информаторы утверждают, что мокаки так ценят товары, которые он перевозит, что даже обеспечивают ему эскорт.— Он мрачно улыбнулся и кивнул Каверсу.— Так что вашим людям будет, обо что зубы поточить. Однако в любом случае оставьте по меньшей мере один мокакский корабль, чтобы он с плачем и стонами отправился домой к Толкователям. Когда вы загоните его достаточно далеко и будете уверены, что он уже на вас не огрызнется, отзывайте ваши «спиды» и передислоцируйтесь вот в это место.

Генерал вызвал на столе голоснимок поля астероидов, который он вчера вечером уже показывал Питеру.

— Прежде чем вы уйдете, господа, я дам каждому из вас дискету с этой голограммой.— Тут Скарагоглу кивнул Каверсу.— Да, капитан, это очевидная работа для легкого авианосца,— сказал он.— «Непобедимый» быстр, невелик, но при необходимости отвешивает славные тумаки, а самое существенное — он

может перевозить массу «спидов». Даже больше, чем мы первоначально планировали. Ваше последнее задание это доказало.

— На сколько в данном случае больше?

— На шесть. На предполагаемой базе больше мы спрятать просто не сможем.— Скарагоглу коснулся лазерной указкой шахтерского бункера и увеличил изображение. Затем он повернулся к Питеру.— Гравитации здесь нет, и ничего с этим поделать нельзя. Любая перемена в этой зоне привлечет внимание, и мы не можем рисковать. Так что вам просто придется с этим смириться. Но это может стать существенным фактором при подборе вашей команды.

Редер кивнул. Болезнь космической адаптации действительно становилась здесь фактором, пусть даже не самым значительным. Большинство пилотов «спидов» лишь в малой степени страдали БКА, но тот, у кого она вызывала тошноту, оказывался определенной помехой. Особенно в таком месте, где наверняка была паршивая фильтрация воздуха.

— Ваши «спиды» будут специально оборудованы особенно тяжелым вооружением.— Скарагоглу ухмыльнулся.— Это должно сделать вас ровней почти всему, с чем вы можете столкнуться. При встрече с пиратами вступайте в бой,— сказал он.— Если сможете взять их в плен, заприте негодяев на их же собственном корабле. Выведите из строя их двигатели, орудия и средства коммуникации. А потом посадите их под замок, отрезая от всего более существенного, чем камбуз и гальюн.— Тут он задумчиво потянул виски.— Пожалуй, после того, как вы возьмете первое судно, лучше всего будет выкачивать из остальных горючее, а потом их уничтожать. Для содержания всех пленных одного корабля будет вполне достаточно; меня очень мало заботит, если они там не поладят. С тем оружием, которым вы будете обеспечены, вы там в округе ничего, кроме кучки дрейфующих атомов, не оставите. Если попадется корабль слишком большой, чтобы его уничтожить, заведите его поглубже в поле астероидов и там разбейте.— Острые карие глаза генерала встретились с глазами Редера.— В то же время я не хочу, чтобы вся эта публика обижалась на то, что у вас недостаточно людей, чтобы с ней нянчиться. У пленных будут воздух, вода и пища, а все остальное уже зависит от них самих.

Если, однако, вы встретите грузовые суда Содружества, перевозящие грузы мокакам, вы возьмете их с минимальными потерями в живой силе. Запирайте команды на их кораблях, а сами корабли прячьте в поле астероидов, пока не появится возможность проводить их до дома посредством «Непобедимого». Излишне говорить о том, что контрразведка будет очень заинтересована в любой информации, какую вам удастся раздобыть.

— А как насчет мокакских патрулей или грузовых судов, сэр? — спросил Редер.

Десантный генерал плотно сжал губы.

— Мокаки — наш враг, коммандер. Обращайтесь с ними соответственно. Причем, атакуя мокаков, вы будете изо всех сил представляться пиратами. Мокакские патрули,— продолжил он,— это справедливая игра. Уничтожайте их, если можете. А вот грузовые суда — проблема более деликатная. По нашим понятиям, они гражданские. Но по мокакским стандартам, члены их команд — такие же солдаты, как и на любом военном корабле.

И Скарагоглу многозначительно развел руками.

«Ого,— подумал Питер.— Обычно старший офицер так разводит руками, когда хочет сказать: поступайте по своему усмотрению». И чаще всего это переводилось следующим образом: «Если все будет в порядке, все выгоды мне; если же вы напортачите, козлом отпущения быть вам». В Содружестве существовала долгая традиция джентльменского обращения с гражданским населением; с другой стороны, в Содружестве не существовало долгой традиции сражения не на жизнь, а на смерть с достойным противником.

— Если мы расценим их как мирных граждан, сэр, тогда я буду обращаться с ними как с таковыми,— сказал Редер.

Скарагоглу улыбнулся.

— Я знал, что вы это скажете, коммандер.— Он погрозил Питеру пальцем.— Но помните — они будут драться как солдаты и считать себя солдатами. Так что обращайтесь с ними с подобающей осторожностью. Естественно, ближе к концу вашего пребывания позвольте какому-то числу мокаков спастись, дабы рассказать Толкователям о всех тех пиратских гнусностях, с которыми им довелось столкнуться. Если вы все сделаете, как надо, они никогда не заподозрят, что это мы. Целью данной операции является не просто нарушить вражеские грузоперевозки; не менее важная цель — дезинформация.

Он вопросительно поднял брови и смотрел на Питера до тех пор, пока коммандер не кивнул.

— Вот и хорошо.— Десантный генерал передал Питеру и Каверсу по набору дискет.— Здесь подробности касательно самого места и базы, инструкции по заданию и ваши приказы. А здесь,— тут Скарагоглу взглянул на Питера,— личные дела тех десантников, про которых я вам говорил.— Он отдал ему дискеты.— Если у вас возникнут какие-то вопросы в связи с этими материалами, свяжитесь со мной через капитана.— Он кивнул на Сьярхира, который тихо сидел в углу.

— Пиратский корабль, за которым отправляется «Непобедимый», имеет очень подходящее название — «Привал головорезов», и он будет проходить прыжковую точку через три недели.— Тут Скарагоглу недовольно поморщился.— Если только они там не перепьются и про все на свете не забудут.

Редер и Каверс вежливо улыбнулись.

— Да, времени не так много. Но я отдал приказ, чтобы ваше снабжение имело высший приоритет, так что я не представляю

себе, чтобы квартирмейстер, как это обычно водится, стал вам зубы заговаривать.— На сей раз уже Скарагоглу улыбнулся, и куда менее вежливо.

«Эх-ма»,— подумал Питер. Мало кто мог обсуждать со Скарагоглу процедуру, когда у него было добро на приоритетную миссию от Главнокомандования. Проблема заключалась в том, что десантный генерал понимал это и как мог смаковал.

«Этот господин знает, что делает,— подумал Питер.— Беда в том, что он все эти подзатыльники он отвешивает с наслаждением. И работать с ним порой немного тревожно. Что касается Каверса, то я уверен — что бы ни случилось, он меня поддержит. Черт побери, ведь он действительно меня поддержал, когда его и самого к стенке приперло. А вот Скарагоглу... все, что знаю про Скарагоглу, это всевозможные слухи, а также что его Пауком кличут».

Скарагоглу откинулся на спинку кресла, и под его могучими плечами оно слегка заскрипело.

— Есть вопросы? — поинтересовался он.

— Так сразу, сэр, на ум ничего не приходит,— ответил Каверс.— Возможно, когда я просмотрю эти материалы, у меня что-то такое возникнет.

Десантный генерал любезно кивнул и повернулся к Питеру.

— Так у меня есть право подбора личного состава, сэр? — спросил тот.

Скарагоглу кивнул.

— Всего за семь дней я должен буду собрать своих кандидатов с базы «Онтарио» и с «Непобедимого»,— сказал Редер.— Будет ли мне обеспечен доступ к личным делам?

— Да, и фактически неограниченный,— щедро пообещал генерал.— Ваш путь свободен, и рельсы смазаны.— Он одарил Редера улыбкой.— Только смотрите не привыкайте.

— Есть, сэр,— ответил Питер, тоже с легкой улыбкой.

— Итак, господа, если пока больше ничего...— Десантный генерал поднялся из кресла, и они встали вместе с ним. Он протянул руку Каверсу, затем Редеру.— Желаю удачной охоты, и да будут с вами Бог и пророк его.

— Благодарю вас, сэр,— дружно пробормотали оба и вместе вышли из кабинета.

Почти весь долгий путь обратно до «Непобедимого», пока они пробирались по мириадам коридоров базы «Онтарио», каждый был потерян в собственных мыслях.

Наконец Питер откашлялся и спросил:

— Вы все еще хотите с мной увидеться, сэр?

Каверс искоса на него глянул и покачал головой.

— Уже нет смысла,— со скорбной улыбкой отозвался он.— Меня самого этот старый негодяй вокруг пальца обвел. Кто я такой, чтобы вам всякие предостережения делать?

Затем капитан вдруг улыбнулся.

— А впрочем, это именно то, на что был рассчитан «Непобедимый». И я действительно подавал запрос на новое задание.

— Другими словами, сэр, вы как раз тот тип гонца за славой, за принадлежность к которому вы хотели с меня стружку снять?

На мгновение Редеру показалось, что он слишком далеко зашел, но затем капитан беззлобно пожал плечами.

— Пожалуй, сынок, можно и так сказать. А еще — что я предельно на своей работе сосредоточен. Пожалуй, это примерно то же самое поведение, но только когда гормональные штормы твоей юности уже далеко позади. Ладно, идем; нам обоим теперь чертову гору работы предстоит своротить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бодрой походкой Редер вошел в свой кабинет и сел за стол, буквально излучая энергию. Он немного потер ладони, размял пальцы и запросил к себе на компьютер личные дела. Во всей этой заварухе определенно была светлая сторона. Даже две светлые стороны. Во-первых, если у Редера все получится, и он уцелеет, он сослужит военным усилиям серьезную службу; это было само по себе хорошо, но сейчас, в данный момент его более чем богатой на всевозможные события карьере, это, не мог не признать Редер, просто позарез ему требовалось. А во-вторых...

«Все те, кого я запрошу, и все то, что мне потребуется.— Редер так широко ухмыльнулся, что аж больно стало. Лучшего предложения просто нельзя было получить.— И я намерен воспользоваться всеми преимуществами щедрости славного генерала,— подумал он с лукавой усмешкой.— Такой карт-бланш бывает только раз в жизни. Сегодня Рождество, и солнце сияет. Сказочная пора!»

Имена развернулись на экране; из всего списка он отметил те, которые ему требовались, и компьютер расположил их для него в очередь. Затем Питер хлебнул какао из чашки, которую прямо в протянутую руку поставил ему механический ординарец.

«Итак,— подумал коммандер,— сперва лучше определить короткий список. У нас будут шесть «спидов», и мне нужно как минимум четыре альтернативных пилота. Всего десять. Сокращенная команда обслуживания — это по трое на каждую машину. Затем нужны еще шестеро для охраны, разведки, медицинского ухода...»

Были два человека, от которых Редеру приходилось отказываться по чисто практическим причинам. Во-первых, Падди Кейси — из-за его ненависти к десантникам. «А если Скарагоглу хочет подключить десантников,— грустно сказал себе Питер,— они там будут». Не мог он также взять с собой и второго лейтенанта Синтию Роббинс. Ее манеры, благодаря тесной дружбе с импульсивным Падди, резко улучшились, но Синди по-прежнему не хватало тех самых наиважнейших навыков человеческого общения.

«А в ситуации постоянного стресса и примитивных удобств,— подумал Редер,— например, как в шахтерском бункере на вражеской территории, совсем ни к чему, чтобы кто-то проедал тебе плешь только за то, что у тебя на «спиде» свежая царапина появилась».

А Синди непременно стала бы это делать. Она любила «спиды» и заботилась о них так, точно они были породистыми жеребцами, любимыми овечками или младенцами... «Да поможет Господь тем детям,— подумал Питер,— которые в конце концов у нее появятся». Зато с пилотами «спидов» Роббинс была склонна обращаться так, словно они были сменными деталями сомнительного происхождения, которые вечно функционировали не так, как им полагалось. Наверняка она страшно сожалела о том, что никому так и не удалось создать по-настоящему автономный бортовой компьютер. Порой Редеру даже казалось, что ей бы самой хотелось таковым стать.

Поэтому, ради блага самой Синтии, а также желая сохранить ее недавно завоеванную и очень хрупкую уверенность в себе, не говоря уж о собственном душевном здоровье, Редер пробежал мимо ее имени в списке, даже на секунду не задержавшись.

Теперь Падди. Вот это было имя, мимо которого ему никак не хотелось пробегать. «Он идеален во многом,— сожалел Питер.— Фантастический инженер, изобретательный, быстрый и знающий. И мне он, черт возьми, нравится». Тут коммандер покачал головой. Нет, невозможно. Кроме того, это было бы несправедливо. Падди по-настоящему хотел поступить на офицерские курсы, а посадить его в тесное помещение с десантником было все равно что красной тряпкой перед носом у быка помахать.

Редер устроился поудобнее и стал изучать свою команду. Менее чем за час он удвоил число необходимых ему людей и расписал им время для собеседования. «Старшина как раз зудел о том, чтобы я прямо сейчас подготовил служебные характеристики за неделю,— подумал Питер.— Они станут отличным прикрытием». И никому не требовалось знать, что эти люди были рассмотрены как кандидаты для задания и отвергнуты.

Питер ощутил мимолетное сожаление, что он также не может взять с собой главного старшину ар-Рашида, и вздохнул. «Ладно,— подумал он затем,— надо же хоть кого-то здесь оставить, чтобы за лавкой присматривать. И за Синди. А то вдруг она опять за свои штучки возьмется».

Тут в дверь его кабинета постучали, и Редер крикнул:

— Входите.

Дверь скользнула в сторону, и Падди сунул голову в кабинет подобно черепахе, пробующей воздух вокруг своего панциря.

— Чем могу служить, старшина? — спросил Редер, сразу же заинтересовавшись. Робость была не в стиле Падди.— Садитесь,— предложил коммандер, указывая на стул.

Здоровенный рыжеволосый новоирландец протопал к стулу и, усевшись, буквально его затопил. А затем посмотрел на Редера

из-под густых рыжеватых бровей с печальным выражением на лице цвета вареной говядины, если только можно представить себе вареную говядину с голубыми глазами и веснушками.

Внезапно Питер вообразил себе Падди семилетним пацаном в полосатой фуфайке, горестно сожалеющим о какой-то дурости, которую он выкинул. Контроль за своими лицевыми мышцами входил в число необходимых офицерских навыков; поэтому выражение лица коммандера осталось нейтрально-дружелюбным.

— Ну, старшина, выкладывайте. В чем проблема?

Кейси сделал такой глубокий вдох, что чуть было пятки себе не надул, а потом испустил выдох столь экспрессивный, что получилась почти песня. Наконец он положил перед Питером дискету.

Бросив косой взгляд на старшину, Питер взял дискету и вставил ее в компьютер, вызывая содержащуюся там информацию. Мгновение спустя от того, что он там прочел, его плечи тоже поникли.

— Мне правда очень жаль, Падди,— совершенно искренне посочувствовал он новоирландцу.

— Эх-ма, и ведь я сам во всем виноват,— отозвался здоровяк.— Если бы мне только вечно не требовалось доказывать кулаками то, что надо мозгами доказывать. Тогда у меня не было бы такого личного дела, от которого даже монашка материться бы начала.

Редер снова взглянул на письмо на экране.

«...к несчастью, неоднократные нападения на членов рядового и сержантского личного состава, и даже на офицеров, вынуждают нас сделать вывод о том, что для кандидата в офицеры вам прискорбно недостает необходимой дисциплинированности».

Питер покачал головой. Если по-честному, он не мог их винить. Взглянув на Падди, он подумал: «Пусть даже этот верзила сам с ними согласен. Какая жалость, что у него такой бешеный темперамент, иначе я бы много чего мог ему предложить».

— Мне нужна ваша помощь, сэр,— скромно произнес Падди.

Брови Питера подскочили к макушке. Падди? И скромность?

— Я могу написать им рекомендательное письмо в вашу пользу, старшина,— предложил он.

— Не-е.— Падди пренебрежительно махнул рукой, затем поднял голову и посмотрел Редеру прямо в глаза.— Вы сами знаете, что они это письмо просто к делу подошьют.

Брови коммандера подскочили еще выше.

— Так чего же вы от меня хотите? — «Этот парень, случайно, не собутыльника ищет?» — подумал он.

— Мой план, значит, вот чем хорош,— начал Падди, подаваясь вперед на стуле.

«План?» — с подозрением подумал Редер.

— Помогая мне, сэр, вы сами себе поможете.

«Похоже, в этом разговоре уже два „сэра“,— подумал Редер.— Чего бы он там ни хотел, это круто».

Падди весь подтянулся, его голубые глаза заискрились. Затем он одарил коммандера уверенной улыбкой и произнес:

— Я иду добровольцем, сэр.

Питер аж вздрогнул.

— Куда...?

Старшина усмехнулся и заговорщически подался вперед.

— Вы сами знаете.— Падди дернул головой налево.— На то, очередное.

— Чего-чего?

«На то, очередное? — ошарашенно подумал Питер.— Это еще что за чертовщина?»

Падди закатил глаза, затем одарил коммандера насмешливым взором.

— Ну, на то очередное дельце, которое тот десантный генерал затеял,— хрипло и нетерпеливо прошептал он.

Челюсть у Редера отпала. «Что же дальше? — подумал он.— Объявление по общегалактической сети: «Коммандер Редер отправляется на сверхсекретное задание, всем желающим предложено ознакомиться с деталями»?

Падди снова подался вперед и принялся горячо ему объяснять.

— Я ваш человек, сэр. Вы знаете качество моей работы, вы знаете, что можете положиться на меня, чтобы работа была проделана, чего бы это ни стоило...

Редер махнул рукой, останавливая поток заверений.

— Вы блестящий инженер, Падди, и никто не сомневается в вашей преданности или отваге. Или изобретательности.— Тут Редер умолк, а глаза его приобрели задумчивый глянец. Затем он решительно помотал головой.

— Так это из-за моего трижды проклятого нрава? — в отчаянии спросил громадный новоирландец.— Погибель моя — вот что это такое. Но вы знаете, сэр, что для меня значит попасть на офицерские курсы.— Ручища Падди гладила край стола, но его глаза не отрывались от Редера.— Это моя единственная надежда, сэр. Мне нужно проделать что-то такое совершенно потрясающее — или меня даже плевка не удостоят. Раньше у меня никогда не было особой причины свой нрав сдерживать. Но есть такие вещи, ради которых человек даже самую свою натуру изменит, и тут как раз такой случай,— продолжал настаивать он.

— Лейтенант Роббинс? — спросил Редер.

— Так точно, сэр. Она пульс моего сердца, коммандер. Но если я только не стану офицером, я не смогу... мы не сможем... нет, этого просто не может быть!

Питер подавил горестный вздох. В мирное время все было бы совсем по-другому. Синтия сдала бы свое офицерское звание, или Падди ушел бы с военной службы. Бог свидетель, Торговый Флот с радостью смог бы подыскать работу для парочки с их способностями. «С радостью? — перебил себя Редер.— Да они бы для

них капитанскую каюту очистили!» Но шла война, и вопрос об увольнении для них обоих просто не стоял. «На войне никаких отставок!» — как сказал поэт. Кроме того, Содружеству и не требовались никакие регламентации, чтобы Падди и Синтия оставались на службе; это просто входило в их натуру.

Питер потер ладонями лицо и сказал:

— Падди, там будут десантники.

— А-а, ерунда! — воскликнул Падди и отмахнулся.— Ну и что с того? Каким дураком бы я был, если бы стал держать против кого-то одно то, что он десантник? Понятное дело, им больше ничего не остается, раз уж они такими родились. Черт побери! — Тут он насупился.— Я же не бык, которому никак нельзя на красную тряпку не броситься. Если уж я так решу, я могу с кем угодно сдружиться.

Питер уже во второй раз почувствовал себя так, будто его линейкой по физиономии треснули.

— Вы же десантников ненавидите! — воскликнул он, пытаясь вернуться к привычной реальности.

— Ничего подобного, сэр! — Не дожидаясь возражений Питера, Падди погнал дальше.— Вся штука в том, что я не так ненавижу десантников, как подраться люблю. А кто вам в этом деле самую лучшую компанию составит? — радостно вопросил он.

«У меня уже совсем голова раскалывается,— подумал Редер, желая похлопать себя ладонями по пульсирующим вискам.— Но минутку — ведь я еще ни в чем не признался. Самая пора снова этот разговор под свой контроль взять».

— Падди,— настойчиво проговорил он.— Все это в любом случае бесцельно, потому что никакого задания нет.

— Конечно нет, сэр,— подтвердил Падди, кивая, подмигивая и изображая на лице самую что ни на есть заговорщическую улыбку.— И вы о нем никогда не слышали.

Редер рассмеялся — просто ничего поделать не смог.

— Падди,— предпринял он новую попытку,— что заставляет вас думать, будто я на какое-то задание отправляюсь?

Падди какое-то время смотрел на Редера, словно бы в замешательстве, а затем воскликнул:

— Да разве этот дьявол Скарагоглу не поманил вас пальцем и не велел к нему в кабинет прийти? А зачем ему это делать, если у него нет чего-то очень крупного на уме? И, понятное дело, если бы ему были нужны только вы, он бы не стал такое публичное представление устраивать.— Голубые глаза Падди внимательно следили за Редером, высматривая, как это будет воспринято. Качая головой, он продолжил: — Это должно быть что-то очень крупное, и я полагаю, он хотел предупредить тех, у кого есть глаза. Мол, пусть увидят, что подворачивается возможность. Вот вам мои соображения.

Питер почувствовал, как внезапный прилив крови горячит его щеки, когда он понял, что именно это Скарагоглу и проделал. «Пожалуй,— с грустью подумал он,— мне следует взять с собой

Падди только за тем, чтобы он действия десантного генерала для меня комментировал». Питеру вдруг показалось, что существует определенная связь между паучьей изворотливостью Скарагоглу и тем незатейливым хитроумием, которое Падди заработал за долгие годы скольжения вверх-вниз по сальному шесту служебной лестницы от рядового до старшины и обратно.

— Если я что-то услышу...— начал коммандер.

— Сэр,— прошептал Падди, многозначительно кивая большой головой.

Редер перевел дыхание и начал снова.

— Я буду иметь вас в виду.

— Благодарю вас, сэр. Все, что я прошу, это шанс.— Падди встал, ухмыляясь. Затем лицо его снова посерьезнело, и он конфиденциально подался вперед.— Но пожалуйста, сэр, помните, как много это для меня значит.

«Сколько можно, Падди, на один и тот же мозоль наступать? — со страдальческой улыбкой подумал Редер.— Вот я, к примеру, жизнь тебе спас, а об услуге просить бы и не мечтал...»

Они отдали друг другу честь. Падди браво промаршировал к двери, где он повернулся и в очередной раз прошептал «благодарю вас, сэр», прежде чем дверь со свистом закрылась перед его лучащимся улыбкой лицом.

Со смешанными чувствами Редер утвердил Падди первым членом своей команды. «Я очень этим доволен,— сказал он себе.— В конце концов, Падди был моим первым кандидатом. Инстинктивным выбором. А значит, правильным. По крайней мере, я на это надеюсь». Однако легендарно-крутого нрава новоирландца все-таки следовало опасаться.

Зато Питер очень расстроился от того, что пропустил нечто столь очевидное, как обращенное к коммандеру публичное приглашение десантного генерала зайти к нему в кабинет. «Скарагоглу так просто ничего не делает,— подумал он.— По крайней мере, так утверждают слухи. Пожалуй, я тогда слишком на своих проблемах сосредоточился и не увидел того, что у меня прямо на глазах происходило». А в обращении с таким человеком, как Скарагоглу, подобная рассеянность была опасна.

Редер задумчиво хмыкнул. Все это выглядело так, как если бы Скарагоглу намеренно дал грубую утечку информации, что Редер направляется на какое-то тайное задание, затем дал более скрытную утечку о ложном характере этого задания, а затем опять грубо и топорно дал утечку о реальном задании, используя все это для дезинформации...

Тут Редер снова потер лицо ладонями. От такого рода мыслей у него опять голова заболела. «Что ж,— подумал он,— кто предупрежден, тот вооружен. В будущем я буду лучше все это сознавать,— подумал Питер, снова берясь за работу.— По крайней мере, я на это надеюсь».

Редер просмотрел личные дела всех кандидатов, желая ознакомиться с переменами, которые могли произойти в последнее время, и остался доволен увиденным. Эффективность работы в его бортинженерном отделе была на высоком уровне, и большинство из тех, кого он выбрал, удостоились благодарностей за свои действия во время последних рейсов «Непобедимого». Те же, кто их не удостоился, были на корабле новенькими.

«Впрочем,— подумал Питер,— очень скоро им предстоит получить свои благодарности. Думаю, «Непобедимый» должен стать одним из тех судов, на которых люди делают карьеру». Что, вероятно, должно было порадовать неизвестного покровителя авианосца, в существовании которого Редер был убежден. Иначе как мог экспериментальный корабль удостоиться такого повышенного внимание и столь превосходной команды? На «Непобедимый» не пожалели никаких средств — он был великолепно построен и укомплектован блестящим личным составом. «Хотя,— подумал Питер,— суда, которые делают людям карьеры, и суда, которые их им заканчивают, после чего родным достается аккуратно сложенный флаг и визит священника, очень и очень схожи».

И тут он с неприязненной гримасой вспомнил о том, что в «блестящем личном составе» имелось несколько исключений. Например — шеф контрразведки Уильям Бут, наспех сделанная замена, всученная на корабль недобросовестной бюрократией.

«Но на сей раз,— успокоил себя Питер,— он проблемой не станет. В этом рейсе офицер контрразведки будет излишней роскошью. По крайней мере, я на это надеюсь»,— добавил он затем, припомнив еще и квартирмейстера Джона Ларкина, диверсанта, который при первом знакомстве очень даже ему понравился.

Наконец Питер решительно вытолкнул из головы все эти раздумья и принялся сосредоточиваться на тех ресурсах, которые ему в особенности хотелось бы получить. Он задумался, не станет ли это превосходной возможностью поиметь для главной палубы «Непобедимого» пару-другую таких вещей, в которых контора главного квартирмейстера базы «Онтарио» вот уже несколько месяцев категорически им отказывала.

«Понятное дело,— подумал Питер,— если я только при этом не злоупотреблю лицензией, выданной мне десантным генералом.— Тут на его лице бессознательно возникло выражение вопиющей невинности.— Я бы считал, что не выполнил своего долга, если бы таким случаем не воспользовался». Тогда Редер запросил каталог Базового склада и, просматривая его, радостно воспарил к Земле Обетованной из запасных змеевиков для реакторов, новехоньких электронных модулей, по-прежнему запечатанных в защитную пленку, а также деликатесов, предназначенных для офицерской кают-компании командующего базой.

Битых полтора часа Питер напряженно и ответственно над этим корпел. Он был очень горд тем, что сумел справиться с

побуждением запросить для «Непобедимого» вообще все детали, которые было труднее всего получить — а значит, те, которые чаще всего требовались. Просто он не хотел, чтобы кто-то другой оказался в опасной степени недоукомплектован. Хотя древняя традиция воинской службы заключалась в том, что если кто-то должен был без чего-то обойтись, то только не твой корабль...

К тому времени, как задача была выполнена, Редер уже насвистывал от удовольствия, что составляло резкий контраст с разочарованным бурлением в животе, которым обычно заканчивалась процедура «доукомплектования и дозаправки». После каждого отпечатанного им запроса на экране компьютера появлялось слово «одобрено». Только раз ему отказали, да и то вместо «одобрено» появилась фраза «Заказанная деталь номер шесть (6) будет зарезервирована и переправлена на „Непобедимый" по получении ее квартирмейстером базы „Онтарио", так что пожаловаться было решительно не на что.

«Хотя,— подумал коммандер,— насколько я знаю, мой нынешний заказ ускорит удовлетворение заказа базы на Центральном складе. Стало быть, не такие уж они и альтруисты».

Питер уже чуть ли не попискивал от удовольствия, когда глаза его вдруг наткнулись на нечто совершенно неожиданное. «Вот это да! — мысленно воскликнул он.— Я и не знал, что такое все еще производят.— И внутри у него все буквально сжалось от страстного желания эти штуковины заказать.— Но ведь нет никакой разумной причины, по которой они мне могут понадобиться,— принялся увещевать себя Редер.— Ну и наплевать,— тут же ответил он сам себе.— Я их хочу, и я их могу получить. Такого оправдания мне вполне достаточно».

С радостью в сердце он напечатал заказ на все шесть штук и взорвался восторгом, когда рядом с его запросом загорелось слово «одобрено». «Есть контакт! Идите к своему папочке, мои маленькие красотки! — Питер захихикал, представив себе ревность, которая появится на многих лицах, когда его коллеги обнаружат этот триумф.— Насколько я знаю, это самая последняя партия, и вся она теперь моя!»

С широкой улыбкой Редер откинулся на спинку кресла. «Эх, вот это жизнь!» — подумал он. В данный момент он ощущал себя существующим лишь в головах членов парламентской комиссии офицером Космического Отряда, чьим главным удовольствием в жизни было изобретение новых способов потратить деньги налогоплательщиков.

Раздался резкий стук в дверь кабинета, и Питер любезно выкрикнул:

— Входите!

Лейтенант Адольф Гивенс в роскошно отутюженном пилотском комбинезоне предстал перед столом Редера, образцово отдавая честь. Глаза лейтенанта были сосредоточены над головой комман-

дера, тело вытянуто в струнку, ноги составлены вместе. Совершенно другой Гивенс, если вспомнить их предыдущие встречи.

Редер куда менее браво ответил лейтенанту на отдание чести. «Внезапно я себя капитаном Каверсом почувствовал»,— с удовольствием подумал он. На лице его, впрочем, ничего такого не отразилось. Он хорошо знал Гивенса, и чувство юмора — в особенности применительно к самому себе — в число многих достоинств пилота не входило.

— Вольно, лейтенант,— сказал Редер.— Чем могу служить?

— Сэр! Я хочу стать добровольцем, сэр! — Гивенс по-прежнему смотрел прямо перед собой, примерно в полуметре над головой Питера, а тело его застыло в очень строгой парадной стойке «вольно».

Редер внимательно его оглядел. Весьма привлекательный молодой человек лет двадцати четырех, ростом Гивенс был примерно те же метр восемьдесят, что и сам Редер, такого же атлетического телосложения. У Адольфа были медово-светлые волосы, правильные черты лица и волевой, если не сказать героический подбородок.

По мнению Питера, Гивенс был блестящим пилотом, почти таким же блестящим, как он сам. Гивенс отлично ладил с товарищами по эскадрилье, которые также ценили его как умелого бойца и чертовски виртуозного летчика.

«С другой стороны,— думал Редер,— я не знаю никого в отделах технического обеспечения и бортинженерии, кто от всей души не желал бы Гивенсу свернуть себе шею, когда он в следующий раз будет душ принимать». Для персонала этих отделов было бы совсем недостаточно, если бы лейтенанта просто угрохали в бою, а кроме того, тогда оказался бы поврежден его «спид».

Справедливости ради, поведение Адольфа было не столь уж необычным для большинства пилотов «спидов». В моменты предельной откровенности и уединения Редер мог признаться себе, что в его летной карьере бывали времена, когда он и сам вел себя ничуть не лучше.

В конце концов, кто мог избежать понимания того, что основным назначением авианосца являлось носить, причем как раз «спиды»? А что такое был «спид» без его пилота? Следовательно, задачей авианосца и нескольких тысяч членов его команды было обслуживать и всячески поддерживать пилота «спида». Что автоматически делало всех пилотов «спидов», независимо от их ранга, принцами этого государства.

Вопрос теперь заключался в том, был ли Адольф Гивенс высокомерней других пилотов?

«Да,— решил Редер, припоминая отношение Гивенса не только к Синтии Роббинс, но в определенной степени и к нему самому.— По части высокомерия он за красной чертой. Пожалуй, именно такие самодовольные болваны и отвратили Сару Джеймс

от всех пилотов «спидов» вообще». Тут Питер почувствовал в отношении лейтенанта прилив возмущения, который, впервые за время их знакомства, Гивенс не заслужил. Насчет «спидов» существовала одна поговорка — мол, для того, чтобы на них летать, требовалось страдать синдромом типа «не тронь, а то пукну».

«С другой стороны, этот парень летает едва ли не лучше всех, кого я в своей жизни видел»,— подумал Редер, неловко ерзая в кресле.

Тут Гивенс опустил взгляд впервые с тех пор, как вошел в кабинет. Питеру вдруг пришло в голову, что лейтенант считал само собой разумеющимся, что его предложение будет принять немедленно, причем с предельной благодарностью, и внутренне улыбнулся.

— Садитесь, лейтенант,— предложил он, указывая на стул.

Гивенс так и сделал, и в лице у него внезапно появилось нечто, громче всяких слов указывающее на его изумление. Он посмотрел на коммандера яркими зеленовато-карими глазами, которые, не сомневался Редер, с легкостью и без малейших угрызений совести разбили немало женских сердец от «Онтарио» до Лунобазы.

— Прошу вас объясниться, лейтенант,— сказал Редер, подаваясь вперед и сцепив над столом ладони.

Гивенс недоуменно заморгал, открыл рот, тут же его закрыл, затем явно постарался взять себя в руки и заговорил.

— Прошел слух, сэр, что вы направляетесь на задание. Слух, что это важное задание, сэр. Я, сэр, хотел бы с вами отправиться.

«Интересно, сколько «сэров» уже было с тех пор, как он сюда вошел?» — задумался Редер, вспоминая Падди.

— А что именно вы слышали об этом... гм, задании? И от кого вы о нем слышали? — Тут в голове у Редера словно бы что-то щелкнуло.— Может, вы о нем во «Вселенских ведомостях» прочли?

— Никак нет, сэр.— Гивенс заколебался.— Я даже толком ничего и не слышал. Я так предположил.

Когда после этого признания лейтенант сделал паузу, Редер помрачнел. «Не заставляй меня снова требовать объяснений, Гивенс,— подумал он,— иначе можешь про все забыть».

— Я увидел, как десантный генерал Скарагоглу делает вам знак и приглашает зайти к нему в кабинет,— заторопился Гивенс, очевидно, ощущая нетерпение Питера.— Я так прикинул, что-то такое назревает, и решил присоединиться.

— Почему? — Питер выдержал пристальный взгляд лейтенанта, а затем глаза Гивенса ненадолго ушли вбок, пока он обдумывал ответ.

— Я, сэр... насколько я знаю, сэр, задания этого десантного генерала — кратчайший путь к наградам.

Редер искренне удивился. И не смог этого скрыть.

— А насколько я знаю, это кратчайший путь к сообщению типа «Адмиралтейство с прискорбием вас извещает». Неужели, лейтенант, награды так много для вас значат?

— Они много значат для моей семьи, сэр,— твердо сказал Гивенс.

«Надо бы посмотреть, что у лейтенанта за семья»,— подумал Питер. У его семьи было совсем другое к этому отношению. Отец сказал ему после ранения, что ему было бы приятнее знать, что с ним все хорошо, чем видеть его с орденскими планками и ворохом благодарностей. Он серьезно об этом говорил. Но что, если родичи Редера все-таки хотели видеть его сплошь в регалиях?

— Скажите, лейтенант, а вы еще кому-то об этом так называемом задании упоминали?

— Никак нет, сэр,— с легкой улыбкой ответил Гивенс.— Я хотел стоять первым в ряду добровольцев.

— Хорошо, не распространяйтесь об этом,— предостерег его Редер.— Если подобное задание поступит, ваше имя будет включено в рассмотрение,— пообещал он ему.

— Благодарю вас, сэр! — воскликнул Гивенс, вставая. Затем он отдал честь.

Редер ответил ему, уселся и кивнул.

— Вы свободны,— сказал он.

— Благодарю вас, сэр,— повторил лейтенант, теперь уже улыбаясь.

Развернувшись «кругом», Гивенс промаршировал к двери так стремительно, что ему пришлось с неловкостью подождать, пока она откроется. Он явно был убежден, что добился своего, и так же явно озабочен тем, как бы поскорее отсюда выбраться, пока не будет принято другое решение.

«Что ж, он был в списке,— подумал Редер.— Не в самом верху, но все-таки был. Хотя особенности его характера могут стать отрицательным фактором. И все же его пилотские таланты неоспоримы. Итак, у меня уже двое, каждый их которых может стать проблемой. Падди, по крайней мере, знает, что он не идеален. А вот мелькала ли такая мысль в голове у славного лейтенанта, я сильно сомневаюсь». Тем не менее, этот человек классно умел летать.

Питер вздохнул, вызвал на экран список и поставил рядом с фамилией Гивенса звездочку. «В конце концов, ему хватило ума, чтобы все верно прикинуть,— подумал он.— Может статься, для Скарагоглу это способ приложить руку к подбору моей команды». От такой мысли Питер поморщился. Возможно, он был прав — а возможно, страдал излишней подозрительностью. «Но если все продолжится в таком духе,— подумал он,— я по уши в подобных разговорах увязну». Теперь Питер предпочитал думать об этом как об испытании, которое проходили его кандидаты. В конце концов, ведь он этих людей для себя наметил. Но при этом коммандер не мог избавиться от ощущения, что его постоянно подталкивают.

Высший командный состав «Непобедимого» тихо сидел по местам, пока капитан Роджер Каверс изучал информацию на экране, встроенном в стол для совещаний. Устройство это было слегка наклонено к капитану для более легкого прочтения и заливало его суровое лицо зловещим светом. Схожий экран имелся перед каждым офицером, и голубое свечение этих экранов превосходило яркостью мутноватый верхний свет в служебном помещении, что располагалось как раз за капитанским мостиком.

Каверс коснулся клавиши, которая разворачивала информацию дальше, затем помедлил. Он взглянул на Труона Ле, начальника тактического отдела.

— Были у нас еще какие-то проблемы с лазерной пушкой по левому борту? — спросил он.

— Никак нет, сэр,— ответил Труон Ле.— Проблема с лазерной установкой номер семнадцать была связана с реверсированной деталью. Сама деталь функционирует нормально.

— Хорошо,— негромко сказал Каверс.— Мы достаточно обеспечены дополнительными кристаллами?

Труон Ле потер лоб.

— У нас есть соответствующий запас для умеренно активного трехнедельного рейса, сэр,— сказал он после секундной задумчивости.— «Умеренная активность» определяется как одна стычка в неделю с по меньшей мере двумя судами класса истребителей.

Каверс покачал головой, и глаза его вернулись к экрану.

— Недостаточно. А если мы в течение двух недель встретимся с целым рядом чего-то крупнее истребителей... что тогда? Я бы предпочел, чтобы мы слишком хорошо подготовились, чем остались без нужных боеприпасов. И что, таким образом запасаются все тактические ресурсы? Из расчета одной стычки за неделю рейса?

— Так точно, сэр,— откликнулся молодой спец по тактике.— До сих пор нам, разумеется, еще не случалось совершать трехнедельного рейса. Так что можно сказать, что прямо сейчас мы даже слишком хорошо готовы.— Губы его изогнулись в несмелой улыбке.

Капитан уставил на Труона Ле задумчивый взгляд.

— Ограничения поставок? — произнес Каверс. Это было скорее утверждение, нежели вопрос.

— Боюсь, что да, сэр.— Труон Ле беспомощно развел руками.— Это, и еще тот факт, что ресурсы весьма скудны. На данный момент в этом секторе можно пробиться только с приоритетом номер один. Когда пираты будут взяты под контроль, положение должно улучшиться.

Откинувшись на спинку кресла, Каверс явно погрузился в серьезные раздумья.

За ним внимательно наблюдала Ван Чунь-мэй, старший помощник. С самого начала это внеплановое совещание проходило именно так: следовал ряд стремительных вопросов касательно готовности, ремонта, ресурсов и личного состава. Ван редко видела Каверса

настолько сосредоточенным. Это означало, что они куда-то отправятся и будут заниматься чем-то очень серьезным. Мужчины и женщины за столом переглядывались. Происходящее нисколько не напоминало простую муштру, а разговор о необходимости большего объема боеприпасов казался весьма интригующим. Общую ситуацию с ресурсами капитан знал не хуже их всех, а то и лучше.

— Дамы и господа,— наконец сказал Каверс.— Я хочу, чтобы этот корабль был подготовлен к двухмесячному рейсу в условиях самых что ни на есть боевых. Мне нужно, чтобы все необходимые ресурсы были получены, а личный состав полностью укомплектован. И начнем мы немедленно. С сегодняшнего дня мне потребуются ежедневные рапорты о вашем прогрессе. Я не хочу, чтобы это стало темой для обсуждения с командами других кораблей или персоналом станции. Все приготовления будут проводиться на строгой основе «знать только необходимое».— Он всех их оглядел.— Есть вопросы?

Никто не откликнулся, хотя вопросы в воздухе так и висели. Каверса это порадовало. Молчание его людей указывало на то, что они доверяют ему сказать им все то, что им потребуется знать, когда придет время.

«Мне нравится эта команда,— подумал капитан.— Одно удовольствие с ними служить».

— Очень хорошо. А теперь за работу.— Каверс поднялся из кресла, и его подчиненные встали одновременно с ним.— Все свободны,— сказал он. Капитан и его команда отдали друг другу честь.

Затем Каверс развернулся, чтобы пройти в свой личный кабинет, а офицеры гуськом направились в коридор.

Командир эскадрильи Берни Шелдон поколебался, затем шагнул вслед за капитаном.

— Сэр? — тихо позвал он.

Капитан обернулся, не особенно удивленный тем, что именно этот офицер подошел к нему первым.

— Могу я попросить вас уделить мне немного времени, сэр? — спросил Шелдон.

Каверс взглянул на часы.

— Разве что немного, командир эскадрильи,— согласился он. Введя его в свой кабинет, он обошел стол, уселся и указал Шелдону на стул.— Что у вас на уме, Берни?

— Сэр,— начал командир эскадрильи, подаваясь вперед и глядя капитану прямо в глаза,— не имеет ли вся эта суматоха с накоплением ресурсов и доукомплектованием личного состава какого-то отношения к генералу Скарагоглу?

Каверс ничего не сказал, задумчиво поглаживая верхнюю губу и держа сам с собой совет.

— Потому что если она связана,— поспешил развить тему Шелдон,— то я хотел бы порекомендовать для этого задания кое-кого из моих людей.

Последовала еще пауза, прежде чем Каверс заговорил, словно он хотел твердо убедиться в том, что командир эскадрильи не собирается добавить что-то еще к тому, что он уже сказал.

— Во-первых,— начал капитан, наставительно поднимая палец,— у вас нет никакого резона считать, что нам дано задание. Во-вторых, даже если бы оно было дано, нет никакого резона считать, что в нем будут задействованы «спиды». А в-третьих, нет никакого резона как-то связывать генерала Скарагоглу с «Непобедимым».

Откинувшись на спинку стула, Шелдон закинул ногу за ногу, сложил руки на коленях и внимательно взглянул на капитана.

— Сэр,— негромко продолжил командир эскадрильи,— при всем к вам уважении, я должен с вами не согласиться. Генерал у всех на виду дал знак Редеру, веля ему явиться к нему в кабинет. Более того, Скарагоглу явно потянул за определенные ниточки, иначе несчастный коммандер сейчас бы паковал чемоданы для отправки домой.

Каверс улыбнулся. Он предвидел такого рода расспросы после того, как Скарагоглу столь публично проявил интерес к коммандеру. И тем не менее, у него не было намерения обсуждать задание, пока «Непобедимый» не вышел в рейс.

Люди Шелдона были логичными кандидатами, ибо Каверс знал, что Редер пользовался любой возможностью увидеть эскадрилью в деле. Коммандер имел представление об их способностях и несомненно предпочел бы выбрать тех пилотов, чьи таланты и причуды были ему хорошо известны.

«Тем не менее,— подумал Каверс,— это не дает командиру эскадрильи права на особый инструктаж. А главное — я не хочу наступать Редеру на пятки. Это можно и так расценить».

Шелдон, безусловно, в любом случае собирался подойти с этим же вопросом к коммандеру, но дополнительной информацией его для разговора с Редером обеспечивать было негоже.

«И Редеру дано право самому подбирать себе команду,— подумал Каверс.— Вмешаться я смогу лишь в том случае, если он какую-то вопиющую глупость сделает.— Хотя капитан тут же признался самому себе, что Питер Редер способен в одно и то же время быть категорически неправ и сверхъестественно прозорлив.— Тем не менее, у меня нет ни малейшего желания о чем-то ему намекать и дышать в ухо. Еще меньше я хочу, чтобы это с моего явного одобрения делал сидящий здесь Берни».

В любом случае, на решения коммандера наверняка намеревался пытаться влиять Паук. И Каверсу чрезвычайно интересно было посмотреть, как Редер будет справляться с Макиавелли Космического Отряда. «Хотя я понятия не имею, на кого мне тут ставку сделать»,— мысленно улыбаясь, подумал он.

— Мне нечего добавить к тому, что я сказал на совещании, командир эскадрильи.— Голос Каверса был тихим, но необычайно авторитетным.— Просто приведите вверенную вам эскадрилью в полную боевую готовность. Все, кто до сих пор в лазарете,

должны быть немедленно заменены. Представьте мне желательный список новых кандидатов, и я позабочусь о том, чтобы он был полностью удовлетворен.

Капитан встал и тем самым вынудил командира эскадрильи сделать то же самое.

— Есть, сэр,— сказал Шелдон.

Хотя разочарование командира эскадрильи от того, что его исключили из круга посвященных, было очевидно, британское хладнокровие запрещало любые его зримые проявления. Он браво отдал честь, и капитан ему ответил. Тогда командир эскадрильи удалился.

Каверс со вздохом сел и воззрился на голоснимок своего старого разведывательного корабля.

«Эх, славные были деньки,— подумал он.— Все было так просто и понятно. Ни о чем во вселенной не следовало тревожиться, кроме безнадежной затерянности в бескрайнем космосе, отрыва от своих без всякой надежды на спасение или того, что какие-то чужаки сожрут тебя на обед как особое лакомство.— Капитан вздохнул.— Впрочем, долг зовет,— напомнил он себе.

Тогда Каверс подтянул кресло поближе к столу и принялся делать более подробные заметки по поводу тех рапортов, что представили ему старшие офицеры. В ближайшие дни жизнь на «Непобедимом» должна была в буквальном смысле забить ключом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Войдите,— откликнулся Каверс на дверной звонок.

— Добрый вечер,— входя, сказала Ван Чунь-мэй.

Капитан улыбнулся старпому и протянул руку. Ван положила в его ладонь набор дискет, а затем, повинуясь его жесту, села на стул рядом со столом. Положив дискеты на столешницу, Каверс ненадолго вернулся к своему чтиву. Стол здесь, в его личных апартаментах, был меньше по размеру, чем в кабинете, но вид имел еще более деловой и использовался не менее часто.

— Думаю, вы скоро обнаружите, что каждый борется за то, чтобы быть информированным настолько, насколько это вообще в данных обстоятельствах возможно,— сказала Ван Чунь-мэй, когда Каверс наконец обратил на нее взгляд.

Капитан улыбнулся.

— Сегодня вечером, Ван, вы просто непостижимы,— сказал он.

Женщина слегка вздрогнула, но улыбнулась в ответ. Затем опять устроилась подождать. Если ее ожидал инструктаж, Каверс наверняка в скором времени должен был к ней обратиться.

— Нас посылают на задание в космос мокаков,— наконец сообщил капитан.

Ван наклонила голову.

— Разумеется,— отозвалась она. Куда их еще могли бы послать? И для какой другой задачи существует «Непобедимый»? — Но что-то в этом задании, сэр, вас явно тревожит.

Каверс медленно кивнул.

— Наша легенда такова, что мы должны попытаться перехватить пиратский корабль, груженый добром для мокаков. А в действительности мы отправляемся туда за тем, чтобы сбросить шесть «спидов» для партизанских действий в отношении вражеских грузоперевозок.

— Понимаю,— сказала Ван и не слукавила. «Что ж,— подумала она,— это фирменный знак Паука. Отважно. Рискованно. Необычно. И самоубийственно». Ван Чунь-мэй провела языком по пересохшим губам.— Мы должны будем за ними вернуться?

— Да. Но очень многое может пойти наперекосяк. Мы будем крейсеровать в другой зоне, высматривая пиратов, нелегальные грузоперевозки или мокаков. А «спиды» тем временем будут сами по себе. Это означает, что если по какой-то причине мы не сможем за ними вернуться...

— И совсем никакой поддержки? — спросила Ван. Хотя это скорее было утверждение, нежели вопрос.

— Имея в виду, что это один из проектов Скарагоглу, я не могу на это ответить,— мрачно проговорил Каверс.

— Однако, имея в виду, что это один из проектов Скарагоглу, логично будет предположить, что ответ отрицательный.— Тут Ван Чунь-мэй уловила едва заметную перемену выражения лица Каверса. В конце концов, хорошему старпому полагалось читать мысли капитана...— Тогда нам следует позаботиться о том, чтобы ничто не пошло наперекосяк,— сказала она.

Каверс улыбнулся.

— В самом деле — почему я об этом не подумал?

Их глаза встретились.

«Вот только в операциях военного времени что-то по определению порой идет наперекосяк»,— одновременно подумали оба.

— Что ж, генерал Скарагоглу был прав... Коммандера Редера ни в коем случае нельзя было приговаривать к кабинетной работе на Земле.

Каверс кивнул. «И, разумеется,— подумал он,— Скарагоглу вполне мог решить, что раз Редер так и так обречен, он может хотя бы пропасть с пользой и под музыку. А если он не просто везуч, а по-настоящему гениален, он найдет какой-нибудь способ уцелеть... и принести пользу где-то еще, позднее».

— Жестокая проверка на прочность,— пробормотал Каверс.

— Несчастный малый,— отозвалась Ван Чунь-мэй.

— Коммандер? — В голосе главного старшины ар-Рашида, донесшемся из динамика, чувствовалась непривычная сухость.

Редер, который вовсю работал над прочисткой своих мозгов посредством складывания кубика-головоломки, отозвался:

— Что у вас, старшина?

— Сэр, прошу прощения, вы бы на главную палубу не подошли? Мы... у нас тут какая-то очень необычная поставка. Я убежден, что это ошибка, но моему слову не верят.

— Уже иду.— Редер отложил кубик и направился к двери. «Мне следовало предупредить ар-Рашида, доставку чего нам придется ожидать»,— подумал он. В его списке была масса всякой всячины, которая должна была стать полным сюрпризом для старшины. Но Питер не рассчитывал, что грузы начнут прибывать так скоро. «Работа со Скарагоглу и впрямь имеет свои преимущества,— с улыбкой признал он.— Наверное, в Главнокомандовании все так и происходит: ты щелкаешь пальцами — и все у тебя уже есть. Вместо „вопросов", „уточнений" и „глубоких сожалений" ты получаешь реальные вещи».

Выйдя в гулкую полость главной палубы, Питер сделал глубокий вдох. Запах механизмов, смазки, горючего и горелого пластика радовал его не меньше аромата цветов после весеннего дождя. Кроме того, он казался куда более привычным и знакомым — это был запах его ремесла. Питер шел от стоянки к стоянке туда, где его должен был ждать старшина, бросая взгляды влево-вправо на «спиды», которые, сверкая в ярком свете, грациозно над ним возвышались.

Однако в конце пути он начал хмуриться. Возле последних двух «спидов», похоже, было меньше техников, чем полагалось.

Куда же они все делись?

Вскоре выяснилось, куда. Старшина ар-Рашид и около двадцати техников стояли вокруг элеваторной платформы, что доставляла на главную палубу массивные посылки. На платформе уже стояли шесть громадных ящиков, где-то по три метра на два. Один из ящиков был вскрыт, и туда с восхищенными улыбками и одобрительным бормотанием заглядывали техники.

Старшина, однако, не улыбался. Едва он заметил Редера, как тотчас же прервал разговор с нервозным на вид складским служащим и торопливо подошел к коммандеру. Затем ар-Рашид резко и почти рассеянно отдал честь.

— Сэр,— гневно начал он, как только оказался в достаточной близости,— я не знаю, что квартирмейстер пытается сюда протащить, но мне это категорически не нравится.— Тут ар-Рашид повернулся и с негодованием указал на платформу и несчастного служащего, который сопровождал поставку.— Невесть по какой причине нам пытаются всучить это устаревшее оружие. Я ему сказал, что мы эту поставку не примем. А он говорит, что вы лично их заказали. Тогда я ему сказал, что вы никоим образом подобный хлам запросить не могли. Для начала — они бесполезны. А потом — где нам, черт возьми, предполагается их разме-

стить? — Старшина с таким видом обвел рукой громадное пространство, по которому они шли, как будто это был солдатский сундучок.— Это не флотский авианосец, где можно поставить в угол целую эскадрилью «спидов» и на год про них забыть. Мы грузимся для долгого рейса, и места у нас в обрез.

Наконец они прибыли на платформу, и Питер заглянул во вскрытый ящик. Его лицо мгновенно вспыхнуло восхищением точно так же, как и у тех любопытных техников. Затем он протянул руку и нежно погладил гладкий бок одной из ракет — или, строго говоря, мин. Космический Отряд не заказывал ни одной такой, наверное, еще с тех самых пор, как Питер был сопливым приготовишкой, но старая армейская аксиома гласила: то, что еще можно отполировать, выбрасывать не годится.

— Мне, гм, следовало предупредить вас, старшина, что нам предстоит получить массу разных ресурсов,— сказал Редер, с трудом удерживаясь от оправдательного тона.

Ар-Рашид смотрел на него так, словно это заявление было сделано на каком-то незнакомом для него языке. На повианском, к примеру.

— Вот это? — буквально пропищал старшина, после чего откашлялся и попытался снова.— Значит... вот это вы заказали? — Он не смог изгнать из своего голоса ни предельного изумления, ни твердой веры в то, что «вот это» — форменный хлам.

Питер прикусил губу. Он испытывал виноватое желание объясниться и подчинился ему. Невесть отчего Редеру хотелось, чтобы ар-Рашид разделил его энтузиазм по поводу этих мин.

— Вы тот фильм помните? — с жаром спросил он.

Старшина повернул голову.

— Фильм? — переспросил он с таким видом, как будто никогда этого слова не слышал.

— Ну да. Тот самый, в котором корабль Консорциума так долбанул корабль Космического Отряда, что он вынужден был моторы заглушить.— Питер внимательно смотрел на старшину, пытаясь понять, помнит он или нет.

Ар-Рашид пожал плечами и неуверенно хмыкнул.

— Конечно же вы его помните, старшина,— с горящими от восторга глазами вмешался один из техников.— Это тот самый, в котором они перемещают как раз такую вот ракету из поврежденного отсека к единственной действующей пусковой установке, какая еще осталась...

— И им это делать приходится вручную,— возбужденно продолжил другой.

— А тут капитан выходит на связь и говорит, что все должны оставаться в полной неподвижности, чтобы попробовать вражеские датчики одурачить.

— Тогда им приходится остановиться прямо в коридоре, держа эту самую ракету на руках.

— И пот стекает по их лицам, а их руки вот так трясутся! — Первый техник слегка присел и продемонстрировал, а все остальные в радостном согласии закивали.

— А корабль Консорциума настраивает свои датчики все тоньше и тоньше, пока они наконец не фиксируют...

— Стук сердец и шум дыхания нашей команды!

— Да-да, стук их сердец и шум их дыхания!

— И капитан Консорциума думает, что они корабль Космического Отряда совсем за... простите, за это место взяли.

— И подходит...

— Как раз на минное поле, которое капитан Космического Отряда там расположил...

— А потом корабль Консорциума натыкается на одну из таких вот мин, и она ка-ак...

— Жахнет! — Ухмыляясь во весь рот, техник хлопнул в ладоши.

— Короче, Космический Отряд в тот день победил,— радостно закончил Редер.

Последовала пауза, пока все с широкими ободряющими улыбками смотрели на старшину. Затем ар-Рашид медленно кивнул.

— Да. Кажется, я что-то такое припоминаю. Конечно, в этих фильмах чего только не бывает. Там даже могут сварганить детектор, способный вибрации в вакууме почуять.

В импульсивном жесте одобрения Редер хлопнул старшину по плечу.

Но тут на смуглое лицо ар-Рашида опять наползло озабоченное выражение.

— Простите, сэр,— повернувшись спиной к техникам и придвигаясь ближе, а также переходя на тихий и конфиденциальный тон.— Я так понимаю, у вас что-то вроде... теплых чувств к идее использования мин,— продолжил он, мудро избегая упоминания о сентиментальности. Затем ар-Рашид сжал губы и немного подумал. Наконец он поднял руку, соединив большой и указательный пальцы, и осторожно произнес: — Но это же полностью устаревшее оружие. Оно совершенно бесполезно. Все, на что эти мины будут способны, это занимать место, которое лучше было бы отвести под ресурсы, действительно пригодные для использования.— Он покачал головой.— Эти мины следовало много лет назад уничтожить.

Раздался дружный крик протеста от собравшихся у платформы техников.

— Это хлам! — воскликнул ар-Рашид, обращаясь лицом к небольшой толпе.

Мгновенно последовал целый всплеск умоляющих жестов, а также хор восклицаний и заверений в том, что «Непобедимому» совершенно необходимо иметь на борту эти мины.

Старшина стал водить взглядом с одного серьезного молодого лица на другое, а потом вдруг заметил, что они сомкнули ряды между ним и ящиками с драгоценными минами. Внезапно он

почувствовал себя подлым старым отчимом, который хочет выбросить пахучего и слюнявого, но горячо любимого семейного питомца на холод. Тогда ар-Рашид горестно провел рукой по ежику седых волос. Взглянув на Редера, он понял, что против него выстроилось единодушное большинство.

— Так это, значит, одна из тех ерундовин, которые на определенное поколение действуют? — обреченно поинтересовался он.— Психоспецы специально такие фильмы консультируют, чтобы юнцов вербовать, и это навеки искажает их сознание. Подсознательная подсказка, нервное короткое замыкание — так это, кажется, называется?

Редер развел руками. «Может, и так,— с дурашливой ухмылкой признался он сам себе.— Лично я эту чертову ерундовину пятнадцать раз смотрел».

— Мне следовало проинструктировать вас, старшина,— сказал он вслух.— Так почему бы прямо сейчас это не сделать? В следующие несколько дней к нам прибудет масса всего, и вы должны знать, чего ожидать.— Питер взглянул на драгоценную пирамиду из мин, затем опять на старшину.

— Нет-нет, ничего в таком духе больше не будет,— поспешил пообещать он, не на шутку встревоженный выражением лица ар-Рашида. Ему вдруг представилось невыносимое зрелище — плачущий главный старшина.

— Итак, лейтенант,— сказал Редер своему заместителю,— я думаю, мы сэкономим время, если вы также поприсутствуете на этом небольшом инструктаже с ар-Рашидом.

Синтия с прямой спиной сидела на стуле, выглядя несчастной и очень хорошенькой.

«Могу понять, почему Падди по ней с ума сходит,— подумал Питер.— Перед любой такой женщиной, способной одновременно быть такой несчастной и привлекательной, ни один новоирландец просто не в силах устоять».

Редер давно подозревал, что существует какой-то генетический сдвиг, притягивающий кельтских мужчин именно к грустным и скорбным женщинам. В данный момент даже он сам, имея в своей крови сильную примесь черти-чего помимо крови кельтов, испытывал к Синди немалую симпатию.

«Теперь она уже знает,— подумал Питер,— что на офицерские курсы Падди не приняли, а учитывая связанную жесткими законами культуру ее родной планеты и нерушимые правила Космического Отряда по поводу любовных отношений с подчиненными, думает, что их роману не суждено продолжиться. Что ж, возможно, Падди был прав, и наше задание даст этой парочке шанс».

Временный квартирмейстер пока еще не прибыл, а потому Питер воспользовался его отсутствием, чтобы похвалить Синтию:

— Думаю, лейтенант, вы проделали колоссальную работу в совершенствовании ваших навыков человеческого общения.

Ар-Рашид оторвал взгляд от грузового манифеста, который он просматривал, и кивнул в знак согласия.

— Благодарю вас, сэр,— смущенно отозвалась Роббинс, и лицо ее немного прояснилось.

— А посему,— тут Редер хлопнул в ладоши,— я намерен вас вознаградить, предоставив вам на следующие несколько недель существенно больший фронт работы.— И он радостно ей ухмыльнулся.

Второй лейтенант улыбнулась ему в ответ, но Питер увидел, что к его словам она отнеслась серьезно. В Космическом Отряде существовала традиция, что наградой за славно проделанную работу должна быть новая работа. Бросив косой взгляд на молодую женщину, ар-Рашид решил сменить тему.

— Простите, сэр, а мы по этому списку все получаем? — В глазах у старшины сквозило недоверие.— То есть, все-все?

— Все до последнего болта,— заверил его Редер. «Какое грандиозное чувство! — подумал он.— Как будто ты миллиардер или Дед Мороз. К этому и пристраститься недолго».

В глубине душе Редер чувствовал, что здесь таилась определенная опасность. «На что это будет похоже,— размышлял он,— если всегда будет так? Если ты всегда будешь получать, что хочешь, тогда как все остальные будут с несчастным видом и с протянутой рукой ходить?» Такая власть легко могла вскружить человеку голову. Очень скоро ему могли дать прозвище — скажем, Паук. Питер твердо решил, что никогда одним из таких парней не станет. Пусть Бычок, пусть Кролик, пусть хоть Сатана — но только пусть ничего, связанного с насекомыми. Хотя в училище он уже был Личинкой...

— Мы будем получать больше материалов, чем нам до сих пор приходилось пристраивать, так что вам с лейтенантом придется проявить чудеса изобретательности, изыскивая места для хранения.

Тут вдруг последовала резкая серия постукиваний в дверь, словно проходящий мимо дятел хотел войти и проверить, нет ли здесь короеда.

— Входите,— пригласил Редер.

Щуплый, нервозный юноша с необычно большой шапкой волос на голове торопливо вошел и отдал честь, поворачиваясь, чтобы адресовать этот салют всем присутствующим. Редер с трудом сдержал улыбку. Именно такого унтер-офицера заправские проныры мечтают хоть раз в жизни встретить. Такой человек всегда настолько рассеян и увлечен деталями, что когда ты снимаешь с него последние штаны, он охотно поднимает каждую ногу по очереди, даже не замечая твоего присутствия.

— Старшина Бриани, сэр, временный квартирмейстер, по вашему приказанию прибыл.

Редер ответил ему отданием чести и сказал:

— Добро пожаловать на борт, Бриани. Присаживайтесь. Налейте себе чашку кофе — это новый корабль, и фильтры работают как следует.

Молодой старшина взглянул на Синтию и главного старшину, затем неуверенно опустил руку. Со смущенной улыбкой он присел на пустой стул перед столом Питера. Затем предупредительно поднял взгляд, его перо с готовностью замерло над блокнотом.

Тут Питер все же позволил себе улыбнуться. «Неужели и я был так молод?» — задумался он.

— Я созвал это совещание, чтобы проинформировать вас о том, что мы будем получать крупные партии деталей и аппаратуры для главной палубы,— сказал коммандер.

— Так точно, сэр,— подхватил Бриани.— Мы их уже получаем. Самое тяжелое оборудование я направил непосредственно на главную палубу.

— Да, я заметил,— сухо сказал старшина.

Редер пристально на него посмотрел. Ар-Рашид посмотрел на него в ответ, и именно коммандер первым отвел глаза.

— Так или иначе,— продолжил Питер,— выиграем мы в лотерею или будет какой-то сбой, но теперь самое время заказать все, в чем вы нуждаетесь.

Бриани чуть не подпрыгнул на стуле, снова поднимая свое перо подобно излишне прилежному студенту.

— Прошу вас, Бриани,— сказал Редер, давая ему разрешение говорить. Даже Синтия, наслаждаясь энтузиазмом юного старшины, с трудом сдерживала улыбку.

— Есть, сэр. Все отделы получают накопившиеся партии ресурсов в беспрецедентных количествах.— Большие зубы парнишки засияли в счастливой улыбке.— Я всерьез озабочен тем, что мы можем превысить возможности наших складских мощностей.

— В таком случае, сэр, нам, вероятно, следует избавиться от слишком объемного и устаревшего оборудования, которое катастрофически загромождает складские помещения главной палубы,— предложил ар-Рашид.

Редер исподлобья на него глянул.

— Нет,— лаконично сказал он.— Они останутся. Я уверен, что вы сможете с ними управиться.

Старшина красноречиво поднял брови.

— Опустите ваши брови на то место, которое им положено, старшина. Повторяю — они останутся.— Взглянув на капитально озадаченную Синтию, Питер понял, что забыл объяснить, о чем речь.— У меня там кое-какие мины,— добавил он.

— Ух ты! — У Синтии аж лицо загорелось.

— И вы, лейтенант? — тоном античного диктатора пробормотал ар-Рашид.

— Так вот, значит, что там за ящики,— с ноткой благоговения в голосе произнес Бриани. Он обеими руками ухватился за блокнот.— А можно мне на одну из них посмотреть? — горячо попросил он.

— Конечно, можно,— великодушно разрешил Редер.— Старшина покажет вам, куда он их поставил. Не так ли, старшина? — Глядя на ар-Рашида, Редер наблюдал, как пожилой военный прямо у него на глазах признает свое поражение.

— Так точно, сэр. Я был бы счастлив.

По двум сияющим от радости лицам Питер мог судить, что долгое совещание будет теперь напрасным.

— Я вас долго не задержу,— сказал он.— У квартирмейстера Базового склада возникло несколько мелких загвоздок, которые он хотел бы с нами уладить.— Редер передал им несколько дискет.— Так что давайте перейдем к этому.

Она справились в рекордно короткие сроки — и все благодаря способности Бриани понимать язык квартирмейстера. Похоже, всего лишь несколько терминов и пару запутанных бухгалтерских расчетов действительно потребовалось изменить. А затем Редер с радостью всех отпустил, и все с той же радостью вышли.

Почти все.

— Какой замечательный день,— саркастически пробормотал старшина, поворачиваясь к двери.

— У-ля-ля, у-ля-лей! — пропел Бриани.— Ой, извините, сэр.

Старшина все-таки не смог не улыбнуться и вывел юнцов в коридор. «Черт, я уже начинаю себя отцом ощущать,— подумал Редер.— Все эти командирские штучки глубоко мне в голову въелись». Бывали времена, когда коммандеру хотелось вернуться в «спид», где ты отвечал только за то, чтобы ты вернулся живым, а некоторое число твоих противников — нет. Он глубоко сожалел, что старшина не понимает и не разделяет его любви к этим минам. Сам Редер твердо решил вступить в Космический Отряд после первого же просмотра того фильма. Следующие четырнадцать просмотров только последовательно укрепляли его веру в то, что нет и не может быть ничего лучше, что быть офицером на службе у Содружества. А фокус с минами был самым ярким моментом того фильма.

Питер вздохнул.

«Зато все остальные понимают»,— с некоторым возмущением подумал он. А затем покачал головой. «Пожалуй, это и впрямь только на определенное поколение действует»,— решил коммандер.

Проблема с подбором личного состава для подобного задания заключалась в том, что ты чувствовал обязанность смотреть на вещи под непривычным углом. В частности, всякий раз, как Редер наталкивался на кого-то с маленькими детьми, он обнаруживал, что палец его чуть ли не сам собой тянется этого человека

вычеркнуть. Откинувшись на спинку кресла и опасно перегружая при этом компенсатор, Питер глодал овсяное печенье, отказываясь подробно рассматривать все то, что нашептывало ему подсознание. «Если ты не веришь, что победишь,— размышлял он,— ты и не победишь. Следовательно, я должен верить, что все будет в порядке». И все-таки брать на это задание молодых родителей ему категорически не хотелось.

Тем не менее, он был горд и за проделанную работу, и за своих кандидатов. Пока все получалось так, что он с посильной помощью Падди складывал потрясающе сложную головоломку.

Но существовал еще один аспект задания, который он все откладывал, понимая при этом, что дальнейшая отсрочка уже становится невозможной.

Редер читал и перечитывал личные дела членов эскадрильи Шелдона, и они производили на него сильное впечатление. Большинство из этих людей ему откровенно нравились, и он был бы рад с ними служить. Разумеется, за последнюю неделю все пилоты резидентной эскадрильи «Непобедимого» по тому или иному поводу зашли поприветствовать Редера. Намерения их были столь прозрачны, что коммандеру без конца хотелось ухмыляться.

«Но я не хочу только ресурсами «Непобедимого» ограничиваться,— сказал он себе.— Во-первых, не дело так эскадрилью родного корабля ослаблять. Сомневаюсь, что и Берни, и капитан это оценят». Инструктаж генерала указывал на то, что эскадрилью Шелдона ожидает на этом задании самая что ни есть серьезная работа.

«А во-вторых...» Во-вторых, Редеру хотелось посмотреть, не удастся ли ему завербовать немногих оставшихся пилотов из его прежней эскадрильи — кого-то из тех, с кем он служил до того, как потерял руку. Его эскадрилью в том бою буквально порвали в клочья, и уцелевшие были приписаны к другим судам или, как в его случае, вообще направлены на другие задания. Редер уже не знал, где большинство из них находится.

«Зато я знаю их так, как я никогда не смогу узнать тех, с кем я не летал,— подумал он.— И если я теперь раздаю слонов, то я, черт побери, намерен позаботиться о том, чтобы они по паре-другой штук получили».

Редер подтянулся к компьютеру и напечатал четыре фамилии: Ауэрбах, Эспиноза, Вишневская и Барак, а также их регистрационные номера. Затем он послал запрос, чтобы им обеспечили временное назначение на «Непобедимый».

Последний раз, когда Редер их видел, они стояли в ногах его больничной койки с видом виноватым и смущенным. У них имелась для него целая кипа плохих новостей, венцом которых было то, что для воссоздания эскадрильи пилотов осталось недостаточно. Питер вздохнул. Они далеко разошлись за месяцы его восстановления. Этому поспособствовали и космические расстояния, и тот факт, что он с головой ушел в реабилитацию и бортинженерную учебу.

«Даже если они сочтут, что подобное задание им не подходит,— решил Редер,— они станут превосходной заменой для всех, кого я из эскадрильи Берни заберу.— Тут он почувствовал легкий укол совести; на самом деле, прежде чем думать о подобном ходе, ему следовало проконсультироваться с командиром эскадрильи.— Но дело уже сделано,— мысленно махнул рукой Редер,— и я не хочу ничего отменять». Кроме того, все четверо вполне могли заинтересоваться заданием, а тогда, не считая альтернативных кандидатур, эскадрилью «Непобедимого» ему вообще задействовать не придется. Это, правда, еще предстояло выяснить.

Редер по-прежнему держал два места свободными для генеральских кандидатов. «Интересно, когда они покажутся? — задумался Редер и прикинул, что ему стало бы куда легче, если бы он их уже познакомил с Падди.— Как будто он скверно выдрессированный доберман, а они новенькие нянечки для мальша Редера».— Некоторое время Питер просто сидел, положив подбородок на ладонь и воображая себе всевозможные корриды, которые вполне могли состояться в тот день, когда он приведет легковоспламеняющееся вещество, каковым был Падди, в контакт с катализатором, каковым для новоирландца всегда служили десантники.

«Ладно, Редер,— наконец сказал он себе.— Кончай себя изводить. Хорошенького понемножку».

Затем коммандер хлопнул ладонью по кнопке интеркома, вызывая следующий объект для собеседования.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гимнастический зал «Непобедимого» был пуст, если не считать Редера и его отражения в зеркале; внутреннее гравитационное поле он установил на 1,25. Это всегда удобнее было проделывать, когда рядом никого не оказывалось. Люди с легкостью соглашались и приспосабливались, если оно уже было установлено, когда они вошли в зал, а вот привести всех к согласию с самого начала было все равно что уговорить всех посетителей бара заказать один и тот же коктейль. Сначала Редер медленно прошел кату, критически выискивая ошибки в технике. После финального кувырка он замер, изучая стойку; затем расслабился и встал прямо.

— Достойного противника ищете?

Резко крутанув головой, Питер улыбнулся.

У ковра стояла Сара Джеймс, тоже босоногая, и тоже в «джи». Вдобавок Редер заметил, что она тоже носила черный пояс. «Впрочем, по ее движениям я должен был догадаться»,— подумал он.

Во время последнего рейса «Непобедимого» они с Сарой выявили диверсанта Ларкина — причем диверсантом этим оказался тот, кому чуть ли не все они доверяли. Облеченный таким доверием, весьма компетентный квартирмейстер корабля под ко-

мандой капитана Каверса мог бы нанести куда больше вреда, чем об этом хотелось задумываться. Вместе они спасли Синтию Роббинс от обвинений в предательстве. Вместе они выиграли важнейшее сражение и спасли жизненно необходимый Содружеству груз антиводорода...

«Но несмотря на все это,— подумал Питер,— я так толком ее и не знаю». Если не считать того, что совместное участие в бою учило тебя самому существу того человека, с кем ты бок о бок сражался. Причем гораздо вернее, чем изучение любого свода биографических подробностей.

— Ага,— отозвался он.— Была такая надежда. Хотя вообще-то я просто потренироваться собирался.

Положив руки на бедра, Сара грациозно двинулась к коммандеру, а затем остановилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хотела с вами поговорить,— сказала она.— Очень кстати, что удалось вас застать здесь одного.

Затем, коснувшись кулаком ладони в жесте уважения к противнику, она поклонилась. Редер ответил ей тем же жестом, после чего они опустились в стойку — руки подняты, ноги расставлены. Внезапно Сара выдала головокружительную серию ударов. Брови Питера изумленно подскочили, однако его тело машинально принялось организовывать ответный набор блоков. Сара отскочила, и оба они снова спокойно опустились в выжидательную позицию.

«Вот так неожиданность»,— подумал Питер и тут же сделал себе выговор за ошибочные предположения. Сара была женщиной и водила «психи»; из этого коммандер заключил, что она выждет, пока он сделает первый ход. «У моего сенсея нашлись бы по этому поводу кое-какие слова»,— виновато подумал он. Теперь его глаза внимательно высматривали предательский сдвиг равновесия, который должен был выдать ее очередной ход.

— Вы хотели со мной о чем-то поговорить,— вскоре сказал Питер.— Давайте поговорим. Так в чем дело?

Молодая женщина пристально смотрела ему прямо в глаза, но внезапно ее рука взлетела, и Питер резко ее сблокировал, сам переходя в атаку. Тогда Сара выдала контрудар, после чего последовал целый вихрь атак и контратак. Затем они разошлись и, слегка влажные от пота, но лишь самую малость запыхавшиеся, вернулись в выжидательные позиции.

— Вы набираете команду для какого-то тайного задания, и я бы хотела в нее войти,— ровным голосом произнесла Сара.

— Ох, господи Иисусе,— горестно вздохнул Редер.— Я отправляюсь на выполнение самого широко разрекламированного тайного задания в истории военных действий. С конспирацией у меня еще круче, чем у Буратино. Пожалуй, мне просто следует прибить на дверь своего кабинета гигантскую вывеску: «Требуются специалисты для тайного задания». А снизу пристроить коробку дискет, откуда все желающие смогут извлечь подробно-

сти.— Хотя на самом деле он мог предпринять несколько уловок. Например, признаться, что сам распустил ложный слух о тайном задании, дабы повысить свою популярность, или заявить, что безумно влюблен в племянницу Скарагоглу и ходит к ней на свидания...

— Прошу прощения, капитан-лейтенант,— произнес Питер формальным тоном. А затем его рука вдруг взлетела и ухватила ее предплечье. Сара ловко повернулась, утягивая его за собой, подставила бедро и бросила коммандера на пол.— Вот черт!

— Диса! — крикнула она, останавливая пятку в каком-то сантиметре от его горла.

— Но из-за ангарных ограничений никаких «психов» мы с собой не берем,— слегка задыхаясь, продолжил Питер.— Так что, как бы мне ни хотелось вас взять, это невозможно.

— Весьма самонадеянно с моей стороны было полагать, будто все о моих делах осведомлены,— церемонно отозвалась Сара. Она подала ему руку, помогая подняться, после чего снова отскочила и встала, слегка согнув колени.— К тому же вы были так заняты. И не знаете, что из «психов» я уже переведена. Я добровольно перешла в эскадрилью «спидов».

Питер сделал ложную отмашку, затем, разворачивая тело, взмахнул правой пяткой к ее лицу. Сознательная часть его разума бурлила от изумления. Сара казалась так счастлива и горда своим положением командира звена «психов». «К тому же,— вспомнил Питер,— она пилотов „спидов" ненавидит. Почему же она добровольно захотела таковым стать? Быть может, из-за какого-то понижения в должности? Скажем, она хотела проделать что-то такое рискованное и тем самым вернуть себе прежнее положение? Если так, то все это тактикой отчаяния попахивает — а стало быть, скверной тактикой».

Сара резко дернула торсом, уклоняясь от его удара, а потом сделала полный оборот и ударила в свою очередь. Скрещенными руками Редер поймал ее пятку и стал гнуть на болевой.

«А разве с Падди будет легче?» — вопросил тем временем его разум. Сара упала навзничь, выкручивая пятку из его захвата, а потом с перекатом через плечи снова встала на ноги.

«Но черт побери,— с вызовом ответил себе Питер,— для Падди это может стать последней надеждой». Хотя Сара тоже сама вызвалась на опасное задание. Тем не менее Редер не мог поверить, что ее перспективы столь безнадежны. Его первым побуждением было просто сказать «нет».

— Жаль, что вы раньше ко мне не зашли,— сказал он взамен.— Я уже подобрал команду.

— В самом деле? — осведомилась Сара, так и не распрямляясь в ожидании его очередного выпада.

Ну да, он подобрал. В основном. Внезапно ее откровенный взгляд стал для него невыносимым.

Редер помрачнел и поклонился, после чего повернулся спиной к Саре и подошел к зеркалу. А затем начал новую кату.

Сара вздрогнула и расслабилась. Сузив глаза, она наблюдала за ним сквозь длинные ресницы. Несколько тяжелых минут оба молчали.

— Оператор имитационной установки утверждает, что как пилот я вторая следом за вами,— наконец сказала Сара.— По крайней мере, на этом корабле.

Питер даже на нее не взглянул.

— Сара, никто еще не умер оттого, что его враг был хорошим пилотом,— заметил он. Наконец Редер закончил свой цикл и выпрямился, искоса на нее поглядывая.— Скажите, капитан-лейтенант, вы убивать способны?

Сара к нему подошла — и секунду спустя он уже лежал спиной на ковре.

— Если вы помните, коммандер,— холодно отчеканила она, имитируя удар ему в горло,— я кое-кого убила, и не так давно. Причем в вашем присутствии.— Сара отпустила его руку и встала. Питер с перекатом вскочил на ноги и бросил на нее гневный взор.

«Черт! — подумал он.— Она уже второй раз это проделывает! И она права! Это несправедливо!»

Сара сложила руки на груди, лицо ее лишилось всякого выражения, но досада из голоса не ушла.

— Убивать мне не понравилось,— сказала она,— но я совершенно определенно могу это делать. У вас есть больше прямых доказательств в отношении моей способности убивать, чем в отношении таковых у любого другого члена вашей команды.

Они молча друг на друга смотрели. Наконец высокий лоб Сары слегка нахмурился.

— Хорошо,— процедила она,— я напишу формальную просьбу.— Затем она собралась было уходить, но вдруг передумала и повернулась обратно.— Прошу вас хотя бы ее рассмотреть,— сказала она, после чего пошла к раздевалке.

И-ЙЯ! Редер в бешеном темпе исполнил сложный удар с разворотом, а потом его повторил. Ч-ЧЕРТ! Ч-ЧЕРТ! В прежние времена женщины хотели, чтобы мужчины их защищали, о них заботились. А теперь они хотели покрепче пнуть тебя по заднице и услышать в ответ: «Вот это да! Классно у тебя получилось!»

Редеру меньше всего хотелось иметь рядом с собой на этом задании Сару Джеймс. Ему до смерти не хотелось видеть ее в опасности большей, чем опасность утонуть в реке рапортов и запросов.

Но она будет такой блестящей кандидаткой!

В этом была вся загвоздка. Редер уже твердо уверился, что членам его команды желательно иметь как можно более разностороннюю подготовку. А пилоты «психов» с их широко извес-

тной склонностью к досконального знанию своих кораблей и оборудования, были фундаментально подготовлены в двух-трех областях. «А разве может,— спросил себя Питер,— к примеру, Гивенс этим похвастаться?»

Коммандер тяжко вздохнул. «Нет, не хочу,— мысленно простонал он, а затем обреченно повесил голову.— Но Сара слишком идеальна, чтобы ей отказать».

Кроме того, она бы ему этого никогда не простила.

С сырыми после душа волосами и по-прежнему кислым настроением Редер направился к своему кабинету. Он знал, что был к Саре несправедлив. Еще ему пришлось признать, что она элементарно его обставила. Такого кандидата никоим образом не следовало отвергать по романтическим причинам. Сара тогда просто перестала бы его уважать. Да и он сам себя тоже. Независимо от всего остального, Редер прежде всего был профессионалом.

«А кроме того,— подумал он, пытаясь себя подбодрить,— она еще может не пройти испытания». Что, как он прекрасно знал, было не более вероятно, чем возвращение в Космический Отряд пропеллера в качестве приводного средства...

Редер постепенно приходил в подходящее настроение, чтобы задать кому-нибудь взбучку, и он уже решил, что этим кем-нибудь вполне может стать капитан Ясон Сьярхир, связник Скарагоглу.

«Уже пора бы им прислать ко мне тех десантных кандидатов,— пробурчал Питер себе под нос.— Так или иначе, мне бы уже хотелось дать окончательную отмашку тем, кто ко мне присоединился. А значит, хорошо бы установить по этому поводу какой-нибудь крайний срок».

Что было бы вполне справедливо. Скарагоглу наверняка знал, что пилоты «спидов» днем и ночью стучатся к коммандеру в дверь, предъявляя свои достоинства. И некоторые из их предложений были чертовски заманчивы.

«Как, например, в случае с Сарой»,— прошептала предательская совесть.

Пересекая главную палубу, Редер то и дело останавливался, чтобы поговорить то с одним техником, то с другим. Он подписал запрос на горючее, представленный ему ар-Рашидом. Пока он спешил дальше, разум его был весьма далек от столь земных материй. Этот злосчастный разум был все еще от них прискорбно далек, когда Питер набрал код, отпирающий дверь его кабинета.

— АТЬ-ДВА!

— И-йя! — вскрикнул Редер, и инстинкт мгновенно отбросил его в защитную стойку. После чего он оказался распластан над собственным столом, а его руки с расправленными ладонями были приподняты, чтобы защитить его...

...от двух высоких фигур в защитного цвета десантной форме с красной окантовкой, вытянувшихся по стойке «смирно». Пожалуй, за всю военную историю это была самая необычная поза, в которой старший офицер принимал отдание чести своими подчиненными, и Редер почувствовал, как уши его вспыхнули, когда он наконец выпрямился и откашлялся.

— Только что из гимнастического зала,— объяснил командер, чувствуя, что слова у него выходят довольно вяло, как официальные извинения у политика. Обе фигуры, что стояли по стойке «смирно», как он заметил, имели на воротничках нашивки младших лейтенантов. Одна фигура была мужчиной, почти двухметровой плитой стальных мышц с превосходной серебристо-светлой шевелюрой, лазурными глазами и массивным подбородком. Другая была женщиной, жилистой, около метра шестидесяти, с ежиком черных волос и черными как смоль глазами.

«А головы у них и правда квадратные»,— удивленно подумал Редер.

— Младшие лейтенанты Сэм Кушнер и Пегги Маннинг для исполнения своих обязанностей прибыли! — гаркнул Кушнер.

Редер заметил, как голова Маннинг чуть-чуть дернулась, и решил, что Кушнеру лучше бы поосторожней. «Это не та женщина,— подумал коммандер,— которой по вкусу, чтобы за нее другие высказывались».

— Как вы, черт побери, в мой кабинет пробрались? — резко спросил Питер.

Губы Кушнера слегка задвигались, как будто он боролся с улыбкой, но поднятую в салюте руку десантник держал безупречно.

— Мы подумали, что стоит сразу продемонстрировать наши способности командиру, сэр!

Редер обошел вокруг них и сел за стол. Два младших лейтенанта неловко повернулись, их руки по-прежнему были подняты в салюте. Наконец Питер резко отдал честь в ответ, а когда их руки опустились, рявкнул:

— Вольно!

Оба десантника тут же приняли образцовую строевую стойку «вольно» — взгляды устремлены вперед, лица лишены выражений.

Одарив каждого долгим и жестким взором, Питер заговорил.

— Если кто-то из вас, обалдуев, еще раз решит вот так в мой личный кабинет забраться или еще как-то меня своими способностями впечатлить, считайте, что вы оба отстранены от задания! Это понятно?

— Так точно, сэр! — дружно гаркнула парочка.

«Быть может, мне все-таки посоветовать им произвести на меня впечатление? — подумал Питер.— Например, снаружи по корпусу трусцой пробежаться? Хотя, с двумя такими дуболомами, пожалуй, и жесткий вакуум ничего не сделает — разве что кровь носом пойдет и фингалы под глазами появятся».

— Вы будете работать с пилотами «спидов» и техниками самых разных рангов и привычек, и на протяжении всего этого задания вы будете проявлять к этим людям такое же уважение, какое вы проявляли бы к своим собратьям-десантникам. Это тоже понятно?

— Так точно, сэр!

— Может, у кого-то из вас с этим проблемы? — спросил он.

— Никак нет, сэр!

«Идиоты!» — возмущенно подумал Питер. Непоправимый ущерб здесь уже был нанесен. Он с таким трудом работал над тем, чтобы не сформировать к этим людям никаких предубеждений. Он старательно уверял себя в том, что Скарагоглу не станет проваливать это задание, примешивая сюда пару эгоистичных придурков. «Но вот они, пожалуйста! — подумал коммандер.— Образцовые эгоистичные придурки, в натуральную величину. Да еще в двойном размере самонадеянные. Нет, определенно надо позвонить Сьярхиру».

— Вам предназначена каюта на палубе Б, сектор семнадцатый, помещение Ф, зона младших офицеров — койки номер девять тысяч сто семьдесят и и девять тысяч сто семьдесят один. Раз вы так ловко умеете всюду проникать, то я предоставляю вам самим их найти. Абсолютно со всеми на этом корабле вы должны обращаться любезно и уважительно.— Коммандер бросил на десантников стальной взор.— После этого маленького трюка, вы, ребята, здесь только из милости. Не пробуйте со мной судьбу искушать!

Питер даже не потрудился спросить, понятно им все это или нет. Во-первых, он знал, что им все понятно, а во-вторых, ему было глубоко плевать, если им все-таки что-то непонятно и если они в чем-то напортачат. «Даже лучше,— подумал он,— если они напортачат. Судя по их виду, они станут проблемой, и иметь их под своей командой мне не очень охота».

Два застывших столбами десантника смотрели поверх его головы, почти не моргая.

— Вы свободны,— прорычал Редер.

Десантники мигом приняли стойку «смирно» и браво отдали честь. Получив ответный жест коммандера, они развернулись «кругом», промаршировали к двери и вышли.

«Идиоты,— снова подумал Редер.— Это всем нам солидный шомпол в задницу».

Оказавшись за дверью, Пегги Маннинг повернулась к своему собрату-десантнику и пробормотала:

— Нечего сказать, Кушнер, отличное начало.— Голос у нее оказался роскошно-бархатистым, как будто принадлежал куда более крупной, импозантной женщине.

— Нормальное, Маннинг,— снисходительно ответил ей Сэм, уверенно направляясь по коридору.— Лучше сразу дать им понять, с кем они дело имеют. Так просто честнее.

— Ты хоть представляешь себе, куда мы идем? — спросила девушка. Несмотря на свой сравнительно малый рост, она прекрасно поспевала за длиннющими ногами напарника.

— Нет, черт возьми,— с безмятежной улыбкой отозвался Кушнер.

Маннинг недовольно фыркнула, но пошла дальше.

Вскоре она спросила:

— Что ты про него думаешь?

Изображая легкое недоумение, Кушнер быстро приподнял светлые брови и опустил уголки рта.

— Он мне нравится,— сказал он затем.

— А, коммандер,— с легкой улыбкой сказал Скарагоглу.— Как славно, что вы мне позвонили.

Редер недоуменно заморгал, уверенный в том, что набрал тот самый номер, который дал ему Ясон Сьярхир. «Скарагоглу что, сегодня секретарем Сьярхира работает? — ошеломленно подумал он.— Может, это очередной хитрый заговор Паука, рассчитанный на то, чтобы всех врагов сбить с толку и дезинформировать?»

— Я организовал для вас и ваших людей учебное судно,— продолжил десантный генерал.— Мне также удалось заручиться услугами Василия Молочко.— Он благосклонно улыбнулся и откинулся на спинку кресла, выглядя при этом как гордый отец, который только что своему пятилетнему сынишке на день рождения подарил обещанный велосипед.

— Гм, я... простите, сэр, но я не уверен, что это имя мне знакомо.— Голос Редера был таким же растерянным, как его лицо. «Новый член команды?» — задумался он.

Скарагоглу усмехнулся, и его темные глаза определенно заискрились.

— Знай вы это имя, коммандер, вряд ли бы он своей работой занимался.

«А, понятно,— подумал Питер.— Один из мелких ночных монстров генерала. Мама определенно запретила бы мне с таким сбродом общаться».

— Буду рад познакомиться,— вслух произнес коммандер.

Генерал подался вперед, снова принимая деловой вид.

— Мистер Молочко будет инструктировать вашу команду по поводу пиратов — кто они, как воюют, какая между ними существует вражда, которую вы сможете использовать. Он также натренирует вас в том, как входить в различные шлюзы, чтобы забрать с захваченного корабля добычу.

— Добычу, сэр? «Такое термин не каждый день услышишь»,— подумал Редер, немного озабоченный словоупотреблением генерала.

— За неимением лучшего термина,— спокойно сказал Скарагоглу, и дьявольский огонек блеснул в его глазах.— Двух канди-

датов из вашей прежней команды, к сожалению, пришлось отцепить,— продолжил он.— Ауэрбах получил свою эскадрилью, а Эспиноза на пару месяцев переведена на кабинетную работу — плановая беременность.

— Вот славно! — воскликнул Питер. Эсме и ее муж уже долго в этом смысле старались. Быть может, все эти ритуалы и народные средства в конце концов подействовали; медики, помнится, были сильно озадачены. А Ауэрбах заслуживал быть командиром эскадрильи.— Я не мог бы быть счастливее, если бы они оказались в команде,— честно признался он.

Кроме того, это полностью расчищало дорогу для Сары.

— Ваши другие кандидаты прибудут в течение трех суток,— продолжил генерал.

«Трех суток? — удивился Питер.— Должно быть, они служили где-то поблизости...» Нет, этого быть не могло; база «Онтарио» располагалась так далеко, как ничто другое в этом направлении.

— Я предвосхищал ваши запросы,— объяснил Скарагоглу. Как будто он и мысли Редера предвосхищал. Хотя в голосе и выражении лица генерала не было даже намека на самодовольство. «И все же,— подумал Питер,— он буквально этим сочится. Люди порой говорили мне, что я был самодоволен. Но ведь не мог же я таким быть?» Он решил, что не мог — его надменность была юношеской, дружелюбной, простительной.

— А что, если бы я их не запросил? — с вызовом поинтересовался Редер.— Или вообще это задание бы не принял?

На лице генерала мелькнула ироничная улыбка.

— Вероятно, я бы их отослал назад. Хотя сначала я бы все так организовал, чтобы они как бы случайно с вами столкнулись.— Тут он откровенно ухмыльнулся.— Немного вашу память встряхнули.— Скарагоглу немного побарабанил пальцами по столу, наблюдая за Редером. Затем он продолжил: — Итак, у вас есть трое суток на то, чтобы со всем тут закончить и подготовиться к переправке вашей команды. Время вполне достаточное,— сухо добавил он.— Пока вы тренируетесь с мистером Молочко, капитан Каверс будет доводить «Непобедимый» до полного состава и боевой готовности. А когда вы вернетесь, «Непобедимый» отправится на задание.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Редер, замечая в тоне генерала намек на конец связи.

— Да, пока вы еще здесь, коммандер. О чем таком вы хотели с капитаном Сьярхиром переговорить?

«А, ну конечно»,— вспомнил Редер.

— О ваших десантниках, сэр.— Коммандер старался поддерживать нейтральный тон и выражение лица.— Они придурки.

Генерал зловредно усмехнулся.

— Да, эти двое сущее наказание,— почти с любовью признал он.— Но я верю в вашу способность с ними совладать.— Тут

Скарагоглу панибратски подмигнул Редеру.— Впрочем, давайте начистоту, коммандер... вы ведь и сами самодовольный нахал по типу капризной примадонны; не будь вы таковым, вы бы не проделали того, что проделали. А кроме того, отправились бы на Землю бумажками шелестеть. Лично я могу с вами совладать. Уверен, что и вы с ними сможете. А когда сможете, то найдете их просто неоценимыми — это я вам гарантирую. Было еще что-то?

— Никак нет, сэр.— «Если вам не все равно, господин Паук,— подумал Питер,— я лучше просто здесь посижу и о своей доброй удаче поразмышляю».

— Тогда я позволю вам вернуться обратно к работе.— Скарагоглу прервал связь.

«Я что, действительно ему позвонил? — задумался Редер.— Потому что к концу разговора мне определенно так стало казаться. Интересно, что он со Сьярхиром сделал. Хотя лучше об этом не знать. А то ненароком выяснится, что генерал завернул его в липкий кокон и для будущей кормежки в углу кабинета подвесил».

Вдруг затрезвонил интерком. Редер резко выпрямился и нажал на кнопку приема. На экране снова возникло смуглое, покрытое шрамами лицо Скарагоглу, неприятная ухмылка делала его...

«Сатанинским? — задумался Редер.— Как у Дракулы? Или просто до смерти пугающим?»

— Да, кстати, коммандер, я просто подумал, знаете вы про ту бомбу или нет.

— Про какую бомбу, сэр? — Редер с трудом сдержал голос, чтобы не сорваться на писк.

— Про бомбу Ларкина, коммандер.

— Ларкина?

Скарагоглу хихикнул.

— Да, Ларкина, нашего дорогого покойного квартирмейстера. Знаете, меня пугает мысль о том, что этот человек мог бы совершить, работай он в цивилизованной разведывательной организации, а не в той банде фанатиков. Избегайте фанатизма, коммандер. Он попросту неэффективен. Он провоцирует нереалистичное восприятие действительности, которое ведет к поражению... но все же я должен признать, у Ларкина был талант, причем редкостный.

Экран расщепился на две половинки, и Редер увидел коридор глубоко в недрах «Непобедимого». Его потрясенный разум с готовностью опознал цветную кодировку на трубах и сообщил ему, что это главная силовая магистраль от центральных полей реактора в машинном отделении.

— Господи,— только и выговорил коммандер.

Падди, ар-Рашид, Синтия и Сара — Сара! — стояли плотной группкой возле бронированного кабеля, аккуратно вырезая секцию брони механическим резаком. Несколько таких штуковин сохранились для особых нужд, но это было живописно медлен-

ным способом проделывать столь рутинную ремонтную работу... особенно когда ею занимался нетривиальный персонал.

— Что они там, черт возьми, делают?

— Обезвреживают бомбу, коммандер — по-моему, мисс Роббинс ее обнаружила и позвала кое-кого на помощь. Просто гениально. От лучевого резака бомба почти наверняка бы рванула. На станции, прицепленная к силовым магистралям, она вполне безопасна, но в полевых условиях...

— Так бомба под оболочкой?

— Нет, бомба и есть сама оболочка. Или, точнее, очень искусная подделка таковой. Участок оболочки кабеля представляет собой взрывчатку, которая должна была сдетонировать, как только силовая установка получила бы аварийную перегрузку.

В профессиональном восхищении Скарагоглу покачал головой.

— Я несказанно рад, что вы с мисс Джеймс выписали этому негодяю Ларкину командировку на тот свет,— сказал он.— Похоже, у вас с ней предельно эффективная команда. Все, конец связи.

— Капитан Каверс.

Изумленный неожиданным голосом в тиши его кабинета, Каверс поднял голову. Затем он повернулся к экрану компьютера и был не сильно обрадован, увидев там ухмыляющуюся физиономию генерала Скарагоглу.

«Как он, черт возьми, сюда пробился? — задумался капитан. Чтобы получить прямую связь со столом Каверса, генералу требовалось обойти целый ряд мер безопасности.— Выглядит весьма впечатляюще,— признал капитан.— А также — крайне высокомерно и предельно назойливо».

Каверс состроил любезно-уклончивое выражение лица.

— Чем могу служить, генерал? — осведомился он.

— В понедельник Редер и его команда отправятся на учебное задание. Они будут отсутствовать около пяти суток — разумеется, в зависимости от того, насколько удачно они справятся.

— Разумеется,— согласился Каверс.

«Выходит,— подумал капитан,— ради этого сообщения Скарагоглу такую брешь в протоколе пробил? — Он немного подождал, уверенный, что должно быть что-то еще.— Генерал просто со мной в игрушки играет»,— наконец устало подумал Каверс. Со шпионами существовала такая проблема — они вечно забывали, что большинству простых людей элементарно требовалось делать свою работу и считали это вроде как пустой тратой времени.

Они еще немного подождали. Наконец Скарагоглу понял, что Каверс не собирается огрызаться и заговорил.

— Я не мог не заметить, что командир эскадрильи Шелдон до сих пор не заменил всех раненых,— небрежно заметил генерал.

Каверс выдержал паузу, а затем сказал:

— Это так, сэр.— «Будь я проклят, если буду отвечать тебе как пацан, который домашнее задание не приготовил!» — подумал он. Капитан уже разговаривал об этом с Шелдоном, но не видел смысла распространяться об этом сейчас.

— Эти люди, к сожалению, не будут допущены к службе, прежде чем данное задание войдет в силу, капитан. Категорическим требованием является, чтобы «Непобедимый» был полностью укомплектован личным составом. Если Шелдон сам не хочет выбрать новых людей, я буду рад порекомендовать ему нескольких пилотов.— Генерал любезно улыбнулся.— Таким образом, если он испытывает некоторую неловкость при замене своих подчиненных, он сможет свалить всю вину на меня.

Каверс позволил своим губам слегка изогнуться в довольно суровой улыбке.

— Благодарю вас, сэр. Очень благородно с вашей стороны. Я непременно передам ваше предложение командиру эскадрильи. Однако, полагаю, вы очень скоро обнаружите, что он уже начал делать свои запросы на личный состав по обычным каналам. Мы не далее как сегодня утром обсуждали его кандидатов.— Улыбка капитана стала чуть шире.— Думаю, вы одобрите его выбор.

Скарагоглу зашел здесь слишком далеко, и оба они это знали. Такая степень вмешательства в дела другого офицера высшего ранга граничила с непорядочностью, ибо это включало в себя попытку получить доступ к документам, которые, по сути, были секретными. К счастью, оба собеседника сознавали потребность в спешке, а потому данный инцидент с его богатым подтекстом не нуждался в дальнейшем упоминании о нем кем-либо из них. Особенно поскольку Каверс уже предчувствовал нетерпение генерала.

«Свяжись со Скарагоглу, и скоро собственную душу уже не сможешь назвать своей,— процитировал про себя Каверс, не позволяя, однако, своей злости никак проявляться внешне.— Впрочем, старый ублюдок и сам это знает,— подумал он затем.— И ему наплевать. Пока Скарагоглу идет своим путем, и этот путь приносит желаемые результаты, ему не требуется кланяться протоколу или даже следить за своими манерами. Но Боже ему помоги, если он когда-нибудь по-крупному напортачит. Тогда все начиная от главного военного прокурора и кончая мной самим с него шкуру снимать кинутся».

— Хорошо-хорошо,— говорил тем временем Скарагоглу.— Я надеюсь с ними побеседовать. Я также прослежу, чтобы его запросы были немедленно удовлетворены.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Каверс.

— Тогда не стану долее вас задерживать,— с улыбкой сказал генерал.— Я знаю, что у вас масса работы.

— Благодарю вас, сэр,— повторил капитан.

— Позже,— бросил Скарагоглу и прервал связь.

«Позже? — задумался Каверс.— Что «позже»? Позже я по-настоящему его поблагодарю? Позже мы с ним увидимся? Или позже я его так поблагодарю, что ему мало не покажется? Быть может, мне лучше прямо сейчас отказаться от этого задания и тем самым спасти себя от головной боли, которая мне железно гарантируют размышления о том, что под этим „позже" имел в виду проклятый Макиавелли?»

Каверс раздраженно уставился на экран компьютера. «Скажу тебе еще одну вещь, генерал,— мысленно обратился он к нему.— Даже если это будет последнее из всего, что я сделаю, даже если мне потребуется заплатить за это из собственного кармана, но в следующий раз, когда ты захочешь со мной пообщаться, тебе, как и всем остальным, придется пройти через моего секретаря». Если долгие годы службы чему-то Каверса и научили, так это тому, что если кто-то что-то сделал, это можно потом переделать.

Не рассказывал ли ему Редер о том, что на базе «Онтарио» имеется какая-то «шпионская лавка»?

— Джеймс слушает,— бодрым голосом произнесла Сара еще раньше, чем на экране появилось лицо.— А, коммандер.— Она вежливо кивнула.— Рада вас видеть.

«Если бы ты была рада меня видеть,— подумал он,— ты бы меня по-прежнему Питером звала». Похоже, они откатились обратно на ту стадию развития их отношений, когда он был для нее просто «коммандер».

— А у меня новости,— радостно сообщил Редер.— Часть моей команды пришлось отцепить.— Он широко ей улыбнулся и с надеждой стал ожидать благодарности.

А Сара по-прежнему сомневалась насчет Питера. Она ожидала, что он примет ее предложение еще тогда, в гимнастическом зале, и его отказ ощущался так, словно он ставил ее на место. А потому она решила не делать никаких далеко идущих заключений по поводу новостей и просто спросила:

— Что вы теперь намерены предпринять?

«А, черт! — выругался Питер.— Я тебя хотел об этом спросить! Ну почему женщины вечно в эти игры играют? Да позвони я Гивенсу и то же самое сообщи, последнее, что этот парень бы сделал, это спросил: «Что вы теперь намерены предпринять?» Не успел бы я договорить, он бы уже свой вещмешок паковал.

— Если вы, капитан-лейтенант,— ровным голосом произнес Редер,— по-прежнему в этом задании заинтересованы, я рассматриваю вас в качестве возможной замены.

Сара начала улыбаться тону его «капитан-лейтенанта» и уж совсем откровенно ухмыльнулась той искорке раздражения, которую все это привнесло в его глаза. Она просто ничего не могла с собой поделать — Редер ей нравился. Такой откровенно надмен-

ный тон заставлял все колокольчики опасности у нее в голове заходиться тревожным звоном, но этот мужчина все равно оставался таким чертовски обаятельным.

— Буду очень рада, коммандер,— скромно отозвалась Сара.— Вы бы хотели, чтобы я подала формальную просьбу, как я уже упоминала раньше?

— В этом нет необходимости, капитан-лейтенант. Через трое суток мы будем готовы отбыть на учебное задание. Я устрою всем инструктаж, когда у меня самого будет больше информации.— Он улыбнулся и кивнул, уже собираясь прервать связь. А затем вдруг нерешительно спросил: — Вы, случайно, о Василии Молочко никогда не слышали?

Глаза Сары задумчиво сузились, а затем расширились, когда она что-то вспомнила.

— Как же, слышала.— Она нахмурилась.— Хотя, если честно, не могу припомнить, в какой связи.— Она немного побарабанила пальцами по столу, затем покачала головой.— Извините, фамилия знакомая, но кроме фамилии я, кажется, ничего не припоминаю.

— Спасибо, просто поинтересовался,— сказал Редер и прервал связь. «ПСИХИ — вроде как филиал контрразведки,— подумал он.— Наверное, потому она и слышала какой-то шепоток о его фамилии. Хотя черт его знает — быть может, у шпионов есть какой-то способ стирать себя из твоей памяти.— Тут Питер закатил глаза.— Ну вот, приплыли. Я со Скарагоглу всего неделю общаюсь, а у меня уже собственные теории на предмет конспирации появляются».

Со вздохом коммандер вернулся к своей работе. Но при этом успел улыбнуться мелькнувшей мысли: «Интересно, когда она меня снова Питером назовет?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Бабирусса»,— подумал Питер.— Годится».

Название это принадлежало довольно редкому животному семейства свиных, и переоборудованному грузовому кораблю, на котором предстояло тренироваться членам команды Редера, оно определенно подходило. Корабль был большой, нескладный и сильно помятый, напоминая какой-то крупный модуль крупной орбитальной фабрики, который по случайности отвалился и поплыл своей дорогой, обзаводясь следами износа, заплатами и вмятинами от микрометеоритных ударов. На экране компьютера грузового челнока Редер бесстрастно наблюдал, как эта громадина все массивней нависает над ними. Больше всего учебная база походила на беременную гуппи: попадавшиеся тут и там гигантские оранжевые заплаты пятнали весь серебристый корпус судна, а его конические плавники были черными по краям. Массивный

стыковочный люк ближе к носу корабля смотрелся как тусклый серебряный глаз.

«Или, скорее, на беременную гуппи, страдающую проказой»,— подумал Редер и нахмурился. В тот самый момент, когда ему показалось, что он уже привык к отлучению от кабины «спида», его вдруг отправляли невесть куда в качестве какой-то посылки. Некогда он был независимым человеком, хозяином своей судьбы.

«А теперь,— подумал Питер,— меня вполне можно как мешок с цементом переправлять».

Не то чтобы он так уж себя жалел — разве что самую малость. «Это ревность,— убеждал себя Питер.— Самая что ни на есть чистейшая зависть». И все же теперь, когда он был вполне дееспособным пилотом, он никак не мог заставить Космический Отряд это признать. Сложив руки на груди, Редер позволил себе возмущенный вздох.

Теперь они уже были совсем рядом, и наружная камера показывала, как они приближаются к стыковочной площадке. Редер машинально оценил действия пилота и поставил ему восьмерку по десятибалльной шкале.

«Он слишком влево забрал»,— критически рассудил командер. Большинство людей видели вещи смещенными от центра на несколько градусов. Вот почему меткие стрелки были так экстраординарны. «Это вроде классного броска в бейсболе,— размышлял Питер.— Нужен дар, и очень редкий. Как же я, черт побери, хочу его использовать!»

Стыковочная площадка темнела по мере того, как грузовой челнок к ней приближался, и огни на борту закрывались его корпусом. Движущаяся тень челнока имела в вакууме четкие остроугольные контуры, накатывая на площадку точно чернильный прилив. Последовал легкий толчок, когда грузовой челнок соединился с «Бабируссой», и легкая вибрация прошла по всему его корпусу. Пилот включил интерком, чтобы объявить очевидное, а Редер тем временем уже подобрал свой вещмешок и направился к выходу.

Ему нравилось сходить с корабля первым. Скорее всего, это была иллюзия, но он нередко чувствовал озноб, когда шлюз открывался. Какая-то романтическая его часть уверяла командера в том, что он ощущает некий «озноб космоса». Еще одна маленькая иллюзия, про которую он никогда не рассказывал психологам. Наверняка дело было просто в перемене воздуха при переходе из меньшего по размеру корабля в массивный ангар, но Редер упорно предпочитал свое собственное, более живописное объяснение. Пройдя короткий коридор, он оказался в громадном открытом трюме грузового судна. Воздух здесь был еще холоднее, достаточно чистый, но с привкусом эфира и прочих химикатов. Запахи эти, скорее всего, выплывали из различных микротрещин и неровностей в трюме, оставленные там тысячами перевезенных в свое время кораблем грузов.

Редер огляделся. Десять «спидов» были аккуратно, нос к хвосту, припаркованы на поверхности мильспекового перфорированного настила, очевидно, недавно туда приваренного. Техники, которые прибыли вместе с ним, сразу же направились к своим подопечным, рассыпаясь вокруг них точно нервные цыплята под крыльями несушек. По выражениям их лиц можно было с уверенностью сказать, что они ожидали найти там повреждения. Всякий раз, когда машину сажали не под их непосредственным присмотром, техники считали, что она неизбежно должна быть повреждена.

Питер улыбнулся и решил оставить их в покое. «Но я намерен найти остальную часть команды»,— подумал он. Что же касалось техников, то их он, безусловно, в любой момент ближайших нескольких часов способен был отыскать.

Тут в ангар как раз вошла группа пилотов, а сквозь них прорвалась прелестная молодая негритянка. Пилоты направились к своим «спидам» и озабоченным техникам.

— Коммандер Редер, полагаю,— сказала девушка с мягким акцентом уроженки Восточной Африки.— Меня зовут Криста Макколифф. Я технический советник в команде мистера Молочко. Он послал меня проводить вас на совещание.

— Надо же, как странно,— с улыбкой сказал Питер.— А на шотландку вы совсем не похожи.

— А я и не шотландка,— с ответной улыбкой отозвалась девушка.— Зато мои родители — чистокровные шотландцы.— И с искоркой, мелькнувшей в темных глазах, она отвернулась.

«Ладно,— подумал Редер,— разберемся».

— Можете вы мне что-нибудь о Василии Молочко рассказать? — спросил он.

— Ничего, что бы он сам о себе рассказать не смог,— бросила через плечо Криста. А затем, смягчая резкий ответ, улыбнулась.

«Улыбка у этой девушки просто чарующая,— подумал Питер.— Плюс к тому — загадочная способность никогда не отвечать на вопросы вежливо».

Редер решил покуда заткнуться. Чарующая у нее была улыбка или нет, но эта юная дама явно не собиралась таять перед победоносными синими глазами коммандера и рассказывать ему все, что ему захочется узнать. Пока они шли, Питер почти слышал, как она сочиняет свой рапорт. «Как я реагировал, как я не реагировал, какие вопросы задавал, какие не задавал». К незаданным вопросом интереса обычно бывало столько же или даже больше, чем к заданным.

«Шпионы, что и говорить! — подумал Питер.— Они даже пареную репу черт знает как истолкуют и усложнят. Все на свете проанализируют, запросят результаты, выявят персону, которая прибыла с конкретными результатами, запросят почему и зачем, и так далее и тому подобное. Ничего странного, что все они такие психи ненормальные».

Но на следующие несколько недель всем им предстояло быть запертыми на одном корабле с супершпионом Молочко и его командой. И лучше им было привыкнуть к тому, что они теперь в кроличьей норе сидят.

«Так я уже в их мелкие умственные игры играю? — спросил себя Редер.— То есть, если я заткнулся, играю я или нет? — Он шагал дальше, прикидывая.— Да,— решил он, пока они через объемный, купеческого типа переходной шлюз ныряли в коридор, ведущий по хребту корабля к жилым модулям.— Раз я себе такого рода вопросы задаю, значит, я уже как пить дать в игре».

Да, разумеется, эти шпионы всегда утверждали, что всего лишь хотят подготовить тебя к тому, что может учинить с тобой враг. «Но где потребность в таких обстоятельствах? — задумался Редер.— Мы идем против пиратов и мокаков, а не против дзен-буддистских учителей и даосских монахов. Идеал мудрости и хитроумия для пирата или мокака — это сперва тебя ранить, а потом убить».

Впрочем, мокаки могли обращаться к тебе с речугами по поводу твоих греховных путей и маловерия, прежде чем избавить тебя от твоих мирских несчастий. «Для них, пожалуй, это самое приятное,— подумал Питер.— Сами они никаких серьезных грехов не совершают, зато постоянно и во всех подробностях представляют себе, как мы тут дико и безумно оттягиваемся. Рассказывают, Толкователи верещат про такие грехи, про которые я никогда в жизни не слышал, обвиняя все Содружество в том, что оно их творит. Ничего странного, что они так хотят всех нас тут раздолбать. Зависть порой страшно людей тяготит».

В окружении Питера было теперь не так уж много греховного; просто стандартный пеноформный металл, тускло-серый под светом сияющих стержней, слегка отличных от стандартов Космического Отряда. Криста грациозно повернулась и встала у двери, прижимая указательный палец к панели. Дверь скользнула в сторону.

«Световой контроль»,— с легким удивлением сообразил Редер. Проходя в дверь, он с подозрением ее оглядел. В металле был ряд крошечных вмятинок — вероятно, скрытых датчиков.

«Вот так,— подумал Питер, чувствуя легкое самодовольство.— Похоже, я роль шпиона осваиваю».

— Вряд ли имеет значение, когда вы один раз что-то подмечаете в незнакомой обстановке, коммандер,— произнес мужчина, который стоял спиной к двери, глазея на стенной голоэкран звездного поля снаружи корабля.— Хорошего оперативника отличает привычка всегда, во всех обстоятельствах что-то подмечать.— Он повернулся и стал разглядывать Редера, очевидно, позволяя Редеру делать то же самое.— Тогда, верно все интерпретируя, но не привязываясь к данным одного анализа, вы исключаете возможность ошибки.

Питер видел перед собой более низкорослого, пожилого и седовласого человека, нежели он сам. Невыразительно выглядя-

щего, неприметно одетого. В нем вообще не было ничего примечательного, пока вы не заглядывали в его темные глаза. Они буквально лучились надменностью и интеллектом. Внутренне Редер улыбнулся, прекрасно понимая, что в следующий раз, когда он в них заглянет, они вполне могут оказаться тусклыми, безразличными или скучающими. «Наверное, я сейчас спецобработку прохожу,— подумал он.— Намек на скрытые силы хозяина».

— Дайте нам десять минут, мисс Макколифф,— сказал Молочко.— Затем пригласите остальных.

— Есть, сэр.

Обворожительная Криста вышла, даже не бросив взгляда на Питера. То есть не сделав того, к чему он, откровенно говоря, привык.

Они стояли в конференц-зале, несколько крупнее того компактного конференц-зала, какой обычно можно увидеть на корабле. Роскошный овальный стол был, что невероятно, изготовлен из настоящего дерева, темного и с обильными прожилками. Дерева явно неземного происхождения. Стулья были с высокими спинками и с хорошо набитыми сиденьями, обтянутыми шелковой тканью нейтрального цвета. Верхний свет, возможно, из-за голограммы, был слегка мутным по всему периметру зала, но комфортно ярким над самим столом.

Редер и Молочко молча продолжали друг друга изучать.

— Вас, вероятно, интересует, зачем вам понадобился я, если это чисто боевое задание,— сказал наконец оперативник, отходя от голограммы и отодвигая стул во главе стола.

Питер наклонил голову в жесте, который мог означать все, что угодно.

— Но ведь это задание также и чересчур примитивным никак не назвать, не так ли? — спросил Молочко.— Это, в числе прочего, задание по отысканию фактов. В данных, которые вы будете собирать, да и в самих пиратах, будет содержаться масса ценной информации. Причем ценной не только для тех из нас, кто анализирует то, что вы нам доставляете, но также для вас и ваших товарищей непосредственно на том месте, где вы будете брать пленных.— Он откинулся на спинку стула и задумчиво потер нижнюю губу.— Я собираюсь предоставить вам и вашим людям быстрый и очень примерный курс по искусству все подмечать.— Его губы изогнулись в легкой улыбочке.— Думаю, вам будет забавно.

«Забавно? — подумал Редер.— Этот шпион мне забаву обещает. Вот теперь я и впрямь испугался».

— У вас славная группа,— продолжал тем временем Молочко.— В особенности я одобряю выбор вами капитан-лейтенанта Джеймс. Она очень ценный работник. Собственно говоря, я последние несколько месяцев за ней наблюдал,— признался он.

Редер был уверен, что никак на это не отреагировал; он так и остался стоять, просто наблюдая за Молочко. Однако оперативник изменился в лице и выпрямился на стуле.

— А, так вот оно что.— Молочко подался вперед и сложил руки перед собой.— В таком случае разве можно считать удачной мыслью включение ее в вашу команду?

— Прошу прощения, вы о чем? — спросил Питер, опять наклоняя голову.

— Вас явно заботит эта молодая женщина,— сказал Молочко.— А я считаю, что вам лучше не иметь эмоциональных связей с вашей командой.

«Ого! — подумал Редер, действительно пораженный.— Откуда он это взял?» Если Молочко пытался запугивать его, разыгрывая из себя могущественного главу зловещего супершпионского бюро, то старт он взял неплохой.

В ответ Питер лишь хмыкнул, подходя к столу и вытягивая из-под него стул в противоположном конце.

«У каждого стола есть две главы,— подумал он.— Конечно, я был бы в лучшем положении, если бы мой стул стоял лицом к двери, но когда все рассядутся, мы с Молочко будем на равных». По крайней мере, он на это надеялся.

— Обычно,— заметил Редер,— в бою считается преимуществом, если человек имеет определенную привязанность к своим товарищам. И я действительно забочусь о людях, которые находятся под моей командой.— Он устремил ровный взгляд на шпиона.— О всех вместе взятых и о каждом в отдельности. И я не слишком рад слышать о том, что вы уже просматривали их на предмет того, нельзя ли вам будет здесь использовать что-то из полученной информации.

— Как я уже сказал, коммандер, я некоторое время наблюдал за Сарой Джеймс.

— Капитан-лейтенант Джеймс не будет выведена из состава моей команды,— уперся Редер.— Теперь уже слишком поздно делать замены.

Молочко улыбнулся, судя по всему, искренне обрадованный.

— Вы так галантно встаете на ее защиту, коммандер. Но вы не думаете, что ей будет безопаснее работать со мной, чем под огнем на мокакской территории?

Отвечая, Редер не сводил со шпиона ровного взгляда.— Сэр, я не верю, что кто-то может быть в безопасности под началом у командира, который неохотно образует эмоциональную связь со своими людьми.

Тут Молочко в открытую рассмеялся и показался при этом на многие годы моложе своего возраста.

— Мне это нравится,— сказал он, снова откидываясь на спинку стула.— Но это учебное задание, а не вербовочная миссия. Уверяю вас, коммандер, в мои намерения не входит обеднять вашу

группу на предмет личного состава — даже имея в виду тех альтернативных кандидатов, которых вы сюда привезли.

Он взглянул на часы.

— Так что пусть будет ничья, согласны? Пожалуй, я могу вам обещать, что время, проведенное с нами, вы даром потраченным не сочтете.— Раздался негромкий звонок.— Входите,— пригласил всех Молочко.

Не слишком удивительно было увидеть во главе вошедшей группы двух младших лейтенантов десанта, Маннинг и Кушнера. «Надо бы мне дать им чертовски строгие инструкции насчет их положения в нашей маленькой эскадрилье летчиков-истребителей»,— подумал Редер. Вплотную за ними следовал Гивенс, что немало повеселило коммандера, и, похоже, забавляло десантников. Бывшие соратники Питера по эскадрилье, Айя Вишневская и Алонсо Барак, держались следом, и для каждого из них у него нашелся кивок и улыбка. Сара вошла последней, позади четырех пилотов, которых Питер мысленно называл «альтернативами», глаза ее были сосредоточены на Молочко. Она бросила быстрый взгляд на Питера, лишь раз кивнула и заняла место на противоположной стороне от десантников, точно посередине. Даже Питер почувствовал, как власть смещается, когда Сара стала третьей вершиной треугольника. Это одновременно его порадовало, ибо он понял, что такой поворот событий выбивает из колеи Молочко, и удивило, поскольку он не привык видеть, как капитан-лейтенант играет в политику.

Криста Макколифф обошла вокруг стола, вставляя дискеты в щели возле каждого настольного экрана. Один за другим мужчины и женщины начали выводить на экраны информацию и внимательно ее изучать.

— Итак, дамы и господа,— начал Молочко,— все это может показаться весьма элементарным материалом. Однако существует более двухсот разновидностей переходных шлюзов на коммерческих грузовых кораблях в зависимости от того, откуда они прибыли, кто их производитель и даже на какое эксцентричное приобретение оборотистый владелец судна мог пойти, чтобы заменить часть, не подлежащую ремонту. Помните, вы больше ничего просто так не взрываете; вы будете аккуратно проникать на борт каждого корабля и овладевать им. Я и моя команда обучим вас, как обращаться с большинством из этих переходных шлюзов. По самым необычным из них, для которых у нас может не найтись аналогов, мы предоставим вам видеокурс. Прошу вас, Криста, продолжайте,— сказал он девушке, когда она скользнула на стул рядом с ним.

— Я бы порекомендовала вам не предполагать, что там есть что-то, с чем вы не столкнетесь,— с серьезным лицом сказала Криста.— Проще всего помнить шлюз, которым вы реально пользовались, но даже знание параметров каждого известного типа

может спасти вам жизнь. Поэтому я настаиваю, чтобы вы прилежно изучили дискеты, которые я вам раздала.

— Мы также будем направлять вас в пользовании грубыми и самодельными на вид скафандрами, которыми вы будете обеспечены,— сказал Молочко.— Они имеют все те же системы безопасности, что и любой другой скафандр Содружества, а также несколько полезных приложений, которые у большинства не предусмотрены.— Он одарил их интригующей улыбочкой.— И мы научим вас, как вести себя подобно пиратам. Не нарушая при этом, разумеется, никаких законов Содружества или Космического Отряда.

— В вашем инструктаже есть раздел, посвященный судам пиратов и контрабандистов, их организации и жаргону,— продолжила Криста.— Выучив эти имена и названия, немедленно начинайте пользоваться ими в разговоре, так чтобы они стали для вас привычными. Мы также будем показывать вам видеозаписи пиратских сборищ, чтобы у вас появилось представление о том, как они друг с другом общаются.

— Часто эти сборища очень похожи на подростковые,— заметил Молочко.— Но тот факт, что большинство пиратов — это люди с задержкой в развитии, вовсе не означает, что они не одарены определенной звериной хитростью. А как я нередко обнаруживал, проницательный человек запросто может перехитрить самого блестящего интеллектуала.— Он обвел их внимательным взглядом.— Большинство из вас вписывается в категорию от одаренных до гениев, так что я советую всем вам быть предельно осторожными с вашими предварительными суждениями.

Несколько пилотов неловко заерзали на стульях. Редер и Сара обменялись взглядами, затем быстро отвернулись друг от друга, прежде чем их веселость по поводу Гивенса, Маннинг и Кушнера стала бы очевидна. Питера искренне удивило то, что десантники так себя выдали.

«С другой стороны,— подумал он,— может статься, они как те проницательные типы, про которых только что рассказывал Молочко, и хотят убаюкать остальных, внушая им ложное чувство безопасности». Ибо эти двое определенно были умны и не напоминали тех, кто не отдает себе отчета о своих истинных способностях. Адольф же, напротив, был тем человеком, который всегда пытается себя показать.

Примерно в таком духе совещание и тянулось. Молочко или Криста время от времени отпускали замечание по поводу тех или иных пиратских характеристик таким образом, что оно намекало на некий недостаток у сидящей за столом группы. Редер был уверен, что даже он в какой-то момент должен дойти до белого каления. Для этого было вполне достаточно внимательно подмечать реакцию остальных. Тогда он стал наблюдать за Сарой, высматривая какой-то предательский тик или поворот глаз, но она все это время оставалась на вид спокойной и деловитой.

«Хотя могу поручиться, что Молочко ее как открытую книгу читает,— подумал Питер.— Это совещание как пить дать сказало ему о нас куда больше, чем мы вообще-то хотели, чтобы он знал».

Инструктаж продолжался:

— И наконец, я хотел бы предупредить вас о взаимосвязи между пиратами и изображением пиратства в голофантастике.

— Гм... а разве не правда, что голо — это чистая фантастика, а пираты — гнусные бандиты? — спросила Сара.

— Вовсе не обязательно,— сказал Молочко.— Все человеческие существа имеют иллюзии — особенно на свой счет. Жизнь имитирует искусство. Гнусным бандитам обычно нравится думать о себе как о лихих романтических фигурах. На практике они могут быть пограничными социопатами или откровенными ублюдками, однако они предпочитают думать о себе как о романтических бунтарях против авторитарной власти, как о породе, отличной от конформистских овец...

— И тот, кто на этом зациклился, вероятно, станет брать многое для своего образа из поп-культуры,— задумчиво сказала Сара.

— Именно,— подтвердил Молочко.

«Кажется, я более-менее это для себя уяснил»,— подумал Редер. Он решил упростить дело; как сказал шпион, все здесь были очень умны, но большинство все же были более... гм, примитивны, чем Молочко или Сара. Или сам Питер.

— Капитан-лейтенант и наш наставник имеют в виду, что настоящие пираты любят подражать пиратам из голофантастики, потому что это позволяет им себя чувствовать гологероями.

— Совершенно верно, коммандер! — воскликнул Молочко, с легким удивлением поднимая брови.— Ну вот, это все, что мы сегодня должны были вам рассказать. Продолжайте учиться, есть, упражняться или что вы там сочтете нужным. А завтра в семь ноль-ноль мы начнем ваш инструктаж. Встречаемся во вспомогательном помещении, смежном с ангарной палубой.

Они с Кристой встали.

— Ах, да,— произнес шпион, очевидно, что-то в последний момент припомнив.— Информация, содержащаяся на ваших дискетах, не идентична. Так что потребуется немалые обсуждения, чтобы установить, где лежит различие.— Он одарил их очередной своей язвительной улыбкой, а затем вышел, ведя на буксире прелестную Кристу.

Редер и вся его команда по негласному соглашению остались сидеть.

— Ну что,— начал Питер.— Вы все здесь дольше моего. Кто-то уже успел сориентироваться?

— Боюсь, только не я,— с улыбкой отозвалась Сара.— Я почти все время свой «спид» проверяла. Я нашла ремонтный гараж,— она развела руками,— но он оказался пуст.

— Ресурсы вместе со мной прибыли,— сообщил ей коммандер.— Таким образом, все, что вам требуется, теперь, надо полагать, здесь.

— Мы с младшим лейтенантом Кушнером нашли камбуз, шкафчики с оружием, склад скафандров, спасательные шлюпки, капитанский мостик, бортинженерный отдел,— сообщила Маннинг, потирая указательным пальцем темную бровь.— А вот где размещается мистер Молочко, я понятия не имею.

— Прямо сейчас я бы предпочел узнать, где размещается камбуз,— сказал Редер.— Так что если вы, младший лейтенант, хотели бы проинструктировать всех нас на предмет местной планировки, я бы это очень оценил.

Питер был не на шутку обрадован. «Быть может, Скарагоглу был прав насчет этой парочки? — подумал он.— Мне мало что нравится больше, чем иметь в своей команде первоклассного проныру. И мало что нравится меньше, чем чтобы первоклассный проныра за моей командой охотился».

— Я собираюсь проверить, как там дела у техников,— сказал всем Питер, когда десантники закончили свой доклад.— Я бы хотел, чтобы вы сегодня днем изучили эти дискеты. А в восемнадцать ноль-ноль мы соберемся на камбузе пообедать и попробуем потолковать на пиратском.— Последовало несколько ухмылок.— Все свободны.

Члены команды встали. Вишневская и Барак подошли к Редеру и заулыбались, когда он протянул им руку.

— Как славно снова вас видеть, коммандер,— сказала Айя, обмениваясь с ним крепким рукопожатием. В ее серых глазах светилась неподдельная радость.

— Да, давно не виделись,— кивая, согласился Барак.— Отлично выглядите, коммандер.

— Вы тоже,— признал Питер.— Слышали про Эсме?

Оба пилота рассмеялись.

— Надо жечь побольше свечей, гонять литрами травяные чаи — и даже не заметишь, как это случится,— с лукавой улыбкой сказала Вишневская.

Барак покачал головой.

— Думаю, это все-таки больше с Эсме и ее мужем связано...— Прежде чем он смог закончить, Айя дала ему подзатыльник, и все трое рассмеялись.

— Мы бы могли скинуться и послать им подарок для маленького,— предложила она.

Редер и Барак переглянулись поверх ее головы. Было очевидно, что оба подумали: «Покупать подарки. Это так по-женски!»

С другой стороны, идея была хорошая, и Редер определенно хотел в ней поучаствовать.

— Если ты займешься покупками,— сказал он Айе.

Она с улыбкой кивнула, а глаза ее сказали: «Не понимаю, как можно покупки не любить. Это так по-мужски!»

— Ладно, ребята, надо идти, а в восемнадцать ноль-ноль увидимся,— сказал Питер. Айя и Алонсо кивнули, и коммандер с легким сердцем пошел искать своих техников.

— Салют, подруга! — поприветствовал Гивенс очень мало этим обрадованную младшего лейтенанта Маннинг. Из противоположного конца камбуза ему снисходительно улыбнулся Кушнер, чьи голубые глаза так и искрились, пока он наблюдал, как невысокий пилот пытается приятно провести время с его партнершей. Это было куда занимательней, чем сражаться в неравном бою с нестандартным автоповаром, на первичной кулинарной плате у которого, похоже, имелась особенно зловредная разновидность неосуматрийца. Кушнер сам любил риксдафель, но только не напичканный ялапеньями.

— Подруга? — переспросила Маннинг. Если представить себе слово в виде грязного подгузника, то это она как пить дать держала за самый уголок, причем одними ногтями.— Я так понимаю, ты свою дискету не изучил? — убийственным тоном вопросила она.

— Лады, чувиха,— исправился Гивенс, уверенно кладя руку десантнице на плечо и придвигаясь поближе.— Для занятий время ищо найдется, чуешь? А теперя давай выпьем, закусим и по полной оттянемся. Ну чо, катит?

— Отвали, мандюк! — рявкнула Маннинг. Услышав ее тон и увидев взгляд темных глаз, Адольф отдернул руку.— Если не по кайфу раз-другой дюлей огрести, за свои мудихалы держись.— Увидев его не на шутку озадаченную физиономию, Пегги осклабилась.— А перевод, Адольф, смотри на дискете.— Затем, с ядовито-сладкой улыбкой, она отвернулась и пошла прочь.

Гивенс смотрел, как Маннинг уходит, и вид у него был потрясенный и озадаченный.

— Я так болт к носу прикидываю,— пророкотал у него за спиной Сэр Кушнер,— что ты ей, лейтенант, типа по вкусу. В натуре, без бэ.

Адольф повернулся посмотреть на улыбающегося блондина.

— Правда?

Кушнер посмотрел, как Пегги наливает себе чашку кофе.

— Зуб даю,— сказал он.— Она ведь тебе лыбилась, усек? Но скажу тебе, корефан, лучше ты в тему врубись, а то у младшего лейтенанта на такого лохаря, как ты, времени нет.

— На лохаря? — хмурясь, переспросил Гивенс. Звучало это как-то не слишком заманчиво.

— Ну да,— кивнул Сэм, благожелательно улыбаясь.— А то еще раз завалишься сюда таким мудилищем безмазовым, и эта давала тебе живо коки оттяпает.

Некоторые выражения перевода не требовали. С несколько вымученной улыбкой Гивенс заверил десантника:

— Заметано, корефан.

Сара Джеймс отвернулась, и ее глаза встретились со взглядом в равной степени развеселившегося Редера. Только так она смогла в полный голос не расхохотаться.

— Этот чувак а-вэ целует,— тихо заметил Питер.

— На моей дискете этого не было,— сказала Сара.— Что это еще за а-вэ? Что-то из анатомии?

Редер рассмеялся.

— Может быть. Но на моей дискете это означало трогать антиводород, а значит терпеть катастрофу в ухаживании.

Сара критически повела бровью.

— Думаю, Пегги была очень великодушна. Гивенс вел себя скорей как педрила, чем как мандюк.

Редер развел руками и спросил:

— А в чем разница?

— Мандюк — просто придурок, а педрила — полный обормот.

Он покачал головой и опять развел руками.

— А тут в чем разница?

Сара рассмеялась.

— Разница есть. Небольшая, но существенная.

— Так он был лохом? — спросил коммандер. У него не было времени так внимательно изучить свою дискету, а потому с таким же успехом можно было воспользоваться услугами одного из лучших умов в помещении.

— Нет-нет. Лох — это такое действие. Когда кого-то в дураках оставляют. Глагол для него — лохануть. А лохарь — это тот, кого лохануть можно.— Тут Сара прищурилась.— А как там ваша дискета, коммандер?

— Там был длинный кусок с этим пиратским сборищем.— Питер покачал головой.— Все выглядело примерно как студенческая вечеринка для психотиков.

Сара пожала плечами.

— Большинство студенческих вечеринок такие.

— Нет-нет,— замотал головой Питер.— Там настоящие психотики были. Вам бы не захотелось в одном из таких мест официанткой работать. Черт побери, вам бы и хозяином в таком месте быть бы не захотелось. Пытка, а не развлечение...

Она с интересом на него посмотрела.

— Вы хотите сказать, они в самом деле...

— Нет, я не об этом,— быстро уточнил он.— Но такого жуткого ансамбля я еще никогда в жизни не слышал...

Сара фыркнула, закатила глаза и отошла в сторонку.

— Она не понимает,— сказал Алонсо Барак, передавая ему чашку кофе.— А вот мне попался тот же самый клип, и я

согласен. Если нужны доказательства того, что эти люди полные дегенераты, одной музыки вполне достаточно.

— Не могу поверить, что они этот ансамбль в живых оставили,— согласилась Айя, подходя сзади.

— А кто сказал, что они его в живых оставили? — спросил Питер.— Возможно, они просто дожидались, пока музыканты играть перестанут, чтобы их же инструментами до смерти их забить.

— Сомневаюсь, что я смог бы дождаться,— пробормотал Алонсо.

— Я тоже,— поддержала его Айя.

— Следи за своей грамматикой,— заметил Барак.

— Ну и я,— послушно исправилась она.

— Мы должны показать этот клип всем, у кого его на дискетах нет,— сказал Редер.

— Это будет расценено как излишняя откровенность,— сухо прокомментировала Айя.

— Но там ведь все-таки не мужской туалет,— с ухмылкой заметил Редер.

— А вот я, к несчастью, именно это и получила,— сообщила им Сара, возвращаясь с чашкой чая в руке.

— Ф-фу! — фыркнула Вишневская и вся передернулась.

А Сара всего лишь скорчила недовольную гримаску.

— Нет, все было не так скверно. По крайней мере, запаха не ощущалось. Но я слышала ансамбль на где-то фоне и, откровенно говоря, ближе с его звучанием познакомиться бы не желала.— Она отхлебнула из чашки.— Никогда не думала, что мне выпадет счастье за происходящим в мужском туалете скверного бара наблюдать.

— Люблю женщин, которые знают, как видеть в жизни светлые стороны,— галантно сказал Алонсо.

— Давал, то есть,— уточнила Айя.

Барак удивленно на нее посмотрел.

— Ты о чем?

Вишневская рассмеялась.

— Учитывая наш новый словарь, тебе следовало ее просто давалой назвать.

— А, понятно.

— Так давала означает женщину? — спросил Редер.

— Не обязательно,— сказала Сара.— Персону, которая тебя привлекает. Любого пола, которого ты предпочитаешь.— Тут она явно задумалась.— На самом деле нам надо быть поосторожнее в использовании лишнего жаргона. Когда все время такой бред несешь, сам дегенератом становишься.

— Наверное, именно потому Молочко и хотел, чтобы мы прямо сейчас стали его использовать,— заметил Редер.— Это неглупо.

— Подозреваю, он свое дело знает,— с какой-то тревогой заметила Сара.

— Подозреваю также, он намерен нас как можно ближе со своим делом познакомить,— с усмешкой сказала Айя.— А я просто обожаю новые штрихи к своей автобиографии добавлять.

Мужчины фыркнули, а две женщины обменялись взглядами; подмигивать друг другу им не потребовалось — это был момент идеального взаимопонимания.

Колокольчик негромко отзвенел восемнадцать ноль-ноль, а потому все разошлись собирать свои подносы и строиться на обед. Питера порадовало то, как успешно, судя по всему, его люди прогрессировали. Даже десантники из кожи вон лезли, стараясь быть любезными.

«Все должно сработать как надо,— сказал себе коммандер.— В наших силах сделать так, чтобы все сработало».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Это уже становится малость чересчур, мистер Молочко,— с нажимом в голосе сказал Редер. Скафандр всасывал пот с его лба и то и дело пробегал чистящей пленкой по лицевой пластине.

Оперативник, однако, хотя и персона неизвестного ранга, был начальником над Редером и его командой на все время этого учебного задания. Каждая бригада уже успешно взломала восемнадцать типов различных шлюзов, и Питер был чертовски за них горд. Но они также уже шесть часов без перерыва находились вне корабля.

Техника безопасности Космического Отряда предписывала каждые четыре часа делать перерыв, ибо работа в открытом космосе была по-настоящему тяжелым испытанием; каждое движение требовало усилия и сосредоточения. Что неотвратимо вело к усталости, а она в свою очередь — к губительным ошибкам, когда человеческий мозг попросту отказывался прилагать усилия для мыслей о таких простых действиях, как ходьба, протягивание руки, ухват за зацепку. Его не волновало то, что в открытом космосе нельзя было допускать, чтобы очередная зацепка находилась вне пределов твоей досягаемости, иначе ты мог очень скоро выяснить, зачем вообще-то нужны небеса.

Одна из «альтернатив», молодой лейтенант Джо Майнини, в паре с которым работал Редер, уже начал допускать небольшие отклонения от обычной процедуры. Такие оплошности, которые коммандеру самому страшно хотелось допустить. Но здесь, в открытом космосе, все кратчайшие пути вели к катастрофе. «И мне полагается подавать пример»,— подумал Питер, сдерживая вздох, а также побуждение выпрямиться и понаблюдать за разноцветным гобеленом звезд.

И здесь была вовсе не вина их снаряжения. Скафандрами их обеспечили первоклассными; хотя на вид они казались никуда не годными развалинами, в них было тепло и очень удобно. Даже

после нескольких часов активного использования рециркулированный воздух по-прежнему нес в себе свежесть, а реактивные ранцы работали так же четко и безотказно, как и в тот момент, когда они только-только вышли из первого шлюза. Это был чисто человеческий сбой, ибо люди внутри скафандров стремительно уставали.

— Конечно, коммандер,— после краткой паузы откликнулся Молочко.— Еще вот этот последний.— В голосе его прозвучал намек на то, что они просто не очень стараются.

— Мы справимся, коммандер,— сказал у него под боком Майнини.

Редер отвернулся и закатил глаза. Вот почему этот лейтенант оставался всего лишь «альтернативой». Он был хорошим пилотом и отчаянным храбрецом, но его слишком легко было заставить любой ценой доказывать свою ценность и подтверждать свои достоинства.

— Мы здесь уже слишком долго, мистер Молочко,— заметил Питер.

— Я так прикидываю, у вас уйдет больше времени на то, чтобы пробраться обратно по корпусу к вашему последнему шлюзу, чем открыть люк, на котором вы стоите, коммандер,— с исключительной расчетливостью заметил шпион.— Впрочем, решайте сами.

— Мы справимся, сэр,— повторил лейтенант.— Мы сможем это сделать.

— Суть в том, лейтенант, что мы не должны этого делать. Мы здесь уже намного дольше того, что допускает техника безопасности, и мистер Молочко с легкостью может открыть этот шлюз.— Редер уже цедил сквозь зубы от раздражения.

— Суть в том, коммандер,— с манерной медлительностью произнес Молочко,— что вы тренируетесь для выполнения задания, во время которого никто не станет так просто открывать шлюз и впускать вас на корабль. Независимо от степени вашей усталости.

— Ну хорошо, а настоящие пираты что делают, когда жертва не желает сотрудничать?

— Когда они в достаточной мере раздражаются, то просто пробивают дыру в корпусе и уравнивают внутреннее давление с наружным,— сказал Молочко.— Но я бы вам это категорически не рекомендовал. Так что вам придется научиться открывать шлюзы лучше пиратов без всякого сотрудничества.

— Согласен, мистер Молочко. Но я также склонен думать, что лучше пиратов умею планировать операции и не поведу своих людей в бой вымотанными до предела. Особенно когда у меня есть выбор. Как будет на данном задании.

Редер наотрез отказывался звать шпиона иначе как «мистер Молочко», и эта важная птица, без всякого сомнения порадованная скрытой грубостью Питера, обращалась к нему исключительно как к «коммандеру».

— Этот шлюз один из самых простых,— заметил Молочко, не то подбадривая их, не то укоряя.

«Хо-ро-шо,— подумал Питер, злой, но по-прежнему сдержанный.— Я так прикидываю, все мы знаем, у кого козыри на руках».

Молочко явно не хотел уступать в этом пункте, и плевать ему было на технику безопасности, так что он вполне мог поддерживать с ними такой разговор, пока бы у них воздух не кончился. «Короче,— решил коммандер,— мы откроем этот треклятый шлюз, а потом я предстану перед этим лощеным ублюдком и кое-что напрямик ему растолкую. К примеру, тот непреложный факт, что отныне техника безопасности должна соблюдаться, иначе тут пух и перья полетят».

Без единого звука Редер сгорбился и стал выгружать из ранца приспособления для вскрытия шлюза.

— Оч-чень хорошо, сэр,— с энтузиазмом сказал Майнини и нагнулся помогать.

При виде этого ребенка Питер опять закатил глаза. «А я никогда таким юным и задорным не был, ведь правда? — подумал он.— Скажите мне кто-нибудь, что не был».

Молочко оказался прав насчет шлюза. «Честно говоря,— подумал Питер,— просто не знаю, кто еще до сих пор такие делает». На люке просто имелся эластомерный ободок, а на внутренней части — соответствующая полоска. Шлюз становился герметичным просто путем прижатия одного к другому посредством гидравлического цилиндра, управляемого либо крошечной системкой контроля, либо вспомогательным колесом ручного вращения. Жуткая архаика...

— Четыре минуты пятьдесят три секунды,— сухо констатировал Редер, влезая перед Майнини в тесную камеру и затаскивая парнишку внутрь. Лейтенант потянул на себя люк и крепконакрепко завернул колесо.

— Вот ведь древность, правда, сэр? — с ухмылкой спросил он.

— Пожалуй,— пробормотал Редер. Он сосредоточивался на запуске цикла невероятно архаичного шлюза. «Скорее всего, это просто макет настоящего, рабочего оборудования,— подумал Питер.— Он ведь почти не компьютеризирован». Коммандер повернул еще одну ручку, и показания на лицевой пластине наконец-то проинформировали его о том, что камера заполняется атмосферой.

— Ну вот, слава Богу,— выдохнул Майнини, отпуская застежку шлема и устало его стягивая.— При гравитации эта штуковина целую тонну весит!

— Стойте...— начал было Редер, оборачиваясь; шлюз еще не закончил цикл, и против правил было в таких условиях разделять скафандр.

А затем наружный люк пробило, и Майнини, его шлем, а заодно и Редера взрывным потоком воздуха выдуло в космос.

Искусственная рука Редера ухватилась за раму, пока они пролетали мимо, а болтающаяся левая намертво вцепилась в ботинок лейтенанта. Он подтянул парнишку к шлюзу и втолкнул туда; лицо младшего офицера было жутко искажено, он отчаянно

зажмуривал глаза и сжимал губы. Его борьба с желанием сделать вдох была очевидна, пока кровь из лопнувших вен его носа маленькими шариками отплывала прочь. Редер забрался следом, прикрывая за собой люк.

— Тревога! Тревога! — крикнул он в микрофон.— Взрывная декомпрессия, врача и носилки в этому шлюзу, живо! — Редер попытался задраить люк, но он не закрылся. Быстрый поиск определил, что его искусственная рука выгнула полоску металла в том месте, где он ухватился за край, и ему пришлось потратить несколько драгоценных секунд на то, чтобы снова разгладить эту полоску и позволить люку закрыться.

— Откройте внутренний люк! — крикнул Редер, когда лицевая пластина стала показывать минимальное давление.

Майнини стоял на коленях, глаза его по-прежнему были крепко зажмурены. В условиях корабельной гравитации кровь обильно струилась из его носа и раскрытого рта. Теперь воздуха было достаточно, чтобы он мог дышать. Конечно, там не хватало кислорода, но все-таки это уже был не вакуум. Все тело лейтенанта вздымалось, когда он жадно втягивал в себя воздух.

— А ну откройте люк! — проревел коммандер.

— Сейчас,— тихо отозвался Молочко.

Шлюз прозвенел, завершив цикл, и внутренний люк распахнулся; снаружи уже находилась бригада скорой помощи. Тут Редер все понял. Никакой это был не несчастный случай.

— Теперь мы его немного полечим, сэр,— сказал врач, когда они выходили из шлюза с пристегнутым к носилкам лейтенантом, на котором уже была переносная гермокамера.

— Куда вы его забираете? — спросил Питер. Затем он понял, что врач его не слышит и расстегнул шлем.— Куда вы его забираете? — повторил он.

— Лазарет на седьмом уровне, сэр. Там есть указатели, они вас направят.— И медики вовсю припустили по коридору, старательно избегая задевать за воздуховоды и трубы с цветной кодировкой.

Наблюдая за тем, как они удаляются, Редер заставлял себя делать глубокие, предположительно успокаивающие вдохи. Взрывная декомпрессия была делом нешуточным. К счастью, интенсивная тренировка Космического Отряда пересилила инстинкт, и лейтенант нашел в себе достаточно присутствия духа, чтобы держать глаза закрытыми, сводя к минимуму ущерб, который мог быть нанесен этим деликатным органам. Но ему, скорее всего, грозило какое-то серьезное респираторное заболевание и совершенно определенно масса неудобств. Возможно, даже регенерационный резервуар.

Коммандер был в ярости, потому что в душе он был уверен, что этот «несчастный случай» на самом деле подстроил Молочко. Он сам видел, как лейтенант довернул колесо до упора; согласно планам, которые они изучали, люк должен был оставаться задраенным. Если же он таковым не остался, то либо шпион и его

приспешники с ним похимичили, либо Редера и его команду просто не обеспечили полной информацией. «Как ни крути,— подумал Питер,— а Молочко все равно виновен».

Он в темпе протопал к ангару со скафандрами. Не было никакого смысла устраивать этому вшивому мандюку корриду в десяти килограммах космического снаряжения. «А кроме того,— подумал Питер,— это даст мне время успокоиться. Я не хочу проделывать то, что проделал бы Падди, и завязывать морским узлом нос этому вонючему педриле.— Он вошел в лифт и назвал нужный ему уровень.— Как бы мне ни хотелось это проделать, я не могу. Неподобающее поведение в отношении офицера, нарушение субординации и тому подобное».

Войдя в ангар со скафандрами, Редер нашел там довольно подавленную группу, члены которой помогали друг другу вылезать из объемистого снаряжения. Раздевать друг друга имело смысл, поскольку тогда тебе не приходилось ждать, пока наружная температура скафандра вернется в те пределы, которые способна переносить человеческая кожа. Все головы повернулись, когда он вошел, а глаза безмолвно запросили информацию, ибо все слышали, каким тоном Редер вызывал экстренную медицинскую помощь. Но выражение его глаз погрузило всех в молчание.

Еще раз переведя дыхание, Редер объявил:

— Майнини снял шлем раньше, чем шлюз закончил цикл. Люк пробило, и мы полетели в космос. Я его вернул. Теперь им медики занимаются. Я расскажу вам больше, когда сам буду знать.

Все, кроме Кушнера и Маннинг, переглянулись. Уже свободные от скафандров, десантники двинулись к коммандеру.

— Помочь вам, сэр? — спросила Маннинг.

— Если не трудно,— секунду спустя согласился Редер.

Маннинг сняла шлем, Кушнер занялся пломбами.

— Молочко? — тихо спросил десантник.

Питер буквально выстрелил в него огненным взором, и губы Кушнера напряглись.

— Вообще-то я не врач,— проговорил десантник,— но этого мандюка я бы точно психотиком назвал.

— Другими словами,— сказала Маннинг, положив на место шлем и начиная работать с пломбами на другой стороне скафандра,— если вы думаете, что это дело рук шпиона, то вы, скорее всего, не ошибаетесь. У него репутация наглядные уроки давать.

Коммандер на какое-то время совсем перестал дышать, а затем прорычал:

— Если у вас двоих есть какие-то сведения о Молочко, даже если это всего лишь слухи, я требую, чтобы вы мне их сообщили. Немедленно. Пока кто-то еще без шлема из переходного шлюза не вылетел.

Два десантника стащили с Редера верхнюю половину скафандра, при этом переглядываясь.

— Сэр, о нем не так много известно. Даже слухов,— сказала Пегги, приглаживая свои черные волосы.

Кушнер положил на место верхнюю половину скафандра, Вернувшись назад, он сообщил:

— Он вроде генерала Скарагоглу. Вольный стрелок.— Здоровенный десантник развел руками.— Но в отличие от генерала, ему действительно по вкусу такие вот фокусы проворачивать. На его учебных заданиях непременно кого-то ранит. Честно говоря, сэр, я думал, вы это знаете.

Невероятным усилием воли Редер сдержал свою ярость.

— Никогда не предполагайте, будто я что-то знаю,— сквозь зубы процедил он.— Одна из ваших задач в ходе данного задания — это обеспечивать меня информацией. Вы не сможете этого делать, если намерены предполагать, что я и так все знаю. Мне желательно получать слишком много информации, чем, как в данном случае, совсем никакой.

— Есть, сэр,— дружно буркнули десантники, каждый из которых в тот момент стягивал с коммандера магнитный ботинок.

— Если бы вы знали, сэр, это все равно бы не помогло,— после мгновения неловкости, глядя ему прямо в глаза, сказала Маннинг.— Кого-то всегда ранит — это у Молочко вроде как фирменный знак. Знание просто повысило бы уровень тревоги.

— Обычно никто не гибнет,— добавил Кушнер, причем глаза его были опущены.

Редер посмотрел поверх их голов и увидел, как на него в ответ в ужасе глазеют семь лиц.

— Обычно? — переспросил он.

«Толковые, жесткие учения — это одно,— подумал Питер.— Если они проходят достаточно реалистично, всегда бывают несчастные случаи. Это небольшая цена за кровь, не пролитую в настоящем бою. Но умышленно ставить чью-то жизнь под угрозу — это совсем другое».

Десантники кивнули и развели руками.

— Мне надо срочно душ принять,— сказал им Редер и, змеей выскользнув из нижней половины скафандра, направился в душевую.

«Черт побери,— подумал он,— этому парню сходят с рук самые настоящие убийства личного состава Космического Отряда, и никто ему до сих пор счет не предъявил? Я знал, что попал в кроличью нору, но даже не думал, что она в ад ведет».

— А, это вы, коммандер,— произнес Молочко, откладывая перо в сторону и складывая руки перед собой.— Прямо в мою звериную берлогу явились? — Он ухмылялся, но в глазах у него была настороженность.

Из целого ряда расставленных вдоль стены кабинета стульев Редер взял один и грохнул его туда, где до тех пор ничего не стояло.

— Нам необходимо вашу программу обсудить,— проговорил он после того, как довольно долго поизучал шпиона.

Молочко удивленно поднял брови и откинулся на спинку стула. Затем он развел руками.

— Но моя программа вам известна,— резонно заметил он.— Мы будем учить вас, как вскрывать шлюзы, как избегать минловушек, как вести себя подобно пиратам, как собирать разведданные.— Он пожал плечами.— Все это вам будет обеспечено.

Редер смотрел на шпиона, словно ожидая, что тот продолжит.

— Значит, так,— сказал он наконец.— Мое впечатление от вашей программы в данном случае таково, что вы намерены терроризировать и, если это соответствует какой-то вашей личной цели, мне неясной, даже убивать членов моей команды.

— Это смехотворно.— Молочко хорошо наманикюренной ладонью отмахнулся от высказанного мнения.

— Я видел, как Джо Майнини задраивает тот люк,— мрачно проговорил Редер.— Я наблюдал за тем, как колесо идет до упора. Тот люк не должно было пробить.

— Лейтенант Майнини снял шлем до того, как шлюз закончил цикл,— небрежно заметил шпион.— А это, согласитесь, делать очень опасно.

— Тот люк не должно было пробить, мистер Молочко.

— Ну-у, это еще как сказать,— протянул тот и поморщился.— Вы здесь также и за тем, чтобы узнать о минах-ловушках.

— Но не сегодня,— отчеканил Редер.— Сегодня нам было заявлено, что мы будем просто вскрывать эти шлюзы. Мы только-только начали изучать по ним руководства, и никаких инструкций по отысканию и обезвреживанию мин-ловушек нам не дали. О чем вам прекрасно известно.

— Как вы не понимаете! — с жаром произнес Молочко, подаваясь вперед.— Я пытаюсь научить вас ожидать неожиданного!

— Но это не ваша задача,— проинформировал его Редер, также подаваясь вперед.— Ваша задача — научить нас вскрывать шлюзы, обнаруживать и обезвреживать мины-ловушки и собирать разведданные на пиратов. Если кто-то и будет учить моих людей ожидать неожиданного, то это буду я, а не вы. У вас просто нет времени еще и этому их учить, так что просто предоставьте это мне, и я в нужное время об этом позабочусь. Мы хорошо понимаем друг друга, мистер Молочко?

Шпион подался назад, пока Редер говорил, и наблюдал за коммандером с полузакрытыми глазами, легко пристроив подбородок на приподнятой ладони.

— Нет, коммандер, мне не кажется, что мы с вами хорошо друг друга понимаем. Из понимания здесь явно выпадает тот факт, что на все время данного учебного задания я командую вами и вашими людьми. Вы будете делать все, как вам будет сказано, и будете делать это без вопросов.

— Я так не думаю.— Редер встал и, широко расставив ладони на столе Молочко, подался вперед.— И не готов с этим согласиться. А потому давайте я вам расскажу, как все будет происходить. Каждый вечер вы будете давать мне повестку следующего дня, подробно описывая ваши планы по поводу наших действий. Если там будет что-то, что мне не понравится, вроде вылета Майнини из переходного шлюза, тогда мы удалим это из повестки дня, и... этого... не... произойдет. Собственно говоря, начиная с этого момента, никаких несчастных случаев в любой форме больше запланировано не будет. Вам это понятно?

Молочко с негодованием на него смотрел.

— Чушь собачья,— грубо отозвался он.— Вы не в том положении, коммандер, чтобы диктовать мне условия.— Шпион одарил Питера краткой холодной улыбкой.— Повторяю, я здесь командую, и вы будете делать все так, как я вам скажу.— Он развел руками и, улыбаясь, покачал головой.— У вас просто нет другого выбора.

— А вот тут вы ошибаетесь,— произнес Редер, выпрямляясь и кладя ладони на бедра.— Выбор у меня есть. Если вы не согласитесь с моими условиями, я от этого задания откажусь.— Питер пожал плечами и сложил руки на груди.— Запросто.

— Вы не сможете этого сделать,— смеясь, сказал Молочко.— Даже если бы вам захотелось, вы не сможете. Вы ждете, что я поверю, будто вы добровольно возьметесь за канцелярскую работу? Станете день за днем просиживать штаны в какой-то дыре, пока другие будут вести настоящий бой? Нет, Редер, только не вы. Это не в вашем характере.

— Я лучше буду просиживать штаны в любой дыре, чем безропотно смотреть, как вы калечите или убиваете людей, за которых я несу ответственность.— В голосе Редера звенела искренность, а взгляд его упирался в холодные глаза шпиона.— Я склонен думать, что это в моем характере.

— Нет, вы не сможете.

— Смогу. И именно так я и поступлю.

— И мы тоже,— донесся из интеркома голос Сары Джеймс, за которым последовал одобрительный хор остальных летчиков.

— Уверен, вы знаете, что для подготовки к данному заданию есть очень небольшое окошко,— сказал Питер, подавляя улыбку и пытаясь скрыть свое удивление.— Сомневаюсь, что генерал Скарагоглу будет обрадован, если мы почувствуем себя вынужденными всем составом отказаться от данного задания по причине вашего нетерпимого поведения.

Никакого выражения не просматривалось на лице Молочко, пока он глядел на коммандера в ответ. Затем шпион поморщился.

— Что ж,— проговорил он,— раз вы намерены вести себя так театрально, очень хорошо. Я соглашусь с вашими условиями. Для протокола я лишь хотел бы сказать, что вы сами не знаете, чего лишаетесь.

«Надеюсь, никогда и не узнаю»,— подумал Питер.

— Благодарю вас, мистер Молочко,— вслух сказал он.— Так когда я могу ожидать получения повестки дня?

— Она будет передана вам в девятнадцать ноль-ноль,— осклабился Молочко.— Это вас устраивает?

— Вполне.— С этими словами Питер развернулся, мысленно поздравляя себя с тем, что все-таки не придушил ублюдка. «Хотя ни единой секунды мне не казалось, что без этого можно будет обойтись»,— подумал он и вышел из кабинета.

Когда он появился из двери, Сара Джеймс подняла палец от кнопки интеркома и улыбнулась. Криста, сидя с прямой спиной и положив ладони на стол, с подозрением на него смотрела, а остальные члены команды ухмылялись как слабоумные бурундуки.

— Я сейчас,— сказал Редер. Он снова открыл дверь кабинета и сунул туда голову.— Кстати, мистер Молочко, эти правила также распространяются на мой технический и обслуживающий персонал. Вам это понятно?

— Не будьте так назойливы, коммандер,— усталым голосом отозвался Молочко.— Разумеется, понятно.

Питер тихо прикрыл дверь и повернулся к своей команде.

— Ну, а вы что здесь делаете? — спросил он.— Разве вам кое-что изучить не полагается?

Все ухмылялись и кивали друг другу, выходя из конторы и направляясь к своим компьютерам. Редер следовал за ними немного медленнее и думал: «Все было слишком просто. Черт с ней, с субординацией — офицер, который не способен постоять за своих людей, недостоин ими командовать, и вообще дерьма не стоит... но все-таки это было слишком просто».

Расписание следующего дня, во всех подробностях, прибывало каждый вечер после обеда.

— Две недели я мистера Молочко в глаза не видел,— пробормотал Питер себе под нос, просматривая записи о занятиях заключительного дня. Они в основном были связаны с тем, как камуфлировать «спиды» — не просто физически, а избегая тактических методологий Космического Отряда без потерь в боевой эффективности.

— Вообще-то, может, и к лучшему... но все-таки я его целых две недели не видел.— «Возможно, подразумевалось, что моя назойливость лишила мою команду драгоценного внимания Шпиона Всея Галактики?» — подумал Питер и покачал головой, наблюдая за тем, как изображение «Бабируссы» уменьшается на экране компьютера.— Что-то здесь не так,— решил он.— И вся эта история еще далеко не закончена».— С этой мрачной мыслью коммандер вернул на экран компьютера рапорт, над которым он перед этим работал.

Ясно было только одно. Скарагоглу непременно следовало проинформировать о скверных привычках мистера Молочко. С надеждой на то, что этого мелкого седовласого психа все-таки остановят.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После этого рейса уже не было времени для выражения гордой холодности на лице, когда Редер высаживался на главную палубу «Непобедимого». Хаоса там было чуть ли не сверх меры: по два «спида» теснились на одной стоянке, переругивающаяся группа мужчин и женщин боролась с пусковой дорожкой среди проносящихся мимо тележек и снопов искр, а поверху скользили подъемники, груженые противоударными синтетическими ящиками, которые были помечены загадочными комбинациями букв и цифр... короче, создавалось отчетливое ощущение, что корабль лихорадочно готовится к боевому круизу.

«Похоже, «Непобедимый» неожиданно отчаливает от станции,— подумал Редер.— Странно. До сих пор не было никаких признаков, что здесь аварийная ситуация. Хотя с другой стороны,— тут коммандер пожал плечами,— аварийные ситуации всегда внезапны и непредсказуемы».

— Всему старшему личному составу прибыть в капитанский кабинет для инструктажа,— донеслось из интеркома. Со словами «ладно, старшина?» Редер отдал Падди свой вещмешок.

Едва дождавшись ответного кивка, он устремился к соединительному лифту. Сейчас, когда скорость, похоже, стала для всех окружающих решающим фактором, Питер не сомневался, что капитан Каверс не стал бы требовать от своих офицеров соблюдения обычного правила о том, что передвигаться по кораблю надо пешком.

— Сэр! — Лейтенант Роббинс втиснулась в лифт следом за ним.— Поскольку я последние две недели командовала главной палубой, мне, наверное, следует отправиться с вами, чтобы вас проинструктировать. Статус готовности следующий...

«Деловитая эффективность с каменным лицом — ее фирменный знак,— подумал Редер.— Но ведь если приглядеться, там и человеческое существо присутствует, причем весьма привлекательное».

Редер расслабился и позволил Синтии болтать, зная, что главная палуба находится в надежных руках главного старшины Джомо ар-Рашида. Имея доскональное описание всего того, что было выполнено за время его отсутствия, подкрепленное исчерпывающим рапортом, который вручила ему Синтия, Питер рассчитывал отбиться от любых вопросов, какие могли возникнуть у капитана Каверса. «В сущности,— подумал он,— мы готовы». В свою бытность простым пилотом «спида» он принимал это как само собой разумеющееся. Но только не теперь!

— Отличная работа, лейтенант,— похвалил он девушку. Дверцы раскрылись в коридор перед кабинетом инструктажа; несколько глав отделов уже к нему спешили.

— Благодарю вас, сэр,— отозвалась Синтия, отступая назад. Дверцы закрылись, скрывая слабый намек на улыбку, и лифт

понес Роббинс назад к главной палубе, где тысячи задач чуть ли не хором взывали к ее вниманию.

Питер ухмыльнулся, довольный тем, что так ее порадовал. «Похоже, эта девушка понемногу обтесывается»,— подумал он. Конечно, эта ее улыбка вполне могла заставить Монну Лизу выглядеть скалящейся идиоткой, но все-таки это была именно улыбка. Учитывая, на что была похожа Синтия, когда он только-только прибыл на корабль... впрочем, следовало помнить о том, что тогда над ней висело обвинение в диверсии и убийстве.

Развернувшись, Питер решительно вошел в кабинет буквально на пятках Ашли Люрман, главы отдела астронавигации. Капитан уже сидел на своем месте, разговаривая со старпомом. Когда Редер и Люрман скользнули на свои стулья, Каверс поднял взгляд.

— С благополучным возвращением, коммандер,— сказал он.

— Благодарю вас, сэр.

— Как видите, мы готовимся стартовать.— Едва капитан это сказал, как возник легкий крен — едва ощутимый сигнал о том, что «Непобедимый» отчалил от базы «Онтарио».— Поправка, мы уже стартовали к месту нашего задания. Да, люди, это были напряженные две недели,— сказал он, оглядывая стол,— но из тех рапортов, которые вы мне предоставили, я заключаю, что мы готовы настолько, насколько этому только могли способствовать наши собственные усилия и старания квартирмейстера.

Все от души заулыбались. Квартирмейстер был необычайно щедр. Еще одну причину улыбок составляло то, что им наконец-то предстояло выяснить причину этой щедрости, равно как и всего аврального доукомплектования и замены личного состава.

Капитан нажал на клавишу, и центральный голодисплей вспыхнул, демонстрируя поле астероидов, которое Редеру уже было хорошо знакомо.

— Итак,— начал капитан,— пора рассказать вам о нашем задании. Это система Хаос.

— Удачное название,— пробормотал Труон Ле, начальник тактического отдела.— Свалка еще та.

Все вокруг стола молча с этим согласились; место это казалось чуть ли не целиком состоящим из камней. У Оджи Скиннера, старшего механика, сделался особенно траурный вид, поскольку именно его подчиненным предстояло справляться с метеоритным повреждением, а в подобной системе такое повреждение стало бы поистине катастрофическим.

— Мы направляемся туда, чтобы перехватить пиратов, которые ограбили транспорт, груженный заготовками для микросхем.

Все за столом подались вперед с интересом и досадой. Обладание столь совершенной и, разумеется, секретной технологией резко повысило бы эффективность мокакских датчиков и их ракетных боеголовок. Хотя и тех, которыми они располагали бывало порой вполне достаточно.

«Красивой эту картинку не назовешь»,— подумал Редер. И привыкнуть к ней он никак не мог.

— А почему нас интересует система Хаос, сэр? — спросила Люрман.— Там нет никаких специальных мощностей. Точнее,— поправилась она,— у мокаков там есть небольшая дозорная станция, но и только.

— Очевидно, пираты используют ее как черный ход,— сказал Каверс.— Разумеется, они хотят всеми силами уберечься от глаз Содружества, и эта система для такой цели просто идеальна. Тут также разворачивается определенная контрабандистская активность. Еще одной нашей целью станет попытка положить этому конец. Согласно данным разведки, в последние несколько месяцев мокаки существенно усилили свое присутствие в этой системе. Отношения пиратов с мокаками, похоже, развиваются неожиданно успешно — именно поэтому наш старт был передвинут на тридцать шесть часов. Не то чтобы пираты так уж пунктуальны,— протянул Каверс,— но если информация точна, нам нужно поспешить, чтобы проделать все вовремя.— Капитан оглядывал мужчин и женщин вокруг стола. Они смотрели на него в ответ, напряженные и сметливые как молодые львы на охоте.— Частью нашего плана,— продолжил он,— станет вбить клин между пиратами и мокаками. Нас обеспечили копией пиратского межкорабельного кода, и мы будем передавать сообщения, предназначенные для получения их мокаками, высланными встретить пиратов. Существенно важно,— подчеркнул Каверс, поймав взгляд командира эскадрильи Берни Шелдона,— чтобы по меньшей мере один из вражеских кораблей сумел спасись и распространить эту информацию. Тогда мокаки должны заподозрить пиратов во всех мыслимых грехах.

— Так точно, сэр,— пробормотал Берни.

— Вторая фаза нашего задания включает в себя действия коммандера Редера и его добровольцев,— продолжил капитан.

Глаза Шелдона вспыхнули, когда он бросил краткий взгляд на Питера. Затем он снова обратил все внимание на капитана.

Едва Каверс закончил говорить, как командир эскадрильи хлопнул ладонью по столу.

— Блестяще! — воскликнул он.— Нейтринные сигналы и обломки от этого боя совершенно заморочат их датчики. Мы сможем сбросить хоть сотню «спидов», и они ничего не заподозрят!

Каверс втайне улыбнулся. Он знал, что Шелдон отдал бы все, лишь бы войти в команду Редера. Он бы даже наверняка согласился принимать приказы от коммандера.

— Нам понадобятся все «спиды», какие у нас есть, командир эскадрильи,— сказал капитан.— Итак, фаза третья. «Непобедимый» станет прыгать туда-сюда по мокакскому космосу, выискивая, с кем бы погромыхать.

Весь стол молодых офицеров внезапно превратился в единую хищную ухмылку.

— А, тогда хорошо, сэр. Тогда у эскадрильи зубы не затупятся.— Шелдон явно испытывал большое облегчение.

— Уверяю вас, дамы и господа, зубы у всех у нас в конце данного задания должны стать такими острыми, что нам придется вовсю стараться губы себе не порезать.— При этом замечании кольца Академии застучали по столу в знак одобрения.— Таковы данные инструктажа. Есть вопросы?

Вопросы возникли, но на них тут же были даны четкие ответы, и все очень быстро закончилось.

— Тогда благодарю вас,— в заключение сказал Каверс.— Вы все свободны для выполнения ваших, не сомневаюсь, насущных задач.

Все офицеры встали, отдали честь и вышли. Глаза их были полны планов и ожиданий.

«Очень надеюсь, что все идет, как и ожидалось»,— пессимистично подумал Редер, выходя вместе с остальными. Его богатое воображение уже обеспечивало ему картинки метеоритного повреждения, не подлежащего исправлению или игнорированию, а также поджидающих их в засаде крупных наступательных сил мокаков. «Хотя на самом деле это будет то, что нужно,— подумал он, немного развеиваясь.— Намного лучше, чем несостоявшееся свидание». Этот, куда более вероятный сценарий вогнал Питер обратно в хандру.

«Черт побери! — вдруг вспомнил он.— Ведь я так и не оформил свой рапорт Скарагоглу на предмет паскудных привычек мистера Молочко. А разве мне не интересно, почему разведка передвинула дату нашей встречи с пиратами? Еще как интересно,— с усмешкой подумал Питер.— А еще интересней — нет ли тут связи».

Дронго, капитан корабля с радостным названием «Первач», нетерпеливо постукивал пальцами по вихляющему подлокотнику своего командирского кресла. Другая рука чашечкой охватывала небритый подбородок пирата.

У капитана был искусственный глаз, в данный момент выключенный, чтобы сэкономить батарейку. Поразительно напоминая традиционную черную повязку, аппарат этот заполнял всю глазницу. Столь характерную внешность пиратского капитана Дронго с неустанной заботой культивировал.

На плече у него сидело сверкающей расцветки всеядное существо с широкими желтыми глазами и зловредно изогнутым клювообразным рыльцем. Подражая руке Дронго, существо постукивало пятью из шести своих лапок и приговаривало:

— Ждем-с, ждем-с.

— Ага,— прорычал Дронго.— Ждем, пока эти расфуфыренные мокаки наконец пернуть отважатся.

По всему капитанскому мостику послышались смешки, а маленькое существо разразилось поразительной громкости баритон-

ным хохотом. Капитанский мостик «Первача» представлял собой прямоугольник с L-образным добавлением сзади; док, в котором пиратский корабль переоборудовали из грузового экспресса, интересовала исключительно функциональность. По сути, там, наверное, никогда не слышали об эстетике, а слова «эргономичный» даже со словарной программой бы не нашли, и на судне оказалось куда больше всяких модулей, чем на боевом корабле приблизительно той же массы. Все это стало результатом закупки менее изощренных компьютеров и инфосистем, но кое-как сварганенный компромисс тем не менее доказал свою неплохую работоспособность. И, соответственно, экономичность.

Поверх обычных корабельных запахов синтетики и рециркулированного воздуха чувствовался слабый привкус несвежего мяса и озона — наследие недавнего боя, из-за которого уцелевшие на капитанском мостике работали в скафандрах. Дронго находился здесь именно по этой причине, и он был одним из немногих, кто твердо помнил, что лицевую пластину нужно держать закрытой.

— Заткнись, Жулик,— любовно бросил капитан. После того, как пират его раздобыл, долгое время он звал существо просто «мелким жуликом», намереваясь в конечном итоге найти имя получше. Однако близкое знакомство с вороватым зверьком вкупе с привычкой взяли свое, и существо так навеки Жуликом и осталось.

Теперь все на капитанском мостике «Первача» носили космическое снаряжение. Даже у Жулика имелась небольшая герметичная клетка, прикрепленная к спинке капитанского кресла, и существо было выдрессировано в темпе туда забираться. На «Первача» никто не ценил внешний лоск и опрятность, но все знали, что жизнь каждого зависит от внимания к деталям. Тот, кто считал, что честный труд — это для него слишком, обычно в космосе долго не протягивал.

— Тащатся, капитан.

— У меня у самого глаз нет, что ли?

Экран у него на пульте засветился изображением мужчины лет тридцати с хвостиком. Облаченный в белые одежды, мужчина смотрел на пирата и безуспешно пытался скрыть свое пренебрежение.

Дронго как можно глубже засунул палец себе в ноздрю и покрутил. «Пусть у тебя будут причины так на меня зырить, кореш»,— подумал он. К его радости мужчина на экране заметно скривился, а все его лицо задрожало от ненависти.

— Салют! — радостно проревел Дронго, вытирая палец о рубашку. Мужчина опять скривился.— А мы подумали, вы там покемарить решили.— В словах капитана была толика резкости.

— Наши извинения за задержку, капитан,— сказал мокак.— Мы пытались установить, что это на самом деле... «Первач» и что вы одни.

«Мать твою,— подумал Дронго.— Ты даже «Первач» сказать не можешь, чтобы не поперхнуться».

— И как, теперь вы довольны? — саркастически поинтересовался он.— Или мне покуда пойти похавать, типа выпить, потрахаться, пару колес в пасть закинуть? «Блин, ну у него и видок,— подумал капитан, с героическими усилиями поддерживая на лице выражение плохо сдерживаемой ярости.— Как бы он свой нос себе в глотку не вдохнул».

Жулик, улавливая истинное настроение Дронго, испустил мощный смешок. Дронго укоризненно его шлепнул, и маленькое существо сжалось в комочек, изображая обиду.

Мокак мужественно продолжил.

— Нам нужно осмотреть ваш груз.

— Да? Нужно? — спросил Дронго.— Правда нужно?

Не то чтобы он реально мог что-то поделать, если они решили на него давить. Мокаки составляли тактическую группу из трех истребителей и легкого крейсера. Слишком много для Дронго и его команды. Его неприятно удивило их число. Сперва капитан подумал, что они хотят уничтожить его судно и забрать себе грузовой корабль, который он тащил на буксире. «На их месте,— подумал Дронго,— я бы так и сделал, как пить дать».

Затем он понял, что, как бы мокакам этого ни хотелось, они себе этого позволить не могут. Без пиратов и контрабандистов эти мудозвоны вообще никаких ресурсов бы не получали. Им приходилось иметь дело с такими, как Дронго, хотя для них это было все равно что собственные шары струбциной зажимать. Так что капитан мог позволить себе малость подразнить мокаков, а их к нему отношение делало это желание просто неудержимым. К тому же они слишком напоминали ему отца.

Тут Дронго улыбнулся; видеть такое выражение на его лице было слегка тревожно. Он вспомнил тот день, когда ушел из дома; никто не нашел труп, пока соседи не пожаловались на запах.

— Уверен, вы нас правильно понимаете,— сказал капитан мокаков.— В конце концов,— продолжил он с толикой самодовольства,— там, откуда вы прибыли, антиводород весьма ценен.

— Да? — Дронго изобразил удивление, но в принципе согласился.— А также заготовки для микросхем. Я мог бы доставить этот груз на любую из сотен планет и получить за него хорошую цену.

— Но не в антиводороде,— с неизменным самодовольством подчеркнул капитан мокаков.

— Да? Так вы типа думаете, я вам за антиводород плачу? Так вы думаете? И раз уж о птичках, то где, черт побери, моя баржа с а-вэ? Что-то я ее за вашей маленькой флотилией не наблюдаю. Просто в упор не вижу!

— Анди одород! — воскликнул Жулик.— Где он? Не вижу его, не вижу!

— Заткнись, Жулик.— Бросая мокакам вызов, Дронго уперся взглядом в экран, сердце его колотилось.

Это ему уже совсем не нравилось и откровенно его обламывало. Дронго такого не ожидал и ни о чем таком не договаривался. Хотя следовало признать, что сделка, заключенная через посредника, состояла всего из одной фразы: «Им нужен товар, цена их устраивает, вот координаты, вот время». В другой раз надо будет вести себя чертовски осторожнее.

«Блин, мне уже почти хочется плюнуть и отвалить»,— с недовольством и подозрением подумал Дронго.

— Поймите, капитан, мы просто проявляем осторожность,— сказал мокак.— Мы желаем осмотреть груз. Когда мы будем удовлетворены, мы запросим, чтобы доставили баржу, и обменяем грузовые суда.— Он щедро улыбнулся Дронго.— Мы, мокаки, честный народ. Мы, капитан Дронго, всегда слово держим.

Дронго фыркнул.

— Это еще как посмотреть,— пробурчал он, после чего заерзал в кресле, изображая скуку.— Ну ладно, ладно. Сколько народу вы посылаете?

— Я пошлю группу из четырех техников,— ответил мокакский капитан.

— Тогда шестеро из моей команды их встретят.— Дронго сузил глаза.— Как, годится?

— Конечно, капитан. Когда мои братья по вере будут удовлетворены, я вызову баржу, и мы сможем совершить обмен.

— О каком времени идет речь? — недовольно спросил Дронго.

— Как только я получу благоприятный рапорт, баржа будет здесь через шесть часов.

— ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЧАСОВ?

Дронго поднялся из кресла, выискивая, что бы ему швырнуть в экран, а Жулик, зная по опыту, что это будет именно он, с визгом спрыгнул с широкого плеча капитана и забился в узкую щель между компьютером и переборкой.

— Вы там чего, совсем охренели? — бушевал Дронго.— При такой нелегальной торговле ни один мандюк шесть до крови удроченных часов в космосе не сидит!

— Так мне посылать моих людей или нет? — чванливо осведомился мокак.— Раньше начнем, раньше кончим,— процитировал он.

Дронго уже почти дымился.

— Я здесь шесть вонючих, мохнатых часов не сижу! — заорал он.— Вы шмонаете мой товар, а потом я отсюда сваливаю. Не сижу я здесь как последний лохарь! А вы можете меня здесь подождать.

Капитан мокаков позволил себе гнусную ухмылочку. Несомненно, ему потом придется долго бичевать себя за такое проявление своих чувств, но он был просто не в силах это побороть.

— Если вы удалите груз из этой точки, тогда нам, безусловно, придется просто подождать, после чего мои люди снова удостоверят соответствие груза. И, естественно, если вы отсюда отбудете, никакой баржи мы не запросим.

— Чего? У меня чего, типа другой грузовик есть, полна мошна товара, чтобы я вам так лапшу на уши вешал? — Дронго плюхнулся обратно в кресло, его массивная нижняя челюсть изумленно отвисла.— Это ваша мысль, кореша, не моя. Я пришел просто сделку провернуть, честь по чести. Это вы тут как мухи на стекле вертитесь. Только лохарь безмазовый может вот так шесть часов в космосе сидеть.— Он махнул здоровенной ручищей.— Только полный лохарь!

— Лохарь! — подтвердил визгливый голос от переборки. Быстро как молния, перебирая всеми шестью лапками, Жулик вскочил на давно облюбованное им плечо Дронго.— Лохарь! — повторил он.

Мокак лишь смотрел на капитана в ответ.

Дронго нахмурился.

— Послушайте,— рассудительно начал он,— вы можете послать со мной крейсер. Пусть он проследит, чтобы я никаких фокусов не выкидывал.

Капитан мокаков откровенно этому предложению ухмыльнулся.

— Либо вы остаетесь здесь, либо нам придется инспектировать ваш груз снова, когда вы вернетесь. А затем вызывать баржу.— Видно было, что мокак получает от всей этой ситуации колоссальное удовольствие. Чем бы ему ни пришлось за это удовольствие заплатить, он чувствовал, что оно того стоит.— Выбирайте, что вам удобнее.

— Лады,— буркнул Дронго.— Но это крутой облом.

— Облом,— согласился Жулик.

— Заткнись,— рявкнул пират.

— Капитан! — крикнул один из его людей.— От прыжковой точки идет сообщение! С нашим кодом!

— Салют, корефаны! — произнес радостный голос.— Ничего, что так поздно? Надеюсь, не слишком поздно, чтобы мелким мокакам задницу надрать!

— Кто там еще, черт побери? — спросил Дронго. Все на капитанском мостике только руками разводили.

— Без понятия, капитан,— тревожно сказал Золли.— Но он охрененный, здоровей всего, что тут собралось. Блин! — вдруг воскликнул он.

— Чего такое? — рявкнул Дронго.

— Он целую тучу «спидов» выпустил — у всех орудия наготове, и летят на нас как летучие мыши из преисподней!

— Да тут чего в натуре творится? — вопросил капитан у своей в равной мере растерянной команды.

Капитан мокаков с мрачным лицом повернулся к одному из своей когорты, который прочел для него переведенное сообщение.

— Ты, проклятая, лживая мразь! — закричал мокак.— Все на боевые позиции! — проревел он своим людям.— Как хорошо, что мы пришли на эту встречу с таким недоверием! — брызгая слю-

ной, заорал он в экран.— Ты еще ощутишь тяжкую длань Духа Судьбы, грешник! Ты и твои друзья!

— Что? — заверещал Дронго.— Друзья? Да мы без понятия, что там за черти!

Долю секунды он таращился на померкший экран.

— А, будь оно все проклято! — проревел он затем, грохая кулаком по истертому подлокотнику.— В тот самый миг, как они сказали, что нам подождать придется, я понял, что удачи нам не видать.

Дронго включил свой искусственный глаз, который, как только щит был удален, вспыхнул желто-зеленым великолепием.

— Капитан! — Золли чуть не пищал от страха.— Эти мокаки на нас намыливаются! Они уже свои орудия целят!

Дронго открыл кожух над парой кнопок, и пальцы его ненадолго над ними замерли, пока лицо недовольно морщилось.

— Мы будем сражаться, капитан? — в последовавшей тишине спросил Золли.

— За кого? — в ответ спросил Дронго.— Кому мы теперь помогать будем? Педрилам вонючим? — Он имел в виду мокаков, а команда это поняла и согласилась.— А-вэ нам теперь ни в жизнь не получить, даже если мы эту компанию болтов с горы каким-то боком отвадим. Эти мокаки с самого начала что-то подозревали, а теперь, после этого сообщения, они нас просто угрохают, если смогут.— «И будут этим до жути довольны»,— с горечью подумал он.

Затем капитан со вздохом сожаления нажал на обе кнопки.

— Все лишнее за борт, кореша,— сказал он.— Давайте отсюда сваливать. Курс такой.

Драгоценный грузовой корабль, полный ценнейших заготовок для микросхем, превратился в роскошный пурпурный болид за считанные мгновения до того, как мокакские суда открыли огонь по «Первачу». Дронго на секунду ухмыльнулся, представляя себе, как мокакские операторы управления огнем с трудом удерживаются от ругательств за своими пультами, освещенными оранжево-красными надписями «прицел сбит» среди тумана плазмы и частиц большой энергии.

— Пустить дипольные отражатели! — приказала Соня, специалистка «Первача» по тактике, ухмыляясь под своей банданой.— Сгрузить ложные цели! Все меры электронного противодействия под нагрузку! Промыть систему сброса отходов!

— А это еще зачем? — спросил Дронго.

— Покажем педрилам, что мы про них думаем,— объяснила Соня.

— А, тогда ладно.— «Первач» пошел в разгон, поля его вспомогательного привода были раскоординированы, и корпус стал издавать едва слышный стон, от которого у Дронго всегда мурашки по коже бегали. Пираты уносились и от мокаков, и от налетающих истребителей, и от прыжковой точки.

Но не насовсем. Когда две мощные силы сойдутся в схватке, у «Первача» будет масса времени, чтобы по-тихому ускользнуть из системы Хаос.

— Поймайте нас, если сможете, мандюки лоханутые,— пробормотал Дронго.

— Мандюки, мандюки лоханутые,— захихикал Жулик.

— Заткнись! — прорычал Дронго. Пожалуй, теперь ему самая пора была начинать кое-чего прикидывать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— От пиратов никакого ответа, сэр,— мрачно сообщил Хаваш Харткорпф, начальник отдела связи.

Капитан Каверс тут же на него взглянул. «Этот парень на молодого бассет-хаунда похож»,— подумал он. Эта мысль его позабавила.

— Я уверен, что ответ был, сынок,— сказал Харткорпфу Каверс.— Просто они его в эфир не выдали.

Впрочем, не будучи самыми блестящими звездами в созвездии, пираты могли до сих пор пытаться разгадать сообщение. «Которое все равно на мокаков было рассчитано»,— внутренне улыбаясь, подумал капитан.

— Мокаки готовят орудия, сэр,— объявил Труон Ле, глава тактического отдела.

— Отлично,— пробормотал Каверс, отслеживая информацию спеца по тактике.

Старпом Ван Чунь-мэй, запрашивая данные Труона Ле на свой компьютер, тоже внутренне улыбалась. Пока все шло как по маслу.

Внезапно компьютер зарегистрировал мощный взрыв.

— Мокаки не стреляли,— тут же сообщил Труон Ле.

— Должно быть, пираты свой грузовой корабль взрывчаткой напичкали,— резонно предположила Ван. Она понадеялась, что никого не было на борту, а секунду спустя сама подивилась своей наивности. Если на борту никого и не было, то только потому, что пираты всех там уже убили.

— Ага, а вот они и пошли,— сообщил всем Труон Ле. Экран зарегистрировал ракеты, летящие от легкого крейсера к последней известной позиции пирата. Там также демонстрировалась зеленая точка, стремительно удаляющаяся от места взрыва.

— Пираты уходят невредимыми,— констатировала Ван Чунь-мэй, просматривая распечатки.— Если ни на что лучшее в смысле преодоления контрмер мокаки не способны, им следовало свой корабль «Белая трость» назвать. Следует ли нам за пиратами кого-то послать, сэр? — спросила она.

— Нет,— после кратчайшей из пауз ответил Каверс.— На самом деле нас мокаки интересуют.

Тактическая группа мокаков уже формировала построение, разворачиваясь к «Непобедимому».

«И их на самом деле тоже мы интересуем»,— подумал он.

— Мокаки нам музыку посылают,— сообщил Харткорпф, передавая Каверсу образец.

Несколько мгновений капитан бесстрастно прислушивался. В наушниках играл один из атональных боевых гимнов Конгрегации. «Какие же они все-таки зануды! — подумал он затем.— Боевой гимн не должен звучать как корзина с кошками, которую в холодное озеро швырнули! — Тут раздалось какое-то особенно нестройное блеянье, и Каверс вздрогнул.— Хотя,— подумалось ему,— быть может, эти жуткие концерты — одно из их самых смертоносных оружий».

— Благодарю, Харткорпф, достаточно,— сказал он.— Держите меня в курсе.

— Сэр,— сообщил Труон Ле,— мы уже в том радиусе, чтобы создать голокарту.

— Выведите ее,— приказал Каверс.

— Голокарту на линию,— велел спец по тактике.

Трехмерная голокарта ожила во всем своем разноцветном великолепии. Три мокакских истребителя переливались зеленью, образуя треугольник вокруг легкого крейсера, который светился желтым. Перед каждым кораблем изгибался конус того же цвета, указывая возможный курс. Эскадрилья Шелдона из тридцати пяти «спидов», которая уже была далеко впереди авианосца, показывалась голубым цветом, а сам «Непобедимый» сиял белизной. Только что покинувшие карту пираты были розовыми.

«Спиды» растянули свое построение, располагаясь как сачок для ловли бабочек. Узор не был статичен — пилоты перемещались внутри общей структуры, затрудняя врагу прицеливание. Две группы противников сходились, их совокупная скорость достигла 15 км/сек. При таких значениях даже простое столкновение становилось губительным за счет одной только кинетической энергии.

— Связь,— приказал Каверс.— Дайте ведущего.

Это обеспечило его слегка запаздывающей версией того, что видел Шелдон. Звезды ползли по экрану, исчерченные линиями с цветной кодировкой и маркерами лобового дисплея. Пульсирующая красная линия...

— Сомкнуто,— доложил один из шести «спидов» Шелдона.

— Задние взялись за крейсер,— раздался голос Шелдона.— А мы консервными банками займемся.

Слышалось пиканье, когда выпущенные самонаводящиеся ракеты принялись прокладывать себе курс по полю боя. Ведущий истребитель мокаков выпустил облако ложных целей, и призрачные образы зароились на экранах. Каверс подался назад, вынуждая себя расслабиться и тем самым снять напряжение, царящее на капитанском мостике.

Голокарта на мостике «Непобедимого» отмечала реальные суда мигающими белыми точками, пока в поле зрения появлялись их призрачные копии. Ракеты, разгоняясь и смещая фокус, тащили за собой пунктирные линии, и линии эти изгибались в сторону от первоначальных мишеней.

Эскадрилья опять выстрелила по последним зарегистрированным позициям реальных мокакских кораблей. Труон Ле обновил информацию «спидов» от высокомощных датчиков «Непобедимого», и эскадрилья еще раз дала залп.

— Почему мокаки не стреляют? — спросила Ван Чунь-мэй, хмуря высокий лоб.

Каверс покачал головой. Он задумывался о том же.

— Может, они чуда ждут? — пробормотал он.

Большинство ракет из первой волны прошли выше и ниже судов-мишеней. Несколько ударило по ложным целям, и их образы исчезли с голокарты, когда боеголовки сдетонировали, внося свою лепту в туман частиц высокой энергии, который должен был постоянно ухудшать показания датчиков по мере продолжения боя. «Надеюсь,— нам повезет»,— подумал Каверс. Намного более совершенная электроника Содружества давала максимальное преимущество в незамусоренном поле. Некоторые из самонаводящихся ракет нашли свои мишени, кромсая изоляционный материал и антенны, но ни одна из них настоящей противокорабельной ракетой не была. Шелдон и его люди налетали, напряженно ожидая, когда мокаки начнут стрелять. А «Непобедимый» стремился вперед у них в кильватере; его чудовищной мощности моторы буквально рвали самую структуру космоса.

Глава тактического отдела «Непобедимого» невозмутимо обновил данные «спидов» на предмет положения реальных судов, которые их приборы уже толком распознавать не могли. Каверс туманно пожелал, чтобы нашелся какой-то способ расчистить поле от электронного мусора, разбросанного там врагом.

— Крейсер — главная мишень,— напомнил своим людям командир эскадрильи.

Не то чтобы они могли, понятное дело, игнорировать истребители. Но крейсер представлял собой реальную угрозу для «Непобедимого», а со всем, что могло вывести из строя легкий авианосец, требовалось разобраться в первую очередь.

На капитанского мостике «Праведного гнева» капитан мокаков с сожалением смотрел на свою голокарту. «У меня есть редкая возможность уничтожить крупный боевой корабль содругов,— подумал он.— Хотя базы данных его сигнатуру не распознают, это наверняка какой-то тип авианосца, раз тут кругом «спиды». И я очень мало что могу сделать!» Мокаки прибыли сюда в количестве, более чем достаточном для демонстрации силы одинокому пирату, чтобы запугать его и навязать более предпочтительные условия передачи груза. И если бы он стал отбиваться, они

бы живо с ним справились. Но это! С пустыми ракетными установками и неисправными лучевыми орудиями, с устаревшей, недоремонтированной системой наведения им теперь приходилось противостоять целой эскадрилье «спидов» и примерно пятнадцатитысячетонному, судя по данным, кораблю, который сам должен был перевозить основательное вооружение. Враг так запросто выпускал в них ракеты, как будто этих ракет там было навалом, и в целом работа его казалась абсолютно грамотной, вполне соответствуя стандартам Космического Отряда Содружества. Единственное, на что оставалось надеяться им, мокакам, так это на то, что Дух Судьбы на их стороне, и что он направит вражеские ракеты туда, где они нанесут наименьшие повреждения. А он, капитан «Праведного гнева», послужит Духу сокращением дистанции, чтобы его меньшее количество менее совершенных ракет с большей вероятностью смогло нанести по грешникам разящий удар. Если только Дух позволит ему до этого дожить...

Мокакский капитан понаблюдал, как истребители выбрасывают еще одно облако ложных целей, и подавил тяжкий вздох, стараясь не обращать внимания на все более тревожные взгляды, которые бросала в его сторону команда на капитанском мостике.

«Молитесь,— мысленно приказал он своим людям.— И пусть каждый ваш выстрел будет на счету».

На капитанском мостике «Непобедимого» Каверс наблюдал, как истребители мокаков движутся вперед по голокарте, образуя стену между крейсером и налетающими «спидами» посредством своих перекрывающихся мер электронного противодействия и антиракетных систем. Под конец они обогнали собственные ложные цели, и «спиды» мгновенно дали залп самонаводящимися ракетами. Оружие, ускоренное магнитным пускачами с термоядерным приводом, рванулось к врагу буквально на астрономической скорости.

Истребители выплюнули еще одно облако ложных целей, и какие-то из ракет пошли не туда, какие-то уничтожили ложные цели...

Свирепый хор вдруг пошел по капитанскому мостику «Непобедимого».

— Попали, черт подери! — рявкнул спец по тактике.— Истребитель номер один... вторичные разрывы... мотор выпадает! Не уничтожен, сэр, но поврежден капитально.

Когда Труон Ле передал информацию, командир эскадрильи молча выругался.

— Связь,— приказал Каверс.

Шелдон кричал своим пилотам:

— Надо бы порасторопней, дамы и господа! — Мановением пальца он переключился с электронной картинки на пассивную камеру. Что-то далекое заискрилось; Шелдон сделал увеличение. «Ага,— подумал он.— Наконец-то я тебя вижу».— Цель обнару-

жена,— браво доложил он.— Даю ориентир.— Еще одним мановением пальца в управляющей лунке Шелдон переслал информацию всей эскадрилье.

— Хорошо,— негромко похвалил Каверс, отслеживая его связь.— Отлично, просто отлично.

Теперь «спиды» надежно прихватили мокакские истребители своими датчиками ближнего действия, более не нуждаясь в неоперативных данных, передаваемых с «Непобедимого».

— Приготовиться бить по истребителям из спинальных энергетических орудий,— мрачно приказал Шелдон. Короткого радиуса действия, зато чудовищной мощи энергетические пушки запросто могли проткнуть судно насквозь, если бы только «спидам» удалось как следует ими воспользоваться.— Заднее звено, взяли крейсер!

— Брат капитан,— произнес тактический спец мокаков поверх боевого гимна, но на сей раз чуть громче.

— Слушаю вас, брат,— отозвался капитан крейсера.

— Капитаны истребителей запрашивают разрешение перейти на визуал с энергетическими орудиями. Электронные меры противодействия кораблей Содружества сбивают с курса наши ракеты. Мы определенно в радиусе визуального наблюдения,— ободряюще добавил он.

Капитан нахмурился. «Если для столь очевидных действий моим братьям капитанам нужен приказ,— подумал он,— тогда у нас совсем нет надежды».

Вслух он сказал:

— Наши братья имеют мало веры в Духа Судьбы. Имея подлинную веру, они бы даже с завязанными глазами сразили врага.

«Именно это они и пытаются проделать, капитан»,— подумал спец по тактике. Еще он подумал, что, наградив их таким вожаком, Дух Судьбы отметил их для мученичества.

— Так как же, брат капитан? — с надеждой спросил он.

— Очень хорошо,— устало ответил мокак.

«Благодарение Духу! — подумал тактический спец.— Надеюсь, еще не слишком поздно».

— Они пытаются следить системами ближнего боя,— тихо произнес Каверс, усиленно заставляя свою ладонь не смыкаться на подлокотнике кресла.

«Шелдон за это отвечает»,— напомнил он себе. Таково было проклятие командования авианосцем; ты отпускал «спиды» как сокольничий птицу со своей перчатки, а дальше все уже зависело только от них. Если они уже сошлись для ближнего боя, что-то пошло не так.

Каверс подался вперед, напряженно следя...

Бортовой компьютер Шелдона проинформировал его о том, что канониры мокаков пытаются взять его на прицел.

— Похоже, дамы и господа, мокаки на визуал перешли. Смотрите там в оба, не подворачивайтесь!

Он тут же велел своему бортовому компьютеру отследить курс мокака, который его выцеливал. Механический квазимозг в темпе нарисовал ему маркеры и выдал параллакс.

Ну вот!

«Спид» резко нырнул, когда мощная пушка выстрелила — частицы были ободраны до молекулярных оболочек и разогнаны до скорости, близкой к световой. На отдалении возникла вспышка, система «спида» транслировала для глаз пилота незримые энергии. Частицы гнули и корежили щиты истребителя, что всасывали энергию от орудия, способного вскрыть любой корабль как нож рыболова — брюхо форели... но свои способности они напрягли до предела, и последовавшая вспышка на какие-то решающие секунды оставила корабль в полной слепоте.

— Беру я его, гада, беру,— пропищал чей-то тоненький голосок.

На мгновение неровный клочок видеоэкрана перед Шелдоном опустел, пока система защищала его глаза от жестокой радиационной вспышки. Не было никакой необходимости трансформировать это в визуальный спектр. Реакция материя-антиматерия в таких масштабах транслировалась по всему интервалу.

— Истребитель номер один уничтожен,— с медицинской невозмутимостью доложил бортовой компьютер, лишенный возможности испытывать смешанное чувство ужаса и восторга от того, что двести с лишним жизней и тысячи тонн звездолета только что оказались сожжены быстрее, чем это можно было себе представить.

— Командир эскадрильи, у меня есть решение на мишень номер три! Повторяю, у меня есть подтвержденное решение!

— Отказать на мишень номер три! — неохотно гаркнул Шелдон.— Одного нам предполагается отпустить, а это тот самый, у которого вторичная в закромах. С тех пор он, кроме ближней защитной батареи, ничего не задействовал. Ласкай его энергетическим орудием, как будто у тебя амуниция кончается, и гони до прыжковой точки.

— Есть, сэр.— В голосе летчика прозвучала та же самая неохота. Поперек горла ему было вот так отпускать мишень...

Каверс мрачно наблюдал, как защитные экраны истребителей комкаются вокруг вражеского крейсера.

— Им артиллерии не хватает,— заключил он.

Начальник тактического отдела поднял взгляд.

— Компьютер тоже так считает, сэр,— сказал он.

Тактическая группа «спидов», идущая к крейсеру, раскрыла свое построение, а затем крайние ускорились и, точно лепестки плотоядного цветка, стали складываться вокруг противника.

— Эта волна должна с паразитными бомбами накатить,— сказал Каверс, не отрывая глаз от голоэкрана.— Ну вот. Готовьте запуск ракет дальнего радиуса действия.

Легкая дрожь прошла по всем пятнадцати тысячам тонн «Непобедимого», когда его ракеты — мощные громадины с полспида размером, с собственными, вполне совершенными бортовыми компьютерами и целым набором контрмер — двинулись от магазинов к пусковым установкам.

— Есть решение.

— Пуск.

Где-то внизу — пропадающий рокот...

Экран внезапно высветил траектории. Термоядерные взрывы пятнали тьму, каждый из них выдавал целую пачку рентгеновских лазерных прутов в наносекунду, прежде чем их испарить. «Сосульки богов»,— подумал Каверс, и живот его слегка втянулся в импульсивном сочувствии. Он прекрасно понимал, что сейчас должен был испытывать вражеский командир, пока разряды энергии прожигали абляционные панели и вгрызались в корпус, огненной волной распространяясь по трубопроводам и переборкам, добираясь до чувствительного электронного сердца корабля, жадно выискивая баки с антиводородом, которые должны были порвать корабль изнутри. Один за другим «спиды» сбросили свои грузы бомб.

— Потеря приводной энергии,— сообщил Труон Ле.— Пробоины в обшивке, потеря атмосферы... впрочем, цельность корпуса и основные силовые системы пока сохраняются. Термоядерный генератор работает, и он разогревает свой бак а-вэ для прыжка.

— Решение по-прежнему годится?

— Так точно, капитан... мы их уже за глотку берем... их меры электронного противодействия и щиты сходят на нет... ракета приближается к зоне детонации... три... два...

Световой шар расползся по экрану.

— Пробой бака реактора. Цель уничтожена.

— Он прямо туда бежит! — крикнул ведомый Шелдона.

Теперь более низкая скорость искалеченного мокакского истребителя уже ему помогала, пока он терял инерцию и тормозил, начиная заход к прыжковой точке. Таким образом он снова попадал в перчатку из «спидов», но те уже использовали большую часть своих паразитных бомб.

— Ладно,— сказал Шелдон.— Мы должны его выпустить, но дать ему спастись надо убедительно — мы же не хотим, чтобы он думал, будто мы нарочно его отпустили.

Остальная часть эскадрильи выполнила разворот. Пучок частиц от мокакского канонира попал в ведомого Шелдона, и «спид» взорвался пламенем. Во все стороны полетели исковерканные куски. Шелдон негромко, но предельно резко и горестно выругался.

— Апач, Луковица, Пингвин,— приказал командир эскадрильи,— гоните нашу цель до пункта отбытия.— Отправив в корабль, о котором шла речь, прицельную пульсацию, он доверил своим людям довести его до прыжковой точки.

Из капитанского кресла подбитого истребителя под названием «Страстотерпец» второй лейтенант Стаббинс Богомол круглыми от шока глазами обводил разрушенный мостик. Его рука оказалась сломана, когда корабль получил удар, и он перелетел через свой пульт. Однако по сравнению со своими братьями по команде Стаббинс был просто в отличном состоянии. Кроме того, он, похоже, остался старшим по рангу офицером на «Страстотерпце».

Крейсер и один истребитель были уничтожены, ракеты у них кончились, корабль получил сильные повреждения и теперь травил атмосферу. Кроме того, он буквально истекал кровью. Повсюду на капитанском мостике была кровь. Голова Стаббинса закружилась, и на мгновение он потерял сознание. Едва мокак пришел в себя, как его глаза тут же нашли голокарту, и он увидел идущие на них пиратские «спиды». Братский корабль недавно окружило гораздо большее число этих машин, но в нынешнем состоянии «Страстотерпца» их было вполне достаточно, чтобы раз и навсегда с ним покончить.

«Толкователи должны быть предупреждены о пиратском коварстве»,— подумал Богомол. Он понимал, что за такое предупреждение награды не последует. Напротив, его накажут за выход из боя, но он знал свой долг.

— Все наверх! — крикнул мокак.— Полный ход к прыжковой точке!

Его братья по Конгрегации сновали по капитанскому мостику так расторопно, как только позволяли их раны и контузии. Истребитель с чудесным образом неповрежденными моторами на всех парах летел к спасению, преследуемый «спидами». Ракеты у них тоже, судя по всему, кончились, и пираты стреляли пучками частиц, но их мишень была слишком далеко, чтобы эти пучки сохраняли нужную инерцию. Щиты то и дело вспыхивали, окружая корабль заградительным нимбом и ослепляя как атакующих, так и обороняющихся.

Прижимая к себе раненую руку, Стаббинс молил Духа Судьбы о вмешательстве. Каждый кусок, который враг отхватывал от поврежденного корабля, мог оказаться последним, и мокак в равной мере дрожал от страха и от шока. Катастрофа, которой стало это задание, поколебала его веру.

«Может статься, мы ошибаемся? — задумался он.— Не ведут ли нас Толкователи в никуда?»

Тут они вошли в Транзит, и Богомол потерял сознание. А вот предательские мысли оказалось куда сложнее утратить.

Шелдон и его люди обрушились на единственный оставшийся истребитель. Корабль маневрировал с великим умением, а когда выстреливал, то попадал. Благодаря меткости мокаков эскадрилья потеряла еще два «спида». Заметив, что пилоты успешно катапультировались, Шелдон испытал хоть какое-то облегчение.

— Истребитель Конгрегации,— донесся из интеркома голос капитана Каверса,— вы обезоружены и окружены. Мы призываем вас в соответствии с законами войны сдаться. Мы гарантируем вашей команде жизнь и безопасность.— Последовала длинная пауза.— Ответьте, пожалуйста.

— Лжете, вероломные пираты! Вы еще осмеливаетесь о законах войны заикаться! Вам никогда нас живыми не взять!

— Что нам делать, сэр? — спросил Шелдон у капитана.

— Выждем немного,— сказал ему Каверс.— Я посылаю спасательную шлюпку подобрать наших уцелевших.

Все прекрасно знали, что у мокаков никаких уцелевших не будет. Содружество довольно давно убедилось, что для таковых попросту не имеется аварийных скафандров, если не считать команду капитанского мостика, да и та их редко использовала. Контрразведка докладывала, что подобные скафандры считались у мокаков показателями упадка веры, а следовательно, могли навлечь на них гнев Духа Судьбы.

«Почему люди следуют подобной религии? — спросил себя Каверс.— Разумеется, молодые не выбирают, они с этим родились. Их мозги так промыты, что вера для них — единственный способ существования. И это, скорее всего, истинная причина того, почему Толкователи не хотят, чтобы мы брали пленных». Первое пребывание среди людей, которые не причиняли им вреда и не требовали, чтобы они придерживались каких-то немыслимых стандартов, становилось невероятным потрясением для разума тех молодых мокаков, которых Содружеству все-таки удавалось брать в плен.

Истребитель висел в космосе, теряя атмосферу, а вокруг были «спиды» с нацеленным на него оружием. Внезапно с гибнущего корабля послали высокоскоростное донесение одинокому мокакскому аванпосту в системе Хаос, затем последовал краткий рев одного из их боевых гимнов, после чего истребитель живописно рванул.

Выхлопы запылали, когда «спиды» резко дали задний ход с места взрыва. Все были подавлены таким количеством ненужных смертей.

Последовал момент глухого молчания. А затем Каверс нажал на кнопку интеркома и сказал:

— Коммандер Редер, готовьте людей.

— Есть готовить людей,— откликнулся Редер.

Вместе со своей командой он наблюдал за событиями, невольно выкрикивая советы и слова ободрения, размышляя о загадочной неохоте врага стрелять. Но самоуничтожение мокаков приглушило даже десантников. Тишина тяжким грузом лежала несколько долгих мгновений, а затем коммандер выпрямился и заговорил.

— Короче,— сказал Питер,— в плане подготовки мы вряд ли что-то еще можем сделать. Вещмешки у всех упакованы?

В ответ последовали ухмылки и кивки.

— Тогда мы должны еще раз осмотреть наши машины и изучить декларации, потому что если мы эти знания с собой не заберем, в нужный момент их там не окажется. Будьте готовы отбыть в пятнадцать ноль-ноль. Все свободны.

Все как один встали и отдали честь, после чего бодро направились проводить последние проверки.

Редер улыбнулся их серьезности, но принял ее за добрый знак. «Мы накачаны как никогда,— подумал он.— И готовы навести здесь немного шороху».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Редер снова набрал на пульте последовательность кнопок, которой полагалось открыть ворота. И опять ничего. «Непобедимый» сбросил свою маленькую флотилию у самой границы поля астероидов. Мысленно аплодируя этому решению, коммандер думал: «Чего ради лишние проблемы себе искать?»

Вся эта зона представляла собой колоссальное поле плавающих камней. Все они, правда, находились слишком далеко друг от друга, чтобы видеть их невооруженным глазом; в конце концов, это было поле астероидов, а не кольца газового гиганта, хотя в развлекательных голофильмах такое различие редко когда делалось. Тем не менее, корабль размером с легкий авианосец оставался в этом поле достаточно крупной мишенью, а следовательно, был подвержен более существенным повреждениям, чем изящные и маневренные «спиды» или даже чем короткие и толстые грузовые суда. Скорости здесь также оставались астрономическими.

— Коммандер? — донесся из интеркома голос Каверса.

— Запор по-прежнему не желает открываться, сэр,— сообщил ему Редер.— По-моему, нам придется выслать бригаду, чтобы поближе на него посмотреть.

Последовала недолгая тишина, затем глухой вздох.

— Ну что ж,— сказал капитан,— прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как здесь последний раз кто-то был. Полагаю, слишком оптимистично было бы ожидать, что запор сработает как полагается.

Он не стал добавлять, что было бы стыдно отменять задание только потому, что они не сумели проникнуть в свое тайное убежище. Даже не просто стыдно, а нелепо и смехотворно.

Редер взглянул на своих техников, притянутых ремнями к сиденьям. Те взглянули на него в ответ, явно прикидывая, кого из них он пошлет.

— Да тут как пить дать всего-то навсего новые батареи понадобятся,— сказал Падди.

Кое у кого из его окружения заметно отлегло от сердца. Работа в открытом космосе никого особо не прельщала, а здесь предстояла именно она. Пусть уж лучше бешеный новоирландец отправится.

— Или, может статься, там эту ерундовину самую малость метеоритами повредило,— продолжил рыжий здоровяк.— Минутное дело все это поправить.

— Капитан, мы собираемся послать кого-нибудь на разведку,— сказал Редер.

— Отлично, коммандер. Только постарайтесь не задерживаться. Мокаки, как только смогут, подкрепление пришлют.

«И нам к тому времени потребуется отбыть»,— прошло недосказанным.

— Есть, сэр,— бодро отозвался коммандер.— Мы уже вылезаем.— Он повернулся к Падди.— Ладно, старшина, надевайте скафандр. Как думаете, что нам понадобится?

Меньше чем через пятнадцать минут Редер и Падди уже были пристегнуты к ремонтным самокатам, внешне не столь отличным от той тележки, на которой Редер выплывал из «Африки» по пути на «Непобедимый». Разумеется, военное оборудование было новее и намного высокотехнологичнее.

«Надо полагать, эти самокаты куда навороченней той тележки»,— подумал Редер. Звезды закрутились вокруг них, когда он врубил движок. Падди пошел впереди, и прожектор новоирландца вскоре высветил громадину старинных ворот. Приблизившись, старшина принялся изучать их по краю с помощью ручного фонарика.

— Механизм тут проще пареной репы,— объяснял он тем временем Редеру.— Ядреная штуковина. И если она работала, то должна и сейчас зафурычить. Могу поспорить — тут всего-навсего батарея села.

Редер с сомнением хмыкнул.

— Мне казалось, эти запоры должны тыщу лет исправно служить,— заметил он.— Так, по крайней мере, в рекламе изготовителя указывается.

Падди рассмеялся.

— Если б они тыщу лет работали, кто бы их сейчас делал? Неужто, сэр, вы до сих пор и в то верите, что вам на призывном пункте втолковывали? — Гигант еще немного попыхал фонариком.— Ага! Вот он где! — радостно объявил он.

Благодаря надежной хватке магнитных колес припарковав свой самокат прямо на воротах, Падди слез с него и стал подбираться к запорному механизму, используя торчащие из пенометалла специальные ручки, встроенные туда еще при монтаже. Редер припарковался рядом и стал наблюдать, как старшина аккуратно передвигается по поверхности массивных ворот.

— Как думаете, помощь понадобится? — спросил он. На самом деле Питер здесь находился не столько ради оказания помощи, сколько ради соблюдения инструкции, в которой однозначно указывалось, что при работе в открытом космосе необходимо иметь напарника. И в чем коммандер был твердо уверен, так это в том, что в обращении с любым из механизмов, когда-либо изготовленных, Падди Кейси ничья помощь не нужна.

Новоирландец тем временем уже подобрался к неисправному запору и пристегнул свою линию к кольцу, предназначенному как раз для таких оказий.

— Ну-у,— протянул он после нескольких пробных тычков,— вообще-то я как раз отнекаться хотел, но знаете... Эта ерундовина очень уж старая. Никогда в жизни такой не видел.— Он взял инструмент и принялся вскрывать механизм.

— Давайте я посмотрю,— предложил Редер.— Я как раз только что интенсивный курс по взламыванию запоров всякой темной конфигурации прошел.

— Дева Мария и святые угодники! — воскликнул Падди, вскрыв кожух механизма.

— Что там? — слыша в его голосе нотку ужаса, спросил Редер. Затем он согнул колени, толкнулся и подплыл к Падди. Для полной остановки ему пришлось ухватиться за руку здоровенного старшины.— Что там? — снова спросил он.

— Бомба, сэр.

Редер поднял крышку кожуха и в ужасе воззрился на аккуратные пакеты взрывчатки, что заполняли большой ящик, на месте которого должен был находиться механизм. «Фульгурит-Б»,— подумал он, и в мозгу у него что-то неприятно затикало. Это мощное взрывчатое вещество использовалось уже столетиями, причем реклама именовала его «идеальной химической взрывчаткой», и не без причины. Затем глаза Питера как бы сами собой приметили взрыватель, который, похоже, на вскрытие кожуха не реагировал. По сути, он вообще казался бездействующим.

Коммандер натужно рассмеялся.

— Это дохляк. Я так думаю. Черт, да она здесь уже больше сорока лет лежит. Но эти бомбы меня уже утомили. Хотя слава Богу, что эта не от Ларкина.

Падди тоже рассмеялся.

— Раз так, ничего удивительного, что ворота не открылись.

— А может тут быть еще один запорный механизм? — спросил Редер.

— Надеюсь, что он есть,— отозвался Падди.— Потому что с этим мне особо возиться неохота. Если эта бомба рванет, она половину астероида с собой прихватит, да и нас с вами в придачу.— Он опустил крышку на место, но та отскочила обратно. Прежде чем старшина снова машинально ее прихлопнул, Редер заметил внутри зеленый огонек.

С нарастающим страхом они переглянулись. Падди медленно поднял крышку. Внутри взрыватель светился целой цепочкой огоньков, причем красные постепенно менялись на зеленые.

— Это не очень хорошо,— выговорил Редер, чувствуя, что во рту у него совсем пересохло.

— Так точно, сэр. Это довольно скверно.

Мозг Редера лихорадочно считал варианты. Если они попытаются удалить взрыватель, бомба, скорее всего, рванет. Конечно, за все эти годы вещество могло разложиться... но производители фульгирита-Б тоже заявляли, что он будет действовать тысячу лет, и пожалуй, были ближе к правде. Кроме того, эта бомба может от какого-то вмешательства и не рвануть, но если она соединена с другими бомбами, размещенными по всему бункеру, то даже если она не рванет, другие вполне могут.

«Как же мы забыли, что шахтеры — мастера со взрывчаткой работать? — с горечью подумал Питер.— И что эти конкретные шахтеры были очень-очень злы, когда это место покидали?»

С другой стороны, эти шахтеры наверняка понимали, что в свое время кто-то, кого им нет причин ненавидеть, может попытаться сюда проникнуть, так что, возможно, существовал какой-то простой способ обезвредить эту взрывчатку.

— Маннинг, Кушнер,— сказал Редер в интерком. «Десантники — спецы по уничтожению,— подумал он.— Пусть теперь свою зарплату и отработают».

— Слушаю, сэр,— дружно откликнулись оба.

— У нас тут бомба,— сообщил им Питер.

— Ясное дело,— спокойно отозвалась Маннинг.

«Да уж, ясное»,— подумал Редер.

— Это в каком смысле? — прорычал он.

— Старые шахтерские штучки,— с готовностью объяснила Пегги.— Вставьте отвертку номер четыре в щель между двумя последними красными огоньками. Это обычно останавливает отсчет.

— Обычно?

— Вообще-то сам трюк очень старый, сэр. Но это должно сработать.

— Падди, есть у нас отвертка номер четыре?

Голубые глаза уставились на него из-под лицевой пластины.

— Гм... отвертка? У меня с собой нет, сэр,— ответил Падди.

— А на самокате? — спросил Редер, косясь на пропадающие красные огоньки.

— Ну конечно! — Падди толкнулся к самокату, открыл заднюю панель и принялся вовсю там рыться, разбрасывая по сторонам аккуратно сложенные и связанные инструменты.— Вот она! — наконец воскликнул он и толкнулся обратно, а Редер тем временем тянул на себя линию старшины. Последовало несколько напряженных секунд, пока Падди неуклюжими перчатками скафандра пытался вынуть отвертку из специального держателя.

«Пад-ди»,— мысленно простонал Редер, но вслух ничего не сказал, хотя чуть не сломал себе зубы, держа рот на замке.

Падди сунул отвертку в щель в тот самый момент, когда загорелся предпоследний зеленый огонек.

Сердце Редера почти замерло, а дышать он совсем перестал. Наконец, после очень долгого момента ожидания, он испустил шумный и стремительный выдох, понимая, что они все-таки остановили отсчет.

Мгновение спустя он сказал:

— Благодарю вас, Маннинг. Отвертка номер четыре, похоже, с этим фокусом справилась.

— Всегда пожалуйста, сэр,— самодовольно отозвалась десантница.

— И вот что мне еще интересно, Маннинг,— угрожающим тоном продолжил коммандер.— Помните ли вы о том, что я сказал вам насчет запрещения полагать, будто я все знаю?

— Гм. Ах, да! Так точно, сэр, помню.

— Стало быть, если я спрошу вас, чего нам ожидать дальше, вы ведь мне все расскажете, не так ли? Просто ненадолго представьте себе, что я полный кретин и вообще ничего не знаю.

— Внутри, сэр, наверняка еще и другие бомбы-ловушки расставлены. Так что нам следует послать бригаду, чтобы очистить бункер. Кроме того, эта бомба обезврежена, но взрыватель у нее остался. Вряд ли стоит сильно ее шевелить, пока остальные бомбы-ловушки также не будут обезврежены.

Редер об этом подумал. «Звучит разумно,— решил он.— С другой стороны, запорного механизма здесь, похоже, вообще не имеется? Как же мы тогда заберемся внутрь, чтобы на другие бомбы-ловушки взглянуть?»

— Итак, Маннинг, что вы забыли мне сказать? — Коммандер терпеливо ожидал.

— Что отпирающий код должен теперь сработать?

Редер сомневался, что еще хоть раз в жизни услышит в голосе Маннинг такую нотку неуверенности. «Так что лучше насладиться этим, пока есть возможность»,— подумал он.

— Капитан-лейтенант Джеймс,— сказал он в интерком.

— Слушаю, сэр,— отозвалась Сара.

— Вы еще раз для нас отпирающий код не попробуете?

— Есть, сэр.— Сара набрала код.

Редер мгновенно ощутил вибрацию ручки, за которую он держался. Быстро протянув руку, он схватил отвертку номер четыре, заботясь о том, чтобы она крепко сидела на месте, затем перевел глаза на ворота и увидел, что они уже раскололись на четыре четвертинки и начинают расходиться.

— Падди,— сказал он.

— Слушаю, сэр?

— Пожалуй, нам лучше эти самокаты оттуда убрать.

— Капитан-лейтенант Джеймс,— сказал Редер.

— Слушаю, сэр.

— Пожалуйста, сообщите капитану Каверсу, что шахтерский бункер мы открыли, но что он скорее всего напичкан минами-ловушками еще со времен войны с Консорциумом, так что у нас уйдет некоторое время на то, чтобы там расположиться.

— Есть, сэр.

Редер и Падди завели свои самокаты и вплыли в громадное жерло бункера, бросая лучи прожекторов во всех направлениях. Бункер был таким просторным, что свет почти пропадал, прежде чем все-таки упасть на стены. Массивными, неровными комками там плавали брошенные шахтерами сети для сбора отбитой руды. Там даже стояли какие-то небольшие грузовые суда, пришвартованные куда надо благодаря магнитным полоскам, вделанным в вещество астероида. Различные инструменты, за долгое время расплывшись по сторонам, пристроились у стен, потолка и выровненного пола. Еще какое-то число продолговатых предметов различной формы висело повсюду, причем некоторые все еще слегка вращались несмотря на четыре десятилетия трения.

— Коммандер,— сказал в ухо Питеру голос Сары.

— Слушаю, капитан-лейтенант.

— Капитан Каверс говорит, что «Непобедимый» будет ждать два часа, пока мы проверяем бункер. Затем ему потребуется узнать, пошло это задание или нет.

— Понятно,— четко отозвался Редер.— Лично я надеюсь гораздо раньше это узнать.

— Так точно, сэр. Конец связи.

— Маннинг, Кушнер,— сказал Редер.

— Слушаю, сэр! — откликнулись оба десантника.

«Как-то зловеще у них это выходит,— подумало Питер.— Так дружно, как будто они один мозг между собой делят. Может, те слухи, что в десант набирают инопланетян с мозгами по типу ульев, и впрямь...»

— Короче, ребята,— сказал он,— вы тут спецы. Насчет бомб, насчет всего остального. Откуда нам искать начинать? И что делать теперь, когда отвертка номер четыре уже задействована?

— Значит так, сэр,— бодро начала Маннинг.— Дедушка мне рассказывал, что внутреннее бомбы, напрямую не подсоединенные к дверной ловушке, были маленькие и легко обезвреживались. Флаг

у шахтеров был голубой, так что если всюду, где только можно, голубые проводки обрезать, то бомбы взрываться не должны.

— А как насчет силовой панели? — спросил Редер.

— Там определенно будет ловушка, сэр.

Редер позволил себе легкий вздох.

— А как насчет того, чтобы «спиды» сюда завести? Это может какой-то механизм запустить?

— Если бы шахтеры на входе что-то такое устроили, ваши самокаты уже бы все запустили.

«Я должен найти какой-то способ заставить эту чертову Пегги сразу говорить мне все то, что я должен знать»,— в отчаянии подумал Питер.

— У нас должен быть полный порядок, сэр,— жизнерадостно продолжила Маннинг.— Все в пределах допустимого риска.

«Интересно, у кого это „у нас“,— кисло подумал Редер.— «Должен быть» тоже не слишком отрадно звучит. Я бы предпочел «будет». И если уж до конца разбираться, то понятие о допустимом риске у десантников как пить дать предельно эксцентричное».

— Предполагая, разумеется, что эта зона свободна от мусора и обломков,— продолжила девушка.

Редер и Падди переглянулись. Находясь на месте, они понимали, кому придется эту работу делать.

«Так-так,— подумал Питер.— Развернуть одну из этих сетей и протащить ее дальше по ангару. Тогда основная часть мусора наверняка с дороги уберется».

Но все по порядку. Для начала им требовалось найти главную силовую панель и зажечь здесь какой-то свет. Редер изучал карту бункера и имел вполне отчетливое представление о том, где эта панель находится, но темнота и колоссальные размеры помещения сбивали с толку.

Они двинулись вперед. Движки их самокатов просовывали короткие сосульки голубого света в ледяной мрак, что царил повсюду. Где-то вдалеке вспыхивали отражения. Наконец они добрались до дальней стены громадного бункера. Следуя по ней вправо, Редер в конце концов различил тяжелую дверь, ведущую в силовую будку.

— Мы у входа в силовую камеру,— сообщил Редер.— Поговорите со мной, Маннинг, прошу вас.

— С дверью должно быть все чисто,— сказала Пегги.— Обычный фокус — это присобачить чуть-чуть взрывчатки и детонатор на главные силовые контакты. Ровно столько, чтобы руку кому-нибудь оторвать.

— Ах, как забавно,— прорычал Редер. «Хотя справедливости ради,— напомнил он себе,— надо сказать, что для всех этих фокусов у шахтеров были веские причины. И шла война».— Так что нам теперь делать? — спросил он.

— Суньте что-нибудь металлическое, лучше всего полоску фольги, под взрывчатку, в то место, где она с контактом соприкасается.

Падди хлопнул Редера по плечу и замахал у него перед носом полоской металла.

— Она для пайки,— объяснил он.— Но здесь должна подойти.

— Тогда идем,— сказал Редер и припарковал самокат.

Замок на дверце сработал идеально, и их прожекторы отбросили тени во все углы. Напротив от дверцы находилась искомая силовая панель, и Редер вдруг понял, что нервно проводит языком по пересохшим губам. В таких делах он себя экспертом никоим образом не считал, а взрывчатка, если она там имелась, была старая и ненадежная. Коммандер перевел дыхание и неуклюже двинулся по небольшому помещению. Магнитные подошвы его ботинок липли к встроенной в пол решетке, но невесомость по-прежнему требовала для каждого движения немалых усилий.

Бочком подобравшись к главной силовой панели, Питер отодрал крышку, под которой располагались выключатели. Аппаратура была невероятно антикварная, даже по меркам Консорциума. Но его боссы рассуждали так, что выжженная микросхема безвозвратно пропадает, а неисправную механическую деталь можно починить или посредством еще какого-то фокуса заставить функционировать. И детали эти практически ничего не стоили.

С большим трудом, мучимый массивным шлемом на голове, Редер все-таки сумел сбоку взглянуть на требуемый выключатель. С контактом его соединял хороший комок пластиковой взрывчатки.

«Вот как славно»,— подумал Питер.

— Дайте мне полоску,— сказал он Падди, протягивая руку.

— Сэр, а может, лучше я это проделаю? — спросил здоровяк.— Не подумайте, что я в ваших способностях сомневаюсь, просто я менее ценен, разве не так?

— Это приказ, старшина,— твердо произнес Редер.— Дайте мне эту чертову металлическую полоску. «На самом деле,— подумал он,— я бы предпочел, чтобы кто-то другой за меня это проделал. Но ты в этом не больший спец, чем я, старшина. Так что я лучше себе, а не тебе доверюсь».

Хмурясь, Падди отдал ему полоску и отступил на несколько шагов.

«Как приятно, когда твои друзья вот так вот в тебя верят»,— кисло подумал Редер. Он знал, что Падди правильно отступил, и сарказм коммандера был просто попыткой уберечь свой разум от ненужного просчета вариантов.

Если бы эта маленькая бомбочка рванула, она, скорее всего, погубила бы не только его, но и все задание. Вполне вероятно, они смогли бы заменить главную силовую панель чем-то аналогичным из запасов «Непобедимого» или как-то с ней поработать, но Редер решил, что возложить в таких условиях ответственность на кого-то другого значило бы оказать скверное воздействие на моральный дух коллектива.

С исключительной деликатностью он стал просовывать полоску под комок взрывчатки. Хотя шлем работал вовсю, пот все равно угрожал забежать ему в глаза и ослепить. Пока что все вроде бы шло как надо. Редер сделал секундную паузу и взглянул на Падди. Здоровенный новоирландец сжимал и разжимал пудовые кулаки, но лицо его было совершенно невозмутимо.

Редер вернулся к работе, нежно толкая полоску. После того, что показалось ему вечностью, он наконец ее протолкнул.

«Похоже, в этом припое нужный процент металла,— с облегчением подумал он.— Иначе я бы уже узнал, что его там не хватает». Затем Питер взглянул на выключатель с комком пластиковой взрывчатки, резко помрачнел и мысленно выругался.

— Маннинг,— с ужасающим спокойствием произнес он,— могу я теперь просто отколупнуть эту ерунду с выключателя? Или мне еще одна металлическая полоска нужна?

— Вам нужна еще одна металлическая полоска, сэр.

Редер сжал зубы. «Я должен был это предвидеть,— укорил он себя.— Это моя вина. Это же так очевидно». Хотя было бы очень мило, если бы Маннинг его об этом предупредила. Куда как проще было бы сначала отделить комок от выключателя, а затем от контакта. «На войне как на войне»,— подумал Питер и подавил тяжкий вздох. Мысленно он приказал себе, как только будет возможность, заставить проклятую Пегги научить его обезвреживать бомбы, чтобы в другой раз он уже четко знал, что делать.

— Есть у нас еще одна полоска припоя? — спросил он у Падди.

— Есть, сэр.— Падди помахал полоской.— А можно я...? — Он указал перчаткой на открытую панель.

Коммандер выдержал продолжительную паузу, прежде чем ответить.

— Конечно,— наконец сказал он.— Давайте.— «Все-таки удалось мне на это сподобиться»,— с гордостью подумал он.

Старшина подошел к панели, и Редер чуть-чуть отодвинулся. После куда более краткого промежутка времени, чем тот, не сомневался Питер, что понадобился бы ему, Падди испустил облегченный вздох.

— Готово, сэр! — с улыбкой доложил он.

— Убедитесь, что контакты зачищены! — вдруг выдала Маннинг.

Редер широко ухмыльнулся. «Клянусь Богом,— подумал он,— кажется, она все-таки поняла».

— Наши десантники заверяют меня, сэр, что все бомбы они обезвредили,— сообщил Редер капитану.— Маннинг говорит, что все это выглядит как спешная эвакуация. Разумеется, мы и дальше будем осторожны. Но бункер, похоже, в рабочем состоянии;

электроника, воздухоочистители, водопровод — все функционирует. И это удивительно, учитывая, с какой экономией здесь все устроено. Дешево, но не настолько, чтобы ставить под угрозу шахтеров.

— Я об этом другое слышал,— проворчал Каверс.

На самом деле было множество случаев, когда скаредность Консорциума губила сотни шахтеров. Однако приятно было узнать, что здесь ситуация сложилась иначе.

— Тогда мы оставляем вас обустраиваться, коммандер,— сказал капитан.— Счастливой охоты.

— Благодарю вас, сэр. И вам того же.

Редер уже готов был прервать связь, но тут услышал, как кто-то говорит:

— Сэр! Корабль мокаков приближается по курсу от их аванпоста.

Пеллагрио, связист Редера, быстро вошел в работу, давая возможность шпионской аппаратуре Содружества работать в этой зоне. На экране показался внутрисистемный челнок, осторожно скользящий к месту недавней баталии.

— Уничтожить его,— спокойно приказал Каверс.

Внезапно мокак дал плотный коммуникационный выплеск в сторону базы. Пеллагрио и спецы «Непобедимого» в темпе его заблокировали.

— По-моему, ничего не прошло, сэр,— сказал молодой старшина.

— Вы думаете? — с сомнением поняв брови, спросил Редер.

Пеллагрио покачал головой.

— Нельзя быть абсолютно уверенным, сэр. Но перевес определенно на нашей стороне.

«Непобедимый» устремился вперед с гибкой экономичностью хорошо разогнавшегося гепарда. Судно мокаков все еще выполняло разворот, когда единственная противокорабельная ракета ударила в его широкий борт, после чего оно обратилось в краткую вспышку пламени и поблескивающие, точно кусочки фольги, обломки.

Редер понял, что до этого им крупно повезло. Небольшая тактическая группа, которую они встретили, была так уверена в своей способности биться с «Непобедимым», что даже не позаботилась послать разведку в крошечный аванпост мокаков в системе Хаос.

Если бы донесение челнока прошло, задание оказалось бы провалено, ибо тогда было бы слишком просто прикинуть, что за таинственными пиратами стоит Содружество.

— Теперь мы вас покидаем, коммандер,— сказал Каверс.— Еще раз — доброй удачи и счастливой охоты.

— Благодарю вас, сэр,— откликнулся Редер.— И вам того же.— «Очень надеюсь,— подумал он,— что донесение все-таки не прошло».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Маннинг и Кушнер с мрачными физиономиями толкали очередную охапку затхлых постельных принадлежностей к камере, которую Редер решил отвести под кладовку. Хранить там следовало все то, что не требовалось для выполнения задания и должно было быть убрано с дороги. Лейтенант Гивенс топал следом за ними; громкий стук магнитных подошв его ботинок по твердому полу со всей очевидностью демонстрировал двум десантникам, что он, Адольф Гивенс, считает себя много выше подобной грязной работы.

Сэм и Пегги лукаво переглянулись, больше всего напоминая при этом двух старших детей, взявшихся изводить своего младшего братишку.

— Фу! — воскликнул Кушнер.— Как эта дрянь воняет!

— И воздух тоже попахивает,— поддакнула Маннинг. Очистители были старые, да и еще в свою бытность новыми стандартам Содружества не соответствовали, так что спертость атмосферы никакого удивления не вызывала.

— А знаете, что на самом деле попахивает? — пророкотал Гивенс.— Попахивает то, что пилоты такую работу проделывают! Почему этим техники не занимаются?

Двое членов технической бригады, которые волокли за собой огромные мешки с брошенными инструментами, остановились на него посмотреть, один с презрением, другой с сочувствием.

— Занимаемся, малец, занимаемся,— сказал Падди, подходя к нему сзади так неслышно, что даже десантники, к их явному неудовольствию, оказались захвачены врасплох.— Тут даже командер руку приложил.

Это была истинная правда. Редер тоже убирал мусор — по крайней мере, до того, как прилетели «спиды».

— И где он теперь? — с вызовом спросил Гивенс.

— Честно говоря, лейтенант, наверняка я этого не знаю,— тихо произнес Падди.— Когда мы с ним последний раз тут чаи гоняли, он мне свой распорядок дня представить забыл. Но если вам с ним очень потолковать нужно, я это быстро организую.

— Просто мне кажется, что для моих навыков есть лучшее применение,— заявил лейтенант горячо, будто с ним кто-то спорил.

— Вообще-то у нас тоже кое-какие навыки есть,— заметил ему новоирландец.

Про себя Падди подумал, как же еще молод и соплив этот летчик. Так молод, что даже свое мнение при себе держать не умеет.

Повернувшись за поддержкой к десантникам, Гивенс увидел на их лицах те же самые выражения.

— Это все равно надо проделать, сэр,— радостно сказала Терри Хандинг. Прелестная юная техничка стойко тянула свой мешок к кладовке.— Чем раньше мы с этим закончим, тем скорее сможем к настоящей работе перейти.

Возмущенно фыркнув, Гивенс одарил Хандинг мрачным взором и пошел прочь. К его чести он не подскочил к девушке и не схватил ее за горло, хотя трое ее коллег могли бы побиться об заклад, что он это сделает.

Терри наблюдала за тем, как гордо он вышагивает, и в ее карих глазах мелькал огонек преклонения перед героем.

Двое десантников обменялись взглядами с Кейси и быстро опустили глаза. Во взгляде старшины ясно проявилось понимание им того, что они провоцировали лейтенанта на откровенность. И, подобно всем младшим офицерам, да еще будучи при этом много толковее подавляющего их большинства, они не желали впадать в немилость к главному старшине столь хитрому и искушенному, как Падди. Ибо основным искусством, каким владели Кушнер и Маннинг, было искусство выживания.

Глядя, как они уходят, Падди хмыкнул себе под нос.

— Еще и дня не прошло,— пробурчал он,— а в этом раю уже неприятности назревают.

Сара исполняла обязанности квартирмейстера, выбирая помещения и организуя подготовку спальни и столовой. Им предстояло питаться готовыми продуктами, но если бы все ели в одном и том же месте, это сильно облегчило бы уборку.

— Как дела? — подошел спросить Редер.

— Отлично,— с улыбкой ответила Сара.— Старое постельное белье уже убрали, а теперь новое застилаем.

Она указала на бригаду, которая пристраивала спальные мешки вдоль стены. В итоге вся команда должна была спать как развешенные в один ряд индейские дети. Сара надеялась, что никто слишком громко не храпит. Бункер был страшно примитивен и предназначен для коммунальной жизни. Консорциум считал, что рабочих баловать вредно, и вся громадная гулкая труба базы астероида откровенно на это указывала.

К одному только проживанию в месте с открытой планировкой уже предстояло привыкать; содругам, как обычно именовали граждан Содружества, нравилось уединение. Отказавшись от должности командира звена «психов» и пересев на «спид», Сара почти пожалела о своем решении, когда от нее всего лишь потребовалось разделить жилплощадь с другим пилотом. А здесь...

«Часть своей офицерской ауры мы определенно потеряем»,— лукаво подумала она.

Редер выглядел мрачно.

— Слава Богу, что это всего на месяц,— пробормотал он, словно откликаясь на ее мысль, а затем ухмыльнулся в ответ на ее улыбку.— Ну ладно, пойду проверю, как там наши техники с обустройством продвигаются,— сказал он и отвернулся.— Да, кстати.— Коммандер повернулся обратно, внезапно посерьезнев.—

Постоянно будьте готовы надеть шлемы. Теперь мы в любую минуту можем мокакскую тактическую группу ожидать.

— Есть, сэр,— отозвалась Сара.— Будем готовы.

И она не шутила. В любом случае было еще слишком холодно, чтобы работать без скафандров, так что они по-прежнему на себе их таскали. Снятые шлемы все время имелись под рукой, а перчатки свисали со специальных крючков на запястьях, и их можно было мгновенно надеть.

Одно из шпионских устройств Содружества немедленно подало бы им сигнал, если бы прыжковая точка доставила в систему Хаос тактическую группу мокаков. В тот же самый момент генераторы следовало отключить, после чего воздух, свет и тепло перестали бы циркулировать. Такое неудобство можно было перетерпеть — если бы оно не слишком затянулось. Скафандры способны были поддерживать в тебе жизнь — но лишь какое-то время.

«Все имеет свои временные границы»,— размышляла Сара.

Стоя за спиной у старшины Майка Пеллагрио, Редер наблюдал за информацией, что приходила от электронных шпионов, размещенных контрразведкой в этом секторе. Иногда он подходил к рабочим местам двух других техников, освобожденных от всех прочих обязанностей, кроме наблюдения за мокаками. Пока что все было тихо; ничего от аванпоста мокаков, ничего от прыжковой точки.

— Сэр! — внезапно сказал Пеллагрио.— Прыжковая точка в работе! Что-то проходит — пока масса в районе сотен кэгэ.

Редер двинулся обратно к пульту молодого старшины. Колонки цифр разворачивались под голодисплеем искривленного пространства вокруг прыжковой точки; все это напоминало какой-то смутно непристойный цветок или сильно покореженный рупор.

— Ко мне приходят нейтринные сигнатуры боевого корабля,— сказал связист.— Или нескольких.

— Мама родная! — вымолвил Редер и присвистнул, когда компьютер начал приписывать судам классы. Мокакский флотский авианосец... два линейных крейсера... и четыре истребителя.— Да, это как пить дать больше, чем мы могли бы с нашими «спидами» атаковать. Крупная тактическая группа, четверть ударной мощи всего флота Сектора.— «Опаньки,— подумал он.— Вот идет их медленный поезд. Как бы на рельсы не попасть».

Питер хлопнул ладонью по кнопке тревоги; во всех углах базы вспыхнули огни, и завыли сирены. Через десять секунд он отпустил кнопку, подошел к интеркому и объявил:

— Все в скафандры. Свет через минуту погаснет.

Вокруг него последовала небольшая вспышка активности, пока связисты тянулись за своими шлемами; Редер знал, что то же самое сейчас происходит по всей базе. Он тоже приладил себе на голову шлем, а затем натянул перчатки.

«Все должно быть в ажуре,— сказал себе коммандер.— Все эти нейтринные сигналы и обломки от боя должны скрыть даже мельчайшие следы нашего входа в это поле».

От мокакского аванпоста не раздавалось ни звука, и это грело Питеру сердце, объективно указывая на то, что того злополучного донесения они все-таки не получили.

— Коммандер! — крикнула младший лейтенант Маннинг, быстрой трусцой вбегая в командную зону.

А затем она и все остальные застыли на месте, когда огни погасли, и люди затерялись в чернильно-черном мире с единственными крошечными лужицами света от их нашлемных фонариков.

— Коммандер,— повторила десантница и продолжила двигаться в том направлении, в котором она бежала, когда свет погас.

Один из нашлемных фонариков повернулся в ее направлении, и Пегги стала ориентироваться по нему.

— Что случилось, младший лейтенант? — спросил Редер. Сердцем он уже чуял, что ему это сильно не понравится. «Ведь именно это имеется в виду, когда кто-то вроде Маннинг таким тоном произносит «коммандер»,— подумал он.— Она могла с таким же успехом орать: «Вам это сильно не понравится!» Впрочем, еще хуже то, что ей самой явно что-то не нравится».

— Сэр! — гаркнула Маннинг и браво отдала честь. Настолько браво, насколько это вообще возможно в полном снаряжении для работы в открытом космосе, да еще при нулевом «жэ».

Редер отдал ей честь в ответ и почувствовал, как в животе у него растет небольшой кусок льда.

— Сэр, мне очень жаль, но придется проинформировать вас о том, что я совсем забыла про бомбу, размещенную в запорном механизме снаружи бункера.— Глаза Маннинг смотрели прямо вперед, ее стройное тело приняло стойку «смирно».

Рот Редера так округлился, словно он хотел сказать что-то на букву «о» и не мог. «Дьявол! — подумал он.— Отвертка!»

— Отличная работа, Маннинг,— проскрипел он зубами.— Впрочем, благодарю, что вы все же меня проинформировали.

Редер был вполне оправданно разгневан. Ошибка и впрямь вышла совершенно дурацкая. Во-первых, эта массивная бомба так и не была до конца обезврежена, а во-вторых...

— Если мокаки все-таки знают про это место, Маннинг, и явятся его проверить, наша личина будет. сорвана.

Коммандер хотел остаться с десантниками хотя бы на время обезвреживания первых нескольких бомб, но он был нужен везде. «Как же они с Кушнером могли про такую важную вещь забыть?» — мысленно возмутился он.

Та злополучная отвертка номер четыре могла с таким же успехом сидеть в самом сердце их задания; она могла тревожным

красным флагом развеваться перед носом у мокаков — опять же, если те знали про бункер.

«С другой стороны,— подумал Питер, когда его обычное чувство справедливости взяло верх,— если они про него знают, нам лучше сразу же это выяснить». Ибо если они действительно знали, задание так и так было капитально провалено. Насчет всего остального мокаки вовсе не были так твердолобы, как насчет своей теологии. Они достаточно быстро узнают, откуда появляются загадочные пираты. И с безжалостной оперативностью разберутся с проблемой.

— Мы не можем снова включить генератор,— сказал Редер.

— В ворота, сэр, встроена рабочая дверца,— сказала Маннинг.— Требовалось бы слишком много энергии, чтобы все время ворота открывать.

— Вы знаете, где она? — спросил Редер.

— Никак нет, сэр. Но я ее найду,— пообещала Маннинг.

— Возьмите все, что потребуется,— приказал коммандер.— Я пойду с вами.

По тому, как Пегги опустила глаза, Редер понял, что перспектива иметь его снаружи напарником не очень ее привлекает. «Ничего, девочка,— подумал он.— Я уже поклялся себе, что ты будешь учить меня всему, что знаешь о разрушении, и сейчас вполне подходящее время начать».

— Просто держите ее поровнее, сэр. Пожалуйста,— вежливо добавила Маннинг.

Сама она при помощи чего-то вроде куска проволоки отколупывала взрыватель от пластиковой взрывчатки, пока Питер неподвижно держал отвертку в дыре.

— А какой инструмент вы используете, младший лейтенант? — поинтересовался он.

— Кусок проволоки, сэр.

— А, понятно.

«Стало быть, это не «что-то вроде», а просто кусок проволоки,— мысленно улыбнулся Редер.— Кажется, я уже начинаю улавливать самую соль».

Десантница подтянула к себе механизм, обнажая сложное переплетение проводов с цветной кодировкой. Редер с интересом на все это посмотрел. Невооруженным глазом их здесь увидеть было нельзя, но коммандер лопатками чуял, что они совсем рядом. А мокакской огневой мощи вполне достаточно, чтобы выжечь целую планету. Даже чтобы обратить среднюю планету типа Земли в пояс астероидов вроде этого. Впрочем, он старался удерживать все свое внимание на бомбе-ловушке.

— Я что-то подобное только в исторических фильмах видел,— изумленно промолвил Питер.— Как же они с таким примитивным оборудованием справлялись?

— Паршиво,— рассеянным тоном отозвалась Маннинг.— Но это входило в планы Консорциума. Нельзя было допустить, чтобы шахтеры-контрактники получили возможность построить корабль, способный к транзитному прыжку, и сбежать отсюда вместе со всем этим материалом. Так что работу они делать могли, но по части ресурсов целиком зависели от Консорциума.

Она аккуратно потянула панель на себя. Питер поддерживал ее темп, позволяя ей направлять взрыватель куда нужно. Маннинг вынула один проводок из сплетения, и он свободной рукой его взял. Затем десантница отцепила с пояса кусачки и, перехватив у Редера голубой проводок, приготовилась перекусить его пониже, где откушенный кончик можно было засунуть под панель, и проводок показался бы целым.

— А что бывает,— спросил Редер,— когда бомба еще не до конца обезврежена, а вы не тот проводок перекусываете?

— Вообще-то, сэр, когда вы обезвреживаете бомбу, никто таких вопросов не задает. Считается, это может навлечь несчастье.

— Ага.— «Звучит разумно,— подумал Питер.— Тем более, что вопрос был чисто отвлекающий. Хотя и не задать его было бы непросто. То есть, что все-таки случается, если она не тот проводок отрезает? Пытливый ум хочет знать». Так получалось оттого, что у пытливых умов были свои подозрения.

Впрочем, занимая себя такими раздумьями, Редер крепко держал на месте панель и отвертку. Игольный выплеск лазерного луча — и ответ на вопрос был бы получен. Но в данном случае вопрос был положен на полку, ибо Маннинг, похоже, отрезала нужный проводок.

Запихнув механизм на место, десантница взяла Редера за руку и вынула отвертку из дыры. Только затем она позволила себе выдох.

«Ага,— подумал Питер, испытывая не меньшее облегчение, но располагаясь слишком высоко на служебной лестнице, чтобы его проявить,— значит, и у железной девы имелись свои сомнения». Он не был уверен, чего в нем сейчас больше — радости и веселья или остатков жуткого страха.

— Давайте-ка назад забираться,— сказал коммандер, аккуратно опуская крышку запорного механизма.— Мы же не хотим, чтобы нас тут с расстегнутой ширинкой застукали.

Маннинг неуверенно на него посмотрела.

— Так точно, сэр,— сказала она.— То есть, никак нет... сэр.

— Это старинное выражение,— пояснил Редер, улавливая причину ее смущения.— Судя по всему, оно к политике относилось.

— А, понятно,— кивнула девушка.

«Забавно, как легко все с этим соглашаются»,— подумал Питер.

Редер поспешил занять свой пост за спиной Пеллагрио. Блок датчиков в настоящее время работал на аккумуляторах и был

совершенно пассивен, лишь принимая эмиссию — как от мокакских коммуникаций, так и от шпионских датчиков Содружества, которые наблюдали за каждым шагом врага.

К несчастью для Редера и остальных членов его команды, мокаки в настоящее время транслировали боевой гимн в честь своих героически павших собратьев.

«Так громко гоняют, гады,— подумал Редер, крутя головой в шлеме, как будто это могло спасти его от жуткой какофонии,— что могу поклясться — мертвецы и впрямь его слышат». Шума было вполне достаточно, чтобы разогнать по дороге в небеса даже самую неохотную и вялую душу. Где она, хотелось надеяться Редеру, удостоилась бы музыки получше.

Пеллагрио и другие техники отслеживали в разных диапазонах, высматривая любые сигналы, которые могли просачиваться выше или ниже официальной трансляции. Но мокаки подходили к таким вещам с предельной серьезностью, и больше получаса ничего другого там не ловилось.

Наконец, также без особой спешки, капитан авианосца произнес вдохновляющую речь, так превознося мокакских мучеников и их боевую отвагу, как будто он сам там был, чтобы ее лицезреть. Изложенные им события не вполне соответствовали действительности — к примеру, он дал пиратам сделать первый выстрел. Но для Редера и его команды все это очень даже годилось. Заканчивая свою речь, капитан обрек пиратов, а заодно и содругов на самые глубокие ямы преисподней.

— И пусть кости их лопнут от жара черного пламени, что навеки испепелит проклятых!

— Ой, мамочка! — сморщила нос Айя Вишневская.

Алонсо Барак искоса на нее глянул и улыбнулся.

— Какое странное сочетание христианских мифов и светского мистицизма,— сказал он.— Но к концепции ада они пристали как кот к валерьянке.— Он покачал головой.— Что за жалкий народец.

Редер строго на них взглянул, и они утихомирились. Да, они общались скафандр-в-скафандр, а мокаки по-прежнему были заворожены краснобайством своего вождя, но все-таки лучше было потише.

— Вперед же, братья мои! Ищите и найдите наших врагов! Ищите и наших собратьев, которые могли уцелеть!

«А я как раз прикидывал, собирается ли он упомянуть о возможности того, что кто-то выжил,— подумал Питер.— Хотя лично я бы лучше загнулся. Можно себе представить, какой допрос эти фанатики в таком случае сочтут подобающим. Но только не стоит — а то внутри все сжимается».

Впрочем, было невероятно, что «Непобедимый» кого-то мог пропустить. Капитан Каверс предпринял предельно тщательные розыски тех своих людей, кто мог уцелеть, и мокаков они там тоже наверняка подобрали.

Все молча наблюдали, как мокаки рыщут, и прислушивались к лаконичным переговорам врагов. Затем в животе у Редера похолодело, когда он заметил, как один из истребителей направился к полю астероидов. Корабль явно шел по их следу.

«Нет, черт побери,— подумал Питер, пока его сердце переходило на работу с перегрузкой.— Не могу в это поверить! У них не должно быть таких хороших датчиков!»

Пеллагрио нажал несколько клавиш, и экран переключился, задействуя новые шпионские «глаза». Корабль мокаков двигался медленно, осторожно. Время от времени его оборонительные системы ближнего боя давали залп; всякий раз незримая пульсация энергии обращала во вспышку света камень, которому не повезло оказаться на опасной траектории.

А затем...

— Это уже не камень! — прошипел Редер, вызывая более крупную картинку. Там было столько энергии, приложенной пучками частиц с корабля мокаков и отразившейся от всякого мусора, что пассивные рецепторы оказывались почти так же эффективны, как и активные поисковики. Компьютер послушно выдал трехмерное изображение груды обломков.

«Это еще что за черт? — задумался Редер, сосредоточенно щурясь. Внезапно понимание вспыхнуло и секунду-другую бешено покрутилось в мозгу. Челюсть его отпала.— Это же мотор «спида!»

Тут хлопок по плечу чуть было его не опрокинул, и коммандер возмущенно повернулся направо. А там его поприветствовали искрящиеся глаза Падди и редкостно широченная ухмылка новоирландца. Питер ухмыльнулся ему в ответ, мгновенно понимая, что главный старшина невесть каким образом и неведомо когда ухитрился вытолкнуть туда эту машину, чтобы одурачить мокаков.

Снова обратив свое внимание на пульт Пеллагрио, Редер увидел, что мокаки и впрямь оказались одурачены.

— Нейтринные сигналы, ведущие в это поле астероидов, могут быть приписаны мотору «спида», который, судя по всему, находился в одном из обломков вокруг «Пионера», брат капитан. Мы запрашиваем разрешение удалиться из этого поля. Мы уже понесли некоторые повреждения корпуса, сэр.

— Вы уверены, брат? — спросил капитан авианосца.— Приборы указывают, что туда ведет существенное количество радиации.

— Мотор по-прежнему чихает,— ответил мокакский истребитель.— Этим все и объясняется.

На мгновение повисла тишина. Затем по главной антенне истребителя попало камнем, и сигнал заколебался.

— Брат капитан, мы несем повреждения,— сказал капитан истребителя. Голос его шел заодно с шумом статики.

— Хорошо, можете оттуда удалиться.

Еще только найдя мотор «спида», истребитель тормознул и замер на месте, так что теперь его маневр для выхода из поля астероидов

получился на редкость ловким. Казалось, корабль дрожит от нетерпения, пока он медленно и осторожно удалялся из каменного хаоса.

«Страшно довольная компания нас покидает»,— подумал Редер. Однако в голове у него сидели неловкие сомнения, связанные с неохотой капитана авианосца давать истребителю добро на прекращение поиска. «Не вспомнит ли он, что заподозрил здесь что-то неладное, когда мы войдем в дело? — задумался коммандер.— Возможно, и вспомнит. Но пока что план работает идеально,— ободрил он себя.— Мокаки определенно занесут атаку на их маленькую флотилию на счет пиратов».

Следовательно, и все последующие атаки они должны были заносить на тот же счет.

«Знай капитан авианосца про бункер,— утешил себя Редер,— он нипочем бы поиск не отозвал. Независимо от того, как крепко истребителю бы тут доставалось.— Он покачал головой.— Так или иначе, сейчас не время догадки на будущее строить».

Мокаки несколько часов слонялись по полю боя, вынуждая Редера задумываться, что именно они надеются там найти. Быть может, они ожидали, что пираты вернутся и позлорадствуют, глядя на место своего преступления? Или они крутящиеся обломки подсчитывали? Какое-то время они молчали, так может статься, у них там молитвенное собрание проходило?

Наконец, заведя последний боевой гимн, что жутко ревел и дребезжал в честь павших, тактическая группа мокаков покинула систему Хаос.

— Вы заметили? — спросил Редер.— Они даже не попытались со своим аванпостом связаться.

— Возможно, там дисциплинарный пост,— предположила Сара.— В таком случае им это было бы не к лицу.

— Возможно,— отозвался Питер, неуверенно кивая и пожимая плечами.— В этом подразделении к наказаниям и впрямь серьезно относятся.

Он выждал еще пятнадцать минут, а когда ничего не произошло, приказал:

— Ладно, врубайте энергию.

Один из техников запустил генератор, и свет снова загорелся. Но теперь должна была пройти еще пара часов, прежде чем они смогли бы снять шлемы и вдохнуть скверную атмосферу, нагнетаемую воздушными насосами базы, а еще несколько часов после этого было бы слишком холодно, чтобы избавляться от скафандров. Впрочем, до тринадцати ноль-ноль они бы и в скафандрах прекрасно поспали.

— Славную работенку мы сегодня проделали,— сказал Питер, оглядывая лица членов своего маленького отряда. Позади них простирался тоннель полого астероида, где аккуратно стояли по местам «спиды».— Теперь это место очищено и готово к работе.

А в ближайшие тридцать суток работы должна быть масса.— Он сделал паузу.

— Мы все сражались с пиратами. До войны Космический Отряд в основном только этим и занимался. Все они полные ублюдки, и мы только оказываем мокакам услугу, выводя их из строя. Если все пройдет как надо, то по окончании этого задания мы лишим нашего врага важного источника ресурсов, а также дадим пиратам хороший повод дважды подумать, прежде чем атаковать корабль Содружества на потребу мокакам.

Действуя с этой базы, мы можем ощутимо приблизить конец войны. Важно, чтобы каждый из нас четко об этом помнил. Мы каждый день должны будем выкладываться на все сто процентов; даже когда мимо ничего не идет, мы должны быть максимально готовы. Мы не можем прервать вахту ни на секунду, ибо наше задание имеет предельную важность.

Питаться мы будем готовыми продуктами.— В наушниках у Питера раздались стоны, и он улыбнулся, честно соглашаясь с общим недовольством.— У нас будет очень мало досуга и совсем никакого уединения. Так что давайте не действовать друг другу на нервы. Твердо держась дисциплины, мы никогда не потеряем из вида нашу цель. А когда тридцать дней истекут, «Непобедимый» вернется и заберет нас отсюда.— Тут последовали радостные возгласы.

— Помните, люди, что на борту этого авианосца нет сейчас ни одного человека, который с радостью не поменялся бы местом с любым из вас. Потому что мы делаем великое дело! — Тут Питер выдержал паузу, а затем улыбнулся.— Повести, которые вы расскажете про это задание вашим детям, заставят их всю жизнь вами гордиться.— Он оглядел всех собравшихся, и комок подступил к его горлу. «Держись, коммандер»,— приказал он себе.— Так что, давайте, люди, историю делать,— закончил Питер и отключил интерком, а в ушах у него звенели крики восторга.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Айя Вишневская и Алонсо Барак увлеченно гоняли свою мишень. Мишень уворачивалась и виляла, пытаясь воспользоваться преимуществом высокой концентрации железо-никелевых астероидов, чтобы убраться из совмещенных огневых конусов двух смертоносных машин — но безуспешно. «Спиды» Космического Отряда также отслеживали коммуникационные каналы пирата; его друзьям ровным счетом ничего не уходило, зато двое пилотов могли смаковать каждое слово.

— Какой у него обширный словарь,— подивилась Айя.— Знаешь, я даже краснею.

— К счастью, у него не очень хороший корабль,— отозвался Алонсо.

Никто из них не желал называть эту штуковину «спидом». Хотя, если по-честному, предназначение у нее было примерно такое же: одноместное маленькое суденышко с мощным мотором для обычного космоса и тяжелым вооружением. Пират все уворачивался, по-прежнему безостановочно матерясь; он уже исполнил все маневры, на какие был способен его ублюдочный «спид».

— Твоя очередь,— со сдержанной любезностью протянул Барак.

— Благодарю,— отозвалась Айя, приступая к финальной части концерта по заявкам. Пульсирующая звездочка окружила импульс на экране ее бортового компьютера, и из главного орудия «спида» полетел субнормальный пучок частиц. Щиты пиратского судна тут же запылали огнем; приборы сообщили Айе, что даже этот легкий, почти любовный хлопок практически перегрузил вражескую защиту.

— Сдаюсь! — заверещал пират.

«А он не такой дурак,— подумала Айя.— Наверное, говорит себе: «Эти люди воюют как содруги, а значит, это точно Космический Отряд». Все знали, что Космическому Отряду предполагается брать пленных. Не было никакого смысла умирать, когда самое худшее, что могло тебя ожидать, это небольшое тюремное заключение.

— Открой свой компьютер,— спокойно приказала Вишневская.— Передавай...

Ее бортовой компьютер немного помигал, а затем выдал сообщение: «Враг отрезан от управления. Система подчинена вашему контролю. Дальнейшие инструкции?»

— Вы ребята добрые,— радостно заметил пират, и в голосе у него прозвучало облегчение человека, только что спасшегося от верной смерти.

Тем же спокойным, лишенным всяких эмоций тоном Айя отбрила его самыми грязными выражениями, какие Редер, прислушивавшийся к их переговорам с базы, в своей жизни слышал. Брови его удивленно подскочили. Все это было так непохоже на его бывшую партнершу по эскадрилье, которая всегда держалась как настоящая леди. Вежливость запрещала Питеру спрашивать, в чем тут дело, но гневная страстность Айи застала его врасплох.

— Бортовой компьютер,— сказала Вишневская, когда поняла, что уже повторяется.— Дальнейший курс. Все компенсаторы и амортизаторы отключить.

Пиратский корабль пошел по спирали, и его пилота стало выворачивать наизнанку.

«Может, Барак знает»,— предположил Редер и убрал эту мысль в сторону для дальнейшего рассмотрения. Когда твой шлем наполняла рвота, это было совсем не смешно, хотя если скафандр примерно соответствовал спецификации, то и не смертельно.

Для содругов бой проходил удачно. Шесть пиратских «спидов» были уничтожены, причем один разорвала на куски ракета, выпущенная с пиратского же переоборудованного транспорта. Судя по тому, как сражался пиратский корабль, Редер заключил, что

все там пьяны или под наркотиками. Или и то, и другое. В конце концов, их привычная добыча редко стреляла в ответ; предполагалось, что система Хаос — безопасное место, чтобы спрятать награбленное; а пираты и в лучшие свои времена образчиками дисциплины не служили.

Пеллагрио и его бдительная бригада техников подавляли все пиратские попытки позвать на помощь.

«Не стоит даже пытаться»,— подумал Редер, наблюдая за тем, как «спиды» Содружества не дают грузовому кораблю сбежать к прыжковой точке. Он знал, что пиратский капитан вполне способен отважиться на прыжок и бросить свои «спиды» на произвол судьбы, а потому учел это при планировании операции.

«Этот грузовой корабль станет вашей тюрьмой,— подумал Питер.— Базу никакие пираты с моими людьми делить не будут». Хотя он практически на неопределенное время мог оставить пиратов в их «спидах», эта идея совершенно ему не нравилась. «Будет просто удачей,— думал коммандер,— если никто из этих мандюков не сумеет взломать блокировку, которую мы на их управление наложили. Вряд он тогда далеко уйдет, но вспышка получится славная, и мы эту славу фактически ему обеспечим. Так или иначе, это не то задание, на котором следует такие свободные концы оставлять».

— Сдавайтесь,— потребовал Редер, когда еще больше его «спидов» освободилось, чтобы проворно скользить вокруг обложенного со всех сторон грузового корабля.— Немедленно сдавайтесь, и тогда мы, возможно, сохраним вам жизнь.

— Да ладно,— осклабился пират.— Содруги пленных не расстреливают.

— Вы еще не пленные,— заметил Редер.— Пока вы не сдались в плен, даже содруги запросто бы вас расстреляли.

— То есть как это «даже содруги»?

— А кто говорит, что мы содруги?

После лаконичного вопроса Редера последовала долгая пауза. Коммандер не сомневался, что пиратский капитан сейчас выискивает любые опознавательные знаки на осадивших его «спидах». Причем тщетно.

«Ну как, пробирает? — зловредно подумал Редер.— Что, педрила, весело тебе прикидывать, кто собирается взять тебя на абордаж и что он намерен с твоей драгоценной задницей проделать?» — Хотя вообще-то он не был уверен, что пираты сдадутся без дальнейшего боя. Всегда оставалась возможность, что они так пьяны или накачаны наркотиками, что окажут сопротивление, пусть даже и сами не очень об этом сознавая.

Наконец последние пиратские «спиды» были заглушены эскадрильей, и пилоты полетели присоединиться к движущейся сети «спидов», что окружила пиратский корабль.

— Сдавайтесь,— ледяным голосом проговорил Редер.— В темпе.

Тишина продлилась еще лишь несколько секунд.

— Лады,— сказал наконец пиратский капитан.— Мы сдаемся.

— Мои люди намерены сесть к вам на борт и пилотировать ваш корабль. Один выстрел в любую секунду — и я отзову своих людей, а потом мы вас на куски порвем. Это понятно?

— Ага, понятно.— Пират отвечал хоть и угрюмо, но смирно.

— Хорошо.— Редер для вящего эффекта еще помедлил.— А теперь откройте ворота, чтобы мы смогли завести ваши «спиды» обратно.

Подтверждения не последовало, но громадные створки раскрылись. Один за другим люди Редера со своих пультов заводили пиратские «спиды» на их стоянки.

— Теперь я хочу, чтобы вы все отправились на камбуз и там расположились,— приказал Редер.

— Нас слишком много,— запротестовал пират.— Мы все не поместимся. Там тесно.

— Тогда друг друга не обижайте,— усмехнулся коммандер.— Ваши вши как пить дать уже готовы друг с другом поделиться. Короче, идите на камбуз и носа оттуда не показывайте.

Чего пираты не знали, так этого того, что Пеллагрио через их открытый компьютер уже получил доступ ко всем зонам грузового корабля. Не использовавшаяся пиратами система безопасности транспорта теперь указывала местоположение каждого члена команды по теплу его тела.

— Уже идем,— пробурчал пират.

Пеллагрио указал Редеру на массивную фигуру в углу одного из экранов пульта.

— Вероятно, это капитан, сэр.

Редер кивнул, наблюдая за тем, как пиратская команда ненадолго сбивается вместе, а затем движется прочь с капитанского мостика. Однако небольшая компания ускользнула к ангару со «спидами». Питер наблюдал, как экипажи «спидов» группами по четыре человека входят в шлюз. Когда цикл шлюза закончился, ожидавшая на выходе компания жестами объяснила пилотам, что к чему, похлопала их по спинам, и они проследовали на камбуз. Наконец там собралась вся команда за исключением тех шестерых пиратов, что притаились у шлюза.

«Как пить дать вооружены до зубов,— подумал Питер.— И явно собираются взять заложников.— Он вздохнул.— Предполагается, что, мы, как последние лохари, прямо к ним в лапы заявимся».

— Задрайте люк в том коридоре,— приказал он Пеллагрио.— А потом свяжите меня с ними через интерком.

Пираты, сжимая в руках оружие, таились в коридоре, и ушки у них были на макушке. Даже еще повыше, чем на макушке —

после того, как по приказу капитана они проглотили «вытрезвительные» пилюли. Жуткая головная боль мучила головорезов, и они жаждали расплаты.

Капитан Стенолом прекрасно понимал, что имеет дело с содругами — пусть даже на их «спидах» отсутствовали опознавательные знаки. «Вольные стрелки они, понятное дело,— подумал он.— Вольные стрелки, которым форменные высокофункциональные «спиды» случилось раздобыть. Да еще действовать согласно «Стандартному руководству по тактике» — звеньями по два «спида», все девять метров друг от друга».— Чувствуя остаточное действие экстазина, он тихонько прыснул.

Голая правда состояла в том, что эти лохари классно умели сражаться, но несмотря на весь свой крутой базар, они были сущие слюнтяи. Будь это настоящие пираты, вокруг корабля куда больше кусков от «спидов» бы плавало... да и сам корабль уже превратился бы в газопылевое облако, если бы только на борту не нашлось чего-то ценного, чтобы себе прихватить. «Так что взять их за жабры,— думал Стенолом,— малость помесить, и они у меня с руки кушать будут». Его терзало немалое любопытство по поводу того, как так случилось, что его тут целый рой содружеских «спидов» поджидал.

Легкая вибрация палубы у него под ногами сообщила Стенолому о том, что «спиды» содругов садятся. Пират оскалил зубы в плотоядной улыбке. Все это обежало забаву.

Внезапно люк в другом конце коридора захлопнулся, и вся компания пиратов разом застыла.

— Кто это сделал? — поинтересовался капитан через интерком.— Всем быть на камбузе. Развлекаться потом будете. Чешите отсюда куда полагается.

Последовала пауза, а затем раздался ответ:

— Мы все на камбузе, капитан.— Еще пауза.— Кроме вас, ребята.

— А кто тогда люк задраил? — спросил Стенолом.

— А это я его задраил,— отозвался Редер.

— Кто это сказал? — рявкнул пират.

— Ну ты, мандюк, еще и сорока минут не прошло, как ты мне сдался! Угадай с трех раз, кто с тобой говорит! А еще лучше — ответь сам себе, чего ради ты у шлюза паришься, когда я тебе на камбузе быть велел?

Стенолом вяло рассмеялся. Затем облизнул пересохшие губы и нервно огляделся своих подручных.

— Послушайте,— начал он, стараясь полюбезнее,— ведь это же мой корабль. Ведь вы знаете, как это бывает — мы просто должны были попытаться. Знаете?

Редер немного выждал, затем холодно процедил:

— Я знаю, что у меня к тебе куда более важный вопрос. Что ты будешь делать, когда я прикажу своим людям этот шлюз на

хрен продуть? А наружный люк, между прочим, не задраен. Это на случай, если тебе интересно.

— Вы этого не сделаете,— сказал Стенолом. Говорил он презрительно и вызывающе, но в глазах была неуверенность.

— Это вызов? — вежливо осведомился коммандер.— Я должен отдать этот приказ, чтобы твоя команда наверняка узнала, каким я могу быть жестким? Только попроси, придурок, и ты уже там.

— Вы этого не сделаете,— повторил Стенолом.

— Да? Это почему? Ты нам зачем-то нужен? Хотя, если честно, в бою ты нам очень помог, когда одного из своих парней покромсал. Пожалуй, за это мы тебе немного обязаны.

— Это случайно вышло,— прорычал пират.

— Случайно? — переспросил Редер, изображая легкое удивление.— Такая мысль тоже на ум приходит. Ладно, пора с тобой кончать. Вишневская, выдуть этот шлюз лазером.

— Есть, сэр.

Почти сразу же на наружной стенке шлюза, под самым потолком, появилась красная точка; металл слегка потрескивал, расширяясь в том месте от жара.

Пираты все как один бросились к люку в другом конце коридора. Там они сбились в озверелую, отчаянно царапающуюся массу. Люк оставался задраенным, а там, где красная точка уже превратилась в короткую черточку, послышалось шипение уходящей из переходного шлюза атмосферы.

— Мы сдаемся! — проревел Стенолом.— Выпустите нас!

— Вы уже раз сдавались,— напомнил ему коммандер.— Но потом передумали.

— Вы не можете этого сделать! — настаивал пират.— Не можете!

— Могу поспорить, что первоначальные хозяева этого судна говорили то же самое, когда вы его у них отобрали,— мрачно заметил Редер.

Последовала пауза, а затем Стенолом дрожащим голосом произнес:

— Я этот корабль купил. У меня документы есть. Прекратите! — завопил он, когда лазер срезал угол, и металл выгнулся, оставляя солидную дыру.— Скажите, что вам нужно, мы сделаем все, что вам нужно!

— Отставить огонь, Вишневская.

— Есть, сэр.

Единственным звуком в коридоре осталось шипение вырывающегося воздуха. Пираты дикими глазами пялились на охлаждающуюся полоску расплавленного металла, а их легкие вовсю работали в скудеющей атмосфере.

Тут у них за спиной открылся люк. Один из пиратов выпал в него, а все остальные кучей-малой посыпались следом.

— Марш на камбуз, и никаких фокусов,— приказал им Редер.

— Ничего себе,— буркнул коммандер, оглядывая капитанский мостик бывшего «купца».

Выглядел он как стандартная модель пассажирско-грузового корабля с форсированным двигателем — из провинциальной верфи, не на Земле и не во внутренних системах. Такие суда связывали воедино все Содружество, а временами даже выходили за пределы обитаемого космоса. Модификаций там, впрочем, хватало. Центральное, похожее на трон перегрузочное кресло окружали добавочные пульты и экраны — частично неплохие и все до единого нестандартные. Управление тактической системой и орудиями было втиснуто между навигационным контролем и панелями системы жизнеобеспечения, изначально там имевшимися. Редер подошел поближе и коснулся экрана. Древа-решения и силовые каскады мгновенно там вспыхнули, и коммандер удивленно покачал головой.

— Ну и ну,— пробормотал он.— Кто сделал на этом кучу денег, которую честная верфь нипочем бы делать не стала. Понимаете, о чем я?

Техник кивнул.

— У нас есть все спецификации и данные о программах, сэр. Контрразведка наверняка сможет проследить ниточку — даже без еще дымящихся орудий.

— Кстати, об орудиях.

Редер нажал несколько клавиш, и получил на экране картинку с нашлемной камеры одного из членов рабочей бригады. Наружная поверхность корпуса пиратского корабля уходила вдаль, гладкое пенометаллическое покрытие было устлано абляционной броней и сплошь усеяно блоками датчиков, пусковыми установками и окулярами лучевых орудий.

— Как дела?

— Большую часть мы физически выведем из строя примерно за час, сэр,— донесся жизнерадостный ответ.

— Хорошо.— Редер опять повернулся к технику.— Я хочу, чтобы все, не имеющее критической важности для системы жизнеобеспечения, было физически выведено из строя.— Он не слишком доверял программным блокировкам; всегда оставался шанс, что какой-то дьявольски гениальный хакер... В основном, правда, такое случалось только в голофильмах, но исключать этот вариант все-таки было нельзя.— А потом наглухо заварите вот этот люк.

Он нырнул туда и принялся разглядывать коллекцию личного оружия, разложенную прямо на палубе завороженной парой десантников. «Не удивленной, а именно завороженной»,— подумал Питер. На лице у Пегги ясно читалось желание парочку-другую штуковин себе прибрать.

— Вижу, вы их арсенал обнаружили,— сказал он.

— Какой там арсенал, сэр! — отозвалась Маннинг.— Здесь только то, что мы на них самих и у них в каютах нашли.— Она сморщила нос.— Ну там и клоповник!

На палубе лежали вибрационные и металлические ножи, кастеты и кольца, которые выбрасывали сгустки сверхсжатого воздуха. Ощущение от удара сгустком бывало такое, будто тебя копытом лягнули. Ручные лазеры, плазменные ружья, полдюжины всевозможных пулеметов... и какая-то странная коробочка, словно бы для косметики.

— Осторожно, сэр! — предупредила десантница, когда Редер потянулся к коробочке.— Десяток контактных ядов!

— Отравленная губная помада?

— Ну, как вам сказать... лучше ни с кем из них не целуйтесь.

— Да я и не собирался.

Выходя в кают-компанию, Редер все еще качал головой. Подобрав с ободранного стола коробку развлекательных дискет, он прочел этикетки и лишь невероятным усилием воли опустил брови на место, после чего дал сигнал интеркому соединить его с камбузом. Все головы разом поднялись, когда его изображение появилось на стенном экране.

— Теперь мы вас тут одних примерно на месяц оставим,— сообщил пиратам Редер.— Когда я говорю «одних», я это серьезно. Так что если у вас были какие-то блестящие мысли насчет того, чтобы поджечь помещение и заставить нас к вам на помощь прийти, то забудьте их как кошмарный сон. Аналогичным образом, самоотравление с какими-то надеждами на то, что мы вас спасем, станет большой ошибкой. А на тот невероятный случай, если вы все-таки сумеете выбраться из охраняемой зоны, могу вам сказать, что мы откачали весь ваш антиводород и забрали критически важные детали вашего двигателя, а также физически вывели из строя все коммуникационное оборудование. Воздуха, воды и продуктов у вас достаточно. Как вы будете друг друга развлекать — это уже ваша проблема. Постарайтесь быть живы, когда мы вернемся. Но если вы все тут подохнете, я расстраиваться не стану.

Когда Редер закончил, повисла тишина. Затем капитан Стенолом протиснулся к люку камбуза, который последние десять часов был задраен и надежно охранялся. Теперь он легко распахнулся от толчка его ладони.

Стенолом бросился к своей каюте, пока вся команда следом за ним вытряхивалась с камбуза. Со всех сторон начали раздаваться гневные выкрики, когда пираты стали обнаруживать, что их схроны с оружием капитально очищены.

Редер следил за движениями капитана через его нашлемную камеру, скалясь как акула, пока здоровяк просовывал руку в «тайный» схрон у себя под койкой. Ярость Стенолома была не такой громогласной, зато матерился он непрерывно, выискивая судовые документы и свои опознавательные ордера. Все пропало.

— Блин, как мне жопу поджарили! — выругался он себе под нос, не сознавая о следящем присутствии Редера.

«И протушили»,— добавил про себя коммандер.

Челноки Космического Отряда как раз закончили затаскивать разбитые пиратские «спиды» в поле астероидов при помощи сетей для сбора руды, когда Пеллагрио призвал к себе Редера.

— Сэр, тут на подходе корабль.

— Уже иду.— Питер бросил пыточное устройство, которое он разглядывал, на поддон к остальной подобной жути и вытер руки о комбинезон.— Сохраните это как улики,— велел он Хандинг.

Прелестная техничка тревожно вздрогнула, и Падди сказал:

— Я позабочусь об этом, сэр. А вы, Хандинг, можете пока посмотреть, что там с тем «спидом», на котором лейтенант Гивенс летает.

Затем новоирландец подмигнул Редеру, а тот в ответ закатил глаза.

«Он влюблен,— подумал Питер.— И, наверное, хочет, чтобы и все остальные тоже были влюблены». Хотя сложно было себе представить, что Гивенс уделит хоть минутку простому старшине вроде Хандинг. «Иначе,— подумал Питер,— я бы тут же вмешался. Не хочу, чтобы здесь кто-то кого-то от дела отвлекал». Тут вполне разумная мысль коммандера резко оборвалась, когда перед его мысленным взором прошла капитан-лейтенант Сара Джеймс. Он даже не понял, что улыбается, пока она не ушла с его горизонта.

«Вот тебе и на,— горестно подумал Питер.— А я еще хочу, чтобы все на своей работе сосредоточились».

— Сэр, у нас тут еще пират,— сказал Пеллагрио, когда Редер подошел к его пульту.

Глядя из-за плеча связиста на экран, Редер видел там изящный корабль, не столь уж несхожий с разведывательным. Корабль назывался «Богиня», причем краска была наложена на то место, где с корпуса соскребли более длинное название.

— Эскадрилья «спидов»,— сказал Редер в интерком.— Срочно в машины. У нас тут еще клиент.— Он переключился на личный канал.— Падди?

— Мы довооружили все «спиды», кроме двух, сэр. Существенных повреждений никто не получил. Хотя они не так отполированы, как мне бы хотелось, в целом мы готовы.

— Сколько потребуется, чтобы те два подготовить? — спросил Питер.

— Не более получаса, сэр. Мы уже начали загружать ракеты.

— Хорошо, конец связи.— Коммандер нажал еще несколько клавиш.— Капитан-лейтенант Сара Джеймс,— сказал он, поскольку Сара вела эскадрилью.— Два ваших «спида» еще под погрузкой, но примерно через полчаса за вами последуют.

— Вас поняла, коммандер. Полчаса. Конец связи.

«И будь там поосторожнее»,— мысленно добавил ей Питер, зримо представляя себе, как Сара подключается, проверяет системы, а коммандер Питер Эрнст Редер остается в миллионах миль от ее мыслей.

С легким вздохом он снова переключил свое внимание на пирата, наблюдая, как он медленно скользит вглубь системы Хаос.

— Он осторожен,— прокомментировал коммандер.

— Так точно, сэр,— согласился Пеллагрио.— И датчики вовсю использует.

Питер вздрогнул. Хорошие датчики могли там много чего подцепить. Следы разрывов брони и пенометалла, ободранного до ионов пучками частиц... любой, кто бывал в бою, прочел бы эти сигналы как открытую книгу.

— Вы заблокировали его коммуникации? — спросил он.

— Так точно, сэр,— отозвался Пеллагрио, бросая на коммандера косой взгляд. Этот безмолвный взгляд ясно говорил: «Нет, сэр, я сижу тут и дожидаюсь, пока вы мне растолкуете, как мне мою работу. делать».

Глядя на монитор, Редер кивнул. «Надеюсь, он не сбежит,— подумал он.— Все может рухнуть, если хотя бы один смоется».

— Что у нас есть на «Богиню»? — спросил он у Пеллагрио.

Связист вывел ему боковую планку с основной статистикой пирата. Не более четырех «спидов», команда из четырнадцати человек, все женщины. Вооружение... Редер сжал губы. Противокорабельные лазеры, защитные лазеры, орудия, стреляющие пучками частиц, и, судя по всему, корявый на вид, но эффективный набор ракет. Несмотря на свое очевидное уродство, загружена «Богиня» была очень прилично. Корабль также обладал репутацией быстроходного, жесткого и умного бойца, готового на риск ради хорошей добычи.

«Полагаю, мы вполне можем ожидать, что они на нас свои «спиды» спустят»,— с надеждой подумал Питер.

Разведданные сообщали, что Ариана Лесби, капитан «Богини», предпочитала команду из одних женщин, потому что они «лучше блюдут дисциплину». Также было известно про ее заявления о том, что она не желает оставаться пиратом дольше необходимого. Лесби рассчитывала продержаться до конца войны, пока Космический Отряд будет плотно занят мокаками, а потом уйти на покой.

«Ничего странного, что она так осторожна»,— подумал Редер. Эта женщина должна была оказаться на целый порядок опаснее Стенолома. Затем он взглянул на экран, где демонстрировалось, как эскадрилья приближается к пирату, и испустил вздох облегчения.

Несмотря на всю свою осторожность, Лесби была слишком далеко от прыжковой точки, чтобы избежать рандеву с Сарой.

Капитан-лейтенант Сара Джеймс настойчиво уговаривала себя сосредоточиваться на деле. «Не будем недооценивать врага,— твердила она себе.— Даже пиратские посудины».

Взгляд на экран готовности сказал ей о том, что эскадрилья веером разлетается в звездчатое построение, следуя по баллис-

тическим траекториям на перехват. Сара дала команду, и бортовой компьютер представил ей конусы, которые изображали возможные курсы, доступные для обеих сторон. Они осторожно сходились, и с одного края образовывалась зона, куда, как в перчатку из «спидов», должна была угодить «Богиня».

— Греется.

Пират резко оживал; силовая установка раскочегаривалась до боевой кондиции, приводя в действие защитные экраны и пусковые дорожки. «Активно греется»,— мысленно уточнила Сара.

— Идет запуск. Повторяю — враг запускает «спиды». Все в разгон. Следуйте за мной.

Экран вспыхнул, когда мотор ее «спида» резко набрал обороты, обеспечивая ей множество «жэ». «Только не слишком много»,— осадила себя Сара. Если совокупные скорости оказывались слишком высоки, у цели появлялось больше шансов на спасение в скоротечном боевом контакте.

— Тормозит! — сказал кто-то, и Сара мигнула в знак согласия. «Богиня» резко развернулась на все сто восемьдесят градусов и теперь исчезала в облаке частиц большой энергии от собственного выхлопа. «Похоже, там кто-то проснулся»,— подумала Сара. «Богиня» явно собиралась погасить скорость, а затем, не задавая лишних вопросов, гнать прямиком к прыжковой точке.

— Еще тормозит!

На сей раз прицельный датчик омывал один из содружеских «спидов». Курсовой конус небольшого корабля уходил прочь от эскадрильи, когда что-то вырвалось из пиратского судна и помчалось прямиком к тому «спиду»; ракета, судя по профилю. Но и вражеские «спиды» не оставались далеко позади. Сара прикинула их разгон и удивленно подняла брови. «Совсем как Питер»,— некстати подумалось ей. Это не были межкорабельные челноки, используемые в качестве «спидов»; они совсем неплохо ходили.

— Посмотрим, насколько они маневренны,— мрачно сказала Сара.— Итак, первое звено берет «спиды». Второе корабль стопорит. Я не хочу, чтобы он до прыжковой точки добрался.

— Подбить?

— Если получится. А если нет — уничтожить. И долго не раздумывать.

Операция со Стеноломом была скорее полицейской. Теперь же им предстоял настоящий бой.

Для технической бригады подошло несколько неприятных часов работы с пиратским судном. Даже подраненная и сильно помятая команда «Богини» буквально излучала угрозу.

Редер и Падди как раз проводили последний осмотр, когда бригада заканчивала свою работу.

Внезапно из динамика раздался ослиный рев Стенолома:

— Вы чего там с моим кораблем творите, ублюдки? Вы же сказали, что нас одних тут оставите!

Ариана Лесби вскинула голову.

— Так ты нас здесь вместе со Стеноломом замуровываешь? С этим придурком безмозглым? — Губы ее презрительно скривились.— Я протестую.

— Не вместе, а рядом.

— Я все равно протестую. Я один раз с ним на съезде капитанов была. Там надо было какую-то ерунду решить — так ничего не решили, пока он от своих колес не вырубился. А теперь нам его слушать придется. Это само по себе жестокое и изощренное наказание!

— Лесби! Ты, сука драная!

Редер сперва решил не отвечать, но затем прикинул, какие заморочки будут возникать, если всякий раз, как они будут приводить на борт новых пленников, Стенолом станет орать по интеркому. Тогда он жестом велел Лесби молчать и заговорил сам:

— Это уже не твой корабль, педрила. На самом деле он никогда твоим не был. А прямо сейчас это мой корабль, и я могу делать с ним все, что хочу. К примеру, я могу решить, что тебе там вообще воздух не нужен. Так что пораскинь мозгами — может, лучше к себе внимания не привлекать? — Коммандер сделал небольшую паузу, чтобы информация дошла от ушей пирата до его мозга.— Не суй свой нос в мои дела, Стенолом, и я до поры до времени тобой не заинтересуюсь.

Отвернувшись от интеркома, Питер обнаружил, что Падди с укором в глазах на него смотрит.

— Знаете, коммандер,— тихо проговорил здоровенный новоирландец,— должен вам сказать, не очень-то легко у меня на душе от того, что эти женщины здесь бок о бок с той гоп-компанией будут.

Редер разразился смехом.

— В самом деле, старшина. Учитывая насколько лучше эти женщины умеют сражаться, я не уверен, что мы поступаем правильно, оставляя с ними Стенолома и его публику.— Он похлопал Падди по спине.— Не волнуйтесь. Ваши люди надежно их запечатают. Единственное, на что они будут способны, это поносить друг друга через интерком.

Падди поднял взгляд, и Редер понял, что он смотрит на вентиляционную решетку.

— А как насчет воздуховодов? — прошептал старшина.— Ведь они отсюда прямо туда идут.

— Пад-ди, это не скверный голофильм, где воздуховоды такие, что по ним проползти можно, и где все вечно про них забывают. Это настоящие воздуховоды. Они тридцать сантиметров на десять. Ни один человек по ним не проползет. Злоба и ненависть могут черт знает до чего довести, но только не до

такого размера. Максимум, что они смогут сделать, это раздобыть где-нибудь крыс, выдрессировать их и друг на друга науськивать. Успокойтесь вы, ради Бога, все будет в порядке.

— И все-таки,— заявил Падди, сдвинув рыжие брови,— мне это не по вкусу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Непобедимый» плыл как скала на удалении от безымянной звезды, которая оставляла его всего лишь еще одной яркой точкой среди множества. Энергия, потребляемая кораблем, была снижена до минимума, необходимого для работы системы жизнеобеспечения, и даже крошечные движки, что стабилизировали его положение, в данный момент не работали. Авианосец был тих и смертоносен как крокодил в безмятежном озерце; его капитанский мостик, на котором поджидали добычу, представал пещерой, освещенной лишь голубоватым свечением приборов.

Ван Чунь-мэй, старший помощник, подавила тоскливый вздох. В конце концов, они уже здесь десять суток паслись, и ничто в их ловушку не попало. Всего с начала операции прошло двадцать четыре дня, а настоящим делом они занимались только в самый первый. Взглянув на капитана, Ван обнаружила, что он по-прежнему упирается огненным взором в экран, и вид у него такой же бдительный, как и в самом начале. Она нахмурилась. Контрразведка сказала, что это очень активная прыжковая точка. Но где же тогда все транспортные потоки?

Начальник тактического отдела Труон Ле испытывал примерно те же чувства, что и старпом. Но он уже начал задумываться, не происходит ли на территории Содружества какая-то решительная акция, пока они сидят тут на «Непобедимом», отчаянно протирая себе штаны. Выяснить это, понятное дело, было невозможно, ибо они находились слишком далеко от территории Содружества, а кроме того, им следовало соблюдать маскировку. Труон Ле позволил себе вздохнуть, а когда он поднял голову, то немедленно поймал укоряющий взгляд старпома. «Черт, не сдержался»,— с досадой подумал он.

Каверс пролистывал очередной рапорт, с такой силой сжимая челюсти, что его желваки так и играли. Он собирался любой ценой заставить себя это безобразие прекратить. Его зубам оно никак на пользу не шло. «Но где же они в самом деле? — подумал капитан.— Легкие авианосцы, пираты-дальнобойщики, Гусары Космоса, отважное лезвие бритвы, что покушается на мощь Содружества? Ни слуху, ни духу».

Разумеется, их небольшой рейд в систему Хаос не мог напугать весь мокакский флот до такой степени, чтобы он забился к себе на родину. Каверс предполагал, что мокаки теперь станут

осторожнее, укрупнят конвои и так далее. Но полное прекращение транспортных перевозок в его прикидки не входило.

Четыре других прыжковых точки, которые они обследовали, также оказались пусты — никаких признаков недавней активности там и в помине не наблюдалось. Эта, с энтузиазмом охарактеризованная контрразведкой, казалась наилучшим выбором. Немаловажным оставался и тот факт, что просто прыгать по округе было явной тратой драгоценного горючего.

Напечатав вопрос, капитан вернул рапорт на компьютер Оджи Скиннеру, старшему механику. Оджи ненавидел писать эти телеги и порой изъяснялся слишком конспективно, судя по всему, считая, что у всех остальных тоже инженерные мозги. Из-за этого его писанина становилась туманной и обрывочной. Обычно Каверс ухватывал суть и этим удовлетворялся. Но в данный момент капитан устал не меньше всех остальных, хотя и не мог этого показывать, а потому заставлял себя быть более дотошным.

«Кроме того,— подумал он,— временами натягивать поводья — не самая плохая идея». Оглядевшись, капитан отметил, что все его люди по-тихому чем-то заняты. «Черт возьми! — мысленно выругался Каверс.— Ну хоть бы что-нибудь такое случилось!»

— Сэр,— спокойно произнес старшина на вахте у блока датчиков.— У прыжковой точки отмечена активность. Согласно датчикам, что-то идет.

— Мне на экран,— приказал Каверс.

Ван Чунь-мэй подошла к его креслу. Полиэкран показывал темную, пассивную прыжковую точку, а под ней увеличенная компьютером картинка демонстрировала энергетический поток, который мог исходить от прибывающего корабля.

При виде цифр Ван нахмурилась.

— Это либо очень крупный корабль, сэр, либо множество...— Она быстро-быстро заморгала, когда ее глаза и разум вошли в противоречие по поводу увиденного. Мокакский линейный крейсер, крейсер и четыре истребителя проскользнули в реальное пространство, нимб их прохождения уступал дорогу мощным нейтринным сигнатурам активных моторов.

— ...кораблей,— оцепенело закончила Ван.

Каверс досадливо потер указательным пальцем верхнюю губу.

— Для «Непобедимого» этот кусок слишком крупный,— заключил он.— Такой нам не проглотить. «Желтая» боевая готовность, но маскировку сохранять.

Мокакский конвой выстроился, и линейный крейсер выслал вперед мощный маяк идентификационной системы «друг-враг». Такова была стандартная процедура, когда корабль прибывал в новую систему из гиперпространства.

«Непобедимый» определенно никаких поводов для тревоги подать им не мог. Он уже так давно шел с выключенными моторами, что никаких недавних сигнатур подобрать было невоз-

можно. А благодаря инновации, специфичной для «Независимого», сигнал должен был указывать, что корабль Содружества имеет конфигурацию и химический состав крупного камня.

Капитан Каверс и его команда спокойно наблюдали за мокаками, в душе радуясь тому, что эта прыжковая точка все-таки активна, и с оптимизмом ожидая лучшей возможности.

Луч опознавательной системы «друг-враг» ткнулся в них, и на лице Хаваша Харткорпфа, начальника связи, отразился шок.

— Сэр! «Непобедимый» откликается на позывной маяка мокаков!

Вся небольшая мокакская флотилия развернулась к кораблю Содружества, реагируя на маяк, который определил в нем врага.

— Все по местам! — гаркнул Каверс, лихорадочно думая: «Впредь будешь осторожней со своими желаниями».— Боевая готовность! И найдите, черт побери, этот маяк! Чтобы он сию секунду заткнулся! — «Вот ты, похоже, и получил»,— скорбно подумал он. В свой предыдущий рейс «Непобедимый» едва не был уничтожен глубоко законспирированным мокакским агентом. Очевидно, не все то, что шпион здесь разместил, удалось обнаружить — несмотря на доскональнейшую проверку.

Завыли сирены, а ноги застучали по палубе, когда почти весь личный состав бросился по своим местам. Капитанский мостик остался островком спокойствия, мутно-голубоватое освещение стало чуть ярче, когда еще больше членов команды скользнуло на свои перегрузочные кресла и пристегнуло ремни.

— Запускайте моторы, мистер Скиннер,— приказал капитан.— И уносите нас отсюда как можно скорее. Дальнейший курс.

— Есть, сэр,— отозвался старший механик.

Почти тут же по кораблю стал разноситься едва слышный гул, который сообщил всем, что «Непобедимый» опять ожил. Одним из многих преимуществ антиводорода как горючего было то, насколько молниеносно он мог вывести мотор из спящего режима и разогнать его до полных оборотов. Корабль сорвался с места как газель, преследуемая гончими.

Каверс прислушивался к предательскому маяку, пока тот выдавал все секреты «Непобедимого» — его защитные возможности, его вооружение, число «спидов», которое он перевозил. Он упирался взглядом в экран, где показывалось, как мокаки тащатся позади, и глаза его сверкали холодной яростью. Капитан испытывал искреннее сожаление по тому поводу, что Джон Ларкин был окончательно и бесповоротно мертв, а следовательно, абсолютно неподвержен всему тому, что Каверсу хотелось бы с ним проделать.

— Харткорпф,— рявкнул он.— Вы уже засекли, где этот маяк?

— Сэр, тут по одному на каждом уровне, причем размещены они так, что сигналы перекрываются. В результате мне ни одного не засечь. Единственное, в чем я уверен — это что на мостике маяка нет.

— А вы примерно представляете себе, как он может выглядеть? — спросил Каверс.

— Примерно представляю, сэр. Собственно говоря, у меня даже два варианта,— ответил молодой начальник связи.

— Немедленно дайте вращающиеся картинки этих двух вариантов на каждый экран каждого отсека на каждой палубе. Затем предоставьте мне канал общей трансляции.

Почти мгновенно у самого капитана на мониторе засветились картинки, которые он просил; занимая примерно восьмую часть экрана, они накладывались на мокакский крейсер и один из истребителей в левом верхнем углу. Под двумя передатчиками указывались их размеры, из которых явствовало, что каждый был примерно с ладонь.

— У вас открытый канал, сэр,— сказал ему Харткорпф.

— Говорит капитан,— начал Каверс.— На своих экранах вы видите два маячковых устройства, одно из которых в настоящее время передает врагу секретную информацию о «Непобедимом». Мне сообщили, что по одному такому передатчику есть на каждой палубе и что расположены они так, что их сигналы накладываются друг на друга. Следовательно, мы не можем сказать вам, где их искать. Направьте на поиски столько людей, сколько это вообще возможно. Эти маяки должны быть найдены и уничтожены. Конец связи.

Главный старшина Джомо ар-Рашид и второй лейтенант Синтия Роббинс внимательно рассмотрели картинки на экране, а затем переглянулись. Выражения их лиц были схожими.

— А другого предателя на борту быть не может? — спросил ар-Рашид.

Роббинс мрачно покачала головой, в ее темных глазах светилась тревога.

— Нет,— с уверенностью ответила она.— Это все Ларкин, без сомнения.

Синтия была не на шутку обескуражена. То, что их преследовала вражеская боевая группа, достаточно мощная, чтобы сделать из них котлету, уже было очень скверно. Но вдобавок вся эта ситуация ощущалась как рука ее личной Немезиды, тянущаяся из могилы, чтобы довершить начатое. Тут Синтия мысленно покачала головой и так же мысленно фыркнула, злясь на свое самомнение. Позорно было считать, будто опасность, грозящая всему кораблю, только для нее что-то значит. На лице у нее, впрочем, как у достойной дочери своего отечества, ничего этого не отразилось.

— Сложно будет найти такую небольшую вещицу, спрятанную в...— Старшина безнадежно махнул рукой, обводя колоссальную полость главной палубы, где они стояли.— Особенно когда тот, кто все это проделал, имел полномочия в любой уголок корабля заглянуть.

Синтия покачала головой.

— Не так уж и сложно. Вполне вероятно, Харткорпф не может ничего отследить с капитанского мостика, но переносной блок, настроенный на частоту, на которой передают маяки, должен их зафиксировать. Думаю, Питер, гм, коммандер, то есть, именно это бы и предпринял,— сказала она.— Если проблему никак не обнаружить, надо сделать так, чтобы она сама села и залаяла.

Старшина наморщил лоб.

— Это и впрямь на философию Редера похоже. Но что за переносной блок? — спросил ар-Рашид.— У нас ничего такого нет.

— Через несколько минут будет,— пообещала Синтия, направляясь в мастерскую.— У меня есть идея.

— Они пытаются взять нас на прицел, сэр,— сказал Труон Ле.

— И мы их, надеюсь, тоже,— прорычал Каверс.

— Мы фактически вне радиуса обстрела, сэр,— отозвался спец по тактике.

Капитан хмыкнул в ответ. А затем сказал:

— На данный момент старайтесь поддерживать все, как есть.

Положив подбородок на кулак, Каверс пристально уставился на гонящиеся за ними корабли. Слишком много, чтобы принять бой; даже со всеми «спидами» шансы были не в пользу «Непобедимого». Не было никакой возможность в них стрелять, не попадая в радиус обстрела самим. Стряхнуть их с хвоста было негде, но если бы и было где, маяк не позволил бы им укрыться.

Каверс вышел на связь с машинным отделением.

— Скиннер, каков статус горючего?

— Мы быстро его сжигаем, капитан. На такой скорости ничего поделать нельзя.

— Конец связи,— буркнул Каверс.

Капитан ожесточенно сжал губы. Он хотел было спросить, нет ли каких-то успехов в отыскании этих проклятых маяков, но сдержался. Если бы их нашли, ему бы тут же об этом доложили. Не было смысла вмешиваться в поиск, чтобы узнать то, что он и так знает. И он ненавидел каждый эрг энергии, потраченный на очевидно бессмысленный полет сквозь пустое пространство прочь от спасения, предлагаемого прыжковой точкой.

— Сэр! — почти выкрикнул старшина у блока датчиков.— Не знаю, сэр, как это у них выходит, но крейсер выдвигается вперед. Он обгоняет остальную группу и попадает в радиус обстрела.

— Тактический отдел? — спокойно произнес Каверс.

— Он уже у меня на прицеле, сэр.

— Огонь по ситуации,— приказал ему капитан.— У нас тут небольшое преимущество в том, что не так просто увернуться от того, чему ты летишь навстречу.

Что было еще более важно, этот мокак должен был перегнать собственные электронные меры противодействия. Подумав об этом, Каверс не смог сдержать улыбки. На развитых ими скоростях потребуется фантастический маневр, чтобы избежать пущенной тебе навстречу ракеты. Даже если они мокаки его выполнят, это резко их притормозит.

Ван Чунь-мэй покачала головой.

— Они свои моторы наверняка уже за красную черту загнали,— сказала она. Старпом не стала говорить о том, что это предельно глупо и невероятно опасно.— Эти люди никогда не перестанут меня удивлять,— пробормотала она.

— Это просто невероятно! — сказала Роббинс.

Она повернулась по кругу, держа в вытянутых руках изготовленный ею прибор и следя за показаниями на небольшом экранчике. Хмурясь, Синтия подтянула прибор к себе, нажала несколько клавиш, затем опять вытянула руки.

— Отсюда никакой активной передачи,— заключила она.— Согласно прибору, тут всего лишь какой-то эффект вроде эхо.

— А вы уверены, что эта штука работает? — спросил ар-Рашид, глядя ей через плечо на показания.

— Конечно, уверена! — Синтия ожесточенно на него оглянулась, затем явно смутилась.— Извините.

Старшина только отмахнулся.

— Стало быть, на этом уровне определенно ничего активного? — спросил он.

Роббинс опять подтянула прибор к себе поближе, набрала несколько клавиш, вытянула руки и повернулась по кругу. Затем кивнула.

— Совершенно определенно.— Она снова потыкала клавиши, опять вытянула руки.— Только пассивные отражатели.

Они переглянулись.

— Давайте другой уровень попробуем,— предложил ар-Рашид.

— Сэр, крейсер выстрелил.

Каверс наблюдал за экраном, который показывал облако дипольных отражателей, взорвавшееся в кильватере «Непобедимого». Теперь ракета должна была выбрать одну из множества предоставленных ей ложных целей и бесполезно себя растратить. Возник расширяющийся шар плазмы, и капитан удовлетворенно кивнул. А потом замер в неподвижности. Практически сквозь огонь прорвался крейсер, оказываясь гораздо ближе, чем это казалось возможным, и дал целый залп противокорабельными ракетами с этого, по астрономическим понятиям, нулевого радиуса обстрела.

— Уклонные маневры! — скомандовал Каверс.

— Есть уклонные маневры,— откликнулся рулевой.

Труон Ле выпустил еще одно облако дипольных отражателей, и две ракеты вильнули к ложным целям. Но одна летела дальше, как верная смерть.

Труон Ле набрал клавиши на пульте управления орудиями, наведенными на приближающийся крейсер; четыре ракеты должны были вырваться наружу, неся огонь и смерть врагу. Вместо этого они пришли в боевую готовность, но остались в пусковых установках. Ледяной шар вдруг образовался у Труона Ле в животе, и он подавил хриплый возглас человека, которого только что ударили в поддых.

— Сэр,— произнес молодой начальник тактического отдела голосом поразительно спокойным.— Наши ракеты заряжены, но не стреляют.

Каверс повернулся на него посмотреть.

— То есть, они заряжены и сидят в своих установках? — переспросил капитан, старательно убирая из своего голоса ужас и недоверие. Если «Непобедимый» получит хоть скользящий удар, эти ракеты порвут его на части.

— Так точно, сэр. Я уже послал на место техническую бригаду.

— Очень хорошо, мистер Ле. Держите меня в курсе.— Глаза капитана снова переметнулись на догоняющего их мокака, а ладонь сжалась в белый от напряжения кулак.

Младший старшина Регина Бах нацелилась своим диагностическим прибором на неисправную ракетную установку и недоуменно заморгала, когда на небольшом экранчике вспыхнула фраза: «Чтобы разложить пасьянс...» Помотав головой, она отсоединилась от установки и перешла к следующей, затем к следующей. Регина проверила все четыре, после чего пошла дальше по ряду, пока не проверила все двенадцать ракетных установок в этом секторе.

— Сэр,— сказала она в интерком.

— Слушаю, Бах,— кратко отозвался Труон Ле. Лишь тонкая пленка пота на лбу главы тактического отдела указывала на его напряжение.

— Сэр, компьютеры ракетных установок оказались замусорены игровыми файлами. Похоже, от первоначального программирования там даже следа не осталось. Все двенадцать установок в третьем секторе предлагают мне инструкции для игры в пасьянс.

— Оставайтесь на месте,— приказал ей Труон Ле.

Ладони его буквально порхали над пультом, пока он давал ракетам команду разоружиться. Затем он помедлил. Огонек для каждой ракеты на его экране так и остался красным. По-прежнему заряженные, ракеты не подавали даже намека на отклик о подчинении его инструкциям.

— Сэр,— вслух произнес Труон Ле.

Капитан повернулся к нему.

— Сэр, мне здесь потребуется отмена высшего порядка.— Он набрал несколько клавиш и соединил свой пульт с капитанским.

Каверс негромко произнес кодовые слова отмены, после чего компьютер подтвердил, что это действительно капитан и что у него действительно есть полномочия на отмену ракетного программирования. Однако ракеты его проигнорировали.

Труон Ле снова повернулся к интеркому.

— Бах, вы можете открыть установки и разоружить ракеты вручную?

— Никак нет, сэр. Пусковую установку нельзя открыть, если там заряженная ракета. Такова мера предосторожности. И напротив, если установка открыта, это предотвращает...— Регина наблюдала за тем, как на ближайшей к ней пусковой установке меняется цвет индикатора, указывая на то, что внутри теперь находится заряженная ракета.— Открыть установки! — выкрикнула она, и члены ее бригады мгновенно повиновались, едва успевая открыть третью.— Сэр,— чуть хрипловато продолжила Бах,— открытие установок не позволяет боеголовкам перейти в активный режим!

Ле ткнул другую клавишу интеркома.

— Внимание всем техническим бригадам. Открыть все ракетные установки и снять боеголовки. Повторяю, открыть все ракетные установки и снять боеголовки.— Отдавая приказ, краем глаза он наблюдал, как огонек за огоньком вспыхивал, пока ракеты вооружались.

Почти рассеянно глава тактического отдела отметил, что крейсер опять старается взять их на прицел, и выбросил в кильватер еще одно облако электронных мер противодействия. А в голове у него снова и снова проигрывалась картина того, как «спид» Гивенса расстреливает старшего пилота Лонго. «Думай! — мысленно приказал себе Труон Ле.— Ты что, дебил? Думай!»

Дебил? Именно здесь лежал ключ. Мозги ракет были дебильны. Очевидно, они были запрограммированы игнорировать общую прямую команду на разоружение, но что, если эту команду давать по ступеням...

Труон Ле отстучал одной ракете приказ разоружиться и запрос подтвердить завершение операции.

— Есть контакт! — прошипел он, когда подтверждение пришло. Всего он дал четыре команды, и по выполнении последнего приказа красный индикатор сменился желтым.

— Бах, откройте ракетную установку номер четыре,— сказал Труон Ле в интерком. Затем он послал список команд всем остальным заряженным ракетам. Один за другим индикаторы стали янтарными, а затем и вовсе погасли, когда установки были открыты встревоженными бригадами.

Жуткая мысль пришла в голову начальнику тактического отдела, пока он напряженно следил за приближением мокакского крейсера.

— Внимание лазерным расчетам,— сказал он.— Проверьте орудия на предмет неисправности. Она могут надлежащим образом не стрелять.

Сердце его упало, когда лазерные расчеты выкрикнули свои ответы, подтверждая его подозрения. Все лазерные пушки предлагали их канонирам разложить пасьянс.

Труон Ле взглянул на экран. Мокак снова выстрелил. Тогда спец по тактике выбросил очередное облако дипольных отражателей и сверился со счетчиком. «Вечно так продолжаться не может»,— подумал он. Да и в любом случае мокак был уже слишком близко. Одна из его ракет наверняка должна была пробиться сквозь защитную систему ближнего боя.

Труон Ле повернулся к капитану.

— Сэр...— начал он.

И вдруг в каких-то пятистах километрах от своей добычи мокак взорвался на части, окончательно загнав свои моторы; перенапряженные поля его реакторов оказались прорваны, антиводород встретился со своей противоположностью, и в кильватере у «Непобедимого» расцвет яркий как солнце болид.

— Вот почему системы антиводородного привода нельзя за красную черту загонять,— пробормотал Каверс.

Но вражеская ракета летела дальше.

— Готовность принять удар,— сказал капитан, и команда была передана на все палубы.

Не отваживаясь выпустить свои противоракеты, «Непобедимый» оставался беззащитным перед атакой.

— Попадание будет в кормовой сектор,— объявил Труон Ле.

— Нельзя ли точнее, мистер Ле? — спросил капитан.

— Никак нет, сэр. На данный момент.

— Держите меня в курсе,— прорычал Каверс.

Команда капитанского мостика пристегнулась.

— Попадание через двадцать секунд,— объявил начальник тактического отдела.

Синтия и старшина запрыгнули обратно в лифт. На четвертом уровне тоже было чисто.

Неуверенно морщась, Роббинс сказала:

— Теперь мостик.

Пока лифт поднимался, минуя уровни, ар-Рашид с сомнением на нее глянул.

— На мостике, лейтенант, нам вальс станцевать не дадут. По крайней мере, пока идет бой.

Синтия покачала головой.

— Поймите, старшина, ведь этими устройствами Ларкин занимался.— Бросив на него взгляд, она затем посмотрела на цифры, указывающие уровень.— Где бы вы на его месте что-то подобное разместили?

— На мостике. Пожалуй, вы правы. Особенно учитывая то презрение, которое он к нам питал.

— Нам даже из лифта не понадобится выходить,— сказала Синтия.— Если маяк там, прибор его отсюда зарегистрирует.

Тут вдруг завыла сирена и замигал тревожный огонек, а компьютерный голос монотонно произнес:

— Готовность принять удар... Готовность принять удар...

— Уровень седьмой! — выкрикнула Роббинс, и лифт остановился на следующем уровне.— Дверцы открыть, аварийная отмена,— рявкнула девушка.

Лифт открывался с мучительной медлительностью, и Роббинс со старшиной протолкнулись наружу раньше, чем он успел открыться до конца. Развернувшись к аварийной шахте рядом с лифтом, Синтия взялась за ручку дверцы.

— Нет! — решительно возразил ар-Рашид.— Готовность принять удар, лейтенант, этого не предполагает. Если корабль получит попадание, пока мы будем взбираться на другой уровень, мы себе шеи сломаем.

Видя, что он настроен серьезно, девушка взглянула ему прямо в глаза.

— Вы совершенно правы, старшина,— сказала она.

Он кивнул.

— Еще бы.

Синтия распахнула дверцу и начала подниматься.

Ар-Рашид негромко выругался и последовал за ней.

— Куда ожидается попадание? — снова спросил капитан.

— В моторную раму слева по корме,— ответил Труон Ле.

— Убрать оттуда людей,— распорядился Каверс.

Если удар был неизбежен, большего он сделать не мог. Удачного места для попадания вообще не существовало, но удар по моторам был одним из самых скверных. Если реактор пробьет...

Образ взрывающегося мокакского крейсера был у всех в головах как свежая рана.

В космосе было очень тяжело маневрировать, и даже легкий авианосец обладал колоссальной массой. Ракета определенно имела здесь преимущество.

Ничто не остановило антикорабельную ракету, никакой щит ее не отразил. Мокаки на других кораблях наверняка были близки к восторгу.

Труон Ле едва слышно охнул от облегчения, заметив, как последний красный огонек становится янтарным, а потом гаснет. Теперь, по крайней мере, их собственное оружие не станет помогать врагу их уничтожить.

Внезапно рулевой запустил все верхние маневровые движки разом, и «Непобедимый» резко дернулся; ракета ударила под косым углом и разлетелась на куски. Удар неуправляемо закрутил судно. Каждый надежно не закрепленный предмет внезапно сам по себе превратился в ракету, а члены личного состава, не

удосужившиеся пристегнуться, оказались в воздухе. За считанные секунды было получено столько серьезных увечий, что лазарет теперь ожидала минимум неделя напряженной работы.

— Осечка! — выкрикнул Труон Ле.— Как же я мокакскую технику обожаю! — добавил он уже тише, дрожащим голосом.

— Рулевой! — проревел капитан.— В темпе что-нибудь сделайте!

Каверс слишком хорошо сознавал, как много они теряли с каждым неуправляемым оборотом. И «Непобедимый» мог снести лишь определенную степень такого наказания. Предательское воображение обеспечивало капитана ярким образом того, как корабль разламывается пополам, а мужчины и женщины беспомощно кувыркаются среди звезд.

Оджи Скиннер подошел к интеркому.

— Кормовой мотор перешел на автоматическую остановку,— сообщил он.— Но повреждения он, похоже, не получил. Примерно через четыре минуты мы снова его запустим, а тогда, сэр, мы должны получить больше передней движущей силы.

— Давайте, Скиннер,— сказал капитан.— Запустите мне этот мотор. Пусть будут две минуты.

— Есть, сэр. Конец связи.

— Держитесь, лейтенант! — выкрикнул старшина.

Бог свидетель, сам он только и мог, что держаться. При первом ударе его ноги сорвались, и он закачался высоко над палубой, пока центробежная сила грозила оторвать его руки от ступеньки.

— Воспользуйтесь своим советом, старшина,— крикнула в ответ Синтия.

Просунув тонкую ногу под ступеньку, она зацепилась ступней за нижнюю. И все же одной рукой ей было чертовски трудно держаться. Другой рукой девушка в железной хватке сжимала свой самодельный прибор. Сколько это могло продолжаться?

— Мы должны отсюда выбраться,— сказал она старшине.

— Я едва держусь! — крикнул в ответ ар-Рашид.— Я не могу подниматься! И вы тоже не пытайтесь! Сэр,— тактично добавил он. Порой становилось чертовски тяжело помнить, что кто-то, вдвое тебя моложе и на голову короче — твой командир.

— Суть в том,— объяснила Роббинс, все-таки цепляясь обремененной прибором рукой за ступеньку и протягивая свободную руку к следующей,— что я уже слишком устала, чтобы и дальше держаться. Мы всего ступеньках в пятнадцати от верхней площадки.— Она взяла паузу, чтобы наладить дыхание.— Мы можем туда добраться.

— Конечно, можем,— отозвался ар-Рашид.— А еще я летать умею.

Он глянул вверх. И прикинул, что там куда больше пятнадцати ступенек. А затем старшина все-таки потянулся к следующей; голова у него кружилась еще почище, чем весь корабль.

Голос Скиннера объявил:

— Моторы снова в работе, сэр.

— Очень хорошо,— спокойно отозвался Каверс. Несмотря на привязные ремни, костяшки его пальцев побелели от судорожной хватки за подлокотники кресла.

— Не запускайте главные моторы, сэр, пока я эту круговерть под контроль не возьму! — крикнул рулевой.— Корабль не выдержит напряжения!

Капитан посмотрел, как руки лейтенанта исполняют виртуозный танец над пультом рулевого управления. Компьютер, которому полагалось справиться с замысловатой последовательностью запуска ракет подстройки положения, по какой-то причине не откликался.

«И тут Ларкин поработал?» — задумался Каверс. Неужели им придется ободрать этот корабль до переборок, чтобы окончательно избавиться от всех последствий диверсии этого человека? Капитан от души пожелал, чтобы все его люди обладали шестым чувством лейтенанта Роббинс по поводу дефектных деталей. И продолжил с неподдельным восхищением наблюдать за работой рулевого.

— Где мокаки, мистер Ле? — спросил он затем. От взгляда на экран ему пришлось закрыть глаза, ибо это удваивало головокружение.

— В десяти мегакэмэ, сэр, и приближаются.

Капитан опять сжал подлокотники. Они уже были почти в пределах досягаемости. Его взгляд нашел рулевого, но Каверс заставил себя смолчать. Никакие приказы или советы не смогли бы заставить этого человека делать свою работу быстрей или лучше. Тогда он мысленно проклял Ларкина, отправляя его на самую глубину мокакского ада.

А затем, почти внезапно, дикое верчение замедлилось и остановилось.

— Куда мы направляемся, мисс Люрман?

Ашли Люрман, астронавигатор, дала ему цифры. Прямиком от мокаков.

«Благодарение Богу за небольшие милости»,— подумал капитан.

— Мистер Скиннер, запускайте моторы. Дайте нам всю скорость, на какую этот корабль способен.

— Есть запустить моторы, сэр.

Каверс с удовлетворением отметил, что начальник тактического отдела выпустил еще одно облако дипольных отражателей и ложных целей. Их преследователи еще не стреляли, но они непременно будут. И на какие-то мгновения это в любом случае поможет.

Тут дверца аварийной шахты рядом с лифтом широко распахнулась, и оттуда на капитанский мостик выпала второй лейтенант Синтия Роббинс. Главный старшина Джомо ар-Рашид вылез следом и поднял девушку на ноги.

Каверс развернул свое командное кресло лицом к ним, и серые глаза капитана запылали гневом, когда он глухо прорычал:

— Какого черта вы делаете на мостике, лейтенант?

Ар-Рашид с трудом проглотив комок в горле, в отчаянии глядел на Синтию и страстно желал, чтобы она дала нужный ответ.

Сама же Роббинс какое-то время капитана попросту игнорировала, увлеченно набирая клавиши на своем переносном блоке и размахивая им по сторонам.

— Вот он! — воскликнула Синтия.— Сэр,— с жаром произнесла она, наконец-то поднимая взгляд на капитана,— маяк передает с мостика.

— Ничего подобного! — возразил Харткорпф.— Мои приборы показывают...

— Должно быть, он хорошо заэкранирован,— рассеянно отозвалась Синтия, водя повсюду своим прибором.— Но все остальные палубы являются всего лишь пассивными отражателями. Следовательно, методом исключения это получается капитанский мостик.

Синтия набрала еще несколько команд, и прибор треугольником очертил местоположение маяка. Она последовала за сигналом, а когда подняла голову, то обнаружила, что стоит прямо перед капитаном. Девушка неуверенно заморгала, затем, явно робея, попыталась зафиксировать местоположение маяка, рассчитывая найти его в капитанском компьютере или интеркоме. К ее немалой досаде ни там, ни там его не оказалось. Тогда она с очевидной неохотой снова направила прибор на капитана.

Сверившись с показаниями своего устройства, Синтия прикусила нижнюю губу, затем решительно взглянула на Каверса.

— Прошу прощения, сэр. Но мне кажется, он в вашем кресле.

Каверс медленно поднялся и, не сводя с нее пристального взгляда, отступил. Роббинс подошла к креслу и поводила по нему своим прибором. Затем опять подняла голову.

— Он под сиденьем,— сказала она и стала рыться у себя в карманах, но нужного инструмента там не нашла.

Ар-Рашид подошел и дал ей отвертку. Синтия взялась за работу и через считанные секунды стащила сиденье со стойки. Под ним оказалась небольшая, решительно нелепая на вид металлическая коробочка. Капитан протянул туда руку, схватил коробочку, швырнул ее на пол и крепко на нее наступил.

— Маяк прекратил передачу,— доложил Харткорпф.

— Итак, одна проблема улажена,— резюмировал Каверс, подбирая сиденье своего кресла.— Лейтенант,— сказал он затем, протягивая его Синтии,— вас не затруднит?

Та оторвала взгляд от капитанского экрана, на котором демонстрировались заметно приблизившиеся к «Непобедимому» мокаки, и посмотрела на подушку.

— Ах, да! — сказала она.— Сейчас, сэр, конечно, сэр.— И, забрав у капитана сиденье, она в темпе прикрепила его обратно к стойке.

— Вот и две проблемы улажены,— заметил капитан, снова занимая свое кресло.— Если бы теперь нашлось что-то такое, чем бы нам в мокаков швырнуть, было бы совсем хорошо.

Старшина ар-Рашид откашлялся.

— Э-э...— неуверенно начал он.

Каверс на него посмотрел.

— Вижу, у вас есть идея, старшина,— подбодрил он его.

— Сэр, у нас там эти мины,— сказал ар-Рашид.

Роббинс охнула, и вид у нее стал такой шокированный, как если бы он предложил швырнуть во врага целые ясли несчастных сироток.

— Мины? — переспросил капитан, недоверчиво повышая голос.

Старшина развел руками.

— Такого они наверняка не ожидают,— пробормотал он, словно бы ища себе оправдание.

Каверс задумчиво на него глянул, а затем лицо его начало расплываться в улыбке.

— Вы совершенно правы, старшина,— сказал он.

— Мне тоже это нравится, сэр,— со смехом присоединилась к обсуждению Ван Чунь-мэй.— Совсем как в том фильме.

— Прекрасно его помню,— заверил ее Каверс и прыснул.— Все правильно, старшина. Идите туда, подготовьте эти мины и запустите.

— Есть, сэр,— дружно отозвались Роббинс и ар-Рашид.

— Выполнять! — гаркнул Каверс.

И старшина с Синтией понеслись к лифту.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Капитан Оппенгеймер Венец Целомудрия с прямой спиной сидел в своем капитанском кресле. Его злобный немигающий взор был сосредоточен на корабле Содружества; если бы дурной глаз действительно имел какую-то силу, на экране тут же возникло бы расширяющееся облако плазмы.

Никоим образом капитан не проявил своего недовольства, когда их ракета не взорвалась. Для Оппенгеймера это просто указывало на то, что Дух Судьбы отверг жертву крейсера. Несомненно, кто-то на том обреченном корабле оскорбил Духа посредством какого-то непризнанного и нераскаянного греха.

Его собственный корабль был чист. Рука капитана медленно сжалась в кулак. Он пошел на невероятно мучительные меры, чтобы в этом увериться. Как там в Слове Мудрости сказано?

«Наказание рождает страх, страх рождает повиновение, повиновение рождает дисциплину, дисциплина рождает добродетель. Следственно, наказание рождает добродетель». Чтобы ободрить свою команду, Оппенгеймер позволил себе легкую улыбку.

Когда придет время, и грязный содруг подобно бешеному псу развернется, чтобы сражаться со «Стрелой Судьбы», его люди должны оказаться достойными.

Венец Целомудрия склонил голову и сотворил краткую молитву, прося Духа Судьбы простить ему гордыню. Как всегда, перед битвой он положил жизни своих людей на алтарь Судьбы. Затем он заметил, как убегающий корабль извергает еще одно облако ложных целей. Оппенгеймер не намеревался стрелять, пока он точно не будет знать, что уничтожит врага. Зато он намеревался гнать его хоть до адовых врат, чтобы сделать этот решающий выстрел.

Тем временем он аккуратно записывал информацию, которую предоставил им какой-то отважный мокак. Несомненно, Толкователи Праведного Пути найдут этой информации достойное применение.

— Ничего не понимаю,— пробурчала лейтенант Роббинс, слегка повышая голос. Затем она усиленно поморгала и начала снова.

— Это потому что вы руководство читаете,— сказал ар-Рашид. Захлопнув маленькую дверцу в боку здоровенной мины, с которой он работал, старшина подошел к девушке.

— Каким же образом мне тогда узнать, как эта штуковина заряжается, если я руководство не освою? — спросила Синтия.

— А вы на рисунки перелистните,— предложил ей ар-Рашид.

Синтия еще немного повозилась с инструкцией.

— А как это? — спросила она, поднимая взор.

Старшина протянул руку и нажал одну-единственную клавишу.

Мгновенно бестелесная пара рук принялась наглядно изображать весь процесс снаряжения мины.

— Ого! — подивилась Синтия.— Никогда раньше с таким не сталкивалась.

— Здорово, да? Вы, вербальные типы, обычно этой функцией пренебрегаете. А мне она нравится, потому что время экономит. Которое мы, между прочим, попусту тратим,— со значением добавил старшина.

— Да, верно,— согласилась девушка, облизывая пот с верхней губы.

Они с шестью другими добровольцами сгрузили объемистые мины на поддоны и подвели их к громадным наружным воротам. Шесть гладких тяжелых сфер стояли в один ряд, ожидая развертывания — нетривиальной процедуры, поскольку никто не собирался доверять единственное функционирующее оружие на корабле зловредно перепрограммированным системам запуска. Сами мины были по природе своей совершенно пассивны, так что их требовалось вручную сталкивать с корабля, но поддоны, к которым они крепились, имели примитивные движки с небольшим

объемом горючего и могли направлять мины куда следует. Синтия лично убедилась, что все предохранительные линии их скафандров надежно прикреплены к специальным кольцам на палубе.

— Готово, капитан,— объявила она затем.

— Развернуть мины,— приказал Каверс.

Синтия на четверть приподняла вспомогательные дверцы, и одну за другой они вытолкнули мины наружу, оперируя автоматическими поддонами для формирования в кильватере минного поля, после чего поддоны были отключены.

— Думаете, это сработает? — спросил у Синтии ар-Рашид.

— По крайней мере, очень на это надеюсь,— ответила девушка.— Тогда это будет почти как в том фильме.

Увидев, как ее глаза заискрились, старшина поморщился.

— Ну ладно, по этой и по нескольким тысячами других причин,— сказал он, имея в виду капитана и команду славного корабля под названием «Непобедимый»,— я тоже надеюсь, что это сработает.

— Это же была ваша идея, старшина,— заметила Синтия.

Остальные добровольцы заулыбались и закивали, показывая поднятые кверху большие пальцы.

— Лучше не напоминайте,— пробурчал ар-Рашид, прикидывая, что скажет Редер, когда обнаружит, что его редкостные и драгоценные мины оказались безвозвратно потеряны. «Пожалуй, он не на шутку озлится,— решил старшина.— Но только потому, что такой роскошный спектакль пропустил».

— Брат капитан,— уважительно произнес техник.

После краткой паузы Венец Целомудрия дал ему понять, что услышал.

— Докладывайте,— лаконично приказал он.

— Брат капитан, корабль Содружества выпустил что-то значительно более тяжелое, нежели обычное облако ложных целей. Я всерьез озабочен. Они могут в нас стрелять, а мы неспособны предсказать траектории их ракет, а также их число и предполагаемые цели.

— Сколько времени мы потеряем, обходя это препятствие? — спросил Оппенгеймер у астронавигатора.

— Не менее часа, брат капитан, а возможно, и больше. Облако распространяется прямо на глазах.

Оппенгеймер нахмурился. Содруг мог готовиться предпринять уклонные маневры, ожидая увидеть, как станут двигаться «Стрела Судьбы» и истребители, чтобы затем увеличить дистанцию.

— Мы не должны терять преимущество, дарованное нам Судьбой,— напыщенно произнес он.— Они в отчаянии, и это просто уловка, рассчитанная на то, чтобы нас смутить. Мы будем следовать прежним курсом.

— Есть, брат капитан,— дружно отозвались члены его команды.

Венец Целомудрия был порадован их почтительностью, а затем сурово напомнил себе, что все это происходит не благодаря ему, а исключительно волей действующего посредством него Духа.

— Они не сдвинулись ни на дюйм, сэр,— взволнованно сообщил Труон Ле.— Прут прямо по центру.

— А мины? — спросил Каверс.

— Прямо по центру,— с улыбкой ответил глава тактического отдела.

«Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, сынок»,— подумал капитан. Но и у него на сердце была немалая толика радостного предвкушения.

— Когда мы узнаем? — спросила Роббинс.

Они со старшиной рассиживались за столом в маленьком кабинете Редера. Коммандер создал программу, чтобы подключаться к картинке на капитанском мостике, и теперь они бессовестно ею пользовались.

— Теперь уже в любую минуту,— тихо сказал ар-Рашид.

Сложно было что-либо разглядеть сквозь выпущенные Труоном Ле дипольные отражатели, но вспышка взрыва прорвала бы даже этот туман.

— Вот она! — воскликнула Синтия, указывая на экран.

— Брат капитан! — крикнул техник.

Оппенгеймер повернул к нему огненный взор. Независимо от обстоятельств, кричать на капитанском мостике было непозволительно.

— Докладывайте,— процедил он сквозь зубы.

— «Мученик» только что был уничтожен.— Заметно побледневший член команды смотрел на капитана.

Капитан смотрел на него, позволяя лишь легкое проявление гнева. Новость его на самом деле не очень-то и удивила; «Мученик» славился своей неудачливостью.

— Почему меня не проинформировали о том, что содруг в нас стреляет?

— Брат капитан, не было никаких признаков, что он в нас стреляет. Конечно, наши датчики могли быть введены в заблуждение электронными мерами противодействия, но я так не думаю.

— А не мог «Мученик» попытаться предпринять ту же жертву, которую принесли другие наши собратья? — предположил старший помощник.

Венец Целомудрия с неприязнью посмотрел на старпома. Этот амбициозный подчиненный слишком часто пренебрегал обращением к нему как к «брату капитану». Затем Оппенгеймер снова повернулся к технику.

— Можно это как-то установить? — спросил он.

— В таком электронном тумане с определенностью нельзя, брат капитан. В подобных обстоятельствах можно установить, что враг в нас стреляет, только когда его артиллерия берет нас на прицел.

— Возвращайтесь к своим обязанностям,— задумчиво на него глянув, велел технику капитан.

Член команды, еще бледнее прежнего, сел к своему пульту. Почти тут же он объявил:

— Брат капитан, «Свет Конгрегации» уничтожен.

— Вместе с этим электронным мусором они в нас что-то бросают! — заключил капитан.— Астронавигатор, немедленно уводите нас с этого курса! Свяжитесь с остальным эскортом, ему также приказывается сменить курс. Догонять содруга следует быстро, но с предельной осторожностью.

— Как по-вашему, что они используют? — спросил у него старпом.— Брат капитан,— добавил он в ответ на огненный взор Оппенгеймера.

— Дайте мне только на них прямую наводку, и это уже будет несущественно,— прорычал Венец Целомудрия.

— Мокаки уходят в сторону от минного поля,— объявил техник.

Капитан удовлетворенно кивнул. Это должно было предоставить «Непобедимому» больше возможностей для маневра. Кроме того, два истребителя и линейный крейсер стали уже более предпочтительным вариантом. «Точнее, станут,— мысленно поправил себя Каверс,— когда мы наши орудия наладим».

— Еще одна мина попала, сэр,— доложил техник.— Там слишком много помех, чтобы установить, в кого именно.

Затем два истребителя один за другим выскочили на свободное пространство.

— Сэр! — с сомнением в голосе произнес Труон Ле.— Они стреляют. Я насчитываю пятнадцать самонаводящихся ракет, идущих от одного из истребителей.

«Зачем?» — задумался Каверс. На таком расстоянии это казалось пустой тратой боеприпасов. С другой стороны, всего лишь одной ракете требовалось попасть, чтобы уничтожить «Непобедимый» или фатально его замедлить. Даже неразорвавшаяся ракета, которая в них угодила, сильно сократила дистанцию.

Возможно, это был импульсивный жест, продиктованный гневом от потери собратьев. Именно подобные поступки делали мокаков такими опасными; практически невозможно было предугадать, что они сделают дальше.

— Есть у нас, чем в них бросить, мистер Ле?

— Проверяем, сэр.— Глава тактического отдела связался с Региной Бах.

— Что у вас, старшина?

— Сэр, сами по себе ракеты, похоже, в порядке. Это новые боеприпасы, доставленные уже после мистера Ларкина. Только пусковые установки себя скомпрометировали.

Каверс задумчиво оглянулся на Ван Чунь-мэй, которая стояла у него за плечом. Та задумчиво пожевала нижнюю губу, затем подалась вперед.

— Оставайтесь на связи,— велела она старшине Бах. Затем Ван включила общий интерком на главной палубе.— Лейтенант Роббинс, будьте добры, немедленно свяжитесь с пультом начальника тактического отдела.

— Слушаю, мистер Ле,— секунду спустя сказала Синтия и удивленно заморгала, увидев сразу два лица на экране.

— Скажите, как вы те мины разворачивали? — поинтересовалась Ван.

— Мы установили их на поддоны и отправили в кильватер.

— У вас такие поддоны остались? — спросила Ван Чунь-мэй.

— Десятки,— ответила Синтия.

Ван улыбнулась впервые за то время, которое показалось ей вечностью. Ле, также с улыбкой, подключил Роббинс к каналу Регины Бах.

— Мы не можем использовать пусковые установки,— объяснила лейтенанту старпом.— Но если мы погрузим ракеты на ваши поддоны и отправим их в кильватер, они смогут выстрелить.

— У них будет низкая скорость.

— Это лучше, чем совсем никакой скорости! Вы со старшиной Бах доработаете детали, но учтите, что это необходимо было сделать еще пять минут назад.

— Есть, сэр,— дружно отозвались они.

Две женщины стали договариваться о том, как им доставить артиллерию из зоны хранения ракет, смежной с главной палубой.

Когда они обо всем условились, Ван повернулась к капитану и доложила.

Труон Ле выпустил еще одно облако дипольных отражателей. Запас электронных мер противодействия уже дошел до опасно низкой черты.

Каверс наблюдал за тем, как большинство ракет уничтожаются в быстро расчищающемся поле ложных целей. Одна-единственная полетела дальше к «Непобедимому».

«Нет, только не это»,— подумал капитан.

— Брат капитан! — удивленно воскликнул техник.

Капитан Оппенгеймер бросил на этого человека огненный взор, и в глазах у него уже виднелось откровенное бешенство.

«Никому не будет позволено кричать на моем мостике!» — гневно подумал он.

Достаточно скверно было уже то, что среди всякого мусора они напоролись на мину, которая вывела из строя целый блок маневровых движков, не говоря уж о шести лазерных пушках. Но никогда, абсолютно ни в каком случае, не потерпел бы Венец Целомудрия столь вопиющего нарушения дисциплины.

Он медленно повернулся к старпому.

— Наложите на этого человека дисциплинарное взыскание,— с деланным спокойствием приказал он.

Затем Оппенгеймер резко переключил свой взор на техника, который оцепенело сидел у своего пульта, после чего перевел его обратно на старпома, удивляясь выражению жалости на лице своего ближайшего сподвижника.

— Вы хотите что-то сказать? — скривив губы, осведомился капитан.

— Только то, что мне интересно, отчего техник вдруг так воскликнул.— Лицо старпома снова стало бесстрастным.— Брат капитан,— добавил он.

Как же Оппенгеймер ненавидел эти бесконечные задержки в обращении к нему старпома!

— Ну что? — рявкнул он, нарушая собственный запрет на крик.— Что там еще?

— Враг получил попадание, брат капитан. Одна из ракет «Страстоборца» его подбила; похоже, по меньшей мере один мотор вышел из строя.

Капитан заставил себя смолчать. Это были приятные новости — но никак не больше того, что он ожидал. Так или иначе, Судьба была на их стороне.

Неприятность заключалась в том, что они и сами были подбиты. На самом деле это ровным счетом ничего не должно было значить. Но это его беспокоило; капитану не нравилось вступить в бой, имея какие-то повреждения.

Подумав об этом, Венец Целомудрия мысленно отхлестал себя за маловерие, после чего решил отдаться в руки Судьбы и немедленно сразиться с грешниками.

— Что вы посоветуете? — спросил он у старпома.

— Преследовать их и уничтожить,— ответил тот.— Брат капитан.

Оппенгеймер кивнул.

— Совершенно верно,— согласился он.

— Лучшее из того, о чем я могу доложить, сэр,— произнес Оджи Скиннер, мрачный как ночь за лицевой пластиной скафандра,— это что целостность поля реактора мы поддерживаем. Два главных мотора вышли из строя. Один из них мы могли бы снова

привести в действие примерно за час, а для другого потребуется стационарные мощности. Вся инженерная группа на корме погибла, в смежных отсеках свыше шестидесяти тяжелораненных.

Каверс принял это к сведению, не меняя выражения лица, но внутренне он был шокирован. Он знал, что попадание было серьезным, но такое... Вся инженерная группа на корме. Сто семьдесят человек! Шестьдесят тяжелораненных и, скорее всего, не менее сотни тех, чьи ранения лишат их возможности принимать участие в бою. «Два главных мотора — тоже не слишком хорошие новости»,— напомнил себе капитан. В первую голову он обязан был думать о корабле, иначе все остальные тоже были обречены погибнуть.

Такой урон серьезно подтачивал их способность к маневру, если не сказать хуже. Теперь те два истребителя вполне были в силах их догнать. И хотя один из них истратил все свои ракеты, наверняка он будет не прочь просто протаранить авианосец. Такое мокаки нередко проделывали.

— Сэр,— спокойно произнес техник.— Линейный крейсер мокаков появляется в поле зрения. Ему нанесен урон.

— Насколько серьезный? — спросил капитан.

— Попадание спереди по левому борту,— доложил Труон Ле.— Я бы сказал, что он лишился нескольких лазерных пушек и значительной части маневровых возможностей. Истребители входят в радиус обстрела,— добавил он.

— Огонь по готовности, мистер Ле.

— Есть, сэр.

«Только бы поскорее»,— мысленно взмолился Каверс.

— Истребитель выстрелил,— сообщил глава тактического отдела.

— Капитан! — Взглянув на экран, Каверс увидел в самом его углу Берни Шелдона, командира эскадрильи.

— Сэр, эскадрилья готова вылететь по вашей команде.

Сдерживая улыбку, Каверс кивнул.

— Буду держать вас в курсе,— пообещал он.

Шелдон тоже кивнул, и его изображение отключилось. Он, очевидно, сидел наготове в своем «спиде», напряженно ожидая. Каверс это понимал, но не хотел бросать «спиды» в такой бой на отходе. Его не на шутку пугала мысль о том, что пилоты будут просто потеряны позади. Если относительные скорости оказывались несоответствующими, подобрать «спиды» становилось невозможно.

«И все же,— подумал Каверс,— если идея старпома не выгорит, они окажутся единственной нашей надеждой».

— Капитан? — На экране появилось лицо Ашли Люрман, астронавигатора.

— Слушаю вас, мисс Люрман,— отозвался Каверс.

— Сэр, я бы хотела предложить план.

— Попробуйте.

В обычной жизни Люрман была весьма нервозной особой, но стоило ей только столкнуться с какой-либо содержательной проблемой, как вся ее нервная энергия прямотоком шла на решение этой проблемы. Прямо сейчас она была как охотник на рубеже. Капитан сразу понял, что Люрман готова предложить ему что-то стоящее.

— Сэр, я уже некоторое время к прыжковой точке нас разворачиваю. Мокаки, похоже, не замечают. А через минуту они уже ничего не смогут поделать, даже если заметят.

— Очень хорошо,— сказал капитан.— Но они могут последовать за нами на один прыжок, мисс Люрман. Поскольку один мотор у нас капитально отключен, а другой тяжело поврежден и временно не работает, до другой точки мы так сразу не доберемся.

— Внешне все так, сэр,— согласилась молодой астронавигатор.— Но в данным случае мы как раз хотим, чтобы они за нами последовали.— В ее обычно нежных серых глазах мелькнуло что-то зловещее.— Система, которая у меня на уме, была совсем недавно внесена в список. Один из последних исследовательских кораблей открыл ее через несколько месяцев после начала войны. Она предельно опасна, потому что совсем рядом с прыжковой точкой там нейтронная звезда. Только благодаря необычайно искусному пилотированию исследовательская команда выжила, чтобы об этом доложить.

Каверс задумчиво сузил глаза.

— Учитывая тот урон, который мы понесли, мисс Люрман, сможет ли даже самое лучшее пилотирование вовремя нас оттуда вывести?

— Сэр, мы на это рассчитываем. Согласно моим вычислениям, мы должны быть способны обогнуть звезду и использовать инерцию для обратного прыжка. А вот мокаки, с тем уроном, который понес их линейный крейсер, и незнанием того, что их там ожидает, никоим образом не смогут спастись, чтобы нас и дальше преследовать.

— Вероятные угрозы? — спросил Каверс.

— Насколько я понимаю, их там две. Во-первых, гравитационное притяжение нейтронной звезды может оказаться выше того, о котором докладывалось, что крайне маловероятно, а во-вторых, наши моторы могут слишком износиться.

«И в том, и в другом случае,— подумал капитан,— мы будем расплющены до пленки толщиной в атом на поверхности нейтронной звезды — а то и еще тоньше».

— Сэр,— вмешался Труон Ле.— Противоракеты, развернутые лейтенантом Роббинс, преуспели в перехвате огня мокаков.

— А как насчет противокорабельных ракет? — спросил Каверс.

— Они слишком велики для поддонов,— сказал Труон Ле.— Лейтенант Роббинс предложила, чтобы мы просто так их в кильватер выталкивали.

Капитан подавил вздох. Чувствовал он себя так, будто они в мокаков из рогатки пулялись.

— Продолжайте в том же духе,— буркнул он.

— Сэр,— сказала Люрман, снова привлекая его внимание.— Единственное, что мы еще можем сделать, это выслать «спиды».

Каверс покачал головой. Враг был довольно близко, и все они двигались достаточно быстро, чтобы гораздо более медленные «спиды» через считанные минуты оказались бы безвозвратно потеряны. У них даже вряд ли появился бы шанс сделать что-то полезное.

— Вводите ваш план в действие,— вслух сказал капитан.— Дайте знать рулевому. «И помоги нам Господь»,— мысленно добавил он.

Подавшись вперед, старпом прошептал прямо в ухо капитану Оппенгеймеру.

— Враг направляется к прыжковой точке.— Он выпрямился.— Брат капитан.

Венцу Целомудрия показалось, будто где-то в углу его зрения сверкнула молния.

— Не имеет значения,— произнес он наконец, с трудом контролируя свой голос.— Отсюда им некуда прыгнуть, кроме как на территорию Конгрегации.— Он самодовольно улыбнулся.— И в их распоряжении только один прыжок.

Старпом положил руку на подлокотник капитанского кресла. Оппенгеймер так на нее уставился, как будто это был ядовитый паук.

— Они могут прыгнуть в какое-то не обозначенное на карте место. Брат капитан.

Оппенгеймер поднял голову и с прищуром взглянул на старпома.

— Так вы предлагаете, чтобы мы их дальше не преследовали? — шелковым голосом осведомился он.

— Вовсе нет. Просто я предлагаю преследовать их с предельной осторожностью. Брат капитан.

— Вы трус! — прошипел капитан.— У вас вообще нет веры в Духа Судьбы, не так ли? Вы как все остальные из вашего хныкающего поколения — только прикидываетесь, что веруете, чтобы продвинуться по службе, дожидаетесь, пока более достойные люди умрут, чтобы вы могли занять их место и распространить свою гниль! — Он скрипел зубами от ярости.— Если бы я надеялся на то, что кто-то из тех идиотов сможет вас заменить, я бы прямо сейчас, в самый разгар сражения, вас на гауптвахту отправил! — Он сбросил руку старпома с подлокотника.— Будьте благодарны, что я даю вам еще один шанс послужить Судьбе. А теперь отойдите в сторону,— оскалив зубы, прорычал Венец Целомудрия.— И смотрите, как один из истинно верующих будет сражаться!

Каверс подавил легкую тошноту, вызванную переходом к прыжку, и спросил:

— Сколько продлится Транзит, мисс Люрман?

— Восемь часов, сэр. Совсем короткий.

— Всем внимание,— сказал Каверс в общий интерком.— Говорит капитан. Отставить боевую готовность. Только необходимый персонал должен оставаться на посту. Остальным питаться и отдыхать. В семь ноль-ноль вы вернетесь к исполнению своих обязанностей. Весь не получивший до сих пор медицинской помощи личный состав должен явиться во вспомогательный изолятор на шестой палубе. Конец связи.

Он оглянулся на Ван Чунь-мэй, которая опять подошла, чтобы встать у него за плечом.

— Сэр, вам тоже следует поесть и отдохнуть,— сказала она.

Каверс ухмыльнулся.

— Прошу прощения, мисс Ван, но я включаю себя в необходимый персонал.— Тут он поморщился.— Впрочем, вы правы. Мы должны сменять наших людей, давая каждому по меньшей мере два часа отдыха. Если бы кто-то часа через два принес ко мне в кабинет кофе и бутерброды, я бы, пожалуй, не отказался.

Ван кивнула.

— Есть, сэр, я об этом позабочусь.

Повернувшись обратно к экрану, Каверс с головой ушел в текущие рапорты о жертвах и повреждениях. Через пару часов с ним связался Оджи Скиннер.

— Капитан, мы снова привели в чувство прыжковый мотор. Учитывая характер повреждения, мы чертовски славную работенку проделали.— Он мрачно покачал головой.— Но большого напряжения, сэр, он не выдержит.

— Я так понимаю, повреждение было более серьезное, чем вы поначалу считали,— сухо сказал Каверс.

— Так точно, сэр. Куда более серьезное.

— Хорошо, Скиннер. Мне жаль вам об этом говорить, но я подозреваю, что этот мотор нам очень понадобится. Сделайте все, что можно и нельзя, чтобы довести его до номинальной мощности. Поломка должна быть исключена. Конец связи.

Старший механик повернулся к своей команде.

— Хватай инструменты, ребята. Нам тут чудо сотворить требуется.

Утомленные лица медленно засветились слабыми улыбками. У механиков было всего два варианта: они могли поворчать, а потом все сделать, или они могли просто все сделать. Если их шеф хотел от них чуда, они готовы были это чудо сотворить.

— Вы не сказали мне, что это пульсар, мисс Люрман.

Руки Каверса так вцепились в подлокотники кресла, что костяшки пальцев побелели. Затем он заставил себя ослабить хватку.

Капитанский полиэкран показывал две разные картинки снаружи «Непобедимого». На одной был суровый и пустой космос, каким его видел невооруженный глаз; другая демонстрировала пульсар, каким его регистрировали датчики,— что-то вроде свихнувшегося маяка, крутящегося как волчок и пылающего тьмой вместо света.

Пульсар также пылал верной смертью в форме сильнейшей радиации; хотя эпитет «сильнейший» был здесь, пожалуй, слишком слабым. Рядом с этой звездой любое энергетическое орудие, какое можно было развернуть на корабле, становилось не опасней фонарика.

Щитовые поля легкого авианосца ровным счетом ничего для этой радиации не значили. Кроме того, на корабле на случай чего-то катастрофического имелись так называемые «штормовые погреба», специальные убежища с тяжелой защитой. Но даже они мало чем смогли бы помочь, окажись «Непобедимый» достаточно невезуч, чтобы попасть под один из тех лучей.

— Прошу прощения, сэр,— отозвалась Люрман.— Мне следовало об этом упомянуть. Но это указывалось в моих данных, и никакой реальной опасности быть не должно.

«А в моих данных указывалось, что мы сможем стрелять в наших врагов,— подумал капитан.— Но вот мы здесь, два мотора заглушены, и нам никак мокаков с хвоста не сбросить».

— На будущее, мисс Люрман, это должно стать моим решением.— Каверс включил интерком.— Всем внимание, говорит капитан. Всему не необходимому персоналу прибыть в штормовые убежища. Лазаретам немедленно опустить щитовое прикрытие. Конец связи.— Он оглядел капитанский мостик и выкрикнул несколько фамилий.— Марш в штормовой погреб.

Когда люди браво отсалютовали, капитан отдал им честь в ответ, и они вышли. Если «Непобедимому» не повезет, живыми они друг друга больше не увидят.

«Весьма оптимистичная мысль,— саркастически подумал Каверс.— Должно быть, старость ко мне подкрадывается». Он следил за экранами, пока корабль неотвратимо скользил к нейтронной звезде, и чуть не улыбнулся, вдруг заметив, что так упирается ногами в палубу, словно это могло замедлить скольжение. Гравитация пульсара помогала им контролировать снижение, но скорость по-прежнему оставалась бешеной.

— Скиннер,— сказал Каверс в интерком.— Я уже довольно давно вас не слышу. И не могу не задумываться о том, что это плохой признак.

— Мы очень успешно справляемся, сэр. Откровенно говоря, я даже удивлен, насколько успешно.— Вид у Скиннера был усталый, но при всем при том почти радостный.

— Согласно астронавигатору, этот мотор нам через девять минут понадобится,— сухо заметил капитан.— Так что мне он нужен в работу через пять.

— Есть, капитан.— Старший механик кивнул.— Конец связи.

Каверс опять стал следить за их продвижением к нейтронной звезде с ее радиацией и чудовищной гравитацией. «Хоть бы както отвлечься»,— мысленно пожелал он.

— Сэр! Линейный крейсер мокаков и один истребитель только что вышли из прыжковой точки. Истребитель стреляет.

Каверс нахмурился. «Это уже чем-то зловещим попахивает,— подумал он.— Стоит только пожелать — и на тебе, кушай с маслом».

Глаза его машинально отметили данные о траектории ракеты, и капитан сразу понял, что там не о чем беспокоиться. Работала гравитация пульсара; ракета никак не могла попасть, если бы только «Непобедимый» сам под нее не подставился.

Подобно ракете, корабль был не на шутку прихвачен гравитацией; спастись он теперь мог лишь в том случае, если бы самоуверенность Ашли Люрман получила свое оправдание.

— Брат капитан,— произнес старпом. Он не кричал, но настойчивость в его голосе ясно показывала, что ему бы очень хотелось.— Мы должны отступить! Если гравитация пульсара нас прихватит, нам конец!

Оппенгеймер встал и со всего размаха влепил старпому пощечину.

— Судьба,— прошипел Венец Целомудрия,— непременно вмешается. Судьба спасет нас и позволит нам презрительно посмеяться над неверующими. Ибо Судьба,— проревел он,— на нашей стороне! Капитан буквально пожирал глазами старшего помощника, позволяя проявиться всей ненависти, которую он к нему питал.— Если никакого достойного вклада вы внести не способны, лучше молчите.— С надменным видом Оппенгеймер снова занял свое кресло.— Докладывайте! — рявкнул он техникам.

— Они идут дальше,— качая головой, сказала Ван.— Идиоты несчастные.

Каверс вынужден был с ней согласиться. Подходить так близко к нейтронной звезде на корабле, столь поврежденном, было равносильно самоубийству.

Момент истины наступил с леденящей сердце внезапностью. Они обогнули звезду, как и запланировала Люрман. Все члены команды затаили дыхание, когда рулевой запустил моторы.

Капитан сразу почувствовал перемену в поведении корабля, которая ясно указывала на то, что еще один мотор подключился. Он улыбнулся, не нуждаясь в устном подтверждении Скиннера, что

у механика все получилось. Почуяв какую-то плавность в новой стати «Непобедимого», Каверс понял, что они победят в этом бою.

— Высший балл, мистер Скиннер,— сказал он, как только лицо старшего механика появилось на экране.— Отличная работа.

— Благодарю вас, сэр. Конец связи.

Стрелой вылетев из-за крошечного пульсара, «Непобедимый» понесся обратно к прыжковой точке.

— Брат капитан,— с трудом выговорил техник. Щеки его были бледны, а в ушах все еще звенели крики собратьев.— Сопровождавший нас истребитель был... поглощен пульсаром.

Все люди на капитанском мостике повернулись посмотреть на Оппенгеймера, а поскольку все они до единого знали, что «Стрела Судьбы» скоро разделит судьбу истребителя, в глазах у них было осуждение.

Капитан вскочил на ноги, сжимая кулаки. Лицо его побледнело от бешенства.

— Это потому что ни в ком из вас нет веры! — выкрикнул он.— Если бы вы истинно веровали, Дух Судьбы никогда бы нас не оставил!

— Нет, это не потому,— с ледяным спокойствием человека, понимающего, что скоро умрет, проговорил старпом.— Это потому что вы идиот.

Оскалив зубы, Венец Целомудрия развернулся к нему лицом.

— Негодяй! — жутким шепотом произнес он.— Я отказываюсь умирать на одной палубе с такой мразью, как ты! — Оппенгеймер стал подступать к старпому.— Я должен своими руками тебя убить!

Молодой человек с презрительной легкостью сбил капитана на палубу, а когда тот в изумлении поднял голову, то выяснил, что смотрит в крошечное дуло игольника.

— Не думаю, брат капитан.— Старпом немного сузил глаза.— Мне кажется, нам следует выслать вас вперед, чтобы вы задали Духу Судьбы один интересный вопрос. Спросите его за нас: почему, если Судьба на нашей стороне, она такого кретина, как вы, нашим вожаком сделала?

Оглядев членов команды на капитанском мостике, старпом увидел на всех лицах согласие. Один из техников посмотрел ему прямо в глаза, затем опустил взгляд на игольник в руке старпома и губами обозначил слово «пожалуйста».

Старпом выстрелил в капитана, а затем одного за другим убил остальных. Поднимая игольник к своему виску, он ощутил прилив жалости к другим членам команды и их ужасной судьбе, пока корабль несся навстречу нейтронной звезде.

«Если это и не милосердно, то по крайней мере быстро»,— подбодрил себя старпом и нажал на спусковой крючок.

«Непобедимый» тихо лежал в дрейфе в пустынном секторе на мокакской территории, и все члены его команды молились о том, чтобы на свете все-таки существовала такая вещь, как пустынный сектор мокакской территории.

«Я знаю, что такая вещь существует,— думал Каверс.— Космос на самом деле очень велик. Даже те его жалкие клочки, которые мы, люди, предположительно считаем своими, куда больше того, что мы реально можем охватить».

Он оглядел стол для заседаний, за которым расположились его старшие офицеры; на всех обращенных к капитану молодых лицах лежала печать усталости. Там совсем не чувствовалось того головокружительного облегчения, которое обычно приносит победа. Цена этой победы была слишком велика.

Для приведения в рабочее состояние всей их артиллерии потребовалась бы экспертиза такого уровня, какого личный состав «Непобедимого» просто обеспечить не мог. Даже бесподобная Роббинс заявила, что это за пределами ее возможностей; по крайней мере, в разумных временных рамках.

Но самые худшие вести пришли от главного механика.

— Капитан,— порозовев от стыда, произнес Скиннер.— Второй мотор реального пространства полностью выжжен.— Губы его вытянулись в струнку.— Потребуется его полная замена.— Затем он сделал очень глубокий вдох и посмотрел Каверсу прямо в глаза.— Но что еще хуже, сэр, это что горючего у нас только на то, чтобы вернуться назад на базу «Онтарио».

Услышав об этом, все буквально оцепенели.

— Благодарю вас, люди,— сказал Каверс, аккуратно откладывая перо, которым он делал заметки.— Мисс Люрман, вы проложите для нас курс к базе «Онтарио». Есть что-то еще? — спросил он. Холодные серые глаза капитана обвели весь стол; заглянуть в них никто не отважился.— Тогда все свободны.

Один за другим все офицеры вышли за дверь, кроме Ван Чуньмэй, которая присела и внимательно наблюдала за капитаном.

Когда дверь наконец закрылась, Каверс положил ладонь себе на лицо и потер воспаленные глаза. Он тоже был до предела измотан. «Я знаю, что еще слишком молод для отставки,— подумал капитан,— но все равно стариком себя чувствую».

— Множеству славных ребят придется из-за нас во тьме голодать,— мрачно произнес он.

Ван хмыкнула, а когда Каверс вопросительно поднял брови, она укоризненно покачала головой.

— Должно быть, вы очень устали, сэр,— сказала она, и на ее губах заиграла легкая улыбка.

Капитан выпрямился в кресле, глаза его требовали объяснения.

На сей раз Ван откровенно заулыбалась.

— Вы не забыли, сэр, кого вы на том астероиде командиром оставили? — Она опять покачала головой.— На вашем месте я

бы не стала коммандера Редера так быстро со счетов сбрасывать. Я также не стала бы думать, что он станет дожидаться, пока его люди начнут свои ботинки в шлемах варить. Напротив, я ни секунды не сомневаюсь, что черт его знает, как, но славный коммандер с триумфом вернется домой. Ведь на его стороне нечто большее, нежели просто ум и сноровка.

— Да? — после паузы произнес Каверс.— И что же это?

Ван Чунь-мэй так широко ухмыльнулась, что ее аккуратный носик сморщился.

— На его стороне удача, сэр!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Ффу! — скривился Редер, прибыв на борт тюремного корабля и расстегнув шлем.— Это еще что?

— Так, ничего,— устало отозвался Падди.— Просто пацаны, которые наверху, против такой обширной компании резко возражают и решили свои чувства проявить.

— Каким образом? — выдохнул коммандер, зажимая нос.

— Честно говоря, коммандер, мне бы и знать не хотелось,— ответил Падди.

— Но ведь они сами этой же дрянью дышат!

— Уж очень они расстроены, сэр,— качая головой, объяснил старшина.— Хотя для них, по-моему, все не так скверно, как для остальных. Воздухообменник там так устроен, чтобы удалять испарения, а остальная часть корабля вроде как под склад отведена, и система там куда более примитивная.— Он развел руками.— Понимаете, на складе не обязательно должно розами пахнуть.

— Какие будут предложения? — поинтересовался Редер.

— Может, сломать дверь и самим воздуховоды прочистить? — Падди опять развел руками.

— А нельзя как-то обратить поток воздуха, не лишая их кислорода?

— В том смысле, чтобы вонь шла только к ним и ни к кому больше? — Старшина прищурился и немного подумал.— Да, это можно устроить.— Его голубые глаза скользнули по Редеру.— Только остальные наверняка сообразят, что к чему, и этим бездельникам той же монетой отплатят.

— Тогда все будет по-честному,— решил Питер.— Но чтобы это не больше недели длилось.— Он ухмыльнулся.— Пожалуй, это будет последняя компания, которую мы здесь пристроить сможем.

Падди кивнул.

— Улов вышел славный,— согласился он.— Но я буду рад, когда все закончится. Мне не по вкусу, когда удача слишком затягивается — неважно, в жизни или в игре,— пояснил новоирландец.— Мне тогда начинает казаться, что падать совсем жестко придется.

Хотя Падди всего лишь откликался на мысли Питера, от его слов холодок побежал у коммандера по спине. «Это опять тебе кельтская кровь перспективы мрака и ужаса рисует»,— укорил он себя. И тем не менее «Непобедимый» уже на четверо суток опаздывал.

У пленных оставалось совсем немного провизии — и это несмотря на то, что, закупорив их на корабле, Питер излишней щедрости к ним не проявлял. Пара скучающих обжор на койке, рассудил он, и продуктов у тебя вдруг уже не на месяц, а всего лишь на двадцать дней. И все-таки обжор он, похоже, слегка недооценил.

Некоторые пираты только-только набрали себе припасы, когда оказались захвачены; другие же были почти пусты. Однако до сих пор, с тридцатидневным запасом на всех, система в целом работала. Но излишков не было с самого начала, а теперь кончались и остатки. Последняя компания прибыла почти с пустой кладовой и мигом истощила тот небольшой запас, который еще оставался.

Что касалось самих содругов, то их продукты были аккуратно расписаны на тридцать пять суток, в расчете на непредвиденные обстоятельства. «В конечном итоге,— мрачно пошутил Редер,— нам придется пленных сожрать».

Транспорты мокаков продолжали показываться — но лишь затем, чтобы найти в системе Хаос ожидающую их пустоту. Им позволялось возвращаться на свои базы с новостями о жестоком разочаровании или предательстве, но больше ни о чем. В крайне редких случаях пираты показывались с мокакским эскортом, и тогда Питер усматривал смысл взять их за жабры. Жизненно важно было вбить между двумя этими партиями надежный клин.

«Почему Содружество должно быть единственным государством, которое о пиратах беспокоится?» — насмешливо думал он.

Немногие мокакские пленники содержались вместе в отдельном отсеке на грузовом корабле. Однако по тому, как все развивалось, следующий захваченный ими грузовой корабль должен был стать дополнительной тюрьмой.

— Все готово,— сказал стоящий под боком у Питера Падди.— Я так прикидываю, скоро мы от этого народа протесты услышим. Хотя, будь они посмышленей, они бы их при себе держали.

— Будь они посмышленей,— заметил Редер,— они бы для начала пиратами не сделались. Они бы в адвокаты пошли.

Прошло еще сорок восемь часов тревожного ожидания, а «Непобедимый» так и не показался. Хотя вода и амуниция имелись в изобилии, продукты у них практически закончились. Кроме витаминных добавок, почти ничего не осталось. У пленных, уже предупрежденных о создавшейся ситуации, провизии было еще на несколько дней.

«Но когда и она закончится,— подумал Питер,— эти обормоты и впрямь могут начать друг друга жрать».

Про себя коммандер дал «Непобедимому» сорок восемь часов отсрочки, прежде чем начать предполагать, что он не прибудет. Теперь же он был в этом уверен. Следующей корабль с прыжковой способностью, который им попадется, станет их билетом домой. Чтобы прихватить с собой пленных, придется наладить буксир. Еще надо будет поставить какого-то несчастного добровольца на капитанский мостик, чтобы взятый на буксир корабль совершил прыжок вместе с остальными содругами.

«Надеюсь,— подумал Питер,— прямо сейчас мокаки не решают закрыть эту систему для посещения. Если они это сделают, тогда наше дело совсем табак».

Он прикинул, что они могли бы сделать набег на вражескую базу за провизией и сбросить там мокакских пленных. Дальше команда Редера могла бы занять мокакские квартиры и вместе с пиратами полететь на их тюремно-грузовом корабле домой для отправления правосудия. «Но это нарушит нашу схему «пираты динамят мокаков»,— подумал Питер. Возврат пленных всего-навсего за продукты не был типично пиратским поведением. И, раз уж на то пошло, само по себе взятие в плен не было типично пиратским поведением.

Самая предпочтительная для Питера схема заключалась в том, чтобы отгрузить пиратам гору припасов и оставить маяк, чтобы направить к ним мокаков. Он был чертовски уверен, что с пиратами не обойдутся гуманно и уж тем более как с невинными жертвами. Но даже чертовской уверенности было недостаточно. Оставался риск, что пираты сумеют накапать на Содружество.

Да, они были максимально осторожны, они действовали как пираты — в разумных пределах. Но именно здесь и лежала проблема. Один тот факт, что они действовали в разумных пределах, мог запустить тревожную сирену даже в самых тупых пиратских мозгах. А кроме того, никакой горы припасов у них попросту не было.

Питер вздохнул. «Всего один корабль,— подумал он.— Все, что нам нужно, это еще один корабль».

— Сэр, к нам идет транспорт.

Редер мгновенно сбросил ноги на пол и сел прямо, напряженно вглядываясь в экран. Мокакский истребитель вышел из искаженного раструба прыжковой точки, перескакивая в «реальность» звездного космоса.

«Он без вопросов проблему здесь ищет»,— подумал Питер.

— Оружие у него наготове,— доложил Пеллагрио. Об этом можно было и не докладывать — весь облик мокаков буквально дышал агрессией.— Еще идут,— добавил связист.

Позади истребителя тащился грузовой корабль Содружества.

— Ба! — воскликнул Редер, прочтя название, которое появилось на экране, когда компьютер интерпретировал сигнатуру мотора.— Да это же «Провинция Квебек»!

Да, это было то самое судно, которое он спас по пути к «Непобедимому»! Стало быть, пираты все-таки его захватили? К

этому кораблю коммандер испытывал личные чувства. Если его захватили, он заставит ублюдков за это заплатить. Если же он предавал Содружество, то Питер знал, почему.

Редер опустил ладонь на кнопку тревоги, которая отключила свет по всей базе, одновременно давая сигнал пилотам забраться в «спиды».

— Грузовой корабль будет вооружен,— сказала в интерком Сара Джеймс, устроившись в своем «спиде».

— Да,— согласился Редер.— Но там как пить дать не будет персонала Космического Отряда, чтобы обслуживать орудия. А насколько хороши торговцы, которые будут с ними обращаться, можно только догадываться. Раньше они были не слишком точны.

— На это, коммандер, я полагаться не намерена,— отозвалась Сара.— Раньше у них и первоклассного оружия не имелось.

Питер с внутренним трепетом наблюдал, как «спиды» вылетают. С истребителем его люди сталкивались впервые. До сих пор ничего крупнее корвета мокаки сюда в качестве эскорта не посылали.

«Их там всего шестеро,— подумал коммандер.— Лучше бы мокак пришел один».

— Второй и шестой, вы берете транспорт. Постарайтесь наш билет до дома не аннигилировать. Остальные следуйте за мной. Давайте эту консервную банку вскроем!

Сара дала резкое ускорение, стоически перенося перегрузку и наблюдая за экраном. Дистанция сокращалась молниеносно. Лучше всего было серьезно повредить истребитель в первые же минуты боя. Чем дольше враг оставался бы целым и невредимым, тем сложнее для содругов становилась бы ситуация. А худшее, чего они могли добиться, это просто отвадить истребитель и позволить ему сбежать. Так что важнее собственной безопасности становился поиск лучшей из возможных мишеней и точный туда удар.

— Зафиксирован прицельный лазер,— доложил бортовой компьютер.

— Поняла.— Истребитель устремлялся прочь от грузового корабля, который он охранял, чтобы перехватить «спиды» и вступить в бой на безопасном расстоянии, используя свою ударную мощь.

Пальцы Сары, погруженные в специальные перчатки, исполняли пляску еще более виртуозную, чем у любого пианиста. Маневровые двигатели включились, и курс «спида» обрел хаотическую непредсказуемость. Ракету, с ее собственными датчиками и маневровыми возможностями, подобными фортелями было не обмануть, зато прицельному лучу требовалось попадать точно, и для него «спид» становился слишком маленькой и верткой мишенью.

Дистанция сокращалась со зловещей стремительностью, как это всегда бывало при встречном бое. Делая свой заход, Сара пустила ракету, дождалась, пока батареи ближнего боя окажутся в радиусе и дала залп из плазменной пушки. Луч пробил щиты истребителя, а Сара использовала отдачу, чтобы добавить к своей затейливой траектории немного вращения. Лазерная пушка мокака на считанные сантиметры промазала по ее машине. Бортовой компьютер выпустил ложные цели, чтобы отвлечь ракету, которая следовала за «спидом» по пятам, и принялся увлеченно набирать дистанцию, пока ракета не взорвалась — пусть и вне зоны разрушения, однако Саре после этого должен был потребоваться курс лечения антирадиационными лекарствами.

И... Есть контакт! Боеголовка вонзила свой шип в борт корабля мокаков. Истребители имели легкую конструкцию; показания последовательно давали абляционное покрытие, пенометалл — и кислород, водород, водяные кристаллы. «Слава Богу, пробило!» — облегченно подумала Сара.

Истребитель притормозил, пропуская «спиды» мимо себя, и четверть неба исчезла во вспышке его выхлопа, когда он приготовился развернуться и не дать им приблизиться к беззащитному грузовому кораблю.

Сара шла на следующий заход, когда вдруг заметила, что грузовой корабль уничтожил один из ее «спидов». Она изумленно ахнула.

«Вот и ответ на вопрос, насколько они точны»,— с горечью подумала капитан-лейтенант.

«Айя!» — мысленно воскликнул Редер. В шоке наблюдая за крутящимися обломками ее «спида», которые разлетались от места взрыва, он чувствовал, как кровь отливает от его лица.

Вместе с Вишневской они летали еще со времен его первого назначения после выпуска из Академии. Редер набрал несколько клавиш, ища спасательную капсулу.

Ничего не было.

Айя Вишневская погибла.

— Гивенс, давайте туда,— с вымученным спокойствием произнесла Сара. Грузовой корабль уже разворачивался, готовясь бежать к спасительной для него прыжковой точке. Этого ни при каких условиях нельзя было допустить.

— Уже лечу,— откликнулся Гивенс.

— Остановите этот грузовик,— отчеканила Сара.— Если придется, уничтожьте.

На самом деле капитан-лейтенанту очень этого не хотелось. Она уже заметила, что «Провинция Квебек» — оригинальное название корабля. Это могло означать, что корабль лишь очень краткое время находился в руках у пиратов. А это в свою очередь

означало, что кто-то из членов первоначальной команды мог еще оставаться на борту.

Но она также знала, что все их переговоры отслеживаются, а также что пираты, как закоренелые трусы, гораздо легче сдадутся, если будут знать, что «спидам» дан приказ скорее их уничтожить, чем дать спастись.

Три «спида» против истребителя было скверным раскладом, но именно с этим Саре приходилось работать. Она запустила еще одну ракету следом за первой, от души надеясь углубить дыру в борту мокака, доводя ее до хрупкого сердца корабля.

— «Провинция Квебек»,— прорычал Барак.— Немедленно отключите моторы и орудия, иначе я вас уничтожу.

— Ага! — радостно присоединился к нему Гивенс.— Вы, недоумки, с а-вэ целуетесь. Делайте, как сказано, или он вас сейчас на куски порвет.— Лейтенант нацелил свои орудия на капитанский мостик «Квебека».— А я ему помогу.— Тон его вдруг сделался жестким.

— Алонсо,— вмешался Редер.— Ты не уничтожишь этот грузовой корабль. Это прямой приказ. Ты его не уничтожишь.

Ответом ему было лишь неровное дыхание Барака.

— Гивенс! Вы не позволите Бараку уничтожить этот корабль. Вам понятно? — Редер подождал. Наконец пришел отклик.

— Помехи... Передача... рушена. Пожалуйста... рите. Ваше сооб... не проходит.

— Все у вас, черт побери, проходит! — проревел Питер.— Гивенс, вы будете повиноваться моим приказам, или я вам чего следует пропишу! Вы меня слышите?

Но в ответ донеслось только еще одно «пожалуйста... рите». А больше — ничего.

— Проклятье! — рявкнул Редер. Затем он вскочил из кресла и бросился к импровизированной полетной палубе.

Сара молча ругалась, наблюдая за тем, как Кушнер и Маннинг выкидывают еще один безрассудный, головокружительный фокус. «Вообще-то я была бы не против, если бы у них что-то вышло,— подумала она, скрипя зубами.— Но ведь они только своими дурацкими головами рискуют. Как будто у нас тут лишние головы есть».

— Эй! — крикнула она.— Закругляйтесь там! Это вам не игрушки!

Маннинг и Кушнер, которые шли друг за другом, разошлись в разные стороны, и мокакская ракета безвредно прошила то место, где они долю секунды назад находились.

— Кончайте их дразнить и начинайте стрелять! — прорычала Сара.

Двое десантников сделали еще петлю; на сей раз они все-таки выстрелили. Легкое повреждение, не больше; истребитель продолжал травить воздух и воду, но утечка неуклонно уменьшалась, а признаков пониженных возможностей по-прежнему не было.

— Внимание!

Должно быть, это была ракета. Быстрая, совсем рядом. Сара бросила «спид» на курс, который должен был ненадолго разорвать дистанцию, и вздрогнула, когда боеголовка рванула у нее за спиной. Гудящий стон экранов на секунду сорвался на пронзительный вой. Это было очень скверно. Щитовая защита «спидов» всегда считалась сущей формальностью.

— Может, все-таки ей сказать? — предложила Маннинг.

— Не-е. Если бы она знала, что мы их только отвлекаем, она бы все равно то же самое делала,— отозвался Кушнер.— Мы — одна команда. Логично будет, если яйцо снесет она.

— Логично... черт побери!

Расширяющийся шар кушнеровского «спида» оказался несколько размазан из-за бешеной скорости плазмы, которая теперь его составляла, но опознать его было нетрудно.

Руки Маннинг непроизвольно сжались в перчатках управления, и ее «спид» принялся исполнять тот танец матадора, который запланировали его разработчики. Глаза десантницы сверкали, глядя в одну точку. Кушнер погиб... два года боев... всегда вместе... и вдруг он погиб.

— Сейчас я тебя возьму,— прошипела Сара.

Бортовой компьютер нарисовал кружок в наиболее вероятном месте — в том самом, где истребитель был ослаблен после предыдущей атаки. «Спид» содрогнулся, когда плазменная пушка выстрелила.

Попадание. Сара ощутила во рту кровь, резкий привкус соли и железа. Бортовой компьютер в своем бесстрастном механическим стиле что-то орал; термоядерный бак уходил за красную черту. Пальцы Сары плясали в перчатках, а назад приходили ответы: ситуация критическая: нет отклика: ситуация критическая: целостность системы нарушена: ситуация критическая: десять секунд до сбоя в системе реактора: ситуация критическая: девять: восемь...

— Я даже таранить не могу,— прорычала Сара, хлопая ладонью по последней кнопке, той самой, о которой пилот даже просто вспоминать не любил, той, что превращала тебя из смертоносной пираньи в кусок плавающих обломков.

КАТАПУЛЬТИРОВАНИЕ.

Словно бы могучая рука резко толкнула ее в спину. Дальше — кромешный мрак.

— Я допущен летать на «спидах», Падди,— тихо произнес Редер.— Совершенно законно, на этом задании, в аварийных ситуациях.— Он повернулся лицом к огромному старшине.— Поймите, Падди, если мы этот грузовой корабль в целости и сохранности не возьмем, все мы, скорее всего, тут и подохнем. Эту ситуацию я бы назвал аварийной. А теперь, солдат, заткнись и выполняй!

— Есть, сэр.

Свирепого толчка, какой бывал при запуске с рельсовых катапульт авианосца, здесь ожидать не приходилось. Но Редер так резко стартовал, что почти его себе обеспечил.

На капитанском мостике у мокаков висела атмосфера тихого торжества. Эмоционального взрыва при виде того, как два пиратских «спида» взрываются точно хлопушки, здесь и в помине не было. Глаза не отрывались от экранов, за которыми они с самого начала следили, хотя на лицах были улыбки. Все вокруг было воплощением предельной деловитости и молчаливой гордости.

Капитан Холмс Благодух позволил себе лишь раз удовлетворенно кивнуть.

— Капитан,— негромко произнес член команды.

— Говорите,— разрешил Холмс.

— Пилот одной из уничтоженных машин катапультировался.

Холмс заинтересованно поднял бровь. Неплохо было бы захватить одного из этих мародеров, выяснить, кто они такие и где базируются.

— Отправьте команду, чтобы забрать этого пилота,— приказал капитан.

Затем он перевел свое внимание на двух пиратов, осаждающих грузовой корабль. После всех потерь, которые Конгрегация понесла в этом секторе, приятно было, что Судьба выбрала именно его корабль, «Хвалу Духу», чтобы наконец-то принести им успех.

— Кави, что нам теперь делать? — спросил Сирил. Торчащий кадык расстроенно скакал вверх-вниз по худой шее подростка.

Взглянув на своего пятнадцатилетнего племянника, капитан Кави сказала:

— Надо держаться. Похоже, наш эскорт может в любую минуту освободиться и на помощь прибыть.

— «Провинция Квебек»,— резким мужским голосом произнес компьютер.— Это последнее предупреждение. Глушите моторы, или мы будем стрелять.

Сирил и Фия, младшая племянница Кави, с большими глазами повернулись на нее посмотреть. Женщина прикусила нижнюю губу. Ее дядя Стас уничтожил одного из пиратов, так что она наверняка знала, что они не блефуют. С другой стороны, Кави

не рассчитывала на то, что кто-то из них надолго останется в живых после того, как они позволят взять себя на абордаж. Но «Хвала Духу» уже к ним разворачивалась. Если удастся отвлечь этих двоих, мокаки сумеют успешнее с ним справиться. Кави перевела дыхание, затем нажала на клавишу интеркома.

— Сдаюсь,— сказала она.

Повернувшись к подросткам, Кави кивком велела им начинать процедуру выключения. Затем она по внутреннему интеркому связалась со Стасом и Тессой, своей старшей племянницей.

— Мы глушимся, чтобы по нам не влупили,— объяснила женщина.— «Хвала» уже от двоих избавилась, так что если нам удастся удержать эту парочку от абордажа, все еще может не так плохо кончиться. Тесса, выведи из строя главный шлюз.

— Есть, мэм,— откликнулась девушка.

— Дядя, отключите ваши орудия, но оставайтесь на месте. Когда мокаки прибудут, может статься, мы сумеем им помощь оказать.

— Есть, капитан.

Стас отключил орудие, затем подошел к пульту Тессы, желая убедиться, что ее орудие тоже холодное. Увидев, что оно все еще горячее, он покачал головой, дивясь подростковой беспечности. Самому Стасу даже в кошмарном сне не могло присниться, чтобы он что-то подобное включенным без присмотра оставил. Если у них еще когда-нибудь состоится собрание, он обязательно даст Тессе нагоняй, а Кави, надо думать, добавит наряд вне очереди.

Вернувшись к своему пульту, Стас сел в ожидании приказов. В зловещей тишине он наблюдал за двумя «спидами», которые плотно на них нацелились. А потом достал старинное пулевое ружье, отцовское наследство, и проверил его заряд, твердо решая убить своих детей, но не отдать их в руки пиратов.

Маннинг отчаянно справлялась с шоком от гибели Кушнера и своей виной перед капитан-лейтенантом, сосредоточиваясь на задании. А когда Пегги Маннинг по-настоящему сосредоточивалась, она становилась как лазер.

Десантнице было приказано не уничтожить корабль мокаков, а лишить его прыжковой способности. Она приступила к исполнению приказа.

Редер уже собирался вступить в бой, но тут вдруг увидел, как «спид» Сары взорвался. Время словно застыло. Целую минуту он только и мог, что просто лететь вперед. При этом коммандер видел, как Маннинг наконец-то заканчивает со своими игрушками, следил за тем, как грузовой корабль глушит свои моторы.

Потом он заметил сигнал поискового маячка и понял, что Сара катапультировалась. «Если с ней все хорошо,— подумал Питер,— это уже совсем другая история».

Единственным способом обеспечить ее безопасность было помочь Маннинг подбить и отвадить мокакский истребитель. С грузовым кораблем Гивенс и Барак, судя по всему, уже закруглялись.

— Маннинг, внимание,— рявкнул он.— Я иду.

Сара очнулась с таким головокружением, что даже об этом пожалела. Тошнота нарастала, так что она стала дышать медленнее и глубже. Постепенно ее перестало мутить, а головокружение прошло. Капитан-лейтенант облегченно закрыла глаза. Когда она снова их открыла, ее внимание привлек красный огонек, мигающий в самом углу лицевой пластины скафандра.

«Вот радость-то,— подумала Сара.— Мокаки спешат меня спасти». Нашарив у себя на плече поисковый маячок, она тут же его отключила. Затем она свернулась в комок и запустила себя в медленное вращение, надеясь затеряться среди обломков взорванных «спидов». Даже остаться здесь на медленное умирание было лучше, чем попасть в плен к мокакам. Слухи до нее доходили скверные...

Сара ненадолго задумалась, что там поделывают остальные. Со стороны истребителя последовала вспышка, но для взрывающегося «спида» она показалась слишком слабой. «Может, они вернутся, если увидят, что их корабль в беде,— понадеялась Сара.— Только меня не заметьте,— горячо пожелала она.— Только не заметьте».

На трехместном спасательном плоту техник заметил, что поисковый маячок перестал передавать, прежде чем он смог засечь его местоположение.

— Сэр.

— Я вижу, старшина,— ответил младший лейтенант.— Мы отыщем его сигнатуру, когда подойдем ближе.

Мокаки очертили участок космоса, из которого в последний раз был получен сигнал. Работая над этим, они увидели, как мимо промелькнул еще один пиратский «спид».

— Сэр! — сказал младший лейтенант в интерком.

— Мы его видим,— ответили с «Хвалы Духу».— Найдите этого пирата и доставьте его на борт. За этим «спидом», похоже, целая группа идет.

На борту «Хвалы Духу» капитан Холмс с холодной тревогой на сердце наблюдал за подлетающими «спидами». Разумеется, Дух был с ними, но Дух действовал посредством человеческих поступков... хотя цели Его были далеко за пределами человеческого понимания. Первая группа «спидов» нанесла им серьезный урон. Один из них пробурил дыру чуть ли не к самому сердцу корабля, другой лишил его прыжковой способности. А этот «спид», похоже, еще три машины сопровождали.

Конечно, это могли быть электронные меры противодействия — подобными уловками враг пользовался искусно. Но это могло быть и подкрепление. Холмс раздумывал, что же ему теперь делать.

— Пусть этого пирата подберут за пять минут,— распорядился он,— или возвращаются без него. Мы направляемся к аванпосту Конгрегации в этой системе. Мы должны остаться в живых, чтобы проинформировать Толкователей об этом предательстве наших предполагаемых союзников.

Никто даже не подумал напомнить капитану о грузовом корабле, который они сопровождали. Те люди были не из Конгрегации и должны были сами заботиться о себе. Капитан, правда, сожалел о потере столь необходимого груза.

В тот самый момент, когда Сара в очередной раз взмолилась, чтобы враги ее не нашли, они засекли ее лучом своего прожектора. И даже не стали тратить время на вопросы о добровольной сдаче в плен. Мокаки просто оглушили ее электрическим разрядом, и один из них вышел с плота на фале, чтобы ее забрать. Затем они устремились назад к истребителю.

Их маленький спасательный плот не мог даже надеяться одолеть вражеский «спид», и младший лейтенант страшился того, что капитан может решиться удалить «Хвалу Духу» от опасности. Так что они гнали свое суденышко на полной скорости, благодарные Судьбе за то, что враг до сих пор их не заметил.

Когда плот подошел поближе, приборы показали, что пираты задают истребителю дьявольскую трепку. Но сами они так и остались незамеченными. Откинувшись на спинку сиденья, младший лейтенант молчал, не желая привлекать к себе внимания.

Внезапно истребитель обрушил на пиратов шквал заградительного огня, одновременно открывая ворота шлюза, и маленькое суденышко поспешило найти себе прибежище во чреве «Хвалы Духу».

Редер наблюдал за тем, как мокакский истребитель исчезает из поля зрения с такой скоростью, какую его «спид» едва ли мог надеяться развить. «По крайней мере,— подумал Питер,— он направляется как раз туда, куда я хотел».

— Маннинг, эскортируйте грузовой корабль до базы. А я собираюсь капитан-лейтенанта поискать.

— Нам вернуться, сэр, и помочь вам в поиске?

— Да. Когда грузовой корабль будет на месте.

Им понадобится каждый прибор, каждая пара глаз, какую они смогут использовать в этом поиске. «У нее был включен поисковый маячок,— напомнил себе Редер.— Когда он отключился? И почему?» Он надеялся, что Сара сама это сделала, чтобы избежать

фиксации маячка мокаками, и не позволял себе думать, что маячок вышел из строя, что ее скафандр поврежден или что Сара мертва. «Она жива,— заверял себя Питер.— Я это сердцем чую».

Они часами искали, но безуспешно. Редер отказывался сдаваться. «Я видел ее маяк,— мысленно повторял он.— Я знаю, что она катапультировалась. Она должна быть где-то здесь».

— Коммандер,— обратилась к нему Маннинг.

— У вас что-то есть? — с жаром спросил Редер.

— Сигнатура небольшого судна, сэр. Очень маленького. Возможно, спасательного плота. Он направлялся к полю боя, и на нейтрино хорошо раскошелился.

«Они ее взяли»,— подумал Редер. Его мозг застрял на этой мысли и наотрез отказывался двигаться дальше. Коммандер машинально проверил счетчик горючего. Затем шумно выдохнул.

«О чем ты думаешь, Редер? — спросил ее.— С четырьмя «спидами» и парой ремонтных шлюпок ты собираешься идти вызволять Сару с мокакской базы, которую подбитый, но по-прежнему достаточно грозный истребитель обороняет?»

— Думаю, они забрали ее, сэр,— сказала Маннинг, когда пауза слишком уж затянулась.

— Пожалуй, вы правы, младший лейтенант. Возвращаемся на базу. Конец связи.— «Я обязательно что-нибудь придумаю,— пообещал себе Редер.— Сару Джеймс я в руках у мокаков не оставлю».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Очистите-ка мне этого омара,— приказал капитан Холмс конвоирам.

Фигура в скафандре оказывала несуразное сопротивление, все еще потрясенная электрошоком, при помощи которого спасатели ее усмирили.

— Какой в этом смысл? — спросил Холмс у слабо сопротивляющейся фигуры.— Мы никуда особенно не спешим. Так что если вам так больше нравится, мы можем просто вас здесь оставить. Когда у вас кончится кислород, вы сами от скафандра избавитесь.

Окончательно выбившись из сил, фигура повисла на руках у двух конвоиров, а третий снял с нее шлем. Из скафандра с шипением вышел воздух.

— Это женщина! — потрясенно воскликнул стоящий рядом с Холмсом аудитор.

Холмс искоса на него глянул. В обязанности аудитора входило заботиться о том, чтобы умы членов команды оставались чистыми и чтобы никакая посторонняя доктрина не запятнала их веру. Он даже мог распекать самого капитана, хотя лишь наедине. То, что пират оказался женщиной, становилось нежелательным осложне-

нием. Несомненно, теперь аудитор Уильямс Духоприверженец должен был предпринять бурное расследование. Начиная с этого момента всякий, кто упомянул бы при нем о том, что скучает по своей жене, поступил бы весьма опрометчиво.

Уильямс возмущенно повернулся к капитану. Он набрал воздуха, чтобы заговорить, но ничего не сказал, а лишь указал на пиратку, словно бы от нее отрекаясь, и Холмс легко прочел мысли в убогом мозгу аудитора.

— Очевидно,— сказал капитан,— личность данного арестанта должна держаться в секрете.— Внешне он адресовался к конвоирам, однако на самом деле его слова были ответом на невысказанное расстройство Уильямса.— Старшина,— продолжил он, обращаясь к старшему по рангу конвоиру,— подберите еще трех человек, чьему благоразумию вы доверяете, и поручите им охранять данного арестанта. Вы займете все помещения на гауптвахте и до особого уведомления не будете разговаривать ни с кем из остальных членов команды, если только вам напрямую этого не прикажут.

— Есть, сэр! — откликнулся молодой старшина. На смуглом лице мужчины отражалось почти такое же потрясение и замешательство, что и на лице аудитора.

— Если арестант серьезно ранен, дайте мне знать, и я позабочусь о том, чтобы его осмотрел врач.

— Есть, сэр!

— Арестант, вы вполне можете избавиться от вашего скафандра и чувствовать себя совершенно непринужденно. Аудитор,— тут Холмс повернулся к Уильямсу,— думаю, нам следует поговорить в моем кабинете.

— Безусловно, капитан! — Глаза Уильямса так и сверкали бешеным возмущением.

— Все это очень серьезно,— настойчиво повторил Уильямс, расхаживая взад-вперед по небольшому капитанскому кабинету. Затем он остановился, чтобы огорченно глянуть на Холмса, спокойно сидящего за своим столом.— Не уверен, что вы понимаете, насколько это серьезно.

— Сэр,— кротко напомнил ему Холмс.— Во имя дисциплины, аудитор, вам очень важно помнить о том, что моя должность предполагает обращение «сэр».— Он сложил ладони домиком.— И я очень ясно сознаю вполне реальную возможность того, что данный арестант вызовет... если угодно, некоторое брожение среди достойных членов команды моего корабля. Однако в настоящий момент меня больше заботит то, как нам следует подойти к допросу данного арестанта.

— Методы обращения с содружескими блудницами четко определены,— прорычал Уильямс.

Холмс положил ладони на стол и стал смотреть прямо перед собой, сопротивляясь побуждению брезгливо поморщиться.

— Нам некуда торопиться,— сказал он.— На ремонт прыжковой системы уйдет определенное время. Давайте не будем спешить.

— То есть, как это вы не знаете? — Редер озадаченно смотрел на Падди.

— Вот так, сэр. У нас не было другого приказа, кроме как за ними присматривать. Их главный шлюз неисправен, а они тихо себя вели и все такое прочее. Ну и мы, так скажем, решили вас подождать.

— Итак, мы не знаем, кто они, сколько их и как они вооружены? Вы это хотите сказать?

— Мы знаем, сколько их, сэр. Их пятеро, датчики нам это показали. Хотя в грузовой зоне у них какое-то экранирование, сквозь которое нам не пробиться. Там у них может быть целая армия, хотя я в этом сомневаюсь, поскольку энергетические сигнатуры показывают, что обогревается только жилой сектор. Один из тех пятерых, похоже, совсем ребенок.

— Ребенок? — ошалело переспросил Редер. «Кто-то из первоначальной команды?» — предположил он. Такое было вполне возможно, хотя нельзя было отбрасывать и тот вариант, что кто-то из пиратов мог завести ребенка. «Да что за черт,— подумал коммандер.— Мы с таким же успехом можем признаться, что мы Космический Отряд. Так или иначе, нам в самом худшем случае именно на этом корабле домой отправляться. Признавшись в том, что мы содруги, мы сможем с меньшими заморочками на него попасть».

Кави и ее семейная команда тревожно ожидали дальнейшего развития событий. Когда «спиды» их здесь оставили, они попытались сбежать. После того, разумеется, как убедились в том, что «спиды» действительно куда-то свалили. Однако вскоре ремонтные шлюпки окружили их и буквально засыпали сообщениями, угрожая тяжелыми последствиями, если они будут и дальше упорствовать.

Ремонтные шлюпки не были особенно грозными в бою судами, но в таком случае грузовые корабли тоже таковыми не являлись, а потому Кави последовала их совету. Конечно, они вполне могли блефовать, но с другой стороны, это были пираты, а такой народ может смеха ради даже свои унитазы лазерными пушками оборудовать. Уже не в первый раз Кави пожалела о том, что ей не удалось раздобыть более совершенные датчики. Что касалось представления о происходящем вокруг, то с теми, что у них были, они мало чем от слепых отличались.

— Вызываю «Провинцию Квебек».

Кави буквально подскочила, поскольку прошло уже много часов с тех пор, как с ними последний раз связывались. Взглянув на

своего дядю, она заметила, что он плотно сжал губы. Сама Кави зажмурилась, перевела дух, а затем нажала кнопку на пульте.

— «Провинция Квебек» на связи.— Она провела по сухим губам в равной мере сухим языком.— Пожалуйста, назовите себя.

— Это коммандер Питер Эрнст Редер из Космического Отряда Содружества. Мы требуем, чтобы вы открыли корабль для законной инспекции ваших документов и груза.

Если бы Редер заявил, что он Вильям Шекспир и что он хочет, чтобы она сыграла главную роль в его новой пьесе, Кави была бы меньше поражена.

— Космический Отряд,— вымолвил Стас, и в голосе его прозвучало поразительное при данных обстоятельствах облегчение.

— Космический Отряд? — переспросила Кави, сверкая глазами на дядю.

— Так точно, мэм,— ответили из интеркома.

— Между мертвым и арестованным, Кави, большая разница,— заметил Стас.— Бывал я в жизни счастливее, но такого облегчения что-то не припомню.

— Откуда нам знать, что они говорят правду? — спросила Кави у дяди, не обращая внимания на открытый интерком.

— А зачем нам лгать? — поинтересовался у нее Редер.— Ведь вы у нас в руках. Вы правда думаете, что настоящие пираты стали бы тратить время на психологическую пытку, когда они сразу смогли бы настоящим делом заняться? И, кстати говоря, вам есть, что вспомнить. Вы можете вспомнить один конкретный конвой, атаку на этот конвой и почему ваш корабль тогда не захватили. После чего, между прочим, всех вас в лучшем случае вышвырнули бы через переходной шлюз. Помните новый метод обезвреживать вражеские датчики, который я тогда открыл? Метод молотка?

Семья переглянулась, и на всех лицах ясно читалась настороженность. Кави цыкнула, чтобы все молчали. Этот коммандер — как бишь его? — был прав. Настоящие пираты давно бы уже действовали, а не разговоры вели. И это означало, что Стас тоже был прав, и что все они теперь арестованы.

— Почему я должна верить, что это тот самый офицер Содружества? — прошипела Кави, ненадолго прерывая связь.

— Тебе легче поверить, что какой-то пират знает про то, как обезоружить звездолет, если просто летать вокруг него и долбать его молотком? — спросил Стас.— Даже пираты до такой степени с ума не сходят.

— Мы идем к вам на борт,— твердо сказал им Редер.— Откроете вы нам или нет, но через час мы будем у вас на капитанском мостике. И предупреждаю — если вы станете в нас стрелять, каждый выстрел вернется вам сторицей. Мы не хотим, чтобы здесь еще кто-то погиб, а потому прошу вас проявить сдержанность. Ну как, станете вы нам содействовать?

Кави взглянула на своих племянниц и племянника, затем на дядю, который, судя по выражению лица и позе, уже смирился с судьбой. Она вздохнула.

— Ладно, годится,— буркнула Кави.— Встречу вас у главного шлюза.— Выключив интерком, она встала и устремилась прочь с капитанского мостика.— Ну как, доволен? — рявкнула она, проносясь мимо Стаса.

— Нет, черт побери! — отозвался дядя, и на лице у него появилось выражение типа «чем я такое заслужил?».— Но мы у него в долгу. И немалом.

Кави лишь прорычала что-то нечленораздельное и устремилась дальше. Стас и детишки пристроились к ней в кильватер.

Очнувшись, Сара обнаружила, что лежит совершенно голая в пустой камере. Камера была маленькая, прохладная и ярко освещенная, хотя никакого явного источника света там не наблюдалось. Потолок, стены и пол были из одного и того же твердого, блестящего материала. Сара неплохо отдохнула и была сравнительно бодра; ее синяки, как и головная боль, особого значения не имели.

— А, вы проснулись.

Мужской голос гудел сразу отовсюду, и Сара тут же закрыла уши ладонями.

— Это, знаете ли, не поможет,— прогудел голос.

Сара вскрикнула и скорчилась в позу зародыша; казалось, от одной только мощи этого голоса камера вот-вот лопнет.

— Это у вас в голове,— проинформировал ее голос.— Пока вы были без сознания, мы вставили вам имплантат.

Теперь Сара кричала, но едва сама себя слышала.

— Я регулирую громкость,— продолжил голос,— и вы здесь ничего поделать не можете.

Он перестал говорить, и собственный вопль Сары страшно ее поразил. Она лежала на боку с широко распахнутыми глазами, ожидая нового удара и пытаясь совладать с рыданиями.

— Нам нужна информация,— сказал мужчина.

Сара резко выдохнула, а затем расслабилась, поняв, что теперь голос доходит с нормальной громкостью.

— Что вы хотите знать? — спросила она.

— ПРАВДУ!

От шока Сара потеряла сознание. Когда она очнулась, в камере царила полная темнота. Молодая женщина лежала неподвижно, даже не осмеливаясь открыть глаза и ожидая очередной атаки. Но ее не последовало. Казалось, многие часы она пролежала неподвижно, но ни света, ни звука не проникло сквозь чернильный мрак. Только очень долгое время спустя она медленно и осторожно сменила позу. Лишь на самую малость, зная, что

даже в этом кромешной тьме все ее движения регистрируются. Стараясь дышать ровнее, Сара задумывалась, правду сказал голос или нет. Было у них время разместить в ее мозгу имплантат?

«Нет,— сказала она себе.— Не было». Тут Сара кое-что вспомнила. Когда она хлопнула себя ладонями по ушам, там не было волос. «Сколько я уже здесь? — подумала она.— Несколько часов, сутки или дольше? Или гораздо дольше?»

Существовали наркотики, которые могли заставить тебя все забыть. Может статься, ее уже допрашивали, и не раз, заставляя забыть каждый допрос? Благодаря подобной технике они могли набрать целое досье противоречий, о которых она ничего не знала. И, основываясь на этих противоречиях, им удастся докопаться до истины.

«Я должна была застрелиться»,— с сожалением подумала Сара.

— Вы, вероятно, думаете, что здесь темно,— произнес голос.

Джеймс вздохнула. «Так и знала, что они поймут, когда я очнусь»,— подумала она.

— Но это не так. Здесь так же светло, как было до этого.— Последовала долгая пауза, рассчитанная на то, чтобы Сара это переварила.— Когда мы вернемся в Конгрегацию, мы сможем использовать более совершенную технику. Но мы выяснили, что и с избирательной слепотой можно добиться неплохих результатов.

Внезапно Саре почудилось, будто по всему ее телу забегали насекомые. Вскрикнув, она села. По всей коже ощущались слабые укольчики, и женщина принялась бешено хлопать себя ладонями.

— Прекратите! — крикнула она.— Уберите их от меня!

Теперь она могла видеть.

Там ничего не было, но ощущение крошечных бегающих лапок и укусов не проходило.

— Прекратите,— сквозь зубы проговорила Сара. И ощущение пропало.— Что вам от меня нужно?

— ПРАВДУ!

И Сара без чувств рухнула на пол.

— Она сломается? — спросил капитан Холмс.

— Да, конечно,— самодовольно ответил Уильямс.— Это всего лишь вопрос времени. Мы сможем понять, какого именно времени, когда начнем по-настоящему ее допрашивать.

Холмс поморщился. Пленница находилась здесь всего двенадцать часов, а его уже от этого процесса тошнило. В конце концов, она была просто пираткой. Вряд ли все это стоило того вреда, какой причиняло его душе наблюдение за тем, как Уильямс здесь забавляется. Капитан не мог дождаться того момента, когда ее наконец можно будет казнить.

Первое, что предпринял Редер, это разделил команду «Квебека» и назначил людей ее допросить. Сам он решил поговорить с капитаном.

Тот факт, что Кави была чертовски привлекательна, никакого отношения к его выбору не имел.

— Я одного не понимаю,— сказал Редер, когда они уже в десятый раз по кругу пошли.— Почему? Зачем вы это сделали? Да еще с кораблем, полным детишек. Как вы решились поставить их и себя, не говоря уж о корабле, под такую угрозу, когда прекрасно могли обеспечить себя всем необходимым, работая на Содружество?

— Да что вы об этом знаете? — гневно отозвалась Кави. Она с грациозной непринужденностью развалилась в кресле, одна ее длинная нога была переброшена через подлокотник, а руки скрещены под грудями.— Вы ведь с Земли, не так ли?

Лицо Редера резко помрачнело в ответ на вызов в ее голосе, который будто бы намекал на то, что родиться на Земле было чем-то позорным. Коммандер пожал плечами.

— Так,— отозвался он.— А что?

— А то, что подобно тем политикам, которые решили, что нам требуется не больше половины того антиводорода, который мы получаем, вы никогда не жили на планете, где воздуха, пригодного для дыхания, нет и никогда не было.

— Не жил,— согласился Редер. «Кажется, я понимаю, куда она клонит»,— с неловкостью подумал он.

— Мы урезаны во всем: в обогреве, в охлаждении, в освещении, даже в мытье.— Кави не смогла сдержать краткой улыбки при взгляде на его лицо. А затем опять мгновенно посерьезнела.— Все, что можем, мы делаем вручную. Мы коммунально готовим еду, используем все пассивные источники энергии, какие только можно, экономим, экономом и еще раз экономим.— Она нетерпеливо покачала головой.— Но этого недостаточно.— Это... вы... понимаете? Если мы не получим больше антиводорода, мы умрем.

— А колонизационный совет не предлагал вас переселить? — спросил Редер. Он прекрасно знал, что совет им это предлагал. Бесплатный транспорт обратно на Землю или в любую из самостоятельных колоний.

— Ага, конечно. Роскошное предложение. Все, что с собой можно забрать, это две смены белья. И никакой гарантии, что вы еще когда-то увидите ваш дом и все то, что вы и многие поколения ваших предков за долгие годы нажили. Сделка что надо, верно? А еще попытайтесь себе представить, с каким радушием встретили бы на любой из тех планет большую толпу нищих изгнанников.

— Мне казалось, в сделку входил обратный билет и поддержка, пока война не закончится.— Питер очень хорошо знал, что условия предлагались именно такие. «Хотя,— подумал он,— государственное планирование, понятное дело, не всегда работает так, как указывается в рекламе».

— Да? — Кави вопросительно подняла брови и наклонила голову.— А мне казалось, что в сделку входила вся необходимая поддержка до тех пор, пока колонии не смогут сами себя обеспечить.— Одним легким движением она смахнула ногу с подлокотника и села прямо.— Только ведь получилось-то все иначе, разве вы не знаете? Как только им это стало затруднительно, нас бросили задыхаться во тьме!

Редер беспомощно развел руками и хлопнул себя по ляжкам.

— А про войну вы что-нибудь слышали? — спросил он.

— Ее можно было избежать,— уверенно заявила Кави.— Это все грязная политика. Всякий раз, когда есть война, есть компания богатых ублюдков, которая ее затевает, чтобы нажиться на чужом горе.

Редер поморщился.

— Послушайте, Кави, вы капитан собственного грузового корабля, разумная женщина. Зачем вы всю эту чепуху несете? Мокаки, сами по себе, вдруг решили, что ни одной из планет Содружества они антиводород продавать не будут. Они все Содружество от него отрезали. Не только Землю и еще какие-то колонии, а всех. И сделали они это потому, что им наши религиозные воззрения и стиль жизни не по вкусу. Помогать им означает просто-напросто всю эту ситуацию затягивать.

— Благодаря тому, что мы им помогаем, мы дышим, коммандер.

Редер не мог с этим поспорить. К несчастью, поддержать позицию обитательницы Каттавасии ни он, ни Содружество тоже не могли. «Должен найтись какой-то способ это уладить,— подумал он, а потом мысленно вздохнул и добавил: — Но не сегодня».

— Безусловно, мы не станем обращаться с вами и вашей командой...

— С моей семьей,— мрачно уточнила Кави.

— С вашей семьей.— Он развел руками и поднял брови.— Мы не станем обращаться с вами так же, как с пиратами. Мы уберем ваш груз, чтобы освободить место для наших людей и необходимых ресурсов. Мы оборудуем отдельное помещение для вас и вашей семьи, чтобы вы могли быть вместе.

— Наш груз! — Кави вскочила на ноги.— Вы с таким же успехом могли быть пиратами! Результаты были бы точно такие же!

— Ну и ну! — возмущенно воскликнул Редер.— Вы контрабандистка, капитан Гэллап. А при поимке контрабандистов их груз и корабли всегда конфискуются. Вы прекрасно об этом знали, когда еще только начинали этим заниматься. Сейчас вам, леди, следует куда более о важных вещах призадуматься. Например, как быть с тем фактом, что вы оказывали помощь и поддержку врагу, что автоматически делает вас и вашу семью предателями? А наказание за государственную измену куда более суровое, чем за контрабанду.

Кави резко села.

— Моя семья ни в чем не виновна,— скованно произнесла она.

— Что касается детей, то им наверняка не о чем беспокоиться,— сказал Редер, сожалея о своей несдержанности.— А вот ваш дядя, скорее всего, в один котел с вами пойдет.

— Что будет с детьми? — спросила Кави.

— Полагаю, они будут помещены под опеку. На Каттавасии у них больше никаких родственников нет?

Кави помотала головой.

— Все разбежались.— Она развела руками.— И я не знаю, кто сейчас где. Даже в лучшие времена трудно было поддерживать связь, а сейчас это просто невозможно.— Кави бросила на него яростный взор.— Я сделаю все, абсолютно все, чтобы моя семья была в безопасности.

Редер открыл было рот, собираясь сказать, что какое бы предложение она ему ни сделала, решать все равно будет правительство. Но вместо этого он лишь покачал головой и вышел за дверь.

«Проблема в том,— думал Питер, бредя по капитанскому мостику,— что у нее серьезные аргументы. Каттавасия сейчас, наверное, годах в двадцати от пригодной для дыхания атмосферы. Когда вся эта заваруха началась, планета по сути была капитально освоена и готова к крупной колонизации. А это означало, что все пионеры, которые столько поколений столь многим жертвовали, пожнут выгоды бума. Владельцы участков станут сказочно богатыми. И то, что им предлагают эти участки бросить и стать изгнанниками, вряд ли вселяет в них оптимизм». Кави была права. Всегда и везде находились «богатые ублюдки», только и ждущие, чтобы пожать выгоду.

«Но почему я чувствую себя виноватым? — задумался Питер.— Я не богатый ублюдок, и я эту войну не затевал. Но судьба этой конкретной семьи и впрямь у меня в руках. Они предатели! — сказал он себе.— Они Айю убили!»

Хотя, если быть честным, а коммандер в данном случае не хотел быть честным, но ничего со своей натурой поделать не мог, на самом деле они думали, что защищаются от пиратов.

«Она сделает все, чтобы сохранить свою семью в безопасности,— подумал Питер.— А у меня, как у победителя, действительно кое-какая власть имеется...» И Сара была в руках у врага. Коммандер замер как вкопанный, когда в голове у него вдруг стали складываться зачатки идеи.

— Как скоро вы планируете начать допрос? — спросил Холмс, с отвращением наблюдая за дрожащей фигурой на экране.

— Полагаю, еще не скоро,— небрежно ответил аудитор.— Все, что она сейчас скажет, скорее всего, окажется ложью.— Он хлопнул ладонью по пульту, и женщина с воплем вскочила, затем энергично принялась растирать себя ладонями для тепла.

— Насколько мне известно, ложь тоже может содержать в себе информацию,— хмурясь, заметил капитан.— Кроме того, она пират-

ка. Пираты — слабые существа, лишенные всякой преданности друг другу.— Он покачал головой.— Зачем ей в таком случае лгать?

— А затем таким жалким созданиям вообще что-то делать? — спросил в ответ Уильямс.— Он пожал плечами, и лицо его скривилось в презрительной усмешке.— Быть может, просто от злости?

Теперь Сара лежала на боку, прижимая ладонь к глазам, словно она пыталась отгородиться от слепящего света. Уильямс сверился с пультом.

— Она пытается уснуть,— заключил он, явно обрадованный.

Холмс вздохнул. Он все это ненавидел. Просто ненавидел.

— Мне тоже в какой-то степени ее жаль,— сказал Уильямс.— Какой шанс был у этого несчастного создания? Если бы только ее родители вовремя обратились к Праведному Пути. Тогда она могла бы быть спасена, могла бы стать приличной женщиной с надлежащей скромностью и уважением к начальству.— Он скорбно поморщился.— Какая жалость. Она в своем роде достаточно привлекательна.— Указательным пальцем он погладил ногу Сары на экране.

Капитан одарил его презрительным взором.

— Я хочу, чтобы вы ее допросили, аудитор. Сегодня.

Уильямс кивнул.

— Она спит,— негромко заметил он, словно Сара могла его слышать. А затем щелкнул пальцем по кнопке, и в камере заревела сирена. Даже капитан вздрогнул от неожиданности.

Аудитор повернулся к Холмсу с самодовольной улыбкой.

— Скоро она будет готова, капитан. Не беспокойтесь, я свое дело знаю.

Холмс отвернулся, внезапно ощутив неловкость от понимания того, что аудитор действительно славно поднаторел в пытках и допросах.

— Очень хорошо,— сказал он.— Позовите меня, когда будете готовы.— Капитан пошел было прочь, но затем вспомнил о том, что женщина здесь уже целые сутки.— Но будьте готовы в ближайшее время,— добавил он и пошел дальше.

Сара села. Она уже подозревала, что ей действительно вставили какой-то имплантат. К примеру, они знали, когда она спит, а когда просто лежит. Или, по крайней мере, так ей казалось. Она уже довольно давно была по этому поводу в большом замешательстве. Сара испытывала голод и жажду, но не так уж голодала и не ощущала симптомов опасного обезвоживания, которые можно было бы ожидать назавтра. Когда бы это завтра ни настало.

«Итак,— устало подумала она,— я здесь сутки, не больше». И до чего же поганые это были сутки! Сара снова сосредоточилась на том, чтобы поверить в свою легенду. Она приукрашивала ее, воображая ужасное детство. Нет, никаких инфернальных кошмаров, просто кое-

что достаточно скверное, чтобы искалечить психику ребенка и сделать его пиратом. Сара изо всех сил концентрировалась на легенде, твердо зная, что если она как следует постарается, даже наркотики никакой другой истории из нее не вытянут. Но это было тяжело. Она страшно устала, и это было очень тяжело.

Редер пытался сосредоточиться на собрании. Он рассчитывал, что если он это сделает, то идея, которая до сих пор тикала где-то у него в затылке, наконец выйдет из укрытия. Но если по правде, пока что совещание проходило крайне непродуктивно.

— Насколько я могу судить,— докладывал Пеллагрио,— в документах у них ничего инкриминирующего нет. Никаких потайных файлов, никаких признаков двойной бухгалтерии, совсем ничего предосудительного.

— Таким образом,— сказал Редер,— если только они сами не признают факт контрабанды, у нас, по существу, нет никаких доказательств того, что они продавали товары мокакам?

Все, сидящие за столом, принялись переглядываться.

— Так точно, сэр,— с явным смущением признал Пеллагрио.

Откинувшись на спинку стула, Редер задумчиво потеребил верхнюю губу.

Младший лейтенант Маннинг энергично подалась вперед.

— Сэр! — начала она.

Редер поднял руку, глаза его смотрели куда-то вдаль. Наконец он взглянул на Падди.

Новоирландец озадаченно воззрился на него в ответ. Затем глаза его вспыхнули, и он резко выпрямился.

— Вся грузовая зона защищена экраном от сканирования,— возбужденно произнес он.

Редер тоже сел прямо.

— И они знают нужный код.

Тут вмешался Пеллагрио.

— Но зачем им нам помогать, когда помогая нам, они докажут свою вину?

— Что ж,— сказала Маннинг,— может статься, мы поможем им нам помочь.

Пеллагрио недоуменно нахмурился.

Маннинг хлопнула ладонью по столу.

— Мы изменим наши записи так, чтобы все выглядело так, как будто мы захватили другой грузовой корабль. Затем мы скажем, что мы их отпускаем в обмен на содействие, зная, что они снова могут быть захвачены — причем фактически по собственной воле.— Она многозначительно развела руками, и Пеллагрио медленно кивнул.

— Эй, погодите минутку,— вмешался Гивенс.— О чем мы тут вообще говорим? Зачем нам грязных предателей отпускать? И что

они, кстати говоря, могут для нас такое сделать, чтобы нам потребовалось с ними на сделку пойти?

— Ох, Гивенс,— вздохнула Маннинг.— Вы порой такой тугодум.

До этого момента Алонсо Барак сидел молча. А тут он неожиданно проревел:

— Отпустить их? Вы что, из ума выжили? Вы уже не помните, что они Айю убили? Она мало для вас значила,— бросил он Питеру,— раз вы так просто дадите ее убийцам правосудия избежать.

Редер бросил гневный взор на своего старого товарища.

— Айя Вишневская была моим другом,— холодно произнес он.— И я знал ее дольше, чем вы, Барак. Я ее не забыл и никогда не забуду. Но я также не забыл и Сару Джеймс. И если для того, чтобы вернуть ее обратно живой, потребуется отпустить эту семью, я скажу, что именно так и будет.— Они с Бараком долго друг на друга смотрели.— И я думаю, Айя бы меня поддержала,— добавил Питер.

Алонсо изменился в лице — он понял, что именно этого хотела бы Айя. И почти услышал, как она говорит: «Мне уже нельзя помочь, но ей можно. Идите и верните ее. Не оставляйте никого из наших в руках у мокаков». Барак медленно кивнул.

— Хорошо,— хрипло сказал он.— Что от нас требуется?

— Падди?

— Сэр?

Редер остановился, ясно сознавая о том, что время поджимает. Но кое-что должно было быть сказано...

— Падди, я бы хотел узнать ваше... в общем, мне нужно еще одно мнение.

Падди отложил микрорегулятор и отодвинул в сторону небольшой пистолет.

— Э-э...— начал Питер, думая: «Черт, нет у меня времени на экивоки».— Падди, вы знаете, что я испытываю... к Саре Джеймс... большое уважение.

— Так точно, сэр. А еще я знаю, что в космосе темно — если вы меня понимаете.

— Вопрос в том, что... не ставлю ли я под угрозу свою команду и все задание ради личных целей?

Громадный старшина посмотрел ему прямо в глаза.

— Нет, Питер Редер, вы не такой. Ну да, пожалуй, вы в связи с этим больше энтузиазма испытываете. Но будь в руках у этих сволочных психов волосатый ирландский мужик, вы бы то же самое делали. Или даже будь там один из этих проклятых десантников, которых вы не больше моего любите. Точно так же, как вы тогда наехали на того паскудного шпиона ради парнишки, которого вы едва знали. Вы настоящий командир. Вы можете приказать нам умереть за это задание, но никого из своих не бросите. А другой офицер просто дерьма не стоит.

Тут в Падди произошла какая-то смутная перемена, он снова подобрал свой инструмент и принялся ковыряться в оружии.

— У вас ко мне что-то еще, сэр?

Снова они были коммандер и старшина. Редер почувствовал, как сердце его сжимается от тоски.

— Нет, это все,— отчеканил он.— Продолжайте работу. У нас еще куча дел.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кави вдруг поняла, что буквально задыхается от тревоги. Она сделала глубокий вдох, затем глотнула воды из чашки и велела себе успокоиться. Знакомое окружение корабля уже успело стать чужим, вызывая страх.

— На самом деле никаких проблем возникнуть не должно,— заверил ее Редер, пристроившийся за пультом Стаса.— Вы уже показали себя хорошими стрелками.

— Против четырех «спидов»? — спросила Кави и покачала головой.— Сама не знаю, почему я позволила вам толкнуть меня на такую авантюру. Мокаки никогда на это не купятся. Они на самом деле не идиоты, как бы вам ни хотелось в это поверить. Чтобы это понять, достаточно с ним поторговаться.

— Трех «спидов»,— поправил ее Редер.— Не забывайте, меня там на самом деле не было. Электронные штучки! — сказал он, эффектно щелкая пальцами.— Они очень даже в это поверят — особенно когда вы их фальшивыми записями загрузите. Все, что от вас потребовалось, это уничтожить еще одного пирата, а двое других сбежали. Просто помните, что надо все время упирать на обиду. Вы разгневаны на них за то, что они смылись и оставили вас кашу расхлебывать.— Коммандер вопросительно поднял брови.

— Хорошо,— лаконично отозвалась Кави. Это и впрямь могло сработать. История была правдоподобной, а записи убедительными. Но судя по стуку ее сердца, оно на это не покупалось. Кави была чертовски напугана. И то, что рядом не было членов ее семьи, тоже на пользу не шло. Конечно, она радовалась тому, что теперь они вдали от опасности на астероидной базе Космического Отряда. Но Кави по ним скучала. «Если я выпутаюсь,— поклялась она,— с контрабандой будет покончено».

Терри Хандинг, прелестная миниатюрная техничка, которая в данный момент играла роль одной из племянниц Кави, вдруг сказала:

— Нас окликают.

Кави закрыла глаза и постаралась забыть о том, что ее трюм набит четырьмя «спидами», шестью спешно оснащенными амуницией ремонтными шлюпками и предельно решительной компанией тяжеловооруженного личного состава Космического Отряда.

— Мне на компьютер,— с обманчивым спокойствием приказала она.

— Грузовой корабль, вы приближаетесь к базе «Чистая Вера». Мы требуем, чтобы вы назвали себя, или по вам будет открыт огонь.

— Все так рады по нам стрелять,— пробормотала Кави,— что у кого угодно может комплекс возникнуть.— Она хлопнула ладонью по кнопке интеркома.— Это,— скрипя зубами, произнесла молодая женщина,— грузовой корабль «Провинция Квебек». Нас эскортировал истребитель «Хвала Духу», когда мы подверглись атаке, и эскорт... нас покинул. По-моему, он там как раз у вашей базы причален,— с приторной любезностью добавила она.

Последовала оскорбленная пауза, а затем возмущенное требование:

— Назовите себя, женщина!

Всякий раз, сталкиваясь с женоненавистничеством мокаков, Кави не могла не возмутиться их непримиримому отношению. «У них вообще-то матери есть?» — задумалась она. Очевидно, они у них были; человеческую биотехнологию мокаки слишком уж ненавидели. Хотя, раз уж на то пошло, они много чего ненавидели; порой ей казалось, что где-то в самом сердце они начинают с себя. «Может, они просто из-под камней выползают?» — предположила Кави.

— Это капитан Кави Гэллап,— сказала она.— Не были бы вы так любезны связать меня с капитаном Холмсом?

Холмс вошел на командный центр базы. В воздухе там висел неприятный душок. Едва прибыв на борт, капитан приказал персоналу станции поддерживать кондиционную чистоту, но, судя по всему, воздухоочистителям предстояло дольше устранять эту вонь, чем он намеревался здесь пробыть. Холмс пытался с этим свыкнуться, но всякий раз, входя на станцию, не мог не возмутиться тому, насколько сами эти люди далеки от кондиции.

Капитан занял позицию за креслом коммандера Голда. Тот даже не подал вида, что сознает о его присутствии, а продолжал ковырять в зубах, тупо глазея на экран.

Холмс немного выждал, а затем рявкнул:

— Встать «смирно», когда я вхожу! Или во имя Духа Живого вас лишат и того поста, который у вас еще остался!

Голд выпрыгнул из кресла, словно его в задницу укололи.

— Сэр! Я вас здесь не заметил. Мои извинения, сэр.

Холмс не был жестоким человеком, однако он почувствовал облегчение от того, что ему удалось вновь внушить Голду подобающий страх Духа Судьбы. Ибо сказано: «Наказание рождает страх...»

— Докладывайте,— холодно приказал он.

— Сэр! К нам приблизился грузовой корабль, приписанный к Содружеству. Но там утверждают, что вы их эскортировали. Вот я и подумал... подумал, что мне следует сообщить вам, сэр.

— Они передали свои документы? — Холмс задумчиво поднял бровь. Неужели они спаслись? Или это был Троянский конь, полный пиратов?

Физиономия Голда приобрела нездоровую бледность, и пот выступил у него на лбу.

— Они... они прежде всего потребовали переговорить с вами, сэр.

— Вы хотя бы просканировали их корабль, коммандер? — Сложив руки на груди, Холмс хмуро глянул на тщедушного Голда.

— Еще нет, сэр. Я ждал вашего прибытия, сэр. Я прямо сейчас это сделаю. Младший лейтенант!

— Сэр? — Голова младшего лейтенанта Фанка смущенно высунулась из-за спинки стула, глаза его были как блюдца.

— Просканируйте этот грузовой корабль!

— Есть, коммандер.

Холмс закатил глаза. Однако считанные секунды спустя информация была передана на экран Голда. На капитанском мостике и в жилом секторе грузового корабля находилось всего пять человек, один из которых был достаточно мал, чтобы быть ребенком. Эти сигнатуры определенно соответствовали профилю семьи, которая владела «Квебеком».

— Дайте мне их на интерком,— приказал Холмс.

— Есть, сэр, сию секунду.— Голд ткнул кнопку на пульте, и священный символ, который украшал экран, сменило разгневанное лицо капитана Гэллап.

— Им что, было вас никак не найти? — осведомилась Кави.— Знаете, капитан, мне это очень знакомо. Я тут тоже как-то вокруг себя оглянулась и вас не нашла.— Сложив руки под подбородком, она буквально ела его глазами.— Можете вы мне это объяснить?

— Та ситуация сама все объясняла, капитан. А вот эта — нет. Можете вы мне объяснить, как вам случилось оказаться здесь целой и невредимой, причем через двадцать с лишним часов после меня?

— Если бы вы еще немного подождали, капитан, вы бы выяснили, что там оставалось всего три «спида». Все остальные были иллюзиями. Когда мы еще одного пирата отоварили, двое других в бегство пустились. Почему мы опоздали? Представьте себе, мы ожидали, что вы вернетесь. Я просто не могла поверить, что наш отважный эскорт из крупного истребителя элементарно дал деру.

— По-вашему, я должен поверить, что вы оставались на месте, зная, что в той зоне есть вооруженные пираты?

— Разумеется, мы там не остались! — рявкнула Кави.— Мы выпрыгнули и почти двенадцать часов прождали. А потом рискнули и прыгнули обратно. Моему старпому, по его словам, во время боя показалось, что вы лишились прыжковой способности, так что мы прикинули, что вы все еще должны быть где-то поблизости. Тогда мы пошли по вашему следу. И вот мы здесь. Наш груз вас по-прежнему интересует?

Холмс внимательно разглядывал женщину, выискивая хоть какой-то намек на двуличность. Хотя и не представлял себе, почему это вообще должно его занимать. Содруги в целом были прирожденными лжецами; уроженцы же Каттавасии в особенности для этого годились. Ситуация его беспокоила. Она действовала ему на нервы, точно какой-то интуитивный зуд.

— Перешлите нам ваши опознавательные коды,— велел Холмс.

С тяжким вздохом Кави повиновалась.

Капитан мокаков просмотрел информацию во всех подробностях, позволяя сомнению выразиться у него на лице.

— Здесь, похоже, порядок,— пробормотал он.— И все же...

— Мы заключили сделку,— сквозь зубы процедила Кави.

Да, сделку они действительно заключили. Холмс позволил себе язвительную улыбочку. Каттавасия желала обменять массу всяких запрещенных веществ и материалов на удивительно малый объем антиводорода. Впрочем, там могли обходиться без всего, кроме еды, воды и воздуха. А все эти три вещи были недоступны обитателям погруженной в вечную ночь планеты без тех машин, что поддерживали жизнь в их герметичных городах. Ни одна из этих машин не могла работать без антиводорода.

Холмс вышел из сферы охвата камеры, и воинственное выражение на лице Кави сменилось озадаченным. А секунду спустя она и вовсе показалась встревоженной.

— Капитан? — позвала она уже куда более мягким тоном.

Холмс покачал головой. Да, эти люди вполне могли быть настолько отчаянными. Приняв решение, он вернулся к экрану Голда.

— Я намерен выслать отряд для осмотра вашего груза,— сказал он Кави.

Женщина по-прежнему выглядела озадаченной.

— Пожалуйста,— сказала она.— Если вам от этого легче станет. Только я полагаю, самое время и мне ваш груз осмотреть.

— Безусловно,— согласился Холмс, немного подумав.— Когда мои люди будут возвращаться, они обеспечат вам эскорт.

— Ваши эскорты, капитан, мне слишком знакомы. Надеюсь, мы нашу прогулку в черной дыре не закончим.

— Интересная мысль,— со значением проговорил Холмс.

Голд бросил на него вопросительный взгляд. Капитан тут же попытался скрыть раздраженное недовольство своим подчиненным.

— Мы с вами свяжемся,— сказал Холмс и протянул руку, чтобы отключить интерком.

— Что мы будем делать, сэр? — с трепетом в голосе спросил у него Голд.

— Мы туда команду пошлем,— с улыбкой ответил Холмс.— Необходимо осмотреть их корабль, убедиться, что они те, за кого себя выдают, и что они там одни.

— Вы их не знаете? — изумленно спросил коммандер.— Мне показалось, что вы их знаете,— торопливо добавил он, откликаясь на перемену в лице Холмса.

— Она мне знакома. Но я никогда не видел никого из остальных членов ее команды. Которым также случилось составить ее семью. Так что если пираты все-таки захватили корабль и решили держать у себя ее семью, а эту женщину послали с нами в игру сыграть...— Холмс ясно видел, что самому Голду до заключения не додуматься.— Она пойдет на все, лишь бы спасти свою семью. Эти люди склонны до такой степени друг к другу прикипать.

— А, понятно! — после долгой паузы сказал Голд.— Вы думаете, что у нее на корабле пираты.

— Да, я думаю, это вполне возможно.— «О Дух! — подумал Холмс.— Как же этот болван до коммандера дослужился?» Даже в военное время с его резким пополнением Карающей Длани Духа и даже на таком далеком дисциплинарном аванпосту... неужели им так глубоко в бочке скрести приходилось?

— И что мы теперь будем делать? — спросила Кави.

Редер взглянул на Маннинг, и та сказала:

— У нас свои маленькие хитрости имеются.— Затем она подошла к Хандинг, чтобы с ней переговорить.

Когда мокаки состыковалось, их с радушной улыбкой встретила миниатюрная Терри Хандинг. Лица шестерых мужчин были полускрыты за темными визорами.

— Здравствуйте,— застенчиво поздоровалась Хандинг с высаживающимися мокаками.— Откуда господа желают начать?

Командир мокакского отряда глянул на девушку с высоты своих метра восьмидесяти, после чего обернулся и гаркнул остальным поторапливаться. Затем мужчина повернулся обратно, и на лице у него выразилось неодобрение.

Хандинг, сложив перед собой маленькие ладошки, старалась выглядеть одновременно испуганной и очарованной суровыми гостями.

— Сначала осмотрим трюм! — почти выкрикнул ей мокак.

— Как вам будет угодно, сэр,— откликнулась Хандинг, представляясь совсем перепуганной. Затем она открыла дверцу и повела их по коридору.

Как только они завернули за угол, следом за ними направилась облаченная в скафандр Маннинг. Дождавшись того момента, когда Хандинг откроет дверцу трюмного шлюза, она что-то швырнула в самую гущу мокаков. Звук вырывающегося на свободу газа оказался скрыт шипением воздуха, пока давление в трюме и наружном отсеке выравнивалось.

Шестеро мокаков и Хандинг, временно парализованные, осели на палубу. Маннинг и несколько облаченных в скафандры фигур из трюма обыскали мокаков и отобрали у них все средства связи, какие только смогли найти.

Обнаруженные устройства Маннинг передала отряду, который ожидал в глубине трюма. Затем шестеро мужчин и одна женщина обошли трюм, якобы осматривая отсутствующий там груз и не обращая внимания на присутствующих там вооруженных людей.

К тому времени, как Маннинг вернулась в шлюз, все шестеро мокаков и Хандинг сидели на палубе и безостановочно тараторили.

— Почему бы вам всем со мной не пойти? — предложила Маннинг.

Все, похоже, нашли это прекрасной идеей, а потому встали и радостно поплелись за десантницей. С их вялых губ слетал непрерывный поток свободных ассоциаций.

Когда людям химическими средствами временно подавляли волю, они становились столь же разговорчивы, сколь и внушаемы. Проблемой при этом становилась не то, как вытянуть из них все, что нужно, а как заставить их замолчать.

— На борту той шлюпки пилот ждет, чтобы отвезти их назад. Они должны каждые пять минут связываться с ним и передавать кодовое слово. Мы сразу же это выяснили, так что теперь каждые пять минут выходим на связь — и никаких проблем. Они любят своего капитана, терпеть не могут своего аудитора, скучают по своим семьям, ненавидят Содружество. Они знают, что на борту их корабля есть арестант, но капитан держит это в секрете. Ходит слух о том, что это женщина. Очень скандальная особа,— с ухмылкой добавила Маннинг.— А Хандинг по уши в Гивенса влюблена.

Услышав об этом, лейтенант вздрогнул.

— Об этом вас, Маннинг, не спрашивали,— заметил Редер.

— Так точно, сэр.— Десантнице хватило такта изобразить смущение.

— Как там у них с ремонтом дела? — спросил Питер.

— Часа через четыре они будут готовы к старту. Никто здесь задерживаться не намерен.

— Понятно,— отозвался Редер. «Я тоже задерживаться не намерен,— подумал он.— Даже думать не хочется, что они там сейчас с Сарой проделывают. И все-таки чем дальше, тем больше об этом думаю». Коммандер тревожно забарабанил пальцами по столу.— Как проходит осмотр?

— Минут через двадцать они закончат, сэр,— ответила Маннинг.

— Тогда все по местам.

В ответ на условленное кодовое слово пилот открыл дверцу шлюза. Один из членов команды вошел, зачем-то вскинул руку и вышел обратно. На заднем плане настойчивый женский голос

задал какой-то вопрос. Пилот с подозрением за всем этим наблюдал, озабоченный тем, что команда грузового корабля может попытаться на них напасть или еще какую-нибудь содружескую пакость выкинуть. Он застыл у пульта, готовый послать «Хвале Духу» тревожный сигнал.

Разумеется, тогда истребитель даст залп по грузовому кораблю. И, безусловно, убьет пилота и всю инспекционную команду. Однако погибшие на службе Духу Судьбы отправятся прямиком в рай. Так что пилот ничего не боялся. По сути, он был даже счастлив. Очень-очень счастлив. Мокака безумно радовало то, что сегодня его день рождения, и мама испекла его любимый пирог...

Пилот бессильно осел на пол и улыбнулся здоровенному рыжеволосому мужчине, который вдруг над ним навис.

— Счастлив умереть,— радостно произнес он.

— Счастлив тебе в этом помочь,— отозвался мужчина в противогазе.— Но как-нибудь в другой раз. А прямо сейчас я хочу услышать, есть ли какой-то особый код, который ты должен передать, чтобы сообщить об успешном завершении задания. Короче, рассказывай все, что мне, по-твоему, необходимо знать.

— Никогда,— посоветовал Падди своему командиру, пока тот вел мокакскую шлюпку назад к ее стоянке на истребителе,— никогда не предлагайте религиозному фанатику рассказать вам все, что вам, по его мнению, необходимо знать.

Ответом ему были натянутые улыбки. Шлюпка была набита личным составом Космического Отряда, которому предстояло занять капитанский мостик как истребителя, так и базы, и напряжение накопилось нешуточное.

— Помните,— сказал им Редер.— Наша настоящая цель — истребитель. Из того, что нам рассказали пленные, ясно, что персонал базы — кучка безмозглых обормотов. Стоит только предъявить им славную угрозу, и они сами запросятся в плен. Но у истребителя очень хорошая команда, довольно дружная для мокакского корабля, с приличным капитаном и офицерами. Так что нам придется постараться, чтобы тот мостик занять. Вопросы есть?

Четырнадцать человек в фальшивой мокакской униформе помотали головами. Темные щитки скрывали от него верхние половины их лиц, но Редеру не требовалось заглядывать им в глаза, чтобы знать, что сейчас в этих глазах. Решимость. Они вызволят капитан-лейтенанта Сару Джеймс из мокакского плена — или погибнут.

— Прошу разрешения высадиться.

— Разре... но вы не младший лейтенант Витц!

— Нет, приятель, я всего-навсего старшина,— добродушно отозвался Падди Кейси.

Громадная ручища схватила одного мокакского часового и без малейших усилий швырнула его в боковую стенку переходного шлюза. Другой часовой дернулся было к дверце, но замер, увидев нацеленный на него плазменный пистолет и с полдюжины импульсных ружей. Если бы все они выстрелили, от него осталось бы разве что сальное пятно на пенометалле шлюза. Глаза часового закатились, когда один из незваных гостей резко ударил его по шее, после чего колени мокака подогнулись, он осел на пол и бесчувственной грудой там развалился.

— Есть визуальная подача,— сообщила стоящая рядом техничка.— Идет заготовленный нами сценарий.

Она открыла небольшую коробочку и вынула оттуда тонкий шнур. Штепсель шнура представлял собой массу зубцов, переходящих в тонкие как волосок волокна. Одной рукой техничка воткнула штепсель в разъем для загрузки данных рядом с пультом управления шлюзом, а пальцы другой ее руки заплясали по крышке коробочки.

— Беру... а, ч-черт!

— Что такое?

— У них тут физические разделители на подсистемах, и отсюда через координирующий узел мне до капитанского мостика не добраться. У меня тут... Ага, они используют одну и ту же систему для внутренних шлюзов и лифтов. Я наложу аварийный запор на внутренние герметичные дверцы и отключу лифты... сейчас. Но это привлечет их внимание! Вот я ввела новый код. Извините, старшина, но отсюда мне больше ничего не поделать. Доставьте меня на мостик, и все будет в ажуре.

— Ладно,— отозвался Падди со своего поста у внутренней дверцы шлюза.— В этом коридоре все чисто. Держитесь вдоль стен, и не зевать!

У них катастрофически не хватало живой силы, чтобы взять истребитель и базу одновременно... но именно это им и предстояло проделать.

Редер мрачно кивнул.

— На этом корабле, ребята, сто двадцать человек, и никто из них нас не любит.— Завыла тревожная сирена.— Так что работать надо на славу. А теперь вперед.

Аудитор Уильямс заглянул за угол и быстро нырнул в укрытие. Цепочка захватчиков взбиралась по лестнице на второй уровень. Это давало ему надежду на то, что командный центр незваные гости еще не захватили, иначе они наверняка воспользовались бы лифтом.

Наконец последний захватчик, женщина, как ему показалось, скрылась из поля зрения, и запущенный коридор базы опустел. Если Уильямс и был в чем-то уверен, так это в том, что эти решительные и расторопные молодые мужчины и женщины никакие не пираты.

От них так и веяло Содружеством — или, раз уж на то пошло, Космическим Отрядом.

«А почему? — спросил себя аудитор.— Почему Космический Отряд Содружества вдруг проявляет такой интерес к захолустной базе.— Это из-за моей пленницы,— сказал он себе.— Должно быть, она для содругов очень важна».

Тут Уильямс искренне пожалел о том, что вообще оставил борт «Хвалы Духу». Однако на базе кое-кто нуждался в исправлении, и он позволил своему долгу себя убедить. А кроме того, в работе с пленницей аудитор уже достиг того момента, когда ему требовалось ненадолго оставить ее в одиночестве. В одиночестве, но не в покое. Чтобы гостья не заскучала, он запустил ей бесконечную петлю оглушительных гудков и вспышек яркого света.

Такой поворот событий донельзя расстроил Уильямса. Он считал себя мастером своего дела и точно знал, что остались считанные часы до того, как она окончательно сломается. Без использования наркотиков, без единого к ней прикосновения она очень скоро рассказала бы аудитору все, что он хотел знать. Правду, только правду и ничего кроме правды. Вся работа должна была занять сорок восемь часов. Его личный рекорд. Но теперь эта работа шла насмарку. Вся, от начала и до конца.

Какая обида!

Приближаясь к стыковочной зоне, аудитор сбавил шаг. Вполне вероятно, у ворот «Хвалы Духу» сейчас шел нешуточный бой. И действительно, за следующим же углом он наткнулся на труп одного из сотрудников базы. Уильямс подобрал оружие убитого. Превосходный игольничек. Нестандартной конструкции, но это уже была проблема Духа — или этого человека.

Аудитор напряженно прислушался, но никаких звуков столкновения не различил, и это его обеспокоило. Он прикинул, не следует ли ему покинуть базу и пробраться на «Хвалу Духу» через какой-нибудь ремонтный люк. Но Уильямс совершенно не представлял себе, что там происходит и не имел возможности это выяснить.

База «Чистая Вера» была сконструирована предельно экономно, скорее как военная тюрьма, чем как настоящая станция слежения. А потому единственное место, где имелось оборудование, способное поведать ему о происходящем снаружи, находилось теперь в осаде.

Аудитор решил рискнуть. А как только он окажется на борту, он немедленно направится к гауптвахте. Если вся эта заваруха действительно началась из-за пленницы, жизненно важно было надлежащим образом о ней позаботиться.

— Будь оно все проклято,— прошипел Редер.

Это было так похоже на мокаков — расположить огневые точки в коридоре на подходе к капитанскому мостику. Скорее

всего, имелся в виду возможный заговор, хотя коммандер в жизни не встречал таких безвольных овец, как средние мокаки...

Иглы свистели из пенометаллической стены впереди. «Эти овцы, впрочем, довольно хищные»,— мысленно исправился он и сунул пробник за угол. Игольник стрелял из щели почтового ящика рядом с дверью. Падди подобрался вплотную к Редеру, чтобы посмотреть, и то же самое сделала младший лейтенант Маннинг. С тех пор, как погиб Кушнер, десантница вела себя необычно тихо.

— Я жахну ранцевым зарядом, сэр,— предложила она.

— Ничего подобного, Маннинг,— сказал Падди.— Теперь никаких дурачеств. Это работа для двоих.— Он взглянул на технику.— Код сработает?

— Должен,— ответила та.— Но они сразу начнут пытаться вернуть себе контроль над системой.

— Тогда нам пора,— заключил Падди.— С вашего разрешения, сэр.

Редер едва заметно кивнул. Он ощущал желание самому этим заняться, но желание это было очень далеко. Прямо сейчас он был машиной, которая думала, и это был лучший способ поскорее закончить работу. Запор не мог очень долго сдерживать команду истребителя; они найдут инструменты и прорежут себе дорогу к вспомогательным шахтам, если как-то иначе не выпутаются. А потому содругам следовало делать все как можно быстрее и энергичнее, прежде чем враг сумеет должным образом отреагировать.

— Вперед,— скомандовал он.— Огонь прикрытия... пли!

Оружие заструячило и забарабанило. Энергетические импульсы и сверхскоростные пули, воздух за которыми так и светился, выли и ревели в прямом отрезке коридора. Падди и Маннинг рванулись за угол; сердце у Редера захолонуло, когда Маннинг при этом чуть не выронила из правой руки чемодан, но затем они прижались к стене по обе стороны от дверцы на капитанский мостик. Рука Маннинг обмякла, кровь обильно стекала по ее боку. Лужа на полу поблескивала красно-черным под сияющими трубками верхнего света. Падди облаченной в перчатку рукой схватил ствол игольника и рванул его на себя с силой гидравлического тарана; другой рукой он сунул в щель пистолет и мгновенно нажал на спусковой крючок.

Маннинг стояла на коленях у запорной панели. Пальцы ее здоровой руки набрали на клавиатуре нужный код...

...и дверца раскрылась. Последним усилием Пегги швырнула в проем свой чемодан и растянулась на полу, прежде чем его шипящее содержимое успело распространиться.

— За мной! — проревел Редер.

Сара свернулась в позе зародыша. Глаза ее были зажмурены, а пальцы до упора засунуты в уши. От безудержных рыданий она уже перешла к не менее безудержной брани.

Молодая женщина страшно устала, испытывала голод и жажду — и сходила с ума.

Мучительно громкий рев внезапно прервался, и Сара позволила себе немного расслабиться. Рев вернется не раньше, чем через тридцать секунд, и не позже, чем через две минуты, но прямо сейчас она была в безопасности.

«А вот если бы кто-то сюда вошел,— подумала Сара,— он бы в безопасности не был. Я бы его ногтями на мелкие кусочки порвала».

Дверь внезапно скользнула в сторону.

Сара испустила жалобный вой и якобы не смогла побороть охватившую ее дрожь. Пусть вошедший думает, что она дрожит от страха или безумия. Пусть он считает, что у него над ней власть. В душе у Сары что-то и впрямь рыдало и безостановочно тараторило, но ее гнев держал это под контролем. Пока что. Она напряженно прислушивалась.

«Делай же что-нибудь,— яростно подумала молодая женщина.— Давай, делай».

Наконец ее до предела напряженный слух различил стук шагов, а на отдалении, похоже, что-то еще. Крики?

«Наверное, мои уши со мной шутки шутят,— подумала Сара и прикинула, не галлюцинирует ли она.— Интересно, если я обернусь, дверь будет открыта?» Она боролась с желанием обернуться и посмотреть, продолжая выть и дрожать. Это забирало львиную долю ее сосредоточения. Голод, жажда и изнурение притупили чувства и замедлили реакцию. «Держись за свой гнев!» — приказала себе Сара, зная, что неистовый жар этого гнева поможет ей выжить.

Послышался еще один шаг и шорох закрывающейся двери. Сара чуть было не обмякла от облегчения, но вовремя взяла себя в руки.

— Повернись,— приказал мужской голос.

Она как бы изумленно выдохнула и в диком ужасе глянула через плечо. Затем Сара испустила звук, в котором при желании можно было разобрать просьбу «не надо!», и медленно повернулась, сохраняя свое скрюченное положение.

«Я собираюсь тебя убить»,— подумала молодая женщина, глядя на мужчину с игольником в руке.

— Я собираюсь тебя убить,— приветливо произнес мужчина.

Сара вздрогнула. «Так вот, значит, ты какой, трусливый сукин сын!» — подумала она. Без всяких сомнений именно это тело скрывалось за тем голосом, который не давал ей покоя.

Затем Сара медленно изменила положение и прикинулась, будто прикрывает срамные места, как бы стыдясь своей наготы; она подтянула к себе ноги, слегка изменила равновесие.

«Чертов свет все еще мигает,— подумала молодая женщина.— Впрочем, пусть мигает. Так мне легче свои движения скрывать. Теперь в любую секунду может завыть сирена».

— Не желаешь ли встать, блудница? Или я должен пристрелить тебя как собаку, пока ты там корчишься?

«Какие мы крутые»,— подумала Сара. Затем она поднесла трясущуюся руку ко рту и прикусила пальцы, не отрывая при этом круглых глаз от игольника.

— Пожалуйста...— невнятно прошептала она.

Сирена врубилась. Уильямс так подскочил, как будто его раскаленной кочергой ткнули, и секунду спустя Сара, точно ошпаренная кошка, уже до него добралась. Одна ее рука сломала аудитору нос, а другая сплющила его яйца в манную кашу. Уильямс дико заверещал и непроизвольно вскинул руки. Оттолкнувшись от него, Сара метнулась за игольником. Подобрав оружие, она нацелила его на врага, чудовищным усилием воли заставляя себя не стрелять.

— Раздевайся,— прорычала она.

Аудитор непонимающе на нее глазел, и Сара крикнула еще раз, делая шаг вперед. Трясущимися руками мокак снял ботинки, брюки и рубашку. Тут он помедлил, и круглыми от страха глазами взглянул на женщину. Сара молча указала ему на ноги. Мокак снял носки, после чего засунул большие пальцы под резинку трусов. Сара всадила иголку ему в ступню, и аудитор с визгом подскочил. Затем он скрючился, явно от сильной боли.

«Самое то,— злорадно подумала Джеймс.— Надеюсь, это тебя прикончит».

Она ткнула пальцем в аудитора, затем в пол. Он лег на спину. Сара недовольно подняла брови и покрутила пальцем, веля ему перевернуться, С явной неохотой мокак это сделал. Капитан-лейтенант подобрала его носки и села ему на плечи. Ухватив его правую руку, она как можно крепче завязала один конец носка на запястье. Затем она завязала другой конец носка на его левой лодыжке. Точно так же стянув левую руку и правую ногу мокака, она встала. Затем Сара немного за ним понаблюдала, вздрагивая, когда рев становился громче. По опыту она знала, что этот рев скоро затихнет.

Подобрав форму мокака, Сара в нее облачилась и подождала, пока рев прекратится.

Затем она сказала:

— Наслаждайся концертом. Он немного громкий, зато одно и то же по два раза никогда не гоняют.

Наконец Сара выскользнула в коридор. Там она воспользовалась игольником, чтобы вывести из строя запор. «Вообще-то я сомневаюсь, что он так скоро освободится,— подумала Джеймс.— Но лишняя страховочка тоже не помешает». Кроме того, ей очень хотелось, чтобы аудитор как можно дольше наслаждался собственной терапией.

Неслышно, как призрак, Сара на цыпочках стала красться по коридору, чувствуя себя слишком открытой, незащищенной... и задумываясь о том, сможет ли она когда-нибудь чувствовать себя

иначе. Затем где-то на отдалении действительно раздался крик. Сара замерла и прислушалась. Но крик не повторился. «Может, все-таки мои уши барахлят?» — мрачно подумала она. Облизнув сухие губы, молодая женщина выждала еще одну напряженную минуту. Затем с недовольной гримасой двинулась дальше. Такая удача не могла длиться вечно. Сара была удивлена тем, что ей навстречу до сих пор никто не попался. Бочком добравшись до конца коридора, она поглубже вдохнула через нос, затем через рот выдохнула. Наконец, прикусив губу, капитан-лейтенант сунула голову за поворот.

И оказалась лицом к лицу с Питером Редером.

Сара с воплем отскочила назад. Запутавшись в слабых от усталости ногах, она упала, но когда Питер выскочил из-за угла, ей уже удалось навести на него игольник.

— Это я! — сказал он, разводя руки в стороны.

Сара изумленно ахнула, а затем принялась хохотать. Остановиться никак не получалось. Она понимала, что бьется в истерике, но ничего не могла с этим поделать. Слезы ручьями бежали по ее щекам, а губы Сары пытались произнести фразу: «Если ты меня ударишь, я тебя пойму». Но прекратить хохот было просто выше ее сил.

Редер глядел на нее с определенно комическим выражением сочувствия на лице. Еще там были радость и облегчение. Вместо того, чтобы ударить ее и шоком вывести из истерического приступа, коммандер опустился на одно колено, приподнял Сару и стал баюкать у себя на руках, пока она не зарыдала.

Она гладил ей голову, без конца повторяя:

— Все хорошо, милая, все хорошо...

Когда Сара немного утихомирилась, Редер начал ей малопомалу все объяснять.

— На этом ржавом корыте,— сказал он,— нам еще надо коекакой ремонт проделать. Затем мы направимся прямиком к нашей базе, чтобы забрать снаряжение и наших пиратских друзей, а мокакскую станцию взорвем.

— Я хочу кнопку нажать,— сказала Сара и шмыгнула носом.

— Это право за вами, капитан-лейтенант,— пообещал Питер.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Кави и все четверо остальных членов ее семьи под охраной вошли на командный центр базы и нервозно оглядели довольно потрепанный комплекс. Там висел слабый запах чего-то едкого и паленого. Примерно такую вонь испускает работающий пульт, когда кто-то сажает в него разряд из игольника. Чувствовался там и более слабый запах крови; они старательно избегали смотреть на бурые пятна. С большинства пультов были сняты крышки, и техники предельно аккуратно размещали там маленькие пакетики.

— Ну вот,— сказал Редер, подходя к семье.— Мы здесь почти закончили, а ваш трюм, как я понимаю, полон.

Кави протянула ему руку, глаза ее сияли.

— Если мы будем осмотрительны, а мы непременно будем осмотрительны, Каттавасия сможет этот запас на целый год растянуть.— Радость в ней так и бурлила.

Трюм «Провинции Квебек» был набит баками с антиводородом. Всем а-вэ, что ожидал их в трюме истребителя в обмен на товар, и всем, что недавно был передано на базу.

Редер покачал головой.

— Постарайтесь, чтобы я об этом не пожалел,— сказал он.— Мы вам доверяем.

— Выиграйте эту войну за год,— серьезно сказала Кави,— и я гарантирую, что Каттавасия вас не разочарует.

Редер открыл было рот, чтобы заговорить, но молодая женщина его перебила.

— Вот, возьмите,— сказала она.— Здесь имя нашего связника, того, кто всю эту сделку организовал. Мы так прикидывали, что это какой-то мокакский завод, но были в таком отчаянии, что особо не задумывались.— Кави сжала губы, а затем покачала головой.— Я не могу говорить за всю Каттавасию, коммандер.— Она посмотрела ему в глаза.— Но если речь обо мне и моей семье, то «Квебек» с контрабандой закончил. И мы окажем Содружеству все содействие, какое только сможем. Это я вам обещаю.

— Благодарю вас, капитан. Большего нам и просить нечего.— Редер отдал ей честь, и Кави ему ответила, явно чувствуя себя при этом по-дурацки.— А теперь вам пора в дорогу.

— Коммандер,— Кави подалась к нему ближе,— что вы им про нас расскажете?

— Расскажу, что вы были одним из пиратских судов, которые мы использовали, и что в суматохе вы сбежали. Это судно под милым названием «Стервятник» мы рассчитываем в самое ближайшее время захватить.— Питер улыбнулся.— Очень надеюсь, что вы никогда с ним не столкнетесь. Команда там не дай Боже.

— Спасибо,— сказала Кави. Глаза их на секунду встретились, полные всяких «быть может», затем молодая женщина улыбнулась.— Всего хорошего,— попрощалась она и пошла на выход.

Стас удостоил Редера торжественного кивка и последовал за своей ясноглазой молодежью, которой явно не терпелось отправиться домой. Подростки, судя по всему, опасались, что их тут же на месте завербуют. Считанные секунды спустя семья покинула командный центр.

Редер вздохнул. А затем понял, что кто-то тихо стоит у него под боком.

Там была Маннинг. Задумчиво упирая язык в щеку, она слегка покачивала лечебной повязкой, под которой почти скрывалась ее раненая рука. Со времени гибели своего напарника десантница

держалась подавленно, однако со времени штурма капитанского мостика истребителя даже подавленная Пегги Маннинг была полна озорства.

— Я сфальсифицировала документы базы, чтобы все выглядело так, будто они ожидали поставки, но она была отложена. Согласно новым данным, антиводорода у нас осталось как раз на то, чтобы ее взорвать.

— Замечательно,— лучась улыбкой, откликнулся Редер.

Маннинг покачала головой.

— Правда все равно просочится, сэр. В деле было слишком много людей; нам не удастся это скрыть.

— Ничего,— сказал Питер, тряся у нее перед носом дискетой.— Эти сведения нас выручат.

Она подступила еще ближе и понизила голос.

— Сэр, при всем к вам уважении, Скарагоглу на это не купится.— Пегги улыбнулась, но ее темные глаза излучали серьезность и даже, пожалуй, легкий испуг.

Коммандер кивнул. Ее тревога была вполне обоснованна. «Обоснованна, черт возьми,— подумал Питер.— Они там далеко не душевнобольные, а все в этом деле может диким безумием показаться».

— Я ему правду скажу,— заявил он.

Маннинг удивленно заморгала.

— Это уже оригинально.

— Проклятье, а что мы, собственно говоря, такого сделали? Мы удержали целую планету от того, чтобы в полном отчаянии перейти на сторону врага. По меньшей мере на год. Да, черт возьми, Космическому Отряду тот а-вэ точно бы пригодился. Но для чего? Для того, чтобы своих же собратьев усмирять?

— Генералу это не понравится,— уверенно заключила Маннинг.

— Черт, да мне и самому это не нравится,— отозвался Редер.— Но, по крайней мере, нам какое-то время не придется о Каттавасии беспокоиться. Они знают, что нет будущего в том, чтобы якшаться с мокаками. Можете вы представить себе планету, более подходящую для чистки ее этими фанатиками? Но Кави была права. Когда у вас кончается воздух, вы поневоле делаете что-нибудь, чтобы его раздобыть. Возможно, это сподвигнет Содружество на то, чтобы реально помочь колониям. Иначе мы и впрямь эту войну проиграем.

Маннинг отступила на шаг и браво отдала коммандеру честь, а он так же браво ей ответил.

— Удачи, сэр,— не слишком уверенно пожелала десантница.

«Бедная Пегги,— подумал Питер, глядя, как она уходит.— Надеюсь, скоро она себе другого Кушнера найдет».— Без своего высоченного закадычного дружка Маннинг словно бы чего-то недоставало.

Редер взглянул на Сару Джеймс, которая сидела перед отведенным ей пультом. Ее карие глаза ни на секунду ни отрывались от изображенной на экране базы. Затем Сара слегка сдвинулась, и Редер вздрогнул, когда свет отразился от ее бритой головы.

— Зачем вы это сделали? — спросил он перед этим капитана Холмса.— Зачем вы ее побрили? — Это казалось так мелко и подло.

— Аудитор хотел прикрепить к ее скальпу электроды, чтобы следить за ее мозговыми волнами.— Мокак пожал плечами.— И еще он сказал, что это собьет ее с толку, что тогда она не сможет понять, как долго она у нас. Кажется, он считал, что это очень важно. Допросы не моя специальность, коммандер. Я не видел причин для возражения, а потому позволил ему действовать.

— Вы приказали своим людям изнасиловать капитан-лейтенанта? — ледяным тоном осведомился Редер.

— Что? — Мокак явно пришел в ужас.

— По-моему, это известная техника допроса.

Холмс в бешенстве оцепенел и наверняка встал бы со стула, не будь на него наведено оружие.

— Если вы воображаете, что я позволил бы своим людям осквернить себя контактом с такой... с такой...— Капитан беспомощно махнул рукой, и на лице у него застыла маска отвращения. Редер не смог этому не поверить и впервые в жизни испытал благодарность к мокакам за их надежно подавленную сексуальность.

И все же они нанесли Саре немалый вред. Она успешно выправлялась, но была неуверенна и нервозна. Редер подумал, что приди он тогда слишком поздно, он бы никогда себе этого не простил.

— Достигнута оптимальная дистанция, сэр,— нараспев произнес один из техников.

— Стоп машина,— сказал Редер.

— Есть стоп машина,— откликнулся рулевой.

Подняв голову, Сара встретила взгляд Редера.

— Огонь по готовности,— почти нежно сказал он ей.

— Есть огонь по готовности,— откликнулась Сара, снова переводя взгляд на ни в чем не повинную массу металла и пластика на экране. На том самом корабле, где она сейчас находилась, ее пытали, а на базу «Чистая Вера» она даже ни разу не ступала. Но почему-то вся ее злость и ненависть, все ее возмущение теперь изливались на эту жалкую захолустную базу.

Сара перевела дыхание и нажала на кнопку.

Первый заряд разнес часть станции, и техник рядом с пультом негромко изобразил звук взрыва. Сара рассмеялась. Следующий заряд сподвиг техника на более громкую имитацию. Заряд за зарядом делали свое дело, и к тому времени, как база стала окончательно разлетаться на куски, все на капитанском мостике уже вносили свой вклад, предлагая собственные версии взрывов, а Сара аплодировала их попыткам и так смеялась, что слезы текли у нее по щекам.

Затем наступила внезапная тишина, и Сара собралась с силами, чтобы сдавленным голосом произнести:

— Станция уничтожена, сэр.

— Благодарю вас, капитан-лейтенант,— сказал Редер и нервно сглотнул.— Вот и хорошо. Теперь давайте закроем нашу базу и соберем пленных. Пора к дому подаваться.

Шон Ву захлопнул крышку бакена и тяжко вздохнул. Небольшой сторожевой корабль, на котором он служил, уже шесть недель здесь находился. Они чинили бакены, обслуживали бакены, заменяли бакены. Бакены, бакены, бакены... до потери пульса.

Эти бакены Шона уже достали. Так достали, что он начинал прикидывать, не придется ли ему из-за всей это тягомотины к медицинской помощи прибегнуть. «Пожалуй,— подумал он,— мне бы уже сейчас медицинская помощь не помешала».

Очевидный факт заключался в том, что даже за этой практически неиспользуемой прыжковой точкой кто-то должен был наблюдать. «Но почему именно я? — поинтересовался у армейских богов Шон.— Почему меня не могли поставить туда, где есть, за чем наблюдать?»

— Ву? Вам лучше вернуться на судно. Прыжковая точка активируется, и кто-то проходит.

— Вас понял. Уже иду,— спокойно откликнулся Шон. А в голове у него так и стучало: «Боги! Боги! Ну почему я? Почему именно я в такое время снаружи?» Затем он в темпе забрался на свою тележку и устремился к сторожевому кораблю.

Не было никаких оснований полагать, что пребывание рядом с прыжковой точкой, когда кто-то туда проходит, может подвергнуть какому-то неблагоприятному воздействию того, кто случайно оказался в открытом космосе, облаченный всего лишь в скафандр. Но с другой стороны, число людей, застигнутых такой ситуацией, было пока еще пренебрежительно малым.

Шон не испытывал ни малейшего желания становиться предметом интересной сноски в исследовании какого-то будущего космобиолога. «Со всеми, с кем это до сих пор приключалось,— лихорадочно думал он,— все было в порядке. Если не считать Шона Ву, физиономия у которого сейчас где-то по центру груди, а задница из сверхизолирующего материала сделана».

Отбарабанив впускной код, Ву стал тревожно ожидать, пока шлюз пройдет свой цикл. И тут из прыжковой точки вышел корабль.

— Мать моя женщина! — вырвалось у Шона.— Это же мокакский истребитель!

Редер в ужасе глядел на «Непобедимый». Гладкая обшивка авианосца была чудовищно покорежена, а в борту зияла громадная дыра. «От такого зрелища и взрослый может заплакать»,—

подумал он. И все же корабль был красив — даже столь трагическим образом искалеченный. Редер с трудом сглотнул, стараясь не думать о Саре Джеймс.

Коммандер был страшно зол, когда летел обратно на истребителе, который он переименовал в «Перекованный». Он собирался скандалить и ругаться на чем свет стоит из-за то, что их бросили без поддержки. Но теперь Редер был слишком потрясен, чтобы испытывать что-то еще, кроме скорби по погибшим товарищам и тому страшному повреждению, которому подвергся «Непобедимый».

— С благополучным возвращением, коммандер.

Редер резко развернулся и вскинул руку, отдавая честь капитану.

Каверс откозырял ему в ответ и подошел, чтобы встать рядом у монитора.

— Как же вы его домой привели, сэр? — с трепетом спросил Редер.

— Хромали немного,— кратко ответил Каверс и повернулся к Редеру.— Когда мы наконец вернулись, я попытался добиться, чтобы за вами кого-то послали.— Он покачал головой.— Сами знаете, как это обычно бывает. Хотя должен признать, что здесь действительно не было никого, кто смог бы всех вас оттуда забрать.— Капитан рассмеялся.— А кроме того, когда мы вернулись, вы уже сами прекрасно себя спасали.

Редер улыбнулся. Он уже знал о том, что «Непобедимый» пробыл на базе «Онтарио» всего шестнадцать с небольшим часов, когда он доставил туда «Перекованный».

— Что было очень кстати,— продолжил Каверс, и взгляд его вдруг сделался жестким.— Потому что я сомневаюсь, что ваш покровитель вообще какую-то помощь бы вам оказал.— Он поднял руку, когда Редер открыл рот, чтобы заговорить.— Я хотел вас на его счет предупредить, но было уже слишком поздно.

— Ценю это, капитан. Но что мне еще было делать? — Редер развел руками.

— Да. Я знаю, что отступать вам было некуда.— Каверс покачал головой.— Хотя, может статься, та славная тихая канцелярия на Земле оказалась бы не такой уж и скверной. И вечно это бы, скорее всего, не продлилось.— С грустной улыбкой он опять покачал головой.— Впрочем, так, вероятно, только могло показаться.

Редер ухмыльнулся и кивнул в знак согласия.

— Боюсь, что так, сэр.

— И все-таки порой не мешает следить за своими тылами, коммандер.

— Так точно, сэр.

Они еще немного постояли в компанейском молчании, глядя, как «Непобедимый» обхаживают множество всевозможных рабочих.

— Ну что ж,— наконец сказал Каверс,— на сей раз у наших людей по крайней мере окажется порядочный отпуск. Когда

старая дева в таком положении, нас уже точно никуда не погонят.— Упомянув об этом, капитан сузил глаза, и Редер понял, что Старик прекрасно сознает, какая отчаянная битва ему теперь предстоит за сохранение первоначальной команды.— Нас, коммандер, но, пожалуй, не вас,— продолжил Каверс, бросая косой взгляд на Редера.— Десантный генерал, надо думать, уже вовсю для вас самые разные экскурсии планирует.

— Так точно, сэр,— согласился Редер.

— Вы ведь знаете, какая бывает награда за славную работу, не так ли?

— Еще работа, сэр?

— Вот вы уже и учитесь, сынок.

Скарагоглу хлопнул ладонью по столешнице, и на экране появилась следующая страница. Генерал с колоссальным вниманием и достойной восхищения скоростью ее прочел. Затем еще раз хлопнул ладонью, и еще, и еще.

«Зачем мне вообще-то здесь торчать, пока он всю эту чертовщину читает? — задумался Редер, все больше нервничая по мере того, как тишина затягивалась.— Надо полагать, Паук рассчитывает, что когда он закончит, я уже так издергаюсь, что из меня можно будет очередную паутину сплести»,— ответил он сам себе.

Наконец Скарагоглу закончил. И поднял взгляд на Редера. Лицо его ничего не выдавало.

Редер смотрел на него в ответ, лицо его было в равной мере бесстрастным.

Капитан Сьярхир, занимавший свою обычную позицию на стуле у стены, медленно провел пальцем по верхней губе, задумываясь о том, сколько это еще должно продолжаться. Разумеется, десантный генерал прочел рапорт Редера еще до прибытия коммандера. И у него возникли вопросы. Но сперва должен был совершиться этот ритуал.

Редер тихо сидел на стуле. Он не ерзал, не предпринимал никаких попыток нарушить тишину. Исходя из личного дела коммандера и из особенностей его характера, можно было сделать вывод о том, что он катастрофически в чем-то виновен.

— Ваш рапорт весьма полон,— наконец произнес Скарагоглу.

— Благодарю вас, сэр,— откликнулся Редер.

Десантный генерал подался вперед, складывая руки перед собой. Затем он одарил Редера теплой улыбкой.

— Столь полон, что там есть масса ответов на вопросы, которых я и не думал задавать,— шелковым голосом проговорил Скарагоглу.— У вас, коммандер, есть для этого объяснение?

Питер перевел дыхание, и Сьярхир выпрямился на стуле. Скарагоглу вопросительно поднял бровь.

— Так точно, сэр. В обмен на содействие мы организовали доставку конфискованного у мокаков антиводорода в количестве годового запаса на планету Каттавасия.

Десантный генерал какое-то время просто на него смотрел.

— Стало быть, это все же урезанная версия?

— Так точно, сэр.

Скарагоглу поднял руку ко лбу, откинулся на спинку стула, взглянул на коммандера, на Сьярхира, куда-то вдаль, затем снова на коммандера.

— Позвольте, я уточню,— наконец проговорил он, подаваясь вперед.— Итак, вы по собственной инициативе отдали планетарного объема запас антиводорода, причем годовой запас?

— Так точно, сэр.

— Вы слишком много на себя взяли, коммандер.

— Я сознаю это, сэр. Но я увидел реальную опасность того, что Каттавасия может перейти на сторону мокаков. А одни только заводы Каттавасии представляют собой жизненно важный фактор военных усилий. Поэтому когда я увидел возможность предотвратить их дезертирство без каких-либо реальных издержек для Содружества, я поступил именно так, как вы, сэр, не сомневаюсь, от меня бы и ожидали.

— Нет-нет, коммандер, прошу вас не списывать на меня ваши поступки,— решительно возразил Скарагоглу.— Что же до того, что ваш шаг не стоил Содружеству никаких реальных издержек, то вы отдали годовой запас антиводорода. Я бы назвал это очень серьезными издержками.

— Никак нет, сэр, если таким образом от нашей спины убирают нож.

Скарагоглу осел в кресле.

— Это проверка, коммандер? — задушевно осведомился он.

— Только в том же самом смысле, сэр, в каком вы проверяли меня,— невозмутимо ответил Редер.

— Ха! — Десантный генерал хлопнул здоровенной ладонью по столу.— Так вы все-таки знали про Молочко! — Он взглянул на Сьярхира.— Я же говорил вам, что он разберется.

Редер повернулся и озадаченно посмотрел на Сьярхира.

Капитан понаблюдал за тем, как лицо коммандера проясняется, пока осознание до него доходило, и почти пожалел Редера. Он мог припомнить массу подобных осознаний в своем прошлом.

Питер медленно повернулся обратно к генералу.

— Полагаю, вы долго припасали этот взгляд, ожидая возможности меня им наградить. Что ж, мой мальчик, можете и дальше его поберечь. Я должен был знать, способны вы постоять за своих людей или нет. Вы, пилоты, замкнутая группка, а вам предстояло командовать людьми всех типов и званий. Я должен был знать, есть ли у вас те качества, которые требуются, чтобы постоять за человека не вашего уровня. И скажу вам откровенно — не всту-

пись вы за того парнишку, вы бы сейчас на Земле за канцелярским столом сидели.

— Он мог погибнуть, сэр.— Редер мучительно старался говорить ровным голосом и сохранять на лице невозмутимость.— Это представляется ненужным риском.

— Уверяю вас, это было не так, коммандер. Он никоим образом погибнуть не мог. Условия очень тщательно контролировались. Мистер Молочко подлинный мастер своего дела, и я целиком ему доверяю, а такое я очень мало о ком могу сказать. Именно поэтому я выбрал его для вашего обучения. Тому парнишке ничто реально не угрожало.— Скарагоглу сложил руки на животе.— Но оцените опасность, которой могли бы подвергнуться ваши люди, не будь вы готовы за них постоять. Оцените опасность, в которой могла бы оказаться капитан-лейтенант Джеймс, не пожелай вы пойти ради нее на серьезный риск.

Питер просто взглянул на него в ответ.

— Так уж получается коммандер, что, надо полагать, исключительно благодаря удаче, которую я предупреждал вас не испытывать, вы встретили по данному вопросу мое одобрение. Невзгоды колоний — растущая проблема. К которой вы в данном случае вполне удовлетворительно обратились.— Скарагоглу благосклонно улыбнулся коммандеру.— Вы проделали славную работу, и Космический Отряд видит вас в своих передних рядах. Наслаждайтесь этим, пока есть возможность.— Тут десантный генерал одарил Редера зловещей усмешкой.— Вы ведь знаете, какая обычно бывает награда за славную работу, не так ли?

— Еще работа, сэр.

— Вот вы уже и учитесь, мой мальчик.

НЕЗАВИСИМЫЙ ОТРЯД

ПРОЛОГ

Уд-фрай вошел в высочайшее королевское присутствие с диким ужасом в душе и настоящим барабанным боем в грудной клетке. Подобно всем королевам, Мигерис была по меньшей мере вдвое его крупнее. Один аккуратный взмах ее педипальпы запросто мог отделить его голову от туловища, а учитывая нрав ее величества, это представлялось самым вероятным исходом каждой подобной аудиенции. В результате униженный страх, инстинктивный для любой особи мужского пола у повиан, становился по мере приближения к самой могущественной самке его клана еще сильнее.

Со временем Уд-фрай волей-неволей выучился не обращать внимания на свои чувства. Однако аудиенция столь приватная, как эта, предоставленная самцу столь незначительному, как он, усиливала страх третьего министра почти до степени пытки.

И все же никаких признаков заметного смятения Уд-фрай не проявлял. Двигался он с торжественным достоинством, держа свои педипальпы в положении безмерно почтительного подобострастия.

Мигерис словно бы не замечала присутствия третьего министра, лениво поглаживая подвешенный к потолку шелковый сверток, в котором что-то лихорадочно корчилось. По запаху королевы Уд-фрай ясно чувствовал, что она не голодна. А вот связанная добыча, что отчаянно мяукала в шелковом свертке, явно этого не сознавала. Мигерис любовно гладила сверток, заставляя его вращаться.

Приближаясь к королеве, Уд-фрай вдруг почувствовал, как страстное желание растет в нем, добавляя собственные обертоны к царящему внутри него смятению.

«Как же она прекрасна»,— подумал третий министр, когда мощные королевские феромоны стали оказывать на него свое воздействие.

Причем отнюдь не просто влияние запаха заставляло Уд-фрая находить Мигерис столь восхитительной. По повианским стандартам молодая королева и впрямь была необыкновенно прелестна. Изысканная форма ее головы, посаженной на поразительно длинную и грациозную шейку, смутные затенения поблескиваю-

щего красновато-коричневого тельца, длинные стройные лапки, чарующее расположение восьми ее глаз — в особенности верхней передней пары, «врат души», как называли эту пару поэты,— все это являло собой поистине завораживающее зрелище.

Теперь Уд-фрай нашел бы для себя крайне затруднительным удалиться из высочайшего присутствия, даже если бы ему угрожала смертельная опасность.

«Она меня хочет»,— с пробуждающимся восторгом понял третий министр и безмерно этому удивился. Ибо он знал, что Мигерис прекрасно обучена ее матерью-королевой сохранять полный контроль над вызывающими страсть секрециями. Выпуск этих конкретных феромонов означал дозволение приблизиться к королеве и удостоиться одной из самых высших почестей, на какие вообще мог рассчитывать повианин.

Сама по себе привилегия совокупиться с самкой столь прекрасной и безупречной уже безумно вдохновляла самца. Но вложить свое семя в королеву! Разумеется, у Уд-фрая имелись кое-какие планы и надежды, но в данных обстоятельствах у Мигерис не было никаких оснований их предчувствовать, а уж тем более с ними считаться. Даже по его собственной, несколько завышенной самооценке такой чести третий министр не заслуживал.

И все же... все же, согласно его безошибочной реакции, королева намеренно его возбуждала.

Уд-фрай отчаянно старался сохранять бесстрастный вид — даже когда запах Мигерис заставил его горловой мешочек разбухнуть от спермы. Он что было сил боролся, сопротивляясь побуждению погладить ее стройное тельце и обернуть шелком ее нежные конечности.

Остановившись на почтительном расстоянии от королевы, Уд-фрай смиренно опустил головогрудь.

После еще нескольких оборотов свертка с добычей Мигерис обратила на него сияющие глаза.

— Слушаю вас,— произнесла она голосом одновременно певучим и безразличным.

Уд-фрай приподнялся в позу беседы.

— Операция уже началась, моя королева,— начал он, со страхом и горечью отмечая похотливый тон своего голоса.

Хелицеры королевы застыли в положении радостного интереса.

— Наши силы уже...— продолжил третий министр, но затем беспомощно умолк. Он отчаянно пытался сосредоточиться и передать свое донесение с подобающим достоинством.

— Подойдите ближе,— промурлыкала Мигерис.— Так мне будет лучше вас слышно.

Уд-фрай приблизился, донельзя смущенный свистящим дыханием королевы. Впрочем, подавленность тут же ускользнула точно иллюзия. Не дожидаясь дозволения, третий министр потянулся и погладил нежную внутренность одной из лапок ее величества.

Мигерис испустила довольный вздох.

— Ближе,— прошептала она.

Ловко подпрыгнув, Уд-фрай вскочил королеве на спинку, всеми своими конечностями гладя ее брюшко. Все мысли о сдержанности были забыты, пока прядильный орган третьего министра выпускал шелковые нити, притягивая его к королеве.

— Смелее,— проворковала Мигерис и повалилась набок, давая самцу более свободный доступ к ее крупному телу.

Недоверие побуждало третьего министра к осторожности, и он медленно приподнялся над королевой, словно стараясь ее не спугнуть. С предельной аккуратностью Уд-фрай погладил нежный низ брюшка ее величества, приближаясь к пленительным волоскам вокруг ее генитального отверстия, как раз за последней парой лапок. Мигерис зашипела от удовольствия, и, ободренный этим шипением, третий министр стал развивать успех. Самыми кончиками когтистой клешни он обвел запретное, но столь желанное отверстие. Затем Уд-фрай отважно протянул лапку и погрузил кончик одного когтя в нежную плоть королевских гениталий.

Лапки Мигерис беспомощно задергались, а затем стали гладить самцу спинку, пока она поощряла его бессловесным мурлыканьем. Уд-фрай продолжал гладить ее и щекотать, собирая капельку спермы в своем хелицере. Королева полностью раскрылась, и третий министр наклонился вперед, опьяненный ее ароматом.

А в следующее мгновение Уд-фрай со страшной силой ударился о стену. На какой-то момент ему показалось, что его хитин треснул. Королева уже стояла над ним, мощными клешнями сжимая хрупкую шейку самца.

— Весьма амбициозно! — осклабилась Мигерис, хотя ее хелицеры по-прежнему демонстрировали радостное наслаждение.— Но до сих пор вы не сделали ничего такого, чтобы удостоиться подобной чести, не так ли, третий министр?

— Я... я нижайше извиняюсь за оскорбление вашего величества,— с запинкой произнес Уд-фрай.— Я неверно вас понял.

— Да, третий министр, вы действительно неверно меня поняли.— Королева выпрямилась, поднимая меньшего по размеру самца за шейку.— Вас пригласили сюда, чтобы доставить мне удовольствие. И вы мне его доставили, правду сказать, самую малость, прежде чем позариться на то, чего вам больше всего хотелось. Так?

— Я вел себя глупо, ваше величество, и искренне сожалею о том, что так непристойно вас оскорбил.

— Ты не просто оскорбил меня, жалкий червь.— Мигерис презрительно бросила самца на пол.— Все гораздо хуже. Ты меня разочаровал.

Королева несколько раз хлестнула своего подданного хвостом. Каждый удар оставлял широкую полоску кислоты на его хитине. Такое унижение было хуже боли.

— А теперь вон отсюда,— бросила она Уд-фраю, поворачиваясь к него спинкой.— Пока ваш хитин не восстановится, видеть вас не желаю.

Третий министр торопливо выскользнул из залы. Струйки дыма поднимались от продолговатых дыр в его панцире. Пройдут месяцы, прежде чем его снова допустят в высочайшее королевское присутствие. А ведь свое донесение он так и не передал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Коммандер Питер Эрнст Редер сосредоточенно разглядывал мелькающую за окном панораму. Вытянув длинные ноги и скрестив их в лодыжках, он потягивал идеально охлажденное шампанское.

Магнитно-левитационный поезд, пассажиром которого коммандер в данный момент пребывал, являлся гвоздем всего путешествия по планете Наобум — самой восхитительной поездки, какая когда-либо выпадала на его долю. Доплата за купе первого класса вполне стоила всех тех денег. Широкие, предельно удобные сиденья, достаточно места, чтобы вытянуть ноги, огромные окна, а компания... тут Редер взглянул на капитан-лейтенанта Сару Джеймс и заметил, что она поглядывает на него, а вовсе не на те роскошные горы, мимо которых они проносились.

Питер улыбнулся, Сара улыбнулась; теплое и пушистое, до идиотства радостное счастье буквально переполнило воздух. В настоящий момент Редер просто неспособен был беспокоиться ни о чем, кроме того, что стояло между ним и Сарой Джеймс — между его смуглым лицом и ее рыжевато-коричневыми волосами, ее чуть припухшими губами...

Чокнувшись бокалами, они одарили друг друга заговорщическими улыбками влюбленных. Роскошные просторы лесов, гор и лугов Наобума казались прискорбно бледными рядом с теми бесконечными горизонтами, которые они видели друг у друга в глазах. Запах сосен и весенних цветов проходил незамеченным.

Внезапно Питер рассмеялся.

— Что такое? — спросила Сара.

— Да так, ничего.— Он обвел своим бокалом все окружающее, а напоследок указал на нее.— Просто отключение слишком уж резкое.

Сара одарила его улыбкой, но в ее взгляде скользило непонимание.

— Отключение от чего? — Глаза ее добавили проблеск мысли: «От нас самих?»

— Я сейчас не под подозрением, не сижу в тюрьме, и трибунал меня не ожидает.— Он подался к ней поближе.— И я не одинок.— Губы Сары слегка дернулись в знак согласия.— По сути,— продолжил Питер, опять подаваясь назад,— все идет просто как по мас...

И в этот самый миг раздался мучительный, нечеловеческий скрежет металла, с чудовищной силой скребущего о металл. Потрясенных Сару и Редера стало швырять по купе точно кости в ладонях у азартного игрока. Стон рвущейся стали терзал их уши — такой громкий, что Редер не слышал собственный голос, снова и снова выкрикивая имя Сары...

«Ну вот, все возвращается в норму,— подумал он.— Все опять ко всем чертям полетело. А я-то было решил, что боги над нами смилостивились».

Воспоминания развернулись у Питера в голове. Он лишь надеялся, что это не то озарение в конце жизни, о котором так часто рассказывают; во всяком случае, там была не вся его жизнь. Лишь самое начало того последнего раза, когда он отправился на поверхность планеты...

Покрепче ухватившись за ручку дорожной сумки, Редер сделал свой подбородок еще квадратнее. Затем он выбрался из крошечного челнока, чтобы оказаться в зоне приземления столь миниатюрной, что ее и зоной-то сложно было назвать. Просто керметный кружок, достаточно широкий, чтобы там разместился челнок и несколько антенн. Пройдя к сторожевой кабинке, где на вахте стоял солдат, Питер вручил ему свое удостоверение и приглашение доктора Пьянки. Солдат молча отсалютовал коммандеру, после чего взял документы и начал вводить запрос.

Перелет от базы «Маргарита», расположенной на единственном спутнике планеты Наобум, до лагеря «Стикс», лечебно-оздоровительного центра Космического Отряда, обустроенного на самом Наобуме, вышел кратким и бедным на события. Редер так заскучал, что приветствовал бы любую задержку по дороге, но все колесики вращались как полагается — и в невероятно срочном порядке он уже оказался здесь. Хорошо хоть, что на «Непобедимом» коммандеру в данное время было совершенно нечего делать — и ему вполне откровенно дали об этом понять.

Охранник в сторожевой кабинке вернул Питеру его документы, еще раз отдал честь — и Редер наконец-то вышел на открытое пространство. Во влажном, теплом воздухе висел аромат цветов и пряностей; дышать им было одно удовольствие.

Питер внимательно огляделся. Лагерь был разбит в зеленой долине меж скалистых гор с заснеженными верхушками под кристально-голубым небом. В небе этом так и мелькали крылья. Большинство из этих крыльев были, однако, слишком далеко, чтобы разглядеть, что они покрыты вовсе не пухом и перьями, а кожистыми чешуйками. И еще там висела аура безмятежности. Изысканные невысокие здания щеголяли большими окнами и вставками роскошной природной древесины на фоне белоснежной штукатурки. Каждый комплекс больничных палат имел свой

собственный фонтан и ярко украшенный цветочными клумбами дворик. Подножия холмов по ту сторону лагеря изобиловали тропической растительностью; большинство деревьев представляли собой разновидности гигантских бромелиевых, и цвета варьировались от такого темно-зеленого, что он казался почти черным, до ярко-розового, густо-красного, коричневато-оранжевого. Попадалась там и славная зелень старушки Земли. За зданиями, едва заметный меж двух низких зеленых холмов, также виднелся намек на озерцо, питаемое водопадом, что сверкающим белым каскадом прыгал с камня на камень по высокому узкому утесу.

Словно бы сопротивляясь необыкновенному очарованию этого места, смутное беспокойство шевелилось в душе у Редера, то и дело напоминая ему о тех обязанностях, которые он оставил на тяжело поврежденном «Непобедимом». «Брось ты в конце концов,— мысленно приказал себе коммандер.— Главная палуба по-прежнему в надежных руках». Но что он мог поделать со своим беспокойством по поводу этого визита?

Регина Пьянка, лечащий врач Сары Джеймс, позвонила ему и предложила навестить ее пациентку.

— Она говорит, что очень скучает по вашим спаррингам,— с улыбкой объяснила докторша.

«Физическим или словесным?» — задумался Редер.

От одной лишь перспективы навестить лагерь «Стикс», широко известный среди военных как лагерь «Склеим Тебя Из Кусочков, Солдат», у коммандера уже мурашки по спине побежали.

«Я сам в одном из таких мест слишком долго восстанавливался»,— подумал он.

Что было истинной правдой, но в данном случае каких-то разумных оснований его тревога под собой не имела. Редеру вовсе не предстояло навестить Сару в палате для обожженных, сплошь покрытую розовым регенерационным снадобьем. Ему также не грозила перспектива увидеться с ней на отделении реконструкции и с болью в сердце наблюдать за тем, как она силится овладеть новой электронной конечностью. Нет, он должен был навестить ее на отделении психиатрии.

«Хотя,— подумал Питер,— может статься, именно это меня и пугает». Докторша не стала вдаваться в детали и описывать состояние Сары. Однако сам факт такого приглашения показался Редеру зловещим.

Отбывая в лагерь «Стикс», Сара уже на одной только силе воли держалась. Она не так уж надолго угодила в лапы к мокакам, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы ее там подвергли пыткам.

Редер вспомнил последний раз, когда он видел Сару — она ему улыбалась, голос ее был ровным, а рука ничуть не дрожала, пока она отдавала честь капитану Каверсу. Но глаза молодой женщины, широкие, потрясенные и дикие, рассказывали совсем другую историю. А потому Питер даже порадовался, что политикой Косми-

ческого Отряда было направлять каждого, прошедшего мокакский плен, на психологическую оценку. Именно так это называлось.

Редер предвкушал встречу с Сарой — и в то же время боялся этой встречи.

Доктор Пьянка рассказала ему, что они переоборудовали лагерь «Стикс» из совершенно уникального курорта.

— Нет смысла держать его открытым, пока действуют ограничения военного времени при передвижении с места на место,— объяснила она тогда.— Природа здесь просто превосходная, удивительно целебная для пациентов, и Содружество платит владельцам курорта очень щедрую ренту.

Редер заметил, что все здания в лагере были расположены так, что заглянуть в чужие окна оказывалось очень сложно, если вообще возможно.

«Ладно, оставим богатеям себе уединение обеспечивать»,— подумал он.

— Коммандер Редер?

Обернувшись, Питер обнаружил позади молодого медика.

— Жерар Буржуин,— сказал медик и протянул коммандеру руку.— Добро пожаловать в лагерь «Стикс».

«Штатский»,— подумал коммандер.

— А где доктор Пьянка? — спросил Питер, пожимая Буржуину руку.

— К сожалению, ее задержали чрезвычайные обстоятельства, коммандер. Позвольте, я покажу вам вашу комнату, а затем, если вы не против, устрою вам небольшую экскурсию.

Редер силился представить себе природу тех чрезвычайных обстоятельств, какие могли возникнуть у психиатра.

— Когда я смогу увидеться с капитан-лейтенантом Джеймс? — спросил он.

— Все дело в том, что доктор Пьянка желала бы проинструктировать вас, прежде чем вы увидитесь с пациенткой,— с улыбкой сказал Буржуин.

Лицо Редера застыло.

— А что, есть проблемы?

— Нет-нет, коммандер. Мне следовало бы сказать не «проинструктировать», а лишь «расспросить вас», сэр. А затем, когда вы пообщаетесь с капитан-лейтенантом, доктор снова захочет вас расспросить. Это стандартная процедура, уверяю вас, ничего больше.

Редер посмотрел ему прямо в глаза. А затем улыбнулся и кивнул.

— Если вы будете так добры показать мне мою комнату,— любезно сказал он,— я просто распакуюсь, а потом, пожалуй, немного здесь погуляю. Затем я вернусь в свою комнату и посмотрю, не оставили ли вы для меня какое-нибудь сообщение. Как вам такой вариант?

Буржуин заколебался.

— Очень хорошо, коммандер, вполне приемлемо. Я только хотел бы предупредить вас, что доктору Пьянке весьма желательно с вами переговорить, прежде чем вы увидитесь с пациенткой.

— Буду иметь в виду,— буркнул Редер.

Сара мучилась от тоски, не находила себе места и уже начинала всерьез дергаться.

Она прошла через жуткое испытание, стыдилась того, что ее поймали, взяли в плен и пытали, а потому у нее были нешуточные проблемы с самоконтролем. Но она выговорила все это перед докторшей, осмыслила данный ей Пьянкой совет и попыталась применить его к своему поведению.

Тем не менее, очевидным фактом оставалось то, что Саре отчаянно требовалось вернуться к своей работе. Инстинкт подсказывал ей, что теперь только время способно ей помочь, а полезная работа помогла бы этому времени пройти более конструктивно.

«Если бы я только смогла убедить в этом Пьянку»,— мрачно подумала Сара. Выключив музыку, часть своей терапии, она встала с кушетки. «Пожалуй, надо бы по округе подвигаться»,— решила она. Тогда Сара переобулась в спортивные тапочки и вышла пробежаться трусцой.

Труся по ухоженным тропкам лагеря «Стикс», молодая женщина вдруг поняла, что отрывки музыки, прописанной ей доктором, мелькают у нее в голове, и она невольно гудит себе под нос. Приятное тепло солнца, нежный ток воздуха, что обдувал ей лицо, быстрый бег ее крови — все это складывалось в чудесные ощущения. Понимая, как же она счастлива просто от того, что жива, Сара улыбнулась. «Если ты счастлива и это осознаешь, хлопни в ладоши»,— подумала она и рассмеялась.

А затем остановилась и нервно огляделась, прикидываясь, что проверяет пульс. «Смех без причины, черт побери,— подумала она.— Интересно, что моя старушка по этому поводу скажет?»

— Сара!

Резко развернувшись, молодая женщина с разинутым ртом уставилась на коммандера Питера Редера.

— Питер? — не веря своим глазам, спросила она.

— Капитан-лейтенант? — осведомился он с кривоватой улыбкой.

— Значит, вас наконец-то сюда упекли,— рассмеялась Сара, протягивая ему обе руки.— Не беспокойтесь — когда доктора с вами закончат, вы будете такой же нормальный, как и все прочие офицеры Космического Отряда.

Питер с удовольствием взял ее за руки, наслаждаясь гладкостью и теплом ее ладоней.

— Ну уж нет,— сказал он и вздрогнул.— Неужто все так скверно? Тогда нам лучше в срочном порядке вас из этого места вызволять. Мне вы такая нормальная не по душе.

Редер наблюдал за тем, как Сару охватывает усталость, как лукавые искорки пропадают из ее глаз. Хотя она по-прежнему улыбалась и гордо стояла с прямой спиной, он видел, с каким трудом ей это дается.

— Ну ладно,— небрежно-наигранным тоном произнесла Сара.— Так что же вас все-таки в лагерь «Склеим тебя из кусочков» привело?

— Не что, а кто. Ваш доктор, Пьянка. Она хотела со мной побеседовать — предположительно насчет вас. Но если только вы об этом проговоритесь...

Сара усмехнулась.

— Очень рада видеть вас, Питер. Позвольте, я вам окрестности покажу.

Питер огляделся, и вид у него при этом сделался слегка вороватый.

— Гм... Вообще-то славная Пьянка хотела пообщаться со мной, прежде чем я с вами увижусь,— сказал он.— Быть может, нам удалось бы забраться в какое-то уединенное местечко, где вы смогли бы поделиться со мной вашими познаниями в психиатрии?

— А почему бы не прямо здесь? — Сара села на траву и вытянула длинные, загорелые ноги.

Питер хорошенько осмотрелся. Они находились на небольшом изгибе тропы, густо окруженном листвой. Вокруг никого не было заметно; не слышалось также никаких звуков от тех, кто все-таким мог оказаться поблизости. Тогда Питер последовал примеру Сары, и они какое-то время сидели в тишине, пока он не стал ощущать неловкость.

— Здесь очень красиво,— сказал наконец Редер.

— Угу.— Сара отбросила назад длинные рыжеватые волосы и закрыла глаза, позволяя ветерку ласкать ее лицо.— Да, и впрямь красиво. Хотела бы я здесь когда-нибудь отпуск провести.— Тут она взглянула на Питера.— Но прямо сейчас я бы страшно хотела отсюда уехать.

— Пьянка несогласна?

— Да, она несогласна.— Сара поморщилась и покачала головой.— Если честно, я не понимаю, что она еще может для меня сделать. Я хочу работать, хочу вносить свой вклад в общее дело. Я всегда была такой, но Пьянка думает, что это что-то вроде комплекса вины. Я стараюсь признать, что в этом есть хоть малая доля правды, но пока что не очень получается. И я совершенно не понимаю, каким образом кому-то, и мне в особенности, может стать легче от того, что я буду здесь томиться от скуки, лишенная возможности применить свои навыки? Ведь ничего, кроме досады, мне это принести не может. Я знаю, что была бы полезна на «Непобедимом», и чертовски уверена, что не хочу терять свое место на этом корабле.— Она повернулась к Редеру.— Как думаете, сможете вы мне помочь?

— Ну, вообще-то я собирался сказать, что вы были дикой нимфоманкой, и что лишь посредством шантажа и взяток вам

удалось не допустить внесения этих черт характера в ваше личное дело. Хотя, как я догадываюсь, я с таким же успехом мог бы сказать правду.

Сара ущипнула его за руку, затем рассмеялась.

— Насильственные тенденции и беспричинный смех,— заметил Питер.— Интересно, что бы об этом ваша славная Пьянка сказала?

Рот Сары от расстройства округлился, глаза погасли, и она беспомощно охнула.

— Вот те на.— Редер нахмурился.— А вы здесь и впрямь раскисли. Что, разве не так?

Ее плечи поникли, затем молодая женщина развела руками.

— Просто все так субъективно,— пробормотала Сара, явно находясь на грани отчаяния.— Пока Пьянка меня не выпишет, ничего хорошего со мной в «Стиксе» не будет — независимо от того, что я по этому поводу чувствую. А если по правде, мне кажется, она меня специально тут маринует.— Откинувшись на траву, она проворчала: — Вам ведь известно, что она одна из владельцев этого заведения. Кто знает, быть может, она старается поплотнее его забить, чтобы правительство ей больше платило.

— Она упоминала о том, что правительство платит чертовски щедрую ренту.

— Правительство также отстегивает дьявольски славную монету за каждого пациента,— заметила Сара. Затем она снова села и стала размахивать руками, словно стараясь стереть только что сказанное.— Нет-нет! Пьянка — отличный врач! Она по-настоящему мне здесь помогала, и я ей очень благодарна. Просто мне кажется, что она держит меня здесь немного дольше, чем нужно, только и всего.

— Ладно, я сделаю, что смогу,— пообещал Редер.

Сара улыбнулась, и теперь ее глаза потеплели.

— Я в этом не сомневалась.

В этот самый момент живот Редера громко дал знать о себе, и они оба расхохотались.

— Давайте я провожу вас в ресторан,— предложила Сара, вставая и отряхивая шорты.— Это именно ресторан. Он слишком шикарный, чтобы его можно было просто столовой назвать.

Невысокая и смуглая, доктор Регина Пьянка создавала вокруг себя ауру квалифицированного благоразумия. Седина в ее волосах давала ей что-то в районе шестидесяти — ранний средний возраст по меркам Содружества,— а морщинки вокруг глаз указывали на чувство юмора и смешливость. Пьянка молча взирала на Редера; ее прямой и пристальный взгляд словно бы поощрял его к разговору.

Они уже поговорили немало — о нем самом, о Саре и о «Непобедимом».

Под конец докторша сказала:

— Что же, мне очевидно, что с капитан-лейтенантом вы уже переговорили. Очень жаль, что вы не дали мне возможности заблаговременно поговорить с вами. Впрочем, очевидно, что никакого вреда здесь нанесено не было.— Она одарила его нежной улыбкой.— И в равной мере очевидно, что она очень много для вас значит. В личном плане.

— Она превосходный офицер,— отчеканил Редер.

Докторша громко рассмеялась, и Редер почувствовал, как краска заливает его лицо, одновременно раздражая его и смущая.

— Извините, коммандер,— сказала Пьянка.— Сара Джеймс действительно превосходный офицер. Ваш капитан специально позвонил, чтобы об этом сообщить, а также указать на тот факт, что она должна быть допущена к исполнению своих обязанностей, прежде чем ваш корабль покинет Наобум. Она по этому поводу тоже заметно нервничает.— Докторша искоса глянула на коммандера, и ее полные губы слегка искривились в лукавой улыбке.— Так что вы в связи со всем этим думаете, коммандер?

— Мне кажется, у нее все замечательно, доктор,— мгновенно ответил Редер.— И «Непобедимому» ее способности совершенно точно не помешают.

— Да,— сухо сказала Пьянка.— Не сомневаюсь, что не помешают.— Она подалась вперед и сложила руки на столе.— Суть в том, коммандер, что после того, через что эта девушка прошла — через напряжение, стрессы и тому подобное,— она до предела измотана. Теперь она прилично отдохнула, и ей уже намного лучше, чем раньше. Однако я думаю, что капитан-лейтенанту потребуется по меньшей мере еще две недели, прежде чем она сможет вернуться к исполнению своих обязанностей.

— Капитан-лейтенант очень озабочена тем, что может потерять свое место на «Непобедимом», мэм.

Пьянка понимающе кивнула.

— Я знаю об этом, коммандер. Сара была со мной достаточно откровенна.— Докторша посмотрела куда-то вдаль и, похоже, сдержала улыбку.

— У нее есть способы это выразить,— медленно произнес Редер, припоминая несколько красочных примеров.

Пьянка откровенно улыбнулась, и ее темные глаза заискрились.

— Да, действительно, молодой человек, она постоянно это делает. Вот почему,— тут докторша хлопнула ладонями по столу,— я запросила вашу помощь у капитана, который с великой неохотой согласился вами пожертвовать.

— Но мэм,— запротестовал Редер,— ведь таким образом корабль лишается сразу двух офицеров...

— Да, в самом деле. Я прикинула, что таким образом срок стоянки «Непобедимого» составит по меньшей мере две недели.

— Пожалуй, мэм,— с кратким, неодобрительным кивком согласился Редер.

— Вот и прекрасно,— отчеканила Пьянка.— В таком случае рада вам сообщить, что в течение следующих двух недель терапия капитан-лейтенанта будет состоять из совместного с вами отпуска за государственный счет. В конце этого отпуска, который я вам настоятельно рекомендую заполнить всевозможными забавами и наслаждениями, коммандер, я допущу Сару Джеймс к исполнению ее обязанностей.— Докторша одарила его лукавой улыбкой.— К тому времени весь необходимый ремонт будет закончен, и все вы сможете улететь на поиски новых славных подвигов.

Редер сидел с таким видом, как будто его телеграфным столбом по голове треснули.

— Благодарю вас, мэм,— ошалело отозвался он.

— Не стоит, коммандер,— с улыбкой сказала Пьянка. Затем, уже более серьезно, она пояснила: — Нервное истощение — это вполне реальное состояние, коммандер. Со временем моя пациентка сама восстановится. Она молода, гибка и податлива, так что здесь не может быть никакого сомнения. Но я предпочитаю отправить ее обратно на службу полностью восстановившейся. Так будет лучше для всех.

— Да, мэм,— согласился Редер.

— Я бы так или иначе продержала ее здесь еще две недели.— Докторша подняла палец, предвосхищая его протест.— Но в таком случае ваш корабль, если учесть скорость, с какой у вас там идет ремонт, уже наверняка бы отчалил. Это плюс к тем страданиям и стрессам, через которые прошла Сара. Однако,— тут Пьянка указала пальцем на коммандера,— если вас на «Непобедимом» не будет, ремонт существенно замедлится. Ваш капитан меня в этом заверил. Эти соображения вкупе с вашей в высшей степени благотворной для капитан-лейтенанта компанией должны отвлечь ее разум от лишних тревог и заставить окончательно расслабиться.— Докторша откровенно рассмеялась, увидев выражение лица Редера.— Так что я вас очень прошу,— Пьянка махнула рукой,— поразвлекайтесь немного.

Обалделый Редер встал из кресла — и только на полпути к двери вспомнил, что ему надо сказать:

— Благодарю вас, мэм.

— То есть, меня выписывают? — спросила Сара. Глаза ее были круглыми, а в голосе ясно звучало изумление.

— Ну да.— Вид у Редера был самодовольный. «Черт побери,— подумал он,— да ведь я иначе как самодовольным себя и не чувствую. Можно подумать, я сам все это устроил, а не просто новости передал».

— Но «Непобедимый»...— запротестовала Сара.

Редер замахал руками как ветряная мельница, и у него тут же сделался вид крупного транжиры и мота.

— Не наша проблема,— со щедрой беспечностью сказал он.— Пьянка говорит, вы от нервного истощения страдаете. Да-да, я

знаю,— кивнул Питер в ответ на ее косой взгляд.— Я тоже не очень это понимаю. Но благодаря вашему истощению нам на следующие две недели прописан совместный отпуск.

— Ур-ра! — крикнула Сара и бросилась ему в объятия.— А вы умеете на водных лыжах кататься?

— Не-а.

— А на коне скакать?

— Гм... самую малость.

— А как вам пеший туризм? В теннис вы хотя бы играете? А как насчет гольфа?

— Ну-ну, не так быстро. А то я даже не успеваю вспомнить, о чем идет речь.

— А чем бы вам прежде всего хотелось заняться? — спросила Сара, буквально гудя от сдерживаемой энергии.

— Ленчем! — ответил Питер.— На пустой желудок нельзя столько решений принимать. А кроме того, у нас есть целых две недели, чтобы показать доктору Пьянке, что такое на самом деле нервное истощение.

— Гедонист,— ухмыльнулась Сара.

— Спортсменка,— отозвался Питер.

Ясный лунный свет серебрил водопад и лежащее внизу озеро. Питер и Сара расположились бок о бок на зеленом склоне холма, а рядом с ними валялись остатки роскошного пикника. Прошедшие десять дней оказались просто чудесными, полными всевозможных забав и наслаждения славной компанией друг друга.

Сара приподнялась на локтях и запрокинула голову, чтобы поглазеть на звезды. Редер, лежа рядом с ней на траве, глазел вместо этого на Сару, любуясь рыжеватым потоком ее волос по голым плечам. Затем, сделав глубокий вдох, повернулся набок.

— Чувствуешь запах? — спросил он.

Сара повернулась на него посмотреть. Луна светила ей в затылок, и лицо оставалось темным, но Питер все равно видел, как искрятся ее глаза. Или так ему, по крайней мере, казалось.

— Запах чего?

— Запах травы, деревьев, цветов, воды, почвы — самой жизни. Я его просто обожаю.

Сара улыбнулась.

— Пойми меня правильно,— поспешно сказал Редер.— Я бы никогда не смог просто землю топтать. Я люблю «Непобедимый». Но порой...— Он немного помолчал, глядя на звезды.— Порой я по всему этому скучаю.

Сара тоже сделала глубокий вдох и шумно выдохнула.

— Здесь так красиво, правда?

Редер лишь промычал в ответ, и они погрузились в уютное молчание. Сара легла на спину, подложив под голову ладони, и

Питер полузакрытыми глазами стал ее разглядывать. Если вспомнить то бледное, нервозное создание, каким она была всего четыре недели назад, превращение казалось просто чудесным. Лагерь «Склеим тебя из кусочков, Солдат» определенно оказал на Сару магическое воздействие. Теперь она, похоже, снова могла бросать вызов всему миру.

— Ой, смотри,— вдруг сказала Сара и села.

Редер тоже сел и посмотрел в ту сторону, куда она указывала. Лунный свет отражался от чешуи целого косяка аэросельдей, маленьких органических дирижаблей, что проплывали над озером.

— Вот вкуснятина,— тихо прокомментировал Питер и тут же крякнул, когда Сара пихнула его локтем.

— Обжора,— пробормотала она.

Редер рассмеялся, неподдельно обрадованный ее приподнятым настроением. Впрочем, небольшие рыбовидные организмы и впрямь были невероятно вкусны. Но в данный момент об этом лучше было не упоминать.

Дрейфуя вдоль водопада, аэросельди являли собой предельно мирное и прелестное зрелище. Но тут с далекого склона холма донесся трубный глас аэротюленя, собравшегося на охоту. Косяк аэросельдей тут же рассыпался по сторонам, словно бы расплескиваясь на капельки.

— Ну вот,— со смутным разочарованием протянула Сара.

Редер потянулся поцеловать ее в щеку. Она повернулась к нему раньше, чем его губы коснулись ее губ, и какое-то время они просто смотрели друг на друга, возбужденно дыша. Сара сделала первый шаг, и Редер ее обнял.

— Надо же,— стыдливо улыбаясь, сказала молодая женщина,— сколько времени прошло.

— Ожидание того стоило,— отозвался Питер и снова ее поцеловал.

После долгого и сладостного поцелуя они выпустили друг друга из объятий. Сара встала на ноги, откашлялась, а затем спросила:

— Искупаться не хочешь?

— Я купального костюма с собой не захватил.

С озорной улыбкой Сара резко развернулась и направилась к лежащему внизу озеру. Оглянувшись на Редера, она многозначительно повела бровью и сказала:

— Я тоже. Но разве они нам нужны?

Сидя за столом доктора Пьянки, Редер испытывал страшное неудобство. Сколько он ни ерзал на стуле, все равно ощущалось... какое-то сжатие.

— Вы считаете, что выбрали подходящее время для перехода в эту новую фазу ваших взаимоотношений? — как раз спраши-

вала у него докторша. Выражение ее лица было нейтральным, хотя некоторое неодобрение там все же читалось. Впрочем, это могло быть всего лишь его личной интерпретацией.

— Да,— ответил Питер. Однако вопрос Пьянки еще больше усилил его неудобство. Собственно говоря, ему было неловко уже от того, что докторша знала об их с Сарой интимных отношениях. «Как она об этом узнала? — задумался Питер.— Нас кто-то видел?» Подоплека этого вопроса вселяла в него настоящий ужас. Питеру категорически не нравилось даже думать о том, что за ними кто-то шпионил. «Но ведь мы были на природе,— подумал он.— И Сара сделала первый шаг. Нет, все было верно».

— Да,— согласилась Пьянка, словно бы читая его мысли.— Хорошо, что она сделала первый шаг. Однако,— тут она подалась к нему поближе,— вы должны помнить, что в голове у нее сейчас полный беспорядок.

— Что? — отозвался Питер, до глубины души пораженный.

— Вы меня слышите? — резко спросила Пьянка.

— Да, я вас слышу,— пробормотал Питер, хотя ему почему-то страшно тяжело было это произнести.

— Вы можете двигаться? — спросила докторша.

— Мм...

— Питер, ты застрял. Ты должен помочь мне тебя высвободить. Ты меня слышишь? Ответь мне, Питер!

Редер помотал головой, медленно открывая глаза. Оказалось, прямо перед ним маячит обеспокоенное лицо Сары. Ее рыжеватая шевелюра была в жутком беспорядке, а на щеке виднелось пятно крови. Медленно протянув руку, Питер коснулся пятна.

— Это твоя кровь, любимый. Ты можешь двигаться? Ты ранен?

Редер вдруг понял, что он зажат вниз головой где-то под потолком их купе. Сара и еще кто-то, чьи ноги виднелись позади нее, судя по всему, только что с успехом вытянули из-под него часть его сиденья. Закрыв глаза, Питер проверил свои ощущения. Во рту был привкус крови — очевидно, он прикусил язык. Голова болела, но все остальное тело казалось в полном порядке. Тем временем положение, в котором он застрял, начинало становиться совсем невыносимым.

Извиваясь и корчась, Редер все же сумел высвободиться из металлической клетки, в которую он угодил. А затем он полетел вниз, и Сара подставила руки, делая его приземление не таким жестким.

— Похоже, с ним все нормально,— сказал чей-то голос из дверного прохода.— Ладно, увидимся.

— Кто это был? — спросил Редер.

— Его зовут Лао,— ответила Сара.— Тоже в увольнении. Он и еще несколько человек прямо сейчас пытаются оказать помощь.

— А что случилось? — спросил Редер.

— Мы еще не знаем.

Питер сел на полу, затем осторожно встал на ноги.

— Пойдем выясним,— предложил он и нетвердой походкой заковылял к двери.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Похоже на крушение поезда,— пробормотал Редер. Облизнув сухие губы, он почувствовал кровь. Затем коммандер пригладил волосы.— Вон, смотри,— сказал он Саре.

Оттуда, где он стоял, а точнее — почти лежал на боку, опираясь о раму одного из больших венецианских окон, что тянулись вдоль всего наружного коридора, Питеру была видна почти половина поезда, свисающего с надземной магнитно-левитационной опоры.

Первый вагон приземлился как раз на свой тупой нос, который теперь сморщился в свиное рыло. Похоже, он поддерживал те два вагона, что располагались над ним, хотя второй был согнут как раз посередине. Редер и Сара находились в четвертом вагоне.

— Сколько еще людей осталось в нашем вагоне? — спросил Питер.

— Думаю, все, что были. А вот сколько их всего, понятия не имею.— Она прижалась к окну, стараясь заглянуть как можно дальше.— Никаких признаков того, что там задействуют аварийные лестницы. Хотя на самом деле не так много времени прошло. Ты всего на пару минут вырубился.

— Давай попробуем найти Лао,— предложил Редер.— Посмотрим, чем он там занят. А потом нам лучше начать эвакуировать отсюда людей.

Сара кивнула и пошла вперед по вагону.

Вокруг царила мертвая тишина, хотя, раз уж на то пошло, все купе были звуконепроницаемыми. И все же громкие крики о помощи должны были ясно слышаться.

«Может статься,— подумал Редер,— тишина — это не так уж и плохо».

Примерно на полпути по вагону они обнаружили, что аварийный телефонный сейф вскрыт, а сам телефон просто валяется на полу. Сара подобрала трубку и приложила ее к уху. Покачав головой, она нажала несколько кнопок и попробовала снова.

— Он не работает,— сказала она затем.

— Что ж,— отозвался Редер,— если он был рассчитан на связь с кем-то в передних вагонах...— Он развел руками.

Сара неловко поежилась, затем кивнула.

Питер жестом предложил ей двигаться дальше. Следующие два купе пустовали, а в третьем оказался мужчина, которому, судя по всему, помощь уже не требовалась. Из прохода в четвертое купе вдруг высунулась голова Лао.

— Мне тут помощь нужна! — сказал он.

Войдя в купе, Питер и Сара обнаружили, что явно пребывающий в состоянии «грогги» мужчина с набухающей на лбу шишкой пытается утешить трех шокированных на вид девчушек. Глаза на трех бледных личиках были, как тарелки.

— Вот здесь,— сказал Лао, указывая на миниатюрную ванную комнату.

Столпившись у входа в совсем крошечную уборную, они увидели молодую женщину, застрявшую между стеной и унитазом. Из раны на голове у женщины обильно струилась кровь.

Сара протиснулась туда и опустилась на колени, прикладывая пальцы к шее раненой.

— Должно быть, она головой о раковину ударилась,— предположила Сара. А затем, оглянувшись на Лао, спросила: — Где здесь аптечка? — Лао передал ей аптечку.— Пульс неплохой, так что, быть может, все не так скверно, как кажется,— сказала Сара.— Раны на голове всегда жуть как кровоточат.

— Мне до нее было никак не добраться,— извиняющимся тоном пробормотал Лао.

Взглянув на широкие плечи и здоровенные руки мужчины, Питер не смог в этом усомниться. Голова женщины оказалась ниже унитаза, а неестественное положение ее плеч указывало на то, что одна рука определенно была вывихнута. Питер прикинул, что даже с помощью Сары вытащить женщину из уборной будет очень непросто.

— Надеюсь, она не придет в сознание, пока мы ее оттуда не вытащим,— пробормотал он.

Лао лишь поморщился и что-то проворчал в знак согласия.

— Ну вот,— сказала Сара, передавая им аптечку,— это должно ее поддержать.

Просунув руку под бедро находящейся без сознания женщине, Сара стала пытаться вытащить ее из угла. Но после нескольких попыток остановилась и испустила разочарованный вздох.

— Крепко застряла,— сквозь зубы процедила она.

— Может, мне попробовать? — спросил Редер.

Сара подумала, оглядывая его с ног до головы, затем покачала головой.

— Вряд ли у тебя что-то получится,— сказала она.

— Возможно, нам не следует ее двигать,— предложил Питер.— Может статься, она ранена более серьезно, чем нам кажется.

— Пожалуй, ты прав.— Сара с неохотой встала и отряхнулась.— По крайней мере, кровотечение мы остановили.

Редер повернулся к мужчине, утешающему трех девочек.

— С вами все хорошо?

Мужчина неуверенно кивнул.

— Как там моя жена? — спросил он.

— Все еще без сознания,— сказала ему Сара.— Но состояние, похоже, стабильное. Мы думаем, нам лучше оставить ее в покое, пока не прибудет помощь.

Мужчина какое-то время молча на них смотрел, затем поманил к себе Сару.

— Вам не трудно будет за моими девочками присмотреть? — спросил он.— Я бы хотел выйти в коридор и потолковать с вашими друзьями.

Сара вздрогнула, затем пожала плечами и сказала:

— Конечно.

Все три девчушки посмотрели на Сару так, словно она была кровожадной акулой, а на своего отца — так, словно не могли поверить, что он оставляет их наедине с таким монстром.

— Я сейчас вернусь, деточки,— сказал мужчина.— Будьте умницами.

Нетвердой походкой выйдя в коридор, он жестом предложил двум мужчинам отойти немного дальше от купе.

— Вы уверены, что с вами все хорошо? — спросил Лао.

Мужчина энергично кивнул и тут же приложил руку к шишке, явно сожалея о резком жесте.

Вручая Редеру коммуникационный блок, он сказал:

— Я попытался вызвать помощь. Но он не работает. Час тому назад с ним все было нормально — а теперь, какие кнопки ни нажимай, даже гудка нет.

От такого известия в животе у Редера стал расти ледяной комок страха. Положив руку мужчине на плечо, он аккуратно помог ему встать прямее.

— Возможно, он повредился в момент крушения,— предположил Питер, надеясь, что так оно и было.— Послушайте,— продолжил он,— мы собираемся проверить оставшуюся часть вагона и посмотреть, не сможем ли мы еще кому-то помочь. Вполне возможно, у кого-то здесь есть работающий блок. Если мы его найдем, мы дадим вам знать.

Широко раскрыв глаза, мужчина опять качнулся вперед и негромко произнес:

— Сомневаюсь, что кто-то придет. По-моему, теперь все от нас зависит.

В этот самый момент дверь в задней части вагона раскрылась, и туда вошла небольшая группа людей с женщиной в форме проводницы во главе.

— Здесь со всеми порядок? — спросила проводница.

— Жена вот этого мужчины без сознания и вдобавок застряла в углу уборной,— сказал Редер, двигаясь к ней навстречу.— Как нам кажется, у нее к тому же плечо вывихнуто. И есть один погибший, но мы еще не проверили весь вагон.

Когда проводница и ее группа уже почти подошли к трем мужчинам, совершенно внезапно, с жутким скрежетом, вагон заскользил вперед, а затем так же резко остановился. Люди ухватились за что попало. Когда скольжение прекратилось, все так и остались стоять, где стояли, в ужасе переглядываясь.

— Пожалуй, нам лучше дальше не идти,— с дрожью в голосе произнесла проводница.

Редер, Лао и мужчина с шишкой на голове медленно двинулись назад к его купе.

— Деточки,— позвал мужчина,— я хочу, чтобы вы прошли с этими людьми в хвост поезда.

— Скажите,— негромко обратился к проводнице Редер,— не должна ли тут быть какая-то аварийная лестница?

— Конечно, должна. В каждом вагоне она есть.

— Тогда нам, быть может, лучше начать ими пользоваться и спускать людей на землю? — предложил Редер.— Когда мы можем ожидать прибытия помощи?

— Не знаю,— ответила проводница. На ее широком бледном лице ясно читалась растерянность.— Ни у кого нет работающего блока связи, и все коммуникационное оборудование поезда тоже, судя по всему, вышло из строя. Ничего, не беспокойтесь,— торопливо добавила женщина, заметив, как изменились от таких новостей их лица.— Крушение должны были немедленно зафиксировать на станции, так что помощь должна прибыть самое позднее через час. А скорее всего — еще раньше.

Редер перевел дух и задумчиво кивнул.

— Мы решили, что нам следует оставить миссис..? — Он повернулся к стоящему рядом мужчине.

— Лизу Фарон,— сказал мужчина.— А меня зовут Карл.

— Мы решили оставить миссис Фарон на месте, если она ранена более серьезно, чем кажется. Но раз вагон соскальзывает, нам следует немедленно ее вытащить. А вам тем временем лучше эвакуировать других пассажиров по всему поезду. Начиная с малышек мистера Фарона.

— Я этим займусь,— сказал Фарон.

— Нет! — Хором возразив, Питер и Сара переглянулись.

— С девочками все хорошо,— обращаясь к их отцу, сказала Сара.— Конечно, они потрясены, но в остальном все замечательно. На них даже ни единой царапины.

— Послушайте, Карл,— сказал Питер, кладя руку на плечо Фарону.— У вас рана на голове, и вас все еще шатает. Вы не можете рисковать здоровьем ваших детей. А мы от всей души желаем вам помочь.— Он указал на остальных, и те охотно закивали.

— Они очень напуганы,— с сомнением произнес Карл,— а моя жена...

— Все по порядку,— перебил его Редер.— Первым делом мы безопасно спускаем всех вас на землю. Есть на борту какой-то медицинский персонал? — спросил он у проводницы.

— Специального нет,— ответила та.— Если кто-то и найдется, то разве что добровольцы.— Повернувшись к группе, которую она с собой привела, проводница спросила: — Есть среди вас медики?

Один молодой человек поднял руку.

— Я санитар.

— Тогда, пожалуйста, осмотрите миссис Фарон,— сказала Сара, указывая большим пальцем себе за спину.

Мужчина спокойно кивнул и последовал за ней в купе.

— А как насчет тех вагонов, что позади нас? — спросил Редер.— Вы их целиком проверили? Есть там раненые?

— Проверили,— ответила проводница.— Там примерно сто восемь человек. Есть несколько переломов, но куда меньше, чем можно было ожидать. Нам повезло — участок был медленный.

— Им кто-нибудь помогает? — хмурясь, спросил Питер.

«Наверняка помогает,— тут же заверил он себя.— Никогда не поверю, чтобы санитар так просто бросил кого-то со сломанной костью».

Проводница нахмурилась.

— Раз уж вы об этом упомянули, то да. Там людям действительно помогают. Я спросила насчет врачей... Даже не подумала о медсестрах или санитарах.— Она удрученно покачала головой.— Тем не менее, всем раненым там обеспечен уход. Все-таки мне следовало бы догадаться насчет санитаров. Но я была так озабочена тем, что мы можем найти впереди, и благодарна судьбе, что не вышло еще хуже.

— В передних вагонах все будет хуже,— заметила Сара, выглядывая из окна.

— Об этом лучше после побеспокоиться,— посоветовал Питер.— А прямо сейчас почему бы нам аварийную лестницу не спустить? И кстати — есть у вас тут что-то вроде спасательного кресла? — спросил он у проводницы.

— Да.

Она провела его в заднюю часть вагона и потянула за рычаг с пометкой АВАРИЙНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ. Внутри раскрывшегося шкафа нашлась ракетница, большой фонарик, огнетушитель и какая-то штуковина вроде свернутой рыболовной сети. В развернутом виде штуковина оказалась чем-то вроде шезлонга с прикрепленным к его передней части куском сетки. Проводница достала из шкафа несколько металлических деталей и прямо на глазах у окружающих сложила их воедино, после чего прикрепила к собранному устройству моток эластичного шнура.

— Это лебедка,— пояснила женщина, поднимая ее повыше, чтобы всем было видно.— А вот сюда вставляются ножки, чтобы лебедка держалась.— Она указала на несколько специальных пазов в полу.

Затем проводница повернулась к люку, помеченному как АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД, и дернула за рычаг, после чего оттолкнула крышку люка в сторону и передала ее Редеру, который прислонил ее к стене у себя за спиной. Далее проводница вынула одну из соседних панелей пола, ухватилась за вроде бы беспорядочно

спутанную внутри сетку, подняла ее и бросила в люк. В результате у нее получилась ведущая вниз труба из крепкого синтетического шнура.

— Теперь, когда вы знаете, как это делается,— обратилась проводница к тем пассажирам, которые пришли вместе с ней,— вы можете вернуться в задние вагоны и помочь остальным выбраться наружу.

— Мистер Фарон,— сказал Питер,— почему бы вам не спуститься первым? Тогда вы сможете встретить там ваших дочурок.

— Да, конечно,— согласился Фарон, после чего с заметным трудом сглотнул слюну и развернулся к аварийному выходу с видом приговоренного к смертной казни через повешение.

— Вы просто туда прыгайте,— объяснила проводница.— Не беспокойтесь, вы не упадете.

Фарон искоса на нее глянул, а потом закрыл глаза и прыгнул. Труба, укрепленная гибкими обручами, сжала его в своих объятиях, и считанные секунды спустя Карл уже твердо стоял на земле. Оттуда, ухмыляясь во весь рот, он им помахал.

Редер помахал ему в ответ, а проводница удовлетворенно кивнула и прошла в его купе.

Саре с проводницей потребовалась масса сложных маневров в узком пространстве уборной, чтобы высвободить миссис Фарон. К счастью, все это время женщина оставалась без сознания.

Тем временем Редер вывел из купе девочек и уговорил их воспользоваться аварийным выходом из вагона. Младшая вроде бы собиралась вот-вот расплакаться, но две старшие, похоже, были слишком потрясены, чтобы испытывать еще какие-либо тревоги.

— Вот, смотрите,— ободряюще сказал им Редер.— Там папа.

Средняя девочка, лет пяти, нагнулась к люку, увидела там мистера Фарона и помахала. Затем она повернулась к Питеру и протянула к нему ручонки. Коммандер легко ее подхватил.

— А вы пока оставайтесь здесь и смотрите,— сказал он двум другим.— Возьмитесь за руки и ждите, пока я не вернусь, чтобы помочь вам спуститься. Хорошо? — Старшая, так и не закрывая рта, кивнула. А вот лицо младшей стало морщиться, словно она готова была вот-вот разрыдаться.— Хорошо? — снова спросил Питер.

Ни одна из девочек так ничего и не сказала. Тогда Питер развернулся к люку.

— Я! Я хочу! — вдруг заверещала младшая, шустро подскакивая к Редеру.

— Ох ты, Боже мой! — воскликнул он, хватая ее сзади за платьице, прежде чем девчушка успела головой вниз нырнуть в трубу.— Погоди минутку.— Питер оттянул малышку назад. «Этак и инфаркт схлопотать недолго»,— подумал он, переводя дыхание.— Ладно. Вот что мы сделаем. Ты,— сказал он старшей,— возвращайся в купе и посмотри, нет ли там чего-нибудь ценно-

го — маминой сумочки, например. Чтобы с собой прихватить. А потом подожди, пока я вернусь. Ну как, справишься?

Девочка кивнула и бросилась обратно в свое купе.

— Теперь ты,— Питер указал пальцем на среднего ребенка.— Давай ко мне на закорки, хватайся за шею и крепко держись.

Ребенок в темпе забрался на борт. После чего маленькие ручонки с поразительной силой перехватили коммандеру дыхательное горло.

— Чуть посвободней,— прохрипел Редер.— Не так крепко. Чуть-чуть отпусти...— Ему пришлось самому взяться за кольцо из ручонок и сделать его пошире, чтобы можно было дышать.— Вот так. Ага? — Кивок из-за плеча. Затем Питер раскрыл объятия для младшей девочки. Та вдруг засмущалась и оглянулась на их купе.

— А мама? — спросила малышка, и ее нижняя губа задрожала.

— Она скоро спустится,— заверил ее Редер.— Ты ведь хочешь подождать ее на земле, правда?

Похоже, ему удалось взять верный тон взросло-родительской уверенности, поскольку девочка сразу же подошла и ухватилась за его плечи.

— Будет очень забавно! — пообещал им Питер, а затем с громким криком «ур-ра!» прыгнул в трубу.

Поездка вышла хоть куда, если не считать первых нескольких мгновений, когда крошечные пальчики впились в его мышцы точно стальные шипы. Впрочем, не успели они достигнуть дна, как средняя девочка уже вовсю гикала, а ее младшая сестренка радостно смеялась. Питер передал малышек с рук на руки их испытавшему явное облегчение отцу. А затем предпринял энергичный подъем обратно.

Наконец Редер с хриплым выдохом бросился на пол вагона. После чего открыл глаза и увидел перед собой пару маленьких туфелек. Подняв взгляд, он увидел, что очень серьезная на вид девочка держит в руках немалых размеров дамскую сумочку.

— Я готова,— мрачно проинформировала его малышка.

— Мы тоже будем готовы,— сказала из дверного прохода Сара.— Когда ты вернешься.

Редер показал ей два больших пальца и раскрыл объятия для старшей девочки. Та набросила мамину сумочку себе на плечо, а затем плотно зажмурила глаза и прилипла к нему как пиявка. Редер прыгнул в воронку, и малышка как начала вопить, так и не прекращала, пока они не достигли земли. Там она внезапно умолкла, отпустила его, поправила на плече сумочку и подошла взять папу за руку.

«Кажется, на левое ухо я совсем оглох»,— подумал Редер, до предела ошарашенный уровнем громкости, который сумел развить ребенок.

Вслух он сказал:

— Ваша жена будет следующей.— «Я, часом, не ору?» — задумался Питер, после чего развернулся и начал новый подъем.

Когда коммандер рухнул на пол вагона, его там уже ждала Сара.

— Мы ее в кресло посадили,— сообщила она.— Нам понадобится твоя помощь, чтобы это кресло за край завести.

— Отлично,— выдохнул Редер.— Все, что угодно. Только не заставляй меня больше по этой чертовой ерундовине взбираться.— Он с трудом принял сидячее положение.— Слушай, а почему бы тебе не сбросить вниз пару-другую одеял и подушек, пока я тут дух перевожу. Они им наверняка пригодятся.

— Это идея,— одобрила Сара и пошла собирать одеяла с подушками.

Пока он ожидал Сару, Редера вдруг осенила блестящая мысль. Он зашел в купе Фаронов и разложил одну из верхних коек. «Ага,— удовлетворенно подумал он.— Это я верно прикинул. Матрас свободно отходит». Питер подтащил его к аварийной дверце, а там, привлекая внимание Фарона, помахал ему и сбросил матрас. «Лучше еще несколько штук сбросить,— подумал он.— Проводница сказала, что у нас там раненые имеются».

— Это идея,— снова сказала Сара, увидев, чем он занимается.

Затем она завернула одеяла с подушками в простыню и швырнула их в дверцу.— Когда вернемся, мы и остальные выбросим. Кто знает, сколько в итоге будет раненых?

— Вернемся? — переспросил Редер, сбрасывая очередной матрас.

— Нам придется помочь мистеру Фарону с его женой, Питер. Мало того, что он ранен, ему еще и о малышках надо заботиться.— Тут Сара одарила Редера сочувственной улыбкой.— Ничего, милый, ты справишься. Думай об этом как о курсе альпинизма.

Редер ухмыльнулся и театрально простонал. Курс альпинизма они уже прошли в лагере «Стикс», причем инструктором у них был молодой человек, страдавший таким диким энтузиазмом в отношении своего занятия, что к тому моменту, как Питер с Сарой снова оказались на уровне моря, у них возникло определенное чувство, будто они только что побывали в руках опытного палача.

— Мы просто разобьем это на ступеньки,— с жаром произнес Питер.

— Одна ступенька за один раз,— радостно подхватила Сара,— только так можно достичь вершины!

— Это меня убьет,— пробормотал затем Питер, поднимая все еще лишенную сознания миссис Фарон.— Я точно знаю, что убьет.

Он с предельной осторожностью выгрузил аварийное кресло из вагона, и оно медленно закачалось снаружи.

— Ничего подобного, приятель, все с вами будет в полном порядке,— возразила Сара, имитируя гнусавый голос инструктора по альпинизму.— Вперед! — Она запустила лебедку.— Тебе лучше спуститься, чтобы ее там встретить,— посоветовала она Редеру.— Мы же не хотим, чтобы мистер Фарон ее уронил.

— Иду, мэм.

Фарон уже положил матрас, чтобы принять свою раненую жену, достаточно далеко от вагона. Вернувшись к аварийной трубе, Редер заметил, что Сара постаралась на славу. Земля рядом с вагоном была сплошь забросана матрасами. Там также валялись три куклы, к которым с радостными воплями бросились три девчушки. Теперь уже и из других вагонов вовсю спускались люди.

Питер подошел к мужчине в форме проводника.

— Вон там мы сбросили несколько одеял и матрасов,— сказал он, указывая на то место, где вокруг миссис Фарон собрались ее родственники.— Но очень может быть, что нам понадобится еще больше, когда мы начнем высаживать людей из передних вагонов. Не могли бы вы попросить тех, кто еще на борту, очистить свои вагоны от одеял, подушек, матрасов и тому подобного? — Сформулированное как вопрос, это скорее звучало как приказание. Питер еще раз оглядел упавший поезд.— Да, кстати,— добавил он, хватая проводника за рукав.— Возможно, вы или те из пассажиров, кто покрепче, смогли бы помочь выбраться тем, кто в первом вагоне.— Питер не был уверен, но ему показалось, что в одном из окон того вагона что-то мелькнуло.

Мужчина энергично кивнул и помчался туда.

Редер подошел к трубе и устало посмотрел вверх. «Здесь всего метров пятнадцать,— подумал он, щурясь.— Не так уж и высоко».

Конечно, гравитация порядком все усложняла, ибо если ты куда-то взбирался, это означало, что тебя автоматом тянуло вниз. Питер вздохнул, и плечи его поникли. «Ладно,— подумал он,— кончай ныть. Вперед, коммандер».

Сара с грустной улыбкой наблюдала, как Редер взбирается по трубе. «Вот бедняга,— подумала она.— Который это уже подъем? Третий? Ничего, любимый, если долго мучиться, что-нибудь получится».

Затем Сара открыла дверь между их вагоном и тем, что находился впереди. Он лежал под менее крутым углом, чем первые два, но без веревки здесь все равно было не обойтись.

— А, ч-черт,— прохрипел Редер, с трудом выползая из люка.— Я уже слишком стар для таких оказий.

— Для каких оказий? — поинтересовалась Сара, хватая его за ремень и втаскивая на борт.— Для крушений поездов? У тебя их так много в жизни бывало?

— Нет, будь оно все проклято! — Перекатываясь на спину, он одарил ее одним из своих невинных взоров.— Клянусь, капитан-лейтенант, я тут не при чем.

— Знаешь, Редер, всякий раз, когда ты на меня вот так смотришь, у меня черт знает какие подозрения возникают.

Он возмущенно фыркнул, затем медленно встал и хлопнул в ладоши.

— Ну что, продолжим?

— Нам тут какая-то веревка понадобится,— сказала Сара, тоже вставая.

Ухватившись за спасательную трубу, Питер принялся втаскивать ее обратно в вагон.

— Это подойдет,— одобрила Сара и стала ему помогать.

Вдвоем они втащили в вагон всю эту штуковину. Труба была намертво прикреплена, так что они отволокли ее к другому концу вагона и сбросили. Хватило всего примерно на четверть пути вниз.

— Мы сбросим спасательную трубу с середины того вагона. Но большинство людей по ней нипочем не взберется,— вслух размышляя, сказал Редер.— Придется местами делать прорези в сетке, чтобы люди влезали внутрь.

— Я захвачу аптечку,— сказала Сара.

Питер принялся втягивать назад аварийное кресло. Увидев, как варварски смят металл и пластик передних вагонов, он понял, что оно им наверняка понадобится. Затем он вынул лебедку из крепления. После чего высунулся из двери и в очередной раз оглядел упавшие вагоны.

«Мне это кажется, или второй вагон сильнее согнут, чем раньше?» — подумал Питер.

Внезапно у него в голове всплыла фраза проводницы: «Там примерно сто восемь человек». И ему стало не по себе. Позади их вагона было еще три. И три впереди.

«Не паникуй,— приказал себе Питер.— В нашем вагоне были только мы, Фароны, Лао и мертвец. Вполне возможно, в передних вагонах народа еще меньше».

Места в задних вагонах стоили дешевле, но сиденья там были открытые, как в автобусе. Роскошные купе в передних вагонах занимали очень много места. В их вагоне было всего восемь купе: четыре одинарных, каждое на двоих, и четыре двойных, каждое на четверых взрослых пассажиров. Но передний вагон... не был ли он открытым... может, там больше сидений?

«Все по порядку,— предупредил себя Питер.— Нечего заранее беспокоиться. Здесь и так проблем выше головы».

— Посмотри в окно,— подходя к нему, сказала Сара.— Похоже, из нижнего вагона уже пытаются людей вызволять.

Добравшись до окна, Питер увидел, как один из проводников подтягивается в разбитое окно первого вагона.

— Отлично,— сказал он.— Тогда нам только второй и третий останутся.

Сара улыбнулась его уверенному тону.

— Раз отлично, тогда давай начинать,— предложила она.— А то этот переломленный вагон мне совсем не нравится.

По наружной стороне спасательной трубы Редер спустился к аварийному выходу следующего вагона. Оказавшись там, он устроился между наружной стеной и перегородкой одного из купе. Сара швырнула ему лебедку, и Питер закрепил ее в пазах. Затем

Сара к нему спустилась. Вместе они вытащили спасательную трубу и бросили ее вперед.

Пока труба с шуршанием ползла по вагону, из всех купе стали высовываться головы.

— Раненые есть? — громко спросил Питер.

— Синяки и ушибы,— крикнул ему в ответ какой-то мужчина.— А так все в порядке.

— Хорошо,— сказала Сара.— Все смогут спуститься по трубе к следующему вагону? — крикнула она затем.

— Моя жена не сможет,— отозвался один пожилой мужчина.

— Не беспокойтесь,— крикнула ему Сара.— У нас аварийная лебедка налажена.

Редер добрался до того купе и заглянул внутрь. Дама оказалась довольно хилой на вид, но глаза ее были ясными, а улыбка — бодрой.

— Постараюсь вам помочь,— сказала она.

Питер мило ей улыбнулся.

— Замечательно,— сказал он.— Но сперва давайте уберем с дороги все лишнее.— Он высунулся наружу из купе и крикнул людям, которые остались выше.— Я собираясь спуститься вниз к следующему вагону и задействовать там аварийную трубу. Когда все будет готово, я крикну, а затем мы эвакуируем всех, начиная с самого верха.

— Я пойду первым,— сказал мужчина под боком у Питера.— Не могу больше ждать.— Его жена, стоящая рядом, сжала губы, но ничего не сказала.

— Если вы хотите открыть дверь и протянуть трубу дальше, то это просто замечательно,— сказал Редер.— Спасибо за помощь.

Мужчина разинул рот, затем резко его захлопнул. Он еще дважды повторил ту же самую процедуру, пока наконец жена не пихнула его локтем. Тогда мужчина с кислым видом ухватил трубу и принялся неуклюже спускаться к следующему вагону. Питер взглянул на Сару, а та ему подмигнула.

— Нет,— твердо сказал Редер, когда еще несколько человек двинулись к нему присоединиться.— Подождите, пока дверь не откроется. Там смогут встать только двое.— Отступив назад, встревоженные пассажиры стали ожидать в дверных проходах своих купе.

Ворча и ноя, но явно сознавая, что остальные собратья-пассажиры за ним наблюдают, невольный помощник Редера открыл дверь в следующий вагон, бросил туда трубу и полез следом.

Вскоре он, задыхаясь, крикнул:

— Не могу открыть эту дверь. Ее заклинило.

— Сейчас буду,— крикнул в ответ Редер и, быстро спустившись, встал рядом с мужчиной.— Ого,— только и сказал он, увидев дверь.

Косяк был погнут — самую малость, но вполне достаточно, чтобы сделать дверь частью стены, если речь шла о том, чтобы

в нее пройти. «Открывается она, похоже, внутрь,— прикинул Питер.— Так что вышибить мы ее тоже не сможем». Он оглядел вагон.

В месте его перегиба, судя по всему, было слишком мало место, чтобы там пролезть.

— Значит, так,— сказал Редер своему напарнику.— Я хочу посмотреть, как там дальше дела. Быть может, нам удастся пробраться через выход переднего вагона.

— Сомневаюсь,— мрачно отозвался мужчина.— Ведь два вагона приземлились как раз на торец того, первого. Какие тут шансы?

— Верно подмечено,— согласился Редер.— Что ж, тогда нам, быть может, удастся влезть в одно из окон.— Он немного поразмышлял, затем кивнул.— Давайте попробуем.

Вместе они подобрали трубу и протянули ее в пустое купе рядом с бесполезным аварийным выходом. Триплекс окна уже растрескался и готов был вот-вот выпасть. Один хороший пинок ботинком от Питера — и рама оказалась пуста. Они протолкнули туда трубу, и мужчина посмотрел, куда она упала.

— О Боже,— вымолвил он, заметно бледнея.— Я не смогу по этой трубе спуститься. Я упаду и убьюсь.

Редер вытащил нож и сделал на трубе поперечный разрез.

— Вы не сможете упасть, если будете внутри трубы,— сказал он.— Я уже несколько раз по ней спускался и поднимался. Она абсолютно безопасна.

— Да, но вы ее надрезали!

— Любая из этих нитей рассчитана на то, чтобы удержать человека, втрое вас тяжелее,— уверенно солгал Питер.— Как видите, их осталось более чем достаточно, чтобы гарантировать вам безопасное приземление.

— Вы уверены? — спросил мужчина, нервно проводя языком по пересохшим губам.

— Абсолютно. Вы совершенно спокойно можете пойти первым,— сказал ему Редер.— Это придаст дополнительную уверенность остальным.

За это мужчина наградил его гневным взором. Героем он был крайне неохотным и от всей души предпочитал, чтобы Редер первым прошел по трубе.

— Спасибо,— сказал Питер и принялся взбираться обратно к предыдущему вагону.

— На здоровье,— пробормотал мужчина, с трудом пролезая в дыру в спасательной трубе.

— Слушайте все,— громко произнес Редер, расположившись у двери внизу вагона.— Начинайте с самого верха, по двое. Нам пришлось просунуть спасательную трубу в окно купе рядом с аварийной дверью. Мистер...

— Крамден,— крикнула его жена.

— Мистер Крамден уже отправился по трубе, чтобы проверить ее надежность. Так что все в полном порядке.— «Или, по

крайней мере,— мысленно уточнил Питер,— в таком порядке, на какой можно рассчитывать в потерпевшем крушение поезде. И, разумеется, если Крамден и впрямь целым и невредимым до земли добрался. А он как пить дать добрался в лучшем виде. Иначе его дикие вопли уже вся округа бы слышала. Слишком уж этот тип на плаксу похож».

С этим вагоном им здорово повезло. Все его пассажиры были взрослыми и неплохо физически подготовленными, кроме той пожилой пары, с которой Питер уже общался.

Сара вошла в дверь, затаскивая за собой спасательное кресло. Затем они вместе с супругом пожилой дамы туда ее пристроили.

— Питер,— тихо сказала ему Сара, когда закончила.— Почему бы нам не высадить это стекло и не спустить ее прямо отсюда? Это будет куда проще, чем в муках подтаскивать ее к следующему купе.

— Отличная мысль. Накрой их чем-нибудь, а я тут с окном поработаю.

Сара и пожилая пара сгрудились в углу купе под голубым одеялом, на котором имелась ярко-красная эмблема магнитно-левитационной линии. Все трое наблюдали, как Редер раскачивается, накапливая энергию, а потом с диким воплем бьет по стеклу ботинком.

Коммандер отскочил от окна с такой силой, что почти вылетел из двери, прежде чем Сара ухватила его за штанину и притормозила полет. Упершись ладонями по обе стороны от дверного прохода, Редер толкнулся обратно. Зубы его громко скрипели от напряжения.

— Ч-черт побери,— прохрипел он.— Ну и стекло!

— Отрадно знать, что хоть что-то на этом поезде еще как надо функционирует,— пробормотала Сара.

— Лучше бы ты мне с ним помогла.— Редер снова встал в исходную позицию.— Двое здесь как пить дать лучше, чем один.

Сара встала у него под боком, и они дружно принялись пинать стекло. Десять, пятнадцать, двадцать ударов. Наконец Сара тяжело осела на пол и откинула со лба мокрые от пота волосы.

— Кажется, предполагалось, что это более простой вариант? — выдохнула она.

Редер шлепнулся рядом и с прищуром воззрился на непокорное стекло, словно оценивая возможности врага.

— Что нам нужно,— процедил он,— так это как-то его проткнуть. Тогда мы его за пару пинков вышибем.

Сара задумчиво кивнула, но вид у нее был при этом такой, как будто она к долгому и тяжелому рейсу готовилась.

Пожилая пара с сомнением переглянулась, но ничего не сказала.

Редер поднялся на ноги.

— Может статься, еще пара-другая пинков,— пробормотал он и несколько раз подпрыгнул на носках.

Тут поезд накренился, и пожилая дама вскрикнула. Ее крик был подхвачен в других купе по всему вагону.

— Мы тут совсем заморочились и потеряли из вида то, что от нас на самом деле требуется,— сказала Сара.— Я поднимусь и встану у лебедки. Вы, сэр, спускайтесь к первому вагону и ждите там вашу жену.— Она ухватилась за трубу и быстро вскарабкалась наверх.— Готово! — крикнула она оттуда.

Они с Редером тревожно наблюдали, как пожилой мужчина медленно и мучительно спускается. Сара могла бы поклясться, что чувствует у себя под ногами легкое подрагивание, и молилась, чтобы этот человек оказался на чем-то твердом, если поезд опять соскользнет.

Наконец пожилой мужчина добрался до купе, из окна которого была спущена спасательная труба.

— Готово! — крикнул он.

Редер вытолкнул кресло с пристегнутой к нему пожилой дамой из купе. Там, в полном согласии с его инструкциями, дама покрепче ухватилась за трубу, чтобы Питер смог как следует расположить кресло. Когда он все подготовил, Сара медленно начала отпускать лебедку. Питер велел женщине отпустить трубу, а сам обхватил кресло руками и ногами, не давая ему ударяться о стенки во время спуска. Когда они добрались до двери того купе, из окна которого была спущена спасательная труба, Редер поднял руку, и Сара заблокировала механизм. Переправив кресло с пожилой дамой в купе, Редер высунул из двери ладонь. Сара снова стала отпускать шнур, пока Редер не сжал руку в кулак, давая ей знак остановиться.

Вскоре он снова появился и дал ей знак продолжать. Сара повиновалась и, как ей показалось, целую вечность отпускала шнур, пока Редер не вернулся к знаку «достаточно».

— Наконец-то,— пробормотала Сара и тоже спустилась вниз.— Есть тут еще кто-нибудь на борту? — Она заметила, что несколько пассажиров второго вагона уже присоединились к тем, что спустились к этому купе из третьего.

— Не знаю,— отозвался Редер.— Давай выясним.— Высунувшись из двери купе, он громко крикнул: — Эй! Здесь кто-то еще остался?

— Помогите! — крикнул ему в ответ женский голос.— Вы меня слышите? Помогите, я тут застряла!

Питер и Сара переглянулись. На лицах у обоих были выражения типа «вот так так».

— Уже идем,— зычно произнес Питер.— Производите какой-нибудь шум, чтобы мы знали, где вас искать.

Громкий стук женщины привел их к самому перегибу вагона. Последнее скольжение так сузило проход, что даже стройной Саре было туда никак не пролезть.

— Вы здесь? — спросил Редер.

— Здесь,— донесся ответ женщины из самой узкой части перегиба.

Питер прекрасно видел, что дверь в ее купе тоже перекосило. «Тут ей никак не выйти»,— подумал он.

— Похоже, вашу дверь заклинило,— сказал он вслух.

— Да, черт побери! Если б ее не заклинило, зачем бы я, интересно, до сих пор здесь торчала?

— Уместное замечание,— согласился Питер.— Послушайте, я хочу посмотреть, не удастся ли к вам через окно пробраться. Держитесь там и не беспокойтесь, если меня какое-то время не будет слышно. Я не ушел, я просто другие варианты пробую.

— Хорошо, только по-шустрому их там пробуйте!

Сара с трудом сдержала смешок и направилась обратно по коридору, а Питер устремился за ней. Дверь в соседнее купе тоже заклинило, но на негромкий стук никакого ответа не последовало.

— Почему ты так тихо стучишь?

— Потому что не хочу, чтобы тетушка Полли бучу подняла.

Сара захихикала.

— А знаешь, тетушка Полли ей очень подходит.

Третья дверь оказалась открыта, а триплекс в окне сильно растрескан.

— Годится,— негромко сказал Питер. Они с Сарой переглянулись, а потом с дружным воплем «и-йя!» одновременным пинком вышибли триплекс из рамы.

— Эй! — завопила тетушка Полли.— Что там стряслось?

— Нам тут пришлось окно вышибить,— крикнул в ответ Редер.

— Воплями, что ли? Вы там совсем с ума спятили? — Судя по всему, дама уже не на шутку разнервничалась.

— Ничего, держитесь,— крикнула ей Сара.— Пойду лебедку возьму,— сказала она Питеру.

Вряд ли имело смысл заставлять эту женщину собственными силами выбираться из окна. Кроме того, она могла быть ранена.

— А здесь хватит длины, чтобы ее на землю спустить? — спросил Редер, когда Сара принесла лебедку.

Она пожала плечами.

— Кто его знает?

— Сомневаюсь, что она хотела бы об этом услышать,— с сомнением сказал Питер.

— Это точно,— тихонько прошептала Сара.

— Эта дама еще тот персонаж,— добавил Питер, цитируя свою матушку.

Он обвязался шнуром, соединенным со спасательным креслом, и сел спиной к открытому окну. В этом месте спуск к следующему окну был почти вертикальным. Окно в следующем купе было разбито, а вот в том, что дальше, целехонько.

— Черт побери,— устало выругался Редер.

— Что такое? — Сара высунулась из окна рядом с ним и увидела идеальную гладь надежного триплекса.— Черт побери,— тоже выругалась она.

— Вот-вот, и я об этом,— проворчал Редер и начал спускаться. «Может, что-то получится, если я хорошенько оттолкнусь и обеими ногами по нему вдарю?» — подумал он.

У самого края окна Питер так и сделал, после чего мячиком отскочил от вагона. Он бил снова и снова, стараясь попадать в одну и ту же точку.

— Чем вы там, черт возьми, занимаетесь? — заверещала тетушка Полли, шлепая по стеклу ладонью.— Выпустите меня отсюда!

Челюсть у Редера отпала, и он в последний раз врезался ногами в стекло, а потом развернулся к нему боком. Тетушка Полли явно была уроженкой планеты с большой гравитацией. Низкорослая, мускулистая и поперек себя шире.

«В спасательное кресло ее никакими силами не всунуть,— подумал Питер.— Проклятье, я даже не уверен, что она в это окно пройдет».

— Я тут пытаюсь стекло разбить,— крикнул он ей.— Иначе вас никак отсюда не вызволить. Но оно не подается.

— Это просто черт знает что,— прорычала тетушка Полли.

Она ткнула локтем в стекло, и бледный мускулистый сустав, запросто пробив триплекс, оказался почти перед носом у вконец обалдевшего Редера.

— Проклятье! — рявкнула женщина, втянув руку обратно в купе.— В рекламках пишут, что этим материалом порезаться невозможно! А вы только гляньте, люди добрые!

Питер глянул и увидел малюсенькую царапинку чуть выше локтя тетушки Полли, откуда еле-еле сочилась кровь.

Затем он помотал головой и сделал глубокий вдох, приходя в себя, после чего занял нужное положение.

— Внимание,— предупредил Питер женщину.— Отойдите к двери и отвернитесь от окна. Сейчас я войду.— Он несколько раз ударил ногой, и куски триплекса полетели в купе.

— Спасибо, что предупредили,— сказала дама, стряхивая осколки с волос.— Меня зовут Полли,— добавила она, протягивая ему массивную ладонь.

Ухмыляясь как последний дурак, Питер пожал эту ладонь. Его так и подмывало сказать «здравствуйте, тетушка», а потом по-идиотски расхохотаться. «Хотя,— подумал Питер,— учитывая ее нрав, вряд ли ей это сильно понравится». Закончив подтягивать шнур, он указал на прикрепленное к нему спасательное кресло.

Полли взглянула на кресло, затем на Редера, затем опять на кресло.

— Я в эту штуку не влезу,— усмехнулась она.

— Да, пожалуй, не влезете,— согласился Питер.— А что, если мы вам какую-нибудь спасательную упряжь сварганим? Могли бы вы так спуститься?

Полли взяла шнур и потрясла им перед носом у Питера. В ее здоровенной ручище толстый шнур казался тоненькой ниточкой.

— А это вам как? — осведомилась женщина. Глаза ее горели медленным огнем.

— Он гораздо крепче, чем кажется,— заверил ее Питер.

— Эта штуковина,— сказала Полли, хватаясь за кресло,— не была рассчитана переносить женщину моего объема. По-моему, справедливо предположить, что этот шнур тоже,— заключила она, отчеканивая каждое слово, после чего швырнула кресло в окно.

«Мы можем спустить вниз спасательную трубу...— подумал было Питер.— Хотя нет, не выйдет. Вряд ли она сумеет хорошенько за нее ухватиться. А кроме того, эти трубы на самом деле не рассчитаны на то, чтобы удерживать всю твою массу. Они должны лишь контролировать твое падение, когда ты внутри. А чтобы Полли попала внутрь, эту трубу придется целиком перерезать. Как мы тогда ее закрепим?» Он сел и задумался.

Полли презрительно на него глянула и подошла к окну. Там она успела поймать ногу Сары за долю секунды до того, как та попала бы ей прямо по носу.

— Ой! — сказала Сара.— Добрый день.

— Очень добрый,— проворчала Полли, втаскивая ее внутрь.

— Ладно,— сказал Питер.— Либо мы как-то скрепляем эти кресла и спускаем вас, используя обе линии, либо вы хватаетесь за оба шнура и спускаетесь сами.

— Я что, приятель, на альпинистку похожа?

Редер внимательно на нее взглянул. «Нет,— подумал он,— ты скорее похожа на женщину, которая горы запросто со своего пути сдвигает».

— Послушайте,— сказал он вслух.— У нас не так много вариантов. И все эти варианты достаточно скверные. Но самый худший из них — это остаться здесь и ждать, пока прибудут спасатели.

Полли сурово на него глянула. Питер развел руками.

— Вы правы,— сказала она и с трудом сглотнула.— Я просто ужасно боюсь.

Сара похлопала ее по плечу.

— Вы справитесь,— заверила она женщину.

Редер показал ей, как делать спасательную упряжь, и, искусав себе все губы, Полли все-таки ее смастерила.

— Вы сильная,— сказал ей Питер.— Вы запросто с этим справитесь.

— И здесь не так высоко,— добавила Сара.

— Я запросто с этим справлюсь,— дрожащим голосом повторила Полли.

Они дружно ей кивнули, и Редер помог женщине залезть на подоконник.

— О Боже,— пробормотала Полли, глядя вниз.— Кажется, меня сейчас стошнит.— Затем он бросила гневный взор на Сару.— Здесь дьявольски высоко.

— Вы можете это сделать,— спокойно сказал ей Питер.— Просто помните, о чем мы вам говорили.

Полли перевела дыхание и качнулась вперед. Глаза ее распахнулись, когда она задела ногами за край вагона.

— Эй! — крикнула могучая дама.— Это так легко! — Она раскачивалась взад-вперед.— И так забавно!

Питер с Сарой улыбнулись друг другу и прокричали своей невольной ученице слова ободрения. Считанные секунды спустя Полли уже приземлилась и с энтузиазмом им замахала. Они замахали в ответ.

Тут поезд опять заскользил, и теперь уже не на шутку. Питер с Сарой выпрыгнули наружу и ухватились за два раскачивающихся шнура, пока следующий вагон опускался, окончательного перегибая вагон Полли и выдавливая его в их сторону. Падающий поезд вынудил их спускаться стремительно и бесконтрольно. Затем они вдруг обнаружили, что лихорадочно взбираются вверх, ныряя в окно одного из вагонов. Дальше в падении поезда последовала пауза, и они, снова выскочив наружу, так стремительно заскользили по шнуру, что мигом содрали себе ладони.

Оглянувшись назад, Редер увидел, что вагон над ними застыл, благодаря какому-то гравитационному фокусу балансируя на верху вагона Полли. В тот самый момент, когда они наконец-то приземлились и побежали, вагон потерял равновесие и стал падать.

Обернувшись, Сара невольно толкнула Питера вбок — он упал, а она об него споткнулась, и они вместе покатились вниз по крутому склону, крича во всю глотку.

Все вокруг затряслось, когда почти двадцатиметровый вагон ударился о землю — клочья травы полетели в разные стороны, деревья и кусты затрещали, а удушливое облако пыли рванулось вверх вместе с целым роем всевозможных крылатых существ, до смерти перепуганных. Выглядело все так, словно кто-то выдул большую тучу разноцветных пузырей.

Когда пыль рассеялась, Редер и Сара увидели, что их вагон начисто отломился, а два других вагона остались по-прежнему прикреплены к магнитно-левитационной трассе. Они также заметили, что приземлились всего в каких-то полутора метрах от рухнувшего гиганта.

— Ох ты, Господи,— выдохнула Сара и притянула Редера к себе.

«Сомневаюсь, что я бы сейчас на что-то настолько членораздельное сподобился»,— подумал Питер, ошарашенно гладя ее по спине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через полтора часа все уже стало выглядеть более-менее организованно. Многие пассажиры оказались военнослужащими, так что раненых разложили аккуратными рядами и обеспечили

им уход. Воду и продукты разместили на одном участке, невредимых штатских на другом.

— Как все замечательно выглядит,— одобрительно заметила Сара.

— Ага,— проворчал Редер.— Но где все эти спасательные команды? Они чертовски опаздывают.

Проводники сказали им, что по мере своего продвижения поезд передавал определенные сигналы, указывая, где он в настоящий момент находится. Не говоря уж о спутниковой информации. Несмотря на странный обрыв связи, на станции уже давно должны были знать, что что-то случилось.

Но спасателей по-прежнему и в помине не было.

Редер и Сара как раз проходили через самый центр того, что они уже стали называть штатским анклавом, когда средняя девочка Фаронов вдруг подскочила к ним и сосредоточила полные обожания глаза на Питере.

— А папа знает, где ты? — спросил он.

Малышка кивнула, радостно улыбаясь.

— Как там твоя мама? — спросила Сара.

Лицо девочки мгновенно вытянулось.

— Она плачет! — призналась она, явно до глубины души потрясенная. Мамам вообще-то плакать не полагалось.

— Ничего страшного,— спокойно сказал Питер.— Ей очень сильно по голове досталось. Ты бы тоже плакала, могу поручиться.

Девочка, похоже, засомневалась.

— Я храбрая,— заявила она.

— Это правда,— сказал Питер Саре.— Она очень храбрая.

— Покатаешь меня? — спросила малышка, протягивая к нему руки.

— Ладно.— Теперь уже в голосе Редера прозвучало сомнение.— А где твой папа? Я бы тебя как раз к нему подвез.

Брови девочки опустились в нетерпеливом изгибе, а нижняя губка оттопырилась.

— Ну, он сказал, чтобы я пошла поиграла.— В ее голосе ясно прозвучал намек на то, что папе при этом было все равно, увидит он еще когда-нибудь свою дочку или нет.

— А когда это было, малышка? — спросила Сара.

Взгляд, которым девочка наградила Сару, не оставлял никаких сомнений насчет того, что она подумала об этой женщине, столь бесцеремонно вмешивающейся в разговор с предметом ее обожания. Впрочем, отдаляющаяся перспектива покататься оставляла этому обожанию все более шаткий фундамент. Ребенок так красноречиво пожал плечами, что оба взрослых тут же ясно припомнили, какое представление о времени имели в пятилетнем возрасте они сами.

— Ну ладно,— сказал Редер, садясь на корточки.— Прыгай на борт, и мы пойдем твоего папу поищем.

— Ур-ра! — Обежав вокруг Питера, девочка взяла его шею в свой патентованный удушающий захват.— Н-но, лошадка!

— Не так крепко,— прохрипел Питер, слегка ослабляя захват.— Дай лошадке немного воздуха.

Оставляя у себя в кильватере ободряющие возгласы и улыбки, они поскакали к участку раненых. Впрочем, оказавшись в его границах, Питер перешел на шаг и шикнул на полную энтузиазма девочку у себя на закорках.

— Деми! Где же ты была, деточка? — Ее отец подошел к юной наезднице и снял ее у Питера со спины.

— Привет, папа,— как ни в чем не бывало отозвалась та.

— Спасибо, что ее нашли,— сказал Фарон.— Получается, вы нам уже четвертый раз на помощь приходите? Позвольте, я вас с женой познакомлю,— продолжил он, прежде чем Редер успел ответить.

— Нет-нет, извините,— запротестовала Сара, которая уже увидела Лизу Фарон, на вид предельно больную и измотанную. «В таком состоянии,— подумала она,— никого нельзя принуждать с кем-то знакомиться».— Нам надо срочно с проводниками переговорить,— объяснила она, беря Питера под локоть.— Идем, милый.

Редер обменялся рукопожатием с Фароном, помахал Деми и взял за руку Сару.

Когда они отошли чуть поодаль, Питер уголком рта спросил:

— Что там с проводниками?

Сара ухмыльнулась.

— Просто предлог. Мне показалось, несчастной женщине сейчас не до знакомств.

— Я так и подумал,— сказал Питер.— Но то, чтобы было после «идем», мне особенно понравилось.— Он обнял ее и прижал к себе.— Вообще-то я стараясь удержаться от того, чтобы снова проводников дергать.

— Да,— со вздохом согласилась Сара.— Проводники сейчас не больше нашего знают.— Они поцеловались. Несколько затянувшийся поцелуй прервал чей-то возглас:

— Это еще что за чертовщина?

Они открыли глаза и никаких перемен не заметили.

— Вы о чем? — через плечо крикнул Редер.

— Я о той белой вспышке,— ответил ему пожилой мужчина.— Вон там.— Он указал на северо-восток.

Питер и Сара переглянулись. На северо-востоке находился космопорт. «Вот те на»,— подумал Редер.

— Термоядерная бомба? — предположила Сара, плотно сжимая губы.

— Воздушный разрыв,— согласился Питер, снова поворачиваясь к ней.— Я бы сказал — порядка пяти мегатонн. Нам нужно срочно до базы «Маргарита» добраться. Как можно скорее.— «До «Непобедимого»,— мысленно добавил он.

Оглядевшись, Редер заметил каменистый пригорок, взобрался на него и рупором приложил ладони ко рту.

— Внимание! — прокричал он.— Внимание! Всем здоровым военнослужащим собраться здесь! — Затем Редер снова это повторил. Люди стали сбегаться. Лица их были тревожно нахмурены, многие щеголяли синяками и повязками. За военными прибыла и толпа здоровых штатских.

— Я коммандер Редер с ККС «Непобедимый». А это — капитан-лейтенант Джеймс. Нам надо срочно вернуться в Твиллингейт к космопорту.

— А как же мы? — недовольно прогудел один из штатских.— Вы ведь не собираетесь нас здесь бросить? Что будет с ранеными?

— Если по правде,— ответил Питер,— то вам здесь может оказаться куда безопасней, чем в городе. А когда мы прибудем в Твиллингейт, то наверняка сможем выяснить, почему к нам до сих пор не пришла никакая помощь. Кроме того, после нашего ухода вам останется больше воды и продуктов.

— Вы собираетесь пешком отсюда уйти? — спросил один из проводников, и в его голосе прозвучала смесь шока с недоверием.

Редер поморщился. В идеальных условиях им потребовались бы всего сутки хорошего марш-броска до города. Но та местность, по которой они до сих пор путешествовали, хотя и являла собой роскошное зрелище, для пешего похода представлялась довольно паскудной. Одна крупная река, несколько болот, масса расщелин и множество не слишком дружелюбных диких животных.

Коммандер открыл было рот, чтобы заговорить, но затем остановился.

— Слушайте,— сказал он.

Поверх шелестящего ветерка и стрекота насекомых слышался тонкий вой. Определенно механического происхождения, этот вой с каждой секундой становился все громче.

Все стали оглядывать небо и наконец сосредоточились на северо-востоке. Там показалась пара черных точек. С поразительной быстротой точки набухли в две спасательные машины. Эти машины зависли над местом крушения поезда, нашли подходящую площадку для приземления и медленно опустились. Люди бросились поприветствовать спасателей, отмахиваясь от старой листвы и прочего мусора, который при посадке разворошили устаревшие, но достаточно мощные моторы машин.

На борту каждой из машин раскрылась единственная дверца, и оттуда тут же были спущены трапы. Мужчины и женщины в светло-голубой униформе высадились, неся с собой аптечки. На верху одного из трапов встал пожилой мужчина и поднял руку, призывая всех к тишине.

— Ввиду независящих от нас обстоятельств в данный момент мы сможем забрать только тяжело раненных в этой катастрофе,— сказал он.

Собравшаяся толпа расстроенно загудела.

— Каких обстоятельств? — выкрикнула одна из женщин. Толпа одобрительным гулом сопроводила этот вопрос.

— Все коммуникации нарушены,— сказал им мужчина в голубой униформе.— Всей истории я на самом деле не знаю. Я только знаю, что еще по меньшей мере целые сутки мы сюда вернуться не сможем.

Теперь в гудении толпы послышалась откровенная тревога.

— У нас есть палатки, раскладушки, одеяла, продукты и вода,— продолжил спасатель.— Никакая опасность вам не грозит. И мы будем эвакуировать самых тяжело раненных среди вас. Кроме того, мы оставим здесь часть нашего квалифицированного медицинского персонала. А завтра, я надеюсь, в нашем распоряжении будет больше спасательных машин, которые смогут за вами прибыть.

Редер стоял, скрестив руки на груди, и прислушивался к речи спасателя в окружении собранных им военнослужащих.

— Что ж,— мрачно сказал он затем.— Теперь, люди, все зависит от нас самих. Если мы хотим как можно скорее вернуться в Твиллингейт, нам надо заставить этот поезд...— он оглядел трассу,— или, точнее, то, что от него осталось, заработать.

В ответ послышался одобрительный гул.

— Есть среди вас инженерный персонал? — спросил Питер.

Поднялись три руки, и Редер обнаружил, что в его распоряжении оказался один лейтенант и два вторых лейтенанта.

— Итак, люди,— сказал коммандер, указывая наверх.— Что нам требуется, чтобы это дело заработало?

— Значит, так, сэр,— заговорила лейтенант Тиффани Саттон, явно думая на ходу.— Вон тот последний вагон имеет точно такую же панель управления, что и первый, который разбился. Прежде всего нам нужно избавиться от лишнего груза. Я так прикидываю, нас здесь всего человек восемьдесят, так что мы вполне могли бы поместиться в одном вагоне.

— Понятно,— кивнул Питер.— Итак, мы отсоединяем последний вагон, удаляем оттуда сиденья и все остальное, от чего там можно избавиться. Но как нам его запустить?

Три инженера стали переглядываться, переминаться с ноги на ногу, тереть носы и подбородки, кивать и хмыкать, а затем все как один повернулись к Редеру.

За всех снова заговорила Саттон:

— В каждом вагоне есть аварийные батареи. Мы можем собрать их со всех вагонов и соорудить что-то вроде локализованной магнитно-левитационной системы. Батареям предполагается работать двенадцать часов, но такой режим опустошит их в лучшем случае за пять.— Она ненадолго погрузилась в сомнения, молча консультируясь со своими коллегами-инженерами.— На самом деле, пожалуй, за четыре,— наконец признала Тиффани.

Редер покачал головой, а затем развел руками.

— Это все равно лучше, чем всю дорогу пешком топать,— резонно заметил он.

На путешествие до этой отдаленной точки у них ушло шесть часов. Но они ехали очень медленно. Тем не менее, даже если бы последний отрезок маршрута отряду пришлось одолеть пешком, использование вагона сэкономило бы им по меньшей мере часов девять-десять.

— Итак, решено,— сказал Редер своему отряду.— Давайте за дело. Сара, поговори с проводниками, выясни, как отсоединить тот вагон. Затем собери бригаду и сделай это. А вы,— он указал на несколько мужчин и женщин,— вы и вы, заберите из упавших вагонов аварийные батареи.

Еще пару человек он послал к спасательной команде, чтобы позаимствовать у спасателей любые инструменты, при помощи которых можно было бы снять сиденья. Затем Редер в последний раз, как ему хотелось надеяться, взобрался по спасательной трубе к магнитно-левитационной трассе, чтобы помочь там с работой.

Когда она очнулась, тьма вокруг была хоть глаз выколи. Первым, что в тот момент осознала лейтенант Синтия Роббинс, стало шипение, которое ее и пробудило. А вторым — кромешный мрак. Такой мрак мог царить только в задраенном отсеке без всякого освещения, когда словно бы плотный бархат ложился тебе на глаза, озаряемый стробами и вспышками твоей сетчатки.

Третьим, что осознала Синтия, был мускусный, немного терпкий запах. Она сразу его узнала. И хотя запахом своего любимого мужчины Синтия обычно наслаждалась, хорошего было понемножку. Он так на нее навалился, что она едва дышала.

Синтия хотела сказать «Падди», но вышло только «Пдд».

Тут-то она и вспомнила. Они шли на совещание с местным квартирмейстером, готовясь пререкаться по поводу заказа на утраченные детали. «Непобедимый» пришлось поставить в ремонтный док, предназначенный для роскошного гражданского лайнера. На военной базе ничего подходящего не нашлось.

Страшно неудобно было находиться в нескольких милях от штаба и каждый день таскаться на совещания по тому или иному поводу. Они с Падди без конца об этом ворчали, труся по длинному тоннелю, который вел к стоянке подземного челнока, подвозившего их до военной базы.

— Пакостно уже то,— возмущался Падди,— что нам по десять раза на дню сюда кататься приходиться.— «Десять», понятное дело, было диким новоирландским преувеличением.— Но этот чертов тоннель две мили в длину, если я хоть что-нибудь в этом смыслю.

«Скорее полмили,— подумала Синтия,— но это простительно».

— Они тут что, движущуюся дорожку не могли оборудовать? — с жаром вопросил Падди.

— Надо полагать, они хотели, чтобы мы ни дня без хорошего моциона не оставались,— ответила ему тогда Синтия.

А потом... потом она очнулась — и Падди лежал на ней, грозя вот-вот ее раздавить.

— Падди,— сумела она все-таки выговорить, слабо его отталкивая.— Слезь.

Вскоре Синтия почувствовала, как он вздрагивает, а затем слегка смещается в сторону.

— Слезь,— попросила она.— Ты же меня раздавишь.

Падди наконец-то с нее соскользнул, и Синтия повернулась набок. Так у них, судя по всему, больше места получалось.

— Где мы? — жалобно спросил здоровенный новоирландец. Затем Синтия почувствовала, что он шевелится. Похоже, Падди пытался поднять голову и оглядеться.— Что это еще за чертовщина?

— Может, газ? — предположила она, все еще слыша действующее на нервы шипение.— Взрыв газа?

Синтия помахала рукой у себя над головой и никаких препятствий не встретила. Тогда, сдерживая стоны, она села. То, что их долбануло, похоже, превратило ее тело в сплошной синяк. Постоянно помахивая у себя над головой, Синтия аккуратно подобрала под себя ноги и начала вставать. Когда она встала прямо, то приподнялась на цыпочки и достала до потолка. Он показался ей немного неровным, вроде как в палатке; впрочем, в кромешной тьме сложно было что-либо разобрать.

— По-моему, ты сможешь встать, если будешь осторожен,— сказала она Падди.

— Знаешь, милая, мне что-то не очень охота.

— Ты ранен? — с тревогой спросила Синтия, присаживаясь на корточки и протягивая к нему руки.

— Могу поклясться, временами мне лучше бывало. Но если я и ранен, то не смертельно.

Найдя лицо новоирландца, Синтия приложила к его широкой щеке маленькую чашечку своей ладони.

— Тогда зови меня лейтенант.— Хотя она старалась говорить резко, в голосе все равно слышались радость и облегчение.— Мы на службе.

Падди ухмыльнулся во тьме.

— Есть, лейтенант мой любимый. Хотя мне кажется, мы тут одни, а значит, субординации особо не нарушаем.

В этот самый момент послышалось какое-то шуршание, словно пересыпались мелкие камушки, и вспыхнул свет, почти ослепляя их обоих после полной темноты. Когда зрение наконец к ним вернулось, Падди и Синтия приметили лицо, различимое только по белкам глаз, что таращились из грязи.

— Помогите,— произнес сухой голос капитана Каверса.

— Штатские в форме, черт побери,— пробормотала Ван Чунь-мэй, старший помощник «Непобедимого».

Она уверенно вела тягач-вездеход по краю воронки, пока в голове у нее крутились обрывки того памятного разговора. Полные губы старпома растянулись в улыбке, когда она вспомнила, как капитан Каверс сказал: «Сэр, римляне не покоряли мир, проводя по этому поводу бесконечные совещания; они это делали, убивая тех, кто им противодействовал. Прошу прощения, но теперь я должен идти, ибо моим долгом является подготовить мой корабль к бою с врагами Содружества, а время уже поджимает».

Рот контр-адмирала Ковила все еще был открыт, когда капитан Каверс выходил из зала для совещаний, и только потом в ярости и смущении стал закрываться. То, что Ван осталась на месте, Ковила ничуть не утешило.

Но что еще мог поделать Каверс? Уже прошло столько бесполезных совещаний, что команда «Непобедимого» просто вынуждена была заключить, что так называемые офицеры на этой захолустной маленькой базе находят какую-то отраду в том, чтобы потереться локтями с настоящими, боевыми командирами.

А потом, в самом разгаре гневной диатрибы Ковила, крыша рухнула.

«Повиане,— подумала Ван Чунь-мэй.— Судя по очертанию корабля — точно повиане». Энергетические следы тоже были вполне характерны — не столь отличны от следов кораблей Содружества или мокаков, ибо законы физики всюду оставались одни и те же,— но тем не менее достаточно характерны. Ван вдруг поняла, что этот экзотический враг волнует ее и интригует. А также настораживает. Судя по донесениям контрразведки, повиане были умелыми, квалифицированными убийцами.

Однако вопрос о том, каким образом они сумели осуществить налет на военную базу, следовало оставить для другого дня. Первый же их заход нанес очень капитальный урон, обрушивая множество соединительных тоннелей, которые пронизывали главным образом подземную базу.

— Сэр! — крикнул молодой рядовой дежурному офицеру, когда Ван Чунь-мэй с контр-адмиралом вошли на командный центр.— Седьмой сектор запрашивает боеприпасы.

— Передайте им, что тоннели в той зоне обрушены,— ответил рядовому его командир.— Придется их поверху посылать.

— Вы не можете этого сделать! — брызгал слюной контр-адмирал.— Это самоубийство! Я вам категорически это запрещаю!

Ван Чунь-мэй расслышала, как молодой командир в седьмом секторе говорит:

— Сэр, мы здесь готовы делать нецензурные замечания и непристойные жесты, но на повиан они не действуют!

Она сомневалась, что контр-адмирал это услышал, поскольку дежурный офицер на командном центре позаботился о том, чтобы перекрыть эту ремарку собственным замечанием:

— Сэр, седьмой сектор отвечает за прикрытие этой части базы. Если они не получат хоть каких-то боеприпасов, и мы, и они станем легкой добычей для си... для противника.

«Вовремя ты спохватился,— подумала Ван.— Могу поспорить, что что контр-адмирал битых двадцать минут возил бы тебя мордой по столу за то, что ты противника сикарахами называешь». Не то чтобы Ковил был таким уж плохим человеком — просто он был гражданским администратором, спешно повышенным в звании, а не военачальником, и свои ресурсы уже исчерпал.

Ван старалась как можно дольше вести подпрыгивающий на ухабах состав с ракетами в тени обода воронки. Повиане могли видеть в ультрафиолете, не нуждаясь при этом в какой-то механической помощи. Так что они одинаково хорошо различали состав как в тени, так вне ее — быть может, в тени даже лучше. Но среди них были и мокакские пилоты, и от их атак обод обеспечивал хоть какую-то защиту. А кроме того, чисто инстинктивно это был наилучший выбор.

Внутри у Ван все сжималось от того ужаса, который ее разум старался держать на расстоянии. Впереди уже виднелся невысокий купол — место ее назначения. Оттуда то и дело следовали выплески лазерного огня — заметные благодаря направляющим лучам; временами также мелькали блики, когда пыль вплывала в тонкие, как прутик, столбики энергетических фотонов, но никаких ракет из-под купола не летело. Потому что ракеты туда везла она, Ван Чунь-мэй. Славный бы вышел взрыв, если бы какая-нибудь сикараха в ненужный момент глянула вниз и выбрала ее своей мишенью.

— Я просто не вправе просить кого-то брать на себя такой риск! — настаивал контр-адмирал.

— Мы здесь именно за этим, сэр,— сказала Ван в тишине, которой была встречена адмиральская ремарка.— Так что штатским не придется брать на себя такой риск. Я повезу боеприпасы.— У вахтенного офицера она спросила: — Где мне грузиться?

— Вы не можете этого сделать!

— Я не просто могу это сделать, сэр! Я должна.— И Ван Чунь-мэй вышла с командного центра.

Она самую малость гордилась этим своим ответом с «могу и должна». Из него можно было бы классную надгробную надпись сварганить. «Ну-ну,— осадила себя Ван.— Никаких негативных мыслей».

Так или иначе, она лучше бы погибла, пытаясь себя защитить, чем просто позволила бы сикарахам размазать ее в кровавое месиво по причине того, что Ковил не мог заставить себя приказать своим подчиненным рисковать своей жизнью. Если такой образ мыслей следовало считать негативным, то и черт с ним тогда.

Впереди что-то рвануло — не то бомба, не то ракета. Серебристый фонтан лунной пыли и камней расплескивался со зловещей медлительностью. Ван хладнокровно обогнула очередную воронку, надеясь, что это была простая случайность, а не прямая атака на ее маленький, медленно движущийся тягач. Впереди, уже в каких-то пятистах метрах, маячило иссиня-черное отверстие, ведущее в седьмой сектор. Тут лазерный луч резанул по земле совсем рядом с кабиной тягача.

«Значит, это была не простая случайность»,— подумала Ван.

Сбросив землю с груди и плеч капитана, Падди и Синтия обнаружили, что его пояс придавлен здоровенной плитой кладки. Сама плита, сделанная из пеносинкрета, была почти невесома, но она поддерживала тонны грунта, и только чудо удерживало ее от того, чтобы разрезать Каверса пополам. Падди и Синтия подперли плиту с обеих сторон кусками того же самого материала, а затем принялись рыть вокруг капитана, с мучительной медлительностью освобождая его тело от грунта. Но когда они потянули его за плечи, Каверс вскрикнул.

— Я застрял! — сказал он затем.— Мне там что-то ногу прижало.

Переглянувшись, Падди и Синтия обменялись безмолвным «вот черт!»

— Которую ногу, сэр? — спросила Синтия.

— Правую,— ответил Каверс и закрыл глаза.

Синтия не была уверена, потерял ли капитан ненадолго сознание или просто проявлял невероятную стойкость; так или иначе, она удвоила свои усилия по откапыванию его ног. Они с Падди сняли рубашки, чтобы использовать их как мешки для грунта, который она откапывала и передавала новоирландцу.

— Как думаешь, когда за нами придут? — спросил Падди у Синтии, как будто капитан не мог его слышать.

Каверс тактично промолчал, но подумал: «Надеюсь, раньше, чем воздух кончится».

— Все в свое время, старшина,— сказала Синтия.— Давайте для начала освободим капитана и окажем ему первую помощь. А потом станем заботиться о том, как нам отсюда дорогу прорыть.

Падди невольно ухмыльнулся. И тому, как Синтия обратилась к нему по званию перед находящимся почти без сознания капитаном, и ее предположению, что они сами себя спасут.

— Вы правы, лейтенант.— Падди сопроводил свой официальный ответ всей той любовью, которую он к ней испытывал, и ему показалось, что в темноте тоннеля, который копала Синтия, замерцала ее улыбка.

Они не торопились высвобождать Каверса, то и дело медля, чтобы проверить ненадежную крышу над головой. Кроме того,

Падди и Синтия побаивались, что еще больше поранят Каверса, если станут раньше времени его двигать. Наконец, Синтия добралась до того места, где капитану прижало ногу.

И внутренне похолодела. Длинный кусок стали, точно старинный меч, пронзил икру Каверса за самой костью и вонзился глубоко в землю. Рана кровоточила, но равномерно, без пульсации, что Синтия приняла за добрый знак. И все же она чувствовала себя совершенно беспомощной. Они не могли удалить кусок стали, не могли перевязать рану, а лубок потребовал бы постоянной поддержки.

Синтия выползла из дыры, которую сама же и проделала.

— Мы не можем его вытащить,— сказала она Падди и слегка сжала ему плечо.— Надо отсюда выбираться.

Падди почесал в затылке и огляделся их крошечное убежище.

— В какую сторону? — спросил он, разводя руками и шлепая ладонью по стене.— Откуда нам знать?

Синтия внимательно огляделась. Куда они направлялись, как далеко были от станции, как далеко от челнока? Волевым усилием она заставила себя вспомнить, где она находилась, когда капитан включил свой фонарик. Дальше Синтия смогла вспомнить, как именно она лежала, прежде чем встала. Но как они упали — вперед или назад? Она взглянула на капитана.

«Итак, капитан шел к нам навстречу,— подумала Синтия.— А это значит, что если мы будем рыть от его ног, то должны добраться до станции.— Тут она подавила в себе подозрение, что при взрыве их могло разбросать.— По крайней мере, это наверняка был взрыв. Случайный? Или какая-то вражеская атака?»

— Вот в эту сторону,— решила Синтия.— Я буду продолжать рыть от ног капитана. Это должно привести нас к станции.

— Грунт я буду вот здесь упаковывать,— сказал Падди, указывая на более глубокую часть их каморки.

Он не стал спорить о том, кому следует вычерпывать землю. Миниатюрная фигурка Синтии означала, что ей требовалось перемещать меньше грунта, а учитывая то ограниченное пространство, которое у них оставалось, это был важный фактор. Как только Синди доберется до спасателей, они смогут вычерпывать грунт с другой стороны. Падди старался не думать о том, что будет с ними со всеми, если по ту сторону капитанских ног Синтия пророет себе дорогу не в тоннель, а на поверхность спутника.

— Седьмой сектор, это Ван Чунь-мэй, старпом «Непобедимого». Я сейчас примерно в пятистах метрах от вас, буксирую состав с самонаводящимися ракетами и противоракетами. Вы бы мне какой-то заградительный огонь не обеспечили?

Улыбка облегчения расползлась по смуглому лицу лейтенанта Денизы Коралес.

— Есть, мэм,— сказала она в интерком.— Я вижу вас, мисс Ван, сейчас мы вас прикро...

Тут наверху что-то пронеслось так стремительно, что показалось просто смутным пятном на фоне звезд. Пучок частиц, судя по всему, пущенный вниз из плазменной пушки, был виден в вакууме. Во все стороны полетели каменные осколки, а часть заднего левого угла самой последней тележки медленно движущегося состава получила попадание.

— Что случилось? — настойчиво спросила Коралес.

— Получено попадание, но удар каким-то чудом вышел скользящим,— ответила Ван.— Впрочем, показания моего шлема дают очень большой скачок радиации. Вероятно, треснула оболочка боеголовки. Так что если вы там еще не в скафандрах, то в темпе в них забирайтесь.

Дениза нахмурилась.

— Мэм, я не могу допустить в это помещение поврежденную ракету,— сказала она.

— Прекрасно понимаю ваше положение,— спокойно отозвалась Ван Чунь-мэй.— И тем не менее, от радиационного отравления вас вылечат. Если же вас порвут на куски, никакие лечение вам уже не поможет. А это совершенно определенно случится, если вы не получите эти боеприпасы.— Старпом явственно чувствовала, как сзади идет тепло, а кожу покалывает, словно при солнечном ожоге. И прекрасно понимала, что все это чистое воображение — учитывая ее защиту, пройдут многие часы, прежде чем симптомы действительно проявятся.

Ощущая колебания лейтенанта, Ван сказала:

— Мы сможем отсоединить поврежденную ракету и вытолкнуть ее наружу, что несколько уменьшит радиоактивное заражение. Но прямо сейчас я приказываю вам открыть аварийные ворота.

«Что ж,— подумала Коралес, набирая на своем пульте команду открыть ворота,— это прямой приказ, и не повиноваться ему я не могу». Отчего ей стало немного легче. Настолько легче, что она и ее команда успешно отбили бешеную атаку повиан.

Наконец снизу, от ракетных установок, пришло сообщение.

— Мы полностью заряжены, лейтенант.

Предельно хищная улыбка расползлась по лицу Денизы.

— Вот и хорошо,— сказала она.— Теперь мы повианам точно задницы надерем.

Командир эскадрильи Берни Шелдон по прозвищу «Бешеный» с трудом заставил себя не стрелять. Попади он в низко летящего повианина, падение вражеской машины причинило бы базе куда больший ущерб, чем бомбы этих паскудных сикарах. Шелдон ждал с беспредельным спокойствием — или, по крайней мере, с таким спокойствием, какое вообще возможно, когда твоя машина

летит на межпланетной скорости совсем рядом с холодным и, главное, очень твердым камнем. Совсем скоро сикараха выйдет из пике, и тогда Шелдон получит ее в свое распоряжение. Его «спид» парил как орел; тень его лежала на хвосте повианской машины точно знамение неумолимого рока. Враг несся дальше, по-прежнему по-над самой поверхностью.

«Так даже лучше,— думал Шелдон.— Так у тебя даже места для уклонного маневра не будет». Наконец кончики его пальцев шевельнулись в управляющих перчатках перегрузочного кресла, и в ушах у командира эскадрильи раздался писк, пока идиотично-эрудированный мозг самонаводящейся ракеты прицеливался и производил запуск. «Спид» дал резкий крен; на такой близкой дистанции пролетело лишь едва различимое мгновение, прежде чем перед Шелдоном возникла роскошная сфера пурпурного огня. Расширяющийся газовый шар тряхануп боевую машину Содружества как при проходе через верхние слои атмосферы. Шелдон резко развернул «спид» и добавил горючего, чтобы погасить скорость, а затем стрелой устремился вверх. Гигантская лавина, точно в замедленной съемке, прокатилась по мертвым каньонам Маргариты, пока избыток кинетической энергии повианского корабля преобразовывался в пар, тепло и движение.

«Они воюют так, будто жизнь для них ничего не значит,— с толикой отвращения подумал Шелдон.— Странно. Представителю любого вида, способного строить звездолеты, следует заботиться о том, живет он или умирает. С мокаками все понятно — они фанатики. Но они по крайней мере люди. А эти повиане воюют так, будто они детали одной машины. Заменимые детали, раз уж на то пошло. Вроде боеприпасов». Он не верил, что повиане так ненавидят людей, что их убийство стало для них чем-то вроде мании. И сомневался, что они вообще способны на какие-то сильные чувства.

«Тогда почему они так умирают?» — спросил себя Шелдон.

Командир эскадрильи выстрелил из бортового орудия, и отдача помогла ему навести нос «спида» на цель; затем он стал наблюдать, как мокакский «спид» распадается на части, как его горящие куски разлетаются по сторонам, словно в какой-то сверхзвуковой демонстрации фейерверков. Этот по крайней мере увернуться пытался...

По интеркому между пилотами происходил обмен постоянно обновляющимися планами и мрачными шутками. И казалось, что каждую секунду в пламени гибнет повианин или мокак. Но их было больше, чем содругов, и крупные участки базы оказались уничтожены. Огненные шары то и дело вспыхивали в той зоне, где перебитые трубопроводы испускали взрывоопасные газы — и быстро гасились пожарными бригадами. Открытый купол главной станции к великому облегчению всех содругов оставался нетронутым.

Бортовой компьютер выдал предупреждение. Что-то огромное ползло вниз, но туман частиц большой энергии скрывал детали. Затем бесстрастное сопрано бортового компьютера сообщило:

— Судно является авианосцем.

Победные крики раздались в его наушниках. Враг выходил из боя... Итак, это был всего лишь налет, а не вторжение.

— Давить сикарах! — заорал командир эскадрильи.— Устроим им прощальную вечеринку!

Едва не загоняя свой «спид» за красную черту, Шелдон помчался за повианином. Но тот упорно оставался вне радиуса обстрела. Похоже, сикараха уже успела до миллиметра этот радиус просчитать. Скрипя зубами, командир эскадрильи добавил еще.

— Внимание,— спокойно предупредил его бортовой компьютер «спида».— Расстояние до базы вскоре превысит объем горючего, необходимого для возвращения на базу.

— Мать твою! — проревел Шелдон. Дисциплинированный боец, он прекратил погоню, но на сердце у него была такая горечь, как будто сикараха его обставила.

Где-то впереди наверняка таился корабль-носитель, ожидая, чтобы их подобрать. Хотя с этими тварями, что с мокаками, что с повианами, ни в чем нельзя было быть уверенным.

— Твою мать,— еще раз выругался Шелдон, но уже тише. А затем произнес: — Обратный курс к «Непобедимому», дамы и господа. Благодарю за отличную работу.

Он не стал особо воспевать их победу, ибо она таковой не ощущалась. Да, большинство повреждений, а они выглядели очень серьезными, было нанесено в первые несколько мгновений неожиданной атаки. С этим ничего было не поделать, и все же в разрушениях чувствовался горький привкус неудачи.

Как же они все это проделали? Тут командир эскадрильи тяжко вздохнул. «Очередной предатель,— подумал он.— Что ж, пусть это будет проблемой базы Наобума. По крайней мере, «Непобедимый» новых повреждений не получил. Иначе был бы просто позор. С бедной девушки только-только гипс сняли».

Падди огляделся, высматривая, куда бы ему высыпать очередной мешок земли, который передала ему Синтия. Свои огромные ножищи новоирландец расставил по обе стороны от головы Каверса, а плечи его упирались в грунт, который он складывал в груды и как можно плотнее спрессовывал. Места не оставалось, и этот новый мешок уже просто некуда было девать.

Падди начинал чувствовать себя заживо погребенным. Собственно говоря, таковым он и был, только раньше ему удавалось не допускать это до своего сознания.

— Любимая,— сказал он.— Придется тебе остановиться.

— Лейтенант,— донесся глухой отклик.

— Вылезай оттуда,— сказал Падди,— и посмотри, что тут творится.

— Лейтенант,— упорно настаивала Синтия, кряхтя и виляя задницей, пока она выбиралась из тоннеля.— Вылезай... те... лей... те... нант.

Ее ноги первыми показались из дыры. Они потыкались по округе, выискивая хоть какое-то место, где не было бы Падди или спрессованного грунта, но ничего не нашли.

— Вот черт,— сказала Синтия. «Что же мне теперь делать?» — задумалась она. Ей хотелось задать этот вопрос вслух, но раненный Каверс, возможно, опять лишился сознания, а Падди был ниже рангом. «Хотя, с другой стороны,— подумала Синтия,— коммандер Редер, похоже, никогда не считал для себя зазорным спросить совета у старшины ар-Рашида или у того же Падди». Разумеется, здесь была другая ситуация. Синтия облизнула губы, затем сплюнула прилипшую к ним землю.

— Есть у вас какие-то мысли? — поинтересовалась она.

— А там нигде никакого света не проглядывало? — напряженно спросил Падди.

— Нет,— после долгого молчания отозвалась Синтия.

Затем она услышала, как Падди что-то бормочет.

— Что там такое? — крикнула девушка.

— Слышишь тот стук? — спросил новоирландец.— Он меня уже с ума сводит.

Синтия прислушалась. Вскоре, приглушенный окружающим ее со всех сторон грунтом, этот стук она все-таки расслышала. «Естественным он быть не может,— подумала девушка.— Слишком ритмичный».

— Это звучит... как азбука Морзе,— медленно проговорила она.

— А ты понимаешь, что там говорится? — спросил Падди, и в его голосе прозвучала надежда.

Синтия покачала головой, затем ответила вслух:

— Нет. Мне очень жаль, но я не понимаю. Быть может, капитан понимает.

— Капитан без сознания,— отозвался Падди, снова мрачнея.

Затем он достал из кармана небольшой инструментик и, просунув руку сквозь дырку в плотно спрессованном грунте, постучал им по трубе, которая, не сомневался новоирландец, питала их кислородом. Последовала пауза, а затем стук опять начался, и Падди с радостью в нему присоединился.

— Они нас нашли! — воскликнул он.— Слава Богу, черт меня побери, они нас нашли!

Синтия рассмеялась вместе с ним.

— Если бы я могла, я бы вас сейчас обняла,— сказала она.

— Тогда позволь я тебе помогу, лейтенант мой любимый.

Падди нагнулся, ухватил ее за тонкие лодыжки и вытащил из дыры вместе с целым ворохом грунта. Синтия удивленно вскрикнула, а затем вдруг поняла, что стоит перед ним на руках.

— И что теперь? — поинтересовалась она. Казалось невозможным, чтобы она перевернулась в нормальное положение или чтобы ее перевернул Падди. Там просто не было места.

— Я помогу тебе, любимая.— Он ухватил ее поперек живота.

— Отставить! — рявкнула Синтия.— Я на капитана упаду!

— Но милая моя, ты же не можешь так оставаться! — возразил Падди.— Могут уйти часы, пока нас отсюда отроют.— Он начал смещать ее вес.

Синтия треснула его по лодыжке.

— Нет!

Падди машинально поднял ногу и понял, что теряет равновесие. Вместе они повалились на лежащего без сознания капитана. Падди вскрикнул, дернулся назад — и к своему удивлению продолжил падать. Поднялся ветер, когда спертый воздух стал вырываться через дыру в потолке тоннеля. Тут же Падди на голову натянули кислородную маску, и чьи-то руки потащили его наверх.

— Капитан,— успела вымолвить Синтия, указывая пальцем, прежде чем ее тоже обеспечили кислородной маской.

— Его шипом пригвоздило,— добавил Падди, приподнимая маску.

Спасатели уже были в дыре.

— Порядок, мы его нашли,— сказал кто-то.

Падди и Синтию провели по тоннелю к челноку, который мигом доставил их на роскошную стоянку «Непобедимого». Бой закончился, еще когда они были под землей, и лейтенант со старшиной поняли, что им больше нечего делать, кроме как дожидаться, когда их «спиды» вернутся домой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Редер, Сара и их небольшой отряд самых разных военнослужащих легкой трусцой поднимались к вершине холма. Все глаза были сосредоточены на множестве столбов дыма, что тянулись к густым облакам.

Большинство обитателей Наобума проживали в городе, что было типичным для этого поколения планет-колоний. Расположенный в парковой зоне, Твиллингейт поднимался в небо без обычной прелюдии предместий. Местами попадались отдельные фермы, на отдалении виднелся автоматизированный рудник, но никаких сел или деревушек не наблюдалось. Кроме большого города, там, по сути, ничего не было.

Так что те столбы дыма указывали на разрушение зарождающейся цивилизации целой планеты.

После того, как магнитно-левитационные батареи сели, отряд шел, затем бежал — на пожар. Легкие Питера горели, а в горле уже начинал ощущаться медный привкус.

Многие мили никакого встречного транспорта им не попадалось, хотя по обочинам дороги стояло немало легковых машин и грузовиков, окруженных озадаченными водителями и их семьями. Чем ближе отряд подходил к городу, тем больше по обочинам стояло машин.

Наконец они поднялись на вершину холма, и Редер поднял руку, предлагая всем остановиться. Прежде Твиллингейт являл собой настоящую симфонию садов, цветочных клумб и тянущихся к небу башен пастельных цветов. Теперь это было море горящих руин, где среди пламени и дыма виднелись лишь уродливо изогнутые балки.

— Боже,— вымолвил кто-то.— Вот, значит, что после термоядерного взрыва бывает.

— Нет,— покачал головой Редер.— Там нет воронки. Только воздушные разрывы — от защитных ракет. Но некоторые были чертовски близко к земле.

«По крайней мере, мы чистые ракеты используем»,— подумал до глубины души потрясенный Редер. Так что на город должно было осесть не так много радиации с ее жуткими последствиями. И все же это было видение ада.

— Смотрите! — вдруг сказала Сара. Ее рука взметнулась, указывая на пару плазменных факелов, прожигающих себе дорогу к спутнику.

Редер чувствовал, как губы его сами собой растягиваются в улыбке облегчения, пока он наблюдал за тем, как две пурпурные вспышки пронзают небо.

— Военный космопорт по-прежнему в работе,— заключил он.

— Слава Богу,— пробормотала Сара.— Но как мы на один из тех челноков попадем?

— Все в свое время, капитан-лейтенант,— урезонил ее Питер.— Сперва мы все-таки должны до космопорта добраться.

Он махнул рукой, и отряд продолжил свой путь. Пока они трусили дальше, Питер все думал про эту атаку. Наобум находился глубоко в пределах Содружества. Казалось невозможным, чтобы враг нанес подобный удар.

«Конечно, это мог быть самоубийственный рейд»,— подумал Питер. И все же в таком рейде виделось совсем мало практического смысла. Наобум в первую очередь представлял собой место проведения отпусков; ни тяжелой промышленности, ни каких-то невозместимых минералов на планете и в помине не было.

«Все верно,— подумал Питер,— здесь в первую очередь психологический фактор на ум приходит. До боли досадно от того, что враг сумел подобраться так близко. Пожалуй, именно в этом был смысл. Мол, раз мы смогли подобраться так близко, и вы нас не засекли, стало быть, точно так же мы сможем и к Земле подобраться. Однако реально нам это повредить не должно».

Все это казалось так непохоже на мокаков. Да, разумеется, они всегда рады были пожертвовать собой, но при этом предпочитали забирать с собой как можно больше содругов.

— Что вы обо всем этом думаете, капитан-лейтенант? — тяжело дыша, спросил Редер.

— Они сообщают нам, что могут где угодно до нас добраться,— ответила Сара.— Или пытаются нас сломить.

Они остановились. Впереди городскую улицу перегораживали горящие руины. Там, где лежали разбитые верхушки зданий, дымящиеся груды были утыканы кинжалами стеклянных осколков и искореженного металла.

Слышались крики и рыдания — голоса звали на помощь, снова и снова выкрикивали имена.

— Честно говоря,— мрачно проговорил Питер,— меня это что-то не очень сломило.

— Меня тоже,— искоса на него глянув, буркнула Сара.

— Сэр?

Редер обернулся. К нему обращалась лейтенант Саттон. Он кивнул, позволяя ей продолжать.

— Как мы от всего этого уйдем? — Она обвела рукой жуткие разрушения.— Эти люди нуждаются в любой помощи, какая им только может быть оказана.— «Скажите, что нам делать?» — умоляли ее глаза.

Питер огляделся. Городские службы были разгромлены вместе со всем остальным; большая часть сети гражданской обороны, скорее всего, тоже. Вся гражданская электроника была выведена из строя электромагнитной пульсацией взрывающихся бомб, а значит, спасательные команды и больницы, если таковые вообще остались, оказались лишены связи. Не говоря уж о том, что весь город лежал в руинах. Губы коммандера вытянулись в тонкую струнку.

— Мы люди военные,— сказал он своему отряду.— Наш долг — прибыть на свой пост. Кто-то из нас несомненно будет назначен на эту планету, чтобы помогать тут с ранеными, расчищать весь этот беспорядок. Но остальные, скорее всего, срочно понадобятся на базе «Маргарита».

Он мотнул головой в сторону спутника, и отряд пришел в заметное смятение. Наверняка база получила более тяжелые повреждения, и с ними куда сложней будет справиться. Именно поэтому везде, где только можно, военные базы размещались на безвоздушных спутниках или планетоидах.

— Так или иначе, чтобы с наибольшей пользой нас применить, им потребуется знать, кто мы такие и какими навыками мы обладаем. Не говоря уж о том, что наши близкие, безусловно, заинтересуются тем, живы мы или нет. Так что нашей конечной целью должен стать космопорт.— Он оглядел мрачные лица своих соратников.— Но это вовсе не означает, что мы будет игнориро-

вать все, что будет попадаться нам по дороге. Это лишь означает, что сразу всем в этом городе мы помочь не способны.

Затем Питер повернулся и внимательно осмотрел лежащую перед ним улицу. «Здесь нам никак не пройти»,— решил он.

— Значит, так,— продолжил он, поворачиваясь обратно.— Космопорт находится за городом на северо-востоке. Мы пойдем в обход.— С этими словами Питер перешел на трусцу. Сара побежала рядом, а остальные, после некоторых колебаний, к ним присоединились.

Нелегко было продолжать двигаться к цели. Далекие страдальческие вопли врезались в самые души, пока отряд проносился мимо. Питер упорно старался смотреть прямо перед собой, а позади его соратники делали то же самое.

— Ма-ама!

Питер резко развернул голову; крик словно бы раздался прямо за спиной. Менее чем в трех метрах от него вверх тянулась водопроводная труба, и к ней, отчаянно суча маленькими ножками, метрах в семи над землей лип ребенок.

— Прекрати трепыхаться,— крикнул Редер.— Держись, сейчас мы тебя снимем.

Вокруг больше никого не наблюдалось. Все голоса, которые они слышали, были глухие и далекие.

Редер помедлил и внимательно осмотрел здание. Наконец взгляд его сосредоточился на перепуганном ребенке. Затем руки и ноги коммандера проследовали по маршруту, найденному его глазами, и считанные мгновения спустя он уже был на месте.

— Ну вот,— сказал Питер, хватая ребенка, как оказалось, девочку, за талию.

Без лишних слов она обвила ручонками его шею, а короткие ножки обхватили его пояс. Сперва девочка набрала полные легкие воздуха, а затем вдруг разразилась воем почище аварийной сирены. «Вот и другому уху конец»,— с горечью подумал Питер.

Когда коммандер спустился на землю, Саттон взяла у него ребенка, нежно замурлыкала и принялась его баюкать.

— Еще одна девочка,— заметила Сара, улыбаясь Питеру.

— Пу-усик! — сказала малышка, указывая вверх пухлой ручонкой.— Хочу моего Пусика!

Тут из здания вылетела небольшая лавина всевозможного мусора, и они отступили назад. Лейтенант Саттон закрыла девочку своим телом. Когда пыль рассеялась, ребенок опять начал требовать своего Пусика.

— Что это еще, черт побери, за Пусик? — шепотом спросил Редер у Сары. Сара пожала плечами, затем приложила ладонь к глазам, защищаясь от солнца, и посмотрела туда, куда указывала девочка.

— А, понятно,— сказала она.— Какая-то аэрорыбина.

Пусик оказался небольшим бледно-лиловым пузырем, роскошные плавники которого грациозно порхали, а черные глаза-бусинки смотрели в никуда.

— Пусик! — Девчушка обеими руками потянулась к своему любимцу.

— Неохота мне за этой ерундовиной возвращаться,— проворчал Питер.

Пусик был привязан к крючку длинной золотой ленточкой; он слегка покачивался на легком ветерке.

— Это же мочевой пузырь на нитке, Сара!

— А я тебе ничего и не говорила,— прошипела она.

— Мама! — вдруг закричал ребенок.

Сара и Редер одновременно вскинули головы и увидели женскую руку, свисающую с самого края того, что недавно было полом одной из квартир.

— А вот за ней я вернусь,— сказал Питер.

— Ясное дело,— отозвалась Сара, передавая ему моток тонкого шнура, который они прихватили из поезда.— И Пусика, кстати говоря, не забудь.

Женщина оказалась жива, но без сознания. «И слава Богу,— подумал Редер.— Слишком уж скверно у нее рука сломана». Если бы она вдруг очнулась, спуск стал бы настоящим кошмаром для всех.

Соорудив из части дверного косяка и одеяла носилки, они продолжили свой поход к космопорту.

Душевный покой из всех членов отряда сохраняла лишь маленькая девчушка. Когда Пусик и мама были рядом, ее мир был полон гармонии, хотя маме уже следовало бы проснуться. Все прочее оставалось всего лишь незначительными деталями.

Внезапно последовала вспышка из плазменного оружия.

— Сэр! — крикнул кто-то.

Но Питер уголком глаза уже это заприметил. Влево уходила еще одна перегороженная улица, где руины вздымались на три метра в вышину. Здания по обеим сторонам улицы по-прежнему имели несколько нетронутых этажей, и по их останкам было очевидно, что здесь располагался очень богатый район.

«Такая роскошная панорама,— подумал Питер,— должна целой планеты стоить».

За баррикадой из обломков последовала вспышка света, после чего раздались дикие вопли. «Надо бы как-то с этим разобраться,— подумал Питер, оглядывая лежащие впереди развалины.— Было бы слишком оптимистично надеяться, что мы доберемся до космопорта, по пути ничего такого не встретив».

Последовала целая серия выстрелов, и вопли сделались почти истеричными. Редер повернулся и указал на трех солдат; остальным он жестом велел следовать дальше. Сара косо на него глянула, но

кивнула. Затем она махнула рукой, предлагая людям идти вперед, бросила последний взгляд на Редера и присоединилась к отряду.

Питер с тремя солдатами забрались на баррикаду, которая оказалась короче, чем они ожидали, когда они добрались до самого верха. Внизу находилась небольшая группа людей, большинство из которых были одеты в униформу, какую обычно носят частные охранники. С оружием в руках они притаились за барьером из развалин. С высоты своей баррикады Редер и его соратники смогли заглянуть в одно из разбитых окон близлежащего здания и разглядеть там другую группу людей, которая возилась с каким-то явно нелегальным оружием.

— Есть у кого-то бинокль? — спросил Редер.

И ему на ладонь тут же положили бинокль. Пока что всякий раз, когда коммандеру что-то требовалось, кому-то из его людей удавалось ему это предоставить. «Видывал я запланированные кампании, которые гораздо хуже снабжались»,— подумал Питер, поднося к глазам бинокль. Люди в здании тут же оказались как на ладони. «Черт побери! — потрясенно подумал коммандер.— Да это же Скелли Бриггс!»

Теперь вся эта ситуация представала совсем в ином свете. Скелли Бриггс был связан со всеми сомнительными предприятиями на Наобуме. Впрочем, слово «сомнительный» можно было в данном случае скорее считать комплиментом. Эпитеты «гнусный» или «преступный» — а лучше, и тот, и другой — куда больше подходили для описания делишек старины Скелли.

— Там Скелли Бриггс,— вслух сказал Питер.

— Вы шутите,— вырвалось у одного из рядовых.— Прошу прощения, сэр,— тут же добавил он.

Редер передал ему бинокль.

— Ну и ну.— Парень опустил бинокль и посмотрел на коммандера.— Что мы будем делать, сэр?

— Н-да,— вслух задумался Редер.— Один из крупнейших гангстеров на этой планете и его телохранители друг в друга палят.— Он еще немного подумал, затем пожал плечами и посмотрел на молодого рядового, которому он отдал бинокль.— Ничего мы будем делать,— заключил коммандер и начал спускаться обратно по баррикаде из руин. Трое солдат озадаченно глазели на него сверху вниз.— Идемте, ребята,— сказал он им.

Солдаты посмотрели на гангстерскую разборку, переглянулись, затем все же последовали за Редером.

— Они штатские,— с тревогой в голосе заметил один из солдат, обращаясь к коммандеру.— Скверные штатские, это верно, но все-таки штатские.

— Мы не планетарная полиция,— ответил ему Редер.— Это не наше дело.

— Но маленькой девочке и ее матери мы все-таки помогли,— заметил другой солдат.

— Там все было предельно просто,— объяснил им Питер.— Во-первых, ни девочка, ни ее мама не палили из плазменных пистолетов. Во-вторых, они не были знаменитыми ублюдками самого гнусного пошиба. Я никогда не поставлю свою жизнь — или вашу, раз уж на то пошло — на одну доску с жизнью банды социопатов и психотиков. Эти парни в любой момент могут прекратить свою разборку, если захотят. А наше вмешательство может закончиться только тем, что они временно объединятся и начнут палить не друг в друга, а в нас. Все, конец обсуждению.

«Лучше сберечь дыхание для пробежки до космопорта»,— подумал Питер.

— Что там было? — поинтересовалась Сара, когда он ее догнал.

— Скелли Бриггс и его громилы друг другу остатки мозгов вышибали.

Споткнувшись от изумления, Сара обратила на него большие глаза.

— Ты уверен? — выдохнула она.

— Еще как. Я его раньше видел.— Питер невесело усмехнулся.

Сара молча покачала головой.

— Интересно, есть хоть одна станция, на которой можно было бы совсем от тараканов избавиться? — задал риторический вопрос Редер. «Конечно же нет,— ответил он сам себе.— Тараканы — это Скелли Бриггсы мира насекомых. Они переносят почти абсолютный вакуум и такую жесткую радиацию, которая даже крысу поджарит. Именно поэтому мы развезли тараканов по всем планетам и обеспечили ими все поселения, которые мы там основали.

Редер действительно видел Бриггса — еще до войны. И еще до того, как Бриггс стал такой знаменитостью. В то время Космический Отряд воевал в основном с пиратами и контрабандистами, и его личный состав проводил массу времени, изучая всех этих подонков. Скелли Бриггс был одним из самых тошнотворных. Когда началась война, он стал жутко патриотичным. Разумеется, лишь в том смысле, что делать деньги на проводящих свои отпуска сотрудниках Космического Отряда было куда выгодней, чем на самой грандиозной нелегальщине.

— Ну и ну,— опять покачала головой Сара.— Из всех людей, которые пережили бомбежку... Ну почему вечно так получается?

Впереди толпа народа спешно устремилась прочь от города, затем повернула назад. Одно из зданий сперва словно бы завибрировало, после чего величественно осело в гигантском облаке пыли.

— Эй! — крикнула им женщина из толпы.— Куда так спешите!

— К космопорту,— ответил Редер, подбегая к ней.— Мы военнослужащие и намерены прибыть куда следует.

— Значит, вы намерены просто игнорировать все, что здесь происходит? — крикнула женщина, и ее широкое лицо покраснело от гнева.— Здесь людям нужна помощь, а вы просто хотите умотать с ветерком, как будто ничего не случилось?

— Как только мы прибудем туда, куда мы должны прибыть, нас немедленно направят туда, где мы сможем принести наибольшую пользу,— сказал ей Редер.— Но мы не сможем направиться туда, где мы больше всего нужны, пока не узнаем, где это.

— Болваны! — завопила женщина.— Там, где вы нужны, вас никогда не бывает! Почему вы, черт вас возьми, не смогли это предотвратить? — Она в отчаянии обвела рукой разрушенный город, и слезы хлынули у нее по щекам.— Здесь целые семьи погребены! Вы не можете так просто нас бросить!

— Вам нужна помощь? — спокойно осведомился у женщины Редер.— Хорошо, сейчас я вам помогу. Эй! — крикнул он.— Слушайте все! Есть у кого-нибудь, чем писать?

Один из мужчин показал ему небольшой блокнот и перо.

— Отлично. Начинайте записывать имена и фамилии. Когда он закончит,— сказал Редер остальным,— вы должны будете разбиться на отряды по пять-шесть человек и вернуться в город. Первому отряду следует отыскать какое-то устойчивое и безопасное место, чтобы вы все провели там ночь. Если такое найдется. Если нет, вы можете разбить здесь лагерь. Второй отряд должен найти запасы воды и продуктов и принести их сюда. Третий отряд должен найти одеяла и медицинские принадлежности и тоже принести их сюда. Остальным следует искать уцелевших и пытаться, если возможно, наладить контакт со спасательными службами. Если вы найдете спасательные службы, сообщите им ваши фамилии и фамилии всех тех людей, которые с вами. Через три часа вы все снова встречаетесь здесь. Есть вопросы?

Никто не отозвался. Все посмотрели на коммандера, затем друг на друга.

— Вы, с пером,— сказал Питер.— Как вас зовут?

— Гарри Понд.— Хлипкий пожилой мужчина явно был напуган свалившейся на него ответственностью.

— Итак, собирайтесь вокруг Гарри и говорите ему ваши имена и фамилии. Затем формируйте отряды по пять-шесть человек. Все понятно?

Толпа заволновалась, люди стали медленно подбираться к Гарри. Питер тронул за руку женщину, которая на него наорала.

— Вы здесь главная. Запомнили, что вы еще должны сделать? — спросил он.

Женщина перевела дыхание, вытерла глаза и кивнула.

— Спасибо,— пробормотала она.

— Удачи,— сказал ей Редер.

Женщина кивнула, и коммандер махнул своим людям двигаться дальше.

То и дело оглядываясь через плечо, Сара наблюдала за тем, как люди разбиваются на отряды. Один из них вскоре двинулся к городу.

— Похоже, людям просто нужен человек, который скажет им, что делать,— сказала она Питеру.— То есть, на самом деле они

сами прекрасно знают, что им делать — просто им нужно, чтобы кто-то взял на себя ответственность.

— Ага.— Питер лишь раз оглянулся.— Наконец-то хоть что-то налаживается.

Сразу за городом, у космопорта, был разбит громадный полевой госпиталь. Там с измученными и потрясенными лицами толклись, как показалось Питеру, тысячи людей. Большинство из них были в той или иной степени ранены.

Коммандер быстро оглядел территорию госпиталя, а затем повернулся к тем людям, которых он туда привел.

— Все это похоже на гражданскую операцию,— сказал он.— Мы оставим здесь женщину и ее маленькую девочку. Носильщики, лейтенант Саттон и я об этом позаботимся. А вы, капитан-лейтенант, ведите людей к космопорту.

Сара кратко кивнула и вместе с остальными в темпе направилась дальше. Редер понаблюдал за тем, как они уходят, а затем снова повернулся к своему небольшому отряду.

— Давайте попробуем зайти вон туда,— сказал он, указывая на заметную поверх голов большую палатку.

Коммандер пошел впереди, аккуратно прокладывая дорогу.

— Извините,— говорил он направо и налево.— Пропустите тяжелораненую.

Люди медленно расходились по сторонам. Лица их были тупыми от потрясения, а кожа и одежда — серыми от пыли. Почти все вели себя очень тихо. Временами кто-то из детей кричал, и маленькая девочка тут же начинала хныкать. В целом ощущение было зловещее — вроде затишья перед бурей.

Очень скоро они оказались у входа в палатку, где средних лет мужчина в пыльном синем комбинезоне сидел за регистрационным столом. Перед ним лежали перо и блокнот.

— Послушайте,— обратился к нему Питер,— у нас тут женщина, которой срочно требуется медицинская помощь.

— Фамилия? — спросил мужчина.

— Мы не знаем. Она была без сознания, когда мы ее нашли.

— Могу я видеть ее документы? — Даже не глядя на Редера, он протянул руку.

— У нас нет ее документов. Ее дом почти целиком обрушился. Откровенно говоря, мне не кажется, что в подобных обстоятельствах ей нужны какие-то документы.— Питер уже начинал слегка раздражаться. «Должно быть, я сам немного в шоке, раз сразу бюрократа не распознал»,— подумал он.— Послушайте.— «Слушай, придурок»,— мысленно добавил коммандер.— Этой женщине,— он обеими руками указал на фигуру на носилках,— нужна помощь.

Мужчина сделал скучающее лицо.

— Она гражданка?

Редер на мгновение задохнулся, хотя на лице у него ничего такого не отразилась. «Этот парень серьезно?» — задумался он.

— Гражданка чего?

— Планеты Наобум, разумеется,— официальным тоном отозвался мужчина.— Поскольку наши возможности весьма ограничены, в первую очередь обслуживаются граждане.

— Мы нашли ее на втором этаже здания на краю города. Так что я думаю, резонно предположить, что она не только гражданка, но и чертовски богатая гражданка.

Чиновник принялся разглядывать собственный нос.

— Но доказательств этого вы предъявить не можете,— произнес он. Тон мужчины предполагал, что уж ему-то Питер никакой липы не подсунет.

Редер слегка расставил ноги и упер руки в бока.

— Можно тут с кем-то еще переговорить? — спросил он.— С кем-то, у кого нормальное человеческое сочувствие имеется?

Бюрократ сузил глаза и указал своим пером на коммандера.

— Вы ведь военный, не так ли?

— Я гражданин Содружества,— ответил Редер, чуть подаваясь вперед.— Как и эта женщина. Которая, как гражданка Содружества, имеет право на пользование всеми общественными службами вместе и каждой в отдельности.

— Это еще как сказать,— проговорил мужчина, медленно поднимаясь, чтобы встать нос к носу с Редером.

Питер аж отшатнулся.

— Так вы полагаете, она из мокаков?

Бюрократ самодовольно улыбнулся, выпрямил спину и явно приготовился произнести назидательную речь.

— Доктор! — заорал Редер и махнул рукой, веля своему отряду входить в палатку.— Нам нужен доктор, эта женщина без сознания.— Он взял маленькую девчушку у Саттон и передал ее медсестре.— Доктор! — повторил коммандер, и женщина в белом халате подняла на него взгляд.

Он подошел к ней, взял ее за руку и указал на женщину на носилках.

— Эта дама находится без сознания с тех пор, как около часа тому назад мы ее нашли. У нее также очень скверный перелом руки. Вы ее не осмотрите?

Докторша кивнула и направилась к носилкам.

— Где нам ее положить? — спросил у нее Редер.

— Боюсь, коек у нас больше нет,— ответила докторша. Затем она огляделась и указала на ряд шкафов.— Пристройте ее вон там.— Она начала осматривать раненую.

Редер подошел к медсестре, которая пыталась вернуть маленькую девчушку в объятия отнекивающейся Саттон.

— Эта девочка — дочка той женщины,— объяснил он, указывая на носилки.— А это Пусик,— добавил он.— Все, мы пошли.— И, прежде чем медсестра успела сказать хоть слово, коммандер вывел свой отряд из палатки.

— Благодарю вас, сэр,— сказала Саттон.— А то я уже беспокоиться начала.

— Я тоже, лейтенант.

— Благодарю вас, капитан-лейтенант,— произнес коммандер Трент, с умным видом кивая.— Ваш рапорт достаточно полон.

— Благодарю вас, сэр.

Сара молча сидела перед коммандером, пока он что-то читал у себя на мониторе. Ей уже становилось довольно неловко от того, что он до сих пор ни разу не встретился с ней глазами.

— Думаю, лучшее, что я сейчас могу сделать,— твердо сказала Сара,— это вернуться к исполнению своих обязанностей на «Непобедимом».

— В самом деле? — пробормотал Трент. Его глаза ненадолго скользнули в сторону капитан-лейтенанта, но выше ее талии не поднялись.

— Так точно, сэр,— скрипя зубами, отчеканила Сара. От тона Трента ее уже воротить начинало.

Коммандер нажал несколько клавиш и нахмурился, ознакомившись с выведенной на экран информацией.

— Здесь говорится,— он нажал еще несколько клавиш,— что вы прибыли на Наобум для психологической оценки.— Трент повернулся и впервые посмотрел Саре прямо в глаза. На лице у него ясно читалось недоверие. Неужели она, капитан-лейтенант Джеймс, сочла его, коммандера Трента, таким идиотом, который может отправить душевнобольную на действительную военную службу?

— Это была обязательная оценка, потому что я побывала в плену у мокаков. Недолго,— добавила Сара, увидев, как Трент поднял брови.— Но прошлой неделе я была выписана и получила отпуск. Поскольку очевидно, что этот отпуск я здесь больше проводить не могу, я должна отправиться туда, где я буду способна принести наибольшую пользу.— Она одарила его холодной улыбкой.

Трент откинулся на спинку стула, сложив руки на коленях, и опять воззрился на монитор.

— Я не нахожу здесь решительно ничего, что указывало бы на выписку.

— Вы можете связаться с моим лечащим врачом в лагере «Стикс»,— сказала ему Сара.— С доктором Региной Пьянкой. Она...

Коммандер мотал головой, а на губах у него играла сочувственная улыбка.

— Боюсь, это невозможно, капитан-лейтенант. Вся гражданская электроника вышла из строя. Что такое электронные меры противодействия, вам, полагаю, известно. А допустить на службу офицера, подлежащего психологической оценке, своей властью я не могу.— Трент пожал плечами.— Мои руки связаны. Так что прошу прощения,— он повернулся обратно к экрану,— но здесь

есть люди, которых я действительно могу допустить обратно на службу.

Сара встала. Ее буквально душил гнев, но она старалась этого не показывать.

— Чем же вы предлагаете мне заняться, пока вам все-таки не покажется, что меня следует допустить обратно на службу, коммандер?

Его тонкие губы неприятно скривились.

— Полагаю, вы найдете способ сделать себя полезной, капитан-лейтенант. Стоит только оглянуться вокруг, и вы обнаружите массу вещей, которые требуется проделать.

Сара браво отдала ему честь, а Трент ответил на это чем-то вроде простого помахивания. Тогда она развернулась «кругом» и вышла из его кабинета размером чуть больше сортира. Сара испытывала страшную злость и унижение. Неужели так будет всю ее оставшуюся карьеру? Неужели всякий раз, как какой-нибудь паршивый бюрократ увидит упоминание об обязательной психологической оценке, с ней будут обращаться как с неразорвавшейся бомбой?

«Как же я стану с этим жить, если все так и будет?» — задумалась Сара. Этот вопрос ей очень хотелось бы задать Пьянке.

— Сара! — К ней подбежал Питер.— Тебя уже допустили?

— Черта с два,— ответила она.— Доктор Пьянка так меня и не выписала.— Ее губы вытянулись в струнку.— Согласно компьютеру, я по-прежнему нахожусь в процессе психологической оценки, и коммандер Трент нипочем не даст мне отбыть на «Непобедимый».

Темные брови Редера подскочили чуть ли не до затылка. А глаза его молча спросили, шутит она или говорит серьезно.

— Так он, по крайней мере, сказал.— Сара развела руками.— А связаться с Пьянкой никакой возможности нет, потому что все гражданские коммуникации...— Она вздохнула.— Короче, ты сам знаешь.

— Положись на меня,— сказал ей Питер.— Подожди меня в вестибюле. В баре, ладно?

Сара с сомнением на него посмотрела.

— Брось, Питер, он уже не передумает.

— О вы, маловерные.— Редер быстро наклонился и чмокнул ее в щеку, а затем развернул ее голову в направлении вестибюля.— Иди и попробуй занять там столик. Я скоро приду.

Сара невесело усмехнулась и пожала плечами.

— Ну да, конечно,— сказала она.— Когда коммандер общается с коммандером, все по-другому. Впрочем, хотела бы я ошибиться.

— Ты ошибаешься,— заверил ее Питер.— Скоро увидимся.— «И я очень надеюсь,— подумал он,— что принесу твой пропуск на борт». Если в этой Вселенной и оставалось что-то, на что можно было рассчитывать, так это то, что двое мужчин одного ранга всегда смогут договориться.

Редеру, понятное дело, пришлось подождать. Прошло битых полтора часа, прежде чем ему удалось хотя бы взглянуть на коммандера Трента.

Редер отдал ему честь.

— Коммандер Питер Эрнст Редер для исполнения своих обязанностей прибыл,— доложил он.

Трент отдал честь приблизительно в его направлении.

— А, да-да,— произнес он с легкой насмешкой в голосе.— Коммандер Питер Эрнст Редер. Я о вас наслышан. Вы, если не ошибаюсь, отчаянный лихач. Так, по крайней мере, ваша репутация утверждает.

— Репутации всегда преувеличены,— с улыбкой ответил Питер. «Почти всегда,— мысленно исправился он.— Могу поклясться, что твою репутацию, Трент, преувеличить никак невозможно. Раз уж тебе и впрямь случилось быть мелочным, узколобым, завернутым на уставе недоноском».

— Я слышал, у вас было несколько... авантюр,— сказал Трент. Слово «авантюра» он произнес примерно так, как обычно произносят слово «клизма».

«И еще завистливым,— подумал Питер.— Кажется, я про завистливость не упомянул».

— Ну, я кое-что видел, кое-где побывал,— с пренебрежительным смешком отозвался он.— Даже не знаю, можно ли это авантюрами назвать. «Те из нас, кто действительно на фронте побывал,— подумал Питер,— так никогда не выражаются. Про «авантюры» обычно тыловые крысы толкуют».

Коммандер Трент несколько холодных мгновений его изучал, после чего подался вперед и нажал несколько клавиш. Затем он нахмурился и поджал губы.

— Вы должны немедленно вернуться на «Непобедимый», порядок срочности высший. Это означает, что вы перескакиваете во главу колонны, коммандер.— Трент вставил в компьютер красную дискету, нажал какую-то клавишу, затем вытащил дискету и вручил ее Редеру.

— Мне бы хотелось позаботиться о том, чтобы со мной отправились все члены моей команды, которые могут здесь оказаться,— сказал Редер, кладя дискету в карман.— То есть, все те, кто сейчас реально находится в космопорту.

— Разумеется, коммандер. Когда они подойдут, мы их вышлем. Приказы, понятное дело, касаются команды в той же мере, что и офицеров.

— Здесь капитан-лейтенант Сара Джеймс,— сказал Питер.— Мне бы хотелось забрать ее с собой, когда я отправлюсь.

Судя по выражению лица Трента, Редер только что мог с таким же успехом провозгласить себя адмиралом флота.

— Прошу прощения,— проговорил Трент, явно благодарный судьбе за прекрасную возможность подложить Питеру свинью.—

Но боюсь, это невозможно. Капитан-лейтенант находится здесь для, гм, обязательной психологической оценки,— сказал он, беря в воздушные кавычки слово «обязательной».— Боюсь, она не может быть допущена к несению своей службы.

— Я лично разговаривал с лечащим врачом капитан-лейтенанта, коммандер Трент. Доктор Пьянка заверила меня, что капитан-лейтенант Джеймс в полном порядке, просто устала. Капитан-лейтенант была выписана, а последнюю неделю проводила здесь отпуск.

Трент мотал головой, тщетно стараясь спрятать улыбку.

— Прошу прощения, но в документах ничего этого нет. Мои руки связаны.

Редер подался вперед.

— Здесь чрезвычайная ситуация.

— Я знаю об этом, коммандер,— сказал Трент, выражая легкое раздражение.— Тем больше причин для того, чтобы я не отправлял на службу женщину с неизвестным состоянием душевного здоровья. Я не уполномочен принимать такое решение, и я этого делать не собираюсь.

— Возможно, вы меня недопоняли,— уперся Питер.— Ее врач заверила меня, что с ней все хорошо.

— Но у меня в документах этого нет,— продолжил настаивать Трент, указывая на компьютер.

— Она мне нужна,— сквозь зубы процедил Редер.— Она один из наших лучших пилотов.

— Ничем не могу помочь.— С самодовольным выражением на лице Трент театрально развел руками.

— Повторяю, ситуация чрезвычайная,— напряженно проговорил Редер.

— Это против правил,— резко парировал Трент.

Редер жестко на него глянул.

— Полагаю, это обо всем говорит, не так ли, коммандер?— Он встал и так отдал честь, будто выбрасывал из кулака какую-то липкую гадость.

— Послушайте,— сказал Трент, вставая,— если не соблюдать правил, начнется хаос.

Редер бросил на него последний презрительный взор, затем повернулся и пошел прочь.

Питер вошел в бар, ощущая себя грозовой тучей. Он уже проклял этого недоноска Трента на всех языках, которыми владел, и еще на нескольких, в которых отчаянно путался.

«Ненавижу таких офицеров»,— мысленно прорычал коммандер. И мысленно же себя одернул. Надо было двигаться дальше.

Оглядывая шумное, людное помещение, Сару он не заметил. Зато заметил кое-кого другого.

— Сэм!

Лысоватый, широкоплечий пилот обернулся, и на его некрасивом лице тут же выразилось радостное удивление.

— Редер! Вот так встреча! — Он пожал ему руку.— Дай-ка я тебя выпивкой угощу. Садись здесь, я не хочу свое место терять. Эй,— крикнул он бармену,— пиво моему другу!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Редер.

— Да вот, малость отдохнуть присел. Ну, ты понимаешь.— С печальным выражением на лице Сэм Козловский развел руками.— Всего сорок восемь часов тут и пробыл. А потом крыша рухнула.

— Спасибо,— поблагодарил Питер бармена, когда тот принес ему пиво.— Ты ведь на «Орионе», верно? — спросил он у Козловского.

— Ага.— Сэм похлопал себя по карману.— Уже и билет до работы взял. На следующем челноке отправляюсь.

Они немного поболтали о своих кораблях, о том, кто чем занимался с тех пор, как они в последний раз виделись.

— Ух ты, мать моя женщина,— вдруг сказал Сэм и подался поближе к Редеру.— Кто, интересно, вон та красотка?

Питер взглянул в ту сторону, куда указывал Козловский. Там сидела Сара. Вид у нее был очень обиженный, а ее карие глаза не отрывались от полированной столешницы. Он ухмыльнулся.

— Это не красотка, а капитан-лейтенант.

Козловский бросил на Питера подозрительный взгляд, а затем сокрушенно покачал головой.

— Похоже, она как раз в моем вкусе,— пробормотал Сэм.— А я тут, черт побери, с планеты срываюсь.

Редер понаблюдал, как его друг пялится на Сару. «Так-так»,— подумал он.

— А знаешь, приятель, пожалуй, я окажу тебе услугу. Я тебя с ней познакомлю.

С круглыми от удивления глазами Сэм повернулся к нему.

— Ты ее знаешь?

— Ага. Она из нашей эскадрильи.

— Пилот,— с тоской произнес Козловский.— Ну так познакомь меня с ней.— Он взглянул на Редера, а на лице у того сияла волчья ухмылка.— В чем дело? — спросил Сэм.

— Трент не отпустит ее со мной, а я подозреваю, что «Непобедимый» отчалит в тот самый момент, как я на нем окажусь.— Питер поднял руку, отметая лишние вопросы.— Я это нутром чую. Она один из наших лучших пилотов, и я хочу, чтобы она была с нами.

Сэм выпрямился, с недоверием глядя на Питера.

— Послушай, нет. Ты ведь не можешь просить о том... о чем ты, по-моему, просишь.

— И все-таки я прошу.— Питер с вызовом на него глянул.

Тут диспетчер объявил о посадке на очередной челнок и вызвал обладателей красных пропусков.

Сэм взглянул на Сару, затем снова на Редера.

— Тут должно быть не просто знакомство,— сказал он.— То есть, это же красный пропуск. А у нее только и будет шанс мне руку пожать. Дальше она просто исчезнет.

Редер кивнул, немного подумал, затем пожал плечами.

— Резонное замечание. Так чего ты просишь?

— Как минимум свидания.

Редер одарил его наигранно-суровым взглядом.

— Ну, приятель, ничего, кроме минимума, я тебе предложить не смогу. Я хочу сказать, все остальное будет от капитан-лейтенанта зависеть.

Сэм посмотрел на него, затем на Сару, затем снова на Редера.

— Идет,— сказал он, протягивая ему руку. Питер ее пожал.— Только давай в темпе.

— Сара.

Она подняла взгляд и, увидев выражение лица Редера, с надеждой ему улыбнулась.

— Это мой очень старый и добрый друг, старший пилот Сэм Козловский.

Сара удивленно заморгала, затем тепло улыбнулась и протянула Сэму руку.

— Любой друг коммандера — мой друг,— сказала она.

Сэм не отпускал ее пальцы, а на его широком, добродушном лице играла мальчишеская улыбка.

— Безумно рад с вами познакомиться, капитан-лейтенант,— сказал он.— Как жаль, что обстоятельства нашего знакомства такие неподходящие.

— Да уж,— пробормотала Сара.— Действительно неподходящие.— Она бросила косой взгляд на Редера, пытаясь по его широченной улыбке определить результаты переговоров с Трентом.

— Возможно, мэм,— кладя свою могучую лапу на ее взятую в плен ладонь, сказал Козловский,— в каком-то не столь отдаленном будущем, вы окажете мне честь продолжить наше знакомство.

Донельзя удивленная, Сара заглянула в его честные голубые глаза — и ей не смогло не польстить то восхищение, которое она там увидела.

С неподдельным удовольствием она ответила:

— Я тоже на это надеюсь, старший пилот.

— Сэм, если позволите,— попросил Козловский. Поднимая Сарину ладонь к своим губам, он не отрывал от нее взгляда, а затем поцеловал.— С надеждой на новую встречу.

Сара улыбнулась — просто не смогла удержаться. Женщина, особенно капитан-лейтенант, не каждый день встречается с такой необыкновенной галантностью. Сара удостоила его ладонь нежного пожатия и кивнула.

Диспетчер уже во второй раз вызвал обладателей красных пропусков.

С тяжким вздохом и скорбью в глазах Козловский достал из нагрудного кармана свой пропуск и отдал его Редеру. Сара перевела взгляд с одного на другого, затем подалась к Сэму, притянула его к себе и поцеловала в щеку.

— Спасибо,— поблагодарила она.

Козловский покраснел аж до самой лысины на макушке.

— Удачного полета, мэм,— пролепетал он.

— Сара.

— Сара,— с улыбкой повторил Сэм.

— Не позволяй этому Тренту особо бухтеть,— сказал Питер, пожимая ему руку.

— Никогда! — заверил его Сэм. Затем он подался вперед и прошептал Редеру на ухо: — Оно того стоило.— После чего, подмигнув им обоим, Козловский повернулся и побрел прочь. Его крепкая, невысокая фигура вскоре исчезла в толпе.

Повернувшись, Редер наткнулся на вопросительный взгляд Сары. Проигнорировав безмолвный вопрос, он взял ее под руку.

— Нам лучше поторопиться,— сказал коммандер.

Сара нахмурилась, но сохранила мирный вид, позволяя Питеру без дальнейших помех доставить ее к воротам. Однако сразу же после взлета она повернулась к нему.

— Почему Сэм мне свой пропуск отдал? — поинтересовалась капитан-лейтенант.

Редер невинным взором на нее посмотрел, и Сара буквально почувствовала, как ощетинивается.

— Я объяснил ему ситуацию, и он захотел помочь,— беспечно разъяснил Питер.

— В самом деле? — осведомилась Сара ровным голосом, которому предполагалось предупредить коммандера о ее подозрениях.

— Сэм — отличный парень,— заверил ее Редер и тут же принялся рассказывать анекдот про один номер, который они с Сэмом еще в Академии отмочили.

Сара прислушивалась без малейшего намека на улыбку. Тут уж Редер забеспокоился. Байка была просто классная; еще никогда не бывало, что кто-то, услышав ее, хотя бы не рассмеялся. И он точно знал, что еще ни разу Саре ее не рассказывал.

— Думаешь, я совсем дура? — спокойно осведомилась она.

«Черт побери,— подумал Питер,— вот я и попался».

Он широко раскрыл невинные глаза и молча помотал головой.

— Вот и славно.— Сара положила подбородок на приподнятую ладонь.— Тогда у нас есть несколько вариантов. Вариант первый. Ты неверно понял вопрос.— Она сделала паузу и внимательно на него взглянула. Редер просто смотрел на нее в ответ.— Вариант второй. Мы о двух разных людях разговариваем.— Сара сделала еще паузу, а затем продолжила.— Вариант третий. Ты пытаешься что-то от меня утаить.— Она чуть сдвинулась на сиденье, чтобы смотреть на Питера в упор.— Далее. Ты не такой дурак, чтобы не

понять настолько простой и прямой вопрос. И я знаю, что мы разговариваем об одном и том же человеке.— Сара подалась вперед.— А это означает, что ты что-то от меня утаиваешь.

Питер как бы недоуменно заморгал, и открыл рот, чтобы заговорить.

— Сейчас вам, коммандер, лучше всю историю рассказать,— предупредила Сара.— Ничто меньшее меня не устроит.

Редер битую минуту на нее смотрел, прикидывая варианты. «Она это серьезно,— думал он.— Пожалуй, стоит признаться. Если она когда-нибудь снова встретится с Сэмом, правда выйдет наружу». Питер перевел дыхание, а потом все ей рассказал.

— Так ты ему свидание со мной посулил? — тяжело дыша и едва веря услышанному, переспросила Сара.

— Н-нет,— с запинкой ответил Питер.— Я только намекнул, что он мог бы рассчитывать на свидание.

Сара сидела, в упор на него глядя, и прямо на глазах набухала от ярости.

— Ты что, сводник?

— Ну-ну, полегче! — возмутился Питер, не на шутку уязвленный.

— Да как ты вообще посмел на мой счет такую сделку заключать? — гневно спросила Сара. Затем она с трудом перевела дыхание и закрыла глаза.— А ведь после...— Она посмотрела на него, и в глазах ее был целый океан боли.— Я составила о тебе неверное мнение,— твердо сказала Сара, и ее голос вошел в странное противоречие с ее глазами.— Это несомненно. Иначе бы ты меня в подобную сделку не впутал.

— Сара...— начал было Редер.

Она подняла руку.

— Забудем об этом,— сказала капитан-лейтенант.— Нам теперь надо куда более важные вопросы обдумать.— Затем она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза — образцовый солдат, отдыхающий при малейшей возможности.

Взглянув на нее, Питер внутренне простонал. «Черт,— подумал он,— и как мне теперь с ней снова мосты наводить? Да, Редер, ты, похоже, ошибся. И по-крупному». Затем коммандер, подобно капитан-лейтенанту, устроился отдыхать. «Но без боя я тебя, Сара, не сдам,— подумал он.— Вот увидишь».

Сара приоткрыла один глаз, убедилась, что Редер на нее не смотрит, и улыбнулась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Он уже гораздо лучше выглядит,— заметила Сара. Это замечание скорее напоминало вопрос.

— Да, в самом деле,— согласился Редер. «Он как подогретый покойник выглядит»,— подумал он. Судя по всему, в ближайшее

время «Непобедимый» никуда не отправлялся.— Мне показалось, мисс Ван тоже уже получше.

— Да, намного,— согласилась Сара.

Вообще-то старпом выглядела просто кошмарно, лежа в своем контейнере с розовым снадобьем.

«Возможно, это из-за геля,— подумала Сара.— Розовый цвет Ван не к лицу.— Затем она сжала губы и мысленно себя одернула: — Прекрати. Это из-за жутких радиационных ожогов».

Залечивая, гель одновременно анестезировал, так что никакой боли Ван Чунь-мэй не чувствовала, но видеть ее такой было сущим наказанием.

— Одно расстройство,— все-таки признался Редер, словно прочитав мысли Сары.— Она всегда была такой собранной и одновременно такой безмятежной.

А теперь глаза Ван не могли на них сфокусироваться, а то, что осталось от ее роскошных черных волос, комьями липло к скальпу. Скорее всего, все волосы должны были выпасть.

«Их просто следовало сбрить,— подумал Питер.— И избавить ее от этого неудобства».

Коммандер не мог удержаться от некоторой злости, видя капитана и старпома такими слабыми и беспомощными. Как будто все могло сложиться по-другому, будь он на «Непобедимом», когда полетели ракеты. Отчасти он даже винил в этом Пьянку.

Хорошие новости заключались в том, что с кораблем все было в порядке. С командой тоже, включая летный состав. Почти все вышли из этой переделки живыми и невредимыми. Но в данных обстоятельствах это было слабым утешением, и Редер беспокоился, как бы им не назначили нового капитана, прежде чем Каверс снова сможет встать у руля. Ситуация стала бы невыносимой, если бы им подсунули такого командира, который бы капитанствовал в том же духе, в каком Бут командовал контрразведкой.

По крайней мере, Каверс и Ван лечились в лазарете «Непобедимого». Официальная причина, которую представили старшие офицеры корабля, была такова, что они не хотели перегружать госпиталя базы «Маргарита» или Наобума. Особенно когда в этих госпиталях и так был переизбыток тяжелораненых. По сути, они уже предоставили для части этого переизбытка судовой лазарет.

На самом же деле они резонно предположили, что будет куда сложнее заменить капитана, пока он по-прежнему находится на своем корабле. Не то чтобы командование Космического Отряда было совсем не это неспособно, но офицеры «Непобедимого» все же надеялись, что это по крайней мере все затруднит.

Дальше Питер и Сара шли молча, и каждый из них затерялся в собственных мыслях. Наконец они подошли к перекрестку коридора. Саре предстояло отправиться на главную палубу; Редеру, несмотря на сбивчивые возражения Бута, что все-таки он тут глава контрразведки, требовалось явиться на совещание с

начальством по поводу недавней атаки. Они переглянулись и улыбнулись друг другу. Он ободряюще положил ей руку на плечо, хотя с куда большим бы удовольствием обнял, и они расстались.

Вылезая из примитивного челнока и направляясь по спешно отремонтированному коридору, ведущему к базе, Питер думал о предстоящем совещании.

Как подобная атака вообще могла случиться, было центральным вопросом повестки дня в Космическом Отряде, и адмирал Смоллвуд был послан возглавить расследование. Невысокий, хлипкого телосложения пожилой мужчина с длинным носом и порывистыми движениями, Смоллвуд славился на всю армию своими грандиозными схемами, которые иногда работали.

«Довольно странный выбор следователя,— размышлял Редер.— Хотя странно и то, что именно меня назначили участвовать в этом совещании. Пусть даже мне противно это признавать, Бут стал бы более логичным выбором. Как он сам и настаивал. Но это в том случае, если критерием для участия считать формально вмененные обязанности». Так или иначе, работа на главной палубе с данной проблемой явно напрямую связана не была.

С другой стороны, оставалась центральная роль Редера в разоблачении Джона Ларкина как мокакского лазутчика. «Чем я совершенно заслуженно горжусь»,— подумал коммандер.

Впрочем, массу хорошей кармы эта роль, похоже, ему не прибавила. Она лишь привлекла к Редеру внимание загадочного и могущественного десантного генерала Скарагоглу. «Заодно с моей сумасбродной операцией по спасению антиводорода, «Неустрашимого» и Падди,— подумал он.— Которую я бы еще раз проделал — причем не только ради Падди, но и ради любого, кому потребовалась бы помощь».

Как подозревал Питер, Скарагоглу об этом знал и рассчитывал этим стремлением при необходимости пользоваться. Не слишком приятное подозрение, если ты ценишь свой покой и благополучие.

Когда Редер уже подходил к залу для совещаний, его вдруг остановил адъютант адмирала Смоллвуда и вручил ему дискету с сообщением, после чего резко развернулся и ускользнул прочь, прежде чем коммандер успел хоть о чем-то его спросить. Тогда он пожал плечами и вставил дискету в наручный ридер.

В подписанном адмиралом Смоллвудом сообщении коммандеру Редеру предлагалось прибыть к нему в кабинет после совещания. Внезапный холодок пробежал у Питера по спине.

«Что-то готовится»,— подумал он и мысленно улыбнулся.

Освещение в зале было приглушено, чтобы не мешать рассмотрению тех голодисплеев, которые адмиралу могло потребоваться туда вывести. Сидящие за столом люди были рангом не ниже коммандера и при этом одинаково строги и серьезны.

Смоллвуд начал свою речь с изложения информации о том, что мокакско-повианские налетчики свободно перебирались от одной прыжковой точке к другой посредством передачи либо законных торговых сигналов Содружества, либо, хуже того, действующих военных кодов Космического Отряда.

— Украденных или купленных,— добавил Смоллвуд, пока его маленькие темные глазки прыгали с одного лица на другое.— Или у нас в какой-то болевой точке есть мокакский агент.— Тут его взгляд перескочил на Редера.— Известно, что такое уже случалось. За сигналом следовал, так сказать, шквальный огонь. Таким образом они аннигилировали как минимум три сторожевых корвета. Если продолжать эту тему, то нет никакой возможности сказать, какой именно урон они в целом предполагали нанести.— Адмирал сложил руки перед собой.— Главным образом это потому, что мы практически никакого урона им нанести не сумели. Они впрыгнули на высокой скорости, прямо на ходу нанесли удар по спутниковой базе и по планете, а затем выполнили пертурбационный маневр вокруг солнца и выпрыгнули обратно. Исходя из этого, я вынужден заключить, что быстрота и полная неожиданность атаки именно в этой точке сделали силовой отклик... в лучшем случае проблематичным.— Он с предельной суровостью оглядел весь стол.— К сожалению, мы в тот день действовали не лучшим образом.

Некоторые из сидящих за столом офицеров встретили адмиральский взор с каменными лицами, другие отвели взгляды на своих коллег-офицеров или на записные экранчики перед собой.

— Разумеется, более всего меня разочаровывает то, что мы не сумели захватить в плен ни одного мокака или повианина.

— Сэр,— заметил капитан Мияши, который не смог пропустить это мимо ушей,— их стратегия такова, чтобы не позволять брать себя в плен.

— Как будто мне это не известно,— мрачно отозвался Смоллвуд.— Только наша предельная бдительность удержала тех мокакских пленных, которыми мы все-таки располагаем, от самоубийства. И тем не менее, наша стратегия состоит в том, чтобы брать в плен ценные объекты для контрразведки. При этом я бы предпочел, чтобы именно наша стратегия реализовывалась.

— Мокаки хотели бы того же,— сказал Мияши.— И они заявляют, что, лишая их права на самоубийство, мы тем самым запрещаем им практиковать их религию.

— Не нравятся мне эти люди,— пробурчал Смоллвуд.— Эти мокаки скорее погибнут за свое дело, чем станут за него жить. Что же касается повиан, то, насколько нам известно, у них там какая-то разновидность группового сознания. Так что потерять одного индивида для них, может статься, так же несущественно, как для нас — отстричь себе ноготь на мизинце.

Ненадолго воцарилась угрюмая тишина.

— Что ж,— наконец сказал адмирал,— полагаю, невозможно удержать сидящего в «спиде» мокака от самоубийства, если он очень того пожелает. И наших пилотов следует поздравить с тем, что они не позволили им врезаться в главный купол станции. Это будет сделано официально,— продолжил он, оглядывая стол.— Если у вас, дамы и господа, больше никаких замечаний не имеется, совещание можно считать закрытым. Благодарю всех за участие.— Адмирал Смоллвуд встал и вышел из зала. За ним последовали его адъютанты.

— Входите, коммандер,— обратился к Редеру молодой младший лейтенант.

Стоя в дверях, он обвел рукой небольшое помещение у себя за спиной. На диване, закинув ногу за ногу, с ридером в руке сидел адмирал Смоллвуд. Не поднимая взгляда, адмирал указал на стул.

— Прошу садиться, коммандер. Я сейчас.— Он взглянул на своего адъютанта.— Вы свободны, младший лейтенант. Позаботьтесь о том, чтобы нас никто не беспокоил.

— Есть, сэр.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Редер. Усевшись на стул напротив дивана, он оглядел кабинет. «Странно, что адмирал не сидит за столом,— подумал Питер.— Такому низкорослому мужчине, как Смоллвуд, по-моему, в особенности следует этим преимуществом пользоваться».

Сам стол был небольшой, зато кресло по ту его сторону выглядело просто громадиной. Почему-то оно было повернуто к столу спинкой. Редер задумался, как оно может выглядеть спереди. Спинка, похоже, была обтянута настоящей кожей. Весьма экстравагантно для такой маленькой базы.

Смоллвуд выключил ридер и убрал его в карман, а затем положил одну руку на спинку дивана и подался назад, чтобы внимательно рассмотреть Редера.

— Как там дела на «Непобедимом», коммандер?

— Очень хорошо, сэр,— сказал Питер и сделал небольшую паузу, чтобы посмотреть, как это будет воспринято. Затем с улыбкой продолжил: — Капитан Каверс с каждым днем выглядит все лучше и лучше.

— Капитан Каверс чертовски скверно выглядит,— заявил Смоллвуд.— А его старпом — еще хуже. Но оба они потенциально сохраняют свою дееспособность, так что вам не следует думать, будто Космический Отряд намеревается поскрести по сусекам и кем-то их заменить.

Редер не смог открыто этому не порадоваться. Конечно, ему не очень понравилось, с какой легкостью адмирал прочел его мысли, однако новости от этого хуже не стали.

— Ваша преданность делает вам честь, коммандер.

— Если так, сэр, то эта честь целиком принадлежит капитану Каверсу. Он выдающийся офицер.

Смоллвуд поднял бровь, но улыбнулся. Затем, сменив свою позу на диване, он развернулся лицом к Редеру и сложил руки на коленях.

— Как вам известно, коммандер, эта война складывается для Содружества не слишком успешно. Несмотря на исключительные усилия «Непобедимого» и подобных ему кораблей, используется слишком много антиводорода. Как вы сами только что испытали, повианский флот предпринимает все более глубокие рейды на территорию Содружества, а потребности обороны и конвоирования все стремительнее истощают наши скудные запасы горючего. По крайней мере, с пиратами мы имеем некоторый прогресс. Здесь большую помощь оказывает то, что в военное время мы можем обращаться с ними несколько иначе, нежели в мирное.

«С этим сложно не согласиться»,— подумал Редер. В мирное время с пиратами требовалось обращаться предельно корректно, пока не будет доказана их вина, даже если их ловили с поличным. Теперь же, в военное время, когда с ними было позволено обращаться как с врагами Содружества, все становилось гораздо проще.

— Однако,— продолжил адмирал,— как ни трудно в это поверить, учитывая, сколько планет им противостоит, мокаки медленно, но верно выигрывают эту войну.

При этих словах адмирала Редеру потребовалось волевое усилие, чтобы не разинуть от удивления рот. «Услышать такое от человека в его положении,— подумал он,— да еще вот так напрямую...»

— Думаю, вы весьма определенно выражаетесь, сэр,— сказал коммандер.

— Оставляя в стороне ту фактически непреодолимую сложность, что наши враги держат под своим контролем все топливные ресурсы... На самом деле,— вдруг перебил сам себя адмирал,— тот факт, что мы не выиграли эту войну в первые же несколько недель, чертовски склонил чаши весов в их пользу. Однако, как я уже сказал, оставляя все это в стороне, они также имеют союзника, который, судя по всему, располагает неограниченным числом кораблей и членов личного состава. Если всерьез задуматься о повианах, наши проблемы с мокаками могут показаться просто цветочками. Но задумывались ли вы, коммандер, зачем повианам все это нужно?

Пожав плечами, Питер ответил:

— Из-за антиводорода. Не иначе. Я бы ничуть не удивился, если после окончания войны повиане просто отобрали бы у мокаков все антиводородные месторождения. Собственно говоря, сами мокаки вполне могли пообещать отдать их в обмен на повианскую помощь. Толкователи уже давно в голос воют о тлетворном влиянии антиводорода. Это вполне может быть подготовкой их молодняка к такой возможности.

Из-за спинки кресла вдруг донесся глухой смешок.

— Налейте этому парню выпить, Ральф. Я же вам говорил, что он голова.— Генерал Кемаль Скарагоглу медленно развернул кресло и одарил ошарашенного Редера довольной улыбкой.— Закройте рот, коммандер, не то мух наловите. А это совсем не та задача, которую мы хотели бы вам поручить.

Питер закрыл рот и попытался изобразить на лице уважение. «Прямо сейчас,— подумал он,— даже мои актерские таланты не помогли бы мне в ответ изобразить довольную мину».

— Не знал, что вы на базе, сэр,— отважился заметить коммандер.

— И это очень хорошо,— отозвался генерал, слегка приподнимая брови.— Приятно узнать, что еще хоть что-то работает.— Он многозначительно посмотрел на адмирала.— Давайте же, Смоллвуд. Я знаю, что запасец славной выпивки у вас здесь имеется.

Смоллвуд одарил его мрачным взором, затем встал и вышел из кабинета.

— Что же касается вас, коммандер,— сказал Скарагоглу,— то вам нет никакой необходимости выглядеть так, будто вы только что-то раскусили какую-то страшно вонючую кислятину. В нашем последнем совместном предприятии вы не так уж скверно себя проявили.

«Действительно,— подумал Питер.— Но есть еще Сара, и Айя Вишневская, и... наверное, когда речь идет о Скарагоглу, этот список практически бесконечен». Хотя, если по правде, больше всего для Питера значили страдания Сары, и его возмущение было прежде всего связано с ними. И вовсе не заслугой Скарагоглу было то, что почти все они сумели вернуться домой.

— А какая бывает награда за славно проделанную работу? — тихо, почти насмешливо спросил генерал.

Смоллвуд вернулся в кабинет. В руках у него был поднос, на котором стояли три рюмки, каждая с жидкостью янтарного цвета. Скарагоглу бросил на адмирала удовлетворенный взор, словно бы заверяя, что подчеркнутое отсутствие бутылки не удержит его от того, чтобы попросить еще, если ему захочется.

— Почему бы вам не продолжить обрисовку нашего плана для коммандера? — откровенно предложил генерал.— Это не для повторения,— бросил он Редеру, и глаза его тут же сделались твердыми, как алмаз.

— Безусловно, сэр.— «Этого можно было и не говорить»,— подумал Редер. Хотя со Скарагоглу все обговаривалось; он ничего не оставлял на волю случая.

Адмирал устроился на диване и, словно дегустируя, сделал микроскопический глоток виски.

— Фирма гарантирует,— сказал он затем, облизывая губы.— Превосходная вещь. За Содружество, господа.

Они подняли рюмки. Глаза Скарагоглу заискрились от удовольствия.

— Выпивка, достойная тоста,— согласился он.— А теперь, адмирал, если вас не затруднит...— Он указал своей рюмкой на Редера.— После чего, очень может быть, у нас возникнет повод поднять еще один тост.

Редер почувствовал, как его сердце взволнованно заколотилось. Он уже ждал не дождался, когда же Смоллвуд наконец заговорит.

— Если располагать результаты данной войны по тому, насколько они для нас предпочтительны,— начал Смоллвуд,— то первым станет наша победа. Весь антиводород наш, а мокаки перемещены в другой сектор космоса, о котором с тех пор ничего не будет слышно. Второй вариант — ничья. Мокаки остаются на месте, но у нас появляется хоть какой-то доступ к антиводороду, а повиане перестают быть существенным фактором. К несчастью, это наименее вероятные результаты.

— Не будьте так пессимистичны, Ральф,— вмешался Скарагоглу.— Впрочем, продолжайте.

— Большое спасибо,— произнес Смоллвуд, кидая на генерала очередной мрачный взор.— Третий вариант — мы проигрываем, мокаки передают антиводород повианам как плату за их военную помощь, а мы приходим к какому-то торговому соглашению с повианами в отношении антиводорода. Однако в настоящий момент, безусловно, наиболее вероятен четвертый вариант — мы проигрываем, Содружество распадается, а повиане аннигилируют нас планета за планетой.

Скарагоглу сел прямо и уставился на адмирала. На лице у него было ничего не прочесть. Воспоминание о его ремарке насчет пессимистичности висело в воздухе, как дурной запах.

Наконец генерал со вздохом заговорил:

— К счастью, сказав «в настоящий момент», вы, адмирал, пожалуй, немного опередили события. И нам надлежит любыми возможными средствами избежать подобной судьбы.— Он с улыбкой повернулся к Редеру.— Вы согласны, коммандер?

Питер испытывал озноб. Страх так смешивался в нем с возбуждением, что он не мог отличить одно от другого. Не сводя глаз с генерала, коммандер подался вперед и медленно кивнул.

— В ближайшее время,— сказал Скарагоглу,— наши цели двояки. И первым делом мы должны предотвратить повторение подобных глубоких рейдов. Я согласен, что это похоже на комплимент, когда они так прилежно копируют нашу тактику. Но нужны ли нам подобные комплименты? И если нас ожидает худшее,— тут он обратил темные глаза на Смоллвуда,— то я хочу, чтобы они всерьез считали нас слишком крепким орешком. Я хочу, чтобы они так нас боялись, что самым жутким из всех их ночных кошмаров стала бы атака на планету Содружества. Мы должны найти способ раз и навсегда покончить с действиями этих рейдовых групп.

Редер кивнул. «Тяжелая задача,— подумал он.— Они уже двое суток, как улетели. Впрочем, тяжелая, но не невыполнимая».

Генерал, точно большой кот, подался назад, удовлетворенно оседая в кресле.

— Вы будете преследовать их, что составит часть рейда глубокого вторжения в повианский космос. Контрразведка постоянно замечает все больше и больше новых флотских единиц повиан. Пора бы нам узнать больше об этом союзнике мокаков.

— Я, сэр? — напряженно спросил Редер.

— Вы, коммандер.— Скарагоглу одарил его ленивой улыбкой.— Кто же еще?

«Я? — подумал Редер.— Надо полагать, не на своих двоих».

— Имеется ли здесь в виду разведка боем? — спросил он.

— Что мне вас нравится, коммандер, так это ваше умение мгновенно в суть дела проникать.— Генерал кивнул.— Да, это будет разведка боем.

«Мне потребуется по меньшей мере корвет,— подумал Питер.— Хотя нет. Корвета будет недостаточно, чтобы уничтожить повианскую рейдовую группу. Для этого мне потребуется...»

— «Непобедимый»? — чуть ли не шепотом спросил коммандер.

Скарагоглу кивнул.

— Именно «Непобедимый»,— подтвердил он.

— Но капитан...

Генерал покачал головой.

— Современная медицина способна творить чудеса, и каждый день это делает. Но она еще не настолько совершенна. Капитан Каверс и мисс Ван останутся здесь, чтобы лечиться. Ваше назначение на должность капитана — вещь чисто временная, коммандер.— Он лукаво ухмыльнулся.— По крайней мере, на данный момент. Когда вы вернетесь, Каверс и Ван приступят к исполнению своих обязанностей на прежних должностях.— Тут Скарагоглу повернулся к Смоллвуду.— Адмирал продолжит этот инструктаж,— сказал он.— Боюсь, мне пора идти.

— Вы хотите сказать, что вы здесь не за тем, чтобы проинструктировать меня по данному заданию? — спросил Редер. Скарагоглу с такой жалостью на него глянул, что Редеру тут же захотелось пнуть самого себя под зад за этот вопрос.

— Вам вовсе не требуется знать, затем я здесь,— ласково проговорил генерал. Затем он одарил Редера по-настоящему злой улыбкой.— Но вы вполне можете считать меня своим ангелом-хранителем.— Скарагоглу встал из кресла и высоко поднял рюмку.— Господа,— произнес он,— я поднимаю тост за успех этого задания.

Редер и адмирал встали, чтобы к нему присоединиться.

— За задание! — дружно воскликнули они, а потом залпом выпили виски.

— Ах, какая жалость! — сказал Скарагоглу, направляясь к двери.— Такой превосходный виски.

— Вы правы,— согласился Смоллвуд.— Его лучше смаковать.

— Как и жизнь,— добавил генерал.— Когда мы достигаем определенного возраста.— Он пожал руку адмиралу, затем Редеру.— Если, конечно, у нас есть для этого достаточно свободного времени.

После того, как он вышел, Редер и Смоллвуд так и остались стоять, причем адмирал заглядывал в свою пустую рюмку, словно бы что-то там выискивая.

— Я приказал, чтобы лазарет «Непобедимого» освободили от пациентов,— наконец сказал он.— Преодолевая возражения вашего доктора Голдберга и врачей госпиталя базы. «Непобедимый» заправлен и доукомплектован, все здоровый личный состав находится на борту. Следовательно, как только последний пациент будет удален, думаю, вам следует приступать к выполнению задания.— Адмирал вручил Питеру ридер, который он просматривал, когда коммандер только еще вошел.— Здесь содержится все, чем контрразведка располагает по поводу повианских налетчиков. Кроме того, сюда включены самые последние прогнозы насчет их следующей мишени. У нас также имеется лингвистический эксперт, который владеет основами повианского языка.

Тут Смоллвуд в задумчивости скосил глаза, и Редер вопросительно произнес:

— Сэр?

Адмирал сжал губы и повел плечами, словно желая, чтобы форменный китель удобней на нем сидел.

— Этот человек — самое лучшее, что нам удалось раздобыть в столь короткие сроки,— сказал он.— По сути, он один из лучших лингвистов Содружества. Единственная причина, почему нам вообще удалось его заполучить, это влияние генерала.

Оправдательная нотка в голосе Смоллвуда для Редера почему-то прозвучала тревожно.

— Весьма благодарен вам, сэр,— сказал он, стараясь излучать оптимизм.

— К несчастью, этот человек — тяжелый арахнофоб,— торопливо проговорил адмирал.

— А, понятно,— спокойно отозвался Редер. «Будь оно все проклято»,— подумал он.— Как же он тогда умудрился стать таким экспертом в языке, на котором разговаривают существа, так похожие на пауков? — вслух спросил коммандер. «Потому что в самом этом факте,— подумал он,— есть что-то настолько извращенное, что оно меня еще больше его арахнофобии беспокоит».

— Боюсь, этой информации у меня нет,— напряженно ответил Смоллвуд, изымая у Питера пустую рюмку.— Итак, коммандер, вам пора идти. Не сомневаюсь, вас ждет миллион дел.

«И никакого торжественного рукопожатия? — подумал Питер.— Никакой речуги, типа «Вперед, мой мальчик, и дайте нам повод вами гордиться»?»

Смоллвуд торопливо поставил рюмки на стол и пожал Питеру руку.

— Возвращайтесь назад,— просто сказал адмирал.— И удачи.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался коммандер.— Я вернусь.

Он выпрямил спину и как полагается отдал честь. Смоллвуд так же браво ему ответил, и Редер, четко развернувшись «кругом», вышел из адмиральского кабинета.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несмотря на утверждение адмирала о том, что «Непобедимый» готов к старту, Редер прекрасно знал и догадывался, что Смоллвуд тоже это знает, что к подобному заданию нельзя было слишком хорошо подготовиться.

Коммандер энергично шагал по доку, и в голове к него так и бурлили всевозможные планы.

— Стоп! — выкрикнул Питер, шлепая ладонью по штабелю массивных ящиков и стремительно направляясь к ответственному за погрузку. Указывая на штабель, он сказал: — Эти идут на «Непобедимый».

— Никак нет, сэр,— возразила молодая женщина, сверившись с грузовым манифестом.— Эти ракеты для «Дружбы».

— Уже нет,— сказал коммандер, забирая у нее манифест.— Я за них распишусь. У «Непобедимого» есть приоритет. Адмирал Смоллвуд это подтвердит. Так что прошу вас дать вашей команде новое задание. Немедленно.

И, не обращая внимания на ее отчаянный крик: — «Сэр!»,— Питер пошел дальше.

Оказавшись на «Непобедимом», он первым делом добрался до интеркома.

— Старшина Кейси, старшина ар-Рашид, лейтенант Роббинс, будьте так добры увидеться со мной в кабинете у квартирмейстера.— В запарке Питер не смог вспомнить, как того парня зовут, но его кабинет был ближе, так что это сэкономило бы время.

— Пи... коммандер,— подбежав к нему, с жаром начала Сара.— Капитана и мисс Ван забирают с корабля. Вы что-то об этом слышали? Доктор Голдберг говорит, что сделал все возможное, но приказ пришел слишком свысока.

— Вам лучше пойти со мной,— сказал Редер, беря Сару под локоть и подтягивая к себе.— Я встречаюсь с Падди и Роббинс в кабинете у квартирмейстера. Времени не так много.

Сара вопросительно на него посмотрела, а мгновение спустя прошептала:

— Мы снимаемся.

Питер кивнул.

— Подождите немного,— сказал он.— Я все объясню.

До кабинета квартирмейстера они шли молча. Добравшись туда, Питер обнаружил, что дверь кабинета раскрыта, а молодой временный квартирмейстер сидит за столом, и на лице у него красуется обычное ретивое выражение.

— Добрый день, коммандер. Входите, пожалуйста.

— Добрый день, Бриани,— отозвался Редер, испытывая облегчение от того, что все-таки вспомнил фамилию этого парнишки.

Молодой младший офицер привстал.

— Не желаете ли занять мое кресло, коммандер?

— Нет, благодарю вас,— отказался Питер.— Я лучше постою.

Кабинет был крошечный, размером с кладовку для швабр. Не знай он, что «Непобедимый» — новый корабль, причем один из лучших по конструкции, Редер бы заключил, что что этот кабинет как раз по срочной необходимости из кладовки и переоборудовали. И он всерьез сомневался, что сможет за этот стол влезть. Молодой временный квартирмейстер был совсем низенький и худощавый.

«Как же Ларкин здесь управлялся?» — подивился Питер. Хотя, с другой стороны, Ларкин был мокаком, и, скорее всего, лишь наслаждался необходимым дискомфортом.

Они немного подождали. Все трое молчали, но Бриани буквально гудел от сдерживаемой энергии. «Зачем нужен антиводород? — с лукавой усмешкой подумал Питер.— Когда у нас кончится горючее, мы просто подключим моторы к этому вот парнишке и как пить дать все рекорды скорости побьем».

— Падди и Синтия на борту? — спросил Редер у Сары.— Вы их видели?

— Не так давно я видела их на главной палубе. Они там с головами в «спид» Гивенса зарывались.

— А что, у нас по-прежнему с машиной Гивенса проблемы? — Как в тот раз, когда он впервые познакомился с лейтенантом.— Но постойте, ведь это уже другой «спид».

— Он подхватил какую-то ерунду, пока за повианами гонялся,— ответила Сара, лукаво улыбаясь.— Но механикам теперь не на шутку повозиться приходится.

— Извините, что так долго, коммандер,— сказал Падди из дверного прохода.— Но мы так вымазались в смазке и всем таком прочем, что отчищаться пришлось не на шутку.

Редер с Сарой молча на него посмотрели, и Синтия вздрогнула.

Затем Редер откашлялся.

— Вы не так уж и опоздали, старшина. Я благодарен вам уже за то, что вы оба на борту.— Он повернулся к Бриани.— Вы не закроете дверь, унтер-офицер?

Бриани нажал на кнопку, и дверь плавно закрылась.

— Ну вот,— сказал Редер, усаживаясь на край стола квартирмейстера.— Мы стартуем менее, чем через три часа, и командиром на этом задании буду я,— сообщил он им.— Нам не хватает двух «спидов», и я не покину Наобум, пока эта брешь не будет

заполнена. Так что мне потребуется ваша помощь. В том числе и ваша, капитан-лейтенант Джеймс. Бриани,— сказал он, поворачиваясь к квартирмейстеру.— Я командировал сюда партию стандартных оборонительных и противокорабельных ракет; они должны прибыть в любую минуту. Вы сумеете их разместить?

— Можете не сомневаться, сэр. У нас много места. Квартирмейстер «Маргариты» дал добро только на половину того, что мы запросили. Хотя еще немного мин мне все же удалось раздобыть.— Ухмыляясь, Бриани откинулся на спинку кресла.

— Отлично,— порадовался Питер, хлопая его по плечу.

Падди, Синтия и Сара одобрительно заулыбались. После успешного развертывания капитаном Каверсом этих мин во время последней миссии «Непобедимого» устаревшее оружие снискало себе немалую популярность на боевых кораблях.

— Есть у нас еще в чем-то острая необходимость? — спросил Редер.

— В лазерных кристаллах, сэр,— с серьезным видом ответил Бриани.— Их никогда не бывает достаточно.

— Падди?

— Слушаю вас, коммандер.— Здоровенный новоирландец ухватился за подлокотники кресла, словно желая встать.

— Добудьте все, что, по-вашему, может понадобиться, пока еще есть возможность, старшина. Лейтенант,— обратился Питер к Синтии,— задрайте на главной палубе люки и подготовьте место еще для двух «спидов». Са... капитан-лейтенант Джеймс, найдите мне пилота, чьему благоразумию вы полностью доверяете. Ждите меня у двери ангара на базе «Маргарита», экипированные и готовые к полету. А теперь вперед, люди, время не ждет.

Все встали и без единого звука отправились исполнять свои обязанности. Шагая по коридору, Редер об этом думал. Он был горд обладать доверием таких исключительных людей.

Ангар базы «Маргарита» располагался на самом верху всего комплекса под куполом станции. Вся массивная структура купола могла расходиться по сегментам, чтобы оттуда, точно рой злобных ос, вылетали «спиды». Маленькую базу обслуживало более сотни «спидов», и зрелище ангара просто завораживало.

Хотя и не находясь на действующем посту, эти пилоты и их машины откликнулись на повианскую атаку как настоящие фронтовики. Теперь же они зализывали раны. По меньшей мере тридцать глянцевитых машин были серьезно повреждены и находились на различных стадиях разборки.

Пилотам следовало гордиться тем, что потеряли в этом бою всего восемь «спидов». Теперь они вполне могли проводить время в барах, хвастаясь своей удалью и производя впечатление на представителей противоположного пола. Однако вместо этого они сидели за имитаторами и еще больше оттачивали свои и без того бритвенно-острые навыки.

«Очень удачно,— подумал Редер,— что тут в округе ни одного пилота. Техников, конечно, тоже не так просто будет одурачить, они они по крайней мере не так фанатичны. Если только база «Маргарита» своей Синтией Роббинс не обзавелась». От такой мысли мог содрогнуться даже самый сильный мужчина, особенно учитывая все обстоятельства.

Коммандер шагал вперед, имея вид человека, который точно знает, куда он идет, и у которого нет времени на лишние вопросы. Подмечая на ходу все окружающее, Питер с облегчением увидел, что сбоку у купола имеются небольшие воротца, через которые влетали и вылетали обычные патрули. Он не на шутку об этом тревожился.

«Сам купол мне точно открыть не позволят,— рассуждал Редер.— Я собираюсь общаться с техниками, а для подобной операции потребуется разрешение старшего офицера. Который наверняка посоветует мне вернуться на койку и там свой безумной сон досмотреть».

Наконец он их увидел. Два идеальных образчика — судя по всему, новехонькие, поскольку на их сияющих бортах не было видно ни вмятинки. Они стояли друг за другом, буквально искрясь в верхнем свете, точно два стыдливых жеребца на незнакомом пастбище.

Редер ощутил тот подъем, который возникал у него в груди, как только подворачивалась возможность полетать. «Спокойно, приятель,— осадил себя он.— Может, как-нибудь в другой раз. А на данный момент прибрать их к рукам будет вполне достаточно. Что мне особенно в них по вкусу, так это то, что они к воротцами идеально подходят».

Редер развернулся и трусцой пробежал обратно к главному входу в ангар. Туда как раз подошли Сара и Гивенс. «Гивенс?» — с сомнением подумал он. Этот старший пилот был слишком молод, и к тому же, по мнению Питера, из тех, кто всегда таким остается.

С другой стороны, он был с ними на астероиде, и неплохо себя зарекомендовал. «Похоже, я уже привык думать о Гивенсе как о парне, который никогда мужчиной не станет,— подумал Питер.— Так не годится. И, видит Бог, у меня есть основания доверять выбору Сары. Взять хотя бы наши отношения». В этой мысли была толика самодовольства.

— Итак, вот что мне от вас нужно,— сказал Редер двум пилотам, когда они к нему подошли.— Вы должны забраться в «спиды», которые я вам укажу, и долететь на них до...— тут он отбарабанил координаты рядом с одной из точек либрации базы «Маргарита».— Ждите там «Непобедимый».

Сара подняла бровь, а Гивенс удивленно заморгал, но никаких замечаний или вопросов от них не последовало. Только:

— Есть, сэр.

— Следуйте за мной,— велел им Редер.

Он подвел пилотов к двух заранее выбранным «спидам», приказал им сесть на борт и завести моторы. При этом звуке к ним подбежали четыре техника.

— Эй! — крикнул дородного вида главный старшина.— Что за дела?

Питер развернулся и ловко его перехватил.

— Сэр? — недоуменно вымолвил мужчина.

— Я коммандер Редер,— сказал он.— Провожу неожиданную инспекцию. Мои пилоты выведут два этих «спида» для пробного полета, чтобы дать оценку тому уровню техобслуживания, который обеспечивается местными техниками.

— Какую такую инспекцию? — недовольно спросил один из техников.

— Вот-вот,— подхватил старшина.— Мы ни о какой инспекции ничего не слышали.

Питер заговорщически к нему наклонился.

— Тогда это не стало бы неожиданностью. Теперь понятно?

На это у старшины и его техников ответа не нашлось. Моргая глазами, они переглянулись. Тем временем Сара и Гивенс подвели свои «спиды» к аварийным воротцам.

— Кто это санкционировал? — спросил старшина, наблюдая, как они маневрируют.

— Адмирал Смоллвуд,— ответил Редер.— Послушайте,— сказал он, беря старшину под руку и уводя от двух «спидов».— Я могу за них расписаться, если вас это так нервирует.

— Пожалуйста, сэр, распишитесь,— попросил старшина.— Ведь это не...

— Я знаю,— сочувственно перебил его Питер.— Но вы же знаете адмирала. У него что ни день, то новая идея. Лично я думаю, что после того, как эскадрилья действовала пару суток тому назад, ответы на все вопросы относительно качества вашей работы можно было бы считать полученными.

— Благодарю вас, сэр,— сказал старшина. Затем он подсунул Редеру записную панельку, и Редер размашисто на ней расписался.— Я очень ценю это, сэр.

— Нет проблем,— отозвался Редер.— Вот только эти воротца до сих пор закрыты.— С широкой улыбкой он повернулся к оставшимся позади техникам.— Можете вы что-то с этим поделать?

На какое-то мгновение физиономия старшины вытянулась, словно он понял, что его надули. Однако, прежде чем старшина успел что-то сказать, Редер вошел в проем.

— Такова оборотная сторона внезапных инспекций,— с ухмылкой заметил коммандер.— К ним на сто процентов никогда не бываешь готов.

Старшина медленно кивнул. Но он не мог не испытывать подозрений. В данный момент он сильно сомневался, что это какая-то секретная проверка или инспекция, как утверждал коммандер.

— Старшина,— произнес Редер, вкладывая в свой голос нотки командного тона.— Капитан-лейтенант, лейтенант и я вас ждем.

Подойдя к пульту, старшина набрал нужную последовательность клавиш. Тут же вспыхнули предупредительные огни и заревели сирены, оповещая о включении силового занавеса, который предотвращал утечку атмосферы, пока воротца открывались.

Сара с Гивенсом прокатили свои «спиды» вперед, а как только оказались снаружи, выполнили вертикальный взлет.

Тут же от пульта донеслось щебетание, и раздраженный голос с индусским акцентом повышенным тоном вопросил:

— Старшина Пауэрс, что за чертовщина у вас творится? В ангаре есть два «спида», не допущенные у полету, не включенные в полетный план, никак не упомянутые в нашем графике — и они вдруг невесть куда срываются! Не будете ли вы так добры мне все это разъяснить?

— Позвольте мне,— вмешался Редер и подошел в радиус охвата интеркома.— Кто говорит? — спросил он.

— Кто говорит? Говорит диспетчер базы, младший лейтенант Рао Сингх,— ответил мужчина.— А вы кто такой? И где старшина Пауэрс?

— Я здесь, младший лейтенант,— ответил Пауэрс.

Последовала пауза.

— Так что же все-таки происходит? — наконец спросил младший лейтенант. В его голосе ясно звучала озадаченная настороженность.

— Я коммандер Редер. Это неожиданная инспекция, санкционированная адмиралом Смоллвудом.

— Сэр...— Опять последовала пауза, а когда младший лейтенант снова заговорил, чувствовалось, что он едва сдерживает гнев.— Это не...— Он не мог сказать «несанкционированная», потому что коммандер только что сказал ему, что она санкционированная, причем не кем иным, как адмиралом. По той же самой причине диспетчер не мог назвать эту инспекцию «непозволительно-идиотской».

— Кто-то, в частности, эти два пилота, мог быть ранен,— наконец сказал Сингх.— Им еще предстоит согласовать свои действия с управлением полетами, а их траектории вынудили нас внести несколько аварийных изменений маршрутов. Кроме того, нам пришлось спешно перевести в другой режим орудия автоматических защитных батарей, которые по-прежнему находятся в состоянии боевой готовности. Прошу прощения, сэр.

— Прекрасно вас понимаю,— сказал Редер, одновременно умудряясь сохранять свой тон и жестким, и сочувственным.— Но как я уже говорил старшине, если неожиданные инспекции будут ожидать, мы из них мало что выясним. Благодарю вас за отличную работу,— добавил он.

И коммандер отдал честь старшине, которые откозырял ему в ответ, по-прежнему не уверенный, что поступил правильно.

Затем Питер, не оглядываясь, пошел прочь. Он еще раз взглянул на часы, после чего ускорил темп.

«Их глаза сейчас мне спину просверлят,— думал Питер.— Как же явственно я это чувствую. Но если я оглянусь, то обращусь в соляной столп. Ноги, несите меня отсюда».

Редер все ожидал, что вот-вот какой-то старший офицер прикажет ему остановиться, потребует объяснений. Дальше последует звонок в канцелярию адмирала, а затем состоится что-то очень близкое к бичеванию прославленно острым языком Смоллвуда.

Пройдя двери ангара, он перешел на трусцу.

«Боже,— подумал Питер,— сделай так, чтобы Падди уже вернулся с теми лазерными кристаллами». Он также надеялся, что управление полетами предупреждено об отбытии «Непобедимого». Два таких сюрприза в одну вахту не могли пройти незамеченными. «А когда мы заберем те два «спида» и направимся к прыжковой точке,— рассудил коммандер,— нас уже вряд ли назад отзовут». Но он точно знал, что у адмирала Смоллвуда найдется для него несколько отборных словечек, когда он вернется. Если он вернется.

Приближаясь к стыковочной трубе «Непобедимого», Редер заметил, что высокий и худощавый, но довольно широкоплечий мужчина с курчавой копной темных волос о чем-то спорит с охранником.

— Что происходит? — спросил Питер.

— Сэр, это человек хочет пройти на борт.

— Я...— начал было мужчина, но коммандер его перебил.

— Кто вы по профессии? — спросил он.

— Я лингвист,— ответил тот.— Моя фамилия...

Прежде чем он смог продолжить, Редер достал свою записную панельку и вызвал на ней изображение повианина. Затем он показал панельку лингвисту и спросил:

— Что вы об этом думаете?

Мужчина передернулся и заметно побледнел.

— Его ждут на борту,— сказал Редер охраннику, убирая панельку.

— Больше так не делайте! — рявкнул мужчина, хватаясь за сердце.

— Я за него поручусь,— заверил Редер все еще колеблющегося охранника.

— Так точно, сэр,— кивнул охранник и отошел в сторону.

— У меня тут вещи,— сказал лингвист, указывая на целую гору всевозможного багажа.

Редер подобрал один чемодан.

— Выберите то, что вам больше всего нужно с собой забрать. Все остальное я прикажу кому-нибудь доставить в вашу каюту.

— Благодарю вас. Между прочим, меня зовут Ролан Бартер. Я профессор кафедры ксенолингвистики Викторианского университета.— Он протянул руку и подождал, пока Питер засунет свою записную панельку в карман, чтобы обменяться с ним рукопожатием.

— Коммандер Питер Эрнст Редер. Я начальник всей этой экспедиции. Пожалуйста, следуйте за мной.— И Питер повел лингвиста на «Непобедимый», подальше от глаз и ушей заинтересованных дежурных охранников.— Вы когда-нибудь на корабле Космического Отряда путешествовали? — спросил он.

— Нет, не имел такой чести,— ответил Бартер.— Я полагаю, будут всевозможные ограничения, скверная еда и тому подобное?

Редер рассмеялся.

— Пожалуй, некоторые ограничения. Но они, скорее всего, будут связаны с вашей же безопасностью.— Он провел его в лифт. «Нет смысла заставлять штатского пешком топать,— подумал коммандер себе в оправдание.— Лучше я его поскорей пристрою, а потом у меня миллион дел». Вообще-то у настоящих капитанов кораблей для подобных процедур существовали старпомы.

— Что ж, скорее всего, почти все время я буду у себя в кабинете работать над переводами. Не знаю, упоминал ли вам об этом адмирал,— Бартер сказал это в манере человека, уверенного, что о таком важном факте просто нельзя не упомянуть,— но идет жесточайшее соревнование, кто быстрее раскусит повианский язык.— Лингвист радостно огляделся.— И благодаря этой... возможности я уверен, что этим человеком стану именно я! Вы просто себе не представляете, как я рад с вами отправиться.

— Прошу прощения? — недоуменно произнес Редер.— Если не ошибаюсь, вы только что мне сказали, что, по сути, на повианском не говорите.— В голосе коммандера прозвучало раздражение, и он вдруг понял, что уже не чувствует особой вины за то, что так беспардонно воспользовался фамилией адмирала.

Лифт остановился, и Питер в быстром темпе повел Бартера по коридору, то и дела вынуждая лингвиста переходить на трусцу, чтобы не отстать.

— Никто не говорит,— объяснил профессор.— Люди способны только апроксимировать повианский язык; у них совершенно другой речевой аппарат. Просто поразительно, как они могут так хорошо говорить на нашем языке. Однако мои исследования показывают, что, по сравнению с повианским, человеческий язык достаточно груб.

Редер внезапно остановился и повернулся лицом к языковеду.

— Я вас вот о чем спрашиваю,— сказал он с преувеличенным терпением.— Вы... понимаете... по... повиански?

Избегая глаз Редера, Бартер то смотрел на свои ботинки, то куда-то вбок.

— Ну, не хуже любого другого гражданина Содружества.

— Я тоже гражданин Содружества,— напряженно произнес Питер.— Но по-повиански вообще не понимаю. А вы лучше можете?

— Да, конечно. Теперь я догадываюсь, что вы имеете в виду. Да. Приблизительно я по-повиански определенно понимаю. Но что касается языковых тонкостей...

— Стало быть,— продолжил Редер, стремительно устремляясь дальше,— если мы наткнемся на повианский патруль, вы сможете сказать: «Мы пришли с миром»?

— Гм, да.— Бартер засеменил, чтобы его догнать, не отрывая глаз от профиля коммандера.— А что, мы именно это собираемся им сказать? — поинтересовался лингвист.

— Вряд ли,— ответил Редер.— Раз вы на их языке не говорите.

— У меня есть специальное устройство, которое я программирую так, чтобы оно говорило на их языке.— Голос Бартера сделался резким, в нем явно звучала обида.

— Вот мы и пришли,— сказал Редер.

Он провел лингвиста в апартаменты Ларкина. Каюту предателя до сих пор так никто и не занял, а Питер знал, что Бартер потребует уединенное место, где он смог бы работать.

— Вот это? — потрясенно спросил лингвист, роняя свои чемоданы. Он застыл столбом и аж рот разинул от изумления.— Но это же шкаф! Как вы могли подумать, что я буду способен в спичечном коробке работать?

— Мистер Бартер, это офицерская каюта. Между прочим, я ваш сосед, и это лучшие жилые помещения на корабле. Уверяю вас, здесь тесновато, зато удобства идеальные.— Питер искоса глянул на лингвиста.— Вы, случайно, клаустрофобией не страдаете?

— Нет, не страдаю! Если у меня одна фобия, это еще не значит, что у меня их полный комплект! Нет, не могу поверить, что и вы в подобной норе живете.— Профессор почесал в затылке и покачал головой, одаривая коммандера гневным взором темных глаз.

Редер подошел к двери, соседней с дверью Бартера, и набрал входной код. Затем отступил в сторону, предлагая стоящему рядом языковеду туда заглянуть.

— Ну и ну,— только и сказал Бартер.

— Еда здесь на самом деле очень хорошая, и ее более чем достаточно. А вот места в обрез. Ничего, вы скоро привыкнете,— заверил его Редер.

Бартер нахмурился.

— Вы пришлете сюда мой остальной багаж?

— Да.

— Вообще-то,— лингвист беспомощно махнул рукой,— все это решительно никуда не годится. Но что я могу поделать?

— Скажите, мистер Бартер, все, что вы сюда притащили, непосредственно с вашей работой связано? — поинтересовался Редер. «Потому что мне, приятель, пора идти,— подумал он.— У меня еще куча дел».

— Да! Переводное устройство, специальное оборудование, необходимое для его конструирования, моя библиотека,— затараторил лингвист, поднимая один из чемоданов.

— Тогда я предоставлю вам какое-нибудь лабораторное помещение, мистер Бартер. А пока что, если вы не против, мы просто

забросим весь ваш багаж сюда. Когда мы покинем станцию и пройдем прыжковую точку, мы непременно вас обустроим.

И, прежде чем лингвист успел предъявить какие-то возражения, Редер резко развернулся и зашагал прочь.

«Эти командирские обязанности черт знает какие фокусы с моими манерами творят,— подумал Питер.— Матушка определенно была бы мной недовольна». С другой стороны, им уже много лет командовали, и Редеру еще ни разу не случалось наткнуться на большого начальника, манеры которого не были бы грубыми и бесцеремонными.

Шкафчик для инструментов мог бы показаться просторней каюты Падди. А все потому, что он контрабандой протащил на борт еще трех техников, чтобы с ними в картишки перекинуться. Столик он заранее подготовил. Правда, Падди пришлось прихватить из лаборатории несколько табуретов, чтобы за этим столиком было удобно играть, но он чувствовал, что все усилия того стоили. Из проигрывателя негромко играла музыка.

— Два,— сказала Симба, стройная, загорелая женщина с тугими косичками иссиня-черных волос. Не будь на свете Синтии Роббинс, Падди наверняка насладился бы более близким знакомством с этой первоклассной специалисткой по всевозможным видам оружия.

Кольвин сдал ей две карты и, полузакрыв глаза, подался назад. Старший из всех четверых, этот тихий мужчина с комплекцией уроженца планеты с тяжелой гравитацией был одним из лучших спецов по моторам, каких Падди когда-либо встречал.

Тони Ву ничего не сказал, а лишь по-новому расположил свои карты. Его специальностью были боевые компьютеры. А вот покер — ни в коем разе. Хотя Тони просто обожал играть, он без конца проигрывал.

— Суховато здесь, верно? — спросил Падди. Вытащив из столика фляжку и четыре стакана, старшина налил всем выпить.— За Содружество,— провозгласил он, поднимая бокал.— Чтоб оно еще дружней было.

Остальные охотно подняли стаканы в ответ на тост старшины, и лишь Симба бросила на него слегка вопросительный взор.

— Закусим,— предложил Падди, доставая с полки пакетик хрустящего картофеля. Эту штуку, понятное дело, производили уже вовсе не из картофеля, и даже неясно было, чем же таким она хрустит, но вкус оставался прежним.— Угощайтесь,— сказал он, делая широкий жест.

Тут удивились даже Кольвин и Ву.

— Это мне моя любимая дала,— объяснил Падди.— Она говорит, так веселее.

— Как там насчет женитьбы, старшина? — поинтересовалась Симба.

Падди одарил всех кривоватой ухмылкой.

— Время покажет,— сказал он.— Но если я и впрямь когда-то женюсь, моей жене придется понять, что толковой игры без угощений не бывает.

— Мне тоже кажется, что так веселее,— сказала Симба и так кинула себе в рот кружочек хрустящего картофеля, что это показалось почти приглашением.— Каждому мужчине жена нужна.— И она лукаво ему подмигнула.

Все рассмеялись, и сквозь этот смех Падди расслышал легкое гудение. Этого звука он давно ожидал.

— Обожаю вот этот кусочек,— сказал старшина, включая проигрыватель на полную громкость. Музыка дико заревела, отражаясь от стен, и один из его товарищей зажал ладонями уши, другой завопил, чтобы он ее вырубил, а третий швырнул в него фишками. Все зависело от индивидуальной терпимости к боли.— Что? — крикнул им в ответ Падди, смеясь.— Я вас не слышу.

Наконец он все-таки смилостивился и вырубил музыку.

— Это было совсем не смешно,— хмуро сказал Кольвин.

Ву ничего не сказал. Он лишь вынул одну карту из своего веера и переложил ее на две карты дальше.

Симба засверкала на Падди глазами.

— Стоп-машина,— сказала она. Женское чутье подсказывало ей, что пора идти. К несчастью, это чутье самую малость запоздало.

Падди помрачнел. Он бы предпочел, чтобы они еще чуть-чуть поиграли. Так три его товарища смогли бы отвлечься от происходящего вокруг. Впрочем, выбор был уже не за ними. И, что самое скверное, на руках у старшины ничего толкового не имелось.

«А, ладно,— подумал Падди.— Черт с ней, с игрой». И действительно. Игры была предлогом, чтобы затащить этих троих на борт «Непобедимого». Правда же заключалась в том, что Падди затеял все это с намерением их похитить.

Трое техников «Непобедимого» остались на поверхности Наобума. Все они получили тяжелые радиационные ожоги и должны были еще как минимум две недели проваляться в больнице. А Падди вовсе не собирался допускать того, чтобы главная палуба оказалась лицом к лицу с повианами без трех необходимых специалистов.

С тоскливой миной расплатившись, он потребовал себе еще карты.

«Они услышат, как корабль стартует,— подумал Падди.— Можно только надеяться, что они не прикончат меня, если решат, что мне все это тоже как снег на голову свалилось». В конце концов, откуда было какому-то механику в чине главного старшины знать, что корабль готовится отбыть из порта по срочной необходимости?

«Непобедимый» накренился и издал громкий лязг, освобождаясь от грейферов и базового переходного шлюза.

— Что это было? — поинтересовалась Симба, поднимая глаза к потолку.

— Сам не знаю,— отозвался Падди, вставая.— Пожалуй, надо бы пойти выяснить.— И он выскочил из каюты, запирая за собой дверцу. «Пусть-ка они часок тут покипят да поварятся,— подумал старшина и, весело насвистывая, направился по коридору.— Все равно уже слишком поздно. И если я им потом скажу, что меня тут какой-то офицер застукал и что я не хотел, чтобы они за азартную игру на губу пересели, может статься, они меня не прикончат».

Редер сидел на капитанском месте в кабинете для инструктажа, чувствуя себя крайне неловко под потрясенно-недоуменными или, как в случае Бута, откровенно враждебными взглядами своих коллег-офицеров. От спутника они отчалили без сучка и задоринки, причем кое-кто из людей Редера так и остался на базе, а несколько членов личного состава базы перекочевали на «Непобедимый». Теперь коммандер наконец-то собирался поведать старшим офицерам о задании.

— Первая часть порученного нам адмиралом Смоллвудом задания достаточно незатейлива,— начал Питер.— Мы должны найти повианских рейдеров, которые нанесли удар по Наобуму.

— Если это незатейливая часть задания,— прогудел командир эскадрильи Шелдон,— тогда мне даже подумать страшно, каким ударом для нашего душевного здоровья станет его затейливая часть.

— Все в свое время, командир эскадрильи,— с улыбкой сказал Редер.— После того, как мы захватим в плен повиан, мы обсудим наши дальнейшие действия.

— Гм... они хотят, чтобы мы захватили в плен повиан? — спросил Труон Ле, глава тактического отдела. На лице у него ясно было написано: «Ведь я что-то не так расслышал, верно?»

Этот же самый вопрос, смешанный с изумлением, читался и на всех остальных лицах.

— Крепитесь, господа,— сказал коммандер.— Мы и раньше делали невозможное.— Они молча продолжали глазеть. «Ну вот,— подумал Питер,— все в полном порядке».— Это то, чего хочу я. Я бы хотел захватить по крайней мере один их корабль. Однако сложно сказать, что Космическому Отряду удастся извлечь из одного. Поэтому я хочу, чтобы наши люди действовали по принципу «чем больше возьмем, тем лучше».

Они переглянулись. Вскоре Уильям Бут, шеф отдела контрразведки и не самый любимый из нынешних подчиненных Редера, заговорил:

— Вы сознаете, коммандер, что еще никому не удавалось с успехом захватить в плен хотя бы одного повианина? Что же до мокаков,— он развел толстыми ладонями,— то когда их берешь в плен, их потом просто невозможно содержать. По крайней мере, без круглосуточной охраны. От них всегда бывает больше проблем, чем пользы.

Теперь на лицах офицеров читалось, что, как ни противно им было соглашаться с желчным и некомпетентным Бутом, в данном случае им это делать приходилось.

— Есть у вас какие-то мысли о том, как к этому можно приступить? — поинтересовался Шелдон. В подтексте почти слышалось обращение «старина Питер».

— Они наверняка уничтожат все записи,— с траурным видом заметил Хаваш Харткорпф, начальник отдела связи.— Я знаю, что мы бы точно так сделали.

— Тогда в чем здесь смысл? — спросила Ашли Люрман, астронавигатор.— Скорее всего, никаких пленных, определенно никаких записей. К чему все эти хлопоты?

— Я голосую за то, чтобы мы просто раздолбали подонков,— заявил Бут, оседая в своем кресле. На его широкой физиономии играла презрительная улыбка.

— Я командую этим кораблем и несу ответственность за это задание,— твердо отчеканил Редер.— Это непреложный факт. Когда я даю приказ, вы будете повиноваться ему, потому что я действующий капитан.— Продолжая говорить, он в упор смотрел на Бута.— У вас нет права голоса, когда речь идет о том, повиноваться моим приказам или нет. Как вы к этим фактам относитесь, значения не имеет, потому что здесь не демократия. А если вам это не по вкусу,— холодный взор голубых глаз коммандера медленно обошел весь стол,— то вам определенно нет смысла и дальше служить офицерами в Космическом Отряде.

Редер сделал паузу и по очереди заглянул в глаза всем своим коллегам-офицерам.

— Что мы получим,— произнес он наконец, обращаясь к Люрман,— даже если не будет пленных, даже если все записи будут стерты без всякой надежды на восстановление, это конкретное представление об уровне их технологии. Повианские трупы обеспечат неоценимой информацией судебную медицину; их жилые модули, возможно, дадут какое-то представление о том, как устроено их общество. Все это станет подлинной золотой жилой для контрразведки. Я бы очень хотел добыть эту информацию для Содружества. И я требую, чтобы вы помогли мне это проделать. А посему прекратите считать, будто все это можно будет автоматически провернуть по самому легкому варианту, и начинайте планировать, как нам на самом деле выполнить это задание.— Он быстро оглядел всех, сидящих за столом.— На данный момент карнавал негативизма закончен.

Офицеры молча переглянулись. Физиономия Бута по-прежнему выражала враждебность; на остальных лицах в той или иной степени читалась задумчивость.

— Что ж,— заговорил Шелдон, постукивая пером по столу,— это вполне справедливо. Если мы будем думать, что мы на это неспособны, мы определенно не сможем это проделать. Прошу

вас, коммандер, не думать, что я веду себя негативно, но теперь мой вопрос таков: как мы их найдем?

— Методом тыка,— ответил Питер, запрашивая звездную карту.— Но при этом основываясь на лучших разведданных, которые у нас имеются.

Коммандер рассказал им все то, что поведал ему адмирал насчет купленных или украденных опознавательных сигналов и уничтоженных сторожевых судов. Офицеры в ответ хмуро на него посмотрели.

— Итак, повиане все глубже и глубже прокладывали себе путь на территорию Содружества,— сказал Питер.— Но Наобум едва ли находится на исхоженной тропке. Так что в этой атаке есть несомненный психологический эффект, и средства массовой информации наверняка языки себе протрут, вещая о глубоком проникновении, вражеском внедрении, тары-бары-растабары. Однако свои мишени повиане подбирают предельно аккуратно, наверняка с мыслью о собственной безопасности на уме.

Энергично кивая, Труон Ле добавил:

— Если иметь в виду долгосрочную программу, то чем безопаснее им будет, тем больший урон они смогут нанести.

Другие офицеры тоже закивали, и Редер ухмыльнулся.

— В самую точку! — сказал он.

Коммандер переключил свое внимание на пульт перед собой, и в центре стола вдруг ожила звездная карта. Он высветил там три планетные системы. Компьютер тут же их укрупнил. Важнейшая статистика этих систем появилась под их названиями, а также на отдельных экранчиках перед каждым из офицеров.

— Моя догадка такова, что повиане продолжат выбирать схожие мишени, руководствуясь принципом максимальной безопасности для себя и максимального психологического ущерба для нас. Они планируют наносить удары и в темпе уматывать.

Редер нажал клавишу у себя на пульте, и одна из трех планет выдвинулась на первый план.

— Я ставлю вот на эту. Она достаточно близко, она малонаселена, слабо защищена, и там есть завод по переработке радиоактивной руды. Заряды для боеголовок, которые там производятся, не то чтобы жизненно для нас важны, но их потеря определенно нам повредит.— Он вытянул перед собой руки и, словно бы приглашая всех к разговору, ими взмахнул.— Какие будут мнения?

«Белла-Виста» было весьма удачным названием для этой прелестной планеты. На вид она имела много общего с Землей, щеголяя прозрачно-голубой атмосферой и бескрайними разноцветными просторами, кое-где зелеными. Все это был чистой воды обман. Атмосфера состояла в основном из метана и водорода, а зелень давал аммиак; кроме того, эта атмосфера была густой и

взрывоопасной, включая в себя сложные летучие вещества, которые тщательно оттуда выделяли и перерабатывали для дальнейшей отправки на производственные комплексы по всей системе.

Постоянными жителями Белла-Висты были шахтеры, заброшенные туда Консорциумом. Бывшие, впрочем, шахтеры. Теперь их проживание здесь было каким угодно, но только не постоянным. В возмещение за страдания, причиненные этим людям Консорциумом, Содружество вознаградило их планетой. С тех пор они прилично разбогатели на минералах, и теперь нанимали других, чтобы за них работать. Львиную долю своего времени бывшие шахтеры проводили, развлекаясь на планетах с куда большими удобствами, однако поддерживали фикцию своей прописки на Белла-Висте.

— Надеюсь, наша догадка верна,— сказал стоящий под боком у Редера Труон Ле.

Редер лишь хмыкнул в ответ. Пристроив подбородок на кулаке, он упирался взглядом в капитанский экран, внимательно изучая планету, а также ее орбитальные модули, кольца и квазилуны. «Особенно мне эта «наша догадка» понравилась,— с юмором висельника подумал коммандер.— Хотя я тоже надеюсь, что она верна. Не то чтобы я обитателям Белла-Висты зла желаю. Просто не можем мы быть в трех местах сразу, и я нутром чую, что я прав».

К несчастью, его нутро было так же склонно ошибаться, как и любое другое. Что не на шутку Питера беспокоило.

— Пожалуй, сейчас не лучшее время, чтобы об этом упоминать,— сказал Труон,— но эти три техника, которых старшина Кейси уворовал...

— Уворовал! — воскликнул Питер.— Это вы уж слишком, старпом.

— А как насчет «прибрал», сэр?

Редер сжал губы.

— Прибрал — уже лучше. Но это неточно. Они пришли на борт по собственной воле. Никто их наркотиками не накачивал и оставаться не принуждал.

Труон подался поближе к коммандеру.

— Сэр, они пришли на борт поиграть в карты со старшиной. Оставаться они и не думали.

— Не наша вина, что они не смогли вовремя вернуться на станцию. Что мы, интересно, теперь должны сделать — остановить войну и дать им возможность отсюда вытряхнуться?

Старпом улыбнулся.

— Не думаю, сэр. Но они заявляют, что намереваются подать жалобу.

Самодовольно ухмыляясь, Редер откинулся на спинку кресла. «Это предполагая, что кто-то из нас обратно до Содружества доберется»,— подумал он.

— Не знаю, почему, но меня такие безумные оптимисты всегда по-настоящему восхищают. А вас, старпом?

— Сэр,— сказал Харткорпф, начальник отдела связи.— Командующий базой приглашает всех офицеров на званый обед.

Питер мог это понять.

Во всей системе Белла-Висты каждый день находилось всего лишь примерно четыре тысячи человек, да и те были рассеяны кто где. Новое лицо, показывающееся во время твоего двухлетнего контракта, считалось здесь чем-то вроде подарка судьбы.

— Давайте лучше к нам его пригласим,— сделал встречное предложение Редер.— Предложим сменить обстановку.

— Миссис Хонг говорит, что она с радостью, коммандер,— пришел ответ Харткорпфа,— но ей бы также хотелось всю семью с собой захватить. У нее два мужа и три сына-подростка.

— Мама родная,— втихомолку произнес Редер. Полигамистов ему в жизни вообще-то не так много попадалось. Большинство считало, что от этого слишком много проблем. «Хотя в такой дыре,— подумал Питер,— наверное, чем больше, тем веселее».— Пожалуйста,— сказал он вслух.— Очень рад буду с ними познакомиться.— «И все-таки эта история с двумя мужьями мне не очень по вкусу,— подумал затем коммандер.— Что, если они на самом деле какие-нибудь извращенцы?»

Впрочем, тогда он мог обрести убежище, представившись эдаким суровым и отчужденным типом капитана. Предполагая при этом, что два мужа миссис Хонг не принадлежат к тому типу социальных пиявок, которые намертво присасываются к самому высокому по рангу индивиду в помещении.

— Сэр,— сказал от тактического пульта младший лейтенант Гундерсон.— У прыжковой точки отмечена активность.

Сразу же после прибытия в систему они убрали отсюда сторожевой корабль, заменив его кое-какими суперкрутыми шпионскими устройствами. Они также установили у прыжковой точки предельно очевидный бакен — на тот случай, если отсутствие сторожевого корабля отпугнет их добычу.

— Высылают коммерческий сигнал,— сообщил Гундерсон.

— Мне на экран,— приказал Редер.— И отмените приглашение. Попросите миссис Хонг в дальнейшем не поддерживать с нами никакой связи, пока мы не скажем, что все в порядке.

— Есть, сэр.

Точка обзора Редера находилась позади бакена, и в данный момент ничего, кроме довольно скучной космической панорамы, он не наблюдал. Зато он услышал, как бакен откликается на коммерческий сигнал стандартным приглашением не значащегося в графике корабля на Белла-Висту. Затем, прямо на глазах у коммандера, прыжковая точка претерпела мучительный для зрения момент диссонанса, и корабль начал проходить.

— Это определенно никакое не коммерческое судно Содружества,— удовлетворенно отметил Редер.

И действительно, из прыжковой точки вышел с одного бока приплюснутый, а с другого выпуклый диск, напоминающий механистическую версию черепашьего панциря с двумя изогнутыми, выдающимися вперед структурами, словно это было насекомое со жвалами. Восемь тяжелых защитных конструкций на обтекателях окольцовывали его корму, а вся поверхность буквально топорщилась блоками датчиков, антеннами, пусковыми модулями, фокусирующими зеркалами и лучевыми направляющими механизмами для плазменных орудий. Вдобавок там же еще гнездились тяжелые ракеты.

— Класс эсминцев,— доложил Гундерсон, сверяясь с приборами.— Масса больше, чем обычно бывает у нас или у мокаков. Очень тяжелый нейтринный поток — силовая установка чертовски впечатляет. Похоже, эта сикараха дьявольски быстро бегает.

Они ждали. Больше ничего не показывалось.

— А на Наобуме с ними были друзья-приятели,— сказал над плечом у Редера Труон.

— Верно, были,— согласился коммандер.— Но там было кому их встретить. А здесь...— Он лишь рукой махнул.— Да, действительно,— согласился временный старпом.

— Не думаю, что кто-то еще появится. Дадим им еще немного пройти, а потом стартуем. Все люди на местах?

— Так точно, сэр,— отозвался Гундерсон.

Они ждали, пока повианин осторожно прокладывал себе курс по гравитационному колодцу голубого солнца, явно нацеливаясь на Белла-Висту.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Мастер охоты, здесь нет никакого сторожевого корабля. Его заменили автоматическим бакеном.— Голос техника едва заметно подрагивал, намекая на тревогу.

Мастер охоты Чи-кист оторвался от своих занятий и обдумал новости. Информаторы заверили их, что у этой прыжковой точки будет сторожевое судно. Им также было сказано, что это единственный военный корабль в данной системе.

А теперь этот корабль куда-то исчез.

— Дайте послушать его сообщение,— велел Чи-кист.

Из компьютера неразборчиво забубнил человеческий голос.

Располагая свои педипальпы в положении первой степени недовольства нерадивым подчиненным, мастер охоты прошипел:

— Перевод!

Сообщение оказалось простым приглашением в этот сектор космоса, где перечислялись имена людей, руководящих шахтерским сообществом Белла-Висты. О пропавшем сторожевом корабле ничего не было сказано.

— Что вы об этом думаете, Мох-но? — спросил Чи-кист у своего заместителя.

На мгновение Мох-но принял позу, указывающую на его высокую оценку той чести, которой, пожелав узнать его мнение, удостоил его начальник. Затем он сказал:

— Не могло ли получиться так, что наша первая атака настолько напугала этих людей, что они стянули свои силы для охраны самых важных систем?

Чи-кист одним жестом признал такую возможность, а другим подбодрил своего подчиненного и предложил ему продолжать.

Размышляя, Мох-но снова принял позу уважения и признательности.

Мастер охоты сдержал жест удовлетворения. Он уже ввел в обычай поощрение своих подчиненных к анализу ситуации и изложению своих мыслей — отчасти потому, что ему нравилось наставлять молодежь. Впрочем, лишь отчасти. Главное же заключалось здесь в том, что Чи-кист просто наслаждался, когда его работу проделывали другие. Их гибкие молодые умы, к примеру, заметно превосходили его в оценке мотиваций человеческого противника.

И в то же время Чи-кист так умело плел свои сети-ловушки, что до него то и дело доходили достоверные сообщения о том, что молодежь необычайно высоко ценит службу у него под командой за бесценную возможность по-настоящему обучиться искусству ведения войны. Таким образом, самые лучшие соперничали за то, чтобы стоять возле него на палубе, и их таланты добавляли новый блеск его репутации.

Большинство из них так и не догадывались, что мастер охоты попросту их использует. Те же, кто догадывался, обучались его методам и склонны были быстро подниматься на службе королеве. «Мох-но,— подумал Чи-кист,— будет одним из таких».

— А не могли они раскусить наш план? — спросил Мох-но, делая жест, который указывал на то, как остроганная мысль прорывается сквозь сеть-ловушку.— Не могли они рассудить, что мы атакуем их наименее защищенные аванпосты?

— Тогда они вряд ли оставили бы эту планету незащищенной, разве не так? — спросил в ответ мастер охоты.

— Нам следует посмотреть, не удастся ли что-то извлечь из нейтринных сигнатур, которые нами здесь обнаружены,— предложил Мох-но.

Чи-кист позволил своему хелицеру выразить одобрение, и Мох-но, как он сам же и предложил, приступил к этой процедуре. Юнец пока еще не сознавал, что мастер охоты впитывает у него знания. Но он был очень смышленым, и скоро ему предстояло это понять. Тогда Чи-кисту придется организовать переназначение. «Какая жалость,— подумал он,— что именно тех, кого ты больше всего хочешь удержать при себе, всегда приходится удалять».

— Самый последний корабль имел сигнатуру рудовоза,— доложил Мох-но. Положением своих педипальп он позволил себе выразить разочарование.— Также в этой зоне была ограниченная активность малых судов. Возможно, кто-то программировал бакен,— предположил он.

— Таким образом, у нас есть несколько вариантов,— заключил мастер охоты.— И у нас есть задание, которое состоит в том, чтобы уничтожить промышленные мощности в данной системе. Мы должны прямо на ходу проверять сеть.

Притаившись в своем «спиде», Шелдон наблюдал, как повианин крадется вперед.

— Так держать,— сказал он вслух. Только он один мог слышать свой голос, поскольку они отключили связь, но Шелдону просто требовалось это сказать.

Приборная панель его машины пассивно регистрировала сканирование повианами этой зоны. Но враги уже прошли вперед. «Стало быть,— подумал командир эскадрильи,— их датчики не так совершенны, как того мы опасались».

Семнадцать «спидов» из полного комплекта «Непобедимого» в тридцать пять машин были развернуты в ожидании повиан, равно как и два «психа». Эскадрилья получила приказ лежать молча, пока враг не окажется настолько далеко от прыжковой точки, что его бегство станет невозможным. Многое здесь зависело от того, что именно сюда пройдет. Шелдон был рад обнаружить, что это всего-навсего эсминец. Он и шестнадцать его коллег по эскадрилье вполне были способны с ним справиться.

Хотя, конечно, Шелдон надеялся, что враг бросится вперед без раздумий, с орудиями наготове и с бесшабашностью в куриных мозгах. Тогда с сикарахами можно было бы спокойно и рассудительно разобраться.

Командир эскадрильи сжал губы. Захватить в плен эсминец будет очень непросто. «Ладно, сделаем,— подумал он затем.— Только бы это не слишком дорого обошлось. Иначе я шкурой Редера свое перегрузочное кресло обтяну. У этого парня нет права менять приказы ради своей карьеры».

В душе Шелдон отчаянно сожалел о том, что это не его идея. Первое подразделение, которое сумеет взять в плен повианский корабль, будет купаться в славе.

Повиане продолжали проводить сканирование по всей зоне, но после второго прохода Шелдон уже не тревожился. Хотя поначалу он боялся того, что с каждым следующим сканированием их приборы будут работать все тоньше. Теперь же командир эскадрильи был уверен, что они либо не могут этого делать, либо не считают нужным.

Таким образом, ничего здесь обнаружить сикарахи попросту не могли. Материалы, из которых состоял «спид», быстро охлаждались, а они многие часы провисели здесь в ожидании, так что термическое сканирование зарегистрировало бы только холодный металл. Который запросто можно было принять за метеороиды. По тому курсу, которым прошел «Непобедимый», они прогнали целых три рудовоза, а «спиды» были доставлены сюда этими же грузовыми кораблями на буксире. Для того, чтобы занять нужное положение, пилоты использовали самое минимальное количество энергии. Так что нейтринные сигнатуры здесь будут, но такие низкие, что опасными они сикарахам показаться не должны.

Лишь что-то, ищущее конкретную форму «спида», могло их там обнаружить. А для развернутой повианами сети сканирования машины были слишком малы, и они легко проскакивали незамеченными сквозь ее ячейки.

Шелдон ухмыльнулся. Нежелание сикарах считать нечто малое по размеру не представляющим никакой угрозы должно было принести им массу проблем в самом ближайшем будущем.

— Мастер охоты...

Мастер охоты Чи-кист зашевелился на кушетке. Немного слизи стекло ему на жвалы, и он раздраженно вытер их педипальпами.

— Слушаю вас, Мох-но.

И глаза, и хелицеры Мох-но указывали на сомнение, замешанное на упрямстве.

— Мастер охоты, мне кажется, я зарегистрировал сигнатуру другого корабля. Вот, смотрите.

Он вызвал данные на экран. Чи-кист намеренно сцепил свои хелицеры в весьма хитроумный узор, который побуждал другое разумное существо видеть в нем другие узоры, которых там на самом деле в помине не было.

— Ручаетесь ли вы за эти данные обеими вашими педипальпами, а также несколькими передними конечностями? — спросил он.

— Да, мастер охоты. И я убежден, что перед рудовозами здесь прошел другой корабль. Силовая установка и мотор нормального пространства у этого корабля имеют следующие характеристики.

Тук-тук-тук. Когти нижних лапок Чи-киста застучали по палубе.

— Военный корабль?

— Такова моя гипотеза. Крупная боевая единица — линейный крейсер или авианосец. И он прибыл сюда...

— ...за минимально необходимое транзитное время после нашего предыдущего удара по цели!

Какое-то время педипальпы мастера охоты нерешительно корчились, затем застыли.

— Тормозить. Сбросить скорость и лечь на обратный курс.

Не было никакого позора в бегстве от превосходящего противника. Если там действительно есть превосходящий противник, он покажется, когда они побегут. Если же его там нет, они всего лишь потеряют немного горючего...

...и вина за это ляжет на Мох-но.

Редер наблюдал за тем, как «спиды» движутся в направлении Шелдона.

— Нет! — вырвалось у коммандера, когда он увидел, что они оставили брешь перед прыжковой точкой. Повианский капитан мгновенно увидел свой шанс, и с поразительным проворством метнулся в эту брешь.

Пытаясь отрезать повианам путь к отступлению, эскадрилья отреагировала слишком поздно. Сикарахи беспрестанно палили, отчаянно тратя энергию в гонке, наградой за победу в которой была их свобода. Один, еще один «спид» получили попадания, исчезая в кратких вспышках пурпурного пламени.

«Мне следовало расположиться поближе»,— подумал Питер. Даже теперь они были недостаточно близко, чтобы хоть как-то помочь. Редер наблюдал, как враг ускользает — изображение повианского корабля дробилось и пропадало в прыжковой точке.

— Синхронизировать флуктуации моторов с повианскими,— рявкнул Редер.— И следовать за ними в транзит. Посмотрим, куда они нас поведут.

— Мы оставляем эскадрилью позади? — спросил Труон Ле.

— Если мы остановимся, чтобы ее подобрать, у нас уже не будет никакой возможности последовать туда, куда направляются повиане,— ответил коммандер. «А с Шелдоном все будет в порядке,— подумал он.— «Спиды» запросто доберутся до Белла-Висты».— Готовность к прыжку! — крикнул Редер.

— Есть готовность к прыжку,— отозвался рулевой.

Последовала временная потеря ориентации, а для большинства команды началась долгая тошнота. И то, и другое были верными признаками перехода «Непобедимого» в транзитное пространство.

Сидя в кресле капитана Каверса за столом для совещаний, Редер чувствовал себя мошенником и самозванцем. Если бы они следовали первоначальным приказам, повиане точно так же вели бы их к своей базе, но у них были бы все тридцать пять «спидов» под рукой. «Хочется самого себя по заднице отхлестать,— подумал Питер.— Ведь мы не только семнадцать «спидов» на Белла-Висте оставили, но еще и двух пилотов лишились».

Он до сих пор не мог поверить, как стремительно все развалилось на куски. Ничто, просто ничто не могло предупредить

повиан о присутствии Космического Отряда. И тем не менее, без всякой видимой причины, они обратились в бегство.

Дверь открылась, и в помещение вошла Сара. Оглядевшись и никого, кроме Питера, там не обнаружив, она подошла и села с ним рядом.

— Куда мы теперь? — осведомилась она.

— Надеюсь, туда же, куда и повиане,— ответил Редер и протянул указательный палец, чтобы коснуться ее запястья, а потом его рука упала.— Я бы только хотел иметь полную эскадрилью.

— Ты оставил их позади? — спросила Сара и приложила руку ко рту, словно желая спрятать улыбку.— Шелдон тебя убьет.

— А что мне еще оставалось? Если бы мы остановились, чтобы их подобрать, мы потеряли бы повиан. Возможно, мы и так их потеряли, но сейчас, когда мы идем по горячим следам, у нас хотя бы есть шанс.

— Ты по-прежнему пальцем в небо тычешь,— сказала Сара.

— По крайней мере, я знаю, где это небо,— парировал Питер, наставительно поднимая палец.

Сара рассмеялась.

— Шелдон точно тебя убьет. Он будет настаивать на том, что ты нарочно их бросил.

— Черт возьми, Сара! Они сейчас в полной безопасности на Белла-Висте — надо полагать, обедают с миссис Хонг и двумя ее мужьями. Ты, часом, не знаешь, они оба Хонги или только один? Короче говоря, мы Шелдона в глубоком космосе не бросали и не бросим. На самом деле ему вообще не на что пожаловаться.

— Да уж, не на что,— с кривой усмешкой сказала Сара.— Проведи несколько недель на Белла-Висте, и у тебя другое мнение сложится.

Редер вопросительно поднял бровь.

— Нет, на Белла-Висте я не была. Зато я была в другом, очень похожем месте. Когда мне стукнуло пятнадцать, мама и папа получили какую-то бездоговорную инженерную работу. До начала занятий в школе оставалось еще несколько недель, так что я вместе с ними отправилась. Клянусь, до сих пор чувствую, как у меня кровь от тоски свертывается.— Она покачала головой от воспоминания.— Ты просто себе не представляешь.

— Шелдону в любом случае лучше особо не жаловаться,— сказал Редер.— Его задачей было их задержать. Он их задержал?

— Не-а.— Сара помотала головой.

— Стало быть, это наказание ему за нерасторопность.— Говоря об этом, Питер улыбался, но в его голосе слышалось и немалое раздражение.

По его личному и пока что тайному мнению, которое вполне могло отразиться в рапорте после того, как коммандер бы над всем этим поразмыслил, его инструкция взять повиан в плен могла сделать Шелдона сверх меры осторожным.

«В более широком смысле я несу за это ответственность,— заключил Питер.— Учитывая, что те приказы, которые я дал, были не совсем теми, которые я получил». Он сжал губы. «С другой стороны, будь я на месте Шелдона, я сам бы объявил масть, а потом — будь что будет. Так что я все равно прав. А это значит, что Шелдон неправ и заслуживает того, что получил».

Старшие офицеры гуськом начали заходить. Последним, гневно сверкая глазами, приполз Бут.

— Поскольку мы были вынуждены оставить командира эскадрильи Шелдона позади, я назначаю на его место капитан-лейтенанта Джеймс,— объявил Редер.

Все, кроме Бута, доброжелательно кивнули; Сара и ее способности были хорошо им известны еще с тех пор, как она командовала «психами».

— Кажется, я догадываюсь, что здесь происходит,— пробормотал Бут.

— Прошу прощения, мистер Бут, вы что-то сказали? — осведомился Питер, подаваясь вперед.

Тут шеф контрразведки словно язык проглотил.

— Итак, вы говорите, что...— Питер жестом предложил ему продолжить.

Оглядев стол, Бут обнаружил, что в ответ на него глядят в целом безучастные, но все же достаточно неприветливые лица.

— Гм... значит, мы... предполагается, что теперь мы получим тот окончательный инструктаж, о котором вы уже упоминали,— с запинкой произнес шеф контрразведки.

«Ловко он вывернулся,— подумал Редер.— Не ожидал, что Бут так быстро на ноги встанет. Хотя, если вдуматься, у него должна быть какая-то природная хитрость. Невозможно стать офицером, если ты хотя бы не знаешь, что под дождем лучше не стоять».

Складывая руки перед собой, коммандер опять подался вперед. Наконец он заговорил:

— Нашим заданием является преследовать повианскую рейдовую группу. Это составит часть рейда глубокого вторжения в повианский космос. Содружество полагает, что пора уже заглянуть за миры мокаков в повианскую империю. Если, конечно, у них там и впрямь империя. Нашей тактикой станет разведка боем.

Ашли Люрман, астронавигатор, подала знак, что хочет что-то сказать, и Редер кивком головы ей это позволил.

— Сэр, не является ли фраза «разведка боем» другим способом сказать «у нас нет объекта»?

— Нет, пока я здесь командую,— твердо ответил коммандер.— Я знаю, что мое желание захватить в плен повиан казалось исключительно моей гордыней, но теперь, когда вы знаете параметры нашего задания...

Он развел руками, и все за столом закивали. Захват повиан облегчил бы выполнение их задания, и очень значительно.

— Синхронизировав наши моторные флуктуации с повианскими,— сказала Люрман,— мы теоретически должны последовать за ними к месту их назначения. Проблема здесь в том...— тут она сделала паузу, глядя прямо на Редера,— что никто, кому случилось оказаться поблизости от повианского космоса, оттуда не вернулся.

«На самом деле не совсем так»,— подумал Питер. Скарагоглу организовал для него просмотр записи показаний члена команды, снятого с судна, во всех иных отношениях брошенного. Несмотря на все возможности современной медицины, тот мужчина безостановочно бредил. Редер никогда не смог бы забыть его измученное лицо, а те слова и фразы, которые несчастный бубнил про каких-то «громадин», сопровождая все это дикими воплями «Самки! Самки!», до полуночи не давали коммандеру спать.

«Хотя вряд ли это задание стало бы выполняться намного успешнее, если бы я им об этом рассказал,— подумал Питер.— Существует достаточно вполне информативных описаний повианского поведения, чтобы железно обеспечить нас ночными кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Если я про того парня расскажу, эти кошмары просто-напросто в ближайшие пару дней будут длиться несколько дольше».

— Именно по этой причине,— сказал Питер, отвечая на пристальный взгляд Люрман точно таким же,— мы должны отправиться туда и собрать информацию.

Все за столом дружно закивали.

Редер ткнул одну из клавиш на пульте, и над столом возник голоснимок повианского корабля, за которым они гнались. Снимок был сделан буквально в последнюю секунду перед тем, как повианин вошел в прыжковые ворота, и специальные фильтры, использованные при съемке, демонстрировали энергетические лучи, вырывающиеся чуть ли не отовсюду.

— Я ожидаю, что это будет короткий транзит,— сказал коммандер.— Вряд ли они стали бы так отчаянно тратить энергию на бегство, если бы рассчитывали лишиться горючего где-то на полпути к своей базе. А потому необходимо, чтобы команда была в полной боевой готовности. Насколько я понимаю, мы теперь можем в любой момент вырваться в нормальное пространство.

Он ткнул другую клавишу, после чего к эсминцу добавились еще два таких же и авианосец. Это была наиболее вероятная оценка всей рейдовой группы, которая нанесла удар по Наобуму и базе «Маргарита».

— Вот этот корабль,— продолжил Редер, тычком по еще одной клавише оставляя над столом один авианосец,— мы должны уничтожить.

Не то чтобы «Непобедимый» мог без особых проблем взять на себя три эсминца. Однако присутствие авианосца делало их шансы на успех практически нулевыми.

— Как только мы выйдем из прыжка, необходимо, чтобы вот этот зверь поскорее исчез. Найдите его и уничтожьте, прежде чем повиане успеют отреагировать. А реагируют они, как мы уже могли убедиться, чертовски быстро. Кто-то должен постоянно стоять на вахте у орудий. Это понятно?

Все за столом опять закивали.

Младший лейтенант Снорри Гундерсон, который замещал Труона Ле в тактическом отделе, поднял здоровенную лапищу.

Дождавшись кивка от Редера, младший лейтенант спросил:

— Есть у разведки какие-то данные о том, чему именно нам придется противостоять?

Питер покачал головой.

— Все, что у нас есть, сейчас перед вами. А что до того, куда эти ребята направляются...— тут он пожал плечами,— то мы здесь как раз за тем, чтобы это выяснить.— Коммандер оглядел стол.— Еще какие-то мнения, вопросы? — Офицеры переглянулись, но промолчали.— Тогда все,— объявил Питер, вставая.— Давайте назад за работу. Если у кого-то появятся какие-либо вопросы или идеи, не поленитесь со мной связаться.

Он положил ладонь на плечо Саре, когда та уже собралась уходить. Она вопросительно на него посмотрела.

— Я только сейчас понял,— объяснил Питер,— что командир наших «психов» остался в системе Белла-Висты. Его заместитель хорош, но куда менее опытен. Я бы хотел просмотреть вместе с ним эти записи и проверить, не удастся ли извлечь из них что-то полезное. Был бы очень благодарен, если бы вы к нам присоединились.

Сара слегка нахмурилась. Ей требовалось проинструктировать своих людей и подготовить к работе свой «спид». Верная традиции команды «психов», где она провела столько лет, капитан-лейтенант по-прежнему сама проверяла свою машину.

— Встретимся,— Редер сверился с часами,— через два часа.

— Хорошо,— с облегчением отозвалась Сара.— Здесь?

Он кивнул.

— Тогда до встречи.— Сара улыбнулась коммандеру, после чего с кивком развернулась и направилась к двери.

Редер наблюдал за ней, пока дверь не захлопнулась. Быть может, он советовался с Сарой, учитывая ее опыт. А быть может, просто хотел проводить с ней как можно больше времени, ибо не знал, что принесет им ближайшее будущее. «Хотя перспективы самые мрачные»,— подумал коммандер. И с этой радостной мыслью он поплелся в свой кабинет снова садиться за работу.

Так толком и не придя в сознание, Питер уже вскочил и побежал. Вой сирены предупреждал о том, что «Непобедимый» вот-вот выйдет из прыжка. Наконец не вполне проснувшийся коммандер метнулся в капитанское кресло.

— Сколько еще? — спросил он у Люрман.

— Несколько минут, сэр,— откликнулась та.— Компьютер прикидывает, что четыре.

— Полные орудийные расчеты,— приказал Редер Гундерсону.— Орудия наготове.

— Есть полные орудийные расчеты, сэр. Есть орудия наготове.

Теперь оставалось только ждать. Секунды отсчитывались со сновидной медлительностью, пока тело Редера разогревалось, словно готовясь к бою.

Дав последний выворачивающий наизнанку крен, «Непобедимый» вырвался в реальное пространство. Перед ним тут же возник противник.

— Уничтожить тот эсминец! — рявкнул Редер.

Носовое лазерное орудие мгновенно выстрелило, попадая как раз в самый центр повианского судна, пока то разворачивалось для боя с более крупным противником. Выстрел вышел просто роскошный. Лазерный луч прорвался в самое сердце вражеского корабля, к смертоносным бакам реактора. В ослепительной белой вспышке судно разлетелось на куски, ослепляя Редера даже вопреки мгновенному компьютерному приглушению безумного света.

— Н-да,— пробормотал коммандер,— прорвались мы сюда чуть менее скрытно, чем я рассчитывал.

— Они успели отправить частичное донесение, сэр,— доложил от коммуникационного пульта Харткорпф.

Редер молча вздохнул. «Тогда, пожалуй, вспышка уже особого значения не имеет»,— подумал он.

— Будьте так добры, мистер Харткорпф, пошлите копию этого донесения нашему лингвисту. А также мой ему привет. И попросите мистера Бартера по возможности обеспечить мне перевод.

— Есть, сэр.

— Что это передо мной висит? — спросил Редер у астронавигатора.

На отдалении перед ним висело маленькое красное солнце.

Люрман тут же сделала солнце поближе к коммандеру.

— Красный карлик, сэр,— без особой необходимости пояснила она.— Никаких планет, только пояс астероидов.

— У этого пояса очень большая пряжка,— заметил Питер. Затем он направил свое перо на экран, и компьютер немедленно привел выбранный им объект в фокус.— Станция,— с благоговейным ужасом протянул коммандер.

Гигантская станция минимум втрое превосходила по размеру базу «Онтарио». Подобно повианским кораблям, на вид она была механоорганической. И как раз в этот самый момент весьма успешно имитировала кое-что органическое.

— Как будто кто-то улей копытом лягнул,— над плечом у коммандера сказал Труон Ле.

И действительно — очень было похоже. Поразительное множество кораблей и повианских эквивалентов «спидов» жутким роем вылетало из станции.

— Датчики указывают на нейтринные сигнатуры крупных тактических сил,— доложил Гундерсон.— Здесь у них чуть ли не целый флот.

Внутри у Питера словно бы что-то опустилось, когда перед ним замелькали данные. Чудовищной мощности силовые установки одна за другой стремительно переходили из спящего режима в рабочий, проявляясь на экране как созвездия небольших солнц. Здесь было куда больше приключений, чем Питер для себя искал.

«И я считал себя смелым и отважным, когда собирался авианосец долбануть? — подумал он.— Боже ты мой!»

Внезапно в самом центре его экрана возникла раскрасневшаяся физиономия Ролана Бартера.

— Коммандер,— сказал лингвист.— Я определенно могу представить вам перевод этого донесения, но на это уйдет некоторое время. Надеюсь, вы его прямо сейчас не ожидаете?

— Как вы на этот пульт пробились? — рявкнул Редер.

— Если я в чем-то и смыслю,— самодовольно ответил Бартер,— так это в коммуникационном оборудовании.

— Значит, так, мистер Бартер,— процедил Питер.— Мы тут собираемся с повианами в чертовски отчаянный бой вступить. Так что прямо сейчас у меня на вас времени нет.

— В бой! С повианами! Но я полагал, мы должны будем с ними переговорить? — На физиономии у профессора возникла недоуменная гримаса.

— Сомневаюсь, что они сейчас склонны к переговорам,— сказал коммандер.— И, если уж совсем откровенно, то я тоже. Не пытайтесь снова со мной связаться, мистер Бартер, пока я сам к вам не обращусь. Иначе в дальнейшем будете на гауптвахте работать. Это вам понятно?

Не слишком всем этим смущенный, лингвист закивал большой головой.

— Да, конечно, коммандер, я понимаю...

— Тогда не будете ли вы так любезны убраться к чертовой матери с моего экрана, чтобы я смог увидеть, что там происходит?

— Ах, извините!

Физиономия Бартера исчезла, и ее заменило изображение находящейся в угрожающей близости повианской орды.

— Думаю, благоразумие в данном случае будет высшей доблестью. Мисс Люрман, выводите нас отсюда скорее, если можете.

— Сэр! — выкрикнул Гундерсон.— Позади нас из прыжковой точки выскакивают авианосец и два эсминца!

На ум Редеру пришло несколько очень нехороших слов.

— Запуск! Вражеский авианосец выпускает «спиды»!

Секундой позже зазвенел другой голос:

— Мы на прицеле! Вражеские противокорабельные ракеты уже идут — три минуты сорок семь секунд до пересечения!

«И что мне теперь сказать? — подумал Редер.— «Мать твою за ногу» определенно отпадает. И как это Каверсу в такие минуты удавалось сохранять дьявольское спокойствие?»

Тут коммандеру пришло в голову, что в такие минуты Каверс вполне мог чувствовать себя таким же ничтожным и перепуганным, как и он сам. Эта мысль и тревожила, и утешала.

— Мисс Люрман? Есть в этом заведении черный ход?

Мучительная пауза, а затем:

— Так точно, сэр. Информация пошла к рулевому.

— Рулевой,— напряженно проговорил Редер,— выводите нас отсюда.

— Есть выводить нас отсюда,— откликнулся рулевой.

— Тактическому отделу тем временем предлагается сохранить нас в целости и сохранности.

Редер сидел молча, глаза его метались с экрана на экран. Планка «расход энергии» была за красной чертой, и коммандер заприметил мигающий маячок, который указывал на то, что команда в инженерных зонах надевает скафандры. Офицеры тактического отдела склонились над пультами, точно орлы над своей добычей — хотя на такой дистанции простые человеческие рефлексы вряд ли могли чем-то помочь. Главным образом офицеры принимали решения, воплощать которые в жизнь предстояло машинам. Вопрос теперь заключался в том, чьи машины сделают это лучше. А еще в том, на чьей стороне удача...

— Перехват,— бесстрастно произнес кто-то.

Шары пурпурного пламени расцвели в вакууме, геометрически идеальные в безвоздушном пространстве. Противоракеты вылетели наружу и тут же были встречены противопротиворакетными батареями автоматических энергетических орудий на противокорабельных ракетах.

— Одна... две... три... четыре прошли. Активируем гнезда защитной батареи.

Корпус «Непобедимого» буквально гудел от вибрации, пока установки изрыгали плазму и когерентный свет. «Недаром эти установки в народе батареей «БОЖЕ МОЙ» называют»,— саркастически подумал Редер. Тем временем он наблюдал за накладывающимися друг на друга конусами в смотровом контуре, вероятными нормально-пространственными траекториями повианских кораблей, а также за одинокой желтой полоской, которую «Непобедимый» упорно протягивал среди них, направляясь к слабому месту в пространственно-временной структуре, которое позволило бы ему выпрыгнуть. Куда придется...

— Навигационный отдел, не забудьте хорошенько все зафиксировать, пока мы еще здесь,— спокойно сказал Редер.— Тогда на следующей остановке нашим компьютерам будет, с чем поработать.

Навигация ответила лишь резким кивком головы. Сейчас все глаза были прикованы к экранам защитной батареи. Последняя из здоровенных вражеских ракет рванула. Взрыв вышел несимпатичный, а дебильно-эрудированный мозг-камикадзе системы ее наведения еще попытался нанести мишени какое-то повреждение после того, как луч вывел из строя двигатели ракеты. Все это было так близко, что многие килотонны «Непобедимого» загудели и затряслись. В вакууме такая близость означала реальную опасность.

— Доза радиации ниже критических параметров,— объявил техник. А потом: — Готовность...

Реальность вдруг исказилась, и не будь желудок Редера уже плотно сжат от напряжения, он потерял бы всякий интерес к пище. Из прыжкового пространства их выбросило поблизости от маленького желтого солнца.

— Никаких планет,— немедленно доложила Люрман.

— Зато плотные транспортные потоки,— заметил Гундерсон.— Слишком плотные, чтобы выделить какой-то один тип корабля. Здесь чертовски много народа.

— Станция,— сказала астронавигатор.

— Две штуки,— без всякой паузы уточнил Гундерсон.— Небольшие. Но хорошо вооруженные.

На экране у Редера показалось целая флотилия эсминцев, ведомая тремя крейсерами.

— Чуть-чуть многовато — даже для «Непобедимого»,— сказал Питер.— Выводите нас отсюда, мисс Люрман.

— Есть, сэр,— отозвалась астронавигатор.

Как только они выполнили разворот, она ввела их обратно в прыжок.

— Нас не так плотно преследовали, как я опасался,— сказал Редер старпому.

— Так точно, сэр.— Труон Ле нервно провел языком по пересохшим губами.

— Интересно, почему? — задумчиво произнес Редер.— До этого они были чертовски решительны. Даже если мы прыгали вслепую, они тоже могли проложить туда курс. Они определенно были способны намертво к нам приклеиться.— Он покачал головой.— Что ж,— коммандер взглянул на экран,— пару часов отсрочки мы, по крайней мере, себе заработали.

— Куда теперь, сэр?

Питер потер пальцем верхнюю губу и нахмурился. Продолжать «разведку боем» в подобных обстоятельствах представлялось абсурдным. Враг, прекрасно подготовленный, имеющий подавляющее численное превосходство, каким-то образом передавал вперед весть о том, что на их территорию забрел содруг. «Отсюда вроде как следует, что элемент неожиданности мы уже потеряли»,— подумал Редер.

— Думаю, нам стоит попробовать что-то в таком же духе, когда нас с дубинками у дверей поджидать не будут,— сказал он вслух.— Мисс Люрман, сможете вы нас обратно на Белла-Висту доставить?

— Только не напрямую, сэр. Нам придется вернуться к последней прыжковой точке, а затем проскочить к той, что ведет к Белла-Висте.

Редер немного подумал.

— Может статься, как раз этого они от нас и не ожидают,— решил он.— Давайте-ка мы это попробуем, мисс Люрман. Нарисуйте нам курс до Белла-Висты.— «Будем надеяться на лучшее»,— подумал коммандер.

Мастер охоты Сек-сим, вольно развалившись в перегрузочном кресле, подписал последний документ, одобряя проделанный на его судне ремонт. С холодным терпением он сосредоточил свой взгляд на прыжковой точке, одновременно прикидывая варианты.

— Несомненно, мастер охоты,— сказал его заместитель,— люди вернутся именно этим путем.

— Кто может сказать, что эти существа еще вытворят? — отозвался Сек-сим.— Мне думается, это вполне могла быть жертва, предназначенная для передачи информации более крупной рейдовой группе.

— Никакого исходящего сигнала или капсулы с донесением не зафиксировано,— напомнил ему заместитель.

— Да,— задумался мастер охоты.— Это так. Однако, если наши человеческие союзники являются типичными представителями своего вида, нельзя сказать, какое безумство придет в голову этим странным существам.

Его подчиненный принял позу, указывающую на абсолютное согласие.

— Итак, ждем и наблюдаем,— сказал мастер охоты.

— Прыжковая точка активируется,— выкрикнул один из подчиненных.

Внимание Сек-сима почти достигло предела. Он наблюдал, как человеческое судно выходит из транзита.

— Огонь по моей команде,— приказал мастер охоты.

— Ч-черт! — выдохнул Редер.

Большинство других выкриков на капитанском мостике были куда более непристойными, но капитан — пусть даже временный, недавно назначенный — должен был соблюдать определенные приличия. Ровным тоном он продолжил:

— Огонь носовой батареей по готовности!

— Цель обнаружена,— доложил Гундерсон.— Есть огонь носовой батареей.

Это оружие обычно использовалось в ближнем бою для защиты от ракет или «спидов», но никак не в поединке с другим кораблем. «Интересно, кто из нас больше удивился»,— подумал Питер.

Повианский эсминец разбух на экранах, шкалы отсчета дистанции по обе стороны замутнялись по мере сближения судов. Редер вдруг понял, что его ладони крепко сжимают подлокотники капитанского кресла. Так близко в открытом космосе корабли никогда не сходились — разумеется, не считая тех случаев, когда происходила стыковка с дружественными судами.

Механоорганическую форму повианина теперь можно было различить даже невооруженным глазом. Пеноабляционная броня отлетала кусками, а затем энергетические орудия начали все глубже и глубже вгрызаться в жизненно важные органы. Суда выпускали ракеты — чистое безумие на такой дистанции, когда велик был шанс получить повреждение от собственной же боеголовки. А потом...

Экраны на мгновение помутнели. Когда же они опять прояснились, там не было ничего, кроме расширяющейся газопылевой микротуманности на том месте, где только что находились тысячи тонн боевого корабля и десятки разумных существ.

— Вот они и огребли,— буркнул кто-то.

«Мы тоже огребли»,— понял Редер. Путь на Белла-Висту был наглухо перекрыт. Не будь у них разогретых орудий и невероятной удачи, именно «Непобедимый» сейчас обогащал бы межпланетную среду.

— Мистер Холден,— обратился Редер к рулевому,— разверните-ка нас обратно, если не трудно.

— Есть, сэр,— отозвался Холден. «Непобедимый» начал разворот на сто восемьдесят градусов.

— Мисс Люрман, вводите нас в прыжковую точку.

— Есть, сэр.

— Сэр,— сказал Гундерсон.— К нам кое-что идет. Этот эсминец выпустил все, что мог, и что-то из этого добра лежало уже заготовленным — запрограммированным или на секунду заглушенным, сказать не могу. Но теперь оно идет. И чертовски быстро.

Редер с трудом сглотнул и бросил взгляд на конусы пересечения. Ракеты уносились вперед; «Непобедимый» резко тормозил, разворачивался и устремлялся назад тем же путем, которым пришел... но слишком медленно.

— Когда пересечение?

— Примерно в момент прыжка, сэр. Точнее сказать не могу.— Руки Гундерсона порхали по пульту.— Запускаю противоракеты... сэр, так у нас боеприпасов совсем не останется.

— Лучше пустые магазины, чем пуля в брюхе,— пробормотал Редер.

Время стремительно ускользало. Авианосец был быстроходным судном с высоким отношением энергии к массе, но крупный

боевой корабль все равно нельзя было швырять так, как ты это делал со «спидом». Две секунды до прыжка, одна...

«Непобедимый» содрогнулся, сирены завыли словно от боли. Гундерсон оторвал взгляд от пульта. С его бледного как смерть лица крупными каплями стекал пот.

— Пронесло,— выдохнул он.— Ракета была здоровенная... если бы мы в транзитное пространство не выпрыгнули, она бы нас на куски разнесла. А так только по самой кромке задела.

Отдел контроля за повреждениями принялся исполнять что-то вроде ритуальных плясок племени хали-гали.

— Сэр, у нас проблема. Теряем целостность поля на одной из главных антиводородных линий. Похоже, придется ее спустить.

— Дайте взглянуть...— Редер посмотрел. Инстинктивное нежелание тратить горючее, за которое они воевали, тут же вступило в бой с цифрам — и проиграло.— Спускайте,— приказал он.

Сам Редер тоже испустил давно сдерживаемый выдох. «Итак, возвращение отпадает»,— подумал он. Они использовали антиводород с удвоенной скоростью — в прыжковом пространстве заглушить линию было просто невозможно.

— Мисс Люрман, будьте добры, найдите нам еще одну неиспытанную точку выхода,— произнес коммандер. «А ведь с каким спокойствием я это сказал,— подивился он сам себе.— Просто шик-блеск!»

— Есть, сэр. Похоже, она будет не слишком близко. Точных данных у меня нет.

— Не беспокойтесь, мисс Люрман. Думаю, у нас тут найдется, чем себя занять.— Редер оглядел капитанский мостик и свою деловитую команду. «Обожаю этих ребят,— подумал он.— Надеюсь, перед очередной попыткой у них будет шанс отдохнуть».— Боевая готовность отменяется, мистер Труон,— сказал коммандер.— Если я буду нужен, я у себя в кабинете. Мостик за вами.

— Есть мостик за мной, сэр.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дама Сучарес пощекотала шерсть на брюшке своего партнера и радостно заворковала, когда он ответил ей тем же самым. Наслаждаясь восторгами спаривания без реального спаривания, дама чувствовала себя восхитительно порочной. Но ведь даже сама королева, по слухам, доставляла себе подобное удовольствие. «Безусловно,— подумала Сучарес,— ее величество очень порочна. Так почему подкоролеве такой же не быть?»

Самец принялся к ней пристраиваться. Он так погрузился в экстаз, что начисто позабыл все правила этой игры.

«Нет, никогда они не научатся»,— разочарованно подумала молодая подкоролева. Именно здесь и таилась единственная про-

блема этого несравненного времяпрепровождения. Самцы склонны были перевозбуждаться. Впрочем, даме Сучарес они такими и нравились. Перевозбужденными, агрессивными... Но поскольку они в таком состоянии упорно отказывались принимать «нет» за ответ, происходила постоянная утечка персонала.

С головокружительной быстротой Сучарес схватила своего партнера за шею и отшвырнула прочь. Но аккуратно — так, чтобы он хорошенько об стену треснулся, но хитина не расколол. А то прошлый раз такая каша получилась.

— Нет,— вслух сказала подкоролева. Тихо сказала, без выражения.

Сучарес надеялась, что тон ее голоса утихомирит возбужденного самца. Однако то, как он снова вскочил на лапки и встал, подрагивая и неотрывно глядя на подкоролеву, казалось крайне неутешительным. Он был хорошим солдатом, и Сучарес не хотелось его убивать.

Самец не произнес ни слова, а вновь устремился к даме, инстинктивно поддерживая уважительную дистанцию, но явно не отказываясь от достижения конечной цели.

Хелицеры подкоролевы сжались в предельном неудовольствии. Сучарес даже не могла позвать других солдат, чтобы они препроводили этого куда следует, ибо они также мгновенно подпали бы под неодолимые чары ее феромонов.

«Быть может, стратегическое отступление?» — подумала Сучарес. Оставить его здесь одного, пока ее феромоны не рассосутся, и солдат не придет в чувство. Ее госпожа, вторая после королевы, нипочем не простит Сучарес три подобных убийства менее чем за месяц.

— Дама? — Это был голос Шикси, ее младшей дочери.— Весьма сожалею о своем вторжении.

Шикси, самка молодая и предельно благоразумная, не одобряла развлечений своей матери, а потому, вполне вероятно, нисколько не сожалела своем вторжении. Однако голос второй самки вынудил солдата униженно распластаться на полу. Теперь он уже задыхался скорее от страха, нежели от страсти.

«Если честно, дочь моя,— подумала Сучарес,— очень желанное и своевременное вторжение».

Вслух она сказала:

— Охотно прощаю тебя, моя деточка. Несомненно, у тебя была на то веская причина. Что случилось?

Обращаясь к дочери, Сучарес одновременно пятилась к дверям залы. Все ее восемь глаз были сосредоточены на задыхающемся самце.

— Командующий флотом у станции «Азазеф» докладывает, что они гонят к нам корабль Содружества. Он сказал — легкий авианосец.

Сучарес вскинула голову.

— Ах, какая радость! — воскликнула она. Повианские самки обожали охотиться так же, как и самцы, но их вел еще более сильный территориальный инстинкт. Вторжение этих людей необычайно возбудило и порадовало подкоролеву.— Я иду прямо в командный центр.

— Все понятно, дама. Вторая, конец связи.

Сучарес повернулась к самцу, который теперь казался до смерти перепуганным.

— Останься! — прошипела она ему и покинула апартаменты.

Двигаясь к командному центру, Сучарес думала о Шикси. Ее дочь никогда не упускала возможности пощеголять своим рангом. И действительно, несмотря на свою молодость, она была второй после подкоролевы на этом аванпосту. Конечно, таким успехом следовало гордиться, считала ее мать. Но все же не с такой навязчивостью.

Шикси была не первой ее дочерью. Дамы, как того требовал обычай, прибывали из других кланов. Только Нрзан не прислал даму к Мигерис. Сучарес дала жизнь четырем дочерям — и ни одна из первых трех не закончила свою угрюмую, амбициозную, мятежную юность в ее обществе. Их воспитание обеспечило Сучарес тягостную задолженность перед тремя ее ровесницами, и она твердо была намерена больше такого не допускать.

Самой королеве, всего на четыре цикла старше Сучарес, еще предстояло родить дочь. Хотя, конечно, помимо личностных конфликтов, воспитание королевской дочери должно было принести с собой особое бремя проблем.

Впрочем, ее величество была молода, и для принцессы времени оставалось вполне достаточно.

«Должно быть, есть тут какой-то фокус,— мрачно размышляла Сучарес.— Какая-то верная смесь феромонов, которая позволяет самке свободно играть с самцами и доводить свою дочь до зрелости. Возможно, я просто слишком молода, чтобы иметь дочерей. Возможно, я кажусь Шикси скорее ровней, нежели матерью». Это могло объяснять агрессивность ребенка. Если Шикси видела в своей матери соперницу...

Тут Сучарес сделала бессознательный жест, отбрасывая прочь цепочку умозаключений. Быстро войдя на командный центр, она устроилась на своем сиденье.

— Прокрутите мне донесение,— приказала подкоролева.

Внимательно ознакомившись с информацией, она слегка мотнула головой.— Легкая добыча,— усмехнулась Сучарес.— Самая малость — на одно жвало. Создайте сеть у прыжковой точки и постарайтесь взять их в плен. Тогда они нам на обед пойдут.

Затем дама повернулась к Шикси и жестом предложила ей присоединиться к трапезе.

Шикси сначала порадовала свою мать очаровательным жестом радостного согласия, а потом начисто его загубила, сказав:

— Тем не менее, дама, нам следует помнить, что до сих пор эта малость очень колючей оказывалась.

На капитанском мостике «Непобедимого» было тихо. Напряжение от незнания того, когда появится транзитный выход, порядком изматывало, и люди копили энергию. А это до минимума сокращало все разговоры.

Редер сидел в капитанском кресле, размышляя и, подобно всей остальной команде, ожидая. Следовало надеяться, что они оторвутся от повиан, после чего выйдут в какой-то неисследованный и ненаселенный участок космоса. Затем они проберутся обратно в Содружество, унося с собой драгоценную информацию. И, так, между прочим, спасут свои куда менее драгоценные задницы.

— Сэр,— свинцовым от усталости голосом произнесла Люрман.— Компьютер фиксирует прыжковую точку. Десять минут.

Стало быть, неизвестная точка; знай Люрман, куда она ведет, она бы ему сказала.

— Огласите первое предупреждение,— приказал Редер.

— Есть огласить первое предупреждение.

Приглушенный тон прозвучал по всему «Непобедимому». Некоторые запросто могли этот тон проспать, зато остальным он обеспечивал более мирное пробуждение, чем последующая сирена. По всему кораблю мужчины и женщины пробирались на свои боевые посты, а там старались быть настороже.

На капитанском мостике Редер занял себя тем, что подписал несколько документов и внес новую информацию в бортовой журнал. Это было лучше, чем просто ждать.

Прозвучало пятиминутное предупреждение, и все, кто еще не занял свои боевые посты, теперь со всех ног к ним бежали. Люди одновременно и надеялись на то, что их больше не будет тошнить, и страшились того, что могло ждать их впереди.

Редер отсчитал для себя последние секунды, затем закрыл глаза и ухватился за подлокотники кресла, когда они впрыгнули в реальное пространство.

Наконец он открыл глаза. «Ох, мать твою!» — мысленно выругался коммандер.

Перед ними в сферическом построении располагалась небольшая армада повиан. И с той же уверенностью, как если бы кто-то и впрямь ухватил его клешнями за загривок, Редер знал, что позади него следуют и другие.

— А мы можем...? — хотел было спросить он.

— Никак нет, сэр,— ответила Люрман, предвосхищая вопрос.— Прыжковая точка уже активна. Мы не можем вернуться.

— Что впереди? — Коммандер уставил неподвижный взор на повианское стадо.

— Ищем,— отозвалась она.

Питер жестом подозвал к себе Труона Ле.

— Классическое сферическое построение,— сказал он старпому.

— Скоро шар будет идеальным,— заметил Труон.

Редер бросил на него резкий взгляд, и старпом поморщился, словно бы говоря: «Да, знаю, но я должен был это сказать».

Потирая указательным пальцем верхнюю губу, Редер немного подумал.

— Мы воспользуемся электронными мерами противодействия, чтобы создать у них иллюзию, будто мы разлетаемся во всех направлениях. Затем настоящий корабль двинется отсюда куда-нибудь, где может оказаться другая прыжковая точка.— «Лучше бы ей там оказаться»,— добавил он про себя.— Мисс Люрман? — вслух произнес коммандер.— Как проходит поиск?

— Я только начинаю получать показания, сэр.

— Отличная работа, Люрман.— Работа и впрямь была отличная. Эта женщина могла вытягивать информацию практически из эфирного пространства — пусть даже такой вещи попросту не существовало.

— Они будут стрелять во все, что мы вышлем, сэр. Включая нас самих,— заметил Труон.

— До но мы будем высылать чертову гору дезинформации. А как только мисс Люрман наметит прыжковую точку, я хочу, чтобы они нас заметили — всего на миллисекунду.

Лицо старпома на несколько мгновений побледнело, а глаза стали круглыми.

— Затем мы оставляем на том месте последнюю меру противодействия и рвем к прыжковой точке,— продолжил Редер.

Труон Ле явно колебался, но вариантов оставалось не так много.

— Понятно, что сдаться мы не можем,— сказал Питер.— Если станет похоже, что дело к тому идет, мы должны будем взорвать этот корабль. Мы не можем позволить повианам зацепиться за информацию о нашей технологии. Или о нас самих.

Старпом кивнул.

— Полагаю,— добавил Труон,— они сделали бы то же самое, попади они в такое положение, когда захват в плен казался бы неизбежным.

— Не обязательно,— возразил Питер.— Путь даже из людей они реально общались только с мокаками, они чертовски точно знают, что мы их не едим.

— Дураки! — вопила Сучарес.— Идиоты! — Своими педипальпами она в ключья рвала роскошные гобелены, что украшали ее покои.— Кретины и недоумки! — Пылая гневом, подкоролева зарылась когтями своих нижних конечностей в плисовую обойку кушетки и разорвала ее, разбрасывая набивку по сторонам.— Вы

потеряли добычу? Она ушла? Из неизбежной ловушки? Где корабль, который вы должны были сюда привести? Где моя ЕДА-А-А?

— Насколько мы можем судить, дама, они двинулись к сектору Сезарик.

Эту явно нежеланную информацию Шикси передала в аккуратно-невыразительной манере. До этого, осознав, что случилось, ее мать немедленно бросилась в свои покои и заперлась там, чтобы в безумной ярости не убивать всех подряд. Однако Шикси отлично понимала, что ключ от тех покоев находится у дамы и что столкнувшись с любым недостаточно уважительным поступком, она тут же может отменить свое добровольное заключение.

Сучарес застыла на месте. Ярость ее была так велика, что она уже едва могла шевельнуться или вдохнуть. Желание убивать было почти непреодолимым, но этот путь вел к позору еще большему, нежели тот, который дама уже претерпела.

Сектор Сезарик был владением подкоролевы, которая воспитывала ее вторую дочь. Долг повелевал Сучарес проинформировать ту подкоролеву о вторжении людей. А перед лицом ее моральных обязательств за это воспитание — вдвойне.

«Не хочу! — в неистовстве подумала дама.— Они мои! Они будут мои!»

— Следуйте за ними. Найдите их. Доставьте их ко мне,— голосом ровным и твердым приказала Сучарес.— Или больше ко мне не возвращайтесь.

— Воля ваша, дама.— Шикси прервала связь и застыла, обдумывая слова своей матери. В конце концов она решила, что последняя фраза совсем не обязательно относится к ней. Тем не менее, мудро с ее стороны было бы на несколько дней воздержаться от контактов с подкоролевой.

— Свяжите меня с мастером охоты Сад-махом,— велела Шикси спецу по коммуникациям.— И принесите мне что-нибудь поесть.— Необходимо было предельно доходчиво разъяснить мастеру охоту крайне мучительные последствия неудачи. А если во время этого разговора что-нибудь есть, это тонко подчеркнет команды, отданные ее матерью.

— Сэр?

Подняв взгляд, Питер увидел, что в дверь кабинета неуверенно заглядывает Падди.

— Входите, старшина,— поманил он к себе новоирландца.— Как там ремонт?

— Не хуже, чем можно было ожидать, коммандер. Учитывая, что у нас срочное латание швов на десятой части обшивки и две серьезно покореженные рамы корпуса. Для полного восстановления этому кораблю придется в доке постоять. Но он выправится.

— Еще одна такая драчка, как последняя, исключается? — спросил Редер.

Падди наградил его вымученной улыбкой и пожал плечами.

— Ничего, если я дверь закрою? — Не дожидаясь ответа коммандера, старшина закрыл дверь.

Затем здоровенный новоирландец подошел к столу, достал из одного кармана пару стаканов и поставил их на стол. Из другого кармана он извлек отполированную фляжку. Затем он взглянул на коммандера. Язык старшины, судя по всему, застрял у него между зубов, так что он лишь лукаво подмигнул временному капитану.

— Надо малость нервишки успокоить после, так скажем, мучительного спасения.— Падди налил им по чуть-чуть.— Или, как мне больше нравится, чтобы это самое спасение достойно отпраздновать.— Он поднял стакан.— За Содружество! — провозгласил старшина и немедленно выпил.

Питер с опаской взял свой стакан и настороженно его понюхал. Слезы тут же навернулись ему на глаза.

— Кто же такую славную выпивку нюхает? — ухмыльнулся Падди.

— Тот, кому приходится в капитана играть.

— Но я поднял тост за Содружество,— заметил Падди, выпучивая голубые глаза и явно не желая верить, что коммандер способен проявить такое неуважение к их возлюбленной родине.

— За Содружество,— сказал Питер и сделал самый мизерный глоток. Но даже после такого глотка он мгновенно почувствовал, как все его пазухи прочищаются.— Что вы намерены со мной сделать, старшина? Напоить меня так, чтобы я под стол улегся?

— Не-е. Зачем же под стол? Зато по-нормальному вам, знаете ли, не помешает. Нам надо, сэр, чтобы все ваши шестеренки крутились. Вы за последние двое суток хоть немного поспали?

— Самую малость,— признал Редер.

— Ясное дело. Тяжело уснуть, когда в голове одни эти самые повиане. Ага? — Падди искоса на него глянул.— Им что, сэр, конца не будет? Роятся прямо как эти... как...

— Сикарахи,— не смог не закончить Редер.

Раздался звонок в дверь, и Питер крикнул:

— Входите.

В кабинет с улыбкой заглянула Сара. Заприметив Падди, она ему сообщила:

— Вас там ваши карточные партнеры разыскивают.

Падди недовольно двинул могучим плечом.

— Да они меня вечно разыскивают. Покоя мне не дают с тех пор, как мы из дока отчалили. Вот дуболомы! Десять лет на службе, и до сих пор не знают сигнала, по которому со стартующего корабля надо высаживаться! И еще меня за это винят! Тьфу! Странно, как эти бестолочи еще разбираются, что циферки и рисуночки на картах означают!

— Надеюсь, они стоили всех проблем,— сказал Редер, делая еще один осторожный глоток.

— Ну да, на работе они просто звери. Только вот не понимают, обормоты, какое это великое приключение.— У Падди был откровенно обиженный вид.

— Сами знаете, старшина, что обычно о приключениях говорят.— Редер расслабился и положил ноги на стол.— Приключение — это когда кто-то другой в очень глубокой... гм...

— Пропасти,— закончила за него Сара.— Так вы хотите сказать, коммандер, что эта разведка — не приключение?

— Эта разведка,— подчеркнул Редер,— по любым меркам приключение.

— Пожалуй, вам лучше пойти и рассказать об этом вашим друзьям,— посоветовала Сара старшине.— Так, чтобы они поняли, как им на самом деле повезло сюда угодить.

Новоирландец краем глаза на нее глянул.

— Тяжкие времена настали, раз славная выпивка должна из-за таких обалдуев прерываться,— горестно протянул он. Затем, сунув в карманы стакан и фляжку, Падди с неформальным салютом и улыбкой сожаления на лице их покинул.

Сара закрыла за ним дверь и села за стол. Они с Питером дружно посмотрели на стакан, который оставил Падди.

— Что там? — спросила она.

— Понятия не имею,— ответил Питер.— Но по-моему, это пойло скоро стакан растворит.— Он ухмыльнулся и поднял лукавый взгляд.— Хочешь глотнуть?

Сара взяла стакан и понюхала, после чего плотно зажмурилась, несколько раз моргнула и только потом поставила стакан назад.

— Нет, спасибо. Я, знаешь ли, хочу эмаль на зубах сохранить. А кроме того, если на складе узнают, что мы пьем ту жидкость, которой положено налет с плазменных трубок отчищать, там сильно расстроятся.

Они немного посидели в уютной тишине, а затем одновременно подняли взгляды и улыбнулись друг другу.

— Ладно,— наконец сказала Сара.— Что ты выводишь из всей этой повианской активности?

— Ничего хорошего,— ответил Питер.— По-моему, все выглядит так, будто повиане к массированному наступлению готовятся.

С задумчивым лицом Сара кивнула. Конечно, она понимала, что может означать такое множество кораблей. Тем более, что столько лет разведчицей проработала.

— К несчастью, мы слишком далеко от ближайшей системы Содружества, чтобы выслать предупреждение. А возвращаться просто убийственно...

— Не более убийственно, чем продолжать,— заметила Сара, снова берясь за стакан. Она сунула туда палец и коснулась им языка. На лице у нее невольно выразилась отвратительная гримаса.

— Падди очень приятно было бы это увидеть,— с усмешкой заметил Питер. Затем он опять посерьезнел.— Ты права. Убийственно возвращаться. И, вполне возможно, убийственно продолжать. Поэтому я решил продолжать.

— Ты что, монетку кидал? — поинтересовалась Сара, аккуратно ставя стакан на место.

— Решка... я хотел сказать, логический анализ указывает, что таков оптимальный курс. В конце концов, что у нас позади, мы знаем.

— И они нас преследуют.

— Вот именно.

Тут затрезвонил интерком, и Редер нажал на кнопку.

— Сэр,— сказал Труон Ле,— мисс Люрман докладывает о том, что подходит еще один прыжковый выход.

— Сколько до него? — спросил Питер.

— Пять минут, сэр.

— Звуковое предупреждение,— приказал Редер.— Я иду.

Питер и Сара бок о бок устремились вперед по коридору.

— Я тут задумывалась, когда тебе «спиды» понадобятся,— сказала она.

Челюсть у Редера отпала, и он воззрился на Сару, пока они шагали дальше.

— Вы, летчики-истребители, просто психи ненормальные, это тебе известно? — наконец произнес коммандер.— Вы нам понадобитесь, когда нам не придется делать высокоскоростной транзит через то повианское минное поле, на котором мы скоро окажемся. Помнишь про Шелдона на Белла-Висте? У которого там сейчас очередной скучный обед с миссис Хонг и двумя ее мужьями? Только здесь ты сама станешь обедом и даже заскучать не успеешь.

— Все верно,— сказала Сара.— Я просто хотела спросить. Спасибо, что сказал все то, что я сама думала.— Тут она шутливо нахмурилась.— Но не за тот пассаж про летчиков-истребителей.

Лица Редера и Сары озарились улыбками, когда их пути разошлись. Он шел на капитанский мостик, она обратно на главную палубу.

Питер бросился в капитанское кресло и включил экран.

— Докладывайте,— сказал он.

Труон Ле вручил ему записную панельку и рассказал о самом главном.

— Личный состав на боевых постах, все орудия наготове,— закончил он.

— Тридцать секунд до выхода,— сказала Люрман.

Редер сосредоточился на экране.

— Давайте материал,— после краткой паузы бросил он.

— Сэр, никаких военных единиц я пока не фиксирую. Если там что-то есть, то либо далеко, либо заглушенное, так что никаких сигнатур.

«Это уже что-то новое,— подумал Редер, кивая.— За... сколько там было? Четыре прыжка? Четыре. До сих пор каждая следующая система оказывалась еще тяжелее укреплена, в каждой обнаруживалось еще больше крупных повианских подразделений. Еще две такие системы, как последняя, и они превзойдут по объему весь флот Содружества. Даже не считая мокаков».

— Но здесь много кораблей, сэр.— Призрачные следы судовых «выхлопов» появились на экране.— Я высвечиваю те, что сейчас в системе, и те, которые представляются мне военными.

Поразительное число следов светилось зеленым. Единственными гражданскими судами, чьи следы напоминали сигнатуры боевых кораблей, были лайнеры, курьеры и транспорты для перевозки скоропортящихся грузов. Большинство приводных возможностей военного корабля были полезны лишь в тех случаях, когда приходилось очень быстро и очень резко маневрировать.

— От этих бакенов идет какой-то оклик,— продолжила Люрман.— Сейчас посмотрим...

Инфракрасные лучи и радары прощупывали, пассивные датчики всасывали все до единой частицы, а компьютеры все это экстраполировали.

— Сэр, это не просто маяки. Это автоматизированные форты. Не слишком маневренны, но надежно защищены и очень прилично вооружены. Они продолжают повторять оклик, причем с нарастающей интенсивностью. Думаю, это местная опознавательная система «друг-враг».

— Или такие уж здесь понятия о простом навигационном бакене,— отозвался отозвался Редер.— Дайте мне Бартера.

— Мисс Люрман, думаю, нас следует удалиться, если это возможно.

— За нами пока еще не идут, сэр,— спокойно сказала астронавигатор.— Но мы опять на той горячей сковородке окажемся.

— Это может зависеть от того, сколько кораблей они за нами послали,— отозвался Питер.

— Бакены взяли нас на прицел, их орудия наготове,— доложил от тактического пульта Гундерсон.

— Вводите нас назад, мисс Люрман.

— Есть вводить нас назад, сэр.

— А что, если мы встретимся с нами с транзите? — спросил у астронавигатора Труон Ле.

— Теоретически мы должны друг друга увидеть. Части кораблей или даже индивиды смогут пройти друг сквозь друга. Теоретически,— подчеркнула Люрман.— Нельзя сказать, что на самом деле случится.

«Вот так так,— подумал Питер.— А что, если это случится, когда мы будем выходить из прыжка? Не значит ли это, что я в итоге с шестью когтистыми лапками окажусь? — Он помотал головой.— Сосредоточься на текущих делах»,— твердо приказал себе коммандер и в дальнейшем постарался не представлять себе, как он похлопывает по палубе своим гибким хвостом.

— А мы не сможем это как-то использовать? — спросил Редер. Он взглянул на Труона, затем на сидящую за пультом Люрман.— Скажем, запустить им червячка в программу или что-нибудь еще в таком духе?

Труон не на шутку задумался; спецу по тактике идея явно показалась заманчивой.

— Мы понятия не имеем, совместимы ли наши компьютеры,— размышляла Ашли.

— Тем не менее, что-то мы смогли бы использовать,— сказал старпом.— Физика универсальна, восемь у тебя ног, две или вообще ни одной.

Редер кивнул.

— Должен быть какой-то материал, который они получили от мокаков. Пусть даже это всего лишь программы перевода на повианский.

— Кажется, у меня есть кое-что подходящее,— вмешался в разговор Гундерсон. Вид у него при этом стал немного смущенный.— Моя девушка прислала мне одну интересную штучку. Это червячок с особым финтом в сфере обучения. Он может обучиться любому коду программы на машине, как только он там обоснуется. Затем он может уничтожить все, чему обучился.— Увидев их изумленные лица, Гундерсон пожал плечами.— Моя девушка — просто умница.

— Передайте ей от меня поцелуй, когда мы вернемся,— сказал ему Питер.— Но только пусть она к нашим машинам и близко не подходит. Приготовьтесь передать повианам этого паразита. Присобачьте его к чему-то мокакскому или...— Он запросил лабораторию Ролана Бартера.

— Мистер Бартер, нет ли в ваших записях повианских взаимодействий чего-то такого, что может содержать прямой компьютерный код? — Не...— он чуть было не сказал «человеческое»,— индивидуальное взаимодействие, а прямой машинный язык.

— Да, есть,— удивленно ответил Бартер.— Большинство моих записей, по сути, из таких взаимодействий и состоят. Именно это так затрудняло прямой перевод.

Прежде чем лингвист успел пуститься в прочтение лекции на предмет различия между разговорным языком и машинным, а также их связи с человеческими процессами, Редер его перебил.

— Пожалуйста, немедленно загрузите мне такой образец,— сказал он.— Лучше всего что-то совсем обычное, как будто это было самое первое, что одна машина захотела сказать другой.

— Я сейчас,— кивнул Бартер.

Он завозился со своим пультом. Когда информация пришла, Питер передал ее Гундерсону. Тот кивком сообщил коммандеру о том, что получил образец.

— Это должно подойти,— несколько мгновений спустя заключил Гундерсон.

— Благодарю вас, мистер Бартер,— сказал Редер.

— Могу я узнать, зачем вам это понадобилось? — По лицу профессора было похоже, что он готов хоть весь день лясы точить.

— Позднее я вам расскажу,— заверил его Редер.— А прямо сейчас нам надо проверить, сможем ли мы это использовать. Мы будем входить в прыжок...— он взглянул на часы,— через две минуты. Вы наверняка захотите к этому подготовиться.

— Опять? Мы же только что выпрыгнули в реальное пространство! Я этого просто не вынесу, коммандер Редер. Это совершенно расстраивает мою нервную систему. Я работаю гораздо лучше, когда получаю регулярное питание и испытываю минимальный стресс.

— Поверьте, мистер Бартер, я отлично знаю, как вы себя чувствуете,— перебил его коммандер.— Я так много об этом слышал. Тут ничем нельзя помочь.— И он прервал связь, прежде чем профессор успел выдвинуть еще какой-то протест. «Догадываюсь, что тяга к болтовне — обычное дело для лингвиста,— подумал Питер.— Но этот человек вообще-то мог бы сообразить, что мы тут немного заняты».

К тому же Редер точно знал, что лингвист рассчитывает опять пачкать ему мозги насчет размеров лаборатории. На самом деле это была самая большая лаборатория на корабле, но это вовсе не означало, что она была просторной. Бартер никак не мог уложить в свою черепную коробку такое понятие, как «компактность». Лингвист элементарно отказывался верить в то, что по судовым стандартам ему отвели просто роскошное помещение.

— Это будет готово для передачи, сэр,— сказал Гунденсон.— Как только появится возможность.

— Благодарю вас, младший лейтенант,— отозвался Питер. Он и сам не знал, стоит ли ему на эту возможность надеяться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лингвист повернулся обратно к своей аппаратуре, раздраженно хмурясь от бестактности коммандера. «По-моему, он меня просто недолюбливает»,— подумал Бартер.

Скорее всего, так получалось оттого, что он страдал фобией. А все эти упрямые, сверх меры мужественные армейские типы, скорее всего, даже не могли правильно произнести слово «арахнофобия», не говоря уж о том, чтобы у кого-то ее терпеть. Они-

то уж, ясное дело, никогда подобным изъяном не страдали. «Эти люди даже не знают значения слова страх,— со вздохом подумал профессор.— Лучше бы генерал по этому поводу не болтал». Судя по всему, ничего с этим поделать Бартер не мог. Он испробовал все виды терапий; порой они ненадолго помогали, но затем фобия неизменно возвращалась. Как и жуткая завороженность...

— И мне кажется, это не так уж и важно,— вслух сказал профессор.

Больше всего огорчало то, как серьезно люди к этому относились. «В том смысле,— подумал Бартер,— что если бы повиане были похожи на медведей, котов или даже комнатных мух, никакой проблемы бы не было. Или, по крайней мере, все это стало бы для меня не большей проблемой, чем для любого другого».

Возможно, упоминание Скарагоглу о его арахнофобии служило военным кодом, заменяющим фразу: «Помыкайте этим придурком как хотите — у него все равно не хватит духа за себя постоять».

«Ничего-ничего,— подумал профессор.— При первой же возможности, если коммандер мне ее предоставит, я непременно покажу ему, из чего я сделан».

Тут Бартер вздохнул, и плечи его поникли. «Как-то жалко все это звучит»,— подумал он.

— Работай,— вслух подстегнул он себя.

Лингвист подсоединил свою новую переводную машину к компьютеру и принялся загружать туда откорректированную программу. Пока программа загружалась, он подошел к кофеварке и стал наливать себе чашку.

Как раз в этот момент они достигли прыжка.

С машинальной неосторожностью руки профессора дернулись, и чашка расплескалась. Горячий кофе разлился по пульту и закоротил переводное устройство; возникла электрическая дуга, полетели искры, и от устройства пошел дымок.

— Я получаю какие-то странные показания,— доложил Гундерсон.

— Мне на экран,— проинструктировал его Редер. Затем он какое-то время изучал информацию.— Что вся эта ерунда означает?

На раннем этапе его карьеры Питеру довелось поработать в тактическом отделе, и он мог распознать почти все, что появлялось на том пульте. Но это... это было что-то совсем причудливое.

Там изображались энергия, и у нее имелись свои характерные паттерны, но они, похоже, никак не соотносились со всем тем, что Редеру доводилось видеть раньше. Был это обратный поток от их собственного прохода или...

— Это повиане,— вдруг догадался коммандер. Корабли не так часто проникали друг сквозь друга в прыжковом пространстве,

чтобы это явление было хорошо знакомо.— Гундерсон, готовьте ту программу к передаче. Посмотрите, удастся ли вам найти что-то, за что можно будет зацепиться.

— Есть готовить программу,— отозвался младший лейтенант.

— Мисс Люрман,— обратился Редер к астронавигатору.— Скажите, как подобное явление может по-прежнему оставаться теоретическим? Мы уже очень давно используем прыжковые точки для путешествий.

— До войны все транзиты проходили по графику,— объяснила Ашли.— И беспокоиться о чем-то можно было только в те моменты, когда один корабль впрыгивал, а другой выпрыгивал. Для того, чтобы они хоть чуть-чуть пересеклись, потребовалось бы установить очень точный отсчет времени.— Тем временем астронавигатор внимательно наблюдала за своим пультом.— Моя прикидка такова, что это скорее носовая волна, чем наш обратный поток. Не думаю, что мы уже с ними встретились.

Пальцы Редера впились в подлокотники кресла — в тот подбитый чехол, который покрывал капитанские перчатки управления, когда на корабле не была объявлена боевая тревога. Коммандер виновато вздрогнул, когда пальцы его правой руки прорвали ткань. Нагнувшись туда, он внимательно осмотрел повреждение.

«Почти не заметно,— решил Питер, разглаживая материю.— Хотя Старик как пить дать эту дырку отыщет. Надо будет поручить кому-нибудь ее зашить, когда мы вернемся на базу». Главная трудность состояла в том, чтобы не допустить Каверса до кресла, пока его не починят. «На самом деле могло быть и хуже,— подумал Питер.— Я запросто мог совсем эту ерунду отломать». И действительно — ему еще предстояло причинить кресло в своем собственном кабинете.

Редер нетерпеливо нахмурился. Разум его тем временем отчаянно старался избежать главного вопроса: что произойдет в ближайшие пять минут?

Затем коммандер набрал на интеркоме общий код и заговорил:

— Внимание всей команде. Говорит временный капитан. В ближайшие несколько минут мы можем испытать то, что до сих пор было чисто теоретическим сценарием. Мы можем реально пройти сквозь повианский корабль. Мы сможем их увидеть. А они — нас. Однако взаимодействовать с ними мы сможем не больше, чем с собственной тенью. В таком состоянии можно обмениваться только информацией. Но поскольку мы будем способны видеть друг друга, необходимо, чтобы все секретные материалы были убраны из поля зрения. Везде, где только возможно и где это не создаст опасности для команды, устройте затемнение. Начинайте немедленно. Если придется, используйте вашу форму. Хоть ложитесь на пульты, но все, что нужно, прикройте. Редер закончил.

Затем Питер снял свой китель и накрыл им экран и пульт.

— Погасите свет,— приказал он.— И отключите все лишние пульты. Прикрывайте все, что только можно. Те, чьи пульты отключены, скапливайтесь вокруг работающих и закрывайте их своими телами.

Труон Ле вытащил из шкафа рулон какой-то ткани и задрапировал им блок голодисплея.

— Это после рабочих осталось, когда мы их в темпе с корабля согнали,— объяснил старпом.

Редер одобрительно кивнул. При определенной удаче такие рулоны можно было отыскать по всему кораблю.

«Похоже, это будет интересно»,— подумал коммандер. В настоящий момент тревога и волнение боролись в нем с любопытством. Впервые люди получали шанс заглянуть внутрь повианского корабля.

— Если мы все-таки пересечемся, необходимо, чтобы все записывающие устройства работали,— напомнил Редер.

— Так точно, сэр,— отозвался старпом, а затем запросил на капитанский мостик заодно с прочим оборудованием крошечный блок военной истории «Непобедимого».

Бартер поставил кофейник на место и бросился к огнетушителю. Негнущимися от испуга пальцами лингвист принялся возиться с запорным механизмом. Внезапно его охватило странное чувство — как будто кожу по всему его телу покалывали тысячи крошечных иголочек. Бартер помедлил. Примерно то же самое он испытывал перед неистовыми грозами, которые изводили тот степной городок, где он родился. Волоски у него на руках встали дыбом. Мощный прилив энергии омывал его, а профессор в ответ содрогался.

Затем к нему навстречу вдруг поплыл стол. Бартер попятился. Искрение переводного устройства мгновенно потеряло всякую значимость, когда из стены стал выходить этот совершенно очевидно твердый объект. Очень скоро спина профессора прижалась к переборке. Он вскрикнул и вжал живот, пока край стола подплывал к нему, точно гильотина. Затем лингвист дико завопил и выставил перед собой ладони, желая хоть как-то остановить жуткое продвижение мебельной принадлежности.

Бартер резко выдохнул, когда столешница запросто сквозь него проскользнула. Сквозь полупрозрачную поверхность лингвист видел собственные руки и ноги, ощущая при этом приятную легкую щекотку.

— Что происходит? — вслух спросил он.

Тут его внимание привлек повианский голос, и профессор поднял взгляд. Сквозь стену прошел самый настоящий повианин — живой, дышащий, восьмилапый и восьмиглазый монстр с гибким остроконечным хвостом. И этот монстр за ним наблюдал.

Бартер застыл как столб. Не иначе как железный обруч сомкнулся у него на груди. На периферии его зрения словно бы засверкали вспышки молнии, а сердце бешено заколотилось.

Повианин двинулся — причем с невероятным проворством. В диком, животном ужасе Бартер заверещал, схватил кофейник и швырнул им в повианина. Тот пригнулся, в какой-то совершенно невероятной манере сплющиваясь, а затем рванулся вперед. За спиной у него торчал истекающий кислотой хвост.

Вопя во всю мощь своих легких, профессор метнулся к другой стороне стола.

Человек и повианин носились по крошечной лаборатории, производя при этом неимоверный шум. Бартер схватил все еще плюющееся искрами переводное устройство и швырнул им в повианина. Тот инстинктивно вскинул когтистые лапы, защищаясь от увесистого снаряда.

Бартер рванулся к двери и выскочил из нее в тот самый момент, когда переводное устройство с яркой вспышкой рвануло. Затем лингвист крепко-накрепко запер за собой дверь и на цыпочках устремился дальше по коридору, отчаянно пытаясь сдержать жалобное хныканье. За несколько метров до пересечения двух коридоров он остановился, после чего прижался к переборке и стал красться вперед. Пот затекал профессору в глаза, и он вытер его рукавом лабораторного халата.

Наконец Бартер добрался до угла. Он страшно не хотел за него заглядывать. Сердце профессора все так же бешено колотилось, а живот сжимался. Во рту у него совсем пересохло, а мочевой пузырь отчаянно требовал опорожнения. Но команда «Непобедимого» обязательно должна была знать. Кто-то должен был сказать людям, что на корабль невесть как удалось проникнуть повианам. «И у меня такое чувство,— подумал Бартер,— что это должен быть именно я». Глубоко, с содроганием втянув в себя воздух, он подался вперед и заглянул в поперечный коридор.

Трое повиан уставились на него в ответ. Затем они бросились вперед, и лингвист тут же лишился чувств.

Повиане шипели и рычали, пока человек свободно проскальзывал сквозь их хитиновые «пальцы». Затем они беспомощно уплыли прочь и ускользнули сквозь противоположную стену, по-прежнему разочарованно щебеча.

— Мистер Бартер?

Лингвист почувствовал, как его слегка похлопывают по щеке, и негромко застонал.

— Мистер Бартер!

Ладонь перестала похлопывать профессора по щеке, а вместо этого ухватила его за плечо и энергично затрясла.

С трудом раскрыв глаза, лингвист обнаружил, что над ним склоняется молодая женщина в форме. Ее прелестное лицо было тревожно нахмурено.

— Мистер Бартер, что с вами? — нетерпеливо спросила женщина.

Профессор удивленно заморгал. В форме? Почему...? Тут он все вспомнил. Бартер попытался сесть, но преуспел лишь в том, что резко дернул головой, отчего у него тут же свело шею.

Женщина с унизительной легкостью оттолкнула его.

— Что с вами? — повторила она.— Может, позвать врача?

— Со мной все хорошо! — грубым от унижения тоном рявкнул Бартер. Неловко, со второй попытки, но он все-же сумел сесть. Растирая шею, лингвист сказал: — В моей лаборатории повианин. Не знаю, как он туда забрался. Он сквозь стену прошел. Клянусь, это правда.

Женщина испытала явное облегчение, и Бартер заметил, что она сдерживает улыбку.

— Значит, вы не слышали объявления,— с уверенностью констатировала она.— То, что вы испытали, до сих пор считалось чисто теоретической возможностью. Два корабля встретились в прыжковом пространстве. И прошли друг сквозь друга. Мы все видели повиан. Но теперь их уже нет. Мы также не могли друг друга коснуться. Как вам кажется, сможете вы теперь встать?

Поднявшись, женщина предложила ему руку.

Профессор хотел было ее проигнорировать, но затем решил, что все еще слишком слаб, чтобы подобной грубостью чего-то достичь.

— Он выглядел таким плотным! — сказал он.— Я мог бы поклясться, что он был реален.

Женщина слегка поморщилась, и губы ее на секунду напряглись, словно ей все это уже надоело.

— Должно быть, вы пропустили объявление,— повторила она.— Они были реальными, но вовсе не плотными.

Бартер снова потер шею и вздрогнул.

— Так его там, в моей лаборатории... в общем, его там нет?

Женщина помотала головой.

— Не должно быть.— Она какое-то время на него смотрела, а затем, похоже, пришла к решению.— Давайте пойдем посмотрим.— Она взяла его под локоть и аккуратно направила по коридору.

— С мной все хорошо,— вяло заметил Бартер. Однако он позволил ей себя вести. Женщинам это порой нравилось. Если только подобное подчинение не входило в привычку.— Вот здесь,— сказал лингвист, указывая на закрытую дверь.

Он набрал входной код, и дверь скользнула в сторону. Войдя в лабораторию, Бартер оступился и невольно посмотрел вниз. Увидев, что там лежит на полу, он с диким воплем отскочил назад. По пути профессор сбил женщину, и они, неистово пихая друг друга локтями и коленями, покатились по полу. Перебравшись через свою добровольную помощницу, Бартер сумел подползти к пульту, и после нажатия нескольких клавиш дверь наглухо закрылась.

Задыхаясь, лингвист привалился к стене и гневно уставился на озадаченную и возмущенную женщину, которая только-только сумела выбраться из-под его длинных ног.

— Вы сказали, что его там не будет! — обвинил он ее.— Вы сказали, что он не плотный! Черт возьми, для меня он дьявольски плотный!

Питер включил непосредственную связь с Ашли Люрман, астронавигатором. Ее лицо появилось в небольшом квадратике у него на экране.

— Слушаю вас, сэр,— отозвалась Ашли.

— Полагаю, они теперь сразу же за нами погонятся,— сказал Редер.

— Никак нет, сэр. Им придется вернуться в реальное пространство, затем снова войти в прыжковую точку. В прыжковом пространстве развернуться нельзя.

Редер кивнул.

— Это хорошо,— удовлетворенно произнес он.— Скажите, мисс Люрман,— добавил коммандер после небольшой паузы.— Куда мы теперь направляемся?

— Я направила нас к месту нашего последнего прыжка,— ответила Люрман.— Так было быстрее всего, сэр.

— Это хорошо,— опять произнес Редер.— По-моему, я что-то читал о том, что можно изменить вашу выходную точку, пока вы в прыжковом пространстве. Это верно?

— Так точно, сэр. Я тоже об этом читала. Однако все это чистая теория.— Люрман с подозрением на него смотрела.

— А что вы скажете, если мы еще одну теорию расщелкаем? — спросил Питер, награждая астронавигатора одобрительной улыбкой.

Ашли нервно провела языком по пересохшим губам.

— Что вы можете зафиксировать в плане альтернативных прыжковых выходов? — спросил он.

Люрман опустила взгляд на свой пульт и нажала несколько клавиш.

— Тот, к которому я нас направила,— сказала она наконец.— Который также является наши последним портом запроса. Тот, который как раз перед этим.— «Там был небольшой, но чертовски активный аванпост»,— вспомнил Питер.— Тот, который перед тем.— Ашли подняла на него взгляд.— Там будет повианская космическая станция, сэр.— Она снова потыкала по клавишам, облизнула губы и почти невольно подняла голову.— Есть еще один, сэр. Там вообще никакого транспорта не регистрируется.

— Давайте туда,— сказал Редер.

— Сэр... тот факт, что этот выход не задействуется, может указывать на то, что он ведет к опасному месту назначения.

Слишком близко к солнцу или нейтронной звезде. То, что повиане его не используют, можно истолковать как предупреждение.

Редер нахмурился.

— Это шанс, которым нам придется воспользоваться, мисс Люрман.— Он кивнул.— Выполняйте.

— Есть, сэр.

Коммандер наблюдал за сосредоточенным лицом Ашли, пока она вносила коррективы.

— Сколько до выхода? — спросил он затем.

— Не менее сорока восьми часов, сэр.

— Очень хорошо,— отозвался Редер. Хотя он надеялся на большее. Команда устала, и капитан тоже. Впрочем, у них все-таки появлялось какое-то время для отдыха — насколько это вообще было возможно в прыжковом пространстве.— Отменить боевую готовность,— сказал он Труону, и старпом огласил приказ.

Внезапно Редер почувствовал себя совсем изнуренным и помотал головой в тщетной попытке встряхнуться. Он заботился о том, чтобы остальная команда получала достаточный отдых, игнорируя при этом собственные потребности. Теперь это уже начинало сказываться.

— Мистер Труон,— сказал Питер и встал из капитанского кресла,— я пойду немного отдохну. Мостик за вами.

Старпом отдал ему честь.

— Есть мостик за мной, сэр. Желаю удачного отдыха.

— Завтра утром я проведу совещание со старшим офицерским составом,— добавил коммандер.— В восемь ноль-ноль.

— В восемь ноль-ноль, сэр. Я всех оповещу.

— Благодарю вас, мистер Труон.— И Питер собрался было на выход.

— Сэр? — раздался вдруг самый что ни на есть нежеланный голос Уильяма Бута, шефа контрразведки. Его физиономия появилась на экране у Редера в маленьком квадратике с пометкой АВАРИЙНАЯ ОТМЕНА.

Питер опять сел. «Что бы это значило?» — задумался он.

— Докладывайте,— приказал он затем Буту.

Тот, заметно нервничая, облизнул сухие губы.

— Мы сейчас у лаборатории мистера Бартера,— сказал он.— У нас тут такая ситуация, коммандер... короче говоря, вам лучше самому на все посмотреть.

В глазах у шефа контрразведки читалось откровенное желание сбыть это дело со своих рук.

— А мистер Бартер там, мистер Бут? — «Не повесился ли он, часом, от перспективы увидеть жуткую ораву пауков? — подумал Питер.— Только этого нам не хватало».

— Коммандер,— вмешался Бартер, отпихивая Бута в сторону.— Вы нам здесь нужны. Немедленно. Я хочу сказать,— лин-

гвист с трудом сглотнул,— все это просто жуть, но это колоссально! Вы должны сейчас же сюда прийти!

— Уже иду,— сказал Редер, но которого большее впечатление произвела добровольная сдача своих позиций Бутом, чем бред профессора.

— Сэр? — произнес Труон Ле, и его темные глаза прояснились. Он выглядел как молодой фокстерьер, натягивающий поводок.

— Мисс Люрман,— сказал Редер,— мостик за вами.

— Есть мостик за мной, сэр,— отозвалась Ашли и снова уперлась взглядом в свой пульт.

Питер со старпомом вошли в людовозку и доехали на ней прямиком до лабораторного сектора. Коммандер не желал тратить время на пешую прогулку; он чертовски устал, а кроме того, если верить Бартеру, все это было колоссально.

Завернув за угол, они с Труоном увидели Бута, Бартера и одну из сотрудниц службы безопасности. Вся троица толпилась у закрытой двери лаборатории.

— В чем дело? — спросил Редер.

Протягивая руки к коммандеру, Бартер устремился к нему навстречу.

— У нас тут повианин! — воскликнул он.

Питер остановился и посмотрел на лингвиста, затем поверх его головы с немым вопросом на Бута.

— Это правда, сэр,— сказал шеф контрразведки.— Старшина Льюис заходила в лабораторию, я видел.

— Льюис? — Редер перевел взгляд на женщину.

— Простите, коммандер,— вмешался Бартер, прежде чем она успела хотя бы раскрыть рот.— Это мой повианин. То есть, это благодаря мне мы вообще этого повианина заполучили.

Редер одарил его долгим и пристальным взглядом, затем посмотрел на двух членов личного состава Космического Отряда.

— Могу я его увидеть? — спросил он у Бартера.

Лингвист растерянно поморгал, затем взглянул на запертую дверь, затем опять на коммандера. Казалось, он медленно оседал — плечи его поникали, колени подгибались.

— Вы хотите, чтобы я... открыл дверь? — спросил наконец профессор.

— Да,— сухо ответил Редер.— Как я еще могу его увидеть? — Он немного подождал, пока Бартер выпрямится.— Он там?

— Да-да. Он там, там.

Лингвист содрогнулся, закрыл глаза и помотал головой. Дышал он при этом так, словно готовился к очень глубокому нырку. Наконец он протянул дрожащую руку к пульту и набрал код. Дверь скользнула вбок, и профессор отскочил в сторону, прижимаясь к стене.

Бут и Льюис достали личное оружие. Они намеревались только парализовать, но на коммандера произвело сильное впе-

чатление, с каким видом они это сделали. Он осторожно вошел в небольшое помещение. И остановился. Труон скользнул следом и до отказа разинул рот при виде скорчившейся на полу фигуры.

Повианин еще дышал. Ритм его дыхания сразу же привлек внимание Редера и все никак не отпускал. Вероятно, потому, что все остальное выглядело дьявольски невероятным, и разум коммандера отчаянно цеплялся за что-то знакомое. «А что может быть более знакомым, чем дыхание?» — подумал Питер.

В бессознательном состоянии повианин выглядел куда меньше, чем на любых снимках, какие Редеру доводилось видеть. И, пусть даже совершенно беспомощный, повианин также казался одним из самых опасных существ, каких ему доводилось видеть. Чужак валялся в путанице снабженных острыми когтями конечностей, а медленно стекавшая с кончика его гибкого хвоста кислота понемногу разъедала пол лаборатории. Острых граней на его лице было, похоже, еще больше, чем в лавке у мясника. Хитин на его грудной клетке почернел, словно обожженный.

Редер попятился.

— Придется нам его двигать,— сказал он.— Его необходимо доставить на гауптвахту. Обезопасьте это жало. Сейчас, пока он еще без сознания.

Буту эти приказы явно особой радости на доставили, но он все же достал рацию и вызвал в лабораторный сектор еще несколько своих людей. Затем шеф контрразведки взглянул на Льюис.

— У вас есть наручники? — спросил он.

— Так точно, сэр.— Молодая женщина достала с полдюжины хрупких на вид пластиковых колец. Глаза ее были круглыми. Льюис явно ожидала, что начальник прикажет ей сковать чужака.

Бут вытащил несколько собственных наручников и немного постоял, задумчиво глядя на повианина. Затем он снял свой ремень и, громко скрипя зубами, нагнулся, чтобы застегнуть его на «талии» повианина. Проделав это, шеф контрразведки прицепил одну пару наручников к ремню, а другую к хвосту, поближе к обтекающему кислотой кончику. Затем, надежно закрепив кольцо наручников на хвосте чужака, он соединил другое со свободным кольцом той пары, что была пристегнута к ремню.

Наконец Бут осел назад и вытер пот со лба. Оглянувшись через плечо, он обратил мертвенно-бледное лицо на Питера.

— Должен ли я обезопасить его когти, сэр?

Редер испытывал откровенное восхищение. Бута он до сих пор не любил и в дальнейшем любить не собирался, однако за выполнение превосходной работы в кошмарных условиях этому человеку следовало отдать должное.

— Да,— сказал коммандер. И протянул руку.— Давайте я помогу.

Еще несколько сотрудников службы безопасности показались как раз в тот момент, когда они стянули наручниками последнюю хитиновую конечность.

— Здесь где-то должны быть носилки,— сказал Питер Буту.— Доставьте его на гауптвахту. Я пошлю доктора Голдберга его осмотреть. Или ее. Короче, вот это вот чудище.— Одному Богу было известно, сможет ли добрый доктор чем-то этой твари помочь, поскольку ксенобиология все еще оставалась наукой преимущественно теоретической. «С другой стороны,— подумал Редер,— сегодня уже чего только не случалось».

Выйдя из лаборатории, он обнаружил, что Бартер соскользнул по стене и теперь сидит, обхватив дрожащими руками шишковатые колени. Коммандер присел рядом.

— Это просто триумф,— сказал он трясущемуся лингвисту.— Вы сделали то, чего никому из нас сделать не удалось: взяли в плен живого повианина.

Профессор еще пуще затрясся.

Подаваясь к нему поближе, Питер продолжил:

— Они на самом деле не пауки, мистер Бартер. Вы должны это понять. Они разумные существа. Черт побери, они даже могут строить звездолеты и в космосе путешествовать. Они куда выше каких-то там сикарах. По крайней мере, настолько же выше, насколько и мы.

Бартер взглянул на него и выразительно поднял брови. «Замечательно,— подумал он.— Они разумные, способные путешествовать в космосе существа с восемью конечностями, хвостами как у скорпионов, когтями, хитином и жвалами. И они, судя по всему, людей на обед едят. Но они, безусловно, не сикарахи. По крайней мере, не больше, чем мы обезьяны».

В этот момент мимо прошли люди Бута с носилками, и Бартер со стоном зарылся лицом в колени.

— Как вы не понимаете? — промычал он Редеру.— Это вовсе не то, от чего я могу отшутиться. Это не имеет под собой никакой причины и лишено здравого смысла. Страх порой бывает таким.— Тут Бартер взглянул на коммандера, и его темные глаза засверкали.— Впрочем, сомневаюсь, что вы что-то об этом знаете.

— Если вы о том, что я никогда до смерти не пугался, то вы ошибаетесь. Когда мой «спид» подбили, и я катапультировался, я понятия не имел, загнусь я в той черноте или нет.— Питер посмотрел Бартеру прямо в глаза.— Но мне повезло. С чем-то таким мне никогда справляться не приходилось.

Лингвист отвернулся. Вид у него был немного огорошенный.

— Сможете вы изучать его через экран? — спросил Редер.

— Да,— уже более сдержанно ответил профессор.— Мне будет неприятно, но я смогу этим заниматься.

— Хорошо. Тогда я распоряжусь, чтобы вам смонтировали двухсторонний коммуникационный экран. Пульт управления будет, естественно, на вашем конце.— Редер одарил лингвиста легкой улыбкой.— Я даже предоставлю вам для работы вторую лабораторию.

Лицо Бартера прояснилось.

— Спасибо,— поблагодарил он коммандера.— Это окажет громадную помощь.— Профессор встал.— Извините меня, пожалуйста. Я должен посмотреть, удастся ли мне починить переводное устройство. Теперь оно мне как никогда понадобится.

Он протянул Редеру руку, и тот крепко ее пожал.

— Отличная работа,— сказал Питер.

Профессор слабо улыбнулся, кивнул, после чего вернулся в свою лабораторию. Как только дверь за ним закрылась, Питер кивком головы указал в сторону людовозки, и они с Труоном в темпе туда направились.

Пока они бок о бок топали по коридору, старпом негромко заметил:

— Этому парню периодический массаж самолюбия требуется.

— Если он раскусит повианский язык, а прямо сейчас у него для этого есть все шансы, он получит такой массаж, что растает от удовольствия. Предполагая, что ему удастся свыкнуться с тем, как они выглядят.— Редер грустно покачал головой.— И предполагая, что когда-то домой вернемся.

Сложив руки перед собой, Редер оглядел сидящих за столом офицеров.

— Вот мы опять в сборе,— начал он.— Надеюсь, все хорошо отдохнули и поели?

В ответ последовали кивки и улыбки.

— Сегодня утром у нас есть кое-какие хорошие новости и кое-какие плохие новости,— продолжил Питер.— Хорошие вы, надо полагать, уже слышали.

Обед в неформальной обстановке офицерской кают-компании он пропустил. Зато коммандер хорошо знал, что неизменной составной частью этой неформальной обстановки являлись сплетни, так что все офицеры, даже не побывав на месте событий, уже знали про повианина. В подобные времена роскошь одиночества теряла частицу своего шарма.

— Доктор Голдберг, у вас есть, что доложить в отношении нашего... гм... гостя?

— Кроме того факта, что его хитин не пробит и что он уже в сознании, боюсь, многого я вам не расскажу. Пока он был без сознания, я провел максимально полное сканирование его внутренних органов, и это очень важная информация. Уверен, что в конечном итоге я смогу представить вам что-то касательно этого конкретного чужака. Ведь это первый повианин, которого нам удалось поймать живым и относительно здоровым. На вид он равнодушен и не склонен к общению. На данный момент я предлагаю по-прежнему держать его в наручниках. Его жало я обернул кое-каким кислотоустойчивым материалом и надеюсь, что нашему приятелю не так скоро удастся от этого материала избавиться.

Мы также приготовили белковое пюре, чтобы он его ел.— Доктор покачал головой.— Все, что мы о них слышали, указывает на то, что повиане едят живую пищу, но у нас нет ничего подобного, если не считать гидропоники. А я сильно сомневаюсь, что он вегетарианец.

Вокруг стола раздались смешки.

— Я бы очень хотел представить что-то большее, однако на данный момент это все, что у меня есть. Но я не могу гарантировать, что нам удастся сохранить это существо в живых. Вполне возможно, ему дан приказ при малейшей возможности совершить самоубийство.

Редер поморщился. В свое время он получал приказы, выполнение которых казалось самоубийственным, однако прямых приказов о самоубийстве он не получал никогда. Тем не менее, не следовало полагать, что раз повиане выглядят как сикарахи, то индивидуальности у них не больше, чем у муравьев.

— Надо надеяться на лучшее,— сказал коммандер.— Я прекрасно понимаю, что вам приходится действовать по обстоятельствам. Возможно, наш лингвист сумеет вам помочь.

Доктор с сомнением кивнул.

— По крайней мере, он будет способен с ним поговорить.

— Это бы наверняка помогло,— сказал Голдберг.

— Так или иначе,— продолжил Питер,— это наименьшая из наших проблем.

Сидящие за столом офицеры переглянулись, затем снова внимательно посмотрели на Редера.

Коммандер нажал несколько клавиш.

— То, что вы видите на своих экранах, это проекция того, как далеко при текущих темпах потребления заведет нас наше горючее.— Откинувшись на спинку кресла, Питер стал наблюдать за тем, как офицеры изучают экраны, как их лица одно за другим меняются и как они затем поднимают на него взгляды. Коммандер кивнул.— Я дважды это проверил. Мы приближаемся к той точке, откуда даже оптимальные прыжки по курсу наименьших затрат оставят нас без горючего прежде, чем мы сможем вернуться на территорию Содружества. Мы в сотнях световых лет за всем тем, что было исследовано человечеством. И на данный момент, если только у мисс Люрман нет для нас хороших новостей...

Молодой астронавигатор опустила взгляд и покачала головой.

— ...мы понятия не имеем, куда направляемся,— закончил Редер.

Оджи Скиннер, старший механик, явно испытывал тяжкие муки.

— Это все из-за тех повреждений, которые моторы получили в том последнем бою,— объяснил он.— Мы сжигаем горючее с невероятной скоростью. Вдобавок мы вентилируем двадцать пять процентов того, что сжигаем. А знаете ли вы о том, как опасно вентилировать одноатомную антиматерию? Я уже готов закрыть

шунт и перенаправить поток, но для этого мне нужно нормальное пространство.

Редер кивнул и поднял руку.

— Я отлично сознаю, что вы проделали чудеса с теми моторами, мистер Скиннер. Тем не менее, если только мы срочно не найдем где-нибудь антиводород, мы окажемся в большой беде. Поэтому я хочу, чтобы каждый из вас попробовал найти какой-то выход, прикинул, как нам урезать потребление горючего.— «Вряд ли в конечном итоге это внесет какую-то разницу,— подумал Питер,— но по крайней мере станет продуктивным способом провести время». Затем он напомнил себе, что негативизм был той роскошью, которую в настоящий момент они себе позволить не могли.

— И давайте не забывать, что нас преследуют,— с важным видом напомнил всем Бут.

«Вот тебе и на,— подумал Питер.— Нечего сказать — ценный вклад».

— Благодарю вас, мистер Бут,— произнес коммандер.— Можно сказать, вы почти нас спасли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Перемещение в реальное пространство показалось сущей ерундой.

«Наверное, чем чаще это делаешь, тем легче выходит,— подумал Питер, оглядывая худые, слишком бледные лица на капитанском мостике.— Но вслух мне этого лучше не говорить. Кого-то еще вытошнить может».

Он настроил свой экран на общий осмотр той зоны. Кроме далеких звезд, ничего особенного там не проглядывало. По крайней мере, на визуальном обзоре. Тогда Редер переключил экран и негромко присвистнул. «Вот это да! — подумал он.— Такое не каждый день увидишь».

Перед ними было не менее, чем три прыжковых точки бок о бок.

Энергетические поля этих прыжковых точек переливались сияющими красками, выбранными для них компьютером. На узоры этих красок больно было смотреть — свет словно бы изгибался под странными углами, которые глаз стремился отвергнуть. Питеру требовалось порядком напрягаться, чтобы продолжать их разглядывать. Между тремя прыжковыми точками компьютер показывал множество трасс цвета электрик — нейтринных сигналов прошедших там судов.

Редер прекрасно понимал, что к человечеству все эти бурные транспортные потоки никакого отношения не имеют. Принадлежи подобный сектор сразу с тремя прыжковыми точками Содружеству, он был бы чертовски знаменит. Кроме того, в Академии Питера учили тому, что непосредственное соседство более чем

двух прыжковых точек возможно, однако — вот уж действительно фраза месяца! — чисто теоретически.

«Так что все это определенно не наше,— подумал коммандер.— Скорее всего, повианское. Хотя это чудо может принадлежать еще какому-то виду, до сей поры неизвестному. Впрочем, надеюсь, что нет. Моя танцевальная карточка и так уже вся заполнена». Следовало принять за основу самое простое и очевидное. А именно — что эта триада прыжковых точек принадлежит повианам. Питер потер пальцами виски. «Такое ощущение,— подумал он,— что я тут в три скорлупки играю. С «Непобедимым» в роли горошины. Чем дальше в лес, тем толще повиане...» К несчастью, эта игра была нечестной, поскольку повиане поджидали содругов с кинжалами наготове везде, где тем случалось оказаться.

— Давайте просто просто шуранем мимо каждой из этих прыжковых точек,— предложил Питер рулевому.— И пусть наши следы затеряются в общем шуме. А потом выберем одну из них методом тыка и с Богом туда нырнем.

Не то чтобы в конечном итоге это сулило какую-то выгоду. «Просто мне уже так от всего этого тошно,— подумал Питер,— что любая подлянка для тех клоунов, что за нами гонятся, будет как бальзам на душу».

— Мисс Люрман,— сказал он вслух.— Я намерен позволить вам выбрать маршрут. Удивите меня, пожалуйста.

— Похоже, сэр, наши преследователи намерены за нас его выбрать,— ответила Люрман.— Что-то уже проходит позади.

Мастер охоты Уч-манат переносил неудобства прыжка обратно в нормальное пространство, не позволяя этим неудобствам отвлечь его от непрерывного просмотра поступающей информации. Эмиссии корабля-добычи указывали на значительный расход антиводорода. Теперь требовалось просто гнать содругов до тех пор, пока у них не кончится горючее, а тогда им придется сдаться.

«По крайней мере, это порадует даму Сучарес»,— подумал мастер охоты.

Кроме этого, мало что в этой миссии могло ее порадовать. Уч-манат вздрогнул от воспоминания о том, как они вломились на территорию другой подкоролевы, дамы Сисик. Без всякого уведомления, и при этом явно преследуя добычу из Содружества. Должны были возникнуть... вопросы. Скорее всего, дама Сисик уже сейчас их задавала.

«Зачем возвращаться домой? — подумал мастер охоты.— Почему бы не ввязаться в бой с добычей и не умереть легкой смертью?»

Почему? Потому что его дама дала приказ, и все от культуры Уч-маната до его генов побуждало мастера охоты к повиновению. Несмотря на очевидный итог всего этого для него самого, а быть может, даже и для команды.

«Нет,— подумал Уч-манат.— Сучарес — дама странная, даже порочная.— Он деликатно поежился, вспомнив те мрачные слухи, что ходили про его госпожу.— Но она не дура. Она не станет от простой досады уничтожать тренированную команду». А кроме того, Куккеш, вторая после королевы, снимет ей голову за такое бесчинство.

Но своей жизнью ему определенно предстояло поплатиться. «Следовательно,— подумал Уч-манат,— я должен как можно успешнее выполнить свой последний долг». Ибо в следующий раз ему предстояло увидеть свою даму уже в качестве блюда ее стола.

— Мастер охоты? — дрожащим от внутреннего трепета голосом обратился к нему рулевой.

Уч-манат на него посмотрел, и цвет подчиненного сильно ему не понравился. Тускло-красные чешуйки стали почти коричневыми.

— Можете говорить,— сказал ему Уч-манат.

— Добыча ушла в сторону, мастер охоты. Она бежит к Трем Драпакам.

Мастер охоты приподнялся на сиденье, затем медленно осел обратно. От столь катастрофических новостей его чешуйки стали такими же тускло-коричневыми, как и у подчиненного.

— Любой ценой,— медленно произнес Уч-манат,— они должны быть захвачены в плен или уничтожены.

Неспособность это проделать стала бы оскорблением для самой королевы и верной смертью для всех них... возможно, даже для дамы Сучарес.

«Непобедимый» опять прорывался сквозь прыжковое пространство... невесть куда. Ашли Люрман сообщила Редеру, что никакого выхода в ближайшие по меньшей мере тридцать шесть часов не предвидится.

«На данный момент,— подумал Питер,— чем дольше, тем лучше».

Он решил добраться до моторного отделения и переговорить с глазу на глаз с Оджи Скиннером, старшим механиком. По дороге коммандер одобрительно оглядывал незнакомую территорию. Моторное отделение было в идеальном порядке, все люди выглядели бдительными и деловитыми. Впрочем, это был «Непобедимый», и меньшего Редер не ожидал.

«Как же легко нас избаловать,— с грустной улыбкой подумал он.— Совсем как в старинной поговорке: один день на капитанском мостике, и ты уже пьян от власти. Два дня — и ты уже перестаешь понимать, что ты могущественный пьяница».

— Мистер Скиннер,— сказал Питер, подходя к старшему механику.— Можно вас на минуточку побеспокоить?

Скиннер отвернулся от экрана, над которым он склонялся. На лице у него застыла предельная сосредоточенность. Какое-то мгно-

вение он казался почти огорошенным. Затем облака медленно рассеялись, и старший механик мысленно переключил передачи.

— Сэр! — наконец произнес Оджи, окончательно выпрямляясь.— Чем могу служить? — Он наклонился к Редеру.— Мне следовало бы прийти к вам, коммандер.

— Откровенно говоря, мистер Скиннер, мне просто на месте не сиделось. И я еще никогда сюда не заходил. Я почти все время был на главной палубе — работал со «спидами».

Редер с одобрительным видом огляделся. Затем повернулся обратно и обнаружил, что Скиннер на него смотрит. Тогда он покраснел и ухмыльнулся.

— Ну вот,— сказал Редер,— все теперь по-другому со мной обращаются. По-моему, вполне естественно, что я из-за этого начинаю действовать так... так, словно я капитана Каверса транслирую.

Губы Скиннера слегка приподнялись — скорее всего, в усмешке.

— Мне показалось, я что-то знакомое узнал.

— Ладно,— сказал Питер.— Давайте начнем. Я пришел поговорить с вами насчет моторов. Подумал, что вы, может статься, покажете мне, чем вы тут занимаетесь.

Механик кивнул, а затем мотнул головой, предлагая коммандеру пройти в само моторное отделение. Они влезли в специальные комбинезоны, с которых стряхивались любые свободные частицы. Везде, где использовался антиводород, предпринимались все мыслимые усилия, чтобы туда ничего не попало. Приди в контакт с этим веществом хоть чешуйка кожи, взрыв был бы солидным.

Редер неловко поежился. Комбинезон оказался немного ему коротковат. Если бы он хорошенько выпрямился, то потом мог бы орать благим матом, пока его не доставили бы в регенерационный резервуар.

«Всего лишь быстрая инспекция,— пообещал себе Питер.— Спасибо хоть, что ботинки не жмут». Затем два офицера двинулись по целой череде специально спроектированных помещений, в которых сначала сжигалось, затем смывалось, а затем сдувалось все, что только могло к ним прилипнуть.

Скиннер прокладывал путь в запутанный комплекс трубопроводов и массивных автономных моторов, похожих на громадные коробки с экранами, на которых показывался характер потока, выделяемое тепло, расход горючего и тому подобное. Термоядерные моторы молчали, охлаждаясь от своего краткого запуска в реальном пространстве. В данный момент были включены транзитные моторы, и их негромкое гудение наполняло просторное помещение.

Всюду можно было увидеть указания на полученный «Непобедимым» удар. В одну из стен пришлось встроить временную перегородку, вздутия отмечали те места, где металл и пластик расплавились при взрыве. Один из транзитных моторов рядом с пробоиной был полностью заглушен. Скорее всего, ему суждено было и дальше таковым оставаться, поскольку большая часть его

экранирования нарушилась. Казалось чудом, что он не взорвался и не уничтожил вместе с собой весь корабль.

К счастью, блестящая техника, которой был оборудован «Непобедимый», вновь проявила свое превосходное качество в аварийной ситуации. Автоматическое отключение сработало идеально, реверсируя поток антиводорода еще в моторе и безопасно его там сохраняя.

Другой поврежденный мотор находился под постоянной перегрузкой. Редер разглядел то место, где механики приладили шунт к частично оплавленной подводящей трубе. Самым худшим здесь было то, что контрольный замедлитель вышел из строя, и антиводород, так сказать, ревел из мотора на полную катушку, оставаясь в кильватере авианосца.

— В седьмом уже ничто восстановлению не подлежит,— прокомментировал коммандер.

Скиннер покачал головой.

— Понадобится совершенно новый мотор,— сказал он.— Модульный блок. В доке это достаточно просто, хотя придется снимать обшивку корпуса. Но даже если бы мы могли починить седьмой, то, чтобы проделать ремонт, нам пришлось бы заглушить все моторы. Что же до восьмого, то у нас просто не было времени на на что-то лучшее, чем та заплата, с которой он теперь работает.

— А если мы просто его отключим...— начал Редер.

Скиннер опять покачал головой.

— Не уверен, сэр, что мы сможем выбраться из прыжка с шестью моторами.

Коммандер вопросительно поднял брови.

— По теории нужны три порядочных мотора, чтобы войти, пройти и выйти. Мы можем делать это с одним выключенным мотором, теоретически сможем проделать и с двумя. Но никто этого пока что не проверял.

— А что, если мы остановимся? — спросил Редер.— Просто все заглушим, а затем, пока будем дрейфовать, починим восьмой. Не могли бы мы тогда снова их запустить и продолжить рейс? Здесь, в прыжке, атака нам не грозит.

— Совсем заглушить моторы? — спросил Скиннер. Редер кивнул. Старший механик нахмурился и почесал в затылке.— Не знаю. Не уверен, что нам хватит энергии, чтобы выбраться.

— Теоретически,— уточнил Питер.

— Теоретически,— согласился Скиннер. С тревогой в глазах он посмотрел на израненный мотор.— Так или иначе, сэр, не думаю, что это внесет какую-то разницу, если учесть, сколько горючего мы уже израсходовали. Пожалуй, нам лучше оставить эту теорию непроверенной.

Питер поморщился, затем попытался потереть лицо ладонями, но они остановились, прижавшись к лицевой пластине. «Теперь я понимаю,— подумал он,— почему капитан Каверс трет шею,

когда нервничает.— Коммандер перевел дыхание.— Оджи прав,— решил он затем.— В любом случае, выход из прыжка и бой с повианами куда важнее проверки какой-то темной теории. Несмотря на все наши последние успехи на этом поприще».

— У нас хватит горючего, чтобы мы вышли из прыжка? — спросил он у Скиннера.

— Так точно, сэр,— ответил тот.— Я бы сказал вам, сэр, если бы нам его не хватало.

Питеру показалось, что Оджи немного обиделся. «И немудрено,— подумал он.— Наверное, я бы тоже обиделся, если бы кто-то заявился на главную палубу и напомнил мне «спиды» заправить».

— Гм... полагаю, вы подрегулировали расход горючего на других моторах, чтобы компенсировать непомерные аппетиты восьмого?

Старший механик огляделся, прежде чем ответить.

— На том же высоком уровне потребления, сэр, они, разумеется, не работают. Чтобы это проделать, пришлось их замедлители отключать. Все действующие транзитные моторы должны работать абсолютно в одном и том же темпе.— Скиннер явно задумался.— Полагаю, это недостаток конструкции, с которым специалистам нужно будет в дальнейшем разбираться.

— Угу,— согласился Редер. «Черт побери,— подумал он,— раньше до меня никогда не доходило, какой же Оджи все-таки оптимист. У нас тут горючее кончается, мы бегаем как угорелые от злобного, хорошо вооруженного врага, у которого, между прочим, горючего хоть залейся, а Оджи думает, как бы ему производителям пожаловаться».

— Быть может, вам сюда старшину Кейси прислать? — предложил Редер.

На лице у Скиннера появилось забавное выражение, и Питер вдруг вспомнил, что Оджи и Падди частенько играли в покер. Собственно говоря, он и сам несколько раз с ними играл. «Н-да,— подумал коммандер.— Полагаю, если бы кто ко мне с таким открытым текстом пришел, у меня бы тоже забавное лицо сделалось».

— В смысле...— начал он.

— Я понял, сэр.— Скиннер махнул рукой, предотвращая дальнейшие объяснения. Теперь на лице у старшего механика выражалось легкое удовлетворение, и Редер понял, что мысленно Оджи покатывается со смеху.

— Даже такой редкий талант, как Падди, сэр,— Скиннер развел руками,— ничего не сможет с этим поделать, пока моторы не выключены.— Тут старший механик огляделся, и глаза его ненадолго опустели, пока он прислушивался к моторам.— А проблема того, что будет, когда мы израсходуем весь антиводород, по-прежнему останется.

Питер кивнул.

— Так сразу никакого решения на ум не приходит. Полагаю, нам просто придется на удачу рассчитывать.

— Пока что она нас не оставляла, и мы отлично справлялись,— сказал Скиннер.

«Ну вот,— подумал Питер.— Должно быть, вид у меня совсем безнадежный, раз Оджи Скиннер пытается меня подбодрить». За все время своего знакомства со старшим механиком Питер только два раза видел, как Скиннер не выдерживает и улыбается.

— Это правда,— согласился Редер.— Мы отлично справляемся.— И, к своему удивлению, сказав об этом, коммандер почувствовал себя лучше.

Бартер сделал еще одну подстройку и снова опробовал свое переводное устройство. Повианин на экране опять его проигнорировал. Судя по всему, чужак плел себе паутину. От такого зрелища в горле у лингвиста что-то сжималось, но он старался держаться. Впрочем, в конце концов он перестал говорить и принялся просто наблюдать.

— Ну и что ты теперь собираешься с этим делать? — язвительно поинтересовался профессор.— Мух ловить?

Переводное устройство забормотало, заблеяло, и повианин наконец-то поднял голову. Затем чужак что-то сказал, помахивая педипальпами и щелкая жвалами, тогда как его хелицеры слегка изменили положение.

— Дурак... недоумок... дамский деликатес... кожаная задница,— изрыгнуло устройство.— Не могу... отдохнуть.— Все остальное было непереводимо.

Бартер охнул и откинулся на спинку кресла. Переводное устройство вроде бы работало. «Возможно, тон моего голоса до него дойдет»,— подумал он.

— Мы не желаем тебе вреда,— произнес профессор.

Переводное устройство один раз проблеяло. Повианин его проигнорировал.

Бартер потер лицо и досадливо фыркнул. «При чем тут тон моего голоса? — подумал он.— Он же не собака». А затем, пока профессор наблюдал за повианином, его вдруг осенило. Виртуозно набрав нужные клавиши, он запросил запись повианского ответа и внимательно ее прослушал. Голос существа был немного писклявым и с какими-то трелями. Лингвист сосредоточенно потер лоб. «Здесь почти никаких модуляций! — заключил он.— Ответ дьявольски монотонный. Значит, движения его рук... По-моему, это у него руки, а там что-то вроде рта».

По сути... Бартер очень медленно проиграл запись. Теперь он больше смотрел, чем слушал. Во время ответа все тело повианина приняло позу, в которой даже неповианский глаз мог различить выражение ненависти и презрения.

«Жестикуляция и мимика! — подумал лингвист.— Тонкости жестикуляции и мимики очень для них важны». Разумеется, они были

важны и в человеческом взаимодействии. Но люди, как правило, их не замечали; они их воспринимали и действовали в согласии с ними, но бессознательно. «А для повиан,— решил Бартер,— жестикуляция и мимика составляют куда более очевидную часть разговора. Они добавляют модуляции, которые отсутствуют в разговорной речи». И теперь они были у него записаны!

«К несчастью, язык оскорблений нам не особенно пригодится»,— подумал лингвист. Коммандер бы наверняка ему об этом напомнил.

Профессор снова попытался привлечь внимание повианина, но чужак продолжал его игнорировать, неустанно трудясь над своей паутиной. В конце концов он ее закончил, за что Бартер был ему очень благодарен. Зрелище того, как его подопечный плетет себе паутину, сильно его расстраивало. Повианин устроился в центре конструкции и застыл.

«Я должен заставить его говорить,— отчаянно подумал Бартер.— Если у нас не окажется большего словарного запаса для работы, переводное устройство будет бесполезно. Как сейчас, например».

Откинувшись на спинку кресла, лингвист уставился в потолок. Он уже много часов за этой сикарахой наблюдал и получил всего одну-единственную ремарку, да и то явно непристойную. Бартер подался вперед и включил запись Моцарта. Земным паукам эта музыка вроде бы нравилась. Так он, по крайней мере, читал.

Повианин неподвижно сидел в центре своей паутины. И молчал как рыба.

«Интересно,— подумал профессор,— почему он с собой не покончил? Мне казалось, они это проделывают. Или это только мокакам свойственно?»

Разумеется, чужак все еще мог совершить самоубийство. Предполагалось, что повиане предпочитают употреблять свою пищу в живом виде. А здесь ему такой не светило. На «Непобедимом» даже лабораторных крыс не было. Так что пленнику приходилось отказывалось от всего, что ему предлагали, и довольно скоро он должен был умереть. Бартер немного об этом поразмышлял. «Сомневаюсь, что медики попробуют ему что-нибудь внутривенно ввести,— решил он.— Во-первых, у них нет толкового представления о его кровеносной системе. А во-вторых, что более важно, они не отважатся ему панцирь пробить».

Бартер содрогнулся, представив себе, как специальная бригада пытается силой накормить эту тварь. Баталия получилась бы знатная.

«Быть может, с этой стороны к нему подойти?» — подумал он.

— Ты голоден? — спросил лингвист.

Повианин неподвижно сидел в своей паутине.

«Как же меня бесит, что он не моргает,— подумал Бартер.— А может, он какой-нибудь сикарашечьей дзен-медитацией занимается? И в конце этой медитации просто прикажет себе умереть?

Пожалуй, тогда очень многие от кучи хлопот избавятся. Но нет, черт побери! — с жаром подумал профессор.— Я не хочу, чтобы эта тварь умирала!»

— Хочешь жить? — спросил он.

Хелицеры повианина еле заметно сдвинулись.

«Пожалуй, я бы это презрительной усмешкой назвал,— решил Бартер.— Будь я пленным воином, хочется надеяться, я точно также бы усмехался в лицо своему врагу».

— Как насчет воды? — предложил он чужаку.

Профессор нажал на клавишу, и в раковину у стены ударила струя воды. Пока вода текла, лингвист внимательно следил за своим подопечным.

Поначалу никакой реакции не наблюдалось; повианин просто смотрел прямо перед собой, как было с тех пор, как он обустроился в своей паутине. А затем Бартеру явственно показалось, что существо сотрясает легкая дрожь.

В свое время он заставил себя прочесть массу разной литературы о земных пауках, которых повиане так сильно напоминали. И теперь профессор вспомнил, что многие из них предпочитали влажную среду и легко обезвоживались.

Путем набора нескольких клавиш Бартер уменьшил поток воды до тоненькой струйки и стал наблюдать за чужаком. Его ротовые органы вроде бы сместились. Профессор воспроизвел самый последний отрезок съемки повианина, которая велась непрерывно. Они совершенно определенно сместились.

— Вода чистая,— сказал Бартер.— Никакого яда, никаких наркотиков, абсолютно безопасная.

Переводное устройство молчало, однако лингвист надеялся, что хоть какие-то из этих слов до пленника все же дошли. «Мне кажется,— подумал он,— на каком-то уровне я по-прежнему пытаюсь тоном голоса на него повлиять».

Но повианин держался стойко.

Бартер немного подумал, затем набрал еще несколько клавиш, увеличивая влажность в камере повианина.

— Так лучше? — спросил он.

Ощущая к пленнику странную жалость, профессор все поднимал и поднимал влажность, пока камера не стала мутной от пара. Прямо у него на глазах хелицеры повианина задвигались. Регулируя фокус одной из камер, Бартер разглядел, что повианин пьет воду, скапливающуюся на его панцире.

«Может статься, это первый шаг»,— подумал он.

Профессор продолжил наблюдать за существом. Оно так наклонило голову, что капли стекали по ромбовидному лицу туда, где их могли собрать ротовые органы. Повианин пил долго. А затем вернулся к своей непроницаемой неподвижности.

— Быть может, теперь, когда вы приняли от нас питание, вы пожелаете со мной поговорить?

Переводное устройство выдало несколько слов, и повианин так дернулся, как будто его коровьим электропогонялом ткнули. Он поднял голову и, похоже, уставился прямо на экран.

Затем чужак заговорил — причем медленно, словно он хотел, чтобы его поняли. Вскоре устройство перевело:

— ...ничего мне не давали. Я... сам собрал.

— Если бы я не увеличил влажность в вашей камере, там было бы нечего собирать,— резонно заметил Бартер.

Повианин продолжал молча смотреть на экран, однако все его тело дрожало.

— Я только хочу обучиться вашему языку! — сказал Бартер.— Разговаривать, понимать, общаться!

— Разговаривать,— без выражения произнес повианин. И в несколько вопросительной манере наклонил голову.

— Просто разговаривать,— подтвердил лингвист.

Повианин опять заговорил, сохраняя все тот же вопросительный изгиб своего тела. Наконец переводное устройство выпалило:

— Не предавать?

— Нет! — сказал профессор, энергично подаваясь вперед.— Не предавать. Просто разговаривать.— Он немного выждал. Повианин оставался неподвижным. Наконец Бартер продолжил: — Вы приняли от нас питание. Но мы хотим только разговаривать.

Повианин снова осел назад. Затем он что-то сказал и сделал жест педипальпами, после чего замер в неподвижности.

Переводное устройство выдало только:

— Подумаю.

— Тогда я пока оставлю вас в покое,— сказал лингвист и отключил экран в камере повианина.

Сам-то он, разумеется, по-прежнему мог его видеть. Имеющее целью удержать пленника от самоубийства, круглосуточное слежение продолжалось. Так что уединение повианина с самого начала было безнадежно нарушено. «Но это может ровным счетом ничего для него не значить»,— несколько виновато подумал Бартер. Зато было бы вопиющей глупостью не наблюдать за чужаком на тот случай, если он вдруг сделает что-то важное и разоблачающее.

Повианин сидел в своей паутине и таращился в никуда.

«Мое переводное устройство работает! — ошалело подумал Бартер.— Если повианин согласится со мной говорить, мы очень скоро станем способны вести с ними настоящие разговоры. О Боже, какой же я молодец!»

Затем Бартер занялся просмотром записей кратких ответов повианина и составлением подробнейших описаний положения во время этих ответов тела и рук существа. Лингвисту очень помогало то, что он рассматривал лишь отдельные части чужака. Таким образом ему не приходилось в муках выносить созерцание всего его отвратительного облика.

Через два часа Бартер поднял взгляд на работающий экран. Повианин не шевелился.

«Быть может, он ждет, пока я с ним свяжусь?» — подумал лингвист. Конечно, так оно и было! Ведь насколько знал повианин, за ним никто не наблюдал. Следовательно, зачем ему было тратить силы на попытки связаться?

Бартер включил экран в камере чужака и восстановил аудиоконтакт.

— Вы уже приняли решение? — спросил он.

— Буду разговаривать,— сказал повианин.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Набегая на берег, волны с шипением удалялись. Питер лежал на мягком и теплом песке; приятно расслабленный, он наслаждался радостной вялостью. Медленно он приходил в сознание. Однако Питер этому сопротивлялся, лежа в неподвижности, тогда как тело побуждало его двигаться. Шум волн перестал звучать как нежное шуршание и начал напоминать негромкий звон. Питер повернул голову, чтобы посмотреть на звенящие волны. Он лениво задумался, зачем они это делают.

ТРАХ-ТАРАРАХ!

Редер скатился с койки и вскочил на ноги, все еще готовясь стряхивать с себя песок. Однако, похлопав себя ладонями по бокам, коммандер выяснил, что на нем вся форменная одежда, если не считать такой мелочи, как ботинки.

Питер простонал. «Могу поклясться,— тут же укорил он себя,— что капитан Каверс никогда не стонет, когда из койки вытряхивается. Какое счастье, что меня сейчас команда не видит. Вряд ли бы у неё от этого веры в мои командирские способности прибавилось».

Проковыляв два шага до стола, Питер задом на него плюхнулся и посмотрел на часы. «Нам еще восемь часов в прыжковом пространстве болтаться,— подумал он.— Хотя, конечно, Ашли как могла, так и прикинула. А почти все прикидки обычно с цифрами не в ладах».

Затем Питер набрал на интеркоме код капитанского мостика, и на экране тут же возникло лицо мисс Люрман. Вид у астронавигатора был довольно сконфуженный.

— Докладывайте,— произнес коммандер, невесть как умудряясь говорить внятно и четко. Вообще-то он боялся, что у него выйдет что-то вроде «Гибдд?»

— Сэр, мы подходим к прыжковой точке. Моя прикидка — тридцать минут.

— Уже иду,— буркнул Редер, прежде чем Ашли успела еще что-то сказать. «Кофе есть на мостике»,— напомнил он себе в качестве взятки.

Питер принялся яростно тереть лицо, мысленно благодаря ученых за изобретение ими специального фермента, приостанавливающего рост бороды. Затем, пожалев о том, что на душ времени уже не остается, он встал и вышел из каюты, сделав лишь краткую остановку у раковины, чтобы умыть лицо и почистить зубы. «Может статься,— подумал Питер,— это убедит мое тело в том, что я проснулся, нравится ему это или нет». Обычно коммандер просыпался сразу. И то, как он теперь буквально продирался сквозь трясину сна, оставляло очень странное чувство. Питер заставил себя пешком добираться до капитанского мостика, надеясь, что разминка его окончательно разбудит. «Нет смысла туда торопиться,— сказал он себе,— если по прибытии я буду всего лишь зомби».

Труон Ле поставил чашку кофе Редеру на ладонь, едва коммандер вышел из лифта.

— Господь да благословит вас, мистер Труон.— Питер осторожно отхлебнул дымящийся напиток.— Докладывайте,— сказал он.

— Мисс Люрман нашла нам выходную точку гораздо раньше, чем ожидала. Она говорит, вполне возможно, что эта точка была скрыта за каким-то другим кораблем, собирающимся на выход. На это, судя по всему, указывают энергетические показания.

— Как давно это было? — спросил коммандер, усаживаясь в капитанское кресло.

— Шесть часов тому назад, сэр.

Редер недовольно повел бровью.

— Мы разбудили вас, сэр, и доложили об этом, как только мисс Люрман сделала свое открытие. Вы велели нам продолжать в том же духе.

— Я? Велел? — «Ну и ну,— подумал Питер.— Таких номеров я со времен Академии не откалывал. Тогда у меня тоже ресницы от недосыпа выпадали. Так, ладно. Выходить нам здесь или двигать дальше?» Он принялся постукивать пальцами по подлокотнику кресла.

— Плохие новости лучше прямо сейчас, чем потом,— вслух сказал коммандер.— Мы здесь выпрыгнем и осмотримся. Мисс Люрман, мистер Холден, давайте нас на выход.

— Есть, сэр,— ответили они в унисон.

Редер в темпе пролистал судовой журнал, чтобы посмотреть, как прошли те часы, пока он отдыхал. Его точный ответ старпому звучал следующим образом:

— Благодарю вас, мистер Труон. Продолжайте в том же духе.

«Черт,— подумал Питер.— Я здесь даже спящим не казался...»

Тут он почувствовал переход к началу прыжка и переключил экран на внешний обзор.

— Никаких вражеских кораблей, сэр,— доложил Гундерсон, и в голосе его прозвучало немалое удивление.— Вот обычный нави-

гационный бакен, есть свидетельства значительных транспортных потоков, но ничего откровенно враждебного не происходит. На сей раз это и в самом деле простой бакен, а не орбитальный форт, под бакен замаскированный.

Редер переключил экран и внимательно изучил нейтринные следы, нарисованные компьютером. Все вполне честно и открыто: никто не таится, не подкрадывается, никаких узнаваемых патрульных сигнатур.

— Интересно, знает местный народ про войну или нет? — тихо спросил из-за плеча у Редера Труон.

— Может, мы уже так далеко за линией фронта, что на мирную территорию залетели? — предположил Питер.

— Пусть даже так, сэр. Но если вспомнить все те военные суда, которые мы уже видели, почему у этой точки было хотя бы сторожевой корабль не поставить? Судя по транспортным потокам, здесь очень крупный торговый центр.

— Хороший вопрос,— сказал Питер.— Давайте немного туда продвинемся,— обратился он к рулевому.— Посмотрим, не удастся ли нам тут затеряться. Потому что тем парням, которые за нами гонятся, про войну отлично известно.— «И они всерьез вознамерились нас в ней одолеть»,— мысленно добавил коммандер.

— Есть двигаться дальше, сэр,— отозвался рулевой.

И он повел «Непобедимый», выискивая самое густое переплетение нейтринных сигнатур, какое только имелось.

— Я вижу какую-то активность, коммандер,— доложил Гундерсон.— К нам направляется целая эскадра. Передают сообщение.

— Отправьте запись мистеру Бартеру,— приказал Питер.— И мой привет заодно. Скажите ему, что перевод нужен срочно.

Опять принимаясь барабанить пальцами по подлокотнику кресла, Редер стал обдумывать ситуацию. Если это был какой-то мирный неповианский народ, то ворвавшийся на его территорию с орудиями наготове «Непобедимый» выглядел не слишком красиво. С другой стороны, если это были кровопийцы-повиане — а повиане в буквальном смысле пили кровь,— то особой разницы тут не просматривалось. Какова была вероятность найти сразу два способных к космическим перелетам вида за одну и ту же войну? Впрочем, это еще могла быть какая-то мирная разновидность повиан...

Хотя не существовало никаких доказательств того, что повиане вообще понимают значение слова «мирный».

— Сэр,— обратился к Редеру Ривера, один из связистов,— мистер Бартер хотел бы с вами поговорить.

— Давайте его сюда.— Редер приветливо кивнул лингвисту, когда его физиономия появилась на экране, обрадованный тем, что Бартер всерьез воспринял его предупреждение насчет работы на гауптвахте.— У вас что-то для меня есть? — спросил коммандер.

— Да, есть. Они просят нас себя назвать. В особенности они хотят знать, из какого мы клана.

«Из какого мы клана? — подумал Питер.— Вот так вопросец».

— Сможете вы составить сообщение, где говорилось бы, что нас преследуют враги? — вслух спросил он.

— Да... но как насчет вопроса по поводу клана? — Бартер тревожно смотрел на коммандера.— Это может быть очень важно.

— Не сомневаюсь, что это очень важно, мистер Бартер. Но чтобы что-то об этом выяснить, нам сейчас нужно остаться в живых. Сделайте мне это сообщение, чтобы мы смогли его передать. Понимаете, мистер Бартер, если мы этого не сделаем, они начнут в нас стрелять. А это, уверяю вас, будет очень скверно.

«Особенно поскольку там, по-моему, два линейных крейсера и целый рой эсминцев — или их повианских эквивалентов»,— подумал Питер. «Непобедимый» мог убежать очень от многого, с чем он был не в силах сражаться. Но очень долго бегать от линейного крейсера он не мог — особенно при нынешнем состоянии его моторов. Сражаться сразу с двумя он тоже, естественно, был неспособен. И даже с одним, когда авианосцу недоставало целой полэскадрильи «спидов».

— Хорошо, я его подготовлю,— сквозь сжатые зубы произнес профессор.— Следует ли мне попросить их не стрелять? Или, быть может, попросить их о помощи?

— Просьба не стрелять звучит неплохо,— ответил коммандер.— А вот просьба о помощи может впутать нас в крупные неприятности в дальнейшем.

Бартер повернулся к своему пульту и прилежно произнес слова, о которых они условились.

— Я просто проведу это через моего коллегу,— сказал он.

Брови Питера подскочили аж до затылка.

— Мне здесь посчастливилось кое-что открыть,— пояснил лингвист и махнул рукой.— Штука довольно сложная. Но он выразил желание вместе со мной над всеми этими переводческими проблемами поработать.— Бартер ненадолго отвернулся, затем повернулся обратно.— Он говорит, что нам лучше послать слепое сообщение. Под этим он имеет в виду только аудиопередачу. На самом деле вместе с этим сообщением должны быть переданы очень сложные жесты, но если они вас не увидят, то прочтут их как подразумеваемые.

— Сэр, сообщение у меня на компьютере,— громко доложил Ривера.

— Благодарю вас, мистер Бартер.— Тут Редер впервые с начала разговора толком взглянул на лингвиста. Под глазами у профессора виднелись такие круги, что он был больше похож на енота, чем на человека.— Скорее всего, в ближайшие несколько часов мне придется постоянно с вами связываться. Вы выдержите?

Бартер скорчил недовольную гримасу.

— Наверное, мне следовало немного поспать, пока мы были в прыжке,— сказал он.— Но я должен был работать... и я вроде

как чувствовал, что меня особенно не тошнит...— Полдюжины людей на капитанском мостике машинально кивнули. Лингвист пожал плечами.— Я постараюсь, коммандер.

— Благодарю вас, мистер Бартер. Но при первой же возможности вам лучше немного отдохнуть.

— Очень любезно с вашей стороны, сэр. Хотя я...

— На случай каких-либо дальнейших сообщений, мистер Бартер, я хочу держать для вас открытую линию. Поэтому прямо сейчас я намерен передать вас технику Ривере. Конец связи.— «Как же мне не хотелось так его обрывать,— подумал Питер.— Но он болтал бы часами, дай я только ему слабину».— Отправьте сообщение,— приказал он Ривере,— но добавьте туда немного статики. Пусть им покажется, будто наш компьютер малость поврежден. Курс прежний, мистер Холден.

— Есть курс прежний, сэр,— отозвался рулевой.

Экран Редера разделился пополам. Одна его половина показывала приближающийся повианский патруль — на таком отдалении всего лишь созданные компьютером точки. Другая демонстрировала прыжковую точку позади них. Разум коммандера тоже разделился. Часть его задумывалась о том, сумеет ли Скиннер со своими людьми воспользоваться этой отсрочкой, чтобы приладить новый замедлитель на восьмой транзитный мотор. Еще он задумывался о том, когда же приближающиеся повиане наконец спросят, зачем у «Непобедимого» орудия наготове. И еще он прикидывал, не является ли их дальнейшее продвижение ужасной ошибкой.

— Сэр,— сообщил Гундерсон,— по моей прикидке встречные повиане пересекутся с нами через три минуты.

— Сэр,— доложил Ривера.— Новое сообщение от повиан. Я передал его мистеру Бартеру.

Редер нажал на клавишу.

— Мистер Бартер,— сказал он,— что у вас для меня?

— Заглушите ваши орудия, иначе мы будем вынуждены заключить, что ваши намерения враждебны,— сообщил ему лингвист. На лбу у него были крупные капли пота, а в темных глазах тревога.

— Благодарю вас, мистер Бартер. Конец связи.— И Редер переключил профессора обратно на Риверу.

«Итак, что у нас дальше? — подумал Питер.— Если мы не заглушим орудия, те повиане, что впереди, начнут в нас палить. А если заглушим, то станем легкой жертвой тех повиан, что позади. Которые, в чем я ни секунды не сомневаюсь, так и так будут в нас палить». Коммандеру предстояло принять решение, связанное с цивилизацией, о которой он решительно ничего не знал. С третьей стороны, было бы совсем скверно, если бы в них сразу палили и те, и другие.

— Мистер Гундерсон, отбой на орудия, но сохраняйте высшую степень боеготовности и держите наготове электронные меры противодействия.

— Есть отбой на орудия, сэр, есть сохранять высшую степень боеготовности и держать наготове электронные меры противодействия. А вот и они,— сказал Гундерсон.

Их преследователи выскочили из прыжковой точки так стремительно, словно при этом какую-то магию применяли. Встречные повиане тоже резко увеличили скорость и пронеслись по соседству с «Непобедимого», будто его вовсе там не было. С обеих сторон почти немедленно начался огонь, причем те повиане, которые преследовали «Непобедимый», отчаянно старались долбануть и своих сородичей, и авианосец.

Команда на капитанском мостике разразилась криками облегчения и радости, размахивая кулаками и хлопая друг друга по спинам.

— Во дают! — восхитился Питер. «Мы тут, часом, не случай «Это моя куриная ножка!» или «Не писай в мой горшок!» наблюдаем?» — подумал он и ткнул одну из клавиш.— Мистер Бартер, тут местная компания наших преследователей атакует. Не может ли ваш... коллега сказать, почему?

Без единого слова Бартер отвернулся от экрана и заговорил. До Редера доносились какие-то сдавленные звуки — надо полагать, повианская речь. Хотя больше всего это напоминало полоскание горла плюс периодическое шипение и хлопки. Наконец лингвист повернулся обратно.

— Фа-коф говорит, что если мы попали на территорию другого клана, то этот клан будет атаковать более агрессивные корабли. Особенно если они повианские, но другого клана. Ни один повианский корабль одного клана не может проникнуть на территорию другого без разрешения. Иначе это будет расценено как агрессия.

«Как же я сам не догадался?» — подумал Редер.

— Если мы проживем еще хотя бы час, пожалуй, у нас найдется целая куча интересных вопросов для вашего приятеля, мистер Бартер. Теперь я вас отпускаю, но пожалуйста, оставайтесь на связи.

Коммандер наблюдал, как две повианские эскадры по-крупному между собой разбираются. Бой шел слишком близко к прыжковой точке, чтобы «Непобедимый» смог ускользнуть незамеченным.

«По их нехорошему поведению очень похоже, что нашим старым знакомым страшно хочется к чертовой матери нас разнести,— подумал Питер.— Надо же, как резко они к нам переменились. До сих пор создавалось явственное ощущение, будто они хотят только подранить нас и взять в плен. И кто знает, не затаят ли наши новые друзья на нас обиды на то, что мы попытаемся раньше времени с этой вечеринки смотать. Почему-то я могу поручиться, что затаят. Нужна еще информация».

— Мистер Бартер,— сказал Редер.— Что вы мне можете про все эти дела с клановой структурой рассказать?

— Сейчас посмотрю, что мне удастся выяснить, коммандер.— Бартер отвернулся от экрана и какое-то время поговорил. Наконец

он повернулся обратно к экрану, выглядя при этом немного смущенным.— Фа-коф говорит, что не может давать нам никакой информации, которая могла бы повредить его народу. Он не хочет говорить ни о чем секретном.

— Это не секретно,— возразил Редер.— Ведь он всю жизнь об этом знал, разве не так?

Бартер кивнул и повернулся к повианину. Вскоре он повернулся обратно.

— Фа-коф говорит, что вы правы. Он знал об этом всю жизнь, и скоро вы тоже об этом узнаете.

Редер подождал, а когда больше ничего не поступило, развел руками и спросил:

— Ну и что дальше?

Бартер поморгал, затем поднял палец.

— Сейчас я спрошу.

Вскоре лингвист сообщил:

— Фа-коф говорит, что он из Нтагона — красного клана. На первый взгляд кланы различаются по цвету. На их кораблях должно быть что-то такое, что бы на это указывало.

Редер повернулся к Труону.

— Мистер Труон, вы не посмотрите, что там за маркировка?

Секунду спустя изображение старпома выпрыгнуло в квадратике на экране у Редера.

— Маркировка кораблей преимущественно голубая, сэр.

Редер передал это Бартеру, который вскоре вернулся с ответом:

— Голубой клан — это Нрзан. Их королеву зовут Тусси. Это пожилая королева со страстью к получению знаний.

— Тус-си? — переспросил Редер. «Славное имя,— подумал он.— Так старомодно звучит. Вообще-то я всегда с пожилыми дамами ладил... Хотя о чем я тут рассуждаю — ведь мы о гигантской плотоядной сикарахе толкуем».

— Довольно близко, коммандер,— сказал лингвист.— Переводное устройство уберет неверное произношение.

— А сколько у вас, между прочим, этих устройств? — спросил Питер.

— Четыре.— Тут Бартер немного занервничал.— Но я еще не все запрограммировал.

— Если у вас хотя бы одно готово, я бы хотел его на капитанском мостике разместить. Я пришлю кого-нибудь его забрать.— Тон коммандера ясно указывал на то, что это не просьба.

Профессор показался откровенно встревоженным. Он даже как-то странно подергивался, пока говорил.

— Коммандер, я хотел бы как можно четче подчеркнуть, что масса смысловых тонкостей в повианском языке передается посредством жестикуляции и мимики. Таким образом, полное сообщение будет лишь отчасти звуковым.— Несколько секунд лингвист просто смотрел на Редера.— Вы понимаете?

Редер задумчиво потер верхнюю губу.

— А голубые знают про человечество? — спросил он.

Бартер поморгал, затем спросил у Фа-кофа.

— Он говорит, что не знает.— С озабоченным видом профессор пожал плечами.— Мне кажется, смещение его ног подражает кому-то, несущему тяжелую ношу.

«Грузчик,— подумал Редер.— Что ж, наверное, какие-то вещи универсальны. По крайней мере, среди видов с иерархиями».

— А, понятно... низкий социальный статус. Откуда ему знать, что известно королеве, а что нет?

— Уместное замечание,— согласился Редер.— Но будут ли они к нам враждебны? Это он может знать.

— Фа-коф говорит, что это старый, установившийся клан, уверенный в себе, но осторожный. И он говорит, что, учитывая наклонности королевы Нрзана, вы можете оказаться желанны как источник новых знаний.

«Это может быть хорошо,— подумал Питер.— И это может быть плохо». Новых знаний, к примеру, можно было достичь посредством вивисекции. Или это могли быть новые кулинарные рецепты. До сих пор повианское поведение в этом смысле не особенно обнадеживало; с другой стороны, теперь уже было ясно, что у повиан есть свои расхождения — точно так же, как и у людей. Редер взглянул на то, как в космосе между кораблями двух повианских кланов появляются и пропадают беззвучные взрывы. «Пожалуй, пока мы с ними немного не поговорим, я не позволю им нас увидеть,— решил он.— Так оно здоровее будет».

— Благодарю вас, мистер Бартер. Пожалуйста, оставайтесь на связи.

Затем коммандер разослал сигнал о видеосовещании, и вскоре экран заполнился лицами старших офицеров. В одном из квадратиков по-прежнему оставалось разворачивающееся сражение, и Редер внимательно за ним приглядывал. В нескольких словах он очертил ситуацию.

— Я должен признать,— закончил коммандер,— что совсем не жажду стать предметом изучения для этого нового клана повиан. Меня интересует, что вы по этому поводу думаете.

— Лично я думаю, что эта тварь пытается вам мозги запудрить,— тут же заявил Бут.— Красный, скорее всего, цвет воинов, а голубые — просто штатские.

— Тогда почему они сражаются, мистер Бут? — предельно нейтральным тоном поинтересовалась Ашли Люрман.

— Сэр,— сказал Труон Ле,— я думаю, нам следует пойти с голубыми повианами и посмотреть, что из этого выйдет.— Его глаза блуждали по экрану.— Предполагая, разумеется, что они победят. Это станет бесценной возможностью изучить их и, не исключено, обзавестись союзниками. Одной из задач этого рейда глубокого вторжения как раз и являлось выяснить, как организован вид повиан.

«Иначе говоря, мы проигрываем войну и готовы опробовать любую отчаянную и безумную идею»,— мысленно перевел Редер.

Скиннер сказал:

— Надо разместить по всему кораблю заряды — что-нибудь низкотехнологичное и нефиксируемое. Если дело обернется скверно, мы сможем их взорвать.

Остальные офицеры кивнули в знак согласия. Кроме, разумеется, Бута.

— Это вам что, учебная экспедиция? — злобно вопросил он.— Вы говорите о том, чтобы у них учиться? Да ведь повиане — враги Содружества! Они же, черт побери, людей едят! У нас тут появился сказочный шанс долбануть их прямо по месту прописки, а вы предлагаете разместить заряды и взорвать «Непобедимый»? Да что с вами такое, народ? Это же колоссальная возможность разгромить легко защищенную повианскую систему и захватить при этом немного антиводорода. Без которого всем нам очень скоро конец.

Редер был горд за своих коллег-офицеров. Никто из них даже не закатил глаза.

— В настоящий момент, мистер Бут, голубые вышибают дух из красных. Я очень сильно сомневаюсь, что они бы это делали, если бы были с ними заодно. Во-первых, это слишком дорогое удовольствие, а во-вторых, это чудовищная глупость. Голубые уже уничтожили два эсминца и удерживают красных от нападения на нас. Что красные, судя по всему, отчаянно желают осуществить. Зачем они это делают? Чего они могут добиться, таким вот идиотским образом нас дурача? Что они от всего этого получат?

Бут поднял руку.

— Взгляд на технологию Содружества.— Он загнул один палец.— Понимание тактики и возможностей Космического Отряда.— Он загнул другой.— Перспективного троянского коня.— Он загнул третий.— И солидное число экспериментальных объектов.— Физиономия шефа контрразведки воинственно таращилась с экрана.— Я бы вам вот что сказал: ударьте по ним прямо сейчас, как можно крепче, пока они заняты, и пусть...

— И пусть вам, не задавая лишних вопросов, поджарят задницы,— перебил его Редер.— Слышали вы когда-нибудь выражение «враг моего врага мой друг», мистер Бут? — По недоуменному выражению его лица Питер догадался, что нет. «Сомневаюсь,— подумал он,— что этот парень когда-нибудь сообразит, кто такой «сын моего отца, но мне не брат».— Я скорее рискну завоевать Содружеству нового союзника, чем нового врага.

— В таким случае, коммандер,— вмешалась в разговор Сара Джеймс,— я бы хотела предложить, чтобы эскадрилья вылетела на помощь голубым.

— Что? — заорал Бут.— Вы спятили?

Редер откинулся на спинку кресла и обдумал предложение Сары. С одной стороны, это могло наладить им хорошие отно-

шения с голубыми. Вовремя протянутая рука помощи также делала «Непобедимый» менее им обязанным. Кроме того, это давало шанс его бойцам ударить по красным. До сих пор они такого шанса были лишены и порядком по этому поводу досадовали. «Чем больше я об этом размышляю,— подумал Питер,— тем больше мне это нравится. На самом деле мне совсем не по вкусу, когда за мной без конца гоняются — особенно когда я подозреваю, что у преследователя в одной руке вилка, а в другой солонка».

Кроме всего прочего, тут, похоже, попросту не было другой стороны.

Перебивая очередную тираду Бута, коммандер сказал:

— Собирайте эскадрилью, капитан-лейтенант. А я тем временем свяжусь с нашим лингвистом-укротителем. Может статься, он придумает, как предупредить голубых, что мы идем сражаться на их стороне.

— Нет! — Бут забарабанил кулаком по столу, а волосы его встали дыбом.— Нет, коммандер! — упорствовал он.

— Да, мистер Бут. Решение принято. Если только от мистера Бартера не поступит какого-то возражения, связанного с повианским этикетом в подобные вопросах. Мы будем с вами на связи, мисс Джеймс. Совещание закончено.

«В следующий раз,— подумал Питер,— когда я созову общее собрание, Бута я, пожалуй, оставлю в сторонке». Это стало бы смертельным оскорблением, но только так можно было удержать этого человека либо от какого-то фатального приступа, либо от окончательного перечеркивания всей своей служебной карьеры. Даже учитывая более свободные отношения военного времени, вопли «Нет! Нет!» в адрес старшего по рангу офицера ни в какие ворота не лезли.

«А кроме того,— подумал коммандер,— подобные дела вообще к его компетенции не относятся. Но это же Бут. Ему хоть кол на голове теши».

— Мистер Бартер,— сказал Редер, когда измученное лицо лингвиста опять появилось у него на экране.— Мы хотим послать эскадрилью помочь голубым нам помочь. Можете вы как-то спросить вашего друга, как это сделать, не вызывая тревоги и не нанося оскорбления?

— На самом деле, коммандер,— обиженным тоном отозвался Бартер,— никакой он мне не друг.— И он в особенности подчеркивал, что не станет помогать нам в любых действиях против членов его команды.

— Значит, мистер Бартер, вы отказываетесь нам помогать? — спросил Редер с такой спокойной угрозой в голосе, что Труон даже повернулся на него посмотреть.

— Нет-нет, я буду помогать. Но я не могу компрометировать Фа-кофа. Это было бы нечестно.

— Стало быть, вы хотите, чтобы «Непобедимый» вместе со всеми, кто на нем находится, считался трофеем для победителя в том бою, за которым мы наблюдаем?

— Нет, коммандер, конечно же нет, но...

— Вы хотите стать лабораторным образцом, хотите, чтобы над вами, истекая кислотой, склонялся повианин с во-от таким скальпелем в клешне?

Профессор как-то по-особому содрогнулся.

— Тогда выясните все, что нужно, мистер Бартер. Но прежде чем вы это сделаете, составьте сообщение на предмет того, что мы посылаем наших бойцов помочь голубым победить нашего врага. Затем перешлите его мне и технику Ривере. Заранее вам благодарен, мистер Бартер.

«Какого черта я трачу время, все этому парню объясняя?— задумался Питер.— Ему предполагается облегчать мне жизнь, а не пичкать меня всей этой белибердой с занятий по морали и нравственности. Наверное, это потому, что я вижу, что он пашет просто как зверь, и мне нужно как-то поддерживать с ним рабочие взаимоотношения». Отчасти же это было потому, что Редер продолжал быть грубым с Бартером, а возлюбленная матушка Питера одарила его автоматическим откликом совести на подобное безобразие.

— Старшина Кейси, лейтенант Роббинс,— сказала Сара, направляясь к ним.— Готовьтесь, коммандер может в любую секунду дать сигнал к вылету.

Падди и Синтия удивленно заморгали, переглянулась, после чего со все более широкими улыбками принялись раздавать приказы.

Сара понаблюдала за распространением этих приказов, пока техники разбегались по главной палубе. Затем она с довольным видом повернулась к интеркому.

— Всем пилотам явиться на инструктаж,— сказала капитан-лейтенант и еще раз то же самое повторила.

«Очень скоро они прибудут на место от своих коек, своих «спидов», своих имитаторов,— подумала Сара.— Мне лучше быть там раньше них». Тогда, стремительно пробежав от главной палубы к небольшой аудитории, использовавшейся для инструктажа, она вызвала на стенной экран картинку того, как голубые встают на защиту «Непобедимого». Не успела она высветить голубую маркировку на их кораблях, как первые пилоты уже начали торопливо заходить в помещение.

Когда все сиденья оказались заняты, Сара подняла взгляд и позволила почти звериной ухмылке расползтись по ее лицу. У всей аудитории были точно такие же лица.

— Уверена, вы уже догадались, что я вас не на религиозное собрание созвала,— сказала капитан-лейтенант.— Как бы ни были ваши души тяжелы от греха.

Пилоты зафыркали от смеха. Они уже успели увидеть активность на главной палубе и прекрасно поняли, что она означает.

— Тем не менее, у меня есть для вас кое-какая важная информация.

Сара нажала несколько клавиш, а затем повернулась к большому экрану у нее за спиной. Впервые в жизни пилоты наблюдали за тем, как повиане сражаются с повианами, защищая людей. Они точно так же не могли ошибиться насчет этих крабовидных конфигураций, как не смогли бы сразу же не опознать предпочитаемую Содружеством форму гантели. Челюсти у всех мгновенно отвисли.

Сара набрала еще несколько клавиш, и компьютер заставил один из кораблей замереть, а затем выдвинул его на передний план для более близкого осмотра. Капитан-лейтенант высветила маркировку на передней части и бортах корабля.

— Обратите внимание, что эта маркировка голубая,— сказала она.— Это опознавательные знаки клана Нрзан. Благодаря этим опознавательным знакам он также известен как голубой клан. А вот это,— Сара нажала на клавишу, и на передний план вышло другое судно,— корабли красного клана. Обратите внимание на красную маркировку. Они из Нтагона.

По аудитории разнеслись негромкие шепотки «Нрзан... Нрзан... из Нтагона». Сдерживая улыбку, Сара постучала по пульту, и все затихли.

— Красные там уже на нас, как камикадзе, намылились. Похоже, они любой ценой хотят до нас добраться, причем вовсе не с дружественными намерениями. Мы также не видели, чтобы на помощь голубой эскадре, которая бьется на нашей стороне, спешили какие-то подкрепления. А потому коммандер...

— Капитан-лейтенант? — Это был голос Редера.

— Слушаю, сэр,— с готовностью откликнулась Сара.

— Голубые приняли наше предложение о помощи. Так что разворачивайте ваши «спиды».

— Есть, сэр,— с радостной решительностью ответила капитан-лейтенант.

— Удачи вам, люди,— сказал Редер.

Пилоты с восторженными криками вскочили. Сара позволила им немного порадоваться, а затем снова постучала по пульту. Потребовались считанные секунды, чтобы все снова расселись. Пилоты сосредоточили ясные глаза на капитан-лейтенанте как стая волков на подносе с сырым мясом.

— Благодарю вас, коммандер,— сказала Сара.

— Всегда пожалуйста, капитан-лейтенант. Конец связи.

Увидев, что все опять готовы вскочить, Сара подняла руку, и пилоты остались на своих местах. Добрую минуту она внимательно их оглядывала.

— Хорошо,— наконец сказала капитан-лейтенант.— Будем поддерживать дисциплину. Необходимо, чтобы каждый из вас помнил

о той маркировке, которую я вам показала. Ни в коем случае не стреляйте в мишень, на которой нельзя будет различить этой маркировки. Никоим образом не рискуйте попасть в ваших друзей. Еще я хочу, чтобы ваши полеты и стрельба произвели на голубых сильнейшее впечатление. Необходимо, чтобы в головах у них твердо засела мысль о том, что с такими смертоносными тварями лучше рядом не садиться.— Сара обвела их еще одним долгим взором.— Я понятно объяснила?

— Так точно, сэр! — хором выкрикнула эскадрилья.

— Тогда, дамы и господа, давайте на выход. Нам пора в бой вступать.

— Даже не знаю, что мне следует доложить нашей даме,— признался Сом-сун, неуверенно щелкая жвалами, тогда как его тело приняло позу, указывающую на изумление и благоговейный страх.— Таких неистовых бойцов я еще никогда в жизни не видел.

— Они нанесли страшный урон кораблям красного клана,— согласился Ил-джи. Его поза указывала на то, что он просил разрешения говорить более откровенно.

Резким манящим жестом мастер охоты ему это разрешение дал.

— Что это за существа? — Педипальпы Ил-джи указывали на растущий страх.— Почему Нтагон их преследовал? Не могло ли получиться так, что мы помогли преступникам?

— Ответ на ваш последний вопрос отрицательный,— с жестом учтивого несогласия сказал Сом-сун.— Я утверждаю это, основываясь на том, что ни разу Нтагон не попытался как-то оправдать свое преследование этого корабля. Вместо это они просто пробивали себе дорогу к чужакам, словно желая не дать им возможности рассказать нам, в чем дело.

Его помощник изобразил педипальпами первую степень нерешительного согласия.

— Что же до других ваших вопросов,— продолжил Сом-сун,— то в свое время мы узнаем на них ответы. И я убежден, что ответы эти будут не в пользу Нтагона.

Ил-джи щелкнул хвостом в знак полного единодушия.

После минутного раздумья мастер охоты сказал:

— Мы должны пригласить их сопровождать нас в Нрзан.

Его помощник выдерживал нейтральную позу, пока Сом-сун не показал, что желает знать мнение своего офицера.

— Что мы скажем нашей даме? — спросил Ил-джи.

— Мы скажем, что принесли ей величайшую загадку этого и всех прочих веков, а также решение этой загадки. Мы принесли ей новые знания в форме неизвестного и разумного вида.

— Но мастер охоты, что, если это какой-то коварный план Нтагона по проникновению сквозь нашу оборону? Этот корабль

вполне может быть полон наемных убийц или какой-то заразы. Я считаю, красные способны на все; у них нет совести — теплокровные, что там говорить.

Выслушав мнение своего помощника по этому поводу, Сом-сун задумался. Вскоре он сказал:

— Мы просто пригласим их последовать за нами. Мы ясно дадим им понять, что если их оружие проявит на наших экранах малейшую активность, мы немедленно рассудим, что они намерены его к нам применить, и будем реагировать соответственно.— Мастер охоты посмотрел прямо в лицо своему помощнику.— Так мы и будем реагировать.

— А что, если они решат не принимать нашего приглашения? — спросил Ил-джи.

— Тогда мы должны будем их отпустить.— Сом-сун как бы пожал плечами.— Они разумные существа, и они не проявили к нам никакой враждебности. Даже напротив. Безусловно, мы должны уважать их выбор. Однако,— тут он выразительно сжал педипальпы, а его хелицеры выразили удовлетворение,— куда они направятся?

— Туда, откуда пришли, мастер охоты.

— Чтобы это сделать, им потребуется пройти по территории Нтагона. А красные, судя по всему, настроены к этом чужакам крайне недружелюбно. Идти вперед означает попасть на территорию клана Линче и ожидать там неведомо какого приема.— Сом-сун поднял свои педипальпы в широком жесте.— Так почему бы им не отправиться с нами?

— Вы правы, мастер охоты.— Ил-джи с неловкостью оглядел командный центр, где техники деловито занимались своими машинами.— Но теперь все изменится, не так ли?

— Так,— согласился Сом-сун, поглубже оседая на сиденье.— Теперь безусловно все изменится.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Чужаки? — переспросила дама Систри.— В каком смысле чужаки?

Одну из главных прелестей дамы составляла способность скрывать негативные реакции. Всегда и везде, если только она намеренно не хотела выглядеть иначе, Систри излучала безмятежный интерес. Точно так же она вела себя и сейчас, хотя внутренне была не на шутку озадачена.

— Сами мы их не видели, дама. На данный момент основаниями могут служить только необычные конфигурации их кораблей. Но, как вы можете видеть, эти корабли очень странные.

Систри внимательно изучила изображения, переданные ей Сом-суном, и действительно нашла сами корабли и те движения,

которые заставляли их делать пилоты, очень странными. Дама никогда ничего подобного не видела. Эти пилоты определенно были грозными бойцами.

Легкий трепет страха охватил даму при этой мысли. До сих пор клан Нрзан был непобедим, и ничто не угрожало его спокойствию. Но эти... чужаки. Действительно ли они представляли собой иную форму жизни — или это был какой-то причудливый и в то же время изощренный план по уничтожению Нрзана? Любая из этих возможностей могла вызвать расстройство желудка, и, к несчастью, Нтагон вполне был способен измыслить подобную схему завоевания.

— Вы можете привести их в клановый дом,— наконец сказала Систри.— Но они не смогут покинуть свой корабль, пока мы все это обстоятельно не обсудим. За ними также должен вестись строжайший присмотр.

— Безусловно, дама. Еще меня интересовало, может ли кому-то быть дозволено посетить их корабль.— Поза мастера охоты указывала на глубокое уважение, смешанное с сильнейшим любопытством.

Систри какое-то время выражала раздумье.

— Такое предложение уже было сделано? — спросила она.

Хотя мог ли мастер охоты осмелиться придержать подобную информацию?

— Нет, дама. Я выражаюсь гипотетически.— Сом-сун почтительно склонил головогрудь.

На самом деле дама вовсе не требовала от мастера охоты такого уничижения — оно было всего лишь инстинктивной реакцией на что-то смутное в ее манере. Высшей мудростью для самца было всегда знать свое место.

— Если подобное предложение поступит, я приму во внимание ваш к нему интерес.— Педипальпы дамы заколыхались, ясно указывая, что эту беседу пора заканчивать.— Я также велю моему помощнику назначить вам время для личного разговора, как только вы вернетесь,— сказала она.— Пожалуйста, оставайтесь на связи, пока Пет-мол вас не запишет.

Экран щелкнул, и Систри опять осталась одна. Она встала с ложа и стала расхаживать по комнате, снова и снова взбираясь на обтянутые шелком стены до самого потолка. Наконец, досадливо щелкнув жвалами, дама вернулась к своему пульту. От ее долга не было никакого спасения. Систри обязана была проинформировать королеву. После нажатия нескольких клавиш она обнаружила, что перед ней на экране появился Ху-сей, первый помощник королевы Тусси.

Изящным жестом Систри признала их положения почти равными по статусу. Ху-сей мгновенно откликнулся уважительным жестом, который удостоверял безусловное превосходство второй после королевы.

— Как замечательно видеть вас в таком добром здравии,— учтиво начала Систри.

— Имею великое счастье сказать тоже самое вам, моя дама.

Ху-сей выказал педипальпами первую степень уважения. Но не из простой лести. Он действительно уважал даму как за ее политическую проницательность, так и за общую привлекательность. Также он прекрасно знал о той высокой оценке, какую давала Систри королева. Будучи превосходным политиком, Ху-сей всячески добивался расположения дамы.

— Я нахожу, что должна попросить аудиенции у ее величества,— сказала ему Систри.— Это дело определенной срочности, а также определенной секретности.— Наклоном головы она выразила смутное извинение за то, что не сказала большего.

Ху-сей мгновенно замер в позе уважения и сильнейшего любопытства.

— Если на то будет воля ее величества, вы, разумеется, услышите то, что я должна ей сказать. Безусловно, первый помощник, я сообщу королеве о вашем интересе. Однако вначале, учитывая деликатную природу новостей, я должна побеседовать с ее величеством наедине.

Ху-сей поклонился.

— Вы подключились в благоприятный момент, дама Систри. Королева как раз заканчивает свою последнюю аудиенцию, и на следующий станзис у нее ничего не запланировано.

— Я подожду связи,— сказала Систри, награждая самца благодарным кивком. Экран в очередной раз щелкнул, и она осталась наедине со своими мыслями. Вскоре дама принялась собирать в единое целое всю информацию, которую передал ей мастер охоты, равно как и свой краткий с ним разговор, и располагать ее в определенном порядке. Таким образом, на вопросы королевы могли быть даны быстрые и точные ответы. Впрочем, на данный момент ответа на самый насущный вопрос у Систри не было.

Вопрос этот звучал так: «Действительно ли это чужаки?»

— Итак, дамы и господа,— обратился Редер к своим старшим офицерам,— мы с вами оказались в интересном положении.— Он постучал пером по столу, приглушая смешки.— Мне бы очень хотелось добавить, что положение это уникальное, но, к несчастью, мокаки нас здесь опередили.

— Сэр? — Бут поднял руку.

— Слушаю вас, мистер Бут.— Редер сдержал недовольную гримасу. «Я знал, что меня ждет, когда его на это собрание приглашал,— подумал он.— Так что теперь просто придется, стиснув зубы, его терпеть».

— Под какой конкретно угрозой мы в данный момент действуем? — Шеф контрразведки смотрелся подавленным и предельно серьезным.

— Гм...— Питер оглядел стол. Все лица выражали примерно то же самое, что и физиономия Бута. Коммандер откашлялся.— Мы в общем и целом действительно действуем под угрозой. Но это вполне разумная угроза,— сказал он и поднял руки, словно бы отметая все возражения.

— Я мог бы и сам догадаться,— пробормотал Бут.

— Мистер Бут,— раздельно произнес Редер, жестко на него глядя.— Я отвечаю на ваш вопрос.— Коммандер выждал еще немного. Наконец глаза Бута с неохотой, но все-таки опустились.

— Повиане эскортируют нас в свой клановый дом,— продолжил Питер.— Нас предупредили, что если наши орудия начнут разогреваться, они рассудят, что мы намереваемся стрелять, и по нам будет открыт огонь.— Он улыбнулся Саре.— Похоже, капитан-лейтенант, вы там на них сильное впечатление произвели.

Сара тоже улыбнулась и покраснела, а все офицеры в знак одобрения принялись стучать по столу кольцами Академии. Все, кроме Бута, который опять не отрывал глаз от Редера.

— Сэр,— поинтересовался шеф контрразведки,— что повиане намереваются с нами сделать, когда они нас на свою планету притащат?

Редер какое-то время просто на него смотрел.

— Законный вопрос. Особенно если допустить, что нас куда-то тащат. На самом же деле это не так. Нас пригласили их сопровождать. Если бы мы захотели, повиане позволили бы нам удалиться сразу же после боя.

— Ха! Это они теперь так говорят. Сэр. Теперь, когда мы делаем то, что им от нас нужно. Как они, по-вашему, отреагируют, если мы прямо сейчас остановимся и скажем, что передумали?

— Честно говоря, мистер Бут, думаю, что они нас отпустят. Я также думаю, что они посчитают нас хамами и в следующий раз будут не столь радушны, если какому-то из судов Содружества случится здесь оказаться.

Питер размеренно постучал по столу своим пером. Молчаливую манеру, в которой офицеры позволяли этому разговору продолжаться без их вмешательства, он посчитал указанием на то, что у них также есть свои соображения.

— Такая вот у нас ситуация,— продолжил коммандер, подаваясь вперед.— Один транзитный мотор выключен, еще один отчаянно нуждается в ремонте. Не говоря уж о том, что ремонта требует корпус. И нам нужно лечить раненых.— Питер оглядел стол.— Более того, теперь у нас совершенно точно не хватит горючего, чтобы добраться домой.

После этих слов вокруг стола началась словно бы какая-то почти незримая рябь; офицеры едва заметно меняли позы и

переглядывались. Некоторые из них уже и так это знали, а остальные, похоже, предчувствовали подобную ситуацию. Однако при всем при том им требовалось быть каменными, чтобы не проявить совсем никакого отклика.

— Но даже будь у нас в достатке антиводорода,— продолжил Редер,— нам все равно пришлось бы пройти через территорию Нтагона. С одним выключенным мотором и другим в ремонте. Да, этот корабль был построен как быстроходный рейдер. Но нам придется пытаться пробить себе путь как минимум со сломанной лодыжкой. Неужели кому-то действительно хочется вести перестрелку с крупными боевыми подразделениями... да еще когда у них базы снабжения под боком?

Откинувшись на спинку кресла, коммандер лениво покатал свое перо взад-вперед. Затем он поднял голову и пристальным взглядом обвел весь стол, подолгу задерживаясь на каждом лице.

— Так что, как видите, выбор у нас следующий: рискнуть здесь или гарантированно погибнуть там.

Редер наблюдал, как офицеры взвешивают сказанное. Ждал молча, пока каждый из них не посмотрел ему в глаза и не кивнул. Впрочем, оставался еще Бут.

— Тогда мы должны установить свое превосходство,— заявил шеф контрразведки.

— А что, мистер Бут, иначе аборигены хамить начнут? — с кривой улыбкой осведомился Труон Ле.

Шеф контрразведки ощетинился, но прежде чем он смог ответить, вмешался Редер.

— Думаю, благодаря эскадрилье, мы уже установили свое по меньшей мере им равенство. Мы также проявили к ним всю любезность, на какую были способны.

Питер потер лоб.

— Мистер Бартер, наш лингвист, сообщил мне, что повианский язык включает в себя очень много жестикуляции и мимики. И то, и другое совершенно необходимо, чтобы добиваться правильного понимания, а также чтобы указывать на всякие смысловые тонкости, проявлять хорошие манеры и тому подобное. Это приводит нас к еще одному вопросу, который меня беспокоит. Как повиане будут реагировать на то, как мы выглядим?

Так получилось, что все за столом одновременно вдохнули.

— Полагаю, мы для них выглядим не менее скверно, чем они для нас,— морща нос, заметила Ашли Люрман.

Доктор Голдберг явно не на шутку задумался.

— Если они такие же ксенофобы, как люди, нам надо будет раскрываться очень медленно и осторожно. Чтобы немного их подготовить, я могу составить какой-то текст с картинками.

— Можно добавить туда некоторые развлекательные записи,— предложила Сара.— Танцы, к примеру.

Голдберг медленно кивнул.

— Пожалуй, это хорошая мысль. Я определенно не рекомендовал бы показывать им наши фильмы про войну.

— Особенно такие, в которых несколько человек целые легионы повиан побеждают,— сухо добавил Труон Ле.

Тут все зафыркали от смеха. С тех пор, как стало известно о мокакско-повианском союзе, информационное ведомство Содружества выдало массу подобной продукции. За образчиками они при этом аж в двадцатое столетие залезли.

— Если у нас на борту таковые имеются,— сказал Питер,— я бы рекомендовал немедленно их из компьютера изъять. Я также не хочу, чтобы повиане считали, будто мы повинны в ксенофобии или во враждебных намерениях.

— Но мы повинны и в том, и в другом,— с лукавой улыбкой заметила Сара.

— Да, но я не хочу, чтобы они об этом знали,— сказал коммандер, снова подаваясь вперед.— Мистер Харткорпф, необходимо, чтобы вы отслеживали местные передачи и передавали их мистеру Бартеру для изучения. Если у повиан есть свои развлекательные программы, они могут оказаться особенно разоблачающими.

Сара одарила его насмешливым взором, и Питер повернулся за поддержкой к доктору.

— А что? — спросил он.— Почему бы и нет?

Голдберг усмехнулся.

— Они вполне могут быть непреднамеренно разоблачающими, но у нас нет контекста. Могут уйти годы, пока мы определим те черты, которые характерны для повиан в противоположность людям.

— Ладно,— сказал Редер.— По крайней мере, это обеспечит мистера Бартера видеотекой жестов и тому подобного, чего он не получает из аудиопередачи.— «Вряд ли профессор будет намного хуже спать, если всего этого насмотрится,— подумал Питер.— Он уже знает, как они выглядят. Тем не менее, что касается наблюдения за нашим пленником, он держится очень прилично».

— Прямо сейчас всем необходимо ясно понять,— продолжил коммандер,— что никто не должен появляться перед повианами без специального разрешения. Никакого наружного ремонта, никаких визуальных передач — короче, ничего внешнего, пока мы с этим народом почву не прощупаем. Я твердо верю, что повиане цивилизованы и по меньшей мере расположены вести себя миролюбиво. Однако пока что нельзя сказать, как на них или даже на всю их культуру подействует вещь столь травматичная, как целый корабль чужеродных существ.

— Будем надеяться, что они найдут нас восхитительными,— сказала Люрман.

— Но не решатся на вкус попробовать,— пробормотал Бут.

— На этой радостной ноте,— заключил Редер,— давайте перейдем к докладу старшего механика о ремонте.

Зала ее величества являла собой колоссальную чашу чистейшего белого шелка. Стены там были вытканы так, что смутные узоры на них менялись в зависимости от угла зрения. Неяркий свет проникал из какого-то скрытого источника, поддерживая во всей зале равномерно-комфортную яркость. Местами попадались скульптуры или подвешенные растения, добавляя к белоснежному интерьеру легкий цветовой мазок.

Ложе королевы ежедневно плелось из свежей паутины и свисало с потолка, удобно поддерживая ее брюшко и грудную клетку. Перед этими качелями располагалось другое ложе, более обычное. При необходимости туда можно было добавить большее их число, однако в этой, менее официальной зале королева предпочитала поддерживать обстановку просторной незатейливости.

Ху-сей уважительно выступил вперед, наслаждаясь мягкостью и глубиной шелка под своими когтистыми лапами. Такую мягкость и глубину можно было найти только в этой зале. Затем самец смиренно опустил головогрудь, и Тусси грациозным жестом приняла его поклон.

— Присаживайтесь, первый помощник,— сказала королева.— Я бы хотела, чтобы вы присутствовали, пока моя вторая будет рассказывать. Начинайте,— велела Тусси.

По ее команде между ними вспыхнула проекция дамы Систри. Сквозь эту полупрозрачную проекцию Ху-сей мог видеть королеву, и все же образ дамы был достаточно ясным.

После нескольких первых фраз первый помощник посмотрел сквозь проекцию на королеву. Он был страшно потрясен. Голоса, которые по словам мастера охоты приходили со странных кораблей, звучали совершенно неслыханно. Какие лица должны были иметь эти создания, чтобы производить подобные звуки? Ху-сей задрожал. Но при этом он мог видеть, что королева испытывает возбуждение и жаждет встретиться с этими существами.

— Мы оказались перед двумя возможностями,— сказала Тусси.— Либо они действительно чужаки, либо они обманщики. Это приводит нас к четырем возможностям. Нтагон мог знать об этих чужаках и не желать, чтобы мы о них что-то выяснили, или не знать, но по той или иной причине считать необходимым преследовать их на территории Нрзана, чтобы уничтожить. Сомневаюсь, однако, что целью этого было защитить своих добрых друзей в клане Нрзан,— сухо заметила она.— Или это обман, совершенный в отношении Нтагона другим кланом с целью совершения набега на его территорию. В таком случае я ожидаю, что они вскоре раскроются и пригласят нас участвовать в этом розыгрыше. Или это обман, совершенный Нтагоном в отношении Нрзана как средство для совершения какого-то тайного набега.

— Пять возможностей, ваше величество,— мягко напомнила ей дама Систри.

Тусси вопросительно наклонила голову.

— Если это подлинные чужаки, они могут пожелать установления дипломатического контакта.

Королева подняла голову, и ее хелицеры сместились, выражая неподдельное удовольствие.

— Разве это не будет восхитительно? — спросила она.

— Успокойтесь,— произнес Редер, находя для себя сложным следовать собственному совету.— Просто дышите поглубже.— Для наглядности он показал.

— Я стараюсь! — рявкнул Бартер.— Но у меня ничего не выходит!

Доктор вручил ему какой-то мешочек и велел туда дышать. Лингвист повиновался, и его дыхание замедлилось. Однако никакого заметного эффекта на панику, от которой профессору хотелось вопить, это не оказало.

— Попробуйте походить,— предложил ему доктор Голдберг.— Встаньте и подвигайтесь. Делайте что-нибудь со всем этим адреналином.

Бартер вскочил на ноги и принялся расхаживать взад-вперед, энергично размахивая руками. Редер с Голдбергом пригибались, отчаянно стараясь не попадаться ему по пути, но комната была слишком мала для трех мужчин и приступа панического страха. От лингвиста постоянно кому-то из них доставалось.

— Давайте выйдем в коридор,— наконец предложил Редер.

Бартер оказался там раньше них. И тут же затопал туда-сюда. Стоя в дверях лазарета, Голдберг с Редером внимательно за ним наблюдали.

— И давно он уже такой? — спросил Питер у доктора.

— Не так давно — минут сорок. Я вызвал вас, как только он пришел, потому что он все повторял, что не может с этим справиться. Я подумал, что вам надо об этом знать.

— Есть от этого какое-нибудь лекарство? — Коммандер ткнул пальцем в мечущегося по коридору Бартера.— Несчастный малый. Вы только на него посмотрите.

— Он уже на этом лекарстве сидит,— ответил Голдберг.— Он принимает его регулярно, и, откровенно говоря, ничего лучше того, что он принимает, у меня нет. Я бы также не рекомендовал ему повышать дозу. Если он вам, конечно, нужен как переводчик; если как украшение садовой лужайки — тогда другое дело.— Он покачал головой.— Со страхом все эти укоренившиеся лекарства больше ничего сделать не могут. Думаю, это просто замечательно и указывает на необычайные достоинства его характера, что ему удавалось так долго держаться.

— Что же нам теперь делать? — спросил Питер.— Значит, лекарство — не ответ?

— Откровенно говоря, коммандер, я думаю, что часть проблемы здесь в изоляции.— Доктор поднял руку, прежде чем Редер смог ему возразить.— Я знаю, что вы были очень заняты. Одна критическая ситуация за другой и так далее. Я это знаю. И он это знает,— сказал Голдберг, указывая на пациента.— Но теперь все немного утихомирилось, и он еще более важен, чем раньше. Так что если мы хотим, чтобы он был способен функционировать, мы должны раскрыться и сделать его частью группы.

— О чем вы говорите? — недоуменно морща лоб, спросил Редер.

— Необходимо, чтобы он был с нами вместе. Думаю, его следует приглашать на все совещания по поводу того, как мы намерены взаимодействовать с повианами. Думаю, нам следует хотя бы попытаться наладить с ним повседневное общение.

— Как, например? Пригласить его с Падди в покер сыграть?

— Да! Особенно если мы сможем убедить Падди и остальных проявлять к нему определенное уважение. Ведь этот человек — наш постоянный эксперт по повианам. По крайней мере, по их языку. И теперь он чертовски близок к тому, чтобы этой работой себя угробить. Если требуется немного ласки, если нам надо немного его за руку подержать, то да, безусловно, любыми средствами зазывайте его на покер.

— Поймите, доктор, когда дело доходит до покера, Падди даже меня не уважает.— Редер упер руки в бока и опять стал смотреть, как Бартер расхаживает по коридору. Затем он пожал плечами.— Хотя, если речь идет всего лишь об отвлечении...

— Именно об этом речь и идет. О чем-то, что оторвет его разум от внешнего вида повиан. Отвлечение прекрасно поможет. И на данный момент других вариантов я просто не вижу. Короче, устройте ему покер.

Редер покачал головой.

— Звучит чертовски жестоко, но вы врач.— Он наклонился к Голдбергу.— Должен ли я дать ему еще немного здесь погулять?

Доктор оценивающим взором оглядел своего пациента.

— Да,— кивнул он.— Пусть еще пару минут походит. А вы тем временем покер организуйте.

— Все-таки звучит дьявольски круто,— с сомнением сказал Питер.

— Да, порой лечение может показаться хуже болезни. Но мы должны что-то с этим поделать. Возможно, вам удастся убедить Падди не делать слишком высоких ставок в этой игре.

Редер фыркнул и отвернулся.

— Ну да,— пробурчал он.— А еще я уговорю его лифчик носить.

Бартер сидел за карточным столом, буквально гудя от нервной энергии. Он оглядел своих коллег-игроков, которые взглянули на

него в ответ точно целый аквариум с акулами, причем через очень долгое время того, как в этом аквариуме была кормежка.

Компания подобралась самая разношерстная: офицеры, несколько старшин, несколько матросов. Но у всех у них на столе были фишки, так что царила там фамильярная непринужденность.

— Значит, так,— начал Падди.— Вы здесь новенький, а потому на первом кону мы вам сдавать позволим.— Он глотнул выпивки и наградил лингвиста зубастой улыбкой.— Такая у нас традиция. Как гласит поговорка, «в дерьме все одного ранга». А места грязнее, чем здесь, на славном корабле под названием «Непобедимый», пожалуй, не сыщешь.

Все остальные прыснули. Бартер послушно развел руками.

— Да, конечно,— кивнул он и одарил всех нервной улыбкой.— Значит, картишки,— сказал профессор и потянулся к колоде, которую выложил из кармана Падди.

Лингвист вытряхнул колоду из пачки, и его руки буквально заплясали. Карты стали длинными веерами стремительно перетекать взад-вперед. Редер такое только в голофильмах видел. А затем слабонервный, легковозбудимый, суперинтеллигентный профессор приступил к четкому перечислению правил, и все до единого за столом внезапно поняли, что у этой овечки оказались волчьи зубы.

— Отличная получилась игра,— сказал Бартер Редеру, пока они шли по коридору к офицерским каютам.

Лингвист шуршал пачкой кредитных карточек с той же энергичной виртуозностью, какая у него нашлась для карт.

Редер сподобился на мучительно-вежливую улыбку и кивнул.

— Когда я учился в университете, мне довелось крупье в игровом зале поработать,— признался Бартер.— Обожаю покер. Одно время даже я собирался им профессионально заняться.— Он похлопал Редера по плечу.— Джеймс Скотт предложил меня подучить, быть моим тренером, пока я немного опыта не поднаберусь.

Глаза у Редера полезли на лоб. О Джеймсе Скотте по прозвищу Скотина слышал даже он. «Что ж,— подумал Питер,— теперь понятно, почему меня так капитально обставили. Черт побери, этот парень сумел на самого Джеймса Скотта впечатление произвести! У нас не было ни единого шанса».

— Да, знаете ли, мы все тут немного подучились после того, как сегодня вечером с вами поиграли,— заверил он профессора.— И я надеюсь, вам это тоже помогло.

Бартер остановился.

— Да. Да, помогло. Спасибо, коммандер.— Он вдруг показался смущенным.— Порой меня прихватывает, и я просто ломаюсь,— добавил лингвист, разводя руками и нервно посмеиваясь.— Пожалуй, надо бы мне поменьше с сикарахами общаться.

— Они не сикарахи,— твердо сказал Редер.

Бартер опустил глаза и замахал руками, словно стараясь стереть только что сказанное.

— Знаю, знаю. Я не хотел их унижать. Я просто хотел сделать все это более терпимым.

— Они не сикарахи,— повторил Редер и жестко взглянул на лингвиста.— Они... не... сикарахи. Они не пауки. Они представляют собой разумный вид — первый, какой нам случилось встретить во Вселенной. И теперь вам придется убедить себя в том, что они никакие не сикарахи.

Бартер не мог встретиться взглядом с коммандером. Подняв руки ладонями наружу, он стал подталкивать их к груди Редера, словно бы его успокаивая.

— Я знаю, вы правы. Но они похожи...

— Быть может, вы смогли бы представить себе, что они скорее похожи на омаров? — предложил Питер.— В перспективе это могло бы вам помочь.

— Нет, я не ем омаров. Омары — просто большие сикарахи.

— Омары не сикарахи,— возразил Редер и пошел дальше.— Я омаров отлично ем.— Он сделал еще несколько шагов.— Они не сикарахи.

Бартер опять зашуршал своими кредитными карточками.

— На самом деле они сикарахи,— пробурчал он, шагая бок о бок с коммандером.

«Мне вовсе не требовалось об этом знать,— подумал Питер.— И вообще. Голдберг мне должен за многое ответить».

Просмотрев предложенный доктором Голдбергом учебный фильм по ознакомлению повиан с человеческой расой, Питер какое-то время сидел молча, погруженный в глубокие раздумья.

— Вам не понравилось,— заключил Голдберг.

— Нет-нет,— возразил Редер, выпрямляясь в кресле.— Вовсе нет. Мне даже думается, что вы здесь проявили немалый талант. Возможно, после войны вам следует фильмами заняться,— с улыбкой предположил он.

— Однако...— сказал доктор, после чего сложил ладони чашечкой и пошевелил пальцами, изображая жест типа «валяй, излагай».

— Знаете,— вдруг вмешался Бартер,— возможно, этому фильму следовало быть более технически-медицинским и менее... ну, что там у нас сегодня в меню.

Голдберг хмуро на него глянул.

— Думаю, нам следует ясно дать повианам понять, что мы всеядны,— сказал он.— Вряд ли они этому удивятся.

Питер, однако, кивал.

— Мне кажется, доктор, что мистер Бартер верно уловил смысл. Весь материал о еде можно будет изложить в последую-

щих сериях. А здесь дать простое введение о нашем виде в целом. Кроме того, мы готовим нашу пищу, а повиане... не готовят,— сказал он и поморщился.— Вполне возможно, что наш способ употребления пищи покажется им таким же отвратительным, как нам — их способ.

Голдберг явно задумался. Наконец он кивнул.

— Да, они запросто могут пожирателями падали нас посчитать...— Он ухмыльнулся.— Лично я чертовски твердо уверен, что сидеть за одним обеденным столом с настоящим падальщиком мне бы не захотелось.

— И поменьше картинок других земных форм жизни,— предложил Бартер. Вид у него был отчужденной, словно большей части разговора он просто не слышал.— Прямо сейчас это выглядит так, словно вы им говорите: «Вот Земля. Столько съедобных тварей вы никогда в жизни не видели».

Редер и Голдберг просто на него посмотрели.

— Понимаете,— лингвист пожал плечами,— я просто пытаюсь увидеть все это их глазами.

— Пожалуй, профессор и здесь в точку попал,— заключил коммандер.— Просто сократите этот фильм до введения о том, как мы выглядим. Думаю, вам будет несложно его доработать. Покажите им сначала нашу одежду или что-то в таком роде. А затем медленно выстраивайте от скелета до плоти.

— Ручаюсь, наш скелет повианам понравится,— пробормотал Бартер, отрывая глаза от стола.— Это единственное, что у нас с ними хоть отдаленно похожего.

Голдберг кивнул и сделал себе пометку.

— Хорошо, я этим займусь,— сказал он и поднял взгляд.— Что-нибудь еще, джентльмены?

— Пока ничего,— сказал Редер, вставая.— Если я о чем-то таком подумаю, я с вами свяжусь. Да! — Он щелкнул пальцами и указал на Бартера.— Возможно, нам следует все это вашему коллеге показать.

Профессор кивнул.

— Очень удачная мысль. Я знаю, что ему скучно, и уверен, что ему понравится. Вот только я не знаю, насколько мы можем его мнению доверять.

— Разумеется,— согласился Редер.— Мы должны критически воспринимать все, что он нам рассказывает, но до сих пор он нас не подводил.

— У меня такое чувство, что он очень молод,— сказал лингвист. Затем он встал и собрался уходить.— Ничего определенного — просто ощущение, что он очень наивен.

— А вы спросите его возраст,— предложил Редер.— Когда мы установим контакт с повианами Нрзана, мы сможем сопоставить его возраст с вероятной продолжительностью их жизни и выяснить, правы вы или нет.

— Это может быть очень важно,— сказал Голдберг, делая себе себе одну пометку.— Кстати, как он вам, мистер Бартер? Он ест и пьет? Он кажется угнетенным?

— Я... по-моему, я не тот человек, которого следовало бы об этом спрашивать,— запротестовал Бартер.— Я просто не могу вам этого сказать.

— Пожалуй, доктор, вам пора самому его расспросить,— сказал коммандер.— Мы не хотим, чтобы с нашим гостем что-то случилось. Особенно сейчас, когда мы в нем больше всего нуждаемся. Но ни о чем, связанном с кланом Нрзан, я бы при нем не упоминал.

— Думаю, здесь вы правы, сэр,— согласился Голдберг.— Я не хотел бы прибавлять ему беспокойств. Но он может заподозрить, что мы по-прежнему на территории Нрзана. Куда мы еще могли направиться? — Он поднял руку, предотвращая повторение любых предупреждений от Редера с Бартером.— Нет-нет, не волнуйтесь, я не стану поднимать эту тему. Могу я воспользоваться вашей аппаратурой, мистер Бартер? Быть может, лучше поговорить с ним из вашей лаборатории?

— Конечно,— кивнул лингвист.— Я как раз должен разобраться с кое-каким материалом в другой моей лаборатории.

Голдберг радостно потер ладони.

— Тогда я с нетерпением ожидаю знакомства с этим парнишкой.

Труон Ле, Харткорпф и Гундерсон наконец уселись за стол. На совещание они прибыли последними — наверное, потому, что как раз их доклад старшие офицеры собрались послушать.

— Планета, или клановый дом Нрзан, очень густо населена,— начал Труон.— Вокруг планеты также есть много орбитальных жилых комплексов и заводов. Судя по тому, что мы увидели на поверхности Нрзана, было бы неразумно предположить, что какие-то из этих комплексов являются фермами, поскольку на поверхности ничего похожего на фермы не наблюдается. Или,— уточнил он,— ничего, что мы могли бы в качестве таковых опознать.

— А есть там вообще зеленые зоны? — спросил доктор Голдберг.— Парки, необработанные земли?

— Там есть существенные площади зеленых угодий, доктор,— ответил Гундерсон.— Вполне достаточные для поддержания здоровой атмосферы. Все указывает на то, что эта атмосфера очень близка к нормальной земной.

— Нам все равно потребуется проба, чтобы определить, насколько она безопасна,— вставил Голдберг.

Тут все дружно кивнули. В таких делах осторожность проявлять не мешало.

— Как вы можете видеть,— продолжил Труон, вызывая голоснимок системы Нрзана,— здесь есть узкий пояс астероидов.— Тут же появившаяся на голоснимке красная стрелочка указала на пояс, который действительно был не слишком широк, зато состоял из более крупных астероидов, чем аналогичный в Солнечной системе.— Мы обнаружили свидетельства того, что там ведутся горнорудные разработки. И, как мы заметили, едва только вышли из прыжковой точки, здесь имеются весьма существенные торговые транспортные потоки. Многие корабли приходят из-за пределов этой системы. На данный момент мы отметили суда повианской конфигурации, промаркированные четырьмя цветами: зеленым, оранжевым, желтым и лиловым.

— Итак, нам уже известно о существовании шести кланов,— медленно проговорил Редер.— И, сцепившись только с одним из них, мы думали, что бьемся в своей весовой категории.— «Черт побери,— подумал коммандер.— Если мы здесь напортачим, мы будем чертовски ответственны за конец человеческой цивилизации. Так что смотри, Редер, куда ступаешь...» — Что-то еще, мистер Труон?

— А вот военных судов с какой-либо другой маркировкой, кроме голубой, мы пока что не видели. Отсюда мы заключаем, что либо клан Нрзан — главная сила среди повиан, либо все эти кланы равны по силе, и ни один из них не имеет своих военных кораблей на территории другого.

Редер кивнул. «Это две очень разные вещи,— подумал он.— Но в данный момент мы не можем узнать, какая догадка верна».

— Что-то еще? — спросил коммандер.

— Пожалуй, сэр, хотя это всего лишь гипотеза,— сказал старпом.— Тем не менее,— он стал настраивать фокус, пока в поле зрения не появилась космическая станция между поясом астероидов и Нрзаном,— основываясь на эмиссиях, которые исходят от этой станции, я бы сказал, что это антиводородный завод.

Все офицеры подались вперед, внимательно изучая голограмму. На вид структура не слишком отличалась от тех заводов, которые Содружество снова стало вводить в строй в начале войны.

— Кроме того, основываясь на объемах их экспорта,— добавил Гундерсон,— мы можем предположить, что их процесс намного эффективнее нашего.

«А вот это,— подумал Редер,— уже хорошие новости. Это значит, что мы сможем купить себе немного горючего, чтобы добраться домой. Это также дает нам хорошую тему для переговоров сразу же после установления формальных отношений. Туг Скарагоглу явно напортачил.— От этой мысли у коммандера потеплело на душе.— Старому дьяволу следовало бы дипломата с нами послать».

— Тем не менее очевидно,— вслух сказал Питер,— что получать антиводород все же на так эффективно, как разрабатывать

его природные месторождения. Иначе Нтагон с мокаками бы обниматься не стал.— Тут коммандер вдруг хлопнул себя по лбу.— Нрзан не знал о существовании людей, пока мы здесь не появились. Отсюда вытекает, что Нрзан не знает о природных залежах антиводорода!

— Вопрос теперь в том,— в последовавшей тишине произнесла Сара,— хотим ли мы, чтобы он о них узнал?

Редер покачал головой.

— Нам потребуется выяснить о повианах гораздо больше, прежде чем мы решим. Хотя подозреваю, что нам придется признаться, прежде чем мы здесь закончим. Не будет большой натяжкой предположить, что как только мокаки и Нтагон раскатают Содружество, мокаки вдруг обнаружит, что их тоже ненавязчиво раскатали. Стало быть, конечной целью Нтагона может быть нарушение равновесия среди кланов и выдвижение себя в первые среди равных.

— Это определенно дает нам общую почву с Нрзаном,— тихо сказал Труон.

— По меньшей мере это дает нам, о чем задуматься,— согласился Питер.

— Сэр? — произнес Скиннер, слегка приподнимая руку над столом.

— Слушаю вас, мистер Скиннер.

— Вполне возможно, что Нрзан сможет обеспечить нас деталями для починки моторов. Есть надежда, что их моторы не так уж и отличаются от наших,— предположил старший механик.— Но мы должны это выяснить.

Редер кивнул. «Чистый Скиннер, беспримесный,— подумал он.— Сосредоточенный на своей задаче, невероятно сосредоточенный».

— Благодарю вас, мистер Скиннер,— сказал коммандер.— Это определенно попадет в мой список для обсуждения.

Сара переглянулась с Ашли Люрман, затем повернулась к Питеру.

— Мы с мисс Люрман хотели бы предложить, чтобы мы, как две старшие по рангу особы женского пола на борту, отправились вместе с вами на планету, когда вы соберетесь туда для переговоров.

— Судя по тому, что рассказывает нам мистер Бартер, там матриархальное общество,— быстро вставила Люрман.

Редер взглянул на лингвиста, который в ответ уставился на него точно ночной зверек, застигнутый лучом прожектора.

— Я... это самое... в общем, Фа-коф сказал мне, что красным кланом управляет королева, и что его мастер охоты находится под командой у самки.— Лингвист пожал плечами и нервно оглядел стол.— Но я не подумал, что это секретно или что-то в таком роде.

— Нет, мистер Бартер,— сказал Редер, пытаясь быть предельно милым с лингвистом, чтобы не дай Бог его не напугать.— Не волнуйтесь, это не секретно. Это просто информация, которую мне требовалось знать.— Он наградил профессора дружелюбным кивком.— Просто старайтесь держать меня информированным. Делитесь со мной всем, что может показаться вам полезным для нашего общения с этим народом.

— Вы запретили мне вам звонить,— напомнил коммандеру Бартер.

Редер запрокинул голову.

— Ах ты, Господи,— выдохнул он.— Разумеется, я имел в виду аварийную ситуацию. Вы легко можете узнать, когда таковые случаются, потому что тогда вся команда бежит на боевые посты, из интеркома летят всякие объявления, все воет, звенит, трещит и тому подобное. Но во всех иных ситуациях, если вы чувствуете, что мне требуется что-то узнать, прошу вас, совершенно свободно мне звоните.

— Спасибо,— сказал Бартер. И открыл рот, явно желая сказать что-то еще.

— Мисс Люрман, мисс Джеймс,— быстро произнес Питер,— благодарю вас за предоставление своих услуг. Я согласен. Пожалуй, будет дипломатично включить вас обеих в тот отряд, который мы пошлем на планету.

Две женщины улыбнулись коммандеру, затем друг другу.

— Есть что-то еще? — спросил Редер.

— Да! — воскликнул Бартер.

Редер повернулся к профессору в некотором удивлении от того, с какой горячностью было произнесено это «да».

— Извините,— сказал Бартер, смущенно морщась.— Я не хотел так горячиться. Я лишь собирался предложить, чтобы в следующий раз, когда вы свяжетесь с нашим эскортом, вы попросили бы у повиан эксперта по правилам этикета, чтобы обучать нас и консультировать. Тогда мы избежим риска кого-либо оскорбить.

— Блестящее предложение, мистер Бартер,— похвалил Редер лингвиста, причем совершенно искренне.— Благодарю вас, я это сделаю. А теперь, если нет других вопросов...— Он положил ладони на подлокотники кресла, словно собираясь вставать. Вопросов не нашлось.— Тогда совещание закончено. Благодарю всех за участие.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Королева Тусси и дама Систри устроились на ложах в отдельных залах, чтобы просмотреть видеозапись, предоставленную им чужаками. Они делили один и тот же компьютер, что позволяло им согласованно смотреть и комментировать.

Две самки испытывали друг к другу искреннюю преданность и всегда оставались подругами в той же мере, в какой были матерью и дочерью. Однако биология их вида не позволяла двум взрослым самкам мирно сосуществовать в одном и том же пространстве. Телесно они не были вместе с тех пор, как Систри двадцать лет тому назад достигла порога зрелости.

Разумеется, такая встреча могла состояться. К примеру, в пространстве церемонии, достаточно длительной и объемной, а также заполненной значительным числом самцов, чтобы разбавить их мощные феромоны, в обстоятельствах так тщательных расписанных, что никакая личная причуда уже не смогла бы нанести оскорбления. Тогда две или даже большее число взрослых повианских самок могли сойтись вместе. Однако подобные встречи были крайне редки, случаясь лишь раз в столетие, если не реже.

В определенном смысле повианские самки также были редки. Когда-то давным-давно это было не так — когда вид был молод, их было много. Каждая самка была королевой на своей собственной территории и считалась только сама с собой. Теперь же в клане Нрзан было двести самок на сто миллионов самцов, но лишь одна королева.

Каждая из них откладывала примерно пятьсот тысяч яиц, но только одно из них становилось дочерью. Самцы взращивались группами по сто особей бригадами из десяти взрослых самцов. Однако взрослые самки несли ответственность за взращивание своих дочерей вплоть до порога зрелости. Затем молодой самке предоставлялись собственные покои, отдельные от покоев ее матери, и в дальнейшем они общались только посредством видеосвязи, дабы мать наставляла дочь в отношении ее долга.

К счастью, повиане могли выбирать пол своего потомства, так что рождение каждой самки можно было соответствующим образом запланировать. Это привело к очень простому методу контроля за рождаемостью: меньше королев, меньше повиан. Но в то же самое время это было крайне досадно, ибо шло вопреки инстинкту.

Затем, когда повиане вышли в космос, они решили, что могут посылать своих дочерей на исследования, чтобы те изыскивали новые территории и заявляли их как свои собственные.

Хотя на это ушли столетия, клан Нрзан заполнил все возможные ниши в своей системе, после чего опять вынужден был ограничивать темпы рождаемости.

Затем, с открытием прыжка, Нрзан стал посылать колонистов в другие системы, где они становились автономными кланами. Церемония образования нового клана становилась оказией для одного из тех редких собраний королев. Теперь кланов уже было шесть — причем каждый обретал свои характерные особенности, развивал свои церемонии, традиции, мировоззрение.

Повиане по-прежнему посылали исследователей, однако прошло менее тридцати лет с тех пор, как новая колония клана Нтагон перешла к его молодой королеве. Так что в настоящий момент необходимость новых изысканий, а следовательно, и интерес к ним, были среди более старых кланов весьма низки.

Существовала также свободная ассоциация клановых королев, которая служила арбитром в делах торговли и дальнейших исследований. Однако потребовалось бы единодушное голосование, чтобы активно, то есть, военным порядком, вмешаться в управление кланом другой королевы. Во всей повианской истории подобного голосования еще никогда не требовалось.

Королева Тусси, несмотря на свое воодушевление по поводу чужаков, опасалась, что появление этих загадочных и превосходно вооруженных существ может создать такую оказию. Их вторжение с территории Нтагона, агрессивное поведение мастеров охоты красного клана в процессе преследования, а также отсутствие сообщения с королевой Нтагона раздражали и тревожили Тусси. От королевы Мигерис требовалось по меньшей мере извинение за вооруженное вторжение на территорию Нрзана.

Хотя им еще только предстояло подробно обсудить эту тему, Систри, ее дочь, сошлась с королевой во мнениях. Они достаточно давно друг с другом работали, чтобы предчувствовать реакцию другой на какое-то отдельное событие. Это никоим образом не означало, что они соглашались по каждому вопросу — это лишь означало, что они могли со сверхъестественной точностью предвосхищать реакции и тревоги друг друга.

Впрочем, пока представленная чужаками запись проигрывалась, подобные заботы временно отошли на второй план.

— В отличие от повиан,— зазвучал текст, и на экране тут же появился снимок воина с голубым хитином, причем фигура, вращаясь, демонстрировалась со всех сторон,— люди не обладают твердым защитным покрытием естественного происхождения.

Дальше была показана пара каких-то предметов. Предметы эти напоминали сброшенные панцири, хотя выглядели намного аккуратнее продуктов линьки.

— То, что вы здесь видите, называется одеждой,— монотонно продолжил рассказчик.— Эту конкретную одежду, или форму, носят члены личного состава Космического Отряда Содружества.

— Не пытаются ли они нас запутать? — недовольно проворчала Систри, останавливая запись.

— Вряд ли,— рассеянно отозвалась ее мать.— Покрытие для специальных целей является формой,— предположила она.— А Содружество — это то, откуда они прибыли. Однако, я хотела бы знать, каково назначение этого Космического Отряда. Для научной экспедиции они слишком хорошо вооружены.

— И даже для будущих колонистов,— согласилась Систри.

— Как вы можете заметить, в этой форме есть место только для четырех конечностей,— продолжила Тусси.

— Я заметила,— кратко отозвалась дама, и развела хелицеры в положение острого отвращения.— Что они имеют в виду под фразой «не обладают твердым защитным покрытием естественного происхождения»?

— Да, меня это тоже смущает. Не могут же они иметь в виду то, что их органы обнажены. Или могут? — Тусси почувствовала неприятное шевеление в пищеварительном мешочке.— Давайте продолжим просмотр и выясним,— предложила она.

— Это человеческий скелет,— произнес голос.

Эфирно-хрупкая фигура появилась на экране. Тусси остановила просмотр, чтобы рассмотреть ее более внимательно. Четыре конечности, с удовлетворением отметила она, и нет даже самых рудиментарных свидетельств того, что когда-то было больше. Королева медленно повращала фигуру. Ага, там все-таки оставалось свидетельство существования хвоста. Быть может, даже настоящего хвоста — гибкого, с жалом? Но затем Тусси отрицательно помотала головой. Безусловно, не было никаких шансов на то, что нечто столь полезное, как настоящий хвост, дегенерирует в этот жалкий, бесполезный придаток.

— Голова весьма интересна,— заметила Систри.

Королева переключила внимание на голову. Узкий, неровный овал лица создавал странное ощущение целеустремленности.

— Я вижу место только для двух глаз,— наконец сказала она.

— Брр! — поежилась Систри. А потом призналась: — Я всегда считала себя такой искушенной, прогрессивной, готовой к восприятию новых идей. Но... ах, дорогая матушка, они же просто ужасны!

Тусси с лукавым удовлетворением щелкнула жвалами.

— Разве кто-то может быть готов увидеть по-настоящему невообразимое? — спросила она.— Признаюсь, я всегда мечтала о том, чтобы найти где-то в космосе представителей другого разумного вида. Но я неизменно представляла их очень похожими на нас. Подобное испытание будет очень нелегко пройти. Ну как, продолжать?

— Да, матушка.

Теперь на экране показывались два вращающихся скелета, причем один был меньше другого.

— Самки нашего вида,— произнес голос, и золотистое сияние объяло меньший по размеру скелет,— обычно меньше самцов.

Дисплей послойно показал внутренние органы, не объясняя их назначения, затем мускулатуру и мягкий наружный слой. Наконец стали видны человеческие лица.

— Человеческий вид имеет несколько отдельных подгрупп, именуемых расами.

И лица стали переходить от одной расы к другой, меняя свои черты и волосы, меняя цвет, а голос тем временем описывал те факторы окружающей среды, которые могли объяснить различия.

Королева и ее дама снова остановили запись и молча изучили лица на экране.

— Мне кажется, они не понимают, что у них на самом деле есть клановые цвета,— задумчиво сказала Тусси.

— Они также сказали, что у них нет наружного защитного слоя,— немного резковато пробурчала Систри.

Тусси щелкнула жвалами и хвостом от удовольствия.

— По-моему, они сказали, что у них нет такого твердого слоя, как у нас, а не что у них совсем его нет.— Она еще раз внимательно оглядела человеческие лица.— Эти их «волосы» очень интересны,— сказала королева.— Как вы считаете, для чего они?

— Они в основном черные,— прокомментировала дама.— Возможно, они для украшения.

Тусси махнула хвостом.

— Что ж, эта причина не хуже всех остальных. Интересно, что же все-таки произошло с их хвостами? — сказала она, когда собственное движение ей об этом напомнило.— Я также нахожу странным тот факт, что их самки меньше по размеру. Хотя, с другой стороны, они настолько от нас отличаются.— И королева опять запустила запись.

— Это улыбка,— сообщил им голос.— Улыбка является проявление дружелюбия или умеренного удовольствия.

Лица на экране стали менять свою конфигурацию. Мышцы под кожей сокращались и выпячивались, ротовые органы оттягивались, обнажая скользкие от влаги жевательные пластинки, глаза сужались.

— А это смех,— сказал голос.

Тут же лица совершенно изменились — рты начали судорожно сокращаться, еще дальше оттягиваясь от зубов, и за зубами показалась влажная розовая плоть. Глаза почти полностью исчезли под складками кожи, а волосистые полоски над ними поднялись и изогнулись. Изо ртов стало раздаваться довольно визгливое рявканье — звук повторялся стремительно со странными подвывающими модуляциями.

— Он указывает на радость или удовольствие,— продолжил рассказчик.— Люди находят множество причин для смеха. Он даже может стать реакцией на умеренное удивление.

— Мне жаль это слышать,— сказала Систри.— По-моему, это выглядит отвратительно.

— Наверное, мы сможем им об этом сказать,— отозвалась ее мать.— Тогда, быть может, со временем мы к этому привыкнем.

Дальше экран продемонстрировал целый ряд выражений лиц, каждое из которых указывало на какую-то сильную эмоцию.

— Пожалуйста, матушка, остановите эту запись,— попросила Систри.— Хотя бы ненадолго. Я больше не могу это выдерживать.

Тусси остановила запись и немного выждала, прежде чем спросить:

— С вами все хорошо, дочь моя?

— Да. Просто...— Педипальпы дамы задрожали.— Видеть, как эти лица так корчатся и все время меняются... это ужасно, ужасно! Как же мы будем общаться с этими существами, если мы с таким трудом выдерживаем их наружность?

Королева какое-то время молчала.

— Думаю, они это чувствуют,— наконец сказала она.— Именно поэтому они приложили столько стараний с этой записью. Подвижность их лиц действительно раздражает, я не могу этого отрицать. Но мне симпатична их чуткость. Поэтому мы с вами должны смотреть эту запись до тех пор, пока не привыкнем к чертам их лиц и голосам.— Тусси еще немного помолчала.— Или мы хотя бы должны закончить ее за один присест. Полагаю, они заслуживают по меньшей мере такого внимания.

— Вы правы, матушка,— согласилась Систри.— Они стараются проявлять чуткость. Это очевидно по тому, как постепенно они показывали нам свою внешность.— Она ненадолго задумалась.— Скажите, матушка, а вам не кажется, что они знают, как выглядим мы?

— Я почти уверена. И это заставляет меня считать, что у них действительно вышла какая-то история с Нтагоном, причем весьма неприятная.

— Тогда еще более замечательно, что они проявляют такую заботу о наших чувствах.— Систри задумчиво щелкнула жвалами.— Давайте посмотрим, что они нам еще покажут.

Тусси снова запустила запись, обрадованная здравомыслием своей дочери.

Лица на экранах преобразились и стали представлять двух разных индивидов, хотя по-прежнему самца и самку. Одежда их также изменилась. Вместо формы Космического Отряда появился какой-то другой ее вид. Новая форма была целиком из одного куска и плотно облегала тела; с таким же успехом самец и самка могли совсем ничего на себя не надевать.

— Это люди — профессиональные танцоры,— прокомментировал голос.— Они представят вам один из видов искусства, известный как танец.

Два индивида соединили придатки и слились друг с другом. Самец поднял самку, которая жестко держала свои нижние придатки. Затем, когда он снова поставил ее на землю, они вместе начали двигать верхними и нижними придатками в такт с ритмичным и довольно приятным звуком.

— Как они производят такие шумы? — спросила Систри, не на шутку завороженная.

— Я не уверена, что это они,— ответила королева. Со все возрастающим восхищением она смотрела, как люди подпрыгивают, разделяются и снова соединяются.— Это прекрасно! — наконец воскликнула она.

— Мне тоже это нравится,— признала Систри, сама себе удивляясь.

Они понаблюдали за танцами до самого конца, а затем снова проиграли этот отрезок.

— Интересно, если ли у них еще подобные записи? — спросила Систри у своей матери.

— Надеюсь, что есть,— с энтузиазмом отозвалась Тусси.— Все это так чарующе... Только представьте себе, дочь моя, как это могло бы выглядеть, проделывай что-то подобное повиане!

— Ах! Да! Это было бы восхитительно.

Систри обдумала предложение королевы, представляя себе ряды самцов, движущихся одновременно в одной и той же манере под сопровождение пленительных звуков. Один из показанных им танцев заключался в том, что танцоры так ловко стучали ногами по полу, что это постукивание составляло изумительный контрапункт с тем, что проделывали их тела. Имея большее количество ног, повиане, безусловно, могли бы достичь совершенства в подобном искусстве.

— Да,— снова сказала дама.— Но это вопрос следующего дня. Прямо сейчас мы должны решить, что нам делать с этими визитерами.

— Разумеется, мы с ними увидимся,— сказала королева Тусси.

— Тогда позвольте мне быть первой, кто увидится с ними лично,— попросила ее дама Систри.— Таким образом, если в их биологии есть что-то, вызывающее негативную реакцию, вы не окажетесь напрямую в это вовлечены.

— Достаточно благоразумно,— отозвалась королева. Однако что-то в ее голосе указывало на то, что это благоразумие не следовало слишком переоценивать.— Я согласна. Разумеется, на видео я буду присутствовать.

— На самом деле я думаю, что они поймут,— сказала Систри, и в ее голосе прозвучал намек на сомнение.

— Будет чрезвычайно интересно выяснить, что они смогут нам рассказать,— задумчиво произнесла королева.

Направляемая повианским наземным контролем, Сара доставила их на планету. В компактном устройстве Бартера имелись существенные упущения, однако, имея добрую волю и терпение, капитан-лейтенант все же сумела посадить всех в целости и сохранности. Не говоря уж о помощи самого лингвиста, который постоянно был на связи и обращался к Фа-кофу за советами по поводу того, что они до сих пор еще не обговорили.

Профессору предстояло сопровождать их по интеркому, видеть и слышать все происходящее. Очевидной причиной для этого послужило понимание того, что Бартер неизбежно впадет в кататонию максимум через пять минут после непосредственного свидания с повианином.

Доктор Голдберг и его команда по образцам, представленным чужаками, установили, что ничто в повианской атмосфере, воде и почве вреда для людей не представляет. На самом деле ничего удивительного здесь не было; даже видам с биологиями достаточно схожими, чтобы быть совместимыми, всегда чего-то такого недоставало, отчего заражение чужими микробами становилось крайне маловероятным. Бактерии погибали от какого-то одноклеточного эквивалента цинги, как только они пытались вторгнуться, а повианская версия ДНК не имела ничего такого, за что какой-либо земной вирус смог бы зацепиться — и наоборот.

Так что без всяких неудобств, связанных с ношением скафандров, Редер, Сара, Ашли Люрман, судовой юрист Марион Трюдо и корабельный историк Марк Ли высадились, чтобы встретиться с Соу-бесом, их сопровождающим и экспертом по этикету.

Из своего челнока они вышли прямо на предангарную бетонированную площадку. Гостям сказали, что их немедленно доставят во дворец, так что космопорт им проходить не придется. Оттуда, где они приземлились, этот космопорт отлично был виден, напоминая гигантский бледно-голубой тент.

На площадке людей ожидал повианин. Он стоял перед небольшим летательным аппаратом, который, судя по всему, должен был доставить их к месту назначения. Повианин направился к гостям, чтобы представиться, и из переговоров по видеосвязи они узнали Соу-беса.

Редер заметил, что Соу-бес держит свои педипальпы, выражая вторую степень уважения. Это означало высокую оценку индивида, которого повианин считал своим учеником, а стало быть, автоматически персоной с более низким статусом. Так что командера принимали со всеми должными почестями. Он ответил на приветствие с той же степенью уважения, что считалось соответствующим при встрече ученика с учителем. Однако Редер ясно сознавал, что, обращаясь с ним как с равным, Соу-бес оказывает ему любезность.

— Я знаю, что должен оставить это право за нашей доброй королевой,— сказал им Соу-бес,— но не могу не поприветствовать вас на нашей прекрасной планете и пригласить вас в дивный город Бржом.

— Благодарю вас, учитель,— откликнулся Питер.— Не сомневаюсь, что ее величество меньшего от вас и не ожидала. Мы с нетерпением ожидаем увидеть ваш город и познакомиться с планетой Нрзан.

— При всем уважении,— осторожно произнес Соу-бес,— обычаем является слегка наклонять голову, когда вы говорите о королеве.— И консультант наглядно это продемонстрировал, наклонив голову при слове «королева».

— Благодарю вас,— сказал Редер.— Мы непременно это запомним.

— Вы не станете возражать, если наши ученые кратко обследуют вас на предмет того, не представляете ли вы какой-то опасности для ее величества? — Обеими педипальпами Соу-бес указал на стоящее неподалеку компактное транспортное средство.

— Гм...— Ища поддержки, Редер оглянулся на своих спутников.

— Вполне разумно,— сказала Трюдо.— Это определенно соответствует земным таможенным и иммиграционным процедурам.

— Я не возражаю,— поддержала ее Сара, аккуратно удерживая руки в позиции второй степени уважения.

Остальные просто кивнули в знак согласия.

— У нас нет возражений,— радостно сказал Редер Соу-бесу.— Вы будете сопровождать нас, учитель?

— Да,— ответил Соу-бес. Что-то в его манере намекало на то, что общение с людьми станет подлинным испытанием для его тонкой и уязвимой натуры.— Нам потребуется проводить вместе как можно больше времени, чтобы вы смогли должны образом подготовиться к аудиенции.

Войдя в летательный аппарат, Редер озадаченно огляделся. Вдоль одной стены там тянулась довольно узкая и высокая скамья с целым рядом мягких вогнутых сидений странной конфигурации. Остальные вошли следом и тоже принялись переминаться с ноги на ногу, недоумевая, как этой мебелью пользоваться.

Соу-бес похлопал Редера по плечу, и коммандер отодвинулся в сторону, освобождая ему проход. Повианин расположился на одном из сидений и подался назад, явно обеспечивая полный комфорт для всех своих конечностей.

Тогда Редер подошел к скамье и осторожно взобрался на сиденье, точно на коня. Затем он стал подаваться вперед, пока его грудь не уперлась в верхний изгиб. Сара и все остальные последовали его примеру, улыбаясь тому, как по-дурацки они все при этом выглядят.

— Ну вот,— сказал Соу-бес.— Всем удобно?

«Черта с два»,— подумал Редер.

— Удобнее не бывает,— сказал он вслух.

Консультант дал знать пилоту, что все готовы. Дверцы плавно скользнули, закрываясь, и люди тут же почувствовали, что аппарат движется.

Оглядевшись, Питер с неудовольствием отметил полное отсутствие окон.

— Мы надеялись посмотреть на ваш прекрасный город,— сказал он.

— В дальнейшем для этого будет достаточно времени,— заверил его Соу-бес.— А прямо сейчас мы должны сосредоточиться на этикете. Вы совсем ничего не знаете. Так не годится.

— Однако ее величество,— сказал Редер, отвешивая аккуратный поклон при упоминании о королеве,— надо думать, непременно это поймет и даст нам небольшую поблажку?

— Она снимет вам голову, если вы ее оскорбите! — Соу-бес слегка сменил позу, выражая предельную серьезность.— Это ее право и право всех наших благородных дам.

— Распоряжаться жизнью и смертью? — пробормотал Питер.

— Целиком и полностью! — Соу-бес подался вперед.— А что означает «даст нам небольшую поблажку»?

— Это означает, что, учитывая наше полное и вполне понятное незнание вашей культуры и надлежащих форм повианского поведения, а также учитывая наше искреннее желание учиться и наше, надеюсь, очевидное, нежелание наносить любые оскорбления, ее величество может немного отпустить нам поводок... посмотреть сквозь пальцы...— Питер совсем запутался,— гм... дать место для маневра.

— Мы надеемся,— вмешалась Трюдо,— что ее величество будет снисходительна к нашим ошибкам. Давать кому-то поблажку означает проявлять снисходительность и терпение.

Повианин вопросительно наклонил голову.

— Откровенно говоря, я это понял из контекста,— признался он.— Но что в точности означают эти слова? Поблажка также означает либерализм. Но как можно давать либерализм?

Люди смущенно переглянулись. А в ухе у Питера Бартер уже излагал целую диссертацию по поводу этой фразы.

— В общем, это такая старая поговорка,— сказал наконец коммандер,— что ее первоначальный смысл давно утрачен. Подобно вам, учитель, мы извлекаем ее значение из контекста.

— А, понятно,— отозвался Соу-бес, удовлетворенно щелкая жвалами и хвостом.— У нас тоже есть подобные поговорки.

Консультант заметил, что люди буквально подскочили, когда он щелкнул хвостом. И что глаза у них стали круглыми.

— Это действие,— проинформировал их Соу-бес, еще раз щелкнув хвостом,— выражает удовлетворение. Аналогичным образом вы обнажаете костяные выступы вокруг ваших ротовых отверстий.

Люди закивали.

— Примите наши извинения, учитель,— сказал Редер.— Мы знаем, что вы не пытались намеренно причинить нам вред. Но мы опасаемся этого органа.— Он указал на хвост Соу-беса.— Мы не слишком хорошо защищены от непреднамеренного вреда, который он может нанести.

Соу-бес развернул свой хвост и сунул его кончик Питеру под нос.

— Он сухой, как вы можете видеть. Только когда мы испытываем гнев или ощущаем угрозу, отсюда выделяется кислота. Наши панцири могут серьезно от этой кислоты пострадать, так что нам приходится быть осторожными. Считается верхом вульгарности потерять контроль над этим важнейшим органом. А неосторожное повреждение чужого панциря расценивается как уголовное преступление.

Питер осторожно протянул руку, но Соу-бес убрал хвост обратно.

— Тем не менее, контакта лучше избегать. Ваше наружное покрытие выглядит слишком уж нежным.

Коммандер смущенно отдернул руку.

— Итак, как я уже сказал,— оживленно продолжил консультант,— это действие,— он щелкнул хвостом,— выражает удовлетворение. Судя по всему, ваш вид с той же самой целью меняет форму своего лица. Надеюсь, вы не примете это за оскорбление, когда я скажу, что на сжатие и растягивание ваших лиц...— тут Соу-бес сделал жест, обозначавший страдание,— очень тяжело смотреть,— закончил он.— Я подозреваю, что ее милостивое величество, которая безупречна во всем, будет слишком вежлива, чтобы об этом упомянуть. Посему я беру на себя тяжкую необходимость вас об этом просить. Пожалуйста, больше не двигайте вашими лицами, если только не возникнет крайняя необходимость. Как видите, наши лица совсем неподвижны.

Редер и его люди кивнули.

— Для нашего народа это означает выражения согласия,— пояснил коммандер.— Хотя так можно выражать и почтение.— Он помотал головой.— А это выражает отрицание.

— Ах, как замечательно! — откровенно обрадовался Соу-бес.— Значит, вы тоже можете сопровождать вашу речь движениями тела. Я очень этому рад. Это означает, что у нас гораздо больше общего, чем я надеялся.

Затем консультант принялся всерьез их обучать. Учеба продолжалась до самой посадки. Там к летательному аппарату подошли ученые, чтобы увести людей на осмотр.

Пилот прервал лекцию Соу-беса, объявив, что научный эскорт ожидает снаружи.

— Пожалуйста, оставайтесь с нами,— попросил Питер консультанта.— Исправляйте при необходимости наше поведение, чтобы избежать непонимания. И продолжайте ваш инструктаж, пока мы будем двигаться дальше.

— Как пожелаете,— отозвался Соу-бес и слегка наклонил голову.— Это означает согласие? — спросил он.

Редер кивнул, и повианин щелкнул хвостом.

У выхода их поджидала радушная комиссия из пяти повиан. Все ученые заранее выражали педипальпами вторую степень уважения.

— Все они старшие научные сотрудники,— сказал людям Соу-бес.— Вы должны предложить им вторую степень уважения в ответ.

Питер и его спутники так и сделали, после чего высадились из аппарата.

— А кому следует предлагать третью степень? — спросил Редер.

— Чьим-то ученикам, помощникам персон вашего статуса и в целом всем, кого вы не знаете и с кем общаетесь по торговым делам.

Люди обменялись приветствиями с учеными, в чьих манерах сквозило особенное почтение к присутствующим в отряде самкам, после чего каждый из повиан взял к себе на буксир одного человека, и все они направились к лабораторному комплексу.

Здание лабораторного комплекса было, несомненно, утилитарным, но при этом ничто из до сих пор виденного людьми не напоминало. Имея несколько этажей в вышину, оно, похоже, состояло из несущих конструкций, примерно как в улье, обернутых густой белой паутиной, точно дом с привидениями.

Как только люди вошли в здание, тут же произошел небольшой конфуз, когда грубые человеческие ноги повредили паутину.

— Должно быть, вы тяжелее, чем кажетесь,— прокомментировал один из старших научных сотрудников.

— Надо думать, все дело в том, что наш вес сосредоточен на малой площади,— сказала Сара.— Тогда как ваш распределен более равномерно.

— Во дворце могут возникнуть проблемы,— заметил Редер.— Нам бы не хотелось повредить апартаменты ее величества. Возможно, учитель, вы смогли бы заранее связаться с соответствующими работниками и попросить их устроить там какое-то экранирование?

Соу-бес явно погрузился в сомнения; люди поняли это по тому, как он на целую минуту застыл, решая, как быть с этим вопросом. Наконец консультант шевельнул педипальпами.

— Вот это...— он еще раз провел одной педипальпой поверх другой,— жест молчаливого согласия. Не мог бы кто-то из вас,— обратился он к ученым,— проводить меня к интеркому?

Редер понаблюдал, как он уходит, затем повернулся к своему отряду.

— Думаю, неплохо было бы взять на вооружение эту страницу из повианского учебника и неподвижно застывать всякий раз, как мы будем в чем-то сомневаться.

— Отличная мысль,— с серьезной миной согласилась Люрман.— Мне бы очень не хотелось случайно потереть себе нос, а потом узнать, что я объявила войну.

Люди заверили повианских ученых, что очень желают ответить на все вопросы, на какие только будут способны, а также

что допустят любой осмотр, который не потребует отбора проб их телесных жидкостей. Затем каждый из них сделал выдох в специальный контейнер после того, как Трюдо предупредила их о том, что туда, вместе с превосходными образчиками микробов по меньшей мере четырех планет, попадет часть их ДНК. Однако они отказались сдать пробы своих волос, которые просто заворожили повиан. Редер сказал научным сотрудникам, что это можно будет сделать не раньше, чем между людьми и повианами будет заключено какое-то соглашение.

Они сумели доказать ученым, что их простое присутствие не станет ядовитым для королевы, а затем оставили пытливых повиан с нетерпением ожидать будущих проб крови и тканей.

Наконец то же самое транспортное средство повезло их на аудиенцию во дворец.

Даже для человеческого глаза дворец находился в целом мире от грубой простоты лабораторного комплекса. Крыша в целом напоминала тент, как в космопорту, но здесь этот тент сиял снежной белизной под солнечным светом. Дворец был примерно той же высоты, что и лабораторное здание, но явно имел меньше этажей. По всему фасаду располагались окна, обрамленные паутиной, которая радовала глаз своей геометрически точной структурой. Главный дверной проход оказался очень высок, метров пяти, и так широк, что туда запросто могла пройти шеренга из десяти повиан.

— Есть здесь хотя бы одна дверь? — поинтересовался Марк Ли, историк.

— Нет,— ответил Соу-бес.— Мы используем силовые поля. В конце концов, все, что нам требуется не пускать внутрь, это непогоду и вредителей.

— Какие именно вредители вам досаждают? — спросила Сара.

— Небольшие всеядные животные, мелкие насекомые и тому подобное. А у вас нет с ними проблем?

— Есть,— сказал Редер.— Но мы предпочитаем использовать непроницаемые материалы, чтобы не пускать их внутрь. Таким образом мы бережем энергию.

— Но эти «непроницаемые материалы» становятся бесполезны, когда вы сами выходите из здания и отталкиваете их в сторону. Разве не так?

— Да, это недостаток,— признал Редер.

— Что же до сбережения энергии, то энергия для нас не проблема. А ваш источник энергии так слаб? — Голова Соу-беса наклонилась вперед, а подбородок втянулся.— Это положение указывает на скептицизм,— пояснил консультант.

— У нас есть превосходные источники энергии,— заверил его Редер.— Однако многие наши граждане считают, что они опасны и что их следует держать подальше от крупных населенных центров. Это нас ограничивает.

— У нас не было ни одной аварии на источнике энергии примерно с тех пор, как мы открыли прыжок,— сказал Соу-бес.— Возможно, это станет одной из тем, которые вы захотите обсудить, когда наши народы будут договариваться о торговле.

Питер кивнул, и инструктор откликнулся на этот жест движением своей головы.

— У нас есть немного времени, прежде чем дама сможет нас принять,— сказал Соу-бес.— Давайте пройдем на балкон и осмотрим город. Если у вас возникнут вопросы, я буду рад на них ответить.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и повел их вдоль фасада здания к его еще более длинной боковой стороне. Там выяснилось, что дворец построен на краю пропасти, и земля с того бока уходила вниз крутым трехсотметровым обрывом. Внизу лежал город Бржом, громадный комплекс соединенных между собой тоннелей и зданий, чью основу составляли порой непрозрачные ткани из паутины преимущественно голубого оттенка. Между зданиями располагались сады, украшенные роскошными цветочными клумбами и довольно колючими на вид деревьями — не иначе, каким-то древовидными кактусами.

«Если вкратце,— подумал Редер,— то все это капитально... другое. Чуждое. Хотя было бы удивительно, если бы повиане в точности следовали неовикторианской архитектуре».

Жители Бржома многими тысячами передвигались внизу, переходили мосты, причем зачастую вниз головой, пробирались по крышам и сновали по улицам. Услышав шумное дыхание Бартера, Редер от всей души понадеялся, что лингвист все же не потеряет контроль над собой.

Но как раз в этот момент откуда-то сверху с чем-то вроде шипящего йодля спрыгнул молодой повианин, проносясь в считанных сантиметрах от них. Даже Соу-бес вздрогнул. Бартер же дико завопил.

Повернув голову вбок, Редер пробормотал:

— Послушайте, мистер Бартер, вам следует держать себя в руках. Прямо сейчас вы нам нужны, а ваши вопли делу не помогают. Мы от них только глохнем.

Повернувшись обратно, он увидел, что Соу-бес с вопросительным наклоном головы внимательно на него смотрит.

— Нашего лингвиста,— стал объяснять коммандер,— с которым вы уже общались, поразило появление...— Редер махнул рукой в ту сторону, куда исчез молодой повианин.

— Меня оно тоже поразило,— признался учитель.— Но я не стал бы укорять молодых за то, что у них такой избыток энергии. Когда-то я и сам так прыгал.— Он щелкнул хвостом.

Сдерживая улыбку, Редер кивнул.

— Я очень надеялся,— продолжил Соу-бес,— лично встретиться с Роланом Бартером. Почему он не прибыл?

«Вот вопрос на засыпку,— подумал Питер.— Как ответить на него честно, не нанося оскорбления?»

— Мистер Бартер решил, что сможет оказать нам большую помощь, находясь на корабле, где у него есть доступ ко всем его записям относительно вашего языка,— вмешалась Сара.— Он автоматически будет узнавать о всех наших затруднениях и сразу же передавать нам необходимую информацию. Он также захотел остаться там, чтобы лично проследить за сбором данных, связанных с повианскими обычаями, а также с жестикуляцией и мимикой, которыми вы, учитель, так любезно нас обеспечиваете.

— Что ж, возможно, мне выпадет честь впоследствии с ним познакомиться,— тактично отозвался Соу-бес.— Еще меня заинтересовало, почему у мистера Ролана Бартера такое длинное имя. Быть может, какая часть этого имени — знак особого почета?

— Обращение «мистер» почетно для штатского самца,— объяснил Редер.— «Мисс» — для самки. На самом деле у нас как минимум двойное имя. Одна его часть — семейное имя, а все остальные — личные имена.

— Как интересно! — восхитился Соу-бес.— Я просто жажду узнать больше о вашей культуре.

— Прошу прощения, благородные люди.

Повернувшись, они обнаружили, что позади них стоит довольно рослый самец.

— Меня зовут Пет-мол. Я первый помощник дамы Систри, которая теперь желает вас видеть.

— Мне было сказано, что мы будем представлены ее величеству,— сказал коммандер, в нужном месте слегка наклонив голову.

— Дама Систри — королевская дочь,— объяснил Пет-мол.— Ее величество посетит эту первую встречу посредством видеосвязи.

— Разумеется,— согласился Питер. «Пожалуй, разумная мысль,— подумал он.— Могу поручиться, что мы бы проделали то же самое».— Мы прекрасно все понимаем. Пожалуйста, ведите нас к даме.

Пет-мол тут же изменил нейтральную позицию своих педипальп, выражая вторую степень уважения.

— Прошу вас сюда,— сказал он и повел их во дворец.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поверх пола из паутины повиане положили что-то вроде твердого пластика, и теперь человеческие ноги с глухим буханьем от него отскакивали. Им в такт тикали повианские когти.

«Как будто чечеточник еще и на тубе играет»,— подумал Редер.

Коммандер испытал краткий позыв устроить торжественный выход, который вообще-то подобал бы представителю человеческой цивилизации в присутствии глав единственного негуманоидного разумного вида, какой им до сих пор удалось обнаружить. Однако в голову Питеру пришло только два возможных варианта в этой связи, и оба дурацкие: либо устроить какое-то подобие снежного шоу, либо вползти как змея. Оба варианта он тут же отбросил.

Пет-мол повернулся к ним, когда они подошли к дверному проходу в личную залу для аудиенций дамы Систри. Тяжелая вуаль из паутины заволакивала проход, и разглядеть что-либо по ту ее сторону не удавалось.

— Я пойду вперед, чтобы объявить даме о вашем прибытии,— сказал повианин.— Пожалуйста, подождите здесь.

Питер и его отряд дружно кивнули. Пет-мол неуверенно повернулся к Соу-бесу, и эксперт по этикету откликнулся утвердительным жестом.

После того, как первый помощник скрылся за занавесом из паутины, Редер повернулся к Соу-бесу и сымитировал жест, который повианин продемонстрировал Пет-молу.

— Это означает «да»? — спросил коммандер.

Соу-бес кивнул, и Питер с трудом удержался от смеха.

— Будь у меня хвост,— сказал он,— я бы им щелкнул.

Тогда Соу-бес щелкнул своим.

— Похоже, чувство юмора нас тоже объединяет,— заключил консультант.— Безусловно, с такой превосходной основой наши народы не могут не подружиться.

Питер сделал жест для «да».

— Дама готова с вами увидеться,— сказал появившийся в проходе Пет-мол и оттянул в сторону занавес.

Редер и его отряд двинулись вперед на цыпочках, безуспешно стараясь удержать пластик от шумного резонирования.

«Вот тебе и впечатляющий выход,— подумал коммандер.— Мы смотримся так, словно всей компанией вознамерились эту даму по-тихому придушить. И ведь я сам всю эту кашу заварил. Шли бы лучше по паутине».

Затем он поднял голову и увидел даму Систри. В наушниках тут же послышались звуки, недвусмысленно намекающие на то, что Бартер вот-вот завопит как резаный. «Только завереши мне в ухо, профессор,— подумал Питер,— и я тебе такую корриду устрою, что ты меня, а не ее будешь бояться».

Дама оказалась огромной, гигантской, колоссальной и все такое прочее, в два с лишним раза превосходя по размеру самцов, которые ее сопровождали. Самцы были около полутора метров ростом, что позволяло даме запросто возвышаться над ними еще чуть ли не на два с половиной метра в высоту. Всего выходило почти четыре.

«А я-то решил, что входная дверь такая громадная просто для солидности»,— подумал Питер.

Дама покачивалась в огромном гамаке из паутины, что свисал с высокого потолка; самоцветы, очень похожие на бриллианты, сапфиры и изумруды, были вплетены в ткань этого гамака и поблескивали в неярком всенаправленном свете. За спиной у нее располагался большой экран, с которого людей разглядывала, похоже, не кто иная как королева.

Редер задумался, действительно ли королева настолько превосходила по размеру даму Систри, или это была просто иллюзия, созданная ее появлением на видео — какая-то часть непременного голографического этикета.

Коммандер и весь его отряд расположили руки соответственно первой степени уважения и учтиво склонили головы. Соу-бес уже сказал им, что человеческий поклон от талии выглядит просто чудовищно, ибо когда они принимали такое повианоподобное положение, ему вдруг начинало казаться, будто они разрезаны пополам, получив при этом третью ногу и лишившись почти всей грудной клетки.

Дама Систри протянула педипальпы к своим гостям. Этого грациозного жеста повиане обычно удостаивались как высочайшей милости. Однако в данном случае Систри предложила его, потому что ей хотелось узнать больше об этих чужаках. Получить ту информацию, которая с еще большей легкостью могла быть собрана путем прикосновения и обнюхивания, а также по-настоящему близкого осмотра. Их кожа, к примеру, и эти «волосы» необычайно интриговали даму, а ее матушка больше всего интересовалась их таким простыми на вид глазами.

Соу-бес замер как вкопанный, изумленный степенью снисхождения дамы Систри, так что Редер сразу же понял, что момент наступил исключительный. Он подошел, чтобы встать рядом с ложем, а затем, протянув руку, нежно коснулся хитиновых пальцев дамы.

— Что это? — певучим, колеблющимся голосом воскликнула Систри.

Ее огромная голова дернулась вперед, и Питер сделал все, от него зависящее, чтобы не отскочить назад от внезапности этого движения. Шок был такой, что его сердце вдруг забилось где-то в макушке. От Бартера коммандер ничего не услышал, а потому резонно предположил, что лингвист лишился чувств.

Систри глубоко вдохнула, и Редер тут же почувствовал, как воздух потек в ее сторону.

— Где вы повстречались с повианским ребенком? — настойчиво вопросила дама.— Вы,— она сделала жест в сторону Сары,— подойдите ближе.

Сара повиновалась. Подойдя к ложу, она склонила голову. Пряди ее рыжеватых волос порхали перед гигантским лицом дамы, пока Систри ее изучала.

— Это не наш клан,— сказала дама.— Но это совершенно определенно запах повианского ребенка.

— Ответьте,— вмешалась королева Тусси.— Где вы повстречались с этим ребенком?

— Мы догадывались, что он может быть молод,— сказал Редер,— но мы понятия не имели о том, что он еще ребенок. Ростом он не ниже нашего учителя.

— Подросток, судя по запаху,— подтвердила Систри.— Но он еще не достиг зрелости. Я также чую страх и, возможно...— Она опять понюхала.— Голод?

— Мы сделали все, что смогли, используя белковую пасту и жидкости,— заверил их Редер.— Но у нас нет ничего такого, что обычно является повианской пищей.

— Голодный, одинокий и напуганный. Вы приведете его ко мне,— сказала королева.

— Это дитя Нтагона,— заметил Редер.— И его, похоже, пугает мысль о контакте с Нрзаном.

— Он ребенок,— ответила Тусси.— Я введу его в наш клан.

— Он помогал нам изучать ваш язык,— вставила Сара.

— Соу-бес вам с этим поможет,— сказала ей королева.— Вы немедленно доставите ко мне этого ребенка,— твердо распорядилась она.— Когда я с ним поговорю, мы снова увидимся. А эта аудиенция закончена.

Экран опустел. То же самое произошло с лицом дамы Систри, которая неподвижно сидела в своем гамаке. Редер и Сара переглянулись.

Питер открыл было рот, чтобы заговорить, но Систри его перебила.

— Итак, аудиенция закончена,— сказала она.— Вы отправитесь на свой корабль и возьмете ребенка. Затем вы вернетесь сюда. Когда мы с королевой закончим разговор с ребенком, состоится новая аудиенция.

— Простите, дама,— быстро вставил Редер,— но я подумал, нельзя ли сделать так, чтобы ребенка сюда доставил еще один челнок? Это сэкономило бы время.

— Согласна,— отозвалась Систри.— Пет-мол, позаботьтесь об этом. Вы и ваш отряд можете подождать снаружи,— сказала она на прощание.— Мы позовем вас, когда закончим.

Люди склонили головы, затем скосили глаза на Соу-беса и стали пятиться, пока консультант не повернулся спиной к гигантской самке. Тогда они последовали его примеру и вышли из залы для аудиенций.

— Труон? — позвал Редер.

— Я здесь, сэр,— откликнулся старпом.

И он действительно был там; вместе с большинством других старших офицеров Труон Ле наблюдал за происходящим посредством того же канала, который использовал Бартер.

— Я уже распорядился,— сообщил Труон.

— Мой старший помощник уже этим занимается,— сказал Редер Соу-бесу.— Фа-коф должен прибыть через несколько минут.

— Как получилось, что больше никто не смог почуять запах этого подростка? — поинтересовалась Трюдо, с подозрительным прищуром глядя на эксперта по этикету.

— Наши дамы обладают усиленным обонянием,— ответил Соу-бес.— Правда у наших ученых есть приборы, которые могут фиксировать запах ребенка или другого клана. Однако мы понятия не имели о том, что на вас могут задержаться подобные запахи.— Консультант стал менять положение своего тела, пока не сделался почти квадратным.— Как получилось,— спросил он,— что вы не упомянули о присутствии на вашем корабле повианина? Не говоря уж о том, что это ребенок.

— Это дело имеет отношение к нам и Нтагону,— ответил Редер после секундной задумчивости.— Мы не хотели впутывать клан Нрзан в наши проблемы.

— Хороший ответ,— отозвался Соу-бес.— Так или иначе, я больше ничего не спрошу — это не в моей компетенции. Должны ли мы тем временем продолжать наши занятия?

— Сэр! — раздался из интеркома голос Труона Ле.

Редер поднял руку.

— В чем дело, Труон?

— Пожалуйста, подождите немного,— тихо сказала Сара их консультанту.— Коммандер получает сообщение.

— У нас тут проблема. Когда мы вошли в камеру повианина и сказали, что королева хочет его видеть, он совсем сбрендил. На стены бросается. Мы убрали из камеры раковину и туалет и накачали стены, чтобы он нанес себе как можно меньше повреждений, но он просто взбесился, сэр.

Редер какое-то время смотрел на Соу-беса, затем принял решение.

— Когда мои люди проинформировали подростка о том, что его везут на планету, чтобы познакомить с вашей королевой, он... запаниковал,— сообщил повианину коммандер.— Мы всерьез озабочены тем, как бы он себя не поранил. Нет ли какого-то мягкого способа погрузить его в бессознательное состояние, пока он не окажется здесь? Хотя, пожалуй, пусть бы он оставался таким и после того, как окажется здесь. Мы не хотим допустить того, чтобы он нанес ее величеству какое-то повреждение.

— Такого никогда не случится! — мгновенно откликнулся Соу-бес.— Ни один повианин ни из какого клана никогда не причинит вреда королеве.— Он слабо хлестнул хвостом.— К тому же вы видели разницу в размерах. Какой вред может причинить ребенок?

— Понятия не имею,— ответил коммандер.— Но мне бы не хотелось, чтобы он его все-таки причинил. Кроме того, мне бы

не хотелось, чтобы этот ребенок сам себя поранил. Как нам его успокоить?

Соу-бес на мгновение застыл, затем сказал:

— Передайте ему этот звук.— Эксперт по этикету начал испускать низкое и довольно приятное гудение, которое перемежалось щелчками его жвал.

— Вы это получаете? — спросил Редер у старпома.

— Так точно, сэр.— Мгновение спустя Труон сообщил: — Это поразительно! Повианин замедляет движения, вот он уже лежит на полу. По-моему, он спит, сэр!

— Продолжайте передавать этот звук, пока будете его транспортировать,— велел Питер.— Мы не хотим, чтобы он проснулся при перевозке.

В челноке у злобного и напуганного индивида была масса способов нанести вред себе и всем окружающим.

— Есть, сэр,— откликнулся Труон.— Он уже в пути.

— Он спит и уже в пути,— сообщил Редер отряду.— Благодарю вас, Соу-бес. Может статься, вы этому парнишке жизнь спасли.

— Это сущий пустяк,— с пренебрежительным жестом отозвался повианин.— За свою жизнь я уже взрастил множество детей. Порой они становятся перевозбужденными.

— А этот способ всегда работает? — поинтересовалась Люрман.

— О да,— заверил ее Соу-бес.— Поскольку мы одновременно взращиваем сотню детишек, нам требуется что-то стопроцентно эффективное. Однако порой приходится так часто это использовать, что эффект начинает пропадать. Разумеется, по достижении зрелости гудение полностью теряет силу. Что, пожалуй, и к лучшему.

— Ну и ну,— негромко подивилась Люрман.— Колыбельная, которая по-настоящему работает. Вот бы мои родители такую использовали, когда моя младшая сестренка родилась. А то ее никакими силами было не заткнуть.

— А у вас нет ничего такого, как это гудение? — спросил Соу-бес.— Как же вы с вашими детишками управляетесь?

— Мы совсем по-другому устроены,— ответила Сара.— И мы гораздо меньше детишек одновременно воспитываем.

— Я в высшей степени расстроена,— сказала Тусси, расхаживая по своей зале. Как только королева увидела, что чужаки вышли из залы для аудиенций, она тут же восстановила связь с дочерью.— Зачем им утаивать от нас подобную информацию?

— Этот ребенок голоден и напуган,— напомнила Систри своей матери.— Хвалиться в данном случае нечем.— Она помахала педипальпами в грациозном жесте, который указывал на недоумение.— Интересно, как им удалось его заполучить его на свое попечение?

— Сам ребенок нам об этом расскажет,— ответила Тусси.— Я лишь надеюсь, что сумею в достаточной мере успокоиться к тому времени, как он прибудет. Мне бы не хотелось еще больше напугать малыша.

— Он должен быть почти на грани зрелости, матушка,— напомнила ей Систри.— Уже не малыш.

— Но в достаточно нежном возрасте, моя дорогая. Неужели вы так скоро этот возраст забыли?

Систри покрутила головой и щелкнула хвостом. Нет, она не забыла. Хотя даме не очень хотелось, чтобы королева ей об этом напоминала.

— Хотела бы я знать про какие-нибудь из ваших проделок, матушка. Тогда мне в такие моменты было бы чем вам ответить.

— Какие проделки? Я всегда была идеальным образцом благопристойности. Я знала свое место и радовала свою матушку безупречным поведением.

— Ах, дорогая! — театрально произнесла Систри.— В моем пищеварительном мешочке что-то шевелится.

Тусси щелкнула жвалами.

— А ведь я достаточно часто повторяла вам, дочь моя, что пищу необходимо тщательно пережевывать.

Систри от всей души щелкнула и жвалами, и хвостом. Потом она на какое-то время затихла.

— Что мы будем делать, если люди похитили ребенка? — наконец спросила дама.

— Мы выясним, почему. Мы выясним все, что сможем.— Королева сделала паузу.— Их корабль поврежден и, по всей видимости, потребует серьезного ремонта, прежде чем они смогут вернуться в свою систему. Мы можем отказать им в этом ремонте, отказать им в посадке на поверхность кланового дома. Если они тогда решат отбыть, проблема исчезнет сама собой. Если они решат остаться... что ж, полагаю, нам придется их кормить.

— А если они решат остаться и начнут заводить собственный молодняк?

Тусси задрожала.

— Не слишком приятная мысль, дочь моя. Если такое случится, с их детьми придется обращаться по-другому. Если мы собираемся наказать их за жестокое обращение с ребенком, как мы тогда сможем оправдать жестокое обращение с их детьми? — Королева взмахнула педипальпами, словно избавляясь от чего-то мерзкого.— Все эти неприятности разожгли мой аппетит,— сказал она.— Я должна немного поесть, прежде чем прибудет ребенок.

— Следует ли мне покормить ребенка перед тем, как он увидится с вами, матушка? — спросила дама Систри.

— Нет. Я сама его покормлю. Так он скорее ко мне проникнется. Пусть ребенка доставят ко мне прямо из космопорта. Не

задерживайтесь, чтобы привести его в порядок, поговорить с ним или для чего-то еще. Я хочу, чтобы он немедленно был здесь.

— Понимаю вас, ваше величество,— отозвалась Систри, с официальным видом принимая приказ.

Пет-мол вошел в залу и, поклонившись своей даме, сообщил:

— Чужаки выслали челнок, ваше величество. Через пятьдесят станзисов он будет у космопорта.

— Прекрасно,— сказала Тусси.

— Чужаки также попросили позволения встретить челнок, когда он прибудет,— добавил Пет-мол.

— Зачем? — с подозрением спросила королева.

— Они сказали, что хотят убедиться, что ребенок прибыл в целости и сохранности.

Систри подалась вперед на своем ложе.

— Неужели под этим они могут подразумевать свои опасения на предмет того, что мы можем причинить ребенку какой-то вред? — напряженно спросила она.

— Не могу сказать, дама. Я подозреваю, что они желают получить утешение от встречи со представителями своего вида.

— Благородная мысль, Пет-мол,— сказала Тусси.— Она делает вам честь. Кроме того, это вполне может быть именно так. Полагаю, Бржом мог их немного ошеломить.

Систри щелкнула жвалами.

— Визитеры из других кланов об этом говорили,— согласилась она.

Королева немного помолчала, а затем призналась:

— Я бы очень хотела хорошо думать о наших гостях. Но в данный момент у меня это никак не получается.

— Вам следует перекусить, матушка, как вы сами и предложили.— Систри встала с ложа.— И мне также. Пусть чужаки встречаются со своими сородичами в космопорту — никакого вреда я в этом не вижу.— Дама пристально посмотрела на своего первого помощника.— За ними будут внимательно наблюдать, чтобы не произошло никакого обмена оружием или чего-то подобного. Не так ли, Пет-мол?

Первый помощник поклонился.

— Безусловно, моя дама.

— Тогда до свидания,— после задумчивой паузы сказала своей дочери королева.

— До свидания, матушка.

— Не смогли удержаться, мистер Труон? — спросил Редер у старпома. «На его месте я бы тоже не смог,— подумал он.— Мало того, я любыми средствами отыскал бы необходимость как можно скорее сюда попасть».

Труон Ле немного виновато улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Мы также привезли с собой еще немного воды и продуктов,— сообщил он коммандеру.— Поскольку мы не знали, сколько вы еще здесь пробудете.

— Как там Фа-коф? — спросил Питер, наблюдая за тем, как его люди спускают по трапу челнока плавучий поддон.

— Похоже, он спит, сэр. По крайней мере, насколько мы можем судить. Он дышит и лежит молча.— Труон Ле развел руками.— Впрочем, насколько мы понимаем, он с таким же успехом может быть в коме.

— Это было бы скверно,— заметил Редер. «Причем и для него, и для нас»,— мысленно добавил он.

Коммандер уже довольно давно не видел юного повианина, и тот произвел на него не слишком благоприятное впечатление. Причем не только потому, что он бесчувственной и бесформенной грудой расползся по никак не соответствующему его форме поддону. Панцирь Фа-кофа потускнел; местами от него даже отходили какие-то хлопья, и это совсем не радовало.

— Бедный ребенок,— пожалела повианина Сара и тут же, словно оправдываясь, взглянула на Редера.— Я знаю, что здесь не наша вина. Он по чистой случайности к нам попал. Но знать, что он еще только мальчик...— Она беспомощно махнула рукой.— Это просто ужасно.

— Из того, что нам рассказал инструктор,— вмешалась Трюдо,— у меня создалось впечатление, что присутствие на военном корабле такого юного повианина, как Фа-коф — вещь в высшей степени необычная. Мы случайно не знаем, была это простая случайность, кто-то вез с собой любимого сына или такова политика клана Нтагон?

Редер задумчиво нахмурился.

— Мистер Бартер? — произнес он.— Вы нас слушаете?

— Да, коммандер.

— Вот и хорошо. Вы Фа-кофа об этом не спрашивали? Насколько необычно для столь юного повианина находиться на военном корабле Нтагона?

— Мне никогда не приходило в голову специально задать этот вопрос, коммандер. Как вы, должно быть, помните, я только предполагал, что он достаточно молод. Но Фа-коф упорно отказывался отвечать на любые личные вопросы или на вопросы о его корабле и его товарищах. Он был очень скрытен. Я искренне сожалею, коммандер.

— Ничего-ничего, мистер Бартер, это не ваша вина. Я рад, что вы хоть какие-то вопросы задали. Теперь, если ее величество спросит, пытались ли мы что-то об этом ребенке выяснить, мы смело сможем сказать, что пытались. Как вы там?

— Лучше, чем я предполагал,— ответил лингвист.— Хотя я, гм, на несколько минут отключился,— смущенно добавил он.

— Я заметил.— Редер ухмыльнулся.— Не могу вас в этом винить. Я и сам не ожидал, что она будет такая большая.

— Да,— упавшим голосом отозвался Бартер.

— Хорошо, свяжемся позже,— закончил разговор Редер, и в голосе его прозвучало немалое сочувствие.— Славная работа, профессор. Продолжайте в том же духе.

К их небольшому отряду подошла повианская команда. Один из чужаков выступил вперед, выражая педипальпами очень вялую третью степень уважения, чуть ли не четвертую.

— Нас послали забрать подростка и доставить его к королеве,— сказал он.

Соу-бес неподвижно застыл от проявленного солдатом неуважения. Редер тоже это подметил и, вообще обойдясь без повианских любезностей, просто указал на плавучий поддон.

Солдат жестом велел своим спутникам подойти к поддону, и они расположились вокруг бесчувственной фигуры. Поддерживавшие поддон люди вопросительно посмотрели на Редера. Командер кивнул, и они отступили, оставляя свою ношу повианам.

— Теперь вам следует вернуться на ваш корабль,— сказал повианский начальник.— А вы,— обратился он к Редеру,— должны вернуться во дворец и ждать оглашения воли ее величества.

— Вы должны сказать мне свое имя,— ответил Редер,— чтобы я смог рассказать ее величеству о той любезности, с какой вы исполняли ваши обязанности.

Повианин застыл и только через битых полминуты произнес:

— Меня зовут Сель-по. Я мастер охоты королевской охраны. Она меня знает.

— Замечательно,— сказал коммандер, награждая повианина широченной ухмылкой. Затем он еще и бровями поиграл.— Я непременно ей расскажу.

В невольном жесте отвращения мастер охоты развел свои хелицеры и отступил на несколько шагов, после чего резко развернулся и поспешил за своими солдатами.

— По-моему, сэр, вы его капитально ошарашили,— радостно заметила Люрман.

— От всей души надеюсь,— отозвался Редер и помрачнел.— Хотя, если вдуматься, с моей стороны это было несправедливо. Ведь насколько ему известно, мы похитители и мучители детей.

Сара вздохнула, затем покачала головой и повернулась к Труону Ле.

— Так вы говорите, вы еду привезли? — спросила она у старпома.

— Да, конечно.— Он подал знак одному из своих людей, и тот, в темпе забравшись в челнок, вернулся оттуда с солидным контейнером.

— Я не знал, сколько вы еще здесь пробудете,— сказал Труон.— Так что я велел упаковать сюда обед, ужин и завтрак.

— Отлично! — обрадовался Ли, хватаясь за контейнер.— Я чертовски голоден.

— Вам лучше отправляться,— сказал Редер команде челнока.— Благодарю вас, Труон.

Старпом отдал честь, и коммандер ему ответил.

— Удачи, сэр.

— Спасибо, Труон. И вам того же.— «В конце концов,— подумал Питер,— моя удача — это ваша удача».

По пути обратно во дворец Соу-бес с интересом поглядывал на контейнер с едой.

— Я не нарушу приличий, коммандер, если поинтересуюсь, что именно едят люди?

— Не нарушите,— заверил повианина Питер. «Как мне ответить, не нанося оскорбления?» — задумался он.— Вообще-то мы, люди, всеядны. В отличие от повиан, мы постоянно включаем в свой рацион фрукты и овощи.

— А некоторые из нас,— добавила Трюдо,— едят исключительно фрукты и овощи.

Люди внимательно наблюдали за своим повианским учителем, пытаясь понять, как он все это воспринимает.

— Но мясо вы все же едите? — спросил Соу-бес.

— Д-да,— нерешительно ответил Редер.— Но... мы его готовим.

— Нам приходиться это делать,— вставила Сара.— Наши ротовые органы не слишком хорошо справляются с грубой пищей. И наши пищеварительные системы тоже.

— Мы хотим сказать,— рубанул Марк Ли,— что живой добычи мы не едим.

— Ах,— только и произнес повианин, после чего на какое-то время замолк.

«Ах? — задумался Питер.— В смысле «ах, какой ужас» или в смысле «ах, я так и предполагал»?

— Так вы знаете, что мы едим нашу пищу живьем? — спросил учитель.

— Да,— сказал Редер.— Могу я быть откровенным?

Соу-бес любезным жестом предложил ему продолжать.

— Мы находим это манеру чудовищно неприятной. И мы предположили, что наши способы принятия пищи могут показаться вам в равной мере неприятными. Пожалуй, будет лучше, если мы не станем есть в присутствии друг друга. Вам так не кажется?

Повианин сделал неопределенный жест.

— Я не дипломат,— сказал он.— И вы, как я подозреваю, тоже.— Редер и все остальные дружно хлопнули в ладоши, что, как они условились с консультантом, должно было заменять улыбки и смех, и постарались не менять выражений лиц.— Однако я постараюсь найти какой-то деликатный способ передать эту информацию ее величеству и даме Систри. Им определенно следует это знать.

— Соу-бес,— обратился к повианину Редер.— Я должен вам сказать, что клан Нтагон вел с нами войну, составляя союз с человеческими врагами Космического Отряда. Что произойдет, если дитя Нтагона расскажет о нас королеве какую-либо неправду? Что, если Фа-коф скажет, что мы намеренно его пытали?

— Он не станет лгать королеве,— заверил их Соу-бес.

— Откуда вы знаете? — спросила Люрман.— Он вполне может решить, что это его долг по отношению к Нтагону.

— Если бы его допрашивал мастер охоты, солдат или я, он смог бы это сделать. Но он не сможет солгать королеве. Ее величество уже сказала, что примет его в клан Нрзан. Он просто будет неспособен ей солгать.

Люди переглянулись.

— А как именно это работает? — поинтересовался Редер.

— Как именно? — переспросил Соу-бес.— Я не знаю. Это не моя сфера компетенции. Но наши самки способны выделять гормоны, которые вызывают в нас, самцах, эмоциональные изменения. Эти гормоны также меняют наше поведение.

— Даже против вашей воли? — спросила Люрман.

— Воля уходит в первую очередь,— со щелчком заверил их Соу-бес.— Есть ли здесь какой-то человеческий эквивалент? Ваши самки так не могут?

— Гм... пожалуй, что могут,— ответил Редер.— Но это вроде как общее и не находится под чьим-то контролем.— Тут он покосился на Сару, а та ласково ему улыбнулась.

— Вам следует позволить Пет-молу заглянуть в эту коробку,— сказал учитель.— Уверен, ему захочется. Если вы сами предложите, это будет любезно.

«Пожалуй, мне следует воспринять это как приказ королевы,— подумал Редер.— В какой бы любезной форме он ни был преподнесен».

— Так мы и сделаем,— кивнул коммандер.

— Надеюсь, на это много времени не уйдет? — спросил Ли.— Я чертовски проголодался.

Ребенок доел последний кровоточащий ломоть мяса, и Тусси стала его баюкать, пока он не заснул. Затем, устроившись на своем ложе, королева просто понаблюдала, как он дышит. После солидной закуски и активного утешения ребенок уже выглядел намного лучше. Его цвет медленно менялся с красного на голубой, а прямо сейчас принял фиолетовый оттенок. В своем роде довольно симпатичный.

Через несколько минут королева встала и тихонько вышла из залы. Малыш Фа-коф дал ей массу пищи для размышлений. И все это было так ужасно. Тусси даже говорить об этом не хотелось, но она прекрасно понимала, что очень скоро только об

этом и будет говорить и только об этом и будет слушать. Поэтому теперь королева удалилась в свои покои, решив дать себе последний час отдыха. По пути она велела Ху-сею, своему первому помощнику, присмотреть за ребенком, чтобы тот не проснулся один в незнакомом месте. Последнее время бедному маленькому воину слишком часто приходилось так просыпаться.

Оставшись одна в своих покоях, Тусси горестно свернулась клубочком, пытаясь припомнить, каким был мир до ее разговора с ребенком из Нтагона.

— И, разумеется, считается любезным восхвалять товары, приобретенные после того, как торговля закончена. Однако предлагать поторговаться следует только уличным продавцам.

— Тем не менее,— тактично заметила Трюдо,— при выработке торгового соглашения, безусловно, происходит масса торговли.

— Да,— щелкнув жвалами, согласился Соу-бес.— Но тогда это уже называется переговорами.

Люди дружно хлопнули в ладоши, выражая искреннее удовольствие.

«После стольких часов практики,— подумал Редер,— мы все уже здорово с этими «внелицевыми проявлениями своих чувств» насобачились». А часов и впрямь прошло немало.

Редер немного приподнялся.

— Вы не устали? — спросил он у повианина.

Остановленный в самом разгаре разъяснения этикета Нрзана относительно переговоров, Соу-бес несколько секунд в замешательстве глазел на коммандера.

— Я? Устал? — переспросил повианин.— Я наслаждался вашей компанией.— Он сделал широкий жест педипальпой.— Или я выгляжу...?

— Честно говоря, учитель, вы выглядите так, как будто готовы продолжать до завтрашнего утра без малейшего перерыва. Неужели повиане никогда не устают? — Редер поднялся с того места, где он сидел спиной к стене и сложил руки на груди.

Соу-бес оглядел людей, затем посмотрел на Редера.

— Да, я устал. Мне нисколько не скучно, но я немного устал.

— А вы проголодались? — спросил коммандер.

— Пожалуй, проголодался.

— Тогда, быть может, вы пойдете и чего-нибудь перекусите? — предложил Питер.

— Мне будет неловко, что вы здесь одни и голодные, тогда как я ем,— сказал Соу-бес, снова их всех оглядывая.— Я лучше пойду и спрошу, где вас можно будет пристроить на ночь. Безусловно, не предполагается, что вы будете спать в коридоре.— И он двинулся по коридору к приемной.— Я скоро вернусь,— сказал повианин через плечо.

— Спасибо вам, коммандер,— сказал Марк Ли.— Я уже до смерти изголодался.

— Мне показалось, Соу-бесу понравилось то, как вы это сделали, сэр,— заметила Трюдо.— Ничего прямолинейного, все очень вежливо, и в то же время совершенно понятно. Думаю, мы все сегодня усвоили массу полезного.

— Благодарю вас, Трюдо,— сказал Питер.— Чего бы мне на самом деле хотелось, так это выяснить, что происходит.

— Что ж,— откликнулась Сара,— если Соу-бес сказал нам правду, и ребенок действительно не сможет солгать королеве...

— Это очень большое «если»,— прервал ее коммандер.

— Допустим. Но если это правда, тогда королева уже знает, что мы не похищали Фа-кофа, а также умышленно его не мучили. Скорее всего, они очень быстро это выяснили,— сказала она.— По тому, как эти две самки себя вели, я уверена, что это первое, о чем они его спросили.

— К чему вы клоните, капитан-лейтенант? — спросила Трюдо.

— Она клонит к тому,— пояснил Редер, присаживаясь к стене рядом с Сарой,— что за последние несколько часов Фа-коф должен был наполнить их уши проделками клана Нтагон за последние несколько лет. И я сомневаюсь, что это были очень приятные и утешительные слушания.— Он встал и снова взялся расхаживать по коридору.— Все это, понятное дело, зависит от нравов клана Нрзан.

— Мне кажется, они очень милые,— с надеждой сказала Люрман.— Даже когда мастер охоты был с нами груб, он был груб потому, что он здесь вроде как уважаем. Вы так не думаете? — спросила она у Сары.

— До сих пор мы побывали только в космопорту и здесь,— ответила Сара.— А разговаривали только с Соу-бесом и самую малость — с мастером охоты того корабля, который нас сюда эскортировал.— Она покачала головой.— Этого слишком мало для того, чтобы определить характер всего народа.

— Но мы собираемся попросить их сделать то, что основывается на представлении о характере очень малого числа людей,— заметил Редер.— Это несправедливо и, скорее всего, нереалистично. Однако я надеюсь, что они решат нам довериться.

Соу-бес спешил к ним по коридору.

— Сейчас вас придут проводить в присутствие самой королевы,— сообщил он, заметно нервничая.

— А нельзя ли нам сначала поесть? — жалобно спросил Ли.

— Нет времени,— ответил учитель.— Ваш эскорт уже в пути, а покои королевы расположены в другом конце дворца. Потребуется немало времени, чтобы туда добраться.

Небольшая группа из шести охранников вышла из-за угла коридора и неподвижно застыла перед людьми.

— Королева требует вашего присутствия,— объявил их начальник.

Редер не был уверен, но ему показалось, что он узнал своего знакомца из космопорта. На сей раз, впрочем, повианин вел себя

более любезно, выражая педипальпами абсолютно четкую третью степень уважения. «Хотя,— подумал Питер,— может статься, он только в стенах дворца такой вежливый».

— Ну что, дамы и господа,— сказал коммандер.— Надо идти.

Несмотря на инструкцию Соу-беса не кланяться по причине того, как это выглядит в повианских глазах, Редер невольно поклонился королеве Тусси. Кроме этого ему оставалось только пасть ниц. Королева действительно была еще больше дамы Систри, каким бы невероятным это ни казалось. Коммандер вдруг обнаружил, что борется с атавистическим ужасом, который вполне вписался бы в худшие из кошмаров Бартера.

Внезапно он почувствовал, что Сара взяла его за руку, выпрямился и посмотрел королеве прямо в глаза. «Молчи,— напомнил себе Питер.— Королевская особа всегда говорит первой — или все молчат».

— Из того, что рассказывает мне Фа-коф, очевидно, что его захват и последующее тюремное заключение на вашем корабле были чистейшей случайностью.

— Это правда, ваше величество,— подтвердил Редер. Сердце его так колотилось, что коммандер почти видел, как это проглядывает под его форменным кителем.

— Фа-коф также сообщает мне о том, что ваши люди заботились о нем, как могли. Он говорит, что вы, люди, не употребляете живую пищу.

— Это так, ваше величество.

— Что вам известно о делах клана Нтагон? — спросила королева.

— Очень мало, ваше величество. Они стали союзниками наших врагов из человеческого рода, но у нет нет никакого представления о том, как они этот союз заключили. Мы также не знаем, зачем они это сделали.

— Как вам все-таки кажется, зачем они заключили этот союз? — спросила Тусси с горестными нотками в ровном, певучем голосе.

Люди переглянулись. «Мне кажется, они его ради антиводорода заключили,— подумал Питер.— Я только не знаю, стоит ли мне этим с тобой делиться».

Трюдо подалась вперед и прошептала ему на ухо:

— Она знает. Иначе бы так напрямую не спросила.

«Верно,— подумал Питер, припоминая свой успех с отправкой Соу-беса на расспросы по поводу их еды и крова.— Я никакой не дипломат и должен бы это понимать».

— Ваше величество, наши враги обладают редким и замечательным природным ресурсом, который необходим Содружеству для того, чтобы выжить. Однако мокаки, наши враги, не хотят

сами пользоваться этим веществом и не хотят делиться им с нами. Надежда их такова, что если они откажут нам в его использовании, большая часть человечества умрет или снова впадет в варварство.

Королева застыла в неподвижности, все это обдумывая.

— Похоже на то,— сказала она наконец,— что Нтагон нашел себе идеальных союзников. Существ, таких же безумных, жестоких и развращенных, как и они сами. Я не стану спрашивать, почему эти люди хотят, чтобы все человечество вымерло. Клана Нрзан это не касается. Нтагон никогда не говорил людям, что здесь есть другие кланы, не так ли?

— Я не могу определенно на это ответить, ваше величество,— сказал Редер.— Они могли рассказать нашим врагам. Хотя, учитывая натуру мокаков, это маловероятно.

Королева подалась вперед, и ее громадное лицо оказалось на одном уровне с лицом Питера.

— Правда ли,— спросила она,— что некоторые представители клана Нтагон казнили человеческих пленников путем поедания?

Редер вдруг понял, что сдерживает дыхание. Странным образом, хотя на висцеральном уровне внешность королевы по-прежнему его страшила, он не чувствовал, что она ему угрожает.

— Да, ваше величество, это правда. Я видел видеозаписи подобных казней.

Словно бы испустив потрясенный выдох, Тусси резко развернулась и пулей вылетела из залы. Питер так и остался стоять, изумленно моргая.

«И что дальше? — недоумевал он.— Не войдут ли сейчас охранники и не поструганют ли нас на бефстроганов?»

Соу-бес медленно осел на пол небольшой грудой конечностей и суставов.

— С вами все хорошо? — спросила его Сара. Осторожно приблизившись к повианину, она присела на корточки у его головы.— Соу-бес?

— Разумные существа,— слабо выговорил эксперт по этикету. Голос его скрипел, точно дверная петля.— Как они могли?

Люди, за многие века привыкшие к негуманному отношению человека к человеку, переглянулись и ничего не сказали.

— Так с вами все будет хорошо? — спросил Редер, присаживаясь на корточки рядом с Сарой.— Быть может, позвать за помощью?

Все хитиновое тело повианина содрогнулось, и он с трудом поднялся на свои когтистые лапки.

— От таких чудовищный вещей ничто не может помочь,— сказал учитель.— Как бы я хотел, чтобы знания об этом не было в моей голове.— Он помотал головой, словно желая изгнать оттуда нежеланные образы.

Ху-сей вошел и обратился к людям.

— Ее величество слишком утомлена, чтобы продолжать данную аудиенцию. Она просит вас воспользоваться на эту ночь нашим гостеприимством, а утром обсуждение можно будет возобновить.

— Благодарю вас,— откликнулся Редер.— Мы почтем за честь воспользоваться гостеприимством ее величества.

— Тогда я вас покину,— с трудом произнес Соу-бес, чье тело все еще сотрясали спазмы.— Я хотел бы остаться наедине.

— Они очень расстроены,— заметил Марк Ли, когда они остались одни в специально приготовленном для них помещении.

Редер оглядел груды паутины, заглянул во что-то вроде туалета, а затем стал крутить головой в поисках заветного контейнера.

— Кто-нибудь видит нашу еду? — спросил он.

— Вот она,— сказала Сара.

Присев за одним из пышных комов паутины, она с улыбкой приподняла коробку.

— Кто здесь голоден? — спросила капитан-лейтенант.

— Сэр,— сказал Ли, кладя руку на плечо коммандеру.

— Что такое?

— Сэр, они и впрямь очень расстроены в связи с этим поеданием пленников,— сказал историк.— Не может ли получиться так, что они захотят эти знания как-то стереть?

Редер на мгновение закрыл глаза. А потом открыл и внимательно посмотрел на Ли.

— Я понял ваш вопрос,— сказал коммандер.— И знаю, что в истории человеческого общества есть определенные свидетельства попыток устранить скверные новости посредством устранения всех тех, кому они стали известны. Тем не менее, учитывая все предыдущее поведение повиан клана Нрзан, я не думаю, что нам есть, о чем беспокоиться.— «По крайней мере, на данный момент»,— мысленно добавил он.

— Что будет, то будет,— резонно заметила Трюдо.— Говоря откровенно, мы все равно у них в руках, и ничего с этим поделать не можем. Мы ничего не могли бы поделать, даже находясь на борту «Непобедимого» — если вспомнить поврежденные моторы и нехватку горючего.

— Учитывая все вышесказанное,— заключила Люрман, засовывая руку в коробку и выуживая оттуда бутерброд,— мы можем с таким же успехом поесть. Лично мне...

— Чертовски жрать хочется,— перебил ее Ли. Ловко выхватив у астронавигатора бутерброд, он оттяпал от него здоровенный кусок, а затем с набитым ртом промычал: — Если я пойду в расход, то по крайней мере с полным желудком.

— Может, понаблюдать за ним, чтобы чего не случилось? — спросила Сара, с сомнением поднимая бровь.

— К черту,— буркнул Питер.— Я сам до смерти изголодался.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дама Систри с неохотой проснулась, откликаясь на беспрерывный трезвон интеркома.

— Свет,— приказала она, и свет в ее покоях стал постепенно набирать яркость.— Стоп,— сказала Систри, когда он стал достаточно ярким, чтобы видеть, и в то же время остался достаточно мутным, чтобы ее желание продолжать свой ночной отдых сделалось очевидным для звонящего. Затем дама нажала на клавишу рядом со своим ложем.— Слушаю,— резко произнесла она.

— Нам нужно срочно поговорить, дама Систри,— сказала с экрана ее мать.— Проснитесь и позвоните мне в ответ.

Экран потемнел.

Систри подняла голову, и все паутинки сна мгновенно рассеялись. Никогда голос ее матери не звучал так расстроенно — даже при землетрясении, пожаре, набеге и эпидемии.

— Свет,— снова произнесла она, и на сей раз позволила ему набрать дневную яркость.

Затем дама набрала на интеркоме код королевы.

— Систри,— сказала ее мать так, словно связь и не прерывалась.— У нас проблема.

— С чужаками? — спросила дама.

— Нет. Точнее, они часть этой проблемы, но, скорее всего, не ее причина.

— Тогда это связано с тем фактом, что Нтагон их преследовал,— заключила Систри. Она каждый день ожидала услышать от представителя Нтагона жалобы по поводу того краткого и безобразного сражения, которое привело людей на орбиту Нрзана.

При упоминании названия клана Тусси застыла; затем ее хелицеры медленно-медленно разошлись, демонстрируя предельное отвращение.

Страшная тревога шевелилась в мозгу у Систри, пока она наблюдала за королевой. Из всех причин, почему ее мать должна была позвонить ей во мраке ночи, ненависть к клану Нтагон была последней, которая пришла бы ей в голову.

— Почему? — настойчиво спросила дама.

— Я не хочу вам говорить,— сказала ее мать.— И сама не хотела бы об этом знать.— Королева в ужасе и отчаянии покачала головой.— Мы должны созвать совет королев,— сказала она.— Немедленно! — Резким хватательным жестом Тусси подчеркнула неотложность этой меры.

— Какое объяснение я должна представить? — резонно осведомилась Систри.

— Причина этому столь ужасна, что я хочу лишь раз ее изложить перед всеми. У меня есть свидетель преступлений столь злых, что я не могу назвать их никак иначе. Нтагон должен быть остановлен.— Королева ненадолго посмотрела на свою дочь, буквально вибрируя от бурных эмоций.— Вы позаботитесь для меня об этом, дочь моя?

Это была просьба, откровенная и простая, а не приказ. Состояние ее матери тревожило Систри, поскольку королева совершенно очевидно не могла скрыть своих чувств. Безусловно, Тусси не могла связываться с другими королевами в таком виде — она вся дрожала, а ее хитин почти посерел от шока. Потеря престижа была бы слишком велика.

— Конечно, матушка, я это сделаю. Насколько неотложным мне это назвать?

— Абсолютно неотложным. От этого могут зависеть жизни. Повианские жизни, жизни детей. Я позабочусь о всех необходимых приготовлениях, если вы, дочь моя, тем временем поговорите с королевами. Начинайте немедленно, нельзя терять ни секунды.— И королева разъединила связь.

Глядя на пустой экран, дама медленно выпускала из себя воздух, пока не начала хрипеть. Тогда она выпрямилась и позвала Пет-мола. Ей очень не хотелось прерывать его отдых, но одной ей со всем этим было не справиться.

Редер и его люди вошли в высочайшее присутствие королевы Тусси, имея откровенно неряшливый вид. Их одежда, хотя и не особенно скомканная, была далеко не свежей. Волосы их были непричесанными, а мужчины к тому же щеголяли небритыми физиономиями.

— Хорошо ли вы отдохнули? — первым делом осведомилась у них Тусси.

Даже в безумно расстроенном состоянии королева смогла заметить, что люди этим утром выглядят совершенно иначе. Будь она уверена, что несет ответственность за постоянное ухудшение их здоровья, это бы еще сильнее ее огорчило. Повиане решительно ничего не знали об этих существах, а после всего одной ночи, проведенной на Нрзане, люди явно изменились и при этом никак не в лучшую сторону.

— Очень хорошо, ваше величество,— ответил Редер, слегка наклоняя голову.— Благодарю вас, что спросили.

На самом деле отдохнули они очень скверно. Если очевидного расстройства королевы было недостаточно, чтобы обеспечить им бессонницу на всю ночь, этому сильно поспособствовали совершенно непригодные для нормального человеческого сна «посте-

ли». Люди попросту прилипли к заманчивым на вид охапкам паутины, разложенным там радушными хозяевами в их очевидной попытке устлать пол каким-то подобием подушек.

Бедняга Марк Ли так запутался, что потребовались добрые полчаса, чтобы его освободить. Затем потребовалось еще очень долгое время на то, чтобы отодрать куски паутины от своих волос и одежды. Там, где эта пакость пристала к коже, она, даже после основательной чистки, оставила смутно липкое ощущение. В конце концов люди заснули прямо на голом пластике, разложенном там хозяевами.

Трюдо поспала больше всех; остальным членам отряда, пока они бессонно ворочались и метались, это стало ясно по тому, как она беспрерывно цитировала во сне фрагменты уголовного кодекса. Утреннее заявление Марион о том, что она почти не спала, было встречено, как ей показалось, с поразительным бессердечием.

Питер было решил, что он в ответ должен спросить королеву о том, хорошо ли она отдохнула, но тут он вспомнил, что Соубес предупреждал их не задавать личных вопросов. Так что коммандер просто стоял, стараясь не двигать ни одной лицевой мышцей и при этом выглядеть мило. «Смотримся мы, наверное, как черт знает что,— подумал он.— Хотя ее величество, похоже, не лучше». Даже несмотря на нехватку опыта в определении различий отдельных повиан, Питер чувствовал, что Тусси переменилась. Этим утром она казалась как-то старше, тусклее.

— Юный Фа-коф дал нам много пищи для размышлений,— наконец произнесла королева.— Однако его доклад о людях и об их обращении с ним приводит меня к мысли о том, что вы... достойный народ.

— Благодарю вас, ваше величество,— сказал Редер и снова наклонил голову.

— Я так понимаю, что ваш корабль получил серьезные повреждения, коммандер. Мы пошлем рабочих и инженеров, чтобы помочь вам с ремонтом,— пообещала Тусси.— Работа будет проделана в благодарность за вашу помощь новому члену нашего клана. Возможно, когда работа будет уже на ходу, и у вас появится некоторый досуг, мы сможем поговорить о торговле и прочих подобных предметах.

— Благодарю вас, ваше величество.— Еще один наклон головы. «Меня как будто по замкнутому циклу запрограммировали,— подумал Питер.— Сплошная вежливость и галантность. Неужели дипломатам приходится так все время себя вести? Как у них это получается?»

— Теперь вы, безусловно, пожелаете вернуться на свой корабль, чтобы подготовиться,— продолжила королева.— Мой второй помощник, Ист-дас, будет вам помогать. Если у вас возникнут любые вопросы или затруднения, пожалуйста, сразу же связывайтесь с ним.

«Еще разок»,— подумал Питер.

— Благодарю вас, ваше величество.

В ответ на завершающий взмах королевских педипальп Редер и его люди стали пятиться. Отсчитав десять шагов, коммандер развернулся и повел всех прочь из залы, надеясь, что какой-нибудь повианский придворный поймает их в коридоре и направит, куда следует.

«Такое ощущение, как будто я сам в себя играю,— слегка брюзгливо от недовольства собой подумал Питер.— Но я не дипломат, и я это знаю. «Благодарю вас», по крайней мере, самое безопасное из всего, что можно придумать».

У выхода из залы для аудиенций их поджидал Соу-бес.

— Сожалею, что не смог быть в вашем распоряжении сегодня утром,— сказал он, внимательно их оглядывая.— Для ее величества в высшей степени необычно давать аудиенцию в столь ранний час.

«Охотно верю,— подумал Редер.— Солнце всего час, как встало. Как говорится, еще роса на паутине не просохла».

— Будете ли вы по-прежнему появляться у нас на корабле, чтобы помогать с изучением языка?— спросил у него Редер.

— Да, если вы мне это позволите,— с грациозным жестом откликнулся повианин.

К этому моменту Редер уже основательно подозревал, что в дополнение к своей квалификации эксперта по этикету Соу-бес является еще и агентом секретной службы.

«Тем не менее, знакомый шпион лучше незнакомого»,— подумал Питер.

— Вы будете желанным гостем,— сказал повианину коммандер.— Хотя мне прямо сейчас следует вас предупредить...— Питер перевел дух. «Черт, до чего же мне не хотелось об этом начинать»,— подумал он.— Дело в том, что наш лингвист, мистер Ролан Бартер...— Прикусив нижнюю губу, коммандер задумался, как бы ему получше это сформулировать.

— Находит повианскую форму тела очень сильно его расстраивающей,— вмешалась Сара.— Это иррациональная реакция. Он сам это признает, но, судя по всему, совсем ничего не может с этим поделать. Тем не менее, некоторое улучшение у него, по моему мнению, уже наблюдается.

«Да? — подумал Питер.— И на чем это мнение основано? На благих пожеланиях?»

— Это должно сильно затруднять его работу,— дипломатично заметил Соу-бес.— Учитывая, что большая часть контекста наших высказываний присутствует в нашей жестикуляции и мимике.

— Он сразу это подметил,— заверил повианина Редер.— Мистер Бартер один из лучших лингвистов Содружества.

Соу-бес щелкнул жвалами.

— Тем не менее...— начал он.

— Тем не менее, он не захочет реально находиться в одном с вами помещении,— с сожалением сказал Питер.

— Спасибо, коммандер,— выдохнул ему в ухо Бартер.

— Быть может, пойдем? — предложил Редер, потирая ладони.— Вам нужно что-нибудь с собой захватить? Справочники, читающее устройство, личные вещи, что-то еще?

— Я уже распорядился о том, чтобы все необходимые мне вещи упаковали и отправили в космопорт,— сказал Соу-бес.

«Шпион»,— с уверенностью сказал себе Редер.

— А как насчет еды? — спросил он вслух.

— Ах. Этого я не упаковал.— Повианин огляделся.— Но здесь есть второй помощник королевы.

Ист-дас оказался тоньше их учителя и чуть голубее по цвету. Педипальпы придворного приветствовали людей второй степенью уважения.

— Я уже подготовил транспорт для вас и вашего отряда до космопорта, коммандер,— сообщил повианин, вручая Питеру какое-то небольшое устройство.— Если вы нажмете вот этот голубой квадратик, я немедленно узнаю о том, что вам нужна моя помощь.

— Благодарю вас, вы очень добры,— отозвался Редер.— Собственно говоря, мне уже сейчас требуется определенная помощь. Наш инструктор отправляется с нами, а значит, нам понадобятся повианские продукты питания и, возможно, кто-то, кто будет их готовить.— «Хотя я понятия не имею,— подумал Питер,— какое приготовление может требоваться, если ты ешь свою пищу сырой, прямо с пухом и перьями».

— Безусловно, коммандер. Об этом уже позаботились.

Ист-дас поднял педипальпу, и словно бы прямо из стены вдруг появился эскорт.

— Если вам что-то понадобится, вам стоит только меня позвать,— сказал повианин.— Всего хорошего.

— Благодарю вас,— сказал Питер и тут же подумал: «Нет, точно замкнутый цикл».— До свидания.

Как только они остались наедине с Соу-бесом в повианском транспортном средстве, Редер произнес:

— Мистер Труон?

— Слушаю вас, сэр.

— Нам, судя по всему, понадобится отдельное жилье на двоих,— сказал коммандер.— И одна из герметичных лабораторий для хранения запаса провизии нашего повианского гостя.

— Есть, сэр.

— И еще в девять ноль-ноль я хотел бы созвать совещание офицерского личного состава, чтобы обсудить необходимый ремонт.

— Я немедленно всех оповещу, сэр.

— Благодарю вас, мистер Труон.— «Ну вот, пожалуйста,— подумал Питер.— Нет, не собираюсь я всю оставшуюся жизнь

всех без конца благодарить. Я сказал, что «хотел бы» созвать совещание? Похоже, это подразумевает, что здесь есть выбор. Такой вариант слишком примиренческий и для военного никак не годится. Когда я вернусь на «Непобедимый», я, черт побери, начну отдавать приказы и перестану благодарить людей за то, что они их выполняют. Тогда все опять встанет с головы на ноги».

— Матушка?

— Что, Систри? — Тусси включила экран, чтобы видеть свою дочь.— Какие новости?

— Королевы уже в пути. Вы об этом не сказали, но, как я рассудила, вам бы не хотелось, чтобы я приглашала королеву клана Нтагон.

— Никогда! — сказала Тусси.— Именно о Мигерис мне и необходимо с ними поговорить. Когда придет время, мы дадим ей шанс высказаться.— Королева погладила свой пищеварительный мешочек, словно желая его успокоить.— Благодарю вас, дочь моя, вы превосходно справились.— Она щелкнула жвалами.— И я знаю, чего это вам стоило. Собрать наших сестер вместе — колоссальное предприятие.

Систри щелкнула хвостом.

— Из-за этого наши помощники целыми днями будут на нижних лапках скакать,— согласилась она. Затем последовала пауза, и Систри стала просто наблюдать, как ее мать расхаживает по зале.— Не скажете ли вы мне теперь, матушка, в чем здесь дело? — спросила она.— Это поможет вам упорядочить ваши мысли. Я могу задать вопросы, которые вполне могут найтись у других королев, и тем самым помочь вам подготовиться.

— Честно говоря, дочь моя, не знаю, смогу ли я все это вынести,— ответила Тусси.— Мне кажется, это будет все равно, что... умышленно причинять вам боль.

— Тогда по крайней мере позвольте мне расспросить Факофа. Мне кажется, матушка, будет только на пользу, если я както к этому приготовлюсь. Еще никогда столько королев не собиралось в одном месте. Они вполне резонно спрашивали, почему все это нельзя проделать по видеосвязи, а я вынуждена была отвечать им, что не знаю. Из-за этого я чувствовала себя так, как будто вы мне не доверяете.

— Вы знаете, дочь моя, что я вам всецело доверяю,— сказала Тусси, отворачиваясь.— Дело здесь не в доверии.

— Однако, матушка, вашим сестрам-королевам, судя по всему, так не показалось.— Систри тоже принялась расхаживать по своей зале.— Они проявляют очень большое доверие, прибывая сюда по вашей настоятельной просьбе, которую вы передали через меня, но которой я не смогла объяснить. Можно было бы даже сказать, что они проявляют беспрецедентную степень доверия.

Тусси нетерпеливо взмахнула педипальпами. Затем вскинула голову и проговорила:

— Очень хорошо, дама. Я пришлю вам ребенка. Расспросите его, выясните то, что уже выяснила я,— и желаю вам удачи с этим открытием!

Экран погас. Систри была потрясена вспышкой гнева королевы и ее столь неохотной капитуляцией. Однако отказываться от этой уступки она не собиралась.

— Пет-мол? — сказала она в интерком.

— Слушаю вас, моя дама?

— Пошлите за ребенком Фа-кофом. Я приглашаю его со мной отобедать.

— Будет исполнено, моя дама.

Систри ненадолго задумалась, знают ли старшие помощники о том, что Фа-коф рассказал ее матери. Затем она с нетерпеливым шипением отбросила эту мысль. Если бы Пет-мол узнал что-то настолько важное, он бы ей рассказал. Первая дама Нрзана вернулась к своей работе и постаралась на время выбросить из головы несчастного потерянного ребенка Нтагона вместе с его страшными тайнами.

«Повианам, похоже, нравится с Оджи Скиннером работать,— подумал Питер.— Могу поклясться, это потому, что он никогда выражения лица не меняет». Казалось забавным, как то же самое качество, которое отталкивало большинство его человеческих сородичей, делало старшего механика популярным среди чужаков. Наверное, Оджи был одной из тех душ, что затерялись среди звезд, про которых так любила распространяться Келли, сумасшедшая тетушка Питера. «Точно,— подумал коммандер, мысленно улыбаясь.— На самом деле Скиннер должен был стать повианином — просто кто-то где-то с доставкой напортачил».

Легко было заметить, как менялось отношение повианских механиков, когда к ним подходил какой-то более жизнерадостный член команды. Повиане вроде как цепенели. Примерно то же самое происходило с большинством людей после нескольких минут разговора со Скиннером.

Соу-бес откровенно сказал Редеру, что для повиан очень тяжело видеть, как человеческие лица по-всякому сжимаются, бугрятся и корчатся.

— С нашей точки зрения,— добавил консультант,— с лицами такое происходить не должно.

Редер подошел к плотной группе инженеров из людей и повиан.

— Готовы ли вы, господа, к нашему совещанию? — спросил он, удерживая руки в позиции третьей степени уважения по причине их более низкого ранга.

— Так точно, сэр,— отозвался Скиннер, отдавая честь в своей характерно рассеянной манере.

— Готовы, коммандер,— ответил главный повианский инженер.

По просьбе обеих групп механиков совещание проводилось в моторном отделении — главным образом для того, чтобы все могли сразу указывать, что конкретно имеют в виду. Скиннер знал, что Редер инженер, однако он чувствовал, что коммандер — узкоспециализированный тип инженера, который имеет самые зачаточные понятия о моторах. Насколько понимал Редер, если поставить его рядом с самим Оджи, это суждение можно было считать вполне разумным.

— Как вы легко можете видеть,— начал главный повианский инженер, после чего пустился в длинное и запутанное изложение проблем моторов номер семь и восемь.— Таким образом, мы рекомендуем целиком заменить наиболее поврежденный из этих двух,— заключил он.

— Весь мотор? — переспросил Редер.

Коммандер тут же почувствовал, как его лицо откликается на удивление и постарался сгладить этот эффект. «Предельно щедро с их стороны»,— подумал он. Питера кололи подозрения, но сидящий в нем хапуга безжалостно их подавлял. В конце концов он решил, что дареному коню в зубы не смотрят. «По крайней мере, на глазах у дающего,— мысленно добавил Питер.— Потом всегда будет время этому самому коню зубы пересчитать».

— Ее величество необыкновенно щедра,— заметил он вслух.

— Она первая среди королев,— в легкой вспышке патриотизма заметил главный инженер.

Глянув на дверцу, через которую они вошли, Редер спросил:

— Но как можно будет втащить сюда такой большой агрегат?

Скиннер указал на все еще кое-как приделанную заплату на стене рядом с неисправным мотором.

— Отключим здесь гравитацию,— сказал он,— вскроем стену и установим его куда надо. А старый мотор легко можно будет разобрать, поскольку чинить его нам уже не придется. Просто разрежем его так, чтобы только крепления остались. Потом можно будет и стену заделать.

Коммандер кивнул.

— Очень хорошо. Тогда приступайте.

Тут последовали щелчки жвалами от повиан и улыбки от механиков «Непобедимого». На самом деле от Редера им только разрешение и требовалось. Теперь можно было делом заняться.

— Итак, я покидаю вас, господа,— сказал Редер, когда инженеры как бы сами собой втянулись в планирующий кружок, который напрочь исключал его.

— Благодарю вас, сэр,— пробормотал Скиннер, едва на него глядя и так отдавая честь, что иначе, как легким взмахом ладони, это было и не назвать.

В ответ Редер отдал честь затылку старшего механика и, качая головой, пошел по коридору. «Ручаюсь, что Старику Оджи всегда как следует честь отдавал»,— грустно подумал он.

Возможно, когда-нибудь коммандеру предстояло накопить в себе такую силу личности, которая потребовала бы более четкого отдания чести. «А возможно, и нет,— подумал Питер.— Может статься, мой стиль в том, чтобы заставлять людей проделывать первоклассную работу, даже если честь они при этом как следует на отдают». Он знал, что Скиннер его уважает; кроме того, с такими людьми, как старший механик, легкая слабина была не самой плохой линией поведения. Редер вовсе не был нетребователен; просто его люди составляли по-настоящему славную команду, знали свою работу, превосходно ее выполняли и откликались на аварийные ситуации так, как будто это была самая что ни на есть рутина и повседневность. «Впрочем,— подумал Питер,— так оно и должно быть. На «Непобедимом» иначе просто нельзя. А способ стать хорошим капитаном, надо полагать, есть не один».

Итак, целый новый мотор! Повианский мотор вместе со всеми секретами повианской технологии, которые можно было из него извлечь. А всем, что повиане при этом получали в ответ, оказывался лишь взгляд на физиономии местных механиков и обгорелые куски изуродованного мотора.

Очевидно, желание королевы их отблагодарить простиралось несколько дальше того, что Редер предполагал.

«Так это извинение?» — заподозрил коммандер. Очевидно, Фа-коф рассказал Тусси, как его начальники убивали и поедали людей, и именно поэтому она попросила Редера это подтвердить. В равной мере очевидно было ее расстройство по этому поводу. Если это было извинение, то очень смелое, ибо оно предлагало нечто куда большее, нежели просто слова, оставляя повианский народ потенциально уязвимым. «Оно также ясно говорит: «Мы не такие, как они»,— подумал Питер.— И это нельзя не уважать».

Умственные и физические блуждания в конце концов привели коммандера к лазарету и открытой двери крошечного кабинета доктора Айры Голдберга.

— Доктор? — произнес Редер, хлопая ладонью по косяку.

Голдберг оторвал взгляд от стола и вопросительно поднял брови.

— А, коммандер. Заходите, заходите. Чем я заслужил честь такого визита?

Питер отметил, что глаза Голдберга занялись делом, как только доктор закрыл за своим визитером дверь. Они заглянули в глаза Редеру, осмотрели его кожу, все его тело, ненадолго задержались на его искусственной руке, выискивая возможную причину для этого посещения.

Наконец доктор радушно развел руками, приглашая коммандера садиться, и с интересом на него уставился.

— Некоторые выражения наших лиц и движения лицевых мышц явно раздражают наших повианских друзей,— объяснил Редер.— Я подумал, нельзя ли заморозить определенные мышцы, чтобы сделать наши лица менее подвижными.— Он с надеждой взглянул на доктора.— Разумеется, это должно быть полностью обратимо.

— Безусловно,— кивнул Голдберг.— Я даже могу это сделать, не вызывая у вас ощущения немоты. Вы, скорее всего, захотите заморозить брови и ограничить функцию скуловых мышц. Так, чтобы осталось только для разговора, но не для улыбки или гримасы.

— Именно на это я и надеялся,— сказал Питер.— И сколько это продлится?

— А сколько вам нужно? До десяти часов? Нет проблем. Впрочем, если вы собираетесь проделывать это ежедневно, я бы рекомендовал заморозку лишь на несколько часов каждый раз. Непосредственными, хотя и весьма редкими побочными эффектами применения этого препарата могут быть головная боль и легкая тошнота. При передозировке возможны весьма неприятные мышечные тики в течение нескольких недель. Если вы собираетесь находиться с повианами в постоянном контакте и не хотите, чтобы прекращение действия препарата застигло вас врасплох, я могу предпринять кое-что хирургическое. Также, разумеется, обратимое. Пожалуй, это даже лучше, хотя и более болезненно.— Голдберг так пристально изучал коммандера, словно уже прикидывал, где ему сделать первый надрез.

— Препарат вполне подойдет,— торопливо произнес Питер.— По крайней мере, для меня. Я прикажу команде, которая работает с повианами, собраться и напрямую с вами это обсудить.— Он встал.— Спасибо, Айра. Это очень сильно упростит всем работу.

Когда он уже направился к двери, Голдберг спросил:

— Есть шанс, что мне удастся взглянуть на планету?

Редер с задумчивым видом повернулся обратно.

— Да,— сказал он наконец.— Думаю, мне следует устроить все так, чтобы по крайней мере старший офицерский состав спустился и посмотрел.— В следующий раз я возьму с собой вас и Труона.— Тут коммандер ухмыльнулся.— Сомневаюсь, однако, что мне следует беспокоиться насчет Оджи. По-моему, для него мир за дверью моторного отделения заканчивается.

Откликнувшись на сигнал интеркома, Редер вдруг понял, что смотрит на... даму Систри.

— Ваша светлость! — удивленно воскликнул коммандер. И только потом удивился тому, что чисто инстинктивно употребил столь анахроничное обращение.

В ответ на его изумление дама деликатно щелкнула жвалами.

— Мы пригласили королев других кланов в клановый дом Нрзан, чтобы познакомиться с вами, людьми,— сказала она.— Две из них будут в нашей системе сегодня вечером, и я уже

послала им копию той ознакомительной записи, которую вы представили мне и моей матушке.

— Да? — только и выдавил из себя Редер, чувствуя, как волосы у него на голове встают дыбом. «Но я не дипломат! — мысленно возопил он.— Я не должен заниматься всеми этими делами типа «познакомься да поздоровайся!»

Для Содружества могло обернуться катастрофой, если бы человек, столь неискушенный в дипломатии, да еще сравнительно низкого ранга, стал заниматься налаживанием такого рода контактов с самыми влиятельными представителями целого вида.

— Их особенно порадовал тот фрагмент с танцами,— продолжала Систри, явно не замечая паники, царящей в голове у коммандера.— И мы с матушкой подумали, не сможем ли мы попросить вас устроить непосредственное представление.

«Все, я обречен»,— подумал Питер. Вообще-то коммандер мог достаточно сносно повыкаблучиваться на танцполе, поскольку интересовался женщинами, а женщины любили танцевать. Поэтому пришлось худо-бедно научиться. Но он никоим образом не был артистом, способным устроить представление. С другой стороны, люди порой нешуточно удивляли даже своими любительскими талантами.

— Я не уверен, если ли у нас на борту кто-то, кто сможет компетентно перед вами выступить,— честно признался Редер.— Как я уже говорил, люди на той записи были профессиональными танцорами. Однако с вашего разрешения я опрошу мою команду на предмет соответствующих навыков и как можно скорее с вами свяжусь. Мы в высшей степени польщены этой просьбой, дама, и постараемся на нее откликнуться.

Систри слегка щелкнула жвалами.

— Тогда я буду ждать вашего звонка, коммандер. Если меня не будет на месте, тогда Пет-мол, мой первый помощник, сможет это с вами обсудить. До свидания, коммандер.

— До свидания, дама.

Когда экран погас, Редер принялся рисовать у себя в голове те неумелые танцевальные выступления, в которых в свое время принимала участие его младшая сестра. На десятках, чуть ли не сотнях нетвердо передвигающихся девочек были сверкающие костюмчики. Богатое воображение коммандера тут же обеспечило его картинкой того, как компашка членов команды женского пола в схожих одеяниях пытается вытворить что-то такое сверхмодное.

«Держись, Редер,— приказал он себе.— Если сомневаешься, передай кому-нибудь полномочия».

Ткнув пальцем нужную клавишу, Питер связался с секретарем капитана Каверса, человеком, которого он до сих пор почти не использовал.

— Мне нужно, чтобы вы просмотрели личные дела всей команды,— сказал ему Редер.— Найдите мне тех ее членов, которые имеют какой-то опыт в танцах.

Секретарь удивленно заморгал.

— Есть, коммандер.

— Порядок срочности высший,— добавил Редер.— Свяжитесь со мной по этому делу как можно скорее.

— Есть, коммандер.

Редер прервал связь и улыбнулся. Его так и подмывало нарисовать себе картинку того, как секретарь сейчас сидит и чешет в затылке, недоумевая, почему из всего на свете именно танцы получили сейчас высший порядок срочности. А затем лицо коммандера помрачнело, когда образ секретаря сменился картинкой того, как внушительная команда «Непобедимого» с видом мрачным и недовольным пытается отбивать чечетку в той же неуклюжей манере, что и танцевальная труппа его младшей сестры.

«Работай»,— приказал себе Питер и принялся мужественно стараться представить себе отчеты о ремонте более интересными, нежели то, на созерцании чего настаивал его мысленный взор.

Минут через сорок, когда он наконец успокоился и что-то такое выполнял, опять затрезвонил интерком.

— Слушаю,— рассеянно откликнулся Редер.

— Сэр, боюсь, в личных делах членов команды никаких танцоров не значится,— доложил секретарь.— Самое близкое, что мы имеем, это сержант технической группы Хандинг, которая была капитаном школьной команды по строевой подготовке.

— По строевой подготовке? — задумчиво повторил Редер, мучительно пытаясь представить себе, какая команда по строевой подготовке могла быть в простой средней школе.— И что, совсем никаких танцоров? — спросил он.

— По списку никого, сэр. С другой стороны, люди могли не считать свои танцевальные навыки настолько важными, чтобы вносить их в какие-либо армейские анкеты. Я могу сделать запрос на добровольцев.

Сердце Редера сжалось от этой мысли.

— Пусть Хандинг явится ко мне в кабинет,— сказал он.— Для начала я с ней поговорю.

Питер хорошо знал Терри Хандинг; она работала на главной палубе с тех пор, как он впервые появился на борту. Он знал, что она отличная работница, компетентная, но немного стеснительная. «Строевая подготовка?» — подумал Питер. И перед ним тут же возникла картинка того, как десантный отряд марширует по плацу с плазменными ружьями. Плазменные ружья в данном случае явно отпадали. «С ружьями и до политической катастрофы недалеко»,— подумал коммандер. С другой стороны, четкая и в то же время затейливая маршировка имела свои перспективы. Здесь уже было, за что зацепиться.

— О да, сэр! Я могла бы натренировать повиан это делать! — с пугающей уверенностью и энтузиазмом заявила Хандинг.— Ручаюсь, они отлично для этого годятся!

Оказалось, она была капитаном команды по декоративной маршировке с флажками, четырехкратной чемпионкой по этому самому делу чего-то там такого в чем-то там таком. Хандинг так стремительно все это отбарабанила, что Редер почти ничего не разобрал. Ее очевидное допущение, что коммандеру все это должно быть прекрасно знакомо, служило намеком на то, как глубоко Терри была погружена в мир декоративной маршировки.

Тем не менее, ей удалось нарисовать такую яркую словесную картину, что туманы памяти в голове у Редера частично рассеялись, и он вспомнил, что как-то раз видел весьма впечатляющую демонстрацию чего-то в таком духе. Собственно говоря, это вполне могла быть как раз команда Хандинг.

— Они будут замечательно выглядеть! — продолжала Терри. Ее ясные глаза уже явно видели перед собой четкие ряды повиан, согласованно размахивающих флажками.— Как думаете, им это понравится? — спросила девушка, вдруг засмущавшись, но не теряя энтузиазма.

«А ведь ты и впрямь обожала этой ерундой заниматься»,— с легким удивлением подумал Редер.

— Значит, вы думаете, что смогли бы это проделать? — спросил он. «Дурацкий вопрос»,— понял коммандер, как только закрыл рот.

— О да, сэр,— ответила Хандинг и беззаботно махнула рукой.— Я была капитаном команды, и мы ни одного соревнования не проиграли. Не могу поверить, что со взрослыми повианами будет сложнее справиться, чем с отрядом малолетних девчонок.

Редер улыбнулся. «Верно подмечено,— подумал он.— С такими верительными грамотами тебе уже следовало бы за моим столом сидеть».

— Старайтесь держать ваше лицо совершенно невыразительным,— проинструктировал коммандер девушку. Наставительно подняв палец, он затем набрал несколько клавиш на интеркоме. На экране мгновенно появилось лицо дамы Систри.

— А, коммандер. Так вы сумели найти для нас танцоров?

— Не совсем танцоров, дама. Тем не менее, как мне кажется, это вас порадует. Позвольте представить вам сержанта Хандинг. Она инструктор по строевой подготовке, многократная чемпионка всевозможных состязаний. У нее есть для вас предложение.

Хандинг смущенно заморгала, но все же сумела не улыбнуться, нахмуриться или еще как-то поменять выражение лица. Когда она, впрочем, заговорила, в голосе девушки ясно прозвучали радостные кувырки и кульбиты. Она повела речь о повианах, марширующих в унисон, размахивая флажками.

— Мы могли бы взять представителей от каждого клана,— с энтузиазмом предложила Хандинг.— Нет ли у кланов какого-то символа, чтобы себя идентифицировать? — спросила она.

— Наши кланы различаются по цвету,— ответила Систри, несколько озадаченная.

— Тогда флажки могут быть соответствующих цветов! Я могла бы обучить ваших добровольцев простой маршировке к концу этой недели,— закончила Терри.

— Я никогда не видела подобной демонстрации,— засомневалась Систри.

— Я как-то раз видел,— сказал ей Редер.— И получил очень сильное впечатление. Эти люди слаженно двигались, подбрасывали свои флажки и по-всякому ими крутили. Было очень забавно.

— К концу недели,— настаивала Хандинг,— я смогу представить вам кое-что для просмотра. Тогда, если вы решите, что это не годится, вы просто нам скажете, и за столь краткое время мы ничего не потеряем.— Она улыбнулась, а затем с явным усилием стерла улыбку с губ.

— Хорошее предложение,— одобрила дама.— Я запрошу добровольцев.

— Мне бы хотелось иметь двадцать четыре члена команды,— определенно высказалась Хандинг.— Однако некоторые люди просто не обладают нужной координацией. Повиане, наверное, тоже. Поэтому обычно для начала устраивают просмотр, чтобы добровольцев можно было проверить и решить, годятся они или нет. Для отбора двадцати четырех членов команды нам нужно не менее пятидесяти повиан.

Дама щелкнула жвалами, наслаждаясь энтузиазмом Хандинг.

— Я позабочусь об этом и прикажу моему второму помощнику найти достаточно просторное место, чтобы вы смогли провести ваш... просмотр. Благодарю вас, коммандер,— добавила она.— Я весьма высоко ценю ваши усилия.

— Это было совсем не трудно,— заверил ее Редер. «И действительно,— подумал он, когда экран погас и он перевел взгляд на ясноглазую девушку.— Причем есть надежда, что так будет и в дальнейшем».

— Итак, сейчас вы идете и придумываете для этого какие-то номера,— сказал коммандер.— С вашими офицерами я все улажу. Да, кстати...— добавил он, когда Терри уже направилась к двери.— Прежде чем вы начнете, вам необходимо показаться доктору Голдбергу. Он нашел несложный способ замораживать наши лицевые мышцы, чтобы мы не шокировали повиан.

— Ах, слава Богу, сэр,— облегченно вздохнула Хандинг.— Не знаю, смогла бы я все время поддерживать на лице отсутствующее выражение.

«Зато я знаю, что не смогла,— подумал Питер.— И страшно бы с этим измучилось».

— Если вам что-то нужно...— начал он.

— Да-да, сэр, изображения повиан, чтобы я смогла сделать на компьютере имитацию моих номеров.

— Обратитесь к моему секретарю,— великодушно предложил ей Редер.— Пожалуй, неплохо будет послать одну из ваших ими-

таций даме Систри, чтобы она смогла посмотреть, что у вас на уме.

У Хандинг тут же сделался удрученный вид.

«А что,— подумал Питер,— у этих декоративных маршировщиков тоже есть неписанное правило ничего вперед не показывать?»

— Простите, сэр, но это, возможно, не очень удачная мысль,— сказала Терри.— Я еще не знаю, сможет ли кто-то из них это проделать, и не хочу сначала возбуждать ожидания, а потом разочаровывать.

— Уместное замечание, Хандинг,— от души похвалил девушку Питер. «В один прекрасный день ты и впрямь по эту сторону стола окажешься»,— подумал он и отдал ей честь.— А теперь вам лучше за дело.

— Благодарю вас, сэр.— Хандинг четко отдала ему честь, после чего выполнила идеальный поворот «кругом».

«Выделывается?» — задумался Редер. Когда Терри ушла, он ухмыльнулся и покачал головой. Замечательно было иметь в своем распоряжении столько энтузиазма. Он щелкнул по клавише интеркома, и на экране появилось лицо его секретаря.

— Освободите техника Хандинг на ближайшие две недели от всех обязанностей для специального проекта,— приказал он.

Оглядывая разноцветную орду повиан, Хандинг нервно ломала руки. Она уже дала добровольцам выполнить несколько простых тестов и отвергла тех, кто их провалил. Теперь в помещении толклись тридцать добровольцев. Повиане одного цвета склонны были группироваться вместе, что, как она полагала, было вполне естественно. Терри хлопнула в ладоши.

— Внимание! — крикнула она. Твердые, невыразительные лица повернулись к девушке, и она с трудом сглотнула.— Я хочу, чтобы вы построились в три шеренги по десять повиан.

Хандинг терпеливо ожидала, пока переводное устройство еще более вежливо передаст эту просьбу. Профессиональным взором она наблюдала, как повиане передвигаются. Ей понравилась текучая плавность их походки, однако Терри чувствовала, что она понравилась бы ей еще больше, если бы четыре ноги двигались в унисон, а не одна за другой. Но способны ли они были так ходить?

Девушка нахмурилась — вернее, попыталась это сделать,— увидев, что повиане опять группируются по цвету. Не столько в шеренгах, сколько в колоннах и с минимальным, но вполне различимым зазором между цветами. Повиане снова начали переговариваться, и уровень шума нарастал. Хандинг подождала, пока не удостоверилась, что все выстроились.

— Разговорчики в строю! — проревела она затем. Повиане мгновенно заткнулись и устремили взоры перед собой.— Это не

шеренги! — крикнула девушка. Крикнула и в то же время насмешливо усмехнулась. Этот навык Терри рано усвоила и часто использовала.

Повиане огляделись, и несколько из них нервно зашаркали вперед или назад, образуя более ровный строй со своими сородичами.

— Зачем вы здесь? — спросила у них Хандинг.

Чужаки стали переглядываться, причем даже с другими цветами, отчаянно надеясь, что кто-то найдет ответ.

— Вот вы! — Указующий перст Хандинг буквально выстрелил вперед и уткнулся в оранжевого повианина в тот самый момент, когда он снова посмотрел вперед.

Оранжевый застыл, хорошенько обмозговывая и взвешивая враждебный, командирский тон человеческой самки.

— Мне предложили стать добровольцем. Ради удовольствия моей королевы,— наконец сказал он.

— Вы здесь за тем, чтобы порадовать свою королеву! — проревела Хандинг.

Тут в шеренге началось нешуточное шевеление.

— Всем смотреть вперед! — приказала Хандинг.

Повиане дружно уставились на нее.

— Итак, все ли вы здесь за тем, чтобы порадовать свою королеву? — спросила девушка.

Чужаки по-прежнему на нее таращились, их педипальпы почти бессознательно выражали вторую степень уважения, а кое-кто даже забирался чуть выше, но никто из них не отвечал.

— Вы должны отвечать! — сказала Хандинг.— Вы здесь за тем, чтобы порадовать свою королеву?

— Да! — крикнули повиане. Довольно нестройно, зато с отрадным энтузиазмом.

— Тогда вы будете выполнять мои приказы и будете учиться! — проинформировала их Хандинг.— В колонну по пять становись!

Чужаки засуетились, стараясь держаться вместе со своими собратьями по цвету.

— Стоп! — крикнула Хандинг.— Стройтесь друг за другом.

Они опять засуетились, выстраиваясь, как было сказано.

— Этот ряд,— она указала на крайний слева,— остается на месте. Все остальные делают шаг вправо.

Повиане так и сделали. Хандинг внимательно посмотрела на их «руки» и прикинула, насколько далеко этот шаг их разведет. Достаточно далеко, решила она, и приказала повианам в крайнем левом ряду вытянуть вбок правую педипальпу.

— Когда вы вот так вытягиваете руку,— сказала девушка,— вы должны находиться на одной линии с плечом соседнего с вами индивида. Если это не так, сделайте шаг вперед или назад, чтобы оказаться на одной линии.

Повиане стали передвигаться, пока не образовали ровные ряды.

Хандинг отсчитала три ряда через один, начиная справа.

— Этот ряд, этот и этот, сделайте шаг вперед.— Ряды двинулись довольно неловко, но улучшение уже наблюдалось.— Теперь этот ряд сливается с этим, а этот — с этим. В три шеренги становись! — тут же ошарашила она их новым приказом, не давая повианам времени подумать или снова скоординироваться по цвету.

Хандинг так и продолжала строить их то в колонну, то шеренгами, двигать взад-вперед, сбивать с толку и озадачивать, пока не получилось так, что ни один повианин уже не стоял рядом с самцом того же цвета. Это очень порадовало Терри. Однако еще больше ее порадовало то, что окончательные ряды оказались идеально ровными, все повианские лица были обращены вперед, спины выпрямлены, а педипальпы расположены одинаково, выражая одну и ту же степень уважения. Девушка не знала, какая это степень, и не особенно этим интересовалась. По сути же это была почти первая степень, выражавшая великий страх и колоссальное уважение.

— Посмотрите на соседнего с вами индивида,— приказала повианам Хандинг.

Понаблюдав, как чужаки вращают головами влево-вправо, Терри изумленно заморгала, когда они запросто развернули их на сто восемьдесят градусов. Убедившись, что теперь они изолированы от своих собратьев по клану, повиане, похоже, внутренне похолодели.

— Соседний с вами индивид очень важен. Соседний с вами индивид — ваш товарищ по команде! Ваш долг и непосредственная обязанность убеждаться о том, что ваш товарищ выглядит хорошо, делает свою работу, знает все номера и идеально их выполняет. Я понятно выражаюсь?

Ряды повиан посмотрели на нее в ответ, затем самую малость повернули головы к своим товарищам. Некоторые сделали утвердительные жесты педипальпами. Затем чужаки успокоились и тупо уставились перед собой, словно надеясь, что эта самка не может их видеть.

Хандинг уперла руки в бока и раздраженно выдохнула.

— Когда я задаю вопрос,— проревела она,— вы должны отвечать на этот вопрос криком «да»! Кричать вы должны в унисон. Вы меня понимаете?

— Да! — крикнули повиане. Вышло не так громко и агрессивно, как у аналогичной группы людей. С другой стороны, повиане вообще почти никогда не орали.

Хандинг одобрительно кивнула.

— Если я спрашиваю, поняли вы или нет, и вы отвечаете да, тогда я спрашиваю, есть ли вопросы. Тогда вы можете поднять ру... педипальпу, и я дам вам знать, что вы можете задать свой вопрос. Понятно?

— Да,— крикнули повиане.

— Есть вопросы? — гаркнула Хандинг.

Тридцать педипальп взметнулись в воздух.

Плечи Хандинг поникли, и она опустила взгляд. Затем девушка снова посмотрела на чужаков и сказала:

— Я отвечу на вопросы из переднего ряда, слева направо. Вот вы...— Терри указала на голубого,— какой у вас вопрос?

У большинства оказались одни и те же вопросы. В основном: «Можно мне стоять рядом с Пен-сне?» и т.д. и т.п. Или: «Как я могу убедиться о том, что самец из другого клана делает свою работу? Я буду дома свою работу проделывать».

— Нет, вы не можете стоять рядом с собратьями по клану, если я только специально не прикажу. Пока вы работаете в этой команде, единственное назначение кланового цвета — это сделать ряды более красочными и приятными на вид во время маршировки. Пока вы в одной команде, вы несете ответственность за ваших товарищей, а они — за вас. Когда вы вне команды, тогда это, безусловно, теряет силу, и остаются лишь рамки нормального поведения цивилизованного народа.— Она решила, что такой ответ должен неплохо все охватить.

Затем Хандинг напомнила себе, что повиане раньше ничего подобного не проделывали, а значит, ей следует быть терпеливой. Она сожалела о том, что лишена возможности так улыбаться и так многозначительно хмуриться, как ей бы хотелось. Прежние товарищи по команде уверяли Терри, что из одного лишь страха перед ее свирепо нахмуренными бровями не раз чуть шеи себе не поломали.

— Первое, чему мы должны обучиться, это простой строевой шаг,— сказала Хандинг.— Сейчас я покажу. Левой, правой, левой, правой, левой, правой! — Девушка четко маршировала полминуты, непрерывно выкрикивая такт.— Ну как, поняли?

— Да! — крикнули повиане.

— Есть вопросы?

Тридцать педипальп взметнулись вверх.

Отмахнувшись от них, Терри стала бороться с неприятным тянущим ощущением в животе.

— Это потребует определенной практики и определенной координации. Да, я хочу, чтобы вы сначала поднимали все левые ноги, а потом все правые, причем одновременно! Когда вы поднимаете левую ногу,— она продемонстрировала,— переносите ваш вес на правую. Понимаете?

В утвердительном отклике повиан явственно прозвучало сомнение.

— В колонну по пять становись! — приказала она.— Дальний левый ряд, два шага влево!

Повиане в том ряду явно были огорошены; они вовсю крутили головами и дергали плечами. Впрочем, очень скоро они сообразили, что составляют именно тот ряд, к которому обратилась

самка, и сделали два шага влево. Тогда Хандинг приказала и другим рядам разойтись. Наконец она удостоверилась, что если кто-то и шлепнется, то по крайней мере не придавит своего товарища и не начнет тем самым межклановую войну.

— Хорошо, давайте начнем,— сказала девушка, оглядывая повиан.— Левой! — И она подняла левую ногу.

Повиане попытались последовать ее примеру — и, как будто помещение вдруг наклонилось на сорок пять градусов, вся команда дала резкий крен влево, беспомощно лишилась равновесия и в итоге образовала кучу-малу у дальней стены.

Хандинг, недоуменно моргая, какое-то время на них смотрела. А затем, как только заметила, что повиане разных кланов начинают проявлять друг к другу определенное недружелюбие, принялась рявкать приказы. Когда чужаки снова выстроились в аккуратные ряды, девушка обвела их огненным взором.

— Ничьей вины тут не было,— сказала она.— А значит, и нечего на другой клан наезжать, верно? — Ее ремарка наткнулась на молчание.— Это был вопрос! — рявкнула Терри.

— Да! — исправно откликнулись повиане. Причем впервые точно в унисон.

Хандинг решила, что это уже начало. И велела повианам опираться педипальпами о плечи соседних в ними самцов, пока они практиковались в поднятии ног. Это очень здорово помогло. Кроме того, как прикинула Терри, таким образом повиане получили основу для доверия и опоры на своих товарищей независимо от клановой принадлежности.

К концу того дня повиане уже научились маршировать на месте. Выглядели они при этом довольно шатко, но по крайней мере могли это делать и не заваливаться.

— Я вами горжусь,— сказала им Хандинг.— Честно говоря, я сомневалась, что вы хотя бы это освоите. Был шанс, что ваша нервная система этого не допустит. Но вы одолели главное препятствие.— Она зааплодировала им, а чужаки в ответ тупо на нее уставились.— Садитесь, пожалуйста,— предложила Терри.

Тридцать повиан рухнули как подкошенные. Хандинг неуверенно на них посмотрела, прикидывая, не дать ли им воды или чего-то еще. Затем она все же решила, что лучше продолжать, пока они у нее под рукой. Совета можно было спросить позже.

— Я вот что хотела вам продемонстрировать.

Указав на прибор у себя за спиной, Хандинг его включила. Ожило головидовое изображение ее родной команды — того, как она одерживает победу над техасской командой, своими главными, самыми непримиримыми соперниками. Терри несколько мгновений с гордостью понаблюдала за демонстрацией, затем повернулась к своим ученикам.

Повиане явно были потрясены и зачарованы; не сводя глаз с разворачивающегося перед ними зрелища, они подались вперед

и застыли в неподвижности. Хандинг смотрела, как они наблюдают, пока голозапись не закончилась.

— Это был достаточно продвинутый материал,— сказала она.— Я не жду, что кто-то из вас совсем скоро хотя бы часть этого материала повторит. Но через пять дней, я очень надеюсь, вы все сможете проделать вот это.

Хандинг повернулась и снова включила прибор. Начала воспроизводиться компьютерная имитация марширующих повиан. Номер был довольно простой и совсем короткий, с одним-единственным несложным маневром с флажками, несколько раз повторенным. Девушке очень понравилось то, как выглядели повиане, когда их ноги выполняли маршировку. Все восемь конечностей работали очень четко и точно.

— Есть вопросы? — осведомилась Хандинг, когда имитация закончилась.

— Вы правда думаете, что мы сможем это проделать? — спросил один из зеленых.

— Основываясь на том, что мы выполнили сегодня, определенно сможете,— уверенно ответила Терри, выражая руками вторую степень уважения.— Продолжайте практиковаться, когда у вас будет свободная минутка, а завтра в то же время мы с вами встретимся здесь. И будем упражняться в ходьбе в ритме марша.— Она ободряюще им кивнула, хотя мысленно уже представляла себе великое множество самых дурацких падений.— Все свободны.

Позднее тем же вечером, отчитываясь перед коммандером, Терри сказала ему, что ее команда справилась «просто изумительно».

А в ответ на его сомнительный взгляд добавила:

— Моя оценка основана на опыте. Поверьте, я начинала с куда менее подходящим материалом, чем сегодня.

— Ладно,— отозвался Редер.— Верю вам на слово. Дама Систри уже предвкушает славное зрелище.

— Думаю, это хорошо, что она еще никогда декоративную маршировку не видела,— простодушно заметила Хандинг.— Думаю, она будет в восторге.

Редер при этом хмыкнул и повел бровью.

«Пожалуй, она права,— подумал он затем.— Может статься, если бы мы показали им танцующих любителей, то потом и впрямь танцевальное представление сумели бы сбацать». В мозгу у коммандера снова стали всплывать красочные картинки. В спешном порядке от них избавляясь, он отчаянно замотал головой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Даму Систри привело в настоящий восторг предварительное представление, устроенное ей повианский командой сержанта Терри Хандинг. Королевская дочь выразила удивление и восхи-

щение тем, как повиане переставляли ноги, особенно когда они при это одновременно размахивали флажками.

— Превосходно! — воскликнула Систри.— Королевы будут всеми вами гордиться! — сказала она команде, и положение ее педипальп подчеркнуло ее и без того очевидный восторг.

Хандинг явственно показалось, что самцы буквально раздуваются от самодовольства. Конечно, для простых повиан видеть самку, так сказать, во плоти было запоминающимся событием.

— Огромное спасибо вам от всей нашей команды, дама Систри,— с достоинством сказала Хандинг.

Дама наклонила свою огромную голову и с легким удивлением взглянула на молодую женщину. Абсолютной уверенности у нее не было, но Систри все же показалось, что в тоне Хандинг проскальзывало желание поскорее ее отсюда удалить.

— Вероятно, мне следует оставить вас продолжать занятия,— отважилась дама. Теперь, если это не имело особого значения, Хандинг по идее должна была предложить ей остаться.

— Благодарю вас, дама Систри,— с нелестным энтузиазмом отозвалась Терри, подаваясь поближе к гигантской повианке.— Боюсь, команда не сможет не откликаться на ваше присутствие. А для торжественной церемонии им еще столькому предстоит научиться.

Это была истинная правда. Тем не менее, Систри заколебалась.

— Даже не могу вам сказать, как много ваш интерес значит для всей команды,— конфиденциально сообщила ей Хандинг, пока они направлялись к двери.— Все это здесь в новинку, и они очень этим увлечены, но на самом деле толком не знают, как все это выглядит. Так что ваше очевидное удовлетворение для них — колоссальный стимул.— Она набрала на пульте код, который открывал массивную двустворчатую дверь.— Надеюсь, итоговое представление доставит вам истинное удовольствие.

Незримый для девушки, кончик хвоста Систри трепетал от восхищения отвагой Хандинг. Дама была рада, что в этот важный проект вовлечена человеческая самка со столь простодушной одержимостью. Это придавало ей уверенность в том, что представление станет действительно знаменательным событием.

— Пожалуйста, продолжайте,— с грациозным жестом произнесла Систри. А затем, бросив последний взор на полную преклонения перед ней команду по декоративной маршировке, дама удалилась.

— Ну вот,— сказала Хандинг, выключая запись.— Как вы сами можете видеть, этот номер прошел превосходно. Примите мои поздравления! — Она захлопала в ладоши и стала поворачиваться, чтобы аплодисменты оказались адресованы всем.

Раздалось немало щелчков хвостами, а жвала застрочили как древний ручной пулемет. Самцы теперь даже не разделялись по

цвету — оранжевый сидел рядом с зеленым, голубой с желтым и так далее.

Все повиане наслаждались компанией друг друга, и их хитин вовсю потрескивал.

— Итак, вам осталось научиться одной, самой последней вещи,— сказала им Хандинг.— И эта вещь — маршировка в зал.

Она щелкнула своим ручным пультом — свет в зале помутнел, и там появилось голо, показывающее компьютерную имитацию того, что было на уме у Хандинг.

— Все будет очень просто,— сказала она.— Вы будете маршировать в колонне по шесть. Получится пять шеренг одного цвета.— На экране впереди шел оранжевый, за ним желтый, а дальше — зеленый, голубой и лиловый.— Я расположила их так, чтобы все было похоже на радугу,— объяснила Хандинг.

И она повернулась к своей команде с тем, что теперь, после хирургической операции, должно было сойти за широкую улыбку. На самом же деле на лице у девушки было умеренно довольное выражение. Оно мигом пропало, стоило ей только увидеть, что все повиане дружно подняли одну педипальпу. Кое-кто даже поднял сразу две.

— Это по поводу того, как расположены цвета, не так ли? — спросила Хандинг. Она чувствовала себя несколько обескураженной, хотя почти этого ожидала.— Хорошо. Как нам следует их расположить.

Повиане ей сказали — и даже сказали, почему. Голубой шеренге следовало идти первой, потому что голубой был первым кланом. Вторым был зеленый, третьим — оранжевый и так далее.

— Ладно,— с неохотой согласилась Хандинг.— Будь по-вашему.

Внутренне она, впрочем, испытывала немалую досаду. Терри очень редко приходилось что-то менять в уже распланированном номере, и теперь она испытывала недовольство художника, которого толкают под локоть. Девушка остановила запись и расположила цвета так, как того требовали повиане.

— Но только больше никаких перемен, ага?

— Да! — дружно крикнули чужаки.

— Хорошо,— сказала Хандинг.— Теперь у меня еще один вопрос. Умеют повиане свистеть?

— Да,— ответила команда. В этом ответе содержалась определенная оговорка, но Хандинг ее не заметила.

— Отлично! — порадовалась она.— Тогда я бы хотела, чтобы вы послушали один музыкальный фрагмент.

Терри нажала на кнопку, и образы повиан стали двигаться под марш «Не плачь, девчонка». Отбивая ладонью такт, девушка наслаждалась воспоминаниями о том, как она сама маршировала и насвистывала в те золотые деньки в Канзасе. Затем Хандинг прекратила отбивать такт и внимательно оглядела свою новую команду, которая тем временем не сводила глаз с голограммы.

«Черт побери,— подумала она,— я здесь уже ни в каком не в Канзасе».

— Коммандер, здесь капитан-лейтенант Джеймс. Она хочет с вами увидеться.

— Благодарю вас, Семпль. Пожалуйста, попросите ее немного подождать.

Питер представил себе, как у Сары от такого ответа невольно поднимаются брови. Но он чувствовал необходимость хотя бы притворяться, будто между ними есть какая-то дистанция. Это помогало ему сохранять здравый рассудок. Всякий раз, как коммандер оказывался наедине с капитан-лейтенантом Джеймс, инстинкт настойчиво подсказывал ему заключить этого самого капитан-лейтенанта в объятия и с безумной страстью целовать. Причем его сознательный выбор вступал в идеальное согласие с инстинктом. К несчастью, в Космическом Отряде очень косо смотрели на подобное поведение при исполнении служебных обязанностей. Так что наедине они уже несколько недель не оставались.

Питеру казалось, что на этой вахте он находился много лет — много долгих, одиноких и отчаянно неуютных лет. И он вспоминал ту последнюю ночь в лагере «Стикс» — вспоминал цвет волос Сары в лунном свете, ее искрящиеся глаза...

— Можете пригласить ко мне капитан-лейтенанта, Семпль.

Откинувшись на спинку кресла капитана Каверса, Питер с улыбкой взглянул на пустое место, которое вскоре должна была заполнить Сара.

— Я пришла в неудачное время, сэр? — спросила она, по всей форме войдя и четко отдав честь.

— Вовсе нет,— отозвался Редер, отдавая ей честь в ответ.— Вы свободны, Семпль,— сказал он зависшему в дверном проходе секретарю.— Садитесь, пожалуйста, капитан-лейтенант.

Когда дверь за секретарем капитана Каверса закрылась, они сели и долгую, сладостную минуту просто друг другу улыбались.

— Почему ты продолжаешь обращаться к Семплю по фамилии? — спросила Сара.— Это уже скучно становится.

— Потому что продолжаю об этом забывать. Три недели я не помнил, что он там вообще есть. А теперь наслаждаюсь роскошью. Не у каждого, между прочим, личный лакей имеется.— Редер многозначительно поиграл бровями.

Сара рассмеялась.

— Этот «лакей» — секретарь капитана! Ты просто продолжаешь себе об этом напоминать. Или о том дне, когда Старик вернется, а тебе срочно понадобится его увидеть. Ведь тогда тебе опять придется пятки в приемной студить.

Питер приложил ладонь к сердцу и широко распахнутыми глазами на нее воззрился.

— Ты вселила в меня страх, любовь моя. Мне следует помнить о том, что на каждый День Секретаря я должен дарить ему розы. Клянусь, я это запомню.

Сара сначала подняла бровь, затем улыбнулась.

— Так зачем ты хотела меня видеть,— поинтересовался Редер.

— Вопроса, настолько наводящего, я еще никогда в жизни не слышала,— огрызнулась Сара.— Что ж, не считая подразумеваемой причины, я думала о повианах.

— И что? — подбодрил ее Питер.

— И мне кажется, что Нтагон повинен в каком-то сильно отклоняющемся от нормы поведении. Я так понимаю, это новейший из кланов, и в том секторе космоса они находятся от силы лет пятьдесят. Не может ли так получиться, что источником подобного поведения служит какой-то вирус, поражающий мозг? Не может ли Фа-коф представлять собой опасность для клана Нрзан?

— Это интересная возможность, которую я непременно доведу до сведения королевы при нашей следующей встрече,— сказал Питер.— Хотя, честно говоря, я в этом сомневаюсь. В научном плане повиане чертовски продвинуты. Уверен, они устроили нашему невольному пассажиру тщательное обследование, прежде чем допустить его до королевы.

— Я просто исхожу из их поведения,— с задумчивым видом объяснила Сара.— Столь сильный негативный отклик, похоже, доказывает то, что это неслыханное поведение.

Питер махнул рукой.

— Он доказывает лишь то, что они славный народ,— сказал он.— Но мы по сути дела ничего не знаем про их историю. Повиане могут так скверно реагировать на получение подобных новостей, потому что они думали, что давно от такого поведения ушли. Мне кажется, некоторые люди испытали бы такое же отвращение, услышь они подобные новости. Неоспоримый факт заключается в том, что большинство людей не ведут себя как мокаки — и они совершенно определенно не стали бы так себя вести, если бы подцепили какую-либо заразу.

Сара сморщила нос.

— Нет, мокаки больны, но они умышленно, упрямо, злонамеренно больны. И этому нет никакого оправдания.— Она вздохнула.— Тебя никогда не тревожило то, что мы можем резко разонравиться повианам, когда они что-то узнают про нашу историю?

— Тревожило,— отозвался Редер, рассудительно кивая.— Но раз уж на то пошло, всегда есть клан Нтагон.

— Интересно, не состоялся ли между дамой Систри и королевой Тусси подобный разговор,— сказала Сара.

— Было бы не удивительно,— согласился Редер.— Это одна из тех вещей, которые заставляют меня думать, что у человеческо-

повианских отношений есть шанс. У нас с ними поразительно схожие скелеты в шкафу имеются.

Вечер торжественной церемонии встречи королев выдался славным — по крайней мере, по повианским стандартная. Людям же он показался комфортно прохладным, но слишком уж влажным.

Вся передняя часть дворца была украшена цветочными гирляндами и светильниками. И те, и другие испускали волшебные ароматы. По крайней мере, для повиан. Гости из человеческой расы вряд ли вообще могли эти ароматы почуять.

Редер, Сара, Труон, Хандинг, Соу-бес и доктор высадились из своего транспорта прямо на переднюю террасу дворца.

Сара сделала глубокий вдох, внимательно принюхиваясь.

— Лишь слабый намек на цитронеллу,— с легким удивлением объявила она.

— Чудесное название,— заметил Питер.

— На Земле ее в качестве репеллента используют,— сообщил ему доктор Голдберг.

Редер оглянулся на доктора, но на их замороженных лицах теперь совсем ничего не выражалось.

— Стало быть, и у этого народа тоже с сикарахами проблемы,— заметил Питер.

Сара не смогла от души этому не улыбнуться. Это означало, что уголки ее рта лишь самую малость приподнялись.

— Коммандер,— смущенно обратилась к нему Хандинг.— Если вы не против, я бы прямо сейчас свою команду собрала.

— Разумеется, Хандинг, действуйте.— Редер наблюдал, как девушка с сияющим лицом спешит прочь.— Похоже, она просто счастлива,— заключил он.

— Даже хотя у нее почти все лицо заморожено,— согласился Труон.— Наверное, это оттого, что она еще так молода.

— Не-е,— протянул Питер, махая рукой.— Молодость тут не при чем. Это из-за того, что она теперь такое высокое начальство. Помните, как это с вами было?

Карие глаза Сары весело заблестели.

— О да,— согласилась она.— Это крепко в голову ударяет.

— А вот и Ист-дас,— сказал Соу-бес, указывая на второго помощника, который стоял на террасе рядом с грандиозным главным входом.

Ист-дас в тот же самый момент их заприметил и поспешил им навстречу.

«Можешь считать, что ты еще ничего не видел, если ты не видел, как повианин торопится,— подумал Питер.— Интересно, смогу ли я когда-нибудь к этому плавному перетеканию их ног привыкнуть?»

— Добро пожаловать, люди! — экспансивно произнес второй помощник. Педипальпами он выражал вторую степень уважения, но с какой-то особой энергичностью, которую можно было истолковать как радость от встречи с ними.— Ее величество с великим нетерпением ожидает того представление, которое подготовила для нас ваша подчиненная. Дама Систри уже рассказывала другим королевам о вас, людях, и, разумеется, раздала им копии той ознакомительной записи, которую вы подготовили для нашей королевы. Поэтому они также с огромным энтузиазмом ждут этой вечерней... маршировки.

«Ну и ну,— подумал Питер.— Прямо скажем, никакого давления. Слава всем богам, которые там есть, что Хандинг уже ушла собирать свою команду». С другой стороны, коммандера в высшей степени удивила та перемена, которая происходила со стеснительной девушкой, когда она принималась запросто командовать своим повианским отрядом в зале для маршировочной практики. И тем не менее, сейчас было самое неподходящее время, чтобы Терри вдруг скрутил страх перед публикой.

— Благодарю вас, второй помощник,— отозвался Редер, также удерживая руки во втором положении.

При виде этого Ист-дас щелкнул жвалами и указал на здание у себя за спиной.

— Позвольте, я провожу вас на ваше место в зале для собраний.

Второй помощник повернулся и с достоинством зашагал. Редер и его команда переглянулись, после чего расправили плечи и с тем же достоинством зашагали следом.

Зала, в которую провел их Ист-дас, оказалась громадной полостью, целиком сотканной из паутины и наполненной разноцветной ордой повианских солдат и политиков. Гул разговоров ненадолго притих, когда в залу вошла небольшая группка людей. А затем быстро набрал еще большую громкость.

И королева Тусси, и дама Систри должны были присутствовать здесь сегодня вечером, хотя им предстояло расположиться в противоположных концах колоссальной залы. Редер прикинул, что здесь запросто поместился бы военный корабль размером с корвет.

Остальные королевы должны были прибыть фактически прямиком со своих звездолетов, и громадные экраны очерчивали стены, чтобы в дальнейшем каждую из королев могли видеть их представители и другие королевы. Паутина вокруг экранов была слегка подкрашена цветами их кланов, как и участки вокруг лож Тусси и Систри.

Ист-дас провел людей на их место рядом с ложем королевы.

— Ее величество пригласила вас расположиться с ней рядом,— сказал второй помощник. Его поза и манеры указывали на то, что это была великая честь.— А теперь, если вы не против, я займусь обустройством других гостей.

Редер и Сара с благодарной любезностью дружно дали повианину понять, что могут насладиться обществом друг друга в этом месте с тем же успехом, что и в любом другом.

— Без-бе, мы должны ей сказать! — настаивал Фиг-те. Его очевидное расстройство как в зеркале отражалось в позах и положениях педипальп окружавших его солдат.— На самом деле я думаю, она что-то такое подозревает, только не знает, что. Мы должны ей сказать.

Без-бе посмотрел на своего помощника и взмахом затянутых в специальную перчатку «пальцев» выразил полное согласие.

— Хорошо,— сказал он.— Я выйду к входным воротам и там ее подожду.

Представление страшно его беспокоило. Хандинг прокрутила им несколько разных музыкальных фрагментов на тот случай, если они не смогут освоить нужный свист. Убедившись, что с маршем «Не плачь, девчонка» у них прекрасно все получается, Терри сосредоточила всю свою энергию именно на нем. Больше всего Без-бе беспокоило то, как ей об этом сказать.

Поначалу он ожидал, что Хандинг уловит их униженное расстройство, пока они топали под музыку. Все повиане испытывали одно и то же чувство. Когда же Хандинг впервые вместе с ними засвистела, и они в шоке остановились, Без-бе был уверен, что теперь она наконец-то поймет, что этого просто не следует делать. Но Фиг-те оказался прав — она никак не могла понять. Это был чисто человеческий недостаток.

Выйдя из ближайшей двери, чтобы избежать столпотворения в вестибюле, Без-бе прошагал по пустынной террасе к передней стороне дворца. Он завернул за угол в тот момент, когда Хандинг вошла в грандиозный портал.

Без-бе увидел, как прибывают другие люди, но Хандинг среди них почему-то не было. Впрочем, она была ниже рангом, а потому могла прибыть позже. Придя к такому заключению, повианин устроился поудобнее и стал ждать.

Вся команда была так поражена, что замерла в полной неподвижности, когда Хандинг прибыла без Без-бе. Затем повиане стали недоуменно переглядываться. «Где же Без-бе? — молча спрашивали они друг друга.— Сказал ли он ей страшную правду?» И главное — должен ли был теперь кто-то другой ей об этом сказать? Ответ на этот вопрос, безусловно, был утвердительный. Но никому не хотелось этого делать. Раз задача была делегирована, делегат был обязан справляться.

По указанию Хандинг повиане зашаркали на свои места, украдкой бросая друг на друга отчаянные взоры.

— А где Без-бе? — спросила Хандинг.

— Он пошел вас искать,— ответил Фиг-те.

— Да? — Терри была удивлена и не обрадована.

Впрочем, в данный момент уже нельзя было отвлекаться.

— Что ж, остается надеяться, что он успеет добраться сюда раньше, чем мы начнем,— сказала она.

Тут повиане так занервничали, что их брюшка скрючились. Все они так надеялись, что Хандинг спросит, зачем Без-бе пошел ее искать. Это дало бы им необходимый повод объясниться. А так повиане вынуждены были хранить молчание, как они делали всякий раз, сталкиваясь с мощной и волевой личностью Хандинг.

Дама Систри вошла в залу и заняла свое место на ложе — мягком приспособлении наподобие тех, что имелись в транспорте, доставлявшем людей из космопорта. Экраны по всей зале один за другим прояснялись, и там начинали демонстрироваться лица прибывших с визитом королев. Все находившиеся в зале повиане откликались на каждое новое появление повианскими поклонами, выказывая при этом педипальпами единственную тонкую степень непосредственно под полноценной первой степенью уважения. Эта честь была зарезервирована для королевы-хозяйки.

Тусси появилась позади Редера и его группы офицеров. Свое ложе она заняла так тихо, что если бы повиане в зале не начали кланяться, люди бы так и не поняли, что королева уже на месте.

— Добро пожаловать,— начала Тусси.— Добро пожаловать, мои сестры-королевы и все ваши приближенные. Добро пожаловать, моя дочь, дама Систри. Мой особенное приветствие нашим человеческим гостям.— Она сделала жест в сторону Редера и его компании, и те поклонились.

В этот момент все глаза сосредоточились на содругах. Соубес уже проинформировал людей о том, что пока королева на них не укажет, глазеть на них повианским гостям будет невежливо.

Теперь же люди с каменными лицами глазели на повиан в ответ.

«Как интересно,— подумал Редер.— Когда на тебя глазеет народ с восемью глазами, это гораздо хуже, чем когда на тебя глазеет народ с двумя. Если точнее — в четыре раза хуже». Он также заметил, что повиане вроде бы и не собираются прекращать глазеть.

Наконец Тусси продолжила свою приветственную речь и тем самым сняла людей с крючка. Ибо пока говорила королева, было бы непозволительной грубостью смотреть куда-то еще.

— Круто они с нами,— уголком рта заметила Сара.

— Ага,— согласился Редер.

— Когда же нам доведется увидеть повианское представление Терри Хандинг? — поинтересовался Голдберг.

Доктор явно наслаждался происходящим. Многие годы он провел, обсуждая теоретических чужаков в различных дискуссионных группах, а теперь не мог на них насмотреться. Редер

боялся, как бы пытливый медик при первой же возможности не взялся огорошивать повиан самыми откровенными вопросами.

— Как только королева говорить закончит,— прошептал ему в ответ Труон Ле.

«Чего нам, между прочим, сейчас бы делать не стоило,— подумал Редер, поворачиваясь к доктору и награждая его многозначительным взглядом.— Черт побери, я так нервничаю, как будто сам флажком собираюсь махать».

Хандинг носилась туда-сюда, располагая свой небольшой повианский отряд так, чтобы он в точности соответствовал ее эстетическому чутью. Подравнивала ряды, напоминала повианам выпрямлять спины. И при этом почти чувствовала, как от них исходит нервное напряжение.

— Просто расслабьтесь,— сказала девушка.— Нет никаких причин нервничать. Вы будете просто великолепны! Выше голову, Уд-мне!

— Мы должны ей сказать,— пробормотал Нин-ни.

— Ладно,— сказал Фиг-те.— Я ей скажу.

— Разговорчики в строю! — рявкнула Хандинг.— А теперь запомните. Вы не начинаете свистеть, пока двери не станут открываться, а потом продолжаете свистеть до тех пор, пока все не промаршируете в залу и не сделаете пять строевых шагов на месте. Поняли?

— Да! — крикнули повиане.

— Дама Хандинг! — К ней торопливо присеменил Без-бе.— Я ждал вас снаружи.

— Ничего страшного,— сказала Хандинг.— Просто вставайте в строй. И просто Хандинг. Никаких там дам.

— Я должен вам кое-что сказать,— продолжил Без-бе, следуя за Терри вместо того, чтобы искать свое место в строю, как было приказано.

Хандинг повернулась и мрачно на него посмотрела. С ее лицом, разумеется, ничего не случилось, но она буквально облучила повианина мрачностью, и педипальпы Без-бе машинально приняли то положение, которое вся команда уже посчитала вполне подходящим для этой электростанции в человеческом облике.

— На это найдется время позднее, Без-бе,— произнесла Хандинг и безапелляционно указала повианину его место в голубой шеренге.— А теперь встаньте в строй!

Странные глаза самки угрожающе на него засверкали, и повианскому солдату отчаянно захотелось повиноваться. Но тут сзади пришла волна поддержки от его товарищей по команде.

— Это насчет сви...— начал Без-бе.

Огромные створки начали раскрываться, и Хандинг буквально затолкала повианина на место.

— Позднее,— повторила она и поспешила занять свое место. Терри приложила к губам свой серебряный свисток, а когда створки окончательно раскрылись, она в него подула.

Повианские ряды немедленно замаршировали, стараясь как можно точнее насвистывать радостный мотив.

Вполне отчетливые повианские ахи разнеслись по зале, когда марширующие со свистом стали входить. Редер вроде как улыбнулся. Это мотив он всегда обожал. Коммандер даже начал мысленно напевать слова: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди... солдат вернется — ты только жди...» А коллективный вздох он отнес на счет изумленного восторга перед достижениями команды Хандинг. Повиане маршировали просто потрясающе, и их ритмичное топанье производило сильнейшее впечатление.

Сидящая поблизости от Редера королева вдруг начала вставать со своего ложа. Медленно, величественно, подобно какому-то странному воздушному шару, она поднималась на ноги. В другом конце залы дама Систри тоже начала вставать.

«Ух ты! — подумал Питер.— Прямо как король при исполнении оратории Генделя «Аллилуйя». Классное зрелище». Затем он повернулся к Соу-бесу и вдруг понял, что тот отчего-то посерел.

— С вами все в порядке? — спросил коммандер.

— Они свистят! — выдохнул Соу-бес. Грубые волоски по всему его хитиновому панцирю начали вставать дыбом от ужаса.

— Ну и что? — спросил Редер.

— Свист — это... это непристойное приглашение к совокуплению! — ответил повианин.

— Боже мой! — Редер бросился через залу, отчаянно стараясь привлечь внимание инструктора повианской команды.— Хандинг! — почти заорал он.

Девушка обернулась на оклик и увидела несущегося к ней коммандера. Лицо его оставалось совершенно невыразительным, но губы были так плотно сжаты, словно он тоже собрался вот-вот засвистать, а указательным пальцем Редер бешено пилил себе глотку. Терри мгновенно приложила к губам свисток и выдула сигнал перемены мотива. Затем, набрав на ручном пульте нужные кнопки, запустила воодушевляющий марш Джона Филипа Соузы.

Быстрый взгляд через плечо сказал Редеру о том, что королева и дама Систри уже оседают обратно на свои ложа. Вид у них был какой-то странный, словно бы слегка парализованный. Повиане по всей зале, включая клановых королев на экранах, имели схожую внешность.

«Будь оно все проклято»,— успел подумать Питер, подбегая к Хандинг.

— Больше никакого свиста,— прошипел он.— Это приказ.

— Есть, сэр,— прошептала Терри.

Коммандер с сомнением на нее глянул.

— Есть больше никакого свиста.

С кратким кивком Редер пробрался обратно на свое место рядом с королевой Тусси. После секундного замешательства он, не двигая головой, поднял на нее глаза. Королева смотрела прямо на него. Тогда коммандер подобрался к ней поближе.

— Ваше величество, мы даже понятия не имели,— тихо произнес он.— У людей свист ничего подобного не подразумевает.— «То есть, можно, конечно, присвистнуть при встрече с красивой девушкой,— подумал Питер.— Но это же совсем другое дело».— Мы в высшей степени сконфужены и испытываем глубочайшее сожаление по поводу случившегося. Мы ни в коей мере не хотели доставлять вам и другим королевам подобного огорчения.

И он инстинктивно одарил королеву самым своим умоляющим взором, зная, что для повианки это ничего значить не будет.

Мгновение спустя жвалы Тусси защелкали — совсем тихо, зато быстро-быстро. Она подняла педипальпы, чтобы удерживать их в неподвижности, а ее хвост отчаянно завибрировал. Усилием воли королева оторвала глаза от маленького человечка перед собой и сосредоточилась на представленной в ее честь декоративной маршировке. В целом Тусси удавалось с собой справляться, однако ее то и дело одолевала неудержимая дрожь.

Редер какое-то время с опаской за ней наблюдал. А затем повернулся к Саре.

— Пожалуйста, сходи и расскажи даме Систри о том, что произошло,— прошептал он.— А то ее как будто контузило.— «И немудрено,— подумал Питер.— Наша радушная хозяйка организует и с нетерпением ожидает радостного события — и все ради того, чтобы исполнители сюда с непристойными предложениями завалились.— Тут он заржал и вынужден был срочно прикрыть рот ладонью.— Черт меня побери. Ни в сказке сказать, ни пером описать».

Редер опять поднял глаза на королеву, и она в тот же миг опустила взгляд, после чего обоим пришлось отвернуться. Человек и повианка буквально тряслись от едва сдерживаемого веселья. Наконец оба решили дилемму, напряженно уставившись прямо перед собой и наблюдая за марширующей командой с таким вниманием, словно только от нее зависело дальнейшее биение их сердец.

Оставшуюся часть вечера все важные персоны избегали смотреть друг на друга, поскольку это вызывало мучительный приступ идиотского хихиканья. А подобное поведение считалось весьма неподходящим для серьезного дипломатического приема.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Редер вошел в полутемную залу, и голограммы разнообразных королев повернулись на него посмотреть. Их жвалы почти тут же защелкали. Коммандер залился краской, и щелчки стали еще громче, когда королевы подметили этот признак смущения.

— Добро пожаловать, коммандер Редер,— сказала королева Тусси.— Подойдите и сядьте рядом со мной.

На самом деле они были в зале одни, если не считать ее первого и второго помощников, но Редер явственно ощущал присутствие других королев, хотя они и находились там лишь в виде красок и света.

— Пожалуйста, простите нашу веселость, коммандер,— сказала королева.— Но это правда было очень смешно.

— Благодарю вас, ваше высочество,— с легким поклоном отозвался Редер,— за столь благосклонное отношение к нашему постыдному неведению. Поверьте, я был так же удивлен, как и вы.

— О нет, коммандер,— мягко возразила зеленая королева.— Вот в этом я сомневаюсь.

Тут все опять защелкали жвалами. Это собрание было неофициальным, и королевы поддерживали непринужденный тон. Все, кроме Тусси. Голубая королева, как показалось Редеру, буквально излучала напряженное волнение.

— Расскажите нам о вашем народе, коммандер,— предложила Тусси.

— По большей части мы народ мирный,— начал Редер.— Первоначально наш военный ресурс создавался с целью противодействия пиратам. Что-то подобное кланам, как я понимаю, знакомо.— Тут коммандер заметил среди королев какое-то оцепенение. «Ладно,— подумал он.— Больше никаких ссылок на межклановые разборки».— Мы называем себя Содружеством.

Дальше Редер как мог описал их правительство, жалея при этом, что в свое время не уделял особого внимания занятиям по основам государства и права. Тем более, что его на этот счет серьезно предупреждали. «Но даже мисс Прикс,— подумал Питер,— не могла бы себе представить, что мне придется объяснять всю эту ерунду гигантским разумным насекомым». Он рассказал их величествам, что Содружество уже расширилось до трехсот планет, рассеянных по галактике.

— Вы хотите сказать, что не обживаете весь сектор целиком, прежде чем двинуться к следующему? — спросила оранжевая королева.— Как это необдуманно!

— Может быть,— отозвался Редер.— Но для нас это, похоже, годится. Как правило.— Не будь его лицо заморожено, он бы сейчас ухмылялся как последний дурак.— Мы способны быть последовательными в наших методах и зачастую таковыми бываем,— объяснил Питер.— Однако потребность исследовать...— «а также эксплуатировать»,— мысленно добавил он,— и быть при этом первыми в нас очень сильна.

— Не о том ли вы говорите, коммандер,— спросила Тусси, чья склоненная набок голова выражала изумление,— что если в каком-то секторе уже существует человеческое поселение... то в определенном смысле для людей этот сектор испорчен?

Редер на мгновение онемел. Это был хороший вопрос. И как он теперь на него ответит, не выставляя всю человеческую расу безнадежными психами?

— Действительно, для некоторых людей ответ на этот вопрос будет утвердительным. Но такие люди — подлинные пионеры, а не общая масса — скорее составляют исключение. Большинство людей, покидая родные планеты, желают отправиться в такое место, которое уже исследовано и до определенной степени обустроено.

— Значит, за пределами того, что вы называете расовыми различиями, существует более одного вида людей? — спросила Сембе, оранжевая королева. Одну педипальпу она держала ладонью вверх, другую ладонью вниз, что указывало на замешательство.

— Скорее это просто индивиды, имеющие предпочтения, к которым они стремятся. Немало людей имеют настолько схожие предпочтения, что вместе они воплощают определенный тип личности, независимо от расовой принадлежности.— «Что это я сейчас такое сказал? — задумался Питер.— Есть в этом какой-то смысл или нет?»

— Все это так похоже на млекопитающих,— с легким поворотом лиловой головы заметила Лисни.

— А разве могло быть иначе? — язвительно спросила зеленая королева.

Тут все королевы защелкали жвалами, а Редер зааплодировал. Хлопки его ладоней не так уж и отличались от их щелчков.

— Пожалуйста, продолжайте, коммандер,— предложила Тусси.

«Так-так,— подумал Питер,— и на чем же я остановился?»

— Естественно, в ранние для поселения дни исследовать свой сектор — слишком большая роскошь.— «Поселение — замечательное слово,— подумал Редер, благодарный королеве за то, что она его употребила.— В нем есть что-то домашнее, не столь агрессивное. Поселение звучит намного лучше колонии».— Однако, если какая-то планета достаточно богата, чтобы снарядить туда экспедицию и занести на карту ее окружение, считается хорошей практикой иметь под рукой людей, которые хотят чего-то другого — возможно, создать новое поселение. Так что когда исследователи обнаруживают планету, пригодную для ее заселения человеком, всегда находятся люди, готовые скорее за ними туда последовать, чем ждать, пока в их родном секторе откроют новую планету.

Королевы молчали, явно обдумывая сказанное.

— Выходит,— с предельной аккуратностью подытожила Сеззет, желтая королева,— ваш народ предъявил свои права на триста систем, ни одну из них полностью не заселив и не исследовав.

— По крайней мере, на триста планет,— уточнил Редер.— На самом деле я даже не знаю, есть ли у Содружества на этот счет

какая-либо политика.— Он развел руками.— За все то время, что мы были в космосе, ни с какими разумными расами, кроме повиан, мы не сталкивались. Так что этой политики вполне может не быть, поскольку раньше ничего подобного не происходило.

Тихое изумление встретило это ремарку.

— Хочется надеяться,— заметила Мойрис, зеленая королева,— что вы все-таки что-то придумаете, потому что эта беспорядочная гонка среди звезд совершенно неприемлема.

— Существует целая бесконечность систем, ваши величества,— решил утешить их Редер.

— Однако не существует неистощимых ресурсов,— мягко заметила Тусси.

— И думать, что какой-то ресурс может быть абсолютно надежным, это в лучшем случае разочарование, а в худшем — катастрофа. Если ваш народ уже заселил какие-то планеты в космосе, права на который предъявлены повианами, вам придется их освободить! — После этого заявления жесты и мимика зеленой королевы сделались отчетливо агрессивными.

— Ваши величества,— сказал Редер,— я всего лишь скромный коммандер нашей армии. Я не дипломат и вовсе не собираюсь вести с вами переговоры, таковым прикидываясь. У меня нет в подобных делах решительно никаких полномочий.

— Этот вопрос определенно будет обсуждаться, когда к нам прибудут те, кто соответствующими полномочиями облечен,— сказала Тусси.— А пока что я предложила бы перейти к обсуждению более легких материй.

И следующие четыре часа они обсуждали всякие мелочи вроде путешествий, торговли и команды по декоративной маршировке. Которая, несмотря на свое позорное вступление, совершенно очаровала королев — всех до единой.

— Это была катастрофа,— позднее в тот же день признался Саре озабоченный Редер.— Они узнали массу того, что им не понравилось, а я вообще ничего не узнал.

— А что им не понравилось? — спросила Сара, отхватывая еще один кусок бутерброда.

— Им не нравится наш способ колонизации. Повиане делают по-другому. Они заселяют первую же подходящую планету, какая им попадается, а затем исследуют и разрабатывают всю эту систему, прежде чем хотя бы попытаться найти другие.

Сара задумчиво кивнула.

— Да, это на них похоже,— сказала она.— Повиане чертовски методичны. Они и воюют так же. Методично. Скорее всего, именно поэтому они нас до сих пор наголову не разбили. Мы все время ковер из-под них вытаскиванием.— Она улыбнулась.— Очень удачно, что мы такие непредсказуемые.

— Но они учатся.— Питер бросил свой бутерброд, всего один-единственный раз его куснув.— Ведь эти задания типа «ударь-и-беги» они напрямую от нас подцепили. Причем когда я говорю «от нас», я имею в виду нас непосредственно.

— Это было неизбежно.— Сара вздохнула.— Повиане — разумный вид, а любой успешный вид способен адаптироваться.— Она развела руками и энергично пожала плечами.— Здесь не наша вина.

— А ты заметила, что мы теперь куда больше мимику и жесты используем? — спросил Питер.

Сара улыбнулась.

— Конечно — мы адаптируемся.— Она встала и швырнула остатки ленча в мусорный бак.— Послушай, ты ничего не запорол. Ты сказал им, что не можешь ответить на определенные вопросы, сказал, что у тебя нет власти что-то делать. Не понимаю, как ты мог оттолкнуть их от себя своей честностью.— Направившись к двери, Сара повернулась, чтобы еще раз ему улыбнуться.— И не забывай про клан Нтагон. Поведение тех повиан выставило все кланы в очень дурном свете. И из этого положения они захотят как можно скорее выбраться, можешь мне поверить.

— Нрзан вызывает славу Линче! — выкрикнул Ху-сей. Первый помощник королевы Тусси забарабанил жезлом по пустому деревянному ящику, и звук стал эхом отражаться от голых стен залы.

Огромное помещение было священным местом для всех повиан. Оно представляло собой залу для собраний их вида еще с тех времен, когда инструменты делались из бронзы. Одновременно это была и арена, и судилище. Никаких удобств здесь не имелось; пол был земляной, стены каменные. Потолок составляли стволы деревьев, щели между которыми были попросту залеплены грязью. Единственные украшения были, соответственно, варварскими; на концах длинных шестов были развешаны бронзовые сети для ловли со вставленными туда шипастыми металлическими дубинками — оружием дикарского детства расы повиан.

Многие тысячелетия сюда не позволялось вносить никаких перемен помимо необходимого ремонта. Вокруг этой залы был выстроен громадный дворец, храня ее здесь, как будто в секрете. Это было самое сердце повианской цивилизации.

Как только эхо затихло, на ближайшем с королевой Нрзана месте расцвел зеленый голообраз королевы Мойрис из клана Линче, второго по старшинству.

— Нрзан вызывает славу Блетни!

Напротив Мойрис и слева от Тусси появилось голо королевы Сембе из оранжевого клана, третьего по старшинству. Дальше Ху-сей вызвал клан Стреф, и появилась Сеззет, желтая королева.

Наконец он вызвал клан Венед, и возникла Лисни, лиловая королева.

Каждая королева держала в своих педипальпах комок жира — нищенской пищи, крайне отвратительной для их изысканного вкуса. Чтобы говорить и задавать вопросы, королевы должны были брать комочек жира и жевать его, пока говорят. Таким образом урезались ненужные вопросы и слишком витиеватые речи. Для начала каждая королева отщипнула немного жира.

— Кто созвал нас сюда, и зачем нас сюда созвали? — хором, нараспев произнесли все они.

— Я созвала вас,— сказала Тусси и выдвинулась вперед, вставая в круг света, оттенок которого соответствовал цвету ее клана. Затем она подняла педипальпу и вгрызлась в комок жира.— Я созвала вас не только за тем, чтобы засвидетельствовать нашу первую встречу с новым видом,— продолжила голубая королева.— Я также должна рассказать вам о том зле, которое уже разрушает один из наших кланов, а в конечном итоге, может статься, разрушит мир между всеми кланами.

Завершив таким образом формальное вступление, Тусси расположилась на ложе, которое ее первый помощник выдвинул вперед. Затем она опять вгрызлась в комок жира, завоевывая себе право говорить.

— С собой люди привезли ребенка из клана Нтагон,— сказала Тусси.— Ему случилось оказаться на их корабле посредством совершенно поразительного происшествия. Однако это рассказ для другого раза. Разумеется, когда я узнала о том, что у людей на корабле есть повианский ребенок, я потребовала, чтобы его доставили ко мне.

Вокруг нее все королевы в молчаливом одобрении защелкали жвалами.

— Удовлетворенная тем, что люди не причинили этому ребенку никакого вреда, я спросила его, как получилось, что он, такой юный, вообще оказался в космосе.— Тут голубая королева сделала паузу, слегка наклонила голову и изящным взмахом педипальпы убрала со своего хелицера лишний комочек жира.

— Выяснилось, что Нтагон ведет войну против этих людей из Содружества, якобы оказывая помощь своим человеческим союзникам, именуемым мокаками,— сказала она наконец.— Здесь, разумеется, есть еще очень многое, хотя наши человеческие гости на этот счет достаточно скрытны. Их корабль военный, а потому не укомплектован дипломатами. Я подозреваю, что их вожак боится слишком много нам рассказать. К счастью, мой юный источник информации знает причину этой войны — или думает, что знает. Судя по всему, люди наткнулись на обширные залежи природного антиводорода. Фа-коф не знает, почему люди, которым помогает их клан, не хотят делиться этим антиводородом с другими людьми, а желают воевать, чтобы сохранить его для себя.

Мойрис из Линче, зеленая королева, отщипнула от комка в своей педипальпы кусочек жира, завоевывая себе таким образом право говорить.

— Нтагон, надо полагать, уже достаточно долгое время знает этих людей, раз он ввязался в войну на стороне одного человеческого клана против другого. Почему же он держал это в секрете от нас, всех остальных? — спросила она.— Кто-нибудь из вас слышал раньше хоть слово об этих людях?

Все королевы сделали отрицательные жесты.

— Так почему ребенок Нтагона оказался в космосе? — спросила Лисни, лиловая королева. Языком слизнув кусочек жира со своего хелицера, она сняла его педипальпой и прилепила обратно к большому комку.

Тусси, к молчаливому удивлению и уважению других королев, отхватила от своего комка очень приличный кусок.

— Молчание нашего сестринского клана по поводу людей могло бы показаться странным, если бы оно не совпало по времени с открытием этими людьми уникального природного источника, о котором я уже упомянула. В таком свете молчание Мигерис становится зловещим.

Королевы неловко заерзали. Некоторые выразили несогласие.

— Согласно Фа-кофу,— продолжила королева Тусси,— Мигерис, ее дамы и их дочери с невероятной скоростью производят потомство. Так происходит последние пятнадцать лет. Детей, подобных Фа-кофу, жестоко тренируют и безжалостно отправляют на войну, как только они становятся достаточно сильны и координированы, чтобы обращаться с оружием. Тысячи из них уже погибли в бою.

От всего кружка королев последовал шумный выдох и отрицательные жесты. Сеззет, желтая королева, откусила немного жира.

— Однако нам приходится полагаться только на слова этого ребенка,— заметила она.— Эти люди могли с ним что-то такое сделать. Возможно, его пытали, чтобы он выдвинул эти дикие обвинения.

Тусси по-прежнему жевала, а потому смогла ответить немедленно.

— Мои лучшие врачи в ходе многочисленных обследований не обнаружили никаких признаков того, что люди обошлись с Факофом каким-то подобным образом. Раз уж на то пошло, то, согласно самому ребенку, они как могли старались быть с ним добрыми и всячески ему помогать. Кроме того, я еще не рассказала вам о самых злых проступках Нтагона. Они не только едят людей...

Снова последовал общий выдох, а Мойрис из зеленого клана тут же отхватила кусочек жира и заговорила.

— Это неслыханное обвинение! — Мойрис с отвращением и недоверием взмахнула педипальпой.— Думать, что такой цивили-

зованный народ, как мы, станет есть разумных существ, просто недопустимо! А кроме того, они в союзе с людьми. Безусловно, подобный варварский акт разрушил бы их отношения.

— Если откровенно, сам Фа-коф никогда этого не видел,— признала Тусси.— До него лишь доходили слухи.

Все королевы вокруг нее сделали удовлетворенные жесты, словно бы говоря: «Я так и знала!»

— Тогда это просто клевета,— заключила Сеззет и слегка повернула желтую голову. Этот ее жест выражал удивление перед наивностью Тусси.

— Зато,— продолжила Тусси, упорно пережевывая жир,— Фа-коф собственными глазами видел...— голубая королева уже слегка задыхалась от напряжения,— другие смертные казни.

Обессиленная, Тусси повернулась спиной к своим сестрам-королевам, силясь восстановить самообладание. Остальные четверо королев обменялись тревожными взглядами.

— Расскажите нам,— попросила Лисни, отщипнув крошечный кусочек жира.

— Они видел, как офицеры, а однажды дама... ели повиан.

— Нет! — Сеззет вскочила со своего ложа. Затем, опомнившись, она откусила кусочек жира и продолжила: — Я не могу в это поверить! Каннибализм? — Все ее тело отвергало эту мысль.— Почему? Зачем Мигерис такое проделывать? И почему мы должны верить людям, когда они такое говорят?

— Но люди об этом не говорили,— заметила Тусси.— Эти заявления сделал повианин. С вашего позволения я разрешу ему войти.

Ее сестры-королевы обменялись тревожными взорами, а затем одна за другой кивнули в знак согласия. Ху-сей быстро подошел к двери, что-то негромко сказал и жестом пригласил внутрь юного повианина.

За всю свою недолгую жизнь Фа-коф никогда не чувствовал себя мельче, чем теперь, оглядывая круг королев. Серый он ужаса, он пал ниц и так и лежал, содрогаясь.

Королевы, застигнутые врасплох таким поведением, молчали. Обычно повианские дети были уверены в себе и всегда радовались знакомству с самкой. Даже такие достаточно взрослые дети, как Фа-коф.

Подойдя к ребенку, Тусси принялась нежно поглаживать его по спине, пока ей не удалось убедить его встать и обратиться лицом к королевам.

— Расскажи моим сестрам-королевам, кто ты, дитя,— предложила Тусси.

— Я Фа-коф, оружейный техник третьей статьи, бывший член второй боевой когорты клана Нтагон, находящейся под прямым командованием дамы Сисик, которая является пятой дамой королевы Мигерис.

— Пятой дамой! — воскликнула Мойрис, взмахивая зеленой педипальпой.— На данный момент в поселении Нтагона в том секторе должно быть не более трех дам!

— Там семь дам, ваше величество,— смущенно сообщил ей Фа-коф.

— Семь? — воскликнула Лисни.

— О которых мне известно,— добавил Фа-коф.

Лиловый был самым молодым кланом после красного, однако прошло триста лет, прежде чем там понадобилось семь дам.

— Мигерис была королевой меньше семидесяти лет,— сказала Лисни.— Ей никоим образом не может требоваться семь дам!

— Это зависит от ее планов,— заметила Тусси.

— А ты хороший техник? — спросила Сембе, ободряюще кивая оранжевой головой.

— Да, ваше величество,— ответил Фа-коф.— Я был лучшим учеником в своем классе.

— А что с теми, которые не становятся хорошими техниками? — поинтересовалась желтая королева.— Что с ними случается?

— Их ставят работать на фермах или заводах,— ответил Фа-коф.

— Теперь скажи, что бывает с теми, которые ленивы, непослушны и недостаточно прилежно работают на фермах и заводах,— сказала Тусси.

Фа-коф опустил взгляд, переминаясь с ноги на ногу. Его хитин снова посерел.

— Можешь отвечать, дитя,— сказала Тусси, нежно гладя его педипальпой по голове.— Никто не обвинит тебя за то, что ты должен об этом сказать.

— Их уничтожают, ваше величество,— тихо проговорил Фа-коф.— Порой из них делают наглядный пример и съедают. Части их тел в качестве предостережения распределяют между теми, чья работа была недостаточно удовлетворительной.

— Это ложь! — заявила Мойрис, и зелень ее хитина приняла какой-то нездоровый оттенок.— Это невозможно и неразумно!

Тусси сочувственно на нее посмотрела. Мигерис была одной из дочерей Мойрис, и клан Линче очень годился ее возвышением в королевы нового клана.

— Я согласна, что это неразумно,— сказала она.— Есть у вас еще какие-то вопросы к ребенку?

Вопросы нашлись, и, хотя ответы на них было мучительно слышать, королевы продолжали расспрашивать Фа-кофа, пока окончательно во всем не убедились.

— Тем не менее,— упорно настаивала Мойрис,— мы также должны расспросить этих людей. Этот ребенок ничего не знает о всей ситуации в целом.

— Согласна,— сказала Тусси.— Однако, я считаю, на сегодня с нас уже достаточно. Давайте удалимся и подумаем о том, что мы узнали, а также о том, что нам спросить у людей.

— Согласны,— дружно отозвались изнуренные и взволнованные королевы.

— Тогда до завтра,— сказал Тусси.— Соберемся здесь в тот же час.

Она понаблюдала за тем, как королевы последовательно отключаются,— и отвернула голову при виде полной отчаяния позы Мойрис. То, что она поделилась своей ношей, нисколько эту ношу не облегчило, и Тусси стыдилась того, что ей выпало им обо всем рассказать. Как и все остальные королевы, она задумывалась о том, что могло превратить красный клан в таких монстров.

Затем Тусси погладила напряженную спину Фа-кофа.

— Идем,— сказала она.— Отобедай со мной. А потом мы в скалики поиграем. Любишь скалики?

Юный повианин кивнул. Затем он поднял взгляд на королеву.

— Я не лгал, ваше величество. Правда не лгал.— Педипальпы подростка буквально умоляли ему поверить.

— Я знаю, что ты не лгал, сынок. Просто очень тяжело такое услышать. Поэтому нам не хочется, чтобы это была правда.— Одним когтистым пальцем королева нежно приподняла ему голову.— Но это правда, и теперь мы должны думать, что с этим поделать.

Соу-бес заметно нервничал. Редеру казалось не слишком обнадеживающим, что эксперт по этикету стал так суетлив. Повианин расхаживал взад-вперед по коридору, то и дело дергая когтями за обтягивающий стены шелк. «Если он уже готов на стены лезть,— подумал Питер,— что же тогда мне предполагается делать?»

Наконец, выказывая педипальпами вторую степень уважения, Соу-бес подошел к коммандеру.

— Я говорил вам, что если королевы захотят, чтобы вы присоединились к обсуждению, вам дадут комок жира? — спросил он.

Редер кивнул.

— А если вы захотите говорить, вы должны жевать жир,— сказал эксперт по этикету.

— Вы просто отлично меня проинструктировали,— заверил повианина Питер, делая ладонями успокаивающие движения.— Если я где-то напортачу, никто не сможет вас обвинить. Ваша работа была безупречна.

Соу-бес повращал одной педипальпой вокруг другой, показывая тем самым свое расстройство.

— Мне почему-то кажется совсем по-другому,— сказал он.— Хотя я сердечно благодарю вас за поддержку,— торопливо добавил консультант, делая уважительный жест.

«А от оскорблений эксперт по этикету даже в таком состоянии предельно далек»,— лукаво подумал коммандер.

— С вашими превосходными инструкциями и советами мы с мисс Трюдо должны справиться как нельзя лучше,— взялась успокаивать повианина Сара.

Затем они с Питером обменялись многозначительными взорами. «Кому могло прийти в голову,— дружно подумали оба,— что в один прекрасный день нам придется повианина утешать». Меньше месяца тому назад повиане были врагами, которые в буквальном смысле ели людей живьем и которые запросто обеспечивали бы людям ночные кошмары, даже если бы их не ели. А теперь они были друзьями, причем чертовски славными.

— Наверное, я никак не могу прийти в себя после того... инцидента,— признался Соу-бес.

— Любой бы не сразу пришел,— утешила его Сара.

«Особенно бедняга Бартер»,— подумал Питер.

Получилось так, что эксперт по этикету, убежденный в том, что хорошие манеры могут одолеть любые препятствия, организовал себе «случайную» встречу с лингвистом в коридоре научного отдела. Мистеру Бартеру до сих пор успокоительное кололи.

«И несчастный Соу-бес, вероятно, тоже что-то такое употребил,— подумал Питер, внимательно изучая нервозного чужака.— По-моему, у него какой-то серый налет вокруг... гм, рта».

Громадный деревянный барьер, совершенно определенно не дверь, скользнул в сторону, и перед ними предстал Ху-сей, первый помощник королевы Тусси.

— Клан Нрзан вызывает представителей Содружества,— нараспев произнес он.

— Э-э...— Размахивая указательным пальцем, Редер в темпе к нему подскочил.— Мы всего лишь представители нашего корабля, «Непобедимого»,— сказал он.— Мы пришли сюда не как официальные представители Содружества.

Последовала пауза, пока первый помощник это переваривал.

— Отличный ход, сэр,— прошептала Марион Трюдо, корабельный юрист.

— Клан Нрзан вызывает представителей корабля Содружества «Непобедимый»,— так же нараспев произнес Ху-сей, но уже заметно громче, чтобы вернее отмести любые другие уловки, к каким могут прибегнуть люди.

Содруги и Соу-бес гуськом вошли за Ху-сеем.

Питера не на шутку удивило увиденное. Все это порядком напоминало продемонстрированные ему в свое время компьютерные имитации громадных средневековых залов человеческой расы. Между темной почвой пола и черными от дыма стенами и потолком гигантские королевы были единственными цветными пятнышками в этом месте.

Ху-сей провел людей в их световой кружок — шестой в общем круге королев, тот самый, в котором вообще-то должен был находиться представитель клана Нтагон. Для удобства гостей там

были устроены какие-то подобия гамаков с чем-то вроде подушек из шелковых кип. Редер и его люди держали руки соответственно первой степени уважения, склоняя головы перед королевой Тусси.

— Прошу садиться,— предложила им голубая королева. Когда люди расселись, она сказала: — В интересах сохранения времени и сил мы чувствуем, что настала пора для откровенного разговора. Вы освобождаетесь от ритуала прожевывания жира.

— Как вам будет угодно, ваше величество,— откликнулся Редер.— Хотя я могу быть ограничен в разговоре, руководствуясь...

— Мы скажем вам, что нам известно,— прервала его Тусси.— Думаю, вы найдете нас очень хорошо информированными. Настолько хорошо, что вам очень мало что придется от нас скрывать, руководствуясь соображениями секретности.

Редер с трудом сглотнул.

— Благодарю вас, ваше величество,— сказал он.

— Мы знаем, что вы находитесь в состоянии войны с коллективом людей, именующих себя мокаками. Мой новый сын сообщил мне, что все в клане Нтагон считают этих людей совершенно безумными. И все же по какой-то причине Нтагон заключил с ним союз против Содружества. Мой сын также рассказал мне, что Космический Отряд Содружества — превосходные солдаты, умные и стремительные в бою. Хотя, с другой стороны, мы уже и сами поняли это по тому, в какой манере вы помогли изгнать с нашей территории рейдеров Нтагона.

Редер молча склонил голову в знак признательности. «Спасибо тебе, Сара»,— подумал он.

— Мы знаем, что вы воюете за обширные залежи природного антиводорода, которыми мокаки не желают с вами делиться. Теперь расскажите нам больше.

Редер вдруг понял, что рот у него изумленно разинут.

— Гм... это очень точно резюмирует ситуацию, ваше величество,— после небольшой паузы сказал он.— Какого рода информацию мы можем добавить к тому, что вам уже известно, чтобы как-то прояснить дело?

— Почему мокаки хотят уберечь от вас эти ресурсы? — спросила Мойрис.

Редер повернулся лицом к зеленой королеве.

— Они хотят вызвать крушение нашей цивилизации,— признал он. «Просто не вижу,— подумал коммандер,— как это сообщение может повредить Содружеству. Черт возьми, оно может вызвать к нам некоторое сочувствие».

— Похоже, безумие — вовсе не исключительная привилегия клана Нтагон,— заметила лиловая королева.

Мойрис повернула голову, бросая гневный взгляд на Лисни. Она уже была более чем достаточно расстроена обрушившимися на ее дочь обвинениями, чтобы еще и выслушивать ехидные замечания.

— Зачем им это нужно? — спросила Тусси.

— Не знаю, есть ли у повиан религия...— начал Редер.

— Пожалуйста, объясните,— попросила Сеззет. Ее желтые педипальпы выражали любопытство.

— Если в самых простых выражениях, то религия — это философия, которая предполагает существование некого заинтересованного сверхъестественного существа,— сказал коммандер.— У человечества имеется множество подобных философий, и порой крупные массы людей становятся невероятно ревностны в своей вере в эти философии. Ревностны до такой степени, что нам приходится вступать с ними в войну, страдать от лишений и даже гибнуть, чтобы их защитить. Мокаки — подобная одержимая группа людей. Они рискнут всем на свете, лишь бы распространить свои верования.

— Но во что именно они верят, коммандер? — Сембе, оранжевая королева, вопросительно его разглядывала.

— На самом деле я не так хорошо знаком с их верованиями,— сказал Редер.— Они особенно ими не делятся, пока вы не вступаете в их ряды, и даже тогда открывают очень немногое. Только после того, как вы достаточно долго с ними пробудете, и они убедятся в вашей преданности их делу, они могут вам что-то поведать. Мы в Содружестве наверняка знаем только одно, потому что мокаки сразу нам это сказали. Они твердо верят в то, что мы несем с собой зло и что нас следует остановить, не позволяя нам распространить это зло среди звезд.

— Не знаю, несете вы собой зло или нет,— сказала Мойрис.— Но я определенно считаю, что вас следует остановить и не давать вам распространяться среди звезд так беспечно, как вы до сих пор это делали.

— Этот вопрос в свое время обязательно будет поднят,— заверила зеленую королеву Тусси.— А теперь давайте остановимся на Нтагоне и всем, с ним связанном.

Мойрис сделала грациозный жест, соглашаясь.

— Почему, как вам кажется, Нтагон помогает этим странным людям? — спросила Лисни.

Редер заколебался, и Трюдо взглянула на него, явно прося разрешения ответить. Коммандер кивнул.

— В юридической практике,— принялась объяснять Трюдо королевам,— хорошим правилом считается спрашивать: кому это выгодно? Если бы Содружество не имело возможности покидать свои планеты для торговли, мы прекратили бы существовать как реальная сила. Мокаки бы это приветствовали. Они также заявили, что у них нет намерения разрабатывать природные залежи антиводорода для себя. Таким образом, очень похоже, что эти ресурсы остаются свободными для любого, кто явится вовремя.

Тут все королевы застыли в неподвижности. И так продолжалось в течение нескольких минут.

«Наверное, они тоже об этом задумывались,— догадался Питер.— Никакой другой логичной причины, почему Нтагон воюет на стороне мокаков, просто в голову не приходит. Мокаки ненавидят собственную расу, а чужаков — и подавно. И я ни на секунду не допускаю, что повиане могли обратиться в их веру».

— Я искренне сомневаюсь,— сказал он в тишине,— что Нтагон обратился в веру мокаков.

— Это невозможно,— согласилась Тусси. Вскоре она заговорила снова, на сей раз напрямую обращаясь к своим сестрам-королевам.— Имея в своем распоряжении подобные ресурсы, Нтагон превратится в очень серьезную силу.

Голубая королева не стала развивать эту мысль, чтобы остальные сами подумали, и королевы стали размышлять. А люди, заметила Тусси, очень скоро стали проявлять беспокойство. Однако пока что она решила их игнорировать, сосредоточивая все свое внимание на королевах, наблюдая за всеми малейшими их движениями, надеясь, что таким образом получит информацию об их мыслях.

— Этого нельзя допустить,— наконец произнесла Мойрис. Голос ее скрежетал как трущиеся друг о друга камни.— Ни один клан не должен быть настолько могущественней остальных. Это нарушит равновесие и внесет зло.

— Это необходимо остановить,— согласилась Сембе, уверенно дернув оранжевой головой.

Остальные подтвердили свое согласие.

— Эти ресурсы принадлежат человеческому Содружеству,— объявила Тусси.

Она пристально наблюдала за своими сестрами-королевами, стараясь уловить малейшие знаки несогласия. Но их не было. Все королевы с полной определенностью выразили свою солидарность.

— Это вовсе не потому, что нам они не нужны,— объяснила Тусси людям.— Причина здесь такова, что они возмутили бы наш мир, нарушили бы равновесие нашей цивилизации. Хуже того, эти ресурсы, судя по всему, вызвали то зло, за которое несет ответственность клан Нтагон. Мы должны остановить Нтагон и лишить его возможности помогать вашим врагам. Теперь все, что нам нужно, это решить, как это сделать.

Сбоку от Редера появился Ху-сей.

— Не будете ли вы так любезны сопровождать меня, коммандер? — уважительно произнес он.

Редер и его отряд поклонились королевам, попятились на десять шагов, а затем последовали за первым помощником к выходу из залы. Питер был уже почти у барьера, когда негромкое щелканье жвал предупредило его о том, что к его заднице прилипла шелковая подушка.

— Могла бы сказать,— уголком рта прошипел он Саре.

— Я не заметила,— прошептала она в ответ.— Я пыталась свою корму от такой же очистить.

Ху-сей щелкнул жвалами при виде того, как люди отчаянно стараются избавиться от шелка, который только лип к их ладоням.

— Вы не позволите? — спросил повианин.

— Не позволю? — переспросил Редер.— Я вас нижайше прошу.

С помощью Соу-беса повианин за считанные мгновения всех их очистил.

— И что теперь? — спросил Редер у первого помощника.

— Вас проинформируют, коммандер,— ответил Ху-сей.— А прямо сейчас я рекомендую вам вернуться на свой корабль. Отправьте домой всех повиан, которые все еще у вас гостят. Когда королевы закончат совещание, они будут готовы отправиться в дорогу, и вы должны будете их сопровождать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Когда я спросил даму Сучарес о тех людях, которые были загнаны на территорию клана Нрзан, дама сказала, я цитирую: «Это больной и извращенный народец, который лжет и убивает без всякого на то повода».

Мастер охоты Сом-сун говорил так спокойно, как будто докладывал непосредственно своей королеве об успешном завершении очередного задания, а не давал отчет пяти возвышающимся над ним самкам. Вид этих самок был невероятно пугающим, как и само место их встречи, однако ради чести своего клана и своей королевы мастер охоты заставлял себя держаться так, словно это было что-то не слишком существенное.

— Тогда я спросил даму, почему Нтагон не призвал другие кланы помочь ему в этом бою. Дама ответила, что Нтагон способен сам позаботиться о себе и не испытывает необходимости униженно ползти к своим сестрам за помощью.

— Какое высокомерие! — гневно буркнула Мойрис.

— А дама не сказала, почему Нтагон не извинился за преследование своего врага на территории Нрзана без всякого предупреждения? — осведомилась Тусси.

Сом-сун поколебался, затем ответил:

— Дама сказала, что ее мастера охоты находились при исполнении своих обязанностей, и что она не станет за это извиняться.

Королевы были так ошарашены, что погрузились в молчание.

— Для дамы это весьма отважное поведение,— высказалась наконец Лисни. Ее педипальпы демонстрировали глубокое неодобрение слов и поступков дамы Сучарес.— Даже для самой Мигерис это было бы слишком сильно. Но для дамы...

— Продолжайте,— велела Тусси мастеру охоты, уже понимая, что она услышит дальше.

— Затем я попросил позволения дамы продолжить свое путешествие, дабы передать приветствие моей королевы ее королеве. Дама Сучарес сказала мне, что это вовсе не обязательно и что она передаст королеве мое сообщение. Тогда я спросил, запрещает ли она мне продолжить путешествие, и она ответила, что запрещает.

— Она объяснила, почему? — настойчиво спросила Мойрис.

Мастер охоты слегка изменил позу, не в силах не указать на свое волнение.

— Дама сказала, что это ее решение как подкоролевы и что она решает не оказывать мне подобной услуги. Она сказала мне, что ее королева безусловно поддержала бы ее решение, ибо у королевы Мигерис нет времени на каждого ничтожного мастера охоты, который заявляет, будто несет приветствие своей королевы, тогда как все, что он на самом деле готов предложить, это дерзкие и неуместные вопросы.

— Подкоролева? — переспросила Мойрис из зеленого клана. Голос ее был низким, а поза — смутно угрожающей.— Что-то не нравится мне, как это звучит.

Тусси поднялась со своего ложа и оглядела остальных королев.

— В таком случае я должна передать ей свое приветствие лично,— объявила она.

— И я тоже,— мгновенно согласилась Мойрис.

Сембе, оранжевая королева, встала.

— Блетни к вам присоединится.

— И Стреф,— добавила Сеззет.

— И Венед.— Лисни наклонила лиловую голову.— Пять королев приходят с визитом. Это должно заставить нашу молодую сестру нас заметить.

— Сэр! — Голос Труона Ле пробудил Редера от крепкого сна.

— Что? — хрипло отозвался коммандер.

Он встал и ощупью добрался до стола. Даже полусонный, Питер различил в голосе старпома тревогу. Свет в его каюте медленно загорался, как он его и запрограммировал, чтобы уберечь глаза от резкой перемены освещения. Плюхнувшись в кресло у стола, Редер ткнул кнопку интеркома, и стенной экран тут же заполнило озабоченное лицо старпома.

— В чем дело, мистер Труон? — спросил коммандер, чувствуя, как сон стремительно уходит.

— Наземный контроль повиан велел нам готовиться к выходу из системы. Нас попросили сопровождать королев на территорию клана Нтагон.

В голове у Редера что-то внезапно щелкнуло. «Как пленников, наблюдателей или активных участников?» — задумался он.

— Немедленно свяжите меня с дамой Систри,— приказал коммандер. Пробежав рукой по волосам, он пожалел о своей

неухоженной внешности. «Впрочем, она как пить дать даже ничего не заметит»,— утешил он себя.

— Перед вами Пет-мол, коммандер Редер,— сообщил изящный на вид повианин, когда экран прояснился.— К сожалению, моя дама в настоящий момент не может вас принять. Однако, предчувствуя ваш звонок, она оставила для вас следующее сообщение.

И, не дожидаясь позволения или комментария, первый помощник запустил запись.

— Коммандер,— сказала с экрана дама Систри,— от имени моей матери и всех остальных королев я прошу вас не тревожиться от такого поворота событий. Пожалуйста, сопровождайте королев в их путешествии для прямого противостояния королеве Мигерис. Существует надежда и желание Нрзана и сестринских кланов уладить все проблемы между вашим народом и нашим. Мы также хотим, чтобы вы твердо знали следующее: «Непобедимый» и вся его команда находятся под непосредственной защитой Нрзана.

Запись закончилась, и Пет-мол вернулся на свое место.

— Если вашему кораблю, коммандер, для благополучного отбытия требуется что-то еще, пожалуйста, дайте мне знать, и я незамедлительно все улажу.

— Благодарю вас, первый помощник,— сказал Редер, удерживая руки во второй степени уважения.— Я немедленно посовещаюсь с моими офицерами и позвоню, если у нас обнаружатся подобные надобности.

Как только они разъединились, Редер тут же созвал видеосовещание, пробуждая некоторых офицеров ото сна.

— Дамы и господа,— начал он,— наши повианские друзья решили отправиться повидаться с кланом Нтагон, так сказать, на ближней дистанции. Они попросили нас сопровождать их под непосредственной защитой клана Нрзан.

— Это ловушка!

«А, проклятье! — мысленно выругался Редер.— Опять я забыл этого чертова Бута из нашей компании устранить».

— Ловушка это или нет, мистер Бут, но мы идем с ними. В данный момент мне требуется знать только одно — все ли у нас есть, чтобы мы могли двигаться. Скиннер? — обратился Редер к старшему механику.

— Сегодня мы завершили моторные испытания. Все прошло более чем удовлетворительно. Мы под завязку заправлены антиводородом, переборки в моторном отделении в полном порядке. Мы готовы.

«Просто шекспировский монолог, если учесть, что это Оджи»,— подумал коммандер.

— Вода? Продукты? — спросил Питер, поворачиваясь к квартирмейстеру. «Туалетная бумага?» — мысленно добавил он.

— Полный комплект, сэр! — Молодой временный квартирмейстер ухмыльнулся, как полоумный бурундук.

— Пожалуй, не помешал бы славный набор координат,— явно сдерживая зевок, заметила Ашли Люрман.

— Они уже высланы,— сообщил ей Труон Ле.— Могу их вам перегрузить.

— Будьте так любезны,— сказала Люрман.— Чем раньше я на них взгляну, тем раньше узнаю, нужно мне что-то еще или нет.

— Это ошибка! — опять встрял Бут.

— Благодарю вас за ценный вклад, мистер Бут,— сердечно поблагодарил Питер шефа контрразведки. «Лучше бы я себе за полцены автоматически регулирующуюся аудиозапись купил»,— подумал он.— И благодарю вас всех. Если я вам понадоблюсь, я буду на мостике. Совещание закончено.

Набрав несколько клавиш, коммандер снова оказался лицом к лицу с Пет-молом.

— Похоже, первый помощник, мы всем неплохо обеспечены,— сказал Питер.— За что выражаем сердечную благодарность вашему народу. Однако нам бы хотелось, чтобы нас сопровождал повианский офицер, который инструктировал бы нас по мере нашего продвижения. Мы не хотели бы допустить в ходе этой миссии какую-либо ошибку.

— Разумеется, коммандер,— охотно согласился Пет-мол.— Мы также хотели бы предложить вам услуги Соу-беса, эксперта по этикету.

— Мы будем счастливы, если он будет нас сопровождать,— заверил его Редер.— Однако в таком случае нам потребуются припасы, необходимые для проживания на нашем корабле двух граждан клана Нрзан.

— Это будет сделано, коммандер,— заверил его Пет-мол.— Желаю вам удачного путешествия.

— Благодарю вас, первый помощник.

Редер какое-то время таращился на пустой экран. Он не мог справиться с неловким чувством по поводу этого внезапного отбытия. Но он очень хотел доверять королеве Тусси. На данный момент.

Двое суток спустя королева Тусси смотрела в лицо очень молодой даме, которая заявляла, что она вторая после дамы Сучарес.

— Вы? — спросила королева, позволяя своим педипальпам выразить удивление, а наклоном головы указывая на восхищение.

Шикси совсем низко наклонила голову, а ее педипальпы однозначно продемонстрировали первую степень уважения.

— Моя матушка желает, чтобы я набралась всего того опыта, какой только могу получить. Она говорит, что нельзя знать слишком много.

— Ваша матушка права,— любезно отозвалась королева Тусси.— Знания и опыт очень ценны. Однако я должна поговорить

непосредственно с вашей матушкой. Хотя и не желаю проявлять никакого неуважения к вам, юная дама. Где дама Сучарес?

Шикси на мгновение замерла. А затем с несомненным чувством удовлетворения ответила:

— Моя матушка занимается своими экспериментами.— Жест ее педипальпы выразил отвращение.

— Что это за эксперименты, дитя мое? — спросила Тусси.

Юная повианка выпрямилась, однако отвернула голову в очевидном намеке на смущение.

— Она экспериментирует с получением сексуального удовольствия без оплодотворения.

Тут Тусси застыла в полной неподвижности. Поначалу она просто онемела от шока, поняв смысл того, что сообщило ей это дитя. Это было совершенно неслыханно.

— Вы имеете в виду... с самцами? — спросила королева.

Все самки могли с легкостью манипулировать самцами посредством своих феромонов, заставляя их впадать в гипнотическое состояние безумной похоти. Но это должно было использоваться исключительно с целью спаривания, и считалось попросту аморальным заниматься этом без серьезной на то причины.

— Да, ваше величество.— Шикси смотрела с экрана, и в наклоне ее головы чувствовалось заметное напряжение.— Немногие выживают,— добавила она.

Теперь Тусси вытянулась в полный рост, сдерживая свирепое шипение, которое только напугало бы эту девочку и самцов, которые работали рядом с ней.

— Я королева Тусси из клана Нрзан,— властным тоном произнесла она.— В настоящий момент я беру станцию «Азазеф» под свой контроль. Без моего особого дозволения никакие донесения или корабли не должны покидать этой системы. Вы понимаете?

— Да, ваше величество.

На сей раз Шикси поклонилась от талии. Теперь она уже была напугана собственной отвагой. Впрочем, боялась она скорее за свою матушку, нежели за себя. Слишком поздно она задумалась о последствиях, и расплата ее настигла. С другой стороны, об этой королеве всегда говорили только хорошее. Это давало Шикси надежду на то, что хотя дама Сучарес и оказалась в страшной беде, она эту беду переживет. По крайней мере, в ближайшее время.

— Вы будете транслировать мой голос по всей станции, за исключением покоев вашей матушки,— сказал Тусси.— Ведь мы не хотим беспокоить ее и отрывать от экспериментов, не так ли?

— Она моя дочь,— настаивала Сеззет.

Желтая королева смотрела с экрана, решительно приподняв голову, однако ее хелицеры указывали на отвращение. Относилось

это отвращение к задаче или к самой Сучарес, или сразу и к тому, и к другому, было не очень ясно.

— Она была вашей дочерью,— согласилась Тусси. Ее поза указывала на сочувствие, а педипальпы демонстрировали непреклонность и решительность первой степени.— Именно поэтому вы не должны в этом участвовать. Теперь она дочь клана Нтагон и уже не находится под вашей ответственностью. Позвольте другим справиться с этой неприятной задачей. Я берусь ее выполнить; в конце концов, инициатором этого путешествия была именно я. Или выберите другую королеву, если хотите, но поберегите себя, ибо она была вашей дочерью.

— Каков ваш план? — поинтересовалась Лисни. Ее мимика и жесты были намеренно неразборчивы, однако ее лиловый экзоскелет от шока и напряжения лоснился меньше обычного.

— Я намерена заключить ее в тюрьму,— ответила Тусси.— И я собираюсь закрепить эту станцию за Нрзаном. Так будет до той поры, пока мы не найдем для этой системы новую королеву.

Остальные королевы застыли, обдумывая такой вариант. Безусловно, они не могли оставить станцию без дамы. Хотя бы потому, что опасно было оставлять здесь столько бесконтрольных самцов, преданных даме Сучарес и королеве Мигерис с ее другими так называемыми подкоролевами. Шикси была еще слишком молода, чтобы ее можно было оставить ответственной, несмотря на ее очевидную компетентность. А потому одной из королев очевидно требовалось закрепить за собой и станцию, и самцов.

— Следует ли нам сейчас обсудить, кого мы в конечном итоге поставим ответственным за этот сектор? — спросила Сембе. Все манеры оранжевой королевы искусно выказывали безразличие как отклик на то напряжение, которое несомненно испытывали ее сестры-королевы.

— Безусловно, нам следует обсудить кандидаток,— нетерпеливо ответила Тусси.— Хотя я не думаю, что мы можем позволить кому-то из клана Нтагон остаться невостребованным и безнаказанным. Из того, что мы узнали, ясно, что большинство их них очень молоды или еще дети, и все они были воспитаны самым извращенным образом. Поэтому я рекомендую, чтобы мы развезли их по своим домам, понемногу в каждый клан, и таким образом рассеяли то несомненное зло, которое им было нанесено. Давайте заново засеем этот сектор новыми колонистами.

— Да,— немедленно согласилась Мойрис.— Это хороший план. Наказать главарей, носителей зла — и перевоспитать их жертв.— Зеленая королева наклонила голову.— Я салютую вашей мудрости, Тусси. Отправляйтесь на станцию и сделайте все, что должно быть сделано.

— Давайте не засеивать заново этот сектор, пока мы не установим, что он безопасен,— предложила Сеззет.— Возможно, здесь есть что-то, что вызвало это безумие.

Остальные выразили свое согласие с желтой королевой. Среди королев не было ни одной, которая не надеялась бы, что все эти безобразия вызваны каким-то внешним фактором.

— Я запру Сучарес на одном из моих кораблей,— сказала Тусси.— И оставлю моего третьего помощника ответственным за эту станцию. Пока я буду этим заниматься, подумайте о том, что нам делать с Мигерис и ее слишком многочисленными дамами. Надеюсь, много времени мне не потребуется.

С этими словами она прервала связь и встала, сдерживая тяжкий вздох. На это действительно не должно было потребоваться много времени.

— Нет, Шикси, можете не встречать меня у шлюза. Я хочу, чтобы мы провели с вами время, ни о чем другом не тревожась, а как только я прибуду на борт, у меня будет неотложное дело к вашей матушке.

— Я могу показать вам ее покои,— с готовностью предложила юная дама.

Тусси странным образом была одновременно и очарована, и расстроена ее страстной готовностью. Мать Шикси была еще достаточно молода, и представлялось вполне возможным, что подрастающая дочь реагировала на Сучарес скорее как на соперницу, чем как на родительницу.

— Вы можете послать мне проводника, который будет сопровождать меня до покоев вашей матушки, моя дорогая. Но я очень рассчитываю на вашу помощь, когда вы начнете знакомить со станцией Аус-вайса, моего третьего помощника, которому в дальнейшем предстоит управлять «Азазефом». А вы и ваша матушка будете сопровождать нас в нашем путешествии, так что у вас останется совсем немного времени, чтобы его обучить.

Шикси тут же отбросила свою неестественную зрелость и стала буквально корчиться от возбуждения.

— Я очень хорошо его обучу, ваше величество! — заверила она королеву.— Я пошлю одного проводника для вас и одного для него. Они будут ждать у шлюза, чтобы вас поприветствовать.

Экран померк, и Тусси несколько мгновений задумчиво на него смотрела.

— Несчастный ребенок,— произнес Аус-вайс и стал наблюдать за своей королевой, ожидая ее реакции.

— Да,— согласилась Тусси.— Несчастный ребенок. Мне думается, в таком юном возрасте у этой девочки было слишком много обязанностей. Но я также думаю, что она очень умна, третий помощник. Думаю, она очень плотно вами займется, и без дела вы не останетесь.

Сучарес наблюдала за тем, как чуть более крупный самец побеждает своего противника, и радовалась избиению. Оба самца вовсю выпускали свои феромоны, и крепкий мужской запах упоительно пьянил даму. Сучарес была в восторге от своего эксперимента и не могла дождаться того момента, когда она поделится этой идеей с королевой. Мигерис будет довольна как никогда.

Победитель в поединке заковылял к ней, и Сучарес поиграласъ с мыслью о том, не позволить ли ему все-таки вложить в нее семя. А потом посмеялась сама над собой. Вообще-то не следовало позволять возбуждению так далеко ее заводить. Однако сама мысль была очень замачива. Сучарес откинулась назад, завлекая самца поближе, и выпустила в воздух ароматы своего радостного, предельно похотливого желания.

Тут дверь в ее покои молниеносно скользнула в сторону, и стерильный воздух коридора устремился внутрь, разрушая деликатную атмосферу, которую Сучарес так тщательно здесь создавала. Дама вскочила и обратилась лицом к двери. В каждой линии ее тела ясно читалось желание убивать.

Перед ней стояла королева. Сучарес совершенно бессознательно, инстинктивно сменила позу; разум ее был слишком потрясен, чтобы поверить увиденному. Еще больше она была потрясена, когда королева обрушила на нее поток феромонов, который совершенно ее подавил.

Сучарес упала на пол, обнажая шею и поднимая педипальпы в немой мольбе о милосердии. Она не думала. Она лишь ощущала — и тем, что она ощущала, был чистейший ужас.

Самец схожим образом бросился на пол, но он просто лежал там, слишком измотанный и эмоционально, и физически, чтобы даже вымаливать себе жизнь.

Тусси посмотрела на него, затем на беспомощно смятое тело в дальнем конце комнаты. И повернулась к небольшому эскорту, который выслала для нее Шикси.

— Позаботьтесь о ваших братьях,— приказала королева, после чего обратилась к своим солдатам: — Доставьте эту самку на «Знатного охотоведа» и заприте ее в герметичной каюте. Никто не должен с ней разговаривать и даже к ней приближаться.

Самцы двинулись вперед и схватили Сучарес, которая, осознав, что ее пощадили, подняла удивленный взгляд. В потоке запаха, исходящего от голубой королевы, было слишком много того, что указывало на невероятное везение дамы...

— Благодарю вас и славлю, великая королева...— начала она.

— Молчать! — приказала Тусси.— Не разговаривайте с моими солдатами! И если вы выпустите хоть чуточку запаха, я доставлю себе удовольствие лично порвать вас на куски.

Сучарес задрожала и поклонилась, совершенно подавленная, после чего безропотно позволила себя увести.

Внимательно оглядев кровавое пятно на полу покоев дамы Сучарес, Тусси ощутила шевеление в своем пищеварительном мешочке, и ее переполнила великая ненависть. У нее и ее сестер впереди была масса самой неблагодарной работы.

— Идемте отсюда,— обратилась королева к своему проводнику.— Отведите меня к вашей молодой даме.

Шикси подбежала к ней, как будто Тусси была ей родной матерью, и принялась нежно гладить педипальпы и передние лапки королевы. При этом молодая самка трепетала, безостановочно бормоча слова благодарности.

Тусси принялась гладить спину и голову ребенка, и некоторое время спустя хитин Шикси стал менять цвет с красного на голубой. Поверх головы юной повианки Тусси кивнула своему третьему помощнику, и тот внес определенную корректировку атмосферы на станции.

Считанные мгновения спустя запах королевы пронизал всю станцию «Азазеф», сообщая всем, кто там работал, что отныне они принадлежат ей, а она — им. Испытывая предельное облегчение, самцы сдались, без малейших колебаний начиная свой переход в клан Нрзан.

Наблюдателям на «Непобедимом» сразу же стало очевидно, что станция «Азазеф» подверглась гигантской перемене. Прежде всего, ходовые огни переключились с красного на голубой, и множество небольших судов понеслось от кораблей Нрзана к станции.

— Пошлите вежливый запрос на флагманский корабль ее величества,— приказала Редер.— Кто ответит, не важно. Главное, чтобы была хоть какая-то информация.

— Есть, сэр,— откликнулся связист.

— Я буду здесь, в кабинете,— сказал Питер.

Поднявшись из капитанского кресла, он прошел во вспомогательный кабинет капитана Каверса, смежный с мостиком. Там он сел за стол и вызвал по интеркому Стюарта Семпля, секретаря капитана.

— Дайте мне Сель-по, мистер Семпль, а также Соу-беса.

— Лично, сэр? — спросил Семпль.

— Достаточно будет видеосвязи,— ответил Редер.

Они старались свести к минимуму передвижение повиан по коридорам, поскольку выяснилось, что поразительное число членов команды оказывается этими существами жутко шокировано. Это, понятное дело, оскорбляло повиан, которые и без того страшно напрягались, вынося компанию людей, наружность которых казалась им крайне отвратительной.

Мистер Бартер тем временем благополучно пребывал в лазарете, получая регулярные уколы тяжелых успокоительных. В ответ на естественный вопрос Питера доктор Голдберг безнадежно развел руками и сказал, что только от самого лингвиста зависит, как долго это продлится. Когда профессор будет готов, он прекратит сворачиваться в комок и вопить, как резаный, при каждом пробуждении.

— Я понимаю, что такое отношение может показаться довольно черствым,— добавил доктор.— Но я не его личный врач, а вся эта ерундовина имеет чертовски глубокие корни. У нас здесь просто нет времени с подобными проблемами разбираться.

Все, что в такой ситуации мог поделать Редер, это поблагодарить свою счастливую звезду за то, что Бартер разработал исправно действующее переводное устройство. Постоянные контакты помогали заново программировать эти устройства, а повиане обнаружили у себя способность с поразительной легкостью имитировать речь граждан Содружества. Бартеру они ничего не сказали. Не было смысла еще больше усугублять ситуацию. Так что люди порядком поднаторели в повианском языке и теперь уже понимали большую его часть. Они лишь неспособны были на нем говорить.

— Коммандер? — спросил с экрана Соу-бес.— Чем я могу быть вам полезен?

Это повианскую особенность Редер уже для себя подметил; они служили своими дамам и королевами, а другим самцам бывали только полезны.

Питер открыл было рот, чтобы заговорить, но тут экран раскололся на две половинки, и там также появился Сель-по, их повианский военный советник.

— Чем могу быть полезен, коммандер? — спросил он.

— Не так давно,— сообщил им Редер,— единственное небольшое судно прошло от корабля королевы Тусси к станции «Азазеф». Вскоре после этого ходовые огни станции стали голубыми...

Оба повианина испустили радостные крики.

— Наша королева их покорила! — воскликнул Соу-бес.— Отныне станция и все те, кто находится внутри, принадлежат клану Нрзан.

— В самом деле? — осведомился Питер. «Без единого выстрела,— подумал он.— Н-да».— Как же все вышло так просто?

— Дело здесь в повианской физиологии, коммандер,— стал объяснять Сель-по. Молодой мастер охоты сделал паузу, словно бы собираясь с мыслями.— Эта способность уникальна для королев. Они одни могут выпускать химикаты, способные изменить клановую принадлежность повианина. Однако самец или дама должны хотеть обратиться; если они не хотят, химикат их отравит.

Редер немного над этим поразмышлял.

— А если кто-то просто прикинется, что обратился? — спросил он.

— Это невозможно, коммандер,— ответил ему Соу-бес, эксперт по этикету.— Повианин меняется. Цвет его хитина, его запах и те запахи, на которые он откликается,— все это меняется на те сигналы, которые делают его таким же полноправным членом клана Нрзан, как если бы он у нас родился.

— Таким образом, либо это полная и безоговорочная капитуляция,— сказал мастер охоты,— либо смерть. Мы не просто заявляем о том, что меняем свою принадлежность, мы сами реально меняемся.

Повиане глазели на коммандера, ожидая еще каких-то вопросов.

— Ну и ну,— с легкой завистью протянул Редер.— Вот бы и нам что-то в таком духе с мокаками провернуть.— «Ручаюсь, там миллионы втайне хотели бы стать содругами»,— подумал Питер.— Стало быть,— продолжил он,— это означает, что мы спокойно можем оставить эту станцию у себя за спиной.

— Да, коммандер,— отозвался Сель-по, делая жест, который указывал на его полное согласие по данному пункту.

Еще немного их поизучав, Редер спросил:

— А что будет, когда королевы встретятся с королевой клана Нтагон?

— Ее зовут Мигерис,— проинформировал его Соу-бес.— Это главным образом зависит от нее самой. Хотя я не слишком подробно ознакомлен с планами королев, которых мы сопровождаем.

Тут мастер охоты издал писклявый звук, который, не сомневался Питер, был достаточно грубым.

— Их величества потребуют, чтобы она сдалась на их справедливый суд,— сказал он.— Если хотя бы часть слухов так же верна, как те факты, которые вы, люди, и юный Фа-коф передали королеве Тусси, Мигерис не позволят и дальше управлять кланом Нтагон.

— А если она не пожелает уйти со своего поста? — спросил Редер.

— Тогда Мигерис вступит в войну со всеми кланами точно так же, как и с вами, людьми,— ответил Сель-по.— Но она не сможет сопротивляться, если только за ней не стоит ее клан. А если то, что случилось на станции «Азазеф», указывает на мнение клана по ее поводу, тогда никаких сложностей возникнуть не должно.

— Они меняются? — осторожно переспросил доктор Голдберг.

— Ну да,— подтвердил Редер.— Самым натуральным образом. Меняют цвет, запах, поведение и привязанности.

Оглядев сидящих за столом офицеров, коммандер заметил, что по всем лицам распространилась одна и та же слегка завистливая улыбка. Они явно подумали о том же, о чем и он. Вот было бы славно, если бы они могли то же самое с мокаками провернуть!

— И сколько это длится? — с подозрением спросил Бут.

— Всю оставшуюся жизнь,— ответил Редер.— Если только другая королева не придет и их за собой не застолбит.

— Тогда что мешает...— начал Бут.

— Это могут делать только королевы,— перебил его Редер.— А мы знаем, что пятеро из них направляются прочистить уши шестой. Седьмой здесь нет, так что местные парни будут оставаться в клане Нрзан, пока не умрут или пока королева Тусси не передаст их одной из своих сестер-королев.

Бут с мрачным видом угомонился.

— Мистер Гундерсон,— обратился Редер к временному главе тактического отдела,— что вы можете нам доложить?

— Через эту систему идут крупные транспортные потоки, сэр. По большей части — сигнатуры военных судов. Мисс Люрман сообщает мне, что они выбирают ту выходную точку, из которой мы появились, когда входили в эту систему, преследуя повианский эсминец. Металл там очень тяжелый, сэр. Эквивалент всего флота метрополии. Или даже больше.

Та прыжковая точка вела к Белла-Висте, где осталось полэскадрильи «Непобедимого». Если туда теперь направлялся весь флот Нтагона, Питеру оставалось только надеяться, что у Шелдона хватало здравого смысла сидеть там тихо и не высовываться. Коммандер старался не думать о неизбежном исходе, если Шелдону придется сражаться. Он медленно откинулся на спинку кресла.

— О каком примерно числе мы говорим, младший лейтенант?

Гундерсон обменялся взглядами с Труоном и Люрман.

— Думаю, мы говорим о силах вторжения, сэр,— ответил он затем.— По меньше мере там столько же, сколько в целом есть у нас, не считая того, что задействовано в необходимых патрулях и системах заграждения. Здесь прошла масса тяжелых кораблей. Как я уже сказал, военные сигнатуры. Также невероятное множество малых судов.

— Если это то, что идет через заднюю дверь, страшно подумать о том, что идет через переднюю,— мрачно произнес Питер.

При этих словах коммандера за столом воцарилась мертвая тишина.

— Мы должны предупредить Содружество,— после долгого молчания сказал Харткорпф.

— Они прошли несколько суток назад,— заметил Труон Ле.— И примерное их число, о котором мы здесь говорим, Содружеству уже известно.

— А королевы нас отпустят? — спросил Голдберг.

— Да,— уверенно ответила Сара.— Это без вопросов. Но я не думаю, что прямо сейчас это будет лучшим применением для «Непобедимого» и его команды.— Она подалась вперед и положила ладони на стол.— Если королевы преуспеют в своих усилиях по отстранению Мигерис от... должности, тогда, на мой взгляд, они окажутся в превосходной позиции для отзыва повианского флота вторжения.

Редер водил глазами с одного своего офицера на другого, пока они все это обсуждали. И внутренне просиял улыбкой, когда мнение Сары идеально совпало с его собственным.

— Я согласен с капитан-лейтенантом Джеймс,— сказал коммандер.— Королева Тусси выразила желание, я цитирую, «уладить все проблемы между вашим народом и нашим». Учитывая это, нам остается всего лишь убедить их остановить агрессоров. Без поддержки клана Нтагон Космический Отряд сумеет в срочном порядке вымести всех мокаков поганой метлой. Поэтому мы должны остаться с королевами, а затем повести их в Содружество, чтобы остановить вторжение.

— Все это может быть каким-то искусным розыгрышем,— предположил Голдберг.— Кульминационным пунктом которого станет наше прибытие ко двору королевы Мигерис в качестве главного блюда на торжественном обеде по случаю встречи королев.

Остальные офицеры посмотрели на коммандера, ожидая отклика.

— Такой розыгрыш и впрямь стал бы очень искусным,— согласился Редер.— А также совершенно бесцельным, поскольку мы находились целиком в их власти с момента прибытия на территорию Нрзана. Кроме того, мы уже месяц за этим народом наблюдали. Как я понимаю, это не такое уж фундаментальное исследование, но все же вполне достаточное, чтобы понять, насколько клан Нрзан отличается от Нтагона.

При этих словах у всех офицеров сделался задумчивый вид. Кто-то кивал, кто-то опускал глаза.

— Таким образом, мы принесем гораздо больше пользы, если останемся, чем если рванем обратно в Содружество, чтобы принести туда весть о том, что там к настоящему моменту уже наверняка и без нас выяснили.

Когда королевы вошли в центральную систему Нтагона с двумя плененными подкоролевами на буксире, фаланга автоматизированных бакенов тут же устремилась к ним, запрашивая их имена и род занятий.

— Неужели здесь нет никаких судов с повианскими командами на борту, чтобы нас встретить? — гневно вопросила Сеззет.

Желтая королева, судя по всему, восприняла это роботизированное приветствие как личное оскорбление.

— Это несущественно,— откликнулся бакен.— Назовите себя, обозначьте ваш род занятий, иначе по вам будет открыт огонь.

— Королева Нрзана Тусси.

— Королева Линче Мойрис.

— Королева Блетни Сембе.

— Королева Стрефа Сеззет.

— Королева Венеда Лисни.

— Коммандер Питер Эрнст Редер с корабля Космического Отряда Содружества «Непобедимый».

— Мы передаем наше приветствие королеве Мигерис и просим о встрече с ней,— сказала Тусси.

Они ждали, пока бакен безмолвно перед ними стоял. Бригады техников на их кораблях доложили, что приветствие и просьба переданы.

— Просьба отклонена,— наконец объявил бакен.— Вы должны немедленно покинуть этот сектор, иначе по вам будет открыт огонь.

— Не думаю, что они достаточно серьезно это воспринимают,— задумчиво произнес Питер Редер.

Повианский офицер пренебрежительно махнул педипальпами. Питер слегка передернулся; всякий раз, когда повиане так делали, он вспоминал виденный им в свое время документальный фильм о живой природе. Назывался тот фильм «Миниатюрные джунгли смерти». Видел он его в возрасте семи лет, и добрый месяц после этого ему снились кошмары.

— Немыслимо, чтобы роботизированный бакен был уполномочен стрелять в личный корабль королевы,— заявил Сель-по.

— Мне кажется, красный клан считает множество самых немыслимых вещей очень даже мыслимыми,— мрачно заметил Редер. У своего тактического отдела он спросил: — Есть у нас спецификации?

— Анализ нашей последней стычки, сэр. Бакены заряжены под завязку и очень неплохо защищены. Пара-другая уязвимых точек у них, впрочем, имеется.

— Уничтожьте их.

Тусси удивленно подскочила, когда вспышка лазерного огня разорвала робота на куски.

— Кто стрелял? — спросила она.

— Люди, ваше величество,— ответил ее мастер охоты.

— Дайте мне их на интерком,— велела королева.

— Прошу прощения, если мы напугали вас, ваше величество,— поспешно заговорил Редер, прежде чем королева успела

хотя бы раскрыть ротовой орган.— Мы в принципе ожидали такого ответа, а потому вывели из строя остальные бакены и готовы были обезвредить этот последний.

Тусси молча на него уставилась. Эти существа были такие маленькие и мягкие на вид, что легко было забыть, насколько они опасны. Невыразительное лицо коммандера ничего такого не демонстрировало, неподвижная поза тоже, и тем не менее королева уловила в его голосе определенную интонацию, которая указывала на удовлетворение — или даже на самодовольство.

Пару мгновений спустя Тусси осторожно сказала:

— Здесь нет сторожевых судов.

— Я подозреваю, что королева Мигерис очистила этот сектор от всех военных судов, какие у нее были,— сказал коммандер.— Полагаю, они были посланы вторгнуться на территорию Содружества.

— Вы никогда об этом не упоминали,— заметила Сембе. Ее оранжевое лицо выпрыгнуло в квадратике в правых верхних углах экранов и Редера, и Тусси.

— Мы не знали, что вы об этом не знали, ваше величество,— неуклюже выразился Редер и тут же пожалел, что не выразился удачнее. «Надеюсь, переводное устройство как-нибудь это обработает,— с внутренней дрожью подумал он.— Вот если бы вы знали, что мы не знали, что вы не знали, что мы знали, то вы бы знали...»

— Пусть наши связисты создадут между нашими кораблями аварийную линию связи, коммандер,— предложила Тусси.— Тогда в следующий раз ваш огонь не застанет нас врасплох.

— Безусловно, ваше величество,— согласился Редер.— Харткорпф, позаботьтесь об этом,— бросил он через плечо.

— Есть, сэр.

— Итак, мы продолжаем,— сказала Тусси.

— Есть,— согласилась Сембе, пробуя человеческое слово.— Продолжаем.

— Если вы только попытаетесь приземлиться, мои стрелки собьют вас прямо на лету,— процедила Мигерис.

Поза красной королевы буквально сочилась агрессивностью — боевая стойка, рассчитанная на то, чтобы Мигерис казалась крупнее и внушительнее. И это была не просто поза — сияющеалый цвет ее хитина это подтверждал.

Тусси с сожалением разглядывала молодую королеву. В свое время Мигерис была такой прелестной и такой многообещающей. В свою бытность в клане Линче она проявляла себя блестящей ученицей, способной на исключительную дипломатичность. А теперь? Теперь она явно была не в своем уме.

Две пленницы уже признались, что у каждой из них было по четыре дочери, и все они находились под командой их королевы.

Итак, восемь молодых самок. А быть может, и больше! Им еще только предстояло заняться еще одной подкоролевой, и имелись все основания полагать, что ей также было приказано производить на свет детей женского пола.

Кланам будет очень тяжело принять к себе столько самок. Но иного пути быть не могло. Эти дети не были повинны в том страшном зле, которое навлекла на свой народ королева Мигерис.

Тусси выпрямилась.

— Мигерис,— царственно произнесла она.

Остальные королевы присоединились к ней, пока она говорила, и их слова транслировались так, что перекрывали все попытки блокировать сигнал. Таким образом, их слышал каждый повианин на этой планете.

— Мы совет королев, требуем, чтобы вы подчинились нам для суда по делу о ваших преступлениях против нового разумного вида и против вашего собственного народа.

— У вас нет здесь власти! — выкрикнула Мигерис.— Прочь отсюда! Прячьтесь в своих дворцах, пока я за вами не пошлю! — Все ее тело говорило о ненависти и презрении.

— Народ клана Нтагон,— нараспев произнес совет королев,— мы требуем, чтобы вы отдали вашу королеву на наш суд.

Редер, прислушиваясь к трансляции, вдруг понял, что в совокупном голосе королев слышатся какие-то странные обертоны. Тогда он нажал на клавишу интеркома.

— Соу-бес,— сказал он,— я полагаю, вы слушаете эту трансляцию?

— Да, коммандер,— ответил эксперт по протоколу.

Для повианского голоса было весьма необычно передавать что-либо помимо слов, однако нечто странное в тоне Соу-беса заставило Редера внимательнее на него взглянуть.

— Мне это кажется, или с голосами королев и впрямь что-то такое происходит? — спросил коммандер.

— То, чему вы стали свидетелем, коммандер, так редко пробуждается к жизни, что стало легендарным. Обертон, который вы слышите в голосах королев, представляет собой непреодолимый приказ. По крайней мере, для все правильно мыслящих повиан. Теперь все зависит от того, насколько возмущено это население — или насколько оно лояльно. Хотя, чтобы преодолеть подобное принуждение, нужно быть невероятно преданным своей королеве.

«То есть,— подумал Питер,— ты хочешь сказать, что мы и здесь без единого выстрела победим? Опять? Ну и ну!» На мгновение коммандер пожелал, чтобы и люди могли так просто решать свои проблемы, но тут же отбросил эту мысль. «Прежде всего,— решил он,— это бы означало, что девяносто девять процентов населения совсем бы сексом не занимались. Ну уж нет. Такое нам не подходит».

— Стало быть, все может очень любопытно обернуться,— заключил Питер.

— Очень,— согласился Соу-бес.

Мигерис застыла от звука королевских голосов — буквально окоченела от ужаса и безумного гнева. Да как они смеют ей прекословить? Внеся в свой голос тот же принудительный обертон, королева поддержала его своими мощными феромонами.

— Атакуйте этих захватчиков, стреляйте по ним! — скомандовала она.

Те повиане, которые находились вместе с королевой в командном центре, откликнулись на ее приказы, повернулись к своим пультам и занялись подготовкой орудий. Однако в глубинах ее нового, суперсовременного дворца команда простых техников заглушила воздушную установку, тогда как другие принялись отключать коммуникационные системы. Через десять минут единственными членами клана Нтагон, на которых Мигерис могла повлиять, остались те, что были с ней в одном помещении.

На капитанском мостике флагманского корабля Тусси ждала, что будет дальше. Наконец на пульт одному из связистов пришло сообщение с планеты.

— Что там? — спросила голубая королева.

— Гражданин Нтагона докладывает, что они изолировали королеву Мигерис в командном центре ее дворца, но не осмеливаются туда входить. Те, что с ней, по-прежнему пытаются в нас стрелять.

Тусси немного подумала.

— Оставайтесь в контакте с этим гражданином и дайте мне связь с моими сестрами-королевами,— наконец сказала она.

Остальные королевы одна за другой появились у нее на экране, и Тусси подождала, пока все соберутся. Затем она передала им то, что сообщили с планеты.

Когда она закончила, последовало молчание.

— Что ж, мы все не можем туда отправиться,— наконец сказала Мойрис.

— Не можем,— согласилась Сеззет. Суровость ее позы, точно в зеркале, отражалась в позах остальных королев.

— Тусси,— отважилась наконец Лисни.— Вы с самого начала были среди нас первой. Не спуститесь ли вы теперь на планету и не встретитесь ли лицом к лицу с Мигерис?

Остальные выказали свое согласие с этим планом, хотя в одном-двух случаях неохотно. Однако все королевы видели, как справедливо и милосердно Тусси обошлась с двумя плененными дамами. И теперь они знали, что она не потеряет самообладания и не убьет Мигерис, прежде чем та сможет предстать перед их судом.

— Я это сделаю,— сказала Тусси. Внутренне она испытывала тоску и расстройство, но это был ее долг.

На «Непобедимом» слушали и наблюдали, держа орудия наготове и сосредоточиваясь на военных объектах.

— В смысле защиты там не особо,— тихо заметил Труон Ле.

— Да, верно,— согласился Редер.— Судя по всему, Мигерис не ожидала, что кто-то придет и призовет ее к ответу.— «Или она просто такая психованная»,— мысленно добавил он.

Было трагично, что один безумный индивид мог прибрать к рукам такую огромную власть. Конечно, подобное случалось и в человеческом обществе, но там все дело было в чистой харизме. Если они только хотели, многочисленные последователи различных безумцев человеческой истории запросто могли повернуться против своих вождей. А как уверяли людей их повианские советники, для подданных Мигерис, которые находились в пределах мили от ее феромонов, такой вопрос в принципе не стоял.

— Свяжите меня с королевой Тусси,— внезапно приказал Редер.

Мгновение спустя лицо королевы появилось на экране.

— Слушаю вас, коммандер,— сказала она.

На Редера сильное впечатление произвела ее снисходительность. Тусси уже готовилась вступить в противоборство с враждебной ей королевой — и тем не менее отреагировала на появление назойливого чужака без тени нетерпения в манере.

— Могу я предложить, чтобы ваши солдаты надели скафандры, когда вы отправитесь вниз? — сказал Редер.

Едва заметным сдвигом хелицера Тусси указала на свое легкое удивление.

— Тем воздухом, который есть на планете, вполне можно дышать, коммандер,— ответила она.

— Причина, по которой я это предлагаю, такова. Сель-по, наш военный советник, рассказал нам, что королева способна выделять феромоны, которые вынуждают самцов сменять кланы. Еще он сказал, что если они будут сопротивляться, они умрут. Скафандры смогут их защитить.

Раздался легкий щелчок, когда один из пальцев королевской педипальпы коснулся твердой глади ее щеки. Так Тусси указала на правоту коммандера.

— Блестящее предложение,— сказала она,— за которое я вас благодарю.

— Я выслушал сообщение, которое вы недавно получили с планеты,— продолжил Редер.— Они изолировали королеву Мигерис и ее феромоны в большом помещении?

Королева жестом это подтвердила. В быстроте этого жеста все же прослеживалось легкое нетерпение.

— Облегчите всем жизнь и закачайте в то помещение парализующий газ. Затем пусть ваши люди заберут оттуда Мигерис и поместят ее в надежное место, откуда она не сможет влиять на свой клан и вредить вашему.— Питер подождал, чтобы посмотреть, как Тусси на это отреагирует. Могло так получиться, что на этот счет существовали какие-то незыблемые правила.— Я хочу сказать, она уже нанесла немалый вред, и будет досадно, если она повредит кому-то еще.

Тусси целую минуту, застыв в неподвижности, на него глазела. А затем медленно кивнула, намеренно используя человеческий жест.

— Блестящее предложение,— сказала она.— Я совершенно согласна — нельзя позволить ей еще кому-нибудь повредить. Так мы и поступим, коммандер. Благодарю вас за ваши предложения.

Прервав связь, Тусси задумалась о том, насколько гибки и сведущи люди в вопросах войны и нанесения увечий. Пугающе осведомлены. Так же гибки, как — здесь королева позволила себе откровенность — их прискорбно отвратительные лица. Пугающе адаптивны и изобретательны... Разумеется, она совсем не знала их истории. «Как можно скорее,— подумала Тусси,— я должна предписать экспертам во всех подробностях ее изучить».

— Все так безопасно, так безмятежно и надежно! — бушевала Мигерис.— Огромный мир уменьшен до размеров детской. Ничто никогда не меняется, нет никаких испытаний, невозможен никакой рост. Моя роль была расписана за многие годы до моего рождения! Посмотрите на нас! Нам было предназначено стать воительницами!

Задыхаясь от гнева, она стояла перед голографическими изображениями своих сестер-королев. Пристальный взор Мигерис скользил с одной на другую.

— Ведь вы совсем ничего не понимаете. Так? — спросила красная королева.

— Мы пытаемся,— ответила ее мать.— Мы пытаемся понять, как могла блестящая ученица...

— А когда-нибудь обращали внимание на то, что я изучала? — поинтересовалась отступница.

— Историю,— ответила Мойрис, слегка застигнутая врасплох этим вопросом.

— Я изучала старых королев! Их войны, их методы правления, их отношение к жизни и к окружающим. И я давно уже пришла к выводу, что они были живы, а мы всего-навсего пока еще не мертвы. Осторожно крадемся от системы к системе... ффу.— Мигерис повернулась к ним спиной и немного помолчала.— Клянусь, если бы у меня была возможность, я повела бы мой народ как завоевательница, как королева-воительница, которая берет то, что хочет, и смело встречает последствия.

— Именно поэтому мы все здесь,— сказала Тусси. Ей показалось, что самое время прервать всю это псевдоисторическую чушь.— Мы и есть эти самые последствия. Мы разговаривали с вашими дамами, и они рассказали нам, как вы вели их к катастрофе.

— Я их не вела,— с презрением отозвалась Мигерис.— Я просто делала, как мне было угодно, а они следовали моему примеру.

— Разве вы не приказывали им всем заводить по четыре дочери сразу? Разве вы не приказывали им иметь слишком много молодняка и натаскивать этих детей с такой жестокостью, какой, насколько мне известно, старые королевы никогда не проявляли? — Все тело Тусси буквально облучало молодую королеву презрением.— Разве вы не ели плоть членов собственного клана и разумных чужаков? Станете вы отрицать, что все это делали?

— Я отказываюсь признавать за вами право даже задавать мне такие вопросы.— Мигерис опять отвернулась и приняла позу, говорящую об оскорбленной добродетели.— Я никогда не причиняла зла вашим кланам. Вы не можете сказать, что я это делала, а следовательно, ваше вторжение полностью неоправданно. Но я уже вижу, что вы намерены делать — вы намерены преследовать меня за мои убеждения, а я никак не могу вас остановить. Однако в один прекрасный день вы поймете, что я была права и что старые способы самые лучшие. Понаблюдайте за вашими новыми друзьями, людьми,— бросила она через плечо.— Вот где вы увидите преступные умыслы и злоупотребления. Но вы также увидите народ, который знает, что он жив!

— Давайте удалимся,— предложила Тусси, и ее изображение отключилось.

Все остальные поочередно исчезали, пока Мигерис не осталась наедине со своей матерью.

— Почему? — спросила Мойрис.

— Такова была моя воля,— ответила Мигерис.— Что это за королева, которая неспособна проявить свою волю?

Голоизображение Мойрис последним присоединилось к собранию королев в покоях Тусси на ее флагманском корабле. Другие королевы встретили ее повернутыми в сторону головами и поникшими плечами, указывая на свое смущение.

— Она безумна,— сказала Тусси. Ее поза выражала сочувствие.— Она также очень хитра. Иначе мы бы обо всем узнали, прежде чем передать ей эту систему.

— По ее собственному признанию,— заметила Лисни,— эти мысли уже были у нее в голове, когда она жила с кланом Линче.

— Что нам делать с нашими преступными дочерьми? — спросила Мойрис.

Сеззет бросила на нее быстрый взгляд, затем выразила свое согласие с вопросом.

— Их следует наказать,— сказала она.

— Однако прецедента для чего-то подобного еще не бывало,— заметила Сембе, неловко смещая свое оранжевое тело.— Несмотря на заявления Мигерис, старые королевы не ели свой молодняк. По крайней мере, в пределах исторических времен... в дни мифов и легенд, хотя...

Все они постепенно повернулись к Тусси, которая в ответ долго на них смотрела, прежде чем заговорить.

— Я не желаю быть той, которая станет решать, что следует сделать,— сказала голубая королева.

— Вы единственная из нас, у кого в этот кошмар не вовлечен виновный ребенок,— обратилась к ней Мойрис.— Мы взираем на вас в поисках беспристрастности. И мудрости. У вас есть и то, и другое.

Сестры-королевы умоляли Тусси, их позы и педипальпы страстно взывали о помощи.

— Хорошо,— наконец произнесла голубая королева.— Вот что я думаю. Я думаю, что эти наши дочери слабы и безумны, что они позволили себе совершить множество злых поступков. Я думаю, что мы приняли очень скверное решение, когда передали им власть над этим сектором. Следовательно, на нас я возлагаю обязанность забрать этих испорченных и ожесточенных детей из Нтагона и, используя любые средства, какие только необходимы для их излечения, сделать их счастливыми и полезными гражданами наших кланов.

— Согласна,— сказала Мойрис. Другие королевы также выразили свое согласие.

— Наши заблудшие дочери должны быть стерилизованы,— продолжила Тусси.— Я бы не хотела, чтобы их гены передавались дальше. Они не годятся стать матерями следующему поколению.

После этих слов последовало молчание.

— Но вы же не собираетесь их казнить? — спросила Лисни.

— Как я сказала, они безумны. Мигерис совершенно определенно душевнобольная,— продолжила голубая королева.— Думаю, мы должны с этим согласиться, не так ли?

Остальные королевы показали, что соглашаются.

— Каким-то образом Мигерис убедила своих дам поддержать ее в этой болезни. Поскольку то, что из этого вышло, оказалось чистым безумием, я вынуждена заключить, что они также душевнобольные.

Королевы переглянулись.

Сембе пожала оранжевыми плечами, указывая на неохотное согласие.

— Полагаю, дело обстоит именно так,— заключила она.

— Хорошо,— сказала Сеззет, желтая королева.— Они душевнобольные. И что нам теперь с ними делать?

— Мы их стерилизуем, затем поместим на пригодную для жизни планету, каждую на отдельный материк или остров, и

удалимся.— Тусси заглянула в глаза каждой из своих сестер-королев.— Любая из нас способна выжить сама по себе, и такими же были старые королевы. Пусть же наши преступные дочери соперничают со своими возлюбленными предшественницами в роскошном уединении. Тогда как мы возложим на себя задачу устранения беспорядка, порожденного их эгоизмом и распущенностью.

Королевы зашевелились, и их плечи поникли.

— Да,— сказала Мойрис.— Это справедливо и милосердно. Так мы и поступим.— Она бросила резкий взор на голубую королеву.— А что с их соучастниками-самцами?

— То же самое,— ответила Тусси.— Найдем пригодную для жизни, но неразвитую планету и оставим их там. Вряд ли стоит добавлять, что другую.

— А наши человеческие... друзья? — спросила Лисни.— Что, если они выдвинут требования?

— У них есть право выдвигать требования,— горестно сказала Мойрис.— Без вмешательства Нтагона они бы уже давным-давно победили своих врагов. Тем не менее, прежде чем что-то им обещать, я предлагаю через Туссиного коммандера Редера выяснить, какие требования они могут выдвинуть.

— Он не...

— Я поддерживаю это замечание,— сказала Сеззет, глядя на Тусси с легким наклоном желтой головы.— Коммандер может не принадлежать к голубому клану, но он достаточно с вами близок. Думаю, он гораздо скорее расскажет вам, чего они хотят, чем любой из нас или всем нам вместе взятым.

Остальные выразили энергичное согласие.

— Итак,— подытожила Мойрис,— все вопросы улажены. Теперь пора за работу.

— Покорите вот это,— предложила Мойрис своей дочери, широким жестом педипальпы обводя поляну, на которой они стояли.— И знайте, что вы живы.

Затем изображение зеленой королевы отключилось, оставляя Мигерис наедине с грудой коробок с витаминными добавками. Бывшая королева клана Нтагон прислушалась к живым звукам, доносящимся из незнакомой растительности вокруг травянистой поляны. Затем она она подняла взгляд в темнеющее небо, и ее хелицеры сдвинулись. Жвалы щелкнули один раз, затем защелкали еще и еще, пока все тело Мигерис не стало сотрясаться в радостном пароксизме. Целый мир, чтобы его покорить. Какое счастье!

— Наверху мы оставили искусственный спутник с одним-единственным заданием,— сообщил Ист-дас собравшимся самцам.— Он настроен на регистрацию любой электроэнергии выше

биологических уровней; когда он таковую зафиксирует, он выстрелит из лазерной пушки и уничтожит источник показаний.— Он оглядел соучастников королевы Мигерис.— Лично я очень надеюсь на то, что первым, чем вы займетесь, станет постройка электростанции. Пусть даже вы заслужили нечто гораздо большее, чем столь быстрый конец.

Его изображение отключилось, оставляя самцов наедине друг с другом, до немоты ошарашенных одной только стремительностью, с какой изменился их мир.

— Что теперь будет? — спросил один из них.

Ответа он не получил.

— В клановом доме Нтагон нет солдат, ваши величества, потому что все они были посланы вторгнуться в Содружество.

Редер сделал паузу и попытался прикинуть, какой эффект это произведет на собравшихся королев. Если вообще какой-то произведет. Они со странной неохотой согласились на общую аудиенцию, поначалу стараясь всучить коммандеру одну лишь королеву клана Нрзан. Но он был настойчив. «Они в любом случае соберутся поговорить у меня за спиной,— решил Питер.— Так пусть они хотя бы этот разговор с одной и то же страницы начнут».

— У меня нет точного представления, насколько велика посланная отсюда армада,— продолжил он.— Однако я могу сказать, что те повиане отбыли четверо суток тому назад. Я также знаю, что их может оказаться слишком много для моего народа, особенно если к сражению присоединятся мокаки. Я прошу вас остановить корабли Нтагона. Есть какой-то способ, посредством которого вы можете заставить их повернуть назад?

— Очень может быть,— откликнулась Тусси.— Ведите нас в ваше Содружество; мы последуем за вами и сделаем все, чтобы вам помочь.

— Я не хочу так долго находиться вдали от моего народа,— запротестовала Сеззет.— И так далеко, что никакое сообщение невозможно.

— Мы уже по меньшей мере две недели остаемся вдали от наших кланов,— поддержала ее Лисни. Ее поза указывала на то, что она считала такое положение весьма напряженным.

Тусси оглядела своих сестер-королев.

— Вы препоручили это мне,— сказала она. С формальной точки зрения это было не совсем верно, однако достаточно близко.— Я отправляюсь с нашими человеческими друзьями, и вы тоже. Мы должны остановить эту бойню. Разве вы забыли, что Мигерис укомплектовала свои корабли нашими детьми?

Пристыженные королевы жестами указали, что последуют за Тусси в ее благородной миссии. Однако их совсем не порадовал тот факт, что этот вопрос пришлось так откровенно вентилировать прямо на глазах у человека.

— Мы будем в высшей степени вам благодарны, ваши величества,— сказал Редер, не видя, но подозревая, чем сейчас озабочены королевы.— Я знаю, что наш народ станет с надеждой ожидать долгого и прибыльного сотрудничества с повианами, как только ему всю эту ситуацию разъяснят.

— Прибыльного? — спросила Мойрис, подозрительно наклоняя зеленую голову.

— Содружество процветает благодаря торговле,— объяснил Редер.— Кроме того, танцоров у нас больше, чем мест для представлений.— «По крайней мере, я на это надеюсь»,— мысленно добавил он.

— А нас не возненавидят за ту войну, которую обрушили на человечество повиане? — спросила Сеззет.

— Есть честно, ваше величество, то я думаю, что некоторым людям — как и некоторым повианам — будут достаточно сложно принять наши физические различия,— ответил Редер.— Однако я также думаю, что большинство из нас будет невероятно увлечено одной только уникальностью этой ситуации. Не в наших традициях, подписав мирный договор, отказываться иметь дело с бывшими врагами. Тем более, что вы никогда нашими врагами не были. В целом, я думаю, все выйдет как нельзя лучше,— закончил он.

«И еще я думаю,— сказал себе Питер,— что мне пора бы заткнуться. Я не дипломат, а потому не вправе тут языком молоть».

Считанные мгновения спустя королева Тусси встала со своего ложа.

— Ведите нас, коммандер Редер,— сказала она.— Мы за вами последуем.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Я не должен рисковать кораблем»,— думал Редер, пока его тело стряхивало с себя транзитный шок. Или, по крайней мере, так думала какая-то отдаленная часть его разума, явно принадлежащая потенциальному штабному офицеру. Большая же часть разума коммандера с хищной целеустремленностью устремилась вперед, как только в компьютеры атакующего авианосца начала стекаться информация из реального пространства.

Эта часть Редера совершенно точно знала, что «Непобедимый» хочет ввязаться в драку — причем не только его команда, но и каким-то непостижимым, недоказуемым образом сам корабль. Этого требовали все долгие годы войны с мокаками. Призраки погибших товарищей ободряющими возгласами гнали их вперед... и ладонь, которую Питер так давно потерял в своем «спиде», отчаянно чесалась, хотя протез определенно не был на это способен.

Полутемный капитанский мостик легкого авианосца подсвечивался зеленовато-голубыми экранами дисплеев. В профильтрованном воздухе с нейтральным ароматом свежей сосны буквально трещало напряжение.

— Они разворачиваются к бою, сэр,— сообщили коммандеру с тактического пульта.— Выпускают первую эскадрилью «спидов» согласно инструкциям.

Редер кивнул, отчаянно надеясь, что лицо его при этом осталось неумолимо-невыразительным. Сара уже была там, и ее датчики пересылали сюда данные, которые становились этими безукоризненно аккуратными линиями и диаграммами.

Губы коммандера сами собой прошептали безмолвную молитву, а затем так же безмолвно присвистнули, когда на экране возникли цифры.

— Сэр, там дьявольский бой прошел,— благоговейным шепотом доложил Редеру аналитик.— Я насчитываю по меньшей мере пятьдесят или даже сто крупных военных кораблей, которые уже были потеряны. А сколько легких, просто не сосчитать. Большинство крупных кораблей вражеские, но как минимум двадцать наши.

Все, кто был на капитанском мостике, потрясенно охнули при этом очевидном намеке на тот молекулярный туман, что плыл теперь в космическом вакууме:

Сколь много павших плывет
В космической сей пыли
Вдали от небес голубых
И зеленых холмов Земли...

Четверостишие на мгновение всплыло в голове у Редера — фрагмент элегии, старой как человеческие странствия за пределы Солнечной системы... или как привычка воевать, которая и выдвинула людей на этот великий рубеж.

— Дайте мне статус на неповрежденные единицы,— с неумолимым спокойствием произнес коммандер.

— Запуск,— приказал он, как только перечисление было закончено. «Вот уж действительно вовремя»,— подумал Питер.

«Непобедимый» задрожал, когда «спиды» стали стремительно проноситься по пусковым дорожкам. Экраны показывали, как подходят вражеские истребители — часть тылового охранения тех сил, что окружали флот Содружества и отбрасывали его назад к прыжковым точкам, ведущим во внутренние миры человечества. Авианосец и линейный крейсер повиан медленно тормозили, готовясь дать задний ход и вступить в бой с этой новой угрозой — пусть даже столь незначительной. Красные конусы их возможных траекторий становились все уже и короче, тогда как голубой конус «Непобедимого» оставался все таким же широким.

— Ох, и удивятся же они сейчас,— пробормотал Редер.

Прозвучала негромкая тревога, когда позади одинокого на первый взгляд авианосца стал появляться дружественный повианский флот.

А флот Содружества уже должен был получать первый намек на то, что на шахматной доске в данный момент появляется что-то новое. Вопреки страху и напряжению на губах у Редера играла кривая усмешка. Коммандер мог поставить всю свою предполагаемую пенсию на то, что кое-кто из его знакомых будет наблюдать за этими рапортами в первую очередь.

«Все паутины порваны,— думал генерал Кемаль Скарагоглу, наблюдая за столбиками цифр на экране и дивясь собственному бесстрастию.— Все инструменты выпали из моих рук. В самом конце уже ничего не работает».

На лице адмирала Греттирсона пролегли такие глубокие и жесткие морщины, как будто их лазером вырезали на гранитном побережье норвежского фьорда. Наконец адмирал перевел дыхание и заговорил.

— Во всей этой истории есть одна хорошая сторона,— сказал он.— Мокакский флот капитально выведен из строя. Они пошли прямо на нас, и мы их аннигилировали.

Скарагоглу кивнул. А затем взглянул на Адриенну Кларксон, представителя премьер-министра в Космическом Отряде. Пожилая дама выглядела немного потерянной на командной палубе «Шато-Лорье», но взгляд ее голубых глаз был тверд.

— Какова ситуация, адмирал? — четко спросила она.

— Госпожа министр, как я уже сказал, мы уничтожили мокакский флот. Я всегда знал, что мы сможем это сделать, если они дадут нам открытый бой. Мы также нанесли тяжелый урон их повианским союзникам. В целом наши люди сработали так, что урон оценивается как два к одному в нашу пользу.

— И тем не менее,— резко произнесла Кларксон.

— И тем не менее, повиане численно превосходят нас в отношении три к двум, а если считать тяжелые единицы, то даже больше. Мы превосходим их по числу авианосцев, но мы уже потеряли множество «спидов», и теперь счет пойдет на тяжелую артиллерию.

Длинные пальцы адмирала задвигались, и ало-зеленые узоры сетью разошлись по голодисплею.

— Все это уже становится боем на истощение, и не в последнюю очередь потому, что мы должны удерживать эту прыжковую точку. Пока наши силы убывают, разница боевых возможностей растет в геометрической прогрессии.

— Мы проиграли?

— Госпожа министр, если мы не отступим сейчас, мы будем силой отброшены от прыжковой точки менее чем через трое

суток боя — или даже за половину этого времени, если повиане пожелают оплатить такие военные расходы. Затем враги смогут провести свои подразделения внутрь, и у них по-прежнему будет достаточно сил, чтобы нас окружить. Мы не сможем долго держаться — у нас кончаются боеприпасы. Если что-то должно остаться для защиты Земли и Тау Кита, нам следует отступить и попытаться удержать прыжковую точку у выхода из Солнечной системы.

— А остальное Содружество? — спросила Кларксон.

— С тем, что у нас осталось, мы сможем удержать две центральные системы. По крайней мере, на несколько месяцев; урон мы им все-таки нанесли неплохой. Если же мы рассредоточим оставшиеся подразделения Космического Отряда, нам не удастся ничего защитить дольше, чем на неделю. Враг сосредоточит войска и станет уничтожать нас в одной системе за другой.

— Так вы сообщаете мне, что мы проиграли войну, адмирал?

— Мы проиграли этот бой, мэм. Я даю вам лучший совет, какой у меня есть, и это также совет моего штаба. Разумеется, ваша прерогатива, как представителя гражданской власти, принять его или отвергнуть. Мы готовы выполнять ваши приказы.— Тут плечи адмирала поникли.— Но я... я не хочу терять еще больше моих людей без веской на то причины.

Скарагоглу вознес краткую благодарственную молитву Богу своего дедушки за то, что на нем сейчас нет шкуры Кларксон или адмирала.

— Сэр! — сказал один из адъютантов штаба.— Сэр, у нас тут новые следы! Множество боевых единиц появляется из прыжкового пространства. Сигнатуры повианские...

Многотысячетонная громада «Непобедимого» содрогалась, пока он проходил сквозь облако ионизированного газа, который не так давно был вражеским повианским кораблем. Незримые поля разбрасывали обломки по сторонам, и форма этих полей была обтекаемой, нисколько не напоминая форму любого звездолета глубокого космоса; датчики видели непосредственное окружение «Непобедимого» как копье с тупым наконечником, что прорезало тонкий туман частиц кермета и стали, где также попадались углеродные атомы, прежде составлявшие тела разумных существ.

Звериный рык эхом разнесся по капитанскому мостику как отклик на это ощущение, ибо оно означало настоящую победу в том ее виде, который уже очень давно считался константой космического поединка.

— Прицел самонаводящейся,— сказал кто-то.

От такой новости волоски на спине у Редера встали дыбом, едва не приподнимая тяжелую от пота форму. Бой теперь сделался безумно ближним — вражеские суда бросались на передовую

часть союзного флота королев и в то же самое время пытались покончить с флотом Содружества.

А это означало, что тяжелые противокорабельные ракеты летели во все стороны как пули из ручного оружия. Один эсминец попытался протаранить «Непобедимый» — и лишь удачное попадание батареи ближнего боя в его силовую установку остановило врага. Антиводородная вспышка расцвела в опасной близости, и вторичная радиация стала просачиваться сквозь корпус авианосца, еще больше усиливая у членов его команды чувство предельной незащищенности.

— Слежение... слава Богу, один из наших «спидов» захватил цель... огневое решение...

Еще один шар ослепительно-белого цвета расцвел на фоне бархатно-черного космоса и равнодушных звезд.

— Очень хорошо,— услышал Редер собственный голос.— Запишите представление к награде премьер-министра за это попадание.

«Непобедимый» опять содрогнулся — и опыт позволил Редеру понять, что это был массированный запуск противоракет. «Теперь уже мало просто не подпускать их и клевать нашими «спидами»,— подумал коммандер.— Хотя, если следовать руководствам, авианосец в основном только этим и должен заниматься». Но здесь ситуация была особой. Подобного космического сражения за всю историю человечества еще не бывало. Невооруженным глазом можно было разглядеть в космосе с полдюжины судов, а взрывы боеголовок полыхали безостановочно, как будто на празднике фейерверков...

В голодисплее флагманского корабля Содружества выплыли колонки цифр и развернулись конусы возможных траекторий.

Лицо Греттирсона побелело.

— О Боже! — невольно выдохнул адмирал.

«Надо полагать, это его первое спонтанное высказывание со времен Академии»,— подумал Скарагоглу. Внутри у него все сжималось от страха. Проходил такой тяжелый лом, что он перевешивал присутствующий здесь вражеский флот в отношении два к одному. Таким образом, ставки Космического Отряда теперь можно было оценивать как пять к одному. Невыносимая ситуация вдруг сделалась абсолютно безнадежной.

И вдруг:

— Сэр! Мы получаем маяк опознавательной системы «друг-враг» с кодом Содружества!

«Интересно, теперь-то зачем повианам такая маскировка? — задумался Скарагоглу.— У них вполне достаточно грубой силы, чтобы в темпе закончить всю работу. Тем более, что это, похоже, их стиль».

— Какой-то фокус,— произнес Гретгирсон, силясь отвлечься от воплощенного отчаяния в голодисплее.

— Сэр, у меня есть сигнатуры моторов ведущего корабля... нестандартные... погодите, да ведь это...

В одном из секторов голодисплея вспыхнуло изображение — изящный корабль в форме гантели, абсолютно непохожий на механоорганические очертания повианских судов.

Ожил еще один сектор дисплея, и там появилось лицо — человеческое лицо. «Это же Редер»,— понял Скарагоглу и покрепче ухватился за поручень вокруг голодисплея. Негоже было в такой момент от слабости падать. Особый вычислительный центр в генеральской голове, который никогда не спал, в темпе прикинул, что прямо сейчас лучше будет надеть на лицо уверенную улыбку. Тогда пойдет слух — который никогда не будет ни подтвержден, ни опровергнут,— что он, Скарагоглу, невесть каким образом все время этого ожидал.

— ...дружественные силы! Повторяю, идущие за мной повианские суда — дружественные силы! Согласуйтесь с нашими движениями, и мы сможем взять врага в клещи...

— Сэр! — снова заговорил спец по датчикам, чей датский акцент резко усилился от волнения.— Сэр! Новые повиане открывают огонь по старым... корабль уничтожен, сэр! Класс линкоров... авианосцы... они выпускают «спиды»... залп противокорабельными ракетами...

С лица Гретгирсона мигом смыло всю озадаченность.

— Сообщение всему флоту,— рявкнул он, каждым своим дюймом напоминая железного человека из легенды.— Генеральное наступление! Готовность к преследованию! И предельная осторожность, чтобы избежать любых — повторяю: любых — враждебных действий в отношении наших новых...— адмирал сделал секундную паузу,— друзей,— закончил он.

Скарагоглу почувствовал, как его лицо порывается расплыться в широченной ухмылке. Усилием воли он переработал ее в загадочную улыбку.

— Госпожа министр,— обратился он к Кларксон, вставая из кресла и беря ее под локоть.— Давайте позволим специалистам проделать свою работу. К счастью, один из планов моего отдела успешно сработал. И в этой связи я бы хотел получить ваше дозволение — разумеется, с одобрения премьер-министра — на...

Десантный генерал Кемаль Скарагоглу глотнул немного кофе и с закрытыми глазами продолжил слушать, как остальные старшие офицеры чешут пятки и делят пирог. В принципе со всеми их высказываниями он соглашался. Разумеется, сам он что-то сделал бы по-другому, каких-то подчиненных еще помариновал, прежде чем повысить. Однако за свою долгую карьеру Скарагоглу

уже столько раз пускал в ход свое влияние, что у него элементарно не хватало духу критиковать тех, кто прямо сейчас это делал.

Сказать по правде, в данный момент Скарагоглу был просто благодарен судьбе за то, что он здесь находится. Генерал открыл глаза и огляделся комфортабельное помещение. «А ведь чуть было не вышли кранты,— подумал он.— Самую чуточку не хватило». Все человечество находилось в одном шаге от полного истребления.

Разумеется, остатки человеческой цивилизации продолжали бы отчаянно сражаться за свою жизнь — так что в итоге могло бы выйти новое начало. Однако генерал чувствовал, что повиане были превосходными охотниками и целеустремленными убийцами. Они бы не остановились, пока изничтожили бы всех до единого.

Тут Скарагоглу позволил себе улыбочку. Только повиане могли остановить повиан. Особенно когда у Содружества почти кончалось горючее.

— По какому это поводу вы так улыбаетесь, генерал? — осведомился генерал Греттирсон.

Скарагоглу взглянул на мрачную физиономию адмирала Космического Отряда.

— Да так, ни по какому,— ответил он, пренебрежительно махая рукой. А затем вдруг сел прямо и развернулся к адмиралу.— Хотя нет. Беру свои слова обратно. Я улыбался от удовлетворения. Я рад тому, как все повернулось.— Генерал обвел рукой помещение.— Вот мы опять здесь — продолжаем работать на Содружество, строить планы, связывать концы с концами. А меньше недели тому назад,— он слегка треснул по столу кулаком,— я всерьез думал, что все кончено. И вот, пожалуйста.

Остальные старшие офицеры ухмыльнулись ему в ответ. Настало время быть счастливыми, праздновать победу — короче, одно из тех исключительно редких времен, когда поздравление самого себя могло считаться вполне приемлемым.

— За личный состав Космического Отряда! — провозгласил Скарагоглу, поднимая чашку.

— За Космический Отряд! — откликнулись офицеры, поднимая свои.

Греттирсон тоже поднял чашку, отхлебнул немного кофе и поставил ее на место. Все это время на физиономии у адмирала сохранялось такое выражение, будто его живьем пожирают муравьи. Внезапно он уперся в Скарагоглу пристальными голубыми глазами.

— Вы счастливы тому, что этот ваш щенок притащил домой чертовски мясистую кость,— проскрежетал Греттирсон.— Вся эта ситуация очень вам на пользу пошла, не так ли, Скарагоглу? — Презрительным жестом он оттолкнул в сторону и чашку, и блюдце.

Десантный генерал ответил ему откровенно самодовольной улыбкой. Он знал, что от этой улыбки Греттирсон может совсем взбеситься, но чувствовал, что вправе немного себя побаловать. Затем Скарагоглу позволил своим губам расползтись еще шире и едва заметно кивнул.

«Ага,— подумал он,— это мне очень на пользу пошло. И вышло так потому, что я мордой к уставу Космического Отряда не приклеивался. И кое-что вокруг себя замечал».

— Я уже обратил внимание,— с мрачной угрозой произнес адмирал,— что единственная персона, которую за этим столом не обсуждают, как раз та, которой предполагается наш список возглавить. Почему так выходит?

— Вы, простите, о ком? — осведомился Скарагоглу, и его широко распахнутые глаза засветились детской невинностью.

Остальные офицеры слегка заерзали. Кто-то стал переглядываться через стол, другие внимательно наблюдали за двумя антагонистами.

— О Редере.— Фамилию коммандера Греттирсон произнес так, словно она была достаточно острой, чтобы порезать ему губы.— Мне казалось, он ваш протеже.

— Прошу прощения, адмирал, но мой протеже — капитан Сьярхир. Если у меня вообще таковой имеется. Коммандер Редер — одно из моих орудий. Которых у меня много.

Теперь уже генерал перешел в режим ожидания, как бы создавая вокруг себя манящую пустоту и пытаясь вызвать своего противника на откровенность. Однако адмирал мог быть тяжелым человеком, но он при этом был весьма изворотлив и знал, как добиваться желаемого. Знал это, разумеется, и Скарагоглу.

— Что ж, учитывая влияние вашего орудия на текущие события, я удивлен, что имя этого человека так до сих и не всплыло,— прорычал Греттирсон.

— Ну вот, адмирал, его имя и всплыло. Что вы хотели насчет него сказать?

Какое-то время Греттирсон просто сочился злобой. Теперь до него дошло, что генерал только того и дожидался, пока кто-нибудь вытащит на поверхность этот предмет. Если бы он не заговорил, вопрос о коммандере, вполне вероятно, как-то по-тихому, под столом, был улажен самим Скарагоглу. Теперь же Греттирсон выставил себя человеком неблагодарным и, возможно, даже неуравновешенным. И все же так просто это дело он оставить не мог.

— Я хотел сказать, что считаю его человеком без тормозов, а следовательно, потенциально опасным.

Неспешно подаваясь вперед и складывая руки на столе, Скарагоглу подметил, что никто из остальных офицеров, похоже, не торопился вставать на чью-либо сторону.

— Ну-у,— медленно протянул генерал,— просто он еще молод и полон новаторских идей...

— Новаторских идей! Не имея подготовки в ни в одном из аспектов дипломатии, этот человек взялся представлять Содружество перед целым сообществом чужаков. Есть специальные правила поведения в ситуации первого контакта, а коммандер сам признался, что даже представления о них не имел! — Греттирсон откинулся на спинку кресла, упираясь взглядом в темные глаза Скарагоглу.— Даже представления не имел,— повторил он.— Это просто счастливая случайность, что он не испортил отношений с этими новыми повианами.

— Прошу прощения, адмирал,— вмешалась вице-адмирал Пола Андерсон,— но коммандер не только не испортил с ними отношений, но повел повиан в бой в качестве союзников. Уговорил их вступить в войну с представителями их собственного вида. Могу добавить, в войну, которой они с легкостью могли избежать. Едва ли мы можем игнорировать этот вклад только потому, что коммандер не знал правил первого контакта. Если мы сейчас устроим в Космическом Отряде экзамен по этим правилам, не сомневаюсь, что все офицеры дружно его завалят.— Она рассудительно развела руками.— В конце концов, кто из нас всерьез ожидает найти новый разумный вид?

— Только не я,— поддержал ее контр-адмирал Бертуччи.

Остальные офицеры хранили молчание. Они наблюдали за Греттирсоном и Скарагоглу, ожидая очередного хода. Молчание затягивалось.

— Итак,— произнес наконец Скарагоглу, пожимая могучими плечами,— вы подняли этот вопрос, адмирал. Что вы об этом думаете?

Греттирсон опустил взгляд и принялся сжимать и разжимать кулаки. Он понял, что его обошли в маневре, и это ему чертовски не понравилось. Но адмирал люто ненавидел Питера Эрнста Редера, чувствовал, что тот в свое время его унизил, и знал, что никогда его не простит. И еще он понимал, что если он сейчас не заговорит, будет в высшей степени вероятно, что они вручат этому негодяю ключи от королевства, а тогда попробуй его возьми.

— Ситуация непростая,— в конце концов прохрипел Греттирсон.— Судя по всему, этот Редер, исключительно благодаря удаче, спас Содружество. Очевидно, общественность будет ожидать, что его каким-то образом наградят.— Рот его так работал, точно он желуди разжевывал.— Но из его личного дела мы знаем, что этот коммандер даже собственной команды не заслуживает.

Офицеры неловко заерзали. Упоминание адмирала об общественности заставило всех занервничать. Действительно, общественность видела в коммандере самого настоящего героя и ожидала, что в том же самом свете его увидит Космический Отряд.

— Вы предлагаете дать ему почетный знак в память о героических свершениях? — хмуря брови, спросила Андерсон.— Какую-нибудь медаль?

Адмирал так молниеносно выстрелил в нее ядовитым взором, что почти никто этого не заметил.

— Я предлагаю что-то, что почтит в равной мере весь Космический Отряд,— парировал Греттирсон.— Безусловно, ситуация была слишком грандиозной, чтобы отмечать кого-то одного. Выбирая одного, мы тем самым игнорируем вклад всех остальных отважных мужчин и женщин, которые сражались на этой войне.— Пальцы адмирала при этом корчились, как черви.

— Иными словами, вы говорите о том, что мы должны проигнорировать экстраординарные действия коммандера Редера? — спросил Бертуччи.

— Война закончена,— твердо сказал Греттирсон.— Общественность уже не нуждается в герое. Зато людям совершенно необходимо почувствовать, что все их сыновья и дочери были героями. Что их живые и мертвые дети в равной мере несут ответственность за спасение Содружества. Таким образом, все жертвы обретут смысл. Если бы война продолжалась, тогда коммандер мог бы стать для общественности чем-то вроде символа. Но если теперь как-то исключительно его наградить, то может показаться, что все остальные были недостойны. Кроме того, как я уже сказал, офицер он паршивый. Он скорее годится для Топографической Службы, чем для Космического Отряда.

Скарагоглу задумчиво кивнул.

— Возможно, коммандеру требуется еще некоторая закалка,— согласился он.— Не захочет ли совет передать это дело в мои руки?

Глаза Греттирсона вспыхнули, но он промолчал. Именно такого исхода ему больше всего хотелось избежать, а теперь он сам его себе обеспечил. Хуже того, ему предстояло увидеть, как совет это санкционирует. Адмирал просто поверить не мог, что его так капитально обставили.

Андерсон какое-то время, сузив глаза, внимательно изучала генерала. А затем вздохнула. Редер уже связал свою судьбу с Пауком. По крайней мере, у него будет интересная жизнь — пусть даже совсем не обязательно долгая.

И Андерсон кивнула.

— Если вы сможете удовлетворить сразу и общественность, и коммандера Редера,— осторожно сказала она.

— Думаю, я смогу,— отозвался Скарагоглу.— Уверен, что смогу.

Питер сидел в приемной у десантного генерала Скарагоглу, отчаянно желая себя чем-то занять. Пожалуй, ему следовало захватить с собой несколько дискет с рапортами, которые он должен был прочесть и подписать. Еще ему необходимо было

провернуть массу всякой бухгалтерии в отношении ресурсов, которые они зацапали для «Непобедимого», не говоря уж о тех «спидах», которые он угнал.

Не то чтобы кто-то уже от коммандера это потребовал, но он знал, что это просто вопрос времени. Прямо сейчас его акции котировались очень высоко, так что никто не хотел задавать неприятных вопросов. И тем не менее. Как только у адмирала Смоллвуда найдется время оглянуться на последние несколько месяцев, или его настигнет какая-то канцелярская работа, или какой-нибудь гад ему настучит... Питер сдержал тяжкий вздох. «Что ж,— подумал он,— любишь с горки кататься — люби и саночки возить».

Прямо сейчас Редер чувствовал себя жутко потерянным и одиноким. Прошла уже целая неделя с тех пор, как он последний раз видел Сару, и у него не было никакой возможности с ней связаться. Оба вкалывали от зари до зари, помогая расчищать тот беспорядок, который оставили последние дни войны. Питер отправлял ей сообщения, но в ответ ничего не получил. «Может, я ее отпугнул?» — удрученно подумал он.

Коммандер повидался с некоторыми из королев, и они проявили в общении с ним необыкновенное благородство и дружелюбие. Судя по всему, они искренне наслаждались знакомством с человеческим родом. «Или просто проявляли свою поразительную тактичность»,— подумал Питер. Оставалось только надеяться, что человечество сумеет сподобиться на такую же широту взглядов. Или, по крайней мере, на такое же хорошее воспитание.

В особенности королевы вылупляли солидные наборы своих глазных яблок на целый ряд танцевальных концертов, который Содружество для них организовало. Они уже пригласили исполнителей навестить их клановые дома, как только появится такая возможность.

Редер искоса взглянул на часы. Прошло уже больше двух часов с тех пор, как он прибыл, и битый час сорок пять минут со времени назначенного ему приема. Кроме того, это был первый раз, когда коммандеру приходилось дожидаться Скарагоглу. Это как пить дать что-то означало. Быть может, генерал был недоволен?

«Ничего-ничего,— подумал Питер, глядя на запертую дверь.— Может, я и наступил на несколько мозолей, но все по делу. Тогда, может статься, человечество не вполне готово к дружественным повианам? К враждебным мы точно не были готовы. А по-моему, друзей надо привечать, когда ты их находишь».

Коммандер принялся постукивать ногой по полу, зарабатывая себе не слишком дружелюбный взгляд секретаря, который вернулся к своей машинописи, получив в ответ гневный взор Редера.

Тут дверь приемной раскрылась, и туда вошла Сара.

— Сара! — воскликнул Питер, вскакивая на ноги.

Секунду он стоял, широко ей улыбаясь, а затем, когда она ничего не сказала, а лишь улыбнулась в ответ, жестом указал на неудобный диван. Сара села, Питер тоже сел, и они стали смотреть друг на друга. Затем коммандер взглянул на секретаря, который словно бы вообще ничего не заметил.

— Это капитан-лейтенант Сара Джеймс,— сказал Редер.

Секретарь поднял взгляд.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался он. И снова взялся за свою машинопись.

Повернувшись к Саре, Питер пожал плечами.

— Как ты? — спросил он.— По-моему, века прошли с тех пор, как я последний раз тебя видел.

— И впрямь века,— согласилась Сара.— Я была в дальней командировке. Меня послали кое-какие «психи» домой от Шкетта пригнать.

— Почему тебя? — хмурясь, спросил Питер.

— А почему не меня? — отозвалась она.— Думаю, в дальнейшем нам следует ожидать множество подобных странных заданий. Пройдет долгое время, прежде чем все устаканится, и люди поймут, что именно происходит.

Редер кивнул и отвернулся. Смотреть на Сару прямо сейчас ему было слишком напряженно.

— Надо полагать, вооруженные силы резко сократят,— вскоре сказал он, по-прежнему глядя в никуда.

— Я бы ничуть не удивилась,— кивнула Сара.

Мгновение спустя коммандер почувствовал, как она берет его за руку. Он быстро взглянул на Сару, и она улыбнулась. «Да»,— сказали ее губы. Питер всем телом к ней развернулся.

«Да?» — безмолвно переспросил он. Сара кивнула. Питер кивнул. Они смотрели друг другу в глаза, пока в голове у Питера взрывались фейерверки.

«Она сказала да! Она сказала да!» Счастливая мысль с шумом стукалась о его черепную коробку. А затем Питер подумал: «А что, если она про что-то другое? Может, я это «да» неверно истолковал?»

Тогда он ткнул себя в грудь указательным пальцем и вопросительно на нее посмотрел. Сара закатила глаза и уверенно кивнула, после чего в уголках ее глаз от беззвучного смеха появились легкие морщинки. Питер ухмыльнулся как последний дурак и обеими руками схватил Сарину ладонь.

Затем коммандер кое-что припомнил и принялся хлопать себя по карманам. Найдя наконец то, что искал, Питер достал небольшую коробочку и вручил ее Саре. Та с довольным видом ее приняла. Открыв коробочку, Сара обнаружила там тонкое золотое колечко с миниатюрным камушком. Глаза ее вспыхнули от удивления.

— В такие краткие сроки я ничего лучше не раздобыл,— объяснил он.— Их уже почти распродали.

Сара хихикнула.

— Интересно, к чему бы это? — Затем она протянула ему коробочку.— Полагается, чтобы ты мне его надел.

— Ах, да.— Питер взял коробочку и вытащил кольцо из бархатной подушечки. Затем, глядя Саре в глаза, стал надевать его на безымянный палец ее левой руки. Кольцо дошло только до сустава.— Вот черт! — разочарованно выдохнул Питер.

Сара вытянула руку, разглядывая кольцо.

— Оно слишком узкое,— прокомментировала она.

— Ты такая стройная,— сконфуженно пробормотал Питер.— Я думал, твои ладони...

— Это ты к тому, что у меня жирные пальцы? — осведомилась Сара.

— Нет! Они не жирные. Но они такие длинные и красивые, что они показались мне совсем тоненькими.

Сара улыбнулась и вздохнула.

— Никогда не слышала, чтобы кто-то так чудесно зубы заговаривал,— с любовью сказала она.

Питер рассмеялся.

— Лучше слишком узкое, чем слишком широкое,— заметил он.

— Верно подмечено,— согласилась Сара, опять понимая руку, чтобы с восторженным видом взглянуть на кольцо.

Кольцо было на редкость уродливое.

— Мы можем получше раздобыть,— сказал Питер.

— Гм... нет. Я сохраню это,— с сияющими глазами отозвалась Сара.— У него уже есть своя история.

— Сэр, мэм, вы можете заходить,— объявил секретарь.

Питер с Сарой переглянулись, почти удивляясь тому, что находятся в генеральской приемной.

— По-моему, я именно тебя ждал,— прошептал Редер.

Он сжал Саре ладонь, а затем они встали и прошли в кабинет Паука.

Скарагоглу, естественно, наблюдал за радостной сценой в приемной. Однако предложить счастливой паре свои поздравления значило бы разоблачить один из своих секретов. А любое свое преимущество Скарагоглу никогда так просто не отдавал.

Генерал ответил на их четкие салюты и жестом указал на стулья перед столом. Затем он подался вперед и сложил руки перед собой.

— Мои поздравления вам обоим со славно проделанной работой, коммандер, капитан-лейтенант. Содружество задолжало вам и всей команде «Непобедимого» великую благодарность.

Редер и Сара переглянулись, затем посмотрели на генерала.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Редер.

Сара кивнула. Они оба не спускали глаз с генерала.

Скарагоглу немного выждал, затем откинулся на спинку кресла, принимая усталый и разочарованный вид.

— К несчастью... благодарность порой может оказаться...— Он щелкнул пальцами, словно бы подыскивая нужное слово.— Весьма затруднительной.— Скарагоглу обратил на Редера мягкие темные глаза, якобы полные сочувствия.— Официальная позиция командования такова, что ни один солдат не может возвыситься над другим в итоге этой войны. Таким образом, должно считаться, что все служили одинаково достойно и все в равной мере ответственны за ту славную победу, которую мы теперь вкушаем.

Редер и Сара опять переглянулись.

— Ладно,— медленно произнес коммандер.— Звучит неплохо.— «Если меня ни в чем таком не обвинят и не отправят под трибунал,— подумал он,— можно будет считать, что я выиграл. Разочарован? Я? Ни Боже мой!»

Сара выглядела не слишком обрадованной, но спросила лишь:

— Что будет дальше, сэр?

— Рад, что вы об этом спросили, капитан-лейтенант,— с довольным видом отозвался Скарагоглу и подался вперед, подтягивая кресло к столу.— Думаю, вы уже размышляли по поводу дальнейшей судьбы вооруженных сил,— сказал он.

Они кивнули.

— Полагаю, в ближайшие пару лет нас будут резко сокращать,— сообщил им генерал.— Боюсь, что с такими неприятными пометками, какие есть в вашем личном деле,— сказал он, кивая Редеру,— в вашей просьбе о поступлении на сверхсрочную службу вам будет наотрез отказано.

— Вряд ли это справедливо,— отважно заметила Сара.

— А в вашем личном деле, капитан-лейтенант, есть неудачная стоянка в лагере «Стикс»,— сказал Скарагоглу.

Сара какое-то время сидела с открытым ртом.

— Но это... это же...

Генерал грустно покачал головой.

— Да, это несправедливо. Вы оба так много сделали, внесли столь феноменальный вклад в нашу победу в этой войне.— Он беспомощно развел руками.— Однако командование было непреклонно.

Редер сидел как громом пораженный. Он буквально онемел, не мог ни на что реагировать. «Как же меня приземлили! — в отчаянии думал он.— Все кончено — я больше никогда не полечу». Теперь ему оставалась лишь какая-то скучная работа где-нибудь на планете. Питер попытался представить себя торговцем и подавил жуткое содрогание.

— А что, командование было в особенности по поводу нас так непреклонно? — сузив глаза, поинтересовалась Сара.

Редер вскинул голову.

— Это интересно, сэр. Что именно командование имело для нас в виду, раз оно было так непреклонно? — Как ни старался Питер это скрыть, он буквально излучал надежду.

Генерал усмехнулся.

— Знаете, сынок, это как раз одна из тех вещей, которая при нашем первом знакомстве мне больше всего в вас понравилась. Вы всегда продолжаете искать причины для оптимизма.— Откинувшись на спинку кресла, Скарагоглу сложил руки на животе. На его смуглом лице застыло предельно самодовольное выражение.— И так получается, что такую причину я вам дать могу.

Питер и Сара быстро переглянулись.

— Космический Отряд будет сокращаться. Этого никак не избежать. Прежде всего, Содружество уже не нуждается в таком большом флоте, поскольку воевать остается только с пиратами и контрабандистами.— Тут он скорчил недовольную гримасу.— Лично я сделал бы его еще больше, чем он был, но никто, облеченный соответствующей властью, моего мнения не спрашивает.

Питер сильно в этом сомневался. «Лучше бы ты скорее до сути добрался,— подумал он.— А то эта тягомотина меня убивает».

— Но когда одна дверь закрывается, другая открывается.

«Теперь Паук меня афоризмами кормит,— подумал Питер.— Он явно вознамерился меня до приступа довести». И коммандер постарался выразить на лице то бесконечное терпение, которым он абсолютно не располагал.

— Я не могу принести вам достаточных извинений,— сказал Скарагоглу, подаваясь вперед и выражая на лице искреннее смущение,— за тот безобразный метод, посредством которого с вами здесь обошлись, коммандер. Лучшее, что я смог сделать, это организовать для вас по большому блату перевод. Для вас и вашей команды, если она вам понадобится...— Генерал облизнул губы. Вид у него был такой, словно он собирался предложить нечто совершенно оскорбительное и никак не мог заставить себя заговорить.

«Ну давай же! — ободряюще подумал Питер.— Давай!»

— Сэр? — вслух произнес он.

Скарагоглу заглянул Питеру в глаза.

— Я предлагаю вам возглавить расширенный исследовательский отряд в рамках Топографической Службы. Впрочем, с полной самостоятельностью...— Генерал покачал головой.— Безусловно, вы заслуживаете лучшего,— добавил он.

«Не бросай меня в терновый куст, Братец Лис! Пожалуйста!» — мысленно возопил Редер. Невесть как ему удалось удержаться от того, чтобы вскочить из кресла и заорать: «Ур-ра!» Вместо этого коммандер сдержанно кивнул. А затем с серьезным видом повернулся к Саре.

— Что вы по этому поводу думаете, капитан-лейтенант? — спросил он.

Глаза Сары сияли, и со своей радостью она справлялась куда менее успешно, чем Питер.

— Каковы будут условия нашего контракта, сэр? — все же сумела спросить капитан-лейтенант.

— Обычное пятилетнее задание,— ответил Скарагоглу.— Со стандартной изыскательской оплатой.

— Мне понадобится новый корабль,— сказал Редер.— Или, по крайней мере, одобрение того судна, которое мне предложат.

— Поскольку вы станете первым, это проблемы не составит,— отозвался генерал.

— Как насчет ресурсов и горючего? — спросил Редер.— Их будет обеспечивать Содружество?

Традиционно корабли обеспечивались Содружеством, а ресурсы и горючее — капитаном и командой в кооперативном товариществе. Так было потому, что исследовательские суда со временем, как правило, становились семейными предприятиями, и Содружество не испытывало особого желания вмешиваться в подобные личные ситуации. Таким образом обеспечивалась стабильность команд и успешный возврат инвестиций. Существовал даже вариант, позволявший капитану выкупить корабль у Топографической Службы и работать самому по себе.

— Хорошо,— согласился Скарагоглу.— Не обещаю, что это будет пожизненным условием. Однако могу гарантировать, что по меньшей мере на два первых задания корабль, ресурсы и горючее обеспечит Содружество. А вы постарайтесь не подкачать.

Питер и Сара переглянулись.

— В отношении моей команды, сэр,— сказал Редер.— У меня есть просьба.

— Слушаю,— отозвался Скарагоглу.

— Старшина Патрик Кейси, сэр. Он механик, новоирландец. Не сможете ли вы организовать для него офицерское звание, генерал? Он в высшей степени его заслуживает. И, честно говоря, он мне позарез нужен. А без офицерского званию, боюсь, мне его к себе не заполучить.

— Коммандер, вы что, меня не слушали? Космический Отряд будет сокращаться, и там очень долго не собираются раздавать никаких офицерских званий.— Неудовольствие Скарагоглу было очевидно.

— Но он будет немедленно переведен в Топографическую Службу, сэр. Он предельно квалифицированный работник и в равной мере достойный. На самом деле Космическому Отряду это не будет ровным счетом ничего стоить, кроме небольшой бумажной работы. Отказывать такому человеку в продвижении по службе после его ценнейшего вклада в столь важную миссию, особенно когда он при этом переходит в другой вид вооруженных сил...— Питер покачал головой.— Это будет не очень хорошо выглядеть, сэр.

Генерал помрачнел и ненадолго отвернулся.

— Насколько это важно для вас, Редер? — спросил он затем, бросая на коммандера пронзительный взор.

— Так важно, что ради этого я об стенку расшибусь, сэр.— «На самом деле вряд ли об стенку,— подумал Питер.— Тут я, пожалуй, блефую». Он взглянул на Сару. Та сидела, спокойно глядя на генерала. Внутренне коммандер улыбнулся. «С Сариной поддержкой я, может статься, до чего угодно дойду»,— подумал он.

— Начальству это не понравится,— предупредил генерал. Затем он вздохнул.— Впрочем, пару-другую услуг я вам все-таки задолжал. Я смогу это дело обтяпать. Но это моя последняя услуга.

— Когда пройдет его продвижение, сэр? — спросила Сара.

Скарагоглу сжал губы.

— Думаю, через час,— ответил он, и в глазах его мелькнула лукавая искорка.

— Тогда благодарю вас, сэр,— сказал Питер, вставая.— Я с удовольствием приму это предложение.

— И я тоже,— присоединилась к нему Сара.

— Тогда я подготовлю ваши приказы по переводе,— сказал генерал.— Дайте мне знать, кого вы еще возьмете с собой. Постарайтесь слишком много наших лучших людей не захапать.

И Скарагоглу протянул им руку.

Широко улыбаясь, Редер крепко ее пожал. Затем генеральскую руку пожала Сара.

— Мы собираемся пожениться, сэр,— сказал Редер.— Не желаете ли побывать на нашей свадьбе?

Впервые за многие годы искренне удивленный и обрадованный, Скарагоглу сердечно их поздравил и сказал, что очень рад будет прийти.

— Детали мы согласуем, сэр,— сказал ему Питер.

Они с Сарой закрыли дверь в генеральский кабинет, после чего, смеясь как дети и не обращая ни малейшего внимания на порядком позабавленного этим секретаря, бросились друг другу в объятия. Затем, взявшись за руки, они побежали сообщить Падди и Синтии хорошие новости.

Падди спешил по коридору, проявляя от волнения необычную для него неловкость. Казалась, он теперь состоит из одних локтей и коленей — совсем как пятнадцатилетний пацан. Если, понятное дело, можно представить себе пятнадцатилетнего пацана с добрым центнером мышц и костей, мозолями в дюйм толщиной на костяшках пальцев, а также носом, который вся микрохирургия Содружества так и не смогла бы до конца выпрямить. Широченная чемпионская ухмылка на физиономии новоирландца еще больше усиливала эффект.

После того, как Падди заприметил, что второй лейтенант Синтия Роббинс как раз выбирается из «спида», эта ухмылка расширилась до такой степени, что стала напоминать болезненный спазм.

— Лейтенант! — заговорщически прошипел он, причем с такой громкостью, что все головы на полетной палубе мгновенно повернулись к ним.

Падди помахал всем огромной лапищей, и люди вернулись к своей работе, косясь, однако, одним глазом на громадного рыжеволосого механика.

Синтия поставила ногу на палубу и повернулась посмотреть на новоирландца, вопросительно поднимая бровь.

— Лейтенант,— произнес Падди, беря ее под локоть и оттаскивая в сторонку.— Прошу прощения,— прошептал он затем, с радостью видя, как Синтия, сохраняя на лице деловитость, отчаянно краснеет.— Сегодня самый счастливый день! Во всей вселенной! Это точно!

— Вы о чем? — прошептала Синтия, аккуратно пытаясь высвободить свою руку из его хватки.

Падди с нежным пожатием ее отпустил.

— Возьмите вот это,— сказал он, вручая Синтии ридер.— И вот это,— добавил он, вручая ей дискету.

Новоирландец стоял, уперев руки в бока, дико ухмыляясь и наблюдая, как лейтенант нервно вставляет дискету в ридер. Хмуря брови, Синтия принялась читать, и Падди сложил руки на груди. Затем он потер лицо, снова сложил руки на груди, затем упер их в бока и так далее. Наконец Синтия подняла на него взгляд, и на лице у нее, точно восходящее солнце, медленно засияла улыбка.

— Ох, Падди, поздравляю,— прошептала она.

Синтия протянула к нему руки и коснулась груди новоирландца как раз над сердцем, а тот, с гордостью и надеждой улыбаясь, накрыл обе ее ладони одной своей. Затем его улыбка медленно испарилась.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, правда? — тихо спросил Падди.

Редкая озорная искорка мелькнула в темных глазах Синтии.

— А что? — с невинным видом спросила она.

Здоровенный новоирландец опустился на одно колено, после чего рот и глаза Синтии одновременно распахнулись. Она потянула его за руку, силясь поднять, но с таким же успехом она могла пытаться поднять «спид».

— Выйдешь за меня замуж? — спросил Падди.

— Встань! — прошипела Синтия.

— Прошу тебя, девочка,— настаивал новоирландец.

— Падди! Люди же смотрят!

— И пусть смотрят! — Падди только рукой махнул.— Мне они как свидетели нужны. Теперь, когда я стану офицером, между

нами уже ничто не будет стоять. И я еще раз спрашиваю тебя, любимая. Выйдешь ты за меня замуж?

Синтия бросила отчаянные попытки поднять громадного механика и посмотрела ему в глаза. Секунду спустя она перевела дух и с нежной любовью ему улыбнулась.

— Конечно, выйду,— просто сказала Синтия.

Падди вскочил на ноги, схватил ее в медвежьи объятия и оторвал от пола. Синтия смеялась, а вся главная палуба оглашалась радостными возгласами.

Сара с Питером рука об руку туда вбежали, когда праздник все еще продолжался. Питер взглянул на Сару и удивленно покачал головой.

— Похоже, Паук уже все обтяпал,— заметил он.

— И куда быстрей, чем за час,— добавила Сара.

— Можно подумать, он почти всякий раз мои просьбы предвосхищает,— сухо произнес Редер.

— Почти.— Сара ему подмигнула.

И радостными улыбками они поспешили поведать своим друзьям хорошие новости.

Капитан Сьярхир вошел в кабинет генерала и вопросительно поднял бровь.

— Вот бедняга этот Редер,— с ухмылкой сказал ему Скарагоглу.— Ему и впрямь кажется, будто он меня на это подбил.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСХОЖДЕНИЕ 5

КАПЕР 263

НЕЗАВИСИМЫЙ ОТРЯД 479

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дуэн Джеймс, Стирлинг С.М.

БОРТИНЖЕНЕР
Восхождение
Капер
Независимый отряд

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Кузнецова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП
«Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

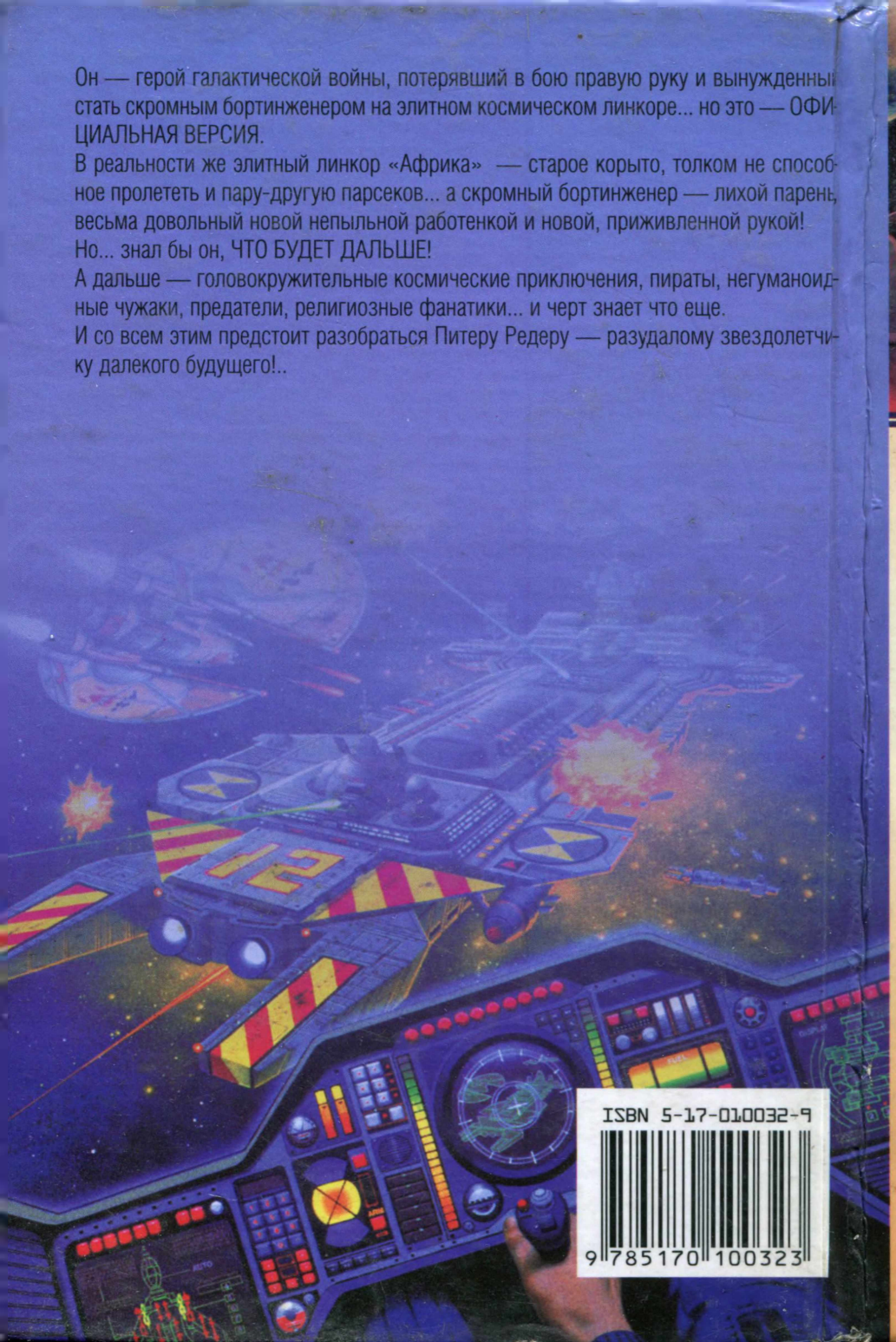
Он — герой галактической войны, потерявший в бою правую руку и вынужденный стать скромным бортинженером на элитном космическом линкоре... но это — ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ.

В реальности же элитный линкор «Африка» — старое корыто, толком не способное пролететь и пару-другую парсеков... а скромный бортинженер — лихой парень, весьма довольный новой непыльной работенкой и новой, приживленной рукой!

Но... знал бы он, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ!

А дальше — головокружительные космические приключения, пираты, негуманоидные чужаки, предатели, религиозные фанатики... и черт знает что еще.

И со всем этим предстоит разобраться Питеру Редеру — разудалому звездолетчику далекого будущего!..



ДЖЕЙМС ДУЭН
С.М. СТИРЛИНГ

БОРТИНЖЕНЕР

ISBN 5-17-010032-9

9 785170 100323